АДАМЪ ОЛЕАРІЙ

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ МОСКОВІЮ

И

ЧЕРЕЗЪ МОСКОВІЮ ВЪ ПЕРСІЮ

И ОБРАТНО

ВВЕДЕНІЕ, ПЕРЕВОДЪ, ПРИМѢЧАНІЯ И УКАЗАТЕЛЬ

А. М. ЛОВЯГИНА

СЪ 19 РИСУНКАМИ НА ОСОБЫХЪ ЛИСТАХЪ И 66 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1906

АДАМЪ ОЛЕАРІЙ

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ МОСКОВІЮ

и

ЧЕРЕЗЪ МОСКОВІЮ ВЪ ПЕРСІЮ

И ОБРАТНО

ВВЕДЕНІЕ, ПЕРЕВОДЪ, ПРИМѢЧАНІЯ И УКАЗАТЕЛЬ

А. М. ЛОВЯГИНА

СЪ 19 РИСУНКАМИ НА ОСОБЫХЪ ЛИСТАХЪ И 66 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1906

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Наше изданіе Олеарія преслѣдуетъ тѣ же цѣли, какъ изданные нами ранѣе „Альбомъ Мейерберга“ (1903), сочиненіе Флетчера „О государствѣ русскомъ“ (1905) и предпринятое и заканчиваемое нынѣ изданіе „Дневника“ Корба. На этотъ разъ мы даемъ не только новый переводъ текста, но и первое точное воспроизведеніе рисунковъ, цѣнныхъ потому, что они чертились при участіи самого автора книги. Текстъ книги напечатанъ въ рамкахъ и съ замѣтками на поляхъ, какъ печатался и текстъ подлинника съ 1647 по 1671 г. Рисунковъ въ нашемъ изданіи нѣсколько больше, чѣмъ при соотвѣтствующихъ частяхъ подлинника, такъ какъ соединены рисунки изданій 1647 г. и 1656-71 г. Не только изъ-за рисунковъ, но и изъ-за текста, книга умнаго и наблюдательнаго иностранца будетъ, какъ мы надѣемся, сочувственно встрѣчена всѣми любителями родной старины, несмотря на то, что авторъ иногда и слишкомъ рѣзокъ и несправедливъ къ нашимъ предкамъ. Переводчикъ, конечно, помня долгъ историка, не смягчалъ рѣзкостей подлинника. Вмѣсто крайне неполнаго и безсистемнаго указателя къ подлинному изданію въ концѣ книги данъ новый, тщательно составленный указатель именъ собственныхъ.

НОВОЕ ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ НА ВОСТОКЪ

МАГИСТРА АДАМА ОЛЕАРІЯ

Reise
M. ADAMI OLEARI

ВВЕДЕНІЕ.

I. Особенности настоящаго изданія.—II. Задачи голштинскаго посольства.—III. Свѣдѣнія объ Олеаріи и трудѣ его.

I.

Изъ всѣхъ иностранныхъ изданій XVII вѣка, посвященныхъ Россіи, сочиненіе Олеарія — самое знаменитое, самое распространенное и самое богатое по содержанію. Въ многочисленныхъ изданіяхъ, переведенныхъ на разные языки, оно вплоть до XVIII вѣка считалось однимъ изъ основательнѣйшихъ трудовъ о Россіи. Отличали этотъ трудъ не одни лишь освѣдомленность, наблюдательность и въ то же время выдающаяся эрудиція его автора, но и изобиліе прекрасно исполненныхъ на мѣди рисунковъ, съ особою тщательностью изображавшихъ диковинныя для наблюдателя XVII вѣка стороны жизни въ Московіи. Эти рисунки въ настоящемъ изданіи впервые воспроизводятся точнымъ фото-механическимъ путемъ, частью изъ перваго изданія книги Олеарія, вышедшаго въ 1647 г., частью по второму изданію — 1656 г. Лица, знакомыя съ изданіями Олеарія, вышедшими въ XVIII вѣкѣ, найдутъ значительную разницу между рисунками нашего изданія и, напримѣръ, тѣми, которые имѣются при французскомъ переводѣ Олеарія. Объясняется это тѣмъ, что въ XVII — XVIII вв. механическаго способа воспроизведенія рисунковъ не было, и если издатель не могъ достать подлиннаго офорта, то долженъ былъ заказывать художнику новый. Понятно, что при такихъ условіяхъ иногда терялось сходство, и, напримѣръ, портретъ Михаила Θеодоровича въ изданіи 1696 года мало похожъ на портретъ въ изданіи 1647 г. Если мы извлекли рисунки преимущественно изъ изданія 1647 г., то сдѣлали это

Рисунки въ книгѣ Олеарія.

потому, что здѣсь мы имѣли передъ собою первые оригинальные наброски, которые не могли не быть наиболѣе близки къ тому, что̀ ими изображалось. Кромѣ того, какъ указано ниже (Введеніе, стр. XXII), только относительно рисунковъ изданія 1647 г. самъ Олеарій даетъ подробное разъясненіе, какъ они изготовлялись. Изъ изданія 1656 г. мы брали опять-таки прежде всего рисунки подлинные, т.-е. впервые появившіеся въ этомъ изданіи, а не копіи. Въ изданіяхъ 1661, 1663 и 1671 гг., повторяющихъ со всѣми достоинствами и недостатками (даже опечатками) изданіе 1656 г., нѣтъ ни одного новаго рисунка. Что же касается изданія 1696 г., то оно сплошь или почти сплошь представляетъ копіи, полученныя путемъ перерисованія, часто мало удачнаго. Если какой-либо рисунокъ одинаковаго содержанія представлялъ въ изданіяхъ 1647 и 1656 гг. разницу, то послѣдній по времени, т.-е. 1656 г., воспроизводился въ томъ случаѣ, если редакторъ настоящаго изданія находилъ указанія на то, что въ рисункѣ что-либо исправлено (примѣръ—рисунокъ на стр. 51). Въ противномъ случаѣ — при значительныхъ перемѣнахъ — изображались оба рисунка («самоѣды» на стр. 168 и 169, Нижній-Новгородъ на большомъ и маломъ рисункѣ, Астрахань въ двухъ изображеніяхъ). Если же сопоставленіе рисунковъ заставляло предполагать, что перемѣны незначительнаго свойства (напр., разстановка и внѣшность домовъ въ Твери и Торжкѣ на стр. 27 и 28) произошли вслѣдствіе копированія, то они воспроизводились съ оригинала, т.-е. изъ перваго изданія (1647 г.), какъ болѣе близкаго ко времени путешествія. Дѣлалось это по слѣдующему соображенію: крупная перемѣна въ композиціи рисунка въ изданіи, вышедшемъ черезъ много лѣтъ послѣ путешествія и послѣ сдѣланія первыхъ набросковъ, могла объясняться полученіемъ болѣе точныхъ свѣдѣній,—но расположеніе, наприм., домовъ на улицѣ въ Торжкѣ, видѣнныхъ въ 1636 г. и изображенныхъ въ изданіи 1647 г., не могло быть исправлено, по новымъ свѣдѣніямъ, въ 1656 г., такъ какъ, во-первыхъ, насколько извѣстно, Олеарій въ 1643 г. въ послѣдній разъ былъ въ Россіи, а, во-вторыхъ, если бы и оказались подобнаго рода новыя свѣдѣнія, то они могли бы относиться только ко времени послѣ 1639 г. и для 1634—9 гг. являлись, во всякомъ случаѣ, неточными.

О картахъ.

Совершенно не воспроизведена въ настоящемъ изданіи общая карта, приложенная къ изданію 1696 г., такъ какъ ея не было въ изданіяхъ, вышедшихъ при жизни Олеарія, и нужно предполагать, что съ Олеаріемъ она вообще имѣетъ мало общаго. Въ точности воспроизведена

зато карта пути по Волгѣ, составленная и начерченная, по заявленію Олеарія, имъ самимъ въ сотрудничествѣ съ голландскимъ шкиперомъ Корниліемъ Клаусомъ (или Клаусеномъ) Клютингомъ. Имѣющіяся въ подлинникѣ карта гилянской провинціи Персіи и подробная карта всей Персіи здѣсь не воспроизводятся, такъ какъ онѣ относятся къ опущенной въ настоящемъ изданіи части сочиненія Олеарія—къ описанію Персіи. Хотя граница Россіи въ данное время на югѣ доходила лишь до области Терскаго городка или черкасскихъ князей у рѣки Терека, тѣмъ не менѣе настоящее изданіе цѣликомъ приводитъ и описаніе пути голштинскаго посольства по тѣмъ кавказскимъ и персидскимъ землямъ, которыя впослѣдствіи вошли въ составъ Россіи. Относящіеся къ этой части пути рисунки приведены всѣ, за исключеніемъ не представляющихъ историческаго интереса картины кораблекрушенія и рисунка, изображающаго пикникъ голштинцевъ. Въ поясненіи къ помѣщенному у Олеарія описанію Каспійскаго моря воспроизведена часть его карты Персіи, изображающая Каспійское море. Олеарій придавалъ большое значеніе сдѣланному имъ исправленію обычныхъ картъ этого моря.

Стр. 360.

О пикникѣ на стр. 452—3.

Стр. 420 и 442.

Такъ какъ существуютъ уже переводы книги Олеарія на русскій языкъ, то вполнѣ естественнымъ является вопросъ: чѣмъ настоящій переводъ отличается отъ предыдущаго? Олеарій—писатель, по языку своему, не относящійся къ числу легкихъ. Онъ происходилъ изъ Саксоніи, гдѣ говорили по верхне-нѣмецки, служилъ въ нижне-нѣмецкой Голштиніи и былъ женатъ на эстляндской уроженкѣ. Во время посольства онъ окруженъ былъ лицами, говорившими на разныхъ діалектахъ. Напр., посолъ Брюггеманъ говорилъ по нижне-нѣмецки (ср. его возгласъ при паденіи съ лошади въ Персіи: «Wat wast vor en Pert?» въ подлин. изд., стр. 692). Этими обстоятельствами легко объясняется отсутствіе единообразія въ формахъ словъ у него и въ связи съ нею и причудливость орѳографіи. Очень многіе изъ оборотовъ его, напр., счелъ необходимымъ отмѣтить въ своемъ большомъ словарѣ Зандерсъ. Настоящій переводъ, являющійся вторымъ въ русской литературѣ, уже по этому одному долженъ представлять собою попытку пойти дальше перваго перевода, исправить то, что было неточнымъ въ предыдущемъ, и разъяснить то, что оставалось неяснымъ для перваго переводчика. Нисколько не желая умалять заслугъ П. Барсова и О. М. Бодянскаго въ ихъ переводѣ и истолкованіи Олеарія, авторъ настоящаго перевода считаетъ нелишнимъ указать на то обстоятельство,

Sanders, «Wörterbuch der deutschen Sprache mit Belegen von Luther bis auf die Gegenwart», 2 Abdr., 1876.

О неточностяхъ перваго перевода.

что въ его переводѣ, независимо отъ того, что *впервые переведены маргиналіи* (замѣтки на поляхъ) *подлинника:*

а) исправленъ рядъ начертаній собственныхъ именъ, напр.:

Въ подлинникѣ:	У П. Барсова:	Нужно:
(p. 18) Kareckschin	(стр. 24) Карекшинъ	Крекшинъ (стр. 17)
(p. 40) Gawarenow	(стр. 53) Говореновъ	Гавреневъ (стр. 44)
(p. 50) Gomodof	(стр. 67) Гомодовъ	Хомутовъ (стр. 57)
(p. 57) Sophoien	(стр. 3bis) Софойенъ	Савойя (стр. 65)
(p. 264) Collitzou	(стр. 285) Кольцовъ	Колычовъ (стр. 277)

б) переведены болѣе правильно многія нѣмецкія слова и выраженія; напр.:

Въ подлинникѣ:	У П. Барсова:	Нужно:
(p. 33) Boesskugel	(стр. 45) ядро 48-фунтоваго вѣса	кегельный шаръ (стр. 36)
(p. 75) beim Rohr	(стр. 27) въ трубу	у руля (стр. 78)
(p. 104) im Jenner	(стр. 55) въ Енерѣ	въ январѣ (стр. 105)
(p. 103) Kuppeln	(стр. 53) храмахъ	рощахъ (стр. 103)
(p. 114) die Narwische Beck	(стр. 68) рѣкѣ ... Бекъ	Нарвскою рѣкою (стр. 117; Beck то же, что Bach)
(p. 258) von Stund an	(стр. 276) въ продолженіе часа	тотчасъ же (стр. 270)
(p. 295) uns mit den Hindersten dagegen stellen	(стр. 312) стараются препятствовать намъ	становимся къ нимъ заднею частью тѣла (стр. 316)

в) объяснены и переведены явно непонятые предыдущимъ переводчикомъ термины. Напр.:

Въ подлинникѣ:	У П. Барсова:	Нужно:
(p. 5) JUL	(стр. 7) Jul	лиценціатъ обоихъ правъ (стр. 1: iuris utriusque licenciatus)
(passim) M.	(часто) M.	магистръ (напр. стр. 10)

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что оставленные не переведенными у П. Барсова цитаты на латинскомъ языкѣ, въ настоящемъ переводѣ, для облегченія читателей, переведены.

Нельзя, тѣмъ не менѣе, сказать, чтобы удалось объяснить всѣ трудности въ текстѣ Олеарія, и чтобы также всѣ собственныя имена были переведены правильно. Въ виду громадной важности Олеарія, какъ историческаго источника, переводчикъ старался близко держаться текста, отступая отъ него лишь въ случаяхъ, когда строй русской рѣчи требовалъ отступленій. Если для большей ясности прибавлялись слова, обороты или, въ рѣдкихъ случаяхъ, цѣлыя предложенія, то онѣ ставились въ прямыя [ ] скобки. Такимъ образомъ читатель имѣетъ возможность отли-

чить вводныя слова и предложенія подлинника, стоящія, если въ томъ представляется необходимость, въ обычныхъ дугообразныхъ скобкахъ ( ), отъ добавленій переводчика, всегда стоящихъ въ прямыхъ [ ] скобкахъ.

Весьма много затрудненій было съ собственными именами. Олеарій, который и въ нѣмецкомъ языкѣ не признаетъ опредѣленнаго правописанія, еще менѣе придерживается его по отношенію къ собственнымъ именамъ, которыя онъ беретъ съ чужихъ языковъ. Прежде всего, почти всѣ часто упоминаемыя у него лица именуются въ разныхъ мѣстахъ его книги различно. Даже одинъ изъ пословъ именуется у Олеарія четырьмя способами: Бругманъ, Брюгманъ, Брюггеман(н)ъ и Бригманъ. Имя этого часто упоминаемаго у Олеарія посла, такъ и появляется у насъ въ переводѣ въ разныхъ начертаніяхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ подлинной грамотѣ 1636 г., хранящейся въ московскомъ архивѣ м-ва иностранныхъ дѣлъ, самъ онъ подписался «Otho Brugheman», а въ русскихъ документахъ его именуютъ то Брюхманъ, то Брюгеманъ. Русскій переводчикъ второго посольства называется у Олеарія — Арпенбеке, Арпенбакъ и Арпенбэкъ. При такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о соблюденіи какихъ-либо правилъ въ транскрипціи русскихъ собственныхъ именъ. Не говоря уже объ обычномъ у многихъ нѣмцевъ путаніи *d* и *t*, *p* и *b*, Олеарій то, по нижненѣмецкому обычаю, не признаетъ звука *ш* (sch) и пишетъ, напримѣръ, Slick (Шликъ) и Puskin (Пушкинъ), то вписываетъ sch совершенно правильно (Coinische—конюшій). Подъ буквою *G* у него то разумѣется j, то ch; напр., Gam = Ямъ, а Gomodof = Хомутовъ. Tz у него обозначаетъ очень часто и *ч* (Tzerkaski = Черкаскій) и *ш* (Tzeremettou = Шереметевъ). Установленію правильной формы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по отношенію къ русскимъ именамъ, помогло переводчику обращеніе къ русскимъ документамъ XVII вѣка, частью напечатаннымъ («Дворцовые разряды», «Разрядныя книги». «Выходы государей», сборники историческихъ актовъ, списки бояръ, воеводъ и т. п.), а частью—рукописнымъ, доставленнымъ въ его распоряженіе изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, благодаря содѣйствію Императорской археографической коммиссіи.

Русскіе документы о голштинскомъ посольствѣ.

II.

Авторъ «Московитскаго и Персидскаго путешествія» не былъ главою посольства, и книга его не является донесеніемъ о дипломатическихъ сношеніяхъ съ Москвою и Персіею. Напротивъ, о цѣляхъ посольства и о переговорахъ, веденныхъ послами, онъ говоритъ лишь въ общихъ неясныхъ выраженіяхъ. Невполнѣ ясна у него и роль Брюг(ге)мана или Бругмана, одного изъ пословъ, съ которымъ у Олеарія въ теченіе путешествія были крупныя столкновенія, въ книгѣ его указанныя лишь намеками.

Представляется, поэтому, необходимымъ остановиться на этихъ обстоятельствахъ въ настоящемъ введеніи, такъ какъ они значительно уясняютъ многія частности въ изложеніи Олеарія.

Посольство фанъ-Кленка, переводъ А. М. Ловягина, изд. Археографической коммиссіи, 1900, стр. CXLVI и слѣд.

Разрѣшеніе торговли черезъ Россію съ Персіею — обычная цѣль посольствъ торговыхъ государствъ въ Московію въ XVII столѣтіи. Изъ посольства К. фанъ-Кленка видно, какъ эта цѣль привлекала еще въ концѣ XVII вѣка голландцевъ. Московское правительство, со своей стороны, относилось всегда недружелюбно къ этимъ попыткамъ, основываясь на заключеніяхъ московскихъ купцовъ. Главной причиною нежеланія русскихъ допустить этотъ «персидскій торгъ» была боязнь экономическаго захвата Россіи иноземцами, вполнѣ несомнѣннаго въ томъ случаѣ, если бы постройка иноземцами судовъ на русскихъ рѣкахъ, движеніе ихъ торговыхъ каравановъ черезъ Россію, устройство ими торговыхъ факторій въ главныхъ пунктахъ Россіи — стали явленіями обычными. Согласіе на такой торгъ, данное голштинцамъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, объяснялось лишь крайнимъ истощеніемъ денежныхъ средствъ Россіи и надеждою пополнить царскую казну. Только этой надеждой — впрочемъ, не осуществившейся — мы можемъ объяснить, если голштинцамъ разрѣшено было то,

Стр. 88.

... въ чемъ императорамъ и папамъ отказали,
Въ чемъ королямъ запретъ...

Къ тому же герцогъ шлезвигъ-голштинскій не вызывалъ такихъ опасеній въ Москвѣ, какъ могущественныя Голландія или Англія, владѣвшія уже колоніями въ другихъ частяхъ свѣта.

Чтобы читатель имѣлъ возможность разобраться въ довольно запутанномъ дѣлѣ переговоровъ съ Голштиніею, мы приведемъ, прежде всего, хронологическій обзоръ этихъ переговоровъ, осно-

ванный преимущественно на извлеченіяхъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго изъ дѣлъ бывшаго посольскаго приказа. Въ этихъ извлеченіяхъ, къ которымъ нами прибавлены нѣкоторыя добытыя нами рукописныя данныя, ходъ переговоровъ изображается слѣдующимъ образомъ:

Переговоры съ Голштиніею о персидскомъ торгѣ и другихъ дѣлахъ съ 1632 по 1642.

Въ 1632 г. 17-го іюня въ Новгородъ, а 10-го іюля въ Москву пріѣхалъ голштинскій посолъ Отто Брюггеманъ, а съ нимъ его товарищъ въ пути Балтазаръ Мушеронъ. 15-го іюля онъ подалъ царю Михаилу Θеодоровичу отъ шлезвигъ-голштинскаго князя Фридерика грамоту (отъ 11-го февраля); въ грамотѣ князь благодарилъ за пріемъ, оказываемый его подданнымъ въ Россіи, и сообщалъ, что посылаетъ въ подарокъ 12 пушекъ мѣдныхъ; онъ далѣе обѣщалъ дозволить купить въ Голштиніи всякой военной сбруи и нанять военныхъ людей, прося за то отпустить къ нему хлѣба и дозволять свободно пріѣзжать его подданнымъ въ Россію торговать. 12-го августа посолъ былъ у государя на отпускѣ.—По отбытіи посла товарищъ его Мушеронъ ѣздилъ въ Архангельскъ за пушками и, привезши ихъ въ Москву, остался здѣсь жить.

Въ 1633 г. 26-го марта изъ Готторпа голштинскій князь Фридерикъ писалъ къ государю и къ патріарху Филарету, благодаря за дозволеніе вывезти изъ Россіи 30 тысячъ четвертей хлѣба и прося о свободномъ изъ Россіи пропускѣ не только голштинскихъ, но и шведскихъ посланниковъ.

Въ 1634 г. 14-го августа пріѣхали въ Москву голштинскіе послы Филиппъ Крузіусъ и Отто Брюггеманъ. 19-го августа, бывъ у государя, они подали отъ князя Фридерика грамоту (отъ 26-го августа 1633 г.) вѣрющую о себѣ, а 22-го сентября на конференціи вручили боярамъ другую отъ него же грамоту (отъ 9-го октября 1633 г.), обѣщавшую присылку, по требованію государя, доктора Венделина Зибелиста.

Главною цѣлью посольства ихъ было испросить голштинскому купечеству дозволеніе ѣздить черезъ Россію въ Персію и Индію для торговли; объ этомъ поданъ былъ отъ нихъ (26-го октября) проектъ, въ 17 статьяхъ, а 12-го ноября они дали письменное обязательство платить ежегодно въ россійскую казну за это же дозволеніе по 600 тысячъ ефимковъ или по 300 тысячъ русскихъ рублей. 3-го декабря постановили они «запись» съ русскими уполномоченными: бояриномъ княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ-Оболенскимъ, окольничимъ Василіемъ Ивановичемъ Стрѣшневымъ, печатникомъ и думнымъ дьякомъ Иваномъ Тарасьевичемъ Грамотинымъ и другимъ дьякомъ, Иваномъ

Аѳанасьевымъ сыномъ Гавреневымъ, въ присутствіи бывшихъ тогда въ Москвѣ шведскихъ пословъ Гюлленшерна, Буреуса и Спиринга, на ниже перечисленныхъ условіяхъ:

Голштинской компаніи дозволяется ѣздить черезъ Россію въ Персію сначала на 10 лѣтъ, а, по усмотрѣніи съ обѣихъ сторонъ, и еще на столько же лѣтъ потомъ. За это дозволеніе компанія будетъ платить въ русскую казну на первые десять лѣтъ ежегодно по 600 тысячъ большихъ ефимковъ («а имать ефимки, привѣшивъ въ фунты, а фунтъ по 14 ефимковъ»), Для отдачи этой казны быть въ Москвѣ всегда голштинскому агенту. Въ исправномъ платежѣ этихъ денегъ никакими купеческими несчастіями не отговариваться; платежъ начать, пріѣхавъ съ товарами изъ Голштиніи въ Ярославль, внеся тотчасъ 300 тысячъ ефимковъ, а другую половину въ концѣ того же года, «безъ всякаго въ платежѣ подлога». Отвозить въ Персію и привозить оттуда увязанные въ кипахъ товары безъ всякой пошлины, давая однако росписи привознымъ и отвознымъ товарамъ. Изъ помянутыхъ товаровъ, что понадобится для русскаго государя, уступать по прямой цѣнѣ. Далѣе отъ имени компаніи писалось: «А торговати намъ въ Персидѣ и покупати тѣхъ земель всякіе товары, т. е. шолкъ сырой, каменье дорогое, краски, и иные большіе товары, которыми русскіе торговые люди не торгуютъ, а въ краску намъ въ Персидѣ сырова шолку не давати, и крашеными шелками намъ русскимъ торговымъ людемъ въ ихъ торговлѣ въ Персидѣ не мѣшати, а иныхъ намъ товаровъ, которые его царскаго величества торговые люди у персидскихъ людей торгуютъ и покупаютъ, т. е. всякіе крашеные шолки, всякихъ цвѣтовъ бархаты, отласы и камки персидскіе золотые и шолковые, дороги всякіе, кутни всякихъ цвѣтовъ, зендени, киндяки [?], сафьяны, краска крутикъ и мягкая, миткали, кисеи, вязи, кумачи, всякія выбойки, бумага хлопчатая, кушаки всякіе, ревень и коренье чепучинное, пшено сорочинское, нашивки, пояски шолковые, сабли, полосы, ножи, тулунбасы, луки ядринскіе и мешецкіе [?], наручи и доспѣхи, всякіе ковры, попоны, шатры и полатки, миткалинные и бязинные [?] полсти, орѣшки чернильные, ладанъ и москательные всякіе товары, и селитра, которыми прежде сего торговали и мѣняли на свои товары русскіе торговые люди, и тѣхъ намъ не покупати, и русскимъ торговымъ людямъ въ ихъ торговлѣ не мѣшати, а которые товары въ сей записи не написаны, и тѣ намъ покупати поволено, а которые товары наши торговые люди изъ Персиды въ россійское

государство привозити учнутъ, и тѣми нашимъ торговымъ людямъ не торговати, а возить тѣ товары въ наши земли, а будетъ наши торговые люди въ Персидѣ и въ Индеѣ учнутъ краску крутикъ и мягкую, и нашимъ торговымъ людямъ тое краски мимо россійскаго государства не провозити, а отдавати изъ тое краски въ царскаго величества казну во всякой годъ краски крутику, а не мягкіе, по 4,000 пудовъ, коли будетъ царскому величеству надобно, а будетъ столько не надобно, ино взяти сколько будетъ надобно, а больши 4,000 пудовъ не имати, а денегъ за тое краску имати намъ изъ его царскаго величества казны за всякій пудъ по 15 рублевъ потому, что тое краску покупаютъ въ Индеѣ по 2 рубля пудъ, а въ Персидѣ по 7 рублевъ, а ревеню намъ давати въ его царскаго величества казну по 30 пудовъ, а коренья чепучиннаго тожъ число на всякій годъ, коли будетъ надобно жъ, а отдавать голштинскимъ торговымъ людямъ его царскому величеству и русскимъ торговымъ людямъ по той цѣнѣ, по чему они въ Персидѣ покупать учнутъ». Въ случаѣ желанія компаніи продавать въ Россіи привозные изъ Персіи товары, она должна платить таможенную пошлину. Компаніи состоять изъ 30 голштинскихъ подданныхъ, не дозволяя отнюдь никого изъ другой какой-либо націи, подъ смертною казнью, брать съ собою. Для обороны отъ волжскихъ казаковъ и другихъ воровъ десяти голштинскихъ купеческихъ кораблей дозволить имъ имѣть на каждомъ кораблѣ по 40 вооруженныхъ своихъ людей. Идучи водою и сухимъ путемъ, къ селеніямъ русскимъ не приставать и никакихъ не чинить насилій; а если кто на компанію нападетъ или ограбитъ, защищаться имъ самимъ пушками и самопалами, не оставляя, однако, ни, того менѣе, продавая этихъ орудій въ Персіи и въ грабежѣ не требуя удовлетворенія. Мѣди въ Персію отнюдь не возить. Русскихъ солдатъ и работныхъ людей, а не кабальныхъ и бѣглыхъ, принимать на корабли въ работу. Корабли купеческіе строить въ Россіи, употребляя тутъ же плотниковъ русскихъ «повольною цѣною». Никакого злого умыслу не имѣть имъ противъ государя и русскаго государства. Купечеству русскому въ его торгахъ никакой не дѣлать помѣхи, и купцамъ свободно ссужаться деньгами и товарами по крѣпостнымъ письмамъ. Церквей своей вѣры нигдѣ не строить въ руской землѣ, а отправлять службу въ домахъ своихъ. «Римскихъ поповъ» въ Россію не привозить подъ смертною казнью. Приходить имъ въ Россію кораблями или чрезъ Швецію и Лифляндію, на Новгородъ и Ярославль, и Волгою въ Астрахань, или черезъ Архангельскую пристань

старымъ двинскимъ устьемъ. Будучи въ Архангельскѣ, товары свои продавать русскимъ, но не покупать у русскихъ или иноземцевъ для отвозу въ Персію. Въ случаѣ, если иностранные купцы откажутся привозить къ Архангельску свои нѣмецкіе товары, тогда дозволяется изъ Голштиніи пріѣзжать къ Архангельску со всякими товарами. Въ случаѣ неплатежа по договору въ какомъ-либо году сполна денегъ, слѣдуетъ уплатить неустойки вдвое. По усмотрѣнію какихъ-либо невыгодъ для Россіи отъ этой персидской торговли, государю имѣть право, выждавъ два, три или пять лѣтъ, отказать въ ней, и голштинскому князю за это не имѣть неудовольствія. На этотъ договоръ испросить у голштинскаго князя подтвержденіе.

Такое же условіе (запись) было дано голштинскимъ посламъ отъ русскихъ вышеупомянутыхъ бояръ съ приложеніемъ печатей боярина и окольничаго 16-го декабря того же года. Въ тотъ же день послы имѣли отпускную аудіенцію, а 31-го декабря изъ Новгорода поѣхали въ Голштинію.

Въ 1636 г. 29-го марта тѣ же послы Крузіусъ и Брюггеманъ снова пріѣхали въ Москву и 3-го апрѣля подали государю отъ голштинскаго герцога Фридерика просительную грамоту (отъ 24-го сентября 1635 г.) — дозволить имъ проѣздъ чрезъ русскіе города въ Персію.

5-го апрѣля подали они подтвердительную на вышепомянутый договоръ князя своего грамоту (безъ числа), т.-е. ратификацію. Но какъ въ этой ратификаціи во многихъ мѣстахъ оказались неисправности и несогласіе съ первоначальнымъ условіемъ (записью), то она была отдана обратно посламъ съ требованіемъ присылки новой и исправной.

28-го апрѣля Брюггеманъ доносилъ боярамъ въ тайнѣ, отдѣльно отъ Крузіуса, данное ему отъ голштинскаго князя повелѣніе объявить, что шведы съ голландцами договорились, дабы послѣднимъ поселиться въ Ижорской землѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ тѣ же послы прислали другую запись, обозначивъ, съ какого срока начать считать персидскую торговлю и платить по договору за «персидской ходъ» ефимками, а именно: по возвращеніи изъ Персіи въ Москву, спустя семь мѣсяцевъ, начать первый десятилѣтній срокъ и тогда же вскорѣ заплатить половину, т.-е. 300 тысячъ ефимковъ, хотя бы товары ихъ не были вскорѣ доставлены въ Ярославль; другую же половину уплатить въ послѣднихъ числахъ того же года.

7-го іюня послы писали къ князю своему, чтобы онъ прислалъ новую на учиненный въ Москвѣ съ ними договоръ под-

твержденную грамоту; сами же они 1-го іюля отправились въ Персію съ русскими посланниками Алексѣемъ Савинымъ Романчуковымъ, подьячимъ Скобельцынымъ и толмачомъ Юшковымъ.

1-го іюля посланъ въ Голштинію гонецъ Григорій Арефьевъ сынъ Нероновъ, подьячій Юрій Зяблой и толмачъ Нечай Дрябинъ съ объявленіемъ князю, что послы его въ Персію поѣхали, но «въ подъемахъ, подводахъ и кормѣхъ учинился государю убытокъ за непривозомъ изъ Голштиніи по договорной записи казны».—Нероновъ 5-го февраля 1637 года возвратился въ Москву съ отвѣтною (отъ 7-го октября 1636 года) грамотою: герцогъ, благодаря за позволеніе проѣзда посламъ его въ Персію, обѣщалъ утвердить учиненный 20-го мая 1635 года договоръ и условленныя деньги на урочный срокъ прислать въ Москву.

Въ 1639 году 2-го января голштинскіе послы Крузіусъ и Брюггеманъ, возвратясь изъ Персіи въ Москву, были у государя 8-го января и 23-го февраля.—Между прочимъ жаловались они на думнаго дьяка Назара Чистого, взявшаго у нихъ, пословъ, «запону (т. е. взятку) въ 2,000 руб. безденежно»; наконецъ, 8-го марта, размѣнясь ратификаціями и увѣривъ «твердо содержать всѣ условія, прежде съ ними, послами, учиненные», они поѣхали съ Москвы 14-го марта, а съ ними отпущенъ былъ въ Голштинію и персидскій посолъ Имамъ-Кули-бекъ. Въ Москвѣ остался голштинскимъ агентомъ Балтазаръ де-Мушеронъ.

18-го марта отправлены въ Голштинію въ гонцахъ Петръ Дементьевъ сынъ Образцовъ, подьячій Юшка Зяблой и толмачъ Архипъ Малаховъ съ извѣстіемъ о возвратномъ изъ Персіи въ Москву пріѣздѣ голштинскихъ пословъ и съ требованіемъ, чтобы по договору присланы были къ сроку деньги, трактатомъ обѣщанныя. — 3-го декабря они возвратились въ Москву съ двумя отъ князя отвѣтными, отъ 3-го сентября, грамотами изъ Готторпа. Въ первой князь жаловался на печатника Лихачева, несправедливо донесшаго государю о многихъ вещахъ, до голштинской компаніи относящихся; а во второй — на думнаго дьяка Назарья Чистого, не только безстыдно и безбоязненно похвалявшагося разрушить все это «важное о коммерціи въ Персію дѣло», но и домогавшагося еще 1000 ефимковъ къ двумъ уже полученнымъ въ даръ отъ него, князя, чрезъ Марселиса.

27-го іюня прислали изъ Ревеля тѣ же послы къ агенту Мушерону «нѣмчина Якова Сверкеля» съ письмомъ (отъ 16-го мая), сообщавшимъ, что царская ратификація, коею они въ Москвѣ размѣнялись, «нашлась во многихъ мѣстахъ съ при-

бавкою». Прибавка состояла въ условіи: «если по пріѣздѣ изъ Персіи въ Москву голштинскихъ пословъ, спустя семь мѣсяцевъ, не будутъ заплачены по договору 300 тысячъ ефимковъ, то взыскать эти деньги на нихъ, послахъ, или на самомъ голштинскомъ князѣ».

10-го декабря агентъ Мушеронъ объявилъ въ посольскомъ приказѣ просьбу голштинскаго князя о пропускѣ въ Персію на 80 возахъ товаровъ на 400 тысячъ и пословъ для договора съ шахомъ о персидской торговлѣ.— Сначала ему въ этомъ было отказано, такъ какъ по договору голштинскій князь не заплатилъ 300 тысячъ ефимковъ, которые 2-го августа должно было внести, но какъ онъ далъ 17-го марта 1640 г. обѣщаніе, что за эти товары особо будетъ заплачено 20 тысячъ ефимковъ пошлины, то государь согласился.

22-го марта отпущенъ былъ въ Голштинію гонецъ Яковъ Сверкель съ грамотою, наполненною выговоромъ какъ за неплатежъ доселѣ обѣщанныхъ по договору денегъ, такъ и за порицаніе думныхъ русскихъ людей.

9-го сентября находившійся въ Москвѣ гамбуржецъ Петръ Гавриловъ сынъ Марселисъ подалъ государю отъ голштинскаго герцога Фридерика (отъ 3-го іюня) грамоту, прося въ ней уничтожить заключенный въ Москвѣ съ послами его Крузіусомъ и Брюггеманомъ договоръ о голштинско-персидской торговлѣ, такъ какъ договоръ «не по данному имъ наказу учиненъ, но по прихоти и воровству плута Брюггемана», за то получившаго смертную казнь; притомъ, отрѣшая отъ агентства Мушерона (который вскорѣ затѣмъ въ Москвѣ умеръ) и Давида Рутца (Рутса), наперсниковъ Брюггемановыхъ, князь поручалъ дѣла свои датчанину Петру Гаврилову сыну Марселису, назначая его комиссаромъ и возлагая на него заключить новый о персидской торговлѣ договоръ, старое же объ этомъ дѣло все отставить и выдать обратно ему, Марселису.

17-го октября Марселисъ, бывъ спрошенъ, объявилъ, что поставленная въ договорѣ погодная дача 600 тысячъ ефимковъ съ этого торга — истинная невозможность, потому что это дѣло въ Персіи оказалось не такимъ, какъ говорено было съ русской стороны. Вслѣдствіе этого Марселисъ подалъ новый въ 3-хъ статьяхъ проектъ для постановленія договора на новыхъ условіяхъ.

Въ 1641 г. 8-го января Марселисъ снова былъ у государя и объявилъ, что ему о «персидскомъ торгу» говорить больше отъ князя голштинскаго не велѣно; онъ просилъ отвѣтной къ

государю грамоты, которая ему и дана «съ выговоромъ и домогательствомъ»: 1) чтобъ онъ, голштинскій князь, непремѣнно по договору уплатилъ всѣ деньги въ казну; 2) что обвиненіе на посла Брюггемана пустое, потому что онъ, князь, самъ подтвердилъ все въ Москвѣ условленное; 3) что другого объ этой коммерціи договора дѣлать не для чего, и 4) что Россія отъ этого дѣла «никогда не отступится».

Въ 1642 г. 6-го іюня Марселисъ подалъ на вышеупомянутую государеву грамоту отвѣтъ отъ князя (отъ 18-го октября 1641 г.); князь, изъявляя свое неудовольствіе, просилъ государя болѣе не укорять его этимъ дѣломъ, которое, можетъ быть, со временемъ вновь будетъ предложено къ разсмотрѣнію его, государя.

Въ послѣдній разъ о томъ же дѣлѣ писалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу герцогъ Фридерикъ въ декабрѣ 1643 г. Принося свои поздравленія по случаю объявленія царевича Алексѣя наслѣдникомъ, герцогъ пояснялъ, что онъ невиновенъ, если прекратилась торговля съ Персіей черезъ русскіе предѣлы, такъ какъ онъ отъ персидскаго шаха не получилъ соотвѣтствующаго дозволенія.

Такимъ образомъ закончилась эта дипломатическая переписка.

Судьба Брюгемана.

Слѣдуетъ замѣтить, что роль Брюггемана, личнаго врага Адама Олеарія, въ этихъ переговорахъ представляется нѣсколько странною. Во многихъ случаяхъ, какъ видно и изъ книги Олеарія, онъ поступалъ на свой страхъ; кромѣ того, поведеніе его въ Россіи и Персіи не могло содѣйствовать успѣху переговоровъ. Тѣмъ не менѣе не изъ-за него разстроилась персидская торговля голштинцевъ, но по многимъ причинамъ, изъ которыхъ важнѣйшія были: опасность пути въ Персію, ошибочное предположеніе о возможности огромныхъ барышей отъ этой торговли и — трудность для герцога голштинскаго добыть необходимыя по условію деньги. Трудность эта усиливалась еще потому, что московское правительство ни за что не хотѣло допустить въ голштинскую компанію голландцевъ и англичанъ, боясь, повидимому, ихъ экономической силы. Что касается Брюггемана, то въ Москвѣ были правы, видя въ его обвиненіи пустыя отговорки голштинцевъ, желавшихъ избѣжать исполненія тягостныхъ для нихъ условій. По книгѣ Олеарія (кн. VI, гл. 27 — не переведенная въ настоящемъ изданіи), Брюггеманъ не могъ дать полной отчетности въ деньгахъ, былъ обвиненъ въ оскорбленіи секретаря посольства, т.-е. самого же Олеарія, а затѣмъ ока-

зался также виновнымъ въ томъ, что «нарушилъ должную вѣрность его княжеской свѣтлости, преступилъ въ опасной и грубой мѣрѣ предѣлы повелѣній, презрѣлъ совѣсть, честь и стыдъ и углубился въ разные преступные, для посла неслыханные правонарушенія и пороки». Точнѣе опредѣляетъ Олеарій преступленія Брюггемана, слѣдующимъ образомъ перечисляя ихъ: «онъ превышалъ приказанное, вскрывалъ письма къ высокимъ лицамъ и поддѣлывалъ ихъ, далъ неправильный отчетъ, допускалъ явные обманы, вскрывая и задерживая письма собственнаго коллеги и другихъ, прелюбодѣйствовалъ, велъ жизнь, полную соблазна, совершилъ преднамѣренное убійство (засѣкъ персидскаго солдата при возвращаніи изъ Персіи), растратилъ много тысячъ денегъ и товаровъ княжескихъ, представлялъ подложные счета и т. п.». За все это Брюггеманъ былъ приговоренъ къ позорной казни повѣшеніемъ, но помилованъ къ отсѣченію головы мечомъ. Передъ казнью, какъ разсказываетъ самъ бывшій секретарь посольства, — бывшій посолъ въ присутствіи ряда свидѣтелей примирился съ Олеаріемъ.

«Reisebeschreibung», 1656—71, p. 766—767.

Ib. 767—768.

Во всѣхъ упомянутыхъ проступкахъ и преступленіяхъ Брюггемана нѣтъ никакого основанія видѣть исключительную причину неудачи голштинскаго предпріятія. Большинство ихъ не имѣло никакого значенія для посольства, такъ какъ они касались только частныхъ отношеній Брюггемана къ другимъ лицамъ посольства, а указаніе на нарушеніе полномочій опровергается тѣмъ, что договоры, заключенные Брюггеманомъ (притомъ совмѣстно съ Крузіусомъ), были ратификованы. Въ біографіи Ад. Олеарія, написанной Ф. Ратцелемъ въ «Allgemeine Deutsche Biographie» сказано: «Казнь Брюггемана — темный, не вполнѣ выясненный пунктъ въ исторіи этого замѣчательнаго посольства».

Въ дополненіе къ только что изложенному прилагаемъ старинную опись хранящихся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ посольству Крузіуса и Брюггемана.

Шлезвигъ-Голстинскія дѣла 1634—1642 іюля.

А. **Книга въ четверть,** содержашая въ себѣ переписку государя царя Михаила Ѳеодоровича съ голстинскимъ княземъ Фридерикомъ, а именно: I. Пріѣздъ въ Москву голстинскихъ пословъ Филиппа Крузіуса и Отто Брюгмана съ прошеніемъ о учиненіи договора о дозволеніи голстинцамъ торговать съ Персіею на 10 лѣтъ съ ежегоднымъ въ россійскую казну по 600 тысячъ ефимковъ платою, и о бытіи въ Москвѣ голстинскому агенту. Тутъ же договорная ихъ пословъ о семъ дѣлѣ съ боярами учиненная 3-го декабря 1634 г. запись; также и вторая запись, постановленная 20-го мая 1636 г. съ боярами же о началѣ счета персидской 10-тилѣтней торговли.—II. Вторичный ихъ же

пословъ въ Москву въ 1636 г. пріѣздъ и отпускъ ихъ въ Персію.— III. Отправленіе въ Персію гонца Романчукова и въ Голстинію гонца Григорья Неронова съ извѣстіемъ о пропускѣ черезъ Россію голстинскихъ въ Персію пословъ. Тутъ же и возвратный ихъ проѣздъ. — IV. Возвратный изъ Персіи въ Москву голстинскихъ пословъ пріѣздъ, учиненный ими размѣнъ подтвержденныхъ договорныхъ государевой съ княжою о персидской торговлѣ грамотъ, отпускъ ихъ въ Голстинію и учрежденіе въ Москвѣ голстинскаго агента Балтазара де Мушерона. — V. Отправленіе въ Голстинію Петра Образцова и подьячаго Зяблаго съ извѣстіемъ объ отпускѣ изъ Москвы голстинскихъ пословъ; тутъ же и возвратный его оттуда отпускъ. — VI. Пріѣздъ къ агенту Мушерону гончика Сверкеля съ письмами отъ голстинскихъ пословъ просительными дозволить пропускъ черезъ Россію въ Персію 80 возовъ съ товарами; тутъ же и отпускъ его Сверкеля въ Голстинію съ государевою къ князю грамотою объ отказѣ пропуску помянутаго товару за неплатежомъ по договору пошлинъ. — VII. Наказъ и меморіалы новаго голстинскаго комиссара Петра Марселиса о учиненіи Брюгману смертной казни за ложное о персидской торговлѣ дѣло, о уничтоженіи учиненнаго о семъ дѣлѣ трактата и всѣхъ происходившихъ дѣлъ и о учиненіи ему, Марселису, о семъ торгу новаго договора.—VIII. Отпускъ государевой къ князю голстинскому грамоты (1641, генварь) съ выговоромъ и домогательствомъ о непремѣнной по договору извѣстныхъ денегъ уплатѣ, и что отъ сего дѣла Россія никогда не отступится. Тутъ же и отвѣтъ княжой на сію грамоту увѣрительной, что когда-нибудь о семъ дѣлѣ паки новый учинитъ договоръ.

Б. **Дѣла въ столбцахъ.** № 1. 1632 іюня 19-го по августъ. Пріѣздъ въ Москву голстинскаго посла Отта Брюгмана съ товарищемъ Балтазаромъ Мушерономъ съ присланными къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ голстинскаго князя въ подарокъ 12-ю мѣдными пушками со всѣми припасы и пушкарями; и съ прошеніемъ объ отпускѣ въ Голстинію хлѣба и о дозволеніи въ Россіи торговать. Тутъ же отпускъ его, посла, изъ Москвы и дѣло о дозволеніи ему купить въ Архангелгородѣ хлѣба. — № 2. 1634 г. августъ — 1636 г. Пріѣздъ въ Москву голстинскихъ пословъ Ф. Крузіуса и Отта Брюгемана, для испрошенія о пропускѣ черезъ Россію въ Персію голстинскихъ купцовъ и для учиненія о персидской торговлѣ договора. Тутъ же: 1) Переводъ съ грамоты саксонскаго курфирста, вѣрющей помянутымъ посламъ, коей проситъ о дозволеніи купить въ Россіи около 50 тысячъ пуд. селитры для него, курфирста; 2) Отпускъ ихъ пословъ въ Голстинію; 3) Отпускъ корабельныхъ мастеровъ Анца Беркова съ товарищи въ Нижній городъ для дѣланія тамо судовъ для поѣздки впредь въ Персію голстинскихъ пословъ. — № 3. 1634 г. октября 26. Проектъ (въ 17 статьяхъ на нѣмецкомъ языкѣ) голстинскихъ пословъ Филиппа Крузіуса и Отто Брюгемана о учрежденіи чрезъ Россію въ Персію голстинской коммерціи съ показаніемъ, какіе товары голстинская компанія вывозить будетъ изъ Персіи, какіе оставлять въ Россіи и какіе съ собою провозить въ Германію.— № 4. 1634 г. декабря 3. Переводъ (на росс. яз.) съ записи голстинскихъ пословъ Крузія и Брюгемана, учиненной въ Москвѣ съ россійскими министрами бояриномъ княземъ Лыковымъ-Оболенскимъ, окольничимъ Стрѣшневымъ, печатникомъ и думнымъ дьякомъ Гавреневымъ при шведскихъ послахъ Гильденстернѣ съ товарищи о произведеніи голстинской компаніи торговли чрезъ Россію съ Персіею во время десяти лѣтъ безпошлинно съ платежомъ погодно въ россійскую казну по 600 тысячъ

ефимковъ.—1635 г.: № 1. Переводъ съ подтвержденной грамоты голстинскаго герцога Фридерика, данной на договоръ, заключенный въ Москвѣ 3-го декабря 1634 г. о торговлѣ съ Персіею *(безъ начала)*. № 2. Отписка воеводы Григорья Плещеева о Алферьѣ Люпортѣ, голстинскаго князя прикащикѣ, изъ города Архангельскаго съ кораблемъ голстинскаго князя отправленномъ въ голстинскую землю съ хлѣбомъ. — 1636 г. апрѣль — 1639 г.: № 1. Вторичный въ Москву пріѣздъ голстинскихъ пословъ Крузіуса и Брюгемана съ ратификаціею на постановленный въ Москвѣ договоръ о голстинской съ Персіей коммерціи. Тутъ же отпускъ ихъ, пословъ, въ Персію и возратный оттуда пріѣздъ *(сей столпъ весь сгнилъ)*.— № 2. 1639 мартъ. Тайная конференція бывшаго въ Москвѣ голстинскаго посла Отта Брюгемана съ боярами до поѣздки его въ Персію и по возвращеніи оттуда, о намѣреніи голланцевъ поселиться по договору шведскаго короля съ ними съ голланцами въ Ижорской землѣ, по осмотру инженера Ягана Апельмана; отправленіе отъ него посла къ голстинскому князю съ гонцомъ, грамоты о семъ дѣлѣ и выписка съ полученныхъ на оныя изъ Голстиніи отвѣтовъ. —№ 3. Съ іюля — февраля 1637 г. Оправленіе и статейный списокъ бывшаго у голстинскаго князя въ гонцахъ Григорья Неронова, подьячаго Зяблаго и толмача Дрябина съ объявленіемъ о бытности у государя на посольствѣ голстинскихъ пословъ Крузіуса и Брюгемана и объ отпускѣ ихъ въ Персію *(перемѣшанъ столпъ)*. — № 4. Апрѣль. Дѣло по челобитью новгородскихъ казаковъ Тимоѳея Ѳедотова съ товарищи, провожавшихъ голстинскихъ пословъ Крузіуса и Брюгемана, о пожалованіи имъ за проѣздъ и дорожныя издержки денежнаго жалованья.—1639 г. съ января до іюня. № 1. Возвратный изъ Персіи въ Москву пріѣздъ голстинскихъ пословъ Крузіуса и Брюгемана вмѣстѣ съ персидскимъ посломъ Имамомъ Кулибекомъ, размѣнъ ратификацій на заключенный въ Москвѣ о голстинской съ Персіею торговлѣ договоръ; отпускъ въ Голстинію помянутыхъ пословъ съ государевыми грамотами къ голстинскому князю объ отпускѣ пословъ, также въ Голстинію къ доктору Гартману Граманну и въ Саксонію къ профессору Адаму Олеаріусу о вызовѣ ихъ въ Россію; отпускъ, по просьбѣ ихъ, пословъ, и по челобитью оставшагося въ Москвѣ голстинскаго агента Балтазара Мушерона, изъ Москвы въ Голстинію гамбургскаго гостя Петра Марселиса. — № 2. Февраль. Чорная, подтвержденная запись, данная съ россійской стороны голстинскимъ посламъ Крузіусу и Брюгеману о содержаніи условій, учиненныхъ ими касательно голстинской съ Персіею торговли. — № 3. Февраль. Извѣтъ Крузіуса и Брюгемана и гамбурца Петра Марселиса на дьяка Назарья Чистаго во взяткахъ въ 2,000 руб. — № 4. Іюня 27. Прибытіе голстинца Якова Сверкеля съ грамотою («подтвержденная государемъ грамота по ихъ осмотру явилась не сходна съ учиненною въ Москвѣ о персидскомъ торгу записью»).— 1641 г. № 1. Выписка о договорѣ Крузіуса и Брюгемана о персидской коммерціи. — № 2. Октябрь 18. Переводъ съ грамоты къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ голстинскаго князя Фридерика «съ негодованіемъ за государевъ выговоръ по дѣлу голстинскаго въ Персіи торгу».— 1643 г. № 1. Августъ. Отпускъ изъ Москвы голстинскаго гонца Адама Олеаріуса съ государевыми грамотами къ князю голстинскому (и къ саксонскому курфирсту) просительными о присылкѣ рогу единорога.

В. **Реестръ голстинскимъ грамотамъ.** № 1. 1633. Марта 26. Грамота Фридерика (благодарность за 3,000 четвертей ржи и о пропускѣ въ Персію).—№ 2. 1633. Марта 26. Грамота къ свят. патріарху Фила-

рету Никитичу о томъ же.—№ 3. августа 26. Вѣрющая грамота Крузіусу и Брюгеману изъ Голстиніи. — № 4. 1633. Октября 9-го. Грамота къ царю Михаилу Өеодоровичу отъ герцога Фридерика, обѣщающая прислать по требованію его, государя, доктора Венделина Сибелиста.— № 5. 1635. Сентября 24. Грамота къ царю Михаилу Өеодоровичу отъ герцога Фридерика о пропускѣ въ Персію.—№ 6. 1635. Мая 13. Грамота къ царю Михаилу Өеодоровичу объ отпускѣ задержаннаго въ Россіи табаку, принадлежащаго посланнику его Брюгеману.—№ 7. 1640. Іюня 3-го. Переводъ съ грамоты къ царю Михаилу Өеодоровичу — «уничтожить заключенный въ Москвѣ черезъ пословъ его Филиппа Крузіуса и Отта Брюгемана договоръ . . . по той причинѣ, что посолъ Брюгеманъ заключилъ оный договоръ не по даннымъ ему наказамъ, и хотѣлъ произвести все оное воровскимъ образомъ единственно въ свою пользу, за что по учиненному надъ нимъ суду и смертную казнь получилъ».—№ 8. 1641. Октября 18-го. Грамота Фридерика касательно пресѣченія съ Персіею торговли по причинѣ ложно заключеннаго объ томъ договора.—№ 9. 1643. Декабря 12-го. Изъ Готторпа. Грамота поздравительная къ объявленію царевича Алексѣя Михаиловича, извѣщающая о «невиновности своей, что по постановленному съ нимъ государемъ трактату прекращена черезъ Россійское государство въ Персію торговля, поелику онъ, герцогъ, отъ персидскаго шаха дозволенія на то не получилъ».

Г. **Реестръ голстинскимъ трактатамъ.** № 1. 1634, октября 26. Проектъ въ 17 статьяхъ о торговлѣ съ Персіею (на нѣмецк. языкѣ).—№ 2. 1634, ноября 12. Обязательство Крузіуса и Брюгемана (о 600,000 ефимковъ).— № 3. 1634, дек. 3. О торговлѣ безпошлинно съ платежомъ 600 тысячъ ефимковъ въ теченіе 10 лѣтъ.—№ 4. 1634, дек. 16. Тоже.—№ 5. 1635. Переводъ подтвержденной грамоты на трактатъ 3 дек. 1634 г.—№ 6. 1636, мая 20. О срокѣ 10-лѣтняго договора.—№ 7. 1639, февр. 23. Копія съ ратификаціи царя Михаила Өеодоровича на трактатъ отъ 3 декабря и 20 мая.

III.

Біографія Олеарія представляется въ главныхъ своихъ чертахъ достаточно извѣстною.

Біографія по «Allgemeine Deutsche Biographie»,1887, т. XXIV и др. даннымъ.

Адамъ Олеарій — Olearius, какъ онъ себя называлъ, латинизируя свою фамилію Oelschläger — родился въ Ашерслебенѣ около 1599 г. и умеръ въ своемъ домѣ подъ Готторпомъ 22-го февраля 1671 г. Отецъ его былъ бѣдный портной въ Ашерслебенѣ, повидимому, рано умершій, такъ какъ, по свѣдѣніямъ біографовъ, молодой Олеарій получалъ средства для обученія своего въ высшемъ учебномъ заведеніи отъ прибылей пряжи, которой занимались его мать и сестры. Лишь изумительное прилежаніе дало ему возможность посѣщать лейпцигскій университетъ, гдѣ онъ въ 1627 г. сталъ магистромъ философіи, а затѣмъ ассессоромъ философскаго факультета и «коллегіатомъ» меньшаго княжескаго учрежденія — Fürstenstiftung (а не ординарнымъ профессоромъ). Съ 1630 — 1633 гг. онъ былъ конректоромъ (помощ-

никомъ ректора) Николаевской гимназіи въ Лейпцигѣ. Лейпцигскимъ связямъ, повидимому, обязанъ Олеарій участіемъ въ голштинскомъ посольствѣ 1634 и слѣдующихъ годовъ, а со своей стороны онъ самъ, какъ кажется, привлекъ къ этому дѣлу своихъ друзей Павла Флеминга и Гартмана Грамана. Событія этого посольства ниже очень подробно разсказаны на стр. 1—63. По возвращеніи въ апрѣлѣ 1635 г. Олеарій, по порученію герцога, посылался къ кардиналу-инфанту брабантскому, вернулся больнымъ и долго лежалъ въ постели, но все-таки могъ примкнуть и ко второму, еще болѣе знаменитому посольству уже не только въ Московію, но и въ Персію. Оно еще болѣе подробно описано въ его книгѣ (въ нашемъ изданіи, какъ сказано выше, переведены только тѣ главы ея, которыя касаются Россіи). Кратковременнымъ пребываніемъ въ Персіи Олеарій воспользовался какъ нельзя лучше; это видно какъ изъ его описанія путешествія, такъ и изъ позднѣйшихъ трудовъ его по персидскому языку и литературѣ. Къ сожалѣнію, ему сильно мѣшали выходки посла Брюггемана, отъ которыхъ страдали достоинство всего посольства. Олеарій, отъ лица товарищей, рѣшился сдѣлать Брюггеману представленіе, принужденъ былъ отъ бѣшенства его спасаться у испанскихъ августинскихъ монаховъ и лишь неохотно отказался отъ мысли вернуться черезъ Вавилонъ и Алеппо. Онъ не упускалъ случая опредѣлять положеніе разныхъ мѣстъ, дѣлать наблюденія надъ магнитною стрѣлкою, собирать всякіе матеріалы для картъ и пріобрѣтать персидскія книги и рукописи. Друга своего фонъ-Мандельсло, путешествіе котораго въ Индію Олеарій позже издалъ, онъ оставилъ вмѣстѣ съ другими членами посольства въ Испагани. На возвратномъ пути отношенія между Олеаріемъ и посломъ Брюггеманомъ стали еще хуже. Какъ разсказываетъ Олеарій въ изданіи 1647 г. (стр. 527), въ Астрахани Брюггеманъ вновь сильно задѣлъ его лично во время обѣда. Олеарій отвѣчалъ ѣдкою фразою, изъ-за которой Брюггеманъ, схвативъ кинжалъ, грозилъ его убить и заставилъ уйти изъ-за стола. На это оскорбленіе Олеарій по возвращеніи жаловался въ Голштиніи, и Брюггеманъ долженъ былъ публично и письменно извиниться передъ нимъ. Въ 1639 г. посольство вернулось въ Голштинію. Олеарій, на котораго Брюггеманъ сильнѣе всего злоумышлялъ, поспѣшилъ еще до остальныхъ лицъ свиты вернуться въ Готторпъ, повидимому, чтобы принести жалобу на Брюггемана. Эта жалоба, вѣроятно, и привела къ уголовному процессу, результатомъ котораго была казнь Брюггемана. Еще когда Олеарій возвращался

Ср. прим. къ стр. 537.

Надпись кругомъ: «М[агистръ] Адамъ Олеарій изъ Ашерслебена въ Саксоніи, въ возрастѣ 45-и лѣтъ». Девизъ его по Псалму 73: «Ты поведешь меня по совѣту Твоему и примешь меня потомъ въ славѣ».

Внизу стихотвореніе:

Здѣсь на рисункѣ, читатель, стоитъ предъ тобой Олеарій!
Славный мой другъ для тебя обликъ его начерталъ.
Личнымъ знакомствомъ почтилъ его нѣкогда цесарь рутеновъ,
Также какъ Персіи царь, славный богатствомъ Сефи.
Такъ какъ нельзя на рисункѣ и геній его здѣсь представить,
Самъ силой генія онъ далъ намъ свой геній узнать.

Полик. Виртъ изъ Лейпцига
посвящаетъ это стихотвореніе.

Совсѣмъ внизу надпись: Въ году 1645.

въ 1639 г., московскій царь сдѣлалъ попытку принять его у себя на службу въ качествѣ астронома, но Олеарій, недовольный тѣмъ, что его въ Россіи считали за волшебника и звѣздочета, отказался, тѣмъ болѣе, что другъ его Іог. Ад. Кильманъ сталъ герцогскимъ совѣтникомъ и онъ ожидалъ хорошей карьеры въ Готторпѣ. Въ 1643 г., когда Олеарій вновь былъ въ Москвѣ, онъ снова отказался отъ подобнаго же предложенія остаться. Онъ такъ и остался въ Готторпѣ вѣрнымъ слугою герцога Фридерика и его преемника Христіана-Альбрехта до самой смерти своей. Герцогъ Фридерикъ сдѣлалъ его своимъ математикомъ и антикваріемъ и принялъ его въ число своихъ совѣтниковъ. Въ 1650 г. ему поручили управленіе библіотекою и такъ называемою кунсткамерою. Въ библіотекѣ видное мѣсто заняли привезенныя Олеаріемъ арабскія, персидскія и турецкія рукописи; по восточной литературѣ онъ многое издалъ, а арабско-персидско-турецкій словарь оставилъ въ рукописи. Олеарій старался также привести въ порядокъ собраніе рѣдкостей своего государя, пріобрѣтя для него знаменитую тогда коллекцію врача Палудана въ Энкгейзенѣ. Чтобы ознакомить широкіе круги общества съ этой кунсткамерою, Олеарій издалъ съ иллюстраціями ея описаніе подъ заглавіемъ: «Die Gottorffische Kunst-Kammer». Изъ описанія видно, что здѣсь на особыхъ куклахъ имѣлись и мужское и женское русскія одѣянія, одѣяніе черкасовъ, татаръ и т. п. Въ 1651 г. онъ сталъ членомъ литературнаго общества «Fruchtbringende Gesellschaft», состоявшаго подъ предсѣдательствомъ герцога саксенъ-веймарскаго. Олеарій славился въ это время, какъ «голштинскій Плиній» или «готторпскій Улиссъ»; онъ являлся математикомъ, физикомъ, историкомъ, оріенталистомъ (онъ извѣстенъ былъ какъ лучшій въ Европѣ знатокъ персидскаго языка) и поэтомъ. Подъ присмотромъ Олеарія съ 1654 по 1664 гг. строился Андреемъ Бушомъ знаменитый готторпскій глобусъ, 11-ти футъ въ діаметрѣ, съ изображеніемъ на внутренней сторонѣ звѣзднаго неба, а на наружной — земного шара; внутри глобуса былъ столъ, за которымъ могли сидѣть 10 человѣкъ, наблюдая движеніе небесныхъ тѣлъ по системѣ Коперника. Этотъ глобусъ Христіаномъ-Августомъ, внукомъ Фридерика, подаренъ былъ Петру Великому въ 1713 г. и въ 1714 г. перевезенъ въ С.-Петербургъ. Жизнь Олеарія въ общемъ протекла спокойно, хотя смуты XVII вѣка нѣсколько коснулись и его. 30-го октября 1658 г., во время датско-шлезвигской войны, его домъ близъ Готторпа былъ разграбленъ императорскими войсками. Когда смерть на 72-мъ году

Стр. 179.

положила конецъ прилежной до конца дѣятельности этого крѣпкаго, жизнерадостнаго старика, тѣло его было погребено въ шлезвигскомъ соборѣ; на надгробномъ камнѣ были высѣчены его портретъ и длинная эпитафія, составленная зятемъ его Л. Бурхардомъ.

Потомство Олеарія.

По возвращеніи изъ Персіи Олеарій женился на Екатеринѣ Мюллеръ, дочери ревельскаго магистратскаго совѣтника Іоганна Мюллера. Отъ нея онъ имѣлъ двоихъ дѣтей: сына Филиппа-Христіана Олеарія (род. 14-го апрѣля 1658 г.), получившаго въ 1689 г. въ Эрфуртѣ степень доктора медицины, и дочь Марію-Елисавету (род. въ 1640 г.), вышедшую замужъ за Бурхарда Нидерштадта, совѣтника при герцогѣ голштинскомъ; она была извѣстна благочестіемъ, ученостью и поэтическими способностями; умерла она въ Шлезвигѣ въ 1686 г., потерявъ за годъ передъ тѣмъ свою единственную дочь, бывшую замужемъ за голштинскимъ вице-канцлеромъ Андреемъ Улкеніусомъ. Эти свѣдѣнія о дочери Олеарія сообщаетъ «Nouveau Dictionnaire de Jacques George de Chauferié» (Suplement au Dictionnaire de T. Bayle; Amsterdam, 1753, III, стр. 28, s. v. Olearius). Отсюда видно, что утвержденіе П. Барсова (стр. XIV), будто «о дочери Олеарія свѣдѣній не имѣемъ», неосновательно.

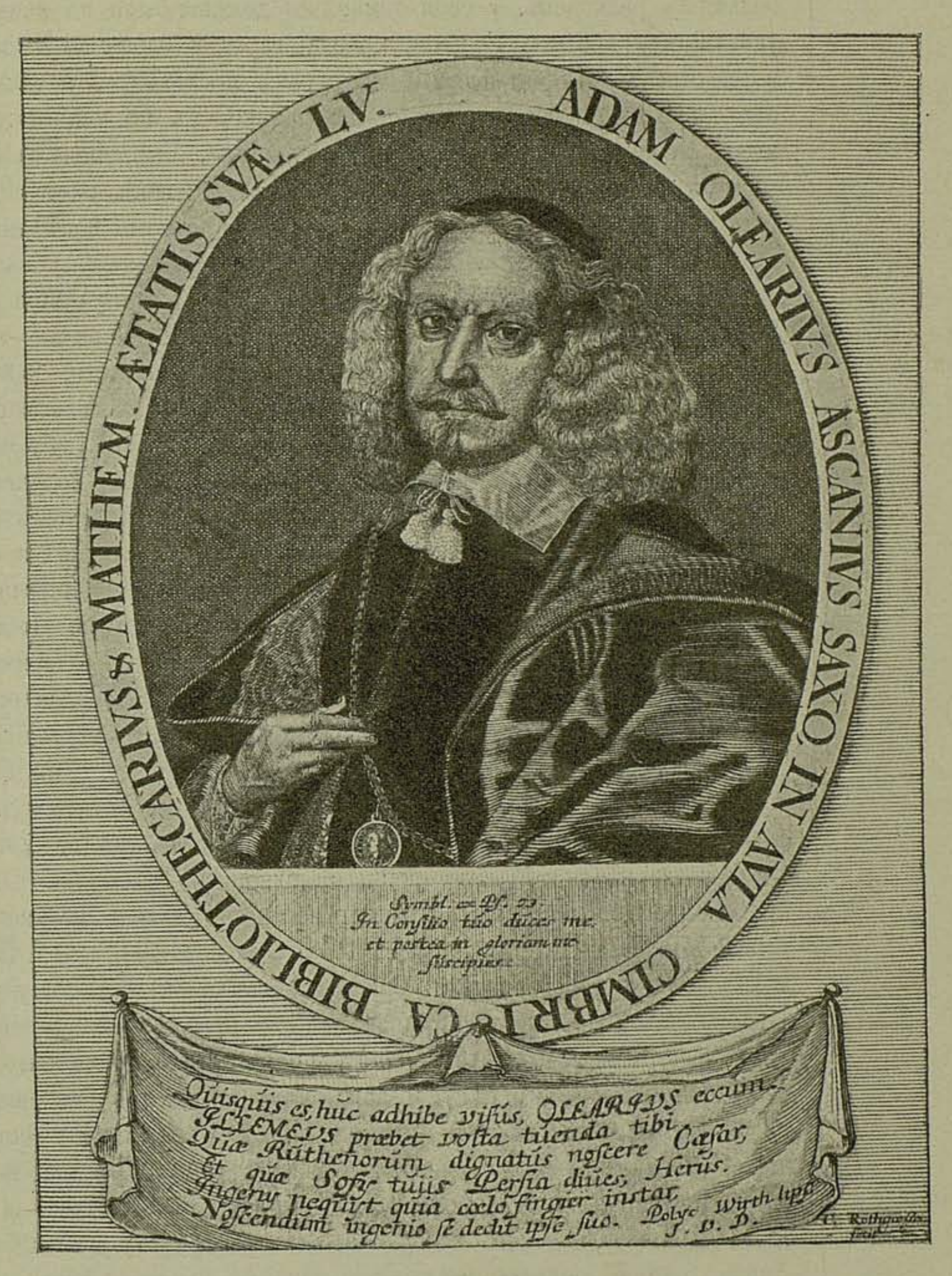
Характеръ Олеарія.

Во всемъ, что намъ извѣстно о жизни Олеарія, онъ выступаетъ передъ нами, какъ человѣкъ далеко недюжинный. Этотъ порою кропотливый кабинетный ученый, возившій постоянно съ собою часть своей библіотеки, тамъ, гдѣ требовалось дѣйствовать, выступалъ какъ человѣкъ энергичный, твердый, правдивый и предпріимчивый. Онъ не отличался той суровостью натуры, какъ многіе дѣятели XVII вѣка. Нѣкотораго рода чувствительная сентиментальность отличала, напримѣръ, ту нѣжную дружбу, которая его связывала съ поэтомъ Павломъ Флемингомъ и съ умершимъ въ молодыхъ годахъ фонъ-Мандельсло. Этотъ многосторонній человѣкъ, который, по словамъ Павла Флеминга, во время посольства былъ «правой рукою» пословъ и многое вынесъ на своихъ плечахъ, былъ до того скроменъ, что въ исторіи посольства даже не упоминаетъ о своихъ заслугахъ. Его наблюдательность и воспріимчивость въ достаточной мѣрѣ отражаются въ его книгѣ. Менѣе отражается въ ней его чуткость къ красотамъ природы: какъ справедливо указываетъ Фр. Ратцель въ своей біографіи Олеарія, «филологическіе и антикварные интересы заставляютъ его закрывать картины природы густою сѣтью цитатъ». Въ этихъ цитатахъ проявляется изумительная разносторонняя эрудиція Олеарія и критическое

чутье его. Въ общемъ онъ очень умѣло изъ разныхъ мнѣній выбираетъ наиболѣе близкое къ истинѣ, хотя иногда и отдаетъ дань своему вѣку, слишкомъ довѣрчиво относясь къ разсказамъ о знаменіяхъ и т. п. Рѣчь его какъ нельзя лучше отражаетъ и вѣкъ, и автора. То она кудрява и напыщена и блещетъ ученостью, то отличается суровой прямотой, искренностью, сжатостью и краткостью. Подобно большинству ученыхъ XVII вѣка, и Олеарій писалъ стихи и даже написалъ ихъ довольно много, но поэтомъ онъ не можетъ быть названъ.

Олеарій собственноручно изготовлялъ рисунки.

Особое значеніе для насъ должны имѣть труды Олеарія какъ рисовальщика. Въ виду важности ихъ для настоящаго изданія, мы приводимъ въ подлинникѣ относящееся къ нимъ заявленіе самого Адама Олеарія изъ предисловія къ изданію 1647 года: «Was die Kupfferstiche dieses Werckes anlangt, darff man nicht gedencken, dass sie etwa, wie wol bissweilen zu geschehen pfleget, aus anderen Büchern oder Kupfferstichen genommen seynd, sondern ich habe die meisten selbst mit eigener Hand (wie auch etliche unserer gewesener medicus H. Graman, mein getreuer Cammerade) nach dem Leben gezeichnet, und hernach mit Hülffe eines guten Künstlers Augustus John, so vor Jahren zu Leipzig im Reissen mein Informator gewesen, nach gewissen Stellungen in den Kleidungen der Nationen, die ich mit mir heraus gebracht, vollend perfect gemachet. Und damit nicht etwa im Stechen der Ehnlichkeit etwas abgehen möchte, habe ich 3 Kupfferstecher, nicht ohne grosse Unkosten, lange Zeit bey mir im Hause gehalten, welche das Werck nach meinem Willen verfertigen müssen. Ich habe zwar viel mehr entworffene und gezeichnete Städte, Gebewe und andere Dinge, wie auch etliche special Land-Charten, welch alle jetzo mit herausgeben die Zeit nicht leiden wollen», т. е. «Что касается вытравленныхъ на мѣди рисунковъ этого изданія, то не слѣдуетъ думать, что они, какъ это порою дѣлается, взяты изъ другихъ книгъ или рисунковъ на мѣди. Напротивъ, я самъ нарисовалъ собственноручно большинство этихъ рисунковъ (нѣкоторые же изъ нихъ — нашъ бывшій врачъ Г. Граманъ, мой вѣрный товарищъ) съ натуры. Потомъ они были приведены въ законченный видъ при помощи хорошаго художника Августа Іона, много лѣтъ тому назадъ учившаго меня въ Лейпцигѣ рисованію; при этомъ примѣнялись модели, одѣтые въ національные костюмы, вывезенные мною сюда. Чтобы, однако, при работѣ граверною иглою не потеряно было отчасти сходство, я въ теченіе долгаго времени держалъ трехъ граверовъ, не безъ

Надпись кругомъ портрета: «Адамъ Олеарій изъ Ашерслебена въ Саксоніи, при дворѣ въ Кимвріи библіотекарь и математикъ, въ возрастѣ 55-и лѣтъ». Девизъ тотъ же и стихотвореніе подъ портретомъ то же. Направо внизу подпись: «К. Ротгиссеръ приготовилъ (офортъ)».

Какъ видно изъ надписи, Олеарій называлъ себя Ascanius (Ангальтскій) вм. Ascharius (Ашерслебенскій), такъ какъ Ашерслебенъ находился въ прежнемъ асканскомъ графствѣ въ Ангальтѣ.

большихъ расходовъ, у себя дома; они должны были по моимъ указаніямъ работать. У меня, правда, гораздо больше чертежей и рисунковъ городовъ, зданій и другихъ предметовъ, а также нѣсколько спеціальныхъ ландкартъ; однако, въ настоящій моментъ не оказалось для изданія ихъ времени». Указанный здѣсь способъ изготовленія рисунковъ Олеарія заставляетъ насъ считать ихъ не менѣе достовѣрными, чѣмъ тѣ, которые помѣщены въ альбомѣ Мейерберга.

Приглашеніе въ Москву.

Посвящая свою книгу во второмъ изданіи Іоганну-Адольфу Кильману, Олеарій пишетъ въ предисловіи, помѣченномъ 5-мъ марта 1656 г.: «У меня все еще въ свѣжей памяти, какъ, по окончаніи персидскаго путешествія, я хотѣлъ изъ Голштиніи опять вернуться въ Московію и поступить тамъ на службу его царскаго величества. Я собрался уже въ путь въ силу полученнаго приглашенія, когда вы, основываясь на старой дружбѣ со времени лейпцигскаго университета, убѣдительно стали мнѣ приводить основанія, чтобы я перемѣнилъ свое намѣреніе и лучше устроился бы на вѣрномъ мѣстѣ при голштинскомъ дворѣ. Послѣ этого я, по желанію свѣтлѣйшаго и проч. государя Фридерика, . . . милостивѣйшимъ его предстательствомъ, освободился отъ русской службы и поступилъ всеподданнѣйше на его службу».

По отношенію къ этому эпизоду сохранился извѣстный документъ, до сихъ поръ имѣющійся въ черновомъ отпускѣ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Приводимъ его по снятой нами копіи съ рукописи:

«Божіею милостію отъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Русіи самодержца (полный титулъ) государя и обладателя, Саксонскіе земли Адаму Оліаріусу. Вѣдомо намъ, великому государю, нашему царскому величеству, учинилось, что ты гораздо научонъ и навыченъ астрономіи, и географіи и небесного бѣгу и землемѣрію и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ, великому государю, нашему царскому величеству, мастеръ годенъ, и мы, великій государь, наше царское величество, велѣли къ тебѣ послати сее нашу, царского величества, опасную грамоту и тебѣ бъ, Адаму, нашего царского жалованья къ себѣ поискати ѣхати къ намъ, великому государю, тѣмъ мастерствомъ своимъ послужити также, какъ и въ иныхъ въ розныхъ государствахъ службу свою объявилъ, и на Москвѣ у нашего царского величества побыти тебѣ вольно по твоей волѣ и хотѣнью, а мы, великій государь, пожалуемъ тебя нашимъ царскимъ жалованьемъ, смотря по твоей къ нашему царскому величеству службѣ. А будетъ ты похочешь

ѣхати назадъ въ свою землю и тебѣ будетъ тогды по нашему царскому жалованью назадъ отъѣхать добровольно жъ со всѣми твоими людьми и съ животы безо всякаго задержанья и зацѣпки. А ся наша царского величества грамота тебѣ и опасная. Писанъ въ государствія нашего дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7147, мѣсяца марта 11 дня.

Такова государева опасная грамота отослана къ боярину къ Өедору Ивановичю Шереметеву».

Переписка о единорогѣ.

Послѣ отказа отъ этого приглашенія Олеарій, однако, въ 1643 году всетаки пріѣхалъ въ Москву съ какимъ-то порученіемъ отъ голштинскаго правительства. Объ этомъ имѣется слѣдующаго рода сохранившійся до сихъ поръ въ рукописи документъ отъ августа 1643 (7151) года:

«Отпускъ изъ Москвы голстинскаго гонца Адама Олеаріуса съ государевыми грамотами къ князю голстинскому (и къ саксонскому курфирсту) просительными о присылкѣ рогу единорога:

Переводъ съ письма, что прислалъ въ посольской приказъ голштенскаго Фридерика князя гонецъ Адамъ Оліаріусъ въ настоящемъ во 151 году августа въ 22 день:

«Его царскаго величества канцлеру Өедору Өедоровичу. Высокопочтенный господинъ Өедоръ Өедоровичъ, со униженнымъ моимъ челобитьемъ и прошеніемъ къ тебѣ, господину, о трехъ статьяхъ.

Первое: бью челомъ его царскому величеству на его царское великое жалованье и дарѣхъ, и буду то похвалять государю своему Фридерику, князю голштенскому.

Другое: которое надобно, о чемъ мнѣ дана грамота курфирсту саксонскому, чтобы тое грамоту велѣти перевесть здѣсь, потому что въ Дрезденѣ, гдѣ курфирстъ сакской живетъ, переводчика нѣтъ. А государь мой, хотя съ тою царскою грамотою къ курфирсту и пошлетъ и мочно мнѣ сказать, что для однорожца, а того не видно, которымъ обычаемъ или какъ его купили или торговать хотятъ.

Третье то, что былъ у меня здѣсь на Москвѣ оставленъ у двора Миколаева малой Яганко Брунъ, какъ изъ Персиды шли, для наученья русскаго языку, и я бью челомъ, чтобъ его имя велѣти въ проѣзжую грамоту написать, чтобъ мнѣ въ томъ на дорогѣ мѣшкоты не было.

И бью челомъ господину канцлеру, что меня вскорѣ отпустить и потомъ предаю тебя въ сохраненье Бога Вышняго во многолѣтномъ здравьѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 1643 августа въ 22 день. А внизу у письма написано Адамъ Оліаріусъ имя его».

Дьякъ или канцлеръ, на имя котораго это прошеніе писано,— Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лихачовъ. Документъ о единорогѣ, о которомъ говоритъ Олеарій, имѣлъ такого рода содержаніе въ томъ его текстѣ, который адресованъ на имя Фридерика:

«...Вельможному Фридерику, наслѣднику норвежскому, арцуху шлезвигскому, голштинскому (полный титулъ)...

Вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что есть у васъ прямая кость инорогова рогу, и нашему царскому величеству такая кость годна, и вамъ бы, Фридерику князу, тое инороговы прямые кости половину прислати къ нашему царскому величеству въ цѣну за деньги, и о томъ къ нашему царскому величеству вѣдомо учинити, что той инроговѣ кости цѣна и сколь велика мѣрою та половина будетъ. Да нашему же царскому величеству вѣдомо учинилось подлинно, что у Ягана Юрья, курфистра саксгаго, есть инрогова рогу цѣлая прямая кость, а тебѣ онъ свой, и мы, великій государь, къ нему о томъ писали въ нашей царскаго величества грамотѣ: будетъ ему ту инрогову кость нашему царскому величеству въ деньги продати мочно или половину и сколь великъ и что тому рогу или половинѣ цѣна и онъ бы, курфистръ, о томъ нашему царскому величеству вѣдомо учинилъ, а наша царская грамота о томъ послана съ твоимъ подданнымъ съ... [неразборчиво].

И вамъ бы, князю Фридерику, ту нашу, царскаго величества, грамоту къ курфистру саксгому послать отъ себя, по свойству и по любви, отписати съ кѣмъ пригоже о томъ инроговѣ рогу вели, той инроговъ рогъ или половину намъ, великому государю, въ цѣну продати, и сколь великъ и что цѣна, о томъ бы о всемъ тебѣ, князю Фридерику, нашему царскому величеству отписати, а мы, великій государь, по вашей любви также вамъ рады воздавать нашею государскою любовью, что будетъ нашему царскому величеству возможно.

Писано въ государствія нашего дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7151 г. августа... дня».

Сохранилась и подорожная, данная въ этомъ случаѣ Олеарію:

«Государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи отъ Москвы по городамъ до Твери и до Торжку и Великого Новагорода и до Пскова боярамъ нашимъ и воеводамъ и дьякомъ и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. По нашему указу отпущенъ отъ насъ съ Москвы голштенскаго князя Фридерика гонецъ Адамъ Аліаріусъ, а съ нимъ людей его два человѣка и проводить его посланъ до Новагорода и до Пскова новгородецъ Микита Панской, а съ нимъ для береженья до Твери три

человѣка литовскихъ стрѣльцовъ, и на кормъ гонцу съ людями дано отъ Москвы до Новагорода, да и до Пскова, на двѣ недѣли деньгами на Москвѣ, а питье дано ему на Москвѣ до Твери на три дни по три чарокъ вина, по двѣ кружки меду, по три кружки пива, людемъ его по три чарки вина, по двѣ кружки пива человѣку на день. И какъ въ который городъ Микита Панской съ голштенскимъ гонцомъ пріѣдетъ и вы бъ, воеводы наши и дьяки и всякіе наши приказные люди, голштенскому гонцу съ людьми и приставу ихъ Микитѣ давали подводы по подорожнымъ, а провожатыхъ давали отъ города до города по три человѣка, а питье голштенскому гонцу и людемъ его вино и пиво и медъ велѣли давати по городамъ съ кабаковъ потомужъ, какъ выше сего написано и отпускали... [неразборчиво] незадерживая. Писано на Москвѣ лѣта 7151, августа въ 22 день».

Это пребываніе свое въ Москвѣ самъ Олеарій называетъ послѣднимъ (стр. 205 нашего перевода). Въ книгѣ есть указаніе на то, что въ Эстляндіи Олеарій былъ и позже этой даты (ср. слова «годъ тому назадъ» на стр. 102).

Изданія книги Олеарія.

Остается сказать нѣсколько словъ объ изданіяхъ путешествія Олеарія. Перечисленіе изданій подлинника и многочисленныхъ переводовъ на разные европейскіе языки дано у Аделунга въ его извѣстномъ трудѣ «Uebersicht der Reisenden» и въ изданномъ Императорскою публичною библіотекою католоґѣ Russica.

Въ С.-Петербургѣ въ Императорской публичной и въ академической библіотекахъ имѣются изданія XVII вѣка, носящія на титульныхъ листахъ цифры 1647, 1656, 1661, 1663, 1666, 1671, 1696. Изъ этихъ изданій первое озаглавлено «Off begehrte Beschreybung», второе—«Vermehrte Newe Beschreybung», а изданія съ 1661 г.—«Aussführliche Beschreybung». Изданіе 1647 г.— несомнѣнно первое, 1656 года называется вторымъ, 1663 года— третьимъ, а 1671 года четвертымъ. На титулѣ изданія 1671 г. напечатано: Izt zum vierten und letzen mahl correct herausgegeben», т. е. «нынѣ изданное въ четвертый и послѣдній разъ въ исправномъ видѣ». Два экземпляра изданія 1661 г. имѣются въ С.-Петербургѣ въ Императорской публичной и въ академической библіотекахъ, а цифра 1666 напечатана на имѣющемся въ Императорской публичной библіотекѣ фронтисписѣ изданія, которое на второмъ заглавіи носитъ пифру 1663. По титульнымъ листамъ до сихъ поръ чаще всего судили о количествѣ изданій Олеарія. Между тѣмъ такой способъ опредѣленія числа изданій неправиленъ, если, напримѣръ, желаютъ узнать, сколько было *переработанныхъ* изданій, представляю-

щихъ существенную разницу по отношенію другъ къ другу. Изданія 1661, 1663 и 1666 гг. отличаются лишь по обозначенію года на титульномъ листѣ. Изданіе 1671 г. тожественно съ ними, за единственнымъ исключеніемъ: здѣсь опущенъ текстъ королевской привилегіи, выданной автору въ 1656 г. на 10 лѣтъ. Существенна разница между изданіемъ 1647 и 1656 г. Первое изданіе, по словамъ самого Олеарія въ предисловіи къ изданію 1656 г., разошлось все. Тогда онъ черезъ 9 лѣтъ совершенно переработалъ книгу, дополнивъ ее подробнымъ систематическимъ описаніемъ Россіи и Персіи, чего въ первомъ изданіи не было. Такъ получилось его «Vermehrte Newe Beschreibung». Изданія 1661—1671 гг. строка въ строку, буква въ букву, повторяютъ почти все содержаніе изданія 1656 года. Переверстаны лишь нѣсколько страницъ въ концѣ книги (pp. 721—738), чтобы дать мѣсто пропущеннымъ въ изданіи 1656 г. заголовкамъ главъ. Въ текстѣ перемѣнъ почти нѣтъ, если не считать двухъ, трехъ перемѣнъ въ выраженіяхъ на послѣднихъ страницахъ. Напр. въ изданіи 1656 г. на стр. 750 сказано: «Salve schiessen aus groben Stücken», а въ изданіи 1661 г. и слѣд.: «Salve schiessen aus groben Stücken und halben Carthaunen» (на той же страницѣ). Такимъ образомъ мы въ правѣ говорить о двухъ лишь изданіяхъ, представляющихъ существенную разницу въ содержаніи. Замѣчательно, что указанныя въ концѣ изданія 1656 г. опечатки не исправлены и даже не названы въ послѣдующихъ изданіяхъ. Кромѣ того во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ 1656 г., послѣ страницы 752-й по ошибкѣ слѣдуетъ 755-ая.

Текстъ изданія 1696 г. — перепечатанъ, уже послѣ смерти Олеарія, въ иномъ форматѣ и въ два столбца съ изданія 1661 — 1671 годовъ. Позднѣйшія изданія книги Олеарія, а также переводы не имѣютъ значенія для нашей работы.

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ ГОЛШТИНСКАГО ПОСОЛЬСТВА

ВЪ МОСКОВІЮ И ПЕРСІЮ

In consilio tuo ducis me
Vermehrte
Moscowitische
und
Persianische
Reisebeschrei
bung
Zum Andern mahl
herauß gegeben
Durch
Adam Olearius
Im Jahr
1656

I.

(Книга I, глава 2).

О первомъ отбытіи изъ Голштиніи, плаваніи по Балтійскому морю и прибытіи въ Лифляндію.

Когда свѣтлѣйшій высокородный князь и государь Фридерикъ, наслѣдникъ норвежскій, герцогъ шлезвигскій, голштинскій, стормарнскій и дитмарсенскій, графъ ольденбургскій и дельменгорстскій, милостивѣйшій князь и государь мой, рѣшилъ предпринять и отправить, по важнымъ причинамъ, выше [въ заглавіи] упомянутое драгоцѣнное посольство, то были опредѣлены послами его тогдашніе совѣтники: благородные, честные, высокопочтенные и ученѣйшіе господа Филиппъ Крузіусъ изъ Ейслебена, обоихъ правъ лиценціатъ, нынѣ, по дворянству, особой милостью его королевскаго величества шведскаго ему дарованному, именуемый Филиппомъ Крузенштерномъ и состоящій королевскимъ придворнымъ совѣтникомъ, бургграфомъ нарвскимъ и генералъ-директоромъ коммерціи въ Эстоніи и Ингерманландіи, и господинъ Отто Бругманъ изъ Гамбурга. Оба они въ годъ по Р. Х. 1633, 22-го октября, впервые были отправлены изъ княжеской резиденціи Готторпа въ Москву къ великому государю царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу, всея Россіи самодержцу и проч., чтобы просить о свободномъ пропускѣ черезъ Россію въ Персію. Когда всѣ необходимыя для такого путешествія вещи были заготовлены, они со свитою въ 34 человѣка 6-го ноября собрались въ путь изъ Гамбурга, 7-го того же мѣсяца прибыли въ Любекъ, а 8-го въ Травемюнде, гдѣ мы приняли на судно опытнаго корабельщика по имени Михаила Кордеса, намѣреваясь воспользоваться его помощью на Каспійскомъ морѣ. 9-го мы, съ веселыми пожеланіями многихъ добрыхъ

Начало поѣздки.

друзей, сопровождавшихъ насъ изъ Гамбурга и Любека до берега, вышли въ море. Судно, на которомъ мы плыли, называлось «Fortun», корабельщикомъ былъ Гансъ Мюллеръ. Съ нами же на суднѣ ѣхалъ и господинъ Венделинъ Зибелистъ, докторъ медицины, котораго великій князь призвалъ къ себѣ въ гофъ- и лейбъ-медики, а его княжеская свѣтлость герцогъ шлезвигъ-голштинскій рекомендовалъ его царскому величеству.

Въ первый разъ подъ парусами.

Послѣ обѣда мы весело оттолкнулись отъ берега и стали на рейдѣ на якорѣ. Вечеромъ къ 9 часамъ, когда подулъ желанный зюйдъ-вестъ, мы, во имя Божіе, стали въ паруса и въ ту же ночь сдѣлали 20 миль. На слѣдующій день, съ одобренія гг. пословъ и корабельщиковъ, были составлены кое-какіе корабельные законы и постановленія, чтобы народъ велъ себя тихо и скромно, а также, чтобы потомъ кое-что отъ штрафовъ нашихъ преступниковъ досталось бѣднымъ. Съ этой цѣлью были установлены нѣкоторыя должности, а знатнѣйшимъ лицамъ было поручено слѣдить за исполненіемъ законовъ и штрафовать преступниковъ. Этого порядка настолько строго придерживались, что по окончаніи плаванія, т. е. черезъ четыре дня, выручены были 22 рейхсталера, которые переданы корабельщику для распредѣленія половины рижскимъ, а половины любекскимъ бѣднымъ.

Островъ Борнгольмъ.

10-го ноября, къ вечеру, мы прошли мимо острова Борнгольма, оставивъ его на добрую милю вправо отъ насъ; досюда считается 40 миль отъ Любека. Это высокій и мѣстами скалистый островъ, въ 3 мили длиною и шириною, съ хорошими пастбищами; говорятъ, онъ ежегодно даетъ нѣсколько ластовъ масла. Здѣсь имѣется у самаго берега замокъ старинной постройки, именуемый Гаммерсгаузенъ. Этотъ островъ въ старину принадлежалъ городу Любеку, но былъ переданъ, по особымъ причинамъ, его королевскому величеству датскому въ качествѣ крестиннаго подарка, и до сихъ поръ еще подвластенъ ему.

Близъ острова, къ сѣверу, лежатъ опасныя по кораблекрушеніямъ подводныя скалы Эрдгольмъ, которыхъ мореплаватели осеннимъ временемъ очень боятся. Такъ какъ эти скалы ночью нельзя замѣтить даже съ помощью лота — въ непосредственной близости у нихъ очень глубоко — то и случается такъ, что много судовъ тамъ терпятъ крушеніе и идутъ ко дну.

11-го сего мѣсяца въ полдень мы, при добрыхъ погодѣ и вѣтрѣ, пришли къ 56° широты. Къ вечеру вѣтеръ позади насъ началъ крѣпчать и продолжался всю ночь; поэтому пришлось уменьшить паруса. Большинство изъ насъ, кто еще не ѣздилъ по морю, получили обычную морскую болѣзнь и лежали столь

Отчего дѣлается морская болѣзнь.

слабыми, что иные думали уже помирать. Болѣзнь эта, однако, происходитъ не оттого, что (какъ пишутъ Понтанъ въ книгѣ «Bellaria Attica» и другіе) намъ претитъ сильный запахъ морской воды, но исключительно отъ движенія судна. Вѣдь у большинства оно вызываетъ непривычное сотрясеніе живота и головокруженіе; тѣ же, кто привыкли къ этому движенію и несклонны къ головокруженіямъ, не испытываютъ неудобствъ. Вотъ, по моему, и причина, почему маленькія дѣти, привычныя еще къ качанію въ колыбели, очень рѣдко ощущаютъ эту болѣзнь. Причина этого недомоганія ясна и изъ того, что оно чувствуется не въ самомъ началѣ плаванія, пока вѣтеръ еще слабый, но часто только черезъ нѣсколько дней, когда сильный вѣтеръ качаетъ корабль. Если же бурная погода держится нѣсколько дней, то болѣзнь у большинства проходитъ сама собою. Я подобное явленіе изучилъ на нѣкоторыхъ изъ насъ на рѣкѣ Волгѣ, въ которой нѣтъ соленой воды: при тихой погодѣ они долгое время плыли, ничего не ощущая, а когда началась сильная буря, съ вѣтромъ противъ теченія рѣки, и корабль сталъ качаться, то они опять ощутили это недомоганіе. Поэтому ничего не стоитъ замѣчаніе Понтана въ той же книгѣ на стр. 524-й: Quod, qui in fluvio navigant, horum nihil persentient, quia ibi non faetor maris (т. е. «плывущіе по рѣкѣ на суднѣ не ощущаютъ подобныхъ неудобствъ, такъ какъ тамъ нѣтъ запаха моря»); на самомъ дѣлѣ, все нужно приписать непривычному движенію.

Съ такимъ только что упомянутымъ сильнымъ вѣтромъ мы могли придерживаться правильнаго пути или курса, какъ говорятъ корабельщики, и за эту ночь сдѣлали 15 миль. На слѣдующій день, 12-го, послѣдовалъ за вѣтромъ совершенный штиль, такъ что вѣтерокъ не колыхнулся, и судно остановилось на мѣстѣ. При такой тихой погодѣ мы велѣли вынести на мостикъ наши музыкальные инструменты, благодарили и хвалили Бога пѣніемъ и струнной игрою за милостивую охрану, намъ дарованную въ предыдущую ночь. Къ обѣду мы опять получили съ юга добрый вѣтеръ, доставившій насъ потихоньку къ Домеснесу, мысу, который отъ Курляндіи вдается въ море. Здѣсь мы стали на якорѣ и оставались тутъ до 13-го вечеромъ, когда вѣтеръ сталъ западнымъ и мы вкругъ мыса смогли въѣхать въ заливъ. 14-го рано утромъ прибыли мы къ окопамъ Дюнамюнде (Усть-Двинска), лежащимъ у устья рѣки Двины (отсюда и наименованіе ихъ), въ двухъ миляхъ отъ города Риги. Такъ какъ спустился густой туманъ и ничего нельзя было видѣть вдали отъ себя, то мы сообщили о своемъ приближеніи трубою, чтобы изъ око-

повъ получить лоцмана, безъ котораго заѣзжему не двинуться съ мѣста и не въѣхать, въ виду нечистаго дна. Вскорѣ затѣмъ прибыли таможенные и осмотрѣли судно, нѣтъ ли въ немъ купеческихъ товаровъ, за которые надо платить пошлину. Не найдя ничего, они прислали къ намъ лоцмана, съ которымъ мы двинулись впередъ и вечеромъ очень поздно, благодареніе Богу, благополучно подошли къ городу Ригѣ.

Прибытіе въ Ригу.

II.

(Книга I, глава 3).

Изъ Риги, черезъ Вольмаръ и Дерптъ, въ Нарву.

Послѣ того, какъ гг. послы оповѣстили горожанъ о своемъ пріѣздѣ, они, кое съ кѣмъ изъ народа, вышли на берегъ и прошли въ городъ, гдѣ насъ встрѣтили нѣсколько военныхъ офицеровъ съ пустою каретою, присланною мѣстнымъ губернаторомъ для пріема пословъ. Будучи однако недалеко отъ гостиницы, послы не захотѣли сѣсть, но пѣшкомъ были сопровождены до гостиницы Ганса Краббенгёфта, гдѣ они и помѣстились съ знатнѣйшими изъ своей свиты, размѣстивъ остальныхъ въ сосѣднихъ домахъ. 21-го ноября гг. послы получили подарки отъ благороднаго магистрата, а именно: быка, нѣсколько овецъ, куръ, зайцевъ и много дичи, равно какъ и нѣсколько пшеничныхъ и ржаныхъ хлѣбовъ и одну аму рейнскаго вина. На третій день послѣ этого послы устроили угощеніе, пригласивъ на него губернатора г. Андрея Эрихсена, благородный магистратъ, суперинтендента магистра Самсонія и нѣсколько высшихъ военныхъ офицеровъ города. Мы спокойно оставались въ городѣ пять недѣль, пока морозъ и снѣгъ не приготовили намъ хорошаго саннаго пути черезъ болота, лежащія въ окрестностяхъ. Отсюда путь шелъ на г. Дерптъ, и 14-го декабря наши вещи и утварь (или багажъ), кое съ кѣмъ изъ народа, были на 31 саняхъ посланы впередъ, а гг. послы слѣдовали на другой день. Такъ какъ большинство изъ насъ были непривычны къ ѣздѣ въ саняхъ и управленію лошадью изъ саней, а теперь приходилось этимъ заняться, то въ первый день можно было видѣть, какъ тотъ или другой нѣсколько разъ вываливались изъ саней, а потомъ со своими вещами опять поднимались со снѣга. 18-го мы прибыли въ городокъ Вольмаръ и были приняты здѣсь начальникомъ (или

Благороднаго магистрата въ Ригѣ подарки.

Городокъ Вольмаръ.

комендантомъ). Городъ этотъ въ 18-ти миляхъ отъ Риги и очень опустошенъ нападеніемъ русскихъ и поляковъ. Жители устроили себѣ на старыхъ стѣнахъ разрушенныхъ домовъ и около нихъ деревянныя жилища, по способу шведовъ и русскихъ. Отсюда мы 20-го проѣхали 6 миль до замка Эрмесъ, принадлежащаго полковнику де-ла-Барръ; здѣсь насъ приняли и княжески угостили двумя обѣдами. 21-го мы двинулись дальше на 4 мили до усадьбы Гальметъ, гдѣ намъ въ комнату привели къ столу ручного лося, ростомъ выше лошади. Этихъ животныхъ здѣсь много. Они послужили поводомъ къ тому, чтобы привлечь сюда нѣсколько лѣтъ тому назадъ ремесленниковъ и рабочихъ изъ Германіи для обработки земли; ихъ убѣдили, что страна тутъ богатая и полюбится имъ, такъ какъ тутъ, будто, такое изобиліе всего, что лоси забѣгаютъ даже въ дома къ людямъ. Такъ какъ, однако, нѣмцы не были привычны къ тамошней тяжкой работѣ и къ способу обработки полей, то имъ пришлось плохо, они обѣднѣли и, дѣйствительно, «Elend», но не въ смыслѣ «лося», а «нищенства», зашелъ къ нимъ въ дома. Съ горемъ, при помощи добросердечныхъ нѣмцевъ, они опять отправились въ Германію, какъ нѣкоторые изъ нихъ, которыхъ мы какъ-то встрѣтили, сами намъ жаловались.

Усадьба Гальметъ.

Elend—«лось» и Elend—«нищета».

22-го декабря мы подвинулись впередъ еще на 4 мили до замка Рингенъ, а на слѣдующій день достигли города Дерпта. Этотъ городъ лежитъ въ Эстоніи или Эстляндіи на рѣкѣ Эмбекъ, посреди Лифляндіи, окруженъ круглой каменной стѣной и бастіонами, которые, подобно домамъ, построены по старинному. Многочисленными войнами, особенно въ 1571 г. русскими — городъ этотъ очень опустошенъ, какъ о томъ можно прочитать въ «Лифляндской хроникѣ» Геннинга. Раньше онъ принадлежалъ московитамъ и назывался Юрьевымъ-городомъ. Занятъ онъ нѣмецкими геермейстерами въ годъ по Р. Х. 1230 и сдѣланъ епископской резиденціею. Здѣсь былъ епископомъ герцогъ Магнусъ Голштинскій, зять тирана, о чемъ вспоминаетъ Гамельманъ въ «Ольденбургской хроникѣ» на стр. 544-й. Въ 1558 г. тиранъ Иванъ Васильевичъ снова завоевалъ Дерптъ. Въ 1582 г. король Стефанъ польскій подчинилъ городъ себѣ, но когда герцогъ Карлъ Зюдерманландскій принялъ шведскую корону и повелъ войну съ поляками, то онъ, между другими городами, завладѣлъ и этимъ. Такимъ образомъ, Дерптъ и теперь въ подданствѣ его королевскаго величества шведскаго.

Замокъ Рингенъ.

Прибытіе въ Дерптъ.

Въ Дерптѣ находится лифляндская высшая школа или университетъ и королевскій гофгерихтъ. Высшая школа основана по

почину и при поддержкѣ г. Іоганна Скитте, владѣтеля въ Дудероффѣ, бывшаго информатора и гофмейстера короля Густава Адольфа, и освящена въ 1632 г. 15-го октября. Сынъ г. Іоганна Скитте Яковъ былъ первымъ ректоромъ этого университета, а при немъ состоялъ въ качествѣ проректора Андрей Виргиній, померанскій дворянинъ и докторъ Св. Писанія. Среди ученыхъ людей и знаменитыхъ профессоровъ, съ которыми мы тамъ познакомились, находились: упомянутый докторъ Виргиній, Іоганъ Балау изъ Ростока, докторъ медицины, позже призванный въ лейбъ-медики въ Москву, Фридрихъ Меній, увѣнчанный императоромъ поэтъ и профессоръ исторіи, и магистръ Петръ Андрей Шомеръ, математикъ, родомъ изъ шведскаго Гапсаля. Число студентовъ было въ наше время еще очень невелико: всего только 10 шведовъ и немного финновъ находились тамъ.

Профессора въ Дерптѣ.

Отпраздновавъ въ Дерптѣ нашъ рождественскій праздникъ, мы 29-го декабря направились дальше и продолжали путь нашъ до Нарвы.

III.

(Книга 1, глава 4).

Какъ мы прибыли въ Нарву. Путешествіе оттуда, черезъ крѣпости Ямъ и Копорье, до Нотебурга.

Въ годъ по Р. Х. 1634 г.

3-го января 1634 г. мы прибыли въ Нарву и остановились у Якоба фонъ-Кёллена, виднаго мѣстнаго торговца и трактирщика. Здѣсь мы, изъ-за долгаго неприбытія шведскихъ гг. пословъ, которые, ради извѣстныхъ причинъ, желали съ нами вмѣстѣ подняться въ Москву, прождали въ большой досадѣ до 22-хъ недѣль. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы у насъ тутъ недоставало увеселеній для препровожденія времени. Мы не только ежедневно устраивали княжескій столъ съ хорошимъ угощеніемъ и порядочною музыкою, при чемъ многіе знатные господа, зачастую посѣщавшіе гг. пословъ, вели пріятныя бесѣды,—но мы и ѣздили на различныя важныя пиршества, а также приглашались и уводились въ поѣздки верхомъ и на охоту. Однако страстное желаніе ѣхать дальше не давало намъ оцѣнить все это веселье. Къ тому же много хлопотъ было нашимъ господамъ посламъ изъ-за нашего простого люду, столь долго остававшагося въ праздности и часто вступавшаго въ ссоры и

драки съ нарвскими солдатами; постоянно поэтому приходилось имъ, вмѣстѣ съ г. губернаторомъ, судить и мирить.

Кое-кто изъ нашего люда посылается въ Новгородъ.

Такъ какъ мы, однако, предполагали, что до весны намъ отсюда не выбраться, а въ это время между Нарвою и Новгородомъ по большой дорогѣ очень трудно пробираться, то магистръ Павелъ Флемингъ кое съ какимъ людомъ, съ лошадьми, веденными подъ узцы, и съ тяжелымъ скарбомъ, 28-го февраля, при хорошей санной дорогѣ, былъ отправленъ впередъ въ Новгородъ. Одновременно поѣхалъ впередъ и д-ръ Венделинъ со своими людьми, вскорѣ затѣмъ собравшійся и дальше въ путь до Москвы.

Послы отправляются въ Ревель.

Когда, наконецъ, въ Нарвѣ мы почувствовали такой недостатокъ въ провіантѣ, что наши закупщики русскіе должны были искать куръ и овецъ за 8 миль кругомъ, а мы всетаки еще, по извѣстнымъ причинамъ, не могли вскорѣ ожидать прибытія гг. шведскихъ пословъ, главою которыхъ назначенъ былъ ревельскій губернаторъ г. Филиппъ Шейдингъ, то наши господа послы съ 12-ю лицами отправились въ Ревель, оставивъ остальныхъ въ Нарвѣ. Въ Ревелѣ мы были приняты, со стороны благороднаго магистрата, съ салютами и подарками. Здѣсь мы пробыли еще 6 недѣль, а тѣмъ временемъ г. губернаторъ, благородный магистратъ и знатнѣйшіе граждане оказывали намъ всяческую честь и дружбу.

Что сказать о городахъ Ревелѣ и Нарвѣ, объ этомъ будетъ рѣчь во второмъ путешествіи.

Когда многократно упоминавшійся г. губернаторъ 10-го мая узналъ изъ почты, что другіе прикомандированные къ нему посланцы уже прибыли въ Нарву, то онъ пустился въ путь и въ день Вознесенія, а именно 15-го мая, направился съ нами въ Нарву. 18-го с. м. мы вновь прибыли туда, при чемъ шведскіе гг. послы, а именно полковникъ г. Генрикъ Флемингъ, г. Эрикъ Гилленшерна и г. Андрей Буреусъ со значительною свитою выѣхали къ намъ навстрѣчу за милю до города, любезно привѣтствовали насъ и ввели въ городъ, гдѣ вторично насъ приняли съ салютами изъ орудій.

По свиданіи господъ пословъ, съ обѣихъ сторонъ рѣшено было, что обѣ партіи возьмутъ путь къ Новгороду черезъ Корелію по Ладожскому озеру; объ этомъ эстафетою сообщено было новгородскому воеводѣ, чтобы онъ зналъ, гдѣ насъ встрѣтить и принять, и намъ не пришлось бы слишкомъ долго стоять у границы. Вѣдь въ Россіи, какъ и въ Персіи, обычай такой, что чужія посольства, прибывшія къ границѣ, должны заявить о себѣ и ждать, пока ихъ прибытіе будетъ эстафетою сообщено власте-

Какъ угощаютъ и содержатъ пословъ.

лину страны и будутъ отправлены приказы намѣстникамъ и начальникамъ провинцій, какъ ихъ принять и угостить. Вѣдь у московитовъ и персовъ всѣ послы и гонцы, посылаемые великими государями, сколь долго они остаются въ ихъ предѣлахъ, получаютъ безплатно пропитаніе и проѣздъ съ конвоемъ для охраны. Поэтому посламъ и дается проводникъ (по-русски «приставъ», по-персидски: мехемандаръ) съ нѣсколькими солдатами, чтобы вести ихъ черезъ страну.

Приставъ.

Когда, такимъ образомъ, эстафета, какъ сказано, отправлена была въ Новгородъ, шведскіе господа послы 22-го мая выѣхали изъ Нарвы и поднялись до крѣпости Копорья, чтобы тамъ отпраздновать Троицу и подойти поближе къ русской границѣ.

Русскія женщины оплакиваютъ своихъ покойниковъ.

24-го мая, въ субботу передъ Троицею, я отправился въ русскую Нарву посмотрѣть, какъ русскіе поминаютъ своихъ умершихъ и погребенныхъ друзей. Кладбище было полно русскихъ женщинъ, которыя на могилахъ и могильныхъ камняхъ разложили прекрасные вышитые пестрые носовые платки, а на эти послѣдніе ими были положены на блюдахъ штуки 3 или 4 длинныхъ оладей и пироговъ, штуки 2 и 3 вяленыхъ рыбъ

и крашеныя яйца. Иныя изъ нихъ стояли, другія лежали на колѣняхъ тутъ же, выли и кричали и обращались къ мертвымъ съ вопросами, какіе, говорятъ, приняты на похоронахъ у нихъ. Если проходилъ мимо знакомый, они обращались къ нему, разговаривали со смѣющимся ртомъ, а когда онъ уходилъ, снова начинали выть. Между ними ходилъ священникъ съ двумя прислужниками, съ кадильницею, куда онъ временами бросалъ кусочекъ воску, и окуривалъ могилы, приговаривая нѣсколько словъ. Женщины говорили попу (такъ называютъ они своихъ священниковъ) подъ-рядъ имена своихъ умершихъ друзей, изъ которыхъ нѣкоторые уже лѣтъ 10 какъ умерли, другія читали имена изъ книги, нѣкоторыя же давали ихъ читать прислужникамъ, а попъ долженъ былъ повторять ихъ. Тѣмъ временемъ женщины наклонялись къ попу, иногда знаменуя себя крестнымъ знаменіемъ, а онъ помахивалъ противъ нихъ кадильницею.

Попы или священники у русскихъ.

Женщины тянули и тащили попа съ одного мѣста на другое, и каждая желала имѣть преимущество для своего покойника. Когда это кажденіе и моленіе, которое попъ совершалъ съ блуждающимъ лицомъ, безъ особаго благоговѣнія, бывало закончено, то женщина давала ему крупную мѣдную монету, въ родѣ зесслинга по-голштински или 6 пфенниговъ въ мейс-

сенской монетѣ. Пироги же и яйца слуги священника забрали себѣ, давъ кое-что изъ нихъ и намъ, нѣмцамъ, смотрѣвшимъ на это зрѣлище. Мы ихъ, въ свою очередь, роздали бѣднымъ дѣтямъ.

Выѣздъ изъ Нарвы.

26-го мая мы примирились съ Господомъ, приняли причастіе, и затѣмъ, пославъ нашу утварь и вещи кое съ кѣмъ изъ простого люда, водою, впередъ въ Ніеншанцъ, сами послѣдовали сушею туда же. При салютующихъ выстрѣлахъ изъ города, мы, въ сопровожденіи командующаго тамъ полковника Порта, отправились въ крѣпость Ямъ, которая, въ 3-хъ миляхъ (а не 12-ти миляхъ, какъ пишетъ фонъ-Герберштейнъ) отъ Нарвы, лежитъ въ Ингерманландіи за рѣкою, богатою рыбою, особенно лососями, и называющеюся «Ямскою рѣчкою». Здѣсь переѣзжаютъ на паромѣ. Эта крѣпость невелика, но окружена крѣпкими каменными стѣнами и 8-ю бастіонами. Когда Нарва была отнята у русскихъ, тогда же и этотъ городъ былъ завоеванъ. Здѣсь вблизи имѣется мыза, населенная русскими, которые, наравнѣ съ крѣпостью, въ подданствѣ у его королевскаго величества шведскаго.

Крѣпость Ямъ.

Доброе угощеніе въ Копорьѣ.

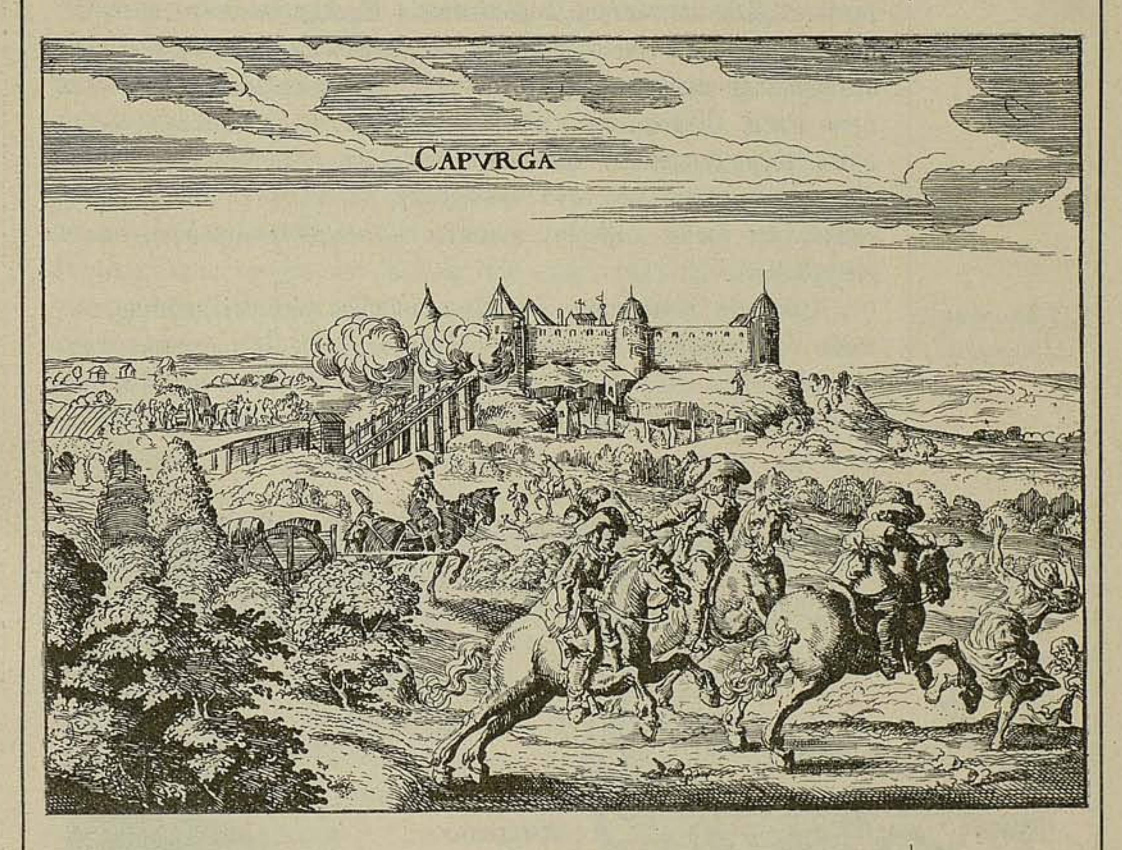
Здѣсь намъ дали новыхъ лошадей, на которыхъ 29-го с. м. мы проѣхали верхомъ 6 миль до крѣпости Копорье, гдѣ насъ прекрасно встрѣтили салютными выстрѣлами, а намѣстникъ г. Бугиславъ Розенъ прекрасно угостилъ насъ, накормивъ еще въ тотъ же вечеръ 48-ю блюдами и разными винами, медомъ и пивомъ. Угощеній и пиршествъ на слѣдующій день было не меньше, но даже еще обильнѣе и съ прибавленіемъ къ нимъ музыки и другого веселья. Въ 3 часа послѣ обѣда насъ съ салютными выстрѣлами и на свѣжихъ лошадяхъ отправили дальше. Отсюда поѣздка шла черезъ дворъ русскаго боярина, именемъ Н(икиты) Васильевича; такъ какъ онъ расположенъ въ 7-ми миляхъ отъ Копорья, а мы оттуда поздно выбрались, то намъ пришлось ѣхать всю ночь, пока мы прибыли ко двору. Рано утромъ въ 3 часа насъ бояринъ любезно принялъ и угостилъ разными кушаньями и напитками изъ серебряной утвари. У него были два трубача; при столѣ, особенно при тостахъ — чему онъ, вѣроятно, научился у нѣмцевъ, онъ заставлялъ ихъ весело наигрывать. По всему было видно, что это человѣкъ веселый и храбрый. Онъ участвовалъ и въ битвѣ, которая происходила въ 1631 г. передъ Лейпцигомъ, и показывалъ намъ на разныхъ мѣстахъ своего тѣла нѣкоторыя раны, тамъ имъ полученныя.

Боярскій дворъ.

Передъ нашимъ уходомъ онъ велѣлъ выйти къ намъ своей женѣ и еще другой ея родственницѣ, которыя обѣ были очень

молоды и красивы лицомъ и прекрасно одѣты; ихъ сопровождала некрасивая спутница для того, чтобы еще болѣе выдвинуть ихъ красоту. Каждая изъ женщинъ должна была пригубить чарку водки передъ гг. послами, передать ему въ руки и поклониться ему. Русскіе считаютъ это величайшею честью, которую они кому-либо оказываютъ, чтобы указать, что гость былъ имъ пріятенъ и любезенъ. Если дружба и близость очень велики, то гостю разрѣшается поцѣловать жену въ уста, о чемъ ниже будетъ сказано подробнѣе.

Почетъ, оказываемый русскими гостямъ черезъ своихъ женъ.

31-го мая, въ 1 часъ пополудни, мы здѣсь простились, до вечера проѣхали 4 большихъ мили до Іоганнесталя, гдѣ благородный владѣлецъ Іоганнъ Скитте собрался строить городъ, и церковь уже, по большей части, была готова. Здѣсь имѣется тройное эхо или отзвукъ, которымъ мы, чрезъ нашего трубача, добрую часть ночи увеселялись, тѣмъ болѣе, что отъ большого количества комаровъ не могли заснуть. Здѣсь мы, изъ-за многихъ болотистыхъ мѣстностей, впервые имѣли сильнѣйшія неудобства и непріятности днемъ, отъ большихъ мухъ и осъ, накусавшихъ большіе волдыри на насъ и нашихъ лошадяхъ, а

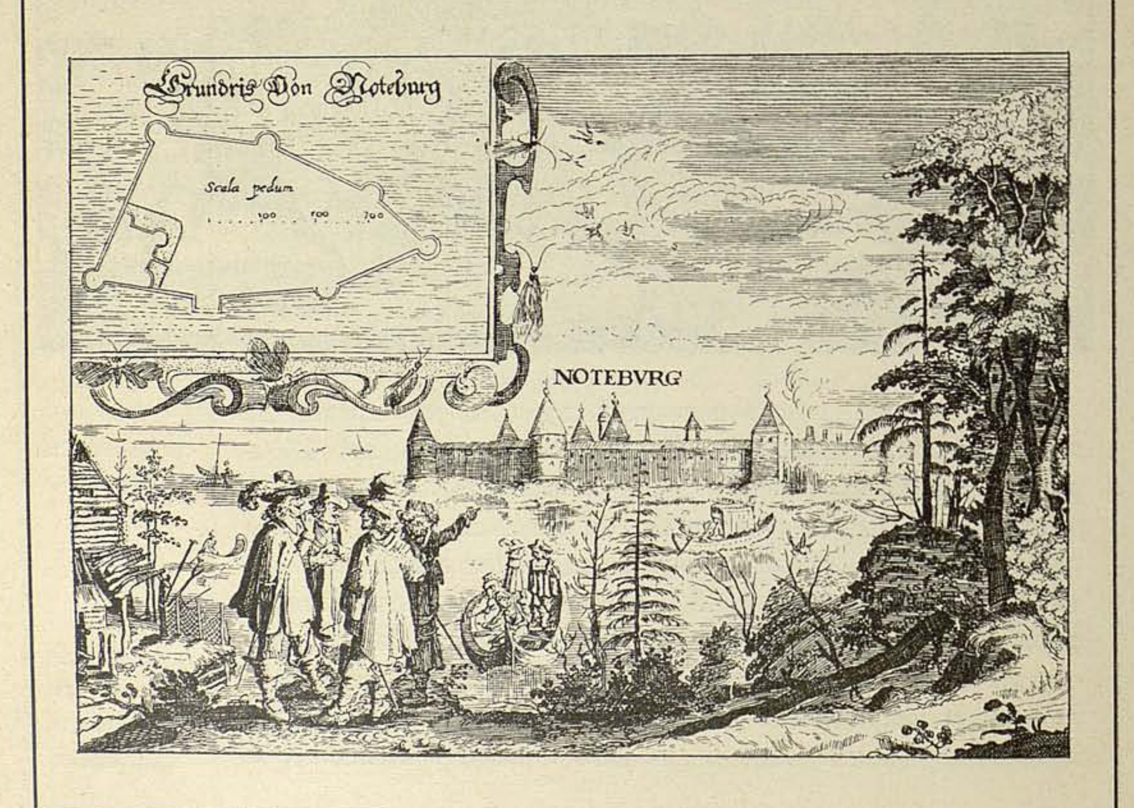
Іоганнесталь (Иванова долина).

Большая непріятность отъ мухъ и комаровъ.

ночью — отъ комаровъ, которыхъ мы могли отгонять только дымомъ, непріятнымъ для нашихъ глазъ и нашего сна.

Іюнь мѣсяцъ. Здѣсь мы узнали, что королевскіе шведскіе господа послы ждутъ насъ въ Ніеншанцѣ. Тѣмъ скорѣе собрались мы въ путь, а именно 1-го іюня рано утромъ, въ 3 часа, и прибыли на мѣсто въ 6 часовъ. *Въ Ніе или Ніеншанцъ.* Ніеншанцъ или Ніе, какъ иные его зовутъ, лежитъ въ $2^1/_2$ миляхъ отъ Іоганнесталя на судоходной водѣ, которая вытекаетъ изъ Ладожскаго озера въ Финское и Балтійское море, отрѣзываетъ Корелію отъ Ингерманландіи и имѣетъ хорошее питаніе. Здѣсь мы застали королевскихъ господъ пословъ, которые, поговоривъ секретно о нѣкоторыхъ дѣлахъ съ нашими послами, отправились впередъ къ Нотебургу. Мы послѣдовали за ними 2-го іюня. Тамошнимъ намѣстникомъ г. полковникомъ Іоганномъ Кунемундтомъ, храбрымъ виднымъ человѣкомъ, выѣхавшимъ къ намъ по водѣ навстрѣчу въ гондолѣ или крытой лодкѣ, мы были хорошо приняты и введены при салютныхъ выстрѣлахъ.

Крѣпость Нотебургъ. Крѣпость Нотебургъ, въ 8-ми миляхъ отъ Ніеншанца, лежитъ отъ экватора на 53° 30′ у выхода изъ Ладожскаго озера; она со всѣхъ сторонъ окружена глубокою водою и расположена на островѣ, похожемъ на орѣхъ, какъ видно изъ прилагаемаго

плана. Отсюда и названіе его Nöteburg (Орѣховый замокъ). Здѣсь я нашелъ магнитное склоненіе равнымъ 5° 30′ въ сторону запада. Крѣпость построена русскими и окружена стѣнами въ $2^1/_2$ сажени толщиною. Такъ какъ амбразуры (подобно таковымъ во всѣхъ старыхъ русскихъ крѣпостяхъ) направлены прямо впередъ и снаружи немногимъ лишь шире, чѣмъ извнутри, то они не особенно удобны для стрѣлянія изъ нихъ и для защиты. Въ одномъ изъ уголковъ крѣпости находится особая, крѣпко защищенная небольшая цитадель, откуда крѣпость можетъ быть обстрѣливаема внутри. Эта крѣпость была взята на капитуляцію его королевскимъ величествомъ шведскимъ чрезъ полководца г. Якова де-ла-Гарди. Намъ говорили, что осажденные русскіе держались вплоть до послѣднихъ двухъ человѣкъ. Когда они по капитуляціи должны были выступить со всѣмъ скарбомъ и имуществомъ и со всѣми находившимися при нихъ людьми, то вышли только эти двое. Когда ихъ спросили, гдѣ же остальные, они отвѣчали: «остались только они одни, такъ какъ всѣ другіе умерли отъ заразной болѣзни». Вообще русскихъ хвалятъ, что они гораздо храбрѣе и смѣлѣе держатся въ крѣпостяхъ, чѣмъ въ полѣ. Объ этомъ ниже подробнѣе.

Русскіе хорошо держатся въ крѣпостяхъ.

Какъ ни весело расположено это мѣсто, всетаки оно представляется нездоровымъ, въ виду прѣснаго озера и многихъ расположенныхъ кругомъ болотъ. При насъ въ іюнѣ мѣсяцѣ цѣлыхъ три недѣли тутъ было такое множество комаровъ, родъ Pyraustis или огненныхъ мухъ, которыя летятъ кругомъ огня и сами себя сжигаютъ (какъ показано на фигурѣ и планѣ крѣпости), что не видно было съ ладонь свободнаго отъ нихъ воздуха и нельзя было ходить съ открытымъ лицомъ, не испытывая неудобствъ. Ежегодно въ это время этого гнуса встрѣчается очень много во всей Кореліи, хотя и не въ столь большихъ количествахъ, какъ въ Нотебургѣ. Жители называютъ ихъ «русскими душами».

Такъ какъ мы предполагали, что намъ придется прождать нѣкоторое время въ Нотебургѣ, то господа послы оставили при себѣ только шесть человѣкъ, а остальныхъ направили впередъ къ русской границѣ, такъ какъ тамъ было удобнѣе по части провіанта. Мы пробыли здѣсь до седьмой недѣли и наши господа, тѣмъ временемъ, ежедневно приглашались королевскими господами послами, пока эти послѣдніе находились тамъ, чрезъ ихъ маршала, высокоблагороднаго г. Вольфа Спарра и ихъ гофъюнкеровъ, къ обѣду. Кое-кто изъ насъ, наряду съ ними, встрѣчалъ тутъ хорошее угощеніе и обхожденіе.

Доброе обхожденіе съ нами шведовъ.

Арендъ Спирингъ прибываетъ въ Нотебургъ.

17-го іюня прибылъ въ Нотебургъ одинъ изъ гг. Спиринговъ, посланный въ догонку его королевскимъ величествомъ шведскимъ и прибавленный къ числу господъ королевскихъ пословъ. Съ нимъ было немного народу.

IV.

Когда 25-го с. м. пришло извѣстіе, что новгородскій воевода прислалъ пристава на границу, чтобы отдѣльно и прежде всего отвезти шведскихъ господъ пословъ, эти послѣдніе 26-го пустились въ путь и поднялись къ Лавѣ. При отбытіи Богъ отвратилъ отъ нихъ большое несчастіе, такъ какъ въ лодку, въ которой находился посолъ Буреусъ, когда она проѣзжала у башни, откуда стрѣляли салютъ, отъ гула выстрѣла упала большая доска съ крыши, ударившись о земь у самой головы посла.

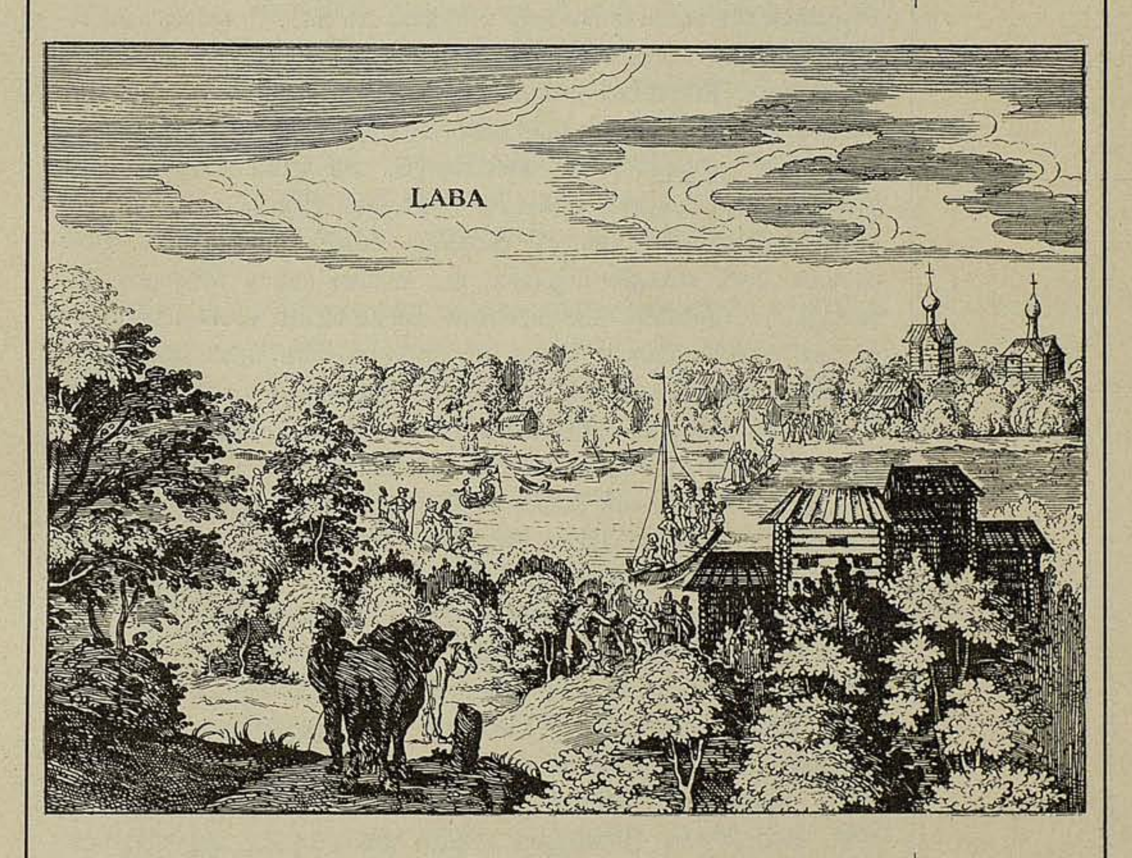
Шведскіе послы въ Лавѣ у границы.

Наши господа провожали королевскихъ пословъ цѣлыхъ четыре мили, я же, съ ихъ согласія, проѣхалъ съ ними верхомъ даже до границы, чтобы видѣть церемоніи и обычаи русскихъ при пріемѣ посольствъ. Итакъ они 27-го с. м. рано утромъ въ 4 часа прибыли къ рѣкѣ, протекающей, при ширинѣ въ 40 шаговъ, мимо деревни Лавы и отдѣляющей русскую границу отъ шведской. Когда королевскіе господа послы, при прибытіи своемъ, узнали, что на русской сторонѣ ихъ ждутъ 17 лодокъ, то они тотчасъ послали своего переводчика на тотъ берегъ къ приставу, чтобы онъ переслалъ нѣсколько лодокъ для своевременной нагрузки ихъ вещей: тогда они скорѣе смогутъ двинуться въ путь послѣ пріема. Однако приставъ, человѣкъ старый, велѣлъ отвѣтить, что онъ не смѣетъ ничего подобнаго сдѣлать до пріема пословъ: «да и не думаютъ ли они, что его царскому величеству нечѣмъ будетъ прокормить ихъ, если ихъ кормить придется лишній день изъ-за возможнаго промедленія?» Около полудня приставъ прислалъ своего толмача или переводчика на тотъ берегъ съ четырьмя стрѣльцами или мушкетерами (послѣднихъ съ нимъ было 30 человѣкъ) и велѣлъ сказать: «ему теперь было бы очень пріятно принять господъ пословъ: не желаютъ ли они пожаловать?» Одинъ изъ господъ пословъ на это велѣлъ отвѣтить приставу, что имъ уже пятую недѣлю приходится лежать и ждать: поэтому нисколько не обидно будетъ приставу, если и онъ ихъ теперь подождетъ одинъ лишній день. Впрочемъ, онъ-де не желаетъ этимъ давать полнаго отвѣта, такъ какъ его собратья улеглись для полуденнаго сна, какъ потому, что

Русскіе отдыхаютъ въ полдень.

они всю ночь путешествовали, такъ въ особенности — вслѣдствіе усвоенія ими у русской границы русскихъ обычаевъ: вѣдь почти всѣ русскіе отдыхаютъ ежедневно въ полдень.

Далѣе былъ заданъ вопросъ: когда же будутъ приняты голштинскіе послы? Толмачъ полагалъ, что это случится развѣ недѣли через три, послѣ доставки шведскихъ господъ въ Москву; дѣло въ томъ, что, по его мнѣнію, недоставало ладей или ботовъ и лошадей, нужныхъ для путешествія. Послѣ обѣда въ 4 часа господа велѣли сообщить на тотъ берегъ, что теперь

они желали бы быть приняты; пусть поэтому приставъ приходитъ. Затѣмъ они сѣли со своимъ переводчикомъ въ лодку, а ихъ гофъ-юнкеры, къ которымъ и я присоединился, въ другую. Приставъ, дѣйствительно, выѣхалъ навстрѣчу съ 15-ю разодѣтыми русскими въ лодкѣ. Чтобы показать высокое положеніе свое, они, очень медленно и не производя особаго движенія лодки, опускали свои весла въ воду, такъ что они еле отошли отъ берега; временами они останавливались совершенно, чтобы лодка господъ шведовъ къ нимъ приблизилась. Они подали весло въ лодку пословъ, чтобы ее потащить за собою. Къ этой цѣли

Какъ шведы были приняты русскими.

получили они и рулевого, правившаго лодкою пословъ. Когда господа послы замѣтили, къ чему стремятся русскіе, то одинъ изъ нихъ закричалъ приставу, чтобы онъ ѣхалъ быстрѣе: «къ чему такая несвоевременная церемонія? вѣдь ею приставъ ничего не можетъ пріобрѣсти для великаго князя, а они ничего не потеряютъ для своихъ государей». Когда теперь лодки столкнулись посерединѣ рѣки, приставъ выступилъ и сказалъ, что великій государь и царь Михаилъ Θеодоровичъ, всея Россіи самодержецъ (съ прочтеніемъ всего его титула), велѣлъ ему принять королевскихъ господъ пословъ и приказалъ ихъ, со всѣмъ ихъ народомъ, при достаточномъ провіантѣ и подводахъ, доставить въ Москву. Когда на это полученъ былъ отвѣтъ, то приставъ повелъ ихъ на берегъ и пригласилъ въ домъ нѣкоего сына боярскаго или дворянина, въ небольшую, отъ дыма черную, какъ уголь, и натопленную комнату. Стрѣльцы своими ружьями, составляющими, наравнѣ съ саблями, общее оружіе ихъ, дали салютъ, безъ всякаго порядка, кто только смогъ раньше справиться. Гг. посламъ для привѣта предложены были нѣсколько чарокъ очень крѣпкой водки и двухъ родовъ невкусный медъ съ нѣсколькими кусками пряника. Они и мнѣ дали попробовать этого угощенія, прибавивъ (по-латыни): «стоитъ подбавить немного сѣры и — готово питье для ада».

Черезъ часъ послѣ такого угощенія, господа шведы на 12-ти, а русскіе на 3-хъ лодкахъ, со знаменемъ и барабаномъ, отплыли и направились къ Новгороду. Я же опять черезъ Ладожское озеро отправился въ Нотебургъ, гдѣ намъ, по словамъ русскаго толмача, слѣдовало ждать еще цѣлыхъ 3 недѣли. Все это остальное время мы провели очень весело. Вѣдь это мѣсто, вслѣдствіе воды, веселыхъ окружающихъ его видовъ и нѣсколькихъ небольшихъ острововъ съ разнаго рода дичью, представляется очень пріятнымъ. Между прочимъ въ Ладожскомъ озерѣ, въ 4-хъ миляхъ отъ Нотебурга, лежатъ два острова, поросшіе кустарникомъ и массою малины, отстоящіе одинъ отъ другого на выстрѣлъ изъ ружья; на меньшемъ изъ нихъ стояла небольшая часовня, въ которой русскіе, отправляясь на рыбную ловлю, совершаютъ богослуженіе; внутри, изъ-за гнѣздившихся здѣсь птицъ, была такая вонь, что мы не могли здѣсь долго выдержать. Къ этимъ островамъ нѣкоторые изъ насъ иногда ѣздили поохотиться. Вокругъ острововъ безчисленное количество тюленей всевозможныхъ цвѣтовъ; когда они располагались на разбросанныхъ вокругъ широкихъ камняхъ, на солнцѣ, то мы ихъ очень легко могли доставать изъ-за кустовъ.

Г. Петръ Крусъ-Біорнъ, шведскій резидентъ.

Нашимъ превосходнымъ собесѣдникомъ былъ также высокоблагородный г. Петръ Крусъ-Біорнъ, ученый, многоопытный и храбрый мужчина, котораго его величество король шведскій послалъ въ Москву какъ своего резидента; онъ также ждалъ со своею свитою приглашенія изъ Россіи. Мы пользовались его дружбою.

Когда намъ 16-го іюля было возвѣщено, что приставъ, по имени Семенъ Андреевичъ Крекшинъ, прибылъ въ Лаву, чтобы насъ принять, то мы 20-го собрались въ путь и отправились туда. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашего прибытія приставъ прислалъ своего толмача со стрѣльцомъ на нашу сторону, и велѣлъ спросить, готовы ли послы быть принятыми. Когда мы велѣли спросить, приметъ ли онъ насъ на той сторонѣ или же на водѣ, какъ шведовъ, онъ отвѣчалъ, чтобы мы переѣзжали: «нѣтъ нужды встрѣчаться на водѣ, такъ какъ у насъ не можетъ быть спора о границахъ, изъ которыхъ ничего не принадлежитъ вамъ».

Какъ мы были приняты на русской границѣ.

Когда мы, вслѣдствіе этого, переѣхали, выступилъ напередъ приставъ въ красномъ дамастовомъ кафтанѣ, и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега. Когда же послы вышли на берегъ, онъ, съ покрытой головой, вышелъ къ нимъ навстрѣчу и не хотѣлъ снимать шапки, пока не началъ говорить и не назвалъ имени великаго князя. Подобно предыдущему, онъ взялъ записку въ руки и сказалъ: «Его царское величество Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи самодержецъ и проч., прислалъ меня сюда, чтобы тебя, Филиппа Крузіуса, и тебя, Оттона Брюггеманна, какъ княжескихъ голштинскихъ пословъ, принять, васъ, вмѣстѣ съ вашими людьми, снабдить провіантомъ, ладьями, лошадьми и всѣмъ необходимымъ и доставить въ Москву». Его толмачъ, по имени Антоній, не зналъ порядочно нѣмецкаго языка и переводилъ такъ скверно, что еле можно было понять его. Только послѣ того какъ послы дали свой отвѣтъ, приставъ подалъ имъ руку и повелъ насъ сквозь ряды стрѣльцовъ (это были двѣнадцать казаковъ, стоявшихъ съ ружьями на готовѣ) въ свою гостиницу. Когда данъ былъ салютъ изъ ружей, то это произведено было съ такою неосторожностью, что секретарь шведскаго резидента, стоявшій съ нами, чтобы глядѣть на это торжество, получилъ большую дыру въ своемъ колетѣ. Угощеніе, съ которымъ приставъ насъ принялъ, состояло изъ пряниковъ, водки и варенья изъ свѣжихъ вишенъ. Посидѣвъ съ полчаса, мы, при салютахъ стрѣльцовъ, вновь переѣхали черезъ воду и собрались въ даль-

нѣйшую поѣздку. Послѣ обѣда въ полдень, даннаго намъ намѣстникомъ Нотебурга, проводившимъ насъ и на прощанье хорошо угостившимъ всевозможными вкусными напитками, мы на 7-ми ладьяхъ поѣхали въ путь черезъ Ладожское озеро.

Отъѣздъ изъ Лавы.

Когда мы 22-го с. м. рано закончили нашъ путь по озеру на протяженіи 12-ти миль и вышли на берегъ у монастыря Никольскаго на Волховской губѣ, пришелъ русскій монахъ и принесъ послу для привѣта хлѣбъ и вяленую семгу. Нашъ приставъ, который долженъ былъ готовить намъ «кормъ» или продовольствіе, спросилъ: «долженъ ли онъ ежедневно доставлять намъ провизію и заставлять готовить ее, или же намъ будетъ пріятнѣе получать деньги, на сей предметъ назначенныя его царскимъ величествомъ, и давать нашему повару готовить кушанья по нашему способу». Мы, какъ это всего обычнѣе у посольствъ въ этихъ мѣстахъ, просили передавать намъ деньги и закупали сами. Такса же вездѣ опредѣлялась самимъ приставомъ, такъ что мы все получали очень дешево: да и вообще во всей Россіи, вслѣдствіе плодородной почвы, провіантъ очень дешевъ. Вѣдь 2 копѣйки за курицу — это въ нашей монетѣ 2 шиллинга или 1 грошъ мейссенской монеты; 9 яицъ получали мы за 1 копѣйку. Мы получали ежедневно 2 рубля и 5 копѣекъ, т. е. 4 рейхсталера 5 шиллинговъ: дѣло въ томъ, что на каждое лицо, отъ высшаго до низшаго, пропорціонально, назначается извѣстная сумма.

Подарки монаха.

Послѣ обѣда мы отправились по рѣкѣ, которая привела насъ въ Ладогу, городокъ, расположенный въ 17-ти миляхъ отъ Лавы. Сюда мы прибыли въ тотъ же вечеръ. По дорогѣ насъ встрѣтилъ приставъ съ тремя ладьями; онъ долженъ былъ доставить еще шведскаго г. резидента, покинутаго нами въ Нотебургѣ.

Городокъ Ладога.

На всемъ нашемъ пути мы нигдѣ не видали бо̀льшей толпы дѣтей лѣтъ отъ 4-хъ до 7-ми, какъ здѣсь, въ Ладогѣ. Когда нѣкоторые изъ насъ ходили гулять, эти дѣти толпами шли позади и кричали, не желаемъ ли мы купить красной ягоды, которую они звали «малина» и которая въ большомъ количествѣ растетъ во всей Россіи. Они давали за копѣйку полную шляпу, и, когда мы расположились для ѣды на зеленомъ холмѣ, человѣкъ съ пятьдесятъ стали кругомъ насъ. Всѣ, и дѣвочки и мальчики, были со стриженными волосами, съ локонами, свѣшивавшимися съ обѣихъ сторонъ, и въ длинныхъ рубахахъ, такъ что нельзя было отличить мальчиковъ отъ дѣвочекъ.

Здѣсь мы услыхали первую русскую музыку, а именно въ полдень 23-го с. м., когда мы сидѣли за столомъ, явились двое

русскихъ съ лютнею и скрипкою, чтобы позабавить господъ [пословъ]. Они пѣли и играли про великаго государя и царя Михаила Ѳеодоровича; замѣтивъ, что намъ это понравилось, они сюда прибавили еще увеселеніе танцами, показывая разные способы танцевъ, употребительные какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ. Вѣдь русскіе въ танцахъ не ведутъ другъ друга за руку, какъ это принято у нѣмцевъ, но каждый танцуетъ за себя и отдѣльно.

Способъ танцевъ у русскихъ.

А состоятъ ихъ танцы больше въ движеніи руками, ногами, плечами и бедрами. У нихъ, особенно у женщинъ, въ рукахъ пестро вышитые носовые платки, которыми они размахиваютъ при танцахъ, оставаясь, однако, почти все время на одномъ мѣстѣ.

Послѣ обѣда мы снова сѣли въ наши лодки и поплыли по рѣкѣ Волхову. Болѣе сотни дѣтей, вмѣстѣ со старыми людьми, стояли на стѣнахъ, глядя на насъ. На берегу стоялъ монахъ, котораго наши стрѣльцы подозвали, чтобы принять у него благословеніе. Это у нихъ обычай такой: мы и потомъ довольно часто видѣли, какъ они, на поѣздкѣ, проѣзжая мимо монастыря или

Русскіе подходятъ подъ благословеніе.

попа, подходили къ послѣднему и давали себя благословить, или же, по крайней мѣрѣ, передъ крестами на придорожныхъ часовняхъ дѣлали поклоны и крестныя знаменія, приговаривая: «Господи, помилуй!»

Когда вѣтеръ сталъ попутнымъ для насъ, мы подняли паруса. Однако, едва стали мы подъ паруса, какъ канатъ лопнулъ и парусъ упалъ на одного изъ нашихъ стрѣльцовъ, свалившагося замертво. Когда онъ, однако, черезъ часъ началъ приходить въ сознаніе и получилъ чарку водки, то у него все прошло.

Рѣка Волховъ.

Волховъ — рѣка почти той же ширины, какъ и Эльба, течетъ, однако, не такъ сильно; она вытекаетъ изъ озера за Великимъ Новгородомъ, называющагося у нихъ Ильмеръ-озеромъ. Впадаетъ она въ Ладожское озеро.

Опасные пороги рѣки.

Въ семи верстахъ отъ Ладоги (пять верстъ составляютъ одну нѣмецкую милю) на этой рѣкѣ пороги, и еще черезъ семь верстъ другіе, черезъ которые очень опасно переѣзжать въ лодкахъ, такъ какъ тамъ рѣка стрѣлою мчится внизъ съ большихъ камней и между ними. Поэтому, когда мы прибыли къ первымъ порогамъ, то вышли изъ лодокъ и пошли берегомъ, дожидаясь, пока наши лодки сотнею людей перетаскивались черезъ пороги на канатахъ. Однако, всѣ прошли счастливо, за исключеніемъ послѣдней, въ которой мы должны были оставить Симона Фризе, купеческаго сына изъ Гамбурга, въ виду сильной болѣзни, которою онъ страдалъ. Когда эта лодка сильнѣе всего боролась съ теченіемъ, вдругъ разорвался канатъ, и она стрѣлою помчалась назадъ. Она, вѣроятно, достигла бы опять пороговъ, черезъ которые ее съ трудомъ перетащили, и, безъ сомнѣнія, разбилась бы тутъ, если бы, по особому счастію, канатъ, значительный обрывокъ котораго еще остался на лодкѣ, не закинулся случайно за большой выдававшійся изъ воды камень, зацѣпившись за него съ такой силою, что только съ трудомъ можно было опять отвязать его. Намъ сообщили, что на этомъ самомъ мѣстѣ нѣсколько ранѣе засѣло судно нѣкоего епископа, нагруженное рыбою, и погибло вмѣстѣ съ епископомъ.

Черезъ другіе пороги, которые не такъ опасны, мы прошли къ вечеру и, устроивъ ночевку у монастыря Николы на Посадѣ, остались здѣсь до слѣдующаго дня, пока наши остальныя лодки не подошли. Здѣсь, какъ и во все продолженіе нашей поѣздки, мы

Сильная непріятность отъ комаровъ.

испытывали много тяготъ, вслѣдствіе безпрерывнаго лѣса и сырого кустарника, отъ комаровъ, мухъ и осъ, такъ что мы изъза нихъ ни днемъ ни ночью не могли ѣхать или спать спо-

койно. Физіономіи большинства нашихъ людей, которые не береглись какъ слѣдуетъ, были такъ отдѣланы, точно у нихъ была оспа. Гнуса этого въ лѣтнее время во всей Лифляндіи и Россіи такъ много, что путешественники принуждены раскрывать, въ защиту отъ комаровъ, свои сѣтки или палатки, приготовленныя изъ тонкаго или особымъ способомъ сотканнаго, съ мелкими дырочками, холста; тамъ, гдѣ желаютъ отдохнуть, разбиваютъ эти палатки и скрываются подъ ними. Такія палатки у насъ изображены на рисункѣ города Твери. Крестьяне же и ямщики, у которыхъ такихъ палатокъ нѣтъ, разводятъ боль-

шой огонь, усаживаются и ложатся къ нему такъ близко, какъ только можно, и все-таки едва пользуются покоемъ.

Подарокъ монаха.

Старый монахъ изъ вышепомянутаго монастыря, гдѣ всей братіи было четверо, явился и принесъ послу для привѣта рѣдьку, огурцы, зеленаго горошку и двѣ восковыхъ свѣчи. За это онъ получилъ подарокъ, такъ ему понравившійся, что онъ, намъ въ угоду, противъ обыкновенія ихъ, отперъ церковь и надѣлъ свое священническое одѣяніе. Въ преддверіи на стѣнахъ были изображены, по его словамъ, чудеса св. Николая, наивно и неискусно, какъ это обычно въ произведеніяхъ ихъ

Монахъ ведетъ насъ въ церковь.

живописи. Надъ дверьми былъ изображенъ Страшный Судъ. Здѣсь монахъ, между прочимъ, показалъ намъ человѣка въ нѣмецкомъ одѣяніи и сказалъ: «И нѣмцы и другіе народы могутъ спастись, если только души у нихъ русскія и они, не боясь людей, поступаютъ благо для Бога». Онъ показалъ намъ и библію ихъ на славянскомъ языкѣ, такъ какъ вѣдь никто изъ русскихъ, ни духовный ни міряинъ, не знаетъ иного языка, помимо родного, кромѣ языка славянскаго. Онъ прочелъ намъ первую главу Евангелія отъ Іоанна, оказавшуюся вполнѣ согласною съ нашимъ текстомъ. Знакомъ для отмѣтки, какъ много имъ прочитано, была капелька воску. Онъ разсказалъ также, какъ онъ однажды былъ въ Ревелѣ, и какъ тамошніе священники экзаменовали его изъ библіи; онъ, правда, очень плохо понималъ нѣмецкаго переводчика, но вполнѣ могъ разсказать всѣ исторіи, когда увидѣлъ библейскія картины. Монахъ насъ, безъ сомнѣнія, ввелъ бы и совершенно въ церковь, если бы не подошли наши стрѣльцы и не начали ворчать, что онъ насъ слишкомъ далеко пустилъ. Мы подарили ему талеръ, за что онъ намъ нѣсколько разъ поклонился до земли. Когда мы сидѣли на зеленой лужайкѣ (мы, въ виду веселаго мѣстоположенія, ежедневно такъ располагались) за столомъ, и тѣмъ временемъ поднялся попутный для насъ вѣтеръ, монахъ снова пришелъ съ большою рѣдькою и полною чашкою съ огурцами, говоря, что добрый вѣтеръ посланъ намъ св. Николаемъ за наши благодѣянія къ нему, монаху.

Деревня Городище.

Съ такимъ вѣтромъ мы въ 2 часа пополудни стали подъ паруса и прошли 4 мили до деревни Городища. Такъ какъ мѣсто на берегу показалось намъ веселѣе деревни, то мы здѣсь расположились съ нашей кухнею и столомъ. Приставъ прислалъ молодого медвѣдя для забавы посламъ, такъ какъ они не желали здѣсь ложиться спать, а думали ѣхать дальше, какъ только лодочники немного отдохнутъ. Послѣ полуночи мы поѣхали дальше до деревни Сольцы, пройдя 4 мили. Нашъ приставъ, отставшій ночью, вновь вернулся къ намъ, приведя съ собою и своего хозяина, такъ угостившаго его, что оба были пьяны. Хозяиномъ этимъ былъ нѣкій русскій князь, по имени Романъ Ивановичъ, который пришелъ повидать и посѣтить пословъ. Такъ какъ у него была охота выпить еще, то мы водкою и испанскимъ виномъ, которыя мы всегда возили съ собою, такъ помогли ему достигнуть опьянѣнія, что онъ упалъ наземь и остался лежать.

Пьяный князь приходитъ посмотрѣть пословъ.

Деревня Грузино.

Вечеромъ мы прошли 6 миль до села Грузина, откуда передъ нами разбѣжались всѣ крестьяне. Поэтому мы расположи-

лись на зеленой лужайкѣ напротивъ деревни у пруда, развели три костра и остались здѣсь, пока собиралась ночь. Такъ какъ всѣ мы днемъ спали въ лодкахъ, то никого изъ насъ не клонило ко сну, и мы провели ночь, разсказывая разныя веселыя исторіи и забавляясь. Въ этомъ намъ помогли двумя лютнями и игрою съ медвѣдемъ и стрѣльцы, получившіе нѣсколько чарокъ водки. Мѣстность эта такъ полна журавлей, что мы ихъ замѣтили болѣе трехсотъ штукъ, стоявшихъ у пруда другъ возлѣ друга.

Много журавлей.

Къ утру около 3 часовъ 26-го іюля мы снова собрались въ путь и къ полудню, пройдя 4 мили, прибыли къ деревнѣ Высокой. Когда приставъ въ полдень сидѣлъ у насъ за обѣдомъ и въ застольной молитвѣ услышалъ имя Іисуса, онъ, по русскому способу, перекрестился и потомъ пожелалъ узнать смыслъ нашей молитвы по-русски. Когда онъ услышалъ его, то молитва ему очень понравилась и онъ сказалъ, что не ожидалъ, чтобы нѣмцы были такіе добрые христіане и богобоязненные люди.

Деревня Высокая.

27-го того же мѣсяца мы проплыли весь день и всю ночь и на слѣдующее утро къ восходу солнца прибыли къ деревнѣ Кречевицѣ, гдѣ должны были стоять и ждать, пока приставъ не сообщилъ о прибытіи нашемъ воеводѣ новгородскому—Нов-

Деревня Кречевица.

Хутынскій Спасовъ монастырь.

городъ находится въ двухъ миляхъ отсюда—и не получилъ отвѣта отъ него. На разстояніи добраго отъ этой деревни выстрѣла лежитъ прекрасно построенный монастырь, который одни зовутъ Хутынью, а другіе Кречевицкимъ Хутынскимъ Спасовымъ монастыремъ. Онъ расположенъ въ очень веселой мѣстности, имѣетъ игумена, 60 человѣкъ братіи и 400 крестьянъ, которые содержатъ этотъ монастырь. Говорятъ, онъ ежегодно на свой счетъ долженъ былъ содержать 100 человѣкъ на службѣ его царскаго величества въ Новгородѣ.

Прибытіе въ Великій Новгородъ.

На слѣдующее утро, а именно 28-го іюля, мы наконецъ въѣхали въ Великій Новгородъ. Нѣкоторые изъ нашего люду, которые, какъ выше сказано, были посланы впередъ по санному пути, и уже болѣе 4 мѣсяцевъ съ нетерпѣніемъ ждали нашего прибытія, отъ сильной радости выѣхали на лодкѣ больше чѣмъ за милю навстрѣчу намъ.

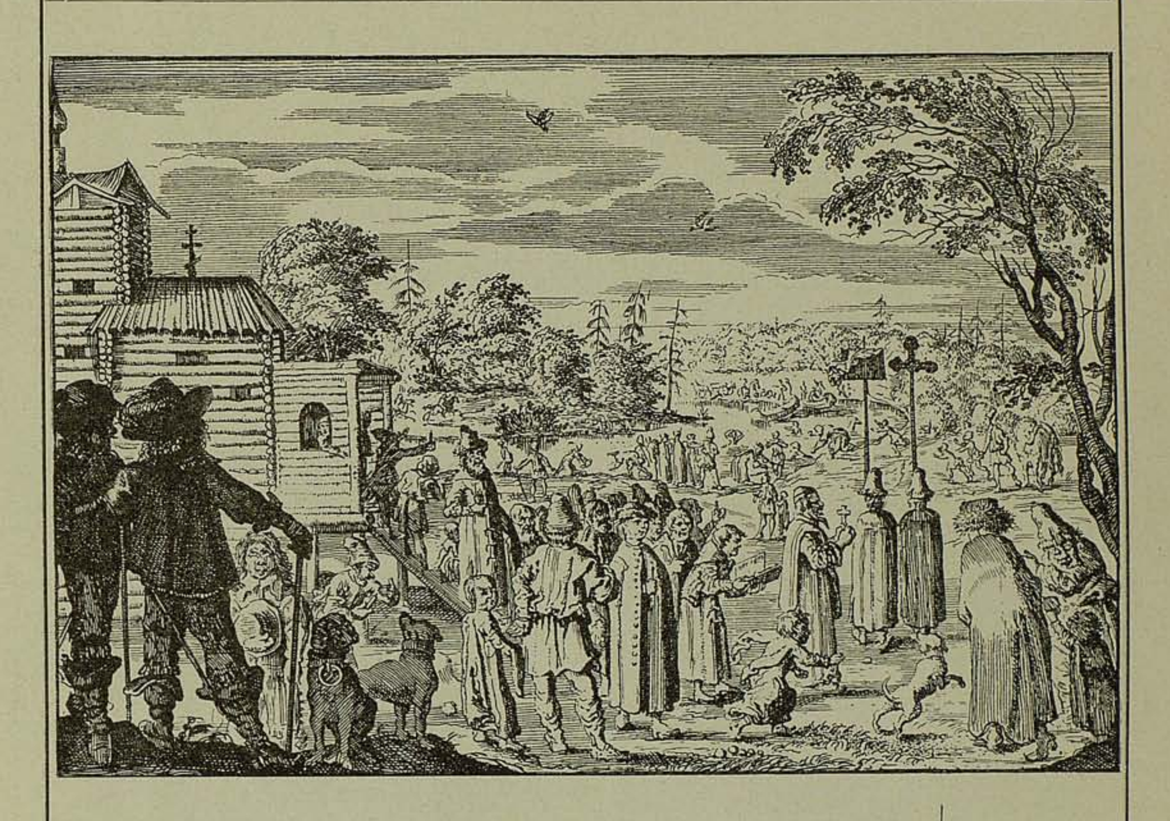
Подарки воеводѣ.

Воевода, для привѣта намъ, прислалъ въ гостинницу бочку пива, меду и боченокъ водки. Въ видѣ обратнаго подарка ему былъ посланъ серебряный позолоченный приборъ для питья.

Мы оставались въ Новгородѣ въ бездѣйствіи четверо сутокъ и въ послѣднее число іюля, къ вечеру, отправились дальше до Бронницъ водою, такъ какъ, изъ-за болотистой, топкой мѣстности, невозможно было ѣхать сушею.

Мѣсяцъ августъ. Процессія.

1-го августа, когда мы въ Бронницахъ у рѣки перенесли наши вещи на берегъ, въ эту мѣстность явились и русскіе въ процессіи для водосвятія, въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала шли двое мужчинъ; они несли на длинныхъ шестахъ: одинъ крестъ, въ четырехъ концахъ котораго были изображены Евангелисты, другой—древней живописи картину, обвѣшанную бѣлымъ платкомъ; за нимъ шелъ священникъ въ богослужебной ризѣ, неся обѣими руками деревянный крестъ, длиною съ пядень; онъ пѣлъ вмѣстѣ съ мальчикомъ, несшимъ за нимъ книгу. Далѣе слѣдовали крестьяне съ женами и дѣтьми. Всѣ взрослые несли въ рукахъ по горящей восковой свѣчѣ, а позади шелъ причетникъ, держа въ рукахъ болѣе десяти восковыхъ свѣчъ, скрученныхъ вмѣстѣ и горѣвшихъ. Когда священникъ попѣлъ и почиталъ съ добрыхъ полчаса на берегу, онъ взялъ скрученныя восковыя свѣчи и ткнулъ ихъ въ воду; тогда и всѣ остальные погасили свои свѣчи. Потомъ священникъ трижды погрузилъ крестъ въ воду и далъ водѣ съ него стечь въ сосудъ. Такая вода считается самою святою. Когда это случилось, женщины схватили своихъ дѣтей, малыхъ и большихъ, въ сорочкахъ и безъ нихъ, и трижды окунули ихъ въ воду; а нѣ-

которые взрослые сами бросились въ нее. Наконецъ они и лошадей привели, чтобы напоить ихъ столь святою и цѣлительною водою. Послѣ всего этого они всѣ опять вернулись въ церковь, гдѣ приняли благословеніе; оттуда слышались такой шумъ и такіе крики молодыхъ и старыхъ людей, точно въ простыхъ баняхъ или корчмахъ, либо шинкахъ.

Послѣ обѣда въ 4 часа мы сѣли на лошадей, а вещи наши и утварь послали впередъ на 50-ти подводахъ. Этотъ багажъ повстрѣчали на дорогѣ нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ, вышедшихъ въ отставку въ Москвѣ; они понавѣдались въ корзину съ провизіею, выбили дно въ бочкѣ съ пивомъ, напились и отняли у нашего конвойнаго стрѣльца его саблю. Когда они наткнулись на насъ и сдѣланное ими дѣло стало извѣстно, двое изъ нихъ были сильно избиты нашимъ приставомъ, и шпаги и ружья у нихъ были отняты. Мы въ этотъ вечеръ прошли три мили до деревни Красные Станки. 2-го того же мѣсяца мы прошли 8 миль до яма Крестцы. Русскіе называютъ «ямами» тѣ мѣста, гдѣ мѣняютъ лошадей и получаютъ свѣжихъ.

Что такое «ямъ».

3-го того же мѣсяца мы прошли 6 миль до Яжелбицы, небольшой деревни, откуда крестьяне также бѣжали. Такъ какъ нашъ поваръ отправился за 2 мили впередъ для заказа кухни,

Деревня Яжелбица.

а мы, изъ-за плохой дороги, не могли поспѣть за нимъ въ тотъ же вечеръ, то въ этотъ день намъ пришлось провести ночь на полѣ, безъ ѣды.

Встрѣча съ нѣмецкими офицерами.

Въ эти дни мы встрѣтили нѣсколько военныхъ офицеровъ, которые, по окончаніи войны подъ Смоленскомъ, возвращались изъ Москвы. Такъ, напримѣръ, 4-го с. м. въ ямѣ Зимогорьѣ мы встрѣтили полковника Фукса, а въ Волочкѣ, другомъ ямѣ, полковника Шарльса съ другими офицерами. Когда они пришли посѣтить пословъ, ихъ угостили испанскимъ виномъ. Такъ какъ нѣсколько часовъ подъ-рядъ сильно пили, то нашъ трубачъ Касперъ Герцбергъ до того захмелѣлъ, что спьяна смертельно ранилъ шпагою одного изъ нашихъ стрѣльцовъ. Раненаго мы оставили лежать, дали ему и тѣмъ, кто должны были ухаживать за нимъ, немного денегъ и отправились дальше. Этотъ трубачъ, по окончаніи персидскаго путешествія, былъ самъ въ Москвѣ, куда онъ поступилъ на великокняжескую службу, гнуснымъ образомъ заколотъ какимъ-то негодяемъ.

Трубачъ ранитъ русскаго.

5-го рано утромъ мы прошли черезъ пустую деревню, такъ какъ крестьяне разбѣжались въ лѣсъ передъ шедшими изъ Москвы нѣмецкими солдатами. Вечеромъ пришли мы къ селу Коломенскому, находящемуся на берегу стоячаго озера. Недалеко отсюда нашли мы въ кустахъ у дороги очень большой широкій камень, лежавшій точно надгробная плита. Его тиранъ Иванъ Васильевичъ хотѣлъ перевезти изъ Лифляндіи въ Москву. Когда, однако, возчики услыхали, что тиранъ умеръ, они тотчасъ сбросили камень и оставили его лежать. Такіе камни, которые должны были быть доставлены изъ Ревеля въ Москву, лежатъ и дальше, на разстояніи одного дня пути, у рѣки, черезъ которую нужно переправляться.

Село Коломенское

Большой камень.

7-го прибыли мы въ деревню Будово, гдѣ живетъ русскій князь. Едва прибыли мы въ деревню, какъ наши лошади начали скакать, лягаться и бѣгать, точно онѣ взбѣсились, такъ что иные изъ насъ оказались на землѣ раньше, чѣмъ самостоятельно успѣли спуститься. Мы сначала не знали, въ чемъ дѣло; когда мы, однако, поняли, что явленіе это зависитъ отъ пчелъ, которыхъ въ этой деревнѣ очень много, да почувствовали, что и сами мы не смогли бы обезопасить себя отъ нихъ, то мы накинули наши кафтаны на головы, выѣхали изъ деревни и расположились въ открытомъ полѣ на зеленомъ пригоркѣ. Позже намъ сообщили, что крестьяне раздразнили пчелъ, чтобы выжить насъ изъ деревни. Какъ гласитъ исторія, къ подобной хитрости будто бы прибѣгали и другіе: разсказываютъ, что оса-

Деревня Будово.

Пчелы гонятъ насъ изъ деревни.

жденные въ нѣкоемъ городѣ бросали со стѣны рои пчелъ на врага, вслѣдствіе чего всадники и лошади испытывали мученія: лошади стали сильно лягаться, изранили другъ друга, и врагъ принужденъ былъ отступить.

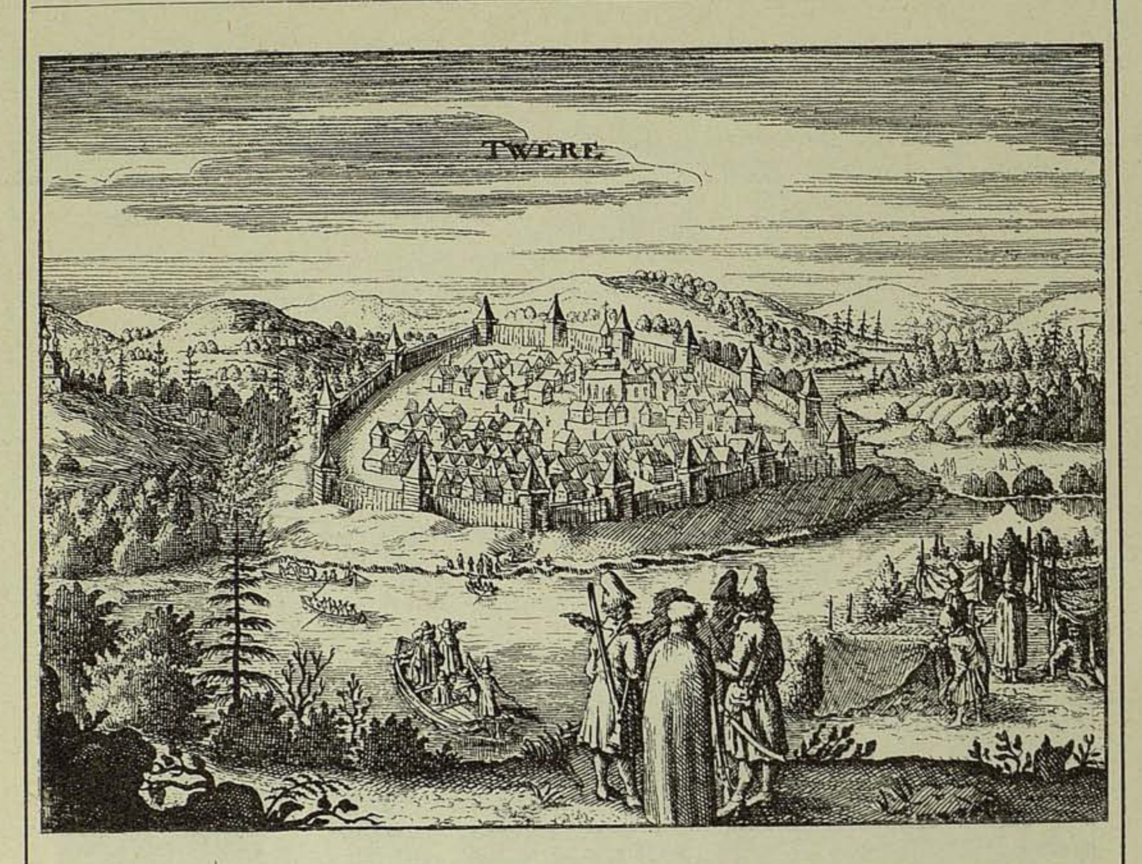
Городъ Торжокъ

8-го августа мы вновь достигли какого-то яма и прибыли къ городку Торжку. Онъ лежитъ съ правой стороны дороги, немного поодаль ея, и окруженъ заборомъ и бревенчатыми укрѣпленіями. Здѣсь находятъ хорошій хлѣбъ, медъ и пиво. Такъ какъ насъ не пускали въ городъ, но помѣстили въ нѣсколькихъ

домахъ передъ городомъ, то господа послы велѣли на зеленомъ холмѣ устроить хижину изъ зеленыхъ вѣтвей: здѣсь они пообѣдали и переночевали кое съ кѣмъ изъ своего люду.

На слѣдующій день мы перешли черезъ двѣ рѣчки — одну сейчасъ же за Торжкомъ, другую въ 2 верстахъ отъ Мѣдной. Вечеромъ были мы передъ Тверью, въ 12 миляхъ отъ Торжка. Тверь нѣсколько больше Торжка и лежитъ на холмѣ за рѣкою; это епископская резиденція; здѣсь, какъ и въ Торжкѣ, имѣется воевода. Передъ городомъ соединяются, образуя довольно широкую рѣку, рѣка Твер[ца], отъ которой городъ имѣетъ свое

названіе, и Волга, протекающая 600 нѣмецкихъ миль черезъ Россію и Татарію и впадающая въ Каспійское море. Здѣсь намъ пришлось переправляться на плоту и насъ помѣстили за городомъ въ мызѣ. Такъ какъ здѣсь послѣдній ямъ, то намъ дали свѣжихъ лошадей, которыя должны были окончательно доставить насъ въ Москву.

13-го августа мы достигли послѣдняго села передъ Москвою, Николы Нахимскаго, въ двухъ миляхъ отъ города. Отсюда приставъ послалъ эстафету въ Москву для сообщенія о нашемъ прибытіи.

V.

(Книга I, глава 6).

Какъ насъ передъ городомъ Москвою приняли и ввели въ городъ.

14-го рано утромъ приставъ со своимъ переводчикомъ и писцомъ предстали передъ господами послами, поблагодарили ихъ за оказанныя нами имъ во время поѣздки благодѣянія и тутъ же просили прощенія въ томъ, если они служили намъ

не такъ, какъ слѣдуетъ. Приставу подаренъ былъ большой бокалъ, толмачу и другимъ даны были деньги. Когда эстафета вернулась опять изъ города, мы приготовились къ въѣзду въ слѣдующемъ порядкѣ:

Порядокъ въѣзда въ великокняжескую резиденцію Москву.

1. Спереди ѣхали стрѣльцы, которые насъ сопровождали.

2. Трое изъ нашихъ людей: Яковъ Шеве (фурьеръ), Михаилъ Кордесъ, Іоганнъ Алльгейеръ, всѣ въ рядъ.

3. Далѣе слѣдовали 3 ведшіяся за уздцы лошади, вороная и двѣ сѣрыя въ яблокахъ, одна за другою.

4. Трубачъ.

5. Маршалъ. Затѣмъ слѣдовали:

6. Гофъ-юнкеры и прислужники при столѣ, по трое въ рядъ, въ трехъ шеренгахъ.

7. Далѣе секретарь, лейбъ-медикъ и гофмейстеръ.

8. Господа послы, передъ каждымъ изъ которыхъ шли четыре тѣлохранителя-стрѣлка съ карабинами.

9. Приставъ ѣхалъ по правую руку отъ пословъ, нѣсколько въ сторонѣ.

10. Слѣдовали пажи, всего шестеро, въ двухъ шеренгахъ.

11. Карета, запряженная 4-мя сѣрыми въ яблокахъ лошадьми.

12. Каретникъ, съ другими 8-ю лицами, въ трехъ шеренгахъ.

13. Нѣкоторые изъ княжескихъ подарковъ, которые предполагалось поднести великому князю, неслись на пяти подставкахъ, въ родѣ носилокъ, покрытыхъ коврами.

14. Коляска, въ которой ѣхалъ больной Симонъ Фризе.

15. Далѣе слѣдовали 46 простыхъ повозокъ съ нашимъ скарбомъ.

16. Въ самомъ концѣ ѣхали три мальчика.

Когда мы въ такомъ порядкѣ медленно подвигались впередъ и находились едва въ полумилѣ отъ города, прибыли десять конныхъ эстафетъ, ѣхавшихъ во весь карьеръ. Одинъ за другимъ подъѣзжали они къ намъ, указывали приставамъ, гдѣ теперь находятся русскіе, долженствующіе насъ принять, и приносили приказанія ѣхать то быстрѣе, то опять медленнѣе, то вновь быстрѣе, чтобы одна партія не прибыла раньше другой на опредѣленное мѣсто и не была принуждена поджидать. Тѣмъ временемъ, къ намъ навстрѣчу шли разные отряды разодѣтыхъ русскихъ, мчались мимо насъ и опять возвращались обратно. Здѣсь находились и нѣкоторые изъ людей, состоявшихъ при шведскихъ гг. послахъ: ихъ, однако, не подпустили подать намъ руки, и имъ пришлось кричать намъ издали. Когда мы подошли на

Какъ пословъ приняли передъ Москвою.

Титулъ великаго князя.

$^1/_4$ мили къ городу, то мы застали стоявшихъ сначала въ очень хорошемъ строю четыре тысячи русскихъ, въ дорогихъ одеждахъ и на лошадяхъ. Намъ пришлось ѣхать сквозь ихъ строй.

Когда мы подвинулись впередъ на выстрѣлъ изъ пистолета, подъѣхали два пристава въ одеждахъ изъ золотой парчи и высокихъ собольихъ шапкахъ, на прекрасно убранныхъ бѣлыхъ лошадяхъ. Вмѣсто поводьевъ у лошадей были очень большія серебряныя цѣпи со звеньями, шириною болѣе чѣмъ въ два дюйма, но толщиною не шире тупой стороны ножа, притомъ столь великими, что почти можно было просунуть руку; эти цѣпи при движеніи лошадей производили сильный шумъ и странный звонъ. За ними слѣдовалъ великокняжескій шталмейстеръ съ 20 бѣлыми лошадьми, ведшимися за уздцы, и еще большое количество народа, верхами и пѣшкомъ. Когда они подошли къ посламъ, пристава и послы сошли съ лошадей, старшій приставъ обнажилъ свою голову и началъ такъ: «Великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи самодержецъ, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, царь Сибирскій, государь Псковскій, великій князь Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новагорода низовыя земли, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея сѣверныя страны повелитель, государь Иверскія страны, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ государь и обладатель и проч. велитъ васъ, герцога шлезвигскаго, голштинскаго, сторнарнскаго и дитмарсенскаго, графа ольденбургскаго и дельменгорстскаго, великихъ пословъ, чрезъ насъ, принять, жалуетъ васъ и вашихъ гофъ-юнкеровъ для въѣзда своими лошадьми, а насъ обоихъ назначаетъ приставами, чтобы вамъ, пока вы будете находиться въ Москвѣ, служить и доставлять все необходимое». Когда посолъ Филиппъ Крузіусъ отвѣтилъ на это, то посламъ для въѣзда были подведены двѣ большія бѣлыя лошади, покрытыя вышитыми нѣмецкими сѣдлами и украшенныя разными уборами.

Какъ только гг. послы сѣли, прежній приставъ съ казаками, ведшій насъ отъ границы до Москвы, долженъ былъ отъѣхать отъ насъ. Новые приставы были—Андрей Васильевичъ Усовъ и Богданъ Федоровичъ. Для знатнѣйшихъ изъ людей при посольствѣ были поданы еще десять бѣлыхъ лошадей въ русскихъ сѣдлахъ, покрытыхъ золотой парчою. И такъ послы поѣхали

между обоихъ приставовъ. Вообще же русскіе, если три и болѣе человѣкъ идутъ или ѣдутъ рядомъ, считаютъ высшимъ мѣстомъ то, на которомъ правая рука наружу и свободна [т.-е. никого нѣтъ правѣе]. За лошадьми шли русскіе слуги и несли попоны, сдѣланныя изъ барсовыхъ шкуръ, парчи и краснаго сукна. Рядомъ съ послами ѣхали верхомъ другіе московиты густою толпою вплоть до города и посольскаго дома. Насъ помѣстили внутри Бѣлой стѣны, въ предѣлахъ такъ называемаго Царь-города, т. е. императорскаго города. При въѣздѣ мы видѣли на всѣхъ улицахъ и на домахъ безчисленное множество народу, стоявшаго, чтобы смотрѣть на нашъ въѣздъ. Однако, улицы были весьма опустошены сильнымъ пожаромъ, бывшимъ передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ и испепелившимъ болѣе пяти тысячъ домовъ. Люди должны были тамъ и сямъ жить въ палаткахъ, да и мы не были помѣщены въ посольскомъ дворѣ, который также сгорѣлъ, а въ двухъ деревянныхъ обывательскихъ домахъ.

Въѣздъ въ Москву.

VI.

(Книга I, глава 7).

Какъ насъ въ Москвѣ принимали: о первой публичной аудіенціи и о прибытіи Спиринга въ Москву.

Черезъ полчаса послѣ нашего прибытія въ Москву, для привѣтствованія насъ, изъ великокняжескихъ кухни и погреба была прислана намъ провизія, а именно: 8 овецъ, 30 куръ, много пшеничнаго и ржаного хлѣба, и потомъ еще 22 различныхъ напитка: вино, пиво, медъ и водка, одинъ напитокъ лучше другого; ихъ принесли 32 русскихъ, шедшихъ гуськомъ другъ за другомъ. Подобнаго рода провизія подобнымъ же образомъ доставлялась намъ ежедневно — однако, только въ половинномъ размѣрѣ. У нихъ вѣдь такой обычай, что послы въ первый день своего прибытія, а также въ дни, когда они побываютъ у руки его царскаго величества, постоянно получаютъ двойное угощеніе.

Полученіе въ двойномъ количествѣ провизіи.

По передачѣ этого угощенія, передній дворъ нашего помѣщенія былъ запертъ и сталъ охраняться 12 стрѣльцами, такъ что никто ни отъ насъ не могъ выйти, ни къ намъ кто-либо чужой зайти — до допущенія насъ къ первой аудіенціи. Пристава же ежедневно заходили для посѣщенія пословъ, а также чтобы справиться, не нуждаются ли они въ чемъ-либо. У насъ

же во дворѣ всегда долженъ былъ оставаться одинъ изъ русскихъ толмачей, который посылалъ стрѣльцовъ служить намъ и покупать всякія нужныя вещи, по нашему требованію. Этотъ толмачъ, по имени Иванъ, былъ русскій по происхожденію, находился въ плѣну у поляковъ, а затѣмъ два года служилъ лакеемъ его княжеской милости Янушу Радзивиллу, когда тотъ обучался въ университетѣ, въ Лейпцигѣ; тутъ-то онъ и научился нѣмецкому языку.

15-го августа у русскихъ былъ большой праздникъ, а именно Успеніе Дѣвы Маріи, когда у нихъ кончался постъ, начинающійся 1-го августа, и они снова ѣли мясо.

17-го с. м. его царское величество отправился въ нѣкое село на паломничество для молитвы; не будь этого, мы, по словамъ пристава, получили бы въ этотъ день аудіенцію. Зато и мы совершили благодарственное моленіе Богу съ проповѣдью и съ музыкою, въ ознаменованіе благополучнаго прибытія на мѣсто. Къ этому празднику, съ соизволенія великаго князя, явился также жительствующій здѣсь нашего милостиваго князя и государя коммиссаръ Бальтазаръ Мушеронъ. Онъ сообщилъ, что порядокъ нашъ при въѣздѣ очень понравился русскимъ: они удивлялись, какъ это въ Германіи имѣются столь знатные князья, что они могутъ снаряжать такія видныя посольства. Дѣло въ томъ, что ихъ князья, даже самые знатнѣйшіе по имѣніямъ и доходамъ, могутъ быть приравниваемы только нашимъ нѣмецкимъ простымъ дворянамъ.

18-го с. м. пришли приставы и сообщили, что его царское величество завтра желаетъ дать гг. посламъ публичную аудіенцію, и что по сему случаю намъ надлежитъ быть въ готовности. Они же, отъ имени государственнаго канцлера, пожелали имѣть списокъ княжескихъ подарковъ, имѣющихъ быть поднесенными; списокъ и былъ имъ переданъ. Послѣ обѣда пришелъ младшій приставъ, чтобы вновь насъ извѣстить, что завтра мы будемъ допущены къ рукѣ его царскаго величества.

Такъ какъ въ предыдущій день мы слышали безчисленное количество выстрѣловъ изъ орудій и видѣли изъ нашего помѣщенія много орудій на нѣкоемъ полѣ, но не знали, что все это обозначало, то приставъ разъяснилъ намъ: «его царское величество велѣлъ испробовать нѣсколько новыхъ орудій и самъ глядѣлъ на эту пробу изъ окна». Другіе, однако, думали, что сдѣлано это было съ тою цѣлью, чтобы шведскіе послы поняли, что не всѣ орудія—какъ это разсказывалось—остались подъ Смоленскомъ, но что ихъ еще имѣется очень много.

Рано утромъ 19-го августа приставы явились вновь, чтобы узнать, собираемся ли мы въ путь, и когда они увидали, что мы вполнѣ готовы, то поспѣшно поскакали опять къ Кремлю. Вслѣдъ затѣмъ доставлены были великокняжескія бѣлыя лошади для поѣзда. Въ 9 часовъ приставы вернулись въ обыкновенныхъ своихъ одеждахъ, велѣвъ нести за собою новые кафтаны и высокія шапки, взятые ими изъ великокняжескаго гардероба: приставы одѣли ихъ въ передней у пословъ, гдѣ они въ нашемъ присутствіи разубрались наилучшимъ образомъ. Послѣ этого мы въ плащахъ, но безъ шпагъ (таковъ у нихъ обычай: никто со шпагою не смѣетъ явиться передъ его царскимъ величествомъ), сѣли на коней и отправились къ Кремлю въ такомъ порядкѣ:

Насъ ведутъ къ публичной аудіенціи.

Спереди 36 стрѣльцовъ.

Порядокъ поѣзда.

Нашъ маршалъ.

Три низшихъ гофъ-юнкера.

Другіе три гофъ-юнкера.

Коммиссаръ, секретарь и медикъ, въ одной шеренгѣ.

Далѣе слѣдовали княжескіе подарки, одинъ за другимъ: ихъ вели и несли русскіе. Подарки были слѣдующіе:

1. Вороной жеребецъ, покрытый красивою попоною.

2. Сѣрый въ яблокахъ меринъ.

3. Еще гнѣдая лошадь.

4. Конская сбруя, прекрасно выработанная изъ серебра, осыпанная бирюзою, рубинами и другими камнями; ее несли двое русскихъ.

5. Крестъ, длиною почти съ четверть локтя, изъ хризолитовъ, оправленныхъ въ золото; его несли на блюдѣ.

6. Дорогая химическая аптечка; ея ящикъ былъ изъ чернаго дерева, окованнаго золотомъ; баночки также изъ золота, обсаженнаго драгоцѣнными камнями; ее несли двое русскихъ.

7. Хрустальная кружечка, обитая золотомъ и осыпанная рубинами.

8. Большое зеркало, длиною въ 5 четвертей и шириною въ локоть, въ рамѣ изъ чернаго дерева, покрытаго толстыми литыми изъ серебра листьями и рисунками; его несли двое русскихъ.

9. Искусственная горка, съ боевыми часами, съ изображеніемъ при нихъ исторіи блуднаго сына въ подвижныхъ картинахъ.

10. Серебряный позолоченный посохъ со зрительною трубою въ немъ.

11. Большіе часы, вдѣланные въ черное дерево, обитое серебромъ.

Какъ носятъ вѣрительныя грамоты.

За этими подарками шли два камеръ-юнкера, которые въ вытянутыхъ рукахъ держали вѣрительныя грамоты: одну къ великому князю и одну къ патріарху, отцу его царскаго величества, Филарету Никитичу:* хотя этотъ послѣдній, пока мы были въ дорогѣ, и скончался, тѣмъ не менѣе, сочтено было за благо передать это посланіе великому князю.

Далѣе ѣхали оба гг. посла между приставами, передъ которыми ѣхали два толмача.

Рядомъ съ послами шли четыре лакея, а за ними прислуживающіе отроки или пажи.

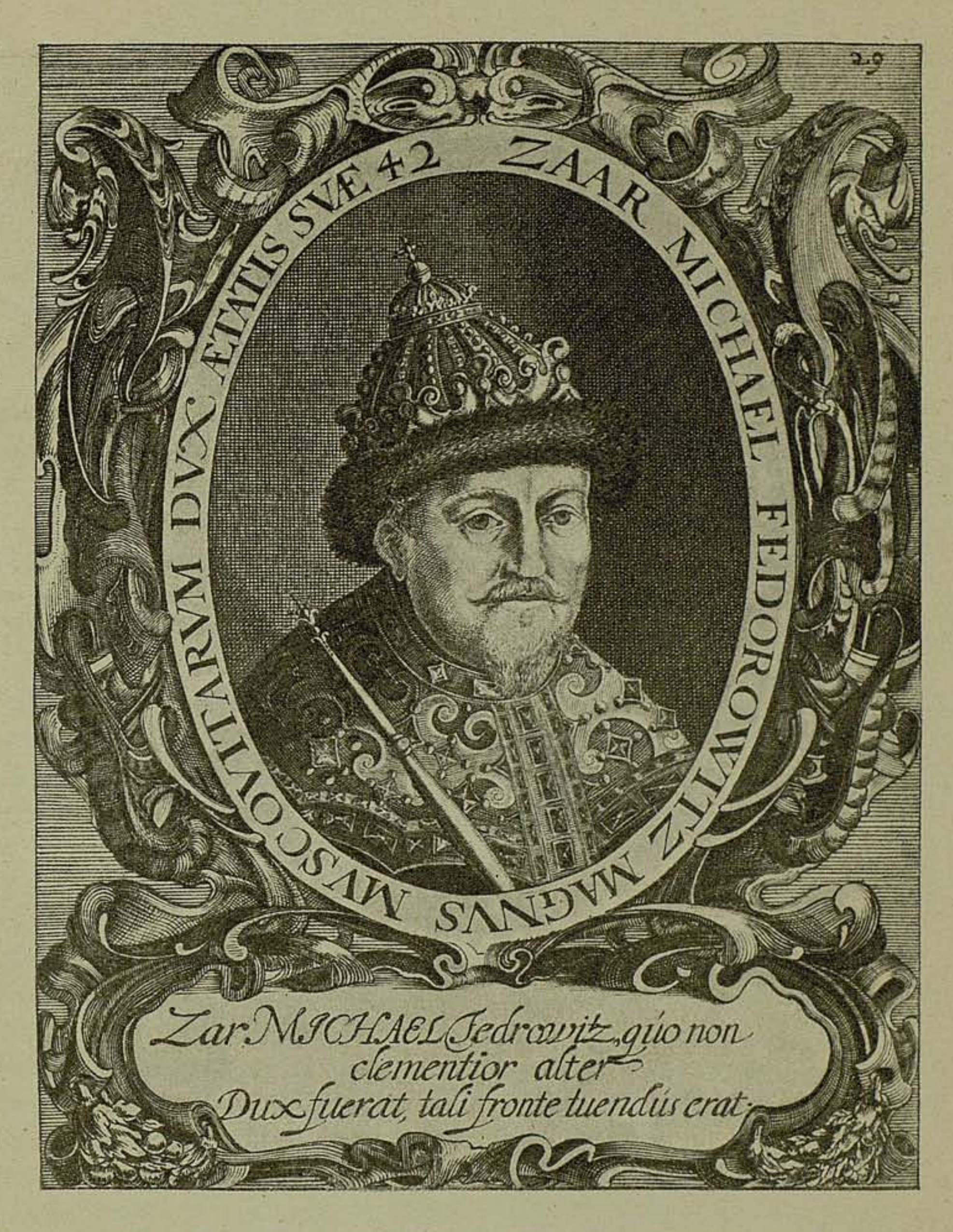
Отъ посольскаго двора до зала аудіенціи въ Кремлѣ, на протяженіи восьмушки мили, были разставлены болѣе двухъ тысячъ стрѣльцовъ или мушкетеровъ, съ обѣихъ сторонъ, тѣсно другъ къ другу; мы должны были проѣхать сквозь ихъ строй. За ними, во всѣхъ переулкахъ, домахъ и на крышахъ стояла густая толпа народа, глядѣвшая на нашъ поѣздъ. По дорогѣ нѣсколько эстафетъ, во весь карьеръ, неслись къ намъ изъ Кремля навстрѣчу, указывая приставамъ, чтобы мы то быстро, то медленно ѣхали, то, наконецъ, останавливались, чтобы его царскому величеству не пришлось сѣсть на тронъ для аудіенціи раньше или позже прибытія пословъ.

Проѣхавъ на верхней площади Кремля мимо посольскаго приказа и сойдя съ лошадей, наши офицеры и гофъ-юнкеры выстроились въ порядкѣ. Маршалъ пошелъ впереди презентовъ или подарковъ, а мы шли передъ гг. послами. Насъ повели налѣво черезъ сводчатый проходъ и въ немъ мимо очень красивой церкви (это, говорятъ, соборъ) въ залу аудіенціи, находящуюся направо на верхней площади. Насъ потому должны были провести мимо ихъ церкви, что мы христіане. Турокъ, татаръ и персовъ ведутъ не по этой дорогѣ, но сразу же черезъ середину площади и вверхъ по широкому крыльцу.

Передъ аудіенцъ-заломъ мы должны были пройти черезъ сводчатое помѣщеніе, въ которомъ вкругъ стѣны сидѣли и стояли старые осанистые мужчины съ длинными сѣдыми бородами, въ золотыхъ одеждахъ и высокихъ собольихъ шапкахъ. Это, говорятъ, «гости» его царскаго величества или именитѣйшіе купцы; одежда на нихъ принадлежитъ его царскаго величества сокровищницѣ и выдается только при обстоятельствахъ, подобныхъ настоящему, а затѣмъ сдается обратно.

Одежда изъ великокняжеской сокровищницы.

Когда послы пришли предъ двери этой передней, изъ аудіенцъ-зала вышли два командированные его царскимъ величествомъ боярина въ золотыхъ, вышитыхъ жемчугомъ кафтанахъ, при-

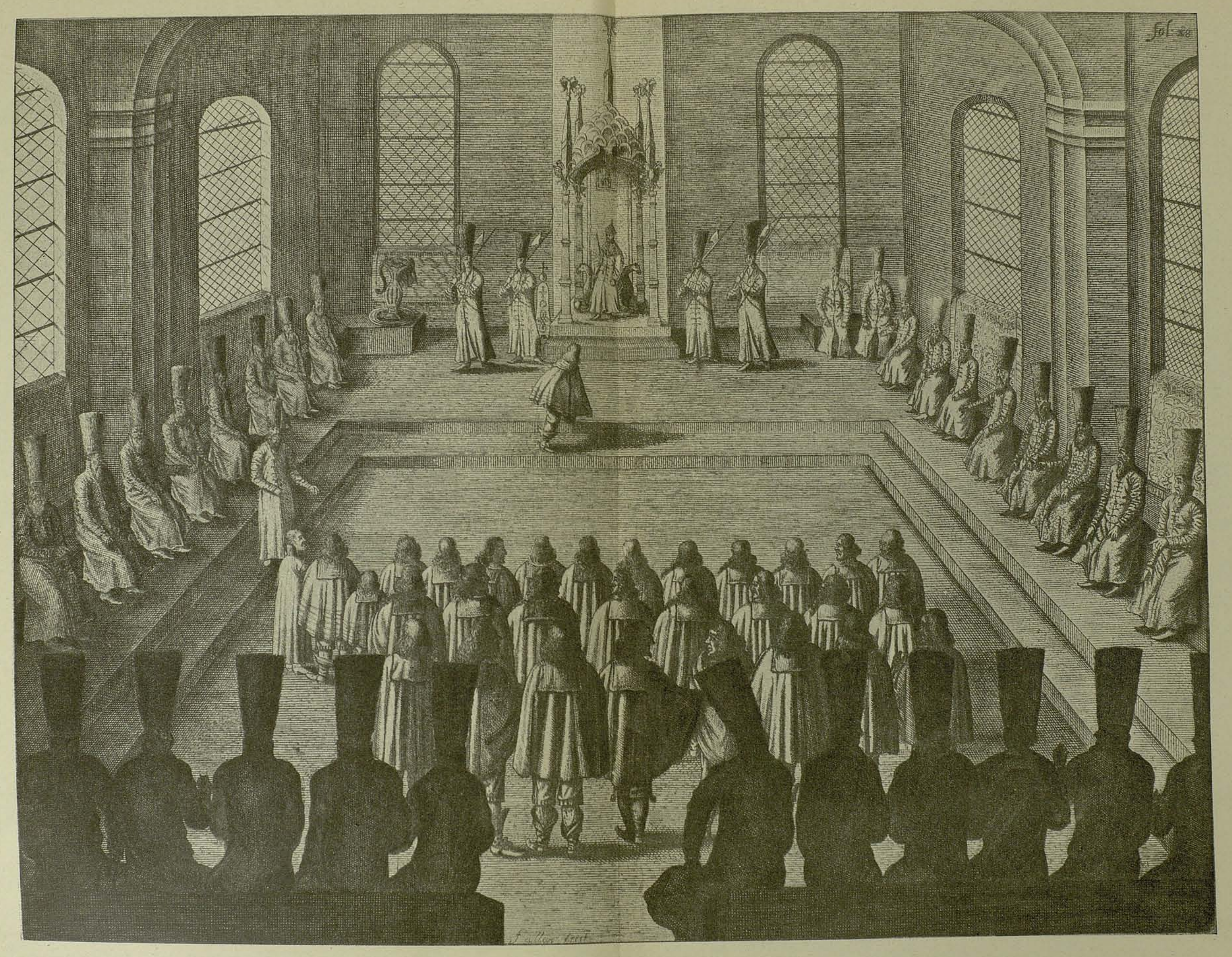

няли пословъ и сказали, что его царское величество пожаловалъ ихъ, допустивъ явиться передъ нимъ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ гофъ-юнкеровъ. Подарки были оставлены въ этомъ помѣщеніи, а пословъ, за которыми прошли ихъ офицеры, гофъ-юнкеры и пажи, провели внутрь къ его царскому величеству. Когда они вошли въ дверь, знатнѣйшій переводчикъ царя Гансъ Гельмесъ, мужчина въ ту пору лѣтъ 60-ти (онъ былъ живъ еще въ 1654 г. и отправлялъ свою должность), выступилъ впередъ, пожелалъ великому государю царю и вели-

Московитская публичная аудіенція.

Аудіенцъ-залъ. кому князю счастья, продолжительной жизни и объявилъ о прибытіи голштинскихъ пословъ. Аудіенцъ-залъ представлялъ собою четырехугольное каменное сводчатое помѣщеніе, покрытое снизу и по сторонамъ красивыми коврами и сверху украшенное рисунками изъ библейской исторіи, изображенными золотомъ и разными красками. *Тронъ для аудіенціи.* Тронъ великаго князя сзади у стѣны подымался отъ земли на три ступени, былъ окруженъ четырьмя серебряными и позолоченными колонками или столбиками, толщиною въ три дюйма; на нихъ покоился балдахинъ въ видѣ башенки, поднимавшейся на 3 локтя въ вышину. Съ каждой стороны балдахина стояло по серебряному орлу съ распростертыми крыльями. Впрочемъ, въ это время готовили какъ разъ тронъ гораздо болѣе великолѣпный и раскошный, на который отпущено было 800 фунтовъ серебра и 1100 дукатовъ для позолоты: его, со всѣми расходами на него, цѣнили въ 25,000 талеровъ. Три года надъ нимъ работали нѣмцы и русскіе, причемъ самымъ виднымъ мастеромъ въ этомъ дѣлѣ былъ житель Нюрнберга Исаія Цинкгрэффъ.

Какъ былъ одѣтъ его царское величество. На вышеозначенномъ престолѣ сидѣлъ его царское величество въ кафтанѣ, осыпанномъ всевозможными драгоцѣнными камнями и вышитомъ крупнымъ жемчугомъ. Корона, которая была на немъ поверхъ черной собольей шапки, была покрыта крупными алмазами, такъ же какъ и золотой скипетръ, который онъ, вѣроятно, въ виду его тяжести, по временамъ перекладывалъ изъ руки въ руку. Передъ трономъ его царскаго величества стояли четыре молодыхъ и крѣпкихъ князя, по двое съ каждой стороны, въ бѣлыхъ дамастовыхъ кафтанахъ, въ шапкахъ изъ рысьяго мѣха и бѣлыхъ сапогахъ; на груди у нихъ крестообразно висѣли золотыя цѣпи. Каждый держалъ на плечѣ серебряный топорикъ, какъ бы приготовившись ударить имъ. У стѣнъ кругомъ слѣва и напротивъ царя сидѣли знатнѣйшіе бояре, князья и государственные совѣтники, человѣкъ съ 50, всѣ въ очень роскошныхъ одеждахъ и высокихъ черныхъ лисьихъ шапкахъ, которыя они, по своему обычаю, постоянно удерживали на головахъ. Въ пяти шагахъ отъ трона вправо стоялъ государственный канцлеръ. Рядомъ съ престоломъ великаго князя направо стояла золотая держава, величиною съ шаръ для игры въ кегли, на серебряной, рѣзной пирамидѣ, которая была высотою въ два локтя. Рядомъ съ державою стояла золотая чашка для умыванія и рукомойникъ съ полотенцемъ, чтобы его царское величество, какъ послы приложатся къ его рукѣ, снова могъ умыться. Все это представлено подробнѣе на рисункѣ.

ПУБЛИЧНАЯ АУДІЕНЦІЯ ПОСОЛЬСТВА.

Внизу неясными чертами (во всѣхъ оттискахъ и изданіяхъ) награвировано: F.. allen fecit. Первое слово, очевидно, имя гравера (офортиста).

Его царское величество только христіанамъ дозволяетъ цѣловать ему руку, но отнюдь не турецкимъ, персидскимъ и татарскимъ посламъ. Поссевину это мытье рукъ очень не нравится; онъ говоритъ: «quod quasi ad expiationem soleat abluere» («точно для искупленія грѣха онъ умываетъ свои руки»). Такъ какъ это умываніе происходитъ въ присутствіи столь многочисленныхъ вельможъ, которые этимъ обрядомъ еще болѣе утверждаются въ ненависти къ правовѣрующимъ своимъ единовѣрцамъ-христіанамъ, то онъ полагаетъ, что другіе христіанскіе князья должны бы указать московиту на неумѣстность этого обряда и дать ему понять, что они не будутъ болѣе присылать пословъ, пока онъ не откажется отъ этого постыднаго обмыванія. Объ этомъ можно прочесть въ книгѣ Поссевина «De rebus Moscoviticis», на стр. 2.

И такъ, когда послы съ должною почтительностью вошли, они сейчасъ же были поставлены противъ его царскаго величества, въ десяти отъ него шагахъ. За ними стали ихъ знатнѣйшіе слуги, справа же два нашихъ дворянина съ вѣрительными грамотами, которыя все время держались въ протянутыхъ вверхъ рукахъ. Великокняжескій переводчикъ Гансъ Гельмесъ сталъ съ лѣвой стороны пословъ. Послѣ этого его царское величество сдѣлалъ знакъ государственному канцлеру и велѣлъ сказать посламъ, что онъ жалуетъ ихъ—позволяетъ поцѣловать ему руку. Когда они, одинъ за другимъ, стали подходить, его царское величество взялъ скипетръ въ лѣвую руку и предлагалъ каждому, съ любезною улыбкою, правую свою руку: ее цѣловали, не трогая ея, однако, руками. Потомъ государственный канцлеръ сказалъ: «пусть господа послы сообщатъ, что имъ полагается». Началъ говорить посолъ Филиппъ Крузіусъ. Онъ принесъ его царскому величеству привѣтствіе отъ его княжеской свѣтлости, нашего милостивѣйшаго князя и государя, съ одновременнымъ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу смерти патріарха: его-де княжеская свѣтлость полагалъ, что Богъ еще сохранитъ ему жизнь по сію пору; оттого-то и на его имя была отправлена грамота, которую они, послы, наравнѣ съ обращенною къ его царскому величеству, нынѣ намѣрены передать съ достодолжною почтительностью. Послѣ этого послы взяли вѣрительныя грамоты и направились къ его царскому величеству, сдѣлавшему знакъ канцлеру, чтобы тотъ принялъ грамоты.

Цѣлованіе руки его царскаго величества.

Княжескія грамоты передаются.

Когда послы опять отступили назадъ, его царское величество снова подозвалъ знакомъ государственнаго канцлера и сказалъ, что ему отвѣчать посламъ. Канцлеръ отъ царскаго пре-

столa прошелъ пять шаговъ по направленію къ посламъ и сказалъ: «Великій государь царь и великій князь (и прочее) велитъ сказать тебѣ, послу Филиппу Крузіусу, и тебѣ, послу Оттону Брюггеману, что онъ вашего князя герцога Фридерика грамоту принялъ, велитъ ее перевести на русскій языкъ и черезъ бояръ на нее дать отвѣтъ, герцогу же Фридерику онъ напишетъ въ иное время». Читая по запискѣ титулы великаго князя и его княжеской свѣтлости, канцлеръ обнажалъ голову, а потомъ сейчасъ же снова надѣвалъ шапку. Позади пословъ была поставлена скамейка, покрытая ковромъ; на нее послы, по желанію его царскаго величества, должны были сѣсть. Потомъ канцлеру велѣно было сказать: «его царское величество жалуетъ и знатнѣйшихъ посольскихъ слугъ и гофъ-юнкеровъ, даетъ имъ облобызать свою руку».

Когда это было сдѣлано, его царское величество немного приподнялся на тронѣ и самъ спросилъ пословъ въ такихъ словахъ: «Князь Фридерикъ еще здоровъ?» На это былъ данъ отвѣтъ: «Мы, слава Богу, оставили его княжескую свѣтлость, при нашемъ отбытіи, въ добромъ здравіи и благоденствіи. Богъ да пошлетъ его царскому величеству и его княжеской свѣтлости и въ дальнѣйшемъ здоровья и счастливаго правленія».

Передача подарковъ.

Послѣ этого выступилъ гофмейстеръ великаго князя, прочелъ списокъ княжескихъ подарковъ, которые тотчасъ же были внесены и держаны на виду, пока канцлеръ не кивнулъ, чтобы ихъ вновь вынесли. Затѣмъ канцлеръ продолжалъ говорить и сказалъ: «Царь и великій князь всея Россіи и государь и обладатель многихъ государствъ пожаловалъ господъ пословъ, далъ имъ говорить далѣе». Послы, послѣ этого, въ силу капитуляцій по персидскимъ дѣламъ, заключенныхъ между его королевскимъ величествомъ шведскимъ и его княжескою свѣтлостью шлезвигъ-голштинскимъ, просили тайной аудіенціи, одновременной съ шведскими господами послами.

На это его царское величество велѣлъ спросить, какъ поживаютъ послы, и передать имъ, что онъ жалуетъ ихъ сегодня кушаньемъ со своего стола. Послѣ этого господа послы были выведены тѣми же двумя боярами, которые раньше ввели ихъ. Мы, съ приставами и стрѣльцами, въ прежнемъ порядкѣ, отправились опять верхами домой.

Вскорѣ послѣ этого прибылъ великокняжескій камеръ-юнкеръ, нѣкій князь, высокій, осанистый мужчина, въ великолѣпномъ платьѣ, верхомъ на красиво-разукрашенной лошади. За нимъ слѣдовали много русскихъ. Они должны были, отъ имени его царскаго величества, угостить пословъ. Нѣкоторые изъ людей князя

накрыли столъ длинною бѣлою скатертью и поставили на нее серебряную солонку съ мелко-натертой солью, двѣ серебряныхъ кружечки съ уксусомъ, нѣсколько большихъ бокаловъ или чаръ, чаши для меду діаметромъ въ $1^1/_2$ четверти (три изъ чистаго золота и двѣ серебряныхъ), длинный ножъ и вилку.

Послы угощаются кушаньями со стола великаго князя.

Великокняжескій посланецъ сѣлъ вверху стола и попросилъ пословъ сѣсть съ нимъ рядомъ. Наши гофъ-юнкеры прислуживали за столомъ. Посланецъ велѣлъ поставить передъ послами три большихъ бокала, наполненныхъ виномъ Аликанте, рейнскимъ виномъ и медомъ, и приказалъ затѣмъ подавать на столъ въ 38-ми большею частью серебряныхъ, но не особенно чистыхъ большихъ блюдахъ, одно за другимъ, всякія вареныя и жареныя, а также печеныя кушанья. Если не было мѣста, то ранѣе поставленное опять убиралось. Когда послѣднее блюдо было подано на столъ, князь поднялся, сталъ передъ столомъ, кивнулъ посламъ, чтобы и они стали передъ столомъ, и сказалъ: «вотъ кушанья, которыя его царское величество, чрезъ него, велѣлъ подать великимъ голштинскимъ посламъ: пусть они ими угощаются». Послѣ этого онъ взялъ большую золотую чашу, наполненную очень сладкаго и вкуснаго малиноваго меда, и выпилъ передъ послами за здоровье его царскаго величества. Послѣ этого онъ и посламъ и каждому изъ насъ далъ въ руки по такому же сосуду съ напитками, и мы всѣ вмѣстѣ должны были ихъ выпить. Одинъ изъ насъ, стоявшій нѣсколько поодаль отъ него и не могшій, изъ-за множества народа, стоявшаго вокругъ, получить чашу изъ его рукъ, хотѣлъ, чтобы чаша была ему передана черезъ столъ. Князь, однако, не позволилъ этого, кивнулъ ему, чтобы онъ вышелъ изъ-за стола, и сказалъ: «столъ теперь знаменуетъ собою столъ русскаго императора: никто не смѣетъ становиться за нимъ, но слѣдуетъ стоять передъ нимъ».

За первымъ тостомъ, подобнымъ же образомъ воспослѣдовалъ тостъ за его княжескую свѣтлость, нашего милостивѣйшаго князя и государя, въ такихъ словахъ: «Богъ сохранитъ князя Фридерика въ долговременномъ здоровьѣ и дастъ, чтобы онъ и его царское величество пребыли во всѣ времена въ добромъ единеніи и дружбѣ». Наконецъ, пили круговую и за здоровье молодого принца, государя наслѣдника его царскаго величества.

Послѣ этого они опять сѣли за столъ: пили еще нѣсколько чашъ вишневаго и ежевичнаго меду. Послы подарили посланцу позолоченный бокалъ въ 54 лота. Онъ велѣлъ его нести передъ собою и опять верхомъ отправился въ Кремль, гдѣ онъ показалъ великому князю, что имъ было получено. У нихъ существуетъ

такой обычай, что всѣ принятыя въ подобныхъ случаяхъ отъ чужеземцевъ подношенія, равно какъ и подарки, полученные посланцами къ чужимъ государямъ, должны быть, по возвращеніи, показаны великому князю. Тираническій великій князь Иванъ Васильевичъ иной разъ даже присваивалъ и задерживалъ у себя эти подарки, какъ разсказываетъ Герберштейнъ въ своихъ «Rerum Moscoviticarum commentarii».

Милостивое разрѣшеніе выходить.

20-го августа наши приставы опять пришли къ намъ и сообщили: «его царское величество жалуетъ насъ: дозволяетъ выходить. Городъ намъ открытъ. Буде угодно ѣхать верхомъ, намъ будутъ доставлены лошади. Разрѣшено также шведскимъ посламъ и ихъ людямъ приходить къ намъ, а намъ къ нимъ». Это было большое чудо: вѣдь у московитовъ раньше существовалъ обычай, что никто ни изъ пословъ, ни изъ людей ихъ, пока они находились въ Москвѣ, не смѣлъ выходить одинъ. Даже если имъ приходилось справлять что-либо нужное внѣ дома, то и тогда стрѣлецъ долженъ было сопровождать ихъ. Намъ же изъ особаго благорасположенія, какъ и шведамъ, дана была эта свобода выходить безъ сопровожденія стрѣльцовъ.

Когда русскіе услыхали, что наши господа охотно посѣтили бы шведскихъ господъ пословъ, то, на третій день послѣ этого, пришли къ намъ приставы съ великокняжескимъ подъ-шталмейстеромъ, привели 6 лошадей его царскаго величества и проводили нашихъ пословъ къ господамъ шведамъ. Послѣ этого мы зачастую сходились, не встрѣчая ни малѣйшаго противорѣчія со стороны русскихъ.

Великокняжескіе слуги не смѣютъ безъ позволенія посѣщать чужихъ пословъ и кушать съ ними.

23-го с. м. господа послы пригласили къ себѣ въ гости нѣсколькихъ добрыхъ друзей изъ числа нѣмцевъ и, между прочими, лейбъ-медика и аптекаря его царскаго величества. Когда, однако, эти послѣдніе попросили канцлера о позволеніи, имъ было отказано съ запретомъ въ теченіе трехъ дней заходить къ намъ. Дѣло въ томъ, что русскіе еще не успѣли, какъ это у нихъ принято, произвести расцѣнку княжескихъ подарковъ. А такъ какъ среди подарковъ находилась химическая аптека, то медикъ и аптекарь были привлечены къ участію въ расцѣнкѣ.

24-го с. м. прибылъ къ Москвѣ вышеупомянутый Арендъ Спирингъ, главноуправляющій вѣдомствомъ торговыхъ налоговъ въ Лифляндіи. Русскіе сначала не хотѣли ввести его съ обычнымъ великолѣпіемъ, какъ посла. Когда, однако, другіе шведскіе послы на это обидѣлись и стали возражать, то русскіе, все-таки, въ концѣ концовъ, послали ему навстрѣчу за городъ пристава, чтобы тотъ принялъ и ввелъ его.

VII.

(Книга I, глава 8).

Какъ русскіе справляютъ свой Новый годъ.

1-го сентября русскіе торжественно справляли свой Новый годъ. Они вѣдь считаютъ свои годы отъ сотворенія міра и увѣрены, подобно нѣкоторымъ старинымъ еврейскимъ и греческимъ писателямъ, съ которыми и иные наши ученые согласны, что міръ начался осенью. Я не намѣренъ излагать причины этого убѣжденія. Объ этой причинѣ говорятъ Альфонсъ Тостатъ (въ толкованіяхъ на книгу Бытія, гл. I, вопр. 22), Госпиніанъ (въ «De Origine festorum», гл. I), Кальвизій (въ «Isagoge Chronologica», гл. 34-ая) и Ориганъ (въ первой части «Ephemerides», стр. 7), которые всѣ того же мнѣнія. *Новый годъ у русскихъ.*

Московитскій годъ въ то время (въ годъ по Р. X. 1634) былъ 7142-й. Русскіе, принявъ отъ грековъ вѣру, захотѣли послѣдовать имъ и въ ихъ лѣтосчисленіи.

Греческая и восточныя церкви утверждаютъ, что онѣ придерживаются хронологіи Никифора; онѣ насчитываютъ отъ начала міра до Рождества Христова 5508 лѣтъ, хотя Никифоръ и считаетъ всего 5500 лѣтъ. Если теперь причислить сюда тогдашнюю цифру года отъ Р. X., а именно 1634, то получится 7142. Такимъ образомъ нынѣшній 1654-й годъ пишется московитами и греческими христіанами 7162-ымъ. Мы же, согласно истинѣ библейскихъ разсказовъ о созданіи міра въ 3949 г. до Р. X., должны считать теперь 5603-й годъ.

Процессія, которую устроили русскіе, справляя этотъ праздникъ, была очень красива на видъ. На кремлевской площади собрались болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, молодыхъ и старыхъ. На верхнюю площадь вышелъ патріархъ со всѣмъ клиромъ, съ почти 400-ми поповъ въ священническомъ убранствѣ, съ очень многими хоругвями, иконами и раскрытыми старыми книгами. Они вышли изъ церкви, лежащей по правую руку, если подниматься вверхъ. Его царское величество, со своими государственными совѣтниками, боярами и князьями, вышелъ съ лѣвой стороны площади. Великій князь съ обнаженной головой и патріархъ въ епископской митрѣ, оба по одиночкѣ, выступили впередъ и поцѣловали другъ друга въ уста. Патріархъ также

подалъ его царскому величеству, чтобы тотъ могъ приложиться, крестъ, съ пядень длиною, осыпанный большими алмазами и другими драгоцѣнными камнями. Затѣмъ онъ во многихъ словахъ произнесъ благословеніе его царскому величеству и всей общинѣ, а также пожелалъ всѣмъ счастья къ новому году. Народъ кричалъ въ отвѣтъ: «Аминь!» Тутъ же стояло безчисленное количество русскихъ, державшихъ вверхъ свои прошенія. Со многими криками бросали они эти прошенія въ сторону великаго князя: потомъ прошенія эти собирались и уносились въ покои его царскаго величества. Затѣмъ, въ чинной процессіи, каждый опять вернулся на свое мѣсто.

VIII.

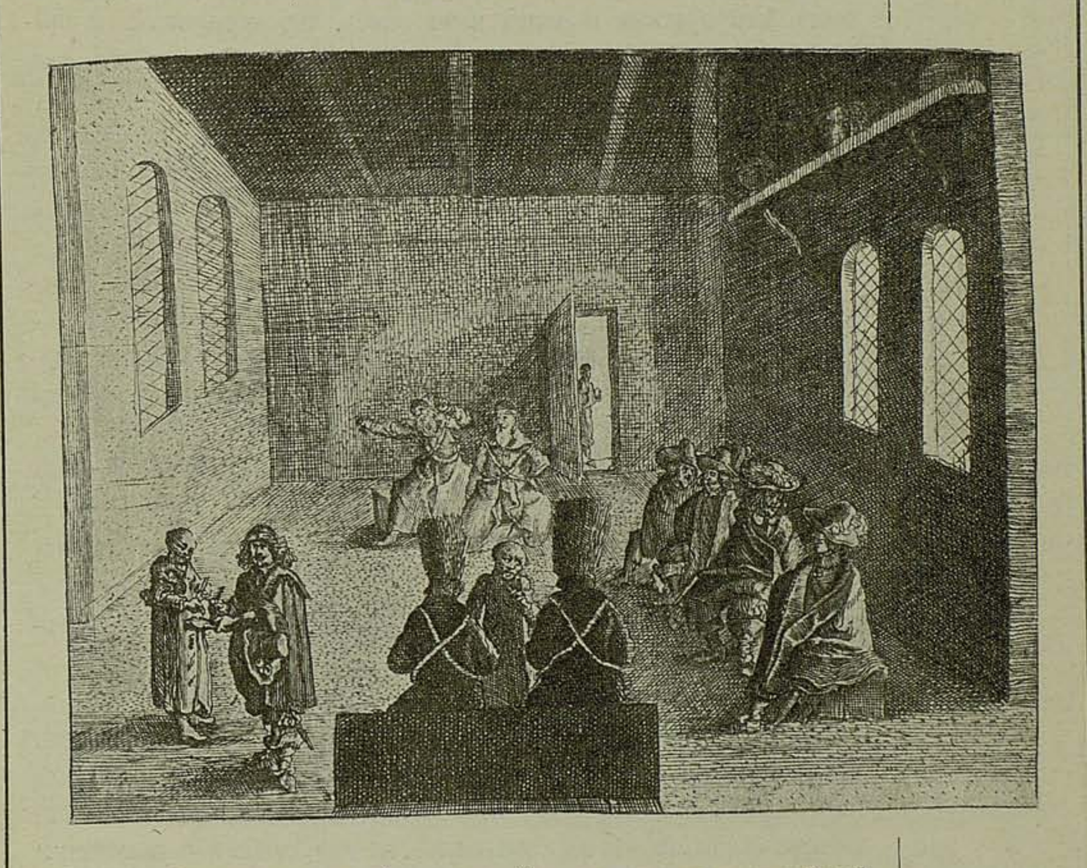
(Книга I, глава 9).

О первой тайной аудіенціи, а также о томъ, каковъ былъ въѣздъ татарскихъ пословъ. О рожденіи великокняжеской дочери.

Первая тайная аудіенція.

3-го сентября нѣкоторыхъ изъ шведскихъ господъ пословъ: г. Гилленшерну, г. Буреуса и г. Спиринга, коихъ порученіе совпадало съ нашимъ дѣломъ (остальные гг. послы, какъ-то г. Филиппъ Шейдингъ и полковникъ Генрикъ Флемингъ, были посланы только по дѣламъ короны шведской), повели къ публичной аудіенціи съ тѣмъ же великолѣпіемъ, какъ нашихъ пословъ. Такъ какъ и они просили, чтобы имъ разрѣшили прійти на тайную аудіенцію одновременно съ нами, то просьба эта была уважена. Итакъ, 5-го с. м. мы вмѣстѣ съ ними, съ обычнымъ великолѣпіемъ, совершили свой выѣздъ. Ихъ повели черезъ верхнюю площадь Кремля налѣво (черезъ помѣщеніе, которое, какъ и въ день публичной аудіенціи, было полно старыхъ осанистыхъ мужчинъ, сидѣвшихъ въ золотыхъ платьяхъ и высокихъ шапкахъ) въ комнату для тайной аудіенціи. Въ этой комнатѣ сидѣли четыре лица, коимъ было поручено дать намъ тайную аудіенцію, а именно два боярина и два канцлера [дьяка]—всѣ одѣтые въ весьма великолѣпныя одежды: ихъ кафтаны были изъ золотой парчи и широко вышиты очень крупнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; большія золотыя цѣпи крестообразно висѣли у нихъ на груди. У каждаго боярина на головѣ нахо-

дилась шапочка (въ родѣ нашихъ калоттъ), вся вышитая крупнымъ жемчугомъ, съ драгоцѣннымъ камнемъ на верхушкѣ. Двое другихъ [т. е. дьяки] сидѣли въ обычныхъ высокихъ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Послы были любезно приняты ими и приглашены сѣсть съ ними рядомъ. Бояре сидѣли сначала на высшемъ мѣстѣ, а именно позади въ комнатѣ у окна, гдѣ боковыя скамейки сходились угломъ. Пословъ же посадили сзади у стѣны, а два канцлера заняли свои мѣста спереди, напротивъ пословъ, на скамейкѣ безъ спинки (каковыя скамейки въ Россіи общеупотреби-

тельны). Посреди этихъ усѣвшихся здѣсь господъ сталъ и тайный его царскаго величества переводчикъ Гансъ Гельмсъ. Что же касается нашихъ людей и приставовъ, которые привели пословъ въ комнату, то они должны были выйти въ сѣни, за исключеніемъ двухъ секретарей и двухъ толмачей, которые, наряду съ русскимъ писцомъ, остались стоять здѣсь, для записи протокола.

Едва господа усѣлись, какъ высшій бояринъ задалъ вопросъ: «достаточно ли снабжены гг. послы ѣдою и питьемъ и другими необходимыми вещами?» Когда выражена была благодарность за хорошее угощеніе и за изобиліе всего, они встали,

обнаживъ свои головы, и первый началъ говорить: «Великій государь царь и великій князь» (далѣе слѣдовало чтеніе всего титула, послѣ чего всѣ опять сѣли) «велитъ сказать вамъ, королевскимъ и княжескимъ посламъ, что онъ приказалъ перевести грамоты на русскій языкъ, прочелъ ихъ, да и вашу устную рѣчь прослушалъ въ публичной аудіенціи».

Затѣмъ началъ говорить второй (опять приподнимаясь, какъ и предыдущій): «Великій государь и проч. желаетъ королевѣ шведской и князю голштинскому всякаго благополучія и побѣды надъ ихъ врагами и даетъ вамъ знать, что королевскія и княжескія грамоты имъ прилежно читаны и что ихъ мнѣніе имъ изъ грамотъ узнано».

Третій сказалъ съ подобными же церемоніями: «Великій государь и пр. узналъ изъ грамоты, что вамъ въ томъ, что вы будете говорить, надо имѣть вѣру. Это и будетъ сдѣлано, и его царское величество дастъ вамъ отвѣтъ».

Четвертый сказалъ: «его царскимъ величествомъ они отряжены, чтобы узнать, каковы будутъ предложеніе и просьба пословъ». Затѣмъ онъ прочиталъ имена тѣхъ лицъ, которые назначены его царскимъ величествомъ къ участію въ тайной аудіенціи. Это были:

Кто изъ бояръ былъ отряженъ къ тайной аудіенціи.

Намѣстникъ тверской князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ Оболенской.

Намѣстникъ новоторжскій Василій Ивановичъ Стрѣшневъ.

Два думные дьяка, а именно:

Иванъ Тарасовичъ Грамотинъ, хранитель печати и оберъ-канцлеръ, и

Иванъ Аѳанасьевичъ Гавреневъ, подканцлеръ.

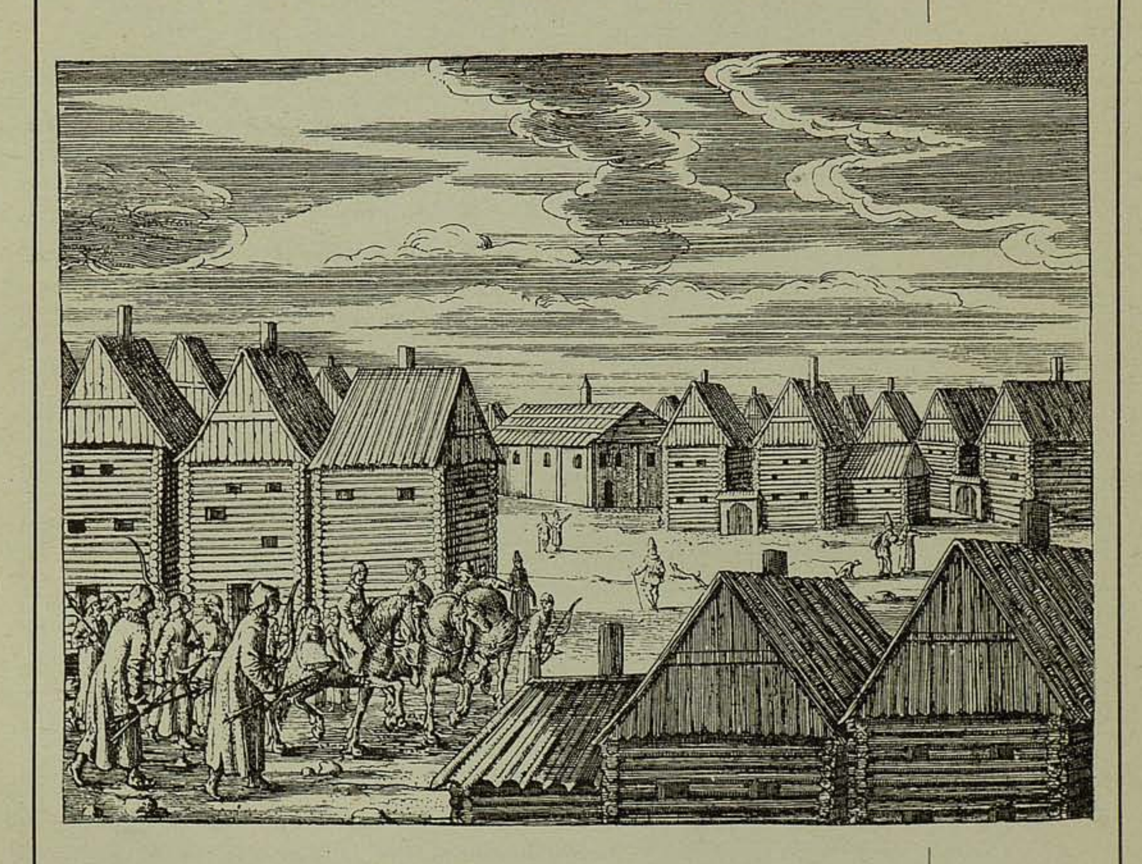
По прочтеніи всѣхъ этихъ именъ всѣ опять поднялись съ мѣстъ, и королевскій шведскій посолъ г. Эрикъ Гилленшерна началъ по-нѣмецки, отъ имени ея величества королевы шведской, благодарить за то, что его царское величество допустилъ ихъ на тайную аудіенцію; затѣмъ онъ прочиталъ свое предложеніе или пропозицію, изложенную на листѣ бумаги. Когда послѣ этого перешли къ чтенію еще и нашей пропозиціи, оказавшейся нѣсколько болѣе длинною, а совѣтникамъ показалось, что время уже затянулось, то они потребовали передачи обѣихъ письменно изложенныхъ пропозицій и пошли съ ними наверхъ къ его царскому величеству. Послы тѣмъ временемъ оставались одни въ комнатѣ для тайной аудіенціи.

Тутъ наши приставы и нѣкоторые изъ людей свиты вновь вошли къ посламъ. Немногимъ болѣе чѣмъ черезъ полчаса явился

одинъ подканцлеръ съ сообщеніемъ: «на этотъ разъ съ насъ достаточно: мы можемъ опять ѣхать домой; пропозиціи будутъ немедленно переведены, и тогда намъ будетъ данъ отвѣтъ». И вотъ мы опять поѣхали на наше мѣсто.

Черкасскіе татары ѣдутъ на аудіенцію.

12-го с. м. три татарскіе посла, безъ всякой пышности, ѣздили представляться. Они были посланы черкасскимъ принцемъ, вассаломъ его царскаго величества. За ними бѣжали 16 прислужниковъ. Они поѣхали въ Кремль въ красныхъ кафтанахъ изъ грубаго сукна, но вернулись въ кафтанахъ изъ шел-

коваго дамаста, красныхъ и желтыхъ, подаренныхъ имъ великимъ княземъ.

Такія посольства, какъ говорятъ, присылаются ежегодно какъ этими, такъ и другими татарами, хотя никакихъ важныхъ предложеній они и не дѣлаютъ. Пріѣзжаютъ они больше всего ради одежды и подарковъ, зная, что всегда имъ дадутъ чего-нибудь.

Рожденіе великокняжеской дочери.

15-го с. м. прибыли пристава и сообщили, что въ предыдущій день великая княгиня разрѣшилась отъ бремени дочерью, которая уже крещена и названа Софіею. Русскіе вообще не оставляютъ своихъ дѣтей долго некрещенными, да и не устраи-

ваютъ на крестинахъ такого торжества и пиршествъ, какъ въ Германіи. Говорятъ, патріархъ былъ крестнымъ отцомъ, какъ у всѣхъ прочихъ дѣтей великаго князя. И мы должны были участвовать въ этой радости: «кормъ» или провіантъ нашъ въ этотъ день былъ удвоенъ.

IX.

(Книга I, глава 10).

О встрѣчѣ турецкаго посла.

Турецкаго посла торжественно встрѣчаютъ въ Москвѣ.

17-го с. м. подъ Москву прибылъ турецкій посолъ. Его встрѣтили съ очень большимъ великолѣпіемъ шестнадцать тысячъ человѣкъ конницы. Въ этомъ большомъ войскѣ можно было сосчитать не болѣе шести штандартовъ. Первый, принадлежавшій лейбъ-компаніи, былъ изъ бѣлаго атласа съ изображеніемъ на немъ двуглаваго орла съ тремя коронами, окруженнаго лавровымъ вѣнкомъ съ надписью: Virtute supero (т. е. «доблестью побѣждаю»). Далѣе были три синихъ съ бѣлымъ, съ изображеніемъ на одномъ—грифа, на другомъ—улитки, на третьемъ—руки съ мечомъ. Далѣе еще одинъ изъ краснаго дамаста, изображавшій двуликаго Януса, и наконецъ красный, безъ изображенія. Мы предположили, что такія эмблемы и знаменательныя изображенія были помѣщены [на штандартахъ] по указанію нѣмецкихъ офицеровъ, выступавшихъ подъ Смоленскъ. Сами русскіе очень неискусны въ изобрѣтеніи такихъ вещей. Передъ каждымъ штандартомъ ѣхали волынщики и литаврщики, а передъ лейбъ-штандартомъ—шесть трубачей, которые, по своему, трубили что-то веселое. Нѣкоторые изъ русскихъ князей ѣхали на статныхъ персидскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ лошадяхъ, хорошо убранныхъ и разукрашенныхъ; среди этихъ лошадей находились и десять великокняжескихъ, увѣшанныхъ большими серебряными цѣпями, о которыхъ упомянуто при описаніи нашего въѣзда.

Нѣкоторые изъ насъ составили, вмѣстѣ со шведами, отрядъ въ 50 человѣкъ и выѣхали, съ шведскимъ маршаломъ высокоблагороднымъ Вольфъ-Спаромъ во главѣ, за милю навстрѣчу туркамъ, чтобы посмотрѣть на нихъ. Когда турокъ насъ увидѣлъ, то пристально сталъ вглядываться въ насъ, какъ и мы въ него. Съ добрую милю мы ѣхали рядомъ съ нимъ и осматривали его свиту и поѣздъ, которые были таковы:

Поѣздъ турка при прибытіи его въ Москву.

Спереди ѣхали 46 стрѣльцовъ, обвѣшанныхъ луками, стрѣлами и саблями.

Далѣе слѣдовалъ приставъ въ золотомъ парчевомъ кафтанѣ.

За нимъ — 11 лицъ въ красныхъ бархатныхъ кафтанахъ. Это были частью турецкіе, частью греческіе купцы, частью греческія духовныя лица.

Затѣмъ — маршалъ посла, одинъ.

За нимъ — 4 стрѣлка-тѣлохранителя съ луками и стрѣлами.

Потомъ — въ очень красивыхъ одеждахъ два камеръ-юнкера.

За ними слѣдовалъ самъ посолъ.

Онъ былъ средняго роста, съ желтоватымъ лицомъ и съ черною какъ уголь, округленною бородою. Нижній кафтанъ его былъ изъ бѣлаго атласа съ пестрыми цвѣтами, верхній же кафтанъ изъ золотой парчи, подбитой рысьимъ мѣхомъ. На головѣ какъ его, такъ и всѣхъ его людей были бѣлыя чалмы. Таково, впрочемъ, обычное убранство въ одеждѣ турокъ.

Онъ сидѣлъ въ плохой бѣлой деревянной русской повозкѣ, которая, однако, была покрыта очень дорогимъ золототканнымъ ковромъ.

За нимъ шли болѣе 40 багажныхъ телѣгъ, въ каждой изъ которыхъ сидѣли слуги, по одному или по-двое.

Когда они находились всего въ четверти мили отъ города, и посолъ предположилъ, что русскіе, имѣющіе его встрѣтить, уже недалеко, то они сошли съ телѣгъ, и посолъ сѣлъ на прекрасную арабскую лошадь. Когда онъ проѣхалъ разстояніе выстрѣла изъ мушкета, ему навстрѣчу, какъ это обычно, выѣхали два пристава съ великокняжескими лошадьми; они до тѣхъ поръ оставались на лошадяхъ, пока посолъ первый не слѣзъ съ лошади. Зато и турки, несмотря на сниманіе русскими шапокъ при названіи ими имени великаго князя, оставили свои чалмы, по способу и обычаю своей страны, на головахъ, да и вообще не показали никакого знака почтенія.

Принявъ посла, русскіе опять быстро сѣли на лошадей, и хотя и турокъ не медлилъ и старался сѣсть, если не раньше, то хоть одновременно, однако ему доставлена была лошадь очень высокая и такая нравная, притомъ съ высокимъ русскимъ сѣдломъ, что ему пришлось много повозиться, пока онъ взобрался. Когда онъ, наконецъ, не безъ опасности (лошадь нѣсколько разъ старалась лягнуть его), сѣлъ на лошадь, приставы повели его, помѣстивъ его по серединѣ между собою, на посольскій дворъ, который только что былъ отстроенъ. Доставивъ посла на мѣсто, дворъ крѣпко заперли и заняли сильною стражею.

На время этого въѣзда наши послы охотно зашли бы къ шведскимъ, которые ихъ приглашали къ себѣ: вѣдь посольскій дворъ находился близъ помѣщенія шведскихъ пословъ, изъ котораго можно было смотрѣть во дворъ турокъ. Однако, государственный канцлеръ попросилъ господъ [пословъ], чтобы они согласились хоть этотъ единственный день, ради извѣстныхъ причинъ, провести дома.

Другая тайная аудіенція.

19-го с. м. мы имѣли, вмѣстѣ съ королевскими шведскими послами, вторую тайную аудіенцію.

X.

(Книга I, глава 11).

О поѣздѣ турокъ къ первой публичной аудіенціи, далѣе; о поѣздѣ грековъ къ аудіенціи, и какъ мы передали грамоту отъ его свѣтлости курфюрста саксонскаго.

Турецкій посолъ ѣдетъ на публичную аудіенцію.

23-го сентября турецкаго посла въ слѣдующемъ порядкѣ повели къ публичной аудіенціи.

Спереди ѣхали 20 казаковъ на бѣлыхъ великокняжескихъ лошадяхъ. Далѣе слѣдовали турецкіе и греческіе купцы, а за ними несли подарки, а именно:

Подарки турка великому князю.

20 кусковъ золотой парчи. Ихъ несли, по одному куску, 20 русскихъ, шедшихъ гуськомъ.

Золотой крестъ, съ палецъ длиною, осыпанный алмазами и лежавшій на серебряномъ блюдѣ.

Хрустальный кувшинчикъ, оправленный въ золото и украшенный драгоцѣнными камнями.

Поясъ для сабли, шитый золотомъ и украшенный драгоцѣнными камнями.

Очень большая жемчужина, лежавшая на блюдѣ, на красной тафтѣ.

Два наголовья [для лошадей], съ очень искусно приготовленною переднею и заднею отдѣлкою.

Двѣ попоны, шитыя золотомъ и жемчугомъ.

Большой алмазный перстень, на блюдѣ.

Рубинъ, величиною почти съ рейхсталеръ, оправленный въ золото.

Скипетръ формы приблизительно такой же, какъ турецкій «пустеанъ».

Далѣе ѣхали четыре пары турокъ, затѣмъ два молодыхъ красиво одѣтыхъ человѣка, которые несли передъ посломъ вѣрительныя грамоты на длинныхъ красныхъ шелковыхъ платкахъ; онѣ были, въ сложенномъ видѣ, длиною съ локоть.

Греки отправляются верхами къ аудіенціи.

Греческія духовныя лица не присутствовали при этомъ поѣздѣ. Имъ 28-го с. м. дана была особая аудіенція. Два старыхъ русскихъ попа, верхомъ на лошадяхъ, проводили ихъ въ Кремль, гдѣ многіе попы сопровождали ихъ на аудіенцію.

Ихъ подарки были:

Шесть частью вызолоченныхъ блюдъ со св. мощами.

Золототканная и шитая жемчугомъ священническая риза. Позолоченную покрышку для ризы несли за нею.

Наголовье для лошади, украшенное драгоцѣнными камнями.

Два куска золотой парчи.

Другая риза.

Кусокъ серебрянаго тобину [парчи] съ золотыми цвѣтами.

Далѣе слѣдовали греки въ коричневыхъ камлотовыхъ кафтанахъ, съ вышеуказанною свитою изъ русскихъ монаховъ и поповъ. Передъ ними несли епископскій посохъ.

Грамота отъ его свѣтлости курфюрста саксонскаго передается въ публичной аудіенціи.

У нашихъ пословъ имѣлась и грамота отъ его свѣтлости курфюрста саксонскаго къ его царскому величеству. Такъ какъ сочтено было желательнымъ представить эту грамоту его царскому величеству въ публичной аудіенціи, то для этой цѣли русскими назначенъ былъ день св. Михаила. Въ этотъ день грамоту передъ послами несъ высокоблагородный Іоганнъ Христофъ фонъ-Ухтерицъ на желтой съ чернымъ тафтѣ. Великій князь принялъ эту грамоту очень любезно и спросилъ: «Какъ поживаетъ курфюрстъ Іоаннъ Георгъ?» Когда было сообщено о здоровьѣ его курфюршеской свѣтлости, онъ далѣе сказалъ, что жалуетъ пословъ кушаньемъ со своего стола. Послѣ этого насъ опять проводили домой. Мы вполнѣ приготовились къ тому, чтобы получить это кушанье съ великокняжескаго стола, отложили нашъ обѣдъ до 2-хъ часовъ пополудни, но напрасно: пришлось таки велѣть ставить на столъ обычныя наши блюда. Около 3-хъ часовъ пришли въ обычномъ порядкѣ русскіе, доставили намъ двойное количество напитковъ, но извинились относительно ѣды, что она не могла быть приготовлена такъ быстро; они насъ спросили, не желаемъ ли мы лучше получить деньги вмѣсто кушаній. Такъ какъ мы, однако, отказались, то на слѣдующій день «кормъ» (или провіантъ) былъ данъ въ сырыхъ матеріалахъ въ двойномъ количествѣ. Какъ одинъ изъ нашихъ добрыхъ друзей намъ сообщилъ, до свѣдѣнія царя дошло, что мы многія кушанья и

блюда, въ первый разъ намъ пожалованныя, въ тотъ же самый день, когда мы ихъ получили, разослали другимъ лицамъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что это совершенно обычно, чтобы изъ означенныхъ пожалованныхъ блюдъ, если ихъ нельзя всѣ съѣсть въ тотъ же день, кое-что разсылали добрымъ друзьямъ, чтобы и ихъ пріобщить къ [царской] милости.

XI.

(Книга I, глава 12).

О большомъ русскомъ праздникѣ, далѣе: о нашей третьей, четвертой и пятой или послѣдней тайныхъ аудіенціяхъ и объ отпускѣ шведскихъ господъ пословъ.

Большой русскій праздникъ.

1-го октября у русскихъ справлялся большой праздникъ, въ который его царское величество со своими придворными и патріархъ со всѣмъ клиромъ вошли въ стоящую передъ Кремлемъ искусно построенную Троицкую церковь, которую нѣмцы зовутъ Іерусалимскою. Передъ Кремлемъ, на площади съ правой стороны, находится огороженное мѣсто въ родѣ круглаго помоста, на которомъ стоятъ два очень большихъ металлическихъ орудія; у одного изъ нихъ въ діаметрѣ локоть. Когда они теперь въ процессіи подошли къ этому помосту, великій князь съ патріархомъ одни взошли на помостъ. Патріархъ держалъ передъ царемъ книгу въ серебряномъ переплетѣ, съ рельефною на немъ иконою; царь благоговѣйно и низко кланялся этой иконѣ, дотрагиваясь до нея головой. Тѣмъ временемъ попы или священники читали. Послѣ этого патріархъ опять подошелъ къ царю, подалъ ему для цѣлованія золотой съ алмазами крестъ, длиною съ добрую руку, и приложилъ тотъ же крестъ ко лбу и обоимъ вискамъ его. Послѣ этого оба пошли въ означенную церковь и продолжали свое богослуженіе. Въ эту же церковь направились и греки, которыхъ русскіе охотно допускаютъ въ свои церкви, такъ какъ и они греческой вѣры; другихъ исповѣданій единовѣрцевъ своихъ они совсѣмъ не терпятъ въ своихъ церквахъ. Для участія въ той же процессіи находилось здѣсь еще безчисленное множество народа, который поклонами и крестнымъ знаменіемъ выказывалъ свое благоговѣніе. Въ первомъ нашемъ изданіи помостъ, по ошибкѣ гравера, поставленъ [на рисункѣ] невѣрно; теперь эта ошибка исправлена.

Свобода грековъ въ русскихъ церквахъ.

8-го октября мы, вмѣстѣ съ шведскими господами послами, имѣли третью тайную аудіенцію съ два часа подъ-рядъ.

Третья тайная аудіенція.

12-го с. м. его царское величество со своими боярами, князьями и солдатами, т.-е. въ общемъ со свитою человѣкъ въ 1000, отправился съ полмили отъ города на паломничество въ какую-то церковь. Великій князь ѣхалъ одинъ съ кнутомъ въ рукѣ; за нимъ ѣхали бояре и князья, по 10-ти въ рядъ, представляя великолѣпное зрѣлище. Далѣе слѣдовали великая кня-

Великій князь уѣзжаетъ на паломничество.

За нимъ слѣдуютъ великая княгиня и ея женскій штатъ.

гиня съ молодымъ княземъ и княжною въ деревянной, разукрашенной рѣзьбою, сверху обтянутой краснымъ сукномъ, а съ боковъ желтою тафтою — большой повозкѣ, которую везли 16 бѣлыхъ лошадей. За нею слѣдовалъ женскій штатъ царицы въ двадцати двухъ деревянныхъ повозкахъ, выкрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ и также обтянутыхъ краснымъ сукномъ, какъ была обтянута и конская упряжь. Повозки были накрѣпко закрыты, такъ что внутри никого нельзя было видѣть, развѣ если случайно вѣтеръ поднималъ занавѣсы; мнѣ какъ разъ привелось испытать подобное счастье при проѣздѣ повозки ея царскаго величества, такъ что я увидѣлъ ея лицо и одежду, которая была очень великолѣпна. Съ боковъ шли болѣе 100 стрѣльцовъ съ бѣлыми палками; они ударами разгоняли съ дороги сбѣгавшійся отовсюду народъ. Народъ, который очень любитъ и уважаетъ власти, все время съ особымъ благоговѣніемъ желалъ имъ счастья и благословлялъ ихъ путь.

Четвертая тайная аудіенція.

23-го с. м. мы, вмѣстѣ со шведами, имѣли четвертую тайную аудіенцію, на которой было рѣшено большинство дѣлъ.

Отпускъ шведовъ.

28-го шведскіе господа [послы] всѣ вмѣстѣ получили полный отпускъ на публичной аудіенціи. Ихъ люди, по ихъ приказанію, публично несли передъ ними, когда они спускались изъ дворца, ихъ рекредитивы. Послѣ этого, 7-го и 10-го ноября, они тремя партіями отбыли изъ Москвы вновь въ Лифляндію и Швецію.

Пятая тайная аудіенція.

19-го ноября мы имѣли пятую—послѣднюю тайную аудіенцію, во время которой было сообщено, что его царское величество, по достаточномъ обсужденіи вещей, на основаніи существующихъ трактатовъ, наконецъ высказался и рѣшилъ: его княжеской свѣтлости герцогу Фридерику шлезвигскому, голштинскому и проч., какъ своему другу, дядѣ и шурину, изъ особой любви, уступить въ желательномъ дѣлѣ, въ которомъ до сихъ поръ многимъ государямъ отказывалось, и разрѣшить, чтобы его послы черезъ Россію могли съѣздить въ Персію и обратно, съ тѣмъ, однако, чтобы они теперь вновь вернулись въ Голштинію и привезли оттуда подтвердительную грамоту его княжеской милости относительно статей договора.

Послѣ такого результата, котораго мы добились многими предыдущими трудами и хлопотами, мы доставили себѣ всякаго рода увеселенія посѣщеніемъ нѣкоторыхъ добрыхъ друзей: гг. послы, а съ ними и нѣкоторые изъ насъ, были у шведскаго г. резидента на крестинахъ, у г. д-ра Венделина, царскаго лейбъ-медика, на свадьбѣ, устроенной имъ у себя на дому для нашего бывшаго

МОСКОВИТСКАЯ ПРОЦЕССІЯ.

(Описаніе ея на стр. 53—54).

дорогого спутника по путешествію г. Гарлеффъ-Людерса; этотъ послѣдній потомъ былъ при голштинскомъ дворѣ въ Готторпѣ учителемъ княжескихъ дочерей. Наконецъ, мы были и у г. Давида Рютца, знатнаго купца, на великолѣпномъ пиршествѣ.

XII.

(Книга I, глава 13).

О русской церковной процессіи, а также о томъ, какъ крымскіе татары ѣхали къ аудіенціи.

Большая русская процессія при участіи патріарха и самого великаго князя.

22-го октября русскіе устроили большую, видную процессію къ церкви, находящейся въ городѣ недалеко отъ обыкновеннаго Посольскаго двора. Тутъ участвовали и патріархъ и великій князь. Можно было видѣть слѣдующее:

Путь отъ Кремля до церкви былъ уложенъ досками; спереди шли много продавцовъ восковыхъ свѣчъ и нѣсколько человѣкъ, которые мели улицу метлами.

Далѣе шла самая процессія.

Спереди шелъ человѣкъ съ умывательнымъ тазомъ и полотенцемъ.

Далѣе несли три красныхъ съ бѣлымъ знамени, почти въ родѣ штандартовъ.

Затѣмъ—61 попъ въ церковныхъ облаченіяхъ.

Четырехъ херувимовъ несли на длинныхъ палкахъ.

Фонарь, также укрѣпленный на палкѣ.

Далѣе слѣдовали 40 поповъ.

Крестъ съ шарами на концахъ, утвержденный на палкахъ, дважды крестообразно сложенныхъ; его несли 8 поповъ.

За нимъ шли 100 поповъ и монаховъ; каждый несъ икону.

Особенно большая икона, которую несли два человѣка; она была завѣшана.

Затѣмъ слѣдовали 40 поповъ.

Затѣмъ опять несли икону, обвѣшанную многими жемчужинами; ее несли три человѣка.

За нею опять икона.

Четыре попа шли съ пѣніемъ.

Опять икона. Впрочемъ, всѣ иконы были живописной работы и ни одной не было рѣзной.

Обсаженный алмазами крестъ, длиною болѣе четверти локтя, на блюдѣ.

Двѣ горящихъ свѣчи.

Далѣе шелъ патріархъ въ драгоцѣнномъ святительскомъ одѣяніи, подъ голубымъ балдахиномъ. Два человѣка вели его подъ-руки.

Передъ нимъ и по обѣ стороны шли болѣе 50 поповъ и монаховъ.

За ними шелъ его царское величество пѣшкомъ, подъ краснымъ балдахиномъ, сопровождаемый своими боярами и князьями.

За нимъ два человѣка несли красный стулъ.

Лошадь великаго князя вели подъ уздцы.

Въ самомъ концѣ двѣ бѣлыя лошади везли сани.

Въ такой процессіи они отправились въ вышеуказанную церковь, которая была построена и служила мѣстомъ для ежегодныхъ процессій вслѣдствіе того, что тамъ какъ-то была найдена въ землѣ икона Дѣвы Маріи.

Крымскіе татары отправляются на аудіенцію.

12-го декабря мы видѣли, какъ поѣхали въ Кремль 72 крымскихъ татарина, которые всѣ именовали себя послами. Великій князь цѣлыхъ три часа сидѣлъ передъ ними и самъ выслушивалъ ихъ просьбы. Они размѣстились, по своему обычаю, на полу въ аудіенцъ-залѣ и каждому изъ нихъ, какъ намъ разсказали, подано было по чашѣ меду. Послѣ этого двоимъ знатнѣйшимъ даны были кафтаны изъ золотой парчи, а другимъ изъ краснаго скарлату, а еще инымъ, по нисходящему порядку, кафтаны похуже, вмѣстѣ съ собольими и другими шапками. Спускаясь изъ Кремля, они несли эти подарки, навѣсивъ ихъ поверхъ своихъ костюмовъ.

Эти народы жестоки и враждебны. Они живутъ въ обширныхъ, далеко разбросанныхъ мѣстахъ къ югу отъ Москвы. Великому князю у границъ, особенно близъ Тулы, они доставляютъ много вреда, грабя и похищая людей. Правда, раньше царь Ѳеодоръ Ивановичъ построилъ тамъ въ защиту отъ ихъ нападеній валъ болѣе чѣмъ на 100 миль, срубивъ лѣса и прокопавъ канавы; однако теперь мало отъ этого пользы. Они часто пріѣзжаютъ съ подобными посольствами, но только для того, чтобы, подобно вышеупомянутымъ, забрать что-нибудь и получить подарки. Его царское величество въ такихъ случаяхъ не обращаетъ вниманія на расходы, только бы купить миръ. Однако, они хранятъ миръ не дольше, чѣмъ имъ это кажется выгоднымъ.

XIII.

(Книга I, глава 14).

О послѣдней публичной аудіенціи.

Наша послѣдняя публичная аудіенція у великаго князя.

16-го декабря насъ опять съ большимъ великолѣпіемъ повели къ публичной аудіенціи. Такъ какъ въ виду снѣга и мороза, случившихся тогда, большіе господа, по тамошнему обыкновенію, ѣздятъ не верхами, а въ саняхъ, то посламъ были доставлены двое саней, прекрасно снаряженныхъ: однѣ были вездѣ внутри обиты краснымъ атласомъ, другія—краснымъ дамастомъ; сзади онѣ были выложены шкурами бѣлыхъ медвѣдей, а подъ медвѣжьими шкурами лежали прекрасныя турецкія одѣяла. Хомуты лошадей были вызолочены и обвѣшаны многими лисьими хвостами (таково величайшее украшеніе у знатныхъ людей и даже въ саняхъ самого великаго князя).

Каждый изъ приставовъ ѣхалъ въ особыхъ саняхъ и съ правой руки каждаго посла. Передъ аудіенцъ-заломъ, по прежнему, встрѣтили ихъ двое вельможъ, вышедшихъ къ намъ навстрѣчу. Они ввели пословъ къ его царскому величеству, который сначала велѣлъ спросить черезъ государственнаго канцлера: «здоровы ли послы?» Послѣ полагающагося отвѣта за ними поставлена была скамейка, на которую ихъ просили присѣсть. Послѣ этого канцлеръ началъ такъ: «Великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи самодержецъ и проч., велитъ вамъ, посламъ, сказать, что вы отъ его княжеской милости князя Фридерика голштинскаго были присланы къ его царскому величеству съ грамотами, которыя въ исправности приняты, равно какъ выслушаны вы, согласно вашему желанію, царскими боярами и совѣтниками: княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ, Василіемъ Ивановичемъ Стрѣшневымъ и думными дьяками: Иваномъ Тарасовичемъ и Иваномъ Гавреневымъ. И послѣ всего этого изготовленъ и договоръ объ извѣстныхъ вопросахъ и вами подписанъ. Точно также его царское величество получилъ черезъ васъ и грамоту отъ курфюрста Іоганна-Георга саксонскаго и содержаніе ея выслушалъ. Теперь же вамъ предстоитъ получить царскія грамоты къ князю Фридерику голштинскому и проч., равно какъ и къ курфюрсту Іоганну-Георгу».

Съ этими словами канцлеръ передалъ, передъ царскимъ престоломъ, письма, которыя послами должнымъ образомъ были приняты. Затѣмъ великій князь поклонился, говоря: «Какъ будутъ послы у его курфюршеской свѣтлости Іоганна-Георга и его княжеской милости герцога Фридерика, то пусть передадутъ имъ поклонъ». Послѣ этого онъ, черезъ канцлера, велѣлъ сказать, что жалуетъ пословъ: даетъ имъ и ихъ оберъ-офицерамъ и гофъ-юнкерамъ опять поцѣловать свою руку. Когда это совершилось, намъ вновь сообщено было о пожалованіи намъ кушаній со стола его царскаго величества. Послы обычнымъ образомъ благодарили за оказанныя имъ царскія благодѣянія и за доброжелательство, пожелали его царскому величеству долгой жизни, счастливаго и мирнаго правленія, и всему великокняжескому дому всяческаго царскаго благоденствія; затѣмъ они попрощались и направились опять домой.

Великокняжескія кушанья и угощеніе послѣ послѣдней публичной аудіенціи.

Черезъ часъ получены были великокняжескіе кушанья и напитки. Кушанья въ 46 блюдахъ представляли собою, большею частью, вареныя, жареныя въ растительномъ маслѣ и печеныя рыбы, кое-что изъ овощей и другихъ печеныхъ кушаній, причемъ мясного совсѣмъ не было, такъ какъ въ то время былъ постъ, обычный у нихъ передъ рождественскимъ праздникомъ. Этотъ обѣдъ былъ намъ доставленъ княземъ Иваномъ Львовымъ совершенно тѣмъ же способомъ, какъ предыдущій, доставленный послѣ первой публичной аудіенціи.

Русскіе требуютъ подарковъ

Послѣ этого пришли къ намъ великокняжескіе шталмейстеръ и погребщикъ, равно какъ и тѣ, кто каждый разъ доставлялъ кушанья и напитки въ посольскій домъ, и просили подарковъ. Шталмейстеру и погребщику, равно какъ и князю, дано было каждому по бокалу, другимъ же людямъ (ихъ было 16) дано было всего 32 рубля, т. е. 64 рейхсталера.

На слѣдующій день пришли приставы съ двумя переводчиками, а именно Гансомъ Гельмесомъ, который былъ занятъ у его царскаго величества и бояръ его во время нашихъ секретныхъ переговоровъ, и Андреемъ Ангелеромъ, который всегда служилъ намъ одновременно съ приставами. Они справились, сколько намъ нужно лошадей для обратнаго пути (расчетъ былъ сдѣланъ на 80 подводъ или вольныхъ лошадей). Переводчики также получили по большому бокалу, каковой данъ былъ и старшему писцу въ канцеляріи. Разные бокалы были посланы и нѣкоторымъ изъ вельможъ, которые помогали намъ въ нашихъ дѣлахъ и все время выказывали добрую дружбу.

XIV.

(Книга I, глава 15).

О нашей возвратной поѣздкѣ въ Голштинію, отъ Москвы до Новгорода.

21-го с. м. наши приставы представили намъ новаго пристава, по имени Богдана Сергѣевича Хомутова, который снова долженъ былъ доставить насъ на шведскую границу.

Великокняжескій подарокъ посламъ и ихъ людямъ.

Прислать на слѣдующій день 80 подводъ на посольскій дворъ, приставы пришли и привели съ собою писца изъ [царской] сокровищницы съ 12-ью другими русскими; они принесли посламъ и ихъ людямъ подарки его царскаго величества, а именно нѣсколько «сороковъ» соболей; въ каждомъ «сорокѣ» — 20 паръ. Обоимъ посламъ дано было въ общемъ 11 сороковъ хорошихъ соболей. Офицерамъ, юнкерамъ, камеръ-пажамъ, фурьерамъ, повару и каретнику дано было каждому по «сороку» подкладочныхъ соболей. Другимъ еще низшимъ служителямъ даны были кому двѣ, кому одна пара. Писцу, который принесъ собольи шкурки, данъ былъ бокалъ, а другимъ русскимъ — 30 рублей.

Его царское величество также предоставилъ посламъ на волю, не желаютъ ли они, въ виду предстоящаго праздника Рождества и случившихся очень сильныхъ морозовъ, еще нѣсколько дней пробыть въ Москвѣ: несмотря на отпускъ, онъ ничего не имѣлъ противъ дальнѣйшаго ихъ пребыванія. Такъ какъ, однако, послы стремились уѣхать, то мы собрались въ путь.

Послы и нѣкоторые изъ насъ купили собственныя сани, лучшія изъ которыхъ стоили не болѣе 3-хъ, или самое большее—4-ре талера.

Посылка нѣсколькихъ человѣкъ въ Нижній для постройки корабля.

Имѣя въ виду въ будущемъ поѣхать въ Персію, послы отправили вышеупомянутаго корабельщика Михаила Кордеса, давъ ему 6 человѣкъ помощниковъ, въ Нижній, въ 100 миляхъ за Москвою, чтобы онъ тамъ построилъ судно, которое годилось бы для Волги и Каспійскаго моря.

Послѣ этого мы всетаки 24-го декабря собрались въ обратный путь. Около полудня прибыли приставы съ нѣсколькими стрѣльцами и двумя санями, въ которыхъ послы ѣздили на аудіенцію; пословъ опять въ добромъ порядкѣ вывезли за городъ, гдѣ мы попрощались съ приставами, нѣмцами и другими добрыми друзьями, проводившими насъ на протяженіи вось-

мушки мили. Затѣмъ каждый сѣлъ въ свои собственныя сани, и мы пустились въ путь.

Клинъ. Весь этотъ день и слѣдующую ночь мы ѣхали до Клина, деревни, лежащей въ 90 верстахъ или 18 миляхъ отъ Москвы. Отпраздновавъ здѣсь на слѣдующій день проповѣдью наше Рождество, мы послѣ полудня продолжали свой путь, путешествовали всю ночь и къ утру, 26-го, прибыли подъ городъ *Тверь.* Тверь, гдѣ намъ — такъ какъ здѣсь первый ямъ — дали свѣжихъ лошадей, которыхъ мы вечеромъ впрягли; мы проѣхали въ ночь *Торжокъ.* 12 миль до Торжка. Отсюда мы на четвертый или — считая отъ нашего выѣзда изъ Москвы — шестой день, а именно 31-го *Новгородъ.* декабря, прибыли въ Новгородъ, который считается въ 110 *Выносливость русскихъ лошадей.* нѣмецкихъ миляхъ отъ Москвы. Русскія лошади зимою, при одной кормежкѣ, могутъ постояной рысью пробѣжать 10 или 12 миль: впрочемъ, въ Россіи почти вездѣ путь ровный.

XV.

(Книга I, глава 16).

Путешествіе черезъ Нарву, Ревель, Перновъ въ Ригу.

1635 г. 1-го января 1635 г., по совершеніи богослуженія, мы проѣхали дальше, до [деревни] Мокрицы, 36 верстъ. 2-го сдѣлали мы 32 версты до Звѣрина, 3-го с. м. 30 верстъ до Орлина, 4-го 41 версту до Зарѣчья. Еще въ ту же ночь сдѣлали мы 4 мили до Лиліенгагена, дворянскаго имѣнія, лежащаго въ Ингерманландіи и принадлежащаго госпожѣ Екатеринѣ Стопіэ, вдовѣ Іоганна Мюллера, бывшаго шведскаго агента въ Москвѣ. Здѣсь насъ хорошо угостили. 5-го с. м. мы сдѣлали 7 миль до *Нарва.* города Нарвы.

6-го с. м. багажъ опять былъ отосланъ впередъ, а послы *Прибытіе въ Ревель.* со свитою послѣдовали за нимъ на другой день. На 3-й день, 10-го января, мы вновь достигли города Ревеля.

Изъ Ревеля сухимъ путемъ въ Голштинію. Здѣсь мы пробыли почти 3 недѣли и, такъ какъ дальнѣйшую поѣздку мы не могли совершить въ Голштинію черезъ Балтійское море, которое въ данное время недоступно для судовъ, а также находили нежелательнымъ оставаться всю зиму въ бездѣйствіи въ Ревелѣ, то мы рѣшили возможно скорѣе продолжать нашъ путь сушею, черезъ Пруссію, Померанію и Мекленбургъ. Вслѣдствіе этого большинство людей свиты были на

особыхъ условіяхъ оставлены въ Ревелѣ, на хлѣбахъ у господина Генриха Ко́за. Послы же вновь направились съ 10 лицами 30-го января изъ Ревеля, избравъ ближайшій путь черезъ Ригу.

Первыя наши двѣ ночевки устроили мы въ имѣніи Кегель, гдѣ г. Іоганнъ Мюллеръ, покойный тесть мой, потомственный владѣлецъ Кунды и магистратскій совѣтникъ города Ревеля, хорошо угостилъ насъ.

Прибытіе въ Перновъ.

2-го января мы прибыли въ Перновъ и были приняты здѣсь салютными выстрѣлами, во время которыхъ Господь Богъ (за что я всемъ сердцемъ долженъ благодарить Его) отвратилъ отъ меня большое несчастіе. Изъ орудія, находившагося надъ воротами, выстрѣлили еще до нашего въѣзда; при этомъ оно наклонилось, и банникъ, забытый въ жерлѣ, близко надо мною ударился о переднюю стѣну, такъ что куски полетѣли вкругъ моихъ саней, и я отъ гула выстрѣла болѣе чѣмъ на полчаса оказался лишеннымъ слуха.

Графиня фонъ-Турнъ, живущая въ Перновѣ.

Большой почетъ оказывается посламъ.

Перновъ — небольшой городъ. Имя свое получилъ онъ отъ рѣки, протекающей мимо него. Онъ лежитъ на Балтійскомъ морѣ, имѣетъ довольно хорошій замокъ. Главное занятіе горожанъ—торговля хлѣбомъ. Король Эрикъ шведскій въ 1562 г. подчинилъ ихъ своей власти. Въ 1565 г. городъ былъ занятъ поляками, а послѣ нихъ московитами, но въ 1617 г. онъ снова достался шведамъ. Въ наше время тамъ находилась и имѣла свою резиденцію вдовствующая графиня Магдалина фонъ-Турнъ, рожденная графиня Гардекъ. Къ ней послы отпустили меня съ двумя другими лицами, чтобы передать ея графской милости свой привѣтъ и предложить свои услуги, если бы она нуждалась въ нихъ для какихъ-либо дѣлъ въ Германіи. Что ея княжеской милости привѣтъ и предложеніе были пріятны, явствовало не только изъ того, что она, съ выраженіемъ глубочайшей благодарности, сама подала въ трехъ большихъ бокалахъ для каждаго изъ насъ испанскаго вина, чтобы мы пили за здоровье нашего милостивѣйшаго князя и государя и его пословъ (въ то время какъ сама она наговорила много высоко-разумныхъ и глубокомысленныхъ вещей про высокую славу его княжеской свѣтлости, про похвальную цѣль нашего посольства, про національность и религію русскихъ — все съ высокою разсудительностью, причемъ рѣчь ея лилась, исполненная особой прелести и величія), но прислала также двоихъ своихъ сыновей, ихъ графскія милости славныхъ господъ Христіана и Генриха, графовъ фонъ-Турнъ, съ ихъ гофмейстеромъ Іоганномъ Липгардтомъ, изъ дворца на нашу квартиру, съ порученіемъ засвидѣтельствовать гг. посламъ

уваженіе ея къ его княжеской свѣтлости. Послы оставили ихъ къ столу у себя въ этотъ вечеръ. При этомъ молодые графы выказали особыя, приличныя ихъ званію, но въ виду ихъ юности еще не ожидавшіяся отъ нихъ достоинства, а равно умѣніе говорить.

На слѣдующій день графиня прислала разной провизіи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми письмами на имя своего господина свекра, стараго графа фонъ-Турнъ, и просила рекомендовать ея сыновей его княжеской свѣтлости, герцогу голштинскому.

При отъѣздѣ нашемъ изъ города, нашъ хозяинъ не пожелалъ никакой платы за обѣдъ, такъ какъ ея милостью была доставлена почти вся провизія. Поэтому ему были подарены 20 рейхсталеровъ, за что онъ любезно благодарилъ. Но только что мы отъѣхали на милю отъ города, какъ насъ догналъ посланный имъ всадникъ, принесшій деньги обратно и сообщившій, что подарокъ слишкомъ малъ. Поэтому мы отослали обратно нашего фурьера, велѣвъ ему доплатитъ еще 12 талеровъ, чтобы удовлетворить хозяина.

Прибытіе вновь въ Ригу.

6-го с. м. мы въѣхали въ Ригу и были хорошо приняты добрыми друзьями. На слѣдующій день прибылъ г. губернаторъ, чтобы посѣтить пословъ: онъ устроилъ 10-го с. м. большое пиршество, пригласивъ къ нему насъ съ знатнѣйшими лицами изъ города. Намъ дано было великолѣпнѣйшее угощеніе.

Въ эти дни разные добрые друзья приглашали насъ, для привѣта, на пиршества, причемъ насъ всячески увеселяли.

XVI.

(Книга I, глава 17).

О поѣздкѣ черезъ Курляндію.

Поѣздка изъ Риги дальше.

13-го февраля мы вновь собрались въ путь изъ Риги. Отсюда же, вмѣстѣ съ нами, отправился въ путь французскій посолъ, писавшій себя такъ: Шарль Таллеранъ, князь де-Шаль, маркизъ д'Иссидевиль, баронъ баронствъ Марвиль и Бовиль, сеньоръ де-Гриколь. Этотъ послѣдній былъ посланъ съ Яковомъ Русселемъ отъ короля французскаго, въ качествѣ посла къ турку и къ великому князю московскому. Его сотоварищъ, однако, измѣннически донесъ на него въ Москвѣ патріарху, обойденному разными козням. Вслѣдствіе этого маркизъ впалъ въ немилость у великаго князя, былъ сосланъ въ Сибирь и три года

Нашъ спутникъ — маркизъ.

оставался тамъ въ заточеніи. Когда, однако, узнаны были коварство и злоба Русселя, старавшагося ссорить многихъ государей и подавлять тѣхъ, кто ему въ этомъ мѣшалъ, а также, когда узнана была невиновность маркиза, то, послѣ смерти патріарха, маркиза опять отпустили на волю. Находясь въ темницѣ, маркизъ, чтобы убить время, выучилъ наизусть первыя четыре книги «Энеиды» Виргилія: онъ былъ въ состояніи говорить стихи изъ этихъ книгъ съ любого мѣста, которое бы ему ни назначили. Это былъ человѣкъ лѣтъ 36-ти, веселаго нрава.

Наша поѣздка шла черезъ Курляндію, и 14-го с. м. къ полудню мы прибыли въ Митаву, городокъ, лежащій въ 6-ти миляхъ отъ Риги; поздно вечеромъ, пройдя еще 3 мили, мы подошли къ деревнѣ Добленъ. Такъ какъ дѣло было ночью, то хозяинъ не хотѣлъ насъ принимать, полагая, что мы солдаты или цыгане, посѣтившіе его нѣсколько дней тому назадъ и плохо его наградившіе. Онъ, однако, далъ себя уговорить наконецъ, но далъ намъ въ угощеніе только сыру, хлѣба и кислаго пива.

Митава.

15-го с. м. проѣхали мы 7 миль до Фрауэнберга, гдѣ мѣстный начальникъ (амтманъ), правда, не пустилъ насъ въ замокъ, но зато прислалъ добрую бочку пива въ нашу гостиницу. Это маленькій городокъ, принадлежащій полякамъ; здѣсь имѣется соборъ на горѣ, вокругъ которой живутъ каноники, имѣющіе хорошіе доходы.

Фрауэнбергъ.

16-го с. м. мы опять проѣхали 7 миль до Бадарена въ польской области, гдѣ мы заѣхали къ старому дворянину и ротмистру по имени Іоанну Амбод(ен)у. Онъ насъ очень хорошо принялъ, продержалъ насъ долго за полночь, угощая великолѣпными напитками, какъ-то старымъ литовскимъ медомъ, виномъ и пивомъ. Онъ такъ хорошо сошелся съ послами, что побратался съ ними (пилъ брудершафтъ). На слѣдующій день онъ опять устроилъ къ завтраку княжеское угощеніе, вывелъ къ столу своихъ двухъ дочерей, которыхъ онъ въ предыдущій вечеръ не показывалъ, и велѣлъ весело бить въ литавры. Онъ подарилъ одному изъ пословъ хорошее ружье, другому саблю, а самъ получилъ отъ каждаго на память по хорошимъ карманнымъ часикамъ. Такъ какъ мы за завтракомъ засидѣлись за полдень, то въ тотъ день проѣхали не болѣе 4-хъ миль до Гаффсгоффа, гдѣ мы, безъ ѣды, легли спать.

Въ Бадаренѣ польскій ротмистръ славно угощаетъ насъ.

18-го с. м. мы прошли до деревни Ватцау 6 миль.

19-го с. м. до Мемеля—6 миль.

Мемель.

Мемель — небольшой городокъ, лежащій у красивой бухты Балтійскаго моря и окаймляемый рѣчкою Цанге; у него устроены

окопы съ четырьмя бастіонами. Городъ, какъ говорятъ, построенъ въ 1250 г. по Р. Х., принадлежитъ Пруссіи и курфюрсту бранденбургскому; въ данное время его сильно охраняли шведы.

20-го февраля мы отправились по гаффу до Свенцеля на разстояніи 3-хъ миль, вечеромъ сдѣлали 5 миль до Булькапена и отсюда имѣли уже только 8 миль до Кенигсберга, куда съ нашими санями мы благополучно прибыли 21-го. Такъ какъ снѣга было мало, то мы здѣсь прекратили нашу поѣздку на саняхъ.

Среди другихъ достойныхъ замѣчанія вещей мы здѣсь въ прекрасно построенномъ курфюрстскомъ дворцѣ нашли великолѣпную библіотеку, которая хотя и не ежегодно пополняется, но содержится въ хорошемъ порядкѣ. Между прочимъ мы здѣсь видѣли хранилище, полное фоліантовъ и большихъ in-quarto, которые всѣ были окованы въ серебро. Среди нихъ намъ показывали книгу, которую маркграфъ Альбертъ Бранденбургскій, первый прусскій герцогъ, умершій въ 1564 г., собственноручно написалъ: въ ней онъ поучаетъ сына своего, какъ тотъ, послѣ его смерти, долженъ хорошо и по-христіански править государствомъ. Надъ церковью находится большой прекрасный залъ, длиною въ 166 шаговъ и шириною въ 30 шаговъ, съ искусными сводами безъ среднихъ колоннъ и подпорокъ.

Эльбингъ.

24-го с. м. мы опять отправились въ путь, съ колясками и телѣгами, черезъ пустыри и песчаные холмы до Эльбинг(ен)а, красиво построеннаго и хорошо украшеннаго города, съ домами, правда не высокими и не роскошными, но красиво расположенными, при приличныхъ улицахъ, съ башнями, новыми валами и окопами.

Данцигъ.

27-го февраля мы прибыли въ Данцигъ. Здѣсь мы отдыхали свыше двухъ недѣль. Въ теченіе этого времени благородный совѣтъ принесъ намъ хорошіе подарки, а нѣкоторые магистратскіе совѣтники и знатные граждане почтили насъ прекраснѣйшими пиршествами (изъ нихъ лучшее было у г. Россова). Насъ повели также на стоящій у рынка юнкерскій дворъ, въ высокій сводчатый залъ, гдѣ обыкновенно знатнѣйшіе граждане города увеселяются выпивкою. Они составляютъ одѣленное прекрасными привилегіями братство, въ которое они включили и гг. пословъ, а также кое кого изъ насъ. Согласно ихъ книгѣ, въ братствѣ состоятъ и нѣкоторыя лица изъ княжескихъ родовъ. Кто желаетъ вступить въ братство, долженъ для привѣта пить изъ большого позолоченнаго бокала, въ который входитъ болѣе кувшина вина; при этомъ говорится, что тотъ, кто выпьетъ все до дна, можетъ унести бокалъ къ себѣ домой.

Говорятъ, нѣкогда какой-то полякъ, чтобы получить бокалъ, взялся за эту задачу и, дѣйствительно, выпилъ его до дна. Ему, согласно обѣщанію, позволили взять бокалъ на домъ, но вскорѣ попросили его обратно, ссылаясь на то, что, правда, разрѣшено брать бокалъ съ собою, но не разрѣшено сохранять его у себя. Они проводили насъ и въ свой арсеналъ, который очень хорошо устроенъ, снабженъ обильно всякой аммуниціей и ружьями, и въ такомъ прекрасномъ порядкѣ, что прямо пріятно смотрѣть на него.

16-го марта мы вновь собрались въ путь и 25-го прибыли въ красивый городъ Штеттинъ. *Штеттинъ.*

29-го с. м., а именно въ день Св. Пасхи, мы прибыли въ Ростокъ, а 30-го въ Висмаръ. Эти на послѣднемъ мѣстѣ названные города, лежащіе близъ насъ и достаточно извѣстные по другимъ писателямъ, какъ-то: Касперу Шульцу, Геннебергеру, Цейлеру и инымъ, нѣтъ нужды описывать подробнѣе. *Ростокъ.*

Въ послѣднее число марта мѣсяца мы прибыли въ княжескій замокъ Шёнбергъ. Здѣсь родители нашего милаго спутника Іоганна Альбрехта фонъ-Мандельсло любезно приняли насъ и великолѣпно угостили. Они же оказали и мнѣ въ особенности большіе почетъ и благодѣяніе, такъ какъ со мной тутъ произошелъ несчастный случай, и я долженъ былъ, послѣ отъѣзда пословъ, остаться здѣсь лежать еще нѣсколько дней.

Отсюда поѣздка 1-го апрѣля шла на Любекъ, а потомъ на Аренсбёкъ. Здѣсь его княжеская милость герцогъ Іоахимъ Эрнстъ шлезвигъ-голштинскій велѣлъ привезти пословъ въ каретѣ, запряженной шестеркою, въ замокъ; тутъ онъ пригласилъ ихъ и 3-хъ человѣкъ изъ нашей среды къ столу. Въ уваженіе къ нашему милостивѣйшему князю и государю насъ очень хорошо приняли и угостили.

На слѣдующее утро, послѣ хорошаго завтрака, его княжеская милость велѣлъ отпустить пословъ на квартиру. Въ этотъ день мы проѣхали до Преца.

6-го апрѣля около полудня мы направились въ Киль, а къ вечеру мы, съ помощью Божіею, благополучно опять прибыли къ Готторпу. Въ теченіе слѣдующихъ дней послами данъ былъ его княжеской свѣтлости отчетъ о сдѣланномъ. *Прецъ.*

Вотъ что вкратцѣ могли мы сказать о первой поѣздкѣ въ Московію и т. д.

XVII.

(Книга II, глава 1).

Имена лицъ, участвовавшихъ во второмъ посольствѣ.

Когда теперь его княжеской свѣтлости стало извѣстно, что великій князь московскій согласился на проѣздъ черезъ свое государство въ Персію, то онъ рѣшилъ не жалѣть средствъ для выполненія своей высокой цѣли и издалъ приказъ, чтобы хорошенько подготовиться къ другому посольству, а именно къ шаху персидскому, и возможно скорѣе предпринять дальнѣйшее путешествіе. Поэтому тотчасъ были собраны всевозможные предметы и драгоцѣнные подарки для поднесенія ихъ шаху. Свита была усилена и пышно снаряжена. Тѣмъ временемъ его княжеская свѣтлость послалъ меня съ нѣкимъ порученіемъ въ Брабантъ къ кардиналу-инфанту. Во время возвратнаго пути оттуда я заболѣлъ столь сильною болѣзнью, что нашъ медикъ въ Гамбургѣ счелъ меня за мертваго человѣка. Въ теченіе болѣзни я встрѣтилъ прекрасные уходъ и обхожденіе въ домѣ Брюгманна, какъ со стороны его самого, такъ и его близкихъ; это я записываю въ честь его, потому что, вспоминая объ испытанныхъ благодѣяніяхъ, я позже съ терпѣніемъ переносилъ многія непріятности отъ него. Другія лица свиты также сталовались въ домѣ посла Брюггеманна и получали всякое доброе обхожденіе, смотря по достоинству и положенію каждаго. Тутъ, какъ и всегда потомъ во время поѣздки, при общемъ столѣ трубили въ трубы.

Имена лицъ свиты.

Лица свиты, согласно княжескому придворному обычаю, были одѣлены разными должностями и званіями. Порядокъ ихъ былъ слѣдующій:

Германъ фонъ-Штаденъ изъ Риги въ Лифляндіи, маршалъ.

Адамъ Олеарій изъ Ашерслебена въ Саксоніи, посольскій совѣтникъ и секретарь.

Высокоблагородный Іоганнъ Альбрехтъ фонъ-Мандельсло изъ Шёнберга въ епископствѣ Рацебургскомъ, шталмейстеръ.

Высокоблагородный Іоганнъ Христофъ фонъ-Ухтерицъ, наслѣдственный владѣтель Лицена у Лейпцига, родомъ изъ Мейссена, камергеръ.

Гартманнъ Граманнъ изъ города Ильмена въ Тюрингіи, лейбъ-медикъ гг. пословъ.

Генрихъ Шварцъ изъ Грейфсвальде въ Помераніи, дворецкій и кухмистръ.

Гофъ-юнкеры и стольники:

Г. Іеронимъ Имгоффъ, патрицій изъ Нюрнберга.
Ѳома Мельвиль изъ Эбердина въ Шотландіи.
Магистръ Павелъ Флемингъ изъ Гартенштейна въ Фохтландѣ.
Гансъ Грюневальдтъ, патрицій изъ Данцига.
Г. Соломонъ Петри изъ Пеника въ Мейссенской землѣ, придворный проповѣдникъ.
Гансъ Арпенбеке изъ Дерпта въ Лифляндіи, старшій русскій переводчикъ.
Генрихъ Кребсъ изъ Гамбурга.
Ліонъ Бернольди изъ Антверпена.

Камеръ-пажи:

Христіанъ Людвигъ Гюбенеръ изъ Брюнна въ Моравіи.
Георгъ Пій Пёмеръ, патрицій изъ Нюрнберга.
Гансъ Фохтъ изъ Фрейберга въ Мейссенской землѣ.
Берендъ Кохъ изъ Ревеля въ Лифляндіи.

Другіе пажи:

Ѳома Гланцъ изъ Вольгаста въ Помераніи.
Илія Галле изъ Герцберга въ Мейссенской землѣ, дискантистъ.
Гансъ Михель изъ Малой Песны у Лейпцига.
Зигфридъ Дезебрухъ изъ Газелоу въ Голштиніи, альтистъ.

За ними слѣдовали:

Исаакъ Мерсье изъ Женевы въ Савойѣ, камердинеръ.
Францискъ Мурреръ изъ Ней-Маркі въ Оберпфальцѣ, сначала мундшенкъ, потомъ камердинеръ посла Брюгманна.
Николай Гёшге изъ Драге въ Штапельгольмѣ, квартирмейстеръ.
Адамъ Мёллеръ изъ Любека, полевой трубачъ.
Касперъ Герцбергъ изъ Перлеберга въ Мархіи, полевой трубачъ.
Іоаннъ Гильдебрандтъ изъ Гамбурга, музыкантъ.
Берендъ Остерманнъ изъ Гамбурга, музыкантъ.
Христіанъ Герпигъ изъ Гекштедта въ графствѣ Мансфельдтъ, музыкантъ на Viola da Sambo [віолончели].
Гансъ Вейнбергъ изъ Данцига, фельдшеръ.
Іаковъ Шеве изъ Ней-Штеттина въ Помераніи, кухонный писецъ.
Симонъ Крецшмеръ изъ Лейпцига, хранитель серебра.
Дитерихъ Ниманъ изъ Бокстегуде, портретистъ и хранитель серебра.
Михаилъ Пфаундлеръ изъ Инсбрукка въ Тиролѣ, часовщикъ.
Гансъ Кёзель изъ Кемптена въ Швабіи, часовщикъ.

Драбанты:

Христофъ Гартманъ изъ Штуттгарта въ Вюртембергѣ, столяръ.
Канутъ Карстенсонъ изъ Несштадта въ Даніи, конскій кузнецъ.
Симонъ Гейзелеръ изъ Кирхгайна на Эккѣ въ Вюртембергской землѣ, шорникъ.
Рихардъ Шмиль изъ Любса въ Мекленбургѣ, пекарь.
Мартинъ Виттенбергъ изъ Либавы въ Курляндіи, сапожникъ.

Өома Крэйгъ изъ Трэнента въ Шотландіи.

Іоахимъ Ике изъ окрестностей Ней-Бранденбурга въ Мекленбургѣ.

Гертъ Вестербергъ изъ города Утрехта, портной.

Лакеи:

Стэнъ Іенсонъ изъ Маркерёра въ Швеціи.

Іоганнъ Команнъ изъ г. Гамбурга.

Гансъ Гофемейстеръ изъ Травемюнде, мясникъ.

Эцердтъ Адольфъ Вельнеръ изъ Эзенса въ Восточной Фрисландіи, портной.

Касперъ Зеелеръ изъ Гросс-Глогау въ Силезіи, ружейный мастеръ.

Францъ Вильгельмъ изъ Пфальца, портной.

Вильгельмъ Анрау изъ г. Гельдерна въ Нидерландахъ, портной.

Яковъ Андерсенъ изъ Монтау въ Пруссіи, сапожникъ.

Гансъ Герике изъ Мекленбурга.

Затѣмъ слѣдовали:

Іоганнъ Алльгейеръ изъ Безикгейма въ Вюртембергской землѣ, главный поваръ, со своими людьми, какъ-то:

Іаковъ Ганзенъ изъ Тундерна въ княжествѣ Шлезвигскомъ, кухонный прислужникъ.

Іостъ Шаффъ изъ Касселя въ Гессенѣ, кухонный прислужникъ.

Гансъ Луккъ изъ Киля въ Голштиніи, поваренокъ.

За ними:

Троксъ фонъ-Эссенъ изъ Гамбурга, каретникъ.

Михаилъ Блуме изъ Виттенберга въ Саксоніи, помощникъ фельдшера.

Слуги юнкеровъ:

Слуги маршала: Петръ Вольдерсъ изъ Риги, Гансъ Карлъ Бёмеръ изъ Пирны въ Мейссенской землѣ.

Слуга секретаря и дискантистъ: Матвѣй Гебнеръ изъ Прибора въ Моравіи; Мартинъ Ларсонъ изъ Вестероса въ Швеціи.

Слуги шталмейстера: Іоахимъ Бингеръ изъ Брилля въ Мекленбургѣ и Гансъ Линау изъ Мекленбурга.

Слуга камергера Альбрехтъ Зудоцкій изъ Олиты въ Литвѣ.

Слуга доктора Христофъ Бухнеръ изъ Крейссена въ Тюрингіи.

Слуга гофмейстера Михаилъ Полль изъ Виттштока въ Мархіи.

Слуга г. Имгоффа Николай Фохтъ изъ Нейбруннена въ Кобургской землѣ.

Слуга Өомы Мельвиля Питеръ Девисъ изъ Эбердина въ Шотландіи.

Походнаго проповѣдника слуга Аксель Кэгъ изъ города Або въ Финляндіи.

За ними:

Георгъ Вильгельмъ фонъ-Финкенбринкъ изъ города Митавы, въ Курляндіи, русскій толмачъ.

Мартинъ Альбрехтъ, по рожденію татаринъ-узбекъ, турецкій переводчикъ, котораго продали Московиту.

Георгій Ивановъ-сынъ и Маркъ Филировъ-сынъ, оба армяне, толмачи съ персидскаго.

Еще:

Мальчики при хранителяхъ серебра: Христофъ Кольбъ изъ Страсбурга и Гердтъ Кроссе изъ города Граве въ Нидерландахъ.

Мальчикъ при трубачахъ Ивенъ Бартельсенъ изъ Шлезвига.

Мальчикъ при музыкантахъ Іостъ Адріанъ изъ Ревеля.

Мальчикъ погребщика Христофоръ Пудтъ изъ Гамбурга.

Мальчикъ мундшенка Войтешокъ Красовскій изъ Салокова въ Польшѣ.

Конюшій мальчикъ Гансъ Пуденбергъ изъ Вольгаста въ Помераніи.

Мальчикъ при собакахъ Іоганнъ Янсонъ, голландецъ.

Шкипера и боцмана, отправившіеся въ Персію:

Михаилъ Кордесъ изъ г. Любека, шкиперъ.

Корнилій Клаусъ Клютингъ изъ Вордена въ Голландіи, шкиперъ.

Юрьенъ Стеффенсъ, главный боцманъ, изъ Любека.

Генрихъ Гартсъ, младшій боцманъ, изъ Штаде.

Альбрехтъ Штюкъ, пушкарь, изъ Гамбурга.

Петръ Виттенкампъ, боцманъ, изъ Гамбурга.

Матвѣй Мансонъ, боцманъ и парусникъ, родомъ изъ Швеціи.

Петръ Веде, Клаусъ Клауссенъ, Вильгельмъ Румпъ—боцмана изъ Любека.

Корнелій Іостенъ, корабельный плотникъ, изъ Смоланда въ Швеціи.

Михаилъ Глёкъ, юнга изъ Любека.

Всѣ эти лица частью поѣхали съ нами изъ Германіи, частью присоединились къ намъ на пути. Къ нимъ мы прибавили еще въ Москвѣ 30 великокняжескихъ солдатъ и офицеровъ съ четырьмя русскими слугами. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ гг. послами, это путешествіе въ Персію совершили 126 человѣкъ.

XVIII.

(Книга II, глава 2).

Часть весьма труднаго и опаснаго мореплаванія.

Когда теперь всѣ вещи были вполнѣ приготовлены, гг. послы со всѣми людьми, находившимися при нихъ, 22-го октября 1635 г. въ добромъ порядкѣ выѣхали изъ Гамбурга и 24-го с. м. прибыли въ Любекъ, гдѣ отдыхали 2 дня, пока наши вещи и утварь, вмѣстѣ съ 12-ью верховыми лошадьми, грузились у Травемюнде на судно. 27-го послѣдовали [за ними] и гг. послы, а около полудня [того же дня] большая часть людей была уже на суднѣ. Нашъ корабль былъ совершенно новый, никогда еще не ходившій подъ парусами.

Выѣздъ изъ Гамбурга 22 октября 1635 г.

Посадка на корабль въ Травемюнде.

Когда мы только что оттолкнули судно отъ берега и хотѣли выводить его изъ гавани, вдругъ изъ моря въ рѣку Траве полилось весьма сильное и необыкновенное теченіе, несмотря на то, что вѣтеръ былъ съ суши къ морю—чему нѣкоторые корабельщики очень дивились. Вслѣдствіе этого нашъ корабль былъ отнесенъ къ двумъ другимъ большимъ судамъ, стоявшимъ въ то время въ гавани, повредилъ ихъ нѣсколько, и самъ до того запутался, что пришлось трудиться и стараться болѣе трехъ часовъ, пока удалось освободить его и вывести изъ гавани на рейдъ. Нѣкоторые изъ насъ сочли это за дурное предзнаменованіе для нашего начинавшагося путешествія: къ сожалѣнію, печальный конецъ доказалъ, что они были правы.

Одинъ изъ насъ отослалъ съ судна въ Лейпцигъ своему доброму другу такого рода прощальное стихотвореніе:

Германія! Меня защиты ты лишила
Съ тѣхъ поръ, какъ дала меня изъ рукъ твоихъ сманила.
Прощай, о мать моя! Ахъ, не тужи въ слезахъ
О томъ, кто веселъ такъ былъ на твоихъ рукахъ!
Я лучшую тебѣ вѣдь оставляю долю:
Мнѣ друга сбереги! Всего получитъ въ волю
Пусть отъ Фортуны онъ! Пусть славу и почетъ
За добродѣтели въ награду онъ найдетъ.
Остался съ Феба ты, мой милый другъ, народомъ,
Я-жъ къ варварамъ плыву, навстрѣчу злымъ невзгодамъ.
Въ объятьяхъ милой ты заснешь спокойнымъ сномъ,
Меня Ѳетида здѣсь страшитъ холоднымъ дномъ.
Изъ дома гонишь ты заботы прочь и горе,
Со страхомъ я гляжу, какъ вкругъ бушуетъ море;
Ты дуновеніемъ изъ милыхъ устъ польщенъ,
Я злою бурею, быть можетъ, поглощенъ.
Но Кто тебѣ далъ все, Кто въ счастьѣ охраняетъ,
Тотъ бдитъ и надо мной. Я вѣрю, Онъ склоняетъ
Въ грядущемъ всѣ дѣла счастливо къ заключенью:
Мы оба вознесемъ Ему благодаренье!

Подъ парусами.

На слѣдующій день, 28-го октября, рано утромъ въ 5 часовъ, посвятивъ часъ молитвѣ, мы, во имя Божіе, стали подъ паруса. Вѣтеръ былъ вестъ-зюйдъ-вестъ; къ полудню онъ сталъ весьма сильнымъ и наконецъ перешелъ въ бурю, продолжавшуюся всю ночь.

Тутъ мы замѣтили, что большинство нашихъ моряковъ въ искусствѣ мореплаванія были столь же стары и опытны, какъ наше судно, въ первый разъ выходившее съ нами въ море. Приходилось считать чудомъ, что наша мачта, весьма опасно качавшаяся изъ-за новыхъ канатовъ, не повалилась черезъ бортъ въ первый же день.

Опасность передъ Сконіею.

29-го с. м. ночью мы подошли слишкомъ близко къ берегу Даніи, который нашимъ штурманомъ принятъ былъ сначала за островъ Борнгольмъ. Нашъ курсъ былъ направленъ на берегъ Сконіи, и мы вскорѣ съ опасностью для корабля и жизни сѣли бы на этотъ берегъ (тѣмъ болѣе, что лотъ уже показывалъ не болѣе 4-хъ саженъ), если бы начавшійся день не открылъ намъ берега и мы не успѣли измѣнить тотчасъ свой курсъ. Около 9-ти часовъ мы имѣли островъ Борнгольмъ вправо отъ себя.

Такъ какъ въ теченіе этого дня сначала замѣчался слабый вѣтеръ, то мы подставили вѣтру всѣ паруса. Подъ вечеръ около 10-ти часовъ мы не ждали никакой опасности и думали послѣ невзгодъ прошлой бурной ночи провести время спокойно. Посолъ Брюггеманнъ, видя, что вѣтеръ треплетъ паруса, предположилъ, что курсъ взятъ неправильно, и увѣщевалъ штурмана быть повнимательнѣе; тотъ, однако, успокоилъ насъ, говоря, что передъ нами открытое море. Вслѣдствіе этого мы, идя на всѣхъ парусахъ, наскочили на скрытую плоскую подводную скалу и сѣли. Жестокій шумъ и трескъ корабля такъ насъ поразили и испугали, что мы уже думали, что здѣсь закончится наше плаваніе, а съ нимъ вмѣстѣ и жизнь наша. Сначала мы не знали, въ какой мѣстности намъ слѣдовало предполагать себя. Было какъ разъ время новолунія, когда изъ-за темной ночи нельзя было видѣть впереди себя даже на разстояніи корпуса корабля. Хотя мы, вывѣсивъ фонарь и давъ нѣсколько выстрѣловъ изъ мушкета, и звали на помощь, надѣясь на близость суши и людей, но сначала не слышно было ничего въ отвѣтъ и утѣшеніе намъ. Корабль стало кренить, и тутъ среди большихъ и малыхъ начались плачъ, вопли и причитанія. Многіе изъ насъ, въ страхѣ смерти, бросались на колѣни и навзничь, кричали и взывали къ Богу о помощи и спасеніи. Самъ шкиперъ плакалъ какъ дитя и былъ такъ пораженъ неожиданностью, что не зналъ, что дѣлать. Я и другъ мой Гартманъ Граманъ уговорились, если дѣло дойдетъ до кораблекрушенія, заключить другъ друга, по старой привязанности, въ объятія и такимъ образомъ помереть; мы сѣли поэтому вмѣстѣ и ждали гибели. Другіе добрые друзья прощались между собою, а большинство дѣлали обѣты передъ Богомъ, обѣщая, въ случаѣ спасенія, пожертвовать, кто что могъ, въ пользу бѣдныхъ: эти обѣщанія и были сдержаны, и изъ обѣщанныхъ и подаренныхъ денегъ дано было потомъ бѣдной и благочестивой дѣвушкѣ въ Ревелѣ приданое къ свадьбѣ. Между прочимъ на суднѣ представляло весьма жалостное зрѣлище, какъ сынокъ посла Крузіуса, Іоганнъ Филиппъ, девятилѣт-

ній мальчикъ, стоя на колѣняхъ и съ поднятыми къ небу руками, безпрестанно громко взывалъ: «Ахъ, спаси меня, сыне Давидовъ!» Къ этому нашъ полевой проповѣдникъ прибавлялъ: «Господи! Если Ты нашей мольбы не желаешь услышать, то услышь хоть это невинное дитя!» Богъ помиловалъ насъ и, хотя изъ-за высокихъ волнъ наше судно не разъ двигалось впередъ по поверхности скалы, не разъ поднималось и опять грузно опускалось и получало одинъ толчокъ за другимъ, оно всетаки

осталось цѣло, и мы въ немъ спаслись. Когда временами на насъ налеталъ сильный шквалъ и одна волна за другою обрушивались на судно, всякій разъ возобновлялся вопль, и мы думали, что съ нами покончено.

Потеря вѣрительныхъ писемъ.

Около 1 часу мы замѣтили огонь, вспыхнувшій недалеко отъ насъ; отсюда мы заключили, что мы должны быть близки къ сушѣ. Поэтому послы велѣли развязать и спустить на воду корабельную лодку, думая ѣхать на огонь и спастись сначала вдвоемъ со слугою своимъ на сушу, а тамъ посмотрѣть, не найдутся ли средства доставить и насъ къ берегу. Шкатулки или дорожные ящики, въ которыхъ находились княжескія вѣрительныя гра-

моты, равно какъ и другія драгоцѣнныя сокровища, едва были поставлены въ лодку, и едва туда же проскочили двое изъ простого нашего люду, думавшіе спасти жизнь свою раньше другихъ, какъ волны наполнили лодку водою такъ, что она начала тонуть; затѣмъ она даже перевернулась и оторвалась, и промокшіе до костей люди еле успѣли, съ опасностью для жизни своей, пробраться назадъ на судно. И такъ мы принуждены были вмѣстѣ всю ночь провести въ опасности, страхѣ и надеждѣ.

Когда къ утру небо начало проясняться, стали проходить и страхъ и ужасъ этой мрачной ночи. Тутъ мы замѣтили, что сидимъ передъ островомъ Эландомъ, а передъ нами — обломки датскаго судна, которое за четыре недѣли передъ тѣмъ погибло. Мы нашли на островѣ и мальчика, спасшагося отъ кораблекрушенія; его мы взяли съ собою въ Кальмаръ.

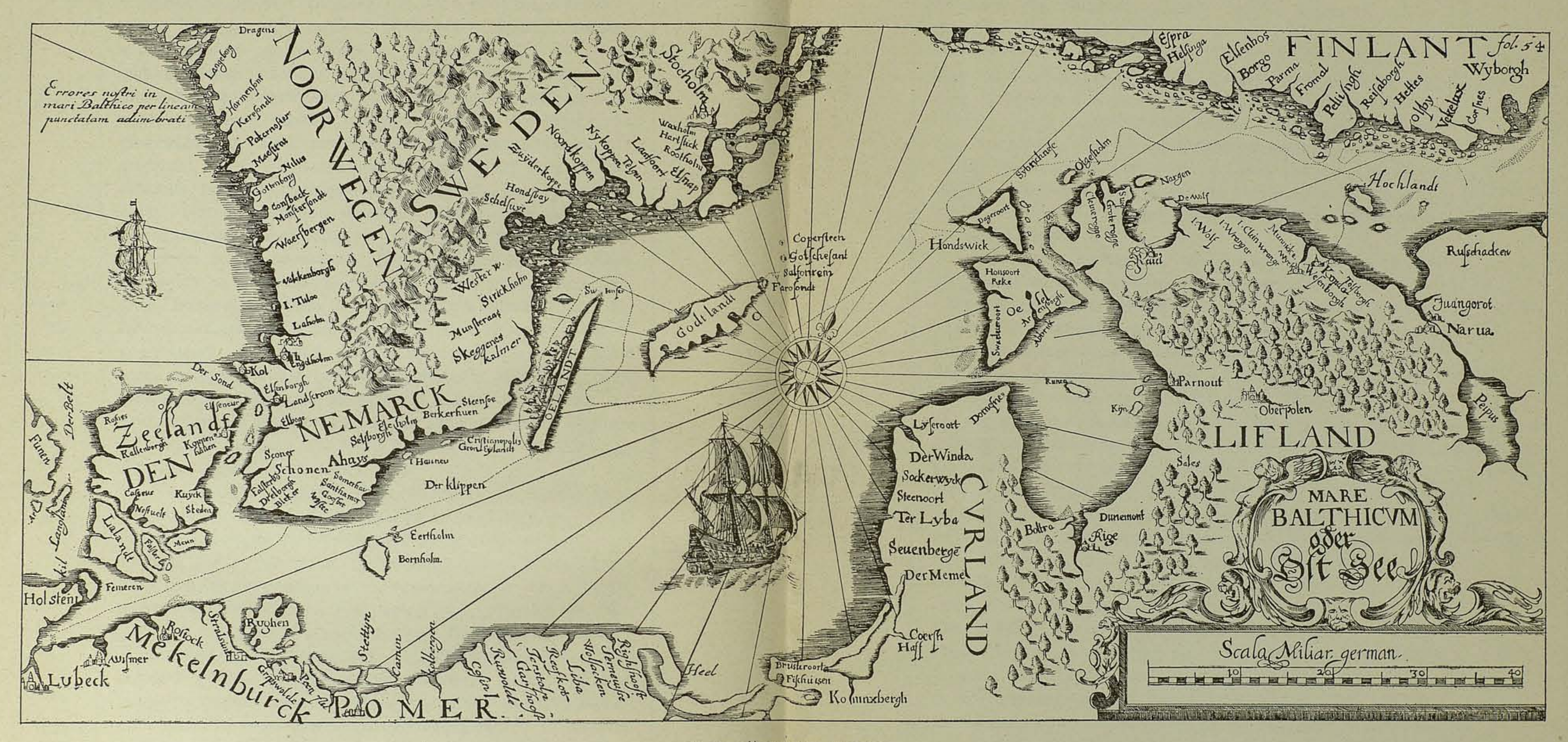
Когда при восходѣ солнца вѣтеръ успокоился и волны улеглись, къ нашему кораблю подъѣхали два рыбака съ Эланда въ небольшихъ лодкахъ; когда имъ обѣщана была запрошенная ими большая награда, они высадили на берегъ сначала пословъ, а затѣмъ нѣкоторыхъ изъ насъ. Къ полудню на берегу опять удалось найти

шкатулки гг. [пословъ], выброшенныя моремъ. Затѣмъ прибыли и нѣсколько эландскихъ крестьянъ, чтобы помочь снять судно со скалъ. Шкиперъ распорядился, чтобы два якоря были отведены и отпущены на дно саженяхъ въ сорока отъ судна. Когда теперь крестьяне вмѣстѣ съ боцманами вдесятеромъ повезли большой якорь на корабельной лодкѣ и хотѣли его выбросить въ морѣ, произошла ошибка (вѣроятно, потому, что головы ихъ отяжелѣли отъ вина, которымъ мы для привѣта обильно ихъ угостили), такъ что лодка опрокинулась и всѣ они жалкимъ образомъ поплыли по морю: одни схватились за опрокинутую лодку, другіе за весло и держались такъ до тѣхъ поръ, пока нашъ штурманъ не подъѣхалъ къ нимъ на помощь на одной изъ рыбачьихъ лодокъ, стоявшихъ у борта, и въ два пріема выловилъ ихъ всѣхъ за исключеніемъ одного, а именно корабельнаго плотника, который, не имѣя за что держатся, долженъ былъ погибнуть, захлебнувшись на нашихъ глазахъ. Высокій и сильный крестьянинъ, оставшійся у насъ на суднѣ и не пожелавшій ѣхать съ другими, при видѣ этого несчастія, выѣхалъ въ своей рыбачьей лодкѣ помогать въ спасаніи. Когда онъ хваталъ боцмана, плывшаго безо всего по морю, онъ самъ упалъ въ море, боцманъ же забрался въ лодку и доставилъ къ кораблю крестьянина, повисшаго на борту лодки.

Корабельный плотникъ тонетъ.

Пока теперь трудились надъ стаскиваніемъ корабля, вода замѣтно поднялась и вѣтеръ, дувшій до сихъ поръ съ юго-запада, перешелъ на сѣверо-западъ и помогъ подвинуть судно въ сторону. Когда оно снова попало на глубокое мѣсто, вѣтеръ опять подулъ съ юго-запада; съ этимъ вѣтромъ мы и смогли потомъ проѣхать черезъ Кальмаръ-зундъ, притомъ не безъ опасности—въ виду неровностей дна у Кальмарскихъ окоповъ. У Кальмара судно дожидалось пословъ, которые 1-го ноября подошли сушею съ нѣкоторыми изъ своихъ людей; при Ферштадтѣ, у старыхъ окоповъ, они переправились къ судну и вступили снова на бортъ его. Островъ [Эландъ] имѣетъ 18 миль въ длину и только одну въ ширину. Въ нижней своей части, гдѣ насъ выбросило на берегъ, островъ каменистъ и скалистъ, вслѣдствіе чего здѣсь мало лѣсу и пашенъ; за то подальше вверхъ онъ покрытъ елями и другими деревьями, имѣетъ хорошія пастбища и много мелкой дичи. Здѣсь въ каменоломняхъ добывается много красныхъ и бѣлыхъ плитъ и камней, идущихъ на мостовыя и зданія; ихъ отсюда вывозятъ и въ другія мѣста. Насупротивъ Кальмара на островѣ стоитъ укрѣпленный замокъ Борхгольмъ. Раньше на островѣ были 32 церкви,

Островъ Эландъ.

БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ.

Карта, представляющая путь посольскаго судна черезъ Балтійское море отъ Любека (Травемюнде) до острова Гохланда въ Финскомъ заливѣ. Масштабъ—въ германскихъ миляхъ. Наверху влѣво надпись по-латыни: «Наши скитанія обозначены помощью пунктирной линіи».

Настоящая карта изъ изданія 1647 года. Въ изданіи 1656 года форматъ карты меньше, названій также гораздо меньше, а въ чертежѣ разница лишь та, что на картѣ представленъ Шлезвигъ. Въ очертаніяхъ совершенно тѣ же неправильности.

теперь часть ихъ закрылась. Проѣзжающіе могутъ еще видѣть 18 колоколенъ, стоящихъ въ рядъ. Островъ находится въ подданствѣ у короны шведской.

Кальмаръ.

Кальмаръ—важнѣйшій городъ въ Смоландѣ, въ 40 миляхъ отъ Копенгагена, на берегу моря. Онъ невеликъ и состоитъ изъ плохихъ деревянныхъ домовъ. Въ немъ, однако, находятся королевскій дворецъ и хорошо укрѣпленная валами крѣпость: годъ тому назадъ городъ былъ почтенъ королевскимъ шведскимъ торжествомъ.

Почта изъ Кальмара въ Голштинію.

Изъ Кальмара Іоганнъ Фохтъ и Стенъ Іенсенъ опять были посланы обратно, черезъ Данію, въ Готторпъ, чтобы привезти новыя вѣрительныя грамоты, такъ какъ прежнія испортились въ морской водѣ.

Скала, именуемая Шведскою Дѣвою.

Замокъ Борхгольмъ.

Послѣ этого совѣщались, что лучше: моремъ ли ѣхать дальше или сушею черезъ Швецію, и, наконецъ, по многимъ причинамъ, было рѣшено, принанявъ опытнаго штурмана къ нашему, отважиться и дальше черезъ море. Такъ какъ, однако, въ Кальмарѣ нельзя было достать штурмана, то мы взяли двухъ лоцмановъ, которые должны были на протяженіи полумили показывать намъ путь черезъ мелкія мѣста. И вотъ 3-го с. м. мы, во имя Божіе, опять стали подъ паруса и проѣхали мимо большой круглой скалы, прозванной Шведскою Дѣвою, которую мы оставили по лѣвую руку отъ себя въ морѣ. Ея разстояніе отъ Кальмаръ-зунда опредѣляется въ 8 миль. Около полудня въ сторонѣ отъ насъ показался замокъ Борхгольмъ, лежащій на Эландѣ. Къ вечеру мы достигли оконечности острова Эланда и въ эту ночь обогнули ее при такомъ жестокомъ сѣверо-восточномъ штормѣ, что передняя часть судна шла скорѣе подъ водою, чѣмъ надъ нею, а волны ударяли до парусовъ. При такомъ штормѣ и корабельный насосъ сталъ плохо дѣйствовать, и его пришлось съ большимъ трудомъ распутывать и приводить въ ходъ; между тѣмъ вода вычерпывалась деревянными посудинами и котелками, что дѣлалось ужасно плохо, такъ какъ никто не могъ стоять на суднѣ. Буря продолжалась до полудня, и такъ какъ едва шесть румбовъ попадало въ наши паруса и мы изъ-за этого не подвигались впередъ, но придвигались все больше къ берегу Эланда, то шкиперъ нашъ сталъ очень безпокоиться: онъ говорилъ, что стоитъ бурѣ продлиться еще два часа и корабль будетъ прибитъ къ подвѣтренному берегу и погибнетъ. Поэтому мы снова были въ немалой боязни, но, когда потомъ вѣтеръ сталъ прибавлять намъ то по три, то по четыре румба, мы опять, обрадованные, могли преслѣдовать свой курсъ дальше. Къ вечеру увидѣли мы большой островъ Готландъ.

XIX.

(Книга II, глава 4).

О дальнѣйшемъ ходѣ нашего опаснаго мореплаванія.

5-го ноября, когда мы проѣхали мимо Готланда, опять поднялся сильнѣйшій штормъ съ ЗЮЗ, такъ что волна за волною заливала корабль. Вечеромъ около 10-ти часовъ мы бросили лотъ и нашли глубину въ 12 саженъ. Боясь наскочить на сушу, мы ночью опять взяли направо въ открытое море. Въ теченіе этихъ дней мы, въ виду постоянной бури, пользовались изо всѣхъ парусовъ однимъ гротомъ.

6-го с. м. около полудня мы встрѣтили голландское судно, которое сообщило намъ о разстояніи и о правильномъ курсѣ къ острову Дагерордту [Даго], который мы и увидѣли къ вечеру. Къ ночи, однако, буря опять погнала насъ налѣво къ открытому морю.

7-го с. м., когда мы къ полудню увидѣли Дагерордтскій мысъ, штурманъ принялъ его за Этгенсгольмъ [Оденсгольмъ], полагая, что сильная буря должна была въ предыдущую ночь загнать насъ слишкомъ далеко къ сѣверу. Поэтому, въ незнаніи, направили мы нашъ курсъ на опасный заливъ Гундсвикъ, гдѣ не раньше замѣтили, что передъ нами лежитъ Дагерордтъ, какъ подойдя къ землѣ столь близко, что могли узнать башню [на островѣ]; пришлось поэтому съ большою опасностью опять выходить изъ залива. Въ этотъ день къ намъ подошла сбившаяся съ пути барка и узнавъ, что мы идемъ къ Ревелю, послѣдовала за нами. Къ вечеру, однако, она насъ оставила и стала на якорѣ у Дагерордта; на слѣдующій день она, навѣрное, прибыла въ Ревель. Однако, не взирая на то, что все послѣобѣденное время мы имѣли передъ глазами лифляндскій берегъ, а именно—Большой Рогге, а къ вечеру находились отъ острова Наргена, лежащаго у ревельской гавани, не болѣе чѣмъ въ доброй милѣ разстоянія, наши шкиперъ и штурманъ все-таки не рѣшались, руководствуясь однимъ лотомъ, въѣхать въ заливъ или хотя бы, подобно баркѣ, бросить якорь, несмотря на то, что ихъ къ тому побуждали. Поэтому мы опять направились въ открытое море при весьма бурномъ вѣтрѣ.

Гротъ- и бизань-мачты, сломавшись, падаютъ за бортъ.

Вечеромъ около 10-ти часовъ началъ страшно свирѣпствовать вѣтеръ, и раньше, чѣмъ мы успѣли спохватиться, со страшнымъ трескомъ сломались гротъ- и бизань-мачты и немедленно же повалились за бортъ, какъ разъ черезъ мѣсто, гдѣ спалъ нашъ докторъ. Боцманъ, по несчастію своему стоявшій на палубѣ, получилъ такой ударъ канатомъ, что у него кровь пошла носомъ и ушами и вплоть до третьяго дня онъ не могъ ни прійти въ полное сознаніе и подняться, ни объяснить, что съ нимъ именно случилось; на Гохландѣ ему пришлось изъ-за этого несчастія распроститься съ жизнью. При этомъ паденіи былъ вырванъ и шпиль, несмотря на громаду и тяжесть свою, можетъ быть—оторвавшимся напряженнымъ канатомъ. Слѣдовало удивляться тому обстоятельству, что бизань-мачта, которая, вырвавшись, разбила всю каюту, все-таки не повредила нактоузика, въ которомъ стояли компасы, несмотря на то, что бизань-мачта именно къ нактоузу была прикрѣплена. Это было большимъ для насъ счастьемъ: если бы компасы были разбиты, то мы не знали бы, куда намъ направиться.

Это несчастіе опять вызвало сильный испугъ, ужасъ и вопли среди насъ: корабль болѣе, чѣмъ прежде, стало раскачивать со стороны въ сторону, такъ что мы, шатаясь и качаясь какъ пьяные, валились другъ черезъ друга; никто безъ опоры не могъ стоять, ни даже сидѣть или лежать. Сломавшаяся и державшаяся еще на нѣсколькихъ канатахъ мачта жестоко ударялась о судно. Шкиперъ велъ себя весьма нехорошо; ему хотѣлось спасти такелажъ, а между тѣмъ кораблю отъ сильныхъ ударовъ грозила большая опасность. Поэтому все-таки, по серьезному требованію пословъ, канаты были обрублены. Боцманы жаловались и съ воплями оплакивали своего сотоварища, лежавшаго замертво. И вотъ опять и эту ночь провели мы въ страшной боязни.

Въ началѣ слѣдующаго дня, 8-го ноября, мы съ тоскою и нетерпѣніемъ ожидали увидѣть ревельскую гавань, надѣясь въ этотъ же день спастись отъ неистовыхъ волнъ и стать на берегу давно желаннаго порта; по нашему расчету ничего иного не слѣдовало ждать, вслѣдствіе чего и посолъ Брюггеманнъ еще въ предыдущій день успѣлъ сдѣлать распоряженіе, въ какомъ именно порядкѣ и съ какимъ великолѣпіемъ слѣдовало въѣзжать въ Ревель. Однако наши надежды и распоряженія расплылись какъ бы водою, земля какъ бы убѣгала отъ насъ, и опять ея не было видно, и снова мы не знали, гдѣ мы. Хотя намъ и казалось, что мы заблаговременно направили курсъ нашъ въ гавань, все-

таки выяснилось, что ночью насъ слишкомъ далеко отнесло влѣво отъ суши, такъ что утромъ мы не могли вновь достигнуть высоты [гавани]. Когда къ 9-ти часамъ утра солнце нѣсколько показалось, уничтожило туманъ и освѣтило намъ окрестности, мы замѣтили, что успѣли уже проѣхать мимо ревельской гавани. А тутъ еще, при полномъ солнечномъ свѣтѣ, съ юго-запада поднялась страшная, неслыханная буря, подобная землетрясенію— точно она собиралась уничтожить и смѣшать все: и небо и землю и море. Въ воздухѣ шелъ страшный свистъ и шумъ. Поднявшіяся въ видѣ громадныхъ горъ, пѣнистыя волны жестоко свирѣпствовали другъ противъ друга. Корабль неоднократно какъ бы поглощался моремъ и вновь извергался имъ. Шкиперъ, человѣкъ старый, и нѣкоторые изъ нашихъ людей, которые раньше въ остъ- и вестъ-индскихъ поѣздкахъ насмотрѣлись всякихъ тяжкихъ бурь, и тѣ увѣряли, что никогда еще не приходилось имъ испытывать такой бури и опасности.

Страшная буря.

Что тутъ было дѣлать? Опять мы рѣшили, что погибли, и другого средства мы не нашли, какъ, по совѣту штурмана, повернуть руль и направить судно къ финляндскимъ шхерамъ или скаламъ, стараясь избѣгнуть подводныхъ скалъ (которыя въ такую погоду должны бы, какъ говорится, «горѣть», то есть шумомъ волнъ давать знать о себѣ) и надѣясь, что или удастся укрыться въ гавани Эльзенфоссъ [Гельсингфорсъ] въ Финляндіи или же, если бы Богъ наслалъ на насъ милостивое крушеніе, то, можетъ быть, кое-кто будетъ выброшенъ на скалы и сохранитъ жизнь: вѣдь самое судно, будучи разбито, не могло дольше держаться на морѣ. Поэтому нѣкоторые изъ насъ спрятали на себѣ все то, что имъ было особенно дорого и что они надѣялись унести съ собою.

Посолъ Брюггеманнъ открылъ свою шкатулку или дорожный ящичекъ и разрѣшилъ всякому желающему захватить съ собою, сколько кто хотѣлъ, денегъ и драгоцѣнностей, на случай кораблекрушенія, чтобы спасшійся лучше могъ устроится, достигнувъ берега.

Нѣкоторые изъ насъ пали посламъ на шею со слезною мольбою, чтобы они, если могли помочь намъ въ чемъ-либо во время кораблекрушенія, не оставили насъ. Послы обѣщали исполнить эту просьбу. Мы плыли дальше, колеблясь между боязнью и надеждою, смертью и жизнью. Такъ какъ, повидимому, жизнь наша должна была погибнуть, то каждый изъ насъ примирялся съ этимъ и готовился къ смерти, но, тѣмъ не менѣе, естественная любовь къ жизни у большинства изъ насъ проявлялась все-

таки въ стонахъ и жалобахъ. Тутъ можно было сказать: «Изъ бездны взываю я къ Тебѣ, Господи!» Нѣкоторые сидѣли окоченѣвъ и отъ страха смерти не могли ни пѣть, ни молиться; оставалось только вздыхать. Одинъ, изъ сожалѣнія, утѣшалъ другого доброю надеждою, которой самъ онъ не раздѣлялъ. Когда нашъ священникъ, который раньше другихъ воспрянулъ духомъ, запѣлъ:

Сегодня свѣжи мы, здоровы, сильны,
А завтра, быть можетъ, мы въ гробъ лечь должны,

то другой нашъ сотоварищъ сказалъ: «Ахъ! Это счастье совсѣмъ не по намъ; завтра, быть можетъ, наши тѣла будутъ плавать вокругъ скалъ». Какъ раньше мы охотно отказывались и отъ корабля и отъ имущества своего и просили только объ одной жизни, такъ, въ концѣ концовъ, забыли мы и о жизни и просили только о загробномъ блаженствѣ. Въ нашихъ собственныхъ глазахъ мы уже были мертвы, и видъ у насъ былъ, какъ у блѣдныхъ труповъ. Когда посолъ Крузіусъ увидѣлъ среди насъ такой упадокъ духа, онъ сказалъ: «Продолжайте молиться! Я знаю, Богъ намъ поможетъ: мнѣ это подсказываетъ мое сердце». Тѣмъ временемъ буря все возрастала и отогнала насъ и отъ здѣшней гавани, такъ какъ судно, лишенное лучшихъ парусовъ своихъ и принужденное пользоваться однимъ фокомъ, не желало болѣе повиноваться штурману, но бѣжало вдоль Финскаго залива по вѣтру.

Теперь мы опять не знали, куда намъ ѣхать. Главному боцману Юрьену Стеффенсу, наконецъ, пришло въ голову, что передъ нами какъ разъ среди моря лежитъ островъ Гохландъ, на которомъ ему приходилось бывать и гдѣ онъ находилъ добрый якорный грунтъ. Этотъ островъ лежитъ въ 17-ти миляхъ отъ Ревеля; слѣдовало только попробовать, не удастся ли его достигнуть, и укрыться за нимъ. По его мнѣнію, это было вполнѣ возможно, лишь бы только удалось увидѣть этотъ островъ днемъ. Однако, такъ какъ день на половину уже успѣлъ пройти, нельзя было надѣяться такъ скоро добраться до острова, тѣмъ болѣе, что одинъ фокъ долженъ былъ подвигать судно впередъ и не могъ его уносить отъ волнъ. Поэтому-то мы и испытали разъ — и это было для насъ ужаснѣе всего — что громадная волна сзади обрушилась на нашу каюту, перебросилась на корабль и покрыла его цѣликомъ. Отъ сотрясенія мы всѣ попадали, думая, что идемъ ко дну. Намъ пришлось поспѣшно заняться выкачиваніемъ и выливаніемъ воды, которая постоянно

вливалась въ разбитую каюту; и такъ мы плыли дальше въ постоянномъ страхѣ. Приблизительно въ три часа пополудни одинъ изъ боцмановъ полѣзъ на фокъ-ванты, чтобы посмотрѣть, близка ли земля. Когда онъ увидѣлъ островъ и закричалъ: «Слава Богу! я вижу Гохландъ!» мы такъ сильно обрадовались, что захлопали въ ладоши, заплакали отъ радости и снова начали говорить другъ другу слова утѣшенія: «Значитъ, услышалъ-таки Господь Богъ наши вопли и вздыханія: Онъ не желаетъ насъ оставить». И мы увѣренно стали пѣть: «Тебе Бога хвалимъ»: Мы думали, что уже избѣжали опасности, а вѣдь между тѣмъ мы плыли все еще на разбитомъ суднѣ среди неистовыхъ волнъ и не знали, что за несчастіе насъ ждетъ около Гохланда.

Съ заходомъ солнца буря начала утихать, но разгнѣванное море все еще поднимало волны весьма высоко. Мы поставили спереди на суднѣ четырехъ человѣкъ, чтобы слѣдить за движеніемъ къ острову, которое опасно изъ-за скалы, лежащей передъ Гохландомъ; эти четверо должны были о томъ, что увидятъ, немедленно кричать шкиперу, стоявшему у руля. На наше счастье пошелъ снѣгъ, и такъ какъ вообще въ этотъ день погода была ясная и сіяло солнце, такъ что [покрытыя снѣгомъ] скалы среди черной воды стали тѣмъ болѣе замѣтными, то мы къ вечеру около 7-ми часовъ прибыли за островъ, и во внутреннемъ заливѣ, лежащемъ къ ВСВ, стали на якорь при 19-ти саженяхъ глубины.

Прибытіе за Гохландъ.

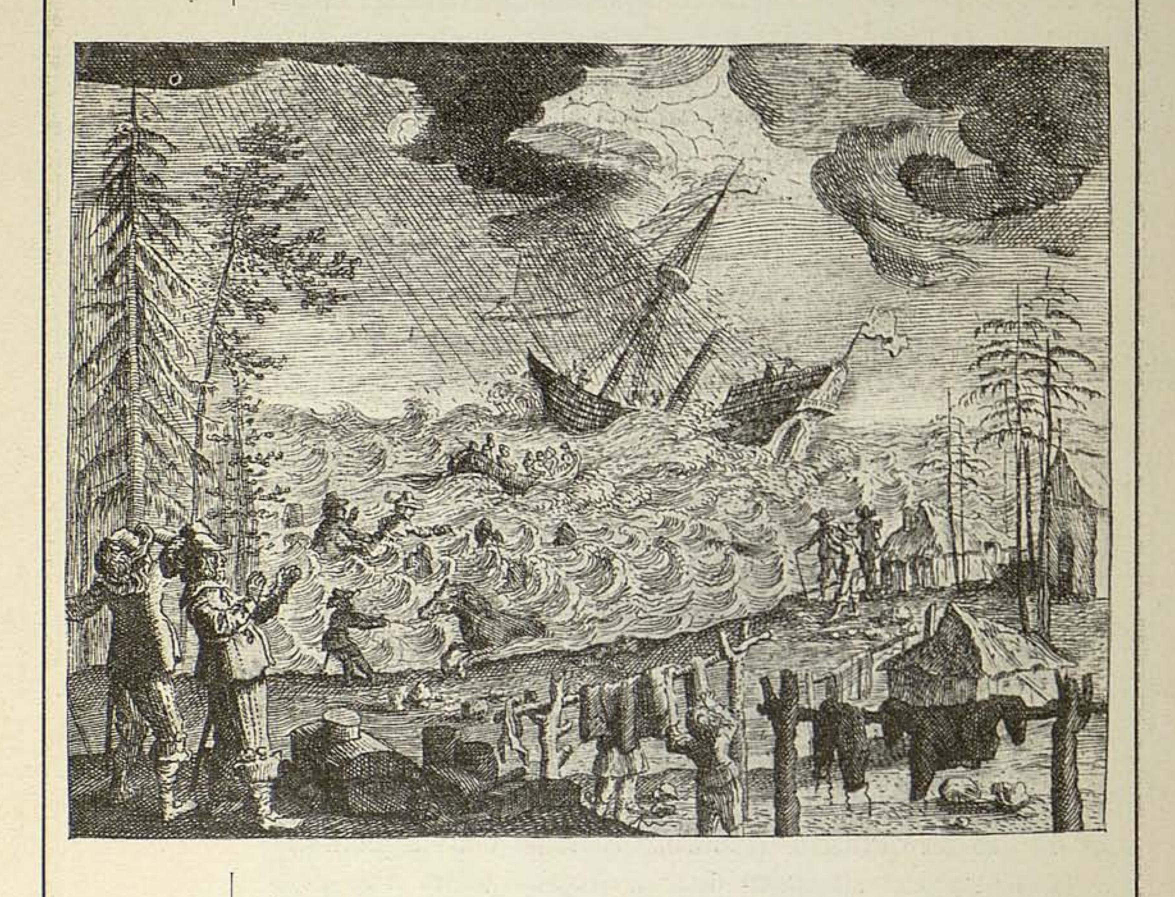
Въ этотъ вечеръ мы опять приняли немного пищи, послѣ того какъ мы нѣсколько дней не ѣли и не пили. Мы рѣшили въ дальнѣйшемъ, во время путешествія, дважды въ день имѣть молитвенные часы и вообще въ извѣстное время благодарить Господа Бога днями покаянія, молитвы и поста за милостивыя помощь и избавленіе: вѣдь, по правдѣ, въ этотъ день мы могли ощутить особую милость къ намъ Бога, такъ какъ буря, вѣтеръ и море, сначала враждебные намъ и какъ будто сговорившіеся погубить насъ, потомъ оказались вполнѣ къ нашимъ услугамъ, и то, отъ чего, какъ мы думали, наша жизнь погибнетъ, то именно и сохранило намъ ее: вѣдь какъ разъ тогда, когда мы съ нашимъ разбитымъ судномъ думали рискнуть въ опасныя, обильныя кораблекрушеніями скалы, что не обошлось бы безъ ущерба,—именно въ этотъ моментъ сильная буря стала еще сильнѣе, чтобы удержать насъ отъ скалъ и направить нашъ путь къ Гохланду.

9-го с. м. мы, при хорошей погодѣ, оставались стоять на якорѣ и чинили нашъ корабль, какъ могли. Послы тѣмъ вре-

менемъ кое съ кѣмъ изъ насъ дали себя переправить на берегъ, чтобы осмотрѣть расположеніе острова и развеселить себя. Къ вечеру мы совѣщались съ шкиперомъ, куда теперь направить нашъ курсъ: послы считали желательнымъ направиться рѣшительнымъ образомъ къ Нарвѣ, шкиперъ же приводилъ доводы за возвращеніе въ Ревель, а еще другія лица, принимая въ расчетъ, что дальнѣйшая поѣздка на столь разбитомъ суднѣ въ такую погоду и въ такихъ мѣстахъ была бы въ высшей степени опасна, желали лучше быть высаженными на этомъ островѣ и какимъ-либо инымъ случаемъ, а именно при помощи стоявшихъ въ то время у Гохланда лифляндскихъ рыбаковъ изъ Ревеля, окончательно переправиться на берегъ. Однако ни на чемъ не порѣшили, постановивъ обождать и подумать до слѣдующаго дня. И такъ всѣ легли на покой. Около 9-ти часовъ шкиперъ опять пришелъ къ постели пословъ и сообщилъ, что вѣтеръ передвинулся на востокъ и гналъ насъ къ берегу: поэтому намъ безъ риска нельзя было оставаться на томъ же мѣстѣ. Онъ считалъ за лучшее подняться съ якоря и направиться обратно въ Ревель. Послы дали ему въ отвѣтъ: «пусть онъ поступаетъ такъ, какъ онъ думаетъ отвѣчать передъ Богомъ и людьми». Когда теперь подняли якорь, вѣтеръ превратился въ несущійся ураганъ, который гналъ корабль все болѣе и болѣе къ сушѣ, такъ что никакіе трудъ и работа, направленные къ отведенію судна [отъ берега], не могли ни къ чему привести. Теперь опять поднялся сильнѣйшій вопль: стали кричать, чтобы всякій, кто желаетъ спасти свою жизнь, поднялся съ мѣста и направился на палубу корабля, такъ какъ пришла большая бѣда; казалось, все ведетъ къ опасному кораблекрушенію. Легко представить себѣ, какъ мы опять себя чувствовали.

Правда, опять опущенъ былъ якорь, но судно оказалось слишкомъ уже близко пригнаннымъ къ берегу: приблизительно на 30 отъ него саженъ. Поспѣшно спущена была корабельная лодка, и первыми высажены были на берегъ послы, а за ними нѣкоторые другіе изъ насъ. Тѣмъ временемъ судно достигло большихъ камней, которыхъ былъ полонъ весь берегъ, и начало ударяться о нихъ съ большою силою и трескомъ, такъ что оставшіеся на кораблѣ думали, что оно сейчасъ же разобьется на мелкіе куски, а они всѣ потонутъ. И хотя они и страстно желали также, подобно другимъ, быть высаженными въ лодкѣ на берегъ, экипажъ судна этому воспротивился, чтобы остающіеся на кораблѣ не оказались въ бѣдственномъ положеніи, если бы лодка [перегруженная людьми] была разбита волнами на берегу на камняхъ.

По той же самой причинѣ нѣкоторые изъ насъ были высажены изъ лодки въ воду до самыхъ бедеръ, такъ что мы должны были въ водѣ между камнями искать брода къ берегу. Въ то время какъ я стоялъ въ водѣ, была также выброшена и шкатулка посла Брюггеманна, довольно тяжелая отъ драгоцѣнныхъ вещей, находившихся въ ней; когда волны понесли ее опять въ сторону моря, я захватилъ ее своими руками, ослабѣвшими отъ недавно вынесенной тяжкой болѣзни, а нашъ медикъ поймалъ меня за кафтанъ и, такимъ образомъ, цѣпляясь одинъ за другого, мы

были вытащены изъ волнъ, которыя не разъ совершенно заливали насъ обоихъ. Когда судовая команда замѣтила, что судна уже не сохранить больше, она развязала якорный канатъ, въ надеждѣ, что судно отнесетъ поближе къ берегу и что оно не будетъ больше подниматься волнами и ударяться о дно. Это, однако, не помогло нисколько, такъ какъ буря была еще слишкомъ сильна; проработавъ еще цѣлый часъ на камняхъ, судно разбилось и погрузилось на дно. Впрочемъ еще раньше этого были высажены на берегъ остальные люди.

Кораблекрушеніе передъ Гохландомъ.

Въ этомъ мѣстѣ острова находились пять рыбачьихъ хижинъ, въ которыхъ жили не-нѣмецкіе лифляндскіе крестьяне, запоздавшіе здѣсь изъ-за рыбной ловли и продолжительной непогоды. Сюда мы и завернули.

Если бы насъ прибило къ другому мѣсту этого острова, гдѣ нельзя было бы такъ легко достигнуть этихъ рыбачьихъ хижинъ или даже найти ихъ, то мы врядъ ли были бы въ состояніи выдержать эту ночь съ ея холодомъ, въ нашихъ мокрыхъ одеждахъ. Къ тому же только что выпалъ глубокій снѣгъ, такъ что мы не могли узнать ни пути ни дороги. Мы случайно пришли къ старой часовнѣ, въ которой въ предыдущій день нѣкоторые изъ насъ побывали и, по состоянію своему, кое-что пожертвовали въ церковный ящикъ. Эта часовня, лежащая нѣсколько поодаль рыбачьихъ хижинъ, тѣмъ не менѣе показала намъ правильный путь къ нимъ, такъ какъ мы уже разъ ходили этимъ путемъ.

Утромъ слѣдующаго дня, а именно 10-го ноября, мы пришли на берегъ, чтобы справиться, можно ли добраться до корабля и спасти грузъ. Море, однако, волновалось столь сильно, что никто не рѣшался подъѣхать въ лодкѣ.

Послѣ обѣда, когда вѣтеръ и волны улеглись, постарались спасти изъ воды лошадей и другой грузъ. Дѣйствительно, удалось спасти много груза съ 7-ью лошадьми, которыя успѣли вырваться и держать свои головы поверхъ воды; однако, изъ нихъ остались живы только 5. Остальныя утонули.

Во время этого кораблекрушенія погибъ, между прочимъ, большой великолѣпный часовой механизмъ, считавшійся рѣдкостнымъ произведеніемъ искусства и оцѣнивавшійся въ нѣсколько тысячъ рейхсталеровъ. Испуганныя лошади разбили и растоптали механизмъ вмѣстѣ съ его футляромъ.

Въ теченіе слѣдующихъ дней опять была хорошая погода и свѣтило солнце; мы поэтому просушили наши одежды, книги и утварь, частью обезображенныя, частью совершенно испорченныя соленой водою.

XX.

(Книга II, глава 5).

О Гохландѣ и о томъ, какъ мы, наконецъ, переправились въ Лифляндію и въѣхали въ Ревель.

По всему казалось, что намъ придется на этомъ островѣ пробыть еще нѣкоторое время, и мы не знали, когда Господь пошлетъ намъ средство къ спасенію; кромѣ того, мы должны были опасаться, что съ началомъ зимы погибнемъ здѣсь съ холода или даже съ голода. Вѣдь, какъ намъ сообщили, немного лѣтъ назадъ нѣкоторые крестьяне и другія лица, непогодою занесенные сюда и потерпѣвшіе крушеніе, принуждены были, чтобъ спастись отъ голода, питаться березовою и еловою корою. Поэтому намъ пришлось бережливо расходовать провіантъ, котораго намъ удалось спасти весьма неважный запасъ—въ особенности, что касается хлѣба. Расплывшіеся сухари, которые нельзя было высушить вновь, мы сварили съ тминомъ и ѣли, вмѣсто хлѣба, хлебая ложками; кое-кому изъ насъ это показалось весьма горькимъ. Однажды добыли мы большое количество мелкихъ гольяновъ, поймавъ ихъ рубашками и простынями въ рѣчкѣ, стекавшей съ горы; ихъ было достаточно на двукратный обѣдъ всѣхъ нашихъ людей.

Свойства острова Гохланда.

Hochland [высокая страна]—такъ названъ этотъ островъ потому, что онъ весьма возвышенъ; онъ имѣетъ въ длину три мили, въ ширину—одну милю и состоитъ почти исключительно изъ скалъ, поросшихъ елями и другимъ лѣсомъ. Онъ былъ полонъ зайцевъ, которые, подобно всѣмъ лифляндскимъ зайцамъ, зимою имѣютъ бѣлоснѣжный мѣхъ; изъ-за кустарниковъ и высокихъ скалъ за ними здѣсь нельзя охотиться съ собаками.

Когда мы сидѣли на этомъ островѣ, въ Ревелѣ пошли слухи, что всѣ мы утонули: передавали, будто на берегу найдено было нѣсколько труповъ, одѣтыхъ въ красное (такова была наша ливрея). Этому тѣмъ болѣе повѣрили, что упомянутая выше барка, прибывъ на мѣсто, сообщила, что мы у Большого Рогге шли впереди ея на парусахъ; между тѣмъ мы не прибыли въ гавань, и въ теченіе 8-ми дней не было о насъ ни малѣйшаго извѣстія. Поэтому наши сотоварищи считали насъ совершенно погибшими; среди нихъ возникла большая печаль, стали

раздаваться жалобы, и они, подобно потеряннымъ овцамъ, блуждали, начавъ даже строить планы, какъ одинъ пойдетъ въ одну, другой въ другую сторону.

Одинъ изъ насъ посылается съ Гохланда въ Ревель.

12-го ноября пришли двѣ финляндскихъ лодки, также прибитыя непогодою къ Гохланду. На одной изъ нихъ нашъ камергеръ, высокоблагородный, мужественный и храбрый Іоганнъ Христофъ фонъ-Ухтерицъ (нынѣ княжескій голштинскій камеръ-юнкеръ въ Готторпѣ), 13-го с. м., когда буря улеглась, въ сопровожденіи одного лакея, былъ посланъ на сушу и въ Ревель, чтобы сообщить о нашемъ положеніи и состояніи. Легко понять, съ какой радостью онъ былъ принятъ нашими сотоварищами: всѣ они бѣгали кругомъ него, плакали отъ радости, не знали, о чемъ прежде всего поговорить и спросить.

17-го с. м. послы, каждый съ пятью провожатыми, велѣли перевезти себя въ двухъ небольшихъ рыбачьихъ лодкахъ окончательно на сушу, отстоящую отъ Гохланда на 12 миль. Это была поѣздка плачевная и опасная. Лодки были стары и вверху лишь лыкомъ связаны и зачинены, особенно та, въ которой сидѣлъ посолъ Крузіусъ; вслѣдствіе этого вода во многихъ мѣстахъ просачивалась и одинъ [изъ бывшихъ въ лодкѣ] постоянно долженъ былъ затыкать отверстія и выливать воду. Парусъ былъ составленъ изъ старыхъ лохмотьевъ. Лодочники могли идти только передъ вѣтромъ [фордевиндъ], такъ что, отъѣхавъ при добромъ попутномъ вѣтрѣ 5 миль, когда вѣтеръ началъ мѣнять направленіе, они и думали вернуться обратно на Гохландъ. Однако, увидѣвъ, менѣе чѣмъ въ полумилѣ отъ насъ, небольшой островъ, мы настояли, чтобы лодочники убрали паруса и прибѣгли къ весламъ; дѣйствительно, мы къ вечеру и прибыли на островъ. На этомъ островѣ мы не нашли ничего, кромѣ двухъ пустыхъ хижинъ, которыя наполовину были выстроены въ землѣ; въ нихъ мы развели огонь и провели здѣсь ночь. Здѣсь началъ ощущаться недостатокъ въ хлѣбѣ, и мы, поэтому, вмѣсто него, должны были ѣсть сыръ-пармезанъ, котораго еще оставался большой кусокъ. Утромъ отправились мы въ дальнѣйшій путь при попутномъ и слабомъ вѣтрѣ, но при очень сильной зыби.

Прибытіе на пустынный островъ.

На насъ налетаетъ опасный вихрь.

Мы успѣли проѣхать всего 2 часа, какъ вдругъ совершенно неожиданно, при вѣтрѣ, бывшемъ все время съ сѣвера, на насъ налетѣлъ сильный вихрь съ востока и такъ ударилъ въ лодку посла Брюггеманна, что она совершенно накренилась и стала черпать воду. Высокая волна ударилась у лодки вверхъ, такъ что вода стояла на поллоктя выше борта; крестьяне принялись

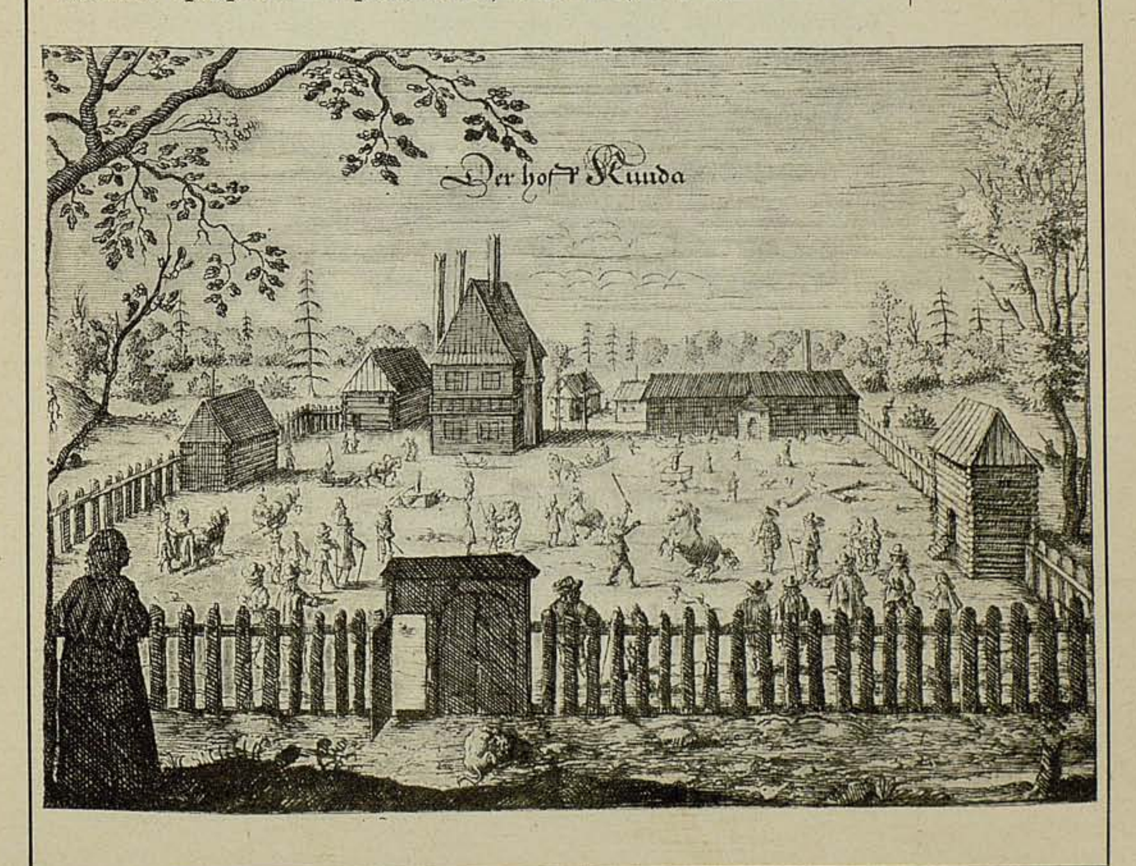

кричать, повалились на другую сторону лодки, быстро сорвали парусъ и повернули лодку по вѣтру. Послѣ этого опять стало тихо, и мы снова могли ѣхать съ прежнимъ вѣтромъ. Такой вихрь налеталъ въ теченіе двухъ часовъ трижды: впрочемъ, крестьяне, которые потомъ уже видѣли приближеніе его издали, поворачивали лодку по направленію вихря и давали ему пройти. Однако, въ первый разъ мы весьма сильно испугались. Я вполнѣ увѣренъ, что это была величайшая опасность, которую мы испытали на морѣ. Такъ какъ мы находились посреди моря, а лодка наша была весьма тяжела (въ ней, помимо восьми человѣкъ, находился грузъ въ видѣ посольскаго серебрянаго сервиза и другихъ вещей) и имѣла только узкій бортъ, то немногаго недоставало, чтобы всѣ мы пошли ко дну. Особенно слѣдуетъ удивляться тому обстоятельству, что лодка посла Крузіуса, шедшая за нами всего въ разстояніи выстрѣла изъ пистолета, не испытала ни малѣйшаго подобнаго бѣдствія.

Когда мы находились еще миляхъ въ трехъ отъ суши, на насъ повалилъ сильный градъ, въ то время какъ другіе наши люди, слѣдовавшіе за послами, наслаждались прекрасною погодою и солнечнымъ свѣтомъ.

Когда намъ оставалось до суши всего полмили, вѣтеръ возымѣлъ намѣреніе измѣниться въ обратную сторону и погнать насъ назадъ; однако, мы постарались налечь на весла и обѣщали подарить крестьянамъ бывшую при насъ бутылку водки (въ три кувшина вмѣстимостью), если къ вечеру мы достигнемъ суши. Рыбаки со свѣжими силами взялись за весла, пустили въ ходъ всю свою силу и къ вечеру, а именно къ 18-му ноября, счастливо добрались до берега; мы высадились въ Эстляндіи на Малльскомъ берегу, пробывъ 22 дня на Балтійскомъ морѣ.

Только что мы достигли берега и не успѣли еще высадиться, какъ крестьяне сейчасъ же схватились за бутылку съ водкою, которую мы имъ предоставили охотно, но слишкомъ рано: не успѣли мы еще вынести грузъ и размѣстить его на сушѣ, какъ они побѣжали съ бутылкою въ деревню, созвали своихъ родныхъ и сосѣдей и выпили бутыль столь поспѣшно, что раньше, чѣмъ мы спохватились, они уже бѣгали кругомъ съ женами и дѣтьми, до нельзя пьяные, начали ругаться и драться, такъ что ихъ ни къ чему больше нельзя было приспособить. Единственнымъ исключеніемъ былъ одинъ изъ нихъ, котораго выпивка сдѣлала храбрымъ и преданнымъ; замѣтивъ, что одна изъ на-

шихъ лодокъ оторвалась и уносится отъ суши въ море, онъ голый бросился по горло въ море, доплылъ, не смотря на холодъ, до лодки и привелъ ее обратно.

22-го с. м. опять 2 барки, шедшія изъ Ревеля въ Финляндію, были бурею прибиты къ Гохланду. Ихъ наняли для переѣзда оставшіеся на островѣ наши люди; вмѣстѣ съ лошадьми и грузомъ они 24-го с. м. благополучно переправились въ Лифляндію.

Отсюда [т. е. съ берега] мы всѣ вмѣстѣ направились въ Кунду, на дворъ г. Іоганна Мюллера, моего покойнаго тестя, лежащій всего въ 2-хъ миляхъ отъ этого берега. Здѣсь оставались мы въ спокойствіи 3 недѣли и успѣли всѣ подъ рядъ переболѣть отъ вынесенныхъ на морѣ бѣдствій; впрочемъ, никто не оставался на постели дольше 3-хъ дней.

Прибытіе въ Ревель.

Такъ какъ для пополненія нѣкоторыхъ дорогихъ вещей, попорченныхъ кораблекрушеніемъ, намъ казалось болѣе удобнымъ побывать въ какомъ-либо городѣ, то мы собрались въ путь въ г. Ревель, куда мы 2-го декабря и прибыли вполнѣ благополучно.

Что за сердечное сочувствіе во всемъ городѣ было вызвано тѣмъ несчастіемъ, которое мы претерпѣли на морѣ, это въ достаточной мѣрѣ можно было понять не только изъ большой радости и ликованія при прибытіи посланнаго впередъ Іоганна Христофа фонъ-Ухтерица, но и изъ воспослѣдовавшихъ затѣмъ благодарственныхъ молебствій въ церквахъ и публичныхъ возблагодареній въ гимназіи.

Вотъ каково было это въ высшей степени опасное плаваніе, которое мы тогда совершили черезъ Балтійское море, гдѣ мы почти каждый день видѣли смерть передъ глазами, и наша жизнь была непрерывнымъ умираніемъ, причемъ, однако, мы тутъ же должны были чувствовать и славословить особую, спасительную для насъ милость Божію.

XXI.

(Книга II, глава 6).

Магистра Павла Флеминга стихотвореніе о нашемъ кораблекрушеніи.

Объ этомъ крушеніи потомъ, по нѣкоторымъ причинамъ, на нашемъ кораблѣ у Нижняго, на Волгѣ, въ ста миляхъ за Москвою, публично говорилась проповѣдь. Потомъ мой дорогой

спутникъ—покойный Флемингъ написалъ на эту тему стихотвореніе и переслалъ его мнѣ: я беру это стихотвореніе изъ его сочиненій и помѣщаю его здѣсь:

НА РѢЧЬ ОЛЕАРІЯ О КРУШЕНІИ, КОТОРОЕ ОНЪ ПРЕТЕРПѢЛЪ У ГОХЛАНДА ВЪ НОЯБРѢ 1635 ГОДА.

[Начало опущено].

... Высокій островъ есть на лонѣ Амфитриты...
На немъ уже не разъ, злой бурею прибитый
Къ твоимъ, Финляндія! и шхерамъ и брегамъ,
Спасенье находилъ морякъ своимъ судамъ.
Высокимъ названъ онъ, сей островъ, въ высь подъятый,
Пустынный, полный скалъ, туманами объятый;
Онъ мраченъ, голъ и дикъ—но дичи онъ лишенъ:
Едва трехъ рыбаковъ бѣдно питаетъ онъ.
Здѣсь вамъ узнать пришлось, что Парка вамъ сулила:
Златая ль жизнь васъ ждетъ иль скорая могила.
Злымъ вѣтромъ весь корабль истрепанъ и избитъ,
И вдругъ о твердый онъ кидается гранитъ...
Тутъ смерть предстала вамъ. Вы видѣли могилу.
Разбило киль въ куски и руль вашъ въ мигъ скосило.
Всѣ планки, задрожавъ, какъ щепки, раздались,
И съ моря волны къ вамъ въ каюты ворвались.
Трупъ корабля погибъ. Все, что грузнѣе было
Изъ скарба,—шло на дно, а легкое—поплыло.
И былъ тутъ крайній срокъ, чтобъ къ сушѣ подплывать:
И усмотрѣвъ Небесъ надъ вами благодать,
Что жизнь Они дарятъ, вы въ море побросались;
Надеждой, ужасомъ въ васъ души волновались.
Вамъ берегъ близокъ былъ—и вы уже на немъ:
А грузъ богатый пусть лежитъ на днѣ морскомъ.
Вѣдь тотъ, съ кѣмъ на морѣ крушеніе случится,
Презрѣвъ богатства всѣ, лишь жизнь спасти стремится.
Нагой бросается онъ въ волны. Спасшись самъ,
Онъ счастливъ, пусть хоть весь достался скарбъ волнамъ.
Вы были въ радости и въ страхѣ въ то же время...
Какъ скуденъ островъ тотъ, что ваше принялъ бремя!
Ничѣмъ рѣшительно онъ угостить не могъ
Гостей своихъ. Но тутъ опять Господь помогъ:
Въ обломкахъ корабля на берегу въ прибоѣ
Сыскали вы и хлѣбъ и овощи. Но вдвое,
Чѣмъ голодъ, тягостенъ вамъ зимней стужи страхъ:
Какъ быть безъ крова здѣсь при зимнихъ небесахъ!
И снова смерти ликъ предъ вами рисовался...
Какъ вдругъ гонецъ отъ васъ предъ нами показался.
Отъ радости въ слезахъ, что все же вы спаслись,
Лифляндцы, ревельцы на встрѣчу вамъ неслись.
Богъ славится въ церквахъ, а школы шлютъ привѣты.
Кто плакалъ и вздыхалъ, всѣ радостью согрѣты.
    И это дорогой мой другъ все испыталъ,
И здѣсь всѣмъ странамъ онъ подробно разсказалъ,

Самъ о себѣ свидѣтель. Пусть же всѣ внимаютъ
О томъ, что для тебя, Германія! свершаютъ.
И сила насъ гнела и зависть и раздоръ,
Но смѣло дали мы безстрашный имъ отпоръ.
Господь утѣшилъ насъ за долгія невзгоды
И, благостно хранивъ, привелъ насъ въ эти воды,
Гдѣ Волга множествомъ потоковъ разлилась
И въ Каспій полною струею пролилась.
Пусть Богъ и долѣ намъ спасенье посылаетъ
И дѣло славное отъ бѣдъ оберегаетъ!
Голштинья счастія и радости полна,
Сумѣвъ подвинуть такъ впередъ свои дѣла!
Въ чемъ императорамъ и папамъ отказали,
Въ чемъ королямъ запретъ—то мы теперь стяжали.
Такъ мчи же насъ, Борей, дыханіемъ своимъ:
Что мы замыслили, мы скоро совершимъ!

1636. Передъ Астраханью.
3-го октября.

XXII.

(Книга II, глава 7).

О княжескомъ и посольскомъ наказахъ, которые мы соблюдали во время посольства.

Когда теперь у гг. пословъ въ Ревелѣ собралась вся ихъ свита, они велѣли прочитать княжескій наказъ о порядкѣ, полученный въ Готторпѣ. Онъ гласилъ такъ:

МЫ, ФРИДЕРИКЪ, Божіею милостію наслѣдникъ норвежскій, герцогъ шлезвигскій, голштинскій, стормарнскій и дитмарсенскій, графъ ольденбургскій и дельменгорстскій и проч., свидѣтельствуя всѣмъ и каждому изъ находящихся при нынѣшнемъ нашемъ отправляемомъ въ Москву и Персію посольствѣ — свою милость, объявляемъ при этомъ:

Такъ какъ мы, по важнымъ причинамъ, назначали и опредѣлили мужественныхъ и ученѣйшихъ нашихъ совѣтниковъ и дорогихъ вѣрныхъ намъ Филиппа Крузіуса, лиценціата правъ, и Оттона Брюггеманна нашими послами къ великому князю московскому, государю Михаилу Ѳеодоровичу, нашему любезному дорогому господину дядѣ и шурину, а затѣмъ и къ королю персидскому, снабдивъ означенныхъ лицъ для этой цѣли знатною свитою, то и почли мы за благо, дабы, наряду съ исправленіемъ порученныхъ имъ нами дѣлъ, ввѣренная имъ княжеская честь содержалась въ должномъ вниманіи всѣми, въ особенности же свитою, и дабы имъ оказывались, въ уваженіе къ намъ, всякія

должныя честь, повиновеніе, почтеніе и послушаніе, — выработать сей нижеслѣдующій придворный порядокъ, по которому обязаны жить и всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности.

Для начала и прежде всего предписывается всѣмъ и каждому, состоящему въ свитѣ этого нашего посольства, оказывать вышеозначеннымъ нашимъ обоимъ посламъ, въ уваженіе къ намъ, всякую должную честь, повиновеніе и услуги. Всему тому, что они, какъ сами, по какой-либо нуждѣ, такъ и черезъ назначеннаго ихъ маршала, прикажутъ, опредѣлятъ или постановятъ, должно повиноваться безъ противорѣчій и отговорокъ; всегда должно имъ оказываться необходимое послушаніе. Симъ мы даемъ означеннымъ нашимъ посламъ авторитетъ и силу строго судить, смотря по качеству дѣла, всѣхъ непокорныхъ и непослушныхъ и наказывать ихъ. 1.

Такъ какъ страхъ Божій долженъ быть началомъ, срединою и концомъ всѣхъ дѣлъ, и такъ какъ онъ, прежде всего, долженъ прилежно соблюдаться всѣми и каждымъ въ столь дальнихъ поѣздкахъ, то симъ приказывается рѣшительно всѣмъ находящимся въ свитѣ, чтобы они во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ ставили себѣ въ обязанность истинный страхъ Божій, всегда присутствовали при полагающихся проповѣдяхъ и богослуженіи и помогали бы умолять Всемогущаго Бога о счастливомъ успѣхѣ этого нашего важнаго предпріятія, а напротивъ совершенно бы отстранялись и воздерживались отъ клятвъ, проклятій, богохульства и другихъ грубыхъ пороковъ, подъ опасеніемъ немилости нашей и наказаній, какія нашими послами будутъ назначаться, смотря по важности преступленія, безъ вниманія къ лицу. 2.

Равнымъ образомъ симъ строго воспрещается нами и всякое безпорядочное провожденіе времени въ обжорствѣ, пьянствѣ и иныхъ излишествахъ, отъ которыхъ обыкновенно происходятъ всякія непріятности. 3.

Въ особенности же всѣ и каждый изъ состоящихъ въ нашемъ посольствѣ должны стараться о единодушіи. Каждый обязанъ, по достоинству своего состоянія, жить въ добромъ согласіи со своими товарищами, и одинъ долженъ оказывать другому всякую добрую дружбу, любовь и поддержку: отъ ссоръ же, споровъ, ненужныхъ грубостей, ругани и побоевъ слѣдуетъ воздерживаться. Въ случаѣ недоразумѣній не слѣдуетъ прибѣгать къ самоуправству, но если у кого есть на другого жалоба, то слѣдуетъ ее заявить маршалу, который или самъ постарается уладить споръ или же, если это ему не подъ силу, съ достодолжнымъ почтеніемъ сообщитъ объ этомъ дѣлѣ нашимъ посламъ, имѣющимъ, по извѣст- 4.

ному намъ ихъ умѣнію, постановить окончательное рѣшеніе, которому всякій долженъ повиноваться. Мы симъ строго и совершенно воспрещаемъ самовольные вызовы, драки и дуэли въ нашемъ посольствѣ и въ свитѣ, такъ какъ ими легко могъ бы быть нанесенъ ущербъ нашей высокой княжеской чести, въ особенности—передъ чужими націями. Въ этотъ запретъ мы рѣшительнымъ образомъ включаемъ какъ высшихъ офицеровъ, такъ и простыхъ служителей.

5. Чтобы при этой свитѣ нашихъ пословъ все было въ возможно лучшемъ и болѣе правильномъ порядкѣ, а также, чтобы удалось избѣжать всякаго замѣшательства и отсюда возникающаго позора, маршалъ, назначенный у нашихъ пословъ, какъ во время пути, такъ и на остановкахъ, долженъ внимательно слѣдить за всѣмъ.

6. А именно: во время путешествія онъ долженъ дѣлать распоряженія о снятіи съ лагеря, когда ему таковое будетъ приказано нашими послами, чтобы каждый изъ подчиненныхъ ему держалъ себя на-готовѣ для нагрузки багажа и вообще для всего, что необходимо, къ опредѣленному сроку, и чтобы все дѣлалось прилежно и внимательно, дабы наши послы, изъ-за медлительности того или другого, къ досадѣ своей, не были задержаны въ пути.

7. Точно также онъ, маршалъ, долженъ давать указанія всѣмъ и каждому, чтобы все дѣлалось въ добромъ единеніи и съ должною скромностью, безъ недостойной суматохи.

8. Во время остановокъ онъ, маршалъ, долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы нашимъ посламъ прилежно служили и угождали всегда и во всѣхъ дѣлахъ какъ гофъ-юнкеры, такъ и пажи, лакеи и другая прислуга, днемъ и ночью, когда кому что-либо будетъ приказано послами.

9. Такъ какъ для поддержки нашей высокой княжеской чести въ особенности требуется, чтобы посламъ прилежно служили, то гофъ-юнкеры, пажи, лакеи и остальная прислуга, согласно порядку, который будетъ установленъ нашими послами, должны будутъ при ежедневной своей службѣ всегда быть послушны, прилежны и исполнительны, чтобы постоянно находиться на-готовѣ при нашихъ послахъ, въ случаѣ посѣщенія ихъ иностранцами, и чтобы вообще все происходило вполнѣ достойнымъ образомъ.

10. Если маршалъ тому или другому въ штатѣ свиты что-либо прикажетъ, велитъ или укажетъ именемъ нашихъ пословъ, то каждый подчиненный его началу долженъ безпрекословно повиноваться. Въ иномъ случаѣ онъ уполномоченъ о преступленіяхъ

тѣхъ, кто не подчинены его началу, сообщать нашимъ посламъ, которые сумѣютъ выказать должную строгость, а другихъ—наказывать самъ. Не взирая на это, и мы, со своей стороны, рѣшительнымъ образомъ ставимъ всѣмъ, кто будутъ вести себя недостойно, на видъ особое наказаніе и немилость съ нашей стороны.

Если наши послы пожелаютъ посылать гонцовъ къ начальствующимъ губернаторамъ, намѣстникамъ, магистратамъ и другимъ служащимъ въ крѣпостяхъ, городахъ и иныхъ мѣстахъ, через которыя они поѣдутъ, то тѣ, кого они найдутъ достойными въ составѣ свиты, должны прилежно и безпрекословно принимать этотъ трудъ на себя, съ должною почтительностью и вѣрностью исполнять порученное имъ дѣло и отдавать вѣрный отчетъ нашимъ посламъ. Такъ какъ, однако, послы наши лучше всего понимаютъ, кто къ исполненію такихъ порученій наиболѣе способенъ, то изъ-за предпочтенія одного лица другому не должно возникать, замѣчаться, ниже царить ни тайнаго ни явнаго соревнованія. 11.

Точно также никто не смѣетъ по отношенію къ иностраннымъ націямъ, во время поѣздки или остановокъ, допускать брань или насмѣшки; напротивъ, должно относиться къ нимъ благопристойно и дружелюбно и вообще такимъ образомъ, чтобы чужеземцы имѣли причину и получали охоту оказывать нашимъ всякія добрыя услуги и отвѣтныя службы. Поэтому маршалъ долженъ немедленно же строго наказывать всякія случайныя проявленія дерзости и всѣ неумѣстныя выходки, если онъ ихъ въ чьемъ: либо поведеніи замѣтитъ, и вообще ему слѣдуетъ во всякое время пользоваться своимъ авторитетомъ. 12.

Всѣ тѣ, кто состоятъ въ настоящей свитѣ, должны оставаться при нашихъ послахъ въ теченіе всего путешествія, и безъ ихъ вѣдома не переходить въ иныя или чужія службы. Такъ какъ мы отрядили и отпустили къ посламъ на это путешествіе нашего собственнаго, служащаго у насъ лейбъ-медика Гартманна Граманна, то и онъ долженъ оставаться при нихъ во время поѣздки туда и обратно, и вмѣстѣ съ ними вернуться къ намъ. 13.

Такъ какъ въ этомъ наказѣ не могутъ заключаться и указываться всѣ возможные случаи, то все остальное, что здѣсь не указано точнѣе, мы предоставляемъ извѣстному намъ усмотрѣнію нашихъ пословъ, давая имъ полномочіе во всемъ остальномъ утверждать хорошій порядокъ, умножая статьи наказа, судя по времени, мѣстамъ и другимъ обстоятельствамъ. Всему тому, что 14.

для поддержки нашей высокой княжеской чести и добраго порядка, и помимо сего наказа, будетъ приказано, вспомянуто или повелѣно нашими послами, лично или черезъ другихъ, всѣ и каждый, безо всякаго исключенія, должны вполнѣ покоряться и повиноваться съ полнымъ послушаніемъ точно такъ же, какъ если бы это было въ точности записано и заключено въ нашемъ наказѣ.

15. Чтобы, однако, каждый зналъ свое мѣсто и положеніе при хожденіи, сидѣніи, столованіи, путешествіи и вообще во всѣхъ случаяхъ, согласно своему состоянію и должности, нами составленъ для всей свиты, по обыкновенію нашего княжескаго двора, опредѣленный порядокъ.

(Порядокъ этотъ указанъ на стр. 64 и слѣдующихъ, хотя и для бóльшаго числа лицъ, чѣмъ былъ онъ составленъ въ Готторпѣ).

Засимъ мы всѣмъ и каждому милостиво повелѣваемъ, чтобы этому нашему наказу и всѣмъ дальнѣйшимъ указаніямъ, повелѣніямъ и приказамъ нашихъ пословъ во всѣхъ и въ каждомъ пунктахъ оказывалось повиновеніе, чтобы ни въ чемъ не поступалось наперекоръ имъ и вообще все дѣлалось такъ, дабы избѣгнуты были наша немилость и наказаніе, которыя симъ объявляются непокорнымъ и непослушнымъ, и дабы мы напротивъ имѣли основаніе, по счастливомъ окончаніи путешествія, оказать каждому нашу княжескую милость. Таковъ строжайшій приказъ нашъ. Въ подлинномъ это подтверждено нами приложеніемъ княжеской казенной секретной печати и нашею собственноручною подписью. Дано въ нашемъ дворцѣ въ княжеской резиденціи Готторпѣ въ 1-ый день октября 1635 года.

Фридерикъ.

Когда, однако, гг. послы замѣтили, что нѣкоторые изъ нашихъ людей перестали соблюдать эти строгіе указанные имъ правила и порядки, думая жить по собственнымъ разсудку и волѣ, и что, вслѣдствіе этого, весьма замѣтно вкрадывались всякое безбожіе, дерзость и распущенность, то они сочли крайне необходимымъ ревностно воспрепятствовать этимъ безпорядкамъ и добиться того, чтобы среди насъ во время столь дальняго и долгаго путешествія велась и чувствовалась жизнь, пріятная Богу и людямъ. Поэтому они составили еще слѣдующій наказъ и прочитали его въ Ревелѣ:

Наказъ княжескихъ голштинскихъ пословъ, объявленный 8-го декабря 1635 года въ Ревелѣ.

Въ виду того, что свѣтлѣйшаго высокороднаго князя и государя Фридерика, наслѣдника норвежскаго, герцога шлезвигскаго, голштинскаго, стормарнскаго и дитмарсенскаго, графа ольденбургскаго и дельменгорстскаго и проч. состоящіе въ посольствѣ въ Москву и Персію оба княжескіе гг. послы, со времени начала своего путешествія (въ особенности же во время выдержанной по волѣ Божіей на морѣ превеликой бури съ ежечасною и ежеминутною опасностью для здоровья и жизни, далѣе — при кораблекрушеніи, къ несчастію, испытанномъ у Гохланда, при спасеніи нѣкоторой части имущества, и, наконецъ, при состоявшейся, по Божіей милости и помощи, желаемой высадкѣ здѣсь въ Лифляндіи), многократно, и не безъ особой досады, отвращенія и непріятности, должны были видѣть и испытать, какъ наказъ, объявленный вышеуказанною его княжескою свѣтлостью чрезъ гофмаршаловъ его и съ особою строгостью предложенный, не исполняется то тѣми, то иными, какъ истинный страхъ Божій и въ особенности клятвенно обѣщанное всѣми и каждымъ, въ крайней опасности для здоровья и жизни, исправленіе, съ тѣхъ поръ, что опасность нѣсколько поубавилась, многими совершенно оставлены безъ вниманія и забыты, и вновь начата прежняя жизнь, и какъ, при этомъ, достойное и строго наказанное уваженіе къ обоимъ княжескимъ посламъ и почетъ, въ лицѣ гг. пословъ, оказываемый самому свѣтлѣйшему князю, почти никѣмъ или же только немногими выказываются, причемъ жизнь ведется такая, точно никакого наказа уже не нужно соблюдать, а полагающіяся каждому дѣла и обязанности исполняются плохо,—принимая далѣе во вниманіе, что если во-время не будутъ приняты мѣры противъ растущаго безобразія, безбожной и безнравственной жизни и безпорядковъ, то ничего иного нельзя ожидать, какъ того, что и такъ уже весьма разгнѣванный Господь Богъ, показавшій намъ наказующій бичъ и грозившій уже гибелью, на дальнѣйшемъ пути накажетъ насъ еще суровѣе и даже погубитъ всѣхъ, и такъ какъ, наконецъ, и вышеупомянутый свѣтлѣйшій князь, въ своей высокой и безцѣнной чести, можетъ понести въ чужбинѣ и у иностранныхъ націй, вслѣдствіе подобнаго поведенія, сильнѣйшій ущербъ и совершенное оскорбленіе,—въ виду всѣхъ этихъ причинъ оба княжескіе гг. послы сочли крайне необходимымъ (по полномочію, предоставленному имъ его княжеской свѣтлостью)

помимо вышеуказаннаго княжескаго милостиваго наказа (во исправленіе противныхъ въ одинаковой мѣрѣ Богу и строгимъ и грознымъ приказамъ его княжеской свѣтлости дурныхъ дѣлъ, для воспрепятствованія всякому безбожному поведенію, для возстановленія забытаго, слѣдуемаго и полагающагося, въ ихъ лицѣ, его княжеской свѣтлости уваженія, а также для уничтоженія всякаго рода начавшихся безпорядковъ), — выработать еще нижеслѣдующія статьи (въ видѣ постояннаго обязательнаго наказа, касающагося, безо всякаго исключенія, всѣхъ и каждаго, занимающихъ какое-либо положеніе въ ѳтой свитѣ), опубликовать эти статьи и подтвердить ихъ назначеніемъ строгихъ, безо всякаго снисхожденія, наказаній.

I. Для начала и прежде всего, такъ какъ вѣдь у всѣхъ тѣхъ, кто совмѣстно изъ Травемюнде выѣхали, еще находится и должно находиться въ свѣжей памяти, въ какомъ страхѣ, бѣдѣ и крайней опасности, грозившей всякій часъ и всякое мгновеніе нашему тѣлу и нашей жизни, мы всѣ находились 29-го октября ночью между 10-ью и 11-ью часами подъ Эландомъ, 3-го ноября ночью у подвѣтреннаго берега Эланда, 7-го того же часа ночью между 10-ью и 11-ью часами передъ Ревелемъ, когда потеряли мачту, затѣмъ 8-го передъ финляндскими шхерами и, наконецъ, 9-го ноября вечеромъ въ 10 часовъ передъ Гохландомъ, когда потерпѣли крушеніе, то [мы должны также помнить], что, еслибъ особая помощь, доброта и милосердіе Божіи не сохранили насъ, мы всѣ безъ исключенія потонули бы въ морѣ, умерли и погибли. Такъ какъ, однако, благостный Господь Богъ, среди гнѣва Своего, памятуя Свое милосердіе, вырвалъ насъ изъ смерти, столько разъ намъ близкой, а мы всѣ и каждый въ отдѣльности обѣщали постоянное благодареніе, покаяніе и исправленіе отъ всяческой грѣховной жизни, то всякій и обязанъ исполнить это обѣщаніе, отстать отъ грѣховъ и отъ всего сердца, во время дальнѣйшаго нашего путешествія, взывать къ Богу о прощеніи грѣховъ, отклоненіи дальнѣйшаго наказанія и дарованіи всякаго полезнаго благосостоянія, счастья и благословенія.

Для достиженія этой цѣли княжескіе голштинскіе гг. послы постановили, чтобы въ каждое утро и каждый вечеръ удѣлялся часъ молитвѣ, покаянію и благодаренію; а чтобы каждый зналъ о такомъ часѣ и могъ во-время явиться на него, маршалу вмѣняется въ обязанность при началѣ дня велѣть трубить въ въ трубу, чтобы всякъ одѣвался. Сейчасъ же послѣ этого, по прошествіи четверти часа, будетъ даваться трубачами знакъ къ молитвѣ, послѣ чего всякій, отбросивъ въ сторону работы и

всяческія дѣла, немѣшкотно долженъ являться на мѣсто, назначенное для молитвы, и принимать съ должнымъ благоговѣніемъ участіе какъ въ пѣніи, такъ и въ молитвѣ. Точно также и вечеромъ послѣ стола всѣмъ дается приказаніе быть на обычномъ мѣстѣ и съ должнымъ благоговѣніемъ принимать участіе въ молитвенномъ часѣ. Къ сему дается строгое предупрежденіе, что всякій, кто, начиная отъ знатнѣйшихъ и кончая пажами, лакеями и мальчиками, явится слишкомъ поздно, т. е. когда уже началось пѣніе, долженъ будетъ заплатить четверть талера, а тотъ, кто совершенно не явится—каждый разъ по полурейхсталеру, въ кружку для бѣдныхъ, безотговорочно; а до уплаты онъ не будетъ допускаться до стола. Пажи же, лакеи и мальчики всѣ вообще, безъ исключенія, не взирая на лицо, будутъ наказываться маршаломъ или на кухнѣ или въ иномъ мѣстѣ.

2. Такъ же слѣдуетъ поступать при обычныхъ воскресныхъ и недѣльныхъ проповѣдяхъ, а именно, чтобы каждый, являясь къ самому ихъ началу, принималъ съ должнымъ благоговѣніемъ участіе въ пѣніи, молитвахъ и слушаніи Слова Божія, исполнялъ должную службу Всемогущему Богу и отъ всего сердца взывалъ къ Нему о счастіи и благословеніи, о желанномъ совершеніи дальнѣйшей нашей поѣздки и счастливомъ возвращеніи обратно,—все это во избѣжаніе указаннаго наказанія. Господинъ пасторъ долженъ имѣть въ этомъ дѣлѣ бдительное око, и вообще должно быть и, дѣйствительно, будетъ наблюдаемо за тѣмъ, чтобы бѣдные не потерпѣли здѣсь ущерба.

3. Далѣе, такъ какъ многіе достойные наказанія пороки, въ особенности богохульныя проклятія, недобрыя пожеланія и божба, наряду съ безсовѣстнымъ срамословіемъ и безстыднымъ шутовствомъ, среди многихъ лицъ свиты такъ распространились, что у нѣкоторыхъ даже вошли въ привычку и не почитаются грѣхомъ, а напротивъ оправдываются и извиняются, какъ хорошее дѣло, чѣмъ, однако, могутъ быть не разъ навлекаемы справедливый гнѣвъ Божій и суровыя наказанія, и, наконецъ, изъ-за одного безбожника можетъ оказаться наказанною вся община,—[въ виду всѣхъ этихъ причинъ] княжескіе гг. послы симъ совершенно запрещаютъ легкомысленныя проклятія, божбу, недобрыя пожеланія, срамословіе, неприличное шутовство и вообще всякую воспрещенную Словомъ Божіимъ и святыми десятью заповѣдями разнузданность и безнравственную жизнь. Тѣ, кто окажутся преступившими эти постановленія, будутъ примѣрнымъ образомъ наказываемы—если понадобится, и тѣлесно,—а что касается тѣхъ, кто въ подобныхъ случаяхъ будутъ слушать и не доне-

сутъ, то и съ ними будетъ непремѣнно поступаемо со строгостью по силѣ [нашей] власти и съ особымъ даже тщаніемъ.

4. Затѣмъ, такъ какъ добрый порядокъ — вещь весьма важная, а таковой не можетъ быть ничѣмъ лучше сохраненъ, какъ прилежнымъ и внимательнымъ отношеніемъ со стороны каждаго къ его дѣлу, немѣшкотнымъ исполненіемъ приказаній и постоянной вѣрностью долгу, то княжескіе гг. послы увѣщеваютъ и наставляютъ всѣхъ и каждаго въ отдѣльности, прежде всего и вообще, чтобы они, во всѣхъ статьяхъ и по точному словесному содержанію, послушно исполняли милостиво опубликованный 1-го октября 1635 г. въ Готторпѣ и спеціально для настоящаго посольства составленный наказъ его свѣтлости вышеназваннаго князя шлезвигскаго, голштинскаго и проч., нашего во всемъ милостиваго князя и государя, и чтобы они во всѣхъ дѣлахъ вели себя согласно съ нимъ, дабы у пословъ было основаніе похвалить передъ его княжеской свѣтлостью послушаніе каждаго изъ нихъ, а не приходилось пользоваться имѣющейся у нихъ властью противъ строптивыхъ.

5. А чтобы всякій зналъ, какой, по желанію гг. пословъ, долженъ соблюдаться порядокъ во время путешествій и при остановкахъ, — то они симъ установляютъ, опредѣляютъ и приказываютъ, чтобы какъ на квартирахъ, такъ во время отправленія въ путь и остановокъ, особенно же въ присутствіи чужихъ людей, маршалъ и высшіе офицеры и гофъ-юнкеры всегда состояли при нихъ, сопровождали гг. пословъ въ должномъ порядкѣ изъ дому и въ домъ, оказывали имъ должный почетъ, какъ бы самому его свѣтлости князю, и вели себя такъ, чтобы у всѣхъ, въ особенности же у чужихъ, высокое имя и слава его княжеской свѣтлости почитались и уважались тѣмъ болѣе, что вѣдь всѣ народы съ особымъ вниманіемъ относятся къ посольствамъ и по этимъ послѣднимъ, обыкновенно, судятъ о положеніи, величіи, качествахъ и великодушномъ мужествѣ отсутствующихъ высокихъ государей.

6. Маршалъ обязанъ должнымъ образомъ всегда поддерживать порядокъ, чтобы ежедневно часть пажей и лакеевъ, по очереди, вездѣ несла службу въ покояхъ княжескихъ гг. пословъ и находилась бы подъ руками, дабы никто, въ особенности изъ иноземцевъ, не могъ безъ доклада войти въ комнату, а гг. послы могли также пользоваться [прислугою] и для посылокъ.

7. Когда трубою подается сигналъ къ столу, то всѣ и каждый должны являться немедленно, чтобы никого не приходилось ждать, и если — въ особенности къ столу гг. пословъ — кто-либо

явится послѣ того, какъ прочитана молитва и всѣ уже сядутъ, то виновный обязанъ безпрекословно немедленно же уплатить шесть любекскихъ пфенниговъ въ кружку для бѣдныхъ.

Пажи же, немедленно послѣ сигнала трубою, должны отправляться въ кухню, чтобы въ порядкѣ подавать кушанья, ставить ихъ на столъ и носить воду. 8.

Когда кушанья поданы, маршалъ совмѣстно съ нѣсколькими юнкерами, долженъ просить и сопровождать княжескихъ гг. пословъ къ столу. 9.

Вслѣдъ затѣмъ должна подаваться вода и читаться молитва, а затѣмъ всѣ, одинъ за другимъ, должны отправляться на свои мѣста у стола въ томъ порядкѣ, который указанъ при княжескомъ наказѣ. Если будутъ присутствовать чужіе, то маршалъ обязанъ каждому изъ нихъ, сообразно его состоянію, удѣлять мѣсто и почетъ какъ при подаваніи воды, такъ и при угощеніи. 10.

Пажи должны, чередуясь по недѣлямъ, читать молитвы до и послѣ обѣда. Тотъ, за кѣмъ очередь, долженъ всегда находиться подъ рукою; въ противномъ случаѣ онъ долженъ ждать наказанія со стороны маршала. 11

Обязанности кравчихъ для стола княжескихъ гг. пословъ должны нести гофъ-юнкеры и стольники, чередуясь по недѣлямъ. 12.

Точно также за столомъ свиты маршалъ долженъ слѣдить хорошенько, чтобы при ѣдѣ и питьѣ не происходило никакихъ свинскихъ шутокъ и безобразій. 13.

Послѣ стола каждый долженъ дѣлать то, что ему приказано, а тѣ, кто назначены къ прислуживанію, должны оставаться подъ руками, чтобы княжескіе гг. послы, если бы они чего-нибудь пожелали, могли всегда отдать имъ приказаніе. При этомъ княжескіе гг. послы совершенно и строжайшимъ образомъ воспрещаютъ многократное выбѣганіе и всякую возню съ винными и иными торговлями и погребами. 14.

Въ особенности же никто изъ пажей, лакеевъ и другихъ людей не смѣетъ, безъ вѣдома и испрошенія отпуска у маршала, выходить, ни тѣмъ менѣе ночевать внѣ дома. Всякое выбѣганіе и ночевки внѣ дома княжескіе гг. послы симъ строжайше воспрещаютъ подъ угрозою строгаго наказанія. 15.

Точно также симъ прекращаются и болѣе не будутъ никоимъ образомъ допускаться выпивки и пьянство послѣ того, какъ встали уже изъ-за стола. Поэтому оберъ-шенкъ долженъ имѣть прилежное наблюденіе, чтобы къ столу во время ѣды всѣмъ подавались и доставлялись необходимые напитки, но чтобы послѣ стола погребъ опять запирался и ключъ находился у него, оберъ- 16.

шенка. Также слѣдуетъ тщательно наблюдать за людьми, назначенными къ погребу, чтобы никто ничего не утаивалъ: иначе получится одно только безобразіе. Если тотъ или иной при этомъ окажутся виновными, то ихъ слѣдуетъ немедля строго наказать. Этимъ приказомъ ни у кого не отнимается то, что нужно, а отмѣняется только ненужное излишество. Если кто-нибудь захочетъ выпить въ промежуткѣ между временемъ для ѣды, то это должно дѣлаться съ вѣдома оберъ-шенка, который долженъ держаться мѣры и никому не отказывать въ нужномъ.

17. Если княжескіе гг. послы устроятъ пиршество или по иному случаю пригласятъ и попросятъ къ себѣ гостей, то ихъ люди, въ особенности тѣ, кто назначены къ прислуживанію и несутъ свои особыя обязанности, какъ, напримѣръ, прежде всего: пажи, лакеи, мальчики и т. п., должны вполнѣ воздерживаться отъ пьянства, а напротивъ прилежно прислуживать и прилежно исполнять и отправлять то, къ чему каждый изъ нихъ будетъ опредѣленъ маршаломъ.

18. Точно также, если княжескіе гг. послы будутъ приглашены въ гости къ другимъ лицамъ, то прислуживающіе должны остерегаться пить и съ высочайшимъ прилежаніемъ исполнять то, что имъ приказано. Преступники не должны ожидать ничего иного, какъ наказанія.

19. Такъ какъ во время путешествія, въ особенности же при отправленіи и уходѣ изъ городовъ и иныхъ мѣстъ, неоднократно происходили безпорядки, потому что упаковка вещей каждаго откладывалась до послѣдняго часа, а иногда передъ самымъ отправленіемъ то тотъ, то другой сначала желали посѣтить знакомыхъ и проститься съ ними, вслѣдствіе чего княжескіе гг. послы, къ немалому для его княжеской свѣтлости и для нихъ лично ущербу, неоднократно задерживались въ пути, то теперь княжескіе гг. послы отдаютъ строгое приказаніе: чтобы, какъ только маршалъ объявитъ о необходимости ѣхать дальше, всякій поспѣшно упаковывалъ свои вещи, держался наготовѣ и оставался подъ руками, чтобы въ указанное время можно было быстро нагружать вещи и чтобы, при дачѣ трубою сигнала объ отъѣздѣ, никого уже не поджидали. Такимъ образомъ, если кто-либо задержится при отъѣздѣ и будетъ мѣшкать изъ-за прощанія и тому подобныхъ причинъ, то его не только не нужно вовсе поджидать, но, напротивъ, онъ долженъ быть наказанъ, по своему состоянію и своей должности, безо всякаго лицепріятія.

20. Трубачи ко времени отъѣзда должны воздерживаться отъ пьянства, держаться наготовѣ и быть подъ руками, чтобы по

приказанію маршала трубить: «къ лошадямъ» и при выступленіи въ путь отправлять свою обязанность, дабы въ случаѣ, если кто изъ нихъ, какъ это уже бывало повторные разы, поступитъ вопреки сему приказанію, княжескіе гг. послы не имѣли повода подвергать ихъ строгому наказанію.

Какъ маршалъ установитъ во время поѣздки, такъ всякій и обязанъ поступать, держась именно того мѣста, которое ему предоставлено наказомъ его княжеской свѣтлости. Поэтому симъ совершенно отмѣняется безпорядочная ѣзда верхомъ или въ повозкахъ во время пути. Напротивъ, всегда слѣдуетъ ѣхать въ добромъ порядкѣ. 21.

Къ чужимъ всякій долженъ относиться дружелюбно и мирно, не осмѣивать ихъ въ ихъ богослуженіи или въ иномъ чемъ, не браниться и не драться съ ними, но, напротивъ, быть по отношенію къ нимъ услужливымъ и вести себя такъ, какъ всякій желалъ бы, чтобы съ нимъ самимъ поступали другіе. 22.

Если окажется, что въ этомъ наказѣ, который княжескіе гг. послы всегда могутъ расширять и, по мѣрѣ надобности, измѣнять, что-либо не содержится, а маршалъ отдастъ соотвѣтствующія приказанія, именемъ княжескихъ гг. пословъ, для поддержанія необходимой почтительности и добраго порядка, то подобному приказанію всѣ и каждый, кто подчиненъ маршалу, должны повиноваться точно такъ же, какъ если бы оно было изложено въ самомъ наказѣ, — до тѣхъ поръ, пока княжескіе гг. послы не прикажутъ что-либо иное. 23.

За симъ княжескіе гг. послы строжайше приказываютъ и объявляютъ всѣмъ находящимся въ ихъ свитѣ: чтобы этимъ статьямъ, установленнымъ наряду съ опубликованнымъ наказомъ его княжеской свѣтлости, и всему съ ними связанному, немедленно же по распубликованіи ихъ, оказывалось полное должное повиновеніе, и чтобы никоимъ образомъ ни прямо, ни косвенно они не нарушались.

При этомъ княжескіе гг. послы надѣются, что каждый, кому его княжеской свѣтлости высокая честь и собственная его честь дороги, будетъ вести себя достойнымъ образомъ и такъ, чтобы княжескимъ гг. посламъ, при высокихъ ихъ дѣлахъ, не приходилось терпѣть помѣхи отъ жалобъ и другихъ непріятностей и не приходилось также подвергать непослушныхъ примѣрному наказанію и т. д.

Какіе, помимо этихъ серьезныхъ наказовъ, въ разныхъ мѣстахъ были еще даны и предложены правила и приказы —

излагать все это взяло бы слишкомъ много времени. Правда, сначала установленный порядокъ строго поддерживался, и преступники подвергались должнымъ наказаніямъ. Такъ какъ, однако, вскорѣ затѣмъ не только стали смотрѣть сквозь пальцы на иныхъ лицъ, но, кромѣ того, посолъ Брюггеманнъ роздалъ нѣкоторымъ лакеямъ и другимъ простымъ людямъ топоры съ придѣланными къ нимъ ружейными стволами, такъ что можно было ими и рубить и стрѣлять, и люди получили возможность совершать самоуправства и враждебныя дѣйствія по отношенію къ ревельцамъ, которые съ ними сталкивались, — то весь этотъ добрый порядокъ вскорѣ былъ оставленъ и забытъ. Поэтому-то, пока мы цѣлыхъ три мѣсяца оставались въ Ревелѣ въ ожиданіи новыхъ вѣрительныхъ писемъ изъ Голштиніи, между нашими людьми и ревельскими купеческими слугами не разъ происходили столкновенія, приведшія, въ концѣ концовъ, къ убійству. 11-го февраля, ночью, недалеко отъ посольскаго помѣщенія, купеческіе слуги и наши люди, изъ озорства, затѣяли опасную драку. Страшный крикъ безобразниковъ заставилъ Брюггемановскаго камердинера Исаака Мерси, француза, человѣка смирнаго и благочестиваго, выбѣжать на помощь къ нашимъ изъ дому. Однако, одинъ изъ купеческихъ слугъ такъ принялъ его шестомъ отъ ушата, что его черепъ разбился и онъ на слѣдующее утро, пролежавъ четыре часа въ тяжкомъ безпамятствѣ, испустилъ духъ. Трупъ его 22-го с. м. сопровождался не только послами и ихъ свитою, но и достоуважаемымъ магистратомъ и именитѣйшими гражданами въ церковь св. Николая; похоронили его съ торжественными церковными церемоніями. Хотя послы при участіи достоуважаемаго магистрата и старались найти убійцу, но его все-таки никто не назвалъ.

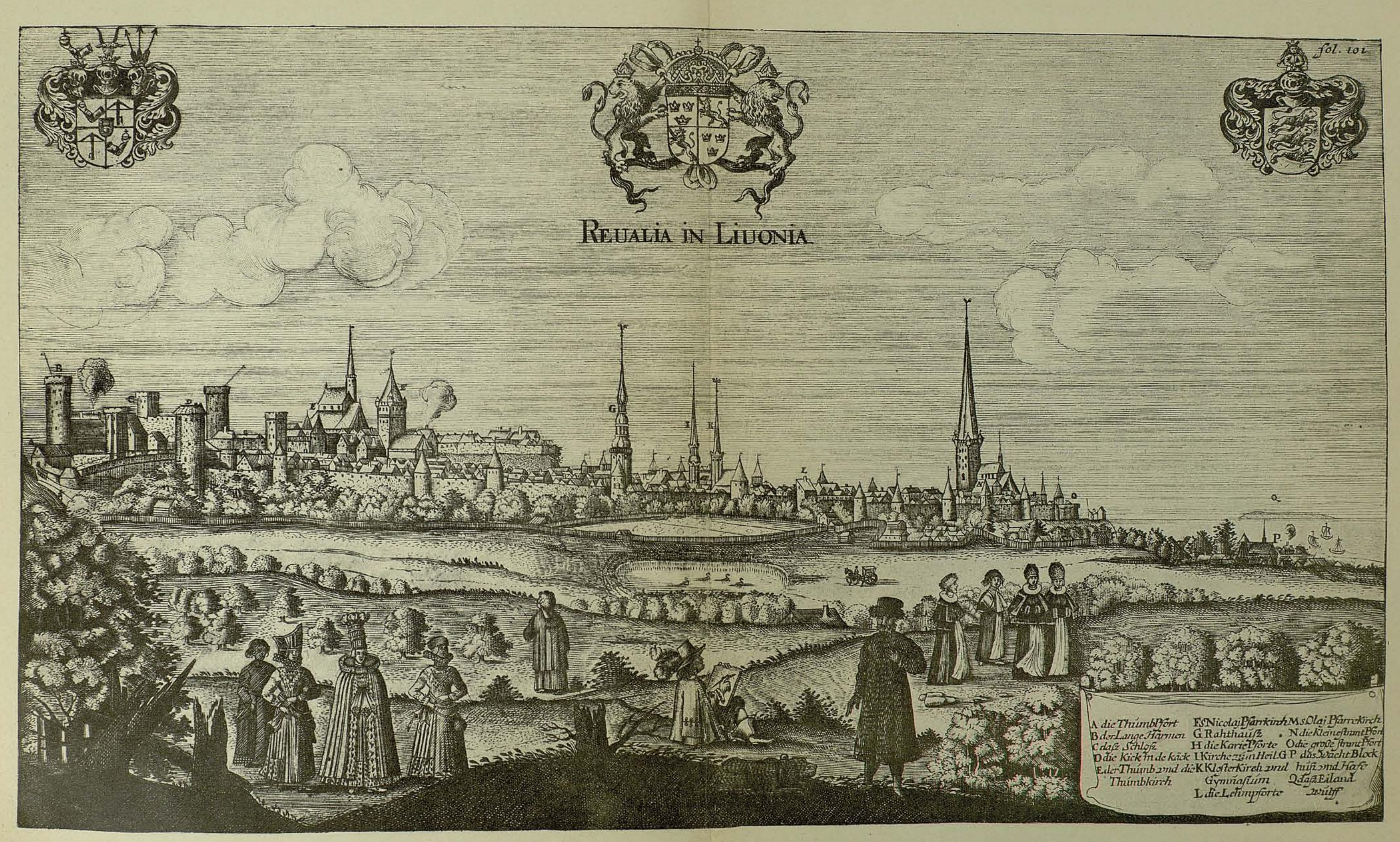
Исаака Мерси убиваютъ въ Ревелѣ.

XXIII.

(Книга II, глава 8).

О городѣ Ревелѣ.

Что касается до города Ревеля, то онъ лежитъ (подъ 59°25′ широты и, какъ полагаютъ, 48°30′ долготы) у Балтійскаго моря, а именно въ вирландскомъ округѣ княжества Эстоніи. Вѣдь Лифляндія, простирающаяся отъ рѣки Двины до Финскаго залива, дѣлится на двѣ части: Леттію и Эстонію. Послѣдняя

РЕВЕЛЬ ВЪ ЛИВОНІИ.

A. Ворота Вышгорода.
B. Длинный Германъ (башня).
C. Замокъ.
D. Башня Кикъ-ин-ди-Кёкъ.
E. Вышгородъ и вышгородская церковь.
F. Приходская Николаевская церковь.
G. Ратуша.
H. Ворота Карри (нынѣ Михайловскія).
I. Церковь св. Духа.
K. Монастырская церковь и гимназія.
L. Глиняныя ворота.
M. Приходская церковь св. Олая.
N. Малыя Морскія ворота.
O. Большія Морскія ворота.
P. Сторожевой блокгаузъ и гавань.
Q. Островъ Вульфъ.

заключаетъ въ себѣ преимущественно 5 округовъ: Гарріенъ, Вирландъ, Аллентакенъ, Іервенъ и Викъ; все это плодородныя и богатыя хлѣбомъ мѣстности.

Хотя отъ многихъ войнъ всѣ эти мѣста сильно опустѣли и одичали, тѣмъ не менѣе ежегодно здѣсь выжигается много кустарника и лѣса и земля вновь обращается въ пашни, которыя затѣмъ въ первый годъ даютъ лучшій хлѣбъ. Нужно удивляться, какъ этотъ хлѣбъ здѣсь выростаетъ пышно и прекрасно, несмотря на то, что сѣмя просто бросается въ золу и земля нисколько не унаваживается. Простая зола, сама по себѣ, ничего не въ состояніи произвести; поэтому я думаю, что урожай достигается сѣрою и селитрою, которыя вслѣдствіе пожара и оставшихся угольевъ сохраняются въ почвѣ. Вѣдь вполнѣ достовѣрно, что угольняя пыль—хорошее удобреніе, которое дѣлаетъ почву плодородною. На это я нахожу указаніе у Страбона въ концѣ пятой книги, гдѣ онъ разсказываетъ, что вокругъ горы Везувія, близъ Неаполя, земля очень плодородна потому, что гора временами извергаетъ пламя. «Быть можетъ, говоритъ онъ [кн. V, гл. 4, 8], это и есть причина плодородія окрестностей. Говорятъ, что въ Катанѣ полоса земли, покрытая золою, выброшенною огнемъ изъ Этны, сдѣлалась очень удобною для винограда, потому что зола эта содержитъ въ себѣ жиръ и глину воспламеняющуюся и плодородную. Пока глина насыщена жиромъ, она способна къ воспламененію, какъ и всякая земля, содержащая сѣру, но когда высохнетъ, потухнетъ и вывѣтрится, тогда производитъ плоды». Такъ какъ въ этихъ мѣстахъ въ Лифляндіи хорошее хлѣбопашество, то бываетъ порою, что одинъ Ревель въ состояніи вывезти нѣсколько тысячъ ластовъ ржи и ячменя. Они здѣсь варятъ доброе и крѣпкое пиво — вовсе не такое плохое, какъ говоритъ Цейлеръ въ своемъ «Itinerarium Germaniae» въ 31-ой главѣ. Въ Лифляндіи ведется и весьма хорошее скотоводство и имѣется много мелкой дичи и птицы, такъ что, сравнительно съ Германіею, здѣсь можно съ незначительными расходами вести великолѣпный столъ. Вѣдь часто мы покупали зайца за восемь мѣдяковъ (что составляетъ въ мейссенской монетѣ — 2 гроша), тетерева за три гроша, а то и дешевле.

Удобреніе полей безъ навоза.

Городъ Ревель построенъ въ 1230 г. по Р. Х. Вальдемаромъ Вторымъ, королемъ датскимъ. По величинѣ, зданіямъ и укрѣпленіямъ Ревель мало уступаетъ Ригѣ. Онъ уже давно укрѣпленъ высокими стѣнами, круглыми башнями и бастіонами, вслѣдствіе чего Московитъ, дважды нападавшій и сильно его об-

Когда построенъ городъ Ревель.

стрѣливавшій — слѣды чего и теперь видны на замкѣ у горы Тоннингсъ [Тённисъ] — принужденъ былъ отступить, ничего не добившись. Теперь же онъ еще болѣе укрѣпляется, такъ какъ его окружаютъ сильными фортами и валами подъ наблюденіемъ городскаго математика г. Гемзелія, человѣка очень искуснаго. Годъ тому назадъ, когда я былъ тамъ, уже два форта были готовы. Покровителемъ города является его величество король шведскій. Это важный торговый городъ, который, по прекрасному мѣстоположенію, какъ будто самой природой предназначенъ для торговли: объ этомъ свидѣтельствуютъ великолѣпная гавань, прекрасный рейдъ и вообще тѣ громадныя удобства, которыя отъ Бога и природы преимущественно передъ другими мѣстами дарованы этому городу для мореходства и складовъ. Поэтому этотъ городъ, тотчасъ по основаніи своемъ, самъ собою такъ привлекъ съ себѣ торговлю, что день ото дня въ немъ усиливалось населеніе, достигавшее благодаря торговлѣ громаднаго богатства, и строились великолѣпныя церкви, монастыри, жилища, фасады и стѣны. Такъ какъ при такой все болѣе усиливавшейся торговлѣ улицы и жилища вездѣ были застроены великолѣпными каменными домами и пакгаузами для защиты постоянно привозимыхъ и увозимыхъ товаровъ отъ огня и такъ какъ здѣсь все вообще устроено для торговли, то г. Ревель вообще и считается, какъ въ странѣ, такъ и внѣ ея, за важнѣйшій, а для русской торговли и склада русскихъ товаровъ удобнѣйшій коммерческій портъ на Финскомъ заливѣ. Онъ часто посѣщается судами всѣхъ націй и мѣстъ и принятъ также, вмѣстѣ съ лифляндскими городами Ригою и Дерптомъ въ болѣе чѣмъ въ 400-лѣтнее достохвальное ганзейское общество. Въ особенности же наряду съ четвертою квартирою и главнымъ городомъ Ганзы — Любекомъ, городъ Ревель, въ теченіе трехсотъ лѣтъ до бывшихъ въ Лифляндіи войнъ съ русскими, въ качествѣ виднаго сочлена союза, помогалъ содержать коллегію въ Великомъ Новгородѣ и пользовался такого рода авторитетомъ, что, безъ его совѣта и согласія, ничего не дѣлалось и никому не дозволялось изъ Лифляндіи и черезъ море торговать съ Россіею. Поэтому Ревель и получилъ и примѣнялъ, раньше другихъ городовъ, право складочнаго мѣста (jus stapulae) и право ярмарочное (jus sistendi mercatus), которое впослѣдствіи было закрѣплено за нимъ многочисленными мирными договорами между достохвальнымъ королемъ шведскимъ и великимъ княземъ московскимъ, заключенными въ 1595 г. въ Тявзинѣ, въ 1607 г. въ Выборгѣ и въ 1617 г. въ Столбовѣ.

Удобство города Ревеля для торговли.

Хотя вслѣдствіе войнъ съ русскими а, по окончаніи ихъ, вслѣдствіе зависти нѣкоторыхъ иностранцевъ, обвинявшихъ, безъ достаточнаго основанія, городъ Ревель (который только, подобно другимъ ганзейскимъ городамъ, пользуется своимъ правомъ суда и предварительнаго приговора) въ своекорыстіи и т. п., торговля въ городѣ и пала нѣсколько, тѣмъ не менѣе и посейчасъ Ревель пользуется великолѣпными льготами, унаслѣдованными имъ отъ геермейстера къ геермейстеру, отъ короля къ королю. Городъ примѣняетъ любекское право. У него имѣется свой суперинтендентъ и консисторія. Жители привержены къ чистой евангелической религіи по аугсбургскому исповѣданію; они справляютъ свое общественное богослуженіе съ почти ежедневными проповѣдями, которыя въ разныхъ церквахъ произносятся весьма искусными проповѣдниками. Здѣсь имѣется и хорошо обставленная гимназія, изъ которой ежегодно ученые студенты отправляются или—въ Дерптъ—въ лифляндскую или въ другія академіи [университеты]. Городъ управляется демократически съ привлеченіемъ гильдій, ольдерменовъ и старѣйшинъ. Въ настоящее время тамъ синдикомъ г. докторъ Іоганнъ Фестрингъ, доблестнѣйшій ученый мужъ. Въ данное время граждане, въ особенности гг. члены совѣта, а также церковные и гимназическіе чины были такъ единодушны и дружны, что намъ любо было смотрѣть на нихъ: очень часто они имѣли порядочныя собранія и пиршества, во время которыхъ ими выказывалось, по отношенію къ намъ, много почета, любви и дружбы. Въ лѣтнее время для цѣлей увеселенія въ этомъ городѣ большое удобство представляютъ находящіеся тамъ и сямъ веселые сады, рощи и другія мѣста для прогулокъ. Въ числѣ послѣднихъ въ сѣверной части гавани, въ полумилѣ отъ города находится старый разрушенный монастырь св. Бригитты, котораго стѣны и подземные сводчатые ходы еще теперь можно видѣть. Годъ тому назадъ, когда я былъ въ Ревелѣ, я видѣлъ у упомянутаго выше г. доктора Фестринга, моего дражайшаго друга, старую книгу, въ которой подробно описаны были учрежденіе и устройство, а также и гибель этого монастыря. Постройка была начата въ 1400 г. по Р. Х., когда магистръ Кордъ былъ гохмейстеромъ въ Пруссіи, магистръ Кордъ-Фитингсгофъ магистромъ въ Лифляндіи, а Іоганнъ Оке—епископомъ ревельскимъ. Началъ постройку богатый купецъ, по имени Гунсъ Свальбертъ, который, изъ особаго благочестія, отказался отъ свѣтской жизни, поступилъ въ духовный орденъ и потратилъ много денегъ, труда и хлопотъ на построеніе этого монастыря. Къ нему присоедини-

Старый монастырь св. Бригитты.

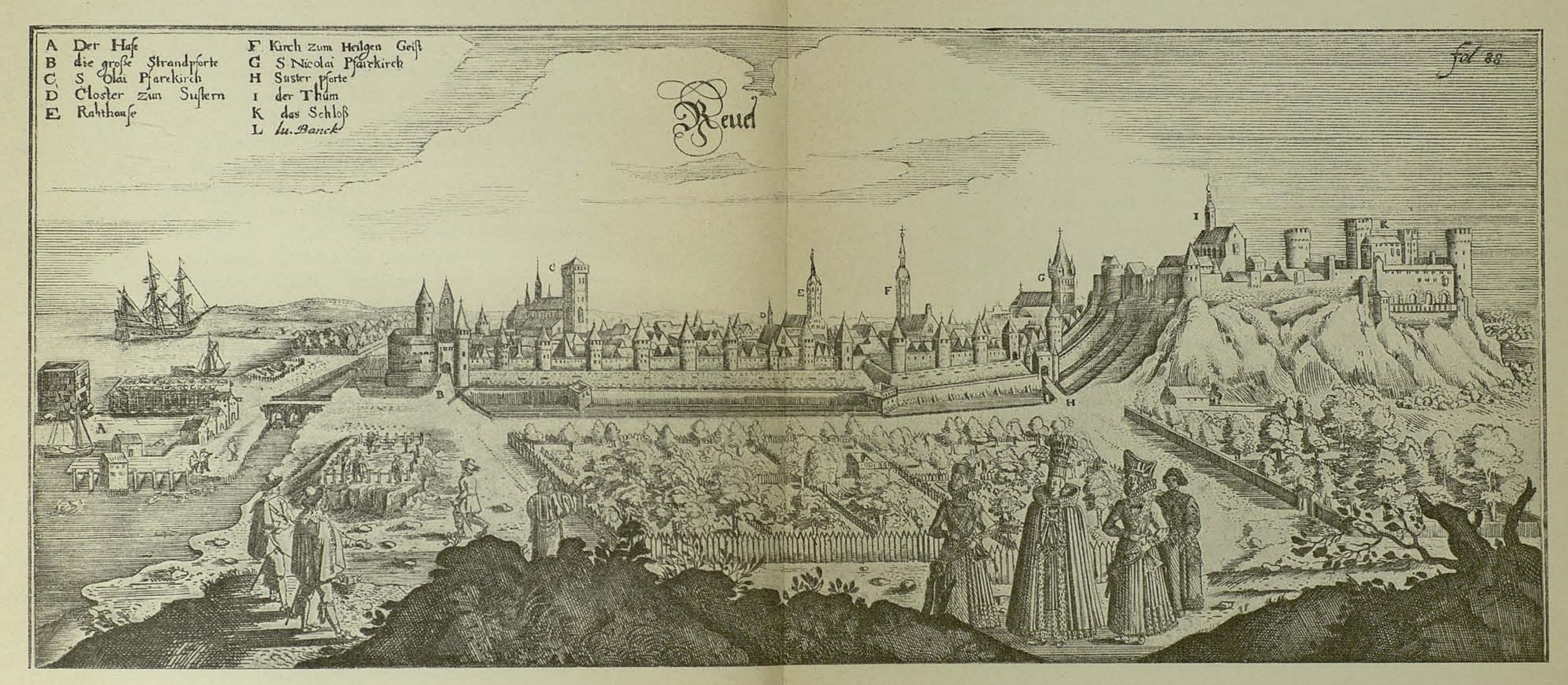
лись еще два другихъ богатыхъ купца, которыхъ звали: Гунсъ Купертъ и Герлахъ Крузе; они поступили сначала послушниками, а потомъ стали священниками. Это былъ монастырь мужской и женскій. Монахини были посвящены въ немъ въ 1431 г. въ воскресенье передъ днемъ св. Іоанна [Предтечи], а монахи въ воскресенье послѣ дня св. Іоанна. Г. Герлахъ Крузе избранъ былъ патеромъ и духовникомъ. Однако, внезапный пожаръ въ 1564 г. по Р. Х. въ день Exaudi [6-е воскресенье по Пасхѣ] совершенно сжегъ и испепелилъ весь монастырь.

У монаховъ и монахинь, какъ разсказано въ той же книгѣ, существовалъ особый способъ понимать другъ друга безъ рѣчей, а именно при помощи знаковъ пальцами и руками. Напримѣръ, если кто указательнымъ пальцемъ касался глаза, глядя вверхъ, то это обозначало: «Христосъ». Прикосновеніе тѣмъ же пальцемъ къ головѣ обозначало: «Исповѣдникъ». Приложеніе знака X къ головѣ обозначало: «Діаконъ», а 2 пальца, приложенные къ головѣ: «Аббатисса». Приложеніе указательнаго пальца къ мизинцу обозначало: «Пить». Соединеніе пяти пальцевъ обозначало: «Вода». Если указательный палецъ протягивался по груди, то это обозначало: «Читать». Если двигали кулакомъ съ поднятымъ большимъ пальцемъ, то это обозначало: «Не почитать». Если большой палецъ обнимался указательнымъ и среднемъ пальцемъ, то это обозначало «Стыдъ». Было весьма много еще другихъ подобныхъ способовъ, которые здѣсь приводить взяло бы слишкомъ много мѣста. Сказаннаго достаточно объ этомъ разоренномъ монастырѣ, въ который ревельцы часто, ради развлеченія, ходятъ гулять.

Ревельскіе граждане ведутъ доброе общеніе и дружбу съ помѣстнымъ дворянствомъ, вслѣдствіе чего усиливаются и крѣпнутъ ихъ торговля и промыслы.

О помѣстномъ дворянствѣ въ Лифляндіи, его привилегіяхъ и правахъ.

Я думаю, что будетъ весьма кстати, если я нѣсколько подробнѣе остановлюсь здѣсь на помѣстномъ дворянствѣ Лифляндіи, которое живетъ въ княжествѣ Эстоніи, и упомяну, къ славѣ его, о нѣкоторыхъ подробностяхъ. Рыцарство въ княжествѣ Эстоніи состоитъ изъ вольныхъ дворянъ, которые въ старые годы чрезвычайно стойко и мужественно отражали русскихъ. За такую особую храбрость ихъ и достойное дворянъ и рыцарей поведеніе они получили весьма великолѣпныя и прекрасныя привилегіи: прежде всего, отъ королей датскихъ, изъ которыхъ король Вальдемаръ II въ 1215 г. далъ имъ первыя рыцарскія права, позже королемъ Эрикомъ VII въ 1252 г. изложенныя въ грамотахъ; далѣе—отъ магистровъ ордена меченосцевъ, затѣмъ—

ВИДЪ ГОРОДА РЕВЕЛЯ

(по изданію 1647 года).

Городъ представленъ съ другой стороны.

A. Гавань
B. Большія Морскія ворота.
C. Приходская церковь св. Олая.
D. Систернскій монастырь.
E. Ратуша.
F. Церковь св. Духа.
G. Приходская церковь св. Духа.
H. Систернскія ворота.
I. Вышгородъ.
K. Замокъ.
L. Скамейка на берегу.

отъ гохмейстеровъ въ Пруссіи, изъ которыхъ г. Конрадъ фонъ-Юнгигенъ далъ дворянству въ Гарріи и Вирландѣ милостивое разрѣшеніе завѣщать свои имѣнія сыновьямъ и дочерямъ даже вплоть до пятаго колѣна, и наконецъ — отъ лифляндскихъ магистровъ тевтонскаго ордена, изъ коихъ г. Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ, избранный въ 1495 г. и первымъ ставшій въ 1513 г. княземъ священно-римской имперіи, оставилъ много великолѣпныхъ правилъ для княжества Эстоніи. Здѣшнее рыцарство также освобождено отъ всякаго рода повинностей, за единственнымъ исключеніемъ верховой службы. Когда впослѣдствіи рыцарство, во время войнъ съ русскими, увидѣло себя всѣми оставленнымъ и отдалось, при королѣ Эрикѣ, подъ защиту короны шведской, то достохвальные короли этого государства вполнѣ утвердили вплоть до настоящаго часа всѣ подобныя, кулакомъ [оружіемъ] пріобрѣтенныя, унаслѣдованныя и завѣщанныя привилегіи, и оставили ихъ за ними.

Дочери получаютъ право наслѣдованія въ помѣстьяхъ. Chytraeus, Saxonia, p. 20.

Администрація и юстиція сосредоточиваются въ ихъ ландгерихтѣ, въ которомъ засѣдаютъ 12 дворянъ-ландратовъ; ежегодныя сессіи происходятъ обыкновенно въ январѣ. Предсѣдателемъ является королевскій г. губернаторъ въ Эстоніи. Ему тяжущіяся стороны попеременно представляютъ по двѣ краткія записки; частныя тяжбы рѣшаются суммарнымъ порядкомъ, послѣ чего выносится приговоръ.

Въ данное время губернаторомъ былъ высокородный господинъ Филиппъ Шейдингъ, совѣтникъ его королевскаго величества и государства шведскаго. По кончинѣ его, это мѣсто занялъ его высокографское превосходительство Эрикъ Оксеншерна, баронъ въ Кюмито, владѣтель Фюгольма, Герингсгольма и Веллигардена и пр., государственный совѣтникъ его королевскаго величества и короны шведской, котораго за достохвальныя его добродѣтели городъ Ревель не знаетъ, какъ превознести; поэтому-то съ такой неохотою и разстались съ нимъ. Когда его, ради дѣлъ высочайшей важности, опять отозвали въ королевство, то недавно на эту высокую должность назначенъ былъ высокоблагородный графъ Генрихъ фонъ-Турнъ и проч., о коемъ упомянуто выше на стр. 59; онъ также совѣтникъ и проч. его королевскаго величества и государства Швеціи. Городъ Ревель и земскіе чины не менѣе надеждъ [чѣмъ на предыдущихъ губернаторовъ] возлагаютъ и на него.

Представленія о земскихъ нуждахъ дѣлаются передъ королевскимъ г. губернаторомъ и гг. ландратами начальникомъ рыцарства, который избирается изъ числа дворянъ и смѣняется

Рѣшеніе межевыхъ несогласій.

черезъ трехлѣтія. Для рѣшенія межевыхъ несогласій, очень частыхъ въ виду сильнаго смѣщенія межъ во время великихъ и продолжительныхъ войнъ съ русскими и поляками, на каждое трехлѣтіе назначаются трое манрихтеровъ [судей для феодаловъ] въ Гарріи, Вирландѣ и Викѣ; они, со своими ассессорами и съ секретаремъ, объѣзжаютъ спорныя мѣста и произносятъ судъ между тяжущимися. Кто неудовлетворенъ такимъ рѣшеніемъ, можетъ подать апелляцію въ ландгерихтъ, назначающій особыхъ коммиссаровъ для осмотра спорныхъ мѣстъ, выслушанія сторонъ и либо утвержденія, либо измѣненія приговора манрихтера. Кромѣ того у нихъ есть и четыре гакенрихтера [судьи по дѣламъ земской полиціи] въ четырехъ округахъ княжества Эстоніи: Гарріи, Вирландѣ, Іервенѣ и Викѣ. На нихъ возложенъ надзоръ за мостами, дорогами и переходами: въ виду большихъ болотъ это дѣло здѣсь не изъ легкихъ.

XXIV.

(Книга II, глава 9).

О не-нѣмцахъ или древнихъ обитателяхъ Лифляндіи.

Когда Лифляндія обратилась къ христіанской вѣрѣ.

Древніе обитатели Эстоніи, какъ и всей Лифляндіи, были язычниками и идолопоклонниками вплоть до 1170 г. по Р. X., когда, во времена императора Фридриха Барбаруссы (какъ о томъ разсказываетъ Альбертъ Кранцъ въ 6-ой книгѣ своей «Wandalia», а Хитрей въ своей «Saxonia»), они, по случаю торговыхъ сношеній, завязанныхъ здѣсь бременцами и любекцами, были обращены въ христіанскую вѣру. Какъ разсказываютъ, произошло это такъ: около указаннаго времени бременскіе купцы, торговавшіе на Балтійскомъ морѣ, бурею были занесены въ заливъ у Риги, каковое мѣсто тогда еще вовсе не было извѣстно нѣмцамъ. Здѣсь они познакомились и подружились съ людьми, жившими у залива и по берегу до Пернова, стали мѣнять съ ними товары и начали, такимъ образомъ, торговлю. Жители, какъ говорятъ, въ началѣ были весьма простоваты: они выжимали медъ, котораго въ Лифляндіи очень много, а воскъ выбрасывали какъ вещь ненужную. Когда монахъ Мейнардъ изъ Зегеберга узналъ объ этомъ, онъ, изъ особаго благочестія и по указанію св. Духа, сѣлъ на корабль, направился туда, построилъ на небольшомъ островѣ на рѣкѣ Двинѣ хижину или плохонькую часовню, пребывалъ въ ней со своимъ при-

Мейнардъ — первый епископъ въ Лифляндіи.

служникомъ или отрокомъ, съ большимъ трудомъ изучилъ языкъ варварскихъ народовъ, дружески бесѣдовалъ съ ними о правой вѣрѣ и истинномъ богослуженіи и, такимъ образомъ, постепенно научалъ ихъ христіанской вѣрѣ и многихъ изъ нихъ обратилъ. Когда же необращенный и необузданный буйный народъ зачастую сталъ нападать на новоявленныхъ христіанъ, то эти послѣдніе для защиты своей укрѣпили это мѣсто и назвали его Керкгольмъ. Такъ какъ Мейнардъ съ неослабнымъ прилежаніемъ продолжалъ поучать людей, то его, па приказанію папы Александра III, архіепископъ бременскій посвятилъ въ санъ перваго лифляндскаго епископа.

Убійство Бертольда, второго епископа.

Когда Мейнардъ скончался, Бертольдъ, аббатъ ордена цистеріанцевъ, также изъ Бремена, былъ посланъ [въ Лифляндію] епископомъ. Этотъ послѣдній, думая не только словомъ, но и мечомъ, привести варваровъ къ послушанію христіанской вѣрѣ, выступилъ противъ нихъ въ походъ. При этомъ, находясь верхомъ на буйной лошади, онъ попалъ въ середину отряда варваровъ и былъ ими умерщвленъ. Въ той же битвѣ, по преданію, погибло 1100 христіанъ и 600 эстонцевъ, какъ разсказываетъ писанная по-старосаксонски бременская хроника, имѣющаяся въ библіотекѣ моего милостивѣйшаго государя. Бертольдъ же, по преданію, положилъ начало городу Ригѣ. Іоганнъ Магнусъ въ своей «Gothorum Sveonumque historia» въ главѣ 9-ой полагаетъ, что это произошло въ 1186 г. по Р. Х.

Альбрехтъ — третій епископъ.

Послѣ Бертольда бременцы отослали въ качествѣ третьяго епископа изъ своей коллегіи—Альбрехта въ 1169 [1199] г. Онъ, какъ разсказываютъ, окончательно достроилъ Ригу и въ 1200 г. окружилъ ее стѣною. Онъ счастливо правилъ 33 года и помогъ распространить христіанскую вѣру въ Лифляндіи. Какъ усматривается изъ вышеупомянутаго манускрипта, Альбрехтъ, каноникъ въ Бременѣ, самъ, изъ ревности къ христіанской вѣрѣ, вызвался ѣхать въ Лифляндію, чтобы дѣйствовать противъ нехристіанъ. Послѣ этого онъ съѣздилъ въ Римъ, гдѣ папою былъ утвержденъ въ санѣ епископа. Папа уполномочилъ его учредить новый орденъ въ Лифляндіи и предоставить рыцарямъ, по завоеваніи страны, треть всѣхъ земель, съ тѣмъ, чтобы получилась помощь противъ язычниковъ. Изъ Рима епископъ Альбрехтъ опять вернулся домой, присоединилъ къ себѣ нѣсколько храбрыхъ мужей изъ числа друзей своихъ (наиболѣе видные изъ нихъ были Энгельбрехтъ и Теодорикъ фонъ-Тизенгаузенъ), направился съ ними, въ сопровожденіи многихъ другихъ, въ Лифляндію, учредилъ

Орденъ меченосцевъ.

орденъ меченосцевъ, въ которомъ Вино [Венно фонъ-Рорбахъ] былъ избранъ первымъ магистромъ, и со свѣжими силами выступилъ противъ варваровъ. Король Сигизмундъ польскій, подчинивъ себѣ всю Лифляндію, упразднилъ этотъ орденъ въ 1561 г. по Р. Х., послѣ того какъ онъ просуществовалъ 357 лѣтъ. Орденскимъ знакомъ у нихъ были два красныхъ меча, крестообразно наложенныхъ одинъ на другой;

этотъ знакъ они носили на своихъ плащахъ, какъ разсказываетъ Францискъ Мененій въ соч. «De Originibus Ordinum Militarium». Когда оказалось, что варвары слишкомъ сильны и часто одерживаютъ побѣды, то меченосцы призвали на помощь гохмейстеровъ, т. е. тевтонскій орденъ въ Пруссіи (по словамъ Хитрея, основанный королемъ іерусалимскимъ Фалько). Оба ордена соединенными силами покорили варварскіе народы, привели ихъ къ послушанію и насадили среди нихъ христіанскую вѣру.

И теперь еще въ Леттіи и Эстоніи много потомковъ этихъ варваровъ, не имѣющихъ ни городовъ, ни деревень, но являющихся рабами и крѣпостными на службѣ у помѣстнаго дворянства и у горожанъ въ городахъ. Они сохранили еще родную свою рѣчь. Хотя эстонскій языкъ и не имѣетъ никакого родства съ латышскимъ, но обыкновенно и эстонцевъ и латышей одинаково зовутъ «не-нѣмцами».

У нихъ имѣется и особый свой костюмъ, а именно, женщины носятъ узкія платья, въ родѣ мѣшковъ, на которыхъ сзади висятъ мѣдныя цѣпочки съ бляшками въ родѣ монетъ, а внизу, въ видѣ каймы, находятся желтые стеклянные кораллы [бусы]. На шеѣ знатнѣйшія изъ нихъ, чаще же всего кормилицы, носятъ плоскіе серебряные кружки, величиною съ полталера и съ талеръ. Кружокъ, висящій ниже всѣхъ другихъ, величиною съ деревянную дощечку или подставную тарелку. Всѣ они тонки, точно жестяные.

Одежда не-нѣмцевъ.

Незамужнія ходятъ съ непокрытыми головами зимою и лѣтомъ; волосы у нихъ, не связанные узломъ и [къ тому же] подрѣзанные, свисаютъ на плечи, такъ что съ головы они совершенно похожи на парней. Одежды ихъ изъ плохого грубаго сукна и холста, который они ткутъ и изготовляютъ сами. Лѣтомъ носятъ они обувь изъ лыка, зимою же изъ недубленныхъ грубыхъ бычачьихъ и коровьихъ шкуръ. Большинство изъ нихъ—бѣдные люди, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ того,

что на нихъ надѣто и что они кладутъ себѣ въ ротъ. Поэтому, когда справляютъ свадьбу, они, помимо того, что имъ подаритъ ихъ помѣщикъ, устраиваютъ еще складчину между собою, участвуя въ ней кто чѣмъ можетъ. Пируютъ они при этомъ такъ великолѣпно, какъ только въ силахъ.

Ихъ свадьбы.

Церемоніи и обряды свадебные у нихъ, большею частью, слѣдующаго рода. Если невѣста и женихъ изъ двухъ различныхъ деревень, то женихъ привозитъ невѣсту на лошади. Она сидитъ за нимъ и правой рукою обнимаетъ его за талію. Спереди ѣдетъ волынщикъ, затѣмъ слѣдуютъ двое дружекъ съ обнаженными саблями, которыми они крестообразно ударяютъ въ дверь брачнаго дома; потомъ они втыкаютъ ихъ остріями въ балки вверху того мѣста, гдѣ сидитъ женихъ. Женихъ, ведя такимъ образомъ свою невѣсту, имѣетъ въ рукахъ палку, въ концѣ которой защеплены два мѣдныхъ пфеннига, которые онъ уплачиваетъ за пропускъ тѣмъ, кто передъ нимъ загораживаетъ ворота. У невѣсты имѣются красныя шерстяныя ленты: ихъ она бросаетъ на дорогѣ, особенно на перекресткахъ или же гдѣ стоятъ кресты на могилахъ некрещеныхъ дѣтей, которыхъ они хоронятъ не на кладбищѣ, но у дороги.

Привозъ невѣсты.

За женихомъ слѣдуютъ въ томъ же порядкѣ верхами остальные гости, мужья со своими женами, парни съ дѣвицами.

Покрываніе лица невѣстъ.

У невѣсты, пока она сидитъ за столомъ, на голову накинутъ платокъ, покрывающій ей лицо. Подобный обычай существуетъ у московитовъ или русскихъ, а также у персовъ и армянъ.

Кстати, покрываніе лица невѣсты было весьма древнимъ обычаемъ; подобнаго мнѣнія и Плиній въ гл. 8-ой книги 21-ой. О томъ же свидѣтельствуетъ Луканъ, говоря во 2-ой книгѣ поэмы «О фарсальской войнѣ».

. . . . Робкой стыдливости легкимъ покровомъ жены новобрачной,
Кроткіе взоры ея не скрывались багряной фатою.

Точно также Тертулліанъ въ книгѣ «De virginibus velandis» [«Объ одѣваніи покрывалъ на дѣвъ»], упоминая о Ревеккѣ, которая съ покрытымъ лицомъ вышла навстрѣчу жениху своему, говоритъ въ главѣ 11-ой: «И у язычниковъ невѣсты приводятся къ мужьямъ въ покрывалахъ». Отсюда, какъ полагаютъ, получило названіе латинское слово Nuptiae «свадьба»: вѣдь слово nubere у древнихъ обозначало «покрывать», «закутывать», какъ объ этомъ можно подробнѣе прочитать у Розина въ его «Antiquitates Romanae» въ 37-ой главѣ 5-ой книги.

Какъ только не-нѣмецкіе невѣста и женихъ посидятъ немного за столомъ и поѣдятъ, ихъ зовутъ и уводятъ на постель, хотя бы это и было среди бѣла дня. Тѣмъ временемъ гости веселятся и забавляются; черезъ 2 часа новобрачныхъ опять приводятъ и затѣмъ всю ночь пляшутъ и пьютъ съ такимъ увлеченіемъ, что наконецъ одинъ тутъ, другой тамъ валятся на полъ и засыпаютъ.

Вѣра не-нѣмцевъ.

Что касается ихъ вѣры и богослуженія, то предки ихъ, какъ выше сказано, 400 лѣтъ тому назадъ были приведены къ христіанской вѣрѣ. Теперь они, наравнѣ съ лифляндскими нѣмцами, принадлежатъ къ аугсбургскому исповѣданію. Въ городахъ и деревняхъ имѣются ихъ церкви и проповѣдники, которые на не-нѣмецкомъ языкѣ проповѣдуютъ имъ Слово Божіе и совершаютъ имъ требы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ деревняхъ, въ наше время этотъ народъ очень плохо пріучали къ вѣрѣ, такъ какъ работа зачастую предпочиталась богослуженію. Поэтому они жили въ большомъ невѣжествѣ, при чемъ у многихъ не столько чувствовалось христіанское рвеніе къ истинной богобоязни, сколько сердечная привязанность къ языческимъ и идолопоклонническимъ

обрядамъ. Напримѣръ, они избираютъ въ разныхъ мѣстахъ, въ особенности на холмахъ, извѣстныя деревья, которыхъ вѣтви они вплоть до верхушки подрѣзаютъ; затѣмъ деревья обвиваютъ красными лентами, и подъ ними совершаютъ суевѣрныя заклинанія и молитвы, имѣя въ виду только сохраненіе и умноженіе благоденствія въ здѣшнемъ мірѣ самихъ молящихся и ихъ родныхъ.

Паломничество не-нѣмцевъ.

Между Ревелемъ и Нарвою, въ двухъ миляхъ отъ рыцарскаго имѣнія Кунда, невдалекѣ отъ приходской церкви стоитъ старая развалившаяся часовня, къ которой живущіе кругомъ не-нѣмцы ежегодно около дня Благовѣщенія цѣлыми толпами отправляются на паломничество. Нѣкоторые изъ паломниковъ на колѣняхъ и нагишомъ ползаютъ вокругъ лежащаго въ часовнѣ камня и приносятъ жертвы отъ кушаній своихъ, чтобы вымолить и себѣ и своему скоту благоденствіе въ теченіе года и выздоровленіе въ случаѣ болѣзней. Во время этихъ паломничествъ является и много разныхъ маркитантовъ. Кончалось дѣло не разъ обжорствомъ, пьянствомъ, блудомъ, убійствомъ и другими грубыми пороками. Въ наше время эти безобразія все еще не были вполнѣ уничтожены, хотя мѣстные проповѣдники много надъ этимъ потрудились и успѣли всетаки ослабить ихъ нѣсколько.

Колдовство и суевѣріе.

Эстонцевъ считаютъ народомъ колдуновъ и говорятъ, что колдовство такъ распространено между ними, что старики учатъ ему молодежь. Нѣкоторые изъ нихъ запомнили изъ волшебныхъ обрядовъ, которымъ учили ихъ отцы и предки, одни лишь пріемы того или иного дѣла; они убѣждены, что, стоитъ имъ упустить эти пріемы, и въ дѣлахъ у нихъ не будетъ удачи. Когда они рѣжутъ скотъ или готовятъ пищу или варятъ пиво, они всегда, раньше чѣмъ вкусить чего-либо, бросаютъ или выливаютъ часть [употребляемаго въ пищу или питье] въ огонь или въ иное мѣсто, чтобы она тамъ пропала.

Перекрещиваніе дѣтей.

Съ малыми дѣтьми они также устраиваютъ свои фокусы. Намъ сообщали, что нѣкоторые, замѣчая безпокойство дѣтей въ теченіе шести недѣль [послѣ рожденія и крещенія], тайно крестятъ ихъ вновь и даютъ имъ другое имя, ссылаясь на то, что дитя получило неправильное и неудобное имя, вслѣдствіе чего оно и безпокойно. Такъ какъ они очень склонны къ колдовству и въ то же время обременены тяжелою работою, то слѣдовало бы думать, что они (разъ они въ состояніи такъ поступать) — сдѣлаютъ со своими господами и управляющими то же, что въ свое время

Волшебство въ Италіи.

дѣлали волшебники въ Италіи. Объ этомъ отецъ церкви Авгу-

стинъ въ сочиненіи «De civitate Dei», кн. 18, гл. 18, пишетъ, что въ его время разсказывали, будто нѣкоторые хозяева въ Италіи, при помощи особо приготовленнаго сыра, превращали гостей, отвѣдывавшихъ этого сыра, въ лошадей и быковъ, заставляя ихъ въ такомъ видѣ исполнять хозяйскую работу; послѣ же работы они ихъ опять возвращали къ прежнему сознанію.

У этого народа отчасти весьма странные взгляды на загробную жизнь. Священникъ деревни у Риги сообщалъ, что латышская женщина положила въ гробъ къ трупу своего мужа иголку и нитку. Когда ее спросили о причинѣ этого поступка, она сказала: «чтобы мужъ ея на томъ свѣтѣ имѣлъ чѣмъ чинить свое платье, если оно разорвется, и не служилъ бы посмѣшищемъ для другихъ людей».

Въ виду такой простоты и такого невѣжества, которыя у нѣкоторыхъ людей царятъ въ дѣлахъ божественныхъ (а вызвано это, въ большинствѣ случаевъ, тѣмъ, что господа не слѣдятъ строго за слушаніемъ ихъ людьми Слова Божія), возникло [въ народѣ] презрѣніе къ Слову Божію и къ св. таинствамъ. Пробстъ въ Люггенгузенѣ, лежащемъ недалеко отъ Нарвы, г. магистръ Андрей Безикъ, мой добрый пріятель, разсказалъ мнѣ, напримѣръ, нѣсколько случаевъ [подобнаго отношенія къ религіи]. Между прочимъ, однажды позвали его къ старому не-нѣмецкому крестьянину, лежавшему на смертномъ одрѣ, и попросили причастить больного. Когда пробстъ спросилъ, почему теперь крестьянинъ желаетъ принять св. причастіе, а, будучи здоровъ, нѣсколько лѣтъ не обращалъ на него вниманія и не принималъ, то отвѣтъ данъ былъ такого рода: «друзья его уговорили [поступить такъ], чтобы въ случаѣ, если онъ не поправится, всетаки можно было честно похоронить его на кладбищѣ». Въ другомъ случаѣ, крестьянинъ въ весьма постыдныхъ, омерзительныхъ и богохульныхъ выраженіяхъ насмѣхался надъ своимъ сосѣдомъ, когда узналъ, что тотъ ходилъ къ св. причастію.

По какой причинѣ просятъ св. причастія.

Къ подобному варварству, помимо указанной причины (т. е. тяжкой работы), отчасти данъ былъ поводъ нѣкоторыми неучеными и неловкими проповѣдниками: вѣдь нѣкоторые дворяне, имѣющіе право патроната или назначенія священниковъ, опредѣляли проповѣдниками учителей дѣтей своихъ, какъ бы плохи тѣ не были.

Добрый церковный строй.

Когда объ этихъ непорядкахъ и высокоопасномъ состояніи христіанской церкви стало извѣстно достохвальнѣйшей коронѣ шведской, то, по почину весьма заслуженнаго передъ государ-

ствомъ шведскимъ и церковью государственнаго канцлера г. Акселя Оксеншерны (блаженной памяти) были приняты ревностнѣйшія мѣры, чтобы измѣнить ихъ и привести въ лучшее состояніе. И, такимъ образомъ, лѣтъ съ 18 тому назадъ сдѣлано было похвальное распоряженіе, чтобы сельскіе священники ежегодно имѣли собраніе подъ предсѣдательствомъ епископа, живущаго въ Ревелѣ на Вышгородѣ, и тамъ бы обсуждали благосостояніе церкви и продолженіе истиннаго богослуженія. Тутъ же происходятъ диспуты и объясненія по разнымъ предметамъ, чтò является какъ бы экзаменомъ для сельскихъ священниковъ и заставляетъ ихъ заглядывать въ книги и быть прилежными.

На этихъ собраніяхъ и при первыхъ визитаціяхъ, назначавшихся въ то или иное время, обнаружились иные столь дурные проповѣдники, что даже на самые главные вопросы они давали отвѣты плохіе и глупые — къ общему удивленію и сожалѣнію.

Магистръ Генрихъ Стааль.

При столь необходимой реформаціи и улучшеніи не-нѣмецкихъ церквей похвально дѣйствовалъ г. магистръ Генрихъ Стааль, нынѣ суперинтендентъ въ Нарвѣ, ученый человѣкъ, переведшій на эстонскій или не-нѣмецкій языкъ «Малый катехизисъ» Лютера, Евангеліе съ толкованіемъ и много другихъ нужныхъ книгъ, которые были напечатаны и могли оказать пользу и тѣмъ, кто не въ состояніи ходить въ церковь.

Генрихъ Брокманъ.

Не меньшей славы въ этомъ дѣлѣ заслуживаетъ ученѣйшій въ свое время человѣкъ г. Генрихъ Брокманъ, сначала профессоръ греческаго языка, потомъ проповѣдникъ не-нѣмецкаго сельскаго прихода, переведшій много лютеранскихъ церковныхъ пѣсенъ и псалмовъ на эстонскій языкъ въ стройныхъ стихахъ, которые теперь поются въ церквахъ.

Формула [эстонской] или не-нѣмецкой клятвы:

Nüht seisan minna NN. sihn, kui sinna Sundya minnust tahat, eht minna se kockto perrast tunnistama pean, eht se sinnane mah, kumba pehl minna seisan, Jumla ninck minnu verteenitut mah on, kumba pehl minna minno eo aial ellanut ninck prukinut ollen. Seperrast sihs wannutan minna Jumla ninck temma pöhade eest ninck kui nüed Jummal pehp sundina sehl wihmbsel pehwal, eht se sinnane mah Jumla ninck minnu verteenitut permah on, kumba minna ninck minno issa igkas prukinut ollemej. Kus ma üllekockso wannutan, sihs tulko sedda minno iho ninck hinge pehl, minno ninck keick minno lapsede pehl, ninck keick minno önne pehl emmis se üdüya pölwe tagka etc.

То есть:

«Теперь стою я, NN, здѣсь, какъ ты судья, отъ меня требуешь, для того, чтобы по справедливости заявить, что эта земля, на которой я стою, Божья и моя заслуженная земля, мнѣ принадлежавшая и въ моемъ пользованіи находившаяся издавна. Въ этомъ клянусь я Богомъ и его святыми; пусть Богъ судитъ меня за это въ день страшнаго суда. Земля эта Божья и моя заслуженная, мнѣ и отцу моему издавна принадлежавшая и находившаяся въ нашемъ пользованіи. Если я клянусь неправильно, то пусть клятва ляжетъ на тѣло и душу мою, на меня и на дѣтей моихъ и на все мое благосостояніе вплоть до девятаго колѣна...»

Латышская клятва.

Латыши около Риги, какъ разсказываютъ, кладутъ кусокъ торфа на голову и берутъ бѣлую [т. е. некрашенную] палку въ руку и, клянясь, говорятъ: «если клятва ихъ лжива, то пусть и они и ихъ скотъ такъ же засохнутъ, почернѣютъ и обѣднѣютъ».

Какъ сказано, это народъ, живущій въ рабствѣ и въ тяжкой работѣ. Поэтому у нихъ не найти много больше того, что на нихъ или при нихъ, кромѣ развѣ ихъ жилищъ въ деревняхъ. Имъ оставляютъ лишь столько земли для хлѣбопашества, чтобы они еле-еле могли пропитать себя и своихъ дѣтей въ теченіе года. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ много лѣсу, они уходятъ въ лѣсную глушь, тайкомъ устраиваютъ себѣ тамъ пашни, сѣютъ и собираютъ зерно и закапываютъ его въ землю. Если начальство узнаетъ объ этомъ, то зерно у нихъ отнимается, а крестьянина [поступившаго такъ] наказываютъ и бьютъ шпицрутенами.

Наказаніе не-нѣмцевъ.

Вотъ каково обычное наказаніе, къ которому ихъ приговариваютъ: они должны снять рубаху съ тѣла и обнажиться до бедеръ, затѣмъ лечь на землю или дать себя привязать къ столбу. Послѣ этого другой не-нѣмецъ долженъ бить ихъ шпицрутенами: количество шпицрутеновъ назначается, глядя по проступку. Берутъ обыкновенно пару шпицрутеновъ и бьютъ такъ сильно, что кровь струится съ тѣла. Особенно плохо приходится наказанному, если господинъ скажетъ: «Selcke nahk maha rexema», т. е. бить такъ, чтобы «содрать со спины кожу».

Это грубый, суровый народъ: поэтому они часто предпочитаютъ такое наказаніе денежному штрафу. Въ латышской землѣ на дворѣ господина де-ла-Барръ намъ разсказывали достовѣрныя лица такого рода случай. Старый крестьянинъ въ этомъ помѣстьѣ, за какой-то проступокъ, долженъ былъ лечь, чтобы

получить шпицрутены. Такъ какъ это былъ очень старый человѣкъ, то супруга де-ла-Барра, изъ жалости къ нему, просила, нельзя ли замѣнить наказаніе небольшимъ денежнымъ штрафомъ, напримѣръ, въ одинъ шведскій талеръ или 8 грошей.

Крестьянинъ, однако, поблагодарилъ за такую милость, раздѣлся и легъ на-земь, говоря: «Я въ свои старые годы не хочу допускать новшества и вводить перемѣны; буду поэтому доволенъ тѣмъ наказаніемъ, которое несли отцы мои».

Впрочемъ у нихъ мало имѣется денежныхъ средствъ, такъ какъ часто имъ оставляютъ одну лишь жизнь и ничего больше. И если господа что-либо упустятъ въ строгости, то за нихъ дополняютъ управляющіе. У каждаго господина (они зовутъ ихъ «Isand») имѣются въ помѣстьяхъ приказчики и помощники приказчиковъ. Послѣднихъ зовутъ «Kubias», а управляющихъ не-нѣмцы называютъ «Juncker». Въ особенности, если эти послѣдніе не получаютъ опредѣленнаго жалованья отъ своихъ господъ, но должны получать его отъ крестьянъ, то они мучатъ этихъ бѣдныхъ людей такъ, что тѣ доходятъ до отчаянія. Немного лѣтъ тому назадъ произошелъ случай, извѣстный во

Ужасный случай отчаянія.

всей Лифляндіи, когда такой преслѣдуемый крестьянинъ, у котораго управляющій хотѣлъ отнять и средства къ пропитанію, въ отчаяніи удавилъ въ своемъ домѣ по очереди жену и маленькихъ дѣтей, а затѣмъ и самъ повѣсился. Когда утромъ управляющій пришелъ, чтобы выполнить свою угрозу о продажѣ имущества и вошелъ въ темный домъ, то онъ головой задѣлъ за ноги удавленныхъ; увидѣвъ жалкое зрѣлище, онъ испугался и выбѣжалъ назадъ: навѣрное, потомъ онъ раскаявался, почему не поступилъ болѣе милостиво съ крестьяниномъ. Въ виду рабской тяжкой и трудной жизни ихъ, лифляндцы сочинили о нихъ такого рода стихи:

Ick bin ein Liffländisch Bur	Я лифляндскій мужикъ,
Mein Levend werdt my sur,	Горевать я привыкъ,
Ich stige ub den Bercken Bohm,	На березу я взберусь,
Darvan haw ick Sadel en Thom,	Уздой, сѣдломъ обзаведусь.
Ick binde de Schoe mit Baste,	Въ лыко я обутъ,
Und fülle dem Juncker de Kaste,	Юнкеру весь мой трудъ,
Ick geve dem Pastor de Pflicht,	И пáстора я надѣляю,
Und weth van Gott und Sin Worde nicht.	А про Бога и Его Слово не знаю.

Дать свободу не-нѣмцамъ было бы вредно.

Думаютъ, однако, что было бы вредно давать имъ много свободы и денегъ: какъ бы не сдѣлались они слишкомъ дерзкими. Вѣдь они до сихъ поръ не могутъ забыть, что предки ихъ владѣли этой землею, но были покорены и порабощены нѣмцами. Поэтому они—въ особенности зимою, когда пьяные выѣзжаютъ изъ города—неохотно уступаютъ встрѣчнымъ нѣмцамъ дорогу и много бранятся. Ихъ настроеніе можно было видѣть и во время безпорядковъ, происшедшихъ немного лѣтъ назадъ при нападеніи полковника Боттса, когда нѣкоторые крестьяне возмутились противъ своихъ господъ и готовы были ихъ, гдѣ только могли, либо предавать въ руки враговъ, либо умерщвлять. Нѣкоторые изъ нихъ за это потомъ были наказаны въ разныхъ мѣстахъ смертною казнью.

XXV.

(Книга II, глава 10).

Поѣздка изъ Ревеля въ Нарву; далѣе: о городѣ Нарвѣ.

Мы опять переходимъ къ нашему путешествію. Остановка наша въ Ревелѣ продолжалась уже слишкомъ двѣнадцать недѣль, когда вернулись къ намъ отосланный изъ Кальмара въ Шлезвигъ слуга нашъ съ требовавшимися для насъ вещами, а

I. ВИДЪ ГОРОДА НАРВЫ съ ингерманландской стороны. А. Замокъ. В. Нѣмецкая церковь. С. Шведская церковь. D. Предмѣстье. Е. Гавань. F. Ровъ и помѣщеніе солдатъ. G. Часть Ивангорода. Н. Рѣка Нарова. Сбоку направо надпись рисовальщика и гравера Iac. Stahl—Ch. Rothgiesser.

II. ВИДЪ ГОРОДА НАРВЫ и замка Ивангородъ съ лифляндской стороны. Надписи наверху слѣва направо: г. Нарва — Замокъ, Длинный Германъ, — Замокъ Ивангородъ. Ниже: Der flus Narva—рѣка Нарова. Слѣва внизу подписи I. Stahl и Ch. Rothgiesser.

также нашъ русскій переводчикъ Гансъ Арпенбекъ, который былъ посланъ въ Москву сообщить великому князю о продолжительной нашей задержкѣ въ пути и о кораблекрушеніи, нами испытанномъ. Послѣ этого мы пустились опять въ путь, велѣвъ гофмейстеру кое съ кѣмъ изъ людей, а также съ нашей утварью и вещами ѣхать впередъ на 30-ти саняхъ; они и выѣхали 24-го февраля изъ Ревеля. 2-го марта пустились въ путь послы, а съ ними вся остальная свита. Кое кто изъ членовъ магистрата и многіе добрые друзья провожали насъ съ милю пути; мы проѣхали въ этотъ день цѣлыя 7 миль до имѣнія Колка [Колкъ], принадлежащаго шведскому полководцу г. Якову де-ла-Гарди. 3-го с. м. мы дошли до имѣнія Кунды, принадлежавшаго г. Іоганну Мюллеру, моему покойному тестю. 4-го с. м. мы проѣхали 5 миль дальше до имѣнія г. Іоганна Фокка. 6-го марта сдѣлали мы еще 5 миль до г. Нарвы, гдѣ снова насъ встрѣтили выстрѣлами изъ двухъ большихъ орудій.

Отъѣздъ изъ Ревеля.

Городъ Нарва находится въ Аллентакенѣ на ингерманландской границѣ, въ 60-ти градусахъ отъ экватора, на быстротекущей рѣкѣ, которая у жителей зовется «Нарвскою рѣкою». Рѣка эта у города Нарвы достигаетъ почти той же ширины,

Городъ Нарва.

какъ рѣка Эльба въ Германіи. Вода въ ней бурой окраски. Она вытекаетъ изъ большого озера Пейпусъ, лежащаго въ шести миляхъ отъ города Дерпта. Менѣе чѣмъ въ полумилѣ отъ города Нарвы имѣется высокій водопадъ: вода со страшнымъ шумомъ падаетъ со скалистаго уступа и въ двухъ миляхъ за городомъ впадаетъ въ Финскій заливъ. Такъ какъ брызги воды, ниспадающей на скалы, летятъ въ высоту, то, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, до и послѣ полудня всегда получается радуга, на которую пріятно смотрѣть. Ради высокаго водопада товары изъ Пскова и Дерпта, слѣдующіе черезъ Нарву къ морю, должны въ полумилѣ выше города выгружаться и сухимъ путемъ доставляться въ городъ.

Высокій водопадъ передъ Нарвою.

Радуга.

Городъ Нарва, по преданію, построенъ королемъ датскимъ Вальдемаромъ II въ 1223 г. по Р. Х. По сю сторону воды лежитъ довольно хорошо построенный замокъ, въ которомъ въ то время находился намѣстникъ. По ту сторону воды находился окруженный тремя каменными стѣнами укрѣпленный замокъ Ивангородъ. Его, какъ полагаютъ, тиранъ Иванъ Васильевичъ велѣлъ весьма спѣшно построить и назвать по своему имени. Въ 1558 по Р. Х. тиранъ захватилъ г. Нарву, но въ 1581 г. шведскій король Іоаннъ снова завоевалъ этотъ городъ черезъ Понтуса де-ла-Гарди. За замкомъ до сихъ поръ находилось укрѣпленное мѣсто, называвшееся «русскою Нарвою»; она, какъ пишетъ Хитрей въ своей «Saxonia», была основана въ 1492 г. Здѣсь жили одни лишь русскіе и безпрепятственно отправляли въ открытой [приходской] церкви свое богослуженіе. Теперь, кажется, всѣхъ русскихъ съ той стороны выселили и перевели въ городъ. Въ наше время Нарва была невелика, но, какъ пограничная крѣпость, она была обнесена крѣпкими валами и каменными стѣнами и снабжена довольно хорошимъ гарнизономъ. На валу, лежащемъ близъ Лифляндскихъ воротъ, я нашелъ слѣдующее замѣчательное явленіе: съ высоты свода (валъ— полый извнутри и сводчатый) капала внизъ вода, превращавшаяся въ твердый камень; на землѣ получалось нѣчто съ виду похожее на вылитое сюда жидкое тѣсто.

Когда Нарва построена.

Вода, превращающаяся въ камень.

Такъ какъ торговля, раньше бывшая здѣсь весьма значительною, но уменьшившаяся вслѣдствіе войнъ, теперь опять начинаетъ направляться сюда, то, по новой распланировкѣ, предполагается расширить городъ сравнительно съ прежнимъ, раздѣлить его правильными и ровными улицами и хорошо укрѣпить. Немного лѣтъ тому назадъ стали строить здѣсь дорогіе великолѣпные каменные дома, а теперь все время строятъ

изъ камня, тѣмъ болѣе, что больше уже никому не позволяется, какъ прежде, строить изъ одного дерева. Поощряется увеличеніе построекъ ежедневно усиливающимся притокомъ купцовъ и ремесленниковъ: въ прошломъ, т. е. 1654 г., много таковыхъ направились сюда, поселились здѣсь и стали гражданами. Такъ какъ изъ-за англо-голландской войны торговыя поѣздки въ Архангельскъ сократились, то въ Нарву въ столь короткое время и изъ Германіи и изъ Россіи направилось столько товару, что—по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, которыми я располагаю—въ означенномъ году 60 судовъ, прибывшихъ изъ Западнаго [Нѣмецкаго] и Восточнаго [Балтійскаго] морей, здѣсь разгрузились и увезли драгоцѣнныхъ товаровъ на пятьсотъ тысячъ талеровъ. Мнѣ кажется, что, въ силу общихъ смѣнъ и перемѣнъ, теперь Ревель—не знаю, отъ какихъ именно мѣстныхъ невзгодъ—падетъ, а Нарва вскорѣ значительно усилится. Вотъ поэтому-то и занялись теперь тѣмъ, чтобы вновь возстановить глубину русла, которое у устья Нарвской рѣки, въ двухъ миляхъ отъ города, занесено пескомъ: [когда эта мель будетъ уничтожена, то] въ будущемъ величайшія суда окажутся въ состояніи съ полнымъ грузомъ входить въ рѣку и выходить изъ нея подъ самымъ городомъ, гдѣ они будутъ имѣть безопасную гавань.

Нарва увеличивается.

Нарвская рѣка.

И его величество король шведскій совершенно освободилъ городъ отъ подсудности придворнымъ судамъ этого государства и власти намѣстниковъ, посадивъ тамъ бургграфа. Таковымъ является въ настоящее время высокоблагородный и почтенный Филиппъ фонъ-Крузенштернъ, придворный совѣтникъ его величества короля шведскаго и генералъ-директоръ коммерціи въ Эстоніи и Ингерманландіи, многолюбимый своякъ мой. Ему дана юрисдикція въ церковныхъ и политическихъ дѣлахъ; онъ предсѣдательствуетъ и управляетъ всѣмъ, заступая мѣсто короля.

Раньше тамъ была только одна каменная церковь нѣмецкой общины; въ этой церкви иногда говорилась проповѣдь по-шведски. Теперь же, какъ говорятъ, и шведская община построила отдѣльную красивую каменную церковь, такъ что въ настоящее время и у шведской и у нѣмецкой общинъ имѣется по особой церкви. Какъ выше было сказано, тамъ находится г. магистръ Генрихъ Стааль, суперинтендентъ въ Ингерманландіи и Аллентакенѣ. Онъ нѣсколько лѣтъ уже весьма старается обученіемъ, проповѣдью и всякими побужденіями обратить въ нашу вѣру живущихъ тамъ русскихъ. Но до сихъ поръ у него въ этомъ дѣлѣ было больше хлопотъ, чѣмъ удачи.

Между Нарвою и Ревелемъ, равно какъ и въ Ингерманландіи и почти во всей Лифляндіи, вслѣдствіе громадныхъ лѣсовъ, имѣется, наряду съ полезной дичью, много хищныхъ звѣрей. Изъ хищниковъ больше всего имѣется медвѣдей и волковъ, которые наносятъ много вреда сельскимъ жителямъ.

Зимою волки безбоязненно вбѣгаютъ во дворы, а если скотъ запертъ, то они подкапываются подъ стѣны и вытаскиваютъ наружу овецъ; зачастую уносятъ они и собакъ со двора. Во многихъ мѣстахъ они ночью дѣлаютъ дороги небезопасными. Думаютъ, однако, будто можно ихъ напугать и удержать: стоитъ только волочить за санями дубину на длинной веревкѣ.

Жестокая расправа волка съ нѣсколькими крестьянами.

Въ 1634 г., 24-го января, въ $1^1/_2$ миляхъ отъ Нарвы небольшой, безъ сомнѣнія—бѣшеный волкъ встрѣтилъ 12 русскихъ крестьянъ, которые ѣхали другъ за другомъ съ санями, нагруженными сѣномъ. Волкъ, прежде всего, набросился на перваго, вскочилъ на него, захватилъ за горло и повалилъ на землю. То же сдѣлалъ онъ и еще съ другимъ. У третьяго содралъ онъ шкуру съ головы, четвертому оторвалъ носъ и щеки, пятаго и шестого также весьма сильно повредилъ. Когда задніе это увидѣли, то они сбѣжались, вступили въ бой съ волкомъ, одолѣли его и убили.

Одного изъ пораненныхъ русскихъ я, вмѣстѣ съ нашимъ докторомъ, посѣтилъ въ Нарвѣ и осмотрѣлъ его. Лицо и голова его были въ томъ ужасномъ состояніи, которое тогда же было изображено на прилагаемомъ рисункѣ. Вмѣстѣ со всѣми другими ранеными и онъ умеръ отъ бѣшенства. Шкуру этого волка набили и чучело показывали посламъ. Его жители Нарвы хранятъ, какъ память объ этой жестокой расправѣ.

Исторія о медвѣдѣ.

О медвѣдѣ разсказывалъ мнѣ почти такого же рода исторію нѣкій стрѣлокъ въ Эрмесѣ въ Лифляндіи. Въ 1630 г. въ одной деревнѣ въ тѣхъ мѣстахъ крестьянинъ поставилъ передъ шинкомъ открытую бочку съ сельдями для продажи, а самъ вошелъ въ шинокъ. Въ это время изъ лѣсу пришелъ большой сильный медвѣдь, присосѣдился къ бочкѣ и поѣлъ изъ нея, сколько ему нужно было. Послѣ этого онъ направился во дворъ къ лошадямъ, а когда крестьяне прибѣжали спасать ихъ, то онъ одновременно съ лошадьми поранилъ и нѣкоторыхъ изъ крестьянъ, заставивъ ихъ отступить. Послѣ этого онъ вошелъ въ домъ, нашелъ тамъ чанъ для варки пива, полный свѣжесвареннаго напитка; тутъ онъ напился этого пива до отвалу. Хозяйка дома, спрятавшаяся съ двумя дѣтьми на печку, въ страшной боязни молча наблюдала за недобрымъ гостемъ. Напившись, медвѣдь направился въ лѣсъ. Когда крестьяне замѣтили, что онъ началъ шататься, они послѣдовали за нимъ. На дорогѣ онъ свалился, подобно пьяному человѣку, и заснулъ; тутъ они на него набросились и убили его. Думали, что у этого медвѣдя были отняты дѣтеныши, вслѣдствіе чего онъ и странствовалъ, разыскивая ихъ.

Медвѣдь напивается и тогда его убиваютъ.

Крестьянинъ спасается отъ медвѣдя своею собакою.

Другой крестьянинъ на ночь отпустилъ свою лошадь на подножный кормъ въ лѣсъ. Когда онъ утромъ захотѣлъ вернуть ее, то нашелъ, что какой-то медвѣдь уже сидитъ возлѣ нея, успѣвъ хорошенько пообѣдать ею. Какъ только медвѣдь увидѣлъ мужика, онъ тотчасъ же оставилъ падаль, подбѣжалъ къ крестьянину, схватилъ его и въ лапахъ понесъ къ падали. Къ счастью, однако, при крестьянинѣ находилась маленькая собака; она съ лаемъ погналась за медвѣдемъ и укусила его въ пятку. Медвѣдь, желая защититься отъ собаки, выпустилъ мужика, который поспѣшно убѣжалъ. Разсказываютъ, что медвѣди— особенно въ Ингерманландіи — убиваютъ много лосей, такъ какъ эти животныя очень медлительны. Какъ передаютъ, они не щадятъ и тѣлъ покойниковъ, вырывая ихъ изъ земли, если они не слишкомъ глубоко закопаны, и съѣдая ихъ. Такъ, напримѣръ, осенью 1634 г. они за Гаккегоффомъ въ сторону Нарвы выко-

пали 13 труповъ на кладбищѣ и унесли тѣла, лежавшія въ гробахъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними.

Медвѣди выкапываютъ покойниковъ.

Немного лѣтъ тому назадъ знатная, въ этихъ мѣстахъ весьма извѣстная женщина во время путешествія застала медвѣдя, несшаго въ лапахъ трупъ, причемъ саванъ тащился за нимъ. Ея лошадь, при видѣ этого зрѣлища, зафыркала и забилась, и такъ понеслась вмѣстѣ съ санями, что женщина потерпѣла не мало опасности на рытвинахъ и камняхъ.

Разсказываютъ еще много другихъ еще болѣе странныхъ исторій про происшествія, бывшія тамъ съ медвѣдями. Напримѣръ, намъ разсказывали, какъ около Риги медвѣдь 14 сутокъ держалъ женщину въ своей пещерѣ, какъ, далѣе, подстрѣленные медвѣди захватили и угостили охотниковъ и какъ тѣ чудесно отъ нихъ спаслись, и т. п. Такъ какъ все это должно показаться невѣроятнымъ читателю, не слыхавшему еще ничего подобнаго, то я рѣшилъ въ своей книгѣ не приводить подобныхъ подробностей.

XXVI.

(Книга II, глава 11).

Отъ Нарвы до Новгорода и о Новгородѣ.

Отправленіе въ Новгородъ.

7-го марта мы опять выѣхали изъ Нарвы и вечеромъ прибыли въ Лиліенгагенъ, лежащій въ 7-ми миляхъ отъ Нарвы. 8-го с. м. мы проѣхали 6 миль до Зарѣчья. 9-го мы до полудня проѣхали 4 мили до Орлина, шведской деревни, гдѣ нашъ переводчикъ, высланный нами впередъ къ границѣ, снова встрѣтилъ насъ съ сообщеніемъ: «приставъ на границѣ насъ ожидаетъ».

Послы призвали къ себѣ знатнѣйшихъ изъ свиты и вновь любезно напомнили имъ, что, ради его княжеской свѣтлости, имъ, посламъ, должна оказываться полагающаяся честь; вслѣдствіе этого каждый обязанъ вести себя такъ, какъ требуется отъ данной должности: «вѣдь русскіе, черезъ границы которыхъ мы теперь переступаемъ, обращаютъ особое вниманіе на то, съ какимъ почтеніемъ къ посламъ относится ихъ свита». Мы, и по долгу и по охотѣ, обѣщали поступать такъ, но въ то же время просили, чтобы и съ каждымъ изъ насъ обращались милостиво, по состоянію и правамъ каждаго, и чтобы не набрасывались съ руганью на того или иного безъ различія (какъ могло бы иногда показаться); когда это намъ было обѣщано, мы весело направились навстрѣчу приставу, котораго мы встрѣтили, въ милѣ разстоянія за Орлиномъ, въ лѣсу подъ открытомъ небомъ; онъ ждалъ насъ, остановившись въ снѣгу, съ 24-мя стрѣльцами и 90 санями. Приставъ, по имени—Константинъ Ивановичъ Арбузовъ, увидя, что послы вылѣзаютъ изъ саней, также выбрался изъ своихъ саней и всталъ; онъ былъ въ зеленомъ шелковомъ кафтанѣ, обвѣшанномъ золотыми цѣпями; поверхъ кафтана висѣла длинная одежда, подбитая куницами. Когда послы направились къ нему, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу имъ, сказавъ: «Послы, снимите ваши шляпы!» Такъ какъ послы и такъ уже схватились за шляпы, то переводчикъ возразилъ: «Дорогой приставъ, это уже сдѣлано». Послѣ этого приставъ началъ читать по запискѣ: «по повелѣнію великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца и проч., воевода новгородскій князь Петръ Александровичъ Репнинъ послалъ его принять пословъ Филиппа Крузіуса

Какъ послы были приняты на границѣ.

и Оттона Брюггеманна, снабдить ихъ подводами и провизіею и сопроводить до Новгорода и Москвы». Только когда послы поблагодарили за это, приставъ подалъ имъ впервые руку, спросивъ о здоровьѣ и о томъ, каково имъ было во время поѣздки. Послѣ этого лошади были запряжены въ наши сани, и въ тотъ же день насъ довезли до деревни Звѣрин[ки], отстоящей на 6 миль [отъ предыдущаго мѣста остановки].

Прибытіе въ Великій Новгородъ.

19-го марта въ полдень мы прибыли въ Тесово, а къ вечеру въ деревню Мокрицы, лежащую въ 8-ми миляхъ отъ Звѣрин[ки]. 11-го с. м. мы достигли Великаго Новгорода. При въѣздѣ приставъ стремился насильно протѣсниться на первое мѣсто наряду съ послами, и, несмотря на ихъ противодѣйствіе, продолжалъ добиваться своего. Когда мы прибыли въ свое помѣщеніе, приставъ черезъ нашего переводчика просилъ пословъ о прощеніи за грубость къ нимъ во время въѣзда, ссылаясь на то, что сдѣлано это имъ было не по собственному почину, а по приказанію воеводы: «если бы онъ не исполнилъ этого приказанія, то на него было бы донесено великому князю и онъ подвергся бы сильной непріятности».

Высота полюса въ Новгородѣ.

Великій Новгородъ находится, какъ полагаютъ, въ 40-ка нѣмецкихъ миляхъ отъ Нарвы. Здѣсь я опредѣлилъ высоту полюса въ 58° 23′. Хотя Лундорпій въ продолженіи къ Слейдану и указываетъ на 62°, а Павелъ Іовій даже на 64°—но это было бы слишкомъ далеко къ сѣверу. Послѣдній пишетъ въ своей книгѣ «О московскомъ посольствѣ»: «Новгородъ удручается какъ бы постоянною зимою и маркомъ весьма продолжительныхъ ночей: вѣдь сѣверный полюсъ у него отстоитъ отъ горизонта на цѣлыхъ 64 градуса».

Я въ 1636 г. 15-го марта въ полдень точно опредѣлилъ высоту солнца и нашелъ, что разстояніе его отъ горизонта равно 33° 45′. Склоненіе солнца, въ виду високоснаго года, по долготѣ [прямому восхожденію] въ приблизительно 55° [5?], нужно было принимать въ 2° 8′. Если ихъ вычесть изъ высоты солнца, то получается для высоты экватора 31° 37′. Вычтя ихъ изъ 90°, мы получаемъ для высоты полюса 58° 23′. Съ этимъ вычисленіемъ согласенъ и бывшій шведскій посолъ Андрей Буреусъ, о которомъ упоминалось выше, на стр. 7; этотъ ученый, весьма свѣдущій въ математикѣ и прилежный мужъ, на своей шведско-русской картѣ ставитъ это мѣсто такимъ же точно образомъ, даже еще на 10 минутъ ниже.

Описаніе Великаго Новгорода.

Городъ Новгородъ—довольно великъ: онъ имѣетъ въ окружности—милю; ранѣе онъ былъ, однако, еще больше, какъ видно

ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ.

На рисункѣ надписи: S. Antoni Kloster—Монастырь св. Антонія, Das Schlos—Замокъ, Wolchav fluvi[us]—рѣка Волховъ. Внизу монограмма О. К. fe[cit], т. е. О. К[охъ] приготовилъ (офортъ).

по старымъ стѣнамъ, церквей и монастырей, расположенныхъ снаружи и пришедшихъ тамъ и сямъ уже въ разрушеніе. Изъ-за многихъ монастырей, церквей и куполовъ городъ извнѣ великолѣпенъ, но дома, а равно валы и укрѣпленія города, какъ и въ большинствѣ городовъ всей Россіи, сложены и выстроены изъ еловаго лѣса или балокъ. Городъ лежитъ въ ровной мѣстности у богатой рыбою рѣки Волхова, въ которой, наряду съ другими рыбами, имѣются и очень большіе, жирные и вкусные окуни: ихъ продаютъ по очень дешевой цѣнѣ. Въ этихъ мѣстахъ имѣется много добрыхъ пашенъ и пастбищъ для скота; здѣсь получается масса конопли, льну, меду и воску. Здѣсь же приготовляется прекраснѣйшая юфть, которою они много торгуютъ. Городъ лежитъ весма удобно для торговли, такъ какъ черезъ него протекаетъ судоходная рѣка Волховъ, которая беретъ начало изъ озера Ильменя, находящагося въ полумилѣ выше города, и впадаетъ въ Ладожское озеро, дающее у Нотебурга начало рѣкѣ Невѣ, изливающейся въ Финскій заливъ Балтійскаго моря. Въ прежнія времена лифляндцы, литовцы, поляки, шведы, датчане, нѣмцы и фламандцы вели оживленную торговлю съ Новгородомъ, вслѣдствіе чего онъ сталъ весьма богатъ и могуществен. Городъ этотъ нѣкогда являлся главнымъ во всей Россіи. Это была княжеская резиденція, а вся провинція [новгородская], имѣющая большое протяженіе и простирающаяся вплоть до Торжка, была особымъ княжествомъ, не подчинявшимся царю и имѣвшимъ своихъ князей и монету. Въ виду большого населенія города, богатства и могущества его, составлена гордая поговорка; говорили такъ: «А кто можетъ стояти противъ Бога да и Велика Новагорода?» Но Сенека говоритъ иначе: «Нѣтъ ничего столь великаго, что̀ бы не могло погибнуть». Каковы были на самомъ дѣлѣ могущество и неодолимость Новгорода, это городу, къ несчастью своему, пришлось не разъ испытать на себѣ. Напримѣръ, въ 1427 г. Витовтъ съ польскимъ войскомъ такъ сильно тѣснилъ его, что новгородцы должны были прійти съ мольбами и большими подарками просить о мирѣ, какъ объ этомъ разсказываетъ Соломонъ Нейгебауэръ въ 5-й книгѣ своей «Historia rerum Polonicarum»: «Витовтъ съ польскимъ войскомъ велъ войну противъ русскихъ новгородцевъ—свободный народъ,—выставляя предлогомъ споры о границахъ. Справившись, противъ ожиданія ихъ, съ трудностями пути и ставъ лагеремъ у Опочки, онъ, по униженнымъ просьбамъ и послѣ огромныхъ поднесенныхъ ему подарковъ, согласился на миръ съ ними».

Гордая поговорка новгородцевъ.

De beneficiis lib. 6, c. 31.

Витовтъ тѣснитъ Новгородъ.

Иванъ Васильевичъ Грозный беретъ Новгородъ.

Точно также и въ 1477 г. ихъ одолѣлъ тиранъ Иванъ Васильевичъ Грозный послѣ семилѣтней войны, войдя въ городъ, по совѣту и при помощи ихъ же собственнаго архіепископа Ѳеофила, съ вооруженной силою, подъ предлогомъ привода вновь къ послушанію греческой церкви нѣкоторыхъ жителей, которые казались сторонниками римской церкви. Онъ захватилъ имущество всѣхъ купцовъ и знатнѣйшихъ гражданъ, отнялъ у самого архіепископа все его золото и серебро и увезъ болѣе 300 подводъ, нагруженныхъ золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и другими драгоцѣнностями. Онъ же переселилъ въ Москву и самихъ выше указанныхъ новгородцевъ, а на ихъ мѣсто перевелъ въ городъ другихъ лицъ, обязавъ ихъ ежегодно платить большія подати. Обо всемъ этомъ подробно разсказываютъ баронъ Сигизмундъ фонъ-Герберштейнъ, при жизни котораго это событіе случилось, а также и Александръ Гваньини.

Тиранія Ивана Васильевича.

Извѣстно, что перенесли новгородцы въ 1569 г. при жестокомъ извергѣ Иванѣ Васильевичѣ, который, изъ ложнаго подозрѣнія, будто они находились въ заговорѣ противъ него съ его своднымъ братомъ (казненнымъ, по его повелѣнію, ядомъ) и сносились съ королемъ польскимъ, напалъ на нихъ съ войскомъ, перебилъ всѣхъ, кто вокругъ города и въ городѣ встрѣтились ему и его солдатамъ, изрубилъ многихъ въ куски, загналъ громадныя толпы на длинный мостъ, сбросилъ ихъ въ воду и устроилъ такое страшное кровопролитіе, какое еще неслыхано было въ Россіи. Въ этомъ избіеніи погибло 2770 знатныхъ гражданъ, не считая женщинъ, дѣтей и простонародья. Въ новгородскомъ округѣ были имъ частью разграблены, частью сожжены 175 монастырей; монахи были перебиты, а что изъ имущества не сгорѣло, то тиранъ захватилъ съ собою, какъ объ этомъ разсказываетъ Гваньини въ своей «Descriptio Moschoviae».

Большое кровопролитіе въ Новгородѣ.

Датскій дворянинъ Яковъ.

Датскій дворянинъ Яковъ [Ульфельдъ], котораго король Фридерикъ II датскій отрядилъ посломъ къ этому тирану — великому князю, разсказываетъ въ своемъ «Hodoeporicon Ruthenicum», что мертвыми тѣлами столь многихъ тысячъ жалкимъ образомъ казненныхъ людей рѣка Волховъ такъ была наполнена, что нарушено было правильное теченіе ея: она вышла изъ береговъ и должна была разлиться по полямъ. Такъ какъ эти событія случились всего за 8 лѣтъ до проѣзда посла, то ему о нихъ могли дать вполнѣ достаточныя свѣдѣнія новгородскіе жители, у которыхъ онъ отдыхалъ болѣе мѣсяца. Онъ такъ разсказываетъ въ означенномъ описаніи путешествія: «Хотя это и кажется мало вѣроятнымъ, но что все происходило въ дѣйствительности именно такъ, объ

Трупы убитыхъ задерживаютъ теченіе.

этомъ я узналъ отъ заслуживающихъ довѣрія лицъ въ Россіи, т. е. отъ людей, до сихъ поръ живущихъ въ Новгородѣ подъ московскою властью: иначе я не включалъ бы этого въ свой разсказъ». Далѣе онъ разсказываетъ, что въ то время мѣстность кругомъ Новгорода, въ виду этихъ опустошеній, была такъ гола, что если бы приставъ не распорядился доставкою провизіи изъ другихъ мѣстъ, то они померли бы отъ голода.

Примѣръ тираніи.

Такъ какъ я уже упомянулъ о жестокой тираніи, выказанной Иваномъ Васильевичемъ по отношенію къ Великому Новгороду, то я думаю, ради интереса читателей, привести, по Гваньини, еще два ужасныхъ примѣра тогдашнихъ событій.

Горестное пиршество у архіепископа.

Послѣ того какъ тиранъ—великій князь совершилъ вышеуказанное безчеловѣчное избіеніе, архіепископъ, правившій въ городѣ, попросилъ его къ себѣ, чтобы — вѣроятно, изъ страха — привѣтствовать его. Тиранъ не отказалъ ему и въ назначенный часъ явился со своими вооруженными тѣлохранителями и провожатыми. Однако, во время трапезы онъ послалъ своихъ людей разгромить богатую золотомъ и серебромъ церковь св. Софіи (въ которой знатнѣйшія лица хранили свои драгоцѣнности, считая ее за безопасное мѣсто) и выбрать все, что въ ней было. Послѣ обѣда онъ лишилъ архіепископа всѣхъ его драгоцѣнныхъ одеждъ, епископскихъ украшеній и уборовъ и сказалъ: «Теперь тебѣ уже непристойно быть архіепископомъ. Будь лучше волынщикомъ, ходи съ медвѣдемъ и заставляй его за деньги плясать. Ты возьмешь себѣ жену, которую я тебѣ выбралъ и назначилъ». Обращаясь къ другимъ игуменамъ и настоятелямъ, которые бѣжали изъ монастырей въ городъ и также участвовали въ этомъ пиршествѣ, онъ сказалъ: «Вы всѣ должны явиться на свадьбу архіепископа. Я васъ приглашаю на эту свадьбу; только вы должны принести хорошіе свадебные подарки». Послѣ этого онъ каждому велѣлъ уплатить извѣстную сумму, смотря по тому, насколько онъ того или иного считалъ состоятельнымъ. Угрозами онъ добился того, что они принесли эти деньги. Они это сдѣлали тѣмъ охотнѣе, что полагали — деньги пойдутъ обобранному архіепископу. Однако, онъ забралъ деньги себѣ, а архіепископу велѣлъ подвести жеребую бѣлую кобылу и, указывая на нее пальцемъ, сказалъ: «Смотри: вотъ твоя жена, садись на нее и поѣзжай въ Москву; тамъ я велю тебя принять въ цехъ волынщиковъ, чтобы ты наигрывалъ для пляшущаго медвѣдя». Бѣднякъ принужденъ былъ въ плохомъ суконномъ кафтанѣ сѣсть на лошадь, ноги его связали подъ брюхомъ лошади, на шею ему повѣсили лиру, цитру и волынку, и такимъ образомъ онъ

должень былъ проѣхать по Новгороду и играть на волынкѣ; такъ какъ онъ этой игрѣ никогда не учился, легко себѣ представить, какова была музыка. Архіепископъ отдѣлался отъ тирана этимъ позоромъ. Что же касается вышеозначенныхъ игуменовъ и монаховъ, то ихъ тиранъ велѣлъ предать разнороднымъ страшнымъ смертнымъ казнямъ: большинство было изрублено топорами, другіе были посажены на колъ и загнаны въ воду и утоплены.

Ѳедора Сыркова, послѣ ужасныхъ пытокъ, убиваютъ

Послѣ этого настала очередь знатнаго и богатаго человѣка Ѳедора Сыркова. Его онъ вытребовалъ въ лагерь недалеко отъ Новгорода, велѣлъ ему обвязать веревку вокругъ тѣла и протащить сквозь рѣку Волховъ. Когда тиранъ замѣтилъ, что онъ уже тонетъ, онъ велѣлъ его вытащить и спросилъ: «что онъ видѣлъ подъ водою хорошаго». Тотъ отвѣчалъ: «Великій князь! Я видѣлъ, какъ собрались всѣ черти изъ этой рѣки, изъ Ладожскаго озера и другихъ окрестныхъ водъ и дожидаются твоей души, чтобы унести ее съ собою въ бездну ада». На это тиранъ отвѣчалъ: «Хорошо! Ты это правильно разглядѣлъ. Поэтому я отблагодарю тебѣ за объясненіе видѣннаго тобою». Послѣ этого онъ велѣлъ его держать по колѣна въ котлѣ, полномъ кипящей воды, и варить его ноги до тѣхъ поръ, пока онъ не признался, гдѣ спрятаны его золото и сокровища: человѣкъ это былъ очень богатый, построившій и возстановившій на свой счетъ 12 монастырей. Когда измученный пыткою онъ велѣлъ принести 30,000 гульденовъ серебряной монетою, тиранъ велѣлъ его, вмѣстѣ съ его братомъ Алексѣемъ, изрубить въ куски и бросить въ рѣку.

Вотъ какое пораженіе и какія страшныя избіенія испыталъ въ то время добрый городъ Новгородъ, убѣдившійся тогда, какъ ему [трудно] устоять противъ силы. У него, кромѣ того, еще въ свѣжей памяти, какъ въ 1611 г. шведскій полководецъ Яковъ де-ла-Гарди съ нимъ справился и доказалъ ему ничтожество его поговорки о великомъ могуществѣ.

Теперь великимъ княземъ московскимъ назначены сюда воевода и митрополитъ, живущіе во дворцѣ, расположенномъ по сю сторону рѣки и окруженномъ крѣпкой каменной стѣною. Черезъ этихъ лицъ великій князь управляетъ городомъ и всей провинціею въ свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ.

Идолъ Перунъ.

У новгородцевъ, когда они еще были язычниками, былъ идолъ, по имени Перунъ—богъ огня (русскіе «перуномъ» зовутъ огонь). На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ идолъ, построенъ монастырь, сохранившій еще названіе отъ него: «Перунскій монастырь». Идолъ имѣлъ видъ человѣка, а въ рукахъ держалъ кремень, съ виду похожій на громовую стрѣлу или лучъ. Въ честь идола

этого они днемъ и ночью жгли костеръ изъ дубоваго лѣса, и если прислужникъ изъ лѣни давалъ погаснуть огню, его наказывали смертною казнею. Когда, однако, новгородцы были крещены и стали христіанами, они бросили идолъ въ Волховъ. Какъ они разсказываютъ, идолъ поплылъ противъ теченія, и когда онъ подошелъ къ мосту, то раздался голосъ: «Вотъ вамъ, новгородцы, на память обо мнѣ», и на мостъ была выброшена дубина. Этотъ голосъ Перуна и впослѣдствіи слышался въ извѣстные дни года, и тогда жители сбѣгались толпами и жестоко избивали другъ друга дубинами, такъ что воеводѣ стоило большого труда разнять ихъ. По сообщенію достовѣрнаго свидѣтеля — барона фонъ-Герберштейна, подобныя вещи происходили и въ его время. Теперь ни о чемъ подобномъ не слышно.

Жертвы Перуну.

По ту сторону рѣки, насупротивъ дворца, находится монастырь св. Антонія. Какъ они говорятъ, самъ св. Антоній большимъ чудомъ заставилъ построить здѣсь этотъ монастырь. Русскіе разсказываютъ, да и сами вѣрятъ, что св. Антоній въ Римѣ сѣлъ на жерновъ, поплылъ на немъ по Тибру въ море и, вокругъ Испаніи, Франціи, Даніи, черезъ Зундъ, Балтійское море, Ладожское озеро и рѣку Волховъ, доплылъ до Великаго Новгорода, гдѣ онъ вмѣстѣ съ камнемъ вышелъ на берегъ. Когда онъ увидѣлъ тутъ рыбаковъ, только что выходившихъ на ловлю, онъ уговорился съ ними за извѣстную плату, чтобы они уступили ему то, что прежде всего выловятъ. Рыбаки, закинувъ сѣти, вытащили на берегъ большой ящикъ, въ которомъ оказались церковные сосуды, книги и деньги св. Антонія. Святой устроилъ здѣсь часовню, поселился въ ней и, по преданію, въ ней же скончался и погребенъ. Говорятъ, что можно до сегодня видѣть въ ней нетлѣнное тѣло угодника и что съ больными, приходящими сюда съ молитвою, совершаются здѣсь большія чудеса. Чужихъ и иностранцевъ, однако, внутрь не пускаютъ. Показываютъ нѣкоторымъ только жерновъ, который прислоненъ къ стѣнѣ. Въ виду столь великаго чуда и въ воспоминаніе св. Антонія, они построили здѣсь большой и великолѣпный монастырь и снабдили его богатыми доходами.

Монастырь св. Антонія

Мы прожили въ Новгородѣ до 5-го дня. Воевода однажды велѣлъ прислать посламъ подарокъ въ видѣ 24-хъ приготовленныхъ кушаній всякаго рода и 16-ти различныхъ напитковъ. Точно также поступилъ и канцлеръ [дьякъ] Богданъ Ѳедоровичъ Обобуровъ, который во время предыдущаго посольства былъ нашимъ приставомъ. Послы, со своей стороны, подарили воеводѣ новую нѣмецкую карету.

Подарки воеводы.

XXVII.

(Книга II, глава 12).

Поѣздка отъ Великаго Новгорода до Москвы и въѣздъ нашъ въ Москву.

Выѣздъ изъ Новгорода.

16-го марта мы со 129-ью свѣжими лошадьми вновь выступили на саняхъ и въ тотъ же вечеръ проѣхали 4 мили до Бронницъ, гдѣ насъ вновь снабдили свѣжими лошадьми, съ помощью которыхъ на слѣдующій день мы отправились дальше и до полудня сдѣлали 40 верстъ или 8 миль до Мѣдной, а послѣ обѣда прошли 25 верстъ до яма Крестцы. 18-го с. м. прибыли мы въ Яжелбицы, черезъ 6 миль, а затѣмъ въ ямъ Зимогорье—черезъ 4 мили. 19-го с. м. сдѣлали мы 50 верстъ до Коломны, а 20-го до яма у Вышняго-Волочка—5 миль.

Дѣтскіе браки.

Въ этой деревнѣ къ намъ привели мальчика 12-ти лѣтъ, который нѣсколько недѣль передъ тѣмъ женился; въ подобный же бракъ въ Твери вступила дѣвочка въ 11 лѣтъ. Вѣдь въ Россіи такъ же, какъ и въ Финляндіи, допускаются сватовство и браки для дѣтей 12-ти-лѣтнихъ и еще болѣе юныхъ. Большею частью происходитъ это со вдовами и съ мальчиками, которыхъ родители успѣли помереть; дѣлается это, чтобы они оставались въ своихъ помѣстьяхъ и не зависѣли отъ друзей и опекуновъ.

Къ вечеру мы доѣхали до убогой деревни Выдропускъ, въ 7-ми миляхъ отъ предыдущаго мѣста. Здѣсь мы съ трудомъ помѣстились, такъ какъ тутъ было не болѣе трехъ дворовъ, а комнаты въ нихъ—въ родѣ свиныхъ хлѣвовъ. Хотя въ теченіе всей поѣздки курныя избы, повсемѣстно встрѣчавшіяся въ деревняхъ въ Россіи, были немногимъ лучше, но всетаки въ нихъ было больше удобствъ для остановокъ.

Торжокъ.

Тверь.

21-го марта мы сдѣлали 7 миль до города Торжка. 22-го с. м. мы переправились черезъ рѣку и прошли 6 миль до Троицкой-Мѣдной, а затѣмъ 6 миль до города Твери. Такъ какъ здѣсь снѣгъ успѣлъ уже стаять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются холмы, и мы на саняхъ съ трудомъ передвигались по сухому пути, то въ этотъ и слѣдующій день мы спустились на Волгу, покрытую толстымъ льдомъ, и къ вечеру прибыли къ деревнѣ Городнѣ, проѣхавъ 6 миль. 24-го с. м. мы опять перешли на сушу, переправились черезъ 2 рѣки и достигли де-

ревень Завидова и Спасъ-Заулки; послѣдняя въ 7-ми миляхъ отъ мѣста предыдущаго ночлега.

Въ теченіе этихъ дней намъ пришлось переправиться черезъ нѣсколько рѣкъ; такъ какъ онѣ не были вполнѣ покрыты льдомъ, но въ то же время не были и свободны ото льда, то оказались весьма неудобными для переправы и доставили намъ много хлопотъ. За большою деревнею Клинъ, черезъ которую мы проѣхали 25-го с. м., течетъ рѣка Сестра, впадающая въ Дубну, которая въ свою очередь течетъ въ Волгу. Въ рѣкѣ Сестрѣ намъ пришлось забивать крѣпкіе сваи впереди льда, чтобы рѣка не снесла его внизъ, пока мы переправлялись. 26-го с. м. Сестра, въ полумилѣ отъ перевоза въ предыдущій день, въ виду кривизны своей, вновь намъ повстрѣчалась на дорогѣ, и опять пришлось черезъ нее переправляться. Въ этотъ вечеръ доѣхали мы до Пѣшекъ, въ 7-ми миляхъ отъ Клина. 27-го с. м. мы переправились черезъ двѣ рѣки, и къ вечеру прошли 6 миль до Черкизова. 28-го с. м. мы проѣхали всего 3 мили до Николы-Деребни́, оттуда остается всего двѣ небольшихъ мили до города Москвы. Здѣсь мы, подобно другимъ посламъ, идущимъ этимъ путемъ, должны были обождать, пока о нашемъ прибытіи возвѣстили великому князю и сдѣлали распоряженіе о пріемѣ. Тѣмъ временемъ мы надѣли ливрейныя платья и приготовились къ въѣзду. Когда приставъ узналъ, что на слѣдующій день къ полудню ему велѣно ввести насъ въ городъ, мы двинулись въ слѣдующемъ порядкѣ:

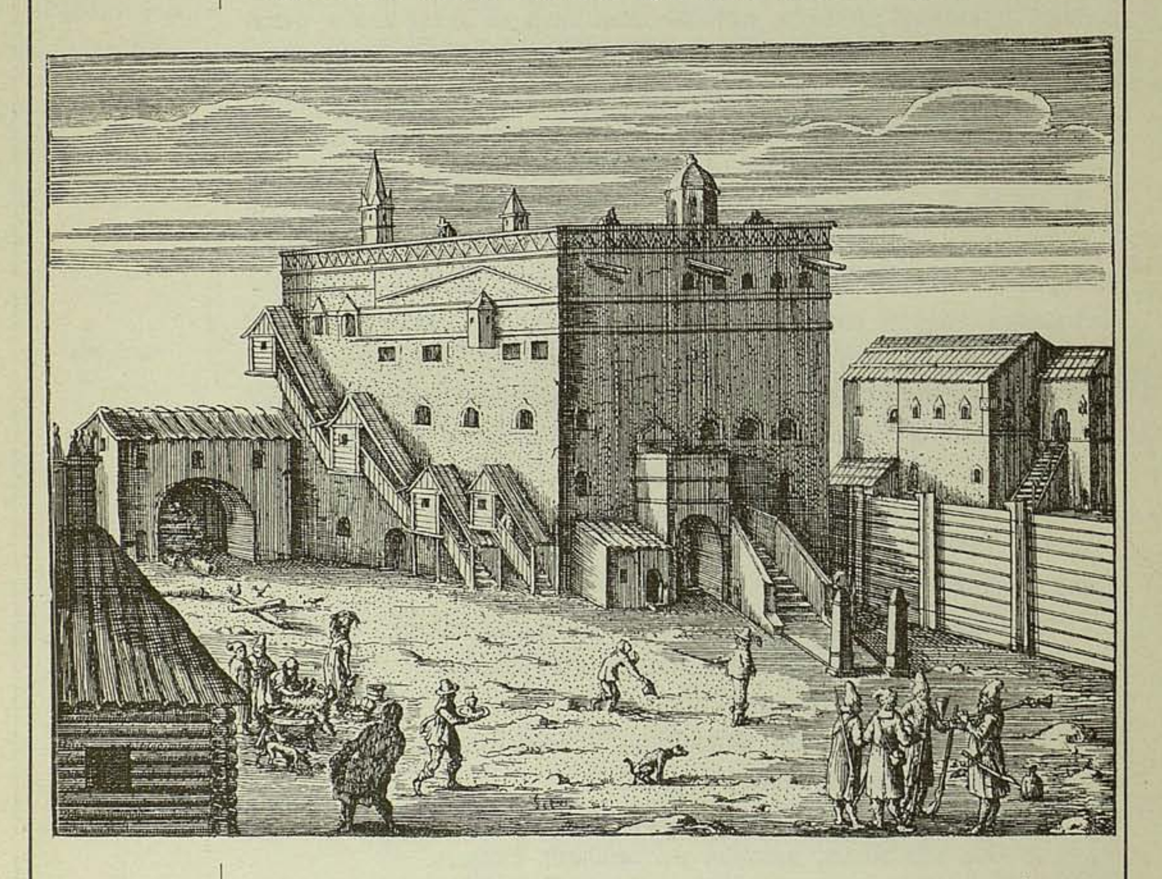
Порядокъ вторичнаго въѣзда въ Москву.

1. Спереди ѣхали 24 стрѣльца. Это были казаки, которые, вмѣстѣ съ приставомъ, проводили насъ отъ границы до сихъ поръ.
2. За ними ѣхалъ нашъ маршалъ.
3. Затѣмъ слѣдовали чиновники и гофъ-юнкера, по-три въ рядъ. Болѣе знатные шли впереди.
4. Три трубача съ серебряными трубами.
5. Оба гг. посла, каждый въ особыхъ саняхъ.

Впереди пословъ шли 6 лейбъ-стрѣлковъ со своими ружьями. Рядомъ съ послами шли 6 драбантовъ съ протазанами. За санями шли мальчики или пажи, а за ними слѣдовали остальные люди верхами. Багажъ везли позади въ добромъ порядкѣ. Приставъ ѣхалъ верхомъ, рядомъ съ послами, по правую руку. Когда мы были приблизительно въ полумилѣ отъ города, мы встрѣтили нѣсколько отрядовъ русскихъ и татарскихъ всадниковъ. Всѣ они были въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, какъ и бывшіе съ ними нѣсколько нѣмцевъ. Они проѣхали кругомъ нашего отряда и опять направились къ городу. Вслѣдъ за ними пришли другіе

отряды русскихъ, раздѣлились и поѣхали съ обѣихъ сторонъ рядомъ съ нами.

Приблизительно въ двухъ мушкетныхъ выстрѣлахъ отъ города къ намъ навстрѣчу выѣхали два пристава со многими всадниками, совершенно такимъ же образомъ, какъ при первомъ нашемъ въѣздѣ, о которомъ сказано выше на страницѣ 30-ой. Когда приставы были еще въ 20-ти шагахъ отъ насъ, они велѣли сказать, чтобы гг. послы вышли изъ своихъ саней и подошли къ нимъ. Сами же приставы сошли съ коней и обна-

жили головы не раньше, какъ когда это предварительно сдѣлано было послами. Подобнаго образа дѣйствій, насколько возможно тщательно, должны придерживаться — ради государя своего — знатнѣйшіе сановники великаго князя, въ особенности приставы его (у которыхъ съобезьянничали это нѣкоторые переводчики въ Москвѣ); за нарушеніе этого обычая имъ грозятъ немилость или кнутъ.

Какъ послы были приняты передъ Москвою.

Пріемъ пословъ произошелъ тѣмъ же способомъ, какъ въ предыдущій разъ. Старшій приставъ началъ такъ: «Великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ и проч.

(прочитанъ было по ярлыку весь великокняжескій титулъ) приказалъ намъ великаго государя Фридерика, князя голштинскаго, великихъ пословъ: тебя, Филиппа Крузіуса, и тебя, Оттона Брюггеманна, принять и проводить въ его царскаго величества столичный городъ». Другой приставъ прибавилъ: «Его царское величество отрядилъ настоящаго дворянина (т. е. гофъ-юнкера) Павла Иванова сына Салманова (такъ назывался старшій приставъ) и меня, Андрея Ивановича Чубарова, приставами для службы при васъ, послахъ». Послѣ этого выступилъ великокняжескій шталмейстеръ, также произнесъ свою рѣчь и подвелъ посламъ, для въѣзда, двѣ прекрасныхъ бѣлыхъ высокихъ лошади, украшенныхъ такъ же, какъ и въ предыдущій разъ. Знатнѣйшимъ изъ свиты доставлены были еще 12 другихъ лошадей. Насъ повели въ средній городъ, въ такъ называемый Китай-городъ, причемъ по обѣ стороны стояли нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ, разставленныхъ въ два ряда по всѣмъ улицамъ, начиная отъ крайнихъ наружныхъ воротъ и до посольскаго дома. Насъ помѣстили невдалекѣ отъ Кремля въ высокомъ каменномъ домѣ, ранѣе принадлежавшемъ архіепископу Суздальскому, который немного лѣтъ тому назадъ впалъ въ немилость и былъ сосланъ въ Сибирь. Въ обычномъ посольскомъ дворѣ въ это время находился персидскій посолъ, прибывшій незадолго до насъ.

XXVIII.

(Книга II, глава 13).

О нашемъ ежедневномъ продовольствіи и о продовольствіи, назначенномъ по особой милости; также о первой публичной и о первыхъ двухъ секретныхъ аудіенціяхъ.

Едва успѣли мы въ Москвѣ сойти съ коней и прибыть на дворъ нашъ, какъ явились русскіе и доставили изъ великокняжеской кухни и погреба разныхъ яствъ и питей, причемъ каждому послу, а также шести старшимъ служащимъ ихъ напитки назначены были особо. Въ томъ же родѣ съ этихъ поръ ежедневно стали снабжаться кухня и погребъ наши, пока мы находились въ Москвѣ. Доставлялось намъ:

Ежедневное продовольствіе въ Москвѣ.

Ежедневно:

62 хлѣба, каждый въ 1 копѣйку или любекскій шиллингъ.
Четверть быка.
4 овцы. 12 куръ. 2 гуся.
Заяцъ или тетеревъ.
50 яицъ. 10 копѣекъ на свѣчи.
5 копѣекъ на кухню.

Еженедѣльно:

1 пудъ (т. е. 40 фунтовъ) масла.
1 пудъ соли.
3 ведра уксусу.
2 овцы и 1 гусь.

Напитковъ ежедневно:

15 кувшиновъ для господъ [пословъ] и гофъ-юнкеровъ, а именно: 3 самыхъ малыхъ—водки, 1—испанскаго вина, 8—различныхъ медовъ и 3 — пиво. Кромѣ того для людей нашихъ доставлялись: 1 бочка пива, боченокъ меду и еще небольшой боченокъ водки.

Это продовольствіе доставлено было намъ вдвойнѣ въ день нашего пріѣзда, а также въ Вербное воскресенье, день св. Пасхи и день рожденія молодого принца. Кушанья мы велѣли нашему повару готовить по нѣмецкому способу. Намъ не только услуживали люди, назначенные для службы при нашемъ дворѣ, но и приставы, приходившіе ежедневно въ гости къ посламъ. У воротъ двора, правда, находился десятникъ или капралъ съ 9-ю стрѣльцами, но какъ только мы побывали на публичной аудіенціи или, какъ они говорятъ, «увидѣли ясныя очи его царскаго величества», намъ опять при уходѣ и приходѣ, приглашеніи и посѣщеніи гостей стала предоставляться прежняя или даже еще бо̀льшая свобода, безо всякаго со стороны русскихъ противодѣйствія.

Публичная аудіенція у великаго князя.

3-го апрѣля пословъ на прежнихъ лошадяхъ съ обычнымъ блескомъ проводили на публичную аудіенцію. При поѣздѣ придерживался тотъ же порядокъ, что и во время въѣзда: только секретарь, ѣхавшій одинъ впереди пословъ, несъ въ протянутой вверхъ рукѣ княжескія вѣрительныя грамоты, завернутыя въ красную тафту. Стрѣльцы и народъ стояли толпами на улицахъ отъ посольскаго двора до Кремля и аудіенцъ-зала. Кон-

ныя эстафеты, по русскому обыкновенію, часто и поспѣшно отправлялись отъ дворца къ посламъ, принося приказаніе то ускорять, но замедлять ѣзду, то даже останавливаться. Дѣлалось это для того, чтобы его царское величество во-время успѣлъ сѣсть на престолъ для аудіенціи.

Церемоніи и великолѣпіе дальнѣйшей аудіенціи совершенно соотвѣтствовали тому, что было годъ тому назадъ, на первой аудіенціи. Изъ сводчатой передней, полной сановитыхъ русскихъ, двое вельможъ вышли навстрѣчу посламъ, приняли ихъ и привели предъ его царское величество. Царь самъ спросилъ о здоровьѣ его княжеской свѣтлости, такъ же, какъ и прежде, принялъ вѣрительную грамоту, далъ руку для поцѣлуя и пожаловалъ насъ своимъ столомъ. Обо всемъ этомъ подробнѣе разсказано выше на страницѣ 37-й, къ которой я и отсылаю благосклоннаго читателя. *Стр. 36.*

Пропозиція, которую посолъ Крузіусъ сдѣлалъ на этой аудіенціи, была изложена слѣдующимъ образомъ:

Пропозиція на публичной аудіенціи.

«Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи (здѣсь былъ сказанъ весь титулъ, какъ онъ данъ на страницѣ 30-й), державнѣйшій царь и великій князь! Вашему царскому величеству свѣтлѣйшій высокородный князь и государь Фридерикъ, наслѣдникъ норвежскій, герцогъ шлезвигскій, голштинскій, стормарнскій и дитмарсенскій, графъ ольденбургскій и дельменгорстскій, милостивѣйшій князь и государь нашъ, присылаетъ свой привѣтъ друга, дяди и свояка и желаетъ всего лучшаго по родственному, его княжеской свѣтлости, расположенію.

«Прежде всего его княжеская свѣтлость очень былъ бы обрадованъ, если бы ему возвѣстили, что ваше царское величество съ молодымъ государемъ и наслѣдникомъ и со всѣмъ царскимъ домомъ находятся въ добромъ тѣлесномъ здравіи, въ счастливомъ мирномъ правленіи и во всяческомъ высокомъ царскомъ благополучіи. Онъ желаетъ отъ всего сердца, чтобы Всевышній милостиво сохранилъ надолго всѣ сіи блага вашему царскому величеству и всему царскому дому.

«Вслѣдъ за симъ вашему царскому величеству его княжеская свѣтлость приноситъ свою благодарность друга, дяди и свояка за то, что ваше царское величество по родственному чувству соизволили на свободный пропускъ насъ, пословъ его княжеской свѣтлости, черезъ великія свои государства и земли въ Персію и обратно. По сему его княжеская свѣтлость опять отправилъ насъ съ настоящимъ вѣрительнымъ письмомъ и при-

казалъ при этомъ, чтобы все, что раньше относительно свободнаго пропуска въ Персію и обратно говорилось и рѣшалось, теперь было въ точности подтверждено ратификаціею, переданною намъ его свѣтлостью, и чтобы мы также представили вашему царскому величеству еще иныя вещи.

Къ вашему царскому величеству теперь его княжеская свѣтлость обращается съ просьбою друга, дяди и свояка разрѣшить намъ тайную аудіенцію, выслушать нашу просьбу и сдѣлать по ней благопріятное рѣшеніе. По отношенію къ вашему царскому величеству его княжеская свѣтлость, со своей стороны, свидѣтельствуетъ свою готовность ко всѣмъ услугамъ и свою дружбу дяди и свояка, о чемъ мы считаемъ необходимымъ вкратцѣ объявить отъ имени его княжеской свѣтлости. Кромѣ того, мы, съ должнымъ почтеніемъ, рѣшаемся поручить милости вашего царскаго величества насъ самихъ».

Милостивое дарованіе стола послѣ аудіенціи.

Послѣ аудіенціи одинъ изъ кравчихъ великаго князя, князь Семенъ Петровичъ Львовъ, прибылъ верхомъ и доставилъ милостиво пожалованныя великимъ княземъ кушанья: всего 40 блюдъ, все, въ виду, поста—рыбныя блюда, вареныя и жареныя, а также печенья и овощи (безъ мяса) и 12 кувшиновъ напитковъ.

Когда столъ былъ накрытъ и блюда приготовлены, кравчій собственноручно подалъ посламъ и знатнѣйшимъ чинамъ свиты каждому по чашѣ крѣпкой водки. Потомъ онъ взялъ большія золотыя чаши и велѣлъ пить круговую за здоровье его царскаго величества, а затѣмъ—молодого принца и его княжеской свѣтлости. Князю подаренъ былъ большой бокалъ, а прислугѣ, принесшей столъ, нѣсколько рублей денегъ. Послѣ этого князь уѣхалъ обратно.

Мы сѣли за столъ и попробовали нѣкоторыхъ русскихъ кушаній, изъ которыхъ иныя были приготовлены очень хорошо, но большей частью съ лукомъ и чеснокомъ. Остальныя мы разослали переводчикамъ и добрымъ друзьямъ въ городѣ.

Тѣмъ временемъ персидскій посолъ на своемъ дворѣ, лежавшемъ близъ нашего помѣщенія, устроилъ веселую музыку литаврами, свирѣлями и трубами. Питіе здравицъ насъ и такъ уже настроило очень весело, и мы тѣмъ паче были побуждены провести этотъ день въ весельѣ и добромъ расположеніи, чему сильно содѣйствовали и различные великолѣпные напитки, доставленные намъ великимъ княземъ.

Первая тайная аудіенція.

5-го апрѣля насъ повели къ первой тайной аудіенціи. Бояре и вельможи, удѣлившіе намъ аудіенцію, были тѣ же, что исполняли это порученіе въ предыдущемъ году, за исключеніемъ

КРЕМЛЬ. Замокъ въ Москвѣ.

Этотъ рисунокъ въ увеличенномъ видѣ повторяетъ приведенный въ текстѣ на стр. 151. Внизу направо надписъ: Chr. Rothgiesser Husum fecit. — т. е. Хр. Роттиссеръ (изъ) Гузума (въ Голландіи) приготовилъ этотъ офортъ).

государственнаго концлера Грамотина, отказавшагося отъ службы, за старостью. Его замѣнилъ Ѳедоръ Ѳедоровъ сынъ Лихачевъ.

Одинъ изъ нашихъ лакеевъ умираетъ.

Пока шла аудіенція, дома у насъ умеръ одинъ изъ нашихъ лакеевъ Францъ Вильгельмъ изъ Пфальца: 8 дней тому назадъ, во время поѣздки, изъ опрокинувшихся саней ему упала на грудь шкатулка или дорожный ящикъ Брюггеманна, находившійся у него на храненіи. Трупъ мы на третій день благоприлично похоронили; такъ какъ покойный былъ реформатскаго исповѣданія, то гробъ сначала понесли въ кальвинистскую церковь, гдѣ произнесено было надгробное слово. Послѣ этого похоронили его на нѣмецкомъ кладбищѣ. Для этихъ похоронъ великій князь прислалъ къ намъ съ приставомъ пятнадцать своихъ бѣлыхъ лошадей.

Другая тайная аудіенція.

9-го сего мѣсяца мы имѣли другую тайную аудіенцію.

XXIX.

(Книга II, глава 14).

Какъ русскіе торжественно справляли праздникъ Входа въ Іерусалимъ или Вербное Воскресенье и праздникъ Пасхи.

Празднованіе русскими Входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ.

10-го апрѣля, въ Вербное Воскресенье, русскіе торжественной церемоніей справляли праздникъ Входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Великій князь, котораго въ предыдущій день просили о позволеніи посмотрѣть на это зрѣлище, прислалъ посламъ обычныя ихъ двѣ лошади и еще 15 лошадей. Противъ воротъ Кремля намъ отвели просторное мѣсто, а русскихъ, которыхъ передъ Кремлемъ собралось болѣе 10-ти тысячъ человѣкъ, велѣно было отстранить, чтобы мы лучше могли видѣть процессію. За нами, на помостѣ, о которомъ говорится на страницѣ 50-ой, должны были стоять персидскіе послы со своею свитою. Процессія, направлявшаяся изъ Кремля въ Іерусалимскую церковь, шла въ такомъ порядкѣ:

Сначала великій князь со своими боярами былъ въ церкви Пресвятой Маріи и слушалъ тамъ обѣдню. Потомъ онъ вышелъ въ торжественной процессіи, вмѣстѣ съ патріархомъ, изъ Кремля.

Впереди, на очень большой и широкой, но весьма низкой телѣгѣ, везли дерево, на которомъ было нацѣплено много яблоковъ, фигъ и изюму. На деревѣ сидѣли 4 мальчика въ бѣлыхъ сорочкахъ, пѣвшіе: «Осанна».

За нимъ слѣдовали многіе попы въ бѣлыхъ ризахъ и драгоцѣнномъ богослужебномъ одѣяніи. Они несли хоругви, кресты и иконы на длинныхъ палкахъ и пѣли въ одинъ голосъ. У нѣкоторыхъ были въ рукахъ кадильницы, которыми они размахивали въ сторону народа. Далѣе шли знатнѣйшіе гости или купцы. За ними шли дьяки, писцы, секретари и, наконецъ, князья и бояре, иные съ пальмовыми вѣтвями.

Потомъ слѣдовалъ великій князь въ великолѣпныхъ одеждахъ и съ короною на головѣ. Его вели подъ руки знатнѣйшіе государственные совѣтники, какъ-то князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій и князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ. Самъ онъ велъ за длинныя уздцы лошадь патріарха. Лошадь была покрыта сукномъ; ей были придѣланы длинныя уши для сходства съ осломъ. Патріархъ сидѣлъ на ней бокомъ; на его бѣлую круглую шапку, осыпанную очень крупнымъ жемчугомъ, также была надѣта корона. Въ правой рукѣ его находился золотой, осыпанный драгоцѣнными камнями крестъ, которымъ онъ благословлялъ окружающій народъ. Народъ же весьма низко кланялся и крестился на него и на крестъ его. Рядомъ съ патріархомъ и позади него шли митрополиты, епископы и другіе попы, несшіе то книги, то кадильницы. Тутъ же находились 50 мальчиковъ, одѣтыхъ большею частью въ красное; одни снимали передъ великимъ княземъ свои одежды и разстилали ихъ на дорогѣ, другіе же вмѣсто одежды разстилали разноцвѣтные куски сукна (локтя въ два величиною), для того чтобы великій князь и патріархъ прошли по нимъ. Когда великій князь подошелъ къ посламъ, и послы ему поклонились, то онъ остановился и отправилъ къ нимъ своего старшаго переводчика Ганса Гельмса, велѣвъ спросить о здоровьѣ ихъ. Онъ обождалъ, пока переводчикъ опять вернулся къ нему, и потомъ продолжалъ идти дальше къ церкви. Пробывъ въ церкви съ полчаса, они опять вернулись въ прежнемъ порядкѣ. Великій князь опять постоялъ около мѣста пословъ и велѣлъ имъ сказать, что въ этотъ день они получатъ кушанья съ его стола. Однако, вмѣсто этого, намъ лишь удвоенъ былъ обычный нашъ кормъ или провіантъ.

Патріархъ даетъ великому князю за то, что тотъ ведетъ его лошадь, 200 рублей или 400 рейхсталеровъ. Это Вербное Воскресенье и въ другихъ русскихъ городахъ справляется съ подобною же торжественностью: патріарха при этомъ замѣняютъ епископы или попы, а великаго князя—воеводы.

Праздникъ Пасхи у русскихъ.

17-го апрѣля, въ день св. Пасхи, среди русскихъ было большое веселье, какъ въ виду веселаго дня Воскресенія Христова, такъ и въ виду конца ихъ продолжительнаго поста. Въ этотъ день, а также и въ теченіе 14 дней послѣ него всѣ рѣшительно, знатные и простые люди, молодые и старые обзаводятся крашеными яйцами. На всѣхъ улицахъ ходятъ безчисленные торговцы яйцами, продающіе подобныя вареныя и украшенныя разными красками яйца.

Пасхальное привѣтствіе.

Когда они встрѣчаются на улицахъ, то привѣтствуютъ другъ друга поцѣлуемъ въ уста. При этомъ одинъ говоритъ «Христосъ воскресе», другой отвѣчаетъ: «Воистину воскресе».

И рѣшительно никто, ни мужчина, ни женщина, ни вельможа, ни простого званія человѣкъ не откажетъ другому въ такомъ поцѣлуѣ и привѣтствіи, равно какъ и въ крашеномъ яйцѣ. Самъ великій князь раздаетъ подобныя пасхальныя яйца своимъ знатнымъ придворнымъ и служителямъ. У него было даже обыкновеніе, въ пасхальную ночь, до прихода къ заутренѣ, посѣщать тюрьмы, открывать ихъ, давать всѣмъ заключеннымъ (а таковыхъ всегда бывало не мало) по яйцу и овчинному полушубку со словами: «пусть они радуются, такъ какъ Христосъ, умершій ради ихъ грѣховъ, теперь воистину воскресъ». Послѣ этого онъ опять приказывалъ запирать тюрьмы и уходилъ въ церковь.

Въ теченіе всего времени Св. Пасхи раньше не только происходило по частнымъ домамъ посѣщеніе добрыхъ друзей, но прилежно посѣщались духовными и свѣтскими лицами, женщинами и мужчинами простые кабаки или дома для распитія пива, меда и водки. При этомъ всѣ они такъ напивались, что не разъ видѣли ихъ лежащими на улицахъ, такъ что родственникамъ приходилось класть пьяныхъ на телѣги или сани и везти домой; при такихъ обстоятельствахъ понятно, что по утрамъ то и дѣло попадались на улицахъ убитые и до-гола ограбленные. Теперь, благодаря патріарху, нѣсколько поубавились эти слишкомъ уже большія безобразія въ посѣщеніи кабаковъ.

XXX.

(Книга II, глава 15).

Объ особыхъ аудіенціяхъ Брюггеманна, о нашихъ аудіенціяхъ третьей, четвертой, пятой и послѣдней тайной, равно какъ и объ аудіенціяхъ иныхъ народовъ; кромѣ того вообще о бывшихъ въ то время событіяхъ.

Первая особая аудіенція Брюггеманна.

29-го апрѣля посолъ Брюггеманнъ, согласно съ своей просьбой, имѣлъ у бояръ особую тайную аудіенцію. Безъ своего сотоварища онъ съ немногими провожатыми поѣхалъ въ Кремль, былъ отведенъ въ казенный дворъ, и здѣсь его въ особомъ помѣщеніи выслушивали около двухъ часовъ. О его предложеніяхъ здѣсь, сдѣланныхъ не по приказанію свыше, а по собственному его почину, другой посолъ г. Крузіусъ ничего не долженъ былъ знать.

3-ья, 4-ая и 5-ая тайныя аудіенціи.

6-го мая гг. послы вмѣстѣ имѣли третью, а 17-го мая четвертую аудіенцію. 27-го с. м. они имѣли пятую и послѣднюю аудіенцію.

Соколиная охота.

30-го мая, съ соизволенія великаго князя, гофмейстеръ молодого князя предпринялъ соколиную охоту и пригласилъ на нее знатнѣйшихъ служителей пословъ. Онъ прислалъ намъ собственныхъ своихъ лошадей и вывелъ на двѣ мили за городъ на веселую поляну, гдѣ онъ, позабавившись охотою, угощалъ насъ подъ палаткою—водкой, медомъ, пряниками, астраханскимъ виноградомъ и вишневымъ вареньемъ.

Празднованіе дня рожденія молодого принца.

1-го іюня былъ день рожденія молодого принца князя Ивана Михайловича. Этотъ день былъ высокоторжественно отпразднованъ русскими. Чтобы мы приняли участіе въ праздникѣ, намъ обычный провіантъ доставленъ былъ вдвойнѣ.

2-ая особая аудіенція Брюггеманна.

3-го с. м. посолъ Брюггеманнъ вторично поѣхалъ одинъ въ Кремль и втайнѣ бесѣдовалъ съ боярами.

4-го с. м., наканунѣ Св. Троицы, его царское величество со своими боярами и совѣтниками сидѣлъ на аудіенціи и давалъ отпускъ всѣмъ другимъ посламъ, которые одновременно съ нами находились въ Москвѣ.

Отпускъ персидскихъ, греческихъ и татарскихъ пословъ.

Прежде всего поѣхалъ въ Кремль персидскій посолъ—«купчина» или купецъ. Онъ вернулся съ наброшеннымъ на плечи русскимъ краснымъ атласнымъ кафтаномъ, подбитымъ прекрасными соболями. Подобный обычай существуетъ и въ Персіи при отпускѣ.

После него поѣхали въ Кремль греки и армяне, а, наконецъ, и нѣкоторые татары, спустившіеся внизъ со своими рекредитивами и подарками, которые они несли открыто.

12-го с. м. прибылъ къ Москвѣ нашъ кухонный писецъ Іаковъ Шеве изъ Германіи: мы его оставили позади, чтобы онъ привезъ намъ нѣсколько подарковъ для персидскаго шаха, изготовлявшихся въ Данцигѣ. Его, однако, задержали на три дня передъ городомъ, пока канцлеръ успѣлъ доложить о немъ его царскому величеству, предпринявшему тогда поломничество внѣ города, и испросить разрѣшеніе на въѣздъ его.

15-го с. м. великій князь со своей супругою вновь вернулся. Великій князь имѣлъ за собою своихъ бояръ и придворныхъ людей, а великая княгиня—тридцать шесть своихъ дѣвицъ и прислужницъ въ красныхъ платьяхъ и бѣлыхъ шляпахъ, съ которыхъ на спину свисали длинные красные шнуры. Вокругъ шеи у нихъ висѣла бѣлая фата; всѣ онѣ замѣтно были нарумянены. Онѣ ѣхали на лошадяхъ по-мужски.

17-го с. м. я былъ отправленъ послами въ канцелярію, чтобы кое-что передать государственному канцлеру. Такъ какъ канцлеръ пожелалъ, чтобы я, ради большаго почета, былъ введенъ приставомъ, то мнѣ, вслѣдствіе этого, пришлось довольно долго простоять въ сѣняхъ съ простыми русскими и лакеями и ждать, пока наконецъ нашли и доставили нашего пристава.

Старшій и младшій канцлеръ приняли меня любезно, давъ также благопріятный отвѣтъ на мою просьбу. Окно и столъ у нихъ были покрыты прекраснымъ ковромъ; а передъ канцлеромъ стояла большая и красивая серебряная (впрочемъ пустая) чернильница. Какъ мнѣ разсказали, и коверъ и чернильница были приготовлены передъ моимъ приходомъ, а затѣмъ опять были убраны. Обыкновенно у нихъ въ канцеляріяхъ не очень опрятно. Поэтому-то, вѣроятно, и задержали меня въ передней.

XXXI.

(Книга II, глава 16).

Какъ мы собрались въ путь въ Персію, и сколько человѣкъ мы взяли съ собою изъ Москвы.

20-го с. м. прибыли приставы и писцы и сообщили отъ имени его царскаго величества, что теперь можно будетъ въ любое время отправиться изъ Москвы въ Персію: посольство не

теперь, но уже только по возвращеніи своемъ будетъ допущено къ рукѣ его царскаго величества; теперь подобное допущеніе не шло бы въ виду того, что посольство не прощается окончательно и не уходитъ домой. На послѣдней аудіенціи его царское величество долженъ вручить рекредитивы и передать его княжеской свѣтлости свой привѣтъ, чего нельзя сдѣлать въ виду предстоящаго еще персидскаго путешествія пословъ.

Вслѣдствіе этого мы приготовились въ путь для дальнѣйшей поѣздки и велѣли приготовить нѣсколько лодокъ, чтобы на нихъ проѣхать изъ Москвы до Нижняго. Такъ какъ тамошную дорогу намъ изобразили весьма опасной—особенно предупреждали насъ насчетъ казаковъ и разбойниковъ на Волгѣ—то послы, съ соизволенія его царскаго величества, приняли на нашу службу и на дорогу въ Персію съ собою 30 человѣкъ царскихъ солдатъ и офицеровъ.

Великокняжескіе солдаты, отправившіеся съ нами въ Персію.

Это были:

Гуго Краффертъ — Родомъ изъ Шотландіи.
Іоганнъ Киттъ, Эрдваль Юнгеръ — Поручики.

Вильгельмъ Моррой — Застрѣленъ въ Испагани индѣйцами.
Александръ Эйкенгудтъ, Вильгельмъ Бурлей, Георгъ Фропёсенъ — Сержанты.
Даніель Глёнъ, каптенармусъ.

Простые слуги.

Тобіасъ Гансенъ, барабанщикъ, который вскорѣ же упалъ изъ лодки въ рѣку Оку и утонулъ.

Александръ Чаммерсъ, найденный за Шемахою мертвымъ на телѣгѣ, послѣ того, какъ онъ былъ боленъ нѣсколько дней передъ тѣмъ.

Карлъ Стексъ—застрѣленъ въ Испагани индѣйцами.

Андрей Тодтъ—тоже застрѣленъ индѣйцами.

Петръ Шмокъ.

Михаилъ Сиберсъ.

Куртъ Янсонъ.

Генрихъ Долль.

Лоренцъ Римъ.

Давидъ Лонде.

Вильгельмъ Моррой.

Грилисъ Томсонъ.

Яковъ Якобсонъ.

Іоганнъ Киттъ.

Георгъ Ватсонъ.

Ричардъ Рёлингъ.

Карлъ Ольсонъ—застрѣленъ индѣйцами въ Испагани.

Вильгельмъ Гой—украденный татарами во время обратной поѣздки, когда онъ у города Тарки слишкомъ далеко отошелъ отъ лагеря.

Томасъ Стокдомъ.
Вильгельмъ Групсъ—умеръ въ Испагани отъ дисентеріи.
Рицердъ Мейсонъ.
Георгъ Шееръ, профосъ.
Кромѣ нихъ для гребли и всяческой простой черной работы на морѣ и на сушѣ были наняты нѣкоторые русскіе, какъ-то:
Симонъ Кириловъ сынъ.
Ларька.
Филька Юрьевъ.
Ларивонъ Ивановъ сынъ.
Иванъ Ивановъ сынъ, будучи въ Персіи, умеръ отъ дисентеріи.

Всѣ эти люди съ нѣсколькими металлическими орудіями, которыя мы привезли съ собою изъ Германіи, а также съ иными орудіями для метанія камней, купленными нами въ Москвѣ, вмѣстѣ съ утварью нашею и съ посудою, 24-го и 25-го іюня были посланы впередъ въ Нижній Новгородъ.

XXXII.

(Книга II, глава 17).

О польскихъ послахъ, какъ они прибыли подъ Москву и какъ они вели себя съ русскими.

Прибытіе польскихъ пословъ въ Москву.

26-го с. м. прибыли подъ Москву польскіе послы или, какъ они это называютъ, великіе гонцы. Ихъ ввели въ городъ въ тотъ же день. Когда эти послы замѣтили нѣкоторыхъ изъ насъ, выѣхавшихъ за городъ посмотрѣть на въѣздъ, то они, обнаживъ головы, любезно кивнули намъ и привѣтствовали насъ. Между тѣмъ по отношенію къ русскимъ приставамъ они оставались неподвижными и серьезными.

Точно также приставы, къ большой своей досадѣ, должны были первыми сойти со своихъ лошадей и обнажить свои головы передъ послами. Поляки говорили, что такъ и должно поступать, такъ какъ они вѣдь прибыли не для того, чтобы привѣтствовать русскихъ, но — чтобы быть привѣтствуемыми.

Посламъ не были доставлены и обычныя въ такихъ случаяхъ великокняжескія лошади для въѣзда: дѣло въ томъ, что незадолго передъ тѣмъ другой великій польскій посолъ не принялъ ихъ, такъ какъ захотѣлъ въѣхать на своей собственной лошади. Упоминаемый мною великій посолъ (о которомъ я нахожу нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ) прибылъ вскорѣ послѣ освобожденія отъ осады Смоленска и пораженія русскихъ

Дѣйствія польскаго посла въ Москвѣ.

передъ этимъ городомъ. Какъ намъ разсказывали, онъ во всемъ поступалъ наперекоръ русскимъ. Во время публичной аудіенціи онъ произнесъ свою рѣчь не стоя, но сидя, и когда при произнесеніи королевскаго титула бояре, согласно съ обычаемъ своимъ, не захотѣли снимать шапокъ, онъ сталъ горячо и съ бранью возражать на это, прекратилъ произнесеніе своей рѣчи и молчалъ, пока его царское величество не кивнулъ боярамъ, чтобы тѣ обнажили свои головы.

Хотя его величество польскій король не велѣлъ представлять подарковъ, но посолъ отъ себя лично поднесъ великому князю красивую карету. Когда, однако, и ему поднесены были нѣсколько сороковъ соболей, то посолъ не захотѣлъ ихъ принять. Тогда и великій князь отослалъ его карету обратно.

Какъ говорятъ, онъ велѣлъ пристава сбросить съ лѣстницы, на что его царское величество весьма сильно разгнѣвался. Царь велѣлъ его спросить: «сдѣлано ли это по приказанію короля или по собственному его усмотрѣнію? Если это ему приказано, то его царскому величеству придется до времени ничего не рѣшать по этому поводу. Побѣда въ рукахъ Божіихъ, Богъ даетъ ее, кому захочетъ. Правда, на сей разъ побѣда досталась его королевскому величеству, но въ другой разъ уже этого не будетъ. Если же его царскому величеству станетъ извѣстно, что посолъ поступилъ такъ по собственному почину, то онъ напишетъ о томъ королю, который, безъ сомнѣнія, не оставитъ такого поступка безъ наказанія».

Такъ какъ этотъ великій посланникъ или великій гонецъ не отнесся съ уваженіемъ къ русскому великолѣпію и пышности при въѣздѣ, то ему устроили въѣздъ тѣмъ болѣе скромный.

XXXIII.

(Книга II, глава 17 bis).

Русскій паспортъ.

Когда мы теперь закончили дѣла наши въ Москвѣ, мы приготовились къ дальнѣйшей поѣздкѣ и получили отъ великаго князя нижеслѣдующаго вида открытый листъ, обращенный къ мѣстнымъ великокняжескимъ воеводамъ и слугамъ и переведенный царскими толмачами. Изъ него можно усмотрѣть канцелярскій стиль русскихъ.

Великокняжескій паспортъ, данный въ дорогу посламъ.

Его царскаго величества
данный княжескимъ голштинскимъ посламъ
открытый листъ.

«Отъ великаго государя [ц҃ря] и великаго князя Михаила Θеодоровича всея Россіи, съ Москвы до городовъ Коломны, Переяславля, Рязани, Касимова, Мурома, Нижняго Новгорода, Казани и Астрахани нашимъ боярамъ и воеводамъ и дьякамъ и всѣмъ нашимъ начальнымъ лицамъ.

«По нашему указу отпущены изъ Москвы въ Персію къ персидскому шаху Сефи, для переговоровъ о ходѣ и торгѣ голштинскихъ купцовъ, голштинскаго князя Фридерика послы и совѣтники Филиппъ Крузіусъ и Оттонъ Брюггеманнъ, а съ ними же отпущены изъ Москвы въ Персію ихъ голштинскіе нѣмецкіе люди, 85 человѣкъ, а также стража изъ нашихъ наемныхъ служилыхъ московскихъ нѣмцевъ, принятыхъ ими въ числѣ 30 человѣкъ; кромѣ того позволено имъ, для усиленія свиты, принанять въ Нижнемъ или въ Казани или въ Астрахани, въ качествѣ провожатыхъ для путешествія въ Персію, 11 человѣкъ добровольцевъ, русскихъ или нѣмцевъ. Въ Нижнемъ же позволяется имъ нанять или принять двухъ штурмановъ, знающихъ основательно путь по Волгѣ. А какъ они въ Персіи побываютъ и будутъ въ обратномъ пути въ Голштинскую землю, черезъ нашу Московскую державу, то имъ, голштинскимъ посламъ, въ равной мѣрѣ дозволяется и жалуется, когда вновь имъ понадобится, принанять для стражи или для работы, къ тѣмъ сорока людямъ, еще въ Астрахани или въ Казани или гдѣ имъ удобно будетъ, русскихъ и нѣмецкихъ добровольцевъ, сколько имъ будетъ надобно. А сколько и какихъ людей и въ какомъ городѣ они по нашему указу примутъ, и тѣхъ людей они поименно пусть пошлютъ для отписки и допроса въ тѣ города къ нашимъ боярамъ и воеводамъ и къ дьякамъ, дабы было о нихъ вѣдомо. А если они вернутся изъ Персіи зимнимъ путемъ, то позволено имъ нанять на собственныя деньги изъ нашихъ русскихъ людей тѣхъ, кто захочетъ наняться, вмѣстѣ съ подводами, нужными для проѣзда.

А въ приставы посланъ изъ Москвы къ Астрахани астраханскій дворянинъ Родіонъ Горбатовъ. А какъ Родіонъ съ голштинскими послами въ какой городъ прибудетъ, и вы бы, наши бояре, воеводы, дьяки и всѣ наши начальные люди, Родіона и голштинскихъ пословъ съ нимъ во всѣхъ мѣстахъ пропускали, безо всякой задержки. А какъ побудутъ они въ Персіи и опять

поѣдутъ обратно въ Голштинскую землю черезъ нашу Московскую державу, вы бы дозволили имъ, голштинскимъ посламъ, по сему нашему паспорту, когда имъ понадобится, для стражи на Волгѣ и дорогахъ принанимать работниковъ, къ 40-ка [помянутымъ] людямъ, въ Астрахани или Казани или гдѣ имъ удобнѣе и сколько имъ понадобится. И когда и сколько и въ какомъ городѣ на пути въ Персію они наймутъ нашихъ русскихъ или нѣмецкихъ людей, указано тѣхъ людей поименно для допроса и отписки послать въ тѣ города къ вамъ для вѣдома, чтобы не было среди нихъ разбойниковъ или бѣглыхъ холоповъ. А какъ голштинскіе послы вернутся изъ Персіи зимнимъ путемъ, вы бы дозволили имъ, чтобы они наняли нашихъ русскихъ людей съ подводами на свои деньги, сколько имъ понадобится. И чтобы также не дѣлалось имъ никакой задержки, когда они изъ Москвы поѣдутъ въ Персію и опять когда они изъ Персіи вернутся къ намъ въ Москву, а также чтобы и ни въ какомъ городѣ не происходило никакого обмана. А голштинскихъ пословъ держать въ чести, ихъ людямъ оказывать всяческую дружбу. Сами же голштинскіе послы и люди ихъ на пути въ Персію и изъ Персіи къ намъ обратно въ Москву всѣмъ нашимъ русскимъ людямъ не будутъ производить никакого об-

мана, ни насилія, ни разбоя, ни также приказывать брать кормъ для себя и для людей своихъ насиліемъ. Напротивъ, приказано и позволено имъ покупать, какъ для самихъ себя, такъ и для собственныхъ людей и для принятыхъ и нанятыхъ людей, на пути въ Персію и на обратномъ пути изъ Персіи, всяческій кормъ, за собственныя деньги, у всѣхъ, кто имъ захочетъ что-либо продать. Писано въ Москвѣ въ лѣто 7144-ое, іюня въ 20-ый день.

Царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ
всея Россіи.
Дьякъ Максимъ Матюшкинъ».

XXXIV.

(Книга III, глава 1).

О русскомъ государствѣ, его провинціяхъ, рѣкахъ и городахъ.

Протяженіе Россіи въ длину и ширину.

Россія или, какъ нѣкоторые говорятъ, «бѣлая Русь» (именуемая по главному и столичному городу Москвѣ, лежащему въ серединѣ страны, обыкновенно Московіею) является одною изъ самыхъ крайнихъ частей Европы, граничитъ съ Азіею и имѣетъ весьма большое протяженіе: она простирается по длинѣ на 30° или 450 нѣмецкихъ миль, по ширинѣна 16° или [2]40 миль. Если обратить вниманіе на то, что̀ теперь находится подъ властью царя или московскаго великаго князя, то оказывается, что границы Россіи на сѣверъ или полночь заходятъ за полярный кругъ и примыкаютъ къ Ледовитому океану, на востокъ или утро доходятъ до большой рѣки Обь, протекающей черезъ Ногайскую Татарію; на югѣ или къ полудню примыкаютъ къ крымскимъ или перекопскимъ татарамъ, а на западѣ или къ вечеру сосѣдями Россіи являются Литва, Польша, Лифляндія и Швеція.

Русская земля дѣлится на разныя княжества и провинціи, большею частью вошедшія въ содержаніе титула великаго князя, приведеннаго на страницѣ 30-й. Первымъ и важнѣйшимъ изъ нихъ было раньше княжество Володимерское или Владимирское, какъ теперь они его называютъ, расположенное между обѣими рѣками Волгою и Окою. Въ немъ еще имѣется старинный городъ и кремль того же названія. Онъ построенъ великимъ княземъ Володимеромъ въ 928 г. [1096 ?] по Р. Х. и при немъ

и при слѣдующихъ великихъ князьяхъ былъ царскою столицею, пока великій князь [Иванъ] Данилов[ич]ъ [[Михайловичъ]] не вывелъ оттуда престолъ и перенесъ его въ Москву.

Другія княжества раньше имѣли своихъ князей и государей, которые ими управляли, но теперь всѣ они—въ большинствѣ случаевъ усиліями тирана Ивана Васильевича — путемъ войнъ подчинены царскому и московитскому скипетру.

Рѣки въ Россіи.

Черезъ эти земли и провинціи текутъ многія прекрасныя, длинныя и судоходныя рѣки: я могу, пожалуй, сказать, что подобныя имъ врядъ ли можно найти еще гдѣ-либо въ Европѣ. Главнѣйшая изъ нихъ—Волга, длину которой—только отъ Нижняго Новгорода до Каспійскаго моря — мы опредѣлили въ 500 нѣмецкихъ миль, не считая ея изгиба отъ истоковъ до Нижняго, что составило бы еще 100 миль слишкомъ. Днѣпръ или Борисѳенъ также прекрасная рѣка; онъ отдѣляетъ Россію отъ Литвы и впадаетъ въ Понтъ Эвксинскій или Черное море. Въ томъ же родѣ и Двина, впадающая у Архангельска въ Бѣлое море. Ока и Москва—также довольно большія рѣки, которыя, однако, нѣсколько меньше, чѣмъ три предыдущихъ. Мы не говоримъ уже о многихъ иныхъ менѣе значительныхъ рѣкахъ, которыя доставляютъ пропитаніе жителямъ какъ по удобству своему для торговли, такъ и богатымъ уловомъ рыбы.

Истоки рѣкъ.

Слѣдуетъ при этомъ обратить особое вниманіе на то, что эти рѣки не берутъ—какъ это обыкновенно бываетъ—начало въ горахъ и скалахъ (таковыхъ нѣтъ во всемъ великомъ княжествѣ), но въ лужахъ, болотистыхъ и песчаныхъ мѣстахъ.

Города въ Россіи.

Въ Россіи находится много большихъ и по своему великолѣпныхъ городовъ, среди которыхъ знатнѣйшіе — Москва, Великій Новгородъ, Нижній Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ (впрочемъ, этотъ послѣдній городъ сначала принадлежалъ не русскимъ, но литовцамъ и королю польскому, какъ о томъ можно прочесть въ «Московской хроникѣ» Петрея; однако въ 1514 г. московиты заняли его, въ 1611 г. онъ снова былъ завоеванъ Сигизмундомъ, королемъ польскимъ, въ 1632 году его вновь осаждалъ великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, которому однако пришлось съ большими потерями и безславно снять осаду; теперь же, въ минувшемъ 1654 г., городъ, по соглашенію, опять достался великому князю), Архангельскъ (большой приморскій и торговый городъ), Тверь, Торжокъ, Рязань, Тула, Калуга, Ростовъ, Переяславль, Ярославль, Угличъ, Вологда, Владиміръ, Старая Русса. Отъ послѣдняго города, какъ нѣкоторые думаютъ, Россія получила свое названіе.

Перечисленные мною—знатнѣйшіе города въ Россіи, но, и помимо ихъ, Россія имѣетъ очень много небольшихъ городовъ, много мѣстечекъ и безчисленное количество деревень.

Кремли въ Россіи. Въ городахъ тамъ и сямъ встрѣчаются кремли, которые, однако, въ большинствѣ случаевъ, подобно самымъ городамъ, построены изъ бревенъ и балокъ, наложенныхъ другъ на друга, что является плохою защитою отъ поджигателей.

Имѣются также кое-гдѣ въ Казанской, Астраханской и другихъ Татаріяхъ, подчиненныхъ великому князю, хорошіе города. Такъ какъ однако они не относятся собственно къ Россіи, то мы разсмотримъ ихъ въ разсказѣ о нашемъ проѣздѣ черезъ нихъ и мимо нихъ.

Городъ Москва. Что касается Москвы, столицы и главнаго города всего великаго княжества, то она вполнѣ того стоитъ, чтобы подробнѣе на ней остановиться.

Она получила названіе отъ рѣки Москвы, которая протекаетъ черезъ южную часть города и омываетъ Красную стѣну. Баронъ фонъ-Герберштейнъ пишетъ, что, какъ онъ узналъ у другихъ, полюсъ поднятъ надъ московскимъ горизонтомъ на 58°, но что самъ онъ со своею астролябіею, 9-го іюня въ полдень, нашелъ высоту солнца въ 58°. Полагая по новому календарю, что солнце находилось въ 18° Близнецовъ (♊) и имѣло склоненіе въ 23°, я вычитаю это число изъ высоты солнца и получаю высоту экватора въ 35°. Если это число вычесть изъ цѣлаго квадранта [четверти круга] въ 90°, то получается въ остаткѣ 55°, а не 50°, какъ ему хотѣли вычислить по опредѣленной имъ высотѣ. Впрочемъ, если даже считать и по старому календарю, все-таки выйдетъ не по его мнѣнію. Я лично, послѣ многократнаго изслѣдованія высоты полюса, опредѣлилъ ее въ 55°36′ широты. Въ первомъ изданіи у меня по ошибкѣ типографа напечатано 56°. Что касается долготы Москвы, то она составляетъ 66°, насколько мнѣ удалось вычислить по прохожденію луны черезъ меридіанъ. *Высота полюса.*

Городъ этотъ лежитъ по серединѣ и какъ бы въ лонѣ страны, и московиты считаютъ, что онъ отстоитъ отовсюду отъ границъ на 120 миль; однако, мили не вездѣ одинаковы. Величину города въ окружности надо считать въ три нѣмецкихъ мили, но раньше, какъ говорятъ, онъ былъ вдвое больше. Матвѣй изъ Мѣхова пишетъ, что Москва въ его время была вдвое больше Флоренціи въ Тосканѣ или вдвое больше Праги въ Чехіи. Она совершенно — вплоть до Кремля — погорѣла въ 1571 году при большомъ набѣгѣ крымскихъ или перекопскихъ татаръ; то же

самое произошло съ нею вторично въ 1611 г., когда ее сожгли поляки. Объ этомъ разсказываютъ Гельмольдъ въ своей «Chronica Slavonica», Хитрей въ «Saxonia» въ своемъ разсказѣ о томъ же годѣ, Меттеранъ (впрочемъ—подъ 1572 г.) и Петрей въ «Московской хроникѣ» на стр. 40-ой; говорятъ объ этомъ и сами русскіе. Настоящій планъ города, какъ онъ расположенъ и какъ въ настоящее время окруженъ валами и укрѣпленіями, читатель можетъ видѣть въ нашей книгѣ.

Говорятъ, еще теперь насчитывается до 40-ка тысячъ пожарищъ.

Деревянные дома.

Жилыя строенія въ городѣ (за исключеніемъ домовъ бояръ и нѣкоторыхъ богатѣйшихъ купцовъ и нѣмцевъ, имѣющихъ на дворахъ своихъ каменные дворцы) построены изъ дерева или изъ скрещенныхъ и насаженныхъ другъ на друга сосновыхъ и еловыхъ балокъ, какъ это можно видѣть на нѣкоторыхъ рисункахъ, особенно на страницахъ 25-ой и 45-ой. Крыши крыты тесомъ, поверхъ котораго кладутъ бересту, а иногда — дернъ. Поэтому-то часто и происходятъ сильные пожары: не проходитъ мѣсяца или даже недѣли, чтобы нѣсколько домовъ, а временами, если вѣтеръ силенъ — цѣлые переулки не уничтожались огнемъ. Мы въ свое время по ночамъ иногда видѣли, какъ въ 3—4 мѣстахъ заразъ поднималось пламя. Незадолго до нашего прибытія погорѣла третья часть города и, говорятъ, четыре года тому назадъ было опять то же самое. При подобномъ несчастьѣ стрѣльцы и особые стражники должны оказывать огню противодѣйствіе. Водою здѣсь никогда не тушатъ, а зато немедленно ломаютъ ближайшіе къ пожару дома, чтобы огонь потерялъ свою силу и погасъ. Для этой надобности каждый солдатъ и стражникъ ночью долженъ имѣть при себѣ топоръ.

Стр. 25 и 45.

Много пожаровъ.

Чтобы предохранить каменные дворцы и подвалы отъ стремительнаго пламени во время пожаровъ, въ нихъ устраиваютъ весьма маленькія оконныя отверстія, которыя запираются ставнями изъ листового желѣза.

Тѣ, чьи дома погибли отъ пожара, легко могутъ обзавестись новыми домами: за Бѣлой стѣной на особомъ рынкѣ стоитъ много домовъ, частью сложенныхъ, частью разобранныхъ. Ихъ можно купить и задешево доставить на мѣсто и сложить.

Улицы широки, но осенью и въ дождливую погоду очень грязны и вязки. Поэтому большинство улицъ застлано круглыми бревнами, поставленными рядомъ; по нимъ идутъ какъ по мосткамъ.

Дѣленіе города.

Весь городъ русскіе дѣлятъ на 4 главныхъ части: первая называется Китай-городомъ, т. е. «среднимъ городомъ», такъ какъ

она занимаетъ средину, обозначенную на планѣ буквою В; она окружена толстою каменною такъ называемою «Красною стѣною». Съ южной стороны, какъ уже сказано, стѣна эта омывается рѣкою Москвою, а съ сѣвера рѣкою Неглинною, которая за Кремлемъ соединяется съ Москвою рѣкою. Почти половину этой части города занимаетъ великокняжескій замокъ Кремль, имѣющій окружность величиною и шириною съ цѣлый городъ, съ тройными каменными стѣнами, окруженными глубокою канавою и снабженными великолѣпными орудіями и солдатами. Внутри находится много великолѣпныхъ, построенныхъ изъ

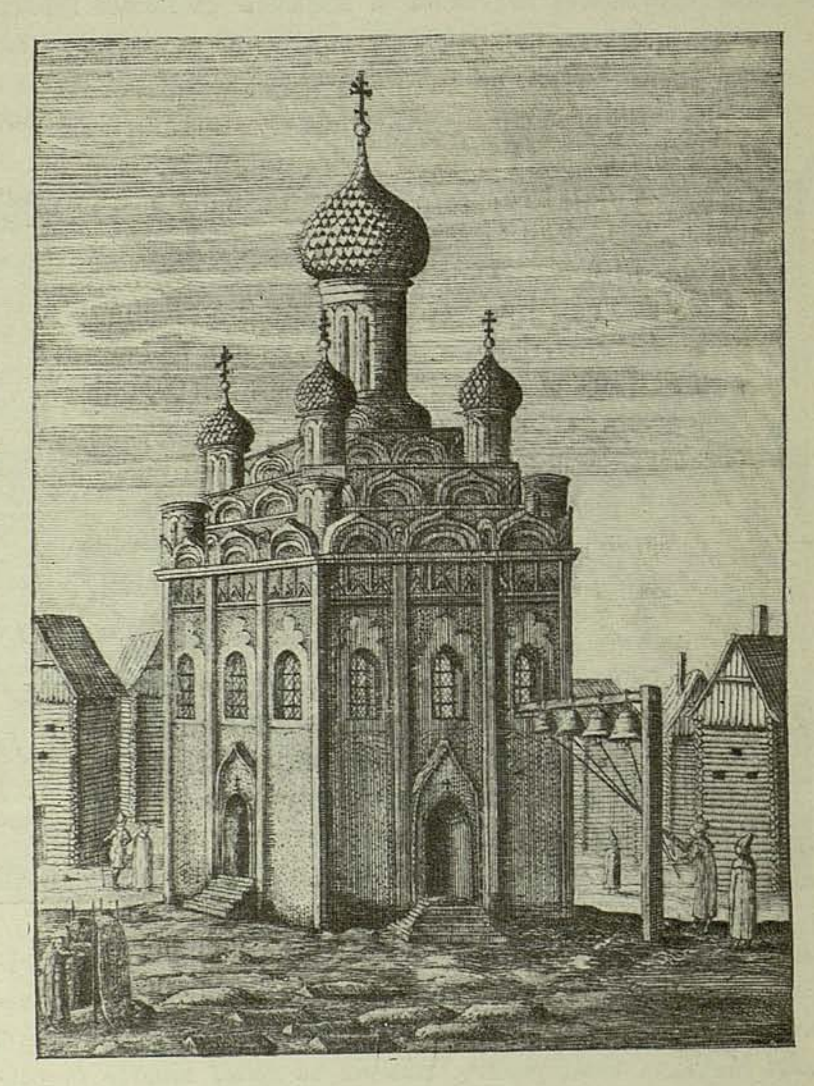
Замокъ Кремль.

камня зданій, дворцовъ и церквей, которыя обитаются и посѣщаются великимъ княземъ, патріархомъ, знатнѣйшими государственными совѣтниками и вельможами. Хотя прежній великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, жившій во время нашего посольства, имѣлъ хорошія каменныя палаты, а также и для государя сына своего, нынѣшняго великаго князя, построилъ весьма великолѣпное строеніе и дворецъ на итальянскій манеръ, но самъ онъ—ради здоровья, какъ они говорили—жилъ въ деревянномъ зданіи. Говорятъ, что нынѣшній патріархъ также велѣлъ теперь построить себѣ для жилища весьма великолѣпное зданіе, которое немногимъ хуже зданія великаго князя.

Церкви въ Кремлѣ.

Наряду съ двумя монастырями, въ которыхъ живутъ монахи и монахини, стоятъ здѣсь 50 каменныхъ церквей: изъ нихъ знаменитѣйшія и величайшія — Троицкая, Пресв. Маріи, Михаила Архангела (въ этой послѣдней погребаются великіе князья) и св. Николая. Одна изъ нихъ находится по лѣвую руку (мы проходили мимо нея, поднимаясь къ аудіенцъ-залу)

и имѣетъ большія двери изъ двухъ створокъ, совершенно покрытыя толстымъ листовымъ серебромъ.

Эти церкви, какъ вообще всѣ каменныя церкви во всей странѣ, имѣютъ 5 бѣлыхъ куполовъ, а на каждомъ изъ нихъ тройной [осьмиконечный] крестъ—все это въ томъ родѣ и того вида, какъ изображено на прилагаемомъ рисункѣ, представляющемъ дѣйствительную церковь, находящуюся у Бѣлой стѣны.

МОСКВА. Великаго царя столичный городъ въ Россіи.

А. ЗАМОКЪ КРЕМЛЬ.

a) Залъ публичныхъ аудіенцій.
b) Башня Ивана Великаго.
c) Большой колоколъ.
d) Св. Михаила церковь.
e) Посольская канцелярія.
f) Казна.
g) Водопроводъ.
h) Царская конюшня.
i) Патріаршій дворъ.
k) Житницы.
l) Цейхгаузъ.

В. КИТАЙ-ГОРОДЪ.

m) Іерусалимская церковь.
n) Помостъ для объявленій.
o) Рынокъ.
p) Иконный рынокъ.
q) Лавки.
r) Печатня.
s) Посольскій дворъ.
t) Монетный дворъ.
u) Тюрьма.
w) Земскій дворъ.

С. ЦАРЬ-ГОРОДЪ, ИЛИ БѢЛЫЙ ГОРОДЪ.

x) Литейный дворъ.
y) Лошадиный рынокъ.
z) Царская конюшня.
α) Аптечный садъ.
β) Рынокъ телѣгъ и саней.
γ) Лавки для муки и солода.
δ) Рыбный рынокъ.
ε) Дворъ англійской компаніи.

D. СКОРОДОМЪ, имѣетъ, какъ говорятъ, 45 в. въ окружности; большею частью опустошенъ татарами.

ζ) Дровяной рынокъ.
μ) Рынокъ домовъ.

Е. СТРѢЛЕЦКІЙ ГОРОДЪ.

θ) Солдатскій городъ.
ι) Большой царскій древесный садъ.
λ) Мѣсто, гдѣ патріархъ въ Крещеніе святитъ воду.

НАЗВАНІЕ ВОРОТЪ:

1. Чертольскія.
2. Арбатскія.
3. Никитскія.
4. Тверскія.
5. Дмитровскія.
6. Петровскія.
7. Срѣтенскія.
8. Фроловскія.
9. Покровскія.
10. Яузскія.
11. Грибовскія (Серпуховскія?)
12. Водяныя ворота для водосвятія.
13. Нѣмецкая церковь.
14. Нѣмецкое кладбище.

Слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ рѣшительно изданіяхъ Олеарія на самомъ планѣ нѣкоторыя буквы вышли такъ неясно, что не могутъ быть найдены.

Что же касается кремлевскихъ церквей, то въ нихъ колокольни обтянуты гладкою густо позолоченною жестью, которая, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, превосходно блеститъ и даетъ всему городу снаружи прекрасный обликъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ насъ, придя въ городъ, говорили: «Снаружи городъ кажется Іерусалимомъ, а внутри онъ точно Виѳлеемъ».

Колокольня «Иванъ Великій».

Посреди кремлевской площади стоитъ высочайшая колокольня — «Иванъ Великій», которая также обита вышеупомянутою позолоченною жестью и полна колоколовъ. Рядомъ съ нею стоитъ другая колокольня, на которой виситъ очень большой колоколъ, который, какъ говорятъ, вѣсомъ въ 356 центнеровъ и отлитъ въ правленіе великаго князя Бориса Годунова. Въ этотъ колоколъ звонятъ во время большихъ торжествъ или «праздниковъ», какъ они говорятъ, или же при въѣздѣ великихъ пословъ или при доставленіи ихъ на публичную аудіенцію. Его приводятъ въ движеніе 24, а то и болѣе людей, стоящихъ внизу на площади. Съ обѣихъ сторонъ колокольни висятъ два длинныхъ каната, къ которымъ внизу примыкаетъ много мелкихъ веревокъ по числу людей, обязанныхъ ихъ тянуть.

Большой колоколъ.

Колоколъ этотъ, во избѣжаніе сильнаго сотрясенія и опасности для колокольни, лишь слегка приводятъ въ движеніе, вслѣдствіе чего нѣсколько человѣкъ стоятъ наверху у колокола для помощи при раскачиваніи языка его.

Посреди этой стѣны находятся и сокровищницы, провіантные склады и пороховые погреба великаго князя.

Іерусалимская церковь.

Внѣ Кремля въ Китай-городѣ, по правую сторону отъ большихъ кремлевскихъ воротъ стоитъ искусно построенная церковь св. Троицы, строитель которой, по окончаніи ея, ослѣпленъ былъ тираномъ, чтобы уже впредь ничего подобнаго не строить. Прилежно срисованное мною изображеніе ея дано выше, на страницѣ 51-й. Невдалекѣ отъ этой церкви находится помостъ, упоминаемый на 50-й страницѣ; около него неподвижно лежатъ на землѣ два большихъ металлическихъ орудія: они направлены противъ большой дороги, по которой обыкновенно вторгаются татары. Передъ Кремлемъ находится величайшая и лучшая въ городѣ рыночная площадь, которая весь день полна торговцевъ, мужчинъ и женщинъ, рабовъ и праздношатающихся. Вблизи помоста, гдѣ на вышеозначенномъ рисункѣ представлены великій князь и патріархъ, стоятъ обыкновенно женщины и торгуютъ холстами, а иныя стоятъ, держа во рту кольца (чаще всего — съ бирюзою) и предлагая ихъ для продажи. Какъ я слышалъ, одновременно съ этой торговлею онѣ предлагаютъ покупателямъ еще кое-что иное.

Большой рынокъ.

Женскій рынокъ.

Обыкновенные рынки.

На площади и въ сосѣднихъ улицахъ каждому товару и каждому промыслу положены особыя мѣста и лавки, такъ что однородные промыслы встрѣчаются въ одномъ мѣстѣ. Торговцы шелкомъ, сукномъ, золотыхъ дѣлъ мастера, шорники, сапожники, портные, скорняки, шапочники и другіе—всѣ имѣютъ свои особыя улицы, гдѣ они и продаютъ свои товары. Этотъ порядокъ очень удобенъ: каждый, благодаря ему, знаетъ, куда ему пойти и гдѣ получить то или иное. Тутъ же, невдалекѣ отъ Кремля, въ улицѣ направо, находится ихъ иконный рынокъ, гдѣ продаются исключительно писанныя изображенія старинныхъ святыхъ. Называютъ они торгъ иконами не куплею и продажею, а «мѣною на деньги»; при этомъ долго не торгуются.

Иконный рынокъ.

Далѣе въ эту сторону направо, если идти отъ Посольскаго двора къ Кремлю, находится особое мѣсто, гдѣ русскіе, сидя, при хорошей погодѣ, подъ открытымъ небомъ, брѣются и стригутся. Этотъ рынокъ, у нихъ называющійся Вшивымъ рынкомъ, такъ устланъ волосами, что по нимъ ходишь, какъ по мягкой обивкѣ.

Вшивый рынокъ.

Въ этой части живутъ большинство, притомъ самыхъ знатныхъ гостей или купцовъ, а также нѣкоторые московскіе князья.

2. Царь-городъ.

Другую часть города именуютъ они Царь-городомъ; она расположена въ видѣ полумѣсяца и окружена крѣпкой каменной стѣною, у нихъ именуемой Бѣлою стѣною; посерединѣ черезъ нее протекаетъ рѣка Неглинная. Здѣсь живетъ много вельможъ и московскихъ князей, дѣтей боярскихъ, знатныхъ гражданъ и купцовъ, которые по временамъ уѣзжаютъ на торгъ по странѣ. Также имѣются здѣсь различные ремесленники, преимущественно булочники. Тутъ же находятся хлѣбные и мучные лабазы, лотки съ говядиною, скотный рынокъ, кабаки для пива, меда и водки. Въ этой же части находится конюшня его царскаго величества. Здѣсь же находится литейный заводъ, а именно въ мѣстности, которую они называютъ Поганымъ бродомъ, на рѣкѣ Неглинной; здѣсь они льютъ много металлическихъ орудій и большихъ колоколовъ. Здѣсь до сихъ поръ находился очень опытный мастеръ, по имени Гансъ Фалькенъ изъ Нюренберга; отъ него нѣкоторые русскіе путемъ одного лишь наблюденія научились литью. При помощи особой снаровки онъ устраивалъ орудія такимъ образомъ, что 26 фунтовъ желѣза можно было съ успѣхомъ выбросить изъ орудія при помощи 25-и фунтовъ пороху; поэтому онъ такъ прославился въ Голландіи, что и упоминается въ голландскомъ изданіи Меттерана.

Поганый бродъ.

3. Скородомъ.

Третья часть города Москвы называется Скородомомъ. Это—крайняя часть, съ востока, сѣвера и запада окаймляющая Царь-

городъ. Раньше, передъ тѣмъ какъ татары сожгли городъ, она, какъ говорятъ, имѣла окружность въ 25 верстъ, т. е. въ 5 нѣмецкихъ миль. Рѣка Яуза протекаетъ черезъ нее и соединяется съ Москвою-рѣкою. Въ этой части находится лѣсной рынокъ и вышеназванной рынокъ домовъ, гдѣ можно купить домъ и получить его готово-отстроеннымъ [для установки] въ другой части города черезъ два дня: балки уже пригнаны другъ къ другу, и остается только сложить ихъ и законопатить щели мхомъ.

Четвертая часть города—Стрѣлецкая слобода лежитъ къ югу отъ рѣки Москвы въ сторону татаръ и окружена оградою изъ бревенъ и деревянными укрѣпленіями. Говорятъ, что эта часть выстроена Василіемъ, отцомъ тирана, для иноземныхъ солдатъ: поляковъ, литовцевъ и нѣмцевъ, и названа, по попойкамъ, «Налейками», отъ слова «Налей!» Это названіе появилось потому, что иноземцы болѣе московитовъ занимались выпивками и, такъ какъ нельзя было надѣяться, чтобы этотъ привычный и даже прирожденный порокъ можно было искоренить, то имъ дали полную свободу пить. Чтобы они, однако, дурнымъ примѣромъ своимъ не заразили русскихъ (эти послѣдніе также весьма склонны къ пиршествамъ и выпивкамъ, но въ теченіе цѣлаго года имъ разрѣшается напиваться лишь въ немногіе дни—въ самые большіе праздники), то пьяной братіи пришлось жить въ одиночествѣ за рѣкою. Объ этомъ можно прочитать у Герберштейна на стр. 46-ой его сочиненія «Commentarii rerum Moscoviticarum» и у Гвагнина. Теперь въ этой части живутъ стрѣльцы или солдаты, состоящіе на службѣ его царскаго величества, а также другое простонародье.

4. Стрѣлецкая слобода.

Налейки — городъ пьяницъ.

Внутри и внѣ окружающихъ городъ Москву стѣнъ находятся много церквей, часовенъ и монастырей. Въ первомъ изданіи я обозначилъ ихъ цифрою 1500, что господину Іоганну Лудвигу Готтфриду въ его соч. «Archontologia Cosmica» (стр. 467) показалось весьма удивительнымъ и почти невѣроятнымъ. На самомъ дѣлѣ, однако, я еще понизилъ цифру: мною потомъ были наведены еще новыя справки частью у нашихъ земляковъ, знающихъ городъ уже много лѣтъ, частью у самихъ московитовъ, которые въ минувшемъ году при пріемѣ ими ихъ плѣнника лже-Шуйскаго нѣкоторое время находились у насъ въ Голштиніи, такъ что я имѣлъ возможность ежедневно видѣться съ ними. Всѣ они единогласно утверждали, что въ городѣ Москвѣ найдется болѣе 2000 церквей, монастырей и часовенъ.

Болѣе 2000 церквей въ Москвѣ.

Въ настоящее время почти каждый пятый домъ является часовнею, такъ какъ каждый вельможа строитъ себѣ собствен-

ную часовню и держитъ на свой счетъ особаго попа; только самъ вельможа и его домашніе молятся Богу въ этой часовнѣ. По указанію нынѣшняго патріарха, въ виду часто возникающихъ пожаровъ, большинство деревянныхъ часовенъ сломаны и построены вновь изъ камня; нѣкоторыя часовни внутри не шире 15 футовъ. О Москвѣ въ изложенномъ нами сказано достаточно.

Такъ какъ и городъ Архангельскъ является важнымъ торговымъ городомъ и, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ еще не описанъ, то я немногими словами упомяну и о немъ.

Городъ Архангельскъ.

На картахъ, какъ и въ атласѣ, называется этотъ городъ св. Михаиломъ Архангеломъ, но русскіе называютъ его обыкновенно Архангельскомъ. Онъ лежитъ далеко на сѣверѣ въ землѣ Двинской, на рѣкѣ Двинѣ, а именно на томъ ея мѣстѣ, гдѣ рѣка раздѣляется, течетъ мимо острова Пудожемскаго и впадаетъ въ Бѣлое море.

Городъ и гавань его не стары, такъ какъ раньше суда входили въ лѣвый рукавъ Двины у монастыря св. Николая, отчего гавань и называлась гаванью св. Николая, какъ можно видѣть это у Петрея на страницѣ 65-ой. Такъ какъ, однако, отъ наносныхъ песковъ это устье стало слишкомъ мелкимъ, а правый рукавъ глубже, то воспользовались правымъ рукавомъ и на немъ построили городъ.

Какъ говорятъ, самъ по себѣ городъ невеликъ, но онъ славится изъ-за многочисленныхъ купцовъ и заморской торговли. Ежегодно пріѣзжаютъ сюда голландскія, англійскія и гамбургскія суда съ различными товарами. Въ то же самое время собираются въ путь купцы по [всей] странѣ, особенно нѣмцы изъ Москвы, а зимою со своимъ товаромъ на саняхъ они вновь возвращаются отсюда домой.

Большая таможня въ Архангельскѣ.

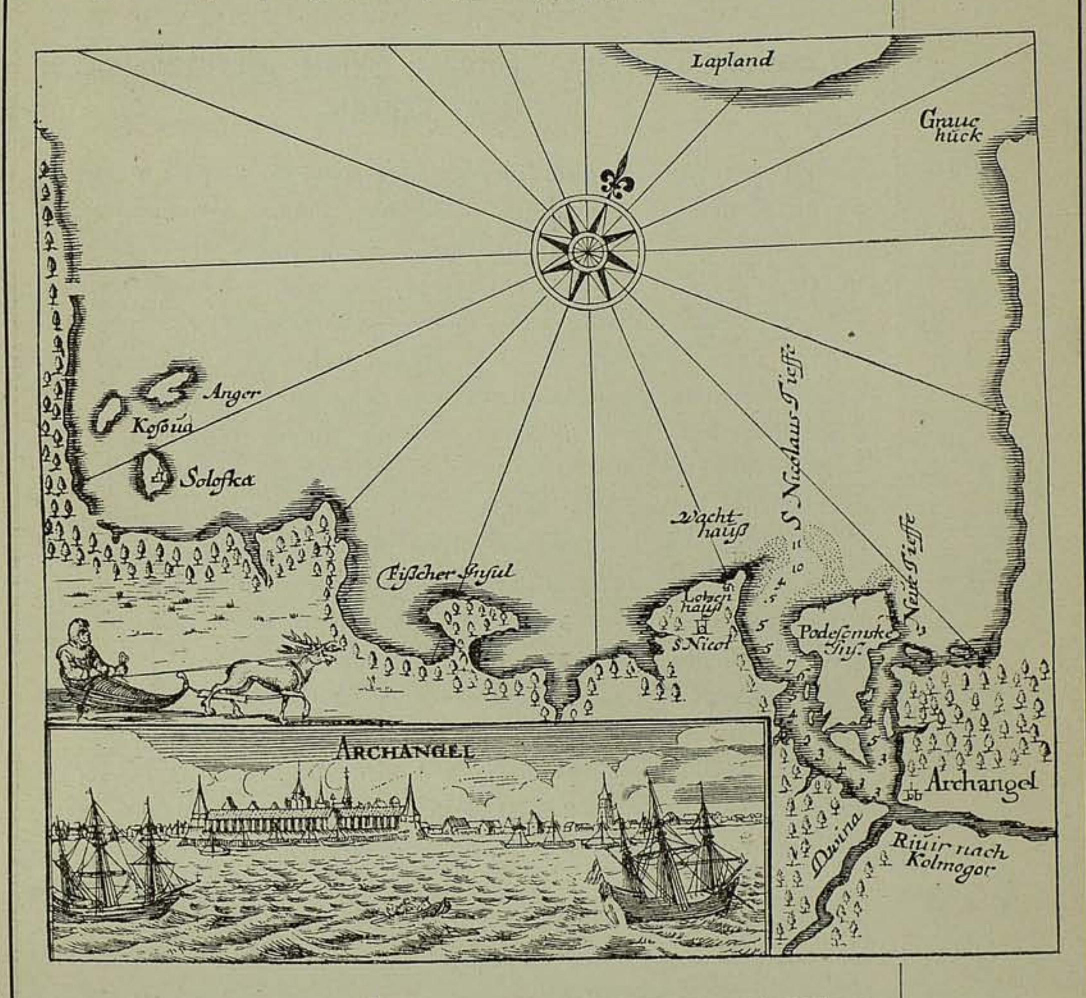
Нынѣшній великій князь перенесъ сюда большую таможню; пошлины собираетъ воевода, живущій въ мѣстномъ кремлѣ.

Такъ какъ купцамъ эти пошлины нѣсколько обременительны, а, съ другой стороны, его величество король шведскій желаетъ брать лишь пошлину въ 2% при провозѣ товаровъ черезъ Лифляндію къ Нарвѣ, то полагаютъ, что большая часть торговаго движенія будетъ отвлечена отъ Архангельска и направится черезъ Балтійское море въ Лифляндію, тѣмъ болѣе, что здѣсь этой торговлѣ угрожаетъ меньше опасностей.

Соловецкій островъ.

Недалеко отъ Архангельска въ Бѣломъ морѣ въ особомъ заливѣ расположены три острова, лежащіе близко другъ къ другу. Наибольшій изъ нихъ называется Соловка, другіе— Анзеръ и Кузова. На Соловкѣ-островѣ находится монастырь,

въ которомъ погребенъ русскій святой. Великій князь, по указанію патріарха, въ минувшемъ году велѣлъ его останки выкопать здѣсь и перевезти въ Москву, о чемъ ниже будетъ подробнѣе разсказано. Нѣкоторые утверждаютъ, будто предыдущіе великіе князья

укрыли на этомъ островѣ—высокомъ, скалистомъ, крутомъ и не легко доступномъ—большія сокровища.

Что касается расположенія этого города и въѣзда въ него изъ моря, то я получилъ отъ добраго пріятеля, не разъ туда ѣздившаго и хорошо знающаго эту мѣстность, рисунокъ, который я здѣсь сообщаю благосклонному читателю и любителямъ топографіи.

XXXV.

(Книга III, глава 2).

О состояніи воздуха, погоды, почвы, растительности и садовъ страны.

Въ великомъ княжествѣ состояніе воздуха, погоды и земель, въ виду многихъ провинцій, лежащихъ далеко другъ отъ друга и въ различныхъ даже климатахъ, неодинаково. Что касается московской области и пограничныхъ съ нею, то здѣсь вообще воздухъ свѣжій и здоровый; какъ свидѣтельствуютъ всѣ жители и какъ говорятъ и сами русскіе, здѣсь мало слышали объ эпидемическихъ заболѣваніяхъ или моровыхъ повѣтріяхъ, да и встрѣчаются здѣсь зачастую весьма старые люди. Слѣдуетъ поэтому весьма удивляться, что въ нынѣшнемъ 1654 году во время смоленской войны въ Москвѣ появились ядовитое повѣтріе и сильная чума, продолжающіяся до сихъ поръ, такъ что люди, по собственному мнѣнію—здоровыми вышедшіе изъ дому, какъ говорятъ, падаютъ на улицахъ и помираютъ. Поэтому-то проѣздъ къ Москвѣ и изъ нея закрытъ.

Сильная чума въ Москвѣ.

Въ зимнее время вообще во всей Россіи сильные холода, такъ что едва удается уберечься отъ нихъ. У нихъ не рѣдкость, что отмерзаютъ носы, уши, руки и ноги. Въ наше время, когда мы въ 1634 году впервые были тамъ, была столь холодная зима, что передъ Кремлемъ почва, изъ-за холода, потрескалась на 20 саженъ въ длину и на четверть локтя въ ширину. Никто изъ насъ съ открытымъ лицомъ не могъ пройти даже 50 шаговъ по улицамъ, не получивъ впечатлѣнія, что у него отморожены носъ и уши. Я нашелъ, что вполнѣ правильны утвержденія нѣкоторыхъ писателей, что тамъ водныя капли и слюна стынутъ раньше, чѣмъ доходятъ ото рта до земли.

Сильные холода.

Подобныя же свѣдѣнія у Герберштейна.

Хотя холодъ у нихъ зимою и великъ такъ, тѣмъ не менѣе трава и листва весною быстро выходятъ наружу, и по времени роста и созрѣванія здѣшняя страна не уступитъ нашей Германіи. Такъ какъ здѣсь всегда снѣгъ выпадаетъ въ большомъ количествѣ и на значительную высоту, то почва и кусты покрываются какъ бы одеждою и охраняются отъ рѣзкаго холода.

Ради сильныхъ холодовъ и обилія снѣга, имѣющагося въ Россіи и Лифляндіи, здѣсь хорошо путешествовать и можно для ѣзды пользоваться широкими русскими санями изъ луба или

липовой коры. Нѣкоторые изъ насъ устраивали въ саняхъ войлочную подстилку, на которой ложились въ длинныхъ овчинныхъ шубахъ, которыя тамъ можно очень дешево пріобрѣсти, а сверху покрывали сани войлочнымъ или суконнымъ одѣяломъ: при такой обстановкѣ мы находились въ теплѣ и даже потѣли и спали въ то время, какъ насъ везли крестьяне.

Быстро бѣгущія лошади.

Для ѣзды очень удобны русскія, правда маленькія, но быстро бѣгущія лошади, которыя привыкли, при одной кормежкѣ, пробѣгать 8, 10, иногда даже 12 миль, какъ и я дважды ѣздилъ изъ Твери въ Торжокъ. Впрочемъ, дороги въ этихъ мѣстахъ, какъ и повсемѣстно въ Россіи, не имѣютъ особыхъ повышеній и пониженій.

Поэтому можно весьма быстро совершить продолжительную поѣздку, притомъ весьма дешево. Крестьянинъ, ѣздящій по найму, за 2—3 или—самое большее—4 рейхсталера везетъ цѣлыхъ 50 нѣмецкихъ миль, какъ и я однажды за такую плату проѣхалъ изъ Ревеля въ Ригу—50 миль.

Сильная жара.

Какъ ни силенъ холодъ зимою, лѣтомъ столь же велика жара, которая тамъ тягостна для путешественника не только днемъ изъ-за солнечныхъ лучей, но и изъ-за многочисленныхъ комаровъ, которыхъ солнце производитъ на свѣтъ въ болотахъ, да и повсемѣстно въ Россіи; они ни днемъ ни ночью не даютъ покоя. Поэтому ночью приходится или лежать близъ огня или же, какъ это указано выше, — подъ особой сѣтью для защиты отъ комаровъ.

Плодородіе страны.

Обширная страна эта во многихъ мѣстахъ покрыта кустарникомъ и лѣсами, большею частью—соснами, березами и орѣшникомъ; много мѣстъ пустынныхъ и болотистыхъ. Тѣмъ не менѣе, однако, въ виду добраго свойства почвы, страна, гдѣ она хоть немного обработана, чрезвычайно плодородна (исключая лишь немногія мили вокругъ города Москвы, гдѣ почва песчаная), такъ что получается громадное изобиліе хлѣба и пастбищъ. И сами голландцы признаютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время большой дороговизны, Россія сильно помогла имъ своимъ хлѣбомъ. Рѣдко приходится слышать о дороговизнѣ въ странѣ. Въ иныхъ мѣстахъ въ странѣ, гдѣ хлѣбъ не находитъ сбыта, земля не обрабатывается болѣе (хотя это было бы возможно), чѣмъ требуется для надобностей одного года; тамъ никакихъ запасовъ не собираютъ, такъ какъ всѣ увѣрены въ ежегодномъ богатомъ урожаѣ. Поэтому-то они и оставляютъ много прекрасныхъ плодородныхъ земель пустынными, какъ я самъ это видѣлъ, проѣзжая черезъ нѣкоторыя области съ тучнымъ черноземомъ, кото-

рыя тамъ поросли такою высокою травою, что она лошадямъ покрывала брюхо. Эта трава также, въ виду изобилія ея, ни разу не собиралась и не употреблялась для скота.

Плодородіе Ингерманландіи.

Слѣдуетъ удивляться и тому, о чемъ намъ сообщали въ Нарвѣ: тамъ на русской сторонѣ, сейчасъ же за рѣкою, земля гораздо лучшая, и все растетъ быстрѣе и лучше, чѣмъ по сю сторону Нарвы въ Аллентакенѣ, хотя отдѣляется одна сторона отъ другой лишь рѣкою. Въ этомъ мѣстѣ въ Ингерманландіи такъ же, какъ и въ Кареліи, Россіи и Лифляндіи на сѣверѣ, земледѣлецъ бросаетъ сѣмена въ землю всего за три недѣли до Иванова дня. Затѣмъ сѣмя, въ виду постояннаго согрѣванія солнцемъ (которое еле касается горизонта при закатѣ), на глазахъ у наблюдателей растетъ, такъ что въ теченіе 7-ми или самое большее 8-ми недѣль успѣваютъ и посѣять и пожать. Если бы они и пожелали раньше совершить посѣвъ, все равно сѣмя не могло бы приняться, вслѣдствіе скрытаго въ землѣ мороза и холодныхъ вѣтровъ.

Время посѣва и жатвы.

У русскихъ и въ отношеніи жатвы имѣется то преимущество передъ лифляндцами, что они обыкновенно могутъ собрать свой хлѣбъ сухимъ въ амбары и кучи, въ то время какъ лифляндцы принуждены сушить свое зерно на огнѣ. Въ каждомъ сельскомъ имѣніи тамъ имѣются особо построенные сараи или дома, называемые у нихъ ригами; въ нихъ хлѣбъ, пока онъ еще въ колосьяхъ, накладывается на бревна, надъ печью, въ родѣ таковой въ пекарнѣ; затѣмъ разводится огонь и поднимающимся жаромъ зерно сушится. Часто бываетъ, что подобныя риги сгораютъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ. Зерно, которое нѣкоторое время сушилось въ подобной сушилкѣ, не даетъ такого хорошаго сѣмени для посѣва, какъ то, что само высохло.

Зерно сушится въ Лифляндіи.

Риги для сушки зерна.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Москвѣ, имѣются и великолѣпныя садовыя растенія, въ родѣ яблоковъ, грушъ, вишенъ, сливъ и смородины. Положеніе, слѣдовательно, здѣсь совершенно иное, чѣмъ то, что изображаютъ Герберштейнъ, Гвагнинъ и другіе писатели, утверждающіе, будто въ Россіи, вслѣдствіе сильнаго холода, совершенно не находится плодовъ и вкусныхъ яблоковъ. Между другими сортами яблоковъ у нихъ имѣется и такой, въ которомъ мякоть такъ нѣжна и бѣла, что если держать ее противъ солнца, то можно видѣть зернышки. Однако, хотя они прелестны видомъ и вкусомъ, тѣмъ не менѣе, въ виду чрезмѣрной влажности, они не могутъ быть сохраняемы такъ долго, какъ въ Германіи.

Хорошіе плоды въ Московіи.

Тутъ же имѣются и всякаго рода кухонные овощи, особенно спаржа толщиною съ палецъ, какую я самъ ѣлъ у нѣкоего

Кухонные овощи.

голландскаго купца, моего добраго друга, въ Москвѣ, а также хорошіе огурцы, лукъ и чеснокъ въ громадномъ изобиліи. Лактукъ и другіе сорта салата никогда не садились русскими; они раньше вообще не обращали на нихъ вниманія и не только не ѣли ихъ, но даже смѣялись надъ нѣмцами за употребленіе ихъ въ пищу, говоря, что они ѣдятъ траву. Теперь же и нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ пробовать салатъ. Дыни производятся тамъ въ огромномъ количествѣ; въ разведеніи ихъ многіе находятъ себѣ матеріалъ для торговли и источникъ пропитанія. Дынь не только растетъ здѣсь весьма много, но онѣ и весьма велики, вкусны и сладки, такъ что ихъ можно ѣсть безъ сахару. Мнѣ еще въ 1643 году подобная дыня, въ пудъ (т. е. 40 фунтовъ) вѣсомъ, была поднесена добрымъ пріятелемъ на дорогу, когда я въ то время уѣзжалъ изъ Москвы.

Какъ производятся дыни.

Въ садкѣ и уходѣ за дынями у русскихъ имѣются свои собственные выгодные пріемы, которые частью описаны Герберштейномъ на 45-й страницѣ. Они мягчатъ сѣмя въ парномъ молокѣ, а иногда и въ отстоявшейся дождевой водѣ, прибавивъ къ ней стараго овечьяго помета. Затѣмъ на землѣ устраиваются изъ смѣшанныхъ лошадинаго навоза и соломы удобренныя гряды глубиною въ два локтя. Сверху покрываются онѣ хорошей землею, въ которой они устраиваютъ неглубокія ямы шириною съ поллоктя. Въ середину садятъ они зерно, чтобы не только тепло снизу, но и собранный со всѣхъ сторонъ жаръ солнца согрѣвалъ и растилъ сѣмя; ночью покрываются эти гряды отъ инея и мороза крышками, сдѣланными изъ слюды; временами крышки эти остаются и днемъ. Послѣ этого они обрѣзаютъ отросшія въ сторону вѣтви, а иногда и концы побѣговъ. Такимъ образомъ прилежаніемъ и уходомъ своимъ они помогаютъ росту.

Баранецъ.

Намъ разсказывали, что совершенно особая порода дынь или вѣрнѣе тыквъ растетъ за Самарою, между рѣками Волгою и Дономъ. Эта порода величиною и качествомъ похожа на другія обыкновенныя дыни, но по внѣшнему виду имѣетъ сходство съ бараномъ, члены котораго она совершенно ясно изображаетъ. Поэтому русскіе и называютъ ее «баранцемъ». Стебель прикрѣпленъ какъ бы къ пупу дыни, и куда она повернется (такъ какъ при ростѣ она мѣняетъ свое мѣсто, насколько ей это позволяетъ стебель), тамъ сохнетъ трава, или, какъ говорятъ русскіе, «пожирается» дынею. Когда дыня поспѣетъ, стебель отсыхаетъ, и плодъ получаетъ мѣховую шкурку, подобно барану; по ихъ словамъ, эту шкурку будто бы можно дубить и приготовлять къ пользованію противъ холода. Намъ въ

Овечьи дыни.

Москвѣ показывали нѣсколько кусковъ такой шкурки, оторванныхъ отъ одѣяла, говоря, будто они отъ дыни «баранецъ»; эта шкурка была нѣжна и курчаво-шерстиста, подобно шкурѣ ягненка, вырѣзаннаго изъ утробы матери или еще очень молодого. Скалигеръ упоминаетъ въ Exercitationes, p. 181 о такомъ плодѣ, который, пока онъ окруженъ разными травами, быстро растетъ, подобно ягненку на пастбищѣ, но при недостаткѣ увядаетъ и погибаетъ. Русскіе говорятъ, что этотъ плодъ быстро зрѣетъ. Говорятъ, будто правда и то, что далѣе разсказываетъ Скалигеръ, а именно будто кромѣ волковъ ни одно животное не падко на этотъ плодъ: благодаря этому обстоятельству и можно ловить волковъ.

Травы и цвѣты.

Красивыхъ травъ и цвѣтовъ въ Москвѣ въ прежніе годы было не много. Однако, бывшій великій князь вскорѣ послѣ нашего пребыванія въ странѣ постарался прекрасно устроить свой садъ и украсить его различными дорогими травами и цвѣтами. До сихъ поръ русскіе ничего не знали о хорошихъ махровыхъ розахъ, но ограничивались дикими розами и шиповникомъ и ими украшали свои сады. Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ Петръ Марселисъ, выдающійся купецъ, доставилъ сюда первыя махровыя и провансскія розы изъ сада моего милостивѣйшаго князя и государя въ Готторпѣ; онѣ хорошо принялись здѣсь.

Когда розы попали въ Москву.

Въ Московіи нѣтъ грецкихъ орѣховъ и винограда, но всякаго рода вино часто привозится сюда голландскими и иными судами черезъ Архангельскъ, а теперь доставляется оно и изъ Астрахани, гдѣ также начали заниматься виноградарствомъ. Объ этомъ нами будетъ ниже разсказано подробнѣе.

Отсюда можно вывести, что отсутствіе [въ Московіи] нѣкоторыхъ плодовъ и растеній слѣдуетъ приписать не столько почвѣ и воздуху, сколько небрежности и незнанію жителей.

У нихъ нѣтъ недостатка и въ тѣхъ плодахъ земли, которые необходимы для обыкновеннаго питанія въ жизни. Конопля и ленъ производятся въ большомъ количествѣ, вслѣдствіе чего полотно въ Россіи очень дешево.

Медъ и воскъ, правда—часто находимые въ лѣсахъ, имѣются у нихъ въ такомъ изобиліи, что они, несмотря на количество, потребное имъ для медовыхъ питей и для восковыхъ свѣчъ, которыми они пользуются и для собственныхъ надобностей и—въ большихъ размѣрахъ—для богослуженія, тѣмъ не менѣе могутъ продавать большими партіями и то и другое за границу. Въ большинствѣ случаевъ эти товары вывозятся черезъ Псковъ.

Всевозможныя пернатыя.

Во всей Россіи такъ же, какъ въ Лифляндіи, вездѣ, гдѣ не устроено пашенъ путемъ выжиганія лѣса, поверхность покрыта лѣсами и кустарникомъ. Поэтому тамъ много лѣсной и полевой дичи. Такъ какъ пернатой дичи у нихъ имѣется громадное количество, то ее не считаютъ у нихъ такой рѣдкостью и не цѣнятъ такъ, какъ у насъ: глухарей, тетеревей и рябчиковъ разныхъ породъ, дикихъ гусей и утокъ можно получать у крестьянъ за небольшую сумму денегъ, а журавли, лебеди и небольшія птицы, въ родѣ сѣрыхъ и иныхъ дроздовъ, жаворонковъ, зябликовъ и тому подобныхъ, хотя и встрѣчаются очень часто, но считаются нестоющими того, чтобы за ними охотиться и употреблять ихъ въ пищу. Аисты не встрѣчаются ни здѣсь, ни въ Лифляндіи.

Много дикихъ животныхъ.

Лѣса также богаты разными дикими животными, за исключеніемъ оленей, которыхъ или совсѣмъ нѣтъ, или, какъ другіе говорятъ, удается видѣть очень рѣдко. Лосей, кабановъ, зайцевъ большое изобиліе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, и во всей Лифляндіи—зайцы лѣтомъ обычнаго сѣраго цвѣта, а зимою—бѣлоснѣжной окраски.

При этомъ слѣдуетъ удивляться, что въ Курляндіи, которая граничитъ съ Лифляндіею и только Двиною отъ нея отдѣляется, зайцы зимою остаются сѣрыми. Поэтому, если иной разъ, когда Двина находится подо льдомъ, подобнаго зайца удается поймать въ Лифляндіи, то тамъ его называютъ курляндскимъ перебѣжчикомъ.

Кн. 13, гл. 22.

Причиною подобной перемѣны окраски является ихъ темпераментъ. Вѣдь какъ говоритъ Caelius Rodiginis: «Волосы подражаютъ цвѣту влаги, которая доставляетъ имъ пищу». Дѣло въ томъ, что звѣрьки эти изъ-за болотистой и сырой мѣстности гораздо болѣе флегматичной или сырой и холодной природы, чѣмъ наши зайцы. Если тутъ еще присоединяется наружный холодъ зимою (какъ говоритъ Авиценна «in canticis»: «зима имѣетъ силу и природу флегмы»), то они дѣлаются бѣлыми, такъ какъ бѣлый цвѣтъ получается отъ холода («бѣлый волосъ указываетъ на холодное сложеніе», говоритъ Аверроэсъ по поводу приведеннаго мѣста у Авиценны), подобно тому, какъ черный получается отъ жары. Если они теперь лѣтомъ опять получаютъ жаркій и сухой воздухъ, какъ это, конечно, тамъ случается, то мѣняются одновременно и темпераментъ и окраска ихъ. Я вспоминаю при этомъ, что разсказывалъ при мнѣ мой покойный тесть въ Лифляндіи. Онъ лѣтомъ къ свадьбѣ одной изъ своихъ дочерей велѣлъ поймать нѣсколько зайцевъ и посадить,—въ его

Ex adustis humorib(us) nigricans consurgit Vapor. Rod. dd.

имѣніи Кунда между Ревелемъ и Нарвою,—въ погребъ и тамъ кормить. Черезъ нѣсколько недѣль ихъ сѣрая шерсть превратилась въ бѣлую, какая у нихъ бываетъ зимою. Отсюда легко догадаться о причинѣ подобной перемѣны.

Наряду съ этой хорошею дичью встрѣчается также много хищныхъ и нечистыхъ животныхъ, какъ-то: медвѣдей, волковъ, рысей и тигровъ, лисицъ, соболей и куницъ, шкурами которыхъ русскіе ведутъ обширную торговлю.

Много ручного скота.

Такъ какъ,—какъ уже сказано,—мѣстами много лишнихъ пастбищъ, то у нихъ много имѣется ручного скота: коровъ, быковъ и овецъ, которые продаются весьма задешево. Мы однажды, во время первой поѣздки въ Ладогу, купили жирнаго быка, правда, небольшого,—такъ какъ вообще во всей Россіи скотъ мелокъ,—за 2 талера, а овцу за 10 копѣекъ или 5 мейссенскихъ грошей.

Въ текучихъ водахъ и стоячихъ озерахъ, которыхъ въ Россіи много, большое изобиліе рыбъ всяческихъ породъ, за исключеніемъ карповъ, которыхъ и въ Лифляндіи не находятъ. Однако, въ Астрахани мы видѣли много карповъ необыкновенной величины, которыхъ можно было покупать по шиллингу за штуку; ихъ ловятъ въ Волгѣ. Вкусъ ихъ, въ виду грубаго, жесткаго мяса, не очень пріятенъ.

Слюда.

Среди ископаемыхъ самое важное мѣсто занимаетъ слюда, которая въ иныхъ мѣстахъ получается изъ каменоломенъ и употребляется для оконъ во всей Россіи.

Копи въ Россіи.

Шахтовыхъ копей эта страна не имѣла; однако, немного лѣтъ тому назадъ на татарской границѣ у Тулы, въ 26 миляхъ отъ Москвы, открылась таковая. Ее устроили нѣсколько нѣмецкихъ горнорабочихъ, которыхъ, по просьбѣ его царскаго величества его свѣтлость курфюрстъ саксонскій прислалъ сюда. Эта копь до сихъ поръ давала хорошую добычу, хотя преимущественно желѣза.

Въ семи верстахъ и въ $1^1/_2$ миляхъ отъ этой копи находится желѣзодѣлательный заводъ, устроенный между двумя горами въ пріятной долинѣ при удобной рѣкѣ; здѣсь выдѣлывается желѣзо, куются желѣзныя полосы и изготовляются разныя вещи.

Г. Петръ Марселисъ.

Этимъ заводомъ по особому контракту, заключенному съ нимъ великимъ княземъ, завѣдуетъ г. Петръ Марселисъ. Ежегодно онъ доставляетъ его царскаго величества оружейной палатѣ извѣстное количество желѣзныхъ полосъ, нѣсколько крупныхъ орудій и много тысячъ пудовъ ядеръ; поэтому онъ какъ былъ и у

прошлаго, такъ состоитъ и у нынѣшняго великаго князя въ большой милости и почетѣ. Онъ же ведетъ еще и иныя крупныя торговыя дѣла въ Москвѣ.

При жизни царя Михаила Өеодоровича, лѣтъ 15 тому назадъ, въ извѣстномъ мѣстѣ въ Россіи нѣкто указалъ также золотую жилу, но не сумѣлъ устроить рудникъ, вслѣдствіе чего не только не обогатился, какъ предполагалъ, но, напротивъ, сталъ бѣднымъ человѣкомъ.

Золотая жила.

Тѣ, кто сулятъ обогатить государей новыми открытіями—какъ это часто дѣлается при дворахъ князей,—имѣютъ очень мало счастья и удачи при царскомъ дворѣ. Прежній великій князь очень любилъ, чтобы ему указывали какія-либо новыя средства для увеличенія казны. Однако, чтобы оставаться безъ убытковъ въ случаѣ обмана или неуспѣха, изобрѣтатель долженъ былъ дѣлать опыты на собственный счетъ, а если у него не было средствъ, то нѣкоторая сумма давалась ему за какимъ-либо поручительствомъ; если опытъ удавался, то виновнику его выдавалась богатая награда, въ случаѣ же неудачи онъ, а не великій князь, несъ убытки. Въ качествѣ примѣра я могу сослаться на только что упомянутый золотой рудникъ. Въ это время въ Москвѣ жилъ знатный англійскій купецъ—мой добрый другъ—имени его я, по долгу чести, не могу назвать. Это былъ въ общемъ искренній и доброжелательный человѣкъ, долго жившій въ Москвѣ и ведшій здѣсь выгодную торговлю. Когда онъ заявилъ и полагалъ, основываясь на особыхъ качествахъ и знакахъ извѣстной почвы, найти золотоносную жилу, великій князь согласился на поиски и даже, по поручительству, выдалъ на это деньги. Когда, однако, этому доброму человѣку дѣло не удалось, работа и труды пропали даромъ, и собственнаго его имущества не хватило на то, чтобы заплатить взятыя у великаго князя въ займы средства, его посадили въ долговую тюрьму. Потомъ его, по представленіи поручителей, опять выпустили, ему разрѣшено было ходить и просить денегъ у добрыхъ людей, такъ что онъ могъ собрать денегъ, чтобы удовлетворить великаго князя и поручителей своихъ и выбраться изъ страны. О такой своей неудачѣ и о томъ, какъ судили его въ Россіи, онъ самъ разсказалъ мнѣ во время моего послѣдняго пребыванія въ Москвѣ,—когда это событіе происходило—весьма подробно и въ очень трогательныхъ выраженіяхъ.

Какъ относятся къ новымъ открытіямъ.

Неудача англійскаго купца.

XXXVI.

(Книга III, глава 3).

О качествахъ сѣверныхъ народовъ и о народахъ, называемыхъ самоѣдами.

Объ устройствѣ страны и о произведеніяхъ мѣстностей, расположенныхъ къ сѣверу, въ родѣ двинскаго, югорскаго и пермскаго краевъ, Сибири и Самоѣдской страны, которыя признаютъ великаго князя своимъ государемъ, я, не бывъ тамъ, не могу сообщить ничего опредѣленнаго.

Сѣверные народы.

Русскіе сообщаютъ и другіе свидѣтели согласно утверждаютъ—пожалуй, заимствовавъ одинъ у другого,—что тѣ страны вслѣдствіе суроваго воздуха, долгой зимы и короткаго лѣта, совершенно безплодны и особенно неудобны для земледѣлія (какъ для хлѣба, такъ и для плодовыхъ деревьевъ), что жители ничего не знаютъ о хлѣбѣ, но, вслѣдствіе изобилія въ обширныхъ дикихъ мѣстахъ, въ рѣкахъ и озерахъ дичи и рыбы, питаются этими послѣдними, одѣваются въ звѣриныя шкуры и ими же платятъ великому князю свои подати и налоги. Говорятъ, что прекраснѣйшіе соболя, куницы, а также шкуры бѣлыхъ медвѣдей (которыя вельможами въ Москвѣ накидываются сзади на сани), рысей и иные мѣха весьма часто получаются оттуда и поступаютъ въ продажу въ Москвѣ и иныхъ мѣстахъ.

Откуда получаются мѣха.

На самоѣдахъ я имѣю въ виду остановиться подробнѣе, чѣмъ на другихъ сѣверныхъ народахъ, какъ потому, что о нихъ у землеописателей особыхъ свѣдѣній не имѣется, такъ и потому, что самъ я съ ними бесѣдовалъ и получилъ свѣдѣнія о ихъ жизни. Вѣдь когда я въ 1643-мъ году 30-го іюля долженъ былъ явиться въ Москвѣ на аудіенцію передъ его царскимъ величествомъ, а передъ тѣмъ долженъ былъ ждать въ Посольскомъ приказѣ, пока не спустится персидскій посолъ, до меня призванный во дворецъ, то пришли сюда и два самоѣда, которые были посланы изъ своей страны къ великому князю для предложенія ему въ даръ нѣсколькихъ сѣверныхъ оленей и шкуръ бѣлыхъ медвѣдей. Я пустился въ разговоръ съ ними: они говорили откровенно и понятно, отвѣчая на всѣ вопросы вполнѣ достаточно, такъ какъ они хорошо понимали русскій языкъ, на которомъ я обращался къ нимъ черезъ моего переводчика.

Самоѣды.

У древнихъ писателей не говорится о томъ, чтобы они именовались самоѣдами, но называются они скиѳами, и я думаю, что нынѣшнее названіе получено ими лишь отъ русскихъ, когда они подпали подъ русское владычество. Такъ какъ они раньше ѣли людей—даже мясо собственныхъ друзей послѣ смерти ихъ мѣшали они съ дичью и поглощали, какъ о томъ разсказываютъ Плиній и Олай Великій—ихъ и прозвали самоѣдами отъ русскихъ словъ «самъ» и «ѣмъ». Объ этомъ упоминаетъ Гвагнинъ въ описаніи Московіи при упоминаніи о провинціи Печорѣ. Названіе это обозначаетъ то же, что греческое слово «антропофаги» (т.-е. «людоѣды»), которымъ ихъ титулуетъ Плиній; подобное разсказываютъ, между прочимъ, и о бразиліанцахъ. *Скиѳы.* *Plinius lib 6, c. 17.*

Страна ихъ вовсе не называется Самогитіею (эту послѣднюю землеописатели полагаютъ между Литвою, Польшею и Лифляндіею, а русскіе называютъ ее Жмудскою землею), но Самоѣдіею, которую на новыхъ картахъ можно найти за Сибирью у горъ, именуемыхъ Гиперборейскими, передъ и за великою рѣкою Обью, у Татарскаго моря и Вейгата (Вайгача), какъ называютъ это мѣсто голландцы.

Это тѣ варвары, татары и язычники, которые въ древности назывались «скиѳами сѣверными, европейскими и азіатскими», такъ какъ жили они у границы и раздѣла Европы и Азіи. О нихъ упоминаетъ Страбонъ въ 7-й книгѣ и Квинтъ Курцій въ 7-й книгѣ, называя иныхъ изъ нихъ абіями-скиѳами—безъ сомнѣнія отъ рѣки Аби или Оби. О томъ же говоритъ Юстинъ во 2-й книгѣ, Олай Великій въ своей «Historia de gentibus septentrionalibus», кн. 4 гл. 3, и Мюнстеръ въ своей «Cosmographia», кн. 5, въ 60-й и слѣдующихъ главахъ. У нихъ нѣтъ укрѣпленныхъ городовъ со строеніями, но они и теперь еще живутъ въ лѣсахъ и дикихъ мѣстахъ, какъ во время Александра послы ихъ утверждали у Курція въ означенной книгѣ: «Мы скорѣе живемъ въ пустынныхъ и лишенныхъ человѣческой культуры мѣстностяхъ, чѣмъ въ городахъ и среди изобильныхъ пашенъ». Такъ какъ живутъ они въ холодномъ поясѣ, то большую часть года они имѣютъ суровую зиму и весьма высокій снѣгъ. Указанные только что нами послы дали это понять Александру, говоря: «Когда ты побѣдишь весь родъ людской, то придется тебѣ вести войну съ лѣсами и снѣгами, съ рѣками и дикими звѣрями». Они живутъ въ маленькихъ, глухихъ, наполовину въ землѣ построенныхъ избахъ, которыя, какъ они говорили, кверху закругляются и заостряются и имѣютъ посерединѣ отверстіе въ качествѣ трубы, черезъ которую они въ зим- *Abii Scythae.* *Curt. lib. 7.*

Полугодовая ночь.

нее время вылѣзаютъ. Ихъ избы совершенно покрываются снѣгомъ, который, какъ говорятъ, набирается выше роста двухъ человѣкъ, такъ что никто не можетъ уже часто выходить или входить. Однако, они устраиваютъ себѣ ходы подъ снѣгомъ, черезъ которые они переползаютъ изъ одного дома въ другой. Такъ какъ они въ это время почти полгода не имѣютъ ни солнца, ни дня, но непрерывную ночь, и внѣ домовъ почти ничѣмъ не могутъ заняться, они тѣмъ легче переносятъ погоду. Тѣмъ временемъ они пользуются для свѣта рыбьимъ жиромъ и обходятся съ его по-

мощью до тѣхъ поръ, пока не получатъ солнечнаго свѣта: а именно—когда солнце вновь поднимется надъ линіею равноденствія и начнетъ проходить полуночныя созвѣздія, то оно уже перестаетъ заходить у нихъ, и тогда у нихъ нѣтъ ночи. Тогда снѣгъ исчезаетъ, они опять выходятъ на сухую почву и могутъ запасаться на зиму.

Можетъ быть вѣрно и то, что нѣкоторые люди писали о полуночныхъ народахъ, а именно, будто среди нихъ имѣются люди, которые, на подобіе ласточекъ и лягушекъ, полгода, а именно зиму, лежатъ мертвыми, а потомъ вновь оживаютъ и начинаютъ ходить

лѣтомъ. Смотри объ этомъ у Гвагнина въ описаніи «Лукоморья» и у Олая Великаго. У нихъ нѣтъ земледѣлія, они ничего не знаютъ о хлѣбѣ, но ѣдятъ вмѣсто хлѣба вяленую рыбу, медъ и дичь, по разсказамъ, весьма у нихъ обильную.

Гвагнинъ. Олай Великій.

Самоѣды низкорослы, имѣютъ широкія лица, небольшіе глаза и короткія ноги; они очень сходны съ гренландцами, изъ которыхъ я нѣкоторыхъ видѣлъ въ Голштиніи...

Самоѣды — низкорослые люди.

Что касается одежды самоѣдовъ, то она сдѣлана изъ мѣха сѣверныхъ оленей. Они носятъ широкія шапки, иные — изъ

Одежда самоѣдовъ.

разноцвѣтныхъ кусковъ сукна, полученныхъ ими отъ русскихъ, а опять иные—лишь изъ мѣха; на шапкахъ висятъ длинные наушники, которые они застегиваютъ подъ шеею. Рубашки свои они шьютъ изъ шкуръ молодыхъ оленей, очень гладкихъ и съ коротко остриженной шерстью. Подъ рубашками у нихъ шаровары, а надъ ними длинные кафтаны. Внизу рубашекъ и кафтановъ у нихъ пришиты длинноволосые хвосты. Ихъ сапоги также изъ мѣховъ, и во всѣхъ ихъ одеждахъ мѣхъ вывороченъ наружу. Нитки, которыми они шьютъ свои одежды, приготовлены изъ жилъ. Носовые платки они готовятъ изъ зеленаго

Носовые платки.

дерева, скобля его въ тонкіе стружки и волокна, такъ что оно съ виду становится похожимъ на тонко выскобленный рогъ или пергаментъ. Они берутъ горсть этихъ стружекъ, которыя очень мягки, и ими вытираютъ себѣ носъ.

Есть ли безголовые люди.

Кафтаны свои они иногда, когда очень холодно, надѣваютъ на голову и даютъ рукавамъ свисать съ боковъ, что̀ представляетъ странное зрѣлище для непривычнаго человѣка. Видъ издали такихъ людей, особенно съ судна, пристающаго къ берегу, можетъ быть далъ основаніе нѣкоторымъ изъ древнихъ писателей утверждать, будто существовали люди, не имѣвшіе головъ, но съ лицомъ на груди, а также, что были люди со столь большими ногами, что они ими могли покрываться. Если бы дѣйствительно въ мірѣ существовали подобные люди, то, я думаю, мы имѣли бы теперь о нихъ больше извѣстій. Вѣдь за истекшіе 100 лѣтъ весь міръ на водѣ и на сушѣ въ достаточной мѣрѣ обслѣдованъ и изученъ голландскими, англійскими и испанскими мореплавателями, но, какъ видно изъ описаній ихъ путешествій, они ничего подобнаго нигдѣ не встрѣчали. Если, однако, видѣли у этихъ людей большія ноги, то весьма возможно, что за таковыя были приняты ихъ большія такъ называемыя лыжи.

Очень большія лыжи.

Всѣ эти народы, какъ и лапландцы, финны и черемисы, зимою, для перехода черезъ глубокій снѣгъ, надѣваютъ длинныя и широкія лыжи, частью изъ коры, частью вырѣзанныя изъ дерева; на нихъ они умѣютъ быстро передвигаться. У финновъ задняя часть за каблукомъ такъ же выдается, какъ и передняя, и нѣкоторыя изъ этихъ лыжъ достигаютъ 3 локтей въ длину; ихъ называютъ Suksit. Подобнаго рода передвиженіе мы видѣли въ Нарвѣ, гдѣ полковникъ Портъ для нашего увеселенія велѣлъ нѣкоторымъ финнамъ изъ числа своихъ солдатъ съѣзжать съ большого холма передъ городомъ. Самоѣдскія лыжи называются «нартами», какъ справедливо указываетъ Гвагнинъ въ описаніи области Пермской. Ихъ сапоги также изъ подобныхъ мѣховыхъ шкурокъ, внутри выложены мѣхомъ и доходятъ до колѣнъ.

Сѣверные олени.

Сѣверные олени по величинѣ и внѣшности почти схожи съ обыкновенными оленями, имѣютъ бѣлый съ сѣрымъ мѣхъ и широкія ноги, какъ у коровъ. Мы нѣсколько штукъ видѣли въ московскомъ Кремлѣ. Самоѣды такъ приручаютъ ихъ, что они свободно приходятъ и уходятъ. Ихъ употребляютъ вмѣсто лошадей, впрягая ихъ въ небольшія легкія сани, которыя устроены вродѣ получелноковъ или лодокъ; на нихъ они чрезвычайно быстро ѣздятъ.

Вейгатъ.

И голландцы въ 1595 г. по Р. Х., во время второго своего путешествія на сѣверъ, невдалекѣ отъ Вейгата застали подобныхъ самоѣдовъ. Они пишутъ объ этомъ такъ. Когда они 31-го августа этого года у Вейгата прошли милю по сушѣ, то они застали человѣкъ 20 этого народа. Сначала они сочли ихъ совершенно дикими. Дѣйствительно, самоѣды, прежде всего, прибѣгли къ луку и стрѣламъ, съ которыми они очень хорошо умѣютъ обходиться, и хотѣли напасть на голландцевъ, какъ на непрошенныхъ гостей. Когда они, однако, услыхали отъ русскаго переводчика—вѣдь, какъ сказано, самоѣды понимаютъ по-русски,—что голландцы пришли не врагами, а друзьями, они сложили лукъ и стрѣлы, привѣтствовали, любезно кланяясь, голландцевъ, пустились въ разговоръ съ ними и сообщили хорошія свѣдѣнія о положеніи суши и моря. Они казались, однако, весьма робкими и недовѣрчивыми, несмотря на то, что голландцы обращались съ ними любезно и выказывали доброжелательность. Когда одному изъ нихъ поданъ былъ сухарь, онъ, правда, принялъ его почтительно, сейчасъ же откусилъ отъ него и сталъ его ѣсть, но все время при этомъ робко озирался; когда они услыхали раздавшійся издали со стороны моря выстрѣлъ изъ ружья, они испугались и заскакали, точно бѣшеные. Объ этомъ можно прочитать подробнѣе въ вышепомянутомъ морскомъ путешествіи, голландской печати, на страницѣ 8-ой. Изъ описаній и рисунковъ голландскихъ также видно, что самоѣды заплетали свои волосы въ длинныя косы, причемъ онѣ свѣшивались сзади черезъ ихъ одежды. Подобнаго явленія я не замѣчалъ у тѣхъ, кого я видѣлъ въ Москвѣ. Одинъ изъ нихъ, котораго, послѣ разсказа о ихъ, по нашему мнѣнію, суровой и трудной жизни, спросили, между прочимъ, о томъ, какъ имъ понравились страна и жизнь московитовъ, и не чувствуютъ ли они охоты жить скорѣе здѣсь, чѣмъ въ собственной своей странѣ,—отвѣчалъ на это такъ: «Правда, Московія не мало ему нравится, но та страна, въ которой онъ родился, нравится ему гораздо больше, чѣмъ всѣ другія страны; тамъ для нихъ жизнь привычная, и они вполнѣ удобно и хорошо могутъ жить тамъ. Онъ даже не сомнѣвается, что если бы великій князь зналъ о доброй ихъ жизни и о великолѣпіи ея, то онъ оставилъ бы столицу и переселился къ нимъ на жизнь».

Недовѣрчивые люди.

Любовь къ родинѣ.

Эти люди были настроены подобно Улиссу, который—какъ Муретъ говоритъ по I-й книгѣ Цицерона «De oratore»—скорѣе желалъ жить въ своей скалистой и суровой родинѣ, чѣмъ у Калипсо среди всякихъ удовольствій и увеселеній; объ этомъ

«Variae lectiones» l. 2, c 3.

можно прочитать у Гомера въ [V]-й пѣснѣ «Одиссеи». Можно сказать и съ Овидіемъ (lib. 1 de Ponto eleg. [3].):

*Muska.

Nescio qua natale solum dulcedine cunctos
Ducit, et immemores non sinit esse sui.
Quid melius *Roma, Scythio quid frigore peius?
Huc tamen ex illa Barbarus urbe fugit.

Для всѣхъ насъ край родной неизъяснимо милъ,
Забыть его нельзя—то свыше нашихъ силъ!
Гдѣ лучше, чѣмъ въ Москвѣ? что Скиѳіи скуднѣй?
Но сердце варвара тоскуетъ лишь о ней.

Самоѣды были идолопоклонниками и язычниками.

Эти народы раньше, будучи язычниками, почитали солнце и луну и рѣзные идолы—какъ объ этомъ можно узнать изъ неоднократно уже упомянутаго описанія морского путешествія. Голландцы на мысѣ или на углу Вейгата нашли разставленными нѣсколько сотъ подобныхъ грубыхъ и безформенно вырѣзанныхъ идоловъ: когда они, уходя изъ этой страны, захватили одинъ изъ идоловъ съ собою, то какой-то самоѣдъ послѣдовалъ за ними и съ жестами, свидѣтельствовавшими о волненіи, попросилъ вернуть ему изображеніе и отнесъ его на мѣсто.

Они стали христіанами.

Приблизительно 23 года тому назадъ самоѣды присылали посольство къ великому князю и просили его о присоединеніи къ русской вѣрѣ. Это и было сдѣлано, и епископъ владимірскій съ нѣсколькими попами или священниками былъ посланъ туда, чтобы обучить ихъ вѣрѣ и крестить.

XXXVII.

(Книга III, глава 5).

О самихъ русскихъ—въ отношеніи ихъ внѣшняго вида и одежды.

Мы, прежде всего, разсмотримъ внѣшній бытъ московитовъ или русскихъ, то есть ихъ наружность, ихъ строеніе, а также ихъ одежду, а затѣмъ обратимся къ внутреннему ихъ быту, то есть — ихъ душевнымъ свойствамъ, способностямъ и нравамъ.

У русскихъ длинныя бороды и толстые животы.

Мужчины у русскихъ, большею частью, рослые, толстые и крѣпкіе люди, кожею и натуральнымъ цвѣтомъ своимъ сходные съ другими европейцами. Они очень почитаютъ длинныя бороды и толстые животы, и тѣ, у кого эти качества имѣются,

пользуются у нихъ большимъ почетомъ. Его царское величество такихъ людей изъ числа купцовъ назначаетъ обыкновенно для присутствія при публичныхъ аудіенціяхъ пословъ, полагая, что этимъ усилено будетъ торжественное величіе [пріема]. Усы у нихъ свисаютъ низко надъ ртомъ.

Волосы на головѣ только ихъ попы или священники носятъ длинные, свѣшивающіеся на плечи; у другихъ они коротко острижены. Вельможи даже даютъ сбривать эти волосы, полагая въ этомъ красоту. Подобное мнѣніе не раздѣляется Амвросіемъ. Онъ говоритъ: «По деревьямъ можно судить, въ чемъ краса главы человѣческой; возьми у дерева листву, и все дерево станетъ непріятнымъ на видъ». Можетъ быть взято это у Овидія:

«Hexam.», lib. 6. c. 9.

Turpe pecus mutilum, turpis sine gramine campus
Et sine fronde frutex, et sine crine caput.
Позоренъ такъ же точно черепъ безъ волосъ,
Какъ куцый скотъ, безъ листьевъ кустъ, безъ травъ покосъ.

lib. 3 de arte am.

Длинныя волосы — знакъ печали.

Однако, какъ только кто-либо погрѣшитъ въ чемъ-нибудь передъ его царскимъ величествомъ или узнаетъ, что онъ впалъ въ немилость, онъ безпорядочно отпускаетъ волосы до тѣхъ поръ, пока длится немилость. Можетъ быть, обычай этотъ перенятъ ими у грековъ, которымъ они вообще стараются подражать: вѣдь Плутархъ разсказываетъ, что греки, когда съ ними случалось большое несчастье, ходили съ длинными, отпущенными волосами. Женщины же, въ такихъ случаяхъ, стригли свои волосы. Plutarchi «Quaestiones Romanae» 14, pag. 267.

Сложеніе русскихъ женщинъ. Всѣ онѣ бѣлятся и румянятся.

Женщины средняго роста, въ общемъ красиво сложены, нѣжны лицомъ и тѣломъ, но въ городахъ онѣ всѣ румянятся и бѣлятся, притомъ такъ грубо и замѣтно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршнею муки провелъ по лицу ихъ и кистью выкрасилъ щеки въ красную краску. Онѣ чернятъ также, а иногда окрашиваютъ въ коричневый цвѣтъ брови и рѣсницы.

Нѣкоторыхъ женщинъ сосѣдки ихъ или гостьи ихъ бесѣдъ принуждаютъ такъ накрашиваться (даже несмотря на то, что онѣ отъ природы красивѣе, чѣмъ ихъ дѣлаютъ румяна) — чтобы видъ естественной красоты не затмевалъ искусственной. Нѣчто подобное произошло въ наше время. Знатнѣйшаго вельможи и боярина князя Ивана Борисовича Черкасскаго супруга, очень красивая лицомъ, сначала не хотѣла румяниться. Однако, ее стали донимать жены другихъ бояръ, зачѣмъ она желаетъ относиться съ презрѣніемъ къ обычаямъ и привычкамъ ихъ

страны и позорить другихъ женщинъ своимъ образомъ дѣйствій. При помощи мужей своихъ онѣ добились того, что и этой отъ природы прекрасной женщинѣ пришлось бѣлиться и румяниться, и, такъ сказать, при ясномъ солнечномъ днѣ зажигать свѣчу.

Такъ какъ бѣленіе и румяненье происходятъ открыто, то женихъ обыкновенно наканунѣ свадьбы, между другими подарками, присылаетъ своей невѣстѣ и ящикъ съ румянами—какъ объ этомъ будетъ еще разсказано при описаніи ихъ обыкновенныхъ свадебъ.

Волосы женщинъ и дѣвицъ.

Женщины скручиваютъ свои волосы подъ шапками, взрослыя же дѣвицы оставляютъ ихъ сплетенными въ косу на спинѣ, привязывая при этомъ внизу косы красную шелковую кисть.

У дѣтей моложе 10 лѣтъ — какъ дѣвочекъ, такъ и мальчиковъ—они стригутъ головы и оставляютъ только съ обѣихъ сторонъ длинные свисающіе локоны. Чтобы отличить дѣвочекъ, они продѣваютъ имъ большія серебряныя или мѣдныя серьги въ уши.

Одежда мужчинъ. Сорочки.

Одежда мужчинъ у нихъ почти сходна съ греческою. Ихъ сорочки широки, но коротки и еле покрываютъ сѣдалище; вокругъ шеи онѣ гладки и безъ складокъ, а спинная часть отъ плечъ подкроена въ видѣ треугольника и шита краснымъ шелкомъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ клинышки подъ мышками, а также по сторонамъ сдѣланы очень искусно изъ красной тафты. У богатыхъ вороты сорочекъ (которые шириною съ добрый большой палецъ) точно такъ же, какъ полоска спереди (сверху внизъ) и мѣста вокругъ кистей рукъ — вышиты пестрымъ крашенымъ шелкомъ, а то и золотомъ и жемчугомъ; въ такихъ случаяхъ воротъ выступаетъ подъ кафтаномъ; воротъ у нихъ застегивается двумя большими жемчужинами, а также золотыми или серебряными застежками.

Штаны.

Штаны ихъ вверху широки и, при помощи особой ленты, могутъ по желанію суживаться и расширяться. На сорочку и штаны они надѣваютъ узкія одѣянія въ родѣ нашихъ камзоловъ, только длинныя, до колѣнъ и съ длинными рукавами, которые передъ кистью руки собираются въ складки; сзади у шеи у нихъ воротникъ въ четверть локтя длиною и шириною; онъ снизу бархатный, а у знатнѣйшихъ изъ золотой парчи: выступая надъ остальными одеждами, онъ подымается вверхъ на затылкѣ.

Кафтанъ.

Это одѣяніе они называютъ «кафтаномъ». Поверхъ кафтана нѣкоторые носятъ еще другое одѣяніе, которое доходитъ до икръ или спускается ниже ихъ и называется ферязью.

Ферязь.

Оба эти нижнія одѣянія приготовляются изъ катуна, киндіака, тафты, дамаста или атласа, какъ кто въ состояніи завести его

себѣ. Ферязь на бумажной подкладкѣ. Надъ всѣмъ этимъ у нихъ длинныя одѣянія, спускающіяся до ногъ; таковыя они одѣваютъ, когда выходятъ на улицу. Они въ большинствѣ случаевъ изъ синефіолетоваго, коричневаго (цвѣта дубленной кожи) и темно-зеленаго сукна, — иногда также изъ пестраго дамаста — атласа или золотой парчи.

Верхнія одѣянія.

Въ такомъ родѣ всѣ кафтаны, которые находятся въ сокровищницѣ великаго князя и во время публичныхъ аудіенцій выдаются мужчинамъ, засѣдающимъ на нихъ, для усиленія пышности.

Стр. 34.

У этихъ наружныхъ кафтановъ сзади на плечахъ широкіе вороты, спереди, сверху внизъ, и съ боковъ прорѣзы съ тесемками, вышитыми золотомъ, а иногда и жемчугомъ; на тесемкахъ же висятъ длинныя кисти. Рукава у нихъ почти такой же длины, какъ и кафтаны, но очень узки; ихъ они на рукахъ собираютъ во многія складки, такъ что едва удается просунуть руки; иногда же, идя, они даютъ рукавамъ свисать ниже рукъ. Нѣкоторые рабы и легкомысленные сорванцы носятъ въ такихъ рукавахъ камни и кистени, что̀ нелегко замѣтить: нерѣдко, въ особен-

Злоупотребленіе длинными рукавами.

ности ночью, съ такимъ оружіемъ они нападаютъ и убиваютъ людей.

Головныя одѣянія.

На головы всѣ они надѣваютъ шапки. У князей и бояръ или государственныхъ совѣтниковъ во время публичныхъ засѣданій надѣты шапки изъ чернаго лисьяго или собольяго мѣха, длиною съ локоть; въ остальныхъ же случаяхъ они носятъ бархатныя шапочки по нашему образцу, подбитыя и опушенныя черною лисицею или соболемъ; впрочемъ, у нихъ очень не много мѣху выходитъ наружу. Съ обѣихъ сторонъ эти шапочки обшиваются золотымъ или жемчужнымъ шнуркомъ. У простыхъ гражданъ лѣтомъ шапки изъ бѣлаго войлока, а зимою изъ сукна, подбитыя простымъ мѣхомъ.

Шапки.

Большею частью они, подобно полякамъ, носятъ короткіе, спереди заостряющіеся сапоги изъ юфти или персидскаго сафьяна. О кордуанѣ они ничего не знаютъ. У женщинъ, въ особенности у дѣвушекъ, башмаки съ очень высокими каблуками: у иныхъ въ четверть локтя длиною; эти каблуки сзади, по всему нижнему краю, подбиты тонкими гвоздиками. Въ такихъ башмакахъ они не могутъ много бѣгать, такъ какъ передняя часть башмака съ пальцами ногъ едва доходитъ до земли.

Высокіе башмаки у дѣвицъ.

Женскіе костюмы.

Женскіе костюмы подобны мужскимъ; лишь верхнія одѣянія шире, хотя изъ того же сукна. У богатыхъ женщинъ костюмы спереди до низу окаймлены позументами и другими золотыми шнурами, у иныхъ же украшены тесемками и кистями, а иногда большими серебряными и оловянными пуговицами. Рукава вверху не пришиты вполнѣ, такъ что онѣ могутъ просовывать руки и давать рукавамъ свисать. Однако, онѣ не носятъ кафтановъ и — еще того менѣе — четырехугольныхъ, поднимающихся на шеѣ воротниковъ. Рукава ихъ сорочекъ въ 6, 8, 10 локтей — а если они изъ свѣтлаго каттуна — то и болѣе еще того длиною, но узки; надѣвая ихъ, онѣ ихъ собираютъ въ мелкія складки. На головахъ у нихъ широкія и просторныя шапки изъ золотой парчи, атласа, дамаста, съ золотыми тесьмами, иногда даже шитыя золотомъ и жемчугомъ и опушенныя бобровымъ мѣхомъ; онѣ одѣваютъ эти шапки такъ, что волосы гладко свисаютъ внизъ на половину лба. У взрослыхъ дѣвицъ на головахъ большія лисьи шапки.

Очень длинные рукава сорочекъ.

Женскія шапки.

Нѣмцы носили русскіе костюмы.

Раньше нѣмцы, голландцы, французы и другіе иностранцы, желавшіе ради службы у великаго князя и торговли пребывать и жить у нихъ, заказывали себѣ одежды и костюмы на подобіе русскихъ; имъ это приходилось дѣлать даже поневолѣ, чтобы не встрѣчать оскорбленій словомъ и дѣйствіемъ со стороны

дерзкихъ злоумышленниковъ. Однако, годъ тому назадъ нынѣшній патріархъ перемѣнилъ это обыкновеніе, основываясь на слѣдующемъ случаѣ. Когда однажды въ городѣ происходила большая процессія при участіи самого патріарха, и послѣдній, по обыкновенію, благословлялъ стоявшій кругомъ народъ, нѣмцы, бывшіе среди русскихъ, не захотѣли, подобно русскимъ, продѣлать передъ патріархомъ ни поклоновъ, ни крестнаго знаменія. Патріархъ на это разсердился и, узнавъ, что тутъ замѣшались нѣмцы, сказалъ: «не хорошо, что недостойные ино-

странцы такимъ случайнымъ образомъ также получаютъ благословеніе», и вотъ, чтобы впредь онъ могъ узнавать и отличать ихъ отъ русскихъ, пришлось издать приказъ ко всѣмъ иностранцамъ, чтобы немедленно же каждый изъ нихъ снялъ русское платье и впредь встрѣчался только въ одеждѣ своей собственной страны.

Нѣкоторымъ изъ иностранцевъ было столь же трудно немедленно исполнить это приказаніе, какъ казалось опаснымъ ослушаться его. Многіе изъ нихъ, не столько изъ-за недо-

статка матеріи и приклада, сколько изъ-за отсутствія портныхъ не могли вскорѣ получить новыя одежды, а между тѣмъ, въ виду ежедневныхъ своихъ выѣздовъ ко двору, не могли, безъ ущерба для себя, оставаться дома. Поэтому каждый изъ нихъ взялъ, что у него ближе всего находилось подъ руками. Нѣкоторые надѣли костюмы своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ и одежды иныхъ друзей своихъ, которыя еще во времена тирана, при уводѣ старыхъ лифляндцевъ въ плѣнъ, попали въ Москву и съ тѣхъ поръ лежали въ сундукахъ. При ихъ встрѣчахъ кафтаны эти вызывали не мало смѣха не только ради столь древнихъ и разнообразныхъ покроевъ, но и потому, что одежды иному были слишкомъ велики, другому слишкомъ малы. Теперь, поэтому, всѣ иностранцы, какихъ земель они ни будь люди, должны ходить всегда одѣтые въ костюмы своихъ собственныхъ странъ, чтобы была возможность отличить ихъ отъ русскихъ.

Отыскиваются старо-германскіе костюмы.

Въ Москвѣ живетъ нѣкій князь, по имени — Никита Ивановичъ Романовъ. Послѣ царя это знатнѣйшій и богатѣйшій человѣкъ, къ тому же онъ близкій родственникъ царя. Это веселый господинъ и любитель нѣмецкой музыки. Онъ не только любитъ очень иностранцевъ, особенно нѣмцевъ, но и чувствуетъ большую склонность къ ихъ костюмамъ. Поэтому онъ велѣлъ не разъ шить для нихъ польское и нѣмецкое платье, а иногда и самъ, ради удовольствія, надѣвалъ его и въ немъ выѣзжалъ на охоту, несмотря на то, что патріархъ возражалъ противъ подобнаго одѣянія. Бояринъ этотъ, впрочемъ, иногда и въ религіозныхъ вопросахъ, какъ кажется, сердилъ патріарха тѣмъ, что отвѣчалъ ему коротко, но упрямо. Впрочемъ, патріархъ, въ концѣ концовъ, всетаки хитростью выманилъ у него костюмы и добился отказа отъ нихъ.

Нѣмецкое платье на русскомъ.

XXXVIII.

(Книга III, глава 6).

О природѣ русскихъ, ихъ душевныхъ качествахъ и нравахъ.

Русскіе — варвары.

Когда наблюдаешь русскихъ въ отношеніи ихъ душевныхъ качествъ, нравовъ и образа жизни, то ихъ, безъ сомнѣнія, не можешь не причислить къ варварамъ. Итакъ нельзя сказать о нихъ, какъ въ старину говорилось о грекахъ (правда, они хвастаются приходомъ къ нимъ грековъ и заимствованіями у этихъ

послѣднихъ, но, на самомъ дѣлѣ, они не имѣютъ отъ нихъ ни языка, ни искусства), а именно, что они одни — люди умные и съ тонкимъ пониманіемъ, а всѣ остальные — не-греки — варвары. Русскіе вовсе не любятъ свободныхъ искусствъ и высокихъ наукъ и не имѣютъ никакой охоты заниматься ими. А вѣдь, между тѣмъ, сказано: «Доброе обученіе искусствамъ смягчаетъ нравы и не даетъ одичать» (Didicisse fideliter artes emollit mores, nec sinit esse feros). Поэтому они остаются невѣждами и грубыми людьми.

Большинство русскихъ даютъ грубые и невѣжественные отзывы о высокихъ, имъ неизвѣстныхъ, натуральныхъ наукахъ и искусствахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они встрѣчаютъ иностранцевъ, имѣющихъ подобныя познанія. Такъ они, напримѣръ, астрономію и астрологію считали за волшебную науку. Они полагаютъ, что имѣется что-то нечистое въ знаніи и предсказаніи напередъ солнечныхъ и лунныхъ затменій, равно какъ и дѣйствій свѣтилъ. Поэтому, когда мы вернулись изъ Персіи, и въ Москвѣ стало извѣстно, что великій князь назначаетъ и принимаетъ меня въ свои астрономы, то нѣкоторые изъ нихъ стали такъ говорить: «вскорѣ вернется въ Москву находившійся въ составѣ голштинскаго посольства волшебникъ, умѣющій по звѣздамъ предсказывать будущее». Вслѣдствіе этого люди уже почувствовали ко мнѣ отвращеніе, и я, узнавъ о немъ, между прочимъ, по этой причинѣ и воздержался принять приглашеніе.

Впрочемъ, московитамъ не столь интересно было, пожалуй, имѣть меня въ качествѣ астронома: скорѣе всего хотѣли они меня удержать въ странѣ потому, что имъ стало извѣстно о начерченныхъ мною и нанесенныхъ на карту рѣкѣ Волгѣ и персидскихъ провинціяхъ, черезъ которыя мы проѣхали.

Когда я позже, въ 1643 году, моимъ милостивѣйшимъ государемъ вновь былъ посланъ въ Москву и, ради забавы, въ темной комнатѣ при помощи маленькаго отверстія въ стѣнѣ и вложеннаго туда шлифованнаго стекла сталъ изображать въ живыхъ цвѣтахъ все находившееся на улицахъ противъ окна, а канцлеръ въ это время зашелъ ко мнѣ, то онъ перекрестился и сказалъ: «тутъ, вѣрно волшебство» — тѣмъ болѣе, что вѣдь лошади и люди представлялись идущими вверхъ ногами.

Анатомировать человѣческіе трупы и имѣть скелеты—мерзость, по мнѣнію русскихъ.

Хотя они и любятъ и цѣнятъ врачей и ихъ искусство, но, тѣмъ не менѣе, не желаютъ допустить, чтобы примѣнялись и обсуждались такіе общеупотребительныя въ Германіи и другихъ мѣстахъ средства для лучшаго изученія врачеванія, какъ

анатомированіе человѣческихъ труповъ и скелеты; ко всему этому русскіе относятся съ величайшимъ отвращеніемъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ опытный цирюльникъ, по имени Квиринъ, голландецъ, человѣкъ веселаго нрава, находясь на службѣ у великаго князя, имѣлъ скелетъ или остовъ человѣческій, висѣвшій у него въ комнатѣ, на стѣнѣ, надъ столомъ. Однажды онъ, по своему обыкновенію, сидѣлъ за столомъ и игралъ на лютнѣ, а въ это время стрѣльцы, которые (какъ тогда было принято) всегда сторожили на дворѣ нѣмца, пошли по направленію звука и заглянули въ дверь. Когда эти люди замѣтили кости на стѣнѣ, они испугались—тѣмъ болѣе, что увидѣли, что скелетъ движется. Поэтому они ушли и заявили, что у нѣмецкаго цирюльника на стѣнѣ виситъ мертвое тѣло, которое движется, когда цирюльникъ играетъ на лютнѣ. Этотъ слухъ дошелъ до великаго князя и патріарха, которые послали другихъ людей съ приказаніемъ внимательно осмотрѣть все, въ особенности въ то время, когда цирюльникъ играетъ на лютнѣ. Эти люди не только подтвердили показаніе первыхъ, но сказали еще, будто мертвецъ танцовалъ на стѣнѣ подъ звуки лютни.

Хирургъ Квиринъ, изъ-за скелета, подвергается большой опасности.

Русскіе этому очень удивились, стали совѣщаться и рѣшили, что, навѣрное, цирюльникъ — волшебникъ, такъ что необходимо будетъ сжечь его вмѣстѣ съ останками его мертвеца. Когда Квиринъ узналъ, что втайнѣ состоялось такое опасное для него заключеніе, онъ послалъ знатнаго нѣмецкаго купца, пользовавшагося расположеніемъ вельможъ, къ князю Ивану Борисовичу Черкасскому, чтобы сообщитъ истину и не допустить такого жестокаго поступка. Купецъ сказалъ боярину: «изъ-за такого скелета никоимъ образомъ нельзя винить цирюльника въ волшебствѣ. Въ Германіи принято, чтобы у лучшихъ врачей и цирюльниковъ имѣлись подобные костяки; дѣлается это, чтобы, въ случаѣ, если у какого-либо живого человѣка сломана нога или ранена какая-либо часть тѣла, легче узнать, какъ взяться за дѣло и лѣчить. Если же кости двигались, то это зависѣло не отъ игры на лютнѣ, а отъ вѣтра, дувшаго въ открытое окно». Послѣ этого приговоръ былъ отмѣненъ. Однако, Квирину пришлось уѣхать изъ страны, а скелетъ перетащили черезъ Москву-рѣку и сожгли. Подобную же трагедію предполагали они потомъ сыграть съ нѣмецкимъ живописцемъ Іоганномъ Детерсеномъ.

Живописецъ въ опасности изъ-за черепа.

Когда во время большого пожара, возникшаго въ Москвѣ четыре года тому назадъ, стрѣльцы по указанному выше способу пришли тушить огонь и ломать сосѣдніе дома и при этомъ застали въ

домѣ живописца старый черепъ, то они хотѣли самого живописца вмѣстѣ съ черепомъ бросить въ огонь. Его бы и бросили такимъ образомъ, если бы нѣкоторые изъ присутствовавшихъ не заявили, что черепомъ онъ, по обычаю нѣмецкихъ живописцевъ, пользуется для срисовыванія его.

Умъ русскихъ.

Что касается ума, русскіе, правда, отличаются смышленостью и хитростью, но пользуются они умомъ своимъ не для того, чтобы стремиться къ добродѣтели и похвальной жизни, но чтобы искать выгодъ и пользы и угождать страстямъ своимъ. Поэтому они, какъ говоритъ датскій дворянинъ Іаковъ (такъ именуетъ себя въ своемъ «Hodaeporicon Ruthenicum» посолъ короля Фридриха II датскаго), люди «хитрые, смышленные, упорные, необузданные, недружелюбные и извращеные — чтобы не сказать — безстыдные, склонные ко всякому злу, ставящіе силу на мѣсто права и отрѣшившіеся — вѣрьте мнѣ — отъ всякихъ добродѣтелей». Вѣдь это они сами доказали ему: они лукавы, упрямы, необузданы, недружелюбны, извращены, безстыдны, склонны ко всему дурному, пользуются силою вмѣсто права, распростились со всѣми добродѣтелями и скусили голову всякому стыду.

Стр. 36.

Іаковъ датчанинъ о нравѣ русскихъ.

Смышленость ихъ.

Ихъ смышленость и хитрость, наряду съ другими поступками, особенно выдѣляются въ купляхъ и продажахъ, такъ какъ они выдумываютъ всякія хитрости и лукавства, чтобы обмануть своего ближняго. А если кто ихъ желаетъ обмануть, то у такого человѣка должны быть хорошіе мозги. Такъ какъ они избѣгаютъ правды и любятъ прибѣгать ко лжи и къ тому же крайне подозрительны, то они сами очень рѣдко вѣрятъ кому-либо; того, кто ихъ сможетъ обмануть, они хвалятъ и считаютъ мастеромъ. Поэтому какъ-то нѣсколько московскихъ купцовъ упрашивали нѣкоего голландца, обманувшаго ихъ въ торговлѣ на большую сумму денегъ, чтобы онъ вступилъ съ ними въ компанію и сталъ ихъ товарищемъ по торговлѣ. Такъ какъ онъ зналъ такіе мастерскіе пріемы обмана, то они полагали, что съ этимъ человѣкомъ будутъ хорошо торговать. При этомъ странно, что хотя на обманъ они не смотрятъ какъ на дѣло совѣсти, а лишь цѣнятъ его какъ умный и похвальный поступокъ, тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ полагаютъ, что грѣхъ не отдать лишекъ человѣку, который при платежѣ денегъ по ошибкѣ уплатитъ слишкомъ много. Они говорятъ, что въ данномъ случаѣ деньги даются по незнанію и противъ воли, и что принятіе ихъ было бы кражею; [въ случаѣ же обмана] участникъ сдѣлки платитъ по доброй волѣ и вполнѣ сознательно.

По ихъ мнѣнію, торговать нужно съ умомъ и смысломъ, или же совершенно не касаться этого дѣла.

Лживые доносы.

Чтобы проявить свое лукавство, обманы и надругательство по отношенію къ ближнимъ, на которыхъ они злы или которыхъ ненавидятъ, они, между прочимъ, поступаютъ такимъ образомъ: такъ какъ кража у нихъ считается порокомъ серьезно караемымъ, то они стараются того или иного обвинить въ ней. Они идутъ и занимаютъ деньги у своихъ знакомыхъ, оставляя взамѣнъ одежду, утварь или другіе предметы. При этомъ они иногда тайно подкидываютъ что-либо въ домъ или суютъ въ сапоги, въ которыхъ они обыкновенно носятъ свои письма, ножи, деньги и другія мелкія вещи,—а затѣмъ обвиняютъ и доносятъ, будто эти вещи тайно украдены. Какъ только вещи найдены и узнаны, обвиняемый долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности. Такъ какъ, однако, подобные обманы и лживость сильно стали распространяться и стали всѣмъ извѣстны, то великій князь въ наше время, въ 1634 году, въ день Новаго года, велѣлъ публично возвѣстить новый указъ свой: «чтобы никто, ни даже отецъ съ сыномъ, не занимали денегъ, не давали другъ другу залоговъ или вступали въ иныя обязательства безъ записей за собственными руками съ обѣихъ сторонъ; въ противномъ случаѣ всѣ выступающіе съ требованіями признаются подозрительными и могутъ лишиться своихъ правъ на требуемое». Имѣются и лживые судьи, которые сами подстрекаютъ своихъ близкихъ къ подобнымъ злоупотребленіямъ, надѣясь получить отсюда выгоду. Ниже мы узнаемъ подробности объ этомъ дѣлѣ.

Лживые судьи.

Вѣроломство и лживость у нихъ столь велики, что опасность отъ этихъ свойствъ угрожаетъ не только чужимъ людямъ и сосѣдямъ, но и брату отъ брата или одному супругу отъ другого. Этому извѣстны примѣры.

Во времена великаго князя Бориса Годунова (какъ разсказывалъ намъ нарвскій пасторъ г. Мартинъ Бэръ, въ то время жившій въ Москвѣ) какъ-то случилось, что великій князь однажды, испытывая большія страданія отъ подагры, воскликнулъ: «не найдется ли кто-нибудь, кто сумѣлъ бы его освободить отъ этой болѣзни? пусть таковой скажется, и, не взирая на состояніе и вѣру его, ему будутъ даны въ награду за лѣченіе большія милости и богатства».

Когда объ этомъ узнала жена одного боярина, испытывавшая суровое обхожденіе со стороны своего мужа, она предположила, что представляется удобный случай отомстить мужу.

Поэтому она пошла и донесла о своемъ мужѣ, будто ему извѣстно хорошее средство для помощи великому князю, но онъ будто не желаетъ сдѣлать князю угодное. Боярина позвали къ великому князю и спросили его. Когда онъ сказалъ, что совершенно несвѣдущъ въ лѣчебной наукѣ, его безжалостно высѣкли и удержали въ заточеніи. Когда онъ сказалъ, что жена его устроила ему эту баню изъ мести, и что онъ намѣренъ ей это напомнить, то его еще сильнѣе избили и пригрозили даже смертною казнью; ему обѣщали немедленно же приступить къ таковой, если онъ не спасетъ великаго князя отъ болѣзни. Добрый бояринъ со страха не зналъ, что начать; тѣмъ не менѣе, онъ попросилъ отсрочки на 14 дней, чтобы собрать нѣкоторыя травы, при помощи которыхъ онъ думалъ испробовать свое спасеніе. Онъ хотѣлъ хоть немного дней еще прожить, полагая, что тѣмъ временемъ случится что-либо новое. Когда ему дана была эта отсрочка, онъ послалъ въ Серпуховъ, лежащій въ 2-хъ дняхъ пути отъ Москвы на рѣкѣ Окѣ, и велѣлъ привезти оттуда цѣлую телѣгу смѣшанныхъ всевозможныхъ травъ, растущихъ тамъ въ изобиліи и весьма пышно. Изъ нихъ онъ сдѣлалъ великому князю ванну. Къ великому счастью боярина, у больного боль прошла, можетъ быть — не столько отъ ванны, сколько сама по себѣ. Послѣ этого боярина еще сильнѣе высѣкли за то, что онъ, обладая такимъ искусствомъ, все-таки отрицалъ его и не хотѣлъ помочь великому князю, но въ то же время ему подарили новое платье и 200 рублей или 400 рейхсталеровъ и 18 крестьянъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, со строгимъ предупрежденіемъ, чтобы онъ не смѣлъ мстить женѣ. Говорятъ, послѣ этого супруги жили мирно.

На боярина доноситъ жена его.

Лѣченіе подагры.

Раньше при подобныхъ враждебныхъ и злостныхъ доносахъ, особенно въ случаяхъ, касавшихся оскорбленія величества, обвиняемый, безъ допроса, уликъ и выслушанія, подвергался наказанію, доводился до нищеты или казнился смертью. Страдали при этомъ не только низко поставленные, но и высокаго званія персоны, какъ иностранныя, такъ и туземныя. Среди русскихъ такіе примѣры безчисленны.

При этомъ не щадились и послы иностранныхъ государей. Подобнаго рода быстрый процессъ совершенъ былъ съ римскимъ императорскимъ посломъ, который былъ заточенъ и сосланъ въ далекіе края, а затѣмъ, изъ отчаянія и въ надеждѣ добиться лучшаго обращенія, принялъ русскую вѣру. Онъ въ наше время находился въ Москвѣ. Нѣчто подобное случилось и съ посломъ короля французскаго Шарлемъ Таллераномъ, принцемъ де-Шаль,

Не выслушиваютъ иностранныхъ пословъ.

который испыталъ тайный, по русскому обычаю, доносъ со стороны своего злого коллеги Якова Русселя. Объ этомъ разсказано выше въ главѣ 17-ой въ I-ой книгѣ.

Стр. 60-61

Когда, однако, увидѣли, что многіе не стыдились изъ одной ненависти и вражды, безо всякаго основанія доносить на другихъ и клеветать, то рѣшено было поступать болѣе осторожно въ подобныхъ случаяхъ и было указано, что отнынѣ въ уголовныхъ дѣлахъ жалобщикъ и доносчикъ самъ также долженъ идти на пытку и подтвердить свою жалобу вынесенною мукою. Если пытаемый остается при своемъ первомъ показаніи и доносѣ, то очередь [пытки] за обвиняемымъ, а иногда, когда дѣло очень ясное, наказаніе назначается безъ дальнѣйшаго процесса. Такъ, напримѣръ, въ наши дни на конюха показала его злая жена, будто онъ собирался великокняжескихъ лошадей, а если будетъ возможность, и самого великаго князя, отравить ядомъ. Жену пытали по поводу этого доноса, но такъ какъ она выдержала пытки, не измѣнивъ своего показанія, то мужъ былъ признанъ виновнымъ и сосланъ бѣдствовать въ Сибирь. Жена же осталась въ Москвѣ и получала на свое содержаніе половину ежегоднаго жалованья, полагавшагося ея мужу.

Доносчиковъ сначала мучатъ.

Такъ какъ русскіе примѣняютъ свою хитрость и вѣроломство во многихъ случаяхъ и сами другъ другу не держатъ вѣры, то понятно, какъ они относятся къ иностранцамъ и какъ трудно на нихъ полагаться. Если они предлагаютъ дружбу, то дѣлаютъ это не изъ любви къ добродѣтели (которую они не почитаютъ, хотя философъ и говоритъ, что она должна быть нашей путеводною звѣздою и цѣлью), но ради выгоды и пользы. Поэтому именно о нихъ и можно сказать:

Иностранцы не могутъ на нихъ полагаться.

Vulgus amicitiam utilitate probat.
Тамъ только чернь съ тобой дружна,
Гдѣ выгодъ ждетъ себѣ она.

Высокомѣріе.

Всѣ они, въ особенности же тѣ, кто счастьемъ и богатствомъ, должностями или почестями возвышаются надъ положеніемъ простонародья, очень высокомѣрны и горды, чего они, по отношенію къ чужимъ, не скрываютъ, но открыто показываютъ своимъ выраженіемъ лица, своими словами и поступками. Подобно тому, какъ они не придаютъ никакого значенія иностранцу сравнительно съ людьми собственной своей страны, также точно полагаютъ они, что ни одинъ государь въ мірѣ не можетъ равняться съ ихъ главою своимъ богатствомъ, властью, величіемъ, знатностью и достоинствами. Они и не принимаютъ

никакого письма на имя его царскаго величества, въ которомъ какая-либо мелочь въ титулѣ опущена или неизвѣстна для нихъ.

Было смѣшно, какъ годъ тому назадъ два русскіе посла въ Голштиніи, посланные къ тамошнему правительству, не захотѣли принять его свѣтлости письмо на имя его царскаго величества, такъ какъ тамъ примѣнено было надписаніе («дядѣ и свойственнику»), согласно съ обыкновеніемъ подобнаго же обращенія къ прежнимъ великимъ князьямъ; пришлось поэтому удалить эти слова. Они говорили: «за это имъ придется отвѣчать жизнью; по ихъ мнѣнію, его царское величество слишкомъ высокъ, чтобы иностранный государь могъ называть его свойственникомъ». Тщетно имъ сообщали и доказывали про герцога Магнуса голштинскаго, господина двоюроднаго брата моего милостивѣйшаго государя, дружбу съ предками нынѣшняго царя и на иное, въ оправданіе того, что слова эти помѣщены правильно. Все это почти походило на мнѣніе персовъ объ Али, ихъ великомъ святомъ и патронѣ, про котораго говорятъ, что онъ «хотя и не Богъ, но въ очень близкомъ родствѣ съ Богомъ».

Царь не можетъ быть свойственникомъ.

Али, покровитель персовъ.

Они грубо честолюбивы и готовы заявлять объ этомъ, если ихъ почитаютъ или съ ними обращаются не по ихъ волѣ.

Приставы, которыхъ его царское величество посылаетъ, какъ служителей своихъ, для пріема иностранныхъ пословъ, не стыдятся открыто требовать, чтобы послы снимали шляпы раньше русскихъ и раньше ихъ сходили съ лошадей. Насильно протискиваются они впередъ, чтобы ѣхать и идти выше пословъ, и совершаютъ еще много иныхъ грубыхъ нарушеній вѣжливости. Они полагаютъ, что нанесли бы большой ущербъ своему государю и всей націи, если бы они по отношенію къ иностраннымъ гостямъ и посламъ великихъ государей (а эти послы, по словамъ Фредерика де-Мерзелеръ въ его соч. «Legatus», «являются изображеніемъ государей и должны считаться достойными чести государей») вели себя съ пріятною вѣжливостью и почтительностью.

Стр. 123.

Стр. 132. 141.

lib. 1. deffertat. 3.

Даже знатнѣйшіе изъ русскихъ въ письмахъ своихъ къ иностранцамъ пользуются довольно жесткими и неуважительными словами, но зато допускаютъ, чтобы мы отвѣчали тѣмъ же и писали имъ въ томъ же родѣ. Мы, тѣмъ не менѣе, видѣли нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя и немногихъ, которые обращались съ нами очень вѣжливо и доброжелательно. Говорятъ, что раньше они были еще невѣжливѣе, но нѣсколько исправились вслѣдствіе общенія и сношеній съ иностранцами. Вышеназванный Никита [Романовъ], пожалуй, по уму, честности и обходительности пре-

Грубы въ письмѣ.

Похвала Никитѣ. Стр. 178.

восходитъ ихъ всѣхъ и является самымъ полезнымъ [дѣятелемъ] и красою всѣхъ русскихъ, что вскорѣ станетъ болѣе яснымъ изъ нижеслѣдующихъ разсказовъ.

Изъ высокомѣрія они и сами между собою не уступаютъ другъ другу, стремятся къ высшему мѣсту и часто изъ-за этого вступаютъ въ сильныя ссоры. Нѣчто подобное случилось однажды въ Нижнемъ Новгородѣ въ нашемъ присутствіи. 14-го іюля гофмейстеръ государственнаго канцлера изъ Москвы, человѣкъ знатный, явился сюда, чтобы посмотрѣть вновь построенный корабль и привѣтствовать пословъ. Когда онъ приглашенъ былъ къ столу вмѣстѣ съ приставомъ, то между ними начался рьяный споръ о значеніи: «бл..инъ с..ъ, с..инъ с..ъ,.б. т... м...рь» и другія гнусныя слова были лучшими титулами, которыми они неистово привѣтствовали другъ друга. Гофмейстеръ говорилъ: «онъ—сынъ боярскій, а тотъ изъ простого званія и поэтому ему надлежитъ сидѣть выше». Приставъ же говорилъ: «онъ—великокняжескій слуга и потому, ради государя своего, долженъ по праву занимать высшее мѣсто». Намъ это надоѣло и мы совѣстились даже слушать подобную брань и ругань, длившіяся почти полчаса, но они, не стѣсняясь, продолжали, пока послы не вмѣшались и сказали: «думалось, что они, какъ друзья, принесутъ намъ дружбу, а не хлопоты и не будутъ безчестить другъ друга въ нашемъ присутствіи». Они попросили ихъ быть дружелюбнѣе и веселѣе, чтобы присутствіе ихъ стало тѣмъ болѣе пріятнымъ для насъ. Послѣ этого они успокоились и, хорошо напившись, стали даже весьма дружелюбны другъ съ другомъ.

Споръ изъ-за мѣста.

Они вообще весьма бранчивый народъ и наскакиваютъ другъ на друга съ неистовыми и суровыми словами, точно псы. На улицахъ постоянно приходится видѣть подобнаго рода ссоры и бабьи передряги, причемъ онѣ ведутся такъ рьяно, что съ непривычки думаешь, что они сейчасъ вцѣпятся другъ другу въ волосы. Однако, до побоевъ дѣло доходитъ весьма рѣдко, а если уже дѣло зашло такъ далеко, то они дерутся кулачнымъ боемъ, и изо всѣхъ силъ бьютъ другъ друга въ бока и въ срамныя части. Еще никто ни разу не видалъ, чтобы русскіе вызывали другъ друга на обмѣнъ сабельными ударами или пулями, какъ это обыкновенно дѣлается въ Германіи и въ другихъ мѣстахъ. Зато извѣстны случаи, что знатные вельможи, и даже князья храбро били другъ друга кнутами, сидя верхомъ на коняхъ. Объ этомъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, да и сами видѣли двухъ дѣтей боярскихъ, [такъ стегавшихъ другъ друга] при въѣздѣ турецкаго посла.

Бранчивый народъ.

Княжескія дуэли.

Стр. 46.

При вспышкахъ гнѣва и при ругани они не пользуются слишкомъ, къ сожалѣнію, у насъ распространенными проклятіями и пожеланіями съ именованіемъ священныхъ предметовъ, посылкою къ чорту, руганіемъ «негодяемъ» и т. п. Вмѣсто этого у нихъ употребительны многія постыдныя, гнусныя слова и насмѣшки, которыя я — если бы того не требовало историческое повѣствованіе — никогда не сообщилъ бы цѣломудреннымъ ушамъ. У нихъ нѣтъ ничего болѣе обычнаго на языкѣ: какъ «бл...нъ с..ъ, с...нъ с..ъ, собака, .б. т... м.ть, .б..а м.ть», причемъ прибавляется «въ могилу, in os ipsius, in oculos» и еще иныя тому подобныя гнусныя рѣчи. Говорятъ ихъ не только взрослые и старые, но и малыя дѣти, еще не умѣющія назвать ни Бога, ни отца, ни мать, уже имѣютъ на устахъ это: «.б. т... м.ть» и говорятъ это родителямъ дѣти, а дѣти родителямъ. Въ послѣднее время эти порочныя и гнусныя проклятія и брань были сурово и строго воспрещены публично оповѣщеннымъ указомъ, даже подъ угрозою кнута; назначенныя тайно лица должны были по временамъ на переулкахъ и рынкахъ мѣшаться въ толпу народа, а отряженные имъ на помощь стрѣльцы и палачи должны были хватать ругателей и на мѣстѣ же, для публичнаго позорища, наказывать ихъ.

Ругань и проклятія русскихъ.

Были запрещены.

Однако, это давно привычная и слишкомъ глубоко укоренившаяся ругань требовала тутъ и тамъ больше надзора, чѣмъ можно было имѣть, и доставляла наблюдателямъ, судьямъ и палачамъ столько невыносимой работы, то имъ надоѣло какъ слѣдить за тѣмъ, чего они сами не могли исполнить, такъ и наказывать преступниковъ.

Чтобы, однако, брань, ругань и безчестье не могли совершаться, безъ различія, по отношенію къ незнатнымъ и знатнымъ людямъ, начальство распорядилось такъ, чтобы тотъ, кто ударитъ или иначе обезчеститъ знатнаго человѣка или жену его или великокняжескаго слугу — русскіе ли они или иностранцы, обязанъ заплатить крупный денежный штрафъ, о которомъ говорится: «заплатить безчестье». Сумма подобнаго штрафа исчисляется, смотря по качеству, достоинству или званію чьему-либо и называется «окладомъ». Сообразно особому цензу каждому назначенъ свой окладъ. Напримѣръ, боярину, смотря по его происхожденію и важности положенія его, платится, одному, пожалуй, 2000, другому—1500, третьему—1000 талеровъ и менѣе. Царскому слугѣ платится, смотря по его годовому жалованью. Напримѣръ, такъ какъ врачу платятъ 600 талеровъ (не считая ежедневно уплачиваемаго ему добавочнаго вознагра-

Плата за безчестіе.

Обычаи русскихъ.

жденія), то столько же долженъ ругатель, по приговору судьи, заплатить обруганному. Если безчестили не только мужа, но и жену и дѣтей, то женѣ за безчестье надо платить вдвое, каждой дочери — 1800, а каждому сыну — 600 талеровъ. Такъ какъ, далѣе, ругатели — что съ легкомысленными людьми въ гнѣвѣ не рѣдко бываетъ, — бранятъ иногда и родителей и дѣдовъ и бабокъ чьихъ-либо, то имъ приходится платить точно также и за безчестье этихъ послѣднихъ, несмотря на то, что ихъ уже, можетъ быть, давно нѣтъ въ живыхъ. Если у преступника нѣтъ возможности деньгами или имуществомъ или всѣмъ, что у него есть, заплатить за безчестье, то онъ выдается самъ головою на домъ оскорбленному, и тотъ можетъ поступить съ нимъ, какъ ему будетъ угодно. Въ такихъ случаяхъ часто преступника превращаютъ въ крѣпостного или же велятъ его публично бить кнутомъ.

Примѣръ безчестья

Этотъ способъ обращенія съ ругателями и безчестящими людьми предоставляется какъ нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ, такъ и русскимъ; онъ, однако, очень распространенъ среди русскихъ, и рѣже встрѣчается среди иностранцевъ. Мнѣ извѣстны только два случая среди послѣднихъ. Во времена великаго князя Михаила Ѳеодоровича старый англичанинъ Джонъ Барнеслей долженъ былъ заплатить за безчестье д-ру Дею, также англичанину. Черезъ нѣкоторое время полковникъ Боккегоффенъ Младшій потребовалъ платы за безчестье отъ француза капитана де-ла-Костъ. Такъ какъ, однако, самъ полковникъ Боккегоффенъ былъ присужденъ къ тому же штрафу за обруганнаго имъ француза Антона де-Грэна (перекрестившагося впослѣдствіи, какъ о томъ будетъ ниже разсказано), а де-Грэнъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ капитаномъ, то посредничествомъ удалось покончить этотъ споръ, одинъ штрафъ отмѣнялся другимъ, и дѣло закончилось примиреніемъ.

Нравы русскихъ.

Искать у русскихъ большой вѣжливости и добрыхъ нравовъ нечего: и та и другіе не очень-то замѣтны. Они не стѣсняются во всеуслышаніе и такъ, чтобы было замѣтно всѣмъ, проявлять дѣйствіе пищи послѣ ѣды и кверху и книзу. Такъ какъ они ѣдятъ много чесноку и луку, то непривычному довольно трудно приходится въ ихъ присутствіи. Они потягивались и рыгали — можетъ быть, противъ воли этихъ добрыхъ людей — и на предшествовавшихъ тайныхъ аудіенціяхъ съ нами.

Такъ какъ они несвѣдущи въ хвальныхъ наукахъ, не очень интересуются достопамятными событіями и исторіею отцовъ и дѣдовъ своихъ и вовсе не стремятся къ знакомству съ качествами

чужихъ націй, то въ сходбищахъ ихъ ни о чемъ подобномъ и не приходится слышать. Не говорю я при этомъ, однако, о пиршествахъ у знатнѣйшихъ бояръ. Большею частью ихъ разговоры направлены въ ту сторону, куда устремляютъ ихъ природа и низменный образъ жизни: говорятъ они о развратѣ, о гнусныхъ порокахъ, о неприличностяхъ и безнравственныхъ поступкахъ, частью ими самими, частью другими совершенныхъ. Они разсказываютъ разныя постыдныя басни, и кто при этомъ въ со-

Ихъ разговоры.

стояніи отмочить самыя грубыя похабности и неприличности, притомъ съ самой легкомысленною мимикою, тотъ считается лучшимъ и пріятнѣйшимъ собесѣдникомъ. То же направленіе имѣютъ и ихъ танцы, часто сопровождаемые неприличными тѣлодвиженіями. Говорятъ, что иногда бродячіе комедіанты, танцуя, открываютъ задъ, а можетъ быть еще что-либо; подобнаго рода безстыдными танцами между прочимъ, въ свое время увеселяли датскаго посла Іакова. Онъ разсказываетъ въ своемъ «Hodaeporicon» (стр. 17), что при этомъ русскія женщины черезъ окна комнатъ представляли ему странные положенія и виды.

Легкомысленные танцы.

Они такъ преданы плотскимъ удовольствіямъ и разврату, что нѣкоторые оскверняются гнуснымъ порокомъ, именуемымъ

Развратны.

у насъ содоміею; при этомъ употребляютъ не только pueros muliebria pati assuetos (какъ говоритъ Курцій), но и мужчинъ, и лошадей. Это обстоятельство доставляетъ имъ потомъ тему для разговоровъ на пиршествахъ. Захваченные въ такихъ преступленіяхъ не наказываются у нихъ серьезно. Подобныя гнусныя вещи распѣваются кабацкими музыкантами на открытыхъ улицахъ, или же показываются молодежи и дѣтямъ въ кукольныхъ театрахъ за деньги. Ихъ плясуны — вожаки медвѣдей имѣютъ при себѣ и такихъ комедіантовъ, которые, между прочимъ, при помощи куколъ, устраиваютъ представленіе (у голландцевъ оно называется Klucht). Эти комедіанты завязываютъ себѣ вокругъ тѣла одѣяло и расправляютъ его вверхъ вокругъ себя, изображая такимъ образомъ переносный театръ, съ которымъ они могутъ бѣгать по улицамъ и на которомъ въ то же время могутъ происходить кукольныя игры.

Кукольный театръ.

«Они сняли съ себя всякій стыдъ и всякое стѣсненіе», — говоритъ многократно уже называвшійся нами датскій дворянинъ Іаковъ. Мы сами нѣсколько разъ видѣли въ Москвѣ, какъ мужчины и женщины выходили прохладиться изъ простыхъ бань, и голыя, какъ ихъ Богъ создалъ, подходили къ намъ и обращались къ нашей молодежи на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ съ безнравственными рѣчами. Къ подобной распутной наглости побуждаетъ ихъ сильно и праздность; ежедневно многія сотни ихъ можно видѣть стоящими праздно или гуляющими на рынкѣ или въ Кремлѣ. Вѣдь и пьянству они преданы болѣе, чѣмъ какой-либо народъ въ мірѣ. «Брюхо, налитое виномъ, быстро устремляется на вожделѣніе» — сказалъ Іеронимъ. Напившись вина паче мѣры, они, какъ необузданныя животныя, устремляются туда, куда ихъ увлекаетъ распутная страсть. Я припоминаю по этому поводу, что разсказывалъ мнѣ великокняжескій переводчикъ въ Великомъ Новгородѣ: «Ежегодно въ Новгородѣ устраивается паломничество. Въ это время кабатчикъ, основываясь на полученномъ имъ за деньги разрѣшеніи митрополита, устраиваетъ передъ кабакомъ нѣсколько палатокъ, къ которымъ немедленно же, съ самаго разсвѣта, собираются чужіе паломники и паломницы, а также и мѣстные жители, чтобы до богослуженія перехватить нѣсколько чарокъ водки. Многіе изъ нихъ остаются и въ теченіе всего дня и топятъ въ винѣ свое паломническое благочестивое настроеніе. Въ одинъ изъ подобныхъ дней случилось, что пьяная женщина вышла изъ кабака, упала на улицу и заснула. Другой пьяный русскій, проходя мимо и увидя женщину, которая лежала оголенная, распалился распут-

Женщины показываются голыя.

Праздные люди.

«Epistolae» 83.

Паломничество въ Новгородѣ.

ною страстью и прилегъ къ ней, не глядя на то, что это было среди бѣла дня и на людной улицѣ. Онъ и остался лежать съ нею и тутъ же заснулъ. Много молодежи собралось въ кружокъ у этой пары животныхъ и долгое время смѣялись и забавлялись по поводу ихъ, пока не подошелъ старикъ, накинувшій на нихъ кафтанъ и прикрывшій этимъ ихъ срамъ».

Срамъ двухъ пьяныхъ людей.

Порокъ пьянства такъ распространенъ у этого народа во всѣхъ сословіяхъ, какъ у духовныхъ, такъ и у свѣтскихъ лицъ, у высокихъ и низкихъ, мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ, что, если на улицахъ видишь лежащихъ тамъ и валяющихся въ грязи пьяныхъ, то не обращаешь вниманія; до того все это обыденно. Если какой-либо возчикъ встрѣчаетъ подобныхъ пьяныхъ свиней, ему лично извѣстныхъ, то онъ ихъ кидаетъ въ свою повозку и везетъ домой, гдѣ получаетъ плату за проѣздъ. Никто изъ нихъ никогда не упуститъ случая, чтобы выпить или хорошенько напиться, когда бы, гдѣ бы и при какихъ обстоятельствахъ это ни было; пьютъ при этомъ чаще всего водку. Поэтому и при приходѣ въ гости и при свиданіяхъ первымъ знакомъ почета, который кому-либо оказызывается, является то, что ему подносятъ одну или нѣсколько «чарокъ вина», т. е. водки; при этомъ простой народъ, рабы и крестьяне до того твердо соблюдаютъ обычай, что если такой человѣкъ получитъ изъ рукъ знатнаго чарку и въ третій, въ четвертый разъ и еще чаще, онъ продолжаетъ выпивать ихъ въ твердой увѣренности, что онъ не смѣетъ отказаться, — пока не упадетъ на землю и — въ иныхъ случаяхъ — не испуститъ душу вмѣстѣ съ выпивкою; подобнаго рода случаи встрѣчались и въ наше время, такъ какъ наши люди очень уже щедры были съ русскими и ихъ усиленно потчивали. Не только простонародье, говорю я, но и знатные вельможи, даже царскіе великіе послы, которые должны бы были соблюдать высокую честь своего государя въ чужихъ странахъ, не знаютъ мѣры, когда передъ ними ставятся крѣпкіе напитки; напротивъ, если напитокъ хоть сколько-нибудь имъ нравится, они льютъ его въ себя какъ воду до тѣхъ поръ, пока не начнутъ вести себя подобно лишеннымъ разума и пока ихъ не поднимешь порою уже мертвыми. Подобнаго рода случай произошелъ въ 1608 году съ великимъ посломъ, который отправленъ былъ къ его величеству королю шведскому Карлу IX. Онъ такъ напился самой крѣпкой водки — несмотря на то, что его предупреждали о ея огненной силѣ, — что въ тотъ день, когда его нужно было вести къ аудіенціи, оказался мертвымъ въ постели.

Пьянство у всѣхъ.

Посолъ допивается до смерти.

Русскіе кабаки.

Въ наше время повсемѣстно находились открытые кабаки и шинки, въ которые каждый, кто бы ни захотѣлъ, могъ зайти и пить за свои деньги. Тогда простонародье несло въ кабаки все, что у него было, и сидѣло въ нихъ до тѣхъ поръ, пока, послѣ опорожненія кошелька, и одежда и даже сорочки снимались и отдавались хозяину; послѣ этого голые, въ чемъ мать родила, отправлялись домой. Когда я въ 1643 году въ Новгородѣ остановился въ любекскомъ дворѣ, недалеко отъ кабака, я видѣлъ, какъ подобная спившаяся и голая братія выходила изъ кабака: иные безъ шапокъ, иные безъ сапогъ и чулокъ, иные въ однѣхъ сорочкахъ. Между прочимъ вышелъ изъ кабака и мужчина, который раньше пропилъ кафтанъ и выходилъ въ сорочкѣ; когда ему повстрѣчался пріятель, направлявшійся въ тотъ же кабакъ, онъ опять вернулся обратно. Черезъ нѣсколько часовъ онъ вышелъ безъ сорочки, съ одной лишь парою подштанниковъ на тѣлѣ. Я велѣлъ ему крикнуть: «куда же дѣлась его сорочка? Кто его такъ обобралъ?», на это онъ, съ обычнымъ ихъ: «.б. т... м.ть», отвѣчалъ: «это сдѣлалъ кабатчикъ; ну, а гдѣ остались кафтанъ и сорочка, туда пусть идутъ и штаны». При этихъ словахъ онъ вернулся въ кабакъ, вышелъ потомъ оттуда совершенно голый, взялъ горсть собачьей ромашки, росшей рядомъ съ кабакомъ, и, держа ее передъ срамными частями, весело и съ пѣснями направился домой.

Голый выходитъ изъ кабака.

Упраздненіе кабаковъ.

Правда, въ послѣднее время такіе простонародные кабаки, принадлежавшіе частью царю, частью боярамъ, упразднены, потому что они отвлекали людей отъ работы и давали только возможность пропивать заработанныя деньги; теперь никто уже не можетъ получить за 2 или 3 копѣйки, шиллинга или гроша — водки. Вмѣсто этого его царское величество велѣлъ устроить въ каждомъ городѣ лишь одинъ кружечный дворъ или домъ, откуда вино выдается только кружками или цѣлыми кувшинами; для завѣдыванія дворами поставлены лица, принесшія особую присягу, и ежегодно доставляющія невѣроятную сумму денегъ въ казну его царскаго величества. Ежедневнаго пьянства, однако, эта мѣра почти не прекратила, такъ какъ нѣсколько сосѣдей складываются, посылаютъ за кувшиномъ или болѣе, и расходятся не раньше, какъ выпьютъ все до дна; при этомъ часто они падаютъ одинъ рядомъ съ другимъ. Нѣкоторые также закупаютъ въ большихъ количествахъ, а отъ себя тайно продаютъ въ чаркахъ. Поэтому, правда, уже не видно такого количества голыхъ, но бродятъ и валяются немногимъ меньше пьяныхъ.

Женщины напиваются.

Женщины не считаютъ для себя стыдомъ напиваться и падать рядомъ съ мужчинами. Въ Нарвѣ я изъ моего мѣста оста-

новки у Нигоффскаго дома видѣлъ много забавнаго въ этомъ отношеніи. Нѣсколько русскихъ женщинъ какъ-то пришли на пиршество къ своимъ мужьямъ, присѣли вмѣстѣ съ ними и здорово вмѣстѣ выпивали. Когда, достаточно напившись, мужчины захотѣли идти домой, женщины воспротивились этому, и хотя имъ и были за это даны пощечины, всетаки не удалось ихъ побудить встать. Когда теперь, наконецъ, мужчины упали на землю и заснули, то женщины сѣли верхомъ на мужчинъ и до тѣхъ поръ угощали другъ друга водкою, пока и сами не напились мертвецки.

Женщины, сидящія на мужчинахъ.

Нашъ хозяинъ въ Нарвѣ Іаковъ фонъ-Кёлленъ разсказывалъ: «подобная же комедія разыгралась на его свадьбѣ: пьяные мужчины сначала отколотили своихъ женъ безо всякой причины, но потомъ перепились вмѣстѣ съ ними. Наконецъ, женщины, сидя на своихъ заснувшихъ мужьяхъ, такъ долго еще угощались одна передъ другою, что, въ концѣ концовъ, свалились рядомъ съ мужчинами и вмѣстѣ заснули». Какая опасность и какое крушеніе при подобныхъ обстоятельствахъ жизни претерпѣваются честью и цѣломудріемъ, легко себѣ представить.

Монахи и попы охотно пьютъ.

Я сказалъ, что духовныя лица не стремятся къ тому, чтобы быть свободными отъ этого порока. Такъ же легко встрѣтить пья-

наго попа и монаха, какъ и пьянаго мужика. Хотя ни въ одномъ монастырѣ не пьютъ ни вина, ни водки, ни меда, ни крѣпкаго пива, а пьютъ лишь квасъ, т. е. слабое пиво или кофентъ, тѣмъ не менѣе монахи, выходя изъ монастырей и находясь въ гостяхъ у добрыхъ друзей, считаютъ себя въ правѣ не только не отказываться отъ хорошей выпивки, но даже и сами требуютъ таковой и жадно пьютъ, наслаждаясь этимъ до того, что ихъ только по одеждѣ можно отличить отъ пьяницъ-мірянъ.

Благословеніе пьянаго священника.

Когда мы, въ составѣ второго посольства, проѣзжали черезъ Великій Новгородъ, я однажды видѣлъ, какъ священникъ въ одномъ кафтанѣ или нижнемъ платьѣ (верхнее, вѣроятно, имъ было заложено въ кабакѣ) шатался по улицамъ. Когда онъ подошелъ къ моему помѣщенію, онъ, по русскому обычаю, думалъ благословить стрѣльцовъ, стоявшихъ на стражѣ. Когда онъ протянулъ руку и захотѣлъ нѣсколько наклониться, голова его отяжелѣла и онъ упалъ въ грязь. Такъ какъ стрѣльцы опять подняли его, то онъ ихъ все-таки благословилъ выпачканными въ грязи пальцами. Подобныя зрѣлища можно наблюдать ежедневно, и поэтому никто изъ русскихъ имъ не удивляется.

«Питье» табаку.

Они также являются большими любителями табаку и нѣкоторое время тому назадъ всякій носилъ его при себѣ: бѣдный простолюдинъ столь же охотно отдавалъ свою копѣйку за табакъ, какъ и за хлѣбъ. Когда, однако, увидѣли, что отсюда для людей не только не получалось никакой пользы, но, напротивъ, проистекалъ вредъ (на употребленіе табаку не только у простонародья, но и у слугъ и рабовъ уходило много времени, нужнаго для работы; къ тому же, при невнимательномъ отношеніи къ огню и искрамъ, многіе дома сгорали, а при богослуженіи въ церквахъ передъ иконами, которыя должно было чтить лишь ладаномъ и благовонными веществами, поднимался дурной запахъ), то, по предложенію патріарха, великій князь въ 1634 г., наряду съ частными корчмами для продажи водки и пива, совершенно запретилъ и торговлю табакомъ и употребленіе его. Преступники наказываются весьма сильно, а именно — расщепленіемъ носа [вырываніемъ ноздрей] и кнутомъ. Слѣды подобнаго рода наказанія мы видѣли и на мужчинахъ и на женщинахъ. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано при упоминаніи о русскомъ правосудіи.

Оно воспрещается.

Русскіе — рабы.

Подобно тому, какъ русскіе по природѣ жестокосерды и какъ бы рождены для рабства, ихъ и приходится держать постоянно подъ жестокимъ и суровымъ ярмомъ и принужденіемъ и постоянно понуждать къ работѣ, прибѣгая къ побоямъ и би-

чамъ. Никакого недовольства они при этомъ не выказываютъ, такъ какъ положеніе ихъ требуетъ подобнаго съ ними обхожденія и они къ нему привыкли. Молодые люди и подростки иными днями сходятся, принимаются другъ за друга и упражняются въ битьѣ, чтобы превратить его въ привычку, являющуюся второй натурою, и потомъ легче переносить побои.

Привычка къ побоямъ.

Рабами и крѣпостными являются всѣ они. Обычай и нравъ ихъ таковъ, что передъ инымъ человѣкомъ они унижаются, проявляютъ свою рабскую душу, земно кланяются знатнымъ людямъ, низко нагибая голову — вплоть до самой земли и бросаясь даже къ ногамъ ихъ; въ обычаѣ ихъ также благодарить за побои и наказаніе. Подобно тому, какъ всѣ подданные высокаго и низкаго званія называются и должны считаться царскими «холопами», то-есть рабами и крѣпостными, также точно и у вельможъ и знатныхъ людей имѣются свои рабы и крѣпостные работники и крестьяне. Князья и вельможи обязаны проявлять свое рабство и ничтожество передъ царемъ еще и въ томъ, что они въ письмахъ и челобитныхъ должны подписываться уменьшительнымъ именемъ, то-есть, напримѣръ, писать «Ивашка», а не Иванъ, или «Петрушка, твой холопъ». Когда и великій князь къ кому-либо обращается, онъ пользуется такими уменьшительными именами. Впрочемъ, и за преступленія вельможамъ назначаются столь варварскія наказанія, что по нимъ можно судить о ихъ рабствѣ. Поэтому русскіе и говорятъ: «Все, что у насъ есть, принадлежитъ Богу и великому князю».

Битье челомъ—знакъ рабства.

Иностранцы, находящіеся на службѣ у великаго князя, должны унижаться такимъ же образомъ и ожидать всѣхъ сопряженныхъ съ этимъ пріятностей и непріятностей. Хотя царь и относится весьма милостиво къ наиболѣе виднымъ изъ нихъ, однако — совершить проступокъ и впасть въ немилость весьма легко.

Иностранцы должны унижаться, какъ русскіе.

Раньше было весьма опасно быть великокняжескимъ лейбъ-медикомъ, такъ какъ въ случаѣ, когда данное лѣкарство не производило желательнаго дѣйствія, или когда паціентъ помиралъ во время лѣченія, врачи подвергались сильнѣйшей немилости, и съ ними обходились какъ съ рабами. Извѣстна исторія о великомъ князѣ Борисѣ Годуновѣ и его врачахъ. Когда въ 1602 году герцогъ Іоаннъ, братъ Христіана IV, короля датскаго, пріѣхалъ для женитьбы на дочери великаго князя и внезапно заболѣлъ, великій князь съ жестокими угрозами потребовалъ, чтобы врачи показали лучшее свое искусство на герцогѣ, и не дали ему помереть. Когда, однако, никакое лѣкар-

Опасность для врачей.

ство не могло помочь и герцогъ умеръ, врачамъ пришлось прятаться и не показываться въ теченіе долгаго времени.

При великомъ князѣ, между прочимъ, находился нѣмецъ изъ верхней Германіи, котораго онъ самъ сдѣлалъ докторомъ. Когда этотъ послѣдній однажды просилъ его о позволеніи направиться въ германскій университетъ для полученія тамъ степени доктора, великій князь спросилъ его: «что это за вещь—полученіе докторской степени, и какъ это происходитъ?» Ему сказали, что нужно сдавать экзаменъ въ искусствѣ врачеванія, и что лицо, удачно выдержавшее это испытаніе, получаетъ степень доктора и свидѣтельство отъ медицинскаго факультета за подписью и съ печатью. На это великій князь возразилъ: «Ты можешь обойтись безъ этой поѣздки и расходовъ? Я узналъ твое искусство (дѣйствительно, незадолго передъ тѣмъ этотъ врачъ облегчилъ ему подагрическія боли) — и самъ сдѣлаю тебя докторомъ, а свидѣтельство я тебѣ дамъ такое большое, какого ты заграницею не получишь!» Такъ и было сдѣлано. Этого московитскаго доктора великій князь затѣмъ снова велѣлъ призвать къ себѣ, когда у него вновь сдѣлались подагрическія боли. Докторъ подумалъ, что ему грозитъ смерть, и явился въ старомъ, изрѣзанномъ платьѣ, со всклокоченными волосами, въ безпорядкѣ свисавшими вокругъ головы и на лицо. На четверенькахъ вползъ онъ въ дверь, говоря: «онъ не достоинъ болѣе жить, или, того менѣе, созерцать ясныя очи его царскаго величества, такъ какъ находится въ немилости». Тутъ бояринъ, стоявшій рядомъ, ногою ударилъ его такъ, что оконечность сапога ранила ему голову, и назвалъ его «собакою», надѣясь этимъ угодить великому князю. Однако, докторъ, замѣтивъ милостивое выраженіе лица царя, воспользовался этимъ поношеніемъ и жалкимъ голосомъ продолжалъ жаловаться: «О великій царь, я твой, а не иного кого рабъ, я сильно погрѣшилъ передъ тобою и заслужилъ смерть. Я былъ бы счастливъ умереть отъ твоихъ рукъ. Но я обиженъ тѣмъ, что этотъ холопъ твой такъ поноситъ меня; да вѣдь и знаю я, что вовсе не такова твоя воля, чтобы кто-либо такъ надругался надо мною, твоимъ слугою». Эта смиренная рѣчь смѣнила гнѣвъ великаго князя на милость, врачъ получилъ 500 рублей въ подарокъ, освободились отъ немилости и другіе врачи, боярина же подвергли тѣлесному наказанію.

Бояринъ бранитъ доктора.

За брань вносится плата.

Рабы вельможъ.

Что касается рабовъ и слугъ вельможъ и иныхъ господъ, то ихъ безчисленное количество; у иного въ имѣньѣ или на дворѣ ихъ имѣется болѣе 50 и даже 100. Находящихся въ Москвѣ, большею частью, не кормятъ во дворахъ, но даютъ имъ

на руки харчевыя деньги, правда—столь незначительныя, что на нихъ трудно поддержать жизнь; поэтому-то въ Москвѣ такъ много воровъ и убійцъ. Въ наше время не проходило почти ни одной ночи, чтобы не было гдѣ-либо кражи со взломомъ. При этомъ часто хозяина загораживаютъ какими-нибудь вещами въ комнатѣ, и ему приходится оставаться спокойнымъ зрителемъ, если онъ не достаточно силенъ, чтобы справиться съ ворами, не желаетъ подвергать опасности жизнь и видѣть свой домъ зажженнымъ надъ собственною головою. Поэтому-то на дворахъ знатныхъ людей нанимаютъ особыхъ стражниковъ, которые ежечасно должны подавать о себѣ знать, ударяя палками въ подвѣшенную доску, въ родѣ какъ въ барабанъ, и отбивая часы. Такъ какъ, однако, часто случалось, что подобные стражники сторожили не столько для господъ, сколько для воровъ, устраивали для этихъ послѣднихъ безопасный путь, помогали воровать и убѣгали, то теперь не нанимаютъ никого ни въ стражники, ни въ прислуги (вѣдь, помимо рабовъ, имѣются еще наемные слуги), безъ представленія извѣстныхъ и достаточныхъ мѣстныхъ обывателей поручителями. Подобнаго рода многократно упомянутые рабы въ особенности въ Москвѣ сильно нарушаютъ безопасность на улицахъ, и безъ хорошаго ружья и спутниковъ нельзя избѣгнуть нападеній. Такъ случилось и съ нами. Когда нѣкоторые изъ насъ во время пира пробыли у добраго пріятеля до поздней ночи, а одинъ изъ нихъ на обратномъ пути пошелъ далеко впередъ, онъ подвергся нападенію двухъ русскихъ уличныхъ грабителей. Крикомъ указалъ онъ на свою опасность; когда мы поспѣшили на помощь, одинъ изъ воровъ спрятался, а другой былъ такъ избитъ, что еле утащился съ мѣста.

Ночные грабежи въ домахъ.

Стражники тѣ же воры.

Грабежъ на улицѣ.

Убійство.

Когда въ другой разъ наши послы были съ людьми своими въ гостяхъ у знатнаго лица, а нашъ поваръ остался позади насъ и былъ сопровождаемъ домой поваромъ хозяина, то его застрѣлили на обратномъ пути. Вскорѣ послѣ этого грабители убили гофмейстера, служившаго у Аренда Спиринга, шведскаго посла; и этотъ убитый [передъ смертью] собирался вернуться ночью домой отъ добраго пріятеля. Его колетъ, еще обрызганный кровью, черезъ 8 дней послѣ этого былъ пущенъ въ продажу.

Іоаннъ Китъ.

Тоже произошло и съ нашимъ поручикомъ Іоганномъ Китомъ. Когда мы вернулись изъ Персіи, онъ побывалъ со мною на нѣмецкой свадьбѣ и, незадолго до меня, одинъ хотѣлъ идти домой, но былъ такъ избитъ русскими грабителями, что, про-

лежавъ день и ночь безъ сознанія и чувствъ, испустилъ духъ свой.

Много убитыхъ.

Другіе примѣры, случающіеся среди самихъ русскихъ, безчисленны. Не проходитъ ночи, чтобы на утро не находили на улицахъ разныхъ лицъ убитыми. Подобныхъ убійствъ было много во время ихъ великаго поста, но болѣе всего въ масляницу, въ теченіе 8-ми дней до начала поста, такъ какъ въ то время они ежедневно напиваются. Въ наше время 11-го декабря можно было насчитать 15 убитыхъ передъ земскимъ дворомъ: сюда приволакиваются по утрамъ убитые, и тѣ, кто ночью неожиданно не находятъ родныхъ своихъ дома, идутъ сюда разыскивать ихъ. Тѣхъ, кого не узнали и не увезли [домой], безъ церемоній погребаютъ. Рабы и грабители эти не побоялись даже среди бѣла дня напасть на лейбъ-медика его царскаго величества г. Гартмана Грамана. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ повалили его на землю и хотѣли отрѣзать тотъ палецъ, на которомъ у него былъ перстень: это и было бы сдѣлано, если бы добрый пріятель доктора, нѣкій князь, у воротъ котораго это происходило, не выслалъ своихъ слугъ, чтобы вырвать его изъ рукъ грабителей. Ночью горожане при подобныхъ опасностяхъ бывали очень немилосердны: напримѣръ, слыша, какъ кто-либо страдаетъ у оконъ ихъ отъ рукъ разбойниковъ и убійцъ, они не только не приходили на помощь, но даже не выглядывали изъ оконъ. Теперь, какъ я слышалъ, введенъ лучшій порядокъ, а именно на всѣхъ перекресткахъ ночью стоитъ сильная стража изъ стрѣльцовъ или солдатъ; при этомъ воспрещено, чтобы кто-либо безъ фонаря или иного огня появлялся на улицахъ, будь то пѣшій, конный или на подводѣ; кромѣ того, тутъ же допрашиваютъ его о причинахъ выхода на улицу. Тѣхъ, кого застали безъ огня, задерживаютъ и доставляютъ въ Стрѣлецкій приказъ, гдѣ на другой день ихъ допрашиваютъ и, смотря по выяснившимся обстоятельствамъ, или отпускаютъ на волю или отправляютъ на пытку.

Врачъ въ опасности.

Опасный путь между Тверью и Москвою.

Въ августѣ мѣсяцѣ, когда убираютъ сѣно, изъ-за этихъ рабовъ крайне опасны дороги по сю сторону Москвы миль на 20; здѣсь у бояръ имѣются ихъ сѣнокосы и они сюда высылаютъ эту свою дворню для работы. Въ этомъ мѣстѣ имѣется гора, откуда они могутъ издали видѣть путешественниковъ; тутъ многіе ими были ограблены и даже убиты и зарыты въ песокъ. Хотя и приносились жалобы на этихъ людей, но господа ихъ, едва доставляющіе имъ, чѣмъ покрыть тѣло, смотрѣли на эти дѣла сквозь пальцы.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда подобныхъ господъ рабы и крѣпостные слуги, вслѣдствіе смерти или милосердія своихъ господъ, получаютъ свободу, они вскорѣ опять продаютъ себя вновь. Такъ какъ у нихъ нѣтъ больше ничего, чѣмъ бы они могли поддерживать свою жизнь, они и не цѣнятъ свободы, да и не умѣютъ ею пользоваться. Натура ихъ такова, какъ умный Аристотель говоритъ о варварахъ, а именно, что «они не могутъ и не должны жить въ лучшихъ условіяхъ, какъ въ рабствѣ». Къ нимъ подходитъ и то, что сказано писателемъ о малоазіатскомъ народѣ, называемомъ іонянами и ведущемъ происхожденіе отъ грековъ, а именно, что они «плохи на свободѣ, хороши въ рабствѣ». *lib. 3. Polit. cap. 14.* *Plut. apopht.*

Господинъ имѣетъ полное право продавать или дарить своихъ рабовъ другому. Но въ отношеніи отцовъ и дѣтей къ рабству замѣчается слѣдующее положеніе. Ни одинъ отецъ не имѣетъ права продать своего сына. Никто, впрочемъ, этого и не дѣлаетъ, и даже неохотно отдаютъ сына въ услуженіе къ какому-либо частному человѣку, хотя бы и въ томъ случаѣ, когда отецъ и сынъ вмѣстѣ голодаютъ дома; дѣлается это и изъ великодушія и потому, что подобную сдѣлку считаютъ позорною. Когда, однако, кто-либо впадетъ въ долги и не въ состояніи платить ихъ, то онъ въ правѣ отдать дѣтей въ залогъ или же отдать ихъ въ услуженіе заимодавцу, для уплаты долга, на извѣстное число лѣтъ: сына за 10 рейхсталеровъ, а дочь за 8 рейхсталеровъ въ годъ, до тѣхъ поръ, пока они не отслужатъ долга; по покрытіи долга, заимодавецъ долженъ ихъ вновь отпустить на волю. Если сынъ или дочь несогласны поступить такъ, и отца призовутъ въ судъ, а онъ окажется несостоятельнымъ должникомъ, то, по русскому праву, дѣти должны заплатить долги родителей. Въ этомъ случаѣ дѣтямъ предоставляется подать на себя кабалу или запись объ обязательствѣ быть крѣпостными и служить заимодавцу отца. *Дѣти отвѣчаютъ за долги родителей.*

Вслѣдствіе рабства и грубой суровой жизни русскіе тѣмъ болѣе охотно идутъ на войну и дѣйствуютъ въ ней. Иногда — если до того доведется — они являются храбрыми и смѣлыми солдатами. *Русскіе на войнѣ.*

Древніе римляне не хотѣли допустить, чтобы въ ихъ войнахъ принимали участіе крѣпостные рабы или неизвѣстнаго происхожденія и образа жизни праздношатающіеся люди — еще въ силу законовъ Граціана-Валентин[іан]а и Ѳеодосія. Это объясняется тѣмъ, что въ то время лица, поступавшія солдатами, преслѣдовали иную цѣль (а именно — доблесть и мірское бла- *Martian. l. 11. ff. milit.* *Cod. Theod. l. 7. tit. 2.*

гополучіе), чѣмъ большинство въ настоящее время (а именно— грабежъ, захватъ добычи и обогащеніе).

Въ наши дни обыкновенно говорятъ, какъ сказано у Вергилія: «Dolus an virtus quis in hoste requirat?» Къ тому же, при такихъ условіяхъ, можно выбирать и разбирать, по обычаю римлянъ, среди тѣхъ, кто желаетъ записаться въ солдаты. Русскіе рабы стойки выдерживаютъ у своихъ господъ и начальниковъ войска, и если у нихъ оказываются хорошіе испытанные иностранцы-полковники и вожди (въ чемъ у этихъ людей недостатокъ), то они доказываютъ большое мужество и смѣлость, но пригодны они гораздо болѣе въ крѣпостяхъ, чѣмъ въ полѣ, какъ объ этомъ уже приведенъ примѣръ [поведенія] двухъ русскихъ при сдачѣ крѣпости Нотебургъ. Подобный выводъ могъ быть сдѣланъ и въ войнѣ, которую они въ 1572 году вели противъ поляковъ, когда въ домѣ Сукколь, который поляки сильно тѣснили огнемъ, они не переставали спереди отбивать непріятеля, хотя сзади платье уже начинало горѣть у нихъ на тѣлѣ. Объ этомъ можно прочесть въ «Лифляндской хроникѣ» Геннинга на 70-мъ листѣ. Въ томъ же мѣстѣ [этотъ авторъ] упоминаетъ объ сдачѣ и завоеваніи аббатства Падисъ въ Лифляндіи, гдѣ русскіе, при осадѣ крѣпости, изъ-за голода, оказались столь истощенными, что не могли даже выйти навстрѣчу шведамъ къ воротамъ. И писатель нашъ съ изумленіемъ прибавляетъ: «Вотъ ужъ именно, на мой взглядъ, крѣпостные бойцы, которые умѣютъ быть отважными ради господъ своихъ!»

Въ крѣпости хорошіе солдаты. Сукколь.

Аббатство Падисъ.

Но, въ открытыхъ бояхъ и при осадѣ городовъ и крѣпостей, русскіе, хотя и дѣлаютъ, что отъ нихъ требуется, но не такъ успѣшно: обыкновенно они терпѣли неудачи въ столкновеніяхъ съ поляками, литовцами и шведами и иногда оказывались скорѣе готовыми къ бѣгству, чѣмъ къ преслѣдованію врага. То обстоятельство, что они заняли въ минувшемъ году городъ Смоленскъ съ войскомъ, простиравшимся болѣе, чѣмъ за 200.000 человѣкъ, столь же мало можетъ быть засчитано имъ къ высокой храбрости, какъ въ 1632 г. ихъ, съ большими потерями и позоромъ, совершенное отступленіе можетъ быть сочтено за признакъ отсутствія у нихъ доблести. Вѣдь оба раза, какъ кажется случились обстоятельства подозрительнаго свойства. Въ первый разъ дѣло было въ генералѣ Шеинѣ, а въ настоящее время были какія-то другія, раньше не извѣстныя, чуждыя причины.

Войны подъ Смоленскомъ.

Правда, русскіе, въ особенности изъ простонародья, въ рабствѣ своемъ и подъ тяжкимъ ярмомъ, изъ любви къ властителю

своему, могутъ многое перенести и перестрадать, но если при этомъ мѣра оказывается превзойденною, то и про нихъ можно сказать: «patientia saepe laesa fit tandem furor» (когда часто испытываютъ терпѣніе, то, въ концѣ концовъ, получается бѣшенство). Въ такихъ случаяхъ дѣло кончается опаснымъ мятежомъ, причемъ опасность обращается не столько противъ главы государства, сколько противъ низшихъ властей, особенно если жители испытываютъ сильныя притѣсненія со стороны своихъ согражданъ и не находятъ у властей защиты. Если они разъ уже возмущены, то ихъ нелегко успокоить: не обращая вниманія ни на какія опасности, отсюда проистекающія, они обращаются къ разнымъ насиліямъ и буйствуютъ, какъ лишившіеся ума.

Мятежи и возстанія русскихъ.

Великій князь Михаилъ Θеодоровичъ прекрасно зналъ это обстоятельство. Поэтому, когда вернувшіеся въ жалкомъ состояніи изъ-подъ Смоленска солдаты стали сильно жаловаться на измѣну генерала Шеина, изъ-за которой и болѣе высокое лицо не безъ причины подверглось подозрѣнію, а [при дворѣ] на первыхъ порахъ еще медлили съ суровыми мѣрами противъ обвиненнаго, и, такимъ образомъ, грозило вспыхнуть всеобщее возстаніе, то приказано было обезглавленіемъ Шеина дать народу удовлетвореніе. Чтобы, однако, Шеинъ тѣмъ охотнѣе, безъ вреда для другихъ, рѣшился на это, примѣнили къ нему слѣдующую хитрость: его убѣдили въ томъ, будто выведутъ его только для видимости, но казнить не будутъ: «лишь бы видѣлъ народъ желаніе великаго князя, а какъ только Шеинъ ляжетъ, сейчасъ же явится ходатайство за него, а затѣмъ помилованіе, и простонародье будетъ удовлетворено». Когда теперь Шеинъ, утѣшенный и полный надежды, которую еще болѣе усиливало довѣріе, по нѣкоторымъ причинамъ питавшееся имъ къ патріарху,—выступилъ впередъ и легъ ничкомъ на землю, палачу былъ данъ знакъ поскорѣе рубить: тотъ такъ и сдѣлалъ, нѣсколькими ударами срубивъ голову.

Измѣна генерала Шеина.

Послѣ этого, еще въ тотъ же день, сынъ Шеина, также бывшій подъ Смоленскомъ, по требованію народа, былъ, по ихъ обычаю, кнутомъ засѣченъ до смерти. Остальные друзья его немедленно же были сосланы въ Сибирь; этимъ народъ былъ удовлетворенъ, и мятежъ прекратился. Произошло это событіе въ іюнѣ 1633 г. Означенную войну Пясецкій въ своей «Chronica memorabilium in Europa» описалъ, однако, не вполнѣ подробно; о ней можно найти у него въ разсказѣ о событіяхъ 1633 и 1634 гг.

Piasecius, pag. 462.

Относительно того, какъ нравъ русскихъ сначала оказывается очень терпѣливымъ, а потомъ ожесточается и переходитъ къ мятежу, мы ниже, при описаніи ихъ полицейскаго устройства, пояснимъ примѣромъ двухъ страшныхъ мятежей и бунтовъ, бывшихъ въ Россіи немного лѣтъ тому назадъ.

XXXIX.

(Книга III, глава 7).

О домашнемъ хозяйствѣ русскихъ, ихъ обыденной жизни, кушаньяхъ и развлеченіяхъ.

Домашнее хозяйство русскихъ.

Домашнее хозяйство русскихъ устроено въ различномъ вкусѣ у людей различныхъ состояній. Въ общемъ они живутъ плохо, и у нихъ немного уходитъ денегъ на ихъ хозяйство. Вельможи и богатые купцы, правда, живутъ теперь въ своихъ дорогихъ дворцахъ, которые, однако, построены лишь въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ; раньше и они довольствовались плохими домами. Большинство, въ особенности простонародье, проживаютъ весьма не много. Подобно тому, какъ живутъ они въ плохихъ, дешевыхъ помѣщеніяхъ (какъ выше указано), такъ же точно и внутри зданій встрѣчается мало,—но для нихъ достаточно,—запасовъ и утвари. У большинства не болѣе 3-хъ или 4-хъ глиняныхъ горшковъ и столько же глиняныхъ и деревянныхъ блюдъ. Мало видать оловянной и еще меньше серебряной посуды—развѣ чарки для водки и меду. Не привыкли они также прилагать много труда къ чисткѣ и полировкѣ своей посуды. Даже великокняжескіе серебряные и оловянные сосуды, изъ которыхъ угощали пословъ, были черные и противные на видъ, точно кружки у нѣкоторыхъ лѣнивыхъ хозяекъ, немытыя съ годъ или болѣе того. Поэтому-то ни въ одномъ домѣ, ни у богатыхъ, ни у бѣдныхъ людей, незамѣтно украшенія въ видѣ разставленной посуды, но вездѣ лишь голыя стѣны, которыя у знатныхъ завѣшаны цыновками и заставлены иконами. У очень немногихъ изъ нихъ имѣются перины; лежатъ они поэтому на мягкихъ подстилкахъ, на соломѣ, на цыновкахъ или на собственной одеждѣ. Спятъ они на лавкахъ, а зимою, подобно не-нѣмцамъ въ Лифляндіи, на печи, которая устроена какъ у пекарей и сверху плоска. Тутъ лежатъ рядомъ мужчины, женщины, дѣти, слуги и служанки. Подъ печами и лавками мы у нѣкоторыхъ встрѣчали куръ и свиней.

Стр. 150.

Плохая домашняя утварь.

Не охотно моютъ.

Мѣста для спанья у русскихъ.

Ихъ кушанья.

Не привычны они и къ нѣжнымъ кушаньямъ и лакомствамъ. Ежедневная пища ихъ состоитъ изъ крупы, рѣпы, капусты, огурцовъ, рыбы свѣжей или соленой — впрочемъ, въ Москвѣ преобладаетъ грубая соленая рыба, которая иногда, изъ-за экономіи въ соли, сильно пахнетъ; тѣмъ не менѣе, они охотно ѣдятъ ее. Ихъ рыбный рынокъ можно узнать по запаху раньше, чѣмъ его увидишь или вступишь въ него. Изъ-за великолѣпныхъ пастбищъ у нихъ имѣются хорошія баранина, говядина и свинина, но такъ какъ они, по религіи своей, имѣютъ почти столько же постныхъ дней, сколько дней мясоѣда, то они и привыкли къ грубой и плохой пищѣ, и тѣмъ менѣе на подобныя вещи тратятся. Они умѣютъ изъ рыбы, печенья и овощей приготовлять многія разнообразныя кушанья, такъ что ради нихъ можно забыть мясо. Напримѣръ, однажды намъ, какъ выше разсказано, въ посту было подано 40 подобныхъ блюдъ, пожалованныхъ царемъ. Между прочимъ, у нихъ имѣется особый видъ печенья, въ родѣ паштета или скорѣе пфанкухена, называемый ими «пирогомъ»; эти пироги величиною съ клинъ масла, но нѣсколько болѣе продолговаты. Они даютъ имъ начинку изъ мелкоизрубленной рыбы или мяса и луку и пекутъ ихъ въ коровьемъ, а въ посту въ растительномъ маслѣ; вкусъ ихъ не безъ пріятности. Этимъ кушаньемъ у нихъ каждый угощаетъ своего гостя, если онъ имѣетъ въ виду хорошо его принять.

Стр. 136.

Пироги.

Икра.

Есть у нихъ весьма обыкновенная ѣда, которую они называютъ «икрою»: она приготовляется изъ икры большихъ рыбъ, особенно изъ осетровой или отъ бѣлорыбицы. Они отбиваютъ икру отъ прилегающей къ ней кожицы, солятъ ее, и послѣ того, какъ она постояла въ такомъ видѣ 6 или 8 дней, мѣшаютъ ее съ перцемъ и мелконарѣзанными луковицами, затѣмъ нѣкоторые добавляютъ еще сюда уксусу и деревяннаго масла и подаютъ. Это не плохое кушанье; если, вмѣсто уксусу, полить его лимоннымъ сокомъ, то оно даетъ—какъ говорятъ—хорошій аппетитъ и имѣетъ силу, возбуждающую естество. Этой икры солится больше всего на Волгѣ у Астрахани; частью ее сушатъ на солнцѣ. Ею наполняютъ до 100 бочекъ и разсылаютъ ее затѣмъ въ другія земли, преимущественно въ Италію, гдѣ она считается деликатесомъ и называется Caviaro. Имѣются люди, которые должны арендовать этотъ промыселъ у великаго князя за извѣстную сумму денегъ. Русскіе умѣютъ также приготовлять особую пищу на то время, когда они «съ похмелья» или чувствуютъ себя нехорошо. Они разрѣзаютъ жареную баранину, когда та остыла, въ небольшіе ломтики, въ родѣ игральныхъ костей, но только

Caviaro.

тоньше и шире ихъ, смѣшиваютъ ихъ со столь же мелко нарѣзанными огурцами и перцемъ, вливаютъ сюда смѣсь уксусу и огуречнаго разсола въ равныхъ доляхъ и ѣдятъ это кушанье ложками. Послѣ этого вновь съ охотою можно пить. Обыкновенно кушанья у нихъ приготовляются съ чеснокомъ и лукомъ: поэтому всѣ ихъ комнаты и дома, въ томъ числѣ и великолѣпные покои великокняжескаго дворца въ Кремлѣ, и даже сами русскіе (какъ это можно замѣтить при разговорѣ съ ними), а также и всѣ мѣста, гдѣ они хоть немного побываютъ, пропитываются запахомъ, противнымъ для насъ нѣмцевъ.

Русскіе и дома ихъ сильно пахнутъ.

Для питья у простонародья служитъ квасъ, который можно сравнивать съ нашимъ слабымъ пивомъ или кофентомъ, а также пиво, медъ и водка. Водка у всѣхъ обязательно служитъ началомъ обѣда, а затѣмъ во время ѣды подаются и другіе напитки. У самыхъ знатныхъ лицъ, наравнѣ съ хорошимъ пивомъ, подаются за столомъ также испанское, ренское и французское вино, разныхъ родовъ меды и двойная водка.

Хорошее пиво у нѣмцевъ.

Ледники.

У нихъ имѣется и хорошее пиво, которое въ особенности нѣмцы у нихъ умѣютъ очень хорошо варить и заготовлять весною. У нихъ устроены приспособленные для этой цѣли ледники, въ которыхъ они снизу кладутъ снѣгъ и ледъ, а поверхъ ихъ рядъ бочекъ, затѣмъ опять слой снѣга и опять бочки, и т. д. Потомъ все сверху закрывается соломою и досками, такъ какъ у ледника нѣтъ крыши. Для пользованія они постепенно отрываютъ одну бочку за другою. Вслѣдствіе этого они имѣютъ возможность получать пиво въ теченіе всего лѣта — у нихъ довольно жаркаго — свѣжимъ и вкуснымъ. Вино получаютъ они черезъ Архангельскъ въ свою страну; русскіе, предпочитающіе хорошую водку, любятъ его гораздо меньше, чѣмъ нѣмцы.

Водку предпочитаютъ вину.

Великолѣпный и очень вкусный медъ они варятъ изъ малины, ежевики, вишенъ и др. Малинный медъ казался намъ пріятнѣе всѣхъ другихъ по своему запаху и вкусу. Меня учили варить его слѣдующимъ образомъ: прежде всего, спѣлая малина кладется въ бочку, на нее наливаютъ воды и оставляютъ въ такомъ состояніи день или два, пока вкусъ и краска не перейдутъ съ малины на воду; затѣмъ эту воду сливаютъ съ малины и примѣшиваютъ къ ней чистаго (или отдѣленнаго отъ воска) пчелинаго меду, считая на кувшинъ пчелинаго меду 2 или 3 кувшина водки, смотря по тому, предпочитаютъ ли сладкій или крѣпкій медъ. Затѣмъ бросаютъ сюда кусочекъ поджареннаго хлѣба, на который намазано немного нижнихъ или верховыхъ дрожжей; когда начнется броженіе, хлѣбъ вынимаютъ, чтобы медъ не

Малинный медъ.

получилъ его вкуса, а затѣмъ даютъ бродить еще 4 или 5 дней. Нѣкоторые, желая придать меду вкусъ и запахъ пряностей, вѣшаютъ [въ бочку] завернутые въ лоскутокъ матеріи гвоздику, кардамонъ и корицу. Когда медъ стоитъ въ тепломъ мѣстѣ, то онъ не перестаетъ бродить даже и черезъ 8 дней; поэтому необходимо переставить бочку, послѣ того какъ медъ уже бродилъ извѣстное время, въ холодное мѣсто и оттянуть его отъ дрожжей.

Нѣкоторые иногда наливаютъ плохую водку въ малину, затѣмъ мѣшаютъ ее и, давъ постоять сутки, сливаютъ настойку и смѣшиваютъ ее съ медомъ; говорятъ, получается при этомъ очень пріятный напитокъ. Такъ какъ водка теряетъ свое дѣйствіе и смѣшивается съ малиннымъ сокомъ, то, какъ говорятъ, ея вкусъ уже болѣе не ощущается въ этомъ напиткѣ.

Ихъ пиршества.

Иногда они устраиваютъ пиршества, во время которыхъ проявляютъ свое великолѣпіе въ кушаньяхъ и напиткахъ множества родовъ. Когда, впрочемъ, вельможи устраиваютъ пиршества и приглашаютъ лицъ, стоящихъ ниже, чѣмъ они сами, то, несомнѣнно, преслѣдуются иныя цѣли, чѣмъ доброе единеніе: это хлѣбосольство должно служить удочкою, при помощи которой они больше пріобрѣтаютъ, чѣмъ затрачиваютъ. Дѣло въ томъ, что у нихъ существуетъ обычай, чтобы гости приносили такого рода хозяевамъ великолѣпныя подношенія. Въ прежніе годы нѣмецкіе купцы, удостаивавшіеся подобнаго вниманія и приглашавшіеся къ нимъ, уже заранѣе знали, во что имъ обойдется подобная честь. Говорятъ, что воеводы въ городахъ — особенно въ мѣстахъ, гдѣ идетъ оживленная торговля — выказываютъ разъ, два или три въ годъ подобнаго рода щедрость и хлѣбосольство, приглашая къ себѣ богатыхъ купцовъ.

Ихъ цѣль.

Величайшій почетъ гостямъ.

Величайшій знакъ почета и дружбы, ими оказываемый гостю на пиршествѣ или во время отдѣльныхъ визитовъ и посѣщеній, въ доказательство того, какъ ему рады и какъ онъ былъ милъ и пріятенъ, — заключается, по ихъ мнѣнію, въ слѣдующемъ: послѣ угощенія русскій велитъ своей женѣ, пышно одѣтой, выйти къ гостю и, пригубивъ чарку водки, собственноручно подать ее гостю. Иногда — въ знакъ особаго расположенія къ гостю — при этомъ разрѣшается поцѣловать ее въ уста. Подобный почетъ былъ оказанъ и лично мнѣ графомъ Львомъ Александровичемъ Шляховскимъ, когда я въ 1643 году въ послѣдній разъ былъ въ Москвѣ.

Послѣ великолѣпнаго угощенія онъ отозвалъ меня отъ стола въ сторону отъ другихъ гостей, повелъ въ другую комнату и

Почетъ, мнѣ оказанный графомъ.

сказалъ: «Величайшія честь и благодѣяніе, которыя кому-либо могутъ быть оказаны въ Россіи, заключаются въ томъ, чтобы хозяйка дома вышла почтить и хозяина и гостя. Такъ какъ я ему любъ, какъ слуга его свѣтлости князя голштинскаго, то онъ во вниманіе и уваженіе къ нему, за многочисленныя благодѣянія, испытанныя въ дни гоненій и странствій (объ этомъ ниже будетъ сказано подробнѣе), желалъ бы оказать мнѣ подобнаго рода честь». Поэтому къ намъ вышла его жена, очень красивая лицомъ, и къ тому же нарумяненная, въ прежнемъ своемъ брачномъ нарядѣ (онъ будетъ описанъ ниже, гдѣ сказано о русскихъ свадьбахъ) и въ сопровожденіи прислужницы, несшей бутылку водки и чарку. При входѣ она сначала склонила голову передъ мужемъ своимъ, а затѣмъ передо мной, велѣла налить чарку, пригубила ее и затѣмъ поднесла ее мнѣ, и такъ до трехъ разъ. Послѣ этого графъ пожелалъ, чтобы я поцѣловалъ ее. Не будучи привыченъ къ подобной чести, я поцѣловалъ ей только руку. Онъ, однако, захотѣлъ, чтобы я поцѣловалъ ее и въ уста. Поэтому я, въ уваженіе къ болѣе высокой персонѣ, долженъ былъ принять эту согласную съ ихъ обычаями честь. Въ концѣ концовъ она подала мнѣ бѣлый тафтяной носовой платокъ, вышитый золотомъ и серебромъ и украшенный длинною бахромою. Такіе платки женами и дочерьми вельможъ дарятся невѣстѣ въ день свадьбы: и на томъ, который мнѣ былъ поднесенъ, оказалась прикрѣпленною небольшая бумажка съ именемъ Стрѣшнева—брата отца великой княгини.

Доходы вельможъ.

Бояре и вельможи несутъ, правда, большіе расходы, для поддержанія пышности своей и своего обширнаго хозяйства, но за то у нихъ, наряду съ ихъ большимъ жалованьемъ, имѣются дорогія имѣнья и крестьяне, доставляющіе имъ большіе ежегодные доходы. Купцы и ремесленники питаются и получаютъ ежедневный заработокъ отъ своихъ промысловъ. Торговцы хитры и падки на наживу. Внутри страны они торгуютъ всевозможными необходимыми въ обыденной жизни товарами. Тѣ же, которые съ соизволенія его царскаго величества путешествуютъ по сосѣднимъ странамъ, какъ-то по Лифляндіи, Швеціи, Польшѣ и Персіи, торгуютъ, большею частью, соболями и другими мѣхами, льномъ, коноплею и юфтью. Они обыкновенно покупаютъ у англійскихъ купцовъ, ведущихъ большой торгъ въ Москвѣ, сукно, по 4 талера за локоть, и перепродаютъ тотъ же локоть за $3^1/_2$ или 3 талера и всетаки не остаются безъ барыша. Дѣлается это такимъ образомъ: они за эту цѣну покупаютъ

Пропитаніе торговыхъ людей.

одинъ или нѣсколько кусковъ сукна съ тѣмъ, чтобы произвести расплату черезъ полгода или годъ, затѣмъ идутъ и продаютъ его лавочникамъ, вымѣривающимъ его по локтямъ, за наличныя деньги, которыя они потомъ помѣщаютъ въ другихъ товарахъ. Такимъ образомъ они могутъ съ теченіемъ времени съ барышемъ три раза или болѣе совершить оборотъ своими деньгами.

Барышъ торговцевъ.

Ремесленники, которымъ немного требуется для ихъ плохой жизни, тѣмъ легче могутъ трудами рукъ своихъ добыть себѣ въ такой большой общинѣ денегъ на пищу и чарку водки и пропитать себя и своихъ родныхъ. Они очень воспріимчивы, умѣютъ подражать тому, что они видятъ у нѣмцевъ, и, дѣйствительно, въ немного лѣтъ высмотрѣли и переняли у нихъ многое, чего они раньше не знавали. Выработанные подобнымъ [усовершенствованнымъ] путемъ товары они продаютъ по болѣе дорогой цѣнѣ, чѣмъ раньше. Въ особенности изумлялся я золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которые теперь умѣютъ чеканить серебряную посуду такую же глубокую и высокую и почти столь же хорошо сформованную, какъ у любого нѣмца.

Питаніе ремесленниковъ.

Тотъ, кто желаетъ въ ремеслѣ удержать за собою какія-нибудь особыя знанія и пріемы, никогда не допускаетъ русскихъ къ наблюденію. Такъ дѣлалъ сначала знаменитый литеецъ орудій Гансъ励алькъ: когда онъ формовалъ или лилъ лучшія свои орудія, то русскіе помощники его должны были уходить. Однако теперь, какъ говорятъ, они умѣютъ лить и большія орудія и колокола. И въ минувшемъ году въ Кремлѣ рядомъ съ колокольней Ивана Великаго ученикъ означеннаго Ганса Фалька отлилъ большой колоколъ, который, будучи очищенъ, вѣсилъ 7,700 пудовъ, то-есть 308,000 фунтовъ или 2,080 центнеровъ, какъ мнѣ объ этомъ здѣсь сообщили различные нѣмцы изъ Москвы и русскіе. Этотъ колоколъ, однако, послѣ того какъ его повѣсили въ особо приготовленномъ помѣщеніи и стали звонить въ него, лопнулъ; говорятъ, до трещины онъ имѣлъ великолѣпный звонъ. Теперь онъ снова разбился, и его царское величество желаетъ на томъ же мѣстѣ отлить еще большій колоколъ и повѣсить его, въ вѣчное воспоминаніе своего имени. Говорятъ, что и мѣсто для отливки и основа для формы съ большими затратами уже устроены.

Русскіе учатся у нѣмцевъ.

Стр. 154.

Очень большой колоколъ.

Русскіе люди высокаго и низкаго званія привыкли отдыхать и спать послѣ ѣды въ полдень. Поэтому большинство лучшихъ лавокъ въ полдень закрыты, а сами лавочники и мальчики ихъ лежатъ и спятъ передъ лавками. Въ то же время,

Русскіе отдыхаютъ въ полдень.

изъ-за полуденнаго отдыха, нельзя говорить ни съ кѣмъ изъ вельможъ и купцовъ.

Лже-Димитрій.

На этомъ основаніи русскіе и замѣтили, что Лже-Димитрій (о которомъ скоро будетъ рѣчь) не русскій по рожденію и не сынъ великаго князя, такъ какъ онъ не спалъ въ полдень, какъ другіе русскіе. Это же вывели они изъ того обстоятельства, что онъ не ходилъ, по русскому обычаю, часто въ баню.

Русскіе охотно моются въ баняхъ.

Омовенію русскіе придаютъ очень большое значеніе, считая его, особенно во время свадебъ, послѣ первой ночи, за необходимое дѣло. Поэтому у нихъ и въ городахъ и въ деревняхъ много открытыхъ и тайныхъ бань, въ которыхъ ихъ очень часто можно застать.

Какъ они моются.

Въ Астрахани я, чтобы видѣть лично, какъ они моются, незамѣченнымъ образомъ отправился въ ихъ баню. Баня была разгорожена бревнами, чтобы мужчины и женщины могли сидѣть отдѣльно. Однако, входили и выходили они черезъ одну и ту же дверь, притомъ безъ передниковъ; только нѣкоторые держали спереди березовый вѣникъ до тѣхъ поръ, пока не усаживались на мѣсто. Иные не дѣлали и этого. Женщины иногда выходили, безъ стѣсненія голыя—поговорить со своими мужьями.

Изъ горячей бани въ холодную.

Они въ состояніи переносить сильный жаръ, лежатъ на полкѣ и вѣниками нагоняютъ жаръ на свое тѣло или трутся ими (это для меня было невыносимо). Когда они совершенно покраснѣютъ и ослабнутъ отъ жары до того, что не могутъ болѣе вынести въ банѣ, то и женщины и мужчины голые выбѣгаютъ, окачиваются холодною водой, а зимою валяются въ снѣгу и трутъ имъ, точно—мыломъ, свою кожу, а потомъ опять бѣгутъ въ горячую баню. Такъ какъ бани обыкновенно устраиваются у воды и у рѣкъ, то они изъ горячей бани устремляются въ холодную. И если иногда какой-либо нѣмецкій парень прыгалъ въ воду, чтобы купаться вмѣстѣ съ женщинами, то онѣ вовсе не казались столь обиженными, чтобы въ гнѣвѣ, подобно Діанѣ съ ея подругами, превратить его водяными брызгами въ оленя,—даже если бы это и было въ ихъ силахъ.

4 женщины купаются въ Астрахани.

Въ Астрахани какъ-то случилось, что 4 молодыя женщины вышли изъ бани и, чтобы прохладиться, спрыгнули въ Волгу, которая тамъ на изгибѣ образуетъ мель и пріятное мѣсто для холоднаго купанья. Когда одинъ изъ нашихъ солдатъ также спустился къ нимъ въ воду, онѣ начали шутя брызгать водою. При этомъ одна изъ нихъ, рѣшившаяся зайти слишкомъ глубоко, попала на зыбучій песокъ и начала тонуть. Когда подруги

ея увидѣли ее въ опасности, онѣ закричали, прибѣжали къ солдату, который плавалъ отдѣльно, и умоляли его спасти ее. Солдатъ далъ себя легко упросить, поспѣшилъ къ ней, обхватилъ ее за тѣло и приподнялъ ее такъ, что она могла за него схватиться, удержаться [на водѣ] и выплыть. Женщины похвалили нѣмца и говорили, что онъ былъ посланъ къ нимъ въ воду точно ангелъ[-хранитель].

Спасеніе изъ опасности.

Подобнаго рода мытье видѣли мы не только въ Россіи, но и въ Лифляндіи и Ингерманландіи; и здѣсь простой людъ, въ особенности — финны, въ суровѣйшее зимнее время, выбѣгали изъ бань на улицу, терлись снѣгомъ, а затѣмъ опять убѣгали грѣться. Такого рода быстрая смѣна жары и холода не была имъ во вредъ, такъ какъ они уже отъ юности пріучали къ ней свою природу. Поэтому-то финны и латыши, такъ же, какъ и русскіе, являются людьми сильными и выносливыми, хорошо переносящими холодъ и жару.

Общія бани лифляндцевъ.

Въ Нарвѣ я съ удивленіемъ видѣлъ, какъ русскіе и финскіе мальчики лѣтъ 8-ми, 9-ти или 10-ти, въ тонкихъ простыхъ холщевыхъ кафтанахъ, босоногіе, точно гуси, съ полчаса ходили и стояли на снѣгу, какъ будто не замѣчая нестерпимаго мороза.

Закаленные люди.

Въ Россіи вообще народъ здоровый и долговѣчный. Недомогаетъ онъ рѣдко, и если приходится кому слечь въ постель, то среди простого народа лучшими лѣкарствами, даже въ случаѣ лихорадки съ жаромъ, являются водка и чеснокъ. Впрочемъ, знатные господа теперь иногда обращаются къ совѣту нѣмецкихъ докторовъ и къ настоящимъ лѣкарствамъ.

Встрѣчали мы, кромѣ того, въ Москвѣ у нѣмцевъ, равно какъ и у лифляндцевъ, хорошія бани, устроенныя въ домахъ. Въ этихъ баняхъ устроены сводчатыя каменныя печи, въ которыхъ на высокой рѣшеткѣ помѣщается много камней. Изъ такой печи идетъ отверстіе въ баню, которое они закрываютъ крышкою и коровьимъ навозомъ или глиною. Снаружи имѣется другое отверстіе — поменьше перваго — для выхода дыма. Когда камни достаточно накалятся, открывается внутреннее отверстіе, а внѣшнее закрывается, и сообразно тому, сколько требуется жара, наливаютъ на камни воды, иногда настоенной на добрыхъ травахъ. Въ баняхъ, по стѣнамъ кругомъ, устроены лавки для потѣнья и мытья — одна выше другой,— покрытыя кусками холста или тюфяками, набитыми сѣномъ, осыпанныя цвѣтами и разными благовонными травами, которыми утыканы и окна. На полу лежитъ мелко изрубленный и раздавленный ельникъ, дающій

Нѣмецкія бани. Бани въ Лифляндіи.

очень пріятный запахъ и доставляющій [большое] удовольствіе. Для мытья отряжаютъ женщину или дѣвицу. Если у кого въ гостяхъ моется близко знакомый и любезный пріятель, то къ нему относятся очень внимательно, ухаживаютъ за нимъ и берегутъ его. Хозяйка или дочь ея приноситъ или присылаетъ обыкновенно въ баню нѣсколько кусковъ рѣдьки съ солью, а также хорошо приготовленный прохладительный напитокъ. Большою погрѣшностью или знакомъ дурного пріема считаютъ, если это не дѣлается. Послѣ бани они также доставляютъ своему гостю, сообразно съ тѣмъ, какъ онъ этого достоинъ, всяческое приличествующее удовольствіе угощеніемъ.

Такого честнаго доброжелательства и такой чистоты, однако, нечего искать у спесивыхъ, корыстныхъ и грязныхъ русскихъ, у которыхъ все дѣлается по-свински и неопрятно.

Короткое описаніе русскихъ.

Одинъ изъ нашей свиты, сдѣлавъ наблюденія надъ нравами московитовъ, ихъ жизнью и характеромъ, недавно описалъ все это въ слѣдующихъ стихахъ:

Kirchen Bilder, Creutze, Glocken, Weiber, die geschminckt als Docken, Huren, Knoblauch, Branntewein Seynd in Muszcow sehr gemein.	Ты вездѣ въ Москвѣ увидишь Церкви, образа, кресты, Купола съ колоколами, Женщинъ, крашенныхъ, какъ куколъ, Бл... й, водку и чеснокъ.
Auff dem Marckte müssig gehen, Vor dem Bad entblösset stehen, Mittag schlaffen, Völlerey, Rultzen, fartzen ohne Scheu, Zancken, peitschen, stehlen, morden Ist auch so gemein geworden Dass sich niemand mehr dran kehrt Weil man's täglich sieht und hört!	Тамъ снуютъ по рынку праздно, Нагишомъ стоятъ предъ баней, Жрутъ безъ мѣры, въ полдень спятъ, Безъ стыда п.р..тъ, рыгаютъ. Ссоры, кнутъ, разбой, убійство— Такъ все это тамъ обычно, Что никто имъ не дивится: Каждый день вѣдь снова то же!

XL.

(Книга III, глава 8).

О бракахъ русскихъ и о томъ, какъ они справляютъ свадьбу.

Хотя грѣховная Венерина игра у русскихъ очень распространена, тѣмъ не менѣе у нихъ не устраиваются публичные дома съ блудницами, отъ которыхъ, какъ то, напримѣръ, къ сожалѣнію, водится въ Персіи и нѣкоторыхъ иныхъ странахъ, власти получаютъ извѣстный доходъ.

Бракъ у русскихъ.

У нихъ имѣется правильный бракъ, и каждому разрѣшается имѣть только одну жену. Если жена у него помретъ,

онъ имѣетъ право жениться вторично и даже въ третій разъ, но въ четвертый разъ уже ему не даютъ разрѣшенія. Если же священникъ повѣнчаетъ такихъ людей [не имѣющихъ права жениться], то онъ лишается права совершать служеніе. Ихъ священники, служащіе у алтаря, должны непремѣнно уже находиться въ бракѣ, и если у такого священника жена помретъ, онъ уже не смѣетъ жениться вновь, развѣ только онъ откажется отъ своего священническаго сана, сниметъ свой головной уборъ и займется торговлею или другимъ промысломъ. При женитьбахъ они также принимаютъ въ разсчетъ степень кровнаго родства и не вступаютъ въ бракъ съ близкими родственниками по крови, охотно избѣгаютъ и браковъ со всякими свойственниками и даже не желаютъ допустить, чтобы два брата женились на двухъ сестрахъ или чтобы вступали въ бракъ лица, бывшія воспріемниками при крещеніи того же дитяти. Они вѣнчаются въ открытыхъ церквахъ съ особыми церемоніями, и во время брака соблюдаютъ такого рода обычаи.

Начало свадьбы.

Молодымъ людямъ и дѣвицамъ не разрѣшается самостоятельно знакомиться, еще того менѣе говорить другъ съ другомъ о брачномъ дѣлѣ или совершать помолвку. Напротивъ, родители, имѣющіе взрослыхъ дѣтей и желающіе побрачить ихъ — въ большинствѣ случаевъ, отцы дѣвицъ — идутъ къ тѣмъ, кто, по ихъ мнѣнію, болѣе всего подходятъ къ ихъ дѣтямъ, говорятъ или съ ними самими или же съ ихъ родителями и друзьями и выказываютъ свое расположеніе, пожеланіе и мнѣніе по поводу брака ихъ дѣтей. Если предложеніе понравится и пожелаютъ увидѣть дочь, то въ этомъ не бываетъ отказа, особенно если дѣвица красива; мать или пріятельница жениха получаютъ позволеніе посмотрѣть на нее. Если на ней не окажется никакого видимаго недостатка, т. е. если она не слѣпа и не хрома, то между родителями и друзьями начинаются уже рѣшительные переговоры о «приданомъ», какъ у нихъ говорятъ, и о заключеніи брака.

Обыкновенно, всѣ сколько-нибудь знатные люди воспитываютъ дочерей своихъ въ закрытыхъ покояхъ, скрываютъ ихъ отъ людей, и женихъ видитъ невѣсту не раньше, какъ получивъ ее къ себѣ въ брачный покой. Поэтому иного обманываютъ и, вмѣсто красивой невѣсты, даютъ ему безобразную и больную, иногда же, вмѣсто дочери, какую-либо подругу ея или даже служанку. Тамъ извѣстны такіе примѣры у высокихъ лицъ, и поэтому нельзя удивляться, что часто мужъ и жена живутъ какъ кошка съ собакою, и битье женъ въ Россіи вещь обычная.

Свадебныя церемоніи русскихъ. У знатнѣйшихъ.

Ихъ свадьба и приводъ невѣсты въ домъ совершаются съ особою пышностью. У знатныхъ князей, бояръ и ихъ дѣтей происходятъ они со слѣдующими церемоніями.

Устройство брачной постели.

Со стороны невѣсты и жениха отряжаются двѣ женщины, называемыя у нихъ «свахами»: онѣ какъ бы ключницы, которыя должны въ брачномъ домѣ то и иное устроить. «Сваха» невѣсты въ день свадьбы устраиваетъ брачную постель въ домѣ жениха. Съ нею отправляются около ста слугъ въ однихъ кафтанахъ, неся на головахъ вещи, относящіяся къ брачной по-

стели и къ украшенію брачной комнаты. Приготовляется брачная постель на 40 сложенныхъ рядомъ и переплетенныхъ ржаныхъ снопахъ. Женихъ долженъ былъ заранѣе распорядиться сложить въ комнатѣ эти снопы и поставить рядомъ съ ними нѣсколько сосудовъ или бочекъ, полныхъ пшеницы, ячменя и овса. Эти вещи должны имѣть доброе предзнаменованіе и помогать тому, чтобы у брачущихся въ супружеской жизни было изобиліе пищи и жизненныхъ припасовъ.

Послѣ того какъ, за день, все приведено въ готовность и порядокъ, поздно вечеромъ женихъ со всѣми своими друзьями

отправляется въ домъ невѣсты, причемъ спереди ѣдетъ верхомъ попъ, который долженъ совершить вѣнчаніе. Друзья невѣсты въ это время собраны и любезно принимаютъ жениха съ его провожатыми. Лучшіе и ближайшіе друзья жениха приглашаются къ столу, на которомъ поставлены 3 кушанья, но никто до нихъ не дотрагивается. Вверху стола для жениха, пока онъ стоитъ и говоритъ съ друзьями невѣсты, оставляется мѣсто, на которое садится мальчикъ; помощью подарка женихъ долженъ опять освободить себѣ это мѣсто. Когда женихъ усядется, рядомъ съ нимъ

Церемонія, до ухода въ церковь, въ брачномъ домѣ.

усаживается закутанная невѣста, въ великолѣпныхъ одеждахъ, и, чтобы они не могли видѣть другъ друга, между ними обоими протягивается и держится двумя мальчиками кусокъ красной тафты. Затѣмъ приходитъ сваха невѣсты, чешетъ волосы невѣсты, выпущенные наружу, заплетаетъ ей двѣ косы, надѣваетъ ей корону съ другими украшеніями и оставляетъ ее сидѣть теперь съ открытымъ лицомъ. Корона приготовлена изъ тонко выкованной золотой или серебряной жести, на матерчатой подкладкѣ; около ушей, гдѣ корона нѣсколько согнута внизъ, свисаютъ четыре, шесть или болѣе нитокъ крупнаго жемчуга, опускаю-

Невѣста, въ покрывалѣ, садится рядомъ съ женихомъ.

Одежда и украшенія невѣсты.

щихся значительно ниже грудей. Ея верхнее платье спереди, сверху внизъ, и вокругъ рукавовъ (которые шириною съ 3 аршина или локтя), равно какъ и воротъ ея платья (онъ шириною съ 3 пальца и туго, не безъ сходства съ собачьимъ ошейникомъ, охватываетъ горло) густо обсажены крупнымъ жемчугомъ; такое платье стоитъ гораздо болѣе тысячи талеровъ.

Свадебная церемонія.

Сваха чешетъ и жениха. Тѣмъ временемъ женщины становятся на скамейки и поютъ разныя неприличности. Затѣмъ приходятъ два молодыхъ человѣка, очень красиво одѣтыхъ; они приносятъ на носилкахъ очень большой кругъ сыру и нѣсколько хлѣбовъ; все это увѣшано отовсюду соболями. Этихъ людей, которые также приходятъ изъ дома невѣсты, зовутъ коровайниками. Попъ благословляетъ ихъ, а также сыръ и хлѣбъ, которые затѣмъ уносятся въ церковь. Потомъ приносятъ большое серебряное блюдо, на которомъ лежатъ: четырехугольные кусочки атласной тафты — сколько нужно для небольшого кошеля, затѣмъ плоскіе четырехугольные кусочки серебра, хмель, ячмень, овесъ — все въ перемежку. Блюдо ставится на столъ. Затѣмъ приходитъ одна изъ свахъ, снова закрываетъ невѣсту, и съ блюда осыпаетъ всѣхъ бояръ и мужчинъ; кто желаетъ, можетъ подбирать кусочки атласу и серебра Въ это время поютъ пѣсню. Потомъ встаютъ отцы жениха и невѣсты и мѣняютъ кольца у брачущихся.

Послѣ этихъ церемоній сваха ведетъ невѣсту, усаживаетъ ее въ сани и увозитъ ее съ закрытымъ лицомъ въ церковь. Лошадь передъ санями у шеи и подъ дугою увѣшана многими лисьими хвостами. Женихъ немедленно позади слѣдуетъ со всѣми друзьями и попами. Иногда оказывается, что попъ уже успѣлъ столько вкусить отъ свадебныхъ напитковъ, что его приходится поддерживать, чтобы онъ не упалъ на пути съ лошади, а въ церкви при совершеніи богослуженія. Рядомъ съ санями идутъ нѣкоторые добрые друзья и много рабовъ. Тутъ говорятъ грубѣйшія неприличности.

Свадебная церемонія въ церкви.

Въ церкви большая часть пола въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершается вѣнчаніе, покрыта красной тафтою, причемъ постланъ еще особый кусокъ, на который должны стать женихъ и невѣста. Когда вѣнчаніе начинается, попъ прежде всего требуетъ себѣ жертвы, какъ-то пироговъ, печеній и паштетовъ. Затѣмъ надъ головами у жениха и невѣсты держатъ большія иконы и благословляютъ ихъ. Потомъ попъ беретъ въ свои руки правую руку жениха и лѣвую руку невѣсты и спрашиваетъ ихъ трижды: «желаютъ ли они другъ друга и хотятъ ли они въ мирѣ жить другъ съ другомъ?» Когда они отвѣтятъ: «да», онъ ихъ ведетъ

кругомъ и поетъ при этомъ 128-й псаломъ; они, какъ бы танцуя, подпѣваютъ его, стихъ за стихомъ. Послѣ танца онъ надѣваетъ имъ на голову красивые вѣнцы. Если они вдовецъ и вдова, то вѣнцы кладутся не на голову, а на плечи, и попъ говоритъ: «Растите и множьтесь». Онъ соединяетъ ихъ, говоря: «Что Богъ соединилъ, того пусть человѣкъ не разъединяетъ» и т. д. Тѣмъ временемъ всѣ свадебные гости, находящіеся въ церкви, зажигаютъ небольшія восковыя свѣчи, а попу подаютъ деревянную позолоченную чашу или же только стеклянную рюмку краснаго вина: онъ отпиваетъ немного въ честь брачущихся, а женихъ и невѣста три раза должны выпивать вино. Затѣмъ женихъ кидаетъ рюмку о земь и, вмѣстѣ съ невѣстою, растаптываетъ ее на мелкія части, говоря: «Такъ да падутъ подъ ноги наши и будутъ растоптаны всѣ тѣ, кто пожелаютъ вызвать между нами вражду и ненависть». Послѣ этого женщины осыпаютъ ихъ льнянымъ и конопляннымъ сѣменемъ и желаютъ имъ счастья; они также теребятъ и тащатъ новобрачную, какъ бы желая ее отнять у новобрачнаго, но оба крѣпко держатся другъ за друга. Покончивъ съ этими церемоніями, новобрачный ведетъ новобрачную къ санямъ, а самъ снова садится на свою лошадь. Рядомъ съ

Вѣнчаніе.

съ санями несутъ шесть восковыхъ свѣчъ, и вновь откалываются грубѣйшія шутки.

Въ брачномъ домѣ.

Прибывъ въ брачный домъ, то есть къ новобрачному, гости съ новобрачнымъ садятся за столъ, ѣдятъ, пьютъ и веселятся, новобрачную же немедленно раздѣваютъ, вплоть до сорочки, и укладываютъ въ постель; новобрачный, только что начавшій ѣсть, отзывается и приглашается къ новобрачной. Передъ нимъ идутъ шесть или восемь мальчиковъ съ горящими факелами. Когда новобрачная узнаетъ о прибытіи новобрачнаго, она встаетъ съ постели, накидываетъ на себя шубу, подбитую соболями, и принимаетъ своего возлюбленнаго, наклоняя голову. Мальчики ставятъ горящіе факелы въ вышеупомянутыя бочки съ пшеницею и ячменемъ, получаютъ каждый по парѣ соболей и уходятъ. Новобрачный теперь садится за накрытый столъ — съ новобрачною, которую онъ здѣсь въ первый разъ видитъ съ открытымъ лицомъ. Имъ подаютъ кушанья и, между прочимъ, жареную курицу. Новобрачный рветъ ее пополамъ, и ножку или крылышко, — что прежде всего отломится, — онъ бросаетъ за спину; отъ остального онъ вкушаетъ. Послѣ ѣды, которая продолжается не долго, онъ ложится съ новобрачною въ постель. Здѣсь уже не остается больше никого, кромѣ стараго слуги, который ходитъ взадъ и впередъ передъ комнатою. Тѣмъ временемъ съ обѣихъ сторонъ родители и друзья занимаются всякими фокусами и чародѣйствомъ, чтобы ими вызвать счастливую брачную жизнь новобрачныхъ. Слуга, сторожащій у комнаты, долженъ, время отъ времени, спрашивать: «устроились ли?» Когда новобрачный отвѣтитъ: «да», то объ этомъ сообщается трубачамъ и литаврщикамъ, которые уже стоятъ на-готовѣ, держа все время вверхъ палки для литавръ; они начинаютъ теперь веселую игру. Вслѣдъ затѣмъ топятъ баню, въ которой, немного часовъ спустя, новобрачный и новобрачная порознь должны мыться. Здѣсь ихъ обмываютъ водою, медомъ и виномъ, а затѣмъ новобрачный получаетъ отъ молодой жены своей въ подарокъ купальную сорочку, вышитую у ворота жемчугомъ, и новое цѣлое великолѣпное платье.

Въ брачной комнатѣ.

Баня новобрачнымъ послѣ первой ночи.

Оба слѣдующихъ дня проводятся въ сильной, чрезмѣрной ѣдѣ, въ питьѣ вина, танцахъ и всевозможныхъ увеселеніяхъ, какія только они въ силахъ выдумать. При этомъ прибѣгаютъ они къ разнообразной музыкѣ: между прочимъ пользуются инструментомъ, который называютъ псалтырью; онъ почти схожъ съ цымбалами. Его держатъ на рукахъ и перебираютъ на немъ руками, какъ на арфѣ. Такая игра представлена на одномъ изъ предыдущихъ рисунковъ при изображеніи Петрушки.

Такъ какъ иныя женщины, будучи недостаточно охраняемы своими пьяными мужьями, готовы допускать большіе вольности и проступки съ парнями и чужими мужьями, то онѣ и пользуются для своего увеселенія открытыми пиршествами, когда легче всего позабавиться въ волю. Вотъ истинное донесеніе наше о церемоніяхъ и обычіяхъ во время свадебъ нынѣшнихъ вельможъ въ Москвѣ.

Свадьба незнатныхъ людей.

Когда, однако, незнатные или гражданскаго званія люди хотятъ справлять свадьбу, то женихъ за день до нея посылаетъ невѣстѣ новое платье, шапку и пару сапогъ, а также ларчикъ, въ которомъ находятся румяна, гребень и зеркало. На другой день, когда должна состояться свадьба, приходитъ попъ съ серебрянымъ крестомъ, въ сопровожденіи двухъ мальчиковъ, несущихъ горящія восковыя свѣчи. Попъ благословляетъ крестомъ сначала мальчиковъ, а затѣмъ гостей. Потомъ невѣсту и жениха сажаютъ за столъ, а между ними держатъ красную тафту. Когда затѣмъ невѣста убрана свахою, она должна прижать свою щеку къ щекѣ жениха; оба затѣмъ должны смотрѣться въ одно и то же зеркало и любезно улыбаться другъ другу. Тѣмъ временемъ свахи подходятъ и осыпаютъ ихъ и гостей хмелемъ. Послѣ этихъ церемоній они отправляются въ церковь, гдѣ, по выше указанному способу, происходитъ вѣнчаніе.

Послѣ свадьбы женъ держатъ взаперти, въ комнатахъ; онѣ рѣдко появляются въ гостяхъ и чаще посѣщаются сами друзьями своими, чѣмъ имѣютъ право ихъ посѣщать.

XLI.

(Книга III, глава 9).

О положеніи русскихъ женщинъ.

Жены сидятъ взаперти.

Подобно тому, какъ дѣти вельможъ и купцовъ мало или же даже вовсе не пріучаются къ домоводству, такъ же точно онѣ впослѣдствіи, находясь въ бракѣ, мало занимаются хозяйствомъ, а только сидятъ да шьютъ и вышиваютъ золотомъ и серебромъ красивые носовые платки изъ бѣлой тафты и чистаго полотна, приготовляютъ небольшіе кошельки для денегъ и тому подобныя вещи. Онѣ не имѣютъ права принимать участія ни въ рѣзаніи куръ или другого скота, ни въ приготовленіи ихъ къ ѣдѣ, такъ какъ полагаютъ, что это бы ихъ осквернило. Поэтому всякую такого рода работу совершаетъ у нихъ прислуга. Изъ подо-

зрительности ихъ рѣдко выпускаютъ изъ дому, рѣдко также разрѣшаютъ ходить въ церковь; впрочемъ среди простонародья все это соблюдаютъ не очень точно.

Дома онѣ ходятъ плохо одѣтыя, но когда онѣ оказываютъ, по приказанію мужа, честь чужому гостю, пригубливая передъ нимъ чарку водки, или же, если онѣ идутъ черезъ улицы, напримѣръ, въ церковь, онѣ должны быть одѣты великолѣпнѣйшимъ образомъ, и лицо и шея должны быть густо и жирно набѣлены и нарумянены.

Женщины катаются на саняхъ.

Князей, бояръ и знатнѣйшихъ людей жены лѣтомъ ѣздятъ въ закрытыхъ каретахъ, обтянутыхъ красною тафтою, которою онѣ зимою пользуются и на саняхъ. Въ послѣднихъ онѣ возсѣдаютъ съ великолѣпіемъ богинь, а впереди у ногъ ихъ сидитъ дѣвушка рабыня. Рядомъ съ санями бѣгутъ многіе прислужники и рабы, иногда до 30, 40 человѣкъ. Лошадь, которая тащитъ такую карету или сани, похожа на ту, которая везетъ невѣсту; она увѣшана лисьими хвостами, чтò представляетъ весьма странный видъ. Подобнаго рода украшенія видѣли мы не только у женщинъ, но и у знатныхъ вельможъ, даже у саней самого великаго князя, который иногда, вмѣсто лисьихъ хвостовъ, пользуется прекрасными черными соболями.

Развлеченія женщинъ.

Качели.

Такъ какъ праздныя молодыя женщины очень рѣдко появляются среди людей, а также не много работаютъ и дома и, слѣдовательно, мало заняты, то иногда онѣ устраиваютъ себѣ, со своими дѣвушками, развлеченія, напримѣръ, качаясь на качеляхъ—чтò имъ особенно нравится. Онѣ кладутъ доску на обрубокъ дерева, становятся на оба конца, качаются и подбрасываютъ другъ друга въ воздухъ. Иногда пользуются онѣ и веревками, на которыхъ онѣ умѣютъ подбрасывать себя весьма высоко на воздухъ. Простонародье, особенно въ предмѣстьяхъ и деревняхъ, занимается этими играми открыто на улицахъ. Здѣсь у нихъ поставлены общія качели въ формѣ висѣлицы, съ крестообразною движущейся частью, на которой двое, трое и болѣе лицъ могутъ подняться одновременно. Больше всего подобной игрою у нихъ занимаются по праздникамъ: въ эти дни особые молодые прислужники держатъ на-готовѣ сидѣнья и другія необходимыя принадлежности и, за нѣсколько копѣекъ, одолжаютъ тѣмъ, кто желаетъ покачаться. Мужчины очень охотно разрѣшаютъ женамъ подобное увеселеніе, и иногда даже помогаютъ имъ въ немъ.

Качели русскихъ.

Почему, большею частью, русскіе бьютъ своихъ женъ.

Если [между мужемъ и женою] у нихъ часто возникаютъ недовольство и драки, то причиною являются иногда непристойныя и бранныя слова, съ которыми жена обращается къ мужу: вѣдь

онѣ очень скоры на такія слова. Иногда же причиной является то, что жены напиваются чаще мужей или же навлекаютъ на себя подозрительность мужа чрезмѣрною любезностью къ чужимъ мужьямъ и парнямъ. Очень часто всѣ эти три причины встрѣчаются у русскихъ женщинъ одновременно.

Когда, вслѣдствіе этихъ причинъ, жена бываетъ сильно прибита кнутомъ или палкою, она не придаетъ этому большого значенія, такъ какъ сознаетъ свою вину и, къ тому же, видитъ,

что отличающіяся тѣми же пороками ея сосѣдки и сестры испытываютъ не лучшее обращеніе.

Чтобы, однако, русскія жены въ частомъ битьѣ и бичеваніи усматривали сердечную любовь, а въ отсутствіи ихъ—нелюбовь и нерасположеніе мужей къ себѣ, какъ объ этомъ сообщаютъ нѣкоторые писатели по «русской хроникѣ» Петрея (а Петрей заимствовалъ, несомнѣнно, изъ Герберштейна и сочиненія Barclai «Icon animorum»),—этого мнѣ не привелось узнать, да и не могу я себѣ представить, чтобы онѣ любили то, чего отвращается природа и всякая тварь, и чтобы считали за признакъ любви то,

Правда ли, что жены по побоямъ мужа судятъ о его вѣрности и любви.

что является знакомъ гнѣва и вражды. Извѣстная поговорка: «побои не вызываютъ дружбы», на мой взглядъ, справедлива и для нихъ. Никакой человѣкъ, обладающій здравымъ разсудкомъ, не будетъ безъ причины ненавидѣть и мучить собственную плоть. Возможно, конечно, что нѣкоторыя изъ нихъ говорили сами мужьямъ, ради шутки, подобныя рѣчи. Возможно также, что, дѣйствительно, былъ и слѣдующій случай. Нѣкая глупая жена, проживъ довольно много времени въ мирѣ и единеніи со своимъ мужемъ, наконецъ, обратилась къ нему со словами: «Ей неясно до сихъ поръ, любитъ ли онъ ее какъ слѣдуетъ, такъ какъ она еще ни разу не получала отъ него побоевъ». Послѣ этого мужъ, будто бы, далъ себя уговорить, показалъ ей свою любовь, какъ она того требовала, и сильно отстегалъ ее кнутомъ; такъ какъ ей это понравилось, онъ повторилъ эти побои черезъ нѣкоторое время, и, наконецъ, въ третій разъ, доказывая сильнѣйшую любовь свою, засѣкъ ее до смерти. Разсказываютъ этотъ случай про нѣкоего—какъ говорятъ, итальянца—Іордана. Герберштейнъ говоритъ, что это былъ Alemannus faber ferrarius, кузнецъ, и что событіе это произошло въ его время въ Москвѣ. Однако то, что произошло съ этой одной женщиною, не можетъ служить примѣромъ для другихъ, и по нраву одной нельзя судить о природѣ всѣхъ остальныхъ.

Жена проситъ мужа, чтобы онъ ее побилъ.

Прелюбодѣяніе.

Прелюбодѣяніе у нихъ не наказывается смертью, да и не именуется у нихъ прелюбодѣяніемъ, а просто блудомъ, если женатый пробудетъ ночь съ женою другою. Прелюбодѣемъ называютъ они лишь того, кто вступаетъ въ бракъ съ чужою женою.

Если женщиною, состоящею въ бракѣ, совершенъ будетъ блудъ, и она будетъ обвинена и уличена, то ей за это полагается наказаніе кнутомъ. Виновная должна нѣсколько дней провести въ монастырѣ, питаясь водою и хлѣбомъ, затѣмъ ее вновь отсылаютъ домой, гдѣ вторично ее бьетъ кнутомъ хозяинъ дома за запущенную дома работу.

Супруги могутъ расходиться.

Если супруги надоѣдятъ другъ другу и не могутъ болѣе жить въ мирѣ и согласіи, то исходомъ изъ затрудненія является то, что одинъ изъ супруговъ отправляется въ монастырь. Если такъ поступаетъ мужъ, оставляя, въ честь Божію, свою жену, а жена его получитъ другого мужа, то первый можетъ быть посвященъ въ попы, даже если онъ раньше былъ сапожникомъ или портнымъ. Мужу также предоставляется, если жена его оказывается безплодною, отправлять ее въ монастырь и жениться, черезъ шесть недѣль, на другой.

Примѣры подобнаго рода даны и нѣкоторыми изъ великихъ князей, которые, не будучи въ состояніи произвести со своими супругами на свѣтъ наслѣдника или получая лишь дочерей отъ нихъ, отправляли женъ въ монастыри и женились на другихъ. Такъ сдѣлалъ тиранъ Иванъ Васильевичъ [Василій Ивановичъ], который насильно отправилъ въ монастырь свою супругу Соломонію послѣ того какъ, проведя 21 годъ въ брачной жизни съ нею, не могъ прижить дѣтей; онъ затѣмъ женился на другой, по имени Еленѣ, дочери Михаила [Василія] Глинскаго. Первая супруга, однако, вскорѣ затѣмъ родила въ монастырѣ младенца-сына, какъ о томъ подробнѣе разсказано у Герберштейна (на 19-й страницѣ) и у Тилемана Bredeabas (на стр. 251-й). Точно также, если мужъ въ состояніи сказать и доказать о женѣ что-либо нечестное, она должна давать постричь себя въ монахини. При этомъ мужчина часто поступаетъ скорѣе по произволу, чѣмъ по праву. Разсердившись на жену по одной лишь подозрительности или по другимъ недостойнымъ побужденіямъ, онъ за деньги нанимаетъ пару негодяевъ, которые съ нимъ идутъ къ судьѣ, обвиняютъ и свидѣтельствуютъ противъ его жены, будто бы они застали ее при томъ или иномъ проступкѣ или блудѣ; этимъ способомъ — особенно если еще обратиться за содѣйствіемъ къ копѣйкамъ — достигаютъ того, что добрая женщина, раньше чѣмъ она успѣетъ собраться съ мыслями, уже должна одѣть платье монахини и противъ воли идти въ монастырь, гдѣ ее оставляютъ на всю ея жизнь. Вѣдь тотъ, кто разъ уже далъ себя посвятить въ это состояніе и у кого ножницы прошлись по головѣ, болѣе не имѣетъ права выйти изъ монастыря и вступить въ бракъ.

Женщины должны соглашаться на постриженіе.

Въ наше время горестнымъ образомъ долженъ былъ узнать это нѣкій полякъ, принявшій русскую вѣру и женившійся на прекрасной молодой русской. Когда онъ по неотложнымъ дѣламъ долженъ былъ уѣхать и пробыть вдали болѣе года, доброй женщинѣ, вѣроятно, ложе показалось недостаточно теплымъ, она сошлась съ другимъ и родила ребенка. Узнавъ затѣмъ о возвращеніи мужа и не будучи увѣрена, что ей удастся дать добрый отчетъ въ своемъ хозяйничаньѣ дома, она бѣжала въ монастырь и тамъ постриглась. Когда мужъ вернулся домой и узналъ, въ чемъ дѣло, его болѣе всего огорчило то, что жена посвятилась въ монахини. Онъ бы охотно простилъ ее и принялъ бы ее вновь, да и она бы опять вернулась къ нему, но ихъ уже нельзя было соединить, несмотря на все ихъ желаніе. Патріархъ и монахи сочли бы это [возвращеніе изъ монастыря]

Жена убѣгаетъ отъ мужа въ монастырь.

за большой грѣхъ, притомъ — противъ Святого Духа, т. е. за грѣхъ, который никогда не можетъ быть прощенъ.

Когда снимаютъ крестъ.

Насколько русскіе охочи до тѣлеснаго соитія и въ бракѣ и внѣ его, настолько же считаютъ они его грѣховнымъ и нечистымъ. Они не допускаютъ, чтобы при соитіи крестикъ, вѣшаемый при крещеніи на шею, оставался на тѣлѣ, но снимаютъ его на это время. Кромѣ того соитіе не должно происходить въ комнатахъ, гдѣ находятся иконы святыхъ; если же иконы здѣсь окажутся, то ихъ тщательно закрываютъ.

Точно также тотъ, кто пользовался плотскою утѣхою, въ теченіе этого дня не долженъ входить въ церковь, развѣ лишь хорошенько обмывшись и переодѣвшись въ чистое. Болѣе совѣстливые въ подобномъ случаѣ, тѣмъ не менѣе, остаются передъ церковью или въ притворѣ ея и тамъ молятся. Когда священникъ коснется своей жены, онъ долженъ надъ пупомъ и ниже его хорошенько обмыться и затѣмъ, правда, можетъ прійти въ церковь, но не смѣетъ войти въ алтарь. Женщины считаются болѣе нечистыми, чѣмъ мужчины; поэтому онѣ во время обѣдни встрѣчаются не въ самой церкви, но, большей частью, впереди, у дверей ея.

XLII.

(Книга III, глава 10).

О свѣтскомъ состояніи и о полицейскомъ строѣ у русскихъ.

Государственный строй у русскихъ.

Что касается русскаго государственнаго строя, то, какъ видно отчасти уже изъ вышеприведенныхъ главъ, — это, какъ опредѣляютъ политики, «monarchia dominica et despotica». Государь, каковымъ является царь или великій князь, получившій по наслѣдію корону, одинъ управляетъ всей страною и всѣ его подданные, какъ дворяне и князья, такъ и простонародье, горожане и крестьяне, являются его холопами и рабами, съ которыми онъ обращается какъ хозяинъ со своими слугами. Этотъ родъ управленія очень похожъ на тотъ, который Аристотелемъ изображенъ въ слѣдующихъ словахъ: «Есть и иной видъ монархіи, въ родѣ того, какъ у нѣкоторыхъ варваровъ имѣются царства, по значенію своему стоящія ближе всего къ тираніи».

Pol. III, c. 14.

Если имѣть въ виду, что общее отличіе закономѣрнаго правленія отъ тираническаго заключается въ томъ, что въ первомъ изъ нихъ соблюдается благополучіе подданныхъ, а во второмъ

личная выгода государя, то русское управленіе должно считаться находящимся въ близкомъ родствѣ съ тираническимъ.

Вельможи должны, безо всякаго стыда, помимо того, что они, какъ уже сказано, ставятъ свои имена въ уменьшительной формѣ, называть себя рабами и переносить рабское обращеніе. Раньше наказывали гостей или знатнѣйшихъ купцовъ и вельможъ, которые во время публичныхъ аудіенцій должны показываться въ великолѣпномъ одѣяніи, за неприходъ по неуважительной причинѣ, какъ рабовъ, — ударами кнута по голой спинѣ. Теперь же наказываютъ двух- или трехдневнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, смотря по тому, какіе у нихъ при дворѣ покровители и ходатаи.

Стр. 195.

Главу своего, великаго князя, они зовутъ царемъ, его царскимъ величествомъ, и нѣкоторые полагаютъ, что слово это происходитъ отъ слова Caesar. И онъ, подобно его величеству римскому императору, имѣетъ въ государственномъ гербѣ и печати изображеніе двуглаваго орла, хотя и съ опущенными крыльями; надъ головами орла раньше изображалась одна, теперь же — три короны, въ обозначеніе, помимо русскаго царства, еще двухъ татарскихъ: Астрахани и Казани. На груди орла виситъ щитъ, дающій изображеніе всадника, вонзающаго

Гербъ и печать царя.

копье въ дракона. Все это можно наблюдать на приложенномъ рисункѣ, дающемъ, одновременно съ титуломъ, узнать и величину [печати]. Этотъ орелъ былъ введенъ лишь тираномъ Иваномъ Васильевичемъ, изъ честолюбія, такъ какъ онъ хвалился происхожденіемъ отъ крови римскихъ императоровъ. Его переводчики и нѣкоторые изъ нѣмецкихъ купцовъ въ Москвѣ и зовутъ его императоромъ. Однако, такъ какъ русскіе зовутъ царемъ и царя Давида, то слово это скорѣе одного значенія съ «королемъ» и, можетъ быть, происходитъ отъ еврейскаго צֳרִי Zarah, что значитъ бальзамъ или мазь (какъ видно изъ первой книги Моисеевой, гл. 37, и Іереміи, гл. 51), и обозначаетъ помазанника, потому, что въ старину совершалось помазаніе царей.

Значеніе слова «царь».

Ст. 25.
Ст. 8.

Они ставятъ своего царя весьма высоко, упоминаютъ его имя во время собраній съ величайшимъ почтеніемъ и боятся его весьма сильно, болѣе даже, чѣмъ Бога. Можно бы сказать имъ также, какъ Саади въ персидскомъ «Саду розъ» сказалъ боязливому слугѣ царя:

Великій почетъ царю.

Кн. I, гл. 32.

Если бъ такъ же, какъ монарха, Бога чтилъ ты и страшился,
То какъ ангелъ воплощенный передъ нами бъ ты явился.

Уже съ малыхъ лѣтъ внушаютъ они своимъ дѣтямъ, чтобы они говорили о его царскомъ величествѣ какъ о Богѣ и почитали его столь же высоко; поэтому они часто говорятъ: «Про то знаютъ Богъ да великій князь». Это же значеніе имѣютъ и [другія] обыкновенныя рѣчи ихъ. Такъ «явиться передъ великимъ княземъ» они называютъ «увидѣть ясныя очи его царскаго величества». Чтобы выказать глубокое смиреніе свое и свое чувство долга, они говорятъ, что все, чѣмъ они владѣютъ, принадлежитъ не столько имъ, сколько Богу и великому князю. Къ подобнаго рода рѣчамъ частью пріучилъ ихъ многократно упоминавшійся тиранъ Иванъ Васильевичъ своими насильственными дѣйствіями, частью же въ виду общаго состоянія ихъ — они и имущества ихъ, дѣйствительно, находятся въ подобномъ положеніи. Чтобы можно было спокойно удерживать ихъ въ рабствѣ и боязни, никто изъ нихъ, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, не смѣетъ самовольно выѣхать изъ страны и сообщать имъ о свободныхъ учрежденіяхъ другихъ странъ. Точно также ни одинъ купецъ, ради промысла своего, не имѣетъ права, безъ соизволенія царя, перейти границу страны и вести за границею торговлю.

Путешествія имъ воспрещаются.

Старый нѣмецкій толмачъ Гансъ Гельмсъ (умершій 97-ми лѣтъ отъ роду) 10 лѣтъ тому назадъ, по особой милости великаго князя, отправилъ своего сына, родившагося въ Москвѣ,

Сынъ Ганса Гельмса — докторъ медицины.

въ нѣмецкіе университеты, чтобы тамъ изучать медицину и потомъ служить царю. Молодой человѣкъ сдѣлалъ такіе успѣхи въ этомъ дѣлѣ, что съ большой славою добился степени доктора, и въ Англіи, въ Оксфордскомъ университетѣ, считался чуть ли не за чудо учености. Однако, ему уже не захотѣлось болѣе возвращаться въ московское рабство, откуда онъ разъ выбрался. Поэтому-то новгородскій купецъ Петръ Микляевъ, умный и разсудительный человѣкъ, бывшій съ годъ назадъ посломъ у насъ и хотѣвшій поручить мнѣ своего сына для обученія его нѣмецкому и латинскому языкамъ, не могъ получить на это позволеніе ни у патріарха, ни у великаго князя.

Петръ Микляевъ.

Однако, нельзя сказать, чтобы нынѣшніе великіе князья, — хотя бы и имѣя ту же власть, нападали, на-подобіе тирановъ, столь насильственнымъ образомъ на подданныхъ и на имущество ихъ, какъ еще и теперь объ этомъ пишутъ иные люди, основываясь, можетъ быть, на старыхъ писателяхъ, въ родѣ Герберштейна, Іовія и Гвагнина и т. п., изображавшихъ жалкое состояніе русскихъ подъ желѣзнымъ скипетромъ тирана. Впрочемъ, и вообще о русскихъ пишутъ весьма многое, что въ настоящее время уже не подходитъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе общихъ перемѣнъ во временахъ, управленіи и людяхъ. Нынѣшній великій князь — государь очень благочестивый, который, подобно отцу своему, не желаетъ допустить, чтобы хоть одинъ изъ его крестьянъ обѣднѣлъ. Если кто-нибудь изъ нихъ обѣднѣетъ вслѣдствіе неурожая хлѣба или по другимъ случайностямъ и несчастіямъ, то ему, будь онъ царскій или боярскій крестьянинъ, отъ приказа или канцеляріи, въ вѣдѣніи которой онъ находится, дается пособіе, и вообще обращается вниманіе на его дѣятельность, чтобы онъ могъ снова поправиться, заплатить долгъ свой и внести подати начальству. И если кого-либо, за оскорбленіе величества или за доказанные великіе его проступки ссылаютъ въ немилость въ Сибирь — что въ настоящіе дни бываетъ не очень часто,—то и эта немилость смягчается тѣмъ, что ссыльному устраивается сносное пропитаніе, смотря по его состоянію и личнымъ его достоинствамъ; вельможамъ при этомъ даются деньги, писцамъ даются должности въ канцеляріяхъ сибирскихъ городовъ, стрѣльцамъ и солдатамъ опять-таки предоставляются мѣста солдатъ, дающія имъ ежегодное жалованье и хорошее пропитаніе. Самое тягостное для большинства изъ нихъ — быть удаленнымъ отъ высокаго лика его царскаго величества и не допускаться къ лицезрѣнію ясныхъ очей его.

Царь не желаетъ обѣднѣнія крестьянъ.

Милость въ немилости.

Ссылка въ Сибирь.

Имѣются, впрочемъ, примѣры и тому, что нѣкоторымъ подобная немилость послужила весьма на пользу, а именно въ промыслахъ своихъ и торговлѣ они получили тамъ гораздо бо̀льшую выгоду, чѣмъ въ Москвѣ, и достигли такого благосостоянія, что, имѣя при себѣ жену и дѣтей, уже не просились болѣе въ Москву, даже по полученіи свободы.

Права величества.

Царь заботится, какъ это понятно, о своемъ величіи и слѣдитъ за правами величества, какъ дѣлаютъ это другіе монархи и абсолютные государи. А именно: онъ не подчиненъ законамъ и можетъ, по мысли своей и по желанію, издавать и устанавливать законы и приказы. Эти послѣдніе всѣ, какого бы качества они ни были, принимаются и исполняются безъ противорѣчій и даже съ тѣмъ же послушаніемъ, какъ если бы они были даны самимъ Богомъ. Русскіе, какъ объ этомъ справедливо говоритъ Хитрэй (lib. I «Saxon.»), полагаютъ, что великій князь исполняетъ все по волѣ Божіей. Для обозначенія непогрѣшимой правды и справедливости въ дѣйствіяхъ великаго князя они имѣютъ поговорку: «Слова Бога и великаго князя нельзя переиначивать, но нужно исполнять неукоснительно».

Великій князь не только назначаетъ и смѣщаетъ начальство, но даже гонитъ ихъ вонъ и казнитъ ихъ, когда захочетъ. Такимъ образомъ у нихъ совершенно тѣ же обычаи, какіе, по изреченію пророка Даніила, были обычны въ царствованіе царя Навуходоносора: онъ умерщвлялъ кого хотѣлъ, билъ кого хотѣлъ, возвышалъ кого хотѣлъ, унижалъ кого хотѣлъ.

Дан. V, ст. 19.

Воеводы и намѣстники.

Во всѣхъ провинціяхъ и городахъ онъ назначаетъ своихъ воеводъ, намѣстниковъ и управляющихъ, которые съ канцеляристами, дьяками или писцами должны производить судъ и расправу. Что̀ они рѣшатъ, то при дворѣ считается правильнымъ, и на приговоръ ихъ суда нѣтъ апелляціи ко двору. При подобномъ управленіи провинціями и городами, онъ придерживается того образа дѣйствій, который у Барклая Клеобулъ хвалитъ и совѣтуетъ царю сицилійскому, а именно: чтобы онъ не оставлялъ ни одного воеводы или начальника дольше двухъ-трехъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ, развѣ только не будутъ къ тому важныя причины. Дѣлается это для того, чтобы, съ одной стороны, мѣстность не испытывала слишкомъ долго тягости несправедливаго управленія, а, съ другой стороны, чтобы намѣстникъ не сдружился слишкомъ сильно съ подданными, не вошелъ въ ихъ довѣріе и не увлекъ страны къ отпаденію.

Barcl., l. 3, c. 6.

Веденіе войны.

Одинъ лишь великій князь имѣетъ право объявлять войну иноземнымъ націямъ и вести ее по своему усмотрѣнію. Хотя

онъ и спрашиваетъ объ этомъ бояръ и совѣтниковъ, однако дѣлается это тѣмъ же способомъ, какъ нѣкогда Ксерксъ, царь персидскій, созвалъ князей азіатскихъ не для того, чтобы они ему давали совѣты о предположенной имъ войнѣ съ греками, но скорѣе для того, чтобы лично сказать князьямъ свою волю и доказать, что онъ монархъ. Онъ сказалъ при этомъ: «созваны они имъ, правда, для того, чтобы онъ не все дѣлалъ по собственному своему усмотрѣнію, но они должны при этомъ знать, что ихъ дѣло скорѣе слушаться, чѣмъ совѣтовать». *Valer. Maxim. l. II, c. 5. Herod. l. VII.*

Великій князь также раздаетъ титулы и саны, производя тѣхъ, кто имѣютъ заслуги передъ нимъ и передъ страною, или кто вообще считаются достойными его милости, въ князей. Нѣкоторые великіе князья, слышавъ, что въ Германіи существуетъ право монарховъ выдавать докторскіе дипломы, подражали и этому праву; нѣкоторые изъ нихъ, какъ частью уже указано выше, давали подобные титулы своимъ врачамъ, а иногда даже и цирюльникамъ. *Раздача титуловъ.*

У царя производится своя чеканка монеты въ странѣ въ четырехъ различныхъ городахъ, а именно: въ Москвѣ, Новгородѣ, Твери и Псковѣ даетъ онъ чеканитъ монету изъ чистаго серебра, иногда и изъ золота; монета эта мелка, въ родѣ небольшихъ датскихъ секслинговъ, мельче еще, чѣмъ нѣмецкій пфеннигъ; частью она круглая, частью продолговатая. На одной сторонѣ обыкновенно изображенъ всадникъ, который копьемъ колетъ въ поверженнаго дракона; говорятъ, это первоначально былъ лишь гербъ новгородскій; на другой сторонѣ русскими буквами изображено имя великаго князя и городъ, гдѣ эта монета чеканена. Этотъ сортъ монетъ называется «деньгами» или «копѣйками»; каждый изъ нихъ равенъ по цѣнѣ голландскому stuiver'у или составляетъ почти столько же, сколько мейсенскій грошъ или голштинскій шиллингъ; 50 ихъ идетъ на одинъ рейхсталеръ. У нихъ имѣются и болѣе мелкіе сорта монетъ, а именно въ $^1/_2$ и $^1/_4$ копѣйки, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка; ихъ называютъ полушками и московками. Такъ какъ они очень мелки, то ими трудно вести торгъ: онѣ легко проваливаются сквозь пальцы. Поэтому у русскихъ вошло въ привычку, при осмотрѣ и мѣряніи товаровъ, брать зачастую до 50 копѣекъ въ ротъ, продолжая при этомъ такъ говорить и торговаться, что зритель и не замѣчаетъ этого обстоятельства; можно сказать, что русскіе ротъ свой превращаютъ въ карманъ. Въ торгѣ они считаютъ по алтынамъ, гривнамъ и рублямъ, хотя этихъ сортовъ денегъ въ цѣлыхъ монетахъ и нѣтъ; они *Своя монета.* *Ротъ въ качествѣ кармана.*

считаютъ ихъ по извѣстному числу копѣекъ. Въ алтынѣ — 3, въ гривнѣ — 10, а въ рублѣ — 100 копѣекъ. У нихъ ходятъ и наши рейхсталеры, которые они называютъ ефимками (отъ слова Jochimstal[er]»); они охотно принимаютъ ефимки за 50 копѣекъ, а потомъ отдаютъ въ чеканку, выигрывая при этомъ, такъ какъ въ рублѣ или 100 копѣйкахъ на 1/2 лота меньше вѣсу, чѣмъ въ двухъ рейхсталерахъ. Золотой монеты видно не много. Великій князь велитъ ее чеканить только въ тѣхъ случаяхъ, когда одержана побѣда надъ врагомъ, или же при иныхъ об-

стоятельствахъ, въ видѣ особой царской милости, для раздачи солдатамъ.

Тяжкіе налоги.

Великій князь время отъ времени устанавливаетъ тяжкіе налоги. Теперь купцы, какъ русскіе, такъ и иностранные, должны платить въ Архангельскѣ и Астрахани 5 со 100, что составляетъ за годъ большую прибыль.

Царь зачастую посылаетъ великолѣпныя посольства къ его величеству римскому императору и королямъ датскому, шведскому, персидскому и другимъ монархамъ. Болѣе важные изъ посылаемыхъ лицъ называются «великими послами», гонцы

и менѣе важныя лица — «посланниками». Временами онъ присылаетъ и большіе подарки, состоящіе изъ мѣховъ. Между прочимъ, достойно памяти, что великимъ княземъ Θеодоромъ Ивановичемъ въ 1595 году было послано императору Рудольфу II, при значительномъ посольствѣ. Я объ этомъ знаю отъ достовѣрнаго свидѣтеля. Подарки были слѣдующіе:

Подарки римскому императору.

1,003 сорока соболей.
519 сороковъ куницъ.
120 чернобурыхъ лисицъ.
337,000 лисицъ.
3,000 бобровъ.
1,000 волчьихъ шкуръ.
74 лосиныхъ шкуръ.

Послы дарятъ отъ себя.

Иногда послы, а особенно — посланники, когда они не везутъ съ собою великокняжескихъ подарковъ, дарятъ соболей отъ себя, ожидая за то и сами для себя подарковъ; если отвѣтные подарки во-время не даются, то они сами о нихъ напоминаютъ.

Послы ведутъ торговлю.

Великій князь почти каждый годъ посылаетъ къ шаху персидскому посланниковъ или малыхъ пословъ, которые, при своихъ зачастую неважныхъ порученіяхъ, занимаются и торговлею (впрочемъ, купцовъ своихъ великій князь посылаетъ еще особо); эта торговля даетъ имъ тѣмъ бо́льшія выгоды, что шахъ даетъ имъ въ своей странѣ полное содержаніе. Такъ какъ царь довольно часто отправляетъ своихъ пословъ къ заграничнымъ монархамъ, то и его зачастую посѣщаютъ послы отъ этихъ послѣднихъ; часто два, три и болѣе пословъ одновременно находятся въ Москвѣ, и дѣла и отсылка ихъ идутъ весьма медленно. Нѣкоторые иностранные государи имѣютъ въ Москвѣ своихъ легатовъ, постоянныхъ консуловъ или резидентовъ, живущихъ въ собственныхъ своихъ дворахъ. Въ Москвѣ устроены удобные дома и дворы, въ которыхъ помѣщаютъ пріѣзжающихъ пословъ. Въ этихъ домахъ, однако, нѣтъ кроватей, и кто не желаетъ спать на соломѣ и жесткихъ скамьяхъ, долженъ везти съ собою свои собственныя кровати. Ворота посольскихъ дворовъ заняты крѣпкими стражами, и раньше строго слѣдили за тѣмъ, чтобы никто изъ посольской свиты не выходилъ, а изъ постороннихъ людей не входилъ; ихъ охраняли какъ арестованныхъ. Теперь, однако, послѣ первой публичной аудіенціи всякій можетъ выходить, куда ему угодно. [Московскіе] жители намъ говорили, что мы, во время перваго посольства нашего, были первыми лицами, имѣвшими право свободно выходить.

Иноземные послы у царя.

Посольскіе дворы.

Право свободно выходить.

Послы, со всей своею свитою, пока находятся въ странѣ, получаютъ обильное содержаніе. Постоянно посѣщаютъ ихъ въ

это время и служатъ имъ два для этой цѣли отряженные къ нимъ пристава. Обычные вопросы приставовъ къ посламъ слѣдующіе: «Зачѣмъ они ѣдутъ къ великому князю?»; «Не знаютъ ли они, каково содержаніе писемъ къ царю?»; «Везутъ ли они подарки, и сколько именно, для передачи его царскому величеству?»; «Нѣтъ ли чего-нибудь для нихъ, [приставовъ], лично?». Когда подарки переданы, великій князь немедленно, на другой или на третій день, велитъ особымъ людямъ произвести оцѣнку ихъ стоимости. Раньше послы, послѣ допущенія къ публичной аудіенціи, всегда приглашались къ столу въ великокняжескихъ покояхъ, иногда даже къ самому великому князю. Теперь же милостиво жалуемые кушанья и напитки обыкновенно доставляются къ посламъ на домъ.

Спрашиваютъ, есть ли подарки.

Гдѣ послы получаютъ столъ.

Посламъ, а равно и служителямъ ихъ, при возвращеніи (въ томъ случаѣ, если они доставили подарки отъ своихъ государей или отъ самихъ себя) подносятся хорошіе подарки въ видѣ соболей и другихъ мѣховъ. И посланники, если только они доставляютъ дружественныя посланія отъ иностранныхъ государей, получаютъ обыкновенно «сорокъ» соболей, которые стоятъ въ Москвѣ 100 талеровъ или болѣе того.

Хорошій порядокъ для ускоренія пути.

Чтобы дать возможность посламъ и эстафетамъ передвигаться поскорѣе, на большихъ дорогахъ заведенъ хорошій порядокъ. Въ разныхъ мѣстахъ держатъ особыхъ крестьянъ, которые должны быть наготовѣ съ нѣсколькими лошадьми (на одну деревню приходится при этомъ лошадей 40, 50 и болѣе), чтобы, по полученіи великокняжескаго приказа, они немедленно могли запрягать лошадей и спѣшить дальше. Приставъ или самъ ѣдетъ впередъ, или посылаетъ кого-либо иного и велитъ ждать эстафету. Если теперь эстафета, прибывъ на мѣсто днемъ или ночью, подастъ свистомъ знакъ, немедленно появляются ямщики со своими лошадьми. Вслѣдствіе этого, разстояніе отъ Новгорода до Москвы, въ которомъ насчитывается 120 нѣмецкихъ миль, можетъ быть совершенно спокойно пройдено въ 6—7 дней, а въ зимнее время, по санному пути, еще и того быстрѣе. За подобную службу каждый крестьянинъ [ямщикъ] получаетъ въ годъ 30 рублей, или 60 рейхсталеровъ, можетъ, къ тому же, заниматься свободно земледѣліемъ, для чего получаетъ отъ великаго князя землю, и освобождается отъ всякихъ поборовъ и другихъ тяжелыхъ повинностей. Когда они ѣдутъ, то приставъ долженъ каждому изъ нихъ выдать по алтыну или по два (что они называютъ «помаслить хлѣбъ»). Служба эта очень выгодна для крестьянъ, и многіе изъ нихъ стремятся быть подобнаго рода ямщиками.

XLIII.

(Книга III, глава 11).

О московитскихъ великихъ князьяхъ, какъ они въ теченіе 100 лѣтъ, одинъ за другимъ, правили и что при этомъ случилось достопамятнаго.

Чтобы лучше пояснить свойство полицейскаго строя и управленія у русскихъ, я намѣренъ здѣсь, въ дигрессіи или отступленіи отъ моего путешествія, вкратцѣ упомянуть о нѣкоторыхъ великихъ князьяхъ и о томъ, что̀ случилось въ то время замѣчательнаго и имѣющаго отношеніе къ нашимъ дѣйствіямъ. Я начну съ жестокаго тирана и дойду до нынѣшняго великаго князя Алексѣя Михайловича.

Тиранъ Иванъ Васильевичъ.

Тиранъ Иванъ Васильевичъ вступилъ на престолъ въ 1540 г. по Р. Х. и велъ съ сосѣдями своими тяжкія и жестокія войны; много нѣмецкихъ лифляндцевъ и другихъ плѣнниковъ привелъ онъ въ Москву, гдѣ потомство ихъ и нынѣ живетъ въ качествѣ рабовъ. Какъ противъ христіанъ, даже собственныхъ своихъ подданныхъ, такъ и противъ турокъ, татаръ и язычниковъ онъ свирѣпствовалъ и тиранствовалъ страшно, безчеловѣчно, чтобы не сказать—не по-христіански. Нѣкоторые тому примѣры приведены уже выше, въ описаніи города Великаго Новгорода, и, дѣйствительно, весьма ясно доказано, какъ несправедливо прославляетъ его Іовій въ началѣ первой книги своихъ исторій, говоря, будто онъ былъ «Christianae religionis cultor sane egregius», т.-е. «государь, очень заботившійся о христіанской религіи». Вѣроятно, подобнаго рода внѣшнее впечатлѣніе должно было получиться отъ него потому, что онъ осмѣливался справлять должность первосвященника, рѣшалъ споры въ духовныхъ дѣлахъ, ханжески служилъ самъ обѣдню, пѣлъ и исполнялъ другія церковныя церемоніи, подобно попамъ и монахамъ; часто онъ за столомъ весело распѣвалъ символъ вѣры Аѳанасія.

Стр. 126.

Соч. «Chron Ruthen.».

Онъ имѣлъ семь супругъ, одну за другою; съ первою онъ произвелъ на свѣтъ двухъ сыновей: Ивана, котораго онъ самъ убилъ посохомъ, и Ѳеодора, который наслѣдовалъ ему въ управленіи. Съ послѣднею женою произвелъ онъ сына Димитрія, котораго Борисъ Годуновъ велѣлъ умертвить, какъ о томъ будетъ здѣсь же разсказано. Тиранъ умеръ въ 1584 г. по Р. Хр.,

28-го марта, на 56-мъ году своей жизни. Онъ воспринялъ страшную кончину и съ жалкимъ воемъ и стономъ испустилъ духъ свой. Тѣло его, начавъ еще при жизни разлагаться, распространяло нестерпимый смрадъ за нѣсколько дней до смерти, такъ же, какъ и послѣ смерти.

Θеодоръ Ивановичъ.

Сынъ его, Θеодоръ Ивановичъ, въ томъ же самомъ году, 31-го іюля, на 22-мъ году жизни, былъ вѣнчанъ въ великіе князья.

Salom. Henning, pag. 150.

Такъ какъ этотъ великій князь былъ молодъ, и разумъ его не былъ столь скоръ и дѣятеленъ, какъ это было бы необходимо при тогдашнемъ разстроенномъ состояніи страны (его главнымъ удовольствіемъ и работою было звонить въ колокола до и послѣ богослуженія, какъ о томъ упоминаетъ Соломонъ Геннингъ въ «Лифляндской хроникѣ»), то и сочтено было за благо, чтобы государственный конюшій Борисъ Годуновъ, родной братъ великой княгини, помогалъ ему въ качествѣ правителя.

Истиннаго Димитрія убиваютъ въ Угличѣ.

Этотъ Борисъ Годуновъ, умною разсудительностью своею и осторожнымъ своимъ управленіемъ, пріобрѣлъ столь большія заслуги передъ страною, а также и любовь, что, по общему мнѣнію, въ случаѣ смерти великаго князя Θеодора Ивановича, а также и молодого государя Димитрія, никто не былъ болѣе пригоденъ къ управленію, какъ Борисъ Годуновъ. Борисъ принялъ это къ свѣдѣнію, и, чтобы тѣмъ скорѣе исполнились мнѣнія и пожеланія русскихъ, онъ велѣлъ умертвить молодого государя Димитрія, на девятомъ году его жизни, черезъ подкупленныхъ для этой цѣли, съ помощью крупныхъ обѣщаній, придворныхъ служителей. По исполненіи этого дѣла, убійцы, радостные, вернулись въ Москву, надѣясь получить большія блага отъ Бориса за столь охотно оказанную услугу. Борисъ, однако, велѣлъ немедленно умертвить убійцъ, чтобы измѣнническое дѣло это осталось неизвѣстнымъ и тайнымъ, а также тайкомъ поджегъ Москву въ разныхъ мѣстахъ, чтобы московиты жаловались не столько на смерть Димитрія, сколько на гибель домовъ и дворовъ и, ради собственнаго несчастія, имѣли поводъ забыть чужое. Самъ онъ представился весьма огорченнымъ и разгнѣваннымъ по поводу этого убійства, велѣлъ многихъ углицкихъ жителей ссылкою повергнуть въ бѣдствія, а замокъ срыть, какъ мѣсто убійства.

Измѣнники получаютъ свою награду.

Смерть Θеодора Ивановича.

Великій князь Θеодоръ Ивановичъ, правившій 12 лѣтъ, заболѣлъ быстротечною болѣзнью и умеръ въ 1597 г. по Р. Хр.

Борисъ Годуновъ.

Такъ какъ Θеодоръ Ивановичъ не оставилъ наслѣдниковъ, а брата уже не было въ живыхъ, то вельможи совѣщались, кого имѣть великимъ княземъ, [разсуждая при этомъ такъ]: «правда, въ странѣ много знатныхъ вельможъ, изъ числа которыхъ можно бы выбрать государя, но никто не мудръ и не остороженъ такъ, какъ Борисъ Годуновъ; къ тому же онъ привыкъ къ управленію, и поэтому онъ, а не кто иной долженъ быть великимъ княземъ». Борисъ же, которому предложена была эта высокая честь, представился, точно онъ вовсе не намѣренъ принять ее, такъ какъ она исполнена хлопотъ, безпокойства, недружелюбія и вражды; онъ сказалъ: «ему пріятнѣе нести клобукъ простого монаха, чѣмъ корону и скипетръ», отправился въ монастырь, но, тѣмъ не менѣе, повелъ интриги съ нѣкоторыми вельможами и добрыми друзьями, чтобы они не избрали кого-либо помимо него, а, напротивъ, — какъ бы онъ ни отказывался, — настоятельно упрашивали его, пока онъ, наконецъ, не согласится. Все и было сдѣлано по его желанію и хотѣнію. Когда русскіе узнали, что онъ отправился къ сестрѣ своей въ монастырь, они, въ большихъ толпахъ, направились къ нему, упали съ плачемъ на землю и умоляли, чтобы онъ не спѣшилъ съ постриженіемъ, такъ какъ они желаютъ избрать его въ великіе князья. Наконецъ, ихъ слезы и мольбы сестры смягчили его, и онъ принялъ корону, которой онъ давно уже домогался и которую ни за что не уступилъ бы другому. Такимъ путемъ Борисъ Годуновъ въ 1597 г. по Р. Хр. избранъ въ великіе князья.

Борисъ Годуновъ становится великимъ княземъ.

Въ правленіе его устроилъ возмущеніе русскій монахъ, по имени Гришка Отрепьевъ, родившійся въ Ярославлѣ, въ семьѣ незнатныхъ дворянъ, но отправленный въ монастырь для обузданія дерзости и нахальства. Онъ выдалъ себя за Димитрія, сына тирана Ивана Васильевича, и достигъ того, что его признали таковымъ и короновали великимъ княземъ. Дѣло это начато было имъ слѣдующимъ образомъ. Будучи уже юношею на возрастѣ, притомъ добраго разума, онъ, по побужденію и наученію стараго коварнаго богатаго монаха, тайно отправился въ Литву, поступилъ въ слуги къ князю Адаму Вишневецкому и прилежною своею службою снискалъ себѣ расположеніе. Однажды, когда господинъ его, разсердившись изъ-за какого-то проступка, обозвалъ его обычнымъ ругательствомъ: «бл . . . нъ с . нъ» и ударилъ по шеѣ, Гришка началъ горько плакать и сказалъ: «Господинъ, если бы ты зналъ, кто я, то ты не звалъ бы меня

Гришка Отрепьевъ — лже-Димитрій.

бл . . иным̆ъ с . номъ и не обращался бы такъ со мною!» Когда князь захотѣлъ узнать, кто же онъ такой, онъ отвѣчалъ: «онъ родной сынъ великаго князя Ивана Васильевича; Борисъ Годуновъ желалъ его убить, но, вмѣсто него, велѣлъ умертвить священническаго сына, бывшаго одного съ нимъ возраста и вида. Онъ же съ помощью добрыхъ людей былъ спасенъ и уведенъ въ монастырь». При этомъ онъ показалъ золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, и, по его словамъ, повѣшенный ему на шею при крещеніи. «До сихъ поръ, — сказалъ онъ, — онъ не желалъ открывать, кто онъ, изъ боязни передъ Борисомъ Годуновымъ». Затѣмъ онъ палъ на колѣни передъ княземъ и жалобно упрашивалъ, чтобы тотъ принялъ его подъ свою защиту. Такъ какъ этотъ бѣглый монахъ оказался въ состояніи разсказать всѣ обстоятельства, въ которыхъ онъ былъ хорошо наставленъ, и къ тому же умѣлъ красиво согласовать свой разсказъ съ выраженіемъ лица своего, то онъ побудилъ господина своего повѣрить этой сказкѣ, ему тотчасъ были подарены великолѣпныя одежды и лошади, и оказана была честь, вполнѣ достойная великокняжескаго сына.

Мало по малу въ странѣ стало извѣстно, что нашелся истинный наслѣдникъ великокняжескаго престола, чудеснымъ образомъ спасенный Богомъ изъ рукъ враговъ. Этому разсказу повѣрили тѣмъ болѣе, что великій князь Борисъ, смущенный слухами, обѣщалъ много денегъ и имѣній тѣмъ, кто бы доставилъ ему въ руки предполагаемаго Димитрія. Димитрія этого, тѣмъ временемъ, чтобы доставить ему больше безопасности, отправили въ Польшу, гдѣ онъ былъ хорошо принятъ воеводою сандомирскимъ; здѣсь ему обѣщали помочь поскорѣе занять отцовскій престолъ, если онъ, со своей стороны, пожелаетъ, по возведеніи на этотъ престолъ, насадить въ Москвѣ католическую религію. Димитрій не только соглашается на все это, но даже самъ втайнѣ принимаетъ римско-католическую религію и, кромѣ того, обѣщаетъ взять въ супруги дочь воеводы и сдѣлать ее великой княгинею. Это предложеніе сильно понравилось воеводѣ. [Самозванца] представили къ королевскому польскому двору, гдѣ, въ убѣжденіи, что онъ сынъ великаго князя, его великолѣпно приняли и угощали. Частью въ надеждѣ на величіе своего будущаго зятя, частью изъ желанія распространить свою религію, воевода положилъ на это дѣло всѣ свои силы; совмѣстно съ другими польскими вельможами онъ поставилъ на ноги большое войско, съ которымъ Гришка явился въ Россію и повелъ противъ великаго князя открытую, весьма кровопролитную войну. Дѣйствовалъ

Его принимаютъ въ Польшѣ.

Дѣлается католикомъ.

онъ при этомъ успѣшно, занималъ одинъ домъ и городъ за другимъ, пріобрѣлъ много приверженцевъ, причемъ и нѣкоторые военачальники, которыхъ Борисъ высылалъ противъ него, перешли на его сторону. Все это такъ поразило великаго князя, что 13-го апрѣля 1605 г. по Р. Хр. онъ умеръ неожиданною, внезапною смертью.

Вождь въ удачной войнѣ противъ московитовъ. Смерть Бориса Годунова.

Θеодоръ Борисовичъ.

Вельможи въ Москвѣ, правда, избрали теперь [въ цари] сына покойнаго великаго князя Бориса—Θеодора Борисовича, государя еще весьма молодого. Когда они, однако, увидали, что съ теченіемъ времени могущество Димитрія становится все бо́льшимъ, они усмотрѣли въ этомъ плохое для себя предзнаменованіе, собрались на совѣтъ и пришли къ мысли, что здѣсь они имѣютъ дѣло съ истиннымъ Димитріемъ, котораго раньше считали убитымъ въ Угличѣ. Отсюда они вывели, что у нихъ нѣтъ основаній бороться съ [истиннымъ] государемъ страны. Когда общинѣ эти разсужденія были сообщены, то [москвичи], какъ народъ перемѣнчиваго нрава, легко склонились къ этому мнѣнію и громко стали кричать: «Богъ да подастъ счастья Димитрію, истинному наслѣднику страны, и да искоренитъ Онъ всѣхъ его враговъ!» Послѣ этого они бѣгутъ къ Кремлю, хватаютъ только что избраннаго молодого великаго князя и садятъ его въ тюрьму; затѣмъ грабятъ и ссылаютъ всѣхъ, кто еще оставались въ живыхъ изъ рода Бориса Годунова. Они посылаютъ къ Димитрію, просятъ, чтобы онъ явился занять престолъ отца своего и простилъ имъ долгое ихъ сопротивленіе, вызванное частью незнаніемъ, частью подстрекательствомъ Годуновыхъ. Они сообщаютъ при этомъ, что уже расчистили ему путь; Θеодоръ Борисовичъ съ матерью и сестрою въ плѣну, и они собираются передать ихъ со всѣмъ ихъ родомъ въ его власть. Такого извѣстія лже-Димитрій ждалъ уже давно. Еще до отправленія своего въ городъ Москву и въ столицу, онъ отправилъ впередъ дьяка или писца Ивана Богданова, который долженъ былъ умертвить молодого великаго князя вмѣстѣ съ его матерью и сообщить, будто они сами отравились ядомъ. Вслѣдствіе этого молодой великій князь Θеодоръ Борисовичъ и былъ удавленъ веревкою во второй мѣсяцъ своего правленія, а именно 10-го іюня 1605 года.

Θеодора Борисовича избираютъ въ великіе князья въ 1605 г.

Великаго князя Θеодора Борисовича умерщвляютъ удавленіемъ.

Лже-Димитрій.

Лже-Димитрія вѣнчаютъ, какъ великаго князя.

16-го іюня лже-Димитрій со всей своею силою, наконецъ, подступилъ къ городу Москвѣ. Тутъ московиты высокаго и низкаго званія вышли ему навстрѣчу, неся великолѣпные подарки и желая счастья по случаю въѣзда. 29-го іюля его съ большою пышностью короновали. Послѣ этого, чтобы обманъ былъ тѣмъ менѣе замѣтенъ, и чтобы его тѣмъ скорѣе сочли за истиннаго Димитрія, онъ велѣлъ вновь доставить въ Москву мать истиннаго Димитрія, которую Борисъ Годуновъ велѣлъ посадить въ далекій отъ Москвы монастырь, — вышелъ къ ней навстрѣчу, съ великолѣпною свитою, любезно принялъ ее подъ городомъ, устроилъ ей царскій столъ въ Кремлѣ, ежедневно посѣщалъ ее и оказывалъ ей такой высокій почетъ, какой лишь сынъ можетъ оказывать родной своей матери. Эта добрая женщина, которая, правда, знала, что ея родной сынъ былъ, дѣйствительно, убитъ и что настоящій не можетъ считаться ея собственнымъ, тѣмъ не менѣе дала всему этому совершиться — частью изъ страха, частью изъ желанія, послѣ столь долго испытанныхъ горя и печали, насладиться подобнымъ почетомъ и увеселеніями; она не противорѣчила ничему.

Однако, Димитрій началъ устраивать и соблюдать придворный порядокъ и строй правительства, обычаи и обыкновенія не въ томъ родѣ, какъ другіе русскіе и [прежніе] великіе князья. Онъ женился на польской, католическаго исповѣданія, дѣвицѣ, а именно на дочери воеводы сандомирскаго; взялъ большое количество денегъ и средствъ изъ казны и послалъ ихъ, для великолѣпнаго снаряженія невѣсты, въ Польшу; справилъ бракъ скорѣе по-польски, чѣмъ по-московитски, а молодая великая княгиня сейчасъ же, на другой день послѣ брака, должна была снять московитскія одѣянія и одѣть польскія. Самъ онъ велѣлъ поварамъ своимъ готовить телятину и другія кушанья, которыхъ русскіе не ѣдятъ, считая ихъ мерзостью. За все время брака онъ ни разу не сходилъ въ баню, хотя она и готовилась для него ежедневно. Немытый ходилъ онъ въ церковь, сопровождаемый многими собаками, чѣмъ осквернялъ ихъ святыню. Недостаточно низко кланялся онъ ихъ святымъ [иконамъ] и вообще совершалъ еще многое другое, причинявшее русскимъ сердечныя страданія, такъ что имъ пришли иныя мысли и они поняли, что обмануты. Среди знатнѣйшихъ князей страны былъ Василій Ивановичъ Шуйскій, который втайнѣ велъ объ этомъ разговоры съ другими вельможами и попами и указывалъ имъ на

Ѣсть телятину — мерзость.

Василий Ивановичъ Шуйскій

великую опасность, которой подвергается, ради этого великаго князя, ихъ религія, ихъ страна и люди. «Повидимому, — [говорили они] — онъ не великокняжескій сынъ по происхожденію и не вѣрный отецъ отечества, а измѣнникъ передъ родиною». Поэтому они согласились тайно устранить Димитрія. Однако тайный заговоръ этотъ сталъ извѣстенъ великому князю, который велѣлъ многихъ русскихъ засѣчь до смерти, а Шуйскаго, главу заговора, подвергнуть пыткѣ, сѣчь кнутомъ и приговорить къ смерти. Когда, однако, его привели къ мѣсту казни, и топоръ уже касался его шеи, великій князь велѣлъ объявить ему милость и на этотъ разъ простилъ его за такой crimen laesae maiestatis, т. е. вину оскорбленнаго величества, полагая, что, въ этомъ случаѣ, онъ выказалъ себя, смотря по обстоятельствомъ дѣла, и строгимъ и справедливымъ государемъ, что подданнымъ своимъ онъ внушилъ страхъ къ подобнымъ заговорамъ и пріобрѣлъ, въ то же время, любовь ихъ къ себѣ.

Шуйскаго приговариваютъ къ смерти.

Его прощаютъ.

Бракосочетаніе Димитрія.

Русскіе нѣкоторое время послѣ этого были смирны и покорны ему и, такимъ образомъ, внушили своему великому князю чувство полной безопасности, вплоть до дня брака, который совершенъ былъ въ 1606 году 8-го мая. Когда въ это время, вмѣстѣ съ невѣстою, въ городъ вступили многіе поляки и другіе иностранцы, большею частью въ полномъ вооруженіи, то это русскимъ вновь открыло глаза. Князь Василій Шуйскій опять призвалъ знатнѣйшихъ въ городѣ тайно во дворъ свой, повторилъ о великой опасности, которой подвергается ихъ отечество при настоящемъ великомъ князѣ, и говорилъ, что дальнѣйшее оставленіе управленія въ его рукахъ привело бы, несомнѣнно, къ ихъ окончательной гибели. [Онъ сказалъ:] «лично самъ онъ уже однажды жертвовалъ жизнью ради греческой религіи и благополучія отечества; готовъ онъ и впредь дѣлать то же и изыскивать средства для предупрежденія несчастія, если только и они готовы помогать ему». Остальные, не долго думая, обѣщали и клялись пожертвовать, заодно съ нимъ, имуществомъ и кровью, только бы онъ началъ то, чего желалъ.

Возстаніе противъ Димитрія.

Это рѣшеніе держали въ тайнѣ и стали ждать случая, который и нашелся въ послѣдніе дни брачныхъ празднествъ. 17-го мая, въ 9-й день брака, ночью, когда великій князь и его приближенные находились въ опьяненіи и снѣ, — русскіе поднялись, велѣли бить въ набатъ во всѣ колокола, и быстро вооружили весь городъ. Прежде всего пошли на Кремль, перебили польскую стражу у воротъ, открыли ворота, ворвались въ великокняжескіе покои, все разграбили и расхитили; великій князь,

который думалъ спастись черезъ окно на площадь среди оставшейся стражи, былъ схваченъ, избитъ и со многими насмѣшками вновь отведенъ въ покои. Когда его предполагаемая мать это узнала и, съ крестнымъ цѣлованіемъ, спрошена была Шуйскимъ, истинный ли это ея сынъ, она тотчасъ отвѣтила: «нѣтъ; она родила лишь одного сына, который въ ранней молодости вѣроломно былъ умерщвленъ». Послѣ этого лже-Димитрія застрѣлили изъ пистолета. Затѣмъ слуги, свадебные гости и другіе иноземцы, въ томъ числѣ многіе ювелиры съ великолѣпными драгоцѣнностями, въ общей сложности 1,700 человѣкъ, были немилосердно перебиты. Великую княгиню съ ея отцомъ, воеводою, съ братомъ, равно какъ и королевскихъ польскихъ пословъ, отправленныхъ на торжество бракосочетанія, захватили въ плѣнъ и обошлись съ ними столь дурно, что, напримѣръ, благородныхъ женщинъ насильно валили на земь и безчестили. Тѣло Димитрія раздѣли до-нага, потащили на площадь передъ Кремлемъ и оставили въ теченіе трехъ дней лежать нагимъ, на столѣ, такъ что каждый могъ видѣть и проклинать обманщика. Послѣ этого его, правда, закопали въ землю, но вскорѣ вновь выкопали и сожгли.

Димитрій застрѣленъ.

Его сжигаютъ.

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Шуйскій становится великимъ княземъ.

Другой лже-Димитрій.

Такъ какъ все это дѣло удалось вполнѣ по мысли русскихъ, то они вожака своего, князя Василія Ивановича Шуйскаго, сдѣлали великимъ княземъ и короновали его 1-го іюня 1606 года. Едва только онъ вступилъ въ управленіе, какъ вновь поднялся новый обманщикъ, по имени князь Григорій Шаховской, вздумавшій воспользоваться хитросплетеніемъ бывшаго Димитрія. Во время сумятицы въ Кремлѣ онъ досталъ печать великаго князя, отправился вмѣстѣ съ нею, въ сопровожденіи двухъ поляковъ, въ Польшу, распространяя по дорогѣ, во всѣхъ постоялыхъ дворахъ, слухъ, будто онъ Димитрій, и якобы въ свалкѣ хитростью спасся отъ русскихъ: «такъ какъ дѣло происходило ночью, то они другое лицо приняли за него и убили на его мѣстѣ; теперь же онъ желаетъ въ Польшѣ собрать новое войско и отомстить московитамъ за испытанные позоръ и убытки». Вездѣ онъ раздавалъ при этомъ хозяевамъ [постоялыхъ дворовъ] щедрые подарки. Не бывшіе въ Москвѣ вѣрили этому и сообщали въ Москву. Слухи эти опять вызвали не малую смуту. Русскимъ пришлось вести теперь большія войны противъ этого обманщика, и еще другого, стало быть—уже третьяго самозванца. Послѣдній

называлъ себя также Димитріемъ, роднымъ сыномъ Ивана Васильевича, но, на самомъ дѣлѣ, былъ сначала въ Москвѣ простымъ писцомъ. Будучи очень остроуменъ и краснорѣчивъ, онъ пріобрѣлъ достаточное количество сторонниковъ не только изъ бѣглаго люда, но и среди большихъ городовъ. Сюда присоединялись еще польскіе вельможи, не мало помогавшіе ему съ тѣмъ, чтобы отомстить московитамъ за испытанный позоръ. Такъ какъ русскіе зачастую сильно страдали при этомъ, то они стали винить великаго князя Шуйскаго, полагая, что онъ несчастливъ въ правленіи своемъ, такъ какъ побѣда какъ бы бѣжитъ его и склоняется въ сторону враговъ; «кровопролитія въ Россіи,—[думали они],—не прекратятся, пока власть принадлежитъ ему». Поэтому они, подстрекаемые тремя московитскими господами, а именно Захаріемъ Ляпуновымъ, Михаиломъ Молчановымъ и Иваномъ Ржевскимъ, въ третій годъ правленія его, отняли у него скипетръ и корону, отправили въ монастырь и здѣсь, противъ его воли, постригли въ монахи. Послѣ этого рѣшили уже не брать изъ собственной своей среды государя, а имѣть великимъ княземъ иностраннаго высокаго монарха, рожденнаго отъ королевскихъ или великокняжескихъ родителей. Со стороны величія, близости по языку, нравамъ и одеждѣ и по другимъ причинамъ они не знали болѣе удобнаго кандидата, какъ польскаго королевича Владислава. Поэтому они сдѣлали соотвѣтствующее предложеніе королю польскому, который, на извѣстныхъ условіяхъ, его и принялъ. Случилось это въ 1610 г. по Р. X.

Третій Димитрій.

Великаго князя Шуйскаго отправляютъ въ монастырь.

Тутъ русскіе опять извлекли своего великаго князя Василія Шуйскаго изъ монастыря и послали его, вмѣстѣ съ братомъ его Димитріемъ Шуйскимъ, русскимъ полководцемъ, а также еще съ третьимъ братомъ и нѣсколькими другими русскими господами изъ рода Шуйскихъ, въ плѣнъ, къ Смоленску, къ королю польскому. Подъ властью короля польскаго и умеръ въ заточеніи великій князь и, какъ говорятъ, похороненъ, близъ дороги, между Варшавой и Торномъ.

Шуйскаго берутъ изъ монастыря и передаютъ королю польскому.

Владиславъ, сынъ Сигизмунда, короля польскаго.

Король польскій далъ своему полководцу Станиславу Жолкевскому, стоявшему въ это время съ войскомъ, съ враждебнымъ намѣреніемъ, передъ Москвою, приказаніе, чтобы, по заключеніи перемирія, онъ принялъ, именемъ королевича, присягу, сталъ править дѣлами и оставался въ Москвѣ до тѣхъ поръ, пока Владиславъ не прибудетъ лично. Русскіе согласились на это, при-

Польскаго королевича Владислава избираютъ въ великіе князья и присягаютъ ему.

сягнули полководцу на имя Владислава и въ свою очередь взяли съ него присягу, ввели Жолкевскаго съ 1,000 человѣкъ въ великокняжескій столичный дворецъ и оказали ему пріемъ со всякаго рода роскошными подарками и угощеніемъ. Польское войско, тѣмъ временемъ, мирно стояло внѣ города, между московитами и польскимъ лагерями была большая дружба, ежедневно обѣ стороны сходились, и происходилъ торгъ. Тѣмъ временемъ поляки поодиночкѣ стали входить въ городъ, ища у горожанъ пристанища; въ концѣ концовъ, до 6,000 человѣкъ оказалось въ Кремлѣ и вокругъ него; они стали весьма въ тягость русскимъ въ домахъ, церквахъ и на улицахъ, и горожане предпочитали лучше не имѣть никакихъ дѣлъ съ поляками, тѣмъ болѣе, что время пріѣзда новаго великаго князя, нѣсколько замѣшкавшагося, показалось имъ слишкомъ далекимъ, да и все дѣло начало казаться подозрительнымъ. Поэтому московиты собрались 26-го января 1611 года на площади передъ Кремлемъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стали сильно жаловаться на большія насилія и распутныя дѣйствія солдатъ, совершавшіяся ежедневно по отношенію къ дочерямъ, женамъ и въ особенности къ святымъ ихъ; въ [иконы] этихъ послѣднихъ поляки стрѣляли изъ пистолетовъ. Кромѣ того ежедневное содержаніе 6,000 человѣкъ въ городѣ стоило большихъ денегъ. Они жаловались также, что испытываютъ помѣху во всѣхъ своихъ дѣлахъ и крайне истощаются поборами; не знаютъ они, далѣе, что и думать о причинахъ непріѣзда вновь избраннаго великаго князя; поэтому они не въ состояніи долѣе выдержать, должны сами позаботиться о своемъ благополучіи и прибѣгнуть къ другимъ средствамъ.

Московиты раскаиваются въ избраніи.

Хотя [польскій] полководецъ добрыми словами и старался примирить ихъ съ собою и даже назначилъ суровыя наказанія нѣкоторымъ преступникамъ изъ числа своихъ солдатъ, всетаки русскіе не удовольствовались этимъ. Опасаясь всеобщаго возстанія, поляки разставили сильную стражу, заняли всѣ улицы и ворота и запретили русскимъ попадаться со смертоноснымъ орудіемъ въ рукахъ. Это еще болѣе ожесточило русскихъ; они собрались толпами въ разныхъ частяхъ города съ тѣмъ, чтобы полякамъ пришлось раздѣлиться для борьбы съ ними. Поляки же зажгли въ разныхъ мѣстахъ городъ, такъ что русскіе должны были бѣжать, чтобы не дать погибнуть въ пламени своимъ женамъ, дѣтямъ и всему, что имъ было дорого. Отсюда возникъ столь сильный пожаръ и такое кровопролитіе, что въ теченіе двухъ дней обращенъ былъ въ пепелъ весь обширный городъ Москва за

Возстаніе противъ поляковъ въ Москвѣ.

исключеніемъ лишь Кремля и каменныхъ церквей; погибло болѣе 200,000 московитовъ, а остальные принуждены были бѣжать изъ города. Послѣ этого Кремль, великокняжеская казна, церкви и монастыри были начисто ограблены, и невѣроятныя богатства въ золотѣ, серебрѣ, жемчугѣ, драгоцѣнныхъ камняхъ и иныхъ дорогихъ вещахъ были захвачены и отосланы въ Польшу. Какъ разсказываетъ Петрей, солдаты, изъ озорства, крупными одиночными жемчужинами заряжали свои ружья и стрѣляли на воздухъ. Еще по сію пору русскіе жалуются на это громадное хищеніе и, между прочимъ, на пропажу большого единорога, украшеннаго крупными алмазами и другими драгоцѣнными камнями.

Сгораетъ вся Москва.

Черезъ 14 дней послѣ этой сумятицы Захарій Ляпуновъ (передъ тѣмъ, съ двумя соучастниками, добившійся того, что Шуйскій былъ изгнанъ, а королевичъ польскій избранъ въ великіе князья) съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, собранными имъ въ странѣ, явился подъ Москву, осадилъ поляковъ въ Кремлѣ, и, такъ какъ они въ сраженіи также были замѣтно ослаблены, то онъ нанесъ имъ сильный ущербъ и добился того, что поляки должны были просить мира, сдать Кремль и снова уйти изъ страны.

Михаилъ Θеодоровичъ.

Когда русскіе вновь стали хозяевами въ странѣ, они избрали и короновали великимъ княземъ Михаила Θеодоровича. Случилось это въ 1613 году. Отецъ его былъ — Θеодоръ Никитичъ, родственникъ тирана Ивана Васильевича. Когда онъ оставилъ бракъ и вступилъ въ духовное званіе, его избрали въ патріархи, причемъ онъ измѣнилъ имя и сталъ называться Филаретомъ Никитичемъ. Сынъ его, подобно ему, по природѣ своей былъ очень благочестивъ и богобоязненъ; отцу своему онъ, въ теченіе всей его жизни, оказывалъ великій почетъ и сыновнее послушаніе. Когда передъ его царскимъ величествомъ должны были являться послы иностранныхъ государей, отецъ, по его желанію, со своими клириками, во время публичной аудіенціи, сидѣлъ по правую руку его. Этотъ патріархъ скончался въ 1633 году, незадолго до пріѣзда нашего въ Москву. Его печать представлена [на слѣдующей страницѣ].

Михаилъ Θеодоровичъ становится великимъ княземъ.

Филаретъ Никитичъ.

Великій князь Михаилъ Θеодоровичъ засталъ, при вступленіи своемъ на престолъ, въ странѣ большіе безпорядки. Онъ постарался поскорѣе заключить миръ съ сосѣдними государями,

Печать патріарха.

Михаилъ Θеодоровичъ— кроткій государь. Скончался.

правилъ кротко и относился милостиво къ иностранцамъ и туземцамъ; всѣ говорили, что въ странѣ, въ противность тому, къ чему русскіе привыкли, за цѣлые сто лѣтъ не было столь благочестиваго государя. Онъ скоропостижно скончался въ 1645 году 12-го іюля, послѣ правленія, продолжавшагося 33 года, 49-ти лѣтъ отъ роду. Восемью днями позже скончалась и супруга его, великая княгиня. Ему наслѣдовалъ въ правленіи сынъ его [великій] князь Алексѣй Михайловичъ, правящій понынѣ.

Ранѣе чѣмъ продолжать описывать царствованіе этого великаго князя и наблюдавшееся до сихъ поръ состояніе Россіи, я хочу упомянуть о новомъ обманщикѣ, который, при кончинѣ предыдущаго и вступленіи на престолъ нынѣшняго великаго князя, не постѣснился прибѣгнуть къ обману въ родѣ прежняго лже-Димитрія и выдавалъ себя за законнаго наслѣдника великокняжескаго престола.

XLIV.

(Книга III, глава 12).

О лже-Шуйскомъ, иначе говоря—Тимошкѣ Анкудиновѣ, его происхожденіи, дѣйствіяхъ и гибели.

Лже-Шуйскій.

Былъ нѣкій русскій, который желалъ именоваться Iohannes Sinensis [Szuensis?]—что, по его словамъ, по-сарматски переводится «Иванъ Шуйскій». Бѣжавъ изъ-за нѣкоторыхъ престу-

пленій изъ Москвы, онъ выдавалъ себя въ чужихъ странахъ за сына бывшаго великаго князя Василія Ивановича Шуйскаго. Нынѣшній великій князь Алексѣй Михайловичъ съ большими затратами разыскалъ его; онъ былъ схваченъ, и въ минувшемъ году въ Москвѣ его казнили.

Такъ какъ онъ въ различныхъ странахъ, частью лично, частью по слухамъ, былъ извѣстенъ, и весьма многіе, въ томъ числѣ и высокіе государи, не знали истинныхъ обстоятельствъ о немъ, и даже были о немъ весьма различныхъ и неправильныхъ мнѣній, — я хочу вкратцѣ разсказать всю истину о немъ, какъ я ее достовѣрно узналъ не только отъ русскихъ, но и отъ нѣмцевъ, живущихъ въ Москвѣ и хорошо съ нимъ знакомыхъ.

Тимошка Анкудиновъ.

Истинное имя его — Тимошка Анкудиновъ. Родился онъ въ городѣ Вологдѣ, лежащемъ въ области того же наименованія, отъ простыхъ, незнатныхъ родителей. Отецъ его назывался Демкою или Дементіемъ Анкудиновымъ и торговалъ холстомъ. Такъ какъ отецъ замѣтилъ въ немъ добрыя способности и выдающійся умъ, то онъ далъ ему возможность прилежно посѣщать школу, такъ что Тимошка скоро научился читать и красиво писать, и достигъ, стало быть, высшей степени русской образованности, дальше которой они до сихъ поръ не заходили. Помимо того у него оказался еще хорошій голосъ для пѣнія — онъ умѣлъ красиво исполнять церковныя пѣснопѣнія — и поэтому тогдашній архіепископъ вологодскій и великопермскій, именемъ Нектарій, полюбилъ его, принялъ ко двору своему и помѣстилъ на церковную службу. Здѣсь онъ велъ себя такъ хорошо, что архіепископъ выдалъ за него замужъ дочь своего сына, рожденнаго до принятія архіепископомъ духовнаго сана. Тутъ Тимошка загордился и иногда въ письмахъ своихъ сталъ именовать себя внукомъ намѣстника вологодскаго и великопермскаго. Промотавъ въ безпорядочной жизни, послѣ смерти архіепископа, имущество жены своей, онъ съ женой и ребенкомъ перешелъ въ Москву, гдѣ его принялъ бывшій другъ его по архіепископскому двору Иванъ Патрикѣевъ, дьякъ приказа «новой четверти», и устроилъ писцомъ въ томъ же приказѣ. И здѣсь онъ велъ себя такъ хорошо, что ему поручили сборъ и расходованіе денегъ; а завѣдывалъ приказъ этотъ деньгами, получавшимися съ великокняжескихъ кабаковъ и трактировъ. Нѣкоторое время онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, но, наконецъ, подружился со скверными товарищами, сталъ пьянствовать и играть, и при этомъ прибралъ къ рукамъ великокняжескія деньги. Когда онъ увидѣлъ, что при предстоящемъ отчетѣ (а отчетъ этотъ при московитскомъ дворѣ

Становится церковнослужителемъ.

Женится на [внучкѣ] архіепископа.

Проматываетъ женино имущество.

Дѣлается приказнымъ писцомъ въ Москвѣ.

При пріемѣ денегъ оказывается недобросовѣстнымъ.

Играетъ и крадетъ.

требуютъ всегда наистрожайшимъ образомъ и всѣхъ подлежащихъ отчету держать въ страхѣ) ему недостанетъ ста рублей, онъ пустился на всяческія хитрости и выдумки, чтобы пополнить украденныя деньги. Между прочимъ, онъ отправляется къ писцу того же приказа Василію Григорьевичу Шпилькину, который былъ его кумомъ (что въ Москвѣ имѣетъ большое значеніе) и неоднократно ему оказывалъ благодѣянія, и говоритъ: «прибылъ въ Москву изъ Вологды знатный купецъ, добрый другъ его; его онъ на завтрашній день пригласилъ къ себѣ въ гости: чтобы теперь нарядить свою жену болѣе обыкновеннаго и вывести, какъ это принято, съ чаркою водки, онъ проситъ своего кума и надежнаго друга одолжить ему своей жены жемчужный воротъ и украшенія, которые вскорѣ въ полной сохранности будутъ возвращены ему на домъ». Шпилькинъ, не подозрѣвая ничего дурного, охотно, безъ залога, исполнилъ его просьбу, хотя украшенія и стоили дороже 1,000 талеровъ. Тимошка, однако, не только забылъ вернуть эти вещи, но даже, когда Шпилькинъ ему о возвратѣ напомнилъ, сталъ отрицать полученіе отъ него чего-либо и требовалъ доказательствъ. Шпилькинъ призвалъ Тимошку къ суду и, когда тотъ тѣмъ не менѣе сталъ отрицать, онъ настоялъ на заключеніи его въ тюрьму. Но такъ какъ обвиненнаго нельзя было уличить, его отпустили на поруки. Тѣмъ временемъ онъ все-таки не могъ вернуть похищенныхъ денегъ. Въ то же время и собственная жена Тимошки, съ которою онъ жилъ не въ ладахъ, стала сильно упрекать его какъ за это преступленіе, такъ и за мужеложство съ мальчиками, въ которомъ его часто заставали, и Тимошка сталъ опасаться, какъ бы жена его, въ концѣ концовъ, не совершила полной исповѣди, послѣ чего истина и всѣ его злодѣйства вышли бы наружу. Чтобы затушить это дѣло, онъ рѣшился на еще большее преступленіе: онъ взялъ сынка своего и привелъ его къ доброму своему другу Ивану Пескову въ Разбойный приказъ, а самъ ночью вернулся въ свой домъ, находившійся на Тверской, недалеко отъ двора шведскаго резидента, заперъ жену свою въ комнатѣ, подложилъ огонь и сжегъ свой домъ, а въ немъ и жену. Затѣмъ онъ бѣжалъ въ Польшу, такъ что долгое время не знали, живъ ли онъ еще или сгорѣлъ вмѣстѣ съ домомъ. Это случилось осенью 1643 года.

Одолжаетъ украшенія у коллеги.

Отрицаетъ это и прекословитъ.

Сжигаетъ жену въ домѣ. Убѣгаетъ въ Польшу.

Когда, два года спустя, московскіе послы прибыли въ Польшу, и стало извѣстно, что тамъ находится такого рода русскій, а Тимошка сталъ опасаться, какъ бы о немъ не стали спрашивать, то онъ въ 1646 г. бѣжалъ оттуда къ казацкому полководцу Хмель-

Убѣгаетъ къ Хмельницкому.

ницкому, у котораго жаловался, будто его преслѣдуютъ за происхожденіе его изъ рода великихъ князей. Льстивыми рѣчами онъ добился того, что сталъ Хмельницкому милъ и любезенъ, и обращались съ нимъ здѣсь хорошо. Двумя годами позже царскій посланникъ по имени Яковъ Козловъ, по другому дѣлу, былъ присланъ къ Хмельницкому; онъ увидѣлъ здѣсь Тимошку, узналъ его и сталъ въ добрыхъ словахъ уговаривать, чтобы онъ бросилъ бѣганье и вернулся опять въ Москву: «ошибка съ великокняжескими деньгами легко можетъ быть прощена ему по заступничеству добрыхъ друзей». Въ то время еще не знали, что онъ выдавалъ себя за сына великаго князя Шуйскаго. Тимошка, однако, не захотѣлъ повѣрить другу, и такъ какъ нечистая совѣсть гнала его дальше, то онъ опять исчезъ и въ 1648 г. бѣжалъ въ Турцію, далъ себя обрѣзать и принялъ магометанскую вѣру. Такъ какъ здѣсь изъ-за блуднаго дѣла, имъ совершеннаго, угрожала опасность его головѣ, онъ тайно бѣжалъ, отправился въ Италію, въ Римъ, и здѣсь принялъ римско-католическую вѣру. Отсюда онъ отправился въ Австрію, въ Вѣну, а затѣмъ въ 1650 г. въ Трансильванію или Семиградье къ князю Ракоци. Этотъ послѣдній его принялъ, повѣрилъ хитрымъ его увѣреніямъ, сильно пожалѣлъ его и, по убѣдительной его просьбѣ, отпустилъ съ рекомендаціею къ другимъ государямъ. Отсюда направился онъ въ Швецію, гдѣ правившая въ то время королева Христина, ради рекомендательнаго письма князя Ракоци, оказала ему всяческую милость и отпустила отъ себя съ хорошими подарками. Тѣмъ временемъ русскіе купцы, находившіеся въ Стокгольмѣ, сообщили въ Москву о прибытіи въ Стокгольмъ такого человѣка. Его царское величество велѣлъ немедленно же послать къ ея королевскому величеству въ Швецію писца Козлова съ письмомъ такого содержанія: «дошло до свѣдѣнія его царскаго величества, что нѣкій русскій, къ большому ущербу для его царскаго величества, именующій себя роднымъ сыномъ царя Василія Ивановича Шуйскаго (не оставившаго, однако, никакого мужскаго потомства) и называющій себя Iohannes Sinensis, явился въ Стокгольмъ; поэтому желательно, чтобы, ради сосѣдственной дружбы, означенный лже-Шуйскій былъ выданъ этому ихъ посланному». Названный Шуйскій, однако, еще до прибытія гонца, уже успѣлъ собраться въ путь и уйти въ Лифляндію. Оставшійся слуга его Костька, т. е. Константинъ, былъ здѣсь пойманъ, закованъ во многія цѣпи и отправленъ въ Москву. Тимошка, правда, былъ заключенъ подъ стражу въ Ревелѣ по розыскному письму ея величества королевы шведской, но вы-

Убѣгаетъ къ туркамъ, даетъ себя обрѣзать.

Убѣгаетъ вновь.

Въ Семиградьѣ у князя Ракоци.

Въ Швеціи.

Въ Лифляндіи.

рвался на волю и бѣжалъ. Тѣмъ временемъ мать Тимошки и всѣ, кто были въ доброй дружбѣ съ бѣглецомъ, изъ простого подозрѣнія въ существованіи заговора, были заключены въ тюрьму, подверглись пыткѣ, а иные и померли при этомъ. Уйдя изъ Лифляндіи, Тимошка отправился въ Брабантъ и былъ, какъ онъ самъ пишетъ, у эрцгерцога Леопольда. Отсюда направился онъ въ Лейпцигъ и Виттенбергъ съ полякомъ, по имени Стефаномъ Липовскимъ, принялъ здѣсь аугсбургское исповѣданіе и причастился, какъ это видно изъ собственной его исповѣди, писанной по-латыни, снабженной его собственноручною подписью и печатью и по сію пору находящейся въ означенномъ университетѣ. Наконецъ онъ прибылъ въ Голштинію и явился въ Нейштадтъ, гдѣ его поймалъ и заключилъ подъ стражу русскій купецъ, по имени Петръ Микляевъ изъ Новгорода, также высланный съ царскими розыскными грамотами къ нѣмецкимъ князьямъ и монархамъ. Отсюда его, по приличествующей случаю просьбѣ, полученной отъ того же русскаго, и также и со стороны знатнаго купца въ Любекѣ, доставили въ княжескую резиденцію Готторпъ и держали здѣсь до тѣхъ поръ, пока отъ его царскаго величества не были отправлены спеціальныя грамоты и гонцы къ его княжеской свѣтлости въ Шлезвигъ-Голштинію.

Въ мейссенской землѣ.

Въ Голштиніи.

Его царское величество, ради этого Тимошки, разсылалъ время отъ времени къ европейскимъ королямъ, князьямъ и государямъ пословъ и гонцовъ и выхлопатывалъ розыскныя грамоты, чтобы бѣглецъ нигдѣ не могъ чувствовать себя въ безопасности, но вездѣ, гдѣ бы его ни встрѣтили, могъ быть схваченъ. Поэтому какъ только его царское величество узналъ отъ посланника, по этому дѣлу отправленнаго въ Швецію, что Тимошка захваченъ въ Нейштадтѣ въ Голштиніи, какъ онъ тотчасъ же отправилъ къ его княжеской свѣтлости двухъ гонцовъ, одного за другимъ, съ грамотою одинаковаго содержанія.

Письмо его величества царя московскаго къ его свѣтлости князю шлезвигъ-голштинскому.

«Бога Всемогущаго, во всемъ все творящаго и добрыми утѣшеніями всѣ народы охраняющаго, въ Святой Троицѣ возвеличеннаго и въ единствѣ славимаго Господа Бога нашего милостью, промысломъ, мощью, силою и волею избранные соблюдать и содержать великую россійскую державу, держа въ рукахъ скипетръ истинной христіанской вѣры, и охраняя другія увеличенныя и вновь пріобрѣтенныя государства, съ помощью

Божіею, въ мирѣ и безъ смятенія, до вѣка,—мы, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ и пр. (съ обычнымъ полнымъ титуломъ), державнѣйшему Фридерику, наслѣднику норвежскому, герцогу шлезвигскому, голштинскому, стормарнскому и дитмарсенскому, графу ольденбургскому и дельменгорстскому [объявляемъ] нашъ любезный привѣтъ.

«Въ минувшемъ 1644-мъ году — по московитскому календарю 7152-мъ — обокрали нашу царскаго величества казну Тимошка Анкудиновъ да Костька Конюховъ, которые отъ наказанія смертною казнью бѣжали изъ земель нашего царскаго величества въ Константинополь и тамъ приняли мусульманство. Такъ какъ они и тамъ совершили злые поступки, то они вновь бѣжали отъ наказанія смертной казнью и прибыли въ Польшу и Литву, вызвали смуту у государей, и находились въ войскѣ запорожскихъ казаковъ у генерала Ѳедота Хмельницкаго, который обоихъ вышеназванныхъ нашихъ воровъ и измѣнниковъ, по приказанію великаго государя Іоанна Казимира, нашего брата, короля польскаго, долженъ былъ схватить и передать посланнымъ къ нему короля польскаго дворянину Ермоличу и нашему дворянину Петру Протасьеву; по этому дѣлу означенный Хмельницкій особо писалъ къ нашему царскому величеству. Однако, воры и измѣнники наши бѣжали въ Римъ и приняли тамъ латинскую вѣру, а затѣмъ бѣжали къ другимъ государямъ, затѣвая у нихъ смуту и перемѣнивъ имена свои. Одинъ изъ нихъ Тимошка называлъ себя Шуйскимъ, а въ иныхъ мѣстахъ Sinensis'омъ, Костька же выдавалъ себя за его слугу. Оба появились и въ шведскомъ королевствѣ, гдѣ ихъ узнали наши купцы изъ Новгорода и иныхъ городовъ. Послѣ этого ихъ схватили, а именно Тимошку арестовалъ генералъ въ Ревелѣ, а Костьку генералъ въ Нарвѣ, но оба генерала не хотѣли, безъ указа великой королевы шведской, выдать намъ обоихъ измѣнниковъ. Послѣ этого мы писали къ великой королевѣ чрезъ нашего дворянина NN, чтобъ она приказала обоихъ вышеназванныхъ нашихъ измѣнниковъ передать намъ, на что великая королева шведская согласилась и генералу въ Ревелѣ письмомъ своимъ указала, чтобы оба наши измѣнника были переданы дворянину нашему, когда онъ изъ Стокгольма прибудетъ въ Ревель. Когда, однако, дворянинъ нашъ изъ Стокгольма прибылъ въ Ревель, то ему былъ переданъ только измѣнникъ Костька. Что же касается Тимошки, то онъ бѣжалъ изъ-подъ ареста, и пока нашъ дворянинъ находился въ Ревелѣ, нигдѣ не могъ быть найденъ. Однако, позже онъ въ Голштиніи, въ Нейштадтѣ, былъ схваченъ и брошенъ

въ темницу. Поэтому мы и послали къ вашей любви съ нашего царскаго величества письмомъ посланника Василія Шпилькина съ нѣсколькими изъ нашихъ подданныхъ, чтобы вы указали передать ему означеннаго нашего измѣнника и переслать его намъ. (До сихъ поръ первое письмо отъ 31-го октября 1652 г. и второе отъ 5-го января 1653 г. были слово въ слово схожи одно съ другимъ. Въ послѣднемъ даль шеприбавлено:) Но въ минувшемъ году въ декабрѣ мѣсяцѣ прибылъ къ намъ Петръ Микляевъ изъ Новгорода и доставилъ нашему царскому величеству отъ вашихъ совѣтниковъ доказательство, что онъ съ Іоганномъ фонъ-Гореномъ изъ Любека схватилъ означеннаго нашему величеству измѣнника въ вашемъ городѣ Нейштадтѣ, что ими принесена вамъ жалоба и сообщено о его воровствѣ, и что, въ силу этого, вы приказали его доставить изъ вашего княжескаго города Нейштадта въ Готторпъ и содержать подъ сильной стражею. Поэтому мы и посылаемъ съ настоящимъ нашего царскаго величества письмомъ означеннаго Петра Микляева, чтобы вы, согласно съ первымъ и настоящимъ нашимъ письмомъ, приказали передать вышеозначеннаго арестанта и нашего измѣнника нашимъ посланникамъ Шпилькину и Петру Микляеву и другимъ нашимъ подданнымъ, и соизволили, черезъ нихъ, переслать его къ намъ, дабы измѣнникъ не бѣжалъ и не вызвалъ дальнѣйшихъ безпокойства и смуты. За то и наше царское величество, въ свою очередь, окажемъ вашей любви всякую услугу, когда въ этомъ будетъ необходимость.

«Воръ и измѣнникъ нашего царскаго величества по имени Тимошка — весьма низкаго званія. Онъ сынъ простого торговца холстами, отца его зовутъ Демкою Анкудиновымъ изъ предмѣстья Вологды, его мать — Соломонидкою, а сына, который еще живъ, Сережкою. Означенный Тимошка служилъ въ Москвѣ въ новой четверти и обворовалъ нашу казну, убилъ свою жену и сжегъ ее въ своемъ домѣ, вслѣдствіе чего сгорѣли одновременно и дома многихъ другихъ людей и многимъ нашимъ подданнымъ нанесенъ былъ убытокъ. Поэтому онъ приговоренъ къ смерти, бѣжалъ и находится въ бѣгахъ вплоть до настоящаго времени, вызвавъ во многихъ странахъ безпокойство. Дано въ нашей царскаго величества столицѣ Москвѣ 5-го января въ годъ отъ сотворенія міра 7161-й (отъ Р. Хр. — 1653-й)».

Третье и послѣднее письмо къ его княжеской свѣтлости по тому же поводу было отослано 17-го октября того же года, послѣ чего плѣнникъ былъ переданъ русскимъ.

Одинъ изъ посланниковъ, доставившихъ эти письма и отвезшихъ плѣнника, былъ, какъ видно изъ этого письма и какъ уже сказано, [Василій] Григор[ьевичъ] Шпилькинъ, писецъ, бывшій сотоварищъ Тимошки въ канцеляріи «четверти», у котораго Тимошка обманнымъ образомъ выманилъ драгоцѣнности его жены. Когда ему однажды было разрѣшено видѣть плѣнника и разговаривать съ нимъ въ присутствіи нѣсколькихъ знатныхъ придворныхъ чиновъ, Тимошка важною походкою выступилъ къ нему навстрѣчу, представился, будто онъ его никогда не видалъ, не хотѣлъ даже говорить съ нимъ по-русски, но требовалъ, чтобы тотъ говорилъ съ нимъ на сарматскомъ языкѣ, котораго Шпилькинъ не зналъ. Когда Шпилькинъ спросилъ: «не онъ ли Тимошка Анкудиновъ, обокравшій великокняжескую казну и совершившій другія злодѣйства?», онъ отвѣтилъ: «Весьма возможно, что негодяй, по имени Тимошка Анкудиновъ, и обокралъ казну великаго князя (здѣсь говорятъ «обокрасть казну великаго князя» не про кражу со взломомъ въ самой казнѣ, но про утайку денегъ, которыя должны были идти въ казну или принадлежали казнѣ), но его лично это не касается, такъ какъ его имя Iohannes Szuensis, по-сарматски — Шуйскій». Въ это время онъ не хотѣлъ сказать, что онъ — сынъ великаго князя Василія Ивановича Шуйскаго. Когда, однако, Шпилькинъ еще дольше съ нимъ сталъ говорить и началъ напоминать ему про прежнюю его жизнь, онъ началъ смѣяться надъ нимъ и ругать его: онъ говорилъ, что не можетъ признать его посланникомъ, что онъ, какъ видно изъ его фамиліи, очевидно, торговецъ шпильками.

Тимошку показываютъ посланнику Шпилькину.

Тимошка насмѣхается надъ Шпилькинымъ.

Нѣкоторое время спустя, по выраженному имъ же самимъ желанію, черезъ придворнаго канцлера и совѣтниковъ, стали спрашивать Тимошку о нѣкоторыхъ пунктахъ, а именно: «какого онъ происхожденія и рода? родственникъ ли онъ великому князю? почему его великій князь преслѣдуетъ? чѣмъ онъ могъ бы вредить ему?», и Тимошка отвѣчалъ частью устно, частью въ особой запискѣ. Его собственныя слова были таковы: «Вѣдь уже слышали, что я Iohannes Szuensis или по-сарматски Янъ Шуйскій, нареченъ въ святомъ крещеніи Тимоѳеемъ. Я—сынъ Василія Доминіана Шуйскаго, который имѣетъ свое фамильное имя отъ лежащаго въ Московіи города Шуи и происходитъ изъ фамиліи московитской націи. Родился я и воспитанъ въ нѣкоей части королевства польскаго, въ провинціи новгородъ-сѣверской, вотчинникъ я въ Украинѣ Сѣверской, гдѣ у меня собственныя имѣнья «Великое Болото», близъ московитской границы. Нынѣшній великій князь мнѣ вовсе не родственникъ, такъ какъ отецъ

За кого Тимошка выдавалъ себя.

его только изъ дворянъ, мой же отецъ былъ изъ княжескаго рода. Такъ какъ великій князь знаетъ это, то онъ и преслѣдуетъ меня. Ханъ татарскій, нынѣ воюющій съ короною польскою, подстрекалъ меня враждебно напасть на московитскую землю, но я, помня, что мои древніе предки называли эту страну своимъ отечествомъ, изъ любви къ ней, не сдѣлалъ подобной попытки, то-есть не пытался на насиліе отвѣтить насиліемъ. Я бы могъ послать въ землю великаго князя 100,000 сабель, но Богъ да хранитъ меня отъ подобнаго поступка и т. д.». То же самое излагалъ онъ и въ письмѣ на имя патріарха. Первый московитскій посланникъ, прибывшій изъ Швеціи, явившись къ нему, сталъ съ нимъ дружелюбно говорить и посовѣтовалъ ему обратиться съ прошеніемъ на имя патріарха, имѣющаго большое вліяніе на великаго князя и легко могущаго своимъ заступничествомъ вновь вернуть ему милость; и самъ посланникъ также обѣщалъ похлопотать. Шуйскій, положившись было на слова этого русскаго, передалъ ему закрытое письмо на имя патріарха, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «онъ родился русскимъ и въ крещеніи нареченъ Тимоѳеемъ (отсюда уменьшительное — Тимошка), его прельщали, чтобы онъ послалъ въ страну 300,000 сабель, но ночью явился ему ангелъ, увѣщевавшій его не предпринимать ничего подобнаго противъ собственнаго отечества и религіи; онъ принялъ это къ сердцу и хотѣлъ вновь въ мирѣ идти домой; недавно въ Нейштадтѣ ему снова можно было освободиться, но онъ не захотѣлъ этого сдѣлать, чтобы имѣть возможность представиться и съ посланниками вновь вернуться въ Москву». Когда, однако, посланникъ вскрылъ это письмо и прочелъ его въ моемъ присутствіи, Тимошка сталъ отрицать свою руку и сказалъ: «онъ ничего объ этомъ не знаетъ»; онъ показалъ другого рода почеркъ и ругалъ и поносилъ посланника такъ, что тотъ, не будучи въ состояніи стерпѣть, плюнулъ на письмо и бросилъ его ему въ лицо. Тимошка тотчасъ же разорвалъ письмо на мелкіе кусочки.

Письмо Тимошки къ патріарху.

Своими непостоянными и перемѣнчивыми рѣчами и записками Тимошка достаточно ясно выказалъ, что онъ стоитъ на лживой основѣ. Иногда онъ говорилъ: «онъ — русскій и сынъ великаго князя Василія Ивановича», а въ переданной запискѣ онъ называлъ своего отца Василіемъ Домиціаномъ. Между тѣмъ извѣстно, что изъ трехъ братьевъ Шуйскихъ — а другихъ Шуйскихъ тогда и не было въ Россіи — никто не назывался такъ. То опять онъ отрицалъ свое русское происхожденіе и писалъ въ вышеупомянутой запискѣ: «Я могу доказать съ очевидностью,

Непостоянство въ рѣчахъ.

что — хотя тѣло мое нестерпимыми муками и ослаблено — тѣмъ не менѣе ни изъ языка, ни изъ привычекъ, ни изъ состоянія моего нельзя вывести, что я московитъ». Онъ не отпускалъ бороды, какъ другіе русскіе. Во время долгихъ своихъ путешествій онъ изучилъ довольно сносно нѣсколько языковъ, какъ-то латинскій, итальянскій, турецкій и нѣмецкій, такъ что на каждомъ изъ нихъ могъ излагать свои мысли. Онъ умѣлъ такъ же писать по-русски разными почерками, мѣняя руку, смотря по тому, какъ это ему было выгодно. Грамоты, приходившія, ради него, отъ его царскаго величества къ его княжеской свѣтлости онъ старался представить подозрительными и старался въ переданной имъ запискѣ убѣдить насъ, что эти грамоты вымышлены и фальшивы, такъ какъ они не подписаны ни его царскимъ величествомъ, ни кѣмъ-либо изъ вельможъ. «Богу и людямъ извѣстно — говорилъ онъ — что каждое запечатанное письмо, подобно настоящимъ, лишенное подписи, не можетъ имѣть значенія». Однако Тимошка ошибался, воображая, что мы не знаемъ канцелярскихъ обыкновеній русскихъ. Ни одна изъ царскихъ миссивъ или грамотъ къ другимъ государямъ, даже никакіе договоры не подписываются самимъ царемъ; считается достаточнымъ, что онѣ снабжены большою печатью. Бояре же и государственные совѣтники, которые вели переговоры по данному дѣлу, подписываютъ особую грамоту относительно договоровъ и подкрѣпляютъ ее своими печатями, которыя имѣютъ то же значеніе, какъ если бы подпись была дана самимъ его царскимъ величествомъ. Когда Тимошка увидѣлъ, что хитрость и обманъ его разгаданы и что ему не удастся выговорить себѣ свободу, но что онъ будетъ, въ концѣ концовъ, выданъ русскимъ, онъ изъ отчаянія думалъ самъ себя лишить жизни. Когда онъ на пути въ Травемюнде, гдѣ его должны были посадить на судно, проѣзжалъ мимо Нейштадта, онъ нарочно выбросился изъ повозки, упалъ на голову и подвалился подъ колесо, надѣясь такъ покончить съ собою, но такъ какъ ѣхали по песку и телѣга сейчасъ же остановилась, то его невредимаго снова посадили въ телѣгу и стали еще старательнѣе сторожить. Позже на пути въ Москву онъ придумывалъ разныя средства, чтобы лишить себя жизни; но такъ какъ это замѣтили, то эти средства были у него отняты прилежною охраною. Въ общемъ онъ былъ все время довольно веселъ, вплоть до пріѣзда въ Новгородъ; здѣсь онъ началъ печалиться и уже отъ Новгорода до Москвы не желалъ ни ѣсть ни пить.

Свѣдущъ въ нѣсколькихъ языкахъ.

Царь ничего не подписываетъ.

Тимошка желаетъ сломать себѣ шею.

Какъ только прибыли съ нимъ въ Москву, его немедленно же отправили на пытку. Однако, во время пытки и передъ смертью

Уводится на пытку.

своею онъ велъ себя крайне упрямо: можно было предполагать, что онъ поступаетъ такъ, или желая, чтобы его сочли за сумасшедшаго, или же зная, что все равно онъ будетъ казненъ, сознается ли въ правдѣ или нѣтъ; изъ отчаянія онъ хотѣлъ скорѣе, чѣмъ сознаться, продолжать упорствовать въ начатомъ и продолжавшемся имъ обманѣ и злодѣйствѣ, чтобы иностранные государи его постоянствомъ въ рѣчахъ были подкрѣплены въ мысляхъ, которыя онъ хитростью имъ внушилъ. На совѣсть свою онъ обращалъ здѣсь столь же мало вниманія, какъ раньше при принятіи столь многихъ религій; вѣроятно, онъ думалъ: «лучше бѣгомъ попасть въ адъ, чѣмъ идти туда шагомъ».

Какъ Тимошка велъ себя во время пытки.

Когда ему на пыткѣ, въ присутствіи отряженныхъ для этой цѣли знатнѣйшихъ государственныхъ совѣтниковъ, были заданы вопросы о нѣкоторыхъ пунктахъ и онъ былъ допрошенъ, онъ сказалъ: «онъ не почитаетъ никого, за исключеніемъ вельможи и боярина Никиты Ивановича Романова, достойнымъ вести переговоры съ нимъ» (А бояринъ этотъ былъ давно извѣстенъ ему своей храбростью и добрымъ нравомъ). Пришлось, вслѣдствіе этого, двумъ изъ бояръ отправиться къ Никитѣ и просить его зайти къ нему. Тѣмъ временемъ Тимошка попросилъ пить, и когда ему принесли деревянную чашку съ квасомъ или слабымъ пивомъ, онъ отказался отъ кваса и не захотѣлъ пить изъ деревянной чашки, требуя, чтобы ему дали испить меду изъ серебрянаго сосуда. Когда исполнили эту его просьбу, онъ поднесъ сосудъ ко рту, но отпилъ лишь немного. Когда теперь бояринъ Никита съ двумя другими боярами вошли къ нему, онъ смиренно поклонился ему, но еще упорнѣе сталъ утверждать, что онъ сынъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Ему, однако, было сказано и доказано, что онъ сынъ Дементія Анкудинова, простого торговца холстомъ въ Вологдѣ, а вовсе не изъ великокняжескаго рода Шуйскихъ. Покойный великій князь Василій Ивановичъ Шуйскій вовсе не имѣлъ дѣтей, а лишь двухъ братьевъ: князя Димитрія Ивановича и Ивана Ивановича Шуйскихъ, которые также не оставили мужского потомства. Эти три брата, вмѣстѣ съ тогдашнимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ были отправлены въ Польшу въ плѣнъ, какъ это указано выше. Старшіе два брата умерли въ Польшѣ, третій же, по имени Иванъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ патріархомъ былъ отпущенъ на волю, прибылъ въ Москву и скончался лишь въ правленіе нынѣшняго великаго князя, немного лѣтъ тому назадъ. Было изъ этого же рода еще одно лицо— именно братъ ихъ отца князь Василій Ѳедоровичъ, имѣвшій

Стр. 178.

Не хочетъ пить изъ деревянной чашки.

Стр. 239.

лишь одного сына, а именно князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, который въ то время, когда шведскій полководецъ занялъ Великій Новгородъ, умеръ, также не оставивъ наслѣдниковъ. Такимъ образомъ Тимошка не могъ быть изъ рода Шуйскихъ.

Не хочетъ узнать собственную мать.

Во время пытки ему была представлена родная его мать,— нынѣ монахиня; она, горько плача, жаловалась на его несчастіе и увѣщевала его отказаться отъ своего безумія, признать истину и умолять царя о милости. Тимошка печально смотрѣлъ на нее, но представился, будто не узнаетъ ея. Ему дали очную ставку и съ писцомъ Иваномъ Песковымъ, которому онъ накануне бѣгства довѣрилъ своего сына; одновременно съ писцомъ показали ему и сына. Песковъ сурово напустился на Тимошку: «достаточно уже онъ пробавлялся ложью и обманомъ, вызвавъ и на него, Пескова, высокую его царскаго величества немилость и причинивъ ему сердечную скорбь; вспомнилъ бы онъ о Богѣ и призналъ правду; не его ли это сынъ, котораго онъ, Песковъ, теперь къ нему сажаетъ?». Слѣдуетъ, однако, знать, что сына этого Тимошка произвелъ на свѣтъ не съ законной своею женою, а со служанкою. Тимошка посмотрѣлъ на обоихъ, поздоровался съ Песковымъ, но больше не хотѣлъ говорить съ нимъ ни слова. Хотя и приводили къ нему для очной ставки многихъ прежнихъ его добрыхъ знакомыхъ и друзей, бывшихъ одновременно съ нимъ писцами, хотя всѣ они увѣщевали его признать правду, все-таки онъ на всѣ ихъ рѣчи, такъ какъ достаточно уже былъ уличенъ, отвѣчалъ молчаніемъ. Его осмотрѣли и нашли, что онъ былъ обрѣзанъ. Его увели съ мѣста пытки и на другое утро опять привели сюда и допрашивали о нѣкоторыхъ пунктахъ. Онъ, однако, ни на одинъ не желалъ отвѣтить. Тогда его съ пытки перевели на большую площадь передъ Кремлемъ, прочли о его преступленіяхъ и объявили приговоръ о немъ: его велѣно было изрубить въ куски. Его сейчасъ же раздѣли, разложили на землѣ, отрубили топоромъ сначала правую руку ниже локтя, затѣмъ лѣвую ногу ниже колѣна, потомъ лѣвую руку и правую ногу и мгновенно затѣмъ голову; казнь онъ перенесъ, не выражая страданій. Отрубленные куски тѣла были насажены на пять поставленныхъ стоймя кольевъ и стояли такъ до слѣдующаго дня; туловище же осталось на землѣ между кольями и ночью было съѣдено собаками. На слѣдующее утро оставшіяся кости туловища слугами палача были собраны, отрубленные куски вмѣстѣ съ кольями сложены въ сани и все это за городомъ брошено въ яму для падали.

Не признаетъ и собственнаго сына и другихъ знакомыхъ.

Былъ обрѣзанъ.

Казнь лже-Шуйскаго.

Наказаніе Костьки.

Его бывшій слуга Костька долженъ былъ смотрѣть на казнь своего господина. Такъ какъ онъ во всемъ добровольно сознался, то ему была подарена жизнь, но за нарушеніе присяги его царскому величеству ему объявленъ былъ такой приговоръ: ему надлежало отрубить три первыхъ пальца на правой рукѣ. Такъ какъ, однако, вѣра ихъ, прежде всего, требуетъ, чтобы они крестились и благословлялись правой рукою, то, по заступничеству патріарха, его помиловали: наказаніе было совершено надъ лѣвой рукой. Послѣ этого онъ былъ сосланъ въ дальній городъ въ Сибири, гдѣ ему доставлены всѣ средства для пропитанія въ теченіе всей его жизни. Въ этотъ же день и часъ, когда происходила казнь, польскаго малаго посла или посланника, только что прибывшаго въ Москву, вели на аудіенцію и нарочно провели черезъ мѣсто казни, чтобы онъ видѣлъ ее и могъ сообщить, что лже-Шуйскій, одно время находившійся въ Польшѣ, казненъ. Вотъ каковъ былъ на самомъ дѣлѣ лже-Шуйскій и какой онъ получилъ конецъ.

Польскій посолъ долженъ видѣть казнь.

XLV.

(Книга III, глава 13).

О короновании нынѣшняго великаго князя Алексѣя Михайловича и о томъ, какъ вообще происходитъ коронованіе.

Алексѣй Михайловичъ, великій князь, родился 1630 г. 17-го марта.

Какъ выше сказано, въ 1645 г. по Р. Х., 12-го іюля, скончался великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Россіи. Сейчасъ же на слѣдующій день, 13-го іюля, его сынъ, Алексѣй Михайловичъ, на 16-мъ году жизни, привѣтствованъ былъ какъ царь и великій князь всея Россіи, и въ тотъ же день еще, по единогласному рѣшенію всѣхъ бояръ, вельможъ и всей общины, короновали его и присягнули ему.

Это коронованіе, по стараніямъ вельможи Бориса Ивановича Морозова, бывшаго гофмейстеромъ и воспитателемъ молодого государя, по нѣкоторымъ причинамъ, должно было совершиться такъ быстро, что не всѣ въ странѣ, кто желалъ, могли явиться для присутствія на немъ.

Коронованіе великихъ князей.

При коронованіи московитскихъ великихъ князей, если оно происходитъ по обычному способу, соблюдается слѣдующее:

Въ Москву призываются всѣ митрополиты, архіепископы и другіе епископы и игумены, князья, воеводы и должностныя лица,

равно какъ и знатнѣйшіе купцы со всей Россіи и изъ всѣхъ провинцій, подчиненныхъ великокняжеской власти.

Когда коронованіе должно начаться, патріархъ съ митрополитомъ и остальнымъ клиромъ направляются въ большую кремлевскую церковь. За ними слѣдуетъ новый великій князь съ государственными совѣтниками, боярами и должностными лицами.

Въ церкви устроенъ высокій помостъ въ три ступени высотою, выстланный дорогими коврами. На немъ стоятъ три стула, покрытые золотой парчою: одинъ для великаго князя, другой для патріарха, а на третьемъ лежитъ шапка, осыпанная великолѣпными драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ; вверху у нея кисть, къ которой прикрѣплена золотая коронка съ алмазами. Рядомъ съ этой шапкой лежитъ и великолѣпная одежда изъ золотой парчи, повсюду кругомъ осыпанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями и подбитая очень черными соболями. Эту одежду, по ихъ словамъ, великій князь, по имени Димитрій Мономахъ получилъ изъ Кафы въ войну съ татарами и назначилъ служить для коронованія великихъ князей.

Когда царь съ боярами входитъ въ церковь, священники начинаютъ пѣть. Послѣ этого патріархъ читаетъ молитву, призывая Бога, св. Николая и другихъ святыхъ, чтобы они приняли участіе въ этомъ коронованіи. Потомъ выступаетъ знатнѣйшій государственный совѣтникъ съ избраннымъ великимъ княземъ, обращается къ патріарху съ рѣчью и сообщаетъ ему, что они приняли въ цари ближайшаго наслѣдника престола россійскаго государства, и желаютъ, чтобы онъ, патріархъ, благословилъ и короновалъ его. Послѣ этого патріархъ ведетъ кандидата вверхъ на помостъ, сажаетъ его на престолъ, держитъ у лба его золотой, осыпанный великолѣпными драгоцѣнными камнями крестикъ и благословляетъ его. Затѣмъ одинъ изъ митрополитовъ читаетъ слѣдующую молитву, записанную Петреемъ въ его русской хроникѣ: «Господь Богъ нашъ, Царь всѣхъ царей, Ты, который черезъ пророка Твоего Самуила избралъ слугу Твоего Давида и помазалъ его въ цари народа израильскаго, услышь теперь нашу молитву, которую мы, недостойные, Тебѣ приносимъ, и воззри со святой высоты на сего Твоего вѣрнаго слугу, сидящаго здѣсь на престолѣ и Тобою возвышеннаго въ цари народа Твоего, спасеннаго кровью Святого Твоего Сына. Помажь его масломъ радости, охрани его силою Твоею, возложи на голову его вѣнецъ, драгоцѣнными камнями украшенный, дай ему долгую жизнь и дай ему въ руки царскій ски-

Молитва при благословеніи.

петръ, посади его на престолъ справедливости и подчини ему всѣ варварскіе языки, дай сердцу и уму его всегда находиться въ страхѣ Твоемъ, чтобы онъ всю свою жизнь былъ послушенъ заповѣдямъ Твоимъ, дай отойти отъ него всѣмъ ересямъ и ошибкамъ, научи его, чтобы онъ защищалъ и сохранялъ все, что указываетъ и чего желаетъ святая греческая церковь. Суди народъ Твой по справедливости, окажи милость бѣднымъ, чтобы они могли войти въ жизнь вѣчную». Эту молитву патріархъ заключаетъ громкимъ возгласомъ: «Твое есть царство, сила и слава, и да будетъ съ тобою Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святой».

Послѣ этой молитвы два епископа должны взять со стула одежду и шапку и держать ихъ въ рукахъ, а патріархъ велитъ боярамъ, также вступившимъ на помостъ, одѣть великому князю одежду. Вновь при этомъ онъ благословляетъ его. Послѣ этого онъ передаетъ шапку съ короною боярамъ, велитъ имъ надѣть ее на великаго князя и говоритъ: «Во имя Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого» и благословляетъ его въ третій разъ. Затѣмъ патріархъ призываетъ все духовенство, находящееся въ церкви, чтобы каждое изъ духовныхъ лицъ подошло и рукою благословило великаго князя. Когда это совершится, патріархъ и великій князь садятся на стулья, но вскорѣ опять встаютъ. Вслѣдъ затѣмъ священники начинаютъ пѣть ектенію: «Господи помилуй» и при каждомъ третьемъ словѣ всякій разъ называютъ великаго князя. Потомъ они всѣ опять садятся, одинъ изъ митрополитовъ идетъ къ алтарю и говоритъ громкимъ голосомъ: «Богъ да сохранитъ нашего царя и великаго князя всея Россіи, возлюбленнаго Богомъ и намъ дарованнаго, въ добромъ здравіи и долгоденствіи». Это же пожеланіе повторяютъ другіе попы и вельможи, здѣсь присутствующіе или стоящіе внѣ церкви, и при этомъ поднимаютъ восторженные крики. Всѣ вельможи бьютъ челомъ его царскому величеству и цѣлуютъ его руки. Послѣ этого патріархъ одинъ выступаетъ передъ великимъ княземъ и произноситъ увѣщательную рѣчь слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ нынѣ онъ Божіимъ промысломъ государственными, свѣтскими и духовными чинами поставленъ и вѣнчанъ великимъ княземъ всея Россіи и ему ввѣрено важное управленіе странами, то пусть онъ любитъ при этомъ Бога, живетъ по законамъ Его и по нимъ правитъ судъ, а также да защищаетъ и распространяетъ онъ истинную греческую религію».

Поютъ ектенію.

Послѣ этого вновь произносится великому князю благословеніе, и онъ идетъ въ лежащую напротивъ церковь Михаила

Архангела. Тѣмъ временемъ деньги бросаются среди народа, а въ церквахъ вновь поютъ ектенію. Потомъ великій князь опять отправляется въ церковь св. Николая, а затѣмъ, въ сопровожденіи государственныхъ совѣтниковъ, отправляется въ большой залъ, гдѣ и духовнымъ и свѣтскимъ вельможамъ подается великолѣпное угощеніе. При этомъ такъ напиваются, что многіе изъ нихъ не знаютъ, какъ и домой попасть.

Титулъ нынѣшняго великаго князя.

Титулъ, который въ настоящее время русскіе даютъ своему великому князю, — слѣдующаго рода:

«Великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя Россіи, самодержцу московскому, кіевскому, владимірскому, новгородскому, царю казанскому, царю астраханскому, царю сибирскому, государю псковскому и великому князю тверскому, югорскому, пермскому, вятскому, болгарскому и иныхъ, государю и великому князю Новгорода низовыя земли, черниговскому, рязанскому, ростовскому, ярославскому, бѣлоозерскому, удорскому, обдорскому, кондинскому и всея сѣверныя страны повелителю, государю иверской земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинской земли, черкасовъ и горскихъ князей и многихъ иныхъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ государствъ и земель отчичу, дѣдичу (т. е. со времени многихъ предковъ) и наслѣднику, государю и обладателю».

XLVI.

(Книга III, глава 14).

О доходахъ и расходахъ великаго князя, о столѣ его, лейбъ-медикахъ и толмачахъ.

Великіе доходы царя.

Только что упомянутые, заключенные въ титулѣ, а также и другія земли, провинціи и города доставляютъ ежегодно большой доходъ въ его царскаго величества казну, причемъ доходъ этотъ опредѣляется въ нѣсколько милліоновъ; доходныя статьи состоятъ въ податяхъ, налогахъ, пошлинахъ, кабакахъ, торговлѣ и помѣстьяхъ. Хотя его царскаго величества подданные обыкновенно и не платятъ большихъ податей, но, тѣмъ не менѣе, въ виду большого количества странъ и народовъ, получаются большія суммы. Когда нужно вести войну, горожане, купцы и торговцы дѣлаютъ тяжкіе дополнительные взносы. Во времена бывшаго великаго князя, когда нужно было вести войну подъ Смоленскомъ, имъ

О подати.

пришлось дать «пятину», т. е. пятую деньгу со своего имущества. Нынѣшній царь бралъ только десятую деньгу. Бояре и вельможи должны, смотря по количеству своихъ имѣній, содержать извѣстное количество всадниковъ на войнѣ. Дворяне же должны, вмѣстѣ со своими слугами, сами выходить въ поле. Монастыри также должны, смотря по количеству имѣющихся у нихъ деревень и крестьянъ, выставлять и содержать извѣстное количество солдатъ. Пошлины, которыя царь получаетъ на границахъ и въ важнѣйшихъ торговыхъ городахъ, также доставляютъ ему большую выгоду. Намъ разсказывалъ видный нѣмецкій купецъ въ Москвѣ, что главный торговый городъ Архангельскъ однажды въ теченіе одного года далъ невѣроятное количество денегъ, а именно триста тысячъ рублей, т. е. шесть тоннъ [600,000 талеровъ] золота. Трактиры и шинки, кабаки или «кружечные дворы», какъ ихъ теперь называютъ, доставляютъ великому князю, который одинъ ими владѣетъ во всей странѣ, чрезвычайное количество денегъ, такъ какъ русскіе, превыше всякой мѣры, преданы питью водки. Раньше были у бояръ и вельможъ въ разныхъ мѣстахъ собственные свои кабаки, которые они, какъ это дѣлалъ и самъ великій князь, сдавали въ наймы частнымъ лицамъ. Такъ какъ, однако, бояре подняли аренду этимъ людямъ слишкомъ высоко, и многіе изъ нихъ должны были разориться, то въ настоящее время изданъ приказъ, чтобы ни одинъ бояринъ или вельможа не содержалъ кабаковъ, но всѣ они взяты на великаго князя, и въ каждомъ городѣ учрежденъ особый домъ, откуда получаютъ водку, мёдъ и пиво, съ передачею денегъ лишь въ его царскаго величества казну. Въ Новгородѣ всегда находились три кабака, изъ которыхъ каждый доставлялъ въ годъ 2,000 рублей, что даетъ въ общемъ итогѣ 12,000 рейхсталеровъ; при новыхъ порядкахъ сумма получается еще бóльшая. Между тѣмъ такихъ кабаковъ, хотя и не всѣ они такъ прибыльны, имѣется въ странѣ до тысячи. Большія деньги получаетъ онъ и отъ соболей и другихъ мѣховъ, доставляемыхъ изъ сѣверныхъ странъ; этими и другими товарами онъ сильно торгуетъ внутри и внѣ страны; для этого онъ пользуется услугами извѣстныхъ лицъ, которымъ онъ довѣряетъ и товары и большія суммы наличныхъ денегъ: онъ посылаетъ этихъ людей въ сосѣднія страны, особенно въ Персію и Турцію, и велитъ торговать въ пользу своей казны.

О пошлинахъ. *О трактирахъ.* *Царь одинъ владѣетъ кабаками.* *О купеческомъ дѣлѣ.*

Подобнаго великокняжескаго маклера или торговца, по имени Савелія, посланнаго съ суммою въ 4,000 талеровъ, мы встрѣтили въ Персіи. Такъ какъ онъ, однако, плохо помѣстилъ свой

Савелій, русскій купецъ.

талантъ, и въ три года, которые онъ тамъ пробылъ, потерялъ всѣ деньги, великій князь приказалъ своему посланнику Алексѣю Савиновичу Романчукову, отправленному съ нимъ вмѣстѣ въ Персію, чтобы означенный недобросовѣстный купецъ, заключенный въ цѣпи, былъ оттуда вывезенъ. Посолъ, правда, встрѣтилъ его въ Шемахѣ въ Мидіи, но такъ какъ въ это время умеръ толмачъ посланника, то онъ воспользовался имъ вмѣсто таковаго, не далъ ему замѣтить, какой ему данъ приказъ, относился къ нему всегда любезно и взялъ его съ собою къ шаху персидскому въ надеждѣ добрымъ словомъ увлечь его до границы. Савелій, однако, замѣтилъ эти хитрости, и когда посланникъ захотѣлъ направиться въ обратный путь, онъ въ Испагани бѣжалъ въ убѣжище Аллакапи [«Врата Божьи»], далъ обрѣзать себя, принялъ мусульманскую защиту и остался въ Персіи.

Совершаетъ нечестное дѣло.

У царя имѣются здѣсь и тамъ великолѣпныя земельныя имѣнья, которыя онъ отдаетъ въ аренду, получая отсюда большія деньги; также точно хорошую добычу получаетъ онъ отъ рудника у Тулы, о которомъ говорится выше.

Стр. 164.

Большіе расходы царя.

Хотя доходы великаго князя и велики, зато не плохи и расходы. Онъ долженъ тратиться на ежегодное содержаніе стрѣльцовъ, которыхъ много на границахъ (такъ какъ мало дружелюбія съ сосѣдями) и въ городахъ: въ одной Москвѣ ихъ 16,000, въ казанской области 6,000, получающихъ въ жалованье поля и земли, а въ провинціяхъ повсюду [въ общемъ] гораздо болѣе 100,000 человѣкъ.

На солдатъ.

Отдаленные татары, со стороны которыхъ онъ часто долженъ ожидать нападеній, приходятъ ежегодно посольствами и получаютъ деньги; ему какъ бы приходится покупать у нихъ миръ. Войны, которыя онъ ведетъ, стоятъ ему большихъ денегъ, такъ какъ ему приходится выступать въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ и содержать на большомъ жалованьѣ нѣмецкихъ по-преимуществу офицеровъ; жалованье онъ всегда уплачиваетъ очень правильно, а инымъ, которые этого требуютъ, выдаетъ его за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ; поэтому-то народъ отовсюду такъ часто и является къ нему на службу. Много средствъ уходитъ на посольства иностранныхъ государей, часто посѣщающія его; иногда подолгу живутъ въ Москвѣ два, три и болѣе посольствъ. Пока они находятся въ предѣлахъ Россіи, имъ все содержаніе отпускается безплатно. У него имѣется также большой и многочисленный придворный штатъ; наряду съ собственнымъ своимъ великолѣпнымъ столомъ, онъ, въ Кремлѣ и внѣ его, кормитъ ежедневно до тысячи человѣкъ.

На татаръ.

На войны.

На посольства.

На придворный штатъ.

Какъ царь обѣдаетъ.

Царь обѣдаетъ — чтобы уже указать и на это — слѣдующимъ образомъ. Когда приходитъ обѣденное время, здѣсь не трубятъ къ столу, какъ при другихъ дворахъ, но особое лицо бѣжитъ въ кухню и погребъ и кричитъ возможно громче: «Государю кушанья!». Тотчасъ же подаютъ на столъ. Его царское величество садится за столъ отдѣльно, а если патріархъ и другіе вельможи призваны покушать съ нимъ, то для нихъ устраиваются особые столы рядомъ съ его столомъ. Кушаній бываетъ до 50 и болѣе, но не всѣ они подаются на столъ великаго князя, а прислужники приподнимаютъ ихъ и стольникъ показываетъ; лишь то, что его царскому величеству понравится, подается на столъ. Другія же кушанья, въ знакъ милости, посылаются разнымъ господамъ и слугамъ, какъ нѣмцамъ, такъ и русскимъ, въ особенности же господамъ докторамъ, лейбъ-медикамъ и лѣкарямъ. Въ настоящее время у него одинъ лишь лейбъ-медикъ, г. Гартманъ Граманъ, бывшій съ нами въ Персіи. Этотъ послѣдній очень освѣдомленъ въ герметическомъ врачеваніи и въ лѣченіи болѣзней всегда имѣлъ большое счастье, — болѣе иныхъ; поэтому не только у его царскаго величества онъ въ большой милости, но и бояре, князья и вельможи очень любятъ его, уважаютъ и приносятъ ему подарки. Онъ получаетъ правильное денежное жалованье въ 62 рубля или 124 талера и кромѣ того еще ежегодно 300 рублей, что составляетъ въ общемъ 2,088 талеровъ, помимо хлѣба въ зернѣ и въ печеномъ видѣ, солоду, меду и другихъ вещей для домашняго хозяйства. Когда нужно отворять жилу или давать лѣкарство, доктору дается еще особая награда въ 100 талеровъ наличными деньгами, а также кусокъ атласу или дамаста, сорокъ соболей и т. п.

Д-ръ Гартманъ Граманъ, лейбъ-медикъ.

Большое жалованье.

Отъ бояръ, князей и другихъ вельможъ врачи рѣдко получаютъ за лѣченіе деньги, но лишь соболей, куски копченаго сала, водку или другую провизію. Они ежедневно должны являться ко двору и бить челомъ вельможамъ, въ особенности же своему начальнику — инспектору царской аптеки, которая содержится весьма великолѣпно.

Жалованье толмачамъ.

Его царское величество содержитъ также, съ большими расходами, много толмачей для разныхъ языковъ, а также много другихъ слугъ изъ нѣмцевъ и иностранцевъ. Въ особенности много у него высшихъ военныхъ офицеровъ, частью оставившихъ свою религію и перекрестившихся; они и въ мирное время получаютъ большое вознагражденіе.

Іоганнъ Бёк-

У его царскаго величества между другими его толмачами имѣется прекрасный человѣкъ, по имени Іоганнъ Бёккеръ фонъ-

Дельденъ, родомъ изъ Копенгагена. Онъ получилъ хорошее университетское образованіе, совершилъ замѣчательныя путешествія и знаетъ много языковъ. Въ Москвѣ подобнаго человѣка еще не было. У его царскаго величества онъ служитъ генералъ-переводчикомъ и посылается обыкновенно съ его посланниками при самыхъ важныхъ порученіяхъ. Напримѣръ, недавно онъ находился у его римско-императорскаго величества въ Вѣнѣ вмѣстѣ съ двумя царскими послами, Иваномъ Ивановичемъ Баклановскимъ, царскимъ дворяниномъ, и Иваномъ Поликарповымъ сыномъ Михайловымъ, дьякомъ. Въ разсужденіе великолѣпныхъ его способностей, его императорское величество, по особой милости, добровольно одарилъ его грамотою на дворянство, какъ я о томъ узналъ изъ письма добраго друга изъ Вѣны и по пересланной мнѣ копіи.

керъ фонъ-Дельденъ.

Получаетъ дворянство.

Во всемъ прочемъ у великокняжескихъ слугъ и придворныхъ, въ особенности среди русскихъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчается то же явленіе, чтò и при дворахъ большинства государей. И здѣсь и тамъ добродѣтель и порокъ борются другъ съ другомъ, и послѣдній часто побѣждаетъ первую. Нѣкоторые, имѣющіе болѣе близкій и частый доступъ къ государю, гораздо раздражительнѣе, своекорыстнѣе, грубѣе и скупѣе другихъ. Поэтому, чтобы привлечь ихъ на свою сторону, нужно относиться къ нимъ почтительно, привѣтствовать ихъ съ поникшею головою и низко опущенною рукою и дѣлать имъ подарки, зачастую не ради того, чтобы они что-либо хорошее сдѣлали, но чтобы они не сдѣлали чего-нибудь худого. Поэтому немного лѣтъ назадъ жалкое было въ Москвѣ положеніе: помощью подарковъ, которые они зовутъ «посулами», можно было все сдѣлать и всего добиться; при желаніи можно было даже несомнѣнное право вырвать изъ рукъ у другого или же даже въ злѣйшемъ дѣлѣ сдѣлать правымъ виновнаго. Вскорѣ послѣ бракосочетанія великаго князя нѣкоторые изъ новыхъ его родственниковъ, а также и иные старые вельможи допустили въ этомъ дѣлѣ такія злоупотребленія, что дѣло дошло до чрезвычайно пагубнаго мятежа, послѣ котораго иные оказались съ разбитыми головами, а иные совсѣмъ безъ головъ, какъ о томъ будетъ разсказанò въ слѣдующихъ главахъ.

Общіе недостатки дворовъ.

Подарки.

XLVII.

(Книга III, глава 15).

О свадьбѣ и бракосочетаніи великаго князя Алексѣя Михайловича.

Морозовъ — великъ и могучъ при дворѣ.

Когда вступилъ на престолъ великій князь Алексѣй Михайловичъ и былъ еще весьма молодымъ государемъ, при немъ оставался бывшій его гофмейстеръ и воспитатель Морозовъ, по волѣ и хотѣнію котораго направлялись и великій князь и все управленіе. Прежде всего, онъ привлекъ на свою сторону тѣхъ, кто могли болѣе всего служить его волѣ. Что же касается до родственниковъ его царскаго величества, въ особенности со стороны матери, бывшей великой княгини, то онъ ихъ, — такъ какъ и они вѣдь были вліятельны, — удалилъ отъ двора, назначивъ воеводами и на другія почетныя должности, желая, на подобіе Ликогена у Барклая, «наполнить дворъ людьми своей партіи» и получить возможность распредѣлить важнѣйшія должности между друзьями, которые должны были чувствовать себя ему обязанными. Никто изъ вельможъ не могъ превзойти его въ прилежномъ прислуживаніи и готовности всегда быть при молодомъ царѣ. Чтобы отвлечь вниманіе государя отъ другихъ вельможъ, которые могли бы затруднить его докучливыми и въ этомъ возрастѣ еще несносными государственными дѣлами, онъ очень часто увозилъ его на охоту и на другія увеселенія. Чтобы сохранить себѣ милостивое расположеніе его царскаго величества, онъ стремился вступить съ нимъ въ близкое родство. Онъ совѣтовалъ его царскому величеству поскорѣе жениться, и чтобы выборъ его палъ на лицо средней знатности, къ каковымъ принадлежалъ и самъ Морозовъ, онъ предложилъ ему въ жены дочь дворянина, на сестрѣ которой Морозовъ предполагалъ жениться самъ. Въ то время жилъ нѣкій дворянинъ, по имени Илья Даниловичъ Милославскій, имѣвшій двухъ прекрасныхъ дочерей, но не имѣвшій мужского потомства. Этотъ Илья неоднократно являлся къ Морозову, который тогда былъ при дворѣ, какъ говорится, factotum'омъ, и прилежно ухаживалъ за нимъ, такъ что Морозовъ, не только ради прекрасныхъ дочерей, но и ради его угодливости, очень его полюбилъ. Морозовъ однажды при удобномъ случаѣ похвалилъ царю красоту обѣихъ этихъ сестеръ и вызвалъ въ молодомъ государѣ горячее желаніе видѣть ихъ. Обѣихъ

Lib. I, c. 2.

Постоянно находится при его царскомъ величествѣ.

Дворянинъ Илья Даниловичъ Милославскій.

сестеръ повели на верхъ къ госпожамъ сестрамъ его царскаго величества, какъ бы только для посѣщенія этихъ послѣднихъ. Когда его царское величество ихъ увидѣлъ, то почувствовалъ любовь къ старшей изъ нихъ. Милославскому было сообщено о милости его царскаго величества, и о томъ, что ему быть царскимъ тестемъ. Милославскій не усумнился тотчасъ же сказать «да» и поблагодарить за высокую честь. Послѣ этого ему, такъ какъ онъ былъ не особенно богатъ, на домъ были присланы большая сумма денегъ и разныя драгоцѣнныя вещи, чтобы онъ могъ себя и своихъ принарядить. Вслѣдъ затѣмъ устроилось и бракосочетаніе, состоявшееся въ 1647 г., въ 70-й день [девятое воскресенье] передъ Пасхою, на 22-мъ году жизни невѣсты. Совершилось оно безъ особой пышности, въ тишинѣ, чтобы ни невѣста, ни женихъ не подверглись волшебству—какъ это ѣдлается и какъ этого обыкновенно очень боятся.

Становится царскимъ тестемъ.

Бракосочетаніе царя.

Черезъ восемь дней послѣ царскаго бракосочетанія бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ справилъ свадьбу съ сестрою молодой великой княгини и сталъ, слѣдовательно, свякомъ его царскаго величества.

Морозовъ становится свякомъ царя.

XLVIII.

(Книга III, глава 16).

Какъ послѣ царскаго бракосочетанія вели себя друзья великой княгини, каковъ былъ полицейскій строй, какъ отправлялось правосудіе и что еще при этомъ произошло достопамятнаго.

Послѣ того какъ Илья Даниловичъ Милославскій сталъ царскимъ тестемъ, онъ сталъ могуществененъ и великъ. Ему данъ былъ рядомъ съ жилищемъ его царскаго величества домъ въ Кремлѣ, гдѣ онъ долженъ былъ жить вмѣстѣ съ женой своею; онъ немедленно же велѣлъ этотъ домъ сломать и построить отъ основанія великолѣпный дворецъ. Старые слуги одинъ за другимъ должны были уйти, и на ихъ мѣста были поставлены родственники г. Милославскаго; такъ какъ всѣ они успѣли наголодаться, то они оказались очень жадными, очень скупыми и прожорливыми. Особенно отличался одинъ изъ нихъ, по имени Левонтій Степановичъ Плещеевъ, назначенный верховнымъ судьею земскаго двора или ратуши. Онъ обиралъ простонародье и дралъ съ него паче всякой мѣры; подарками нельзя было насытить его.

Илья строитъ большой дворецъ.

Левонтій Степановичъ Плещеевъ.

Дѣлается неправеднымъ судьею.

Когда тяжущіяся стороны являлись къ нему въ канцелярію, онъ выматывалъ у нихъ даже мозгъ изъ костей, такъ что и та и другая сторона становились нищими. Онъ нанималъ негодяевъ для того, чтобы они ложно доносили на честныхъ людей, имѣвшихъ нѣкоторые достатки, и обвиняли ихъ; обвиненія взводились то въ кражахъ, то въ убійствахъ и другихъ злодѣяніяхъ. Послѣ этого бѣдныхъ людей заключали въ тюрьмы, обходились съ ними тиранически и держали такъ нѣсколько мѣсяцевъ, доводя почти до отчаянія. Тѣмъ временемъ безбожные слуги его должны были войти въ переговоры съ друзьями арестованныхъ и подъ секретомъ давать имъ мудрые совѣты, какъ имъ вновь выбраться на свободу. Черезъ подобныхъ воровскихъ помощниковъ онъ торговался относительно того, сколько они должны были дать ему. Самъ же онъ не удостаивалъ пріема никого ни изъ обвиненныхъ, ни изъ друзей ихъ.

Петръ Тихоновичъ — несправедливый человѣкъ.

Въ числѣ подобныхъ безбожныхъ чиновниковъ находился и нѣкій Петръ Тихоновичъ Траханіотовъ, шуринъ Плещеева, такъ какъ Плещеевъ былъ женатъ на родной сестрѣ Тихоновича. Этотъ послѣдній дошелъ уже до степени окольничаго, что является ближайшимъ чиномъ передъ бояриномъ или государственнымъ совѣтникомъ. Онъ былъ назначенъ начальникомъ Пушкарскаго приказа, и имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи стрѣлковъ изъ ружей, ружейныхъ мастеровъ, пушкарей и всѣхъ служившихъ въ цейхгаузѣ. Обходился онъ съ ними весьма немилосердно и не выдавалъ имъ заслуженнаго за работу вознагражденія. Въ Москвѣ принято, чтобы, по приказанію великаго князя, ежемѣсячно всѣ царскіе чиновники и ремесленники получали въ срокъ свое жалованье; нѣкоторымъ оно даже приносится на домъ. Онъ же заставлялъ людей ждать цѣлыми мѣсяцами, и когда они, послѣ усиленныхъ просьбъ, наконецъ, получали половину, а то и менѣе еще того, они должны были выдавать росписку въ полученіи всего жалованья. Кромѣ того были устроены разныя стѣсненія для торговли, и были заведены многія монополіи; кто больше всего приносилъ подарковъ Б[орису] И[вановичу] М[орозову], тотъ, съ милостивою грамотою, веселый возвращался домой.

Срочная выплата жалованья царемъ.

Желѣзные аршины продаются за дорогую цѣну.

Еще одинъ [изъ чиновниковъ] предложилъ готовить желѣзные аршины съ орломъ въ видѣ клейма. Послѣ этого каждый, кто желалъ пользоваться аршиномъ, долженъ былъ покупать себѣ за 1 рейхсталеръ подобный аршинъ, стоившій на самомъ дѣлѣ только 10 «копѣекъ», шиллингъ или 5 грошей. Старые же аршины, подъ угрозою большой пени, были воспрещены.

Эта мѣра, проведенная во всѣхъ провинціяхъ, доставила доходъ во много тысячъ талеровъ.

Соль поднимается въ цѣнѣ.

Еще иной, желая выслужиться передъ казною его царскаго величества и снискать себѣ расположеніе, предложилъ, чтобы во всей Россіи съ соли, стоившей первоначально за пудъ (т. е. 40 фунтовъ) 2 «гривны» или 10 грошей, бралась еще 1 «гривна» или пять грошей пошлинъ. Онъ вычислилъ также, сколько тысячъ подобный налогъ принесъ бы ежегодно въ казну его царскаго величества. Однако, черезъ годъ пришлось вычислять, сколько тысячъ было потеряно на соленой рыбѣ (ее въ Россіи употребляютъ въ пищу больше мяса), которая сгнила, не будучи, изъ-за дороговизны соли, просолена какъ слѣдуетъ. Соли, кромѣ того, стало продаваться гораздо меньше, и, оставаясь въ пакгаузахъ, она, по необходимости, превращалась въ разсолъ [отъ сырости] и расплывалась.

Совѣщанія притѣсняемыхъ.

Изъ-за этихъ большихъ тяготъ и невыносимыхъ притѣсненій простой народъ сталъ выражать недовольство. Утромъ и вечеромъ у церквей происходили сборища, причемъ совѣщались, какъ быть съ этою невзгодою. Было ясно, что наиболѣе близкіе къ его царскому величеству люди не желали слушать никакихъ жалобъ и еще того менѣе хотѣли отмѣнить тяготы; поэтому всѣ порѣшили, каждый разъ, при выѣздѣ его царскаго величества или въ случаѣ шествія его въ процессіи отъ Кремля къ городской церкви, выжидать удобнаго случая, чтобы отъ имени всей общины передать самому его царскому величеству нѣкоторыя просьбы. При этомъ собирались жаловаться на несправедливости Левонтія Степановича Плещеева и ежедневно совершавшіеся имъ дурные поступки и просить, чтобы онъ былъ смѣщенъ, а на его мѣсто посаженъ честный человѣкъ. Однако, хотя подобныя попытки и дѣлались нѣсколько разъ, все-таки, всякій разъ бояре, сопровождающіе, какъ это принято, его царское величество, отнимали у нихъ прошенія. Такъ какъ его царское величество не самъ читалъ эти прошенія, но ему лишь кое-что изъ оныхъ докладывалось, то нужды угнетеннаго населенія ему не становились, какъ слѣдуетъ, извѣстны, и никакого по этому поводу рѣшенія и не происходило. Тѣмъ временемъ настроеніе простонародья все болѣе и болѣе ожесточалось, люди стали съ жалобами и плачемъ собираться передъ церквами и постановили, если еще разъ представится случай, устно передать о своихъ нуждахъ и жалобахъ его царскому величеству. Тутъ случилось, что въ 1648 году, 6-го іюля, справлялся обычный праздникъ, во время котораго его царское величество со

всѣми боярами и вельможами отправился, по ихъ обычаю, въ расположенный въ городѣ Срѣтенскій монастырь. Въ это время безчисленное множество простого люда собралось на большой рыночной площади и на всѣхъ улицахъ, по которымъ шла процессія. Когда послѣ богослуженія его царское величество поѣхалъ обратно, простой народъ насильно прорвался къ нему, схватилъ лошадь его царскаго величества за узды, просилъ о выслушаніи, жаловался и громко кричалъ о Плещеевѣ и его несправедливостяхъ, не переставая упрашивалъ смѣстить его и назначить на его мѣсто честнаго, добросовѣстнаго человѣка, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, народу придется погибать. Его царское величество, испуганный этимъ неожиданнымъ обращеніемъ къ нему и такими жалобными просьбами всего народа, любезно заговорилъ съ нимъ, предлагая успокоиться и обѣщая разсмотрѣть дѣло и дать народу удовлетвореніе. Народъ, успокоенный этимъ милостивымъ согласіемъ, благодарилъ его царское величество и желалъ ему добраго здравія и долгой жизни; послѣ этого его царское величество поѣхалъ дальше. Однако, нѣкоторые изъ расположенныхъ къ Плещееву бояръ, ѣхавшіе слѣдомъ, начали бранить народъ и стали бить кнутьями по головамъ; иныхъ при этомъ лошади сбили съ ногъ.

Приступаютъ къ великому князю.

Насильственныя дѣйствія бояръ.

Народъ обороняется.

Народъ сталъ хватать, что̀ попадало подъ руки, сталъ собирать каменья, которыя посыпались на насильниковъ. Эти послѣдніе, не привычные къ столь сильному граду въ свои спины, бѣжали и поспѣшили къ его царскому величеству въ Кремль. Такъ какъ народъ, гулявшій здѣсь по двору, такъ же принялъ ихъ, то они соскочили съ лошадей и еле-еле успѣли подняться вверхъ по большой лѣстницѣ, которая ведетъ въ покои его царскаго величества, такъ какъ обозленный народъ яростно тѣснилъ ихъ. Стрѣльцы, которые ежедневно сторожатъ на лѣстницѣ, до тѣхъ поръ удерживали народъ, пока тѣснимые не успѣли спастись въ покои великаго князя. Тогда простонародье стало бѣшенствовать, подобно безумнымъ, стало буйствовать, кричать и вопить, чтобы ему выдали Плещеева. Когда тутъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ вышелъ на верхнее крыльцо и началъ, именемъ его царскаго величества, увѣщевать народъ не требовать этой выдачи, то въ отвѣтъ раздались крики: «Да вѣдь и тебя намъ нужно!» Чтобы спастись отъ лично ему угрожавшей опасности, Морозовъ долженъ былъ вскорѣ уйти. Послѣ этого чернь напала на домъ Морозова, великолѣпный дворецъ, находившійся въ Кремлѣ, разбила ворота и двери; все изрубили, разбили и растащили, что̀ здѣсь нашлось,

Требуютъ выдачи Плещеева.

Грабятъ домъ Морозова.

а чего не могли унести съ собою, попортили. Одного изъ главныхъ слугъ Морозова, рѣшившагося противостать имъ, они выбросили изъ окна верхней комнаты, такъ что онъ остался лежать мертвымъ на мѣстѣ.

Они, правда, застали въ домѣ жену Морозова, но не нанесли ей никакого тѣлеснаго вреда, а сказали лишь: «Не будь ты сестра великой княгини, мы бы изрубили тебя на мелкіе куски». Они выказали такую ярость, что не пощадили даже святыхъ иконъ, обыкновенно весьма ими почитаемыхъ, сорвали съ нихъ ихъ украшенія изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней и затѣмъ выбросили на площадь.

Обираютъ иконы.

Между прочими драгоцѣнными вещами они разбили и карету, которая была снаружи и извнутри обита золотой парчею, съ подкладкою изъ дорогихъ соболей; ободки колесъ и все, что обыкновенно дѣлается изъ желѣза, у этой кареты было сдѣлано изъ толстаго серебра. Какъ говорятъ, его царское величество подарилъ ее ему въ качествѣ свадебной кареты.

Дорогая карета.

Нѣкоторые забрались въ погребъ къ бочкамъ меду и водки, напились здѣсь, а чего не могли выпить, разбили, послѣ чего они ходили выше колѣнъ въ напиткахъ. Когда огонь, зажженный во дворѣ, перекинулся въ погребъ, эти люди сгорѣли вмѣстѣ съ зданіемъ.

Послѣ этого грабежа чернь раздѣлилась на нѣсколько шаекъ: одни направились къ Плещееву, другіе къ Тихоновичу, иные къ государственному канцлеру, еще другіе къ инымъ людямъ, которые считались подозрительными,—даже къ писцамъ и вообще всѣмъ, хоть сколько-нибудь бывшимъ въ дружбѣ и общеніи съ ненавистными. Чернь разграбила ихъ дворы, растащивъ и испортивъ все, что̀ попало ей подъ руки. Они застали великолѣпные предметы и большія богатства особенно въ домѣ Морозова. Жемчугъ мѣряли они пригоршнями, продавая полную шапку за 30 талеровъ, а чернобурую лисицу и пару прекрасныхъ соболей за полталера. Золотую парчу они рѣзали ножами и распредѣляли между собой.

Грабятъ много домовъ.

Государственному канцлеру [думному дьяку] Назарію Ивановичу Чистому, (который, какъ уже сказано, забралъ торговлю солью въ собственныя свои руки и такъ высоко поднялъ налогъ на нее), за три дня до этого событія, когда онъ собрался домой, въ Кремль, повстрѣчалась бѣшеная корова, которая испугала его лошадь, такъ что онъ упалъ и полумертвый былъ унесенъ домой. Вслѣдствіе этого паденія онъ лежалъ въ постели. Когда онъ, однако, узналъ, что народъ разграбилъ домъ Моро-

Знаменательное паденіе Назарія.

Назарій прячется. зова, и легко могъ сообразить, что и его, какъ выдающагося притѣснителя, также посѣтятъ, онъ выбрался изъ кровати и полѣзъ на чердакъ подъ банные вѣники (связанные изъ березовой листвы въ родѣ метлы и сохраняемые въ теченіе года для пользованія ими въ банѣ, какъ указано выше). *Стр. 208.* Онъ велѣлъ также, чтобы его мальчикъ-прислужникъ положилъ поверхъ его нѣсколько кусковъ копченаго сала. Мальчикъ, однако, измѣнилъ своему господину, выдалъ его, забралъ съ собою нѣсколько сотъ дукатовъ и направился въ Нижній-Новгородъ. *Его убиваютъ.* Разсвирѣпѣвшій народъ бросился въ домъ, вытащилъ Назарія изъ-подъ вѣниковъ, потащилъ его за ноги внизъ по лѣстницѣ на дворъ, исколотилъ его палками до смерти, причемъ голова его была такъ разбита, что его больше нельзя было узнать. Затѣмъ его кинули въ навозную яму и набросали на него ящиковъ и сундуковъ. Несправедливость и злобный нравъ этого Назарія къ намъ лично пришлось намъ испытать еще въ наше время. Такъ какъ онъ очень много значилъ передъ знатнѣйшими при дворѣ и не получилъ тотчасъ же желательные ему отъ насъ подарки, то онъ сильно мѣшалъ намъ въ нашихъ предпріятіяхъ.

Нѣмцевъ призываютъ охранять царя. Въ то время какъ этотъ грабежъ происходилъ внѣ Кремля, Кремль былъ запертъ, а на другое утро, рано, а именно 7-го іюля, всѣмъ нѣмецкимъ офицерамъ подъ секретомъ было сказано, чтобы они собрались и хорошо вооруженные сразу явились въ Кремль: мятежная чернь все еще продолжала по временамъ подступать къ Кремлю. Когда, во исполненіе этого требованія, нѣмцы собрались въ большомъ числѣ, то приходилось удивляться, какъ мятежники охотно уступали имъ мѣсто, любезно говоря: «Вы, честные нѣмцы, не дѣлаете намъ зла, мы ваши друзья и во-вѣки не намѣрены совершить вамъ что-либо злое». Передъ тѣмъ они же раньше часто спорили съ нѣмцами и вели себя недружелюбно съ нимъ. Кремлевскія ворота были отперты, нѣмцевъ впустили, и они тотчасъ же для охраны Кремля размѣстились по разнымъ постамъ и стали на стражѣ. *Никита выходитъ къ народу.* Послѣ этого его царское величество выслалъ своего двоюроднаго брата великаго и хвальнаго вельможу Никиту Ивановича Романова, котораго народъ, ради доброй его славы, очень любилъ; онъ долженъ былъ попытаться смягчить обозленные умы и возстановить спокойствіе. *Обращается ласково къ народу.* Съ обнаженной головою онъ вышелъ къ народу (который отнесся къ нему весьма почтительно и называлъ его отцомъ своимъ) и трогательно изложилъ, какъ его царское величество горестно ощущаетъ всѣ эти бѣдствія, тѣмъ болѣе, что онъ вѣдь, въ предыдущій день, обѣщалъ народу прилежно раз-

смотрѣть всѣ эти дѣла и дать имъ милостивѣйшее удовлетвореніе. Онъ сообщилъ, что «его царское величество вновь велитъ всѣ эти свои слова повторить и обѣщаетъ все сдѣлать для народа и, несомнѣнно, сдержитъ свое обѣщаніе; поэтому они могли бы тѣмъ временемъ успокоиться и хранить миръ». На это народъ отвѣтилъ: «они очень довольны его царскимъ величествомъ, охотно готовы успокоиться, но не раньше какъ его царское величество выдастъ имъ виновниковъ этого бѣдствія, а именно боярина Бориса Ивановича Морозова, Левонтія Степановича Плещеева и Петра Тихоновича Траханіотова, чтобы эти лица, на глазахъ у народа, понесли заслуженную кару». Никита поблагодарилъ за отвѣтъ и за то, что они хранятъ вѣрность его царскому величеству, и высказался въ томъ смыслѣ, что можно согласиться съ ними и должнымъ образомъ доложить о требованіи ими этихъ трехъ лицъ. Онъ, однако, поклялся передъ ними, что Морозова и Петра Тихоновича уже нѣтъ въ Кремлѣ, а что они бѣжали. Тогда они просили, чтобы имъ въ такомъ случаѣ немедленно выдали Плещеева. Никита затѣмъ попрощался съ народомъ и поѣхалъ обратно въ Кремль.

Народъ требуетъ выдачи трехъ лицъ.

Изъ Кремля вскорѣ получено было извѣстіе, что его царское величество постановилъ немедленно выдать Плещеева и согласился на казнь его на глазахъ народа; если же найдутся и остальные, то пусть и съ ними будетъ поступлено по справедливости. Приказано было доставить на мѣсто палача для казни. Народъ, не мѣшкая, привелъ поспѣшно къ воротамъ палача съ его слугами, и они тотчасъ же были впущены. Тѣмъ временемъ народъ, посовѣщавшись, рѣшилъ, чтобы тѣ изъ него, у кого есть лошади, партіями ѣздили взадъ и впередъ по дорогамъ внѣ города, дабы разыскать и доставить въ городъ бѣглецовъ.

Плещеева убиваютъ.

Палачъ, пробывъ еле съ четверть часа въ Кремлѣ, вышелъ обратно, ведя Плещеева. Какъ только взбѣшенный народъ его завидѣлъ, онъ не въ силахъ былъ обождать привода его на лобное мѣсто, прочтенія ему приговора и имѣвшей уже затѣмъ послѣдовать казни. Напротивъ, на него набросились и подъ руками у палача Плещеевъ былъ дубинками забитъ до смерти; голова его была превращена въ кашу, такъ что мозгъ брызгалъ въ лицо [бьющимъ]. Одежду его разорвали, а голое тѣло протащили на площади въ грязи, приговаривая: «Такъ будетъ поступлено со всѣми подобнаго рода негодяями и ворами. Богъ да сохранитъ на многія лѣта во здравіи его царское величество!» Потомъ трупъ бросали въ грязь и наступали на него ногами. На-

конецъ, пришелъ монахъ и отрубилъ остатки головы отъ туловища, говоря: «это за то, что онъ однажды велѣлъ меня безвиннаго высѣчь». Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, согласно со словами Никиты, искалъ спасенія въ бѣгствѣ, но возчики и ямщики, которые заградили ему путь, увидѣли его и погнали его обратно; онъ, однако, къ большому своему счастью, спасся отъ нихъ, и по тайному ходу пробрался въ Кремль, такъ что никто изъ преслѣдователей не замѣтилъ его. Чтобы, однако, народъ видѣлъ, что его царское величество серьезно желаетъ захватить бѣглецовъ, царь послалъ князя Семена Пожарскаго съ нѣкоторыми людьми разыскивать Петра Тихоновича. Они и настигли его у Троицкаго монастыря, въ двѣнадцати миляхъ отъ Москвы, и 8-го іюля доставили назадъ въ Москву, но не въ Кремль, а на «Земскій дворъ». Какъ только это сообщено было его царскому величеству, тотчасъ же велѣно было палачу повести его на рыночную площадь; ему положили деревянное полѣно подъ голову, и отрубили топоромъ голову. Это обстоятельство вновь нѣсколько успокоило разгоряченные умы, всѣ благодарили его царское величество за доброе правосудіе, желали ему долгой жизни и требовали, чтобы съ Морозовымъ было поступлено такъ же. Такъ какъ, однако, народъ зналъ, что возчики видѣли Морозова на улицѣ, но что онъ отъ нихъ бѣжалъ, то, не зная его убѣжища, никто не могъ требовать столь же немедленной его выдачи. Поэтому выражено было только пожеланіе, чтобы ихъ требованіе было удовлетворено, какъ только онъ найдется. Имъ и это было обѣщано. Послѣ этого чернь нѣсколько успокоилась, и все стало тихо. Всѣ эти событія произошли незадолго до полудня. Вскорѣ послѣ полудня на Дмитровкѣ на Тверской и въ разныхъ иныхъ мѣстахъ возникли пожары. Свирѣпый народъ, болѣе ради воровства, чѣмъ ради спасанія, поспѣшилъ сюда. Пожаръ былъ весьма жестокаго свойства; онъ уничтожилъ все, что было внутри Бѣлой стѣны вплоть до рѣки Неглинной. Огонь перекинуло и черезъ Неглинный мостъ въ предѣлы Красной стѣны къ большому, лучшему изъ кабаковъ великаго князя, гдѣ продавалась водка. Вслѣдствіе этого весь городъ, въ томъ числѣ и самый Кремль, оказался въ сильнѣйшей опасности. Не было ни одного человѣка, который желалъ бы спасать или могъ бы спасать, такъ какъ всѣ были пьянымъ-пьяны отъ водки, которую они во время пожара добыли изъ погребовъ. Изъ бочекъ, которыя были слишкомъ велики для вытаскиванія, они выбивали донья, зачерпали водку шляпами, шапками, сапогами и рукавицами, и напились при этомъ такъ, что улицы почернѣли, покрывшись лежавшими здѣсь

Морозовъ бѣжитъ.

Тихоновича доставляютъ обратно.

Его казнятъ.

Возникаютъ сильные пожары.

пьяными, и многіе, потерявшіе совершенно сознаніе, задохлись отъ дыма и пара и сгорѣли.

Когда вечеромъ около 11 часовъ нѣсколько нѣмцевъ остановились, глядя съ большимъ страхомъ на стоявшій въ пламени великокняжескій кабакъ, они вдругъ увидѣли чернаго монаха, стонавшаго и кряхтѣвшаго, точно онъ тащилъ за собою большой грузъ. Когда онъ подошелъ поближе, онъ громко началъ кричать о помощи и сказалъ: «Этотъ страшный пожаръ прекратится не раньше, какъ будетъ брошено въ огонь и сгоритъ проклятое тѣло безбожнаго Плещеева». [Какъ оказалось], онъ и притащилъ сюда это тѣло. Такъ какъ [нѣмцы] ему не хотѣли оказать помощи, монахъ началъ свирѣпо ругаться. Тогда подошло нѣсколько взрослыхъ юношей, которые помогли донести трупъ до пожарища и бросить его въ огонь. И какъ только этотъ трупъ началъ сгорать, тотчасъ же стало уменьшаться и пламя, и погасло на глазахъ у наблюдавшихъ это удивительное зрѣлище [нѣмцевъ].

Черный монахъ.

Трупъ Плещеева брошенъ въ огонь.

Немного дней спустя его царское величество велѣлъ стрѣльцовъ, составлявшихъ отрядъ его тѣлохранителей, угостить водкою и медомъ. Точно также и тесть великаго князя, Илья Даниловичъ Милославскій, выказалъ любезность и доброту къ знатнѣйшимъ гражданамъ, сталъ ежедневно принимать нѣсколько человѣкъ изъ цеховъ, по очереди, къ себѣ во дворъ, обходился съ ними милостиво и старался пріобрѣсти расположеніе главарей. Патріархъ также приказалъ попамъ и священникамъ, чтобы они смягчали возмущенный нравъ народа. Его царское величество также замѣстилъ вакантныя должности и мѣста людьми умными, благочестивыми и пользовавшимися сочувствіемъ народа.

Когда теперь увидѣли, что эта печальная непогода и буря въ общемъ улеглись, и стали полагать, что все подготовлено для мирнаго, улучшеннаго положенія, его царское величество, въ день, когда происходитъ процессія, велѣлъ вызвать народъ, чтобы онъ явился передъ нимъ у помоста внѣ Кремля, причемъ присутствовалъ здѣсь и вельможа Никита Ивановичъ Романовъ. Его царское величество сталъ говорить рѣчь. Онъ выразилъ сильное сожалѣніе, что народъ, безъ его вѣдома, испыталъ такія бѣдствія со стороны безбожныхъ Плещеева и Тихоновича, нынѣ получившихъ заслуженное воздаяніе. Онъ сказалъ далѣе, что нынѣ на ихъ мѣста назначены благочестивые люди, которые будутъ кротко и справедливо управлять народомъ и соблюдать пользу и благосостояніе народныя, находясь подъ бдительнымъ его, царя, окомъ. Усиленный налогъ на соль, по его слову, долженъ также быть

Рѣчь царя къ народу.

отмѣненъ. Царь обѣщалъ также, при первой возможности, взять обратно выданныя имъ милостивыя граматы о монополіяхъ; кромѣ того, онъ обѣщалъ расширить и увеличить ихъ привилегіи и тѣ льготы, какія у нихъ были. Кромѣ того, онъ сказалъ, что во всемъ будетъ, какъ отецъ отечества, въ царской своей милости благосклоненъ народу. Послѣ этого народъ низко наклонилъ передъ нимъ свои головы и пожелалъ царю долгой жизни. Затѣмъ царь продолжалъ: «Что же касается личности Бориса Ивановича Морозова, котораго онъ также обѣщалъ имъ выдать, то онъ не желаетъ его вовсе обѣлять, но, тѣмъ не менѣе, не можетъ счесть его виновнымъ во всемъ рѣшительно. Онъ желалъ бы вѣрить, что народъ, у котораго онъ еще ни разу ничего особеннаго не просилъ, исполнитъ эту первую его просьбу и проститъ Морозову на этотъ разъ его проступки; самъ онъ готовъ быть свидѣтелемъ, что Морозовъ отнынѣ выкажетъ имъ только вѣрность, любовь и все доброе. Если же народу угодно, чтобы Морозовъ болѣе не занималъ должности государственнаго совѣтника, то онъ сложитъ ее съ него, лишь бы ему не пришлось выдаватъ головою того, кто, какъ второй отецъ, его воспиталъ и возрастилъ. Онъ не могъ бы перенести этого, и надѣется, что они не будутъ, какъ до сихъ поръ, требовать отъ него такого поступка». Когда слезы, во свидѣтельство сильной любви къ Морозову, показались въ глазахъ его царскаго величества, и какъ бы заключили его рѣчь, народъ посовѣщался и началъ затѣмъ весьма громко кричать: «Богъ да сохранитъ на многія лѣта во здравіи его царское величество. Да будетъ то, чего требуютъ Богъ да его царское величество!» Послѣ этого его царское величество столь же сильно повеселѣлъ, какъ онъ раньше печалился, когда народъ требовалъ головы Морозова. Онъ благодарилъ народъ за это рѣшеніе, увѣщевалъ его быть спокойнымъ и послушнымъ и сказалъ, что самъ онъ всегда будетъ вѣренъ тому, что онъ теперь обѣщалъ. Послѣ этого его царское величество, со своими провожатыми и съ лицами, шедшими въ процессіи, вновь мирно вернулся въ Кремль.

Морозову даютъ свободу.

Не много спустя его царское величество отправился въ монастырь Св. Троицы, и Морозовъ поѣхалъ съ нимъ, очень низко и униженно кланяясь народу по обѣ стороны лошади. Послѣ этого, кто бы ни подавалъ прошенія или просьбы его царскому величеству черезъ Морозова, никому не было отказа, если хоть что-нибудь могло быть сдѣлано. Достовѣрныя свидѣтельства также доказываютъ, что онъ сталъ теперь великимъ покровителемъ и благодѣтелемъ нѣмцевъ такъ же, какъ и русскихъ.

Онъ выказываетъ покорность.

Такой опасности въ то время подверглось счастіе какъ молодого правителя, такъ и подданныхъ его въ виду того, что несправедливымъ и своекорыстнымъ чиновникамъ дана была воля. И вотъ, слѣдовательно, каковъ, при всемъ рабствѣ, нравъ русскихъ, когда ихъ сильно притѣсняютъ; впрочемъ, объ этомъ было сказано и выше.

Какъ обѣщано мною на страницѣ 202-ой, я хочу привести еще примѣръ мятежа, бывшаго во Псковѣ. Въ этомъ примѣрѣ можно усмотрѣть подобныя же дѣйствія своекорыстныхъ чиновниковъ и разсвирѣпѣвшаго простонародья.

XLIX.

(Книга III, глава 17).

О мятежѣ, возникшемъ во Псковѣ.

Въ 1649 г. его царское величество отправилъ къ ея величеству королевѣ шведской Христинѣ видное посольство, во главѣ котораго находился окольничій Борисъ Ивановичъ Пушкинъ. Между другими важными дѣлами, задачею посольства было покончить съ большимъ споромъ изъ-за подданныхъ, бѣжавшихъ черезъ границы по обѣ стороны, ликвидировавъ претензіи и обязательства изъ-за этого дѣла, по которому въ теченіе 32-хъ лѣтъ не было рѣшенія. По этому поводу состоялось соглашеніе, что если кто перебѣжалъ въ теченіе первыхъ 30 лѣтъ (многіе изъ нихъ уже успѣли помереть, а другіе разсѣялись повсюду), то о нихъ съ обѣихъ сторонъ нельзя заявлять никакихъ претензій; что же касается перебѣжчиковъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, то ихъ слѣдуетъ выдать. Такъ какъ на русской сторонѣ гораздо больше оказалось шведовъ, чѣмъ русскихъ на шведской сторонѣ, то постановлено было, чтобы его царское величество заплатилъ за это сумму въ 190,000 рублей, т.-е. 380,000 рейхсталеровъ, частью наличными деньгами, частью рожью; уплата должна была произойти слѣдующею весною въ 1650 г. Въ назначенное время королевскій шведскій комиссаръ г. Іоганнъ де-Родесъ и прибылъ для этой цѣли въ Москву и получилъ наличными деньгами въ копѣйкахъ и дукатахъ 150,000 рублей. Остальные 40,000 рублей слѣдовало додать рожью. Для этой цѣли русскому купцу во Псковѣ Ѳедору Омельянову отъ его царскаго величества было поручено купить это количество ржи. Этотъ послѣдній, какъ грубый, своекорыстный человѣкъ, распространилъ

смыслъ даннаго ему порученія дальше, чѣмъ полагалось, и не позволилъ никому изъ народа купить хотя бы четверикъ ржи, за исключеніемъ развѣ того, что онъ имъ уступалъ [какъ бы] изъ дружбы и по достаточно дорогой цѣнѣ. При этомъ онъ указывалъ, что все рѣшительно, для уплаты долга его царскаго величества, должно быть послано коронѣ шведской. Это обстоятельство сдѣлало для псковской общины имя шведовъ ненавистнымъ, народъ сталъ устраивать частыя совѣщанія въ кабакахъ, обвиняя бывшаго посла Пушкина въ измѣнѣ, за то, что онъ такую уйму денегъ посулилъ и обѣщалъ коронѣ шведской. Нѣкоторые хотѣли заподозрить и Морозова въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ они еще не забыли того, что два года тому назадъ изъ-за него произошло въ Москвѣ. Они предполагали, что все это произошло безъ вѣдома его царскаго величества. Они сообщили обо всемъ этомъ и жителямъ Великаго Новгорода и стали подстрекать наиболѣе видныхъ изъ нихъ къ мятежу, такъ что у воеводы въ этомъ городѣ было много хлопотъ съ тѣмъ, чтобы удержать такихъ людей отъ этого ихъ злого умысла. Они рѣшили также не пропускать денегъ, когда ихъ повезутъ изъ страны. Они никакъ не хотѣли допустить, чтобы закупалась рожь для уплаты шведамъ, въ виду того, что эта закупка вызвала бы у нихъ вздорожаніе хлѣба. Поэтому ими были въ качествѣ ходоковъ посланы въ Москву три лица: купецъ, казакъ и стрѣлецъ; они должны были узнать, извѣстно ли его царскому величеству о происходящемъ. Въ то же время они, сообразно съ рѣшеніемъ своимъ, направились къ дому Омельянова, насильно ворвались къ нему и, такъ какъ самъ онъ бѣжалъ, они схватили его жену и стали ее пытать, чтобы она сказала, гдѣ ея мужъ хранитъ деньги. Они все здѣсь забрали и ограбили домъ, и самъ Омельяновъ, безъ сомнѣнія, если бы они его схватили, не вышелъ бы живой изъ ихъ рукъ. Самого воеводу, который хотѣлъ показать по отношенію къ нимъ свой авторитетъ и имѣющуюся у него власть, они выгнали изъ города, потомъ созвали всѣхъ жившихъ вокругъ Пскова дворянъ въ городъ и заставили ихъ подъ присягою дѣйствовать съ ними заодно. Когда три почетныхъ ходока псковскихъ прибыли въ Новгородъ, черезъ который имъ нужно было идти, воевода велѣлъ ихъ заключить въ ножныя кандалы и въ такомъ видѣ прислалъ ихъ къ великому князю. Бѣжавшій Ѳедоръ Омельяновъ, равно какъ и воевода, принесли въ Москву извѣстіе о случившемся. Вслѣдъ затѣмъ пришелъ еще гонецъ съ сообщеніемъ, что они отняли у выдающагося шведскаго купца изъ Нарвы, по имени Левина [Логина] Нумменса,

Происходятъ совѣщанія.

Грабежъ дома Омельянова.

Опасное положеніе Левина Нумменса.

нѣсколько тысячъ рейхсталеровъ, били его, качали, посадили на нѣсколько поставленныхъ другъ на друга бродильныхъ чановъ, ругались надъ нимъ и совершали съ нимъ всякія выходки. Вслѣдствіе этого его царское величество послалъ сюда знатнаго господина и боярина для разслѣдованія дѣла и успокоенія народа. Они, однако, сначала не хотѣли впустить его, заперли городскія ворота и избрали изъ своей среды себѣ начальника. Наконецъ, они все же впустили воеводу и боярина, но воеводу немедленно посадили въ тюрьму, а на боярина, который сталъ имъ говорить суровыя рѣчи отъ имени его царскаго величества, напали и ужаснѣйшимъ образомъ избили его. Когда онъ захотѣлъ спрятаться въ близлежащій монастырь, они выбили двери, вытащили его и такъ обошлись съ нимъ, что долгое время можно было сомнѣваться, останется ли онъ живъ.

Чтобы, однако, тѣмъ временемъ, не оказалось недостачи въ уплатѣ долга, по которому было соглашеніе, означенные 40,000 рублей были выплачены также наличными деньгами, а не рожью. Шведскаго комиссара съ деньгами, подъ сильнымъ конвоемъ изъ стрѣльцовъ, доставили, черезъ русскую границу, на шведскую почву.

Противъ возставшихъ псковичей его царское величество принялъ строгія мѣры, назначилъ князя [Ивана] Никитовича Хованскаго полководцемъ, далъ ему большое число конныхъ дѣтей боярскихъ въ помощь и отослалъ ихъ. Къ нимъ присоединились еще два полковника: Мунга-Кормихель и Гамильтонъ, стоявшіе у Онеги близъ шведской границы, съ 4,000 пѣхотинцевъ. Всѣ они должны были въ тишинѣ собраться въ путь ко Пскову. Когда псковичи увидѣли, что дѣло серьезно, они пали духомъ; сначала они пробовали сопротивляться, но затѣмъ сдались на милость его царскаго величества, признали свою вину и просили снисхожденія. Зачинщиковъ частью казнили, частью сослали въ Сибирь. Такъ усмиренъ былъ и этотъ опасный мятежъ.

Псковичей усмиряютъ.

L.

(Книга III, глава 18).

О бояраxъ или государственныxъ совѣтникаxъ, окольничиxъ и другиxъ засѣдающиxъ въ судаxъ должностныxъ лицаxъ.

Въ настоящее время управленіе и гражданскій строй въ Россіи поставлены нѣсколько лучше, и въ самыхъ судахъ и въ правосудіи наблюдаются иныя формы, чѣмъ раньше. Хотя Ми-

лославскій и Морозовъ и значатъ много, а патріархъ вводитъ одно новшество за другимъ, тѣмъ не менѣе и другіе вельможи въ опредѣленныхъ государственныхъ и частныхъ дѣлахъ имѣютъ опредѣленные предметы для завѣдыванія, сообразно своему состоянію и своей должности.

Въ настоящее время при дворѣ обыкновенно имѣется 30 бояръ или государственныхъ совѣтниковъ, изрѣдка человѣка на два больше или меньше. Во времена Шуйскаго, говорятъ, было 70 бояръ. Съ годъ назадъ, когда должна была начаться война подъ Смоленскомъ, въ Москвѣ насчитывалось 29 бояръ, имена которыхъ слѣдующія:

Имена бояръ.

1. Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ.
2. Бояринъ [[Борисъ]] Никита Ивановичъ Романовъ.
3. Бояринъ Иванъ Васильевичъ Морозовъ.
4. Бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ.
5. Бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій.
6. Бояринъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкаскій.
7. Бояринъ князь Алексѣй Никитовичъ Трубецкой.
8. Бояринъ Глѣбъ Ивановичъ Морозовъ.
9. Бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ.
10. Бояринъ князь Борисъ Александровичъ Репнинъ.
11. Бояринъ Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ.
12. Бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ.
13. Бояринъ князь Василій Семеновичъ Прозоровскій.
14. Бояринъ князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ.
15. Бояринъ князь Григорій Семеновичъ Куракинъ.
16. Бояринъ князь Юрій Петровичъ Буйносовъ-Ростовскій.
17. Бояринъ Иванъ Ивановичъ Салтыковъ.
18. Бояринъ Григорій Васильевичъ Пушкинъ.
19. Бояринъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій.
20. Бояринъ Лаврентій Димитріевичъ Салтыковъ.
21. Бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой.
22. Бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій.
23. Бояринъ Василій Васильевичъ Бутурлинъ.
24. Бояринъ князь Михаилъ Петровичъ Пронскій.
25. Бояринъ князь Иванъ Петровичъ Пронскій.
26. Бояринъ князь Иванъ Никитовичъ Хованскій.
27. Бояринъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ.
28. Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ.
29. Бояринъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ.

За ними слѣдуютъ окольничіе, изъ среды которыхъ избираютъ бояръ.

1. Окольничій князь Андрей Өедоровичъ Литвиновъ-Масальской.
2. Ок. князь Иванъ Өедоровичъ Хилковъ.
3. Ок. Никифоръ Сергѣевичъ Собакинъ.
4. Ок. князь Димитрій Петровичъ Львовъ.
5. Ок. князь Василій Петровичъ Львовъ.
6. Ок. князь Семенъ Петровичъ Львовъ.
7. Ок. князь Иванъ Ивановичъ Ромодановскій.
8. Ок. князь Василій Григорьевичъ Ромодановскій.
9. Ок. Степанъ Гавриловичъ Пушкинъ.
10. Ок. князь Семенъ Романовичъ Пожарскій.
11. Ок. Богданъ Матвѣевичъ Хитрово.
12. Ок. Петръ Петровичъ Головинъ.
13. Ок. Иванъ Андреевичъ Милославскій.
14. Ок. князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій.
15. Ок. князь Димитрій Алексѣевичъ Долгорукой.
16. Ок. князь Петръ Алексѣевичъ Долгорукой.
17. Ок. Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ.
18. Ок. Иванъ Өедоровичъ Большой Стрѣшневъ.
19. Ок. Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ.
20. Ок. Прокофій Өедоровичъ Соковнинъ.
21. Ок. князь Борисъ Ивановичъ Троекуровъ.
22. Ок. Алексѣй Димитріевичъ Колычевъ.
23. Ок. Василій Александровичъ Чоглоковъ.
24. Ок. Иванъ Васильевичъ Олферьевъ.

За ними слѣдуютъ шесть «думныхъ дворянъ», которыхъ они называютъ сынами [дѣтьми] боярскими; это какъ бы ихъ гофъ-юнкеры:

1. Иванъ Аөанасьевичъ Гавреневъ.
2. Өедоръ Кузьмичъ Елизаровъ.
3. Богданъ Өедоровичъ Нарбековъ.
4. Жданъ Васильевичъ Кондыревъ.
5. Василій Өедоровичъ Яновъ.
6. Аөанасій Осиповичъ Прончищевъ.

Думныхъ дьяковъ имѣется трое:

1. Алмазъ Ивановичъ.
2. Семенъ Ивановичъ Заборовскій.
3. Ларіонъ (Ларивонъ) Димитріевичъ Прончищевъ.

Вотъ имена тѣхъ лицъ, которыя въ настоящее время знатнѣе всѣхъ при царскомъ дворѣ. Они обслуживаютъ и вершатъ всѣ придворныя, государственныя и частныя дѣла въ высшемъ

и низшемъ, тайномъ и обыкновенномъ совѣтахъ, а также и въ канцеляріяхъ [приказахъ].

Порядокъ должностей.

Порядокъ, въ которомъ они при дворѣ размѣщаютъ между собою должности и достоинства, опредѣляется слѣдующими правилами. Раньше высшимъ и ближайшимъ къ его царскому величеству мѣстомъ считалась должность «государственнаго конюшаго». Со времени великаго князя Шуйскаго до сихъ поръ эта должность не замѣщалась.

Затѣмъ слѣдуетъ должность «дворецкаго»—гофмейстера, которая теперь высшая изъ всѣхъ; дворецкій вѣдаетъ все, касающееся дворцоваго вѣдомства и придворнаго быта, а въ особенности все, что относится къ царскому столу. Третье мѣсто занимаетъ «оружничій», имѣющій подъ своей властью все императорское [царское] личное оружіе, и холодное и огнестрѣльное, а также лошадей, драгоцѣнности и вещи для украшеній и процессій. Затѣмъ слѣдуютъ «бояре», «окольничіе», «думные дьяки» или государственные канцлеры, «постельничій», устраивающій императорскую [царскую] постель, «комнатный съ ключемъ», царскій камергеръ, «кравчій» или форшнейдеръ и мундшенкъ, «стольники», прислуживающіе за столомъ дворяне, «стряпчіе», т. е. ѣздовые гофъюнкеры, обязанные вездѣ выѣзжать съ его царскимъ величествомъ, «дворяне» или простые гофъ-юнкеры, «жильцы» или пажи, «дьяки», т. е. секретари канцелярій, обыкновенно у нихъ называемые подканцлерами, и «подьячіе» или писцы въ приказахъ или канцеляріяхъ.

Большая часть государственныхъ совѣтниковъ и другихъ придворныхъ чиновниковъ—князья и богатые господа, имѣющіе собственныя великолѣпныя земли и людей; они, однако, не имѣютъ права лично управлять этими землями, но должны поручать управленіе своимъ гофмейстерамъ, служащимъ и управляющимъ. Сами они обязаны жить въ Москвѣ, ежедневно являться ко двору, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣла у нихъ никакого нѣтъ, все-таки бить челомъ передъ его царскимъ величествомъ. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы они, живя въ помѣстьяхъ у своихъ подданныхъ, не предприняли заговора противъ его царскаго величества.

Почему вельможи не имѣютъ права лично управлять имѣніями.

Соблюдаютъ большую пышность.

Они живутъ въ великолѣпныхъ домахъ и дворцахъ, соблюдаютъ большую пышность, являются на улицахъ въ прекрасномъ убранствѣ, одѣтые въ весьма дорогія одежды; при этомъ рядомъ съ лошадьми и санями ихъ бѣгутъ многіе слуги и рабы. Когда они ѣдутъ верхомъ, у луки сѣдла у нихъ имѣются небольшія литавры, нѣсколько больше $^1/_4$ локтя; они бьютъ въ

Небольшія литавры у сѣдла.

эти литавры рукояткою кнута, чтобы народъ, толпящійся на улицахъ, а въ особенности на рыночной площади и передъ Кремлемъ, разступался передъ ними.

Князья же, живущіе въ деревняхъ и иногда не имѣющіе средствъ, чтобы жить сообразно своему состоянію, ведутъ гораздо худшій образъ жизни, такъ что часто, не зная ихъ по другому чему-либо, трудно обнаружить ихъ среди крестьянъ. Такъ случилось, напримѣръ, во время перваго нашего путешествія, когда въ Будовѣ нашъ переводчикъ сталъ распрашивать о живущемъ тамъ князѣ и обратился со своимъ вопросомъ къ самому князю, смотрѣвшему сквозь оконное отверстіе въ курной избѣ: переводчикъ не разглядѣлъ, что князь и мужикъ одновременно глядѣли изъ того же отверстія. Когда князь далъ понять, что ему эта ошибка непріятна, переводчику пришлось просить прощенія за то, что онъ князя принялъ за мужика. *Князья въ деревняхъ значатъ немного.* *Стр. 26.*

Говорятъ, что русскіе князья ведутъ свое происхожденіе отъ Володимера, о чемъ подробнѣе разсказано у Кромера во II-омъ томѣ его «Polonicae res», въ книгѣ 3-ей. *Стр. 439.*

Когда перечисленнымъ боярамъ и государственнымъ совѣтникамъ приходится обсуждать какія-либо государственныя и иныя важныя дѣла, то эти собранія и совѣщанія свои они имѣютъ послѣ полуночи, сходясь около 1 или 2 ч. въ Кремль и возвращаясь къ полудню, часамъ къ 9 или 10.

Никакихъ рѣшеній, мнѣній, приказаній, договоровъ, назначеній и т. п., издаваемыхъ отъ царскаго имени, его царское величество не подписываетъ лично—какъ о томъ уже сказано выше. Все подписывается боярами и государственнымъ канцлеромъ и [лишь] скрѣпляется царскою печатью. Если же великій князь заключаетъ миръ или договоръ съ сосѣдними государями и долженъ подтвердить свое мнѣніе, то это дѣлается помощью присяги и цѣлованія креста. *Царь ничего не подписываетъ.* *Стр. 251.*

LI.

(Книга III, глава 19).

О различныхъ канцеляріяхъ въ Москвѣ и о ихъ дѣлопроизводствѣ.

Государственные совѣтники и бояре не только привлекаются ко двору для государственныхъ дѣлъ, но служатъ и въ канцеляріяхъ для гражданскихъ дѣлъ и судопроизводства. Такихъ канцелярій, которыя русскіе называютъ «приказами», въ Москвѣ

насчитывается 33. Я ихъ приведу здѣсь, называя одновременно и лицъ, нынѣ ими завѣдывающихъ.

1. «Посольской приказъ», гдѣ разсматриваются государственныя дѣла, дѣла всѣхъ пословъ и гонцовъ, а также дѣла нѣмецкихъ купцовъ. Здѣсь «думнымъ дьякомъ» или канцлеромъ Алмазъ Ивановъ.

2. «Розрядный приказъ», гдѣ регистрируются имена и роды бояръ и дворянъ и записывается прибыль и ущербъ, понесенные въ военное время. Завѣдывающимъ имъ является «думный дьякъ» Иванъ Аѳанасьевичъ Гавреневъ.

3. «Помѣстной приказъ», гдѣ записываются наслѣдственныя и земельныя имѣнія, разбираются тяжбы изъ-за нихъ и уплачиваются царскія пошлины при продажѣ. Завѣдывающій—Ѳедоръ Кузьмичъ Елизаровъ.

4. «Казанской приказъ» и 5. «Сибирской приказъ». Въ обоихъ слушаются и вѣдаются дѣла, касающіяся царствъ и земель Казани и Сибири. Здѣсь же вѣдаются доходы и расходы на соболя и другіе мѣха. Завѣдывающій — князь Алексѣй Никит[ов]ичъ Трубецкой.

6. «Дворцовой приказъ», гдѣ вѣдаются всѣ дѣла, касающіяся двора и его содержанія. Завѣдывающій—бояринъ [Василій] Васильевичъ Бутурлинъ. [7. . . . .]

8. «Иноземской приказъ», которому подсудны всѣ иностранные военачальники и полковники, и гдѣ имъ въ мирное время отдаются приказанія. Здѣсь также распоряжается тесть царскій—Илья Даниловичъ Милославскій.

Жалованье солдатъ въ мирное время.

9. «Рейтарской приказъ», которому подсудна и отъ котораго получаетъ приказанія и жалованье вся изъ туземцевъ навербованная конница [рейтары]. Эти рейтары всѣ изъ бѣднаго дворянства и имѣютъ свои ленныя имѣнія. Въ годъ они получаютъ 30 рублей или 60 рейхсталеровъ. И этотъ приказъ подчиненъ Ильѣ.

10. «Большой приходъ», гдѣ всѣ сборщики пошлинъ, со всей Россіи, должны ежегодно отдавать свой отчетъ. Изъ этого «приказа» наблюдаютъ за тѣмъ, правиленъ ли вѣсъ хлѣба и соотвѣтствуетъ ли онъ цѣнѣ пшеницы и ржи; точно также, всегда ли дается въ винныхъ погребахъ съ продажею разныхъ иностранныхъ винъ вѣрная мѣра по дешевой цѣнѣ. Изъ этого же приказа всѣ иностранцы, находящіеся на дворцовой и военной службѣ его царскаго величества, аккуратно получаютъ свое ежемѣсячное жалованье, равно какъ и жалованье годовое, уплачиваемое около Рождества. Здѣсь начальникомъ бояринъ князь Михаилъ Петровичъ Пронскій.

11. «Судной володимирской приказъ», которому подсудны всѣ бояре и московитскіе вельможи. Кто желаетъ обвинять ихъ, долженъ заявиться сюда; здѣсь производится и судъ, если дѣло частнаго характера. Бояринъ князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ завѣдываетъ этимъ приказомъ.

12. «Судной московской приказъ», которому подсудны стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы, т. е. дворяне, прислуживающіе за столомъ или въ дорогѣ, простые дворяне и пажи. Ихъ судья — тотъ же бояринъ.

13. «Разбойной приказъ», гдѣ производятся заявленія, слѣдствія, пытка, и, по качеству дѣла, говорятся и приговоры по уличнымъ разбоямъ, убійствамъ, кражамъ и насиліямъ въ городѣ и внѣ его. Высшее лицо въ этомъ приказѣ — бояринъ князь Борисъ Александровичъ Репнинъ.

14. «Пушкарской приказъ», которому подвѣдомственны всѣ, кому приходится заниматься орудійнымъ и колокольнымъ литьемъ и вообще военными вооруженіями. Таковы литейщики, кузнецы, точильщики сабель, пушкари, мушкетеры, мастера ружейные и пистолетные; не только судъ и расправа, но и выдача жалованья имъ производятся здѣсь. Начальникомъ здѣсь, на мѣсто безбожнаго Петра Тихоновича, поставленъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой.

15. «Ямской приказъ», которому подвѣдомственны всѣ царскіе гонцы, «подводы» и возчики, которыхъ зовутъ «ямщиками»; они здѣсь получаютъ плату. Здѣсь же дѣлаются назначенія и выплаты тѣмъ, кто путешествуютъ по дѣламъ его царскаго величества, смотря по содержанію милостиво дарованныхъ имъ паспортныхъ листовъ. Здѣсь начальникомъ окольничій Иванъ Андреевичъ Милославскій.

16. «Челобитной приказъ», гдѣ можно принимать жалобы и призывать къ суду всѣхъ дьяковъ, секретарей, писцовъ, старостъ и придверниковъ въ приказахъ. Начальникъ его — окольничій Петръ Петровичъ Головинъ.

17. «Земской дворъ» или «Земской приказъ», гдѣ всѣ горожане города Москвы и простонародье имѣютъ право жаловаться другъ на друга въ случаѣ несправедливостей. Также точно въ этомъ приказѣ должны производиться измѣреніе, уплата пошлинъ и запись всѣхъ домовъ и площадей, какіе въ Москвѣ покупаются и продаются. Ежегодно сюда вносятся и уплачиваются налоги на дома, мостовыя и воротныя деньги и то, что должно идти на содержаніе валовъ городскихъ. Начальникъ его — окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово.

18. «Холопей приказъ», гдѣ составляются особыя грамоты, у нихъ называемыя «кабалами» о тѣхъ людяхъ, которые идутъ въ крѣпостную зависимость къ кому-либо другому. Завѣдывающій имъ — Степанъ Ивановичъ Исленевъ.

19. «Большой казны приказъ», который завѣдываетъ золотою и серебряною парчою, бархатомъ и шелкомъ, сукномъ и разными матеріями, необходимыми для дворцоваго убранства или же для подарковъ, въ видѣ привѣта отъ его царскаго величества вновь назначеннымъ чиновникамъ или, въ видѣ милости, другимъ лицамъ.

Большое казначейство.

Подъ этимъ «приказомъ», расположенныхъ въ Кремлѣ и называющимся обыкновенно по-нѣмецки: «der grosse Schatzhof», находятся многіе глубокіе и большіе погреба и каменные своды, гдѣ складываются и хранятся казна государства и всѣ доходы городовъ, пошлины и ежегодные остатки отъ расходовъ въ «приказахъ». Все это находится подъ рукою и надзоромъ царскаго тестя Ильи Даниловича Милославскаго.

20. «Казенной приказъ», которому подсудны всѣ «гости» и наиболѣе выдающіеся русскіе купцы и торговцы. И здѣсь тотъ же Илья начальникомъ.

21. «Монастырскій приказъ», гдѣ вѣдаются монахи, попы и другіе клирики и должны судиться въ дѣлахъ свѣтскихъ. Здѣсь начальникомъ — окольничій князь Иванъ Васильевичъ Хилковъ.

22. «Каменной приказъ», канцелярія плотниковъ, каменщиковъ и мастеровъ строительныхъ работъ, гдѣ всѣ эти люди получаютъ судъ и расправу и вознагражденіе свое. Это—большой дворъ, въ которомъ всегда имѣется большой запасъ всякихъ необходимыхъ для царскаго строительства матеріаловъ, какъ-то: дерева, камня, извести, желѣза и т. п. Господиномъ и наблюдателемъ здѣсь является дворянинъ Яковъ Ивановичъ Загряжской.

23. «Новгородской четверти» [приказъ], куда вносятся и гдѣ исчисляются всѣ доходы по Великому Новгороду и Нижнему Новгороду. Здѣсь же разсматриваются и рѣшаются затрудненія этихъ городовъ, а иногда и тяжбы ихъ горожанъ. Хотя, какъ выше сказано, отъ провинціальнаго воеводскаго суда никакія аппелляціи ко двору не допускаются, тѣмъ не менѣе [жители] пускаются на такія уловки: если, начавъ дѣло въ мѣстныхъ канцеляріяхъ, они замѣчаютъ, что «собака начинаетъ хромать», они не даютъ дѣлу дойти до рѣшенія, но направляются съ нимъ въ Москву въ приказы, которые ихъ касаются.

Стр. 226.

Начальникъ этого приказа—думный дьякъ или государственный канцлеръ Алмазъ Ивановичъ.

24. «Галицко-Володимирскій приказъ», гдѣ исчисляются доходы провинцій Галича и Володимира, и гдѣ выслушиваются нужды и жалобы этихъ провинцій. Начальникъ этого приказа — окольничій Петръ Петровичъ Головинъ.

25. «Новая четверть», куда всѣ кабаки, трактиры или шинки изъ всѣхъ провинцій доставляютъ свои доходы и сдаютъ отчетность. Отсюда же «кружечные дворы» или трактиры вновь снабжаются водкою и другими напитками. Также, если кто изъ другихъ русскихъ оказывается уличеннымъ въ томъ, что онъ тайно продавалъ водку или табакъ, то его здѣсь обвиняютъ и наказываютъ. Вѣдь, какъ выше сказано, русскимъ подъ страхомъ суроваго наказанія воспрещено продавать или «пить» табакъ. Пойманные нарушители этого постановленія, смотря по положенію своему, или наказываются высокою денежною пенею, или кнутомъ и ссылаются въ Сибирь. Нѣмцамъ же разрѣшается свободно курить табакъ и продавать его другъ другу. Начальствуетъ въ этомъ приказѣ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово.

Стр. 194. Воспрещено продавать и «пить» табакъ.

26. «Костромской приказъ», куда относится завѣдываніе доходами и судебными дѣлами Костромы, Ярославля и примыкающихъ къ нимъ городовъ. Въ этомъ приказѣ засѣдаетъ бояринъ и оберъ-цейхмейстеръ Григорій Гавриловичъ Пушкинъ.

27. «Устюжской приказъ», куда относятся поступленія и судебныя дѣла по Устюгу и Холмогорамъ. Здѣсь начальникомъ окольничій князь Димитрій Васильевичъ Львовъ.

28. «Золотой и алмазной приказъ», гдѣ приготовляются, складываются и оплачиваются драгоцѣнные камни, драгоцѣнности и иныя золотыя и серебряныя издѣлія, приготовляемыя нѣмецкими золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерами; здѣсь же и подсудны эти мастера. Патронъ ихъ тотъ же Григорій Пушкинъ.

29. «Ружейной приказъ», гдѣ хранится все императорское [царское] вооруженіе и оружіе для военныхъ цѣлей, а также разныя украшенія для процессій и торжественныхъ случаевъ. Здѣсь же находится цейхгаузъ или оружейная палата. Тѣ, кто имѣютъ дѣло съ подобными предметами, подсудны этому приказу. И имъ завѣдуетъ тотъ же Пушкинъ.

30. «Аптекарской приказъ», гдѣ находится царская аптека. Лейбъ-медики, цирюльники, аптекари, дистилляторы и всѣ, кто къ этимъ дѣламъ прикосновенны, должны ежедневно являться сюда и спрашивать, не требуется ли что-либо по ихъ части.

При этомъ они должны бить челомъ патрону, стоящему во главѣ этого учрежденія,—Ильѣ Даниловичу Милославскому.

31. «Таможенной приказъ», т. е. таможня, гдѣ засѣдаетъ одинъ изъ «гостей» съ нѣсколькими помощниками для пріема пошлинъ со всѣхъ товаровъ. Въ концѣ года онъ отдаетъ отчетъ другому приказу—Большому приходу, и тогда другой «гость» назначается на его мѣсто.

32. «Сбору десятой деньги приказъ», куда поступаетъ десятая деньга, которую согласились отпускать на войну. Этотъ приказъ теперь подчиненъ боярину Михаилу Петровичу Пронскому и за нимъ окольничему Ивану Васильевичу Олферьеву.

33. «Сыскной приказъ», гдѣ заявляются и рѣшаются всѣ непривычныя новыя дѣла, не подвѣдомственныя другимъ приказамъ. Здѣсь начальникомъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой.

До сихъ поръ приводились приказы отъ канцеляріи его царскаго величества [и указывалось], что въ нихъ разсматривается и кто стоитъ во главѣ ихъ. Помимо ихъ имѣются еще три особыхъ приказа у патріарха, а именно:

Патріаршьи канцеляріи.

1. «Розрядъ», гдѣ регистрируются и записываются духовныя владѣнія; здѣсь же находятся и архивы ихъ.

2. «Судный» [приказъ], гдѣ патріархъ производитъ свой духовный судъ и расправу.

3. «Казенной» [приказъ], гдѣ складываются и хранятся патріаршьи казна и ежегодные доходы.

Много писцовъ.

Во всѣхъ приказахъ царя и патріарха находится очень много писцовъ, пишущихъ красивымъ почеркомъ и довольно хорошо обученныхъ, по ихъ способу, счетному искусству. Вмѣсто марокъ для счета употребляютъ они косточки отъ сливъ, которыя каждый имѣетъ при себѣ въ небольшомъ кошелькѣ.

Принятіе подарковъ.

Брать подарки, правда, воспрещено всѣмъ подъ угрозою наказанія кнутомъ, но втайнѣ это все-таки происходитъ; особенно писцы охотно берутъ «посулы», благодаря которымъ часто можно узнавать и о самыхъ секретныхъ дѣлахъ, находящихся въ ихъ рукахъ. Иногда они даже сами идутъ къ тѣмъ, кого данное обстоятельство касается, и предлагаютъ имъ за нѣкоторое количество

Обманъ со стороны писцовъ.

денегъ открыть дѣла. При этомъ часто они допускаютъ грубый обманъ, сообщая вымышленное вмѣсто истиннаго, частью изъ боязни опасности для себя въ случаѣ, если дѣло выйдетъ наружу, частью же вслѣдствіе незнанія дѣла. Такъ было, напримѣръ, и въ мое время, когда я въ 1643 г. въ Москвѣ принялъ царскую грамоту на имя его княжеской свѣтлости, моего милостивѣйшаго

государя; въ это время знатный агентъ, находившійся тамъ, сильно желалъ узнать, каково содержаніе письма. Ему, какъ бы подъ строжайшимъ секретомъ, передана была копія, которую и мнѣ разрѣшено было списать, такъ какъ я былъ добрымъ другомъ г. агента. Когда, однако, подлинная грамота на должномъ мѣстѣ была переведена, то въ ней многое оказалось изложеннымъ въ значительно иной формѣ, чѣмъ гласила переданная по секрету копія.

Акты, процессы, протоколы и другія канцелярскія вещи они записываютъ не въ книги, а на длинныхъ бумажныхъ свиткахъ. Для этой цѣли они разрѣзаютъ поперекъ цѣлые листы бумаги, приклеиваютъ потомъ полосы другъ къ другу и свертываютъ въ свитки. Иной изъ свитковъ длиною въ 20, 30, даже 60 и болѣе локтей. Въ канцеляріяхъ можно видѣть весьма много ихъ, грудами сложенныхъ другъ надъ другомъ.

Канцелярскія книги.

LII.

(Книга III, глава 20).

О русскомъ судопроизводствѣ, правосудіи и видахъ наказаній.

Что касается дѣлъ юстиціи, то они рѣшаются въ только что указанныхъ канцеляріяхъ. Каждый бояринъ или назначенный сюда судья имѣетъ при себѣ дьяка или секретаря, а также нѣсколькихъ засѣдателей; передъ ними выступаютъ тяжущіяся стороны, подвергаются выслушанію и осужденію. Раньше у русскихъ было лишь весьма немного писанныхъ законовъ и обычаевъ, установленныхъ разными великими князьями, притомъ исключительно по отношенію къ измѣнникамъ передъ отечествомъ, преступникамъ по оскорбленію величества, ворамъ, убійцамъ и должникамъ. Во всемъ остальномъ они, большею частью, поступали по собственному произволу, и иногда произносили приговоръ смотря по тому, были ли расположены или враждебно настроены къ подсудимому. Однако, немного лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1647 г., по повелѣнію его царскаго величества, должны были собраться умнѣйшіе люди со всѣхъ состояній съ тѣмъ, чтобы составить и написать нѣсколько законовъ и статутовъ, которые затѣмъ его величествомъ и боярами были утверждены и по-русски, для публичнаго пользованія, отпечатаны; это—книга in-folio, толщиною съ добрыхъ два пальца, и

Русскій corpus iuris.

называется «Соборное уложеніе», что значитъ: «согласное и собранное право». Теперь они по этому своду постановляютъ или хотя бы должны постановлять свои рѣшенія. Такъ какъ все это дѣлается именемъ его царскаго величества, то прекословить никто не имѣетъ права, и аппелляція не допускается.

Родъ процессовъ.

Раньше тяжущимися велись такого рода процессы. Если одинъ другого обвинялъ и ничего не могъ доказать, то судья требовалъ, чтобы дѣло было рѣшено клятвою. Послѣ этого спрашивали обвиняемаго, отъ котораго зависѣло рѣшеніе: «Берешь ли

Присяга очень почитается.

ты клятву на свою душу или же оставляешь ее на душѣ обвинителей?» Тотъ, кому полагалось принести клятву, долженъ былъ три недѣли подъ-рядъ, каждую недѣлю по разу, выслушивать поученія и увѣщанія о томъ, что это за великое и опасное дѣло давать клятву; вообще его всячески предостерегали отъ дачи ея. Если онъ, тѣмъ не менѣе, приносилъ клятву, то хотя бы клятва и была правильна, все-таки всѣ окружающіе плевали ему въ лицо, его выталкивали изъ церкви, гдѣ онъ поклялся, подвергали презрѣнію, всѣ на него показывали пальцами, ему не разрѣшали входить въ церковь, ни, тѣмъ менѣе, принимать причастіе, развѣ

только онъ заболѣвалъ опасною болѣзнью и въ немъ замѣчали вѣрные признаки близкой смерти: только въ такомъ случаѣ его могли причастить.

Недавно состоялось такого рода распоряженіе. Желающаго принести клятву спрашиваютъ передъ иконами ихъ святыхъ: «желаетъ ли онъ принять клятву на душу и спасеніе свое». Если онъ отвѣтитъ «да», передъ нимъ держатъ крестикъ съ пядень длиною. Онъ знаменуетъ себя сначала крестнымъ знаменіемъ и затѣмъ цѣлуетъ крестъ. Потомъ снимаютъ икону со стѣны и подаютъ ему, чтобы онъ къ ней приложился. Если онъ клялся правильно, то ему разрѣшаютъ принять причастіе лишь по истеченіи трехъ лѣтъ: относятся къ нему, однако, довольно пренебрежительно. Если же станетъ извѣстно, что онъ принесъ ложную присягу, то его нагого бьютъ кнутомъ, а затѣмъ немилосердно ссылаютъ въ Сибирь. Онъ не получаетъ въ этомъ случаѣ причастія даже при послѣднемъ издыханіи. *Какъ присягаютъ.*

Вотъ поэтому-то русскіе неохотно даютъ клятву, а еще того менѣе рѣшаются на нее вторично или въ третій разъ; такъ поступаютъ развѣ только люди дерзкіе и никуда не годные. Зато, однако, у нихъ весьма принято во время общихъ сборищъ, покупки или продажи уговаривать собесѣдника словами: «Вотъ [тебѣ] хрестъ», причемъ они пальцами, по своему обычаю, благословляютъ себя; однако, не всегда можно вѣрить этому увѣренію.

У нихъ имѣются различные ужасные способы пытками вынуждать правду. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ слѣдующемъ: они связываютъ руки на спинѣ, поднимаютъ на высоту и привѣшиваютъ тяжелое бревно къ ногамъ; на бревно это вскакиваетъ палачъ и сильно растягиваетъ члены грѣшнику, какъ можно видѣть это на слѣдующемъ рисункѣ. Подъ ногами кромѣ того зажигается огонь, который жаромъ своимъ мучитъ ноги, а дымомъ лицо. Иногда они велятъ вверху на головѣ выстричь плѣшь, а затѣмъ даютъ на нее падать по каплямъ холодной водѣ; говорятъ, получается невыносимое мученіе. Иныхъ они, смотря по состоянію дѣла, велятъ еще бить кнутомъ при этой пыткѣ и проводятъ раскаленнымъ желѣзомъ по ихъ ранамъ.

Побои. Если судится дѣло о побояхъ, то обыкновенно того, кто ударилъ первымъ, обвиняютъ, а правымъ считаютъ того, кто первый принесъ жалобу.

Убійство. Убійца, который не изъ самообороны (эта послѣдняя разрѣшается), но съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ убилъ кого-либо, бросается въ темницу, гдѣ онъ въ теченіе шести недѣль долженъ каяться при суровыхъ условіяхъ жизни; за-

тѣмъ ему даютъ причастіе и послѣ этого казнятъ отсѣченіемъ головы.

Если кто-либо обвиненъ и уличенъ въ воровствѣ, его все-таки подвергаютъ пыткѣ, [чтобы узнать], не укралъ ли онъ еще что-либо; если онъ больше ни въ чемъ не сознается и провинился въ первый разъ, то его бьютъ кнутомъ по дорогѣ изъ Кремля на большую площадь; здѣсь палачъ отрѣзаетъ ему одно ухо, и его на два года сажаютъ въ башню, а затѣмъ выпускаютъ. Если онъ пойманъ будетъ вторично, то ему, по вышеуказанному способу, отрѣзаютъ и второе ухо, а затѣмъ его уводятъ на прежнее пристанище, гдѣ его держатъ до тѣхъ поръ, пока подобныхъ личностей не наберется больше; потомъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ отправляютъ въ Сибирь. Никого, однако, ради воровства, если при этомъ не было совершено убійства, не караютъ смертью. Если воръ послѣ пытки признается, кому онъ продалъ краденыя вещи, то этихъ покупателей зовутъ въ судъ и требуютъ отъ нихъ, чтобы они дали должное возмѣщеніе убытковъ жалобщику, у котораго вещи украдены. Такую выплату они называютъ «вытью»; она многихъ удерживаетъ отъ покупки подозрительныхъ предметовъ.

Наказаніе должниковъ.

Ни о чемъ такъ часто не производится судъ, какъ о долгахъ и должникахъ; не желающихъ или не могущихъ произвести уплату «приставливаютъ», т. е. ихъ заставляютъ сидѣть взаперти въ домѣ какого-либо судейскаго служителя, въ родѣ какъ, напримѣръ, у насъ арестовываютъ и ставятъ на послушаніе. Если платежъ не будетъ произведенъ въ разрѣшенный льготный срокъ, то должникъ, кто бы онъ ни былъ: русскій ли или иностранецъ, мужчина или женщина, купецъ или ремесленникъ, священникъ, монахъ или монахиня, сажается въ долговую тюрьму, и каждый день его выводятъ передъ канцеляріею на открытое мѣсто, и цѣлый часъ гибкою палкою, толщиною съ мизинецъ, бьютъ по голенямъ, причемъ избиваемые зачастую отъ сильной боли громко кричатъ. Иногда бьющій, получившій «посулъ» или подарокъ, бьетъ лишь слегка и мимо. Иные также кладутъ толстую жесть или узкія, длинныя деревянныя дощечки въ сапоги, чтобы эти приспособленія принимали на себя удары.

Правежъ.

По вынесеніи этихъ мученій и надругательствъ, должникъ или опять отсылается въ тюрьму, или долженъ представить поручителей, что онъ на слѣдующій день вновь явится на мѣсто и дастъ себя вновь бить. Подобнаго рода наказаніе они называютъ: «ставить на правежъ». Оно представлено на слѣдующемъ рисункѣ, спереди, подъ литерою А. Если же должникъ

совершенно лишенъ средствъ заплатить долгъ, онъ становится рабомъ кредитора и долженъ служить ему.

Другія обычныя наказанія, примѣняемыя противъ преступниковъ, состоятъ въ томъ, что взрѣзываются ноздри, даются батоги и кнутомъ бьютъ по голой спинѣ. Ноздри взрѣзывались [рвались] у тѣхъ, которые пользовались нюхательнымъ табакомъ; намъ привелось встрѣтить нѣсколько человѣкъ, подобнымъ образомъ наказанныхъ. Батогами каждый господинъ можетъ наказать своего слугу или всякаго, надъ кѣмъ онъ хоть сколько-нибудь властенъ. Преступника раздѣваютъ, снимая съ него кафтанъ и одежду, вплоть до сорочки; потомъ онъ долженъ брюхомъ лечь на землю. Затѣмъ два человѣка садятся на него: одинъ на голову, другой на ноги, и гибкими лозами бьютъ его по спинѣ; получается такое же зрѣлище, какъ при выколачиваніи скорняками мѣховъ; это показано подъ литерою B. Подобнаго рода наказаніе не разъ примѣнялось среди русскихъ, сопровождавшихъ насъ, во время нашего путешествія. *Батоги.*

Битье кнутомъ въ нашихъ глазахъ было варварскимъ наказаніемъ; оно представлено на рисункѣ подъ литерою E. Подобное наказаніе 24-го сентября 1634 года я видѣлъ примѣненнымъ къ восьми мужчинамъ и одной женщинѣ, нарушившимъ *Кнутъ.*

великокняжескій указъ и продававшимъ табакъ и водку. Они должны были передъ канцеляріею, именуемою «Новою четвертью», обнажить свое тѣло вплоть до бедеръ; затѣмъ одинъ за другимъ они должны были ложиться на спину слуги палача и схватывать его шею руками. Ноги у наказуемаго связывались и ихъ особый человѣкъ придерживалъ веревкою, чтобы наказуемый не могъ двигаться ни вверхъ, ни внизъ. Палачъ отступалъ позади грѣшника на добрыхъ три шага назадъ и стегалъ изо всей своей силы длиннымъ толстымъ кнутомъ такъ, что послѣ каждаго удара кровь обильно лилась. Въ концѣ кнута привязаны три ремешка, длиною съ палецъ, изъ твердой недубленной лосиной кожи; они рѣжутъ, какъ ножи. Нѣсколько человѣкъ такимъ образомъ (въ виду того, что преступленіе ихъ велико) были забиты кнутомъ до смерти. Служитель судьи стоялъ тутъ же, читая по ярлыку, сколько ударовъ долженъ былъ каждый получить; когда означенное число ударовъ оказывалось исполненнымъ, онъ кричалъ: «Полно!», т. е. достаточно. Каждому дано было отъ 20 до 26, а женщинѣ 16 ударовъ, послѣ чего она упала въ обморокъ. Спины ихъ не сохранили цѣлой кожи даже съ палецъ шириною; они были похожи на животныхъ, съ которыхъ содрали кожу. Послѣ этого каждому изъ продавцовъ табаку была повѣшена на шею бумажка съ табакомъ, а торговцамъ водкою — бутылки; ихъ по-двое связали руками, отвели въ сторону (литера F), а затѣмъ подъ ударами выгнали изъ города вонъ и потомъ опять пригнали къ Кремлю.

Наказаніе преступниковъ.

Говорятъ, что друзья нѣкоторыхъ изъ высѣченныхъ кнутомъ натягиваютъ на израненную спину теплую шкуру съ овцы, только что зарѣзанной, и такимъ образомъ исцѣляютъ ихъ. Въ прежнія времена, послѣ вынесеннаго преступниками наказанія, всѣ опять смотрѣли на нихъ какъ на людей столь же честныхъ, какъ и всѣ остальные; съ ними имѣли сношенія и общеніе, гуляли, ѣли и пили съ ними, какъ хотѣли. Теперь, однако, какъ будто считаютъ этихъ людей нѣсколько опозоренными.

Палачи у русскихъ.

Подобно тому, какъ русскіе съ теченіемъ времени улучшаются во многихъ внѣшнихъ отношеніяхъ и сильно подражаютъ нѣмцамъ, такъ они дѣлаютъ это и въ томъ, что касается славы или позора; такъ, напримѣръ, состоять палачомъ у нихъ раньше не считалось столь позорнымъ и безчестнымъ, какъ, пожалуй, теперь. Ни одинъ честный и знатный человѣкъ теперь не сталъ бы вести дружбу съ высѣченнымъ, развѣ только въ томъ случаѣ, если подобному наказанію кто-либо подвергся по доносу лживыхъ людей или неправильно былъ наказанъ вслѣдствіе ненависти къ

нему судьи. Въ послѣднемъ случаѣ наказаннаго скорѣе жалѣютъ, чѣмъ презираютъ, и въ доказательство его невиновности честные люди безбоязненно имѣютъ съ нимъ общеніе.

Общества кнутобойцевъ и палачей теперь также избѣгаютъ честные люди. Имъ можно бы жить и работать, подобно всѣмъ остальнымъ людямъ, но они неохотно отказываются отъ своего дѣла, такъ какъ оно приноситъ имъ большой доходъ: за каждую экзекуцію они получаютъ деньги не только отъ начальства, но и отъ преступниковъ (въ томъ случаѣ, если у этихъ послѣднихъ есть деньги, а палачъ не слишкомъ несговорчивъ); кромѣ того они продаютъ арестантамъ, которыхъ ежедневно сидитъ весьма много, водку, — конечно, тайкомъ; все это за годъ составляетъ большую сумму. Поэтому иные за подарки покупаютъ подобнаго рода должности; однако, въ настоящее время имъ воспрещено вновь продавать ихъ. Когда ощущается недостатокъ въ такихъ людяхъ и требуется произвести большія экзекуціи, цехъ мясниковъ обязанъ отряжать изъ своей среды нѣсколькихъ палачей. *Палачи изъ мясниковъ.*

LIII.

(Книга III, глава 21).

О религіи русскихъ вообще и о началѣ ея.

При упоминаніи о религіи русскихъ, я естественно начну съ вопроса, который въ публичныхъ диспутаціяхъ разсматривался д-ромъ Бодфидіемъ, покойнаго короля Густава шведскаго придворнымъ проповѣдникомъ, а затѣмъ и магистромъ Генрихомъ Сталемъ, суперинтендентомъ въ Нарвѣ въ Лифляндіи. Вопросъ этотъ слѣдующій: «можно ли считать русскихъ христіанами?» Если русскихъ спросить объ этомъ, они отвѣчаютъ, что именно они-то и являются истинно крещенными и лучшими въ мірѣ христіанами, въ то время какъ мы развѣ можемъ считаться «окропленными» христіанами. Поэтому, если кто-либо изъ иностранныхъ христіанъ захочетъ перейти въ ихъ вѣроисповѣданіе, они заставляютъ его вновь креститься. Что они, однако, всетаки христіане, это мы, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми мужами, въ правѣ заключить, такъ какъ essentialia christianismi или «существенно необходимыя главныя основанія христіанства» мы у нихъ находимъ. Таковы — истинное слово Божіе и святыя таинства. Священная Библія имѣется у нихъ, а именно ветхій завѣтъ [съ текста] 70-ти греческихъ толковниковъ, а новый — съ обычнаго *Истинные ли христіане русскіе? Имѣютъ св. Библію и таинства.*

Ветхій завѣтъ въ цѣломъ видѣ не долженъ попадать въ церковь.

Имѣютъ древнихъ учителей церкви.

перевода переизданные на славянскомъ и русскомъ языкахъ и отпечатанные. Странно, однако, что никогда они не допускаютъ всю Библію въ свои церкви, говоря, что въ ветхомъ завѣтѣ много скверныхъ нецѣломудренныхъ вещей, могущихъ осквернить столь святое мѣсто, какъ ихъ церковь; поэтому у нихъ, наряду съ новымъ завѣтомъ, имѣются лишь нѣкоторыя писанія пророковъ, которыя они тутъ подвергаютъ обсужденію. Въ домахъ, однако, разрѣшается имѣть и читать всю Библію. Наряду съ Библіею у нихъ имѣются и нѣкоторые древніе отцы и учители церкви, какъ-то: Кириллъ, архіепископъ іерусалимскій, написавшій катехизисы при императорѣ Ѳеодосіи (см. о немъ у Баронія въ «Annales Ecclesiastici», t. IV, p. 459, или «Bibliotheca patrum», Colon., t. XII, p. 1003), Иванъ Дамаскинъ, Григорій Богословъ (это, вѣроятно, Григорій Назіанзинъ), Иванъ Златоустъ, т. е. Іоаннъ Хрисостомъ, Ефремъ Сиринъ. Этотъ послѣдній, по ихъ словамъ — къ чему присоединяется и Гергардъ Фоссіусъ лейденскій въ посвященіи этой книги, переведенной имъ на латинскій языкъ — получилъ отъ ангела книгу съ золотыми буквами, которую только онъ и былъ въ состояніи открыть; послѣ этого онъ сразу выступилъ съ рѣчами и писаніями, исполненными возвышеннаго духа.

Наряду съ этими лицами имѣютъ они и собственнаго своего русскаго святого учителя — Николу Чудотворца. Онъ написалъ духовныя сочиненія, которыя они прилежно изучаютъ. Они говорятъ, что онъ творилъ большія чудеса. Поэтому его рѣзное поясное изображеніе помѣстили въ особой часовнѣ на большой улицѣ, идущей вверхъ къ Тверскимъ воротамъ; ежедневно здѣсь горѣли передъ нимъ восковыя свѣчи; однако, во время большого пожара, бывшаго при недавнемъ мятежѣ, оно, какъ говорятъ русскіе, было взято на небо, т. е., иными словами, сгорѣло и превратилось въ пепелъ.

Исповѣданіе вѣры.

Они признаютъ также символъ вѣры Аѳанасія и вѣрятъ, что Богъ, черезъ котораго все создано, единъ въ существѣ своемъ и троиченъ въ лицахъ, что Христосъ пострадалъ за весь родъ человѣческій, что Святой Духъ, исходящій отъ Отца, черезъ Сына, насъ освящаетъ и даетъ намъ силу для добрыхъ дѣлъ. Поэтому нельзя сомнѣваться въ томъ, что ихъ вѣра или fides, quae creditur [вѣра, въ которую вѣрятъ] — христіанская, но ихъ, какъ говорятъ въ школахъ, fides, quâ creditur [вѣра, помощью которой вѣрятъ], подозрительна и на дѣлѣ оказывается весьма плохою. Наряду съ Господомъ Христомъ, они и евангелистамъ, апостоламъ, пророкамъ и весьма многимъ инымъ святымъ,—притомъ не какъ ходатаямъ, какъ говорятъ знатнѣйшіе, но и какъ по-

мощникамъ въ спасеніи душъ, какъ тому вѣритъ большинство— и даже писаннымъ картинамъ, имѣющимъ представить этихъ святыхъ, — ежедневно воздаютъ честь, подобающую Единому Богу. Объ этомъ ниже будетъ сказано подробнѣе. Чтобы христіанская вѣра ихъ въ добрыхъ дѣлахъ и любви къ ближнимъ также выступала и была дѣйствительна, это по жизни ихъ и по вышеприведеннымъ разсказамъ мало замѣтно. Что касается добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ ими по учрежденію и постройкѣ церквей и монастырей, то они имъ приписываютъ значеніе гораздо большее, чѣмъ слѣдовало бы.

Исповѣдуютъ греческую религію.

Они называютъ себя членами греческой церкви, хотя не слѣдуютъ особенно точно ея правиламъ, но совершаютъ многія ошибки и успѣли прибавить многія добавочныя ученія по собственному усмотрѣнію. Въ своей лѣтописи они пишутъ, что христіанская вѣра еще въ апостольское время проникла въ Россію. Будто бы апостолъ Андрей изъ Греціи, поднявшись вверхъ по рѣкѣ Борисѳену или Днѣпру, прошелъ черезъ Ладожское озеро къ Новгороду, здѣсь проповѣдывалъ Евангеліе Христово и установилъ истинное богослуженіе и постройку церквей и монастырей. Послѣ долгаго времени, однако, многими войнами, веденными въ Россіи татарами и язычниками, истинная христіанская вѣра была большею частью подавлена и угасла, и, напротивъ, введено было язычество и идолопоклонство; такъ было вплоть до времени великаго князя Володимера, который также раньше былъ язычникомъ. Когда этотъ [князь] счастливымъ оружіемъ своимъ подчинилъ себѣ всѣ Россію и даже почти всю Сарматію, онъ сталъ пользоваться такимъ уваженіемъ у иностранныхъ христіанскихъ государей, что они, домогаясь его дружбы, начали посылать къ нему великолѣпныя посольства. Такъ какъ эти предложенія дружбы были имъ охотно приняты и онъ снисходилъ къ ихъ пожеланіямъ, то они постарались также отвлечь его отъ языческаго богослуженія къ христіанской вѣрѣ. Послѣ этого Володимеръ отправилъ пословъ и гонцовъ въ разныя христіанскія страны, желая получить правильныя донесенія о вѣрахъ. Такъ какъ ему болѣе всего понравилась греческая религія, раньше существовавшая въ Россіи и до сихъ поръ еще сохранявшаяся въ нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ мѣстахъ, то онъ и рѣшилъ принять ее.

Когда они приняли христіанство. Труды апостола Андрея.

Принятіе во времена Володимера христіанской вѣры.

Іоаннъ Куропалатъ, греческій историкъ, разсказываетъ, что при обращеніи русскихъ случилось чудо. Въ то время, когда архіепископъ, присланный сюда императоромъ Василіемъ, проповѣдывалъ у нихъ Евангеліе Христово и прославлялъ великія

чудеса истиннаго безсмертнаго Бога и, между прочимъ, разсказалъ исторію о трехъ правовѣрныхъ мужахъ въ огнѣ, русскіе отвѣтили: «Если бы мы могли увидѣть такое чудо, мы бы тебѣ повѣрили». Епископъ подумалъ, что Бога не слѣдуетъ испытывать, однако, такъ какъ вѣдь Христосъ сказалъ: «чего вы Именемъ Моимъ, съ вѣрою, будете просить, то и дастся вамъ», то онъ сказалъ русскимъ: «если они вполнѣ серьезно готовы въ этомъ случаѣ обратиться къ Христу, то пусть они испрашиваютъ себѣ что-либо». Тутъ они попросили, чтобы епископъ бросилъ въ огонь Евангеліе, повѣствующее о Христѣ; если и эта книга, подобно тѣмъ тремъ мужамъ, останется невредимою, то они готовы увѣровать въ Христа, котораго онъ называетъ истиннымъ Богомъ, и обратиться къ Нему. Тогда архіепископъ поднялъ руки и глаза къ небу, и сталъ просить Бога объ этомъ чудѣ, говоря: «О Христосъ, Господь нашъ! Открой этимъ чудомъ Твое прославленное Имя и для очей этого народа!» При этихъ словахъ онъ бросилъ Евангеліе въ огонь. Черезъ нѣсколько часовъ, когда огонь догорѣлъ, они вытащили книгу невредимою. Какъ только варвары увидѣли это, они испугались великаго чуда и, болѣе не раздумывая, приняли христіанскую вѣру и дали себя окрестить. Ту же исторію разсказываетъ Кедринъ на стр. 589-й и Зонара въ т. III на стр. 139-й и слѣдующихъ. Объ этомъ же событіи упоминается въ «Concil. magna», t. XXIII, p. 699.

Чудо съ Евангеліемъ.

Великій князь Володимеръ позже получилъ имя Василія; онъ совершенно уничтожилъ идолопоклонство въ своей странѣ и потребовалъ отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, чтобы они приняли греческую вѣру. Однако, упоминаемые мною здѣсь писатели (которые, если вчитаться въ нихъ, оказываются, какъ установлено Геснеромъ, Казаубономъ и Фоссіемъ, прилежно списывавшими другъ у друга), на мой взглядъ, ошибаются въ упоминаніи имени императора Василія, а стало быть и во времени. Они полагаютъ, что это событіе происходило во времена Василія Македонянина; безъ сомнѣнія, имъ слѣдовалъ и Бароній въ своихъ «Annal. Eccles.», называя здѣсь 863 г. По русской лѣтописи и другимъ историкамъ гораздо достовѣрнѣе, что это произошло около 988 года, когда братья Василій и Константинъ были на востокѣ, а Оттонъ III на западѣ — императорами. Какъ пишетъ Кромеръ, русскій князь Володимеръ около этого времени, послѣ многихъ побѣдъ, отнялъ у обоихъ этихъ братьевъ городъ, расположенный на Понтѣ и называемый у Сабеллика Херсонесомъ; потомъ же, когда они подружились, Володимеръ

Володимеръ даетъ себя окрестить.

Casaub. not. in lib. XVII Strab.; Vos. l. II Hist. gr. c. 29. Tom. X, p. 253.

получилъ въ жены ихъ сестру Анну и, принявъ христіанскую вѣру, вернулъ имъ означенный городъ обратно. Объ этомъ подробнѣе разсказано у Кромера «de reb. Polon.», кн. III, стр. 435. Правда, Гвагнинъ въ описаніи европейской Сарматіи ставитъ 924 годъ, однако въ эпилогѣ его труда все-таки сказано, что событіе это произошло въ 985 г. по Р. Х. Такимъ образомъ онъ приближается къ цифрѣ русскихъ и нашей, съ которой совпадаетъ и Альтшгедій въ своей «Chronologia».

Василій посылаетъ епископовъ и священниковъ.

Этотъ Василій послалъ изъ Константинополя Володимеру, какъ зятю своему, много епископовъ и священниковъ, которые должны были во всей Россіи устроить богослуженіе и церковные обряды. Съ этого времени между греками и русскими установилась большая дружба; русскіе считаютъ [и теперь] грековъ за людей болѣе святыхъ и благочестивыхъ, чѣмъ они сами, и ежегодно затрачиваютъ на нихъ большія суммы. Какъ пишетъ Поссевинъ, московиты раньше ежегодно посылали греческой церкви 500 дукатовъ милостыни. Теперь это вывелось, но зато греческіе монахи отъ константинопольскаго и іерусалимскаго патріарха являются дважды, а то и трижды въ годъ, доставляютъ позолоченныя кости святыхъ и всякія иныя реликвіи и писанныя иконы, за что имъ даютъ увозить съ собою, въ видѣ подарковъ, большія количества денегъ, далеко превосходящія вышеозначенную сумму.

Lib de reb. Moscovit.

Богатая милостыня грекамъ.

Іерусалимскій патріархъ пріѣзжаетъ въ Москву.

Шесть лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1649 г., патріархъ іерусалимскій, по имени Паисій, съ нѣсколькими греками прибылъ въ Москву, доставилъ земли съ Гроба Господня (который, однако, высѣченъ изъ камня) и освященной воды изъ Іордана. Его великолѣпно приняли, торжественно провели наверхъ къ царю и къ патріарху и дали въ подарокъ, какъ мнѣ писали достовѣрные люди, болѣе 50,000 дукатовъ. Однако, на обратномъ пути турки отняли у него все золото, всѣ деньги, соболя и шелкъ, которые онъ везъ съ собою, и оставлены были ему лишь священныя вещи и книги.

Его ограбили.

Во всѣхъ провинціяхъ у нихъ имѣется лишь одна религія и одни обряды, да и только они ихъ и имѣютъ. Съ русскими границами кончается и религія ихъ, если не считать немногихъ, которыя теперь въ Нарвѣ переселены на шведскую границу. Большинство, въ особенности — простонародье, немного могли бы объяснить и отвѣтить о догматахъ своей вѣры. У нихъ заведено такъ, какъ замѣчено было въ свое время Герберштейномъ и Поссевиномъ: подобно аѳинянамъ, которые думали, что мнѣнія царя ихъ — достаточная религія и что съ нихъ этого хватитъ,

Невѣжество въ Россіи. Herberst., p. 31.

Проповѣдей не говорятъ.

они ссылаются на то, во что вѣрятъ царь и патріархъ. Никакими проповѣдями ихъ не поучаютъ и не наставляютъ. Патріархъ, впрочемъ, и не допускаетъ, чтобы много говорилось о дѣлахъ вѣры, или чтобы происходили диспуты съ иностранцами; поэтому-то и удается поддержать повсюду всѣхъ ихъ при одинаковыхъ мнѣніяхъ.

Нѣмецкій священникъ диспутируетъ съ русскимъ монахомъ.

Незадолго до нашего пріѣзда, въ Нижнемъ Новгородѣ русскій монахъ имѣлъ о дѣлахъ вѣры разныя бесѣды съ евангелическимъ пасторомъ, жившимъ тамъ и разсказавшимъ мнѣ объ этомъ; онъ отъ пастора получилъ при этомъ рядъ хорошихъ указаній. Когда патріархъ узналъ объ этомъ, онъ велѣлъ монаха схватить и доставить въ Москву, гдѣ онъ его спросилъ: «на какомъ основаніи онъ посмѣлъ столь часто бесѣдовать съ евангелическимъ пасторомъ и диспутировать о религіи». Монахъ отвѣтилъ хитро, говоря: «нѣмецкій пасторъ думалъ обратиться къ православной вѣрѣ; поэтому онъ его обучалъ; дѣло идетъ столь успѣшно, что онъ надѣется окончательно пріобрѣсть его [для православной церкви]». Послѣ этого монаха вновь отпустили на волю.

LIV.

(Книга III, глава 22).

О шрифтѣ русскихъ, ихъ языкѣ и школахъ.

Русскіе получили свои буквы и письменность свою одновременно съ религіею отъ грековъ, но частью измѣнили, частью увеличили число письменъ особыми славянскими буквами. Изображаются ихъ буквы [какъ показано на страницѣ 297-й].

Письмена русскихъ.

Подобными буквами и письмомъ пользуются они какъ въ печатныхъ, такъ и рукописныхъ книгахъ своего языка, который отличается отъ славянскаго и польскаго, но всетаки находится съ этими языками въ столь близкимъ родствѣ, что тотъ, кто знакомъ съ однимъ изъ нихъ, легко въ состояніи понимать и другой. Съ греческимъ у этого языка нѣтъ ничего общаго, за исключеніемъ развѣ немногихъ словъ, которыми они обыкновенно пользуются въ церкви, богослуженіи и должностяхъ и которыя ими заимствованы съ греческаго. Такъ какъ русскіе, какъ уже сказано, въ школахъ обучаются только письму и чтенію на своемъ и, самое большее, на славянскомъ языкѣ, то ни одинъ русскій, будь онъ духовнаго или свѣтскаго чина, высокаго или низкаго званія, ни слова не понимаетъ по-гречески и по-латыни.

Въ настоящее время они, — что довольно удивительно, — по заключенію патріарха и великаго князя, хотятъ заставить свою молодежь изучать греческій и латинскій языки. Они уже устроили, рядомъ съ дворцомъ патріарха, латинскую и греческую школу, находящуюся подъ наблюденіемъ и управленіемъ грека Арсенія. Если это предпріятіе увѣнчается счастливымъ успѣхомъ, и они окажутся въ состояніи читать и понимать въ подлинникахъ писанія святыхъ отцовъ и другихъ православныхъ, то нужно надѣяться, что, съ Божіею помощью, они придутъ къ лучшимъ

Латинскія и греческія школы въ Московіи.

Characteres linguæ Rutenicæ

А а	Aas	A	О о о	On	o	Ѣ ѣ	Jeb	ie
Б ь ъ	Buki	b	П п	Pokoi	p	Є є	ie	ich
В в	Wedi	w	Р р	Ertzi	r	Ю ю	itoJü	iü
Г г	glagol	g	С с	Slowo	s	Ѫ ѫ	iüs	iüs
Д д	dobro	d	Т т т	Twerdo	t	Ѧ ѧ	Ace	æ
Є є	jest	e	У у у оу	Jik	ú	Ѯ ѯ	ksi	ks
Ж ж ж	Schiwet	sch	Ф ф	phert	ph	Ѱ ѱ	psi	ps
Ѕ ѕ	Sielo	S	Х х	Chir	ch	Ѳ ѳ	phita	
З з	Zemla	z	Ѡ ѡ	ot	ot	Ѵ ѵ	ischilza	u
И и	Ische	i	Ц ц	Zi	z			
Ї ї	Ji	ij	Ч ч	Tzerf	tz			
К к	kakoi	k	Ш ш	Scha	sch			
Л л	lüdi	l	Щ щ	Tscha	tsch			
М м	Musleri	m	Ы ы	Jer	i			
Н н	Naas	n	Ъ ь	Jeri				

Numeri

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	20	30	40	50	60	70	80	90	100	200
А	Б	Г	Д	Є	Ѕ	З	И	Ѳ	І	АІ	БІ	К	Л	М	Н	У	О	П	Ч	Р	С

мыслямъ и въ своей религіи. У нихъ нѣтъ недостатка въ хорошихъ головахъ для ученія. Между ними встрѣчаются люди весьма талантливые, одаренные хорошимъ разумомъ и памятью. Нынѣшній государственный канцлеръ въ посольской канцеляріи Алмазъ Ивановичъ въ молодости своей побывалъ въ Персіи и Турціи и въ короткое время такъ изучилъ языки этихъ странъ, что теперь можетъ говорить съ людьми этихъ націй безъ переводчика. Ради добраго разума своего и добросовѣстности, онъ неоднократно участвовалъ въ большихъ посольствахъ, а затѣмъ сталъ думнымъ дьякомъ, или государственнымъ секре-

Государственный канцлеръ Алмазъ.

таремъ, или, какъ его здѣсь называютъ, государственнымъ канцлеромъ.

Стр. 260. Іоганнъ-Беккеръ фонъ-Дельденъ.

Ихъ, уже упомянутый, тайный и во многихъ языкахъ свѣдущій переводчикъ Іоганнъ-Беккеръ фонъ-Дельденъ далъ имъ возможность прочесть объ иностранныхъ дѣлахъ въ переведенныхъ съ латинскаго и французскаго книгахъ, такъ же, какъ сдѣлалъ это бывшій до него посолъ римскаго императора Адамъ Дорнъ, о которомъ также выше упомянуто. Послѣдній составилъ вкратцѣ космографію или описаніе міра, а первый, между прочимъ, перевелъ на русскій языкъ исторію о великомъ моголѣ. Иногда теперь нѣкоторые изъ наиболѣе знатныхъ начинаютъ брать эти книги въ руки.

Стр. 188.

LV.

(Книга III, глава 23).

О внѣшнемъ проявленіи ихъ христіанства, о нынѣшнемъ богослуженіи и въ особенности о ихъ крещеніи.

Внѣшнее проявленіе ихъ христіанства и нынѣшнее богослуженіе ихъ состоитъ преимущественно въ томъ, что они, наряду съ примѣненіемъ святого крещенія, читаютъ слово Божіе въ церквахъ своихъ, служатъ обѣдни, почитаютъ Бога и умершихъ святыхъ, выказываютъ благоговѣніе къ иконамъ, кланяются имъ, совершаютъ процессіи и паломничества къ умершимъ святымъ, въ опредѣленное время постятся, исповѣдываются, причащаются Святыхъ Таинъ и даютъ послѣднее помазаніе.

Крещеніе русскихъ.

Что касается крещенія, они считаютъ его высоко необходимымъ для того, чтобы быть принятымъ въ христіанскую церковь и достигнуть блаженства. Они вѣруютъ и исповѣдуютъ, что они зачаты и рождены въ грѣхахъ, и что Христосъ, чтобы смыть этотъ первородный грѣхъ, установилъ омовеніе новаго рожденія [баню пакибытія] и очищенія (которое они признаютъ и тѣлеснымъ и духовнымъ). Поэтому, какъ только родится дитя, они немедленно же спѣшатъ окрестить его. Если дитя нѣсколько слабо, то его крестятъ дома, но только не въ комнатѣ, гдѣ оно родилось (эта комната считается совершенно нечистою). Если же ребенокъ здоровъ, то приглашенные для этой цѣли кумовья, которыхъ должно быть всего двое, несутъ его въ церковь, гдѣ попъ встрѣчаетъ ихъ у церковныхъ дверей, дѣлаетъ пальцами передъ лбами ихъ знаменіе креста и благословляетъ ихъ со словами: «Господь да хранитъ твой входъ и выходъ, отнынѣ и до вѣка».

Церемоніи при крещеніи у русскихъ.

Кумовья передаютъ попу девять восковыхъ свѣчекъ, которыя онъ зажигаетъ и крестообразно приклеиваетъ къ ушату, наполненному водой и стоящему посрединѣ церкви. Послѣ этого онъ окуриваетъ ладаномъ и миррою какъ ушатъ, такъ и кумовей, и со многими церемоніями благословляетъ воду. Послѣ этого кумовья, держа горящія свѣчи въ рукахъ, вмѣстѣ со священникомъ, читающимъ изъ книги, трижды обходятъ ушатъ, причемъ спереди идетъ дьячокъ съ иконою Іоанна [Крестителя]. Послѣ этого кумовьямъ задаются вопросы, обычные и у насъ при крещеніи, а именно: «Какъ назвать дитя?» [и т. д.]. Записка съ именемъ, затѣмъ,

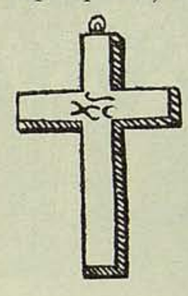
передается священнику. Священникъ кладетъ записку на икону, держитъ икону на груди младенца и молится. Потомъ онъ спрашиваетъ: «Вѣритъ ли дитя въ Бога Отца, Сына и Святого Духа?» Когда кумовья отвѣтятъ на это утвердительно, они вмѣстѣ со священникомъ должны оборотиться и стать спинами къ ушату. Затѣмъ онъ спрашиваетъ: «Отрицается ли дитя отъ дьявола со всѣми его ангелами и дѣлами и намѣрено ли оставаться въ теченіе всей жизни при чистой греческой религіи?» Кумовья, отвѣчая на каждый изъ этихъ вопросовъ, вмѣстѣ со священникомъ должны усердно плевать на землю. Затѣмъ они опять

Экзорцизмъ [изгнаніе бѣсовъ] принятъ у русскихъ при крещеніи.

обращаются къ ушату и происходитъ изгнаніе бѣсовъ. Возлагая руки, священникъ говоритъ: «Отойди отъ этого младенца ты, нечистый духъ, и дай мѣсто Святому Духу». При этомъ онъ трижды крестообразно дуетъ на младенца; этотъ обрядъ, по ихъ словамъ, долженъ отогнать дьявола. Они увѣрены, что до крещенія въ младенцѣ живетъ нечистый духъ.

Какъ мнѣ разсказывали, въ настоящее время экзорцизмъ или увѣщеваніе и изгнаніе сатаны происходитъ передъ церковными дверями, чтобы нечистый духъ не загрязнилъ церкви. Потомъ священникъ беретъ ножницы, отрѣзаетъ немного волосъ крестообразно съ головы ребенка и кладетъ ихъ въ книгу. Затѣмъ онъ спрашиваетъ: «Желаетъ ли младенецъ быть крещеннымъ?» и беретъ нагое дитя отъ кумовей обѣими руками; трижды погружаетъ его въ воду и говоритъ: «Окрещаю тебя во имя Бога Отца, Сына и Святаго Духа».

Затѣмъ онъ суетъ младенцу немного соли въ ротъ, мажетъ ему освященнымъ масломъ крестообразно лобъ, грудь, руки и спину, одѣваетъ ему чистую бѣлую сорочку и говоритъ: «Столь же чистъ и бѣлъ ты теперь, очищенный отъ первороднаго грѣха». Онъ вѣшаетъ ему крестикъ изъ серебра, золота или свинцу (смотря по достатку родителей и насколько они въ состояніи пріобрѣсть) на шею; форма и величина его представлены здѣсь.

Этотъ крестикъ въ теченіе всей своей жизни онъ долженъ носить на шеѣ въ доказательство того, что онъ христіанинъ. Если кого-либо находятъ мертвымъ на улицѣ и креста при немъ не окажется, то его не хоронятъ. Священникъ также назначаетъ младенцу святого и даетъ ему изображеніе его. Крещенный въ теченіе всей жизни долженъ обращаться къ этому святому и почитать его икону больше всѣхъ другихъ. Послѣ этой церемоніи крещенія, священникъ ласкаетъ и цѣлуетъ ребенка, а также и кумовей, и увѣщеваетъ ихъ, чтобы они относились къ младенцу, какъ истинные родители, и не посмѣли вступать въ бракъ другъ съ другомъ, такъ какъ такіе браки у нихъ, какъ выше сказано, строго воспрещены.

Каждое дитя должно получить особую воду для крещенія.

Если двое или трое дѣтей одновременно приносятся для крещенія, то каждому изъ нихъ вновь устраивается купанье обновленія, даже хотя бы ихъ была сотня. Однажды бывшая въ употребленіи вода, которой омыта нечистота первороднаго грѣха, должна быть вылита въ особое мѣсто, и никто уже не долженъ ею оскверняться. Они полагаютъ, что вода при крещеніи совер-

щаетъ не только духовное, но и тѣлесное омовеніе грѣховъ и душевной нечистоты. Также точно они по-фарисейски пользуются и обыкновенной банею и мытьемъ во время браковъ, послѣ совокупленія, послѣ выхода сѣмени ночью, послѣ выпусканія мочи, омывая члены, при этомъ примѣняемые. Многіе изъ нихъ думають, что такое внѣшнее очищеніе достаточно для смытія грязи ихъ грѣховъ, въ которой они видятъ какъ бы матеріальное существо, къ нимъ приклеивающееся.

Вода для крещенія никогда не согрѣвается съ помощью огня; въ зимнее время даютъ ей лишь немного постоять въ тепломъ мѣстѣ.

Какъ крестятъ взрослыхъ людей.

Взрослыхъ людей, которыхъ предполагаютъ крестить (какъ дѣлаютъ съ переходящими къ ихъ религіи, и какъ раньше поступали съ халдеями) приводятъ къ рѣкѣ, въ которой въ зимнее время устраивается прорубь во льду; сюда ихъ съ обычными церемоніями трижды погружаютъ такъ, что вода сходится у нихъ надъ головою. Я упомянулъ о халдеяхъ: такъ назывались въ наше время нѣкоторые люди — проходимцы — которые ежегодно получали отъ патріарха разрѣшеніе въ теченіе восьми дней передъ Рождествомъ и вплоть до Крещенія бѣгать по улицамъ съ особымъ фейерверкомъ, причемъ они прохожимъ зажигали бороды и особенно приставали къ мужикамъ. Въ наше время они зажгли мужику возъ съ сѣномъ, а когда тотъ сталъ имъ сопротивляться, они сожгли ему бороду и волосы на головѣ; кто желалъ быть пощаженнымъ ими, долженъ былъ платить копѣйку (6 пфенниговъ). Они были одѣты какъ во время масляничнаго ряженья, на головахъ у нихъ были деревянныя размалеванныя шляпы, а бороды были вымазаны медомъ, чтобы не быть зажженными огнемъ, который они разбрасывали. Ихъ называли халдеями, обозначая такъ тѣхъ слугъ, которые во времена царя Навуходоносора, по преданію, разводили огонь въ печи, гдѣ предполагалось сжечь трехъ мужей: Седраха, Мисаха и Авденаго. Можетъ быть, въ старину желали при этомъ напомнить и о чудѣ, будто бы происшедшемъ при ихъ обращеніи. Огонь, [разбрасывавшійся ими], они дѣлали изъ особаго порошка, который толкли изъ растенія, называвшагося у нихъ «плаунъ». Пламя это изумительно и очень весело смотрѣть на него, особенно когда его бросаютъ ночью или впотьмахъ; имъ можно пользоваться для разныхъ развлеченій. Поэтому я и предполагаю подробнѣе на немъ остановиться ниже.

Бывающіе халдеи.

Стр. 294.

[Описаніе травы «плаунъ» по книгѣ IV, гл. 24, приводится въ настоящемъ переводѣ здѣсь же, въ видѣ слѣдующаго абзаца]:

Русскій плаунъ.

... Плаунъ не что иное, какъ желтая пыль, выколачиваемая изъ растенія muscus terrestris (земляной мохъ). Этотъ muscus называется въ [нѣмецкихъ] ботаническихъ справочникахъ «Beerlap» или иначе «чертовъ коготь» (Teuffels Klau); онъ растетъ обыкновенно въ лѣсахъ, гдѣ стоятъ ели и березы, а также и въ сухихъ степяхъ. Мы его находили въ русскихъ, а иногда и въ лифляндскихъ лѣсахъ, густыми массами. Это растеніе бросаетъ вверхъ парныя шишечки, которыя въ августѣ, будучи спѣлыми, собираются русскими въ большомъ количествѣ, сушатся въ печи, толкутся и продаются фунтами; я самъ купилъ нѣсколько бычачьихъ пузырей [этого порошку] и вывезъ съ собою. Наряду съ пользою, которую онъ приноситъ при свѣжихъ ранахъ, мокнущихъ болячкахъ и въ случаѣ опрѣлости у дѣтей (такъ какъ онъ сушитъ и исцѣляетъ лучше цинковой окиси), имъ пользуются русскіе для своего халдейскаго огня, о которомъ сказано выше. Порошокъ этотъ держатъ въ пирамидальной формы жестянкѣ, длиною съ поллоктя, иногда и короче; ее берутъ въ руки и сверху у отверстія держатъ зажженную свѣчу или факелъ; снизу подталкиваютъ ее немного кверху, въ воздухъ, такъ что немного плауну вылетаетъ изъ отверстія. Свѣча его подхватываетъ, и онъ вспыхиваетъ. Если подобное подталкиваніе въ воздухъ происходитъ непрерывно, такъ что одно пламя слѣдуетъ за другимъ, или же если разбрасываютъ его вокругъ себя, то получается зрѣлище изумительное. Въ обществахъ можно устраивать хорошее развлеченіе съ помощью [плауна]: если тайкомъ наполнить трубку плауномъ и поднести къ огню и дунуть, то, неожиданно для сидящихъ вокругъ, выбрасывается сильное пламя; чтобы при этомъ получился сильный шумъ, примѣшиваютъ сюда превращенную въ порошокъ березовую листву. Свойство порошка плауна такое, что онъ загорается лишь будучи въ воздухѣ разсѣянъ надъ пламенемъ; въ иныхъ случаяхъ онъ не горитъ, даже если сунуть въ него зажженный фитиль или свѣчу, или если насыпать на горящія уголья. Если нѣтъ этого порошка, то можно воспользоваться благовоннымъ гумми или тонко истолченною древесною смолою [канифолью], которая, помимо развлеченія, даетъ еще хорошій запахъ въ комнатѣ. Плаунъ самъ по себѣ лишенъ запаха и не даетъ дыма... ...

Халдеи во время своего бѣганья считались язычниками и нечистыми; полагали даже, что если бы они въ это время умерли, то были бы прокляты. Поэтому въ день св. Крещенія, во время великаго всеобщаго освященія, ихъ вновь крестили, чтобы смыть съ нихъ эту безбожную нечистоту и вновь

соединить ихъ съ церковью. По принятіи крещенія они вновь дѣлались столь же чистыми и святыми, какъ и всѣ остальные. Такіе люди иногда оказывались окрещенными разъ десять и болѣе. Такъ какъ подобные проходимцы совершали много досадныхъ и гибельныхъ выходокъ съ крестьянами и простымъ людомъ, а также съ беременными женщинами, и изъ-за игры съ огнемъ не разъ вспыхивали пожары, то нынѣшній патріархъ совершенно отмѣнилъ и эту дурацкую игру и бѣготню ряженыхъ.

LVI.

(Книга III, глава 24).

О крещеніи отпавшихъ христіанъ и другихъ взрослыхъ.

Иностранные и отпавшіе христіане, равно какъ и татары и язычники, обращающіеся къ русской вѣрѣ и желающіе креститься, сначала держатся шесть недѣль въ монастырѣ, причемъ монахи обучаютъ ихъ религіи, т. е., большею частью, ихъ способу молиться, признавать святыхъ, кланяться ихъ иконамъ и знаменовать себя крестнымъ знаменіемъ. Потомъ ихъ ведутъ для крещенія къ рѣкѣ, гдѣ они трижды должны плевать на свою прежнюю религію, какъ на еретическую и проклятую, и клясться никогда болѣе не принимать ее. Послѣ крещенія они одѣваются въ новое русское платье, подаренное имъ великимъ княземъ или другими вельможами, ихъ воспріемниками, и имъ доставляется содержаніе, глядя по состоянію ихъ. *Orat. domin.*

Въ настоящее время подобныхъ отпавшихъ очень много въ Москвѣ, такъ какъ не только 22 года тому назадъ, по случаю тогда законченной войны подъ Смоленскомъ, но и теперь, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ пяти, много солдатъ, большею частью французовъ, позволили перекрестить себя, чтобы остаться въ странѣ и получать содержаніе отъ великаго князя,—хотя они и не понимали ничего ни въ языкѣ, ни въ религіи русскихъ. Особенно нужно удивляться, какъ нѣкоторые знатные и умные люди, изъ-за постыдной корысти, согласились отпасть и принять русскую религію. Извѣстны примѣры французскаго дворянина по имени Пьера де-Ремонъ и графа Шляховскаго, какъ и въ новѣйшее время Антонія де-Грэна и полковника Александра Лесли изъ Шотландіи и иныхъ. *Много отпавшихъ въ Москвѣ.*

Этотъ графъ Шляховскій, о которомъ я говорилъ выше, прибылъ въ 1640 г. въ Голштинію и Данію, и трогательно *Графъ Шляховскій.*

Стр. 205.

жаловался его княжеской свѣтлости и его величеству королю Христіану IV, какъ его, происходящаго изъ графскаго рода Шликъ (Сликъ), ради евангелической религіи преслѣдуютъ католики. Онъ такъ убѣдительно излагалъ свои дѣла, что эти государи были тронуты состраданіемъ, оказали ему всяческую милость и дали, по его горестной просьбѣ, ему рекомендацію и проч. къ его царскому величеству въ Московіи. Когда онъ, по этому королевскому предложенію, былъ хорошо принятъ въ Москвѣ, онъ высказалъ весьма свободный образъ мыслей, сталъ говорить, что онъ прибылъ въ страну, чтобы принять русскую религію и остаться у его царскаго величества. Русскимъ это очень понравилось, особенно потому, что онъ былъ знатнаго состоянія— русскіе это очень цѣнятъ, и зналъ къ тому же латинскій и польскій языки; его охотно приняли, окрестили, сдѣлали его княземъ и дали ему имя—князь Левъ Александровичъ Шликъ. Ему стало отпускаться ежемѣсячное жалованье наличными деньгами въ размѣрѣ 200 рейхсталеровъ. Нѣкоторые думали, что онъ имѣлъ виды на бракъ съ великою княжною Ириною Михайловною. Когда онъ, однако, узналъ, что идутъ переговоры о выдачѣ ея за иностраннаго графа и что поэтому уже два посольства отправлены изъ Москвы въ Данію, онъ почувствовалъ очень сильную досаду; однако, въ концѣ концовъ, онъ остался доволенъ, что за него выдали дочь знатнаго богатаго боярина. Когда съ теченіемъ времени упомянутый нами его величество король датскій узналъ, что этотъ Шликъ не изъ столь высокаго рода, но просто подданный графа Каспара фонъ-Денгоффа въ Польшѣ и что онъ воспользовался рекомендаціей только для того, чтобы перебѣжать, великому князю сообщена была истина и принесено было ему извиненіе за предложеніе, хитростью добытое. Его царскому величеству было крайне непріятно узнать объ этомъ обстоятельствѣ, но онъ не захотѣлъ отнять разъ уже дарованную милость; онъ оставилъ за нимъ титулъ князя и жалованье, которые и теперь ему принадлежатъ, но его строго призвали къ отвѣту и бранили за то, что онъ выдалъ себя за графа фонъ-Шлика. И послѣ этого, какъ и въ наши дни, онъ писалъ себя княземъ Львомъ Александровичемъ Шляховскимъ и считался среди дворянъ или гофъ-юнкеровъ царя.

О полковникѣ Лесли.

Что касается Лесли, то онъ далъ себя увлечь [къ перемѣнѣ вѣры] несчастіемъ. Произошло это такимъ образомъ. Послѣ того какъ полковникъ Лесли, ради упомянутаго смоленскаго похода, получилъ отъ бывшаго великаго князя большую сумму денегъ и вывезъ ихъ изъ Москвы, ему со временемъ опять пришла

охота послужить нынѣшнему великому князю. Поэтому онъ, въ составѣ великаго посольства, которое немного лѣтъ тому назадъ отошло изъ Швеціи (во главѣ посольства, состоялъ государственный совѣтникъ и дворянинъ [баронъ] Эрикъ Гильденшерна), вновь прибылъ въ Москву и предложилъ русскимъ свои услуги. Такъ какъ въ то время русскіе не имѣли въ виду никакой войны и не очень хотѣли безъ нужды расходовать деньги, то онъ и предложилъ, что былъ бы доволенъ помѣстьемъ и крестьянами вмѣсто наличныхъ денегъ; на это согласились, и ему передали великолѣпное имѣніе на берегахъ Волги, съ принадлежавшими сюда крестьянами. Послѣ этого полковникъ велѣлъ женѣ и дѣтямъ пріѣхать въ Россію и владѣлъ этимъ имѣньемъ. Г-жа полковница, какъ хозяйка умная и аккуратная, кажется, возлагала на русскихъ крестьянскихъ женщинъ работу болѣе значительную, чѣмъ онѣ привыкли нести раньше; поэтому онѣ стали выражать неудовольствіе и стали говорить: «онѣ болѣе не въ состояніи служить у полковницы Лесли; она имъ въ постные дни, въ противность русской вѣрѣ, даетъ мясо, трудною работою удерживаетъ ихъ отъ хожденія въ церковь, не даетъ имъ на дворѣ столько времени, чтобы они утромъ могли положить полагающееся передъ Богомъ и иконами количество «поклоновъ» и совершать свое служеніе Богу; кромѣ того, она будто бьетъ народъ и—что отвратительнѣе всего—взяла икону со стѣны и бросила ее въ пылающую печь, гдѣ она и сгорѣла». Передъ русскими послѣднее обстоятельство было дѣломъ великимъ и обвиненіемъ страшнымъ. Послѣ того полковника съ женою и дѣтьми, вмѣстѣ со всѣми дворовыми, доставили въ Москву, и жалобщикамъ и обвиняемымъ дана была очная ставка. Полковница, правда, не отрицала того, что она строго требовала работы, но о другихъ обвиненіяхъ она не желала знать ничего, говоря, что женщины, изъ ненависти и злости, только ради работы, на нихъ возлагавшейся, возводили на нее эти лживыя обвиненія. Нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ служителей Лесли, которые подавали хорошія свидѣтельства въ извиненіе своей полковницы, взяли подъ стражу и грозили имъ пыткою. Крестьянки же сами предложили себя на пытку. Остальные [слуги], которые еще были на свободѣ, ожесточенно нападали другъ на друга, и съ обѣихъ сторонъ пролито много крови; тѣмъ не менѣе, никто не хотѣлъ брать вины на себя. Тутъ вмѣшался патріархъ, сумѣвшій убѣдить его царское величество, что у иностранцевъ слѣдуетъ отнять всѣ помѣстья и не допускать, чтобы православные христіане въ своемъ отечествѣ испытывали такое обращеніе со сто-

Предлагаетъ свои услуги московитамъ.

Получаетъ помѣстье.

Жалоба крестьянъ на полковницу.

Жалобщиковъ и обвиняемыхъ выслушиваютъ.

роны невѣрныхъ и некрещенныхъ нѣмцевъ и такъ оскорблялись бы въ собственномъ богослуженіи. Патріархъ зажегъ этотъ огонь, а бояре, давно уже простиравшіе свои корыстныя руки къ хорошо устроеннымъ имѣніямъ нѣмцевъ, прилежно подкладывали сюда дрова. Ежедневно они докладывали его царскому величеству, чтобы исполнено было справедливое ходатайство патріарха. Послѣ этого Лесли потерялъ свое помѣстье съ крестьянами, потому, что онъ не русской вѣры, такъ какъ впредь только одни русскіе должны владѣть такими имѣніями. Лесли, не зная, какъ теперь быть и какъ прокормиться съ женою и дѣтьми безъ этого имѣнія, далъ знать, что онъ готовъ—только бы сохранили за нимъ помѣстье съ крестьянами—вмѣстѣ съ женою и дѣтьми принять русскую вѣру и перекреститься. Патріархъ и дворъ отнеслись къ этимъ словамъ благосклонно, и Лесли было обѣщано исполнить его просьбу. Послѣ этого его со всей его семьею отправили въ монастырь, продержали въ немъ шесть недѣль, обучая его ихъ статьямъ вѣры, въ особенности же церемоніямъ русской церкви; затѣмъ ихъ погрузили въ воду и перекрестили. Перекрещеннымъ дали новыя имена, а тесть великаго князя бояринъ Илья Даниловичъ и его боярыня, бывшіе крестными отцомъ и матерью, дали имъ великолѣпныя русскія одежды. Послѣ этого полковника пришлось вновь вѣнчать съ его женою, и Илья устроилъ имъ свадьбу въ своемъ дворѣ. Его царское величество подарилъ новымъ русскимъ, для привѣта въ ихъ [новой] религіи, 3,000 рублей, т. е. 6,000 рейхсталеровъ.

Лесли теряетъ помѣстье.

Даетъ себя перекрестить съ женою и дѣтьми.

Когда Лесли со своими находился въ монастырѣ, то крестьяне и крестьянки его помѣстья, узнавъ, что имъ вновь придется идти подъ прежнее ярмо, подали челобитную, чтобы ихъ пощадили отъ подданства Лесли, обѣщая послушно служить всякому другому, кому бы его царское величество ни отдалъ ихъ подъ власть. Какъ разъ въ это время перекрещенному французу Антонію де-Гронъ [де-Грэнъ] обѣщано было дать помѣстья; онъ и попросилъ объ этихъ имѣніяхъ полковника Лесли, и, узнавъ, что крестьяне просили о другомъ господинѣ, онъ подговорилъ ихъ, чтобы они у его царскаго величества попросили именно о немъ. Послѣ этого де-Гронъ получилъ имѣніе и до сихъ поръ владѣетъ имъ. Лесли же убѣдили отпустить крестьянъ съ миромъ, такъ какъ они, все равно, въ концѣ концовъ, сломили бы шею ему и его семьѣ. Поэтому онъ теперь въ мирное время получаетъ отъ его царскаго величества ежемѣсячно 90 рейхсталеровъ, подобно другимъ полковникамъ. И

Антоній де-Гронъ.

сыну его также положено жалованье полковника, только не столь высокое, какъ отцу.

Въ противовѣсъ этимъ примѣрамъ непостоянства въ религіи со стороны лицъ мужескаго пола, я хочу разсказать памятный примѣръ замѣчательнаго постоянства слабой женщины.

Пьеръ де-Ремонъ.

Года съ 32 тому назадъ упомянутый выше французскій баронъ Пьеръ де-Ремонъ прибылъ въ Москву и женился здѣсь на дѣвицѣ, родной дочери Джона Барнеслея, происходящаго изъ дворянскаго рода въ Англіи и давно уже жившаго въ Москвѣ; ей было въ это время 15 лѣтъ и она считалась прекраснѣйшей изъ всѣхъ иностранокъ въ Москвѣ. Этотъ баронъ, чтобы заслужить милость великаго князя и расположеніе вельможъ, принялъ русскую вѣру, далъ себя перекрестить и сталъ именоваться Иваномъ. Русскіе, какъ и баронъ, были бы очень рады, если бы и жена, кальвинистка по исповѣданію, добровольно также перекрестилась; они и старались этого добиться. Такъ какъ она отказывалась, то патріархъ сначала старался привлечь ее добрыми словами и великолѣпными обѣщаніями; когда это не помогло, то онъ сталъ сурово угрожать ей. Тогда она пала ницъ съ униженной просьбою, чтобы лучше отняли у нея жизнь, чѣмъ ея религію; [она говорила, что] «желаетъ жить и умереть въ своей религіи, что бы съ ней ни сдѣлали». Ея дѣтей, которыхъ она родила барону, у нея насильно отняли и окрестили по-русски. Отца, который ради дочери поклонился патріарху въ ноги, тотъ оттолкнулъ ногою, а ее насильно велѣно было крестить. Патріархъ говорилъ, что, такъ какъ она ничего не понимаетъ, то ее слѣдуетъ разсматривать какъ ребенка и потащить къ крещенію. Во время крещенія она сильно сопротивлялась. Когда ее привели къ рѣкѣ и насильно сняли съ нея одежды, монахини, которыя ее должны были крестить, заставляли ее, по обычаю, плевать на [прежнюю] религію; она сама плюнула въ лицо монахинѣ, которая обратилась къ ней съ этимъ требованіемъ. Когда ее погрузили въ воду, она потащила за собою въ воду другую монахиню и сказала при этомъ: «Вы можете, конечно, погрузить тѣло, но душа отъ этого ничего не восчувствуетъ». Послѣ такого насильственнаго крещенія или купанья ее вмѣстѣ съ ея мужемъ послали въ городъ Вятку[?], куда мужъ ея назначенъ былъ воеводою. Когда[?], по истеченіи срока, по обычаю, совершено было перемѣщеніе воеводъ, баронъ вновь отозванъ былъ въ Москву и вскорѣ умеръ, вдова хотѣла снова снять съ себя русскія одежды и начать ходить со своими единовѣрцами въ [реформатскую] церковь; однако это ей не

Даетъ себя перекрестить.

Жену его насильно вторично крестятъ.

Ее отправляютъ въ монастырь и держатъ тамъ пять лѣтъ.

удалось. Обоихъ ея сыновей у нея отняли и передали ихъ русскому дворянину на воспитаніе. Ее же самое съ малолѣтнею дочерью отправили въ Бѣлоозерскій монастырь, лежащій въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Москвы, и содержали тамъ; и вотъ она, еще будучи молодой женщиною всего 21 года, должна была пять лѣтъ провести въ горѣ и безъ утѣшенія среди старыхъ монахинь. Она не только была лишена присутствія и общества сыновей своихъ, отца и другихъ друзей, но ей даже ни разу не позволили ни писать о своей жизни и состояніи своимъ родственникамъ, ни отъ нихъ получать письма. Тѣмъ не менѣе она не хотѣла ни кланяться передъ русскими иконами ни сгибаться передъ ними; напротивъ, скорѣе она сама начала приводить монахинь къ своимъ воззрѣніямъ, чѣмъ поддалась ихъ увѣщаніямъ.

Тайная вѣсть.

Пока продолжалось это ея бѣдствіе, счастью однажды было угодно, что ей тайкомъ, по удачному случаю, передано было извѣстіе о родственникахъ. Когда однажды нѣмецкій кровельщикъ былъ посланъ въ этотъ монастырь для исправленія крыши, и она хотѣла съ нимъ переговорить о своихъ, то всякій разъ монахини отправлялись съ нею и мѣшали ей. Кровельщикъ, однако, чтобы, тѣмъ не менѣе, найти возможность говорить съ съ нею незамѣтно отъ русскихъ, часто призывалъ къ себѣ своего мальчика и, съ сердитымъ выраженіемъ и угрозами глядя на него, говорилъ тѣмъ временемъ съ нею, о чемъ ему было приказано, и сказалъ, гдѣ она въ его отсутствіе найдетъ письмо. Монахинямъ при этомъ казалось, что мастеръ за что-то бранитъ своего мальчика или приказываетъ ему что-то сдѣлать.

Такимъ способомъ добрая женщина получила извѣстіе, да и сама дала отвѣтъ подъ видомъ какъ бы заступничества за мальчика.

Наконецъ, когда патріархъ Филаретъ Никитичъ умеръ, она была освобождена изъ монастыря по просьбамъ и по большимъ хлопотамъ ея родственниковъ, и ей дано было милостивое разрѣшеніе жить въ Москвѣ; однако она должна были держать при себѣ только русскую прислугу. Ей, впрочемъ, разрѣшено было выходить — лишь бы не въ нѣмецкую церковь — и ее можно было навѣщать кому угодно и когда угодно. Я дважды былъ у нея съ ея зятьями, г. Петромъ Марселисомъ и г. Фенцелемъ, женатыми на сестрахъ этой женщины, и съ изумленіемъ слышалъ, съ какимъ терпѣніемъ она несла свое бѣдствіе и какъ умѣла находить себѣ въ немъ утѣшеніе. Итакъ эта госпожа Анна въ своей религіи до конца своего осталась постоянною.

Какъ нынѣ я слышалъ, уже два года тому назадъ она скончалась. Замѣчательно, что ея дѣдъ Вильямъ Барнеслей, умершій пять лѣтъ тому назадъ въ Англіи, достигъ возраста 126-ти лѣтъ. Уже имѣя 100 лѣтъ и овдовѣвъ въ это время, онъ еще разъ вступилъ въ бракъ.

Мужчина, которому 126 лѣтъ.

О другихъ случахъ, въ которыхъ бы русскіе принуждали кого-либо насильно перейти въ свою религію, неслышно. Они разрѣшаютъ всякому свободу совѣсти, хотя бы это и были ихъ подданные и рабы. Однако, если кто-либо вступаетъ въ бракъ съ лицомъ ихъ вѣры, то они уже не даютъ ему свободы исповѣданія. Если кто добровольно переходитъ къ нимъ, то они его охотно принимаютъ и даютъ ему содержаніе на всю его жизнь. Отпавшіе такимъ образомъ [отъ прежней своей религіи] сильнѣе всего свирѣпствуютъ противъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, и отъ нихъ иностранцамъ приходится хуже, чѣмъ отъ русскихъ. Насчетъ этого можно бы привести нѣсколько примѣровъ.

Перекрещенцы—злѣйшіе люди.

Если кто-либо изъ русскихъ за-границею перейдетъ въ другую религію, а по возвращеніи вновь обратится къ православной вѣрѣ, то его нужно вновь крестить.

Подобное вторичное крещеніе христіанъ, обращающихся къ нимъ изъ какой-либо иной секты, они, безъ сомнѣнія, заимствовали отъ грековъ, которые, отдѣлившись отъ латинской церкви, стали считать латинское крещеніе недостаточнымъ и поэтому начали вновь крестить тѣхъ, кто отпадали отъ западной церкви и желали стать членами ихъ церкви. Однако, они, и всѣ тѣ, кто въ этомъ дѣлѣ слѣдуютъ грекамъ, въ 1215 г. папою Иннокентіемъ III на латеранскомъ соборѣ, 4-ымъ постановленіемъ, отлучены отъ церкви и преданы проклятію. Объ этомъ можно прочитать въ «Concilia Magna», t. XVIII, p. 165.

LVII.

(Книга III, глава 25).

О русскихъ торжественныхъ и праздничныхъ дняхъ и о томъ, какъ они слушаютъ слово Божіе, а также о ихъ церквахъ.

У русскихъ имѣются опредѣленные торжественные и праздничные дни, когда они молятся въ церквахъ, причемъ, помимо воскресеній, они для этой цѣли пользуются еще средою и пятницею (это у нихъ постные дни). Эти праздники теперь соблюдаются гораздо больше, чѣмъ раньше. Раньше они полагали, что только бы утромъ побывать въ церквахъ, а затѣмъ опять можно перейти къ обычной своей работѣ. Кромѣ того они говорили, что праздновать надлежитъ лишь господамъ, а не рабамъ и слугамъ, каковыми они являлись (объ этомъ упомянуто у Герберштейна на стр. 30-й). Поэтому еще въ наше время по воскресеньямъ такъ же, какъ и по буднямъ, можно было видѣть ихъ торгующими и промышляющими въ своихъ лавкахъ и мастерскихъ. Теперь же патріархъ постановилъ, чтобы не только по воскресеньямъ и праздникамъ, но и по средамъ и пятницамъ лавки и мастерскія не открывались; въ тѣ же дни полагается закрывать и кабаки и трактиры, и особенно, когда время идти въ церковь, ничего изъ нихъ нельзя продавать.

Великіе ихъ праздники, весьма торжественно справляемые ежегодно,—слѣдующіе 13. Такъ какъ Новый годъ, какъ выше сказано, они считаютъ съ осени, съ 1-го сентября, то первый большой ихъ праздникъ приходится на 8-е сентября. Онъ называется—«праздникъ Рождества Пречистыя Богородицы».

Второй праздникъ—14-го сентября — «Воздвиженіе Креста [Господня]».

Третій — 21-го ноября — «Введеніе Пречистыя Богородицы [во храмъ]».

Четвертый—25-го декабря—«Рождество Христово».

Пятый—6-го января – «Богоявленіе» или же «Крещеніе».

Шестой—2-го февраля—«Срѣтеніе Господа Бога».

Седьмой—25-го марта—«Благовѣщеніе Пречистыя Богородицы».

Восьмой—«Вербное воскресеніе», когда торжественно совершается большая процессія и празднуется Входъ Христа во Іерусалимъ.

Девятый—«Великій день» или «Воскресеніе Христово».

Десятый—«Вознесеніе Христово».

Одиннадцатый—«Сошествіе Святого Духа» или «Троица».

Двѣнадцатый — 6-го августа—«Преображеніе Господа Христа».

Тринадцатый—15-го августа — «Успеніе Пречистыя Богородицы».

Ежедневные праздники святыхъ.

Помимо этого не проходитъ дня, когда не праздновалась бы память того или иного святого; иногда даже въ одинъ день приходится два или три такихъ праздника: можно, по желанію, праздновать этотъ день или не праздновать, но духовенство, во всякомъ случаѣ, обязано въ честь этихъ святыхъ читать, пѣть и служить обѣдни. У нихъ имѣется постоянный календарь по старому стилю, въ которомъ они очень ловко и быстро умѣютъ находить чередованіе какъ подвижныхъ, такъ и неподвижныхъ праздниковъ.

Русскій календарь.

Что они читаютъ въ церквахъ?

Въ большіе праздники и по воскресеньямъ они трижды ходятъ въ церковь: сначала, еще до восхода солнца, къ «заутрени», потомъ около полудня—къ «обѣднѣ», и вечеромъ къ «вечернѣ». Здѣсь попъ или священникъ читаетъ нѣкоторыя главы изъ Библіи, особенно нѣкоторые псалмы Давидовы, Евангеліе, иногда и проповѣдь изъ Златоуста, а также Аѳанасіевскій Символъ вѣры и нѣкоторыя молитвы; онъ же поетъ полнымъ голосомъ въ тонъ, подобно употребительнымъ и у насъ антифонамъ и responsori'ямъ. Посреди чтенія и пѣнія священникъ часто говоритъ «Господи, помилуй», а народъ повторяетъ это трижды, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и благословляя себя.

Послѣ чтенія и пѣнія попъ идетъ къ алтарю со своимъ капланомъ (таковой при всѣхъ духовныхъ обрядахъ долженъ находиться при каждомъ священникѣ) и служитъ обѣдню, а именно—литургію древняго учителя церкви Василія Великаго. Онъ льетъ въ чашу красное вино вмѣстѣ съ водою, крошитъ сюда квашеный хлѣбъ, благословляетъ его и читаетъ при этомъ съ четверть часа. Потомъ онъ беретъ изъ чаши ложкою и вкушаетъ одинъ, не давая другимъ причастникамъ, за исключеніемъ развѣ того случая, если въ церковь принесено больное дитя, и причастіе для него потребуется; въ этомъ случаѣ онъ даетъ и ребенку.

Если священникъ въ этотъ день имѣлъ соитіе со своею женою, онъ не смѣетъ служить обѣдни, а долженъ заставить другого служить за себя.

Не проповѣдуютъ.

Въ то время, когда служится обѣдня, народъ стоитъ и дѣлаетъ поклоны передъ иконами; при этомъ неоднократно повторяется «Господи, помилуй». Обыкновенно же они, какъ уже сказано, не произносятъ проповѣдей и не объясняютъ библейскихъ текстовъ, но довольствуются простымъ чтеніемъ текста и самое большее—проповѣдями вышеназваннаго учителя церкви; указываютъ они при этомъ на то, что въ началѣ церкви Св. Духъ оказывалъ свое воздѣйствіе безъ особыхъ толкованій, и что поэтому онъ и теперь можетъ совершать то же. Кромѣ того, многое толкованіе вызываетъ только различныя мнѣнія, причиняющія лишь смятеніе и ереси. Два года тому назадъ «муромскій протопопъ», по имени Логинъ, осмѣлился проповѣдывать, и началъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми подчиненными ему попами въ Муромѣ и другихъ городахъ, произносить открытыя проповѣди, поучать народъ изъ слова Бытія, увѣщевать и грозить ему. Ихъ поэтому прозвали казаньцами [отъ слова «казанье —проповѣдь]; народу къ нимъ стекалось очень много. Когда, однако, патріарху это стало извѣстно, онъ постарался принять мѣры противъ этого, отрѣшилъ проповѣдниковъ отъ должностей, проклялъ ихъ съ особыми церемоніями и сослалъ на жительство въ Сибирь.

Почему это такъ.

Нѣкоторымъ попамъ попадаетъ за проповѣдь.

Пока у нихъ нѣтъ проповѣдей и бесѣдъ по религіознымъ вопросамъ (вѣдь, говоря словами Поссевина, проповѣдь—«почти единственный путь, которымъ божественная мудрость пользовалась для распространенія свѣта евангельскаго»), я того мнѣнія, что русскіе врядъ ли приведены будутъ на правый путь и къ правому образу жизни, такъ какъ никто не показываетъ блуждающимъ истиннаго пути и не усовѣщиваетъ ихъ при многихъ распространенныхъ у нихъ грубыхъ грѣхахъ, да и никто ихъ и не укоряетъ, кромѣ развѣ палача, налагающаго имъ на спину свѣтское наказаніе за содѣянныя уже преступленія.

Possevini «de rebus Moscoviticis».

Евангелическія исторіи.

У нихъ имѣются въ особой книгѣ подробныя описанія и толкованія нѣкоторыхъ евангельскихъ исторій, приправленныя прибавками, баснями и грубыми опасными вымыслами; ими они часто пользуются для прикрытія грѣховъ своихъ. Я приведу въ этомъ смыслѣ только одинъ разсказъ, который упомянутъ Іаковомъ, датскимъ дворяниномъ (посломъ Фридриха II датскаго къ московитскому великому князю) въ описаніи его путешествія. Въ Великомъ Новгородѣ онъ повелъ духовный разговоръ со своимъ приставомъ Ѳедоромъ, старымъ сѣдымъ человѣкомъ. Русскій этотъ полагалъ, что изъ-за грѣховъ, даже если они ежедневно совершаются, человѣку нечего бояться, лишь бы только у него было намѣреніе въ свое время принести покаяніе. Въ доказательство

этой своей мысли онъ привелъ примѣръ раскаявшейся грѣшницы Маріи Магдалины. Эта Марія Магдалина будто была весьма развратною женщиною, долго занималась блудомъ и поэтому весьма часто грѣшила. Однажды ей на пути встрѣтился человѣкъ, который попросился провести съ нею ночь; такъ какъ она сначала не соглашалась, онъ сталъ упрашивать еще усерднѣе и умолялъ ее «ради Бога»; послѣ этого она поступила согласно съ его просьбою. Такъ какъ она совершила это дѣло ради имени Господа, то ей не только дано было прощеніе всѣхъ ея грѣховъ, но она, кромѣ того, красными буквами записана была въ списокъ святыхъ. Этотъ разсказъ — отвратительная и кощунственная хула на святую волю Божію, и исторія раскаявшейся грѣшницы въ немъ загрязнена и извращена грубою ложью.

Вымышленная исторія Маріи Магдалины.

По этому поводу я вспоминаю, что разсказываетъ о себѣ флорентійскій дворянинъ Фердинандъ Капонъ. Онъ будто бы былъ монахомъ и также точно злоупотребилъ исторіею Маріи Магдалины, чтобы прикрыть свой позорный поступокъ, — если только вѣрить его словамъ. Въ 7-й главѣ своего разсужденьица о жизни монаховъ, написаннаго имъ по-тоскански, а въ Лейпцигѣ переведеннаго по-нѣмецки, онъ говоритъ: «Когда я постомъ проповѣдывалъ въ Мессанѣ и былъ здѣсь влюбленъ въ замужнюю даму, называвшуюся г-жа Магдалина, я ей какъ-то признался въ любовной страсти. Она же сказала мнѣ, что не любитъ монаховъ: слишкомъ они некрасивы. Думая день и ночь о томъ, какъ бы ее настроить иначе, чтобы она отвѣтила на мою страсть согласіемъ, я выдумалъ, наконецъ, слѣдующее. Я обратилъ прилежное вниманіе на ея розоваго цвѣта одежду, которую она обыкновенно одѣвала по праздникамъ. Въ слѣдующее воскресенье я рѣшилъ, что исторія о Маріи Магдалинѣ годилась бы для моей цѣли, а именно въ той части, гдѣ говорится, какъ она шла въ церковь послушать проповѣдь Христа. Желая описать одежду и красоту Маріи Магдалины, я по всѣмъ статьямъ описалъ одежды и красоту этой иной г-жи Магдалины, а чтобы быть увѣреннѣе, что и она понимаетъ, какъ въ этомъ описаніи я о ней говорю, я постоянно пристально устремлялъ свои глаза на нее, говоря такъ: «Прекрасная Магдалина ходила въ храмъ, одѣтая въ пурпуръ, который, при видѣ издали, ясно показывалъ, что эта красивая заря являлась не инымъ чѣмъ, какъ предтечею чрезвычайно прекраснаго солнца. Когда она подходила ближе, то не было ни одного, кто бы, посмотрѣвъ въ звѣзды ея глазъ, не почувствовалъ сразу вліяніе любовной страсти на свою душу. Не было человѣка, который, при видѣ розъ ея щекъ, не чув-

Фердинандъ Капонъ.

Злоупотребленіе исторіею о Маріи Магдалинѣ.

Описаніе прекрасной дамы.

ствовалъ бы, какъ выростаютъ сладкіе шипы въ груди у него, и не было глазъ, которые не были бы ослѣплены снѣгомъ ея бѣлыхъ грудей. У лѣваго уха носила она серебряную лилію, которая, играя среди золотистыхъ волосъ ея, придавала красотѣ ея особую прелесть. Шею ея, цвѣта слоновой кости, украшалъ драгоцѣнный пиропъ, казавшійся краснымъ отъ гнѣва, такъ какъ онъ видѣлъ, что слава его помрачалась живыми кораллами ея губъ». Когда я это сказалъ, я увидѣлъ, что эта госпожа стала мило улыбаться и что щеки ея въ то же время окрашивались въ пурпуръ; по этимъ краснымъ буквамъ я лучше всего могъ прочесть, что она прекрасно поняла смыслъ моей рѣчи».

Алекс. Капонъ умеръ.

Нашихъ плановъ не касается и поэтому я здѣсь не желаю болѣе разсказывать, какія Капонъ еще говорилъ рѣчи съ этой женщиною въ ея домѣ. Онъ былъ человѣкъ жизнерадостный и шесть лѣтъ тому назадъ умеръ у насъ въ Шлезвигѣ. Я сдѣлалъ это отступленіе съ тою цѣлью, чтобы видѣли, что имѣются люди, въ особенности — русскіе, которые такъ скверно обращаются со Словомъ Божіимъ, искажаютъ библейскія исторіи и пользуются ими какъ покрышкою своихъ грѣховъ...

LVIII.

(Книга III, глава 26).

О крестномъ знаменіи русскихъ, о томъ, какъ они себя благословляютъ, и объ иконахъ святыхъ, передъ которыми они кладутъ поклоны.

Объ иконахъ и благословеніи себя.

Герберштейнъ, стр. 30.

Слушая чтеніе нѣкоторыхъ главъ изъ Библіи, русскіе одновременно стоятъ съ обнаженными головами передъ своими иконами (какъ вѣдь и вообще никто, ни даже самъ великій князь, не смѣетъ находиться въ церкви съ покрытою головою, кромѣ лишь священника, сохраняющаго на головѣ свою «скуфью» или шапочку, въ которой онъ посвящался), очень часто кладутъ поклоны и благословляютъ себя, какъ это описано Герберштейномъ: для этой цѣли они пользуются первыми тремя пальцами правой руки, касаясь ими сначала лба, потомъ груди, затѣмъ проводя справа налѣво и приговаривая каждый разъ: «Господи, помилуй».

Петръ Микляевъ, недавній русскій посолъ въ Голштиніи, далъ мнѣ объясненіе крестнаго знаменія и того, о чемъ разум-

ные люди при этомъ вспоминаютъ: три пальца знаменуютъ собою св. Троицу, поднятіе руки ко лбу — Вознесеніе Христа, пріуготовляющаго намъ мѣсто на небѣ, прикосновеніе къ груди указываетъ на сердце и на заключеніе въ немъ слова Божія; движеніе же справа налѣво [указываетъ] на свойство Страшнаго Суда, когда благочестивые будутъ поставлены направо, а злые налѣво, первые будутъ вознесены къ блаженству, а вторые низвергнуты въ адъ.

Что обозначаетъ крестное знаменіе.

Подобнаго рода крестное знаменіе примѣняютъ они при всѣхъ своихъ начинаніяхъ, и въ свѣтскихъ и въ домашнихъ дѣлахъ такъ же, какъ и въ духовныхъ; безъ него они не берутся ни за ѣду, ни за питье, ни вообще за какое-либо дѣло.

Почитаніе иконъ.

Что касается почитанія иконъ, то нѣтъ указаній на то, чтобы оно было обычно въ церкви въ теченіе первыхъ трехсотъ лѣтъ до временъ императора Константина Великаго, хотя, вѣроятно, какъ видно изъ Тертулліана, и изображались живописью или рѣзцомъ духовнаго содержанія картины, притчи и исторіи, тѣмъ не менѣе эти изображенія не почитали какъ святыхъ, и не молились имъ, какъ это дѣлаютъ русскіе. Русскіе говорятъ, что научились этому отъ Дамаскина; я, однако, думаю, что они приняли и это изъ греческой церкви. Они не признаютъ рѣзныхъ изображеній, говоря, что Богъ воспретилъ приготовлять рѣзныя, а не живописныя изображенія, и поклоняться имъ. Поэтому приходится удивляться, что они такъ высоко почитаютъ рѣзное изображеніе Николы Чудотворца въ Москвѣ — можетъ быть, потому, что онъ, кажется, не изъ древнихъ, а изъ новыхъ святыхъ у нихъ. Въ прочихъ случаяхъ у нихъ употребляются исключительно живописныя картины, которыя безъ особаго искусства и изящества коричневожелтой краскою написаны на доскахъ, обыкновенно длиною въ 1/4 или 1/2 локтя и нѣсколько болѣе узкихъ.

Tertullian. lib. de pud. cap. 7.

Стр. 292. Изображенія должны быть живописныя, а не рѣзныя.

Они не почитаютъ и не уважаютъ иконъ, помимо тѣхъ, которыя написаны русскими или греками, какъ бы другія націи ни приготовляли ихъ прекрасно и искусно. Какъ будто религія мастера могла бы передаться и иконѣ!

У нихъ въ Москвѣ имѣются особые рынокъ и лавки, гдѣ они продаютъ подобныя иконы, или, какъ они это говорятъ, «вымѣниваютъ на деньги и серебро», такъ какъ вѣдь было бы неприлично покупать боговъ.

Рынокъ для продажи боговъ.

Они никогда также не оставляютъ иконъ на попеченіи людей, которые не ихъ религіи, опасаясь, что съ ними не будутъ обращаться съ должнымъ почетомъ.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣмецкій купецъ Кароль Мёллинъ купилъ у русскаго каменный домъ, русскіе начисто выскребли всѣ иконы, написанныя на стѣнахъ, на штукатуркѣ, и пыль отъ нихъ унесли съ собою. Они сильно насъ бранятъ за то, что мы духовнаго содержанія картины, особенно же распятіе Христа, изображаемъ на печкахъ и становимся къ нимъ заднею частью тѣла.

Крестьяне въ деревняхъ не желали допустить, чтобы мы касались руками ихъ иконъ или, лежа на лавкахъ, обращались къ нимъ ногами. У нѣкоторыхъ изъ нихъ, послѣ нашего постоя, долженъ былъ являться попъ съ кадиломъ и вновь освящать иконы, точно онѣ были нами загрязнены.

Знаменитѣйшія иконы.

Въ ихъ церквахъ виситъ на стѣнахъ большое количество иконъ, изъ которыхъ самыя многочисленныя и самыя знаменитыя должны представлять Господа Христа, Св. Дѣву Марію и Николая, главнаго ихъ патрона. У каждаго здѣсь имѣется свой святой или своя икона, передъ которою онъ молится. Если кто-либо совершитъ грубое преступленіе, достойное отлученія, то его святой [его икона] удаляется изъ церкви; этой иконою онъ можетъ послѣ этого пользоваться дома, такъ какъ отлученный не смѣетъ болѣе входить въ церковъ. Тѣ, у кого есть средства, убираютъ и украшаютъ свои иконы великолѣпнѣйшимъ образомъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Икона непремѣнно требуется для молитвы; поэтому онѣ должны у нихъ быть не только въ церквахъ и во время публичныхъ процессій, но и у каждаго въ его домѣ, комнатѣ и каморкѣ, чтобы во время молитвы имѣть ее передъ глазами. Когда они собираются молиться, они зажигаютъ одну или двѣ восковыя свѣчи и прикрѣпляютъ ихъ передъ иконою; отъ этой причины часто, когда они забудутъ потушить свѣчу, происходятъ пожары. До сихъ поръ и нѣмцамъ приходилось, ради русскихъ, держать такія иконы въ своихъ домахъ, такъ какъ иначе русскіе неохотно съ ними сносились, да и нельзя было получить русской прислуги безъ этого. Теперь же патріархъ не желаетъ допускать, чтобы ихъ иконы еще встрѣчались въ нѣмецкихъ комнатахъ, по его мнѣнію, недостойныхъ этой чести. Когда русскій отправляется къ другому въ домъ или комнату, онъ сначала воздаетъ честь Богу и произноситъ свое «Господи». Только послѣ этого онъ начинаетъ говорить съ людьми. Въ домъ онъ входитъ какъ нѣмой, ни на кого не обращая вниманія, хотя бы даже 10 и болѣе человѣкъ находились въ помѣщеніи. Лишь только войдя въ комнату, онъ, прежде всего, обращается къ иконѣ, которая

Икона — вещь необходимая.

обыкновенно поставлена за столомъ въ углу; если ея ему не видно, онъ спрашиваетъ: «Есть ли Богъ?» Лишь только замѣтивъ ее, онъ, съ поклонами передъ нею, трижды совершаетъ крестное знаменіе. Затѣмъ онъ оборачивается къ людямъ, здоровается съ ними и справляетъ свое дѣло.

Приписываютъ иконамъ большую силу.

Они приписываютъ иконамъ весьма большую силу, будто они совершенно особымъ образомъ могутъ помогать въ дѣлахъ. Неоднократно уже упоминавшійся датскій дворянинъ Іаковъ говоритъ, что они въ его время икону на палкѣ держали въ пивѣ во время пивоваренія, надѣясь, что тогда пиво лучше сварится. Они ихъ какъ-то боятся и страшатся, точно въ нихъ дѣйствительно имѣется какая-то божественная сущность. Когда они желаютъ при иконахъ заняться плотскою утѣхою, то они завѣшиваютъ ихъ платкомъ. Иногда они ими наводятъ страхъ на людей. Въ 1643 г. по Р. Х., въ іюнѣ мѣсяцѣ, случилось какъ-то, что одна изъ ихъ иконъ начала казаться въ лицѣ своемъ краснѣе обыкновеннаго. Попы сообщили объ этомъ патріарху и великому князю, подняли изъ-за этого цѣлую исторію, точно это обстоятельство знаменовало собою что-то великое; говорили, что слѣдуетъ объявить дни покаянія и поста, дабы отстранить грозящее наказаніе. Великій князь, какъ государь благочестивый и богобоязненный, принялъ это близко къ сердцу, призвалъ русскихъ живописцевъ и подъ крестнымъ цѣлованіемъ спрашивалъ ихъ, произошло ли это отъ естественныхъ причинъ или нѣтъ. Живописцы, хорошенько осмотрѣвъ икону, сказали: «здѣсь нѣтъ чуда, такъ какъ краска съ лица отъ времени сходитъ, и поэтому просвѣчиваетъ красный грунтъ». Послѣ этого страхи прекратились.

Икона вызываетъ ужасъ въ Москвѣ.

Обманъ поповъ при помощи иконъ.

Временами и попы, помощью вымышленныхъ и написанныхъ на иконахъ знаменій, пугаютъ людей, такъ что тѣ должны поститься и молиться, жертвовать попамъ и давать милостыню, которую простецы изъ народа изъ благоговѣнія и даютъ въ большихъ количествахъ. Нѣчто подобное, говорятъ, произошло въ Архангельскѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Два попа, помощью обмана, собрали много денежныхъ пожертвованій, но при дѣлежѣ поспорили, вступили въ драку и донесли другъ на друга относительно обмана. Послѣ этого и кнуту пришлось показать свое знаменіе.

Что простой неразумный народъ приписываетъ иконамъ большую силу, видно изъ слѣдующаго. Когда въ 1611 году шведскій полководецъ Іаковъ де-ла-Гарди занялъ Великій Новгородъ и при этомъ произошелъ пожаръ, нѣкій русскій сталъ

Икона не желаетъ тушить огонь.

держать противъ огня свою икону св. Николая и молился, чтобы она помогла погасить огонь. Когда, однако, помощи не последовало, а напротивъ огонь все болѣе и болѣе сталъ распространяться, онъ въ нетерпѣніи бросилъ свою икону въ огонь и сказалъ: «Если ты намъ не желаешь помочь, то помоги себѣ самъ и туши».

Lact. lib. II, [cap. IV], pag. 77.

Къ нему можно бы было обратиться со словами Лактанція: «Quae vanitas aliqua[m] ab his sperare tutelam, quae tueri semetipsa non possunt», т. е. «Развѣ ты не видишь, что безумно ждать помощи отъ тѣхъ, кто сами себѣ не могутъ помочь». Въ то время солдаты, не найдя въ домахъ много такого, чѣмъ бы могли воспользоваться, взяли съ собою иконы, но русскіе побѣжали за ними и за дорогую цѣну выкупили эти иконы.

Маленькихъ дѣтей пріучаютъ почитать иконы.

Простонародье, особенно внѣ городовъ и въ деревняхъ, желая пріучить дѣтей къ богобоязни, ставитъ ихъ передъ иконами, чтобы они передъ ними въ глубокомъ смиреніи и почтительности клали поклоны, крестились и говорили «Господи». Имъ при этомъ не говорится, что все это значитъ, такъ что съ нѣжнаго дѣтства всякій привыкаетъ къ мысли, что иконы — боги, какъ, впрочемъ, старшіе ихъ и называютъ. Въ Ладогѣ моя хозяйка не хотѣла дать своему ребенку, едва говорившему и стоявшему, поѣсть, пока тотъ подобнымъ образомъ девять разъ подъ-рядъ не воздалъ, какъ она говорила, славы своему Богу.

Однако, нѣкоторые знатные люди, и лица, живущіе въ городахъ близъ церквей, имѣютъ нѣсколько лучшія — а умнѣйшіе изъ нихъ и совершенно иныя — мысли объ иконахъ.

Филиппъ, умный русскій въ Нарвѣ.

Въ русской Нарвѣ жилъ знатный богатый купецъ, еще и теперь здравствующій; звали его Филиппомъ N.; это былъ словоохотливый любезный мужчина, который иногда приходилъ къ столу къ нашимъ посламъ и о томъ или другомъ давалъ хорошія свѣдѣнія. Однажды — это было 30-го января 1634 г., съ нашимъ медикомъ г. Гартманомъ Грамономъ, по его просьбѣ, зашелъ я къ нему въ гости. Когда мы вступили съ нимъ въ бесѣду о ихъ религіи, особенно объ иконахъ, онъ при насъ произнесъ исповѣданіе вѣры, изъ котораго мы могли усмотрѣть истиннаго христіанина. Онъ сказалъ, между прочимъ: «онъ никакого значенія не придаетъ иконамъ», взялъ свой носовой платокъ и провелъ имъ по иконѣ, говоря: «Такъ я могу стереть краску и потомъ сжечь дерево; въ этомъ ли искать мнѣ спасенія?» Онъ показалъ мнѣ библію на славянскомъ языкѣ, въ которой былъ очень начитанъ, открывалъ въ нѣсколькихъ

Какова его вѣра объ иконахъ.

мѣстахъ и переводилъ, говоря: «Вотъ здѣсь я долженъ искать волю Божію и держаться ея». Постовъ, которые соблюдаются большинствомъ русскихъ, онъ не признавалъ; онъ говорилъ: «Что въ томъ, что я не ѣмъ мяса, но имѣю зато въ своемъ распоряженіи великолѣпнѣйшія рыбы и напиваюсь водки и меду; истинный постъ заключается въ томъ, что̀ Богомъ указано чрезъ пророка Іоиля въ первой и второй главѣ. Такъ я пощусь, если я не принимаю ничего, кромѣ воды и хлѣба, и усердно молюсь». Онъ жаловался при этомъ, что очень многіе изъ его земляковъ не имѣютъ такихъ познаній въ религіозныхъ дѣлахъ и въ совершеніи христіанскаго долга. Когда мы возразили, почему онъ, будучи такъ просвѣщенъ Богомъ, не постарается научить своихъ собратій лучшему, онъ отвѣтилъ: «у него нѣтъ на это призванія; кромѣ того ему бы не повѣрили, но сочли бы его даже за еретика; если же онъ всетаки держитъ иконы у себя, то это дѣлается ради памяти о Богѣ и святыхъ». Послѣ этого онъ вынесъ изъ комнаты изображеніе шведскаго короля Густава, напечатанное на золоченной кожѣ, и сказалъ: «вѣдь подобный портретъ, изображающій столь храбраго героя, совершившаго такъ много великихъ дѣлъ, мы бы охотно, въ честь его памяти, держали въ нашихъ комнатахъ; почему же ему не держать у себя для памяти изображенія святыхъ, бывшихъ столь великими чудотворцами въ духовныхъ дѣлахъ?». Разумные русскіе вообще чтутъ свои иконы святыхъ и молятся имъ по своей религіи, однако не ради матеріи или потому, чтобы приравнивали ихъ изображенію Божію, но изъ любви и почтенія къ святымъ, находящимся на небѣ. Та честь, которая оказывается иконѣ, ощущается и тѣмъ, кого иконы изображаютъ. Именно это-то и постановили греки въ 787 г. на константинопольскомъ соборѣ противъ икономаховъ или иконоборцевъ, при участіи 350 епископовъ, и ввели въ своихъ церквахъ, въ то время, когда патріархами были въ Константинополѣ Тарасій, въ Александріи Политіанъ, въ Антіохіи Ѳеодоритъ и въ Іерусалимѣ — Илія. Это постановленіе, однако, было отвергнуто на франкфуртскомъ соборѣ, который въ 794 г. былъ собранъ императоромъ Карломъ Великимъ, какъ о томъ сказано въ канонѣ второмъ: «Возбужденъ былъ вопросъ о новомъ соборѣ, который греки собрали въ Константинополѣ относительно почитанія иконъ. На этомъ соборѣ было постановлено, что тѣ, кто не будутъ оказывать изображеніямъ святыхъ того же служенія и обожанія какъ Божественной Троицѣ, присуждаются анаѳемѣ. Святѣйшіе отцы наши, отрицая всякое обожаніе и служеніе,

О постѣ.

Почему онъ держитъ иконы.

Греческій законъ объ иконопочитаніи.

Онъ отвергается.

отвергли и единогласно осудили это ученіе» «Concilia magna», t. XX, p. 145.

Протопопъ собирается говорить противъ иконъ.

Въ недавнее время «казанскій протопопъ» Иванъ Нероновъ выступилъ въ Москвѣ и рѣшился говорить противъ иконопочитанія въ слѣдующихъ словахъ: «Не слѣдуетъ честь, полагающуюся Богу, воздавать иконамъ, которыя руками сдѣланы изъ дерева и красокъ, хотя бы онѣ даже и должны были представлять изображеніе Бога и святыхъ; не слѣдуетъ ли, въ этомъ разсужденіи, скорѣе почитать людей и молиться имъ, такъ какъ они созданы по образу и подобію Божію и сами сдѣлали эти иконы?» Вѣдь именно то же говорилъ Сенека: «Изображенія боговъ почитаютъ, молятся предъ ними, склонивъ колѣни, обожаютъ ихъ, сидятъ или стоятъ предъ ними цѣлыми днями, а мастеровъ, ихъ изготовившихъ, презираютъ». Или же какъ Лактанцій говоритъ: «Насколько справедливѣе и правильнѣе было бы почитать живыя изображенія Бога, чтобы услужить живому». И также: «Несообразная и нелѣпая вещь, что изображеніе человѣка обожается изображеніемъ Божіимъ». Однако, добрый священникъ тотчасъ, когда патріархъ объ этомъ узналъ, былъ лишенъ своей священнической шапки и сосланъ съ суровымя угрозами въ «Каменный монастырь» на Волгѣ; [это было сдѣлано], чтобы ученіе его не распространилось еще болѣе и иконы могли сохранить обычное къ нимъ почитаніе.

lib. de moralib.

lib. VI, p. 350.

[*«Instit. div.» l. II, c. XVII, 6*].

Куда дѣваются старыя иконы.

Когда ихъ иконы становятся старыми, такъ что моль ихъ поѣдаетъ и онѣ распадаются, они ихъ не выбрасываютъ и не сжигаютъ ихъ, но или опускаютъ ихъ въ текущую воду, давая имъ плыть, куда имъ угодно, или же на кладбищѣ или въ древесномъ саду закапываютъ ихъ глубоко въ землю, причемъ стараются не допустить какихъ-либо нечистотъ въ этомъ мѣстѣ.

LIX.

(Книга III, глава 27).

О предполагаемыхъ у русскихъ святыхъ, которые имѣются у нихъ въ странѣ и къ которымъ они совершаютъ паломничества.

Lib. de reb. Muscovit., p. 7.

Какъ справедливо пишетъ Антоній Поссевинъ, у русскихъ имѣется нѣсколько тѣлъ ихъ предполагаемыхъ святыхъ, о которыхъ они, баснословя, разсказываютъ, будто они еще и теперь совершаютъ велик'я чудеса и могутъ исцѣлять больныхъ. Нѣ-

сколько такихъ святыхъ находятся въ Москвѣ. Два года тому назадъ, а именно въ 1653 году они получили сюда новаго святаго, котораго весьма сильно почитаютъ. Онъ именуется «чудотворецъ Филиппъ митрополитъ». Происходитъ онъ изъ древняго дворянскаго рода Колычевыхъ въ Москвѣ, жилъ во времена тирана Ивана Васильевича въ Москвѣ и неоднократно говорилъ этому тирану правду по поводу странностей его управленія и жестокаго, нехристіанскаго и даже безчеловѣчнаго образа жизни; поэтому тиранъ разсердился на него и въ немилости сослалъ его въ дальній монастырь. Такъ какъ, однако, онъ, тѣмъ не менѣе, иногда увѣщевалъ его письмами и остротою пера своего вновь вскрывалъ старыя раны, то тиранъ въ гнѣвѣ послалъ одного изъ слугъ своихъ въ монастырь, чтобы удавить его веревкою. Колычевъ, готовый умереть, безпрекословно отдался на волю убійцы и просилъ лишь, чтобы тотъ не веревкою, а ножомъ, отнялъ у него жизнь; тотъ такъ и сдѣлалъ, и вонзилъ ему ножъ подъ сердцемъ въ тѣло. Братія этого монастыря объявила его мученикомъ, отвезла [тѣло] на островъ въ Бѣломъ морѣ за Архангельскомъ и тамъ погребла въ часовнѣ. Этотъ островъ называется Соловками; его можно найти выше на морской картѣ при описаніи Архангельска.

Колычевъ митрополитъ.

Его убиваютъ. Его объявляютъ мученикомъ и святымъ. Стр. 157.

Нынѣшній патріархъ, будучи еще митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ, сталъ говорить, что онъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ людей, какъ многіе увѣчные люди, лишь помолившись передъ все еще нетлѣннымъ тѣломъ этого святого, получали исцѣленіе. Онъ уговорилъ поэтому его царское величество доставить вышесказанное мертвое тѣло оттуда и перевезти его въ Москву.

Чтобы перевезти его, отрядили господина Михаила Левонтьевича съ дьякомъ; наряду съ другимъ народомъ онъ взялъ съ собою и двухъ сыновей своихъ. Они на двухъ ладьяхъ или большихъ открытыхъ лодкахъ направились къ острову. Посолъ прибылъ благополучно, но дьякъ съ двумя сыновьями посла и съ народомъ, ѣхавшимъ въ другой ладьѣ, потерялись и уже болѣе не нашлись.

Доставляется въ Москву.

Когда тѣло святого Колычева доставлено было на милю отъ Москвы, его царское величество со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ, а также патріархъ съ клиромъ вышли къ нему на встрѣчу. При этомъ ростовскій и ярославскій митрополитъ, по имени Варлаамъ, человѣкъ лѣтъ болѣе 70-ти, весьма толстаго тѣлосложенія, упалъ, находясь недалеко отъ святаго, и остался лежать мертвымъ. Святого же ввезли въ городъ съ большимъ велико-

Варлаамъ внезапно умираетъ.

лѣпіемъ и помѣстили въ Кремлѣ въ соборѣ или важнѣйшей церкви. Тутъ онъ совершилъ много чудесъ надъ больными, приходившими сюда съ молитвами, и многіе, не бывшіе раньше слѣпыми, хромыми, глухими и нѣмыми, подъ прилежнымъ наблюденіемъ патріарха, стали опять зрячими, стали ходить, слышать и говорить. Когда происходило подобное чудо, всякій разъ звонили въ большой колоколъ, причемъ въ началѣ недѣли этотъ звонъ слышался раза четыре или пять. Теперь больше не слышно о такомъ количествѣ чудесъ отъ него, такъ какъ, по ихъ словамъ, люди, при прибытіи его бывшіе благочестивыми, снова стали безбожными и уже не приходятъ къ нему со столь сильною вѣрою. Они говорятъ, что онъ лежитъ нетлѣннымъ и теперь еще, подъ покрываломъ, которое, однако, никто не смѣетъ поднять.

Святой совершаетъ много чудесъ.

Имѣется у нихъ еще и другой святой въ Троицкомъ монастырѣ, находящемся въ 12-ти миляхъ отъ Москвы къ западу. Онъ именуется Сергій. Поссевинъ, называющій его Sergius, упоминаетъ о немъ на стр. 7-ой, Герберштейнъ на стр. 32-ой, а Петрей въ русской хроникѣ на стр. 11-ой. Съ нимъ дѣло было такъ. Говорятъ, это былъ большой дородный человѣкъ и что сначала былъ онъ храбрымъ солдатомъ. Потомъ онъ отказался отъ мірской жизни, сталъ отшельникомъ и наконецъ отправился въ Троицкій монастырь, чтобы тамъ провести остатки своей жизни въ качествѣ монаха. По своей весьма благочестивой и богобоязненной жизни онъ избранъ былъ въ игумены; говорятъ, молитвою своею онъ помогъ многимъ людямъ и совершалъ чудеса. Онъ принялъ ученика, по имени Никона, который наслѣдовалъ отъ учителя своего тѣ же добродѣтели. Сергій скончался въ 1563 году. Послѣ смерти оба они были канонизованы и записаны въ число святыхъ; они и лежатъ погребенные въ томъ же монастырѣ. Говорятъ, что до сихъ поръ они могутъ показывать черепъ одного изъ нихъ съ нетлѣннымъ еще мозгомъ. Поляки, какъ разсказываютъ, неоднократно нападали на этотъ монастырь и хотѣли его брать штурмомъ, но когда братія монастыря противоставляла непріятелямъ черепъ съ мозгомъ Сергія, то не только они оказывались не въ состояніи что-либо сдѣлать монастырю, но и вступали въ распрю другъ съ другомъ и обращали мечи свои другъ на друга. Хотя Петрей и говоритъ о тщетной осадѣ, веденной польскимъ полковникомъ Яномъ Сапѣгою, но [по его словамъ], Сапѣга отогнанъ былъ шведскимъ войскомъ. Монастырь получилъ наименованіе отъ Сергія и именуется «Сергіевскою Троицею» и просто монастыремъ св. Троицы.

Сергій, святой въ Троицѣ.

Троица, богатый монастырь.

Что касается упоминаемаго Герберштейномъ въ названномъ мѣстѣ мѣднаго горшка, будто бы находящагося тамъ, то нынѣшніе русскіе ничего подобнаго не знаютъ. [Про этотъ горшокъ передавали], будто, при варкѣ въ немъ извѣстныхъ кушаній, въ особенности капусты [щей], онъ никогда не дѣлался пустымъ: сколько бы изъ него ни черпали для угощенія братіи, всетаки въ немъ будто бы никогда не было ни лишка, ни недостатка. Извѣстно, во всякомъ случаѣ, что въ монастырѣ этомъ болѣе 300 человѣкъ братіи, и что онъ имѣетъ столь богатые доходы, какъ ни одинъ во всей странѣ, такъ какъ великіе князья и богатые вельможи завѣщали и еще продолжаютъ сюда завѣщать большія суммы. И проѣзжающіе мимо него господа и купцы, если они богаты, кладутъ сюда богатые милостыни, чтобы молились о ихъ душахъ, и дарована была защита имъ отъ всякаго несчастія.

Паломничество въ Троицу.

Въ этотъ монастырь великій князь со знатнѣйшими своими господами ѣздитъ два раза въ годъ на паломничество, а именно на Троицу и около Михаилова дня [день преп. Сергія 25-го сентября]. Не доѣхавъ полумили отъ монастыря, онъ оставляетъ лошадей и идетъ со всей своею свитой пѣшкомъ до своей цѣли; здѣсь онъ остается нѣсколько дней для молитвы, причемъ, въ теченіе этого времени, игуменъ обязанъ доставлять великому князю и всѣмъ его провожатымъ безплатно провіантъ и кормъ для лошадей. Такъ какъ здѣсь мѣстность чрезвычайно красивая и хорошія заповѣдныя мѣста для дичи, то великій князь обыкновенно и забавляется здѣсь охотою.

Паломничество къ «Пречистой Казанской».

Въ предыдущемъ на страницѣ 53-й описана процессія, въ которой одновременно участвуютъ великій князь и патріархъ, каждый со своею свитою, точно въ паломничествѣ, и оба обыкновенно совершаютъ молитву. Въ Казани много лѣтъ тому назадъ, когда, однако, русскіе уже владѣли этимъ городомъ, найдена было въ землѣ икона Дѣвы Маріи и выставлена въ этомъ городѣ. Копія ея доставлена была въ Москву, гдѣ въ память ея построена церковь въ концѣ большой рыночной площади, гдѣ стоятъ ножевыя лавки; она называется церковью Пречистой Казанской. Въ церковь эту около указаннаго времени совершаютъ паломничества и многіе пріѣзжіе изъ другихъ мѣстностей.

Паломничество къ Хутыни.

Точно также и въ Великомъ Новгородѣ, какъ уже выше сказано, ежегодно совершается большое паломничество, и въ Новгородъ изъ разныхъ мѣстъ собирается очень много народу, которые идутъ изъ города къ монастырю Хутынскому за добрыхъ 7 верстъ. Въ это время въ городѣ, особенно передъ Николь-

скими воротами, обращенными въ сторону монастыря, гдѣ кабатчики устраиваютъ свои палатки, происходятъ сильное пьянство и разныя безстыдныя дѣянія. Этотъ праздникъ и паломничество они зовутъ «Праздникъ Варлама Хутынскаго», родившагося въ Новгородѣ и погребеннаго въ монастырѣ Хутынскомъ. Какъ говорятъ, и онъ совершалъ много чудесъ, исцѣляя больныхъ. Подобныхъ предполагаемыхъ святыхъ здѣсь и тамъ въ странѣ находится довольно много.

LX.

(Книга III, глава 28).

О русскихъ церквахъ.

Русскія церкви.

Выше при описаніи зданій въ Москвѣ сказано, что въ Кремлѣ и въ городѣ очень много церквей, часовенъ и монастырей; внутри и внѣ городскихъ стѣнъ ихъ насчитывается болѣе 2,000, такъ какъ теперь каждый изъ вельможъ, имѣющій нѣкоторое имущество, велитъ себѣ построить особую часовню; большинство изъ нихъ изъ камня. Каменныя церкви всѣ внутри съ круглыми сводами. Русскіе не могли мнѣ объяснить, чѣмъ это обстоятельство вызвано. Я предполагаю, что ими это заимствовано у древнѣйшихъ народовъ, которые въ большинствѣ случаевъ строили свои храмы круглыми (какъ объ этомъ можно прочитать у Розина «De antiquit. Romanis»), полагая, что они, являясь Божьями домами, должны имѣть сходство съ небеснымъ сводомъ. Такъ и греческій историкъ Діонъ Кассій пишетъ о прекрасномъ языческомъ храмѣ Пантеонѣ въ Римѣ (этотъ храмъ также былъ построенъ круглымъ и еще и нынѣ можетъ быть осматриваемъ тамъ), что Пантеонъ, какъ на то указываетъ его имя, долженъ включать въ себѣ изображенія всѣхъ боговъ и круглою формою своей сходствовать съ небомъ. Впрочемъ, нѣкоторые думаютъ, что Пантеонъ потому имѣетъ круглую форму, чтобы не оскорбить ни одно изъ божествъ, которыхъ изображенія стоятъ по стѣнамъ кругомъ, въ отношеніи ихъ достоинства и величія, имъ принадлежащаго другъ передъ другомъ. Боасардъ, впрочемъ, пишетъ: «Такъ какъ Маркъ Агриппа построилъ этотъ храмъ въ честь Опсъ или Кибелы, матери боговъ, имѣющей подъ своимъ покровительствомъ круглую землю, то и храмъ этотъ долженъ былъ получить круглую форму».

Церковь извнутри округлена.

Lib I, c. 2, p. 39.

Lib. LIII, p. 515.

Пантеонъ нынѣ.

Jean Jacques Boysardus, p. 48.

Другіе говорятъ, что древніе потому строили свои церкви круглыми, чтобы дать указаніе на безконечное величіе Бога, которому въ нихъ слѣдуетъ поклоняться. Почти то же самое говоритъ Меркурій [Гермесъ] Трисмегистъ: «Богъ — это мысленный шаръ, центръ котораго находится вездѣ, а окружность нигдѣ, такъ какъ нигдѣ не ограничены величіе и громада Божіи». У древнихъ существовалъ еще такого рода способъ моленія, что они во время молитвы вращались кругомъ, какъ на это указываетъ Цэлій Rodiginis по Плинію: «При молитвѣ мы поднимаемъ правую руку къ устамъ и вращаемъ все тѣло». Говорятъ, что этотъ способъ моленія установленъ Нумою Помпиліемъ, вторымъ царемъ римскимъ.

Cael. R. lib. X, cap. 8, p. 685.

У русскихъ въ церквахъ нѣтъ ни стульевъ ни скамеекъ, такъ какъ никто не смѣетъ сидя молиться, но всѣ должны молиться и совершать Богослуженіе стоя или колѣнопреклоненно или же лежа (такъ, говорятъ, часто поступалъ бывшій великій князь Михаилъ Θеодоровичъ).

Нѣтъ стульевъ въ церквахъ.

Они не терпятъ въ своихъ церквахъ ни органовъ ни другихъ музыкальныхъ инструментовъ, но говорятъ: «инструменты, не имѣющіе ни души ни жизни, не могутъ хвалить Бога». Когда говорятъ, что вѣдь люди дѣйствуютъ при этомъ, производя красивыя мелодіи, и указываютъ на псалмы и на примѣръ Давида, то они говорятъ: «въ ветхомъ завѣтѣ это, дѣйствительно, примѣнялось, но въ новомъ уже не примѣняется». Однако, внѣ церквей, въ домахъ, въ особенности же во время пиршествъ, они охотно пользуются музыкою. Такъ, какъ, однако, ею злоупотребляли въ кабакахъ и въ шинкахъ, а также и на открытыхъ улицахъ для всякаго разврата и пѣнія постыдныхъ пѣсенъ, то нынѣшній патріархъ, два года тому назадъ, прежде всего, велѣлъ разбить всѣ инструменты кабацкихъ музыкантовъ, какіе оказались на улицахъ, затѣмъ запретилъ русскимъ вообще инструментальную музыку, велѣлъ забрать инструменты въ домахъ, и однажды пять телѣгъ, полныхъ ими, были отправлены за Москву-рѣку и тамъ сожжены. Нѣмцамъ, впрочемъ, разрѣшается пользоваться музыкою въ своихъ домахъ; также точно разрѣшено это и вельможѣ Никитѣ, другу нѣмцевъ, который держитъ у себя во дворѣ позитивъ [органчикъ безъ педали] и другіе инструменты; впрочемъ, ему патріархъ не можетъ многаго сказать.

Музыкальныя игры воспрещены.

На церквахъ и колокольняхъ непремѣнно долженъ находиться крестъ, который или простой или (въ большинствѣ случаевъ) тройной. Поэтому они не считаютъ нашихъ церквей, не имѣющихъ крестовъ, за настоящія церкви. Они говорятъ, что

Кресты на церквахъ.

Что означаетъ крестъ на церквахъ у русскихъ.

крестъ обозначаетъ главу церкви, т. е. Христа; такъ какъ Христосъ былъ распятъ на крестѣ, то крестъ сталъ гербомъ Христовымъ, и тамъ, гдѣ подобнаго герба нѣтъ, тамъ нѣтъ и церкви. Поэтому-то церковь и является святымъ, чистымъ мѣстомъ, куда ничто нечистое не должно входить. Они неохотно впускаютъ сюда приверженцевъ чужой религіи. Когда мы въ первый разъ прибыли въ страну и нѣкоторые изъ насъ, по незнанію, вошли въ ихъ церкви для осмотра ихъ, они насъ подъ руки вывели изъ церкви, и метлою вымели полъ за нами. Таковъ же, какъ говорятъ, обычай у нихъ, если въ церковь заберется нечистое существо или собака; лишь только они замѣтятъ нѣчто подобное, какъ тотчасъ же омываютъ загрязненное мѣсто и освящаютъ его вновь водою, огнемъ и ладаномъ. Церковные дворы они также держатъ въ чистотѣ и святости. Подъ страхомъ высокой пени, никто не имѣетъ права на нихъ мочиться.

Держатъ въ чистотѣ церкви и дворы церковные.

Много колоколовъ у церквей.

У церквей у нихъ виситъ много — иногда пять или шесть колоколовъ, изъ которыхъ самый большой вѣсомъ не свыше 2-хъ центнеровъ, обыкновенно даже значительно меньше; ихъ звономъ они зовутъ въ церковь; звонятъ также и въ тотъ моментъ, когда попъ, служа обѣдню, поднимаетъ чашу. Въ виду большого количества церквей и часовенъ, въ Москвѣ имѣется нѣсколько тысячъ колоколовъ, которые во время богослуженія даютъ разнообразный перезвонъ и мелодію, такъ что непривычный человѣкъ слушаетъ это съ изумленіемъ. Одинъ человѣкъ можетъ управлять тремя или четырьмя колоколами. Тогда они привязываютъ веревки не къ колоколамъ, а къ языкамъ, и концы веревокъ частью берутъ въ руки, частью привязываютъ къ локтямъ; затѣмъ они приводятъ въ движеніе одинъ колоколъ за другимъ. При звонѣ онѣ соблюдаютъ извѣстный тактъ.

Звонъ — вещь необходимая.

Звонъ считаютъ они необходимою вещью при своемъ богослуженіи и полагаютъ, что послѣднее, безъ звона, было бы несовершенно. Поэтому однажды приставы и изумились, когда шведскіе гг. послы около Михаилова дня имъ сказали: «и они желали бы справить свой „праздникъ“». [Они говорили]: «какъ же послы справятъ въ Москвѣ свой «праздникъ», если они не захватили съ собою въ столь дальнее путешествіе колоколовъ».

Иконы на улицахъ.

Надъ церковными воротами, а также и надъ городскими, они вѣшаютъ иконы или изображаютъ ихъ живописью чтобы прохожіе передъ ними клали поклоны, крестились и говорили свое «Господи». Они крестятся и молятся не только на иконы, но и на кресты, поставленные на церквахъ. Поэтому на улицахъ то и дѣло встрѣчаешь молящихся русскихъ.

LXI.

(Книга III, глава 28 bis.).

О духовномъ управленіи русскихъ, о клирикахъ, церковнослужителяхъ и монахахъ.

Духовное управленіе, консисторія и церковная служба справляются и совершаются патріархомъ, митрополитами, архіепископами, епископомъ, архидіакономъ, протопопами и попами. Патріархъ является верховнымъ главою въ родѣ, какъ у католиковъ папа римскій. Избраніе его раньше зависѣло отъ патріарха константинопольскаго, а потомъ требовалось только утвержденіе. Патріархъ Филаретъ Никитичъ, третій изъ таковыхъ, былъ послѣднимъ изъ тѣхъ, кого утверждалъ константинопольскій патріархъ. Нынѣ же и то и другое производится въ городѣ Москвѣ самими русскими. Патріархъ избирается митрополитами, архіепископами и епископами изъ собственной среды. Для этой цѣли они собираются въ Кремлѣ въ величайшей церкви, — по ихъ обозначенію — «соборѣ» или собраніи, и избираютъ изъ своей среды двухъ, иногда четырехъ или пять лицъ, которыхъ они считаютъ умнѣйшими, начитаннѣйшими и наиболѣе безупречнаго поведенія въ своей средѣ. О нихъ они докладываютъ его царскому величеству, и одинъ изъ нихъ его царскимъ величествомъ, по совѣщаніи съ остальнымъ духовенствомъ, избирается. Иногда, если они, въ виду равенства въ достоинствѣ лицъ, не знаютъ, кого предпочесть, то бросается жеребій. Такъ было, напримѣръ, при избраніи предыдущаго патріарха, бывшаго лишь игуменомъ въ монастырѣ и привлеченнаго къ участію въ выборахъ лишь ради особаго почета, такъ какъ онъ былъ человѣкъ очень разумный. Когда жеребій выпалъ на него и другіе стали прекословить, то жеребьевка была повторена, и онъ былъ вновь указанъ. Такъ какъ, однако, великій князь замѣтилъ, что другіе этому завидуютъ, то жеребій метали въ третій разъ, и опять-таки счастье выпало ему. Тогда его царское величество сказалъ: «я вижу, что ему это предназначено, и онъ избранъ Богомъ; поэтому пусть онъ, а не иной кто-либо будетъ патріархомъ».

О патріархѣ.

Избраніе его.

Какъ только патріархъ избранъ, ему вручается вводная грамота за подписями и печатями избирателей, [въ обозначеніе того], что онъ признанъ достойнымъ и, съ согласія ихъ всѣхъ,

избранъ справедливымъ образомъ. Къ этому еще его царское величество прибавляетъ свою конфирмацію или утвержденіе.

Власть патріарха.

Патріархъ, послѣ великаго князя, имѣетъ наибольшую честь и власть въ странѣ. Онъ судья надъ духовными въ дѣлахъ, которые не подлежатъ одному лишь свѣтскому праву, ему принадлежитъ надзоръ надъ религіозными дѣлами, добрыми нравами и христіанскимъ образомъ жизни; что ему при этомъ представится правильнымъ, онъ, по усмотрѣнію своему, устраиваетъ, учреждаетъ и упраздняетъ, предоставляя великому князю исполненіе. Въ его предпріятіяхъ ни великій князь, ни вообще кто бы то ни былъ, не имѣетъ права совѣтовать, ни того менѣе противорѣчить ему, если не считать того случая, когда, какъ выше упомянуто, Никита сталъ ему противорѣчить изъ-за своей иностранной одежды.

Стр. 178.

Предыдущій партіархъ, а въ особенности нынѣшній, измѣнили и отмѣнили очень много вещей въ странѣ, которыя въ теченіе долгаго времени были въ употребленіи, и ввелъ новшества, какъ я неоднократно уже упоминалъ объ этомъ.

Нынѣшній патріархъ Никонъ.

Нынѣшній патріархъ называется Никонъ. Какъ уже выше сказано, онъ былъ митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ. Это человѣкъ лѣтъ 40, свѣжій и энергичный; онъ живетъ въ Кремлѣ въ великолѣпномъ дворцѣ, который онъ самъ для себя велѣлъ построить; доставляетъ себѣ всѣ удобства, соотвѣтствующія ихъ обычаямъ, живетъ широко и охотно шутитъ. Какъ разсказываютъ, когда недавно дала себя вторично окрестить, вмѣстѣ съ друзьями своими, нѣкая прекрасная дѣвица, пришедшая потомъ принять у него благословеніе, то онъ сказалъ ей: «Прекрасная дѣвица, я не знаю, долженъ ли я сначала поцѣловать тебя или сначала благословить». У нихъ существуетъ обычай вновь принятыхъ въ ихъ религію, по дарованіи имъ благословенія, привѣтствовать христіанскимъ поцѣлуемъ.

Митрополиты.

«Митрополитовъ», какъ они у нихъ называются, имѣется четыре:

1. «Новогородскій и великолуцкій», въ Новгородѣ.
2. «Ростовскій и ярославскій», живущій въ Ростовѣ.
3. «Казанскій и свіяжскій», въ Казани.
4. «Сарскій и подонскій». Онъ живетъ въ Москвѣ въ Кремлѣ.

Затѣмъ слѣдуютъ архіепископы, которыхъ семь.

Архіепископы.

1. «Архіепископъ вологодскій и великопермскій», съ мѣстопребываніемъ въ городѣ Вологдѣ.
2. «Рязанскій и муромскій», съ мѣстопребываніемъ въ Рязани.

3. «Суздальскій и тарусскій», въ Суздали.
4. «Тверской и кашинскій», въ Твери.
5. «Сибирскій и тобольскій», въ Тобольскѣ.
6. «Астраханскій и терскій», въ Астрахани.
7. «Псковскій и изборскій», живущій во Псковѣ.

Епископъ. За ними слѣдуетъ епископъ «коломенскій и каширскій», живущій въ Коломнѣ; помимо его иного епископа во всей странѣ нѣтъ. Въ Москвѣ при патріархѣ имѣется еще «архидіаконъ», который служитъ ему канцлеромъ и является правой рукою его. Въ соборѣ въ Кремлѣ имѣется «протодіаконъ». Въ городахъ находятся «протопопы», «попы» и «діаконы». За ними слѣдуютъ «пономари», т. е. дьячки, вѣдающіе отпираніе и запираніе церквей и колокольный звонъ. Въ монастыряхъ имѣются различные «архимандриты», «келари» и «игумены», являющіеся тамъ какъ бы начальниками, аббатами и пріорами.

Патріархъ, митрополиты, архіепископы и епископы не имѣютъ права жениться; когда они занимаютъ эти должности, они должны воздерживаться отъ законныхъ своихъ женъ.

Чего они не имѣютъ права носить. Всѣ эти духовныя лица, за исключеніемъ протопоповъ и діаконовъ, не имѣютъ права носить кольца на рукахъ и носить штаны; они должны имѣть на тѣлѣ шерстяныя, а не полотняныя сорочки и не должны спать въ кроватяхъ. Въ монастыряхъ совершенно не ѣдятъ мяса и не держатъ тамъ ни вина, ни водки, ни меду, ни крѣпкаго пива. Патріарху также не разрѣшается носить сорочку изъ полотна, но она у него можетъ быть изъ темнаго шелку.

Одежда духовныхъ лицъ. Обычное ежедневное одѣяніе патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, а также и монаховъ, состоитъ изъ черныхъ длинныхъ кафтановъ, поверхъ которыхъ они носятъ черные плащи. На головахъ у нихъ черные чепцы [клобуки], съ три локтя шириною; у нихъ посерединѣ твердая круглая пластинка, съ большую тарелку, а сзади [чепцы эти] свисаютъ съ головы. Когда они ходятъ по улицамъ, у нихъ въ рукахъ «посохи», которые вверху съ добрый палецъ прямоугольно изогнуты.

О попахъ. Поповъ или священниковъ въ Москвѣ имѣется до 4-хъ тысячъ, въ виду большого количества церквей; въ иныхъ церквахъ, которыя побольше, имѣются 6, 8 и до 10 священниковъ. Попъ, желающій получить такой санъ, отправляется къ патріарху, митрополиту или епископу, который ближе всего къ нему; здѣсь ему производится испытаніе, и если найдено будетъ, что онъ достоинъ, то есть, если онъ умѣетъ хорошо читать, писать и пѣть, то его посвящаютъ, и утверждаютъ [это посвященіе] пись-

менной аттестаціею. При этой инвестетурѣ ему надѣваютъ священническія ризы, которыя не особенно отличаются отъ свѣтскаго костюма; волосы вверху на головѣ у него состригаются и надѣвается шапочка, именуемая «скуфьею» (подобно нашей калоттѣ, она лежитъ плотно на кожѣ), вокругъ которой остальные волосы длинно свисаютъ на плечи, какъ у женщины. Эту шапочку они въ теченіе дня никогда не снимаютъ, развѣ чтобы дать себѣ постричь голову. Это священный, заповѣдный предметъ, имѣющій большія права. Кто бьетъ попа и попадетъ на шапку или же сдѣлаетъ такъ, что она упадетъ на землю, подлежитъ сильной карѣ и долженъ платить за «безчестіе». Однако, тѣмъ не менѣе, поповъ все-таки бьютъ, такъ какъ обыкновенно это люди болѣе пропившіеся и негодные, чѣмъ всѣ остальные. Чтобы при этомъ пощадить святую шапочку, ее сначала снимаютъ, потомъ хорошенько колотятъ попа, и снова аккуратно надѣваютъ ему шапку. Подобнымъ дѣламъ потомъ не очень удивляются.

Святая шапочка.

Стр. 187.

Протопопъ и попъ или священникъ, по обычаю грековъ, непремѣнно долженъ быть женатъ, а если жена его помретъ, то, оставшись духовнымъ лицомъ, онъ уже не смѣетъ жениться. Изреченіе св. [апостола] Павла въ I-омъ посланіи къ Тимоѳею, ст. 3: «подобаетъ епископу быть единой жены мужу» они понимаютъ не въ томъ смыслѣ, что это сказано противъ многоженства, но такъ: «попъ или священникъ (почему же не епископъ, такъ какъ вѣдь написано ἐπίσκοπος?) непремѣнно долженъ имѣть жену и не долженъ жениться болѣе, чѣмъ одинъ разъ».

Попы должны быть женаты.

Въ этомъ обстоятельствѣ русскіе, наравнѣ съ греками, между прочимъ, видятъ важную причину несогласія своего съ латинскою или римскою церковью, такъ какъ она священникамъ воспрещаетъ жениться, поступая въ этомъ, по ихъ мнѣнію, въ противность постановленію св. собора. Это вытекаетъ изъ посланія русскаго митрополита Іоанна къ римскому архіепископу (какъ онъ его называетъ). Посланіе это можно найти у Герберштейна въ его «Comment. rerum Moscov.», стр. 22—23, гдѣ, между прочимъ, говорится: «Превеликою ошибкою и грѣхомъ въ отношеніи брака священниковъ является то, что вы отказываетесь принимать Тѣло Христово отъ лицъ, имѣющихъ супругъ. Между тѣмъ св. соборъ, бывшій въ Гангрѣ, постановилъ въ 4-мъ канонѣ: кто презираетъ священника, по закону имѣющаго супругу, и говоритъ, что нельзя изъ рукъ его принимать таинство, да будетъ анаѳема». Этотъ канонъ помѣщенъ въ «Concilia Magna», т. II, стр. 506, при толкованіи Исидора Меркатора, въ слѣдующихъ словахъ: «Если кто отличаетъ женатаго свя-

Посланіе митрополита въ Римъ.

Въ 324 г. по Р. Х.

щенника (въ греческомъ текстѣ: παρὰ πρεσβυτέρου γεγαμηκότος), какъ бы по случаю брака [полагая], что онъ не долженъ предлагать [св. дары] и будетъ воздерживаться отъ предложенія имъ [св. даровъ], да будетъ анаѳема». Глоссаторъ соборовъ замѣчаетъ по поводу этого канона: «не тотъ, кто имѣетъ жену, но кто имѣлъ». Поссевинъ же въ «священномъ толкованіи» на рѣшеніе въ Гангрѣ на стр. 617 говоритъ по Григорію: «Правила святыхъ отцовъ преподаны въ зависимости отъ времени, мѣста, лица и дѣла или по настоятельной необходимости». Настоящій канонъ писанъ противъ евстаѳіанъ, считавшихъ бракъ мерзостью».

Канонъ о женатыхъ священникахъ.

Русскіе священники, до принятія священнаго сана, должны быть женаты, притомъ на дѣвицахъ, а не на вдовахъ, еще того менѣе на особахъ съ дурною славою или имѣющихъ родственницъ съ подобною славою. Если кто въ брачную ночь не найдетъ дѣвственности, и это станетъ извѣстнымъ, тотъ лишается своего сана. Попъ не имѣетъ права подойти къ алтарю и служить обѣдню, если онъ въ предыдущую ночь имѣлъ плотское соитіе съ женою своею. Если у священника помираетъ жена, онъ можетъ служить «заутрени» и «вечерни», но не смѣетъ служить «обѣдни», во время которой происходитъ пресуществленіе св. даровъ и причащеніе. Онъ послѣ этого уже не смѣетъ служить у алтаря, не имѣетъ права крестить и вѣнчать брачущихся, но можетъ только читать и пѣть. Такіе [вдовые] священники обыкновенно поступаютъ на службу при посольствахъ, состоя при послахъ для богослуженія. Они не имѣютъ также права вторично жениться. Впрочемъ, молодой вдовый попъ, который не рѣшается жить безъ брака, имѣетъ право снять свою скуфью или шапочку и платье и, ставъ свѣтскимъ человѣкомъ, заняться купечествомъ или какимъ-либо ремесломъ и въ такомъ случаѣ вновь жениться. Подобнаго рода случаи происходятъ у нихъ довольно часто. Если священникъ старъ и уже не можетъ или не желаетъ служить «заутрени» и «вечерни» въ церквахъ, онъ можетъ отправиться въ монастырь и стать монахомъ.

Стр. 211. Со смертью у священника его жены прекращается и священство его.

У русскихъ въ городахъ и внѣ городовъ въ разныхъ мѣстахъ много монастырей мужскихъ и женскихъ, большей частью устроенныхъ по уставу Василія Великаго.

Много монастырей.

Въ монастыри направляются частью изъ бѣдности, частью по старости и дряхлости, частью вслѣдствіе супружескихъ несчастій, частью же приходится идти сюда и ради иныхъ причинъ, противъ собственной воли; иные направляются сюда и добровольно изъ особаго благочестія, причемъ поступаютъ такъ и весьма богатые люди. Если богатый человѣкъ направляется

въ монастырь, онъ беретъ съ собою только часть своего наличнаго имущества, а остальное остается его наслѣдникамъ, какъ немного лѣтъ тому назадъ установлено въ ихъ «новомъ соборномъ» уложеніи. Раньше они забирали съ собою въ монастырь все свое имущество, вслѣдствіе чего большая часть земли попала подъ власть монастырей, и царь, въ концѣ концовъ, могъ остаться безъ земли и безъ крестьянъ. У нѣкоторыхъ монастырей по этимъ причинамъ богатые доходы, между тѣмъ какъ иные совершенно бѣдны. Уставъ монастырей долженъ соблюдаться твердо и неуклонно. Въ опредѣленное время днемъ и ночью прилежно совершаютъ они свои молитвенные часы и богослуженіе, имѣя почти всегда при себѣ свои четки. Въ монастыряхъ они ведутъ суровый образъ жизни, никогда не ѣдятъ мяса и свѣжей рыбы, а питаются лишь соленою рыбою, медомъ, молокомъ, сыромъ и огородными овощами, въ особенности сырыми и солеными огурцами, пьютъ при этомъ квасъ или кофентъ, иногда кроша сюда огурцы и хлебая затѣмъ ложками. Внѣ монастырей, однако, они охотно даютъ себя угостить добрымъ друзьямъ, такъ что иной разъ приходится везти ихъ пьяными изъ домовъ въ монастырь. Большинство изъ нихъ простые глупые люди; едва десятый изъ нихъ, да и вообще изъ русскаго простонародья (какъ о нихъ правильно пишетъ Clem. Adam въ «Anglorum navigatio ad Moscovitas» «и десятый не знаетъ молитвы Господней»), знаетъ «Отче нашъ». Немногіе изъ нихъ знаютъ что-либо о десяти заповѣдяхъ Божіихъ, полагая, что подобныя вещи слѣдуетъ знать вельможамъ и высшимъ духовнымъ лицамъ, а не имъ. См. объ этомъ у Гвагнина въ гл. 3 «о религіи русскихъ». Геннингъ въ «Лифляндской хроникѣ», на стр. 55, упоминаетъ о томъ, что тиранническій великій князь однажды въ Новгородѣ во время свадьбы герцога Магнуса Датскаго посохомъ билъ по головѣ нѣкоторыхъ монаховъ за то, что они не могли столь же быстро пѣть по книгѣ, какъ онъ пѣлъ наизусть (вмѣсто брачной пѣсни) аѳанасіевскій символъ вѣры. Многихъ монаховъ можно часто видѣть идущими, ѣдущими верхомъ или въ саняхъ—въ родѣ мужиковъ или ямщиковъ; занятія или поступки у нихъ тѣ же, что у мірянъ, отъ которыхъ ихъ можно отличить лишь по черному ихъ костюму.

Суровая монастырская жизнь.

Неученые монахи.

Отшельники.

Имѣются и такіе люди, которые изъ особаго благочестія уединяются въ монастыри, строятъ здѣсь у дороги часовни и въ нихъ ведутъ суровую жизнь, какъ отшельники. Они существуютъ одною милостынею, которую даютъ крестьяне и проѣзжіе люди. Мы встрѣчали такихъ людей между Новгородомъ и Тверью.

LXII.

(Книга III, глава 29).

О постѣ у русскихъ.

Русская церковь устанавливаетъ весьма строгій способъ поста, который тѣми, кто желаютъ быть благочестивы и богобоязнены, соблюдается добросовѣстно, а остальными нѣсколько болѣе слабо. Впрочемъ всѣ, кого я зналъ, будучи предоставлены сами себѣ, даже во время путешествія, не хотѣли вкушать въ постные дни мяса, хотя знатнѣйшіе себѣ и позволяли ѣсть по средамъ и пятницамъ самыя дорогія рыбы. Когда начинается главнѣйшій постъ, то они, насколько можно судить извнѣ, въ ѣдѣ соблюдаютъ большую умѣренность и избѣгаютъ всего, что имѣетъ связь съ мясомъ. Въ послѣднее время избѣгаютъ они и сахару (его они раньше не называли «поганымъ»), такъ какъ немного лѣтъ тому назадъ иностранный купецъ Боккъ сказалъ патріарху, что для очистки сахара пользуются яичнымъ бѣлкомъ. *Постъ у русскихъ.*

Въ теченіе года у нихъ больше постныхъ дней, чѣмъ тѣхъ дней, когда они могутъ ѣсть мясо. Наряду съ упомянутымъ двухдневнымъ еженедѣльнымъ постомъ, у нихъ имѣется *первый* большой семинедѣльный постъ въ четыредесятницу; начинается онъ отъ воскресенья Esto mihi и продолжается до Пасхи. Первую недѣлю этого поста они зовутъ масляницею, во время которой они не ѣдятъ ни мяса ни рыбы, но лишь масло, молоко и яйца, притомъ такъ напиваясь ежедневно водки, меду и пива и такъ угощаясь, что они не помнятъ сами себя; послѣдствіями этого являются великій развратъ и легкомысліе, а раньше зачастую совершались, какъ выше сказано, нападенія и убійства. — Итакъ это плохая подготовка къ посту. Здѣсь не помѣшало бы напоминаніе Василія («Проповѣди», стр. 186) въ «похвалѣ посту»: «не черезъ пьянство путь къ посту, и не черезъ трезвость—къ распущенности». Въ теченіе слѣдующей недѣли они начинаютъ жить умѣренно, ѣдятъ лишь медъ и овощи, пьютъ квасъ и воду, ходятъ въ бани, потѣютъ и смываютъ совершенныя въ теченіе предыдущей недѣли грѣхи, принимаютъ также благословеніе отъ поповъ. Въ остальное время большинство лицъ, желающихъ быть болѣе благочестивыми, не ѣдятъ и рыбы, за исключеніемъ воскресенья. *Второй* постъ начинается на 8-й день послѣ Троицы и продолжается до дня Петра

Величайшій постъ.

Стр. 198.

Подготовленіе къ посту.

Петровскій постъ.

и Павла. Его называютъ Петровскимъ постомъ. *Третій* начинается 1-го августа и продолжается 14 дней. *Четвертый*—съ 12-го [14-го] ноября по Рождество. Въ теченіе недѣли послѣ Рождества вплоть до Новаго года они всѣ ѣдятъ мясо, и всякій запасается, у кого лишь есть на покупку мяса деньги. Такъ же поступаютъ они въ теченіе всѣхъ праздниковъ и воскресеній, если только они не совпадаютъ съ постомъ, и полагаютъ, это было бы грѣхомъ, если бы они не ѣли [въ эти дни] мяса. По словамъ Гвагнина, они не хотятъ нарушить апостольскаго правила, переданнаго Климентомъ, а именно, чтобы никто въ воскресенье или день субботній не постился. «Если окажется, что кто-либо изъ клириковъ въ воскресенье постится или въ день субботній — развѣ въ одинъ лишь единственный,—то пусть онъ будетъ смѣщенъ, а если такъ поступитъ міряninъ, то пусть онъ будетъ отлученъ отъ паствы». Это правило напечатано въ «Concilia Magna», венеціанскаго изданія, т. I, стр. 23, канонъ 65. Въ новомъ парижскомъ изданіи оно опущено, наравнѣ со многими другими.

Когда они ѣдятъ мясо.

Clem. Papae «Canon. Apost.».

Въ теченіе поста, особенно во время Великаго поста, когда они не ѣдятъ болѣе ни мяса ни рыбы, а также и въ другое время въ въ теченіе 8-ми дней до причащенія, никто, ни священникъ ни иной кто не смѣетъ плотски совокупиться со своею женою подъ страхомъ высокой пени. Я, впрочемъ, полагаю, что ни сами они, ни жены ихъ не выдаютъ другъ друга въ этихъ случаяхъ, и что поэтому пени этой собирается весьма не много.

Когда воспрещено совокупленіе.

Во время Великаго поста, когда подходитъ время исповѣди, нѣкоторые покупаютъ птицъ, которыхъ вновь выпускаютъ на свободу въ воздухъ. Они полагаютъ, что этимъ освобожденіемъ птицъ совершаютъ доброе дѣло, и что за это и Богъ ихъ освободитъ отъ ихъ грѣховъ.

Птицы выпускаются на волю.

LXIII.

(Книга III, глава 30).

Объ исповѣди и причастіи.

Исповѣдь русскіе считаютъ необходимымъ дѣломъ для обращенія къ Богу и примиренія съ Нимъ. У взрослыхъ и разумныхъ она непремѣнно должна предшествовать причастію. Допускаютъ къ исповѣди и причастію въ любое время. Однако, обыкновенно пользуются для этой цѣли временемъ около Пасхи. На Страстной недѣлѣ иные пораньше, а большинство въ пят-

Исповѣдь у русскихъ.

ницу идутъ къ исповѣди, и затѣмъ въ субботу передъ Пасхою получаютъ причастіе. Въ теченіе восьми дней передъ исповѣдью они должны истязать свое тѣло суровымъ постомъ: не ѣдятъ ничего, кромѣ черстваго хлѣба съ квасомъ и кислымъ напиткомъ, отъ котораго у нихъ въ животѣ начинается боль и они дѣлаются полубольными. Исповѣдь должна совершаться внутри церкви подъ круглымъ сводомъ передъ священникомъ. Исповѣдующійся долженъ непрестанно смотрѣть на особо назначенную для этой цѣли икону, разсказать всѣ грѣхи, имъ совершенные, и обѣщать вести лучшую жизнь. Послѣ этого священникъ разрѣшаетъ его отъ грѣховъ и, смотря по величинѣ его грѣховъ, назначаетъ ему въ видѣ наказанія: либо попоститься нѣкоторое время, либо сдѣлать нѣсколько сотъ или тысячъ поклоновъ передъ иконою своего святого, приговаривая: «Господи, помилуй», или воздержаться отъ жены своей въ теченіе нѣкотораго времени (послѣднее, въ виду ихъ пылкаго права, является для нихъ, если они только выдержатъ это, очень тяжелымъ наказаніемъ), либо не входить нѣкоторое время въ церковь, но останавливаться у дверей ея. Если же грѣхи столь велики, что даже эти виды наказаній еще недостаточны, то грѣшнику приходится омыться святой водой, зачерпнутой изъ освященной въ крещеніе рѣки и сохраняемой для подобныхъ надобностей въ теченіе цѣлаго года въ церквахъ, откуда священники за деньги продаютъ ее. Тогда они полагаютъ, что исполнили переданное черезъ пророка Исаію повелѣніе Божіе и освободились отъ грѣховъ своихъ.

Истязаніе тѣла.

Какъ они исповѣдаются.

Епитиміи.

Исаіи I, ст. 16.

Св. причастіе не можетъ быть принято въ день мясоястія, но въ постъ, или же въ день, когда оно принимается, нужно поститься.

О Св. причастіи.

Они принимаютъ причастіе подъ двумя или, можно даже сказать, подъ тремя видами, такъ какъ они смѣшиваютъ хлѣбъ, вино и воду. Хлѣбъ, употребляемый у нихъ для св. причастія, долженъ быть квашенъ и испеченъ вдовою священника. И это обстоятельство является одною изъ причинъ, почему русскіе не желаютъ придерживаться латинской церкви, такъ какъ въ этой послѣдней при св. причастіи примѣняется неквашеный хлѣбъ. Они говорятъ: «это іудейскій обычай, такъ какъ іудеямъ при вкушеніи пасхальнаго агнца было приказано ѣсть прѣсный хлѣбъ, а именно въ память объ освобожденіи ихъ изъ Египта; мы же, христіане, ничего не имѣемъ общаго ни съ египетскимъ рабствомъ, ни съ освобожденіемъ отъ него. Къ тому же Христосъ при установленіи св. причастіи не ѣлъ со своими учениками іудейскаго пасхальнаго ягненка, и поэтому вовсе не долженъ былъ

Хлѣбъ долженъ быть квашеный, а не прѣсный.

Замѣчаніе русскихъ по поводу неквашенаго хлѣба.

имѣть неквашеный хлѣбъ. Когда іудеи ѣдятъ своего пасхальнаго агнца, они и этотъ обычай должны соблюдать, и еще многія иныя церемоніи, которыя не происходили во время Христовой вечери. Вѣдь Христосъ не стоя ѣлъ со своими учениками за столомъ, но сидя, такъ какъ въ иномъ случаѣ Іоаннъ не могъ бы возлежать на груди Его. Кромѣ того, не написано въ Писаніи: «Христосъ взялъ ἄζυμα, т. е. неквашеный хлѣбъ», но «τὸν ἄρτον, хлѣбъ», переломилъ его, подалъ ученикамъ и сказалъ, чтобы они ѣли его въ память Его страданій, а вовсе не въ память освобожденія изъ Египта». На этомъ основаніи русскіе, заодно съ греческою церковью, полагаютъ, что латинская церковь поступаетъ неправильно, употребляя въ данномъ случаѣ неквашеный хлѣбъ. На этомъ основаніи Михаилъ, константинопольскій патріархъ, предалъ анаѳемѣ латинскую церковь, и проклялъ ее, какъ видно изъ «Anton.», ч. III, стр. 571, и изъ посланія папы Льва IX отъ 1054 г. къ только что названному патріарху; это посланіе можно прочитать въ «Concila Magna», т. XX, стр. 467 и въ «Annales» Баронія, т. II, стр. 212. Хлѣбъ, который у русскихъ примѣняется во время причастія, частью освящается въ великій четвертокъ, частью въ тотъ же день, когда думаютъ имъ воспользоваться. Тотъ, который освящается въ великій четвертокъ, примѣняется для больныхъ и приготовленъ слѣдующимъ образомъ. Они берутъ испеченный для этой цѣли хлѣбъ, величиною вдвое больше рейхсталера и съ изображеніемъ распятія по серединѣ. Надъ нимъ поется «Агнецъ Божій» и произносится благословеніе, а затѣмъ та часть, на которой распятіе, выкалывается желѣзнымъ инструментомъ, похожимъ на копье, и разрѣзается. Затѣмъ ее кладутъ въ деревяннаго голубя и вѣшаютъ надъ алтаремъ, чтобы мыши или что-либо нечистое не проникло сюда. Если теперь въ теченіе года кто-либо заболѣетъ и вдругъ пожелаетъ причаститься, то берется небольшой кусочекъ такого хлѣба изъ голубя, на него наливаются три капельки краснаго вина, все это кладется въ чашу, затѣмъ иногда подливается сюда немного воды (иногда же не дѣлается это—смотря по тому, какъ больному легче принять) и на ложкѣ подается больному. Иногда, если больной не въ состояніи проглотить хлѣбъ, ему подается одно вино. Когда они даютъ причастіе здоровымъ въ церкви, во время публичнаго пріобщенія, то у нихъ имѣется небольшой круглый хлѣбецъ величиною съ полрейхсталера, сформированный и вырѣзанный въ родѣ предыдущаго. Отъ него они отламываютъ столько кусковъ, сколько имѣется причащающихся, крошатъ ихъ въ красное вино и нѣсколько тепловатую воду (они говорятъ,

Греки проклинаютъ латинскую церковь ради прѣснаго хлѣба.

Освященный хлѣбъ для больныхъ.

Какъ больные получаютъ причастіе.

что кровь и вода, вытекшія изъ раны Христовой, безъ сомнѣнія, были еще нѣсколько теплы), благословляютъ все это и полагаютъ, что при этомъ происходитъ пресуществленіе, а именно, что хлѣбъ и вино во-истину превращаются въ плоть и кровь Христовы. Они подаютъ ихъ пріобщающимся на ложкѣ, говоря при этомъ: «Вотъ истинныя плоть и кровь Христовы, за тебя и за многихъ приносимыя во оставленіе грѣховъ твоихъ; сколь часто ты ихъ принимаешь, то принимай ихъ въ воспоминаніе о Христѣ. Богъ да благословитъ тебя». Этотъ способъ даванія причастія съ накрошеннымъ въ вино хлѣбомъ примѣнялся у нѣкоторыхъ еще въ четвертомъ вѣкѣ, и такихъ людей называли тогда «intinctores» [«обмакиватели»]. Въ 337 г. папа Юлій I отвергъ и проклялъ этотъ способъ, какъ о томъ можно прочитать въ «Concilia Magna», т. II, стр. 620, постановленіе 7-е.

Обычный способъ пріобщенія.

Этотъ способъ отвергнутъ.

Послѣ принятія св. Таинъ нѣкоторые русскіе, желающіе быть особенно благочестивыми, ложатся и засыпаютъ, или же принуждаютъ себя спать цѣлый день, чтобы не имѣть повода грѣшить. Въ воскресенье послѣ этого они получаютъ въ церкви отъ священника еще кусочекъ освященнаго хлѣба, изъ котораго средняя часть и распятіе вырѣзаны для причастія, и съѣдаютъ его. Это они называютъ «кутьею», которая у нихъ должна являться какъ бы даромъ и знаменіемъ общей христіанской любви между ними.

Они даютъ немного причастія и малымъ больнымъ дѣтямъ; тѣмъ же, кто уже достигли семилѣтняго возраста, оно дается обычнымъ способомъ. Они говорятъ, что съ семи лѣтъ люди начинаютъ грѣшить. Такое ученіе ими, безъ сомнѣнія, заимствовано изъ древней церкви, которая, по принятіи крещенія, считала дѣтей достойными воспринять причастіе. Подобный обычай существовалъ въ III вѣкѣ во времена Кипріана, какъ видно изъ его книги «De lapsis»; онъ продержался и до V даже вѣка, до временъ Августина, какъ можно прочесть въ I-ой книгѣ соч. Августина «De peccatorum meritis et remissione», гл. XIX и XX (онѣ помѣщены въ томѣ VII, стр. 666). Позже только остатки отъ причастія давались дѣтямъ. Изъ Никифора Каллиста видно, что такой обычай существовалъ въ Константинополѣ. Если отъ освященнаго хлѣба и вина что-либо оставалось, то остатки давали натощакъ въ пищу безупречнымъ дѣтямъ, ходившимъ въ школу. И самъ Никифоръ вкушалъ эти остатки, какъ онъ сообщаетъ въ XVII книгѣ «Церковной исторіи», гл. XXV, стр. 889. У безумныхъ причастіемъ только касаются губъ.

Причащеніе дѣтей.

Священникъ, въ тотъ день, когда онъ погребалъ мертваго, или прощался съ покойникомъ, не имѣетъ права подавать причастіе, такъ какъ онъ считается тогда нечистымъ. Онъ также не можетъ его дать роженицѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она родила ребенка; напротивъ, ее приходится перенести въ иное помѣщеніе и хорошенько обмыть. Раньше они разсылали св. дары по странѣ къ тѣмъ, кто не имѣли вблизи себя священниковъ, иногда также давали освященный хлѣбъ солдатамъ и путешественникамъ на дорогу, чтобы они, только исповѣдавшись дома, могли потомъ въ любое время принять его. Они обыкновенно сохраняли его до тѣхъ поръ, пока не заболѣвали чѣмъ-либо, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если бъ не удалось подняться съ одра, тѣмъ не менѣе не безъ запаса направиться въ вѣчную жизнь.

Больше не разсылаютъ св. даровъ по всей землѣ.

Разсказываютъ, впрочемъ, что и у древнихъ былъ обычай принимать часть св. даровъ въ причастіи, а часть сохранять при себѣ, чтобы находить въ нихъ утѣшеніе во время преслѣдованій и другихъ несчастій или вкушать отъ нихъ до обѣда. Это видно изъ Тертулліана, который во II-й книгѣ «къ супругѣ», стр. 482, говоритъ, обращаясь къ супружеской четѣ изъ язычника и христіанки: «Пусть мужъ (язычникъ) не знаетъ, отъ чего ты тайкомъ вкушаешь наканунѣ всякой пищи. И если даже онъ будетъ это знать, онъ не повѣрилъ бы, что хлѣбъ есть то, чѣмъ онъ называется». Также и Кипріанъ въ книгѣ «De lapsis» говоритъ: «Когда нѣкая женщина сдѣлала попытку недостойными руками открыть свой ларецъ, въ которомъ были св. дары Господа, ее испугалъ поднявшійся оттуда огонь, такъ что она не рѣшилась подступиться». Это обыкновеніе оправдываетъ Василій въ посланіи «Ad Caesariam Patriciam», говоря: «Такъ какъ отшельникамъ было совсѣмъ неудобно и слишкомъ трудно ходить часто въ церковь и христіанскія собранія, то имъ пришлось привыкнуть къ тому, чтобы брать Евхаристію и освященные хлѣбъ и воду съ собою въ пустыню». Объ этомъ см. также у Беллармина «De Eucharistia», lib. IV, cap. 4, pag. 785.

Нѣкоторые люди и въ древности хранили освященный хлѣбъ.

Въ древнія времена были и такіе люди, которые пользовались вмѣсто вина виноградныиъ сусломъ для причастія. Они опускали въ освященное сусло кусокъ полотна, затѣмъ сушили его и сохраняли; когда нужно было воспользоваться имъ, они отрѣзали отъ него кусокъ, и обмывали его въ водѣ, какъ о томъ можно прочесть въ «Concilia Magna», т. II, стр. 610; противъ нихъ направлено постановленіе 7-е.

Имѣются извѣстныя лица: напримѣръ, тѣ, кто нарушили присягу, кто совершили убійство и покаялись, или же совершили

Кому лишь на смертномъ одрѣ дается причастіе.

еще иные крупные грѣхи,—которымъ причастіе не дается даже вплоть до смертнаго одра ихъ. Больному, которому никакое лѣкарство уже не можетъ помочь, они даютъ причастіе одновременно съ послѣднимъ помазаніемъ, и послѣ этого больной уже не имѣетъ права принимать лѣкарства, но долженъ отдаться всецѣло на волю Божію. Они не даютъ такому больному и ѣсть, если только не станетъ очевиднымъ, что онъ вновь поправляется и что поэтому можно вполнѣ надѣяться на его выздоровленіе. Мощи или кости святыхъ они опускаютъ въ воду или водку, которую даютъ пить больному. Это обстоятельство замѣтилъ и Поссевинъ: см. «De rebus Moscoviticis», p. 5.

Св. причастіе для больныхъ.

Нѣкоторые богатые люди, находясь на одрѣ болѣзни и замѣчая, что приходитъ время помирать, принимаютъ причастіе, а затѣмъ принимаютъ монашескій чинъ, даютъ себя постричь, помазать и одѣваютъ монашеское одѣяніе. Такой человѣкъ, принявшій серафимскія одежды (какъ они ихъ называютъ), въ теченіе восьми дней не можетъ принимать ни лѣкарства ни пищи. Они говорятъ: теперь онъ уже находится въ чинѣ святыхъ ангеловъ. Если окажется, что подобный больной, противъ ожиданія, выздоровѣетъ, то онъ долженъ сдержать свой обѣтъ, развестись со своею супругою и идти въ монастырь.

Серафимскія одежды

LXIV.

(Книга III, глава 31).

О погребеніи ихъ покойниковъ.

Что касается похоронъ у русскихъ, то таковыя происходятъ, какъ и всѣ ихъ публичныя дѣйствія, съ весьма многими церемоніями. Какъ кто помретъ, сходятся ближайшіе друзья его и помогаютъ женщинамъ чрезвычайно громко выть и вопить. Они становятся кругомъ трупа и спрашиваютъ: «Отчего онъ умеръ? развѣ чувствовалъ онъ недостатокъ въ ѣдѣ, питьѣ, одеждѣ или чемъ-либо подобномъ? развѣ жена его недостаточно была хороша, молода, прекрасна и вѣрна?» и т. д. Эти же жалобы повторяются у могилы, гдѣ предполагается зарыть данное лицо. Нѣчто подобное происходитъ на могилахъ въ опредѣленное время года, какъ о томъ подробнѣе разсказано выше.

Погребеніе.

Смерть мужчины.

Тотчасъ же посылаютъ за священникомъ и дарятъ ему пива, меду и водки, прося помолиться за душу умершаго, чтобы ей было хорошо. Трупъ моютъ, одѣваютъ въ бѣлую по-

лотняную одежду, надѣваютъ ему башмаки изъ тонкой красной кожи, кладутъ руки крестъ на крестъ и затѣмъ кладутъ его въ гробъ (таковые продаются у нихъ открыто во многихъ частяхъ города; они срублены изъ цѣлыхъ деревъ и различной величины), послѣ чего накидываютъ на гробъ покрывало, иногда — кафтанъ покойнаго. Гробъ приносятъ въ церковь, и если покойникъ былъ человѣкъ знатный, то онъ остается въ церкви зимою въ теченіе 8-ми дней. Здѣсь священникъ ежедневно окропляетъ его святой водою, окуриваютъ его миррою, поетъ при этомъ и служитъ заупокойныя обѣдни за души усопшихъ.

Выносъ тѣла.

Выносъ тѣла происходитъ такимъ образомъ. Покойника несутъ 4 или 6 человѣкъ; если умерли монахиня или монахъ, то монахини и монахи должны нести гробъ. Передъ покойникомъ идутъ нѣсколько закутанныхъ женщинъ изъ числа ближайшихъ друзей покойника, поднимая весьма жалкіе вопли и крики. Иногда они громко кричатъ, иногда они нѣсколько останавливаются, то они опять начинаютъ причитать и жалуются на слишкомъ раннее отшествіе ихъ друга, говорятъ, что лучше было бы, если бы онъ пожилъ дольше, такъ какъ онъ былъ человѣкъ благочестивый и дорогой для нихъ. Въ то же время нѣсколько поповъ, идущихъ впереди покойника и за нимъ и не-

сущихъ иконы и кадильницы, поютъ что-то, причемъ въ ихъ пѣніи можно разобрать лишь слова: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный».

За покойникомъ слѣдуютъ ближайшіе друзья и добрые знакомые, притомъ безъ всякаго порядка, цѣлой гурьбою. У каждаго въ рукѣ по восковой свѣчѣ. По приходѣ ихъ къ могилѣ и по установкѣ покойника на мѣсто, гробъ раскрывается и на покойника еще разъ кадятъ. Надъ нимъ держатъ икону, которую онъ, въ честь своего святого, особенно почиталъ, священникъ читаетъ молитву и часто повторяетъ слѣдующія слова: «Господи, помяни эту душу»; кромѣ того, читаются еще и нѣкоторыя изреченія по чину греческой литургіи. Оставшаяся вдова въ это время стоитъ у тѣла и ея печальный крикъ еще разъ раздается съ повтореніемъ вышеприведенныхъ вопросовъ. Потомъ друзья, вмѣстѣ съ нею, подходятъ ко гробу, цѣлуютъ его, а иногда, подъ конецъ, и самого покойника и затѣмъ отступаютъ въ сторону. Послѣ этого подходитъ попъ и даетъ мертвецу паспортъ въ могилу. Этотъ паспортъ за деньги покупается въ Москвѣ у патріарха, а въ иныхъ мѣстахъ у митрополитовъ и архіепископовъ; въ случаѣ же отсутствія этихъ послѣднихъ — у поповъ. Паспортъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ:

Паспортъ мертвецу для того свѣта.

«Мы, NN, епископъ и священникъ здѣсь въ N, исповѣдуемъ и свидѣтельствуемъ симъ, что настоящій N жилъ у насъ какъ истинный православный христіанинъ. И хотя онъ иногда и грѣшилъ, онъ всетаки покаялся въ своихъ грѣхахъ, получилъ разрѣшеніе и принялъ св. причастіе во оставленіе грѣховъ. Онъ правильно чтилъ Бога и святыхъ его, постился и молился, какъ слѣдуетъ. Со мною, N, своимъ духовникомъ, онъ во всемъ примирился, такъ что я вполнѣ простилъ ему всѣ грѣхи его. Поэтому мы и дали ему въ дорогу этотъ паспортъ, чтобы онъ могъ показать его св. Петру и остальнымъ святымъ, дабы безпрепятственно быть впущеннымъ въ двери радости».

Этотъ паспортъ подписанъ патріархомъ, епископомъ или попомъ, снабженъ печатью и кладется покойнику межъ двухъ пальцевъ. Простоватые люди думаютъ, что этотъ паспортъ, точно рекомендательное письмо, имѣетъ большое значеніе для того свѣта. На самомъ дѣлѣ, онъ больше всего на пользу священникамъ, которые получаютъ за него деньги. Подобный паспортъ упоминается Гвагниномъ, «De religione Moscovitorum», гл. II, стр. 174. Какъ только паспортъ переданъ мертвецу, гробъ закрывается и закапывается. Они ставятъ всѣхъ мертвецовъ такъ, чтобы они лицомъ были обращены къ восходу солнца. Послѣ

Траурный пиръ.

того какъ покойникъ похороненъ, окружающіе крестятся передъ иконами и направляются опять домой. Друзьямъ устраивается траурный пиръ, здѣсь запиваютъ горе, и обыкновенно мужчины и женщины, сильно охмелѣвшіе, возвращаются домой.

Сколько дней длится трауръ.

Русскіе печалятся о своихъ мертвецахъ шесть недѣль, причемъ въ это время богатые устраиваютъ большіе пиры, приглашая наряду съ друзьями и всѣхъ священниковъ, присутствовавшихъ на похоронахъ. Они пользуются для этой цѣли третьимъ, девятымъ и двадцатымъ днями; однако, почему они берутъ именно эти, а не иные какіе-либо дни, о томъ я ничего не могъ узнать до сихъ поръ у русскихъ. Безъ сомнѣнія, этотъ обычай ими заимствованъ у грековъ, которые, какъ видно изъ примѣчаній Мартина Крузія къ «Historia ecclesiastica Turco-Graeciae», стр. 213, имѣютъ этотъ обычай въ Константинополѣ, но вмѣсто двадцатаго дня берутъ сороковой. Причины этихъ пировъ, которыя двоякаго рода, могутъ быть узнаны на томъ же мѣстѣ. Эти три пиршества должны обозначать то же, что [римскія] iusta или parentalia. Это — воспоминаніе и жертвы о покойникахъ для того, чтобы оставшіеся относились другъ къ другу съ любовью и дружбою. Поэтому-то установлены особыя кушанья, какъ-то освященный хлѣбъ, называемый у русскихъ кутьею. Греки справляютъ подобныя пиршества въ своихъ церквахъ, и между прочимъ раздаютъ также такіе кусочки освященнаго хлѣба, именуя ихъ ψωμίον ἀγάπης, «bucella charitatis et benevolentiae», «кусочекъ любви», какъ разсказываетъ это Крузій на томъ же мѣстѣ по Герлаху. Русскіе же (попы такъ же, какъ и другіе) при подобныхъ братскихъ пиршествахъ, пьютъ такъ дружно, что потомъ на рукахъ и ногахъ ползутъ домой.

Ради покойниковъ жертвы кушаньями.

Кусочекъ любви.

Хижины надъ могилами.

Надъ мѣстомъ погребенія или могилами тѣхъ, у кого есть нѣкоторыя средства, на кладбищахъ устраиваются небольшія хижины, въ которыхъ можно стоять человѣку; онѣ обыкновенно завѣшаны цыновками. Въ нихъ черезъ каждыя шесть недѣль попъ, капелланъ или монахъ долженъ ежедневно утромъ и послѣ полудня читать нѣкоторые псалмы Давидовы и нѣсколько главъ изъ Новаго Завѣта ради спасенія душъ умершихъ. Хотя русскіе, подобно грекамъ, не вѣрятъ въ существованіе чистилища (какъ о томъ правильно пишутъ Герберштейнъ, Поссевинъ и Гвагнинъ), тѣмъ не менѣе они увѣрены, что существуютъ особыя два мѣста, куда попадаютъ души сейчасъ по отдѣленіи своемъ, и гдѣ они ждутъ страшнаго суда и возстановленія тѣлъ своихъ; мѣста эти соотвѣтствуютъ тому, какъ кто жилъ, и совершалъ ли онъ добрыя или злыя дѣла. Благочестивые попадаютъ

Не вѣрятъ въ чистилище.

въ веселое и пріятное мѣсто, гдѣ они живутъ въ радости, въ сообществѣ добрыхъ ангеловъ, безбожные же попадаютъ въ мрачную чудовищную долину, гдѣ живутъ страшные, злые духи.

Куда попадаютъ души.

Поэтому они и полагаютъ, что душа, по оставленіи тѣла, находясь какъ бы на пути къ этимъ мѣстамъ, прилежною молитвою и предстательствомъ своего бывшаго исповѣдника, попа, монаха или иного кого-либо можетъ быть приведена на истинный путь къ радости и къ общенію съ добрыми ангелами, а если она направилась налѣво, въ юдоль страха, то всетаки Богъ можетъ быть смягченъ жертвами и умоленъ, чтобы Онъ оставилъ свой гнѣвъ по поводу грѣховъ ея, вписалъ ее въ книгу жизни и въ свое время въ великій день суда оказалъ ей тѣмъ бо́льшую милость. Эту цѣль преслѣдуютъ они и въ своей раздачѣ милостыни. Когда помираетъ богатый человѣкъ, то въ теченіе шести недѣль ежедневно раздается бѣднымъ нѣкоторое количество хлѣба и денегъ. И такъ вѣдь среди русскихъ находятся люди, которые не только много средствъ жертвуютъ на церкви и монастыри, но кромѣ того щедрою рукою раздаютъ милостыню бѣднымъ, хотя, съ другой стороны, они не очень совѣстятся обмануть своего ближняго при покупкѣ, продажѣ и другихъ дѣлахъ. Когда лавочники по утрамъ идутъ изъ домовъ своихъ въ церковь и оттуда въ лавки свои, то они сначала на хлѣбномъ [ситномъ] рынкѣ покупаютъ нѣсколько хлѣбовъ, берутъ ихъ съ собою, разрѣзаютъ ихъ и дѣлятъ между нищими, которыхъ въ Москвѣ чрезвычайно много. У этихъ нищихъ отъ такихъ милостынь получается столь большое изобиліе всего имъ нужнаго, что они рѣжутъ хлѣбъ въ четырехугольные куски, величиною въ дюймъ, сушатъ въ печахъ и продаютъ эти, по ихъ выраженію, «сухари» цѣлыми мѣшками на рынкахъ проѣзжимъ людямъ.

Раздача милостыни.

LXV.

(Книга III, глава 32).

О приверженцахъ другихъ религій, которыхъ московиты частью переносятъ, частью не терпятъ.

Московиты относятся терпимо и ведутъ сношенія съ представителями всѣхъ націй и религій, какъ-то съ лютеранами, кальвинистами, армянами, татарами, персіянами и турками. Однако, они крайне неохотно видятъ и слышатъ папистовъ и іудеевъ, и русскаго нельзя сильнѣе обидѣть, какъ выбранивъ

Русскіе ненавидятъ іудеевъ и папистовъ.

его іудеемъ [жидомъ], хотя многіе изъ купечества довольно похожи на жидовъ. Лютеране и кальвинисты до сихъ поръ встрѣчали хорошій пріемъ не только въ разныхъ мѣстахъ въ странѣ, но и въ самой Москвѣ при дворѣ, ради торговли и сношеній, которыя съ ними усердно ведутся, а также и ради тѣхъ должностей, на которыхъ они служатъ его царскому величеству дома и въ полѣ. Тѣхъ изъ нихъ, что живутъ въ Москвѣ, имѣется до 1000. Каждому разрѣшается по своему совершать богослуженіе въ публичныхъ церквахъ. Раньше обѣ религіи имѣли въ городѣ Москвѣ въ округѣ Царь-городъ свои построенныя здѣсь церкви. Однако, лютеране лѣтъ 20 тому назадъ потеряли церковь изъ-за ссоры и драки женщинъ, спорившихъ о первенствѣ. Когда передъ тогдашнею осадою Смоленска нѣмецкіе военные офицеры женились на купеческихъ служанкахъ, то эти послѣднія, какъ жены капитановъ и поручиковъ, уже болѣе не хотѣли сидѣть ниже бывшихъ своихъ барынь. Жены же купцовъ полагали, что было бы постыдно для нихъ, если бы тѣ, кто недавно были ихъ служанками, стали сидѣть выше, чѣмъ онѣ сами. Вслѣдствіе этого въ церкви поднялся большой споръ, который, въ концѣ концовъ, перешелъ въ драку. Патріархъ въ это время проѣзжалъ мимо церкви, увидѣлъ свалку и спросилъ о причинахъ ея. Когда ему сообщили, что это въ нѣмецкой церкви идетъ споръ изъ-за мѣстъ, онъ сказалъ: «Я полагалъ, что они будутъ приходить въ церковь съ благоговѣйными мыслями для совершенія своего богослуженія, а не ради высокомѣрія». Послѣ этого онъ приказалъ, чтобы тотчасъ церковь была сломана, и, дѣйствительно, въ тотъ же день она была разрушена до основанія. Лютеранамъ, однако, позволили построить внѣ Бѣлой стѣны, въ округѣ Большой городъ, новую.

Лютеране и кальвинисты въ Москвѣ.

Ссора и драка женщинъ приводитъ къ потерѣ церкви.

Кальвинисты также внутри Бѣлой стѣны стали, рядомъ со своей деревянной часовнею, строить красивую каменную церковь и довели ее почти до крыши. Такъ какъ, однако, патріархъ и великій князь не разрѣшили постройки, а лишь смотрѣли на нее сквозь пальцы, то патріарху какъ-то пришло въ голову приказать разрушить эту церковь, а заодно упразднить и часовню, находившуюся близъ нея. Послѣ этого кальвинисты нѣкоторое время для слушанія проповѣди ходили въ церковь къ лютеранамъ, пока они, наконецъ, не получили собственной церкви.

Разрушается церковь кальвинистовъ.

Когда нѣкоторое время спустя лютеране принуждены были, по настоянію патріарха, убрать свою церковь и изъ Большого города, они, съ соизволенія его царскаго величества, заняли

внѣ вала на свободной площади мѣсто и построили на ней церковь, бо̀льшую, чѣмъ предыдущая. Однако, недавно, при отмѣнѣ русской одежды (о чемъ сказано выше), они вновь со своей церковью должны были перейти на другое мѣсто. Произошло это такимъ образомъ. *Стр. 177.*

Попы въ Москвѣ уже 15 и болѣе лѣтъ жаловались, что нѣмцы, живущіе среди русскихъ въ городѣ, закупили самыя большія и лучшія площади изъ ихъ приходскихъ земель и обстроили ихъ такъ, что попы потеряли многое изъ своихъ доходовъ. Однако, такъ какъ предыдущій великій князь относился благосклонно къ нѣмцамъ, имъ ничего нельзя было добиться. Теперь, однако, когда самъ патріархъ сталъ жаловаться, что нѣмцы ходятъ среди русскихъ въ одинаковыхъ съ ними одеждахъ и какъ бы крадутъ у него благословеніе, попы воспользовались случаемъ, возобновили свою жалобу и довели дѣло до того, что отданъ былъ строгій приказъ: «кто изъ нѣмцевъ хочетъ перекреститься по русскому обряду, тотъ пусть остается жить въ городѣ, но кто отказывается поступить такъ, тотъ обязанъ въ теченіе короткаго времени вмѣстѣ съ жилищемъ своимъ выбраться изъ города за Покровскія ворота, въ Кокуй, мѣсто, гдѣ 40 и болѣе лѣтъ тому назадъ нѣмцы исключительно жили и гдѣ погребенъ датскаго короля Христіана IV братъ, герцогъ Іоганнъ.

Нѣмцевъ выселяютъ изъ города въ Кокуй.

Это мѣсто лежитъ на рѣкѣ Яузѣ и получило названіе Кокуй по слѣдующей причинѣ. Такъ какъ жены нѣмецкихъ солдатъ, жившихъ тамъ, видя что-либо особенное на мимоидущихъ русскихъ, говорили другъ другу: «Kuck! Kucke hie!» т. е. «Смотри! Смотри здѣсь!», то русскіе перемѣнили эти слова въ постыдное слово: «х.й, х.й» (что обозначаетъ мужескій членъ) и кричали нѣмцамъ, когда имъ приходилось идти въ это мѣсто, въ видѣ брани: «Нѣмчинъ, [м]чись на х.й, х.й», т. е. «Нѣмецъ, убирайся на» и т. д. По этому поводу, къ его царскому величеству была направлена жалостливая челобитная: «они, нѣмцы видятъ, что въ настоящее время, безо всякой причины, подвергались они поношенію со стороны русской націи, и, несмотря на вѣрную службу свою и доброе расположеніе, выказанныя передъ его царскимъ величествомъ и его подданными, тѣмъ не менѣе, на улицахъ, со стороны разныхъ оборванцевъ, встрѣчаютъ и слышатъ вслѣдъ столь постыдныя слова. Они просятъ поэтому его царское величество, чтобы онъ, по похвальному примѣру предковъ своихъ, принялъ ихъ подъ милостивѣйшую защиту свою и оберегалъ отъ такихъ поносителей»

Откуда слово «Кокуй».

Никто не смѣетъ кричать за нѣмцами постыдныя слова.

и т. д. Послѣ этого его царское величество велѣлъ публично объявить слѣдующее: «Кто съ этого дня будетъ кричать [подобныя слова], хотя бы вслѣдъ самому незнатному изъ нѣмцевъ, тотъ, безо всякаго снисхожденія, будетъ наказанъ кнутомъ», т. е. по ихъ способу. Дѣйствительно, нѣсколько человѣкъ нарушителей этого запрета были такъ наказаны, что ушли домой съ окровавленными спинами. Теперь нѣмцы освободились отъ этихъ позорныхъ криковъ вслѣдъ. Его царское величество теперь далъ этому мѣсту другое наименованіе, назвавъ его «Новою иноземской слободою». Здѣсь каждому, по его личному состоянію, должности или промыслу, отведено опредѣленное мѣсто для построекъ и вся слобода раздѣлена правильными улицами. Тѣ, у кого въ городѣ были деревянные дома, велѣли ихъ сломать и вновь сложить въ Новой иноземской слободѣ, гдѣ они теперь, въ случаѣ часто возникающихъ у русскихъ пожаровъ, живутъ въ гораздо большей безопасности, чѣмъ въ городѣ. Большинство нѣмцевъ говорятъ, что снятіе русской одежды и отдѣленіе отъ русскихъ домовъ и ежедневныхъ сношеній съ русскими было имъ столь же больно, какъ, напримѣръ, было бы для рака утопленіе его, ради наказанія, въ водѣ.

Новая иноземская слобода.

Когда нѣмцы теперь увидѣли, что имъ какъ бы данъ особый городъ для мирной жизни въ немъ, они не задумались сами сломить свои, далекія теперь отъ нихъ, церкви и перенести ихъ къ своимъ очагамъ и домамъ, въ «Новую иноземскую слободу». Теперь у лютеранъ здѣсь двѣ нѣмецкія церкви, а у кальвинистовъ — голландская и англійская. Сначала, впрочемъ, они и здѣсь терпѣли сильный соблазнъ, вслѣдствіе обвиненія жены полковника Лесли въ томъ, будто она (какъ выше сказано) своевольно бросила русскія иконы въ огонь. Въ нѣмецкихъ церквахъ тогда сорвали каѳедры проповѣдниковъ и алтари, а также снесли и крыши, но черезъ нѣкоторое время имъ разрѣшено было вновь покрыть церкви крышами; лишь алтари и каѳедры проповѣдниковъ имъ не позволили возобновить. Лютеране огородили большое кладбище, на которомъ они и кальвинисты погребаютъ своихъ покойниковъ. Обѣ религіи здѣсь уживаются мирно другъ съ другомъ, и ради вѣры не бываетъ непріятностей. Нынѣшній лютеранскій проповѣдникъ — г. Бальтазаръ Фаденрехтъ, человѣкъ очень ловкій и даровитый. Предыдущій проповѣдникъ (въ наше время) былъ г. Мартинъ Мунстербергъ изъ Данцига, даровитый и прилежный человѣкъ, сначала имѣвшій хорошія средства и бывшій очень щедрымъ; изъ-за этого, а также вслѣдствіе испытанныхъ имъ большихъ пожаровъ, онъ потерялъ все свое имущество и

Вырываютъ изъ церквей проповѣдническія каѳедры и алтари.

Г. Бальтазаръ Фаденрехтъ.

сильно преслѣдовался русскими за долги, такъ что отъ заботы и горя онъ заболѣлъ и умеръ, не достигнувъ даже 36-ти лѣтъ. Предшественникъ его, г. Георгъ Окзе, человѣкъ старый, былъ привезенъ въ Москву, въ качествѣ купора для вина, евангелическимъ купцомъ Кáролемъ Молиномъ. Такъ какъ община стала увеличиваться и долгое время не имѣла правильно поставленнаго пастыря, а всетаки хотѣла въ опредѣленное время слушать проповѣдь, этотъ же г. Георгъ былъ достаточно начитанъ и зналъ толкъ въ проповѣдяхъ, то они избрали его въ свои пасторы, и онъ прилежно справлялъ эту должность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Когда онъ, наконецъ, отъ старости усталъ читать и заниматься и на проповѣднической каѳедрѣ сталъ нѣсколько заговариваться, то община освободила его отъ служенія, давъ, однако, ему и женѣ его содержаніе для жизни. Онъ былъ еще живъ во время перваго нашего посольства.

Г. Георгъ Окзе.

Реформаты также имѣли ученаго человѣка въ качествѣ проповѣдника. Это — магистръ Гейнрихъ Инхенгёфферъ изъ Герцберга, сначала бывшій лютераниномъ, прибывшій съ солдатами въ страну и служившій походнымъ проповѣдникомъ въ войну подъ Смоленскомъ. Позже въ Москвѣ онъ сталъ кальвинистомъ. Онъ написалъ разсужденьице, напечатанное имъ въ Бременѣ подъ заглавіемъ: «Ключъ къ истинному пониманію „запертыхъ дверей" Joh. 20», и опровергнутое суперинтендентомъ въ Борнѣ въ мейссенской землѣ д-ромъ Давидомъ Авербахомъ. Оставшаяся вдова этого магистра Инхенгёффера, живущая еще въ Москвѣ, — дочь знаменитаго виттенбергскаго богослова д-ра Фёрстера. Онъ никогда не уговаривалъ ее къ отпаденію, къ чему, впрочемъ, она и сама не чувствовала склонности; напротивъ онъ говорилъ: «пусть она останется при лютеранской вѣрѣ: она можетъ спастись и при ней, такъ какъ поступить лучше она не умѣетъ». У реформатовъ имѣется и теперь ученый мужъ — магистръ Андрей Гардинусъ, родомъ изъ Шотландіи.

Магистръ Инхенгёфферъ.

Какъ сказано, русскіе ничего не имѣютъ противъ нахожденія въ ихъ странѣ лютеранъ и кальвинистовъ вмѣстѣ съ ихъ богослуженіемъ. Что же касается римско-католиковъ или папистовъ, то они до сихъ поръ встрѣчали у нихъ мало расположенія; напротивъ, они вмѣстѣ съ ихъ религіею были какъ бы мерзостью въ ихъ глазахъ. Въ 1627 году король французскій Людовикъ XIII прислалъ посла по имени Луи-де-Гэ къ прежнему великому князю, съ просьбою разрѣшить французской націи свободу торговли въ Россіи; при этомъ онъ сдѣлалъ по-

Русскіе не терпятъ римскихъ католиковъ.

пытку добиться постройки для нихъ католической церкви. Однако, въ этомъ ему было отказано.

Когда должна была начаться война со Смоленскомъ, и между начальниками, которые были призваны въ страну, оказались и католики, то имъ за поѣздку въ страну данъ былъ подарокъ, а затѣмъ ихъ съ добрымъ конвоемъ вновь отправили черезъ границу. Въ договорахъ, которые они заключили съ нами ради персидской торговли, они внесли строгій запретъ, чтобы въ случаѣ направленія голштинцевъ для торговли въ Персію, они не имѣли въ своей средѣ людей латинской вѣры (такъ зовутъ они римскихъ католиковъ). Такъ ненавистно у нихъ и самое имя ихъ. Слѣдуетъ удивляться, какъ они, тѣмъ не менѣе, въ 1610 г. избрали въ великіе князья Владислава, королевича польскаго; впрочемъ, они потомъ, еще до начала имъ дѣйствительнаго управленія, отвергли его и позже относились къ полякамъ и къ ихъ религіи съ гораздо большею ненавистью, чѣмъ раньше, за то, что они совершили надъ иконами ихъ, русскихъ, столь большія надругательства.

Стр. 239.

Эта древняя и какъ бы прирожденная ненависть и недружелюбіе русскихъ къ папистамъ или латинской церкви, впитана ихъ предками отъ грековъ и ихъ религіи и отъ нихъ передана потомству и получила дальнѣйшее развитіе. Такъ какъ русскіе являются сторонниками греческой церкви, то они полагаютъ, что въ этомъ дѣлѣ должны раздѣлять вражду, которую греческая церковь хранила по отношенію къ латинской въ теченіе многихъ сотъ лѣтъ.

Откуда ненависть русскихъ къ латинской церкви.

Откуда получился такой раздоръ между греческой и латинской церквами, которыя сначала были совершенно согласны другъ съ другомъ, видно изъ церковной исторіи. А именно, началось дѣло изъ-за спора епископовъ о первенствѣ, а затѣмъ присоединились сюда еще нѣкоторыя ошибочныя мнѣнія о догматахъ вѣры, принятыя греками, противъ ученія римской церкви...

... Такъ какъ греки видѣли примѣры соблазна и тираніи въ поведеніи правителей латинской церкви, то они восчувствовали къ нимъ омерзѣніе и гнѣвъ, передавшіеся и ихъ потомству.

Herberst., p. 32.

Русскіе, пишущіе себя членами греческой церкви, въ виду отдѣленія греческой церкви отъ латинской (впрочемъ, они говорятъ: латинская отдѣлилась отъ нихъ), а также въ виду того, что члены этой церкви всегда были во враждѣ [съ латинскою], желаютъ слѣдовать грекамъ и въ этомъ дѣлѣ. Они и теперь еще не терпятъ возлѣ себя сторонниковъ латинской вѣры или папистовъ, но зато ладятъ съ тѣми, кто отъ папистовъ отдѣлился.

Русскіе, правда, говорятъ, что во всѣхъ статьяхъ своей вѣры, церковныхъ законахъ и обычаяхъ, равно какъ и въ нравахъ, они слѣдуютъ древнѣйшимъ грекамъ. Я, однако, думаю, что ничему они такъ не научились и ничего такъ не усвоили, какъ пьянство, которымъ славились греки. «У грековъ былъ, — говоритъ Цицеронъ — такой законъ: или пей или убирайся». Во многихъ вещахъ, какъ въ основныхъ статьяхъ религіи, такъ и въ церковныхъ обычаяхъ и церемоніяхъ, они отъ нихъ отстали. Поэтому и греки считаютъ ихъ схизматиками, хотя и не рѣшаются сказать это, въ виду большой поддержки, которую они ежегодно получаютъ отъ русскихъ. *«Tuscul.», V.*

Герберштейнъ въ своихъ «Commentarii rerum Moscoviticarum», p. 31, упоминаетъ, что константинопольскій епископъ или патріархъ однажды, по просьбѣ московитовъ, послалъ имъ греческаго ученаго монаха, по имени Максиміана, чтобы привести въ добрый порядокъ статьи, правила и все вообще, относящееся къ греческой религіи. Когда монахъ занялся этимъ дѣломъ, онъ замѣтилъ много грубыхъ заблужденій и указалъ на нихъ великому князю. Однако, вскорѣ затѣмъ онъ потерялся, и неизвѣстно было, куда онъ дѣлся. Полагаютъ, что они тайно его умертвили. То же случилось и съ греческимъ купцомъ Маркомъ, котораго они, за подобныя же рѣчи, устранили. Они и теперь настроены такъ же, и со всякимъ, кто предложитъ нѣчто подобное, будетъ не лучше, чѣмъ съ вышеупомянутымъ протопопомъ Нерономъ, говорившимъ противъ иконъ, или съ Логиномъ въ Муромѣ, начавшимъ проповѣдывать.

Греческій монахъ находитъ заблужденія въ русской религіи.

Стр. 312 и 320.

Въ предыдущемъ достаточно сказано о нынѣшнемъ состояніи Россіи и свойствахъ ея жителей, при описаніи каковыхъ я излагалъ больше подробностей, чѣмъ принято въ описаніи путешествія. Такъ какъ, однако, многимъ было бы небезполезно узнать такія частью новыя, частью не всякому извѣстныя вещи, то я надѣюсь, что благосклонный читатель не отнесется неблагопріятно къ этому моему отступленію, которое я случайно оказался въ состояніи сдѣлать. Не посѣтуетъ читатель, вѣроятно, и на то, что я прибавлю сюда прекрасныя мысли моего бывшаго спутника по путешествію д-ра Павла Флеминга; мысли эти внушены русскими, преимущественно тѣми, которые живутъ въ новгородскихъ земляхъ. Пробывъ у нихъ, во время перваго нашего путешествія, цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, онъ писалъ:

Флеминга «Нѣмецкія поэмы», кн. II, стр. 72.

«Собравшись съ силами, небесъ послушный волѣ,
Что можешь соверши, не замедляясь долѣ!

Направься къ полночи, въ далекій край земной!
Не зная этотъ край, бранитъ его иной,
Но ты воспользуйся годовъ своихъ расцвѣтомъ,
Самъ правду всю узнай, не вѣрь чужимъ извѣтамъ!
Надѣйся, что твоимъ представится глазамъ,
Какъ даже въ варварствѣ не все противно намъ,
Не все по-варварски...» — «Довольно, я рѣшился,
И не могу жалѣть, что здѣсь я очутился,
Въ мѣстахъ, гдѣ надо мной Каллисто льетъ свой свѣтъ
И Аркасъ на зенитъ за ней несется въ слѣдъ.
Бельтъ былъ къ намъ милосердъ, Двина несла насъ плавно,
Нева намъ другъ была, а вѣтеръ гналъ насъ славно,
Гдѣ онъ намъ нуженъ былъ. До Волги я дошелъ
И отдыхъ сладостный на берегу нашелъ.
Но не могу смолчать. Такихъ людей я встрѣтилъ
Здѣсь на своемъ пути, что ихъ хвалой бъ отмѣтилъ
Безспорно всякій. Тотъ съ великими сравнимъ,
Кто въ жизни самъ себѣ обязанъ всѣмъ своимъ!
...Рожденъ онъ, чтобъ своимъ довольствоваться рокомъ:
Онъ слушался отца и въ горѣ былъ глубокомъ,
Когда отецъ угасъ. Но рукъ не опустилъ
Онъ самъ теперь. Изъ всѣхъ старается онъ силъ,
И если не далось богатствъ ему въ наслѣдство,
Онъ самъ наслѣдокъ свой. Испытанный съ дней дѣтства
Въ трудѣ, безъ золота, онъ жизнь свою спасетъ.
Въ глуши удобное онъ мѣсто достаетъ,
Безъ купли, лишь одной работой и умѣньемъ.
Здѣсь садъ и домъ его. Роскошнѣйшимъ строеньемъ
Нельзя его назвать, но жаръ или морозъ
Ему здѣсь нипочемъ. Своей рукою снесъ
Онъ ели длинныя, онъ строилъ самъ хоромы.
И вотъ хозяинъ онъ и съемщикъ въ томъ же домѣ!
Подругу онъ себѣ для жизни захотѣлъ —
И вотъ сосѣда дочь: въ прекраснѣйшемъ изъ тѣлъ
И сердце доброе. Любовь его узнала,
И краска на устахъ еще багрянѣй стала.
Мы ждали ли того? Живутъ преблагодушно
Они вдвоемъ. Она во всемъ ему послушна.
Суровъ онъ сталъ — его сильнѣе чтитъ она:
И плеть вѣдь, въ ихъ глазахъ, любовью внушена.
Такую мысль внушить кто смогъ бы нашимъ женамъ!
Межъ тѣмъ, не бѣденъ онъ. Съ орудьемъ, снаряженнымъ
Трудами рукъ своихъ, сумѣетъ онъ питать
Семью свою всегда. То удочкой поймать
Удастся рыбъ ему, то въ гнѣздахъ или въ хлѣвѣ,
То въ огородѣ онъ найдетъ, питать чѣмъ чрево.
Лѣсъ дичь ему даетъ, рѣка поитъ водой.
Доступно все ему. Онъ съ лукомъ и стрѣлой,
Безъ соколовъ и псовъ, охотиться идетъ.
Съ ножомъ и топоромъ все мастерство ведетъ
Онъ дома у себя. Запасовъ онъ не любитъ:
На завтра Богъ подастъ. Онъ душъ чужихъ не губитъ;
Сосѣдямъ тѣмъ въ примѣръ, кто тамъ живутъ южнѣй:
По морю Черному и средь донскихъ степей,
Добычи онъ съ людей не ищетъ. Кощелекъ

Его, хоть не тяжелъ, но и не пустъ. Далекъ
Отъ бѣдности онъ все жъ. Заботиться не надо,
Одежду гдѣ достать; на то овечье стадо:
Оно даетъ ему и шубу и сукно.
А въ полѣ конопля и ленъ растутъ давно;
Станокъ и прялка ихъ волокна собираютъ,
И всѣмъ, въ чемъ есть нужда, семью его снабжаютъ.
Онъ хворымъ врядъ ли былъ, здоровъ до позднихъ лѣтъ,
И врачъ его — чеснокъ — спасалъ его отъ бѣдъ»...

[Дальнѣйшія разсужденія о необходимости довольства малымъ и благахъ скромной жизни опущены. Заключительныя строки таковы:]

Такъ, значитъ, здѣсь сошла ты въ наше поколѣнье
Святая простота, святое украшенье,
Ушедшее отъ насъ? Такъ, значитъ, вотъ страна,
Что̀ честью, правдою и до сихъ поръ полна?

LXVI.

(Книга IV, глава 1).

Объ отъѣздѣ изъ Москвы и поѣздкѣ до Нижняго Новгорода. Какъ мы ѣхали по рѣкамъ Москвѣ и Окѣ и что мы за города, деревни, монастыри и дачи встрѣчали по дорогѣ.

Вернемся опять къ нашей поѣздкѣ въ Персію. Когда для этого путешествія намъ былъ врученъ приставомъ вышеупомянутый великокняжескій паспортъ, мы собрались въ дорогу изъ Москвы [30]-го іюня. Въ тотъ же день мы напослѣдокъ получили отъ фактора его княжеской свѣтлости г. Давида Рутса прекрасно приготовленное угощеніе. Когда подошелъ послѣдній часъ дня (у русскихъ примѣняются вавилонскіе часы, и они начинаютъ счетъ часовъ отъ солнечнаго восхода и считаютъ до захода солнца), царь прислалъ намъ, какъ это принято здѣсь, лошадей, на которыхъ мы, въ сопровожденіи старыхъ нашихъ приставовъ и многихъ знатныхъ нѣмцевъ, проѣхали три версты за городъ, до Симоновскаго монастыря, гдѣ насъ ожидала лодка, выѣхавшая впередъ изъ-за сильной кривизны рѣки Москвы. Мы, стало быть, вошли въ лодку при сердечныхъ привѣтахъ добрыхъ друзей. Великимъ княземъ намъ былъ данъ приставъ по имени Родіонъ Матвѣевичъ, который долженъ былъ идти съ нами до Астрахани. *Стр. 144.*

Едва мы немного отъѣхали отъ берега, подошелъ сюда молодого князя гофмейстеръ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, до-

ставившій разныхъ дорогихъ напитковъ и имѣвшій при себѣ трубачей своихъ. Онъ попросилъ пословъ немного пристать, чтобы онъ могъ на прощанье угостить ихъ. Послы, однако, отказались, а такъ какъ передъ этимъ, какъ выше сказано, онъ нѣкоторымъ изъ насъ на соколиной охотѣ доставилъ большое удовольствіе, то мы и подарили ему серебряный приборъ для питья. Послѣ этого въ особой маленькой лодкѣ онъ довольно долго ѣхалъ рядомъ съ нами, велѣлъ своимъ трубачамъ весело играть, а наши имъ отвѣчали. Черезъ нѣкоторое время онъ даже пересѣлъ въ нашу лодку и пилъ съ нашими дворянами вплоть до утра, послѣ чего онъ, со слезами на глазахъ, полный любви и вина, простился съ нами.

Стр. 140.

Такъ какъ въ эту ночь русскіе лодочники (они по-восьмеро по очереди сидѣли у веселъ) еще были свѣжи и къ тому же каждый изъ нихъ получилъ по чаркѣ водки, мы такъ быстро подвинулись внизъ по рѣкѣ, что на другой день, а именно 1-го іюля, вскорѣ по восходѣ солнца, оказались у дворянской усадьбы Дворянинова, въ 80-ти верстахъ или 16 нѣмецкихъ миляхъ отъ Москвы; усадьба лежала по лѣвую сторону отъ насъ. Къ вечеру мы прибыли къ деревнѣ Марчукъ, направо, въ 40 верстахъ отъ Дворянинова.

1-го іюля.

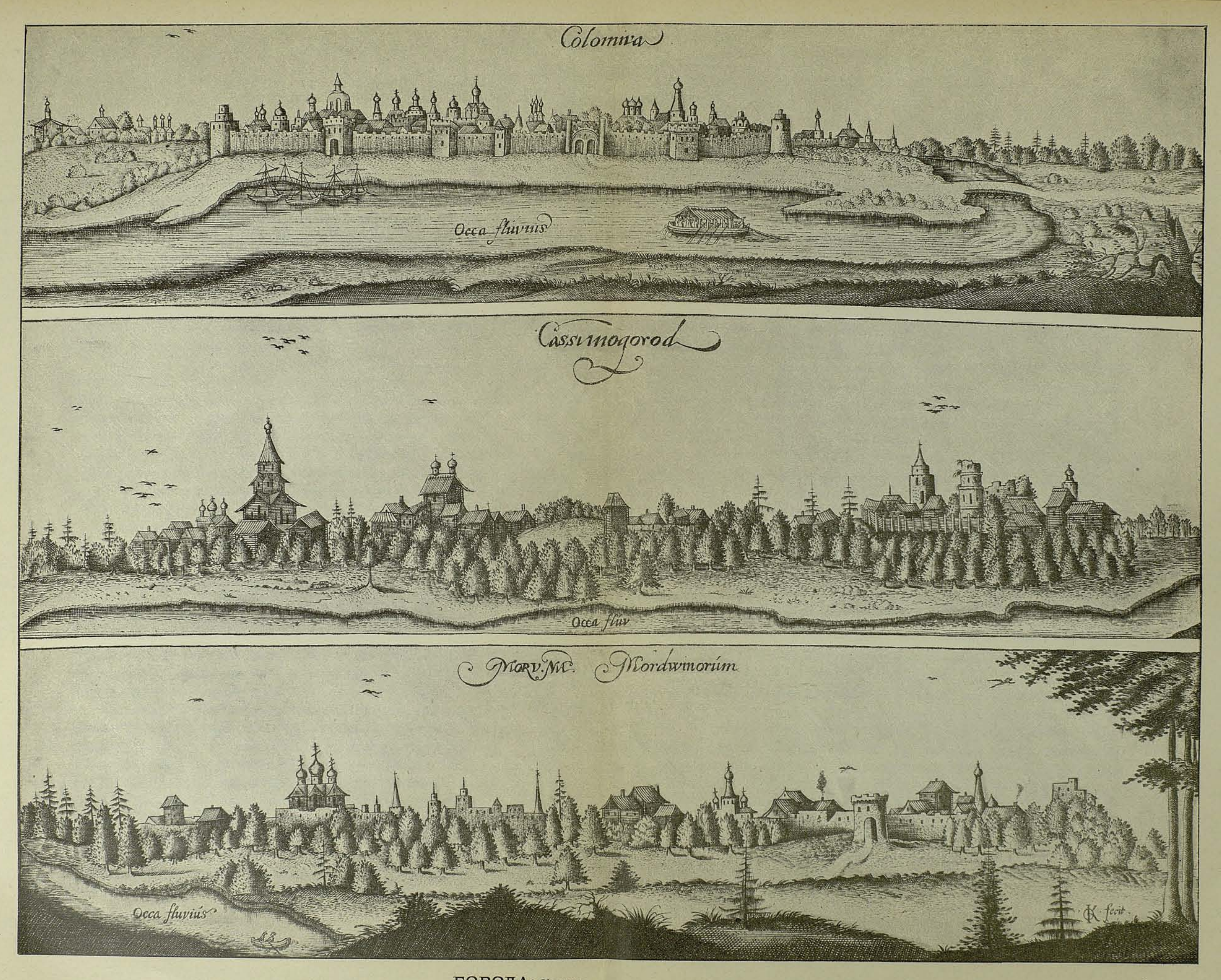
Въ дальнѣйшемъ, обозначая деревни и другіе предметы, лежатъ ли они направо или налѣво, я буду пользоваться начальными буквами: *л.* — обозначаетъ расположенные налѣво, *пр.* — расположенные направо предметы.

Что обозначаютъ л. и пр.

2-го того же мѣсяца мы до полудня, у деревни и монастыря Бобренева[?] встрѣтили нѣсколько большихъ лодокъ, нагруженныхъ медомъ, солью и соленою рыбою. Они шли большею частью отъ Астрахани и направлялись къ Москвѣ. Здѣсь въ рѣкѣ много большихъ изгибовъ и поворотовъ. Мы вышли на берегъ, имѣли свои молитвенные часы и поѣхали дальше.

Къ вечеру мы прибыли подъ городъ Коломну, *пр.* Онъ находится отъ Москвы водою въ 180-и верстахъ или 36 нѣмецкихъ миляхъ; сушею же, особенно зимою, когда можно ѣхать по полю, считается сюда едва 18 миль. Если судить по внѣшнему виду, то онъ хорошо охраняется своими каменными стѣнами и башнями. Черезъ рѣку Москву, протекающую у городскихъ стѣнъ, ведетъ большой деревянный мостъ. Здѣсь имѣетъ свое мѣстопребываніе единственный епископъ, имѣющійся въ странѣ; такъ какъ здѣсь есть и воевода, то намъ пришлось подождать, пока приставъ показалъ нашъ паспортъ. Тѣмъ временемъ безчисленное количество народа собралось на мосту, чтобы смотрѣть

Коломна, по водѣ въ 180-и верстахъ отъ Москвы.

ГОРОДА: Коломна.
Касимовъ-городъ.
Муромъ въ Мордовской землѣ.
На переднемъ планѣ на всѣхъ трехъ рисункахъ надпись: Occa fluvius—рѣка Ока.

на насъ. Однако, имъ пришлось, чтобы дать проѣздъ нашей лодкѣ, нѣсколько высокой въ виду ея крыши, разобрать часть моста, что ими было очень поспѣшно сдѣлано.

Въ трехъ верстахъ за Коломною рѣка Москва впадаетъ въ Оку, широкую и глубокую рѣку, идущую съ юга. *Сліяніе Москвы и Оки.*

Здѣсь вблизи лежитъ монастырь Голутвинъ-Сергіевскій, будто бы учрежденный св. Сергіемъ, похороненнымъ въ Троицѣ.

За мѣстомъ сліянія этихъ водъ, страна по обѣ стороны рѣки становится весьма плодородною, покрытой растительностью и обитаемою, такъ что насъ весьма обрадовалъ видъ этихъ веселыхъ мѣстностей. Въ данномъ мѣстѣ такое количество дубовъ, какого мы нигдѣ во всей Россіи не видѣли.

3-го іюля мы до восхода солнца прибыли къ большой деревнѣ Дѣдино[во], *л.*, длиною почти съ $^1/_2$ мили и, какъ говорятъ, имѣющей болѣе 800 жителей. Къ полудню мы прибыли къ деревнѣ Омутъ, *пр.*, въ 37-ми верстахъ отъ Коломны. Здѣсь, такъ какъ день былъ воскресный, мы высадились на берегъ и подъ веселымъ деревомъ совершили наше богослуженіе съ проповѣдью и поѣхали дальше. Въ 3-хъ верстахъ за деревнею посерединѣ рѣки находился длинный островъ, который мы оставили съ лѣвой стороны. Мы проѣхали еще мимо нѣсколькихъ деревень, изъ которыхъ главнѣйшія были Сельцо, *пр.*, и Морозо[во], *пр.*

4-го с. м., около полудня, мы прибыли подъ городъ Переяславль, *пр.*, гдѣ также имѣется воевода. Этотъ городъ въ 107-и верстахъ отъ Коломны. Близъ него я нашелъ высоту полюса въ 54°42′. *Переяславль.*

5-го с. м. мы проѣхали мимо мѣстечка Рязань, *пр.*, бывшаго раньше большимъ и даже главнымъ городомъ цѣлой провинціи этого названія. Но когда въ 1568 г. вторглись крымскіе татары и, избивая и пожигая, все опустошили, погибъ и этотъ городъ. Такъ какъ, однако, эта провинція, расположенная между Окою и валомъ, построеннымъ противъ татаръ, раньше была княжествомъ и, кромѣ того, будучи чрезвычайно плодородна, по хлѣбопашеству, скотоводству и дичи превосходитъ всѣ сосѣднія провинціи (какъ правильно о томъ свидѣтельствуютъ Гвагнинъ и Петрей), то царь, по опустошеніи ея, велѣлъ отовсюду собрать большое количество народу, всю страну вновь обработать и привести въ прежній порядокъ. Такъ какъ для постройки города Рязани они нашли болѣе удобное мѣсто, а именно то, гдѣ теперь лежитъ въ 8-ми миляхъ отъ [старой] Рязани Переяславль, то они и перенесли сюда оставшійся матеріалъ зда- *Рязань.*

ній и построили совершенно новый городъ. Онъ называется Переяславлемъ Рязанскимъ, такъ какъ большинство и наиболѣе выдающіяся изъ лицъ, которыя его строили и населяли, были изъ Переяславля, лежащаго столь же далеко отъ Москвы къ сѣверу, какъ этотъ городъ лежитъ къ югу.

Petreus, part. 1, pag. 48.

Меня удивляетъ, почему Петрей желаетъ помѣстить эту область къ западу отъ Москвы, тогда какъ она, по собственному же его признанію, лежитъ между рѣками Окою и Дономъ, которыя, однако, въ отношеніи къ Москвѣ лежатъ не къ западу, а къ востоку, куда направлено и теченіе ихъ. Рязанская область лежитъ отъ Москвы къ юго-востоку. Въ Рязани еще нынѣ находится мѣстопребываніе одного изъ семи архіепископовъ.

Въ этотъ день мы прошли мимо различныхъ небольшихъ монастырей и деревень; это навдалекѣ отъ Рязани: Село, *л.*, Киструсъ, *л.*, въ 7-ми верстахъ, Обложицкій монастырь, въ 3-хъ верстахъ, Липовые Исады, *пр.*, дворянская усадьба, въ 2-хъ верстахъ, Муратово, въ 2-хъ верстахъ, Калинино, въ 1-ой верстѣ, Пустополе, *пр.*, — въ 1-ой верстѣ — деревня архіепископа рязанскаго, Новоселки, *пр.*, въ 3-хъ верстахъ, Шилка, *пр.*, въ 2-хъ верстахъ. У первой деревни по водѣ плыло нагое человѣческое тѣло, которое, вслѣдствіе — вѣроятно — долгаго плаванія по водѣ, было совершенно черно отъ солнца и сильно свялилось. Полагали, что это человѣкъ, убитый казаками или бѣглыми рабами, которые, говорятъ, тутъ въ окрестностяхъ имѣются.

6-го с. м. поѣздка шла мимо монастырей Терехина, *л.*, въ 10-ти верстахъ, Тыринской слободы, *пр.*, въ 10-ти верстахъ, Свинчуса, *пр.*, въ 8-ми верстахъ, и Копанова, *пр.*, въ 2-хъ верстахъ. Здѣсь мы вторично увидѣли плывшее мертвое тѣло. Такъ какъ, однако, убійства здѣсь нерѣдки, то русскіе не обратили на это вниманія.

7-го іюля мы рано прибыли къ Добрынину острову, *пр.*, въ 30-ти верстахъ отъ предыдущей деревни, затѣмъ къ деревнямъ: Село Рубецъ, въ 7-ми верстахъ, Курманъ, *пр.*, въ 7-ми верстахъ, потомъ къ Гусь-рѣкѣ, *л.*, въ 6-ти верстахъ, и другимъ деревнямъ: Малѣевой, *пр.*, въ 8-ми верстахъ, Габиловской, *пр.*, въ 2-хъ верстахъ, и Бабину, *пр.*, въ 3-хъ верстахъ; они лежатъ на веселомъ холмѣ. Наконецъ къ вечеру прибыли мы къ небольшому Касимову-городу, *л.*, въ 3-хъ верстахъ. Это татарскій городъ, принадлежавшій татарскому княжеству Касимову. Здѣсь въ старомъ каменномъ зданіи, нѣкогда бывшемъ замкомъ, жилъ молодой татарскій князь Рес-Кичи, который, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ матерью и бабушкою своею подчинился

Касимовъ-городъ.

великому князю. Этотъ городъ данъ имъ былъ для кормленія. Здѣсь мы увидѣли первый магометанскій храмъ. Разсказывали, будто русскіе говорили молодому государю, что, если бы онъ принялъ русскую религію и далъ себя окрестить, то великій князь не отказалъ бы ему въ выдачѣ своей дочери за него. Онъ, однако, будто отвѣтилъ: «Теперь онъ еще слишкомъ молодъ (ему было всего 12 лѣтъ), но когда онъ придетъ въ лучшій возрастъ и разумъ, то онъ готовъ дать отвѣтъ».

Наши послы велѣли передать ему свой поклонъ и подарили ему фунтъ табаку и бутылку французской водки; это ему было такъ пріятно, что онъ, со своей стороны, велѣлъ передать поклонъ, усердную благодарность его и извиненія въ виду невозможности для него угостить и почтить господъ пословъ въ своемъ домѣ, какъ онъ бы желалъ этого. [Посѣщеніе его] вызвало бы неудовольствіе воеводы, неохотно разрѣшающаго кому-либо изъ иностранцевъ имѣть съ нимъ сношенія. Черезъ слугъ своихъ, татаръ, не могшихъ говорить съ кѣмъ-либо кромѣ нашего персидскаго толмача, онъ прислалъ намъ въ отвѣтный даръ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, какъ-то: двухъ овецъ, боченокъ меду, боченокъ пива, водки, нѣсколько кусковъ льду, кислаго молока, сливокъ и свѣжаго масла, приготовленнаго, какъ они говорили, собственноручно его матерью.

Подарокъ татарскаго князя въ Касимовѣ.

Въ теченіе этой ночи, какъ и слѣдующаго дня, мы по обѣ стороны рѣки встрѣчали разныя деревни, монастыри и кабаки, видъ на которые среди зеленаго лѣса былъ очень привлекателенъ. Главнѣйшіе изъ этихъ мѣстностей: Починокъ Татарскій, *пр.*, въ 3-хъ верстахъ отъ Касимова-города, Село Перьево, *пр.*, въ 7-ми верстахъ, кабакъ, *л.*, въ 8-ми верстахъ, Бродъ, въ 5-ти верстахъ, р. Мокша, *пр.*, въ 8-ми верстахъ, кабакъ, въ 2-хъ верстахъ, Сатѣево, *л.*, въ 13-ти верстахъ, монастырь Андреянова Пустынь, *л.*, въ 4-хъ верстахъ, Елатьма, *л.*, въ 3-хъ верстахъ. Послѣдняя — большая деревня, заключающая въ себѣ 300 крестьянъ; принадлежала она боярину Өедору Ивановичу Шереметеву. Далѣе слѣдуютъ 20 верстъ до сухой степной мѣстности Русбоноръ[?], направо отъ рѣки.

9-го с. м. встрѣтили мы церковь Воскресенья, *л.*, въ 10-ти верстахъ. Мѣстность эта обыкновенно называется Воскресенскою Мелью. [Далѣе слѣдовали] большая деревня Ляхи, *л.*, въ 5-ти верстахъ (она принадлежитъ государственному совѣтнику князю Борису Михайловичу Лыкову), и монастырь Пречистой Рязанской, *пр.*, въ 10-ти верстахъ. Затѣмъ пріѣхали мы къ городу Мурому, населенному русскими и татарами. Здѣсь начало по-

Городъ Муромъ. Начало поселеній мордовскихъ татаръ.

селеній мордовскихъ татаръ, которые всѣ покорны великому князю. Такъ какъ въ городѣ имѣется рынокъ, то мы и послали своихъ толмачей, чтобы они закупили намъ свѣжей провизіи.

Татары пробуютъ стрѣлять въ насъ.

Не доѣхавъ съ 1/2 мили до этого города, мы увидѣли на правомъ берегу, въ сторону крымскихъ татаръ, нѣсколько татаръ. Они вскорѣ спрятались въ кустахъ и оттуда стрѣляли въ насъ, такъ что одна пуля пролетѣла надъ кораблемъ. Такъ какъ мы, однако, отвѣтили нѣсколькими мушкетными выстрѣлами, то они присмирѣли, пока мы не проѣхали мимо города; тогда мы на прежнемъ мѣстѣ опять услышали нѣсколько выстрѣловъ. Мы были вполнѣ увѣрены, да и наши русскіе лодочники такъ думали, что въ будущую ночь они нападутъ на насъ. Поэтому мы стали на якорѣ около Чухтскаго[?] острова, въ 51-й верстѣ отъ города, и держали здѣсь добрую стражу. Однако, мы уже ничего болѣе не услышали.

Ворсма и Клязьма.

10-го сего мѣсяца мы проѣхали мимо мѣстечка Павлово, принадлежащаго знатному боярину князю Ивану Борисовичу Черкаскому; наряду со многими небольшими деревнями проѣхали мы и мимо двухъ рѣчекъ, изъ которыхъ одна, Ворсма-рѣка, течетъ справа, а другая въ 8-ми верстахъ отъ первой слѣва и называется Клязьмою; она течетъ отъ Владимира.

Начало высокаго берега съ правой стороны.

Здѣсь мѣстность по правую руку начинаетъ возвышаться и получается очень высокій берегъ, который, почти на одинаковой высотѣ, тянется на протяженіи 100 нѣмецкихъ миль по Волгѣ и снизу имѣетъ видъ какъ бы «montes contigui», т. е. «примыкающихъ другъ къ другу горъ». Однако, сверху это ровная плоская мѣстность, безъ лѣса, удобная для земледѣлія и простирающаяся, какъ говорятъ, въ видѣ такой равнины, болѣе чѣмъ на 100 верстъ въ сторону суши. Простирается эта мѣстность болѣе къ юго-востоку. Страна же налѣво отъ берега, направляющаяся къ сѣверо-западу, повсюду низменна, лѣсиста, дика и мало населена. Кое-гдѣ на высокомъ берегу мы, во время величайшей жары, застали еще снѣгъ и ледъ.

Прибытіе въ Нижній.

11-го іюля, послѣ проѣзда мимо лежащихъ съ правой и лѣвой стороны красивыхъ веселыхъ деревень, какъ-то Избыльца, Троицкой слободы, Дудина монастыря и Новинокъ, мы къ вечеру прибыли къ выдающемуся городу Нижнему или Нижнему Новгороду.

Корабль «Friedrich».

Здѣсь мы тотчасъ же направились не въ городъ, а на нашъ тамъ построенный корабль «Friedrich».

Описаніе судна.

Этотъ корабль построилъ корабельщикъ Михаилъ Кордесъ, съ помощью русскихъ плотниковъ, изъ сосновыхъ досокъ; онъ былъ длиною въ 120 футъ, имѣлъ 3 мачты и плоское дно, си-

ВИДЪ НИЖНЯГО НОВГОРОДА.

На рѣкѣ корабль «Friedrich». Надписи на переднемъ планѣ: Occa fluv[ius]—рѣка Ока, Wolga fluv[ius]—рѣка Волга.

дѣлъ въ водѣ лишь 7 футъ и имѣлъ 24 весла. Онъ былъ устроенъ преимущественно для плаванія по рѣкѣ Волгѣ, чтобы мы были въ состояніи переходить черезъ песчаные перекаты и мели, которыхъ здѣсь имѣется много, и въ случаѣ, если бы вѣтеръ оказался непопутнымъ, могли подвигаться и безъ парусовъ. Наверху на кораблѣ, въ каютахъ, и внизу, въ трюмѣ, устроены были различныя каморки, въ которыхъ послы и свита ихъ могли удобно расположиться и имѣть кухню и помѣщеніе для провизіи. Мы хорошо снабдили корабль всякаго рода зельемъ и снарядами, пушками для металлическихъ и каменныхъ ядеръ, гранатами и другимъ оружіемъ на случай нападенія разбойниковъ.

Наряду съ этимъ кораблемъ велѣли мы построить и шлюпку и прекрасно снарядили ее, такъ какъ полагали, что на Волгѣ и въ особенности на Каспійскомъ морѣ, гдѣ шкиперамъ и боцманамъ пришлось бы во время посѣщенія нами персидскаго шаха оставаться на морѣ, намъ нужно будетъ иногда ѣздить по неизвѣстнымъ и мелкимъ мѣстамъ, куда мы съ кораблемъ не рѣшились бы направиться. Шлюпка должна была служить и для того, чтобы, въ случаѣ нужды, снять грузъ съ судна. Чтобы снарядить вполнѣ суда, мы оставались здѣсь почти три недѣли.

LXVII.

(Книга IV, глава 2).

О городѣ Нижнемъ и Волгѣ.

Нижній Новгородъ, лежащій подъ 56° 28′ сѣверной широты, по мнѣнію Герберштейна (стр. 47) построенъ великимъ княземъ Василіемъ и населенъ тѣмъ народомъ, который онъ взялъ во многолюдномъ городѣ Великомъ Новгородѣ; поэтому онъ и получилъ названіе Нижняго Новгорода. Отъ него до Москвы водою считается 150, а сушею 100 нѣмецкихъ миль; онъ лежитъ у Оки на правомъ берегу въ высокой мѣстности, окруженъ каменною стѣною и башнями. Внѣ городскихъ стѣнъ здѣсь, пожалуй, больше домовъ и людей, чѣмъ въ городѣ; живутъ они здѣсь въ кругѣ, описанномъ полумилею. Подъ городомъ Ока соединяется съ знаменитою рѣкою Волгой, называемою у древнихъ писателей Rha. Обѣ рѣки, по соединеніи своемъ, имѣютъ ширину въ 4600 футовъ; при путешествіи въ Персію и обратно я дважды черезъ ледъ измѣрилъ это разстояніе.

Отъ Нижняго до Москвы водою 150 миль.

Сліяніе Волги съ Окою.

Я также замѣтилъ, что магнитная стрѣлка въ этомъ городѣ отклоняется отъ полуночи [сѣвера] къ западу на цѣлыхъ 9 градусовъ.

Жители города Нижняго.

Въ Нижнемъ живутъ русскіе, татары и нѣмцы; всѣ они подданные великаго князя и управлялись въ наше время воеводою Василіемъ Петровичемъ.

Здѣсь мы нашли самыхъ крайнихъ на востокѣ лютеранъ, которые могли служить по своей вѣрѣ въ открытой церкви; въ то время ихъ община доходила до 100 человѣкъ. Многіе изъ нихъ были военные офицеры, шотландцы, частью существовавшіе службою великому князю, частью жалованьемъ мирнаго времени, а также винокуреніемъ, пивовареніемъ и продажею крѣпкихъ напитковъ, — что̀, по особой милости, было имъ предоставлено. Провизія въ Нижнемъ была весьма дешева: молодая курица, а также 15 яицъ стоили 1 копѣйку или въ мейссенской монетѣ 6 пфенниговъ, овца — 12, 15, 18 копѣекъ.

24-го с. м. я съ нашимъ шталмейстеромъ фонъ-Мандельсло, Гансомъ Арпенбэкомъ, русскимъ толмачемъ и приставомъ былъ отправленъ къ воеводѣ, чтобы, за доброе расположеніе и помощь, оказанныя имъ нашему люду, прожившему здѣсь, ради постройки корабля, болѣе года, поднести ему цѣнный подарокъ въ 100 рейхсталеровъ. Что воеводѣ это было очень любо и пріятно, мы замѣтили по тому, что онъ не только далъ намъ прекрасное, великолѣпное угощеніе, но при уходѣ нашемъ подарилъ намъ 20 кусковъ копченой свинины и другой провизіи на дорогу.

Похвала воеводѣ въ Нижнемъ.

Это былъ вообще человѣкъ вѣжливый и разумный. Домъ его содержался весьма прилично. Когда мы велѣли приставу доложить о себѣ, насъ два человѣка повели по двору черезъ прекрасно разубранный ходъ, по обѣ стороны котораго, вплоть до крыльца, стояли слуги и рабы. Въ сѣняхъ насъ встрѣтили два осанистыхъ старыхъ человѣка, которые провели насъ къ воеводѣ въ комнату, украшенную обоями, занавѣсами, серебряными чарами и бокалами. Воевода стоялъ въ золотой парчевой одеждѣ, окруженный многими красиво одѣтыми мужчинами, принялъ насъ ласково, благодарилъ за поклонъ и подарокъ пословъ во многихъ почтительныхъ словахъ, а затѣмъ заставилъ насъ сѣсть за столъ, причемъ онъ началъ говорить тосты за здоровье его царскаго величества, его свѣтлости князя голштинскаго и княжескихъ пословъ. Во время угощенія, заключавшагося въ пряникахъ, очень крѣпкой водкѣ и многихъ родахъ меду, онъ говорилъ всякія веселыя и умныя рѣчи, такъ что мы — въ виду странности этого явленія въ Россіи — должны были удивляться

ему. Онъ спросилъ также: «боимся ли мы казаковъ, которые разбойничаютъ на Волгѣ и врядъ ли оставятъ насъ въ покоѣ? Это жестокій, безчеловѣчный народъ, любящій разбои болѣе Господа Бога своего; они нападаютъ на людей, точно вотъ это животное»; при этомъ онъ показалъ на нарисованнаго на столѣ льва, которому [на рисункѣ] Самсонъ разрывалъ пасть. Когда мы отвѣтили: «если казаки окажутся львами, то мы окажемся Самсонами», онъ сказалъ: «и онъ на это надѣется» и выразилъ надежду, что «имя нѣмцевъ, извѣстныхъ храбростью въ Россіи, въ виду добрыхъ услугъ, ими оказанныхъ его царскому величеству, прославилось и среди казаковъ и, безъ сомнѣнія, удержитъ ихъ отъ нападенія». Когда мы простились съ нимъ, онъ, въ прежнемъ порядкѣ, опять велѣлъ проводить насъ черезъ дворъ къ воротамъ.

Прекращеніе споровъ среди рабочихъ.

Въ эти дни были улажены споры, происходившіе во время кораблестроенія между рабочими, и былъ потребованъ отчетъ о строительствѣ. При болѣе точномъ разслѣдованіи оказалось, что тотъ, кто нанималъ рабочихъ, убѣдилъ ихъ обѣщать ему подарокъ въ 40 рублей или 80 рейхсталеровъ, чтобы онъ по болѣе дорогой цѣнѣ принялъ для нихъ работу. Такъ какъ кузнецъ при поставкѣ желѣза и въ работѣ допустилъ большія злоупотребленія и обманы, то ему, правда, пригрозили суровымъ наказаніемъ, которое воевода — даже если бы потребовали смертной казни, — предоставилъ совершенно на волю пословъ, но, въ концѣ концовъ, такъ какъ онъ упалъ въ ноги посламъ и, лежа у ногъ ихъ, долго со слезами просилъ о прощеніи, то его и простили, въ виду преклонныхъ лѣтъ его (ему было болѣе 70-ти лѣтъ), и оставили безъ наказанія.

Лучшее время для плаванія по Волгѣ на большихъ судахъ.

Пробывъ въ Нижнемъ до конца іюля и замѣтивъ, что вода, которая до сихъ поръ была высока, начала быстрѣе спадать, мы поспѣшили уйти. Корабли или большіе струги и лодки, идущіе по Волгѣ къ Астрахани, соблюдаютъ это время и пускаются въ путь, когда вода еще поднимается или оказывается выше всего, какъ это и происходитъ въ маѣ или іюнѣ, когда рѣки на сѣверѣ разливаются и приносятъ много воды въ Волгу; въ такое время эти суда не только безопасно проходятъ черезъ мелкія мѣста, но и черезъ низкіе острова, которые въ это время оказываются глубоко подъ водою. Бываютъ, впрочемъ, случаи, что, послѣ ночевки ихъ на такомъ островѣ, они, при быстромъ спадѣ воды, остаются сидѣть на мели: подобнаго рода засѣвшіе и погибшіе большіе струги и лодки мы встрѣчали во многихъ мѣстахъ на Волгѣ.

Такъ какъ эта рѣка, по моему заключенію, одна изъ величайшихъ, длиннѣйшихъ и важнѣйшихъ въ мірѣ, то я прилежно

наблюдалъ ее, и при помощи опытнаго голландскаго моряка Корнелія Клаус(ен)а и нѣкоторыхъ русскихъ лоцмановъ не только по компасу опредѣлилъ и нанесъ на планъ ея теченіе, изгибы, углы и берега, но также и глубокій фарватеръ на ней, мели, острова и мѣстности, отъ мили до мили и даже отъ версты до версты. Такъ какъ въ первомъ изданіи я обѣщалъ, что современемъ сообщу настоящую карту этой рѣки, то я ее теперь и изготовилъ и прилагаю здѣсь изображеніе рѣки со всѣмъ тѣмъ, что̀ имѣется на берегахъ ея.

Начало Волги.

Рѣка Волга беретъ свое начало (какъ упоминаетъ о томъ на стр. 53-й Герберштейнъ) въ области Ржевской, гдѣ имѣется лѣсъ, называемый Волконскимъ. Въ этомъ лѣсу есть озеро, изъ котораго вытекаетъ рѣка, протекающая черезъ 2 приблизительно мили, затѣмъ черезъ озеро Волго, дающее этой рѣкѣ свое названіе. До соединенія своего передъ Нижнимъ Новгородомъ съ Окою, рѣка эта протекаетъ мимо многихъ выдающихся городовъ: Твери (упоминаемой выше), Кашина, Холопьяго [городка], Углича, Ярославля, Костромы, Галича и т. д. Такъ какъ я этихъ мѣстъ не проходилъ, то я этой части теченія Волги и не буду описывать, а начну только съ соединенія у Нижняго Новгорода Оки съ Волгою.

Стр. 27 и 130.

LXVIII.

(Книга IV, глава 3).

Отъ Нижняго до Васильсурска.

Отъѣздъ отъ Нижняго 30-го іюля.

Послѣ того какъ нашъ корабль теперь былъ снаряженъ и снабженъ хорошими запасами провизіи, и мы также взяли съ собою и лоцмана или путеводителя, который долженъ былъ показывать намъ истинный фарватеръ, мы 30-го іюля собрались въ путь, не глядя на то, что вѣтеръ былъ намъ противенъ, и стали лавировать. При насъ на кораблѣ находился его княжеской свѣтлости коммиссаръ въ Москвѣ Бальтазаръ Мушеронъ, дьякъ или канцеляристъ воеводы, пасторъ изъ Нижняго и нашъ факторъ Гансъ Бернгартъ, проводившіе насъ на нѣсколько верстъ и желавшіе посмотрѣть, каково плаваніе на кораблѣ. Едва, однако, мы въ 2-хъ верстахъ подъ городомъ прошли за имѣнье Грамотина, *л.*, напротивъ Печерскаго монастыря, *пр.*, какъ мы уже попали на мель и засѣли. Пришлось заносить якорь и съ большими трудами въ теченіе 4-хъ часовъ стаскивать корабль.

«Точный чертежъ важнѣйшей въ Европѣ рѣки Волги, раньше называвшейся Ра; изготовленъ Адамомъ Олеаріемъ».

Внизу въ небольшомъ щиткѣ, подъ большимъ щитомъ съ заглавіемъ, надпись: «Христ. Роттиссеръ въ Гузумѣ награвировалъ». Карта прилагалась къ изданіямъ книги Олеарія съ 1656 г. Названія на картѣ тѣ же, которыя упоминаются въ книгѣ на пути посольства отъ Мурома до Астрахани и моря. Рисунки изображаютъ «луговыхъ» черемисъ, сѣверныхъ оленей, Саратовъ, Астрахань, верблюдовъ, татарскую кибитку и астраханскіе фрукты. Видъ Астрахани въ изданіи 1647 года былъ изображенъ на особомъ рисункѣ (ср. въ нашемъ переводѣ стр. 523). Какъ видно изъ обозначенія на картѣ города Симбирска (онъ изображенъ не направо—какъ онъ расположенъ теперь—а налѣво отъ рѣки), Олеарій подновилъ и эту карту, подобно всему тексту своей книги, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ уже по совершеніи путешествія.

Надписи на картѣ: у устья Камы: Fischerhütten—«Рыбачьи хижины», у рѣки Паньщины: hic multi etc.—«Здѣсь много пней въ землѣ», у устья Чагры: Piscatorum tabernae—«Рыбачьи хижины», нѣсколько ниже слѣва: Vadum etc.—«Овечій бродъ, мѣсто перехода казаковъ», а справа: Hic latronum etc.—«Здѣсь разбойничьи притоны», нѣсколько выше Царицына: Haec intersectio etc.—«Этотъ разрѣзъ сдѣланъ въ виду недостаточности карты», а съ лѣвой стороны рѣки: Rudera urbis—«Развалины города»; съ правой стороны рѣки ниже Царицына: Rivulus etc.—«Рѣчка изъ рѣки Танаиса или Дона», у Насоновскаго острова: Hic Cosacorum etc.—«Здѣсь казаковъ притоны», за Чернымъ-Яромъ, Polowon etc.—«Половина или середина пути отъ Астрахани къ Царицыну», у Астрахани: Hic piscatura etc.—«Здѣсь рыбная ловля лучшая изъ всѣхъ и хижины, въ которыхъ солятъ рыбу», у Перульскаго острова направо отъ рѣки: Hic clauditur etc.—«Здѣсь замыкается Волга отъ ночныхъ вторженій казаковъ». Среди мелей передъ устьемъ надпись: Declinatio etc.—«Склоненіе магнитное—22° къ западу».

Accúrata delineatio
Nobiliſs^mi toti Európæ flúminis
WOLGÆ
olim RHA dictæ
per
Adamiúm Oleariúm
Christ Rothgieſser Húsúm. ſcúlpſ
Ceremiſſi Lúgovi
Ceremiſſi Nagorni
Soratof
Astrachan
Dolgo Inſúla
Maris Caſpij oſtium ad Wolgam
Kaſan
Samara
Zarizza
Don

На другой день, а именно въ послѣднее число іюля, проѣхавъ съ версту дальше, мы снова засѣли, однако скоро сошли съ мели, и когда выпалъ сильный дождь, а также буря съ юго-востока подула намъ на-встрѣчу, мы остались на якорѣ до слѣдующаго дня.

Здѣсь на кораблѣ была произнесена вышеупомянутая нѣмецкая рѣчь объ опасности, которую мы выдержали на Балтійскомъ морѣ, и о кораблекрушеніи у Гохланда; мы благодарили Бога за милостивое спасеніе. Нашимъ людямъ былъ внушено въ дальнѣйшемъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, могущихъ быть при предстоящемъ долговременномъ и опасномъ путешествіи, возлагать твердое упованіе на Бога и на терять мужества. По окончаніи богослуженія, послѣ веселой музыки, наши провожатые и добрые друзья простились съ нами и вернулись обратно. *Стр. 86*

1-го августа заведенъ былъ порядокъ, какъ быть со стражею. Навербованные солдаты, а равно и свита пословъ, были раздѣлены на три роты съ тѣмъ, чтобы чередоваться на службѣ. Во главѣ первой долженъ былъ находиться посолъ Крузіусъ, во главѣ второй—Брюг[ге]манъ, а третьей—маршалъ. У каждаго изъ пословъ былъ свой капитанъ: у Крузіуса—шталмейстеръ, у Брюг[ге]мана—секретарь; они вмѣстѣ съ маршаломъ поочередно, съ обычнымъ барабаннымъ боемъ, приводили и уводили стражу. Часовые посты у передней и задней боевой рубки корабля были всегда весьма многочисленны. *Заведенъ порядокъ для стражи.*

Послѣ этого, когда вѣтеръ все еще дулъ намъ напротивъ, мы сдѣлали попытку двинуться впередъ помощью веселъ. Однако, на разстояніи выстрѣла изъ ружья мы вновь сѣли на мель. Освободившись отъ нея, мы остались стоять на якорѣ. Кое-кто изъ насъ вышелъ на сушу пострѣлять птицъ, которыхъ можно было видѣть вокругъ весьма много. На высокомъ берегу, отъ Нижняго вплоть до Казани, повсюду есть пріятныя рощицы и отдѣльно стоящія деревья, точно лѣсъ здѣсь и не прекращается.

2-го с. м., когда вѣтеръ нѣсколько поулегся, мы подняли якорь, надѣясь сегодня пойти лучше впередъ. Однако, едва мы отъѣхали четверть мили, какъ у Телятинскаго острова снова засѣли, а потомъ опять за другимъ островомъ—Собщинскимъ, на который во время полой воды нагнало большой стругъ, и теперь еще стоявшій здѣсь. Здѣсь мы сидѣли цѣлыхъ девять часовъ, пока удалось сдвинуть корабль съ мѣста.

Такъ какъ плаваніе сначала было столь неудачно для насъ, что первые 4 дня мы не могли проѣхать впередъ дальше двухъ миль (а вѣдь оставалось еще $5^1/_2$ сотенъ нѣмецкихъ *Плаваніе на первыхъ порахъ весьма плохое.*

миль до Каспійскаго моря), и къ тому же нашъ лоцманъ, 8 лѣтъ не ѣздившій по Волгѣ, очень немного могъ дать намъ точныхъ свѣдѣній,—то нѣкоторые изъ насъ довольно таки пали духомъ.

3-го с. м. дѣло шло нѣсколько лучше. Мы проѣхали впередъ мимо нѣсколько деревень и острововъ, изъ которыхъ важнѣйшіе Столбищи и Стоба, въ 3-хъ миляхъ отъ Нижняго, ВеликойВрагъ, *пр.*, деревня въ долинѣ между двумя горами, Зимёнки, *пр.*, на холмѣ, и островъ Теплой, *л.*, въ 20-и верстахъ отъ Нижняго. Здѣсь мы встрѣтили большой стругъ или лодку, шедшую изъ Астрахани, съ 200-ми рабочихъ на ней. Русскіе, не имѣя вѣтра въ точности позади себя, не плывутъ на парусахъ, но въ лодкѣ заносятъ впередъ на 1/4 мили пути одинъ якорь за другимъ, и затѣмъ 100 и болѣе человѣкъ, становясь одинъ за другимъ, помощью каната изъ лыка тащатъ судно противъ теченія. При этомъ они, однако, не въ состояніи пройти въ день больше двухъ миль. Такіе струги имѣютъ видъ, изображенный на рисункѣ; внизу они плоски, могутъ поднять 400 — 500 ластовъ и большею частью нагружены солью, икрою и соленою грубою рыбою.

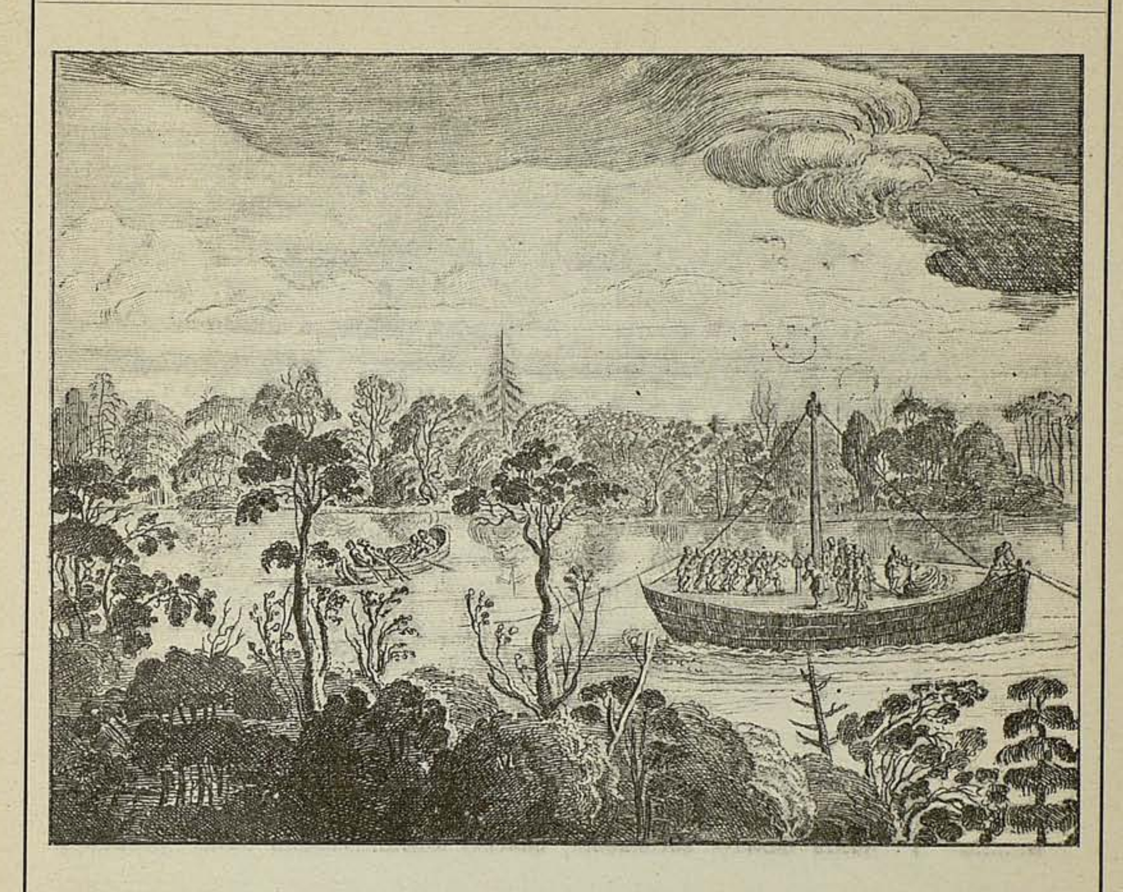
Какъ русскіе обыкновенно ѣдутъ вверхъ по Волгѣ.

Русскій стругъ.

Деревни, мимо которыхъ мы сегодня проѣхали, лежали всѣ по правую руку; это были: Безводная, Ка[д]ница, гдѣ высота полюса оказалась равной 56°21′, далѣе: Работки, Чеченино, Татинецъ, Юркино. Передъ послѣднимъ, находящимся въ 10-ти миляхъ отъ Нижняго, лежали два острова, между которыми фарватеръ доходилъ до 21-го фута глубины. Такъ какъ вѣтеръ сталъ для насъ нѣсколько болѣе благопріятенъ, мы сегодня и на слѣдующій день воспользовались парусомъ на мачтѣ, прошли, наряду со многими малыми деревнями, еще мимо большихъ деревень Маза и Кременки, *пр.* За этой послѣднею мы 4-го с. м. помѣстились на ночлегъ.

5-го августа мы спозаранокъ прибыли къ деревнѣ Бармино, въ 90 верстахъ отъ Нижняго. Здѣсь крестьяне въ трехъ лодкахъ доставили на нашъ корабль молодыхъ куръ и другой провизіи для продажи по низкой цѣнѣ. Послѣ этого мы проѣхали между двумя островами, изъ которыхъ одинъ у нихъ называется Спаса-Бѣлкою. Къ вечеру мы увидѣли и городокъ Васильгородъ, и такъ какъ передъ нимъ мель или сушь, какъ ее называютъ, то мы опустили якорь и остановились передъ мелью.

Сюда къ намъ присланъ былъ изъ Москвы гонецъ съ письмами изъ Германіи, датированными маемъ мѣсяцемъ. Они насъ сильно обрадовали.

Васильгородъ—небольшой городокъ или мѣстечко; онъ построенъ всецѣло изъ деревянныхъ домовъ, безъ стѣны кругомъ. Онъ лежитъ направо отъ Волги, подъ горою, подъ полярною высотою въ 55°51°. Отъ Нижняго до него считается 120 верстъ. Говорятъ, что городъ этотъ построенъ великимъ княземъ Василіемъ и снабженъ имъ же солдатами, которые должны сдерживать набѣги крымскихъ татаръ. По ту сторону города съ юга течетъ сюда довольно большая рѣка Сура. Раньше эта рѣка отдѣляла казанскую область отъ русской.

Васильгородъ, въ 24-хъ миляхъ отъ Нижняго.

6-го с. м. корабль еле-еле прошелъ черезъ упомянутую сушь, почти постоянно ее задѣвая дномъ; корабль, можно сказать, скорѣе прыгалъ и какъ бы танцовалъ черезъ мель, чѣмъ плылъ черезъ нее.

Пройдя къ полудню мимо города, мы для салюта велѣли выстрѣлить изъ металлическаго орудія, а трубачу трубить. То же дѣлалось впослѣдствіи передъ всѣми городами, къ которымъ мы подходили.

LXIX.

(Книга IV, глава 4).

О черемисскихъ татарахъ.

Здѣсь появляются другого рода татары, а именно черемисы. Они тянутся далеко за Казань, живутъ по обѣ стороны Волги, большею частью безъ домовъ, въ простыхъ избахъ, питаются скотоводствомъ, медомъ и дичью, являются превосходными стрѣлками изъ луковъ, и даже дѣтей пріучаютъ заблаговременно къ этому. Это вѣроломный, разбойничій и чародѣйствующій народъ. Тѣ изъ нихъ, что̀ живутъ направо отъ Волги, именуются «нагорными», такъ какъ они живутъ на высотѣ: на горахъ или между горами. Это наименованіе происходитъ отъ русскихъ словъ «на» и «гора». Живущіе слѣва именуются «луговыми» отъ «лугового сѣна» т. е. зеленыхъ луговъ и сѣнокосовъ: вѣдь здѣсь, въ виду низкой и сырой почвы, много прекрасныхъ луговъ и полей, гдѣ собирается въ большомъ количествѣ сѣно, которымъ «нагорные» питаютъ свои стада. Гвагнинъ говоритъ, что эта нація частью языческой, частью магометанской вѣры. Живущіе вокругъ Казани всѣ, насколько я могъ узнать, язычники, такъ какъ ихъ и не обрѣзаютъ и не крестятъ. Когда ребенку у нихъ исполняется полгода, они опредѣляютъ особый день, когда ребенокъ долженъ бы получить имя. Кто въ этотъ день раньше всего зайдетъ къ нимъ, или пройдетъ хотя бы мимо, того имя и получитъ дитя. Большинство изъ нихъ вѣритъ, что имѣется безсмертный Богъ, который дѣлаетъ людямъ на землѣ добро и котораго поэтому нужно призывать. Однако, что̀ Онъ Собою представляетъ и какъ Онъ желаетъ быть почитаемъ, этого они не знаютъ. Они не вѣрятъ въ воскресеніе мертвыхъ или въ новую жизнь послѣ здѣшней. Они полагаютъ, что со смертью человѣка, какъ и со смертью скотины, все кончено. Въ Казани въ домѣ моего хозяина жилъ черемисъ, человѣкъ лѣтъ 45-ти. Услышавъ, что я говорилъ съ хозяиномъ о религіи и, между прочимъ, упомянулъ о воскресеніи мертвыхъ, онъ началъ смѣяться, всплеснулъ руками и сказалъ: «Кто разъ померъ, тотъ мертвъ и для чорта. Или развѣ покойники возстанутъ, а съ ними и мои лошади и коровы, околѣвшія нѣсколько лѣтъ тому назадъ?» Когда я его спросилъ: «Знаетъ ли онъ, Кто создалъ небо и землю?», онъ насмѣшливо отвѣтилъ: «Чортъ знаетъ».

Религія черемисовъ.

Хотя они не вѣрятъ въ существованіе ада, все-таки, по ихъ мнѣнію, существуютъ черти, которыхъ они называютъ духами-мучителями; они полагаютъ, что эти черти при жизни могутъ мучить людей и доставлять имъ другія непріятности; поэтому они и стараются умилостивить ихъ жертвами.

Немда, рѣка Черемисовъ. Говорятъ, что въ казанской области, къ югу отъ Казани миль на 40, въ болотистой мѣстности имѣется рѣка, именуемая у нихъ Немдою. Сюда они направляются со своими паломничествами и жертвами. Они говорятъ: «Кто сюда придетъ и ничего не принесетъ въ жертву, тотъ зачахнетъ или засохнетъ». Они полагаютъ, что чортъ имѣетъ резиденцію свою тамъ или, точнѣе, у рѣки Шокшемъ, лежащей въ 10-ти верстахъ отъ Немды. *Шокшемъ, рѣка.* Говорятъ, что эта рѣка не глубже 2-хъ локтей, течетъ между двухъ горъ и никогда не замерзаетъ. Ея черемисы очень боятся. Они полагаютъ, что если кто-либо изъ ихъ націи придетъ къ этой рѣкѣ, то онъ тотчасъ и помретъ; русскіе же безъ опасности могутъ приходить къ ней и уходить отъ нея. Иногда они приносятъ жертвы и Богу, рѣжутъ для этой цѣли лошадей, козловъ и овецъ, натягиваютъ шкуры на колья, варятъ рядомъ съ ними мясо, *Черемисы.* берутъ блюдо, полное мяса, въ одну руку, а чашку съ медомъ

или другимъ напиткомъ въ другую руку и бросаютъ все это противъ шкуры въ огонь, говоря: «Иди, передай мое желаніе Богу». Также: «О Боже, я охотно жертвую тебѣ это, прими это отъ меня, и дай мнѣ скота» и т. д., смотря по тому, что они охотно желали бы. Такъ какъ они не вѣрятъ въ иную, чѣмъ здѣшнюю, жизнь, то всѣ ихъ просьбы и молитвы устремлены на мірское. Они молятся также солнцу и мѣсяцу, такъ какъ замѣчаютъ, что ихъ дѣйствіе благопріятно для земли и скота. Особенно же во время урожая высоко чтится ими солнце. Намъ даже сообщали, что они въ теченіе дня почитаютъ и иногда обожаютъ все то, что они видѣли во снѣ, будь то корова, лошадь, огонь или вода. Когда я и хозяинъ мой иногда изъ-за этого уговаривали черемисина, что неправильно чтить скотъ и другія твари, какъ Бога, и молиться имъ,— онъ давалъ такого рода отвѣтъ: «что же такое представляютъ собою боги русскихъ, вѣшаемые на стѣнку? Вѣдь въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ дерева и краски, и онъ поэтому не желаетъ и имъ поклоняться; гораздо лучше и разумнѣе обожать солнце и то, что имѣетъ жизнь». У нихъ нѣтъ ни письменъ, ни поповъ, ни церквей. Ихъ языкъ также своеобразенъ и имѣетъ мало родства съ обыкновеннымъ татарскимъ или турецкимъ. Тѣ, кто въ этихъ мѣстахъ живутъ среди русскихъ, пользуются обыкновенно русскимъ языкомъ.

Похороны у черемисовъ.

Когда у нихъ помираетъ состоятельный человѣкъ, то закалываютъ его лучшую лошадь, и ее у рѣки (всѣ свои жертвоприношенія и тому подобныя торжества совершаютъ они у рѣкъ) съѣдаютъ оставшіеся друзья и слуги его; покойника же зарываютъ въ землю, а одежду его вѣшаютъ на дерево.

Бракъ у черемисовъ.

Они одновременно вступаютъ въ бракъ съ 4-мя, 5-ю и болѣе женами, и не обращаютъ вниманія на то, если бы даже 2 или 3 жены оказались родными сестрами.

Одежда черемисскихъ женщинъ.

Женщины и дѣвицы ходятъ окутанные грубою бѣлою холщевою матеріею и закутываются вплоть до лица. Невѣсты носятъ спереди на головахъ своихъ украшеніе, почти въ родѣ рога; оно съ локоть длиною и направлено кверху; на концѣ его въ пестрой кисточкѣ виситъ небольшой колокольчикъ. Мужчины ходятъ въ длинныхъ холщевыхъ кафтанахъ, подъ которыми носятъ брюки; головы свои они стригутъ наголо. Парни, неженатые еще, даютъ вверху у темени рости длинной косѣ, которую они иногда завязываютъ въ узелъ; иногда же даютъ ей свисать на-подобіе женской косы. Мы многихъ изъ нихъ встрѣчали не только здѣсь, но и въ Казани.

Когда они въ первый разъ увидѣли на Волгѣ насъ въ столь необычной одеждѣ и на кораблѣ, то они испугались, и нѣкоторые изъ нихъ стали убѣгать съ берега, а часть осталась стоять, но, несмотря на наши кивки, не хотѣла подняться на судно. Къ вечеру одинъ изъ нихъ собрался съ духомъ и у рѣки Ветлуги, *л.*, противъ Юнгскаго монастыря, поднялся на нашъ корабль; онъ принесъ для продажи большого свѣжаго осетра, за котораго запросилъ 20 алтынъ или 60 копѣекъ, отдавъ, его, однако, за 5 алтынъ.

LXX.

(Книга IV, глава 5).

Какъ мы прошли мимо Козмодемьянска, Чебоксаръ, Кокшаи и Свіяжска.

7-го августа мы прибыли къ городу Козмодемьянску, лежащему въ 40 верстахъ отъ предыдущаго города, также на правомъ берегу Волги. И этотъ городъ имѣетъ своего намѣстника или воеводу. Въ этой мѣстности растетъ очень много — даже цѣлые лѣса — липъ, съ которыхъ жители дерутъ лыко и развозятъ его по всей странѣ, приготовляя изъ него сани, посуду или ящики. Дерево они рѣжутъ [пилятъ] на цилиндрическія части, выдалбливаютъ ихъ и пользуются ими камъ ушатами, бочками и т. п.; они также выдѣлываютъ изъ нихъ цѣлыя лодки, челноки и гробы, которые продаются здѣсь и тамъ на рынкахъ. *Козмодемьянскъ, 40 в.* *Много липъ*

Въ 3-хъ верстахъ за этимъ городомъ у острова Кріуши мы стали на якорь, совершили свое богослуженіе и причастились. Сюда крестьяне опять принесли на продажу свѣжую провизію. Когда мы прошли съ милю впередъ, началась сильная буря; поэтому мы опять спустили якорь и здѣсь расположились на ночевку.

8-го с. м., когда мы получили попутный вѣтеръ, мы подняли парусъ и до полудня легко проѣхали до острова Туричьяго. Послѣ обѣда мы на всѣхъ парусахъ налетѣли на песчаную мель у острова Маслова, такъ что мачты заскрипѣли; здѣсь мы оставались на мели 4 часа, пока не сдвинулись при помощи трехъ якорей.

Здѣсь по правую руку на берегу мы видѣли очень много черемисовъ, конныхъ и пѣшихъ, бывшихъ на своихъ сѣноко-

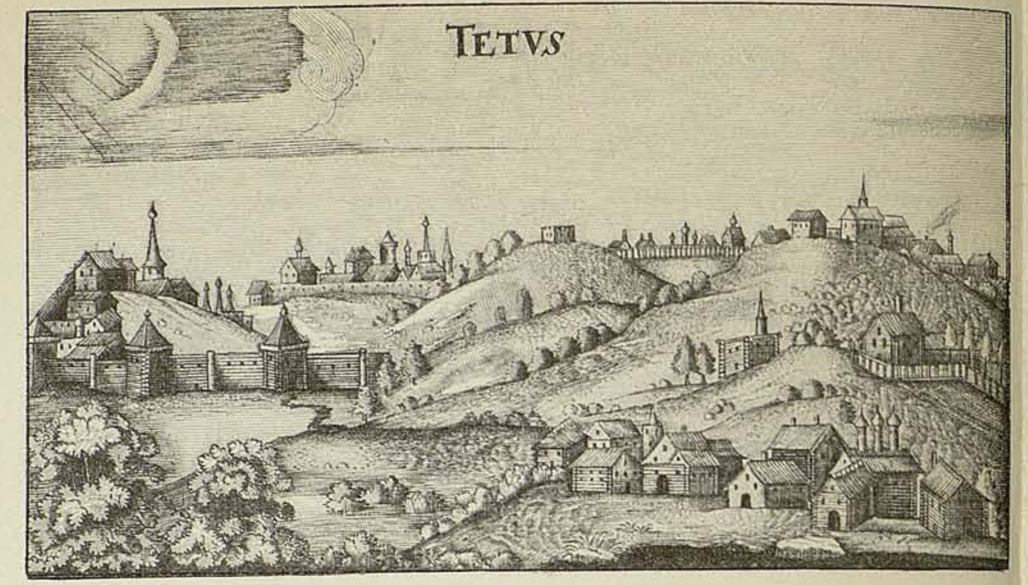
Чебоксары, 40 верстъ.

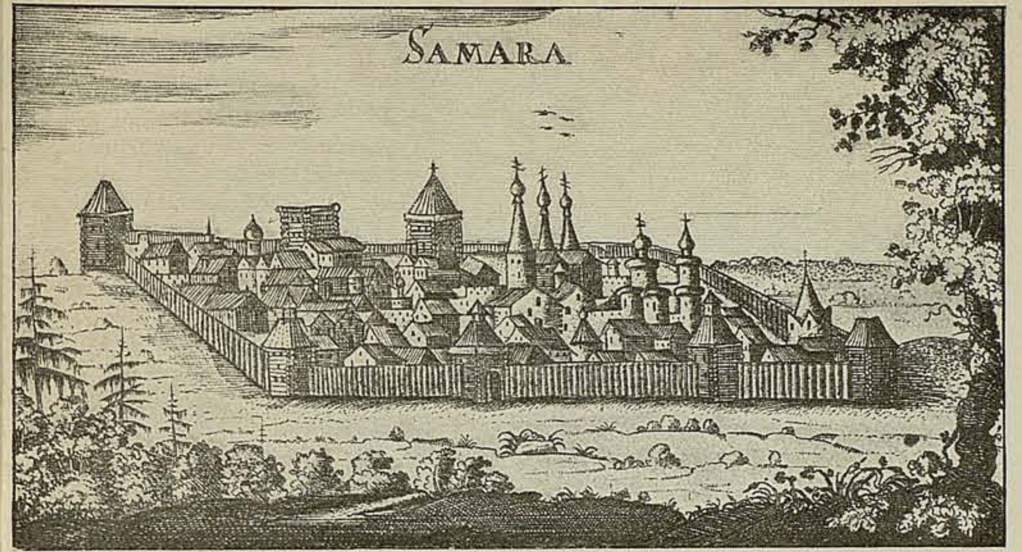
сахъ. Къ вечеру мы прибыли къ городу Чебоксарамъ, лежащимъ въ 40 верстахъ отъ вчера встрѣченнаго [поселенія], на правомъ берегу; подобно обоимъ предыдущимъ, и этотъ городъ построенъ изъ дерева: по расположенію и по домамъ онъ наиболѣе пріятный на видъ изъ нихъ. Когда жители, еще до нашего прибытія, увидѣли издали нашъ большой корабль, они недоумѣвали, что̀ бы онъ собою представлялъ. Поэтому воевода прислалъ намъ навстрѣчу лодку со стрѣльцами за 3 версты отъ города къ острову Мокрицѣ, чтобы справиться и посмотрѣть, что̀ мы за народъ. Солдаты издали объѣхали кругомъ корабля, и вновь поспѣшили къ городу. Когда нашъ паспортъ былъ доставленъ въ городъ, 300 человѣкъ молодыхъ и старыхъ людей выбѣжали на берегъ посмотрѣть на насъ. Въ этомъ, какъ въ другихъ сосѣднихъ городахъ, которые всѣ лежатъ на Волгѣ, а не внутри страны, наряду съ воеводою имѣется много русскихъ солдатъ на тотъ случай, что покоренные татары захотѣли бы возмутиться, чтобы легко можно было собрать войско и усмирить ихъ.

9-го с. м. мы прибыли къ острову Казину, *л.*, въ 12-ти верстахъ отъ придыдущаго города, потомъ къ деревнѣ Сундырь, *пр.*, и еще въ 20-ти верстахъ далѣе къ городку Кокшаѣ, на лѣвомъ берегу Волги, въ 25-ти верстахъ отъ предыдущаго города. Около этого мѣста Волга на протяженіи нѣсколькихъ миль вездѣ мелка, такъ что мы едва перешли черезъ мели. Поэтому въ теченіе этого и слѣдующихъ дней у насъ съ переходомъ [при помощи заноса якоря и наматыванія якорнаго каната] было очень много трудовъ и хлопотъ, и въ теченіе 10-го с. м. мы подвинулись впередъ всего на полмили. На кораблѣ только и раздавалось: «Тяни! греби! назадъ!».

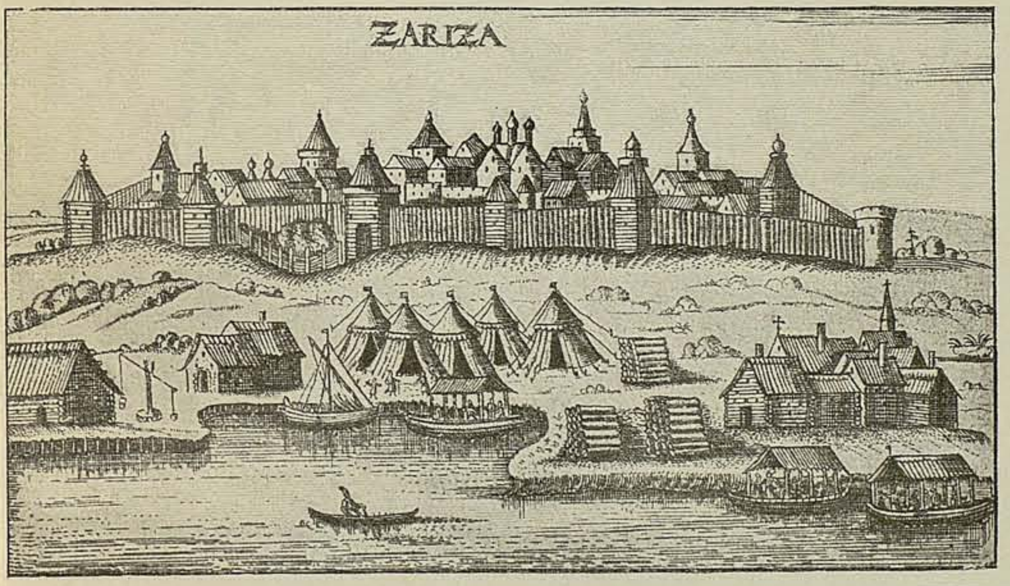
Кокшая, 25 верстъ.

10-го с. м. рѣка, теченіе которой было тутъ нѣсколько сильнѣе, нанесла насъ направо на берегъ, у котораго мы застряли на нѣсколько часовъ. Здѣсь я съ фонъ-Мандельсло вышелъ на берегъ и отправился въ лѣсъ, чтобы развлечься и поискать лѣсныхъ плодовъ. Такъ какъ, однако, тѣмъ временемъ вѣтеръ сталъ благопріятнѣе, то подняты были паруса и корабль ушелъ. Подойдя къ берегу и не видя корабля, мы бѣжали нѣкоторое время по берегу, надѣясь догнать корабль. Однако, мы корабля не увидѣли, но зато замѣтили лодку, которая направлялась въ нашу сторону. Сначала мы думали, что это казаки; оказалось, однако, что лодка прислана съ нашего корабля къ намъ навстрѣчу. На ней мы вернулись къ кораблю, который стоялъ въ изгибѣ рѣки, задержанный вѣтромъ. Такъ какъ вѣтеръ поднимался все сильнѣе и сильнѣе, мы устроили здѣсь остановку на всю ночь.

ВИДЫ ГОРОДОВЪ:

Тетюши. Самара.
Саратовъ. Царицынъ.
Черный-Яръ. Козмодемьянскъ.

КАЗАНЬ въ татарской странѣ.

На рисункѣ надписи: Casanki fluv.—рѣка Казанка, и Wolga fluvi[us]—рѣка Волга. Внизу на рисункѣ надпись: O. Koch fecit Sles[wigi], т. е. приготовилъ (офортъ) О. Кохъ въ Шлезвигѣ.

12-го с. м. мы попробовали протащить корабль съ помощью маленькаго якоря вокругъ изгиба. Якорь, однако, зацѣпилъ за дерево, лежавшее на днѣ, разорвалъ канатъ и остался на днѣ. Говорятъ, подобныя вещи часто происходятъ на Волгѣ изъ-за деревьевъ, которыя во время половодья срываются съ береговъ въ рѣку и лежатъ въ илѣ на днѣ. Русскіе говорятъ, что въ Волгѣ лежатъ столько якорей, что они цѣною съ цѣлое княжество. Бывали случаи, что такой якорь случайно вновь вытаскивался другимъ. *Волга отнимаетъ много якорей.*

13-го августа, послѣ того какъ мы до полудня прошли мимо двухъ кабаковъ и деревни Вязовки, *пр.*, мы прибыли подъ городъ Свіяжскъ, расположенный по лѣвую руку на пріятномъ съ виду холмѣ; здѣсь имѣется кремль съ нѣсколькими каменными церквами и монастырями, но окруженъ городъ деревянными стѣнами и башнями. Когда мы противъ этого города, изъ-за находившейся передъ нимъ мели, стали на якорь, народъ толпами собрался на берегу. Такъ какъ между нами и берегомъ находился длинный песчаный бугоръ, мѣшавшій имъ, какъ слѣдуетъ, видѣть насъ, то многіе изъ нихъ выѣхали на челнокахъ и лодкахъ или перешли черезъ узкую часть рѣки, чтобы видѣть насъ и нашъ корабль. Остававшіяся отсюда до Казани 20 верстъ мы плыли мимо многихъ лежащихъ съ правой стороны мѣловыхъ и бѣлыхъ песчаныхъ горъ. Къ вечеру мы прибыли къ городу Казани, гдѣ стали на якорѣ. Здѣсь мы встрѣтили персидскіе и черкасскіе караваны, выѣхавшіе изъ Москвы за нѣсколько дней до насъ. При нихъ находился персидскій купчина, который былъ въ Москвѣ въ качествѣ посла, какъ упомянуто выше. Также былъ здѣсь черкасскій татарскій князь, по имени Мусалъ изъ [города] Терки, получившій послѣ смерти брата своего ленное владѣніе отъ великаго князя. *Свіяжскъ.* *Прибытіе подъ Казань.* *[Стр. 140].*

LXXI.

(Книга IV, глава 6).

О городѣ Казани и о томъ, какъ Казань подпала подъ власть московитовъ.

Городъ Казань лежитъ на лѣвомъ берегу Волги, въ 7-ми верстахъ отъ берега, въ ровной мѣстности, на небольшомъ холмѣ; вокругъ города протекаетъ рѣка Казанка, отъ которой и городъ и вся область получили свое названіе. Высоту полюса опредѣ- *Положеніе города Казани.*

лилъ я здѣсь въ 55° 38′ Этотъ городъ, подобно всѣмъ расположеннымъ на Волгѣ городамъ, окруженъ деревянными стѣнами, съ башнями, и дома въ немъ также деревянные; но кремль этого города хорошо защищенъ толстыми каменными стѣнами, орудіями и солдатами. Великій князь отрядилъ въ кремль не только воеводу, но назначилъ въ городъ еще особаго намѣстника, которые должны были управлять жителями и править судъ. Городъ населяютъ русскіе и татары, въ кремлѣ же живутъ одни лишь русскіе, и ни одинъ татаринъ, подъ страхомъ смертной казни, не смѣетъ показаться тамъ.

Область казанская, простирающаяся налѣво отъ Волги къ сѣверу почти до Сибири, а на востокъ вплоть до страны нагайскихъ татаръ, была раньше татарскимъ царствомъ. Такъ какъ это царство было очень могущественно и могло выставить въ поле до 60,000 человѣкъ, то оно вело съ русскими тяжкія кровавыя войны и иногда принуждало ихъ платить себѣ дань; однако, въ концѣ концовъ, татары были покорены царскою державою. Когда и какъ это сдѣлалось, это я вкратцѣ перескажу здѣсь, такъ какъ исторія эта стоитъ упоминанія.

Война московитовъ съ казанскими татарами.

Однажды великій князь Василій Ивановичъ, отецъ тирана, разбилъ казанскихъ татаръ въ битвѣ на-голову и поставилъ въ цари имъ желанное себѣ лицо, называвшееся Шигъ-Алеемъ. Хотя этотъ человѣкъ и былъ татарской націи, однако, онъ всетаки былъ болѣе любъ, привязанъ и вѣренъ московитскому великому князю, чѣмъ татарамъ. Съ виду это былъ безобразный мужчина, съ длинными отвислыми ушами, большимъ чернымъ лицомъ, толстый, съ короткими ногами и длинными искривленными ступнями. Вотъ этому человѣку они должны были быть покорны и платить пошлины. Казанскимъ татарамъ такая вещь была весьма досадна, они послали тайнаго гонца къ крымскимъ татарамъ, жаловались на свое несчастье, а именно, что покорили ихъ великому князю, и теперь ими правитъ невѣрный, некрасивый царь. Они просили, чтобы имъ, такъ какъ они съ крымцами той же (магометанской) вѣры, дали возможность свалить съ шеи тяжкое иго.

Крымскій татаринъ Менгли-гирей [Магметъ-гирей] отнесся къ этой просьбѣ благосклонно, поспѣшно собралъ большое войско, направился къ Казани, взялъ ее и прогналъ Шигъ-Алея, бѣжавшаго съ женой и ребенкомъ въ Москву. Въ Казани надъ татарами Менгли-гирей посадилъ своего брата Саипъ-гирея.

Послѣ этой побѣды самомнѣніе татаръ поднялось, они со своимъ войскомъ, усиленнымъ людьми, вновь пришедшими изъ Крыма,

направились противъ великаго князя московскаго, стали нападать, грабить и опустошать всѣ города и деревни, черезъ которые они проходили. Хотя и великій князь собралъ теперь, насколько онъ второпяхъ смогъ, порядочно большое войско, направилъ его противъ татаръ и далъ у рѣки Оки сраженіе, всетаки русскіе потерпѣли неудачу и поспѣшили вернуться въ Москву. Татары пошли за ними слѣдомъ, заняли городъ и осадили Кремль, который великій князь оставилъ, направившись къ Великому Новгороду. Русскіе держались въ Кремлѣ, храбро обороняясь, высылая при этомъ иногда и подарки врагу. Такъ какъ этотъ послѣдній видѣлъ, какъ они обороняются, и полагалъ, что со сдачею крѣпости дѣло пойдетъ довольно туго, то онъ и рѣшилъ вступить въ переговоры съ русскими и принялъ ихъ дары. Русскимъ пришлось согласиться на то, чтобы великій князь подписью и печатью обязался быть татарину подданнымъ и ежегодно платить ему дань; только на этихъ условіяхъ татаринъ соглашался оставить Россію и освободить опять всѣхъ плѣнныхъ русскихъ, которыхъ было очень много. Великій князь сначала не хотѣлъ согласиться на такой позорный договоръ, но, въ концѣ концовъ, долженъ былъ примириться со своимъ несчастіемъ.

Послѣ этого татаринъ Менгли-гирей, въ доказательство того, что онъ государь въ Москвѣ, велѣлъ поставить въ городѣ свое изображеніе, передъ которымъ великій князь, при уплатѣ крымскимъ посламъ ежегодной дани, всякій разъ долженъ былъ класть земной поклонъ.

Послѣ этого Саипъ-гирей вступилъ въ Казань и царствовалъ въ ней. Менгли-гирей же, старшій братъ, царствовавшій въ Крыму, съ войскомъ своимъ направился на Рязань, осадилъ здѣсь кремль и велѣлъ сказать воеводѣ Ивану Ковару [Хабару]: «великій князь сталъ его подданнымъ; пусть онъ поэтому, безъ всякихъ колебаній, сдастъ ему крѣпость». Воевода въ отвѣтъ сообщилъ ему, что это обстоятельство представляется ему страннымъ; онъ не можетъ представить себѣ, чтобы все было такъ, развѣ только ему дали бы поближе ознакомиться съ дѣломъ; тогда бы онъ сразу постановилъ свое рѣшеніе. Послѣ этого татаринъ прислалъ къ нему въ крѣпость, съ нѣсколькими офицерами, подлинникъ обязательства великаго князя, чтобы показать его ему. Воевода же задержалъ пословъ вмѣстѣ съ грамотами и заявилъ, что будетъ сопротивляться до послѣдней капли крови. При немъ находился опытный итальянскій артиллерійскій мастеръ Іоганнъ Іорданъ (жена котораго, какъ выше сказано, изъ любви желала быть прибн-

Рязань осаждается татарами.

Большая глупость непріятеля.

Стр. 220.

той). Вмѣстѣ съ нимъ воевода такъ храбро оборонялся, что стрѣлами, ружьями и пушками побито и ранено было много людей у непріятеля. При этомъ большое ядро ударило такъ близко къ самому Менгли-гирею, что оторвало кусокъ его кафтана. Этимъ татаринъ такъ былъ напуганъ, что уже требовалъ только выдачи великокняжескаго обязательства. Когда, однако, и въ этомъ ему было въ смѣлыхъ словахъ отказано, онъ собрался въ путь и вновь вернулся домой. Рязанскій воевода вернулъ великому князю обязательство его обратно; по этому поводу въ Москвѣ было сильное ликованіе, изображеніе Менгли-гирея было сорвано, разбито и попрано ногами. Вскорѣ затѣмъ великій князь вывелъ въ поле 25,000 человѣкъ, предложилъ Саипъ-гирею начать открытую войну и велѣлъ сказать ему: «онъ со своимъ братомъ вторглись неожиданно, какъ воры и убійцы, въ страну; теперь онъ, государь и самодержецъ всея Россіи, приходитъ, какъ честный солдатъ, сообщаетъ ему открыто о своемъ прибытіи и этимъ объявляетъ ему войну». Когда, однако, татарскій царь сталъ возражать насмѣшками и бранью, великій князь быстро подступилъ со всей своей арміею подъ столичный городъ Казань. Хотя русскіе здѣсь и причинили много вреда татарамъ, всетаки они не могли завоевать крѣпости, но принуждены были вернуться, ничего не добившись, и постоянно должны были снабжать городъ Нижній Новгородъ сильнымъ гарнизономъ въ защиту отъ нападеній татаръ. При жизни этого великаго князя уже не состоялось болѣе замѣчательныхъ предпріятій противъ казанцевъ.

Татары съ позоромъ уходятъ.

Казань осаждается московитами, но тщетно.

Когда послѣ смерти Василія Ивановича, сынъ его, Иванъ Васильевичъ, тиранъ, вступилъ на престолъ, онъ не захотѣлъ оставить на Россіи понесеннаго позора. Поэтому онъ съ большой военной силою, въ средѣ которой было много иностранныхъ, особенно нѣмецкихъ солдатъ, направился къ Казани, гдѣ обѣ стороны жестоко бились и произошло много кровавыхъ сраженій. Однако, послѣ восьминедѣльной осады, когда великій князь сталъ опасаться, какъ бы, въ случаѣ продолженія осады, крымскій татаринъ не поднялся и не поспѣшилъ на помощь своему брату, онъ предложилъ осажденнымъ сносныя условія мира. Когда казанцы отвергли ихъ, онъ поспѣшно велѣлъ подкопать стѣны и валъ и взорвать ихъ на воздухъ. Это татарамъ показалось явленіемъ очень страннымъ, чудеснымъ и ошеломляющимъ; оно и послужило къ гибели ихъ. Когда мина возымѣла желанное дѣйствіе, открыла не только стѣны и валы, но и убила и ранила многихъ татаръ, тогда русскіе пошли

Иванъ Васильевичъ возобновляетъ войну съ казанскимъ царемъ.

штурмомъ и вошли въ крѣпость, хотя и не безъ потери многихъ людей: въ двухъ мѣстахъ въ крѣпости, гдѣ засѣли татары и гдѣ они храбро оборонялись, имъ пришлось пробиваться. Наконецъ, когда татары увидѣли, что ихъ одолѣваютъ и вожди ихъ полегли на мѣстѣ, они уже не захотѣли отстаивать городъ, но направились къ однимъ изъ воротъ, расположенныхъ къ востоку, пробились сквозь русскихъ, перешли черезъ рѣку Казанку и разбѣжались по разнымъ направленіямъ. Это случилось 9-го іюля 1552 г. по Р. Х., по словамъ Поссевина—въ 1553 г. *Беретъ Казань штурмомъ.*

Послѣ этого великій князь велѣлъ крѣпость дополнить строеніемъ, укрѣпить при помощи болѣе сильной каменной стѣны, башенъ, круглыхъ бастіоновъ и болѣе толстой стѣны четырехугольной фигуры, прогнать остальныхъ татаръ и занять городъ и кремль русскими, которые были выписаны изъ всякихъ мѣстъ. Татарамъ, однако, было позволено жить въ одиночку по близости и сохранять свою религію. Такимъ образомъ тиранъ Иванъ Васильевичъ подчинилъ своей власти все царство Казанское. Говорятъ, что тиранъ Иванъ Васильевичъ послѣ этого въ тѣхъ случаяхъ, когда во время попоекъ хотѣлъ выказать свое веселье, пѣлъ пѣсню о завоеваніи Казани и Астрахани. *Henning, «Lieffländische Chronick», p. 55.*

Во время [нашего пріѣзда] воеводою въ Казани былъ братъ нижегородскаго воеводы. И ему послы, какъ дѣлали они это по отношенію къ другимъ, послали свой подарокъ, а именно прекрасный большой перстень съ рубиномъ.

Когда мнѣ сказали, что корабль 15-го августа весь день долженъ будетъ оставаться на якорѣ, я съ фонъ-Мандельсло отправился въ городъ, чтобы осмотрѣть его и начертить, а за одно и купить вещей, которыя бы намъ понравились. Мы на рынкѣ ничего не застали, кромѣ плодовъ, которыхъ тутъ продавали большое множество, — особенно много дынь, бывшихъ не меньше тыквъ. Также точно имѣлась здѣсь соленая старая гнилая рыба, дававшая отъ себя столь скверный запахъ, что мы не могли проходить мимо нея, не затыкая носа. Такъ какъ, однако, послу Брюг[ге]ману не понравилось, что мы собрались въ городъ, то корабль снялся съ якоря и пустился дальше въ путь. Когда казанскіе граждане, смотрѣвшіе съ берега на корабль, повстрѣчавшись намъ на возвратномъ пути, сообщили намъ, что послы уже успѣли отплыть, мы взяли двѣ подводы и ѣхали довольно долго по берегу вслѣдъ за судномъ. Наконецъ, мы пересѣли на лодку нашего пристава и дали себя перевезти на корабль, который мы застали къ вечеру въ 2-хъ миляхъ за Казанью, гдѣ онъ остановился для ночлега. *Отъѣздъ отъ Казани.*

LXXII.

(Книга IV, глава 7).

Путешествіе до города Самары.

Волга отъ Нижняго до Казани большею частью направляется къ востоку и юговостоку, а затѣмъ до Астрахани и Каспійскаго моря обыкновенно къ югу. Въ дальнѣйшемъ на Волгѣ находятся много плодородныхъ мѣстъ, но, ради казаковъ и разбойниковъ, встрѣчающихся здѣсь мѣстами, тутъ очень мало деревень и немного живетъ людей.

Здѣсь на Волгѣ мало деревень.

15-го августа мы быстро подвигались впередъ по рѣкѣ, которая здѣсь, вслѣдствіе узости своей, течетъ быстро, и за деревнею Ключищи, въ 26-ти верстахъ отъ Казани, пришли къ мели, черезъ которую съ трудомъ тащились на якорѣ. Когда мы перебрались, маленькій якорь опять застрялъ на днѣ, такъ что мы за все послѣобѣденное время, несмотря на разныя попытки, не могли освободить его; поэтому мы всю ночь оставались тамъ. На слѣдующій день до полудня работы продолжались, причемъ былъ выброшенъ и большой якорь. Однако, канаты у обоихъ якорей порвались, и мы съ громаднымъ трудомъ разыскали и вновь подняли наверхъ большой изъ нихъ. Что же касается малаго, то онъ застрялъ такъ плотно, что его нельзя было достать. Поэтому мы его оставили на мѣстѣ и поѣхали дальше.

Вскорѣ затѣмъ мы проѣхали мимо «кабака Теньковскаго», *пр.*, верстахъ въ 30-и отъ Казани. За нимъ опять оказалась мель, а другая встрѣтилась въ полумилѣ отсюда у «кабака Кешовскаго», *пр.*; черезъ эти мели намъ пришлось опять тащиться на якорѣ.

Главная мель Теньковская.

17-го с. м. мы застряли на весьма большой очень извѣстной главной мели, получившей названіе Теньковской отъ вчерашняго стараго «кабака». На перетаскиваніе корабля ушло нѣсколько часовъ. Здѣсь рѣка довольно широка и вездѣ одинаково мелка. Вскорѣ затѣмъ мы увидали съ правой стороны высокій подмытый берегъ, большая часть котораго, съ мѣсяцъ назадъ, обвалилась и убила людей, занимавшихъ цѣлую лодку; они хотѣли проѣхать подъ этимъ берегомъ къ вишнямъ, которыхъ много растетъ въ этой мѣстности. Нашъ новый лоцманъ, ѣхавшій изъ Астрахани, а нами перехваченный подъ Казанью и нанятый вновь для обратнаго пути, сказалъ намъ, что много труповъ этихъ мужчинъ и женщинъ повстрѣчались ему плывущими по водѣ.

Вокругъ этой мѣстности, а больше уже нигдѣ, мы видѣли очень много вязовъ; они росли очень высоко и красиво спускались до самаго берега. Въ этотъ день мы на берегу, по правую сторону, нашли много льду, которымъ могли освѣжить наши напитки.

Вязы въ большомъ количествѣ.

Къ вечеру мы подошли къ большой рѣкѣ Камѣ, *л.*; [ея устье] находится въ 60-ти верстахъ отъ Казани. Она течетъ съ СВ, какъ говорятъ, беря начало въ области Пермь, и впадаетъ съ лѣвой стороны въ Волгу. Это широкая рѣка, почти такая же, какъ Везеръ въ Германіи, и вода въ ней бурая. Находясь близъ нея, Павелъ Флемингъ написалъ слѣдующій сонетъ, который можно найти въ его «Книгѣ сонетовъ» на стр. 582:

Рѣка Кама, въ 60-ти верстахъ ниже Казани.

Царицы дикія пустынныхъ пермскихъ водъ,
Плывите, нимфы, къ намъ, не замедляясь болѣ...
У волжскихъ береговъ вашъ взоръ, на дикой волѣ,
Голштиньи первенца и гордость обрѣтетъ:
Корабль нашъ здѣсь стоитъ. По всей Руси идетъ
Лишь разговоръ о немъ и нашей славной долѣ.
Голштинцамъ удалось безвѣстное дотолѣ,
Что въ въ вѣчности скрижаль ихъ имя занесетъ.
Пусть бурыхъ водъ своихъ намъ * Камъ-отецъ нальетъ
Ковшами полными, чтобъ * сосенъ нашихъ ходъ
Замедлить не могли ни суши здѣсь, ни мели,
А Волга впереди пусть намъ готовитъ путь,
Чтобъ отъ опасностей могли мы отдохнуть
И смерть и грабежи намъ угрожать не смѣли.

** [Vater Kam].*
** Такъ какъ судно было изъ сосенъ.*

Въ устьѣ или концѣ рѣки находились два возвышенія; наибольшее изъ нихъ называлось Соколомъ. Напротивъ, на сушѣ, была красивая деревня Паганщина, *л.*, и въ трехъ верстахъ за нею другая—Каратаи. Затѣмъ въ 10-ти верстахъ отъ Камы слѣдовала Кирѣевская, у которой мы устроили привалъ на ночь.

18-го с. м. шли мы на парусахъ весьма свѣжо впередъ, и къ полудню съ лѣвой стороны снова встрѣтили рѣку — Чертыгъ. Она начинается въ немногихъ сушею верстахъ отъ Камы, въ качествѣ особаго рукава, и здѣсь въ 30-ти верстахъ за Камою впадаетъ въ Волгу. Около полудня мы встрѣтили городъ Тетюши, лежащій въ 120-ти верстахъ отъ Казани, *пр.*, высоко на горѣ и по склону ея; онъ состоитъ изъ разбросанныхъ домовъ и церквей, весь построенъ изъ дерева и, вмѣсто стѣны, окруженъ частоколомъ. Начиная отъ этого мѣста вплоть до конца Волги уже не видно ни одной деревни. Послѣ обѣда мы подошли къ острову Пролей-Каша, *пр.*, получившему свое имя потому, что здѣсь нѣсколько слугъ, какъ говорятъ, убили своего господина и засыпали его трупъ крупой. За нимъ намъ

Чертыгъ, рѣка.

Тетюши, городъ въ 120-ти верстахъ отъ Казани.

Стр. 226.

встрѣтился воевода терскій, съ 8-ю лодками. Послѣ трехлѣтняго управленія областью онъ, по обычаю, былъ отозванъ въ въ Москву; при немъ находился сильный конвой. Лодка со стрѣльцами, шедшая впереди, подошла къ намъ для осмотра нашего корабля. Такъ какъ неизвѣстно было, что это за народъ, и можно ли имъ довѣрять, то имъ крикнули, чтобы они не подходили слишкомъ близко, иначе въ нихъ будутъ стрѣлять. Стрѣльцы разсказали, что около 3,000 казаковъ, распредѣлившись по разнымъ мѣстамъ, подстерегаютъ насъ; иные изъ нихъ на Волгѣ, другіе на Каспійскомъ морѣ. Кромѣ того, по ихъ словамъ, недалеко отсюда на берегу показались 70 человѣкъ конныхъ людей, безъ сомнѣнія, развѣдчиковъ, задумавшихъ напасть на насъ; говорили еще иное тому подобное. Мы для салюта выстрѣлили изъ большого орудія и, поѣхавъ дальше, прибыли къ рѣкѣ Уткѣ, *л.*, въ 25-ти верстахъ отъ Тетюшъ, текущей отъ города Булгара. Въ этотъ день мы прошли 77 верстъ. Ночью послы сдѣлали провѣрку, какъ будетъ вести себя народъ, если окажется необходимость и дѣло дойдетъ до сраженія. Подъ утро устроена была ложная тревога. Часовой сначала, послѣ обычнаго окрика, выстрѣлилъ и закричалъ: «казаки!» Послѣ этого забили въ барабаны, поднятъ былъ шумъ, стрѣляли изъ мушкетовъ и пушекъ. Большинство людей нашихъ отнеслись вполнѣ серьезно къ дѣлу, заняли назначенныя мѣста и приготовились отразить нападеніе. Подобнаго рода ложная тревога устроена была и въ Персіи на обратномъ пути.

Рѣка Утка.

Устройство примѣрной тревоги.

19-го с. м. я у острова Старицы, который длиною въ 15 верстъ, опредѣлилъ высоту полюса въ 54° 31′. За этимъ островомъ направо берегъ суши весь былъ покрытъ круглыми камнями, въ родѣ лимоновъ и апельсиновъ съ виду; они были тверды и тяжелы и точно желѣзо на ощупь. Когда ихъ разбили, то внутри оказалась какъ бы фигура звѣзды цвѣтовъ серебрянаго, золотого, коричневаго и желтаго: они содержали въ себѣ сѣру и селитру. Мы много этихъ камней взяли съ собою, надѣясь примѣнить ихъ въ своихъ орудіяхъ для каменныхъ ядеръ.

Высота полюса 54° 31′.

Послѣ этого мы пришли къ зеленому веселому мѣсту, гдѣ въ давнія времена стоялъ татарскій городъ, по имени Унеровская гора [Ундоры]. Здѣсь, говорятъ, похороненъ знатный татаринъ, котораго они считаютъ святымъ, и къ его могилѣ еще часто отправляются помолиться живущіе вокругъ татары. До этого мѣста отъ Тетюшъ считается 65 верстъ. Когда мы прибыли къ этому мѣсту, то на высокомъ берегу среди деревьевъ замѣтили двухъ всадниковъ. Мы поэтому помѣстили въ марсѣ на

Могила татарскаго святого.

мачтѣ часового, чтобы обозрѣвать высокій берегъ, но уже болѣе не видѣли ни этихъ людей, ни другихъ какихъ-либо.

20-го августа утромъ рано нѣсколько рыбаковъ изъ Тетюшъ, ловившихъ рыбу въ этихъ мѣстахъ, пришли на судно и доставили 55 штукъ большихъ и жирныхъ лещей на продажу за 50 копѣекъ или 1 рейхсталеръ. Одинъ изъ этихъ рыбаковъ былъ столь добросовѣстенъ, что не захотѣлъ брать переданные ему по ошибкѣ лишніе 5 копѣекъ, пока его нѣсколько разъ не попросили объ этомъ. Способъ рыбной ловли [у этихъ рыбаковъ] такого рода: они опускаютъ въ воду, на дно, длинную веревку съ большимъ камнемъ и привязываютъ верхній конецъ ея къ нѣсколькимъ связаннымъ вмѣстѣ толстымъ деревяшкамъ, лежащимъ на водѣ; къ деревяшкамъ прикрѣпляютъ удочки, нацѣпивъ на нихъ довольно большія рыбы. Такъ ловятся большія бѣлуги длиною въ 4, 5 и 6 локтей; мясо ихъ очень бѣлое, сладкое и вкусное. Подобнаго рода рыбу на обратномъ нашемъ пути, въ другомъ мѣстѣ, доставили на лодку посла Крузіуса на продажу за рубль или 2 талера. Этой рыбою мы не только сразу накормили всѣхъ, кто былъ на кораблѣ, но остатками ея еще засолили цѣлую бочку.

Русскій способъ рыбной ловли на Волгѣ.

Бѣлуга.

Русскіе, путешествующіе ради дѣлъ своихъ по Волгѣ отъ города къ городу, обыкновенно тащатъ за собою на тонкомъ канатѣ удочку, къ которой прикрѣплена желѣзная, покрытая толстымъ слоемъ олова пластинка въ формѣ рыбы, длиною съ ладонь, а то и короче. Когда удочка эта тащится по водѣ, то, въ виду ширины своей, пластинка по временамъ поворачивается и бываетъ похожа на играющую рыбу; на такую удочку удается имъ за время поѣздки наловить больше, чѣмъ они могутъ съѣсть, такъ какъ Волга очень богата всякаго рода рыбами. Такимъ образомъ русскіе, если только у нихъ имѣется при себѣ хлѣбъ, находятъ по пути достаточно провизіи для путешествія. Въ виду многихъ своихъ постныхъ дней, упомянутыхъ выше, они привыкли питаться скорѣе рыбою, чѣмъ мясомъ, и пить воду.

Здѣсь мы оттолкнули отъ себя нашу баржу для провизіи, взятую нами изъ Нижняго и теперь опорожненную; чтобы она не послужила казакамъ, мы зажгли ее и пустили плыть. Къ полудню прибыли мы къ острову Ботемскому, *л.*, длиною въ 3 версты; онъ лежитъ противъ мыса суши, называемаго Поливнымъ [Врагомъ]. Когда вѣтеръ сильно сталъ дуть намъ навстрѣчу, мы стали на якорь за мысомъ, у рѣки Ботьмы, *л.*, будто бы также являющейся рукавомъ великой рѣки Камы, и всю ночь оставались здѣсь.

Рѣка Ботьма.

21-го с. м. мы оставили по правую сторону отъ насъ два веселыхъ мѣста, на которыхъ будто бы раньше находились города; наиболѣе дальній изъ нихъ называется «Симбирская гора». Говорятъ, ихъ разрушилъ Тамерланъ. 22-го мы прошли черезъ 3 сухихъ мѣста или мели, изъ которыхъ одна лежитъ впереди, а другія двѣ позади горы Арбухимъ, стоящей по правую сторону рѣки. Эта гора получила свое названіе отъ города, находившагося здѣсь. Здѣсь съ рѣки, между двумя холмами,

Камень у Арбухима.

виденъ на сушѣ большой камень, длиною съ 10 локтей, но нѣсколько болѣе низкій. На одной сторонѣ его, какъ говорятъ, высѣчены слова:

Будетимка добро чья будет

Когда однажды русскій стругъ на этомъ мѣстѣ, изъ-за противнаго вѣтра, долженъ былъ стать на якорь, 50 человѣкъ, полагая найти здѣсь большой кладъ, принялись за камень, съ большимъ трудомъ подкопали его, перевернули, но ничего не нашли, кромѣ надписи, высѣченной на нижней сторонѣ камня:

Что ище нецего положе

Плодородная земля, оставшаяся пустынною.

Вокругъ этой мѣстности страна съ правой стороны не очень высока и безлѣсна, но имѣетъ хорошую, тучную почву. Она повсюду поросла толстою длинною травою, но трава эта ни на что не идетъ и область здѣсь не заселена. Тамъ и сямъ видны были знаки и слѣды стоявшихъ тутъ нѣкогда городовъ и деревень, которые всѣ были разрушены во время войнъ Тамерланомъ.

23-го с. м. мы у рѣки Атробы, *л.*, опять встрѣтили сильный противный вѣтеръ и должны были бросить якорь. Здѣсь высота полюса составляла 53°48′. Пополудни, когда вѣтеръ поулегся, мы попробовали лавировать, но въ теченіе пяти часовъ еле сдѣлали полмили.

29-го с. м. противный вѣтеръ дважды пригонялъ насъ къ берегу, вслѣдствіе чего мы въ этотъ день прошли немного. Въ теченіе этихъ дней, какъ и во все время путешествія, мели и вѣтеръ сильно мѣшали нашему путешествію. Хотя иногда мы и имѣли попутный вѣтеръ, но зато усаживались на мели; а когда попадали на глубокій и удобный фарватеръ, то вѣтеръ дулъ намъ сильно навстрѣчу, въ какія бы мы извилины ни входили и изъ какихъ бы ни выходили. Ближайшіе 4 дня вѣтеръ всегда поднимался рано около 9-ти часовъ и вновь ложился послѣ полудня около 5-ти часовъ, такъ что мы лучшую

часть дня или оставались на мѣстѣ, или же должны были проводить въ трудахъ и хлопотахъ. Вслѣдствіе этого вновь мы упали духомъ и стали сильно досадовать, особенно когда мы принимали въ разсчетъ предстоящій намъ впереди долгій путь и остающееся короткое лѣтнее время. Люди свиты были измучены и обозлены постоянною работою. Тѣ же, кто ночью стояли вмѣстѣ съ солдатами на стражѣ (стражу постоянно составляли 20 человѣкъ), должны были днемъ вмѣстѣ съ русскими браться за весла и за шпиль, причемъ пищу ихъ составляли, большею частью, черствый хлѣбъ, вяленая рыба и вода; кромѣ того много непріятностей и тяготъ испытывали они еще со стороны посла Бригмана [Брюггемана], о чемъ, впрочемъ, много говорить не стоитъ. Такимъ образомъ заботы, работа и досада были ежедневнымъ нашимъ угощеніемъ за завтракомъ и ужиномъ.

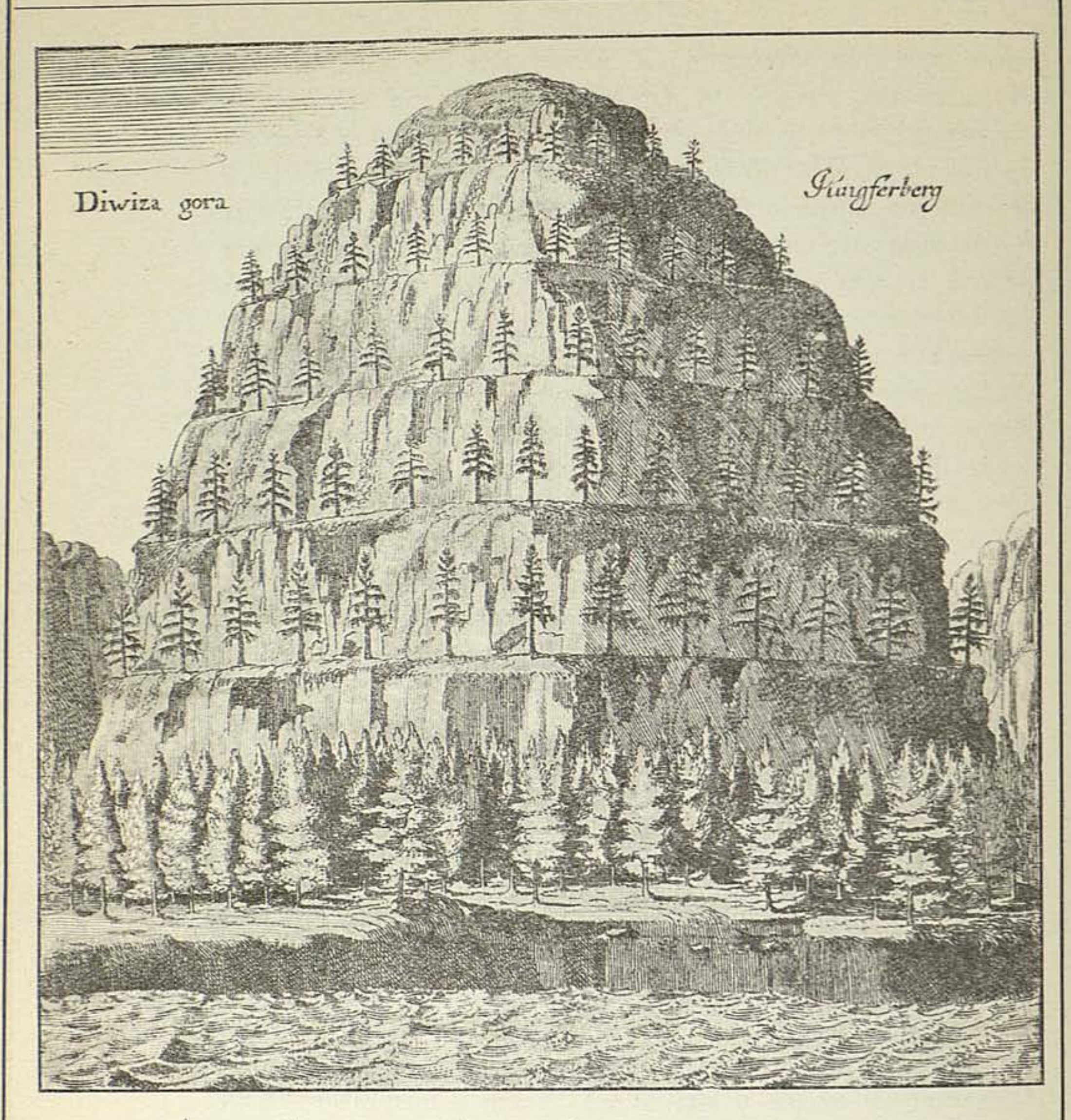
Соляная гора и соляныя копи.

25-го мы пришли къ Соляной горѣ, *пр.*, гдѣ у русскихъ устроены солеварни для соли, добываемой изъ сосѣднихъ копей; здѣсь же сушится и та соль, которая уже выпарена солнцемъ, и много ластовъ соли отсюда увозится вверхъ по Волгѣ къ Москвѣ.

Уса, разбойничья рѣка, гдѣ живутъ казаки.

Здѣсь же лежитъ островъ Костоватый, у котораго Волга, въ виду низкихъ съ обѣихъ сторонъ береговъ, весьма широко разливается. Вскорѣ затѣмъ справа имѣется гора, а подъ нею рѣка или вѣрнѣе изливающійся изъ Волги рукавъ, который затѣмъ, въ 60-ти верстахъ за Самарою, вновь вливается въ Волгу; названіе этого протока — Уса. Ради густого темнаго лѣса, красиво покрывающаго берега съ обѣихъ сторонъ, мѣстность здѣсь пріятна на видъ, но въ то же время она очень опасна для путешественниковъ, въ виду удобствъ, какія она представляетъ для разбоя, особенно въ виду высокихъ стоящихъ здѣсь горъ, откуда приближающихся людей можно видѣть издали и приготовиться къ грабежу. Говорятъ, что обыкновенно казаки находятся около этой рѣки. Они и въ прошломъ году захватили здѣсь принадлежавшую богатѣйшему купцу въ Нижнемъ лодку съ товарами. Передъ протокомъ глубина составляла 60 футъ. Вскорѣ затѣмъ слѣдовала Дѣвичья гора, у которой рѣчка, при той же почти глубинѣ, проходитъ очень узкое мѣсто. Гора лежитъ по правую руку, она очень высока, крута у берега и очень пріятна на видъ. Она представляетъ рядъ ступеней, въ родѣ какъ бы скамеекъ, одну надъ другою, изъ краснаго, желтаго и синяго песчаника; онѣ похожи точно на старыя стѣны. На ступеняхъ стояли какъ бы въ строгомъ порядкѣ разсаженныя ели. Что русскіе разсказывали про эту гору, видно изъ слѣдующаго сонета П[авла] Фл[еминга]:

Дѣвичья гора.

Скажите, русскіе, такъ вѣсть въ устахъ народа
Про гору—истинна? Такъ правда то, что тутъ
Премудрый карла жилъ, какъ намъ передаютъ,
И дѣва здѣсь была, изъ исполиновъ рода?
И гору дивную хранитъ съ тѣхъ поръ природа
И Дѣвичьею всѣ поднесь ее зовутъ?
Что сталось съ дѣвою? Вѣстей намъ не дадутъ
О судьбахъ дочери одризскаго народа?
Съ забвеньемъ время все съ собою унесло,
Добро минувшаго погибло, какъ и зло!
Мнѣ страшенъ видъ горы: столь дико и столь властно,
Я вижу, вверхъ она стремится къ облакамъ,
Какъ варваръ дерзостный противится богамъ,
Съ Олимпа на него взирающимъ безстрастно.

Тамъ, гдѣ эта гора кончается, начинаются новыя горы, которыя на нѣсколько миль провожаютъ рѣку. Долина между

ними называется «Яблочный квасъ», такъ какъ тамъ много падаетъ на землю дико растущихъ яблоковъ, изъ которыхъ приготовляютъ напитокъ. *Яблочный квасъ.*

Здѣсь опять догналъ насъ гонецъ, посланный изъ Москвы нашимъ факторомъ. Онъ привезъ намъ изъ Нижняго письма, сообщавшія, что у насъ среди русскихъ рабочихъ и гребцовъ на суднѣ имѣются четыре настоящихъ казака. Далѣе сообщалось, что отъ двухъ до трехъ сотенъ казаковъ, навѣрное, собрались гдѣ-то и подстерегаютъ насъ. Хотя мы и раньше были очень бдительны, но тутъ стали еще бдительнѣе.

Когда мы въ этотъ день вечеромъ въ сумерки увидѣли на берегу по правую сторону два зажженныхъ большихъ огня, мы предположили, что это казаки, и послали поэтому тотчасъ на лодкѣ нашего пристава нѣсколькихъ солдатъ для развѣдокъ. Когда наша лодка, находившаяся невдалекѣ отъ берега, тремя выстрѣлами подала лозунгъ, то бывшіе на берегу отвѣчали также тремя выстрѣлами и разсказали, что они стрѣльцы, посланные для конвоированія персидскаго каравана. Наши высланные впередъ солдаты нѣсколько замѣшкались съ полученіемъ извѣстія съ берегу, а послу Брюг[ге]ману это показалось подозрительнымъ. Когда на пистолетный выстрѣлъ, данный съ корабля, и на окрикъ Брюг[ге]мана наши отвѣтили, но вѣтеръ не далъ возможности разобрать ихъ слова, то посолъ хотѣлъ, чтобы въ русскихъ выстрѣлили изъ большой пушки. На это, однако, посолъ Крузіусъ не далъ согласія, такъ какъ намъ не подобало биться иначе, какъ лишь при оборонѣ.

26-го с. м. ночью два человѣка въ небольшой лодкѣ совершенно тихо проѣхали внизъ по рѣкѣ мимо нашего корабля; когда часовой ихъ увидѣлъ, они должны были пристать къ кораблю и взобраться на палубу. Здѣсь они заявили, что они рыбаки, и что у нихъ въ обычаѣ, не задумываясь, близко проѣзжать днемъ и ночью мимо судовъ ихъ братьевъ русскихъ. Такъ какъ, однако, намъ сообщили, что въ подобномъ родѣ подплываютъ разбойники, отрубающіе якорные канаты, и къ тому же эти люди, когда ихъ стали по одиночкѣ разспрашивать, показывали несогласно (одинъ говорилъ, что на островѣ у Саратова насъ поджидаютъ 500 казаковъ, а другой отрицалъ это), то ихъ и продержали всю ночь на кораблѣ подъ арестомъ, а на слѣдующее утро съ нашимъ приставомъ ихъ послали впередъ въ Самару, лежавшую близко отъ насъ.

27-го с. м. мы съ лѣвой стороны, недалеко отъ берега, увидѣли голый песчаный холмъ, лежащій въ плоской равнинѣ.

Царевъ курганъ.

Называли его «Царевъ курганъ». Намъ разсказали, что въ немъ похороненъ татарскій государь, по имени Момаонъ [Мамай?], который съ 7-ю царями изъ Татаріи собирался пойти вверхъ по Волгѣ и опустошить всю Россію, но померъ въ этомъ мѣстѣ и погребенъ здѣсь. Разсказываютъ, что солдаты его, которыхъ было безчисленное количество, шлемами и щитами собрали столько земли для погребенія, что возникла эта гора. Это извѣстіе П[авелъ] Ф[лемингъ] изложилъ въ слѣдующихъ строкахъ съ прекраснымъ заключительнымъ изреченіемъ:

Песчаный холмъ, едва дающій тощимъ травамъ,
Чѣмъ корни укрѣпитъ, блестящею главой
Своей возносится одинъ въ степи пустой.
Мома́онъ — въ немъ лежитъ. Когда семи державамъ
Законы онъ давалъ, стремился пылкимъ нравомъ
*Рутенію себѣ онъ покорить войной...
Теперь безмолвно здѣсь стоитъ курганъ степной,
А ханъ забытъ. Конецъ воинственнымъ забавамъ!
О суета суетъ! Такъ вотъ каковъ удѣлъ
Столь многихъ тысячъ! Онъ зачѣмъ же такъ хотѣлъ
Все покорить себѣ, такъ всѣхъ пожрать стремился!
Орда кишѣла здѣсь. Теперь тутъ все молчитъ.
Не то же ль вообще исторія гласитъ:
Забвенье ждетъ насъ всѣхъ, какъ кто бы ни кичился!

[* *Россію*].

Черезъ милю послѣ этой горы на той же сторонѣ, а именно по лѣвую руку, начинается гора Соковская, которая тянется на 15 верстъ до Самары; она высока, скалиста и одѣта въ густой лѣсъ. По серединѣ горы, приблизительно въ 8-и верстъ отъ города, широкая бѣлая скала образуетъ большое голое мѣсто; передъ нимъ по серединѣ Волги мелкій скалистый грунтъ, котораго русскіе опасаются. Когда мы къ полудню приблизились къ этому мѣсту, вѣтеръ сильно подулъ намъ навстрѣчу, такъ что намъ пришлось бросить якорь и до вечера оставаться на мѣстѣ. Тѣмъ временемъ двѣ краснопестрыя змѣи приползли на нашъ якорь, свисавшій до самой воды, обвились вокругъ него и поднялись по нему на корабль. Когда наши русскіе гребцы увидѣли ихъ, они обрадовались и сказали, что змѣй безпрепятственно слѣдуетъ пустить наверхъ, охранять и кормить, такъ какъ это не злыя и вредныя, но доброкачественныя змѣи, принесшія вѣсть, что св. Николай доставитъ попутный вѣтеръ и на нѣкоторое время освободитъ ихъ, гребцовъ, отъ гребли и работы.

Двѣ змѣи заползаютъ на корабль.

LXXIII.

(Книга IV, глава 8).

Путешествіе отъ Самары до [Царицына].

28-го августа заблаговременно вновь собрались мы въ путь и до восхода солнца дошли до города Самары, который считается въ 350-ти в. отъ Казани. Этотъ городъ лежитъ по лѣвую руку, въ 2-хъ верстахъ отъ берега, построенъ въ видѣ четыреугольника, имѣетъ небольшое количество каменныхъ церквей и монастырей и получилъ названіе отъ рѣки Самары, которая въ 3-хъ верстахъ подъ городомъ даетъ рукавъ (его они называютъ — Сынъ-Самары) въ Волгу, но главнымъ теченіемъ своимъ вливается въ нее лишь 30-ю верстами ниже.

Самара въ 70-и миляхъ отъ Казани.

У насъ, правда, было желаніе остановиться передъ городомъ и узнать, каковы были дальнѣйшія показанія обоихъ арестантовъ, посланныхъ впередъ съ нашимъ приставомъ, но такъ какъ вѣтеръ сталъ превосходно-попутнымъ, мы подняли паруса и поѣхали дальше. Мы и за этотъ день прошли хорошее разстояніе, болѣе чѣмъ когда-либо раньше, а къ вечеру передъ Казацкою горою, которая считается въ 115-ти верстахъ отъ Самары, стали на якорѣ. Такимъ образомъ, предсказаніе русскихъ относительно хорошей погоды начало сбываться.

За Самарою вправо опять начинаются горы, однако — не той высоты, какъ раньше. Первая гора тянется на 30 верстъ до рѣки Самары, противъ которой справа также впадаетъ [въ Волгу] другая рѣка Аскула. Волга здѣсь имѣетъ въ ширину 3 версты. Далѣе слѣдуетъ гора Печерская, *пр.*; она скалиста, покрыта отдѣльными лѣсками и простирается внизъ по рѣкѣ на 40 в. Въ ста верстахъ отъ Самары къ западу посреди рѣки лежитъ островъ Батракъ, длиною въ 3 версты, а въ 10-ти верстахъ отъ него другой островъ Лопатинъ, длиною въ 5 верстъ. Здѣсь съ правой стороны впадаетъ рѣка Сызрань. За нею мы проѣхали мимо нѣсколькихъ небольшихъ островковъ, лежащихъ посреди рѣки, и поздно вечеромъ прибыли къ Казацкой горѣ, у которой остановились.

Рѣки Самара и Аскула.

Рѣка Сызрань.

Казацкая гора гола, безо всякаго лѣса и длиною въ 50 верстъ. Названіе свое она получила отъ донскихъ казаковъ, которые раньше жили здѣсь въ большомъ количествѣ, нападая на мимо идущія суда и грабя ихъ. Послѣ того, какъ однажды посланные изъ

Казацкая гора.

города Самары стрѣльцы напали на нихъ и нѣсколько сотъ изъ нихъ перебили, они здѣсь уже больше не показывались такъ часто. При проѣздѣ мимо горы о нихъ сочиненъ былъ слѣдующій сонетъ:

P. Fl. p. 586.

О холмъ, злодѣйствами далёко прогремѣвшій,
Вѣнецъ твой Фебомъ такъ безжалостно спаленъ,
Что и дріадѣ здѣсь пріютъ не сохраненъ,
И дичь и человѣкъ исчезли съ опустѣвшей
Главы твоей, — давно-ль злодѣями кишѣвшей,
Которыхъ къ Волгѣ шлетъ сосѣдъ опасный Донъ?
Теперь спокойно здѣсь. Нашъ безмятеженъ сонъ,
И не боимся мы злой шайки, здѣсь сидѣвшей...
Погибнетъ прошлое, и новая взойдетъ
Здѣсь жизнь, колосьями края холма зальетъ,
И городъ съ башнями возникнетъ въ этой дали!
Посмѣетъ ли тогда казакъ сюда пристать?
Не вѣкъ же съ Волги дань грабителямъ сбирать!
Что правы въ этомъ мы, намъ небеса вѣщали!

И эта гора, подобно слѣдовавшимъ за нею, временами отходитъ въ сторону суши, а черезъ нѣсколько миль опять подступаетъ къ берегу.

Рѣка Паньщина.

29-го с. м. мы у конца Казацкой горы проѣхали мимо рѣки Паньщины, *пр.*, и, совершивъ въ теченіе дня 45 в., стали якоремъ передъ островомъ Сагеринскимъ, гдѣ на судно пришли нѣсколько рыбаковъ, сообщившихъ, что недалеко на берегу показались 40 казаковъ. Здѣсь наши бочки съ пивомъ опустѣли, и нашимъ людямъ пришлось начать пить воду, смѣшанную съ небольшимъ количествомъ уксусу.

Чагра, рѣка.

30-го августа рано утромъ мы пришли къ рѣкѣ Чагрѣ, которая вытекаетъ за предыдущимъ островомъ, со стороны штирборта. Въ 40 в. за нимъ мы дошли до острова Сосноваго, на которомъ, по словамъ принятаго на судно передъ Самарою рыбака, будто бы стояли и ожидали насъ нѣсколько сотъ казаковъ. Мы въ полномъ вооруженіи прошли островъ, но никого не замѣтили. Къ полудню мы наткнулись на гору Тихій, образующую вправо большую излучину; издали кажется, будто эта гора совершенно замыкаетъ Волгу. Близъ нея повсюду вода мелкая, и находится здѣсь одна изъ главнѣйшихъ мелей, которую они зовутъ «Овечьимъ бродомъ». Въ этомъ мѣстѣ, какъ говорятъ, казаки верхами и пѣшіе переходятъ черезъ Волгу. Здѣсь же находится много небольшихъ островковъ, покрытыхъ лѣсомъ и удобныхъ для разбойниковъ.

Овечій бродъ, одна изъ главнѣйшихъ мелей.

Мы встрѣтили двухъ рыбаковъ, которые намъ сказали, что 8 дней тому назадъ казаки отняли у нихъ большую лодку и говорили имъ о приходѣ черезъ немного дней большого иноземм-

наго судна съ нѣмцами. Къ вечеру мы вновь призвали на судно двухъ рыбаковъ: стараго и молодого, и спросили ихъ о казакахъ. Старикъ сначала говорилъ, что ничего о нихъ не знаетъ, когда, однако, молодой оказался болѣе разговорчивымъ и заявилъ, что напротивъ въ лѣсу имѣются 40 человѣкъ казаковъ, то и старый подтвердилъ это и сказалъ: «У нихъ 6 лодокъ, которыя они вытащили на берегъ въ кусты, но обо всемъ этомъ нельзя разсказывать, такъ какъ иначе рискуешь жизнью». Онъ просилъ также, чтобы мы взяли ихъ, какъ бы плѣнниковъ, съ собою и въ другомъ мѣстѣ ночью высадили на берегъ; такъ и было сдѣлано. Мы довѣряли этимъ рыбакамъ не болѣе, чѣмъ казакамъ, удвоили ночью стражу и рано утромъ въ сумерки отпустили рыбаковъ. Въ этотъ день мы сдѣлали 60 верстъ.

Въ послѣднее число августа мы опять имѣли очень попутный вѣтеръ, такъ что къ вечеру прошли 120 верстъ. Мы, прежде всего, пришли къ острову Осиновому, лежащему въ 100 верстахъ отъ слѣдующаго города Саратова. Противъ него мы попали на песчаную мель, которая тянется отъ берега съ правой стороны; здѣсь судно нѣсколько разъ касалось дна, но мы всетаки не засѣли и не имѣли замедленія. Въ 20-ти верстахъ отъ мели былъ другой островъ Шисмамаго[?], а затѣмъ Колтовъ, въ 50-ти верстахъ отъ Саратова. Здѣсь мы опредѣлили глубину воды въ 16, 20, 30 и 40 футъ. Между этими двумя островами мы встрѣтили двѣ русскихъ баржи, принадлежавшія патріарху московскому, а также насаду съ соленою осетровою икрою, принадлежавшую великому князю. На каждомъ изъ этихъ судовъ было 400 человѣкъ рабочихъ. Когда они подошли къ намъ, они дали салютъ изъ ружей, а мы отвѣчали выстрѣломъ изъ пушки. За Колтовымъ у берега стояли опять 4 баржи, нагруженныя солью и соленою рыбою, принадлежавшею выдающемуся купцу въ Москвѣ Григорію Никитову [Никитичу]; всѣ онѣ шли изъ Астрахани. Съ нихъ сообщили, что недалеко отъ Астрахани баржамъ на разныхъ лодкахъ пострѣчались 250 казаковъ, которые, однако, отъ нихъ ничего не потребовали. Недалеко отъ упомянутаго острова, направо, на берегу, лежитъ очень высокая гора, длиною въ 40 верстъ. Гора эта называется Змѣевою, потому что въ многихъ изгибахъ она то отходитъ въ сторону, то опять направляется къ берегу. Нѣкоторые баснословятъ, что гора получила названіе отъ змѣя сверхъестественной величины, жившаго здѣсь долгое время, нанесшаго много вреда и наконецъ изрубленнаго храбрымъ героемъ въ три куска, которые затѣмъ превратились тотчасъ же въ камни. Го-

Змњева гора.

ворятъ, что дѣйствительно на горѣ можно видѣть три большихъ длинныхъ камня, лежащихъ близко другъ къ другу, точно они были отбиты отъ одного куска. Почти въ концѣ горы и вплоть до города Саратова находятся много островов, лежащихъ рядомъ другъ съ другомъ и одинъ позади другого; русскіе зовутъ ихъ «Сорокъ островов».

Сентябрь.

1-го сентября мы встрѣтили весьма рано 3 большихъ струга въ 300 ластовъ; они шли на 12 футовъ въ глубину и тащили за собой нѣсколько мелкихъ лодокъ, при помощи которыхъ облегчаются суда передъ мелями. Самый большой изъ струговъ принадлежалъ богатому монастырю Троицкому, находящемуся въ 12-ти миляхъ отъ Москвы. Какъ и съ предыдущими судами, мы обмѣнялись съ ними салютами. До полудня около 9-ти часовъ мы проѣхали мимо города Саратова. Этотъ городъ лежитъ въ 4-хъ верстахъ отъ главной рѣки въ ровномъ полѣ, на рукавѣ, который Волга кидаетъ отъ себя по лѣвую руку. Здѣсь живутъ одни лишь стрѣльцы, находящіеся подъ управленіемъ воеводы и полковника и обязанные защищать страну отъ татаръ, которые именуются у нихъ калмыками: они живутъ отсюда вплоть до Каспійскаго моря и рѣки Яика и довольно часто предпринимаютъ набѣги вверхъ по Волгѣ.

Саратовъ, въ 70-ти миляхъ отъ Самары.

Городъ Саратовъ лежитъ подъ полярною высотою въ 52° 12′ и до него отъ Самары считается 350 верстъ. Въ этотъ день мы прошли съ попутнымъ вѣтромъ мимо двухъ островов, лежащихъ недалеко одинъ отъ другого (они звали ихъ Кріушою и Сапуновкою), и вскорѣ прибыли къ «Ахматовской горѣ», *пр.*, конецъ который приходится у острова того же названія; послѣдній считается въ 50-и верстахъ отъ Саратова. Гора эта красива съ виду, ради зелени, покрывающей ея верхушку, крутого склона изъ пестрой почвы посерединѣ, и длиннаго зеленаго пригорка, замыкающаго ее внизу въ видѣ искусственнаго придатка. Здѣсь мы вновь встрѣтили большой стругъ, выславшій на лодкѣ къ намъ нѣсколько человѣкъ, извѣстившихъ насъ, что по сю сторону Астрахани они встрѣтили 70 казаковъ, которые, однако, ѣхали тихо впередъ и ничего имъ не сказали. 4 дня передъ тѣмъ, однако, всего 10 казаковъ напали на нихъ и обобрали у нихъ нѣсколько сотъ рублей. Казаки, правда, не пришли къ нимъ на судно, гдѣ они вполнѣ были въ состояніи отразить разбойниковъ, но отняли у нихъ вышедшія впередъ лодки съ якорями, безъ которыхъ имъ нельзя было обойтись, и продержали эти лодки, пока деньги не были уплачены.

«Ахматовская гора».

Когда по заходѣ солнца мы стали на якорь, то увидѣли по лѣвую сторону у берега 10 казаковъ, которые спѣшили вверхъ по рѣкѣ и въ лодкѣ переправлялись на другой берегъ. Посолъ Брюг[ге]манъ тотчасъ велѣлъ 8-ми мушкетерамъ, частью изъ солдатъ, частью изъ людей свиты, на лодкѣ поспѣшить за ними и доставить ихъ на судно. Казаки, однако, вытащили лодку на берегъ и спрятались въ лѣсу, вслѣдствіе чего наши, ничего не добившись, темною ночью вернулись на судно. Нашъ маршалъ по этому поводу имѣлъ горячій споръ съ посломъ Брюг[ге]маномъ, которому говорилъ, что очень неудобно и опасно высылать людей ночью на подобныя предпріятія, въ которыхъ имъ нельзя оказать поддержки. Брюггеманъ отвѣчалъ рѣзкими словами.

2-го сентября мы пришли къ острову Ахматовскому, и въ 20-ти верстахъ отъ него къ другому — Золотому, который длиной въ 3 версты. Потомъ пришли мы къ Золотой горѣ, получившей, какъ говорятъ, свое названіе оттого, что нѣкогда, какъ намъ разсказывали, татары здѣсь напали на богатую «станицу», или флотилію, одолѣли ее и ограбили, послѣ чего разбойники деньги и золотыя вещи дѣлили шляпами. Эта гора въ 70-ти верстахъ отъ Саратова. Сейчасъ же за концомъ ея начинается бѣлая «Мѣловая гора», которая тянется по берегу внизъ по рѣкѣ на 40 в. и на поверхности своей такъ ровна, точно она по шнуру сглажена. Къ рѣкѣ она круто спускается, а у подножья близъ воды украшена красиво растущими деревьми. За нею слѣдуетъ еще иная, которую мы назвали Столбовою горою; она также была очень пріятна на видъ: со стороны обрывистаго края здѣсь много выдающихся наружу кусковъ, которыя, въ качествѣ каменныхъ жилъ, остались неразмытыми послѣ смытія рыхлаго песку; они были похожи на столбы синей, красной и желтой окраски и были перемѣшаны съ зелеными кустами.

«Золотая гора». *«Мѣловая гора».* *Столбовая гора.*

3-го сентября мы съ лѣвой стороны увидѣли рѣку [Е]русланъ, а направо напротивъ круглую гору Ураковъ [бугоръ], которую считаютъ въ разстояніи 150-ти в. отъ Саратова. Эта гора, какъ говорятъ, получила свое названіе отъ татарскаго государя Урака, который здѣсь бился съ казаками, остался на полѣ битвы и лежитъ погребенный здѣсь. Дальше съ правой стороны находится гора и рѣка Камышинка. Эта рѣка вытекаетъ изъ рѣки Иловли, которая въ свою очередь впадаетъ въ большую рѣку Донъ, текущую въ сторону Понта и представляющую пограничную рѣку между Азіею и Европою. По этой рѣкѣ, какъ говорятъ, донскіе казаки со своими мелкими лодками напра-

Рѣка [Е]русланъ. *Рѣка Камышинка.*

вляются къ Волгѣ. Поэтому это мѣсто и считается крайне опаснымъ въ отношеніи разбойниковъ. Здѣсь мы на высокомъ берегу направо увидѣли много водруженныхъ деревянныхъ крестовъ. Много лѣтъ тому назадъ русскій полкъ бился здѣсь съ казаками, которые хотѣли укрѣпить это мѣсто и закрыть свободный проходъ по Волгѣ. Въ этой стычкѣ, какъ говорятъ, пали съ обѣихъ сторонъ 1000 человѣкъ, и русскіе были здѣсь погребены.

Прибытіе къ персидскому флоту или каравану.

Когда мы прошли мимо этого мѣста, то замѣтили весь персидскій и татарскій караванъ, состоявшій изъ 16-и большихъ и 6-и малыхъ лодокъ, шедшихъ рядомъ и гуськомъ. Когда мы замѣтили, что они, ожидая насъ, опустили весла и лишь неслись по рѣкѣ, то мы подняли всѣ паруса и одновременно старательнѣе взялись и за весла, чтобы догнать ихъ. Когда мы близко къ нимъ подъѣхали, мы велѣли тремъ нашимъ трубачамъ весело заиграть и дали салютъ изъ 4-хъ пушекъ. Караванъ отвѣчалъ мушкетными выстрѣлами изъ всѣхъ лодокъ. Послѣ этого выстрѣлили и наши мушкетеры, и съ обѣихъ сторонъ пошло большое ликованіе.

Во главѣ этого каравана, собравшагося окончательно передъ Самарою, были кромѣ вышеозначеннаго шахскаго персидскаго купчины и татарскаго князя Мусала, русскій посланникъ Алексѣй Савиновичъ Романчуковъ, отправленный отъ его царскаго величества къ шаху персидскому, татарскій посолъ изъ Крыма, купецъ персидскаго государственнаго канцлера и еще два другихъ купца изъ персидской провинціи Гилянъ.

Караванъ и послы привѣтствуютъ другъ друга.

Послѣ салютныхъ выстрѣловъ, татарскій князь послалъ лодку со стрѣльцами — въ караванѣ ихъ для конвоя имѣлось 400 — къ нашему судну, велѣлъ привѣтствовать пословъ и спросить о ихъ здоровьѣ. Когда они прибыли къ кораблю, то они сначала остановились и дали салютъ, затѣмъ капитанъ ихъ взошелъ на судно и исполнилъ свое порученіе. Едва они лишь отъѣхали опять, какъ наши послы велѣли фонъ-Ухтерицу, Ѳомѣ Мельвиллю и Гансу Арпенбэку, русскому переводчику, отправиться, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, привѣтствовать татарскаго князя. Я же съ фонъ-Мандельсло, персидскимъ толмачомъ и нѣкоторыми изъ свиты посланъ былъ на двухъ лодкахъ къ шахскому купчинѣ.

По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколькихъ персовъ, которые были направлены купчиною къ нашимъ посламъ. Когда мы подошли къ персидскому судну и слѣва хотѣли пристать къ нему, поспѣшно выбѣжали нѣсколько слугъ и начали усердно махать

намъ, чтобы мы не отсюда, а съ другой стороны лодки взошли на бортъ: на лѣвой сторонѣ находилось помѣщеніе жены ихъ господина, которую никто не долженъ былъ видѣть. Когда мы теперь съ правой стороны вступили на судно, то тутъ уже стояли многочисленные слуги, которые взяли насъ подъ руки, помогли вступить на лодку и провели насъ къ купчинѣ. Этого послѣдняго мы застали на диванѣ, вышиною съ локоть и покрытомъ красивымъ ковромъ. Онъ сидѣлъ на мохнатомъ бѣломъ турецкомъ одѣялѣ, ноги, по ихъ обычаю, у него были подогнуты, а спина опиралась о красную атласную подушку. Онъ любезно принялъ насъ, ударивъ рукою въ грудь и нагнувъ голову: подобная церемонія у нихъ обычна при пріемѣ гостей. Онъ попросилъ насъ усѣсться къ нему на коверъ. Такъ какъ мы не привыкли къ подобному способу сидѣнія, то намъ было тяжело и мы еле справились съ этой задачею. Онъ съ любезнымъ выраженіемъ лица выслушалъ наши просьбы и отвѣтъ свой выразилъ во многихъ вѣжливыхъ и почтительныхъ словахъ, на счетъ которыхъ персы — народъ очень умѣлый и очень любезный. Между прочимъ, онъ такъ сердечно обрадовался по поводу нашего прибытія, что — по его словамъ — видъ корабля причинилъ ему такое удовольствіе, какъ будто бы онъ увидѣлъ Персію или въ ней свой домъ, куда онъ такъ давно стремится. Онъ жаловался на нелюбезный обычай русской націи, испытанный нами и состоявшій въ томъ, что насъ держали взаперти и не дозволяли посѣщать другъ друга. По прибытіи въ Персію, по его словамъ, мы будемъ имѣть тамъ больше свободы, чѣмъ сами даже туземные жители; онъ надѣялся, что по прибытіи нашемъ къ его царю, шаху Сефи, онъ, купчина, въ виду завязавшагося на пути между нами знакомства, будетъ назначенъ нашимъ мехемандаромъ или проводникомъ. Онъ обѣщалъ, что въ этомъ случаѣ онъ выкажетъ намъ полную дружбу. Онъ говорилъ также, что, если у него есть что-либо въ настоящее время на суднѣ, чѣмъ бы онъ могъ услужить намъ, то онъ ни въ чемъ не отказалъ бы намъ, и т. д. въ этомъ родѣ.

Церемоніи при пріемѣ гостей.

Изъ позолоченныхъ чаръ онъ угощалъ насъ крѣпкою русскою водкою, изюмомъ, персидскими орѣхами или фисташками, частью сушеными, частью солеными. Когда въ это время на нашемъ кораблѣ стали провозглашать тосты въ присутствіи персидскихъ посланцевъ купчины, и стали трубить въ трубы и стрѣлять изъ пушекъ и мушкетовъ, то и онъ началъ пить за здоровье нашихъ пословъ. Когда мы попрощались съ нимъ, онъ по секрету сообщилъ намъ, что, по достовѣрнымъ, имѣю-

щимся у него свѣдѣніямъ, королемъ польскимъ отправленъ былъ посолъ къ шаху Сефи, ѣздившій черезъ Константинополь (или Стамбулъ, по ихъ выраженію), а нынѣ возвращающійся обратно и находящійся въ Астрахани. Этому послу приказано идти въ Москву къ великому князю, но воевода не желаетъ разрѣшить ему поѣздку вверхъ по рѣкѣ до полученія объ этомъ приказа изъ Москвы. [Купчина предлагалъ] посламъ подумать, чего этотъ посолъ желаетъ. Другія лица изъ находившихся въ караванѣ также отправили посланцевъ на наше судно, привѣтствовали насъ и просили остаться въ ихъ обществѣ. Они обѣщались охотно дожидаться въ тѣхъ случаяхъ, если бы мы сѣли на мель, и помогать вездѣ, гдѣ бы это ни понадобилось. Такимъ образомъ мы, послѣ новаго салюта на всѣхъ корабляхъ и лодкахъ, отплыли совмѣстно.

Большая гроза, а за ней тихая погода.

Къ вечеру съ быстро наставшею бурею поднялись гроза и ливень, причемъ были два сильныхъ громовыхъ удара; однако, вслѣдъ затѣмъ вновь настала тихая погода. Это обстоятельство изображено было нашимъ Флемингомъ въ особомъ сонетѣ...

4-го сентября, въ виду воскреснаго дня, когда нашъ пасторъ захотѣлъ начать проповѣдывать, пришли вновь нѣсколько татаръ отъ черкасскаго князя Мусала. Они посѣтили пословъ, чтобы сообщить имъ, что князь теперь нѣсколько недомогаетъ, но какъ только онъ поправится, онъ лично посѣтитъ гг. [пословъ]. Наиболѣе знатный изъ татаръ, говорившій отъ лица всѣхъ, былъ длинный желтый человѣкъ съ совершенно черными волосами и большой длинной бородою. Онъ былъ одѣтъ въ черную овчинную шубу, мѣхомъ наружу, и былъ похожъ на то, какъ малюютъ чорта. Другіе, одѣтые въ черные и коричневые суконные кафтаны, были не многимъ пріятнѣе на видъ. Послѣ того какъ ихъ угостили нѣсколькими чарками водки, они, при салютныхъ выстрѣлахъ своихъ стрѣльцовъ, вновь отбыли.

Рѣки Болыклея и Камышинка.

Къ полудню мы пришли къ рѣкѣ Болыклеѣ, отстоящей на 90 верстъ отъ вчерашней Камышинки и на 90 верстъ отъ слѣдующаго города Царицына. Пройдя еще 16 верстъ, мы миновали очень высокую песчаную гору Стрѣльну(ю), *пр.*, и въ концѣ ея, въ 60-и верстахъ по сю сторону отъ Царицына, имѣли нашъ ночлегъ.

5-го с. м., едва лишь собравшись въ путь, мы наткнулись на сушь, на которой было всего только $5^1/_2$ фут. воды; поэтому пришлось тащить корабль въ сторону, и онъ, наконецъ, съ большимъ сотрясеніемъ перетащился. Тѣмъ временемъ караванъ ушелъ впередъ до г. Царицына, гдѣ онъ долженъ былъ

получить свѣжихъ стрѣльцовъ для конвоя. Къ полудню онъ прибылъ на мѣсто, откуда едва полперехода дневнаго до великаго и извѣстнаго Танаиса или Дона, который на протяженіи 7-ми миль течетъ рядомъ съ Волгою къ востоку. Еще немного ниже пришли мы къ «Ахтубскому устью», гдѣ Волга получаетъ первое отвѣтвленіе и съ лѣваго берега откидываетъ рукавъ въ сторону суши; этотъ рукавъ течетъ сначала одну версту противъ рѣки къ ВСВ, а затѣмъ направляется къ ЮВ и впадаетъ въ Каспійское море. Здѣсь высота полюса равнялась 48°51′.

Ахтубское устье.

Первый рукавъ устья Волги.

Въ 5-и верстахъ далѣе вглубь страны и въ 7-и верстахъ отъ Царицына еще въ настоящее время, намъ говорятъ, сохранились развалины города, который жестокій извергъ Тамерланъ построилъ изъ обожженныхъ камней, воздвигнувъ въ немъ и большой увеселительный дворецъ; называется онъ Царевымъ-городомъ. Послѣ того, какъ городъ этотъ былъ опустошенъ, русскіе увезли наибольшее количество камней въ Астрахань и построили изъ нихъ большую часть городскихъ стѣнъ, церквей, монастырей и другихъ зданій. Еще въ наше время нѣсколько лодокъ, нагруженныхъ камнемъ, шли отсюда и направлялись въ Астрахань.

Царевъ городъ.

Близъ этой мѣстности рыбакъ при помощи удочки рядомъ съ нашимъ кораблемъ поймалъ бѣлугу, длиною почти въ 4 локтя, а обхватомъ въ $1^1/_2$ локтя; фигурою она почти похожа на осетра, только бѣлѣе его и съ большимъ ртомъ. Ее били, точно быка, большимъ молотомъ по головѣ, [чтобъ убить]; она была продана за 1 талеръ.

6-го сентября мы вновь встрѣтили караванъ подъ Царицыномъ. Ѣхавшіе съ нимъ разбили на берегу свои палатки и ждали новаго конвоя. Такъ какъ вѣтеръ былъ попутный, то мы проѣхали мимо нихъ. Городъ Царицынъ считается въ 350-и верстахъ отъ Саратова; онъ лежитъ на правомъ берегу на холмѣ; онъ невеликъ и имѣетъ форму параллелограмма съ 6-ю деревянными укрѣпленіями и башнями. Живутъ въ немъ одни лишь стрѣльцы, которыхъ здѣсь было 400; они должны были бдительно слѣдить за татарами и казаками и служить конвоемъ [для мимо ѣдущихъ баржъ. Высота полюса здѣсь 48°23′ [исправлено въ концѣ книги: 49°42′].

Царицынъ, городъ въ 70-ти миляхъ отъ Саратова.

LXXIV.

(Книга IV, глава 9).

Отъ Царицына до Астрахани.

Отсюда вплоть до Астрахани и за нею до Каспійскаго моря мѣстность пустынная, песчаная и непригодная для хлѣбопашества. Поэтому эти города, въ томъ числѣ и Астрахань, должны выписывать свой хлѣбъ съ привозомъ внизъ по Волгѣ, — въ большинствѣ случаевъ изъ Казани. Несмотря на это обстоятельство, хлѣбъ, привозимый внизъ по рѣкѣ, въ виду большого количества, въ которомъ онъ доставляется, здѣсь гораздо дешевле, чѣмъ въ самой Москвѣ. Подобное явленіе часто происходитъ и въ Голландіи.

Сейчасъ же ниже Царицына лежитъ, съ правой стороны, островъ Сарпинскій, длиною въ 12 верстъ. На немъ стрѣльцы пасутъ своихъ коровъ и иной скотъ. Незадолго до нашего прибытія казаки, замѣтивъ, что жены и дочери стрѣльцовъ ежедневно, часто безъ стражи, переправлялись на островъ доить коровъ, подстерегли ихъ, схватили, натѣшились надъ ними и въ остальномъ невредимыми отправили ихъ обратно къ стрѣльцамъ домой.

Рѣчка изъ Дона въ Волгу.

За этимъ островомъ изъ рѣки Дона впадаетъ въ Волгу небольшая рѣчка, по которой могутъ ходить только челноки и самыя легкія лодки; объ этомъ разсказывалъ не только нашъ лоцманъ, но говорили и нѣкоторые изъ нашихъ рабочихъ, раньше бѣгавшіе съ казаками и плывшіе по этой рѣчкѣ. На обычныхъ ландкартахъ эта рѣчка никѣмъ не обозначена, за исключеніемъ лишь Исаака Массы; она именуется у него Камоусъ.

Въ этотъ день, какъ и въ нѣкоторые слѣдующіе, все время была здѣсь сильная жара, точно у насъ въ каникулярное время. Здѣсь, какъ разсказывали русскіе, ежегодно въ это время такая жаркая погода.

17-го сентября было такъ пасмурно и такая непогода, что трудно было подвинуться впередъ. Послѣ того, какъ мы протащились 10 верстъ, мы съ правой стороны на высокой красной песчаной горѣ увидѣли висѣлицу; это была первая изъ тѣхъ, какія мы видѣли въ этихъ областяхъ. На нихъ воеводы ближайшаго города обыкновенно вѣшаютъ разбойничающихъ казаковъ. Говорятъ, впрочемъ, что никто не остается висѣть долѣе 8-ми дней, какъ его уже успѣваютъ скрасть съ висѣлицы его собратья.

Посолъ Брюг[ге]манъ здѣсь вызвалъ къ себѣ людей свиты и сказалъ, что онъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подозрѣваетъ въ тайномъ заговорѣ противъ него. [Онъ жаловался,] что, въ случаѣ необходимости, ему нельзя будетъ положиться на нихъ, а между тѣмъ онъ ожидалъ не этого, но совершенно иного отъ нихъ, да и заслужилъ, въ виду трудной должности своей и ежедневно испытываемой заботы о нихъ, совершенно иное отношеніе. Поэтому онъ потребовалъ отъ музыкантскаго, драбантскаго и лакейскаго столовъ присяги въ вѣрности въ видѣ личной клятвы. Всѣ они, хотя и утверждали, что высказанное имъ обвиненіе вовсе ихъ не касается и что они и такъ, по долгу службы своей, достаточно почитаютъ себя обязанными хранить вѣрность, тѣмъ не менѣе охотно дали присягу, попросивъ лишь, чтобы посолъ отнынѣ не нападалъ, какъ это бывало до сихъ поръ, на всякаго безъ различія и зачастую безо всякой причины, со словами, затрагивающими честь и унижающими; «что ихъ касается, то они готовы, лишь бы хорошо съ ними обращались, не только вѣрно и съ любовію служить ему, но, по любви къ нему, въ случаѣ нужды, даже положить свою жизнь за него». Людямъ, правда, было обѣщано, что просьба эта будетъ исполнена, но — и т. д.

Съ людей берется присяга въ вѣрности

Въ этотъ день мы встрѣтили большую баржу; нѣкоторые изъ бывшихъ на ней на небольшой лодкѣ подъѣхали къ нашему кораблю и, явившись на судно, сообщили, что три недѣли тому назадъ они выѣхали изъ Астрахани, что по дорогѣ на нихъ напали казаки и отняли всю провизію, такъ что они 4 дня ничего не ѣли. Они просили дать имъ немного хлѣба, чтобы утолить голодъ, пока они не встрѣтятъ гдѣ-либо своихъ собратій или доѣдутъ до города. Мы дали имъ мѣшокъ сухарей или черствыхъ кусковъ хлѣба, за что они всѣ ударили головами о земь и сильно благодарили насъ.

Въ 40-а верстахъ за Царицыномъ направо тянется длинная ровная гора, а противъ нея расположенъ такой же островъ; и островъ и гора именуются Насоновскими. Между горою и островомъ расположенъ узкій искривленный глубокій проходъ; здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ говорятъ, казаки обманули и перебили нѣсколько сотъ стрѣльцовъ, искавшихъ и преслѣдовавшихъ ихъ.

Къ вечеру рыбакъ принесъ на судно неизвѣстную намъ рыбу, которую они называютъ «чиберика». Она длиною болѣе $2^1/_2$ локтей, имѣетъ широкій длинный носъ, въ родѣ утинаго клюва, на спинѣ и на обоихъ бокахъ у нея черныя и бѣлыя пятна, въ родѣ какъ у польской пестрой собаки, но только

расположенныя въ большомъ порядкѣ. Брюхо этой рыбы совершенно бѣлое. Вкусъ сладокъ и пріятенъ, какъ вкусъ лосося. Рыбаки доставили намъ и родъ осетра, именуемый стерлядями; онѣ длиною менѣе локтя, не бываютъ больше, и очень вкусны. Волга доставляетъ ихъ повсюду въ большомъ количествѣ, и онѣ продаются за дешевую цѣну.

Поповицкая Юрка.

8-го с. м. караванъ насъ вновь догналъ у мыса суши вправо отъ насъ, называвшагося Поповицкою Юркою на томъ основаніи, что раньше нѣкій русскій поповичъ, бывшій полковникомъ и атаманомъ казацкимъ, въ этомъ мѣстѣ обыкновенно собиралъ свой отрядъ. Это мѣсто находится въ 70-ти в. отъ предыдущаго города. Отъ этого мѣста на протяженіи 40 верстъ книзу до горы Каменный-Яръ, *пр.*, находятся нѣсколько острововъ и мелей, на которыхъ то мы, то персы отчасти застревали. Въ 20-ти верстахъ далѣе находится высокій островъ Вязовый, *пр.*, длиною въ 4 версты; за нимъ течетъ рѣка того же имени. Когда мы прошли еще 30 верстъ, вѣтеръ загналъ насъ въ заливъ направо, куда впадаетъ рѣка «Володимирское устье». Такъ какъ вѣтеръ былъ очень благопріятенъ для дальнѣйшей поѣздки, то мы не захотѣли долго мѣшкать здѣсь, всѣ принялись за дѣло и при помощи двухъ якорей вскорѣ вытащили судно изъ этого мѣста. Послѣ этого мы на всѣхъ парусахъ проѣхали мимо мѣстности Ступина, отъ которой 30 верстъ до слѣдующаго затѣмъ города Чернаго-Яра. Въ 12-ти верстахъ по сю сторону Чернаго-Яра снова отъ Волги влѣво отдѣляется рѣка «Ахтубы нижнее устье» и соединяется съ вышепомянутымъ «Ахтубскимъ [устьемъ]». За этой рѣкою мы вмѣстѣ съ карваномъ стали на якорѣ у острова Осиноваго [Сѣнного?] въ 7-ми верстахъ отъ города, пройдя въ этотъ день 135 верстъ или 27 миль.

Вязовая, гора и рѣка.

«Ахтубы нижнее устье» 2 й рукавъ Волги.

Вокругъ этой мѣстности почти вплоть до Астрахани по обѣ стороны рѣки въ кустарникѣ весьма часто растетъ Glycerrhiza или солодковый корень, достигая большой толщины. Здѣсь стебель его поднимается съ половину роста человѣческаго, а сѣмя его свисаетъ въ длинныхъ стручкахъ, какъ у черной вики. Мы находили его и въ Мидіи на всѣхъ поляхъ и особенно у рѣки Аракса, гдѣ корень достигаетъ толщины руки; онъ даетъ такой же нѣжный сокъ, какъ и у насъ.

Черный-Яръ, городокъ, въ 40 миляхъ отъ Царицына.

9-го сентября къ полудню мы сильной бурею были пригнаны подъ городокъ Черный-Яръ, гдѣ опустили якорь. Этотъ городокъ, въ [2]00 верстахъ отъ Царицына, былъ 9 лѣтъ тому назадъ, по приказанію великаго князя, построенъ полумилею ниже. Однако, такъ какъ передъ нимъ высокій берегъ обва-

лился и нѣсколько отклонилъ рѣку отъ города, то 2 мѣсяца тому назадъ его перенесли сюда. Онъ лежитъ по правую сторону на высокомъ берегу, имѣетъ 8 башенъ и окруженъ толстой бревенчатой оградою. Въ виду многихъ бродящихъ здѣсь кругомъ татаръ и казаковъ городъ занятъ исключительно стрѣльцами. Противъ каждаго изъ угловъ города на разстояніи $1/4$ мили на 4-хъ высокихъ столбахъ построены караулки, откуда стрѣльцы, какъ со сторожевыхъ вышекъ, могутъ далеко и широко обзирать всю мѣстность, тѣмъ болѣе, что она ровна и безлѣсна. Вызвали постройку этого города великія убійства и грабежи, въ то время совершенные здѣсь казаками. Какъ говорятъ, 400 казаковъ хитростью напали на русскій караванъ изъ 1500 человѣкъ и перебили болѣе половины ихъ. Воспользовались они такого рода уловкою. Когда они замѣтили, что лодки не всѣ находились другъ возлѣ друга, но нѣкоторыя изъ нихъ, а прежде всего ихъ стража, ушли впередъ на выстрѣлъ изъ ружья, то казаки, спрятавшись здѣсь, гдѣ рѣка течетъ сильнѣе всего, у высокаго берега, пропустили переднія лодки со стрѣльцами, затѣмъ напали на остальныя и перебили бывшихъ въ нихъ. Хотя стрѣльцы и оправились и поспѣшили обратно, но сильное теченіе такъ задержало ихъ лодки, что большая часть убійствъ и грабежа уже успѣла произойти, казаки выбрались на сушу и ускакали на своихъ лошадяхъ. Здѣсь, кромѣ какъ на берегу, особенно съ правой стороны, уже не видишь деревьевъ, но лишь сухую сожженную почву и степныя растенія.

Убійства, совершенныя казаками подъ Чернымъ Яромъ.

Когда мы 10-го сентября едва миновали городъ, вѣтеръ такъ сильно подулъ намъ навстрѣчу, что мы въ теченіе всего дня, какъ ни старались, не могли сдѣлать болѣе 10-ти верстъ. Къ вечеру нѣсколько рыбаковъ доставили намъ на судно очень большого жирнаго карпа въ 30 фунтовъ вѣсомъ и 8 большихъ судаковъ, какихъ мы не видали еще за все время нашего путешествія. Они не хотѣли при этомъ брать денегъ, говоря, что извѣстные торговцы въ Москвѣ, арендующіе эту часть Волги, послали ихъ сюда для рыболовства и что, если узнаютъ про продажу ими хотя бы малѣйшей рыбы, то имъ жестоко придется поплатиться за это. Они хлопотали, [повидимому], о водкѣ и, получивъ ея полкувшина, со многими благодарностями и съ радостью уѣхали.

11-го с. м., идя съ попутнымъ вѣтромъ и постоянно пользуясь парусами, мы за день прошли 120 верстъ. Около полудня мы прошли у горы Половина, получившей свое названіе оттого, что здѣсь половина пути отъ Царицына до Астрахани,

Половина, гора на полупути отъ Астра-

хани до Царицына.

а именно 250 верстъ. Наша нынѣшняя ночевка происходила за островами Кизяромъ.

Ночью, когда слѣдить за стражею пришла очередь послу Брюг[ге]ману, посерединѣ рѣки большая лодка тихо прошла мимо нашего корабля. Когда сначала на нашъ окрикъ никто не захотѣлъ отвѣчать и идти на судно, то пришлось изъ 15-ти мушкетовъ дать выстрѣлъ по ней, а пушкарю было приказано направить на нее пушку. Тѣмъ временемъ одинъ изъ ѣхавшихъ въ лодкѣ въ небольшомъ челнокѣ подъѣхалъ къ намъ и сказалъ, что это не враги, а русскіе, которыхъ 7 человѣкъ въ лодкѣ съ солью. Такъ какъ они получили отъ каравана, находившагося на разстояніи выстрѣла изъ ружья за нами, въ подарокъ водку, то его братья всѣ улеглись и заснули, давъ лодкѣ идти по теченію. Когда нашъ лоцманъ узналъ его — оба они были изъ Нижняго, — то ему дали нѣсколько чарокъ водки и отпустили обратно. Утромъ онъ, въ благодарность за угощеніе, принесъ нѣсколько стерлядей. Слѣдуетъ удивляться, что никто изъ находившихся въ лодкѣ не былъ раненъ нашей неосновательной стрѣльбою.

Такъ какъ вѣтеръ въ теченіе всей этой ночи былъ очень благопріятенъ, то мы не захотѣли потерять его и къ утру около 3-хъ часовъ вновь пустились въ путь, причемъ вскорѣ со стороны бакборта встрѣтили новый рукавъ Волги — Бухвостовъ, незамѣтно входящій въ предыдущій. Потомъ подошли мы къ острову Копановскому, противъ котораго направо высокій берегъ суши называется Копановъ-Яръ; онъ находится въ 150-ти верстахъ отъ Астрахани. Черезъ 20 верстъ прошли мы къ четвертому отдѣляющемуся рукаву «Даниловское устье», *л.*, который отдѣльно направляется въ Каспійское море. Въ 15-ти верстахъ ниже его почти посерединѣ Волги лежитъ прекрасный круглый, заросшій красивыми деревьями и кустами островокъ Екатерининскій.

Бухвостовъ — третій рукавъ Волги.

За нимъ мы издали увидѣли на песчаномъ холмѣ большой затонувшій стругъ; такъ какъ нашимъ онъ показался какъ бы устроеннымъ казаками укрѣпленіемъ и при томъ, пожалуй, нѣсколько казаковъ и показались въ кустахъ, то люди наши должны были стать подъ ружье, и было приказано дать нѣсколько выстрѣловъ въ кусты. При этомъ у нашего кухоннаго прислужника Іакова Ганзена лопнулъ мушкетъ, имъ заряженный двойнымъ зарядомъ, глубоко вырвалъ у него лѣвый большой палецъ, державшійся имъ на дулѣ, и кромѣ того нанесъ ему еще много ранъ на лбу, груди и рукахъ.

Кухонный прислужникъ получаетъ поврежденіе.

Сдѣлавъ въ этотъ день 100 верстъ, мы за островомъ Пирушки [?], въ 80-ти верстахъ отъ Астрахани, бросили якорь.

13-го сентября рано утромъ, какъ разъ, когда во время молитвы, мы по положенію должны были читать 13-ую главу IV-ой книги Моисеевой, гдѣ говорится о развѣдываніи Ханаанской страны и ея богатыхъ плодахъ и крупномъ виноградѣ, намъ пришлось увидѣть первые фрукты. Изъ Астрахани пришли 2 лодки, съ которыхъ намъ продали прекрасный крупный виноградъ, ягоды котораго были величиной почти съ грецкій орѣхъ, а также большіе очень вкусные персики и дыни.

Получены первые превосходные фрукты этой страны.

Главнѣйшія мѣста, къ которымъ мы пришли въ этотъ день, были: Митюшка, *л.*, отдѣляющійся рукавъ, частью впадающій во встрѣченный вчера рукавъ, частью, черезъ немного верстъ, вливающійся въ Волгу. Говорятъ, онъ является настоящимъ гнѣздомъ разбойниковъ. Такъ какъ между двумя расположенными передъ нимъ островами показались нѣсколько казаковъ, посолъ велѣлъ дать по нимъ выстрѣлъ изъ пушки. Черезъ 5 верстъ мы встрѣтили послѣднюю сушь передъ Астраханью — Кабанью мель, въ 70-ти верстахъ отъ города, а еще черезъ 5 верстъ — мысъ или выступъ Кабаній яръ; затѣмъ черезъ 5 верстъ слѣдовалъ, въ 50-ти в. отъ Астрахани, островъ Ичибурскій, за которымъ мы остановились на ночлегъ.

Митюшка, 5-ый рукавъ.

«Кабанья мель».

Около этой мѣстности, какъ и выше ея и у Каспійскаго моря, мы видѣли большихъ зобатыхъ гусей, которыхъ русскіе зовутъ «бабами». Ихъ штукъ 100 сидѣло вмѣстѣ на берегу. Ниже о нихъ будетъ сказано подробнѣе.

«Бабы» — большіе пеликаны.

14-го сентября, едва мы успѣли сдѣлать 2 версты, насъ съ ЮВ встрѣтила сильнѣйшая буря, такъ что мы принуждены были остаться здѣсь до слѣдующаго дня. Подъ нами оказалась глубина въ 80 фут. воды. Здѣсь князь Мусалъ подарилъ посламъ различныхъ напитковъ: пива, меду и водки, предложивъ, если напитки эти понравятся, еще доставить ихъ.

15-го сентября, когда мы рано утромъ получили добрую погоду и вѣтеръ, мы около 4-хъ час. утра вновь поднялись и на указанной глубинѣ счастливо шли на парусахъ къ югу, такъ что мы заблаговременно прошли мимо острова Бузана, въ 25-ти верстахъ, и мимо рѣки или рукава Болч[у]ка, въ 15-ти верстахъ отъ города, а въ 8 час. утра, съ разстоянія въ 12 верстъ, издали, въ виду ровной повсюду и безлѣсной мѣстности, увидѣли давнюю цѣль поисковъ — Астрахань. Здѣсь какъ разъ проходилъ рукавъ Гнилуша, отдѣляющійся отъ Волги и примыкающій къ ней за Астраханью: этотъ рукавъ многими раздѣленными устьями впадаетъ въ Каспійское море.

Болч[у]къ, послѣдній рукавъ Волги передъ Астраханью.

Прибытіе къ Астрахани, отстоящей отъ Царицына на 100 миль.

Къ полудню мы съ благопріятнымъ вѣтромъ и погодою прибыли къ далеко прославленному городу Астрахани, и, при милостивой помощи Божіей, какъ бы сдѣлали изъ Европы, первой части свѣта, первый шагъ въ Азію. Вся Астрахань лежитъ уже за рѣкою Волгою, отдѣляющей Европу отъ Азіи.

Мы остановились передъ городомъ по серединѣ рѣки и для салюта выстрѣлили изъ всѣхъ пушекъ на нашемъ кораблѣ. Жителямъ, которые въ числѣ болѣе тысячи стояли на берегу, это показалось весьма удивительнымъ.

LXXV.

(Книга IV, глава 10).

О странѣ Нагайской и Астраханской, а также о жителяхъ ихъ.

При первомъ же вступленіи въ эту мѣстность мы, не пускаясь еще далеко въ путь, разсмотримъ немного положеніе и особенности какъ главнаго города, такъ и жителей его.

Древніе описыватели міра и земель, какъ-то Птолемей, Страбонъ и другіе, слѣдовавшіе ихъ примѣру, или совсѣмъ не упоминали или лишь въ немногихъ словахъ говорили о живущихъ здѣсь и по сосѣдству татарахъ; обыкновенно подъ общимъ названіямъ скиѳовъ понимались и сарматы и татары. Между тѣмъ они отличаются другъ отъ друга весьма существенно, какъ по жизни, нравамъ и обычаямъ, такъ и по мѣстностямъ и названіямъ. Матвѣй изъ Мѣхова, полякъ, писавшій 150 лѣтъ тому назадъ, говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ «о двухъ Сарматіяхъ», что древніе писатели потому не могли написать объ этихъ племенахъ ничего опредѣленнаго, что они — въ противоположность мнѣнію нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ писателей — въ древнія времена не жили здѣсь, но что являются новымъ народомъ, который, считая отъ его времени, не болѣе чѣмъ за 300 лѣтъ пришелъ сюда съ востока. Въ 1211 г. — говоритъ онъ въ другой главѣ — въ маѣ мѣсяцѣ показалась большая комета, направлявшаяся въ сторону Дона и Россіи и простиравшая свой хвостъ къ западу; этою-то кометою и было предсказано прибытіе нынѣшнихъ татаръ. Дѣйствительно, годомъ позже эти разбойничьи народы бѣжали изъ Индіи, такъ какъ тамъ они умертвили собственнаго государя, соединились съ нѣкоторыми сѣверными жителями, сходными съ

Откуда татары пришли на Волгу.

ними, направились къ Понту, гдѣ жили г[о]ты, а затѣмъ перешли на жительство къ берегамъ Дона и Волги, стали неоднократно нападать на русскія земли (что они дѣлаютъ и до сего дня) и существовали здѣсь грабежомъ.

Въ 8-й главѣ онъ же перечисляетъ ихъ названія, раздѣляя ихъ на 4 орды или толпы, и называетъ ихъ «заволжскими», «перекопскими», «казанскими» и «нагайскими». Ему слѣдуетъ Гвагнинъ, а Гвагнину Joan Raw въ своей космографіи. Гвагнинъ, правда, опредѣляетъ у татаръ 16 ордъ. Волжскими эти писатели, конечно, зовутъ тѣхъ, кто живутъ у Волги. Таковыми могутъ быть и черемисскіе, казанскіе и другіе татары. Что же касается нагайскихъ, то ясно, что они живутъ въ Нагайской землѣ. Я оставляю въ сторонѣ, какъ означенные и другіе писатели называютъ этихъ татаръ, какъ они ихъ дѣлятъ и какія отводятъ имъ мѣста. Я сообщу лишь то, что я видѣлъ самъ и услышалъ въ наше время.

Нагайскою землею является страна, населенная нагайскими татарами; она занимаетъ область между рѣками Волгою и Яикомъ вплоть до Каспійскаго моря. Главнымъ городомъ здѣсь Астрахань, по имени которой иные называютъ и всю эту землю. Полагаютъ, что государь, построившій этотъ городъ и владѣвшій имъ нѣкогда, назывался будто бы Астра-ханъ. Городъ этотъ не лежитъ, какъ говоритъ Герберштейнъ и думаютъ иные, въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ рѣки внутри страны, но примыкаетъ къ главному теченію рѣки Волги и лежитъ на островѣ Долгомъ, образуемомъ отдѣляющимся рукавомъ Волги.

Въ Астрахани я, при помощи повторныхъ изслѣдованій, опредѣлилъ высоту полюса въ 46° 22′. Здѣсь климатъ довольно теплый. Въ сентябрѣ и октябрѣ здѣсь погода была такъ хороша и тепла, какъ у насъ въ жаркое лѣто, особенно когда дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ или вѣтеръ съ Волги. Когда онъ, однако, шелъ съ юга, со стороны моря, то онъ обыкновенно приносилъ съ собою холодъ, а иногда воздухъ, отъ котораго пахло моремъ. Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, когда мы находились тамъ во время обратнаго нашего путешествія, жара была очень сильная, но, въ виду постоянныхъ вѣтровъ, намъ она не казалась тягостною. Зима, хотя и длится не дольше 2-хъ мѣсяцевъ, приноситъ съ собою такой холодъ, что Волга — въ противность мнѣнію нѣкоторыхъ писателей—совершенно замерзаетъ, и на ней можно ѣздить на саняхъ. *Климатъ.*

Островъ Долгій, такъ же какъ и суша направо отъ него, за рѣкой,—песчаный и неплодородный, налѣво же, къ востоку, какъ и

Астраханская степь.

Три великолѣпныхъ соляныхъ розсыпи.

Богатое рыболовство.

вообще вплоть до Яика, какъ говорятъ, имѣются хорошія пастбища. По сю сторону Волги къ западу имѣется большая ровная и сухая степь. По направленію къ Понту или Черному морю эта степь простирается на 70, а къ югу къ Каспійскому морю на 80 нѣмецкихъ миль. Мы ее измѣрили въ 11 трудныхъ дневныхъ переходовъ, о которыхъ ниже будетъ сказано. Эта пустыня доставляетъ великолѣпнѣйшую соль, встрѣчающуюся здѣсь въ различныхъ ямахъ, лужахъ и стоячихъ озерахъ, изъ которыхъ самыя замѣчательныя: Мочаковское, въ 10-ти верстахъ, Каинково, въ 15-ти, и Гвоздовское, въ 30-ти верстахъ отъ Астрахани. Въ лагунахъ или соляныхъ лужахъ имѣются соляныя жилы, черезъ которыя разсолъ подымается вверхъ; подъ вліяніемъ солнечной жары, соль выпаривается на поверхность въ видѣ ледяныхъ глыбъ кристальной чистоты и толщиною съ палецъ; у нея пріятный запахъ фіалки. Каждый желающій можетъ собирать эту соль, платя лишь великому князю за 2 пуда (въ пудѣ 40 фунтовъ) 1 копѣйку или 1 шиллингъ пошлины. Русскіе ведутъ обширную торговлю солью, свозятъ ее на берегъ Волги, насыпаютъ большими кучами и развозятъ по всей Россіи — но не всей Мидіи, Персіи и Арменіи, какъ говоритъ Петрей въ своей «Московской хроникѣ». Дѣло въ томъ, что въ этихъ странахъ имѣются собственныя великолѣпныя соляныя розсыпи... Кромѣ того, невѣрно то, что онъ разсказываетъ на стр. 103, будто въ двухъ миляхъ отъ Астрахани находятся 2 соляныхъ горы, именуемыя Бузинъ и до того неистощимыя, что если бы даже 20 или 30 тысячъ человѣкъ ежедневно со всѣхъ силъ своихъ отбивали и отламывали части отъ такой горы, то и въ такомъ случаѣ, послѣ усиленной ихъ всѣхъ работы, не было бы видно, отломано ли что-либо или отбито отъ горы, такъ какъ гора растетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе отбиваютъ отъ нея части и притомъ она такъ тверда, какъ скала. Такой горы во всей этой странѣ не найти; вѣроятно, она перешла въ Утопію. Относительно же соляныхъ лужъ несомнѣнно, что чѣмъ больше снимать съ нихъ соляныхъ глыбъ, тѣмъ болѣе онѣ садятся на нихъ, такъ какъ въ разсолѣ нѣтъ недостатка у богатыхъ источниковъ.

На Волгѣ отъ этого мѣста до Каспійскаго моря, лежащаго въ 12-ти миляхъ отъ Астрахани, совершается чрезвычайно богатая ловля рыбы всевозможныхъ сортовъ; рыба эта весьма дешева, такъ какъ за 1 грошъ можно купить 12 большихъ карповъ, а 200 стерлядей или малыхъ осетровъ (это очень вкусная рыба) за 15 грошей. Здѣсь же имѣется и очень много ра-

ковъ; такъ какъ ни татары, ни русскіе не ѣдятъ ихъ, то ихъ безъ всякаго вниманія выбрасываютъ.

Вокругъ этихъ мѣстъ, въ виду близости моря и многихъ лежащихъ подъ Астраханью тростниковъ и лѣсистыхъ островов, имѣется очень много пернатой дичи, особенно много дикихъ гусей и большихъ красныхъ утокъ, которыхъ татары умѣютъ быстро ловить съ помощью обученныхъ соколовъ и ястребовъ. Здѣсь имѣется и много дикихъ свиней, которыхъ татары преслѣдуютъ и продаютъ задешево русскимъ, такъ какъ сами они, въ силу закона своего, не могутъ ихъ ѣсть.

Пернатая дичь.

Что касается садовыхъ плодовъ, то они здѣсь такъ великолѣпны, что мы лучшихъ не находили даже въ Персіи: это—яблоки, квиты, грецкіе орѣхи, большія желтыя дыни, а также арбузы, именуемые у турокъ и татаръ karpus—такъ какъ они очень холодятъ, а у персовъ—hinduanae, такъ какъ индусы нѣкогда ввезли ихъ въ Персію (они строеніемъ похожи на дыни или, вѣрнѣе, на тыквы, имѣютъ зеленую корку, мякоть тѣлеснаго цвѣта, очень водянистую и сахарной сладости, и черныя зерна). Подобнаго рода арбузовъ и дынь татары доставляли еженедѣльно возовъ 10—20 въ Астрахань на рынокъ по очень дешевой цѣнѣ.

Великолѣпные садовые плоды.

Pus — ледъ.

Раньше здѣсь вовсе не родился виноградъ. Персидскіе купцы доставили въ Астрахань первыя виноградныя лозы, посаженныя старымъ монахомъ въ монастырѣ передъ городомъ. Такъ какъ замѣтили, что онѣ вполнѣ удаются, то въ 1613 г., по приказанію великаго князя, означенный монахъ устроилъ настоящій виноградникъ, который затѣмъ изъ году въ годъ все расширялся. Онъ приноситъ великолѣпные большіе и сладкіе гроздья, которые частью наряду съ другими плодами, получаемыми въ тутъ же устроенномъ фруктовомъ саду, посылаются къ великому князю въ Москву, а частью продаются въ странѣ воеводамъ и боярамъ. Теперь и нѣкоторые астраханскіе горожане у домовъ своихъ устроили виноградники, и, напримѣръ, нашъ хозяинъ говорилъ намъ, что его виноградникъ принесъ ему въ этомъ году до 100 талеровъ. Мнѣ въ нынѣшнемъ году принесли достовѣрное извѣстіе, что въ настоящее время въ Астрахани будетъ разводиться такое количество винограда, что ежегодно 50—60 пипъ или большихъ бочекъ вина отсюда будетъ доставляться въ Москву. У нихъ имѣется свой виноградарь Іаковъ Ботманъ, учившійся у насъ въ Готторпѣ у его княжеской свѣтлости придворнаго увеселительнаго садовода.

Виноградарство.

Упомянутый мною монахъ имѣлъ отъ роду 105 лѣтъ; онъ былъ по рожденію австріецъ, взятый на войнѣ въ плѣнъ еще

Старый монахъ, 105-ти лѣтъ.

мальчикомъ, былъ доставленъ въ Россію, здѣсь перекрещенъ, обращенъ въ русскую вѣру и сосланъ сюда въ монастырь. Въ данное время онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ управленіе всѣмъ монастыремъ. Онъ владѣлъ еще небольшимъ количествомъ нѣмецкихъ словъ, сдѣлалъ много добра тѣмъ изъ насъ, которые его посѣтили, пришелъ также посѣтить пословъ и принесъ имъ въ подарокъ фрукты съ деревьевъ, посаженныхъ имъ собственноручно. Онъ былъ все еще веселаго нрава. Когда онъ выпилъ пару чарокъ водки, онъ началъ показывать свою силу и плясать безъ палки, хотя и трясущимися ногами. Онъ говорилъ, что въ этой странѣ много здоровыхъ и весьма старыхъ людей.

Жителями этой нагайской или астраханской области, какъ уже сказано, раньше были исключительно татары. Они имѣли своего царя, состоявшаго съ казанскими и крымскими татарами въ дружбѣ и союзѣ, такъ что противникъ, нападавшій на одного изъ нихъ, имѣлъ дѣло со всѣми тремя. Поэтому великому князю Ивану Васильевичу черезъ два года послѣ завоеванія царства казанскаго пришлось имѣть войну и съ царствомъ нагайскимъ, которое онъ также покорилъ себѣ. Столица нагайская, Астрахань, 1-го августа 1554 года была взята штурмомъ, татары были изгнаны изъ нея, и городъ былъ занятъ русскими.

Когда занята Астьахань.

Городъ этотъ впослѣдствіи тиранъ укрѣпилъ толстой каменной стѣною, нынѣшній же великій князь велѣлъ расширить его и построить около него «Стрѣлецкій городъ» или часть, гдѣ живутъ стрѣльцы. Если смотрѣть извнѣ съ Волги, которая здѣсь шириною въ 2260 футъ, то городъ этотъ оказывается красивымъ въ виду многихъ башенъ и церковныхъ колоколенъ, а внутри онъ состоитъ большею частью изъ деревянныхъ строеній. Онъ хорошо укрѣпленъ сильнымъ гарнизономъ при многихъ,— какъ они говорятъ, 500 — металлическихъ орудіяхъ, въ числѣ которыхъ имѣются нѣсколько картаульныхъ и полукартаульныхъ, которыя мы сами видѣли. Теперь, говорятъ, здѣсь имѣются 9 приказовъ, каждому изъ которыхъ принадлежатъ 500 стрѣльцовъ, постоянно стоящихъ на-готовѣ и на-сторожѣ, подъ начальствомъ двухъ воеводъ, канцлера [дьяка] и нѣсколькихъ капитановъ; они должны держать татаръ въ уздѣ. Въ городѣ не только русскіе, но персіяне и индійцы, всѣ имѣютъ по своему рынку. Такъ какъ и бухарскіе, крымскіе и нагайскіе татары, а также армяне (христіанскій народъ) со всякими товарами ведутъ тутъ большую торговлю и промыслы, то, какъ говорятъ, городъ этотъ и приноситъ ежегодно его царскому величеству большую сумму,—даже однихъ пошлинъ 12,000 рублей или 24 тысячи рейхсталеровъ.

Большая торговля въ Астрахани.

Мѣстопребываніе татаръ. Татарскія избы.

Туземные татары — частью нагайцы, частью крымцы — не имѣютъ права селиться въ городѣ, но лишь въ опредѣленныхъ мѣстахъ за городомъ, не имѣя при томъ права огораживаться инымъ чѣмъ-либо, какъ лишь частоколомъ. Впрочемъ, у нихъ и по всей ихъ странѣ нѣтъ укрѣпленныхъ городовъ или деревень, они живутъ въ избахъ [кибиткахъ], которыя круглы, съ діаметромъ обыкновенно въ 10 футъ, сплетены изъ тростника или камыша и похожи на корзины для куръ у насъ; сверху онѣ покрыты войлокомъ, въ серединѣ котораго оставлено отверстіе для дыма; впрочемъ близъ этого отверстія прикрѣпляется еще кусокъ войлока, который можетъ вертѣться по вѣтру. Когда зажженный ими изъ сухого кустарника и сушенаго коровьяго помета костеръ выгоритъ, а также уйдетъ и дымъ, то они опускаютъ верхній кусокъ войлока; а если погода холодная, то вся изба окружается войлокомъ или тростникомъ. Тогда жены и дѣти сидятъ вокругъ угольевъ и золы. Такимъ образомъ на продолжительный срокъ сохраняется тепло. Подобнаго рода избы изображены на помѣщенномъ ниже [при описаніи обратнаго путешествія] планѣ города.

Перемѣщенія татаръ.

Лѣтомъ у нихъ нѣтъ постояннаго мѣстопребыванія въ какомъ-либо мѣстѣ; они мѣняютъ и перемѣщаютъ свое мѣстопребываніе всякій разъ, какъ имъ приходится искать для скота свѣжихъ и хорошихъ пастбищъ. Тогда они ставятъ свои избы на высокія телѣги, которыя всегда стоятъ возлѣ нихъ, и перекочевываютъ съ женами, дѣтьми и домашнимъ скарбомъ, размѣщенными на коровахъ, волахъ, лошадяхъ и верблюдахъ. Поэтому-то русскіе и назвали ихъ «половцами» за эту постоянную погоню за мѣстомъ, «ловлю полей». Зимой они, раздѣлившись на нѣсколько ордъ (можно сравнить съ нѣмецкимъ [, употребительнымъ въ Шлезвигѣ] выраженіемъ Harde—«округъ») или отрядовъ идутъ къ Астрахани и селятся въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы въ случаѣ нужды поспѣть другъ къ другу на помощь.

Калмыки, враги нагайцевъ.

Нерѣдко на нихъ нападаютъ и грабятъ ихъ постоянные ихъ враги калмыки, не только разсѣянные отсюда до Саратова и называемые въ этихъ мѣстахъ булгарскими татарами, но живущіе и за Яикомъ; набѣги свои они совершаютъ въ то время, когда вода замерзнетъ и вездѣ оказывается удобнымъ перебѣгать черезъ нее. Чтобы, однако, татары были въ состояніи тѣмъ легче встрѣтить враговъ и защититься, имъ въ это время изъ русской оружейной палаты выдаются ружья и другое военное снаряженіе, которое они въ началѣ лѣта опять возвращаютъ. Другого оружія они не имѣютъ права держать при себѣ.

Они, правда, не платятъ великому князю дани, но когда онъ захочетъ, чтобы они выступили въ походъ противъ врага, то они должны являться, что̀, впрочемъ, они дѣлаютъ охотно въ надеждѣ на добычу, которая является лучшимъ источникомъ богатства у нихъ такъ же, какъ у дагестанскихъ татаръ, о которыхъ будетъ рѣчь при описаніи обратнаго путешествія. Они быстро могутъ собрать нѣсколько тысячъ человѣкъ и они очень смѣлы при нападеніи на врага.

Имъ, правда, разрѣшается имѣть своихъ собственныхъ князей, атамановъ и судей, но чтобы не было основаній ожидать мятежа, нѣсколько человѣкъ ихъ мурзъ или князей всегда должны поочередно храниться и содержаться въ Астрахани въ кремлѣ въ качествѣ заложниковъ.

Природа и жизнь татаръ.

Нагайскіе, а равно и крымскіе татары, дородны, низкорослы, съ широкими лицами и небольшими глазами, кожа ихъ черно-желтая, и у мужчинъ лица сморщенныя, какъ у старухъ, въ бородѣ у нихъ волосъ мало, а головы они до-гола брѣютъ.

Одежда татаръ.

Всѣ они носятъ длинные кафтаны частью изъ сѣраго сукна, частью—особенно нагайцы—шубы и шапки изъ овечьей кожи, съ вывернутымъ наружу мѣхомъ. Женщины, которыя не очень

безобразны лицомъ, носятъ бѣлыя полотняныя одѣянія и складчатыя круглыя шапки, заостряющіяся кверху, въ родѣ каски; спереди онѣ обсажены и увѣшаны русскими копѣйками, точно кольцами. Родившаяся первою, а такъ же и нѣкоторыя другія изъ ихъ дочерей, если онѣ еще въ чревѣ матери были родителями обѣщаны Богу или извѣстному имаму и святому, носятъ въ знакъ рабской преданности своей въ правой ноздрѣ кольца съ бирюзою, рубиномъ или кораллами; подобныя же кольца носятъ мальчики въ ушахъ. Этотъ же обычай имѣется у персовъ... Дѣти ходятъ голыя, безъ сорочекъ, и у всѣхъ у нихъ отвислые животы.

Кольца въ ноздряхъ.

Пищу себѣ эти татары добываютъ скотоводствомъ, рыболовствомъ и птицеловствомъ. Ихъ рогатый скотъ великъ ростомъ и силенъ, подобно польскому, а у овецъ, подобно какъ у персидскихъ, имѣются большіе толстые хвосты изъ чистаго сала, вѣсящіе иногда отъ 20-и до 30-и фунтовъ. У нихъ отвислыя уши, какъ у собакъ водолазовъ, и высокіе изогнутые носы. Лошади ихъ невзрачны, но сильны и очень выносливы. У нихъ имѣются и верблюды, но рѣдко съ однимъ, а обыкновенно съ двумя горбами на спинѣ; послѣднихъ они зовутъ *богуръ*, первыхъ *товэ*.

Пища татаръ.

Обыкновенное кушанье татаръ составляетъ вяленая на солнцѣ рыба, которую они ѣдятъ вмѣсто хлѣба; рисъ и пшено они мелютъ и приготовляютъ изъ нихъ лепешки, которыя жарятъ въ растительномъ маслѣ или меду. Наряду съ другимъ мясомъ, они ѣдятъ и верблюжье и конское; пьютъ они воду и молоко, причемъ особенно кобылье молоко считаютъ за лакомый и здоровый напитокъ. Поэтому, когда однажды послы поѣхали посмотрѣть ихъ орды и лагери, они имъ налили этого молока изъ кожанаго мѣшка и подали выпить.

Кушанья татаръ.

Религія татаръ магометанская, причемъ они исполняютъ обряды не персовъ, а турокъ. Нѣкоторые изъ татаръ приняли русскую вѣру и дали себя окрестить. Они выказали любезность по отношенію къ намъ, и одинъ изъ ихъ мурзъ или князей захотѣлъ, въ угоду посламъ, устроить соколиную охоту и даже сдѣлалъ необходимыя для этого приготовленія, но воевода запретилъ это ему.

Религія татаръ.

LXXVI.

(Книга IV, глава 11).

Что еще произошло во время нашего пребыванія въ Астрахани, и какъ насъ разныя лица посѣщали и угощали пирами.

Пока мы стояли на мѣстѣ подъ Астраханью, чтобы варить пиво, печь [хлѣбъ], бить скотъ и пополнять, въ мѣру необходимости, наши опустѣвшія кухни и погреба, къ нашимъ посламъ неоднократно присылали [депутаціи] персы, татарскіе князья и другія лица; они доставляли подарки, иногда являлись съ визитомъ лично, а въ другихъ случаяхъ приглашали къ себѣ.

Купчина велитъ посѣтить пословъ и подарить имъ плодовъ.

Когда мы, какъ выше сказано, едва лишь стали подъ Астраханью на нашемъ кораблѣ, и дали салютъ, шахскій персидскій купчина, равно какъ и другіе персидскіе купцы, только что прибывшіе изъ Персіи, поднесли для привѣта посламъ нѣсколько прекрасныхъ большихъ арбузовъ, дынь, яблоковъ, персиковъ, абрикосовъ и крупный виноградъ, съ просьбою принять его у нихъ, такъ какъ и они чужестранцы здѣсь. [Они прибавили]: «если Богъ намъ поможетъ добраться до Персіи, то все, что имъ принадлежитъ, будетъ и нашимъ». Послы, со своей стороны, послали нѣсколько человѣкъ къ купчинѣ, а также къ князю Мусалу, чтобы поднести имъ разныя цѣнныя воды, водку и конфекты.

Обходительность персовъ.

На другой день по прибытіи нашемъ пришли нѣсколько партій персидскихъ купцовъ на нашъ корабль, чтобы осмотрѣть его и посѣтить пословъ; каждый изъ нихъ принесъ съ собою нѣсколько фруктовъ: въ Персіи существуетъ обычай, чтобы никто не смѣлъ являться передъ большими вельможами безъ подарковъ, хотя бы и незначительныхъ. По обычаю земляковъ своихъ, и эти персы были очень любезны и обходительны, что намъ показалось весьма страннымъ послѣ грубости русскихъ. Такъ какъ они являлись для насъ новымъ, давно желаннымъ народомъ, съ которымъ мы предполагали поближе познакомиться, то это обстоятельство насъ весьма пріятно поразило, и мы тѣмъ болѣе разрѣшили имъ у себя свободы. Всѣ они такъ охмелѣли у насъ, что при уходѣ съ судна нѣкоторые попадали въ воду, а старый видный купецъ даже заснулъ на кораблѣ и остался на ночь у насъ. Этотъ старикъ во время питья сталъ выказывать

намъ такое искреннее расположеніе, что когда послы, подавая ему стаканъ съ франконскимъ виномъ, сказали: «Вино нашей страны можетъ быть не понравится ему и не покажется вкуснымъ послѣ ихъ крѣпкихъ напитковъ», онъ схватилъ стаканъ со словами: «Даже если это окажется ядомъ, но вы его подаете, я все же его выпью».

Дальнѣйшіе подарки купчины посламъ.

17-го сентября шахскій купчина вновь сдѣлалъ посламъ подарокъ, поднесши два мѣшка рису, который качествомъ зерна превосходилъ обыкновенный рисъ, былъ очень красивъ, крупенъ и совершенно бѣлъ, а также чашку маринованнаго персидскаго чесноку, пріятнаго на вкусъ...

Персидскія суда на Каспійскомъ морѣ.

Одновременно со слугами купчины пришли и другіе, плававшіе по морю персы, осмотрѣли корабль, удивляясь столь большой постройкѣ, заявили, что оно не пригодится на Каспійскомъ морѣ, гдѣ волны очень высоки и коротки, и что поэтому, по крайней мѣрѣ, хоть мачты слѣдовало бы укоротить. «Кюлзюмъ—такъ называли они Каспійское море—съ тѣхъ поръ, какъ по немъ ѣздятъ, не видалъ еще столь большого судна». Ихъ персидскія суда устроены, какъ наши небольшія баржи; по формѣ своей они похожи на наши купальныя ванны; они стоятъ очень высоко надъ водою, скрѣпляются снизу до верху многими балками и поперечными брусьями, выходящими по обѣ стороны наружу и укрѣпленными помощью клиньевъ. Посрединѣ они совершенно открыты, не имѣютъ помпы, такъ что воду приходится вычерпывать; у нихъ только одинъ большой парусъ, какъ у русскихъ, и они не умѣютъ лавировать. Поэтому, когда поднимается буря, они или, съ величайшей опасностью, идутъ съ вѣтромъ или же принуждены бываютъ бросить якорь. Рѣдко какое-либо изъ нихъ рѣшается выйти въ море болѣе чѣмъ на глубину въ 10 саженъ.

Послѣ того какъ персы вновь вступили на судно, наши послы, черезъ секретаря, послали большой бокалъ въ подарокъ старшему воеводѣ Θедору Васильевичу, причемъ запросили его мнѣнія и совѣта относительно дальнѣйшей нашей поѣздки: удобнѣе ли будетъ намъ идти сушею или моремъ. Воевода попросилъ отсрочки на нѣсколько дней, чтобы посовѣтоватся съ другими мореходами. Однако, по многимъ причинамъ у насъ считали болѣе удобнымъ ѣхать водою, чѣмъ сушею.

Князь Мусалъ посѣщаетъ пословъ.

19-го с. м. татарскій князь Мусалъ предупредилъ о своемъ приходѣ и посѣщеніи имъ пословъ на суднѣ; ради него наша шлюпка была выложена коврами и послана съ нѣкоторыми изъ насъ навстрѣчу на берегъ. Князь прибылъ въ сопровожденіи

40-а лицъ; при немъ былъ еще другой мурза и великокняжескій посланникъ Алексѣй Савиновичъ. Самъ онъ былъ въ дорогомъ русскомъ платьѣ, вышитомъ золотомъ и жемчугомъ. Это былъ высокій ростомъ, крѣпкій, видный господинъ, съ лицомъ бѣлымъ и пріятнымъ и съ длинными, черными какъ смоль волосами; ему было лѣтъ 28; онъ былъ веселъ и краснорѣчивъ. Когда онъ вступилъ на корабль, сначала протрубили трубачи, потомъ выстрѣлили изъ 3-хъ пушекъ, а во время угощенія въ каютѣ пословъ играла музыка. Драбанты, лакеи и солдаты стояли въ порядкѣ и съ оружіемъ; все это очень понравилось татарину, и онъ все это очень хвалилъ. Послѣ того какъ онъ весело провелъ въ каютѣ 2 часа и, согласно съ высказаннымъ имъ желаніемъ, былъ проведенъ по кораблю (его провели и внизъ въ столовую и упрашивали сѣсть за столъ, покрытый разнаго рода конфектами), онъ не захотѣлъ уже садиться, но поспѣшилъ опять домой. При отъѣздѣ его опять данъ былъ салютъ изъ пушекъ и мушкетовъ.

Купчина посѣщаетъ пословъ.

20-го сентября послы отправили нашего маршала привѣтствовать купчину, прося его оказать имъ честь и посѣтить корабль, что и было сдѣлано на слѣдующій день. Купчина, по имени Наурусъ, прибылъ съ еще другимъ знатнымъ купцомъ изъ Персіи, по имени Науреддиномъ Мухаммедомъ, вмѣстѣ съ приставомъ, даннымъ ему воеводою. И они были приняты и получили угощеніе, подобно татарскому князю. Когда они среди всевозможныхъ пріятныхъ разговоровъ и увеселеній, нѣкоторое время прослушали нашу музыку, они попросили, чтобы имъ разрѣшено было доставить свои музыкальные инструменты. Это были—свирѣли и литавры. Литавры были сдѣланы изъ гончарной глины и обожжены; они имѣли видъ продолговатыхъ большихъ горшковъ. Били они странно, но искусно, соблюдая разнообразныя мелодіи и красивые темпы. Съ такою музыкою они вновь проѣхали съ судна на берегъ. Можно было слышать, какъ они еще довольно долго играли въ своихъ палаткахъ, разбитыхъ на берегу.

Персидская полевая музыка.

Подарки воеводы посламъ.

22-го с. м. воевода велѣлъ доставить свои отвѣтные подарки посламъ, а именно, 20 кусковъ копченаго сала и 12 штукъ большихъ копченыхъ рыбъ, 1 бочку икры, 1 бочку пива и 1 бочку меду.

Къ обѣду польскій посолъ, о которомъ купчина упоминалъ въ разговорѣ съ нами 3-го сентября, вмѣстѣ съ шахскимъ персидскимъ посломъ, отправленнымъ къ королю польскому, прислалъ къ намъ двухъ служителей, чтобы привѣтствовать нашихъ

Привѣтъ отъ шахскихъ персидскихъ и королевскихъ польскихъ пословъ.

пословъ и подарить намъ бутылку *шараб* или персидскаго вина. Польскимъ посломъ былъ монахъ, писавшій себя «Fr[ater] Johannes de Lucca, indignus sacri ordinis praedicator». Персидскимъ же посломъ былъ архіепископъ изъ Арменіи Августинъ Базецій; ихъ высланные къ намъ слуги были итальянскій капуцинъ и французъ. Они жаловались, что ихъ вотъ уже болѣе 5-и мѣсяцевъ держатъ въ Астрахани, какъ плѣнниковъ, и не пропускаютъ дальше.

Наши послы ѣдутъ въ городъ посѣтить Мусала.

Въ этотъ день наши послы послали сообщить воеводѣ, что они желали бы завтра посѣтить князя Мусала; они просили о лошадяхъ для верховой ѣзды для себя и нѣкоторыхъ провожатыхъ. Эта просьба была любезно исполнена, и на слѣдующій день шталмейстеръ воеводы привелъ лошадей къ берегу. Послы сначала поѣхали съ знатнѣйшими изъ свиты въ домъ, который передъ городомъ былъ предоставленъ намъ, должнымъ образомъ велѣли сообщить о прибытіи своемъ Мусалу, и, когда мы услыхали, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ насъ, мы поѣхали къ его помѣщенію, находившемуся въ городѣ. Князь въ великолѣпныхъ одеждахъ вышелъ навстрѣчу посламъ во дворѣ у крыльца, любезно принялъ насъ и привелъ въ помѣщеніе, обвѣшанное коврами. При немъ находился посланникъ Алексѣй, и здѣсь же былъ татарскій посолъ изъ Крыма, также находившійся при караванѣ, человѣкъ гордый и грубый нравомъ. Мусалъ велѣлъ въ чрезмѣрномъ количествѣ поставить на столъ астраханскіе садовые плоды, а также вино, пиво, медъ и водку. Онъ велѣлъ играть на регалѣ [ручномъ органѣ], и тутъ же весело заиграли нѣсколько русскихъ трубачей, служившихъ воеводѣ. Онъ предложилъ съ добрыми пожеланіями тосты за здоровье его царскаго величества и его милости князя голштинскаго, причемъ мы пили изъ большихъ бокаловъ и серебряныхъ чаръ. Онъ стоялъ все время среди своихъ служителей и каждому изъ насъ, даже пажамъ и слугамъ, передавалъ самъ бокалъ въ руки, выказавъ вообще большую ласковость. Тѣмъ временемъ Алексѣй началъ многими словами открыто восхвалять родъ, храбрость и т. п. Мусала: «онъ не простой мурза, какихъ много среди татаръ, но родной племянникъ (сынъ брата) великаго и чуть не знатнѣйшаго вельможи при великокняжескомъ дворѣ князя Ивана Борисовича Черкаскаго; въ настоящее время онъ получилъ отъ его царскаго величества ленное владѣніе и, въ знакъ высокой милости, драгоцѣнныя одежды и большіе подарки. Изъ братьевъ его одинъ теперь при дворѣ его царскаго величества и получаетъ тамъ велико-

лѣпное содержаніе. Сестра его просватана за шаха персидскаго» и т. д.

Во время этого пира высокоблагородный Іоганнъ Альбрехтъ фонъ-Мандельсло заключилъ со мною обязательство, чтобы тотъ изъ насъ, кто раньше помретъ, былъ почтенъ со стороны оставшагося въ живыхъ похвальнымъ словомъ. По слабой силѣ своей, я такъ и сдѣлалъ, какъ видно по описанію его путешествія на востокъ, которое я издаю отдѣльно.

Воспользовавшись въ теченіе нѣсколькихъ часовъ всяческою дружбою и расположеніемъ Мусала и простившись съ нимъ, послы думали въ этотъ же вечеръ поѣхать въ мѣсто, гдѣ живутъ татары, чтобы посмотрѣть ихъ. Поэтому мы и направились къ городскимъ воротамъ, откуда ближе всего было пройти туда. Однако, эти ворота, по приказанію воеводы, не знаю по какому подозрѣнію, были заперты передъ нами, вслѣдствіе чего мы и вернулись опять на корабль.

Алексѣй посѣщаетъ пословъ.

24-го с. м. посланникъ Алексѣй пришелъ на корабль посѣтить пословъ, былъ хорошо принятъ и угощенъ. Онъ былъ въ веселомъ настроеніи и предложилъ быть съ нами въ доброй дружбѣ и согласіи въ Персіи. Нашимъ людямъ и служителямъ, проводившимъ его опять на его судно и бывшимъ въ числѣ 12-ти, онъ подарилъ, изъ благодарности, по соболю.

Имѣетъ склонность къ свободнымъ наукамъ.

Этотъ русскій, отправленный отъ великаго князя московскаго къ шаху персидскому въ качествѣ посланника, а главнымъ образомъ для наблюденія надъ нашими дѣлами и поступками, былъ человѣкъ лѣтъ 30-ти, добраго разума и очень хитрый. Онъ могъ назвать нѣсколько латинскихъ словъ и, противъ обычнаго нрава русскихъ, имѣлъ склонность къ свободнымъ искусствамъ, особенно къ нѣкоторымъ математическимъ наукамъ и къ латинскому языку. Онъ просилъ, чтобы мы ему помогли въ изученіи всего этого. И, дѣйствительно, въ Персіи, когда мы съ нимъ были вмѣстѣ, и въ особенности на возвратномъ пути, прилежнымъ вниманіемъ, постояннымъ разговоромъ и упражненіями въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ онъ дошелъ до того, что могъ выражать свои мысли, хотя не особенно складно; кромѣ того онъ сталъ понимать употребленіе астролябіи, [опредѣленіе] часовъ и высоты солнца, а также геометрію. Нашимъ часовщикомъ ему сдѣлана была астролябія, и вездѣ, гдѣ онъ приходилъ въ городъ или деревню на ночлегъ, въ особенности же въ Астрахани, Алексѣй выходилъ на улицы, чтобы упражняться, и называлъ людямъ высоту домовъ и зданій: русскимъ, которые не привыкли что-либо подобное видѣть у своихъ земляковъ, это казалось весьма удивительнымъ.

25-го с. м. шахскій купчина пригласилъ пословъ съ ихъ свитою на слѣдующій день на банкетъ, причемъ онъ одновременно захотѣлъ знать имя и титулъ нашего милостивѣйшаго князя и государя, а также имена пословъ; онъ предложилъ послать гонца впередъ въ Шемаху, въ Мидію, къ тамошнему хану и губернатору, для сообщенія о нашемъ прибытіи, чтобы, по приходѣ на персидскую границу, насъ тѣмъ скорѣе могли доставить дальше.

26-го сентября купчина прислалъ на берегъ 7 осѣдланныхъ и красиво украшенныхъ лошадей, чтобы доставить на нихъ пословъ.

Банкетъ купчины Науруса.

Купчина Наурусъ въ домѣ, предоставленномъ ему для этой цѣли въ городѣ воеводою, устроилъ и приготовилъ все весьма великолѣпно и пышно. Противъ дома на другомъ домѣ была снята крыша, устроенъ былъ театръ и увѣшанъ свисавшими внизъ пестрыми персидскими одѣялами; онъ же украшенъ былъ двумя воткнутыми флагами. Здѣсь стояли 3 литаврщика и свирѣльщики, которые при прибытіи пословъ, какъ и во время пиршества, играли въ родѣ хора.

Въ домѣ, гдѣ происходило угощеніе, внутри всѣ стѣны были завѣшаны персидскими и турецкими коврами. Купчина передъ дворомъ вышелъ навстрѣчу посламъ, принялъ ихъ весьма любезно и повелъ ихъ вверхъ, черезъ двѣ великолѣпныя комнаты, сверху, внизу и съ боковъ одѣтыя въ великолѣпные ковры,— въ помѣщеніе, обитое золотою парчею. Въ каждомъ помѣщеніи, для нашего удобства,—противъ обыкновенія персовъ, которые всѣ сидятъ и ѣдятъ на землѣ, поставлены были столы и скамейки, покрытыя великолѣпными коврами. Столы были уставлены садовыми плодами и сластями: виноградъ, яблоки, дыни, персики, абрикосы, миндаль, два рода изюму (одинъ изъ нихъ представлялъ небольшія бѣлыя и очень сладкія ягоды безъ косточекъ), лущеные большіе грецкіе орѣхи, фисташки, всевозможные въ сахарѣ и меду вареные индійскіе чуждые фрукты стояли на столѣ, покрытые шелковыми платками.

Сласти и плоды подаются у персовъ до обѣда.

Едва мы только усѣлись, какъ появились духовныя лица: шахскій персидскій и королевскій польскій послы, надѣвъ поверхъ своей духовной одежды кафтаны изъ золотой парчи, подаренные имъ шахомъ персидскимъ; у каждаго на груди висѣло по золотому кресту. Они понимали по-латыни, испански, итальянски и французски, на каковыхъ языкахъ они и вели свои разговоры съ послами. Когда и они сѣли, сласти были открыты, насъ попросили ѣсть и поили очень крѣпкой водкою, медомъ и

пивомъ. Послѣ того, какъ насъ такимъ образомъ 2 часа прогощали, по общему обыкновенію персидскому, сласти были убраны, столъ накрытъ для кушаній и уставленъ различною ѣдою въ серебряныхъ и мѣдныхъ луженыхъ блюдахъ. Всѣ блюда были наполнены вареныма рисомъ различныхъ цвѣтовъ, а на рисъ были положены вареныя и жареныя куры, утки, говядина, баранина и рыба; все это были кушанья, хорошо приготовленныя и вкусныя.

Персы за столомъ не пользуются ножами; они учили насъ, какъ намъ, по ихъ способу, дѣлить мясо руками и кушать. Впрочемъ, куры и другое мясо обыкновенно до подачи на столъ поваромъ раздѣляются на удобные куски. Рисъ, который они ѣдятъ вмѣсто хлѣба, они берутъ большими пальцами, иногда и всей пригоршнею съ блюда, кладутъ на него кусочекъ мяса и все это несутъ ко рту. При каждомъ столѣ стоялъ суфреджи или кравчій, который небольшой серебряной лопаточкою при помощи руки бралъ кушанья изъ большихъ сосудовъ, въ которыхъ они подавались, и перекладывалъ на небольшія блюда; иногда на одномъ блюдѣ на рисѣ оказывались одновременно разложенными четыре или пять разныхъ кушаній. Обыкновенно на двоихъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на троихъ, подается одно подобное блюдо съ кушаньями. Во время обѣда пили очень мало, но тѣмъ болѣе послѣ него. Наконецъ, каждому въ фарфоровой чашкѣ дана была для питья горячая черная жидкость kahawe [кофе]... Персы по отношенію ко всѣмъ намъ выказали любезность и услужливость, такъ что мы ихъ обходительность и доброе расположеніе къ нѣмецкой націи усмотрѣли не только въ ихъ словахъ, но и въ ихъ дѣлахъ.

Черная жидкость kahawe.

При прощаніи, которое совершено было весьма дружелюбно и почтительно всѣми сторонами: какъ монахами, такъ и персами, весело зазвучали со своеобразнымъ тактомъ и мелодіею литавры и свирѣли. Двое знатнѣйшихъ персовъ провожали пословъ до городскихъ воротъ и простились съ ними, принеся имъ благодарность за то, что они, послы, охотно и послушно явились; при этомъ сами они свидѣтельствовали готовность еще болѣе послужить намъ. Когда послы снова сѣли въ шлюпку, такъ же, какъ и при выходѣ изъ нея, даны были нѣсколько выстрѣловъ изъ орудія для каменныхъ ядеръ. Такимъ образомъ этотъ день былъ посвященъ тому, что мы завязали добрую дружбу съ иностранными націями.

27-го с. м. послы съ немногими изъ насъ выѣхали за милю отъ Астрахани, чтобы осмотрѣть жилища татаръ. По дорогѣ, въ

разныхъ мѣстахъ, мы видѣли, какъ бѣгали въ кругѣ привязанные къ столбу волы и лошади, которые должны были выбивать и молотить просо. Около всѣхъ ихъ хижинъ мы видѣли поставленныхъ здѣсь соколовъ или орловъ, которыми они пользуются для охоты. На возвратномъ пути мы встрѣтили одного изъ ихъ князей; онъ ѣхалъ въ овчинной шубѣ, мѣхомъ наружу, съ соколомъ; онъ сожалѣлъ, что не находился у своей орды и не могъ угостить пословъ.

Въ этотъ день великокняжескій посланникъ Алексѣй Савиновичъ направился впередъ въ Персію черезъ Каспійское море.

Другой банкетъ персидскихъ купцовъ.

28-го сентября другой знатный купецъ Науредди[нъ] Мухаммедъ устроилъ въ честь нашихъ пословъ банкетъ, прошедшій столь же великолѣпно и съ тѣми же церемоніями, какъ устроенный у Науруса. Театръ для литаврщиковъ и свирѣльщиковъ на дворѣ противъ стола былъ устроенъ почти великолѣпнѣе предыдущаго. Къ участію въ бесѣдѣ съ нами были приглашены и монахи. Точно также находились здѣсь нѣсколько восточныхъ индійцевъ и двое русскихъ, отряженныхъ воеводою и знавшихъ персидскій языкъ. Это было сдѣлано, чтобы онъ узналъ, о чемъ будутъ наши рѣчи. Поэтому, когда посолъ Б[рюггеманъ] началъ говорить рѣчи, мѣтившія весьма далеко и направленныя противъ турка, врага персовъ, но не врага русскихъ, а персамъ эти рѣчи показались опасными и досадными, то они попросили его оставить эту матерію и просто повеселиться съ ними: «изъ этой устроенной ими бесѣды—[говорили они] — и скуднаго угощенія слѣдовало заключить не о чемъ-либо иномъ, какъ о любви ихъ къ намъ, которую они обязаны испытывать по отношенію ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыхъ высокіе монархи въ дружбѣ посылаютъ къ ихъ шаху. Все, что дѣлается здѣсь, является лишь малымъ намекомъ на привѣтъ въ собственной ихъ странѣ». Вскорѣ послѣ этого монахи, по приказанію воеводы, должны были уйти съ пиршества.

29-го с. м. нагайскій мурза, встрѣтившійся намъ третьяго дня, явился, чтобы посмотрѣть корабль. Онъ принесъ нѣсколько дикихъ гусей, которыхъ онъ поймалъ помощью сокола, и пригласилъ пословъ на упомянутую выше, но воеводою запрещенную охоту съ соколами. [Стр. 405].

Русскія сласти посылаются посламъ.

30-го сентября воевода велѣлъ подарить посламъ нѣсколько русскихъ сластей: это были большіе толстые пряники, а также сухое варенье изъ смородины и другихъ ягодъ, спрессованное частью въ формѣ большого богемскаго сыра, частью въ видѣ широкихъ

свернутыхъ кусковъ, похожихъ на фунтовую или подошвенную кожу у насъ. Подобнаго рода свертки присылались намъ и въ Москвѣ великимъ княземъ и другими господами; они кисловатаго довольно пріятнаго вкуса и употребляются у нихъ больше въ кушаньяхъ.

Октябрь. 1-го октября я, въ сопровожденіи двухъ лицъ свиты, былъ отправленъ къ воеводѣ въ канцелярію, чтобы справить нѣкоторыя дѣла. Здѣсь меня, правда, любезно приняли и попросили посидѣть съ княземъ Мусаломъ, который также находился здѣсь, но на просьбу мою я не могъ получить отвѣта раньше, какъ выслушавъ сначала жалобу бывшаго нашего пристава Родіона на посла Бр[югге]мана и выговоръ по этому поводу: «посолъ на Волгѣ часто относился къ нему весьма нехорошо, зачастую называлъ его «бл. д.. ымъ сыномъ», «собакою» и другими подобными титулами, и вообще часто ругалъ, а вѣдь между тѣмъ Родіонъ— царскій посланецъ и данъ намъ въ дорогу для почета; если бы посланецъ былъ виновенъ въ чемъ, то слѣдовало не самимъ въ этомъ родѣ мстить за себя, но пожаловаться на него начальству, поставленному его царскимъ величествомъ вездѣ, особенно же въ Астрахани; начальство бы наложило полагающіяся и достаточныя для пословъ наказанія; по его, воеводы, мнѣнію, и его милости князю голштинскому столь же мало, какъ и его царскому величеству, понравилось бы, если бы онъ узналъ, что такъ въ его землѣ обошлись съ его служащимъ; по долгу службы, онъ, воевода, долженъ былъ сказать все это намъ». Лишь послѣ этого онъ далъ намъ желанный отвѣтъ на нашу просьбу.

LXXVII.

(Книга IV, глава 12).

О поѣздкѣ изъ Астрахани до города Терки.

За эти дни мы доставили на судно пиво и хлѣбъ, здѣсь сваренные и испеченные нашими людьми, а также и другую провизію. Мы купили у татаръ 20 очень большихъ жирныхъ быковъ отъ 8 до 14 талеровъ за штуку. Пріобрѣли мы еще нѣсколько бочекъ соленой рыбы, въ томъ числѣ 200 судаковъ, почти всѣ съ локоть длиною, за 3 гривны или 15 грошей, и приготовились ѣхать въ Каспійское море. Такъ какъ море это намъ было неизвѣстно и мы узнали, что при входѣ въ него имѣется очень мелкое мѣсто, простирающееся на нѣсколько миль,

то мы наряду съ русскимъ лоцманомъ взяли еще нагайскихъ татаръ съ баржею, чтобы въ мелкихъ мѣстахъ облегчать нашъ корабль и легче перетаскивать его. 10-го октября мы выѣхали изъ Астрахани и около полудня въ 12 часовъ, при прекрасной тихой погодѣ, отправились въ путь. Курсъ нашъ отсюда по морю былъ большею частью къ Ю и ЮЗ. Едва мы однако проѣхали съ милю, какъ поднялся вѣтеръ, который сильно дулъ намъ навстрѣчу, такъ что намъ пришлось по правую сторону у самаго берега бросить якорь. По той же самой причинѣ мы здѣсь простояли и слѣдующій день. *Отплытіе отъ Астрахани.*

Тѣмъ временемъ явился въ гости высокій ростомъ и видный нагайскій мурза, бывшій начальникомъ нѣсколькихъ ордъ, находящихся въ этомъ мѣстѣ, и доставилъ намъ въ подарокъ овцу и боченокъ молока.

Въ этомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ на Волгѣ за Астраханью, мы видѣли травы необыкновенной величины: «Erula» или «волчье молоко» («Wolfsmilch»), высотою въ ростъ человѣка и выше, «Angelica» у стебля съ руку толщиною. Невѣрно то, что разсказывалъ въ Голштиніи человѣкъ, встрѣченный нами въ Астрахани и уѣхавшій до насъ оттуда, будто «Angelica» тамъ имѣется съ человѣка толщиною. Впрочемъ, вѣдь, и онъ доѣхалъ до мѣстъ, гдѣ могъ ее видѣть. *Травы необыкновенной величины.*

12-го с. м., когда буря нѣсколько поулеглась, мы потащили якорями судно подальше, но за весь день не могли сдѣлать болѣе одной мили. Подобнымъ же образомъ шло наше плаваніе 13-го с. м. и мы стали якоремъ у лежащей съ лѣвой стороны круглой сухой горы, верстахъ въ 15-и отъ Астрахани.

Эта гора называется у русскихъ Темной, мы же, изъ-за многихъ змѣй, назвали ее Змѣиной горою. Здѣсь мы нашли много каперсовыхъ тростниковъ и разные виды Sempervivа [живучки молодило]. Съ вершины горы можно было озирать, на цѣлую милю, всю окрестность, которая далеко кругомъ совершенно ровна. Къ вечеру насъ встрѣтила лодка со стрѣльцами, которая доставила русскаго посланника Алексѣя въ Терки; съ лодки намъ сообщили, что дорога безопасна и что стрѣльцы за сутки добрались [до мѣста назначенія], при попутномъ вѣтрѣ. *«Темная гора».*

14-го с. м. мы получили попутный вѣтеръ, а именно съ ССВ; онъ насъ опять подвинулъ впередъ на хорошую часть пути. Къ полудню мы дошли до часовни Иванчугъ, въ 30-и верстахъ отъ Астрахани. За нею находится главное мѣсто рыбной ловли, которое они зовутъ учу[гомъ]; оно принадлежитъ Троицкому монастырю въ Астрахани. Здѣсь Волга дѣлится на много потоковъ *Учу[гъ], мѣсто для рыбной ловли.*

и образуетъ различные острова, которые всѣ, равно какъ и побережье Каспійскаго моря направо вплоть до рѣки Койсу, поросли длиннымъ тростникомъ и низкимъ кустарникомъ. Въ числѣ ихъ находится и [островъ], именуемый у нихъ Перулъ; онъ лежитъ въ 15-и верст. за учугомъ. На немъ стоялъ высокій деревянный домъ, надъ которымъ на длинномъ колу была поставлена овечья голова. Намъ сообщили, что здѣсь погребенъ татарскій святой, у гроба котораго татары, какъ и нѣкоторые персы, когда они собираются ѣхать черезъ море или же счастливо перебрались черезъ него, заколаютъ овцу, принося часть ея въ жертву, а остатокъ съѣдая въ качествѣ жертвенной трапезы; при этомъ съ особыми церемоніями совершаютъ они свою молитву. Голова овцы остается поставленною на колу до тѣхъ поръ, пока не совершится новая жертва, или пока голова сама не свалится. Это мѣсто у русскихъ называется «татарскимъ мольбищемъ».

Островъ Перулъ.

«Татарское мольбище».

За этимъ островомъ налѣво въ сторону суши тянется длинный плоскій холмъ, на которомъ мы видѣли очень много татарскихъ хижинъ.

Къ вечеру мы пришли къ другому мѣсту рыбной ловли, до котораго считается 15 верстъ отъ моря; здѣсь Волга, въ защиту отъ нападеній гуляющихъ по морю казаковъ, заграждена частоколомъ и охраняется ста стрѣльцами. За этимъ частоколомъ мы устроили свою ночевку въ проливѣ между двухъ островов. Мы видѣли вокругъ этихъ мѣстъ очень много тюленей, а также колпицъ-лопатней, у которыхъ клювъ спереди точно сплющенная ложка, далѣе много зобатыхъ гусей, которыхъ русскіе зовутъ «бабами», персы «кутанами», негры въ Гвинеѣ «бумбу», Плиній, Альбертъ и Альдровандъ—Onocrotalus (такъ какъ иногда, опуская клювъ въ воду, они кричатъ по ослиному); зовутъ ихъ и пеликанами. Чтобъ, однако, это были такіе пеликаны, какихъ изображаютъ художники и о которыхъ говорили древніе или какихъ еще и теперь при сравненіяхъ съ пролитіемъ крови Христа упоминаютъ нѣкоторыя духовныя лица, — этого я на здѣшнихъ не замѣчалъ. Впрочемъ, и Альдровандъ полагаетъ, что тѣхъ пеликановъ, [о которыхъ существуютъ сказанія], вовсе и не имѣется въ мірѣ.

Три года тому назадъ подобный зобатый гусь за деньги показывался въ Голландіи, гдѣ его выдавали за настоящаго пеликана. Однако, птица эта во многихъ отношеніяхъ похожа на обыкновеннаго гуся, особенно своими ступнями, короткими ногами, шеею и перьями. По величинѣ она, однако, превосходитъ

лебедя; ея красный клювъ длиною почти въ $^{3}/_{4}$ локтя и шириною въ 2 пальца; спереди онъ изогнутъ книзу крючкомъ. Внизу на клювѣ и на горлѣ виситъ большой кошель изъ тонкой сморщенной кожи, который до того растягивается, что можно ступить въ него ногою въ сапогѣ или же влить въ него 5 кувшиновъ воды. Въ этомъ кошелѣ эта птица собираетъ рыбу; у нея также очень широкое горло. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители приручаютъ этихъ птицъ, такъ что онѣ входятъ въ дома и выходятъ изъ нихъ; ими пользуются и для рыбной ловли, завязывая имъ въ такомъ случаѣ ленту на шею, чтобы онѣ не глотали рыбъ, но приносили ихъ домой въ кошелѣ. Персы пользуются подобными кошелями для ручныхъ литавръ или обтягиваютъ ими въ Гилянѣ свои скрипки. Когда подобный кошель растянутъ, онъ становится прозрачнымъ, подобно бычачьему пузырю. Очень странную исторію, по словамъ Альдрованда, разсказываетъ Францискъ Санкцій: будто однажды подобная птица, когда онъ былъ на охотѣ, по тяжести своей не могла убѣжать и была поймана, и въ ней нашли проглоченнаго ею младенца-негритенка. Эти птицы, какъ говорятъ, встрѣчаются часто на морскомъ побережьѣ Африки, въ особенности въ Гвинеѣ; здѣсь жители употребляютъ ихъ въ пищу. Посолъ Крузіусъ однажды подстрѣ-

лилъ одну изъ нихъ на каспійскомъ побережьѣ; когда крылья были расправлены, концы ихъ оказались другъ отъ друга на разстояніи почти пяти локтей; отъ шеи до ногъ растянутый пеликанъ былъ длиною съ мужчину; голову его я взялъ съ собою и подарилъ въ готторпскую кунсткамеру. Кто желаетъ имѣть больше свѣдѣній объ этой птицѣ, тотъ пусть прочитаетъ въ недавно вышедшей въ Римѣ книгѣ индійскаго медика Франциска Эрнандеца «Historia plantarum, animalium et mineralium Mexicanorum», стр. 672 и слѣд. Здѣсь сказано, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Мексикѣ, у этой птицы, какъ говорятъ, клювъ усаженъ зубами. Тутъ же говорится, что пеликанъ водится во многихъ частяхъ міра, и поэтому можетъ быть названъ космополитомъ. Тамъ же помѣщено очень подробное разсужденіе, дѣйствительно ли, какъ полагаетъ Альдровандъ, подъ описываемою у Аристотеля въ «Исторіяхъ о животныхъ», кн. IX, птицею Πελεκάν понимается и подразумѣвается этотъ зобатый гусь; авторъ въ этомъ дѣлѣ полемизируетъ съ Альдровандомъ.

Per comm. Fabii et Fadri.

Наряду съ этой птицею мы видѣли и другую, намъ неизвѣстную породу птицъ, довольно схожую съ утками, но нѣсколько больше, съ длинными шеями и круглыми крѣпкими клювами, также съ крючкомъ спереди; ихъ перья вездѣ черны, какъ у ворона. Перья, вытащенныя нами изъ крыльевъ, были столь же тверды, какъ вороньи, но больше вороньихъ: они были намъ очень удобны для черченія и рисованія. Русскіе зовутъ эту птицу «бакланъ»; говорятъ, она вылетаетъ больше ночью и летитъ на воду. Кажется, что это чуть ли не та птица, которую Альдровандъ въ своей «Ornithologia», кн. XIX, стр. 58, называетъ «avis Diomedea». Многія качества обѣихъ птицъ совпадаютъ, съ той лишь разницею, что «бакланъ» черенъ, какъ смоль, а птица Альдрованда сѣраго или пепельнаго цвѣта.

Прибытіе ко входу въ Каспійское море.

15-го октября мы прибыли къ устью или входу въ Каспійское море; оно расположено въ 12-и миляхъ отъ Астрахани. Здѣсь тамъ и сямъ видны были многія небольшія, поросшія тростникомъ возвышенія и острова; протекая вокругъ нихъ, Волга направляется въ море; поэтому нѣкоторые и полагаютъ, что Волга впадаетъ въ море столь многими раздѣленными потоками. Цѣлыхъ 6 миль тянется исключительно вязкій тинистый грунтъ, на которомъ воды повсюду было не болѣе 4-хъ или 5-ти, или въ крайнемъ случаѣ $5^1/_2$ футъ. Поэтому мы зачастую усаживались на дно и застревали въ тинѣ, такъ что въ

Очень малая глубина при входѣ.

въ 7 дней, пока вѣтеръ дулъ къ морю, мы, послѣ очень хлопотливаго перетягиванія корабля то туда, то сюда, успѣли пройти не болѣе 4-хъ миль.

Наиболѣе трудными днями для насъ были 18-е и 19-е октября. 18-го мы налетѣли на мель въ 5 футъ. Послѣ того какъ мы, черезъ 5 часовъ крайне усиленной работы, перебрались черезъ нее и получили 6 футъ подъ собою, мы замѣтили, что попали лишь въ яму, вокругъ которой повсюду было еле 4 или $4^1/_2$ футъ. Поэтому съ такимъ же трудомъ намъ пришлось тащить судно обратно на прежнее мѣсто. Когда ночью вѣтеръ перешелъ на СЗ, вода замѣтно спала, такъ что мы сохранили лишь 3 фута, и корабль глубоко усѣлся въ илъ. Хотя мы съ помощью татарской баржи и нашей шлюпки и освободили корабль отъ тяжелаго груза и якорей, а люди наши цѣлый день, безъ ѣды и питья, несли лошадиную работу, тѣмъ не менѣе успѣха не было, и намъ пришлось терпѣливо ждать счастья и хорошаго вѣтра, чтобы, поднявшись съ моря, онъ нагналъ воды. Нѣкоторые изъ насъ, вслѣдствіе этого, не мало испугались, подумавъ, что казаки могутъ насъ здѣсь продержать какъ бы плѣнниками. Къ тому же еще опустился густой туманъ, и мы едва могли видѣть что-либо на разстояніи длины корабля. Когда при этой пасмурной погодѣ намъ повстрѣчалась русская баржа, шедшая съ моря, и неизвѣстно было, что за народъ въ ней, то, по приказанію посла Брюг[ге]мана, надъ нею данъ былъ выстрѣлъ изъ пушки. Русскіе были крайне недовольны, начали насъ всячески бранить, говоря, что вода принадлежитъ его царскому величеству, и для нихъ столь же свободный проѣздъ по ней, какъ и для насъ; если же у насъ такая охота пострѣлять, то пусть бы взялись за казаковъ, которые ждутъ насъ въ морѣ. Послѣ того мы еще два раза встрѣчали русскія баржи; когда мы ихъ любезно окликнули, то онѣ прислали посламъ въ подарокъ прекрасные черкасскіе плоды, какъ-то: очень большія груши, грецкіе орѣхи и мушмула.

21-го октября, при тихой погодѣ, къ вечеру, вода начала прибывать, достигла высоты въ 5 футъ, и намъ стало нѣсколько легче стаскиваться съ мѣста и передвигаться дальше въ море. 22-го съ моря подула сильная буря, особенно съ ЮЮВ, такъ что вода поднялась еще на 9 пядей. Такъ какъ эта буря продолжалась цѣлыхъ 5 дней, то мы все это время принуждены были простоять тихо на одномъ мѣстѣ.

23-го с. м. я при восходѣ засталъ солнце на ясномъ небѣ, причемъ оказалось, что, судя по компасу, оно взошло на 22° *Магнитное склоненіе*

у входа въ Каспійское море 22°.

болѣе къ югу, чѣмъ слѣдовало ожидать. Отсюда можно заключить, что склоненіе магнитное въ данномъ мѣстѣ составляетъ 22° отъ сѣвера къ западу.

27-го с. м. вѣтеръ нѣсколько улегся, мы снова помѣстили грузъ на корабль, разсчитали татарскую баржу и пошли на парусахъ. Однако, пройдя не болѣе мили, вновь застряли на грунтѣ; поэтому мы тотчасъ отправили нашу шлюпку назадъ, чтобы звать татаръ обратно. Когда 28-го рано утромъ корабль опять оправился и мы замѣтили, что съ Волги за нами идутъ 13 парусовъ, то мы, полагая, что это, вѣроятно, персидскій и татарскій караваны, оставили татаръ и стали поджидать приближающіяся суда. Оказалось, что это князь Мусалъ, два персидскихъ купца и 500 стрѣльцовъ съ полковникомъ на нѣсколькихъ лодкахъ, посланные царемъ для занятія гарнизономъ города Терки. Когда мы увидѣли, что нашъ русскій лоцманъ не знаетъ ни пути, ни плаванія, а между тѣмъ мы не могли найти нашего пути и по обычнымъ сухопутнымъ и морскимъ картамъ (онѣ, какъ видно изъ нашей прилежно намѣченной и приложенной въ концѣ книги карты, совершенно невѣрны), то мы и старались найти среди русскихъ хорошаго путеводителя. Поэтому вечеромъ, когда корабли стали, мы пошли привѣтствовать стрѣлецкаго полковника и пригласили его къ намъ на судно. Этотъ послѣдній, послѣ хорошаго пріема и угощенія разными цѣнными напитками, лестными словами и съ трогательнымъ выраженіемъ лица началъ выхвалять свое доброе сердце и любовь къ намъ, говоря, между прочимъ, что «у него сердце плакало и онъ не могъ заснуть, пока не увидѣлъ насъ опять здоровыми; о нашемъ благополучіи онъ долженъ немедленно сообщить воеводѣ въ Астрахань». Онъ радовался, что оказался случай услужить намъ, и сказалъ, что всѣ его люди въ полномъ нашемъ распоряженіи; онъ обѣщалъ сейчасъ же прислать съ своего судна самаго лучшаго лоцмана и сдѣлалъ еще много услужливыхъ обѣщаній, которыя насъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, не мало обрадовали. Однако, какъ только онъ попалъ на свое судно, онъ сейчасъ же поднялъ паруса и уѣхалъ, можетъ быть — потому, что мы сейчасъ же не пошли къ нему навстрѣчу съ «посуломъ» или подаркомъ, къ чему всѣ русскіе привыкли, и не наполнили ему рукъ.

Обычная карта Каспійскаго моря невѣрна.

Этотъ солдатъ былъ такъ одаренъ безстыдствомъ, что въ Теркахъ потомъ съ другими знатными господами безъ стѣсненія опять поднялся на судно, чтобы посѣтить пословъ. Когда ему

напомнили объ этой продѣлкѣ, онъ отвѣтилъ только: «Я виноватъ».

Вѣрность перса.

Когда мы такимъ образомъ были обмануты, мы послали на чужое персидское судно съ просьбою о совѣтѣ и помощи. Персъ, патронъ судна и въ то же время хозяинъ груза его, самъ взялся быть нашимъ лоцманомъ. Онъ передалъ своимъ слугамъ свое судно и грузы и направился къ намъ — чего бы мы не легко предположили даже и о христіанинѣ. Персъ этотъ хорошо зналъ море, понималъ компасъ, хотя большинство персовъ плаваютъ не по нему, направляютъ и устраиваютъ свое плаваніе или лишь по берегу суши, отъ которой они не отдаляются далѣе 3—4 миль, или по Полярной Звѣздѣ. Когда онъ этой ночью около 11-ти часовъ пришелъ на судно и увидѣлъ, что погода хорошая и сіяетъ луна, онъ велѣлъ поднять якорь, направилъ курсъ къ югу, и при слабомъ восточномъ вѣтрѣ мы легко пустились въ путь. Именно въ этотъ же самый день мы за годъ до этого въ Балтійскомъ морѣ также стали подъ паруса у Травемюнде и притомъ съ тою же удачею. Въ теченіе всей этой ночи воды было не болѣе 10-ти футъ, но потомъ глубина стала увеличиваться, дошла до 3-хъ саженъ и немного болѣе. По правую сторону поднимается въ 4-хъ холмахъ суша, которую они называютъ здѣсь Сухатеръ, откидывая въ море длинный мысъ или уголъ. Конецъ этого мыса считается въ 100 верст. отъ Астрахани и 200-хъ отъ города Терки, но версты эти невелики.

Годовщина дня, когда мы въ Балтійскомъ морѣ стали подъ паруса.

Сухатеръ.

29-го с. м. мы при пріятномъ солнечномъ свѣтѣ шли съ вѣтромъ съ ЮВ и въ полдень поставили паруса къ югу, послѣ полудня къ ЮЗ; постоянно мы имѣли $3^1/_2$ сажени воды на грунтѣ, смѣшанномъ изъ раковинъ и грубаго песку. Въ этотъ день мы, вслѣдствіе залива, слѣдовавшаго за мысомъ, не видѣли суши, а вечеромъ около 8-ми часовъ стали якоремъ при вышеуказанной глубинѣ. Здѣсь магнитная стрѣлка отклонялась отъ С къ З на 20°.

Магнитное склоненіе 20°.

30-го октября мы при началѣ утренней зари снова стали подъ паруса. Послѣ восхода солнца мы увидѣли сушу Черкасіи, которая изгибомъ въ родѣ полумѣсяца протягивается съ ЮЗ къ СВ вдоль моря, образуя довольно большой заливъ. Мы направили нашъ курсъ на мысъ, но такъ какъ вѣтеръ перешелъ на ЮВ и началъ гнать насъ въ заливъ, то мы около полудня бросили якорь при глубинѣ въ $3^1/_2$ сажени на глинистомъ грунтѣ. Этотъ мысъ считается въ 6-ти миляхъ отъ Терокъ. Въ заливѣ мы увидѣли 20 лодокъ, подумали, что это

казаки, и выстрѣлили изъ пушки мимо нихъ. Однако, это были рыбаки изъ черкасскихъ татаръ въ Теркахъ. Они доставили на корабль нѣсколько бѣлугъ, по 15-ти копѣекъ за штуку. Брюха рыбъ были полны раковъ, изъ которыхъ нѣкоторые еще были живы.

Благодарственное празднество. [*Стр. 69*].

Въ этотъ день мы торжественно справили благодарственное празднество, такъ какъ въ этотъ самый день, годъ тому назадъ, многомилостивый Господь Богъ насъ столь милосердно спасъ отъ эландскихъ скалъ. Тѣмъ временемъ нашъ персидскій лоцманъ на лодкѣ поѣхалъ къ своему судну, стоявшему на якорѣ почти въ полумилѣ за нашимъ, съ той цѣлью, чтобы передать дальнѣйшія приказанія своимъ людямъ. Мы думали, что онъ сдержитъ слово въ родѣ русскаго полковника, но онъ на слѣдующее утро заблаговременно явился вновь на корабль, а своему судну велѣлъ ѣхать передъ нашимъ.

Въ послѣднее число октября насъ рано окуталъ густой туманъ при совершенно тихой погодѣ. Когда къ полудню воздухъ прояснился и вѣтеръ, хотя и слабо, подулъ съ сѣвера, мы, съ помощью лавированія и гребли, выбрались изъ залива и стали на якорѣ противъ мыса или выдающейся части суши.

Прибытіе къ городу Терки.

Послѣ полуночи мы опять подняли паруса и съ хорошимъ вѣтромъ 1-го ноября рано утромъ пришли къ городу Терки, гдѣ бросили якорь въ двухъ ружейныхъ выстрѣлахъ отъ берега, у котораго вода очень мелка.

Въ теченіе этой ночи нѣсколько сотъ казаковъ на лодкахъ подстерегали насъ, но упустили и наткнулись на Мусала и стрѣльцовъ. Когда они, однако, изъ многихъ криковъ и возгласовъ стрѣльцовъ поняли, что встрѣтятъ достаточное сопротивленіе, то они отошли, говоря, что желаютъ поискать нѣмцевъ. Когда къ утру въ городѣ распространился слухъ о нѣсколькихъ выѣхавшихъ впередъ казакахъ, то произошла большая сумятица. Здѣсь думали, что Мусалъ, ихъ князь, все еще въ бою съ казаками; въ этомъ мнѣніи ихъ еще болѣе подкрѣпляло непривычный для нихъ нашъ салютъ изъ орудій. Мы даже стали для нихъ изъ-за этого подозрительны. Поэтому руские и татары съ ружьями, на лошадяхъ, пѣшкомъ и въ лодкахъ, столпились на берегу. Когда они, однако, увидѣли, что князь Мусалъ со стрѣльцами весело плывутъ за нами, и что самъ онъ, проѣзжая мимо нашего корабля, обнаживъ голову, любезно киваетъ намъ и проситъ, чтобы мы посѣтили его въ домѣ его матери, то они поняли, что мы — друзья. Вслѣдствіе этого среди нихъ начались сильное веселье и ликованіе.

LXXVIII.

(Книга IV, глава 13).

О городѣ Терки и о томъ, что съ нами тамъ случилось.

Городъ Терки въ Черкасіи.

Городъ Терки лежитъ въ доброй полумилѣ отъ берега на небольшой очень искривленной рѣчкѣ Тименкѣ, которая отведена сюда отъ большой рѣки Быстрой, о которой будетъ сказано ниже. Такъ какъ берегъ здѣсь на 1/4 мили протяженія низокъ, болотистъ и поросъ тростникомъ, съ моря нельзя иначе попасть въ городъ, какъ по рѣчкѣ. Насколько глазу замѣтно кругомъ, мѣстность тутъ ровная и не видно ни холма, что противорѣчитъ картѣ Николая Іоганна Пискатора (въ остальныхъ отношеніяхъ наиболѣе правильной для этой мѣстности): Пискаторъ ставитъ Терки на горахъ, смѣшивая, вѣроятно, черкасскіе Терки съ дагестанскимъ Тарку. Высота полюса здѣсь 43° 23′. Водою изъ Астрахани сюда считается 60 миль, а сушею 70 миль. Это самый крайній городъ московитскаго царя; онъ занимаетъ въ длину 2.000, въ ширину же 800 футъ, окруженъ деревянными стѣнами и башнями и хорошо вооруженъ многими малыми и большими металлическими орудіями. На площади передъ дворомъ воеводы среди другихъ большихъ длинныхъ орудій мы замѣтили и два полукартаульныхъ.

Высота полюса 43° 23′.

Въ настоящее время великій князь инженеру Корнилію Клаус(ен)у, ѣхавшему съ нами въ качествѣ шкипера въ Персію, велѣлъ укрѣпить городъ по современному способу, насыпанными здѣсь валами и крѣпостными сооруженіями. Ежедневный гарнизонъ этого города состоитъ изъ 2.000 человѣкъ, которые находятся подъ наблюденіемъ и управленіемъ воеводы и полковника. Въ городѣ находятся три приказа или канцеляріи, и каждой изъ нихъ подчинены 500 стрѣльцовъ. Князь Мусалъ имѣетъ въ своемъ придворномъ штатѣ еще 500 человѣкъ, которые въ случаѣ необходимости должны дѣйствовать заодно съ остальными. Черкаскіе татары живутъ по сю сторону рѣчки въ особомъ городѣ. Подробнѣе о ихъ жизни, дѣятельности и странныхъ религіозныхъ обычаяхъ будетъ сказано ниже, при описаніи возвратнагѡ путешествія, когда мы спокойно оставались у нихъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и вполнѣ изучили ихъ природу.

На другой день по прибытіи нашемъ къ городу персидскій купчина и другіе купцы опять прислали посламъ разныхъ плодовъ и велѣли спросить: «намѣрены ли они ѣхать дальше сушею или моремъ? Теперь весьма удобное время для сухопутной поѣздки, такъ какъ русскій посолъ, ожидаемый черезъ 3 дня въ Теркахъ на возвратномъ его пути изъ Персіи, доставитъ съ собою до самой границы 200 верблюдовъ и столько же муловъ; съ ними мы могли бы желаннымъ образомъ двинуться въ

путь и въ безопасности пройти черезъ область дагестанскихъ татаръ, которые являются архиразбойниками вмѣстѣ со своимъ шемхаломъ или верховнымъ главою; они, купцы, пошли бы вмѣстѣ съ нами». По этому поводу наши послы тотчасъ же попросили у воеводы пропуска черезъ сушу, и одновременно послали нашего персидскаго переводчика, Рустама, для полученія вѣрныхъ свѣдѣній, къ дагестанской границѣ, лежащей въ 6-ти миляхъ за Терками. Однако, персы съ ихъ животными уже успѣли вернуться. Воевода сначала наотрѣзъ отказалъ въ нашей просьбѣ, но потомъ, когда онъ узналъ, что персидскія средства передвиженія уже не имѣются на мѣстѣ, онъ велѣлъ сказать че-

резъ полковника: «онъ намѣренъ не только разрѣшить намъ путешествіе по сушѣ, хотя онъ и не имѣетъ на то царскаго приказанія, но и способствовать этому путешествію возможно сильнѣе и вообще и во всемъ другомъ выказать намъ свою дружбу». Однако, толку въ этомъ было мало.

Мятежъ боцмановъ на кораблѣ.

Въ эту ночь на кораблѣ поднялся большой споръ и мятежъ среди боцмановъ, возмутившихся противъ шкипера Михаила Кордеса. Нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось заковать въ желѣзо.

Судъ и исполненіе приговора надъ преступниками.

На слѣдующій день по этому дѣлу открыто производился судъ. Была выслушана жалоба означеннаго шкипера, допрошены были также и обвиняемые, произведено было строгое разслѣдованіе, и парусникъ Тисъ Мансонъ, въ качествѣ зачинщика, былъ присужденъ къ тюрьмѣ, въ которой онъ долженъ былъ оставаться въ Теркахъ до нашего возвращенія. Воевода, по просьбѣ пословъ, прислалъ полковника, который былъ одѣтъ въ панцырь, подъ кафтаномъ, и въ желѣзныя рукавицы; съ нимъ былъ какой-то князь въ красномъ бархатномъ кафтанѣ. Они увели арестованнаго боцмана.

4-го ноября мать Мусала черезъ посланныхъ благодарила пословъ за дружбу, оказанную во время путешествія ея сыну, и просила, чтобы послы до своего отъѣзда зашли къ ней и получили отъ нея благословеніе на дорогу.

Персидскій гонецъ-кастратъ посѣщаетъ пословъ.

Послѣ обѣда явился знатный персъ съ нѣсколькими слугами изъ города, чтобы привѣтствовать пословъ. Это былъ кастратъ; его прислалъ шахъ персидскій, чтобы увезти сестру татарскаго князя Мусала къ шаху для брака. Онъ обѣщалъ оказать всяческую службу посламъ. Онъ, вмѣстѣ со своей свитою, такъ охотно пробовалъ наши напитки, что всѣ они не знали, какъ ушли съ судна, и одного изъ слугъ, какъ мертвое животное, въ безчувственномъ состояніи пришлось съ корабля спустить въ лодку.

Привѣтствуются воевода, канцлеры и татарская княгиня.

5-го с. м. я съ фонъ-Мандельсло и другими нашими знатнѣйшими служащими былъ отправленъ, чтобы подарить воеводѣ большой бакалъ, а обер- и унтер-канцлеру каждому по перстню съ рубиномъ; кромѣ того мы должны были привѣтствовать князя Мусала вмѣстѣ съ его княгинею-матерью и пожелать всякаго благополучія по случаю счастливаго возвращенія ея сына. Насъ вездѣ хорошо приняли и великолѣпно угостили фруктами, водкой, пивомъ, медомъ и виномъ. Здѣшній воевода проявилъ такое же великолѣпіе и пышность, какъ нижегородскій. Среди другихъ разговоровъ онъ упомянулъ и о природѣ и свойствахъ персовъ, которые «произносятъ очень лю-

безныя и льстивыя рѣчи, но не заслуживаютъ даже наполовину вѣры въ свои слова, такъ какъ дѣла соотвѣтствуютъ ихъ поступкамъ едва наполовину».

Князь Мусалъ принялъ насъ любезно передъ своимъ дворомъ и провелъ насъ къ матери своей въ большой выстроенный изъ глины залъ, 4 стѣны котораго были полны сводчатыхъ нишъ, гдѣ частью стояли красиво убранныя и уложенныя шелковыми и бумажными одѣялами кровати, частью же лежали разные вытканные и шитые пестрымъ шелкомъ и золотомъ платки. По сторонамъ стояли нѣсколько ящиковъ, которые были наполнены подобными же вещами и застланы коврами. Вверху у стѣнъ подъ потолкомъ висѣли два ряда пестро раскрашенныхъ деревянныхъ и глиняныхъ сосудовъ. Колонны внутри дома были обвѣшаны многими красивыми саблями, луками и стрѣлами. Старая княгиня, высокая осанистая матрона лѣтъ 45—50, по имени Бикэ, сидѣла на стулѣ въ длинномъ черномъ, подбитомъ соболями кафтанѣ или спальномъ халатѣ. Сзади на головѣ у нея былъ прикрѣпленъ надутый бычачій пузырь, который, подобно головѣ, былъ обвитъ флёромъ, шитымъ шелкомъ и золотомъ; вокругъ шеи былъ надѣтъ пестрый шелковый платокъ, концы котораго свисали внизъ и были распущены на плечахъ. За ея стуломъ стояла прислужница, съ такимъ же пузыремъ на головѣ. Говорятъ, это — признакъ вдовства. По правую сторону ея помѣщались 3 ея сына; изъ нихъ 2 младшихъ были въ простыхъ крестьянскихъ одеждахъ и въ накинутыхъ войлочныхъ плащахъ; за ними стояли нѣсколько слугъ, которые изъ-за недавняго убійства старшаго сына надрѣзали себѣ лбы. По лѣвую сторону помѣщался длинный рядъ старыхъ татаръ, представлявшихъ собою придворныхъ офицеровъ и совѣтниковъ. Послѣ того, какъ княгиня Бикэ любезно отвѣтила намъ на наше привѣтствіе, она велѣла поставить рядомъ съ собою нѣсколько стульевъ и намъ присѣсть на нихъ. Также точно передъ нами былъ поставленъ небольшой столъ, который былъ уставленъ всякими фруктами, медомъ и водкою. Несмотря на нашу просьбу, сыновья не желали садиться при насъ, указывая на то, что у нихъ не принято, чтобы во время бесѣдъ или при чужихъ гостяхъ они могли сѣсть въ присутствіи своей матери; напротивъ, они должны изъ почтенія къ ней все время стоять и прислуживать.

Какова на видъ татарская княгиня Бикэ.

Почтительность дѣтей къ родителямъ.

Послѣ того, какъ мы нѣкоторое время поѣли, а княгиня и сыновья и совѣтники вдосталь попробовали нашу одежду спереди и сзади и съ изумленіемъ осмотрѣли ее, она сама подала каждому изъ насъ по серебряной чарѣ, полной очень крѣпкой

водки, какъ говорятъ, приготовленной изъ пшена. То же сдѣлалъ и князь Мусалъ, примѣру котораго послѣдовали его братья. Насъ попросили, чтобы мы разрѣшили и слугамъ нашимъ выпить, что она имъ поднесетъ. Тѣмъ временемъ за княгинею открылась дверь въ комнату, въ которой можно было видѣть много женщинъ. Впереди всѣхъ стояла ея дочь, выдававшаяся замужъ за шаха персидскаго, барышня лѣтъ 16-ти, прекрасной бѣлизны и чистоты лица, съ черными, какъ смоль, свисавшими сзади кручеными локонами. Находившіяся въ этомъ помѣщеніи столь же, какъ и находившіяся внѣ его, любопытствовали посмотрѣть на насъ и на нашъ костюмъ; онѣ глядѣли одна черезъ другую; зачастую, по кивку Бикэ, закрывали дверь, но потомъ опять открывали ее. Онѣ теребили одного изъ нашихъ слугъ, потащивъ его въ сторону двери, осматривали его одежду и шпагу, которую онъ ради нихъ долженъ былъ обнажить, удивлялись полировкѣ, но когда мы хотѣли посмотрѣть на нихъ, онѣ опять скрывались, чтобы вновь выйти наружу, подобно Галатеѣ. *Vergil. Ecl. III.*

Въ концѣ концовъ, когда персидскій посланецъ жениха, по обыкновенію своему, пришелъ и сюда, дверь къ женщинамъ была поспѣшно закрыта, и болѣе ни одна изъ нихъ не показывалась. Вскорѣ послѣ этого мы простились и пошли посмотрѣть татарскій городъ. Здѣсь насъ встрѣтили нѣсколько красивыхъ молодыхъ татарскихъ женщинъ въ разнообразныхъ крашеныхъ рубахахъ. Онѣ безъ стѣсненія хватали насъ и не хотѣли раньше отпустить отъ себя, пока ими не былъ вполнѣ ощупанъ и осмотрѣнъ нашъ костюмъ.

6-го с. м. купчина далъ нашему послу прочитать письмо, которое, по его словамъ, дербентскій губернаторъ отправилъ въ отвѣтъ ему на его письмо изъ Астрахани отъ 25-го сентября. Въ этомъ письмѣ султанъ выражалъ сердечную радость по случаю нашего прибытія, и совѣтовалъ, чтобы купчина пріѣзжалъ не раньше, какъ доставивъ по водному пути и насъ съ собою.

17-го с. м. персидскій толмачъ Рустамъ прибылъ обратно съ дагестанской границы съ сообщеніемъ, что персы не только убрали назадъ всѣхъ верблюдовъ и всѣ повозки, но также забрали и все дерево и весь хворостъ, чтобы пользоваться ими во время плохой дороги. Поэтому было рѣшено, что дальше мы поѣдемъ водою.

8-го с. м. мать Мусала отправила посламъ подарки, а именно двухъ овецъ, 50 куръ, а также другіе съѣстные припасы и напитки. Также точно и старшій канцлеръ [дьякъ] русскій прислалъ одну овцу, полбочки масла и боченокъ меду. Послѣ

Подарокъ Бикэ посламъ.

Высокомѣріе дагестанскаго татарина.

полудня пришелъ Мусалъ, чтобы проститься съ послами. Онъ привелъ съ собою дагестанскаго мурзу, брата того, что́ княжилъ въ Тарку; поверхъ простой одежды у него одѣтъ былъ мохнатый войлочный плащъ, подобно какъ у другихъ простыхъ татаръ. Онъ сказалъ, что пришелъ насъ проводить до резиденціи своего брата въ Тарку. Онъ былъ высокомѣрнаго нрава; ему не нравилось, что къ Мусалу относились дружелюбнѣе и любезнѣе, чѣмъ къ нему; онъ не захотѣлъ также стоя пить здоровье великаго князя, а когда Мусалъ продолжалъ настаивать на томъ, чтобы онъ всталъ и сказалъ: «знаетъ ли онъ, въ чьей онъ землѣ?», онъ высокомѣрно отвѣчалъ: «онъ сомнѣвается въ томъ, въ землѣ ли онъ великаго князя или своей собственной» (Терки и вся эта область раньше принадлежали татарамъ). Съ Мусаломъ онъ началъ браниться, говоря, что, хотя тотъ и ходитъ въ красивыхъ одеждахъ, всетаки онъ не что иное, какъ рабъ великаго князя; онъ же въ своихъ простыхъ одеждахъ князь свободный, никому, кромѣ Бога, неподвластный; въ концѣ концовъ, онъ вовсе не захотѣлъ пить здоровье великаго князя, поднялся и уѣхалъ. Слуги его унесли у нашего пастора его серебряную ложку и ножъ, случайно лежавшіе на столѣ, а отъ моего камзола, крѣпко уложеннаго на моей постели подъ подушкою и другими вещами, совершенно отрѣзали и захватили съ собою свисавшій внизъ рукавъ.

Мусалъ же съ послами продолжалъ веселиться и, въ концѣ концовъ, попросилъ за нашего арестованнаго боцмана, чтобы его выпустили изъ темницы и милостиво приняли вновь, что и было исполнено. Поэтому меня съ гофъ-юнкеромъ поздно вечеромъ послали въ городъ къ воеводѣ, чтобы вновь освободить арестанта и въ то же время пожаловаться на никуда негоднаго и сбѣжавшаго третьяго дня русскаго лоцмана. Ночью за нами былъ посланъ лакей, чтобы сообщить, что вѣтеръ благопріятный и что намъ слѣдовало бы спѣшить на корабль, даже если мы ничего не успѣли справить. Когда, однако, мы, вполнѣ исполнивъ порученіе, вернулись къ морю, то корабль уже успѣлъ подвинуться впередъ, но, такъ какъ вѣтеръ вдругъ сталъ дуть въ обратную сторону, намъ пришлось грести противъ вѣтра. Мы должны были поэтому бросить якорь. Тѣмъ временемъ воевода прислалъ намъ свои подарки, а именно: 100 штукъ копченой рыбы, 4 бочки пива, 1 бочку французскаго вина, 1 бочку меду, 1 бочку уксусу, 2 овецъ, 4 длинныхъ пряника и нѣсколько хлѣбовъ. Слуги, принесшіе эти подарки, получили нѣсколько рублей деньгами и вволю водки; достаточно напившись, они, ударивъ челомъ, уѣхали.

Подарокъ воеводы посламъ.

LXXIX.

(Книга IV, глава 14).

Дальнѣйшая поѣздка моремъ до кораблекрушенія. Также о горахъ Кавказѣ, Таврѣ и Араратѣ.

10-го ноября мы рано утромъ съ вѣтромъ съ ЮЗ стали подъ паруса, желая направиться къ пограничному городу въ персидскихъ владѣніяхъ, Дербенту. Къ полудню мы издали увидѣли большую лодку, плывшую къ намъ навстрѣчу. Она сначала шла вправо отъ насъ, затѣмъ направилась прямо въ нашу сторону; при этомъ то она становилась подъ паруса, то убирала ихъ. Когда она подошла поближе и мы замѣтили, что она боится насъ и уходитъ, Б[рюггеманъ] велѣлъ направить нашъ курсъ прямо на нее, людямъ нашимъ стать подъ ружье и въ то время, какъ лодка находилась на разстояніи выстрѣла отъ насъ, дать выстрѣлъ изъ орудія, нацѣливъ его рядомъ съ лодкою. Бѣдные люди, сильно испугавшись, убрали свои паруса. Когда мы подошли къ нимъ, то оказалось, что это персидскіе торговцы фруктами, съ яблоками, грушами, квитами, орѣхами и т. п. На лодкѣ былъ братъ нашего персидскаго лоцмана. Когда онъ услышалъ, что ему серьезно приказываютъ пристать къ борту, и въ то же время увидѣлъ своего брата, онъ сталъ жалостливо говорить: «Ахъ, братъ, ты захваченъ въ плѣнъ этими чужими людьми: какъ случилось съ тобою это несчастье? Не могу помочь тебѣ, такъ какъ и меня сейчасъ берутъ въ плѣнъ». Хотя братъ по-турецки и закричалъ ему: «Korchma, duschman lar dekul — не бойся, это не враги», онъ всетаки, ошеломленный неожиданнымъ чуждымъ видомъ нашимъ и встрѣчею среди насъ брата, ожидавшагося имъ на собственномъ его суднѣ, не могъ понять, въ чемъ дѣло, и думалъ, что брата его принуждаютъ такъ говорить. Онъ печалился до тѣхъ поръ, пока братъ не разсказалъ ему, почему онъ у насъ и что собственное его судно идетъ за нимъ слѣдомъ. Тогда онъ успокоился, пришелъ на корабль, подарилъ посламъ разныхъ фруктовъ, а наши люди купили у него пять большихъ яблоковъ за 1 зекслингъ и столько же грушъ, а также 50 грецкихъ орѣховъ за 1 зекслингъ. Послы за его подношеніе дали ему денегъ и водки и отпустили его. Такимъ образомъ закончилась эта яблочная война.

Персидская лодка боится нашего корабля.

Островъ Четланъ или Джецени.

Вскорѣ затѣмъ мы подошли къ острову, лежащему въ лѣвую сторону въ 8-ми миляхъ отъ Терокъ. Русскіе зовутъ его Четланъ, а персы Джецени. Согласно съ обыкновеніемъ персовъ, которые здѣсь обѣдаютъ и отдыхаютъ, мы стали здѣсь на якорь на глубинѣ воды въ $3^1/_2$ сажени. Георгъ Дектандеръ, ходившій въ 1602 г. въ качествѣ посла римскаго императора Рудольфа въ Персію, но одинъ лишь оставшійся въ живыхъ и вернувшійся этимъ путемъ, упоминаетъ объ этомъ островѣ въ своемъ описаніи путешествія. Онъ говоритъ, что, въ виду случившагося здѣсь мороза, ему пришлось здѣсь вкусить отъ подаренныхъ ему шахскихъ лошадей. Такъ какъ у насъ оставалась еще нѣкоторая часть дня, то послы съ нѣкоторыми изъ насъ велѣли себя переправить въ шлюпкѣ на островъ. На немъ мы не застали ничего, кромѣ бакена изъ острыхъ длинныхъ связанныхъ вмѣстѣ шестовъ, на которыхъ лежало много кореньевъ и хворосту, чтобы по нимъ мореходамъ былъ виденъ этотъ островъ, самъ по себѣ низкій. Тутъ же были двѣ большія ямы, въ которыхъ разводился огонь: обыкновенно здѣсь, какъ говорятъ, останавливаются казаки. Островъ простирается почти на 3 мили съ СЗ къ ЮВ; онъ песчаный, на нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегу покрытъ тростникомъ, въ иныхъ мѣстахъ совершенно бѣлъ отъ выброшенныхъ на берегъ раковинокъ, издали кажущихся точно известковою почвою. Островъ лежитъ подъ высотою полюса въ 43°5′. Это единственный островъ вплоть до самаго Гиляна; онъ лежитъ къ западу [востоку?] отъ обычнаго курса судовъ и шкипера оставляютъ его съ лѣвой стороны.

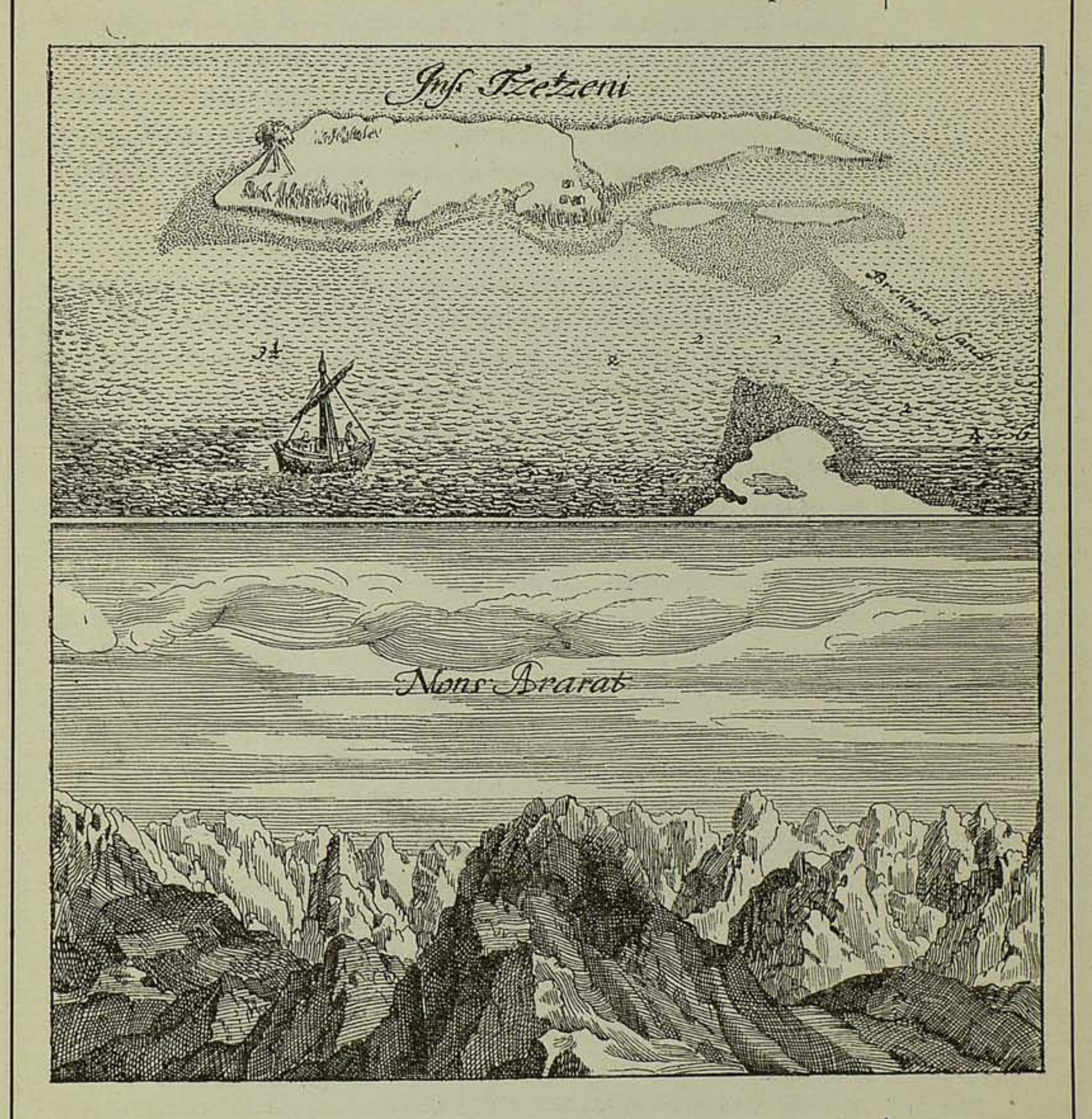
Высокія горы Кавказскія.

Отсюда мы увидѣли по ЮЗ на сушѣ очень высокія горы, которыя на небѣ представлялись сходными съ голубыми облаками. Онѣ простирались съ сѣвера на югъ и имѣли видъ, представленный на прилагаемомъ рисункѣ. Наши люди назвали ихъ Черкасскими горами, такъ какъ онѣ лежатъ за Черкасіею. Русскіе и черкасы называютъ ихъ Золотыми. На самомъ дѣлѣ это — знаменитыя горы Кавказскія, которыя лежатъ въ области Колхидѣ, извѣстной по плаванію туда Іазона и похищенію золотого руна изъ Аполлонія Родосскаго «Argonautica». Горы эти, въ виду большой высоты своей (онѣ оставляютъ облака далеко внизу и простираются какъ бы до звѣздъ) дали поэтамъ поводъ къ созданію сказки, будто Прометей на нихъ при помощи сухой вѣтки похитилъ съ солнца огонь и снесъ его внизъ къ людямъ.

Комментар. къ VI-й эклогѣ Вергилія.

На самомъ дѣлѣ, однако, какъ объясняетъ Сервій, это баснословіе содержитъ въ себѣ нѣчто истинное. Прометей, какъ человѣкъ умный (послѣднее видно и изъ имени его), съ этой кавказской

горы, далеко превышающей облака, прилежно изучилъ путь, восходъ и заходъ планетъ и другихъ звѣздъ и былъ первымъ лицомъ, сообщившимъ ассирянамъ астрономическую науку. Онъ же замѣтилъ, какъ громъ и молнія образуются подъ нимъ, какъ отъ солнечныхъ лучей можно зажечь огонь, искусно воспроизвелъ этотъ опытъ и показалъ людямъ. Такъ какъ легко себѣ предста-

вить, что въ столь суровыхъ горахъ онъ перенесъ много непріятностей и заботъ, то и говорили, будто онъ былъ прикованъ къ скалѣ и орелъ грызъ его сердце.

Объ этой горѣ и баснѣ упоминаетъ, говоря о нихъ вполнѣ справедливо, Кв. Курцій: «Войско пришло къ Кавказскимъ горамъ, хребетъ которыхъ непрерывною грядою своею раздѣ- *Curtius, lib. VI, c. 3, p. 598.*

ляетъ Азію. Отсюда, съ одной стороны, открылся видъ на море у береговъ Киликіи [и Красное море], съ другой — на проливъ Каспійскій, на рѣку Араксъ и другія пустынныя области Скиѳіи. Тавръ — второстепенной высоты гряда — соединенъ съ Кавказомъ; онъ, поднимаясь въ Каппадокіи, проходитъ Киликію и соединяется съ горами Арменіи. Столь многія гряды, соединенныя какъ бы цѣпью другъ съ другомъ, представляютъ непрерывную возвышенность, съ которой стекаютъ всѣ почти рѣки Азіи: однѣ — въ Красное, другія — въ Каспійское, третьи — въ Гирканское и Понтское моря. Въ 17 дней войско перешло черезъ Кавказъ. Въ немъ есть скала въ десять стадій въ окружности и четырехъ въ высоту, къ которой, по свидѣтельству древности, былъ прикованъ Прометей». Всѣ эти горы въ связи однѣ съ другими; онѣ поднимаются въ Каппадокіи, проходятъ черезъ всю Персію и достигаютъ Индіи. Въ ширину эти горы у Каспійскаго моря, въ сторону Понта, насчитываютъ 50 миль. Въ разныхъ мѣстахъ здѣсь различныя наименованія. Къ Кавказу примыкаетъ Армянская горная страна, въ которой находится Араратъ.

Гора Араратъ.

Гора Араратъ, на которой, какъ сказано въ 8-й главѣ I-й книги Моисеевой, остановился Ноевъ ковчегъ, теперь именуется армянами «Мессина», а персами — «Агри», арабами же — «Зюбейланъ». Съ виду она, пожалуй, еще выше Кавказа; это была самая высокая гора, нами видѣнная за все путешествіе. Это — совершенно черная, суровая скала; вершина ея какъ зимою, такъ и лѣтомъ покрыта снѣгомъ. Высшія точки ея около 10 — 15 миль отъ Каспійскаго моря. Армяне, какъ и персы, увѣрены, что и въ настоящее еще время кусокъ Ноева ковчега, отвердѣвшаго въ родѣ камня, находится на горѣ. Нѣкоторымъ лицамъ изъ нашего посольства въ Мидіи, въ Шемахѣ, въ армянской церкви, показывали крестъ, длиною болѣе чѣмъ въ пол-локтя, изъ темнокоричневаго дерева. Говорили, будто это кусокъ Ноева ковчега. Какъ большая святыня, крестъ былъ завернутъ въ шелковый платокъ. Говорятъ, что на гору теперь нельзя взобраться. Не только на нѣсколько миль кругомъ, сколько можно обозрѣть, имѣются лишь высокія суровыя скалы и глубокія долины, но и высокая гора эта сама — можетъ быть, отъ землетрясенія — вся въ разныхъ мѣстахъ раскололась и раздалась, такъ что изъ-за широкихъ и глубокихъ ущелій нельзя пробраться въ мѣсто, гдѣ находился ковчегъ.

Ноевъ ковчегъ на горѣ Мессина.

Посолъ Имамкули-султанъ, котораго шахъ персидскій послалъ къ его свѣтлости князю шлезвигъ-голштинскому и проч., владѣетъ

домомъ и живетъ недалеко отъ этой горы, а именно въ области Карабахъ. Онъ много о ней разсказывалъ. Въ виду этихъ высокихъ горъ, видныхъ весьма издалека, удобно ѣздить по Каспійскому морю, такъ какъ горы своими различными высотами и вершинами хорошо показываютъ путь.

11-го с. м. мы, по восходѣ солнца, вновь стали подъ паруса, взявъ курсъ, рядомъ съ островомъ, по направленію къ югу. Почти у самаго конца острова отъ материка въ море направляется мысъ или коса съ песчанымъ рифомъ. Такъ какъ и напротивъ со стороны острова идетъ длинный рифъ, то фарватеръ здѣсь узокъ и опасенъ, тѣмъ болѣе, что у конца острова, съ лѣвой стороны, фарватеру мѣшаетъ песчаная мель съ бурунами. Прибывъ на это мѣсто, мы опустили якорь и въ лодкѣ отправились искать по серединѣ глубокаго мѣста. На разстояніи полумили передъ нами оказалась глубина всего только въ 2 сажени, а за мелью вновь глубина стала оказываться въ 6, 7 и болѣе саженъ. Когда мы прибыли въ глубокое мѣсто и вѣтеръ оказался попутнымъ, мы направились къ Дербенту, взявъ курсъ на ЮЮЗ такимъ образомъ, что все время съ правой стороны видѣли сушу. Къ полуночи вѣтеръ измѣнилъ направленіе и подулъ съ юга довольно сильно намъ навстрѣчу. Мы всю ночь шли лавируя, но ничего не добились, такъ что утромъ, когда вѣтеръ сталъ усиливаться, мы бросили якорь на глубинѣ 12-ти саженъ. Здѣсь грунтъ былъ иловатый.

LXXX.

(Книга IV, глава 15).

О второмъ нашемъ кораблекрушеніи.

Послѣ того, какъ мы 12-го весь день простояли на якорѣ, къ вечеру послѣ 9-ти часовъ вѣтеръ перемѣнился и сильно подулъ съ сѣвера, мы вновь снялись съ мѣста, шли совершенно передъ вѣтромъ (фордевиндъ) съ курсомъ Ю къ В [ZtO] и къ 11-ти ч. имѣли грунтъ на глубинѣ то 20-и, то 30-и саженъ, то совсѣмъ его теряли. Такъ какъ вѣтеръ перешелъ въ бурю, то мы, не желая, въ столь незнакомыхъ водахъ, темной ночью, когда ничего нельзя было видѣть кругомъ, давать кораблю слишкомъ сильный ходъ, сняли всѣ паруса, но, тѣмъ не менѣе, вѣтеръ несъ насъ съ быстротою 2-хъ миль въ часъ. Послѣ 12-ти часовъ ночи одно несчастіе за другимъ стало обрушиваться на

Двѣ лодки и шлюпка погибаютъ.

насъ. Прежде всего лотъ, при втаскиваніи, зацѣпился за корабль и затонулъ. Шлюпку мы сначала передали въ особое управленіе двухъ боцмановъ, поручивъ имъ идти на парусахъ за нами, но такъ какъ шлюпка была низка, волны часто заливали ее, и боцманы, считая себя не въ силахъ бороться съ ними, поспѣшили вновь на корабль и привязали шлюпку помощью каната. Мы тащили за собою также корабельную лодку, а также и другую еще, купленную у русскихъ. Всѣ эти лодки, раньше, чѣмъ мы успѣли спохватиться, наполнились водою, и сначала погибла изъ нихъ русская, а затѣмъ и корабельная. Наконецъ оборвалась и шлюпка, послѣ того, какъ съ большимъ затрудненіемъ для корабля ее нѣкоторое время удавалось тащить позади, и затонула. На ней находились нѣсколько орудій для каменныхъ снарядовъ, ядра, цѣпи, канаты, смола и другія необходимыя для корабля вещи; всѣ они погибли также. Таково было начало нашего кораблекрушенія на Каспійскомъ морѣ. Высокія и короткія волны приводили къ тому, что наше судно, которое было очень длинно и лишь изъ сосноваго дерева, извивалось какъ змѣя и расходилось въ скрѣпленіяхъ. Нижняя часть постройки такъ скрипѣла, что во внутреннемъ помѣщеніи едва можно было разслышать собственное слово. Волны, одна за другой, опасно обрушивались на корабль и перебрасывались черезъ него, заливая его такъ, что намъ постоянно приходилось выкачивать и вычерпывать воду. Мы чувствовали себя при этомъ очень нехорошо, такъ какъ вспоминали, что уже испытано кораблемъ на Волгѣ и при выходѣ въ [Каспійское] море вслѣдствіе постояннаго таскані въ ту и другую сторону. Персидскій лоцманъ также хотѣлъ быть на своемъ суднѣ и поближе къ сушѣ, такъ какъ, если бы корабль затонулъ, то рѣшительно не на чемъ было спастись хотя бы одному человѣку. Поэтому вновь мы провели ночь въ сильномъ ужасѣ, страхѣ и опасеніяхъ.

Прибытіе къ персидской границѣ у Ніазабата.

13-го ноября, съ разсвѣтомъ дня, мы замѣтили, что находимся недалеко отъ суши. Мы увидѣли дербентскія горы, отъ которыхъ полагали себя въ разстояніи приблизительно 10-ти миль. Такъ какъ буря нѣсколько поулеглась, мы подняли большой парусъ [гротсель], а затѣмъ, чтобы тѣмъ скорѣе достигнуть суши, еще и мачтовые паруса [марсели]. Такъ какъ мы, однако, ночью слишкомъ далеко вдались въ море, а вѣтеръ, дувшій съ «С къ В» [NtO], былъ слишкомъ силенъ, мы, ради вѣтра, съ горемъ должны были проѣхать мимо давно желаннаго города Дербента. Мы прошли мимо персидскаго берега, который тя-

нется въ постоянномъ направленіи съ С на Ю, и искали пристанища, которое нашли въ 10-ти миляхъ за Дербентомъ у персидской деревни Ніазабатъ, которую у насъ называли Низовой; пришлось, однако, остановиться въ открытомъ морѣ, въ которомъ мы, около 4-хъ часовъ пополудни, бросили якорь на глубинѣ 4-хъ саженъ при иловатомъ грунтѣ. Противъ Дербента и за нимъ болѣе чѣмъ на 6 миль тянется исключительно скалистый грунтъ, такъ что нельзя бросить якорь; и у самаго Дербента нѣтъ безопасной гавани, гдѣ бы можно было пристать и оставаться на долгое время въ безопасности. Когда мы теперь стали на мѣсто, вѣтеръ и волны сильно стали тѣснить судно, такъ что сломился румпель у руля.* Поэтому мы тотчасъ же взялись за брусья, подняли руль изъ крюка и спустили его на канатѣ далеко въ море, чтобы онъ не разбилъ кормы у корабля. Корабль такъ неспокойно стоялъ на якорѣ и такъ сталъ заливаться водою, что мы остальную часть дня, а равно и всю ночь должны были провести у насосовъ. Въ теченіе одного часа я насчиталъ 2000 выкачиваній, но всетаки мы не освободились отъ воды.

На слѣдующее утро, 14-го ноября, когда стало спокойнѣе, мы охотно вышли бы на сушу, но не имѣли лодки. Поэтому мы велѣли нѣсколько разъ выстрѣлить изъ орудій и мушкетовъ, чтобы персы съ суши пришли къ намъ. Когда, однако, въ теченіе 3-хъ часовъ никого мы не увидали, то начали скрѣплять доски и бревна, чтобы сдѣлать плотъ, на которомъ полагали нѣсколько человѣкъ выслать на берегъ. Наконецъ, съ суши вышли къ намъ 2 лодки, посланныя начальникомъ села (здѣсь его называли кауха), и доставили два большихъ мѣшка съ яблоками и грушами для привѣта. Мы такъ же были обрадованы ихъ прибытіемъ, какъ они, по ихъ словамъ, нашимъ прибытіемъ. Они заявили готовность служить во всемъ, и просили пословъ, чтобы тѣ съ корабля поспѣшили на сушу, забравъ съ собою все самое для нихъ дорогое: на тихую погоду, по ихъ словамъ, нельзя было надѣяться; такъ оно на дѣлѣ и вышло.

Послы съ нѣсколькими людьми, мушкетерами и поручиками, равно какъ и съ лучшею частью багажа или вещей, сѣли въ персидскія лодки и уѣхали, въ то время какъ остальные (среди нихъ, по извѣстнымъ причинамъ, находился и я вмѣстѣ съ фонъ-Ухтерицомъ, маршаломъ и гофмейстеромъ) остались на суднѣ, чтобы переправиться въ другой разъ. На берегу стоялъ кауха на сѣрой лошади, окруженный многими слугами. Когда онъ увидѣлъ, что лодки, въ виду мелкаго дна, не могутъ вполнѣ

Послы впервые ступаютъ ногою въ Персію.

*

пристать къ берегу, онъ сошелъ съ лошади, послалъ свою лошадь навстрѣчу посламъ и они, одинъ за другимъ, на ней выѣхали изъ воды. Такимъ образомъ около полудня послы, съ Божіею помощью, впервые стали ногою на почву Персіи.

Первымъ зрѣлищемъ, которое они увидѣли на берегу, былъ поѣздъ невѣсты, которую провели мимо нихъ въ другую деревню; невѣста, а съ нею многія женщины ѣхали верхомъ по-мужски на лошадяхъ. Что же касается насъ остальныхъ, оставшихся на кораблѣ, то съ нами, говоря словами фонъ-Мандельсло въ его описаніи путешествія, гирканскій Нептунъ началъ играть ту же трагедію, которую въ минувшемъ году объ это же время игралъ балтійскій. Едва послы высадились на берегъ, какъ съ юга подулъ сильный вѣтеръ, который превратился въ столь жестокую и страшную бурю, что я сомнѣваюсь, была ли болѣе сильна буря въ Балтійскомъ морѣ, прогнавшая насъ мимо ревельской гавани; изъ-за бури никто ни съ суши не могъ попасть къ намъ, ни мы не могли выйти на сушу. Вслѣдствіе этого мы вновь впали въ крайнюю опасность и въ сильную боязнь. Корабль, освобожденный отъ части груза, зачастую высоко подбрасывался волнами, поднимавшимися съ горы высотою, опасно кидался въ воздухъ, затѣмъ опять низвергался въ пропасть, какъ бы проглатывался моремъ и вновь извергался. Обыкновенно вода стояла на верхней палубѣ съ футъ высотою, такъ что никто не могъ долго стоять здѣсь. Наверху у поперечныхъ брусьевъ судно сильно раздалось, такъ что мы опасались, какъ бы оно, будучи вообще въ плохой сохранности, не переломилось посрединѣ, гдѣ оно сильнѣе всего сотрясалось. Якорь начало стаскивать съ мѣста, и насъ понесло на четверть мили дальше: это мы усмотрѣли по деревьямъ, которыя сначала видны были на сушѣ за нами, а затѣмъ оказалось впереди насъ. Поэтому мы выбросили еще два якоря, которые, однако, вечеромъ, около 11 часовъ, оба оторвались; тогда мы выбросили и большой главный якорь. Вскорѣ затѣмъ оторвался руль, привязанный къ канату, и пропалъ. Корабль стало такъ заливать водою, что не помогало никакое выкачиваніе; пришлось поэтому не переставая вычерпывать воду котлами. Около полуночи, когда вѣтеръ получилъ восточное направленіе, корабль пришелся вдоль волнъ, которыя такъ его качали, что оба борта глубоко западали въ воду; при этомъ [гротъ]-мачта разбилась на три части и вмѣстѣ съ бизанью съ большимъ трескомъ повалилась за бортъ. Благодаря Божіей помощи никто не пострадалъ отъ этого, несмотря на то, что мы большею частью расположились вверху на суднѣ рядомъ съ би-

Большая бѣда и опасность на Каспійскомъ морѣ.

Гротъ-мачта и бизань идутъ за бортъ.

занью. Боцманы кричали мнѣ, не рубить ли имъ канаты, чтобъ освободить корабль отъ опасныхъ толчковъ со стороны [сорвавшихся] деревъ. Я охотно далъ свое согласіе.

Такъ какъ, изъ-за трехдневной бури, мы очень мало ѣли и совершенно утомились отъ бодрствованія и постоянной работы, то мы, въ концѣ концовъ, опустили руки и совершенно отчаялись. Вновь на насъ напалъ страхъ смерти, и слышны были большой плачъ и жалобы. Я и Флемингъ взяли каждый по два пустыхъ боченка изъ-подъ водки, связали ихъ веревками и повѣсили себѣ на шею; мы сѣли на верхнюю каюту въ томъ мнѣніи, что если корабль затонетъ, то въ такомъ видѣ мы тѣмъ скорѣе попадемъ на сушу къ нашимъ спутникамъ или живыми или же въ видѣ мертвыхъ тѣлъ. Во время столь большой опасности корабельный плотникъ Корнилій Іостенъ спустился внизъ въ погребъ, который теперь уже никѣмъ не оберегался, и такъ напился водки, что потерялъ сознаніе и упалъ замертво на палубѣ; мы бы и не знали, что съ нимъ случилось, если бы его не выдалъ сильный запахъ водки, шедшій отъ него. Другіе боцманы, не покладая рукъ, продолжали усиленную работу и увѣщевали людей нашихъ еще потрудиться пару часовъ, такъ какъ, можетъ быть, буря уляжется, и Богъ пошлетъ помощь. Тутъ стали вновь даваться обѣты, обѣщаны были милостыни бѣднымъ, и работа была продолжена съ тѣмъ, чтобы хотя продержать судно надъ водою. Мы вывѣсили сигналы въ видѣ бѣлыхъ платковъ и нѣсколько разъ стрѣляли изъ орудій, чтобы указать на сильнѣйшую нашу опасность и просить о помощи.

Запиваніе водкою боязни смерти.

Обѣты въ несчастіи.

Хотя бывшіе на берегу достаточно видѣли и слышали нашу опасность и принимали ее къ сердцу столь же, какъ и сами мы, находившіеся въ опасности, а послы совершали всяческія усилія и Брюг[ге]манъ даже съ обнаженной шпагою гналъ нашихъ простыхъ служителей въ воду, чтобы они отъѣхали въ персидскихъ лодкахъ на нѣкоторое разстояніе отъ берега, тѣмъ не менѣе не было никакой возможности, чтобы въ такую погоду кто-либо попалъ къ намъ. Хотя къ утру вѣтеръ нѣсколько поулегся, тѣмъ не менѣе разгнѣванное море было такъ безпокойно и гнало одну волну за другою къ берегу такъ, что никакая работа ничего не могла подѣлать съ ними.

Не видя и послѣ полудня никакой помощи съ суши и узнавъ отъ шкипера, что держится лишь большой главный якорь, и въ то же время опасаясь, какъ бы къ вечеру вновь не поднялась буря, я подъ секретомъ спросилъ у главнаго боцмана, что теперь дѣлать, не лучше ли при такомъ положеніи

корабля выброситься на берегъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, спасти людей. Этотъ, а также и другой еще боцманъ полагали, что корабль врядъ ли еще долго выдержитъ все то, что онъ уже выдержалъ, и что, по ихъ мнѣнію, было бы хорошо, если бы я поговорилъ объ этомъ съ наиболѣе видными людьми на кораблѣ и потомъ переговорилъ отъ ихъ имени со шкиперами. Однако, когда маршалъ и я спросили шкиперовъ объ ихъ мнѣніи, то они сказали: «если люди не полѣнятся работать, то корабль еще продержится нѣкоторое время, такъ какъ у нихъ еще имѣется большой якорь и канатъ, да и погода представляется сносною». Въ то же время они и боцманъ указали на слѣдующее обстоятельство, которое, повидимому, они больше всего принимали къ сердцу: «если у нихъ больше не окажется подъ ногами судна, то въ нашей свитѣ они будутъ самыми жалкими и презираемыми лицами, и для нихъ жизнь будетъ хуже смерти». Они также опасались, что потеряютъ свое жалованье и свой достатокъ. Хотя и выражая предположеніе, что будь тутъ посолъ Брюг[ге]манъ, то онъ давно бы уже приказалъ съ кораблемъ выброситься на берегъ, шкипера, всетаки, противоставляли свое мнѣніе нашему. Люди наши съ униженными просьбами и жалкими воплями стали приставать къ намъ, убѣждая добиться того, чтобы корабль направили къ сушѣ и спасли ихъ.

Шкипера и боцманы, наконецъ, заявили, что, если мы ручаемся избавить ихъ отъ убытковъ въ случаѣ какого-либо ущерба имъ, то они готовы выброситься на берегъ; для этой цѣли они потребовали отъ насъ подписей и печатей. Вслѣдствіе этого мы, за подписью всѣхъ насъ, дали имъ ручательство, которое, по общему ихъ желанію, было составлено въ такого рода выраженіяхъ:

Ручательство, данное шкиперамъ.

«Во имя милосерднаго Бога мы нижепоименованные, во время настоящей большой опасности, которой мы вновь, по Божьему соизволенію, подверглись, условились со шкиперомъ Михаиломъ Кордесомъ и Корниліемъ Клаус(ен)омъ относительно нашего корабля и по достаточномъ обсужденіи постановили такъ: хотя вышепомянутые шкипера и указываютъ, что въ настоящее время погода сносна, якорь и канатъ еще въ исправности и, если люди хорошенько помогутъ въ работѣ, то корабль еще можетъ быть сохраненъ, мы, тѣмъ не менѣе, сочли за лучшее выброситься съ кораблемъ на берегъ по слѣдующимъ причинамъ: нашъ корабль въ настоящее время въ плохомъ состояніи, разбитъ и заливается водою; онъ потерялъ руль, гротъ и бизань-мачты, потерялъ 2 якоря и корабельную лодку; народъ весь

изнуренъ постояннымъ бдѣніемъ и работою, а въ столь позднее осеннее время нельзя надѣяться на постоянство погоды даже въ теченіе половины дня. Вслѣдствіе этого мы находимся въ крайней опасности для жизни, а между тѣмъ убѣждены, что гг. посламъ не столько нуженъ корабль, сколько нужны люди и грузъ, а болѣе всего люди, которые, при подобныхъ обстоятельствахъ, весьма легко всѣ могли бы погибнуть, но могутъ быть сохранены, если выброситься на берегъ, не говоря уже о другихъ причинахъ [къ подобному рѣшенію], о которыхъ будетъ сказано гг. посламъ. Чтобы теперь и шкиперовъ и боцмановъ привлечь на сторону нашего предпріятія, мы обязались избавить ихъ отъ всякаго ущерба и въ этомъ выдали имъ настоящее ручательство. Написано передъ Низовой на кораблѣ «Friedrich» 15-го ноября 1636 года».

Когда послѣ выдачи ручательства шкиперы опять стали колебаться и противорѣчить, а тоскливыя просьбы и мольбы народа, повидимому, имѣли превратиться въ нетерпѣніе и опасное ожесточеніе, стали раздаваться крики: «Смотрите, шкиперы, что вы дѣлаете! За всѣ души, которыя теперь пропадутъ и погибнутъ изъ-за вашего упорства, вамъ придется дать отвѣтъ на Страшномъ Судѣ!» Шкиперы сказали: «Если мы выбросимся, и корабль разобьетъ въ куски, то мы все же не всѣ живыми выйдемъ на берегъ. Кто тогда дастъ отчетъ за потонувшихъ?» Мы отвѣчали: «Такъ поступаемъ мы не преднамѣренно. Нужно рѣшиться на это; пусть лучше нѣсколько человѣкъ спасутся, чѣмъ никто!» Весь народъ на это сталъ кричать: «Да! да!» Каждый готовъ былъ идти на опасность, потому что и такъ приходилось рисковать; всѣ мы уже находились наполовину въ пасти смерти. Послѣ этого маршалъ и я должны были подойти къ якорному канату и дать первый ударъ по нему; затѣмъ боцманы совершенно отрубили его, срубили и фокъ-мачту, и корабль понесло къ берегу. Такъ какъ корабль былъ внизу плоскій и не имѣлъ киля, то онъ тихо сѣлъ на песокъ, приблизительно въ 30-ти саженяхъ отъ суши. Одинъ изъ боцмановъ обвязалъ канатъ вокругъ тѣла, подплылъ къ берегу и при помощи людей, стоявшихъ на берегу, притащилъ судно поближе къ сушѣ. Послы и другіе люди, которые были сильно опечалены нашимъ несчастіемъ, считали насъ уже погибшими и уже молились за наши души, столь же сильно были обрадованы нашимъ благополучіемъ и прибытіемъ, приняли насъ со слезами радости на глазахъ, а нѣкоторые даже въ радости бросились къ намъ въ воду и на плечахъ вынесли насъ

Корабль выбрасывается на берегъ.

на берегъ. Когда мы захотѣли извиниться передъ послами изъ-за нашего рѣшенія, принятаго въ бѣдѣ, и за то, что выбросились на берегъ, мы узнали, что посолъ Брюггеманъ уже давно приказалъ Корнелію Клаус(еп)у, чтобы онъ, въ случаѣ нужды, посадилъ корабль на мель у берега, и даже хотѣлъ намъ сообщить объ этомъ своемъ желаніи помощью двухъ вырванныхъ изъ записной книжки листовъ, если бы только оказалось средство добраться до насъ.

LXXXI.

(Книга IV, глава 16).

О свойствахъ Гирканскаго или Каспійскаго моря.

Названіе Каспійскаго моря.

Это море у различныхъ націй и племенъ имѣетъ различныя названія. Древнѣйшіе народы называли его моремъ *Хозара*, какъ о томъ напоминаетъ Бохартъ въ своемъ «Phalec»; Ортесій въ «Thesaurus geographicus» указываетъ на то же неправильнымъ названіемъ *Кунзаръ*, и объ этомъ же говоритъ Nubiensis Geographus (parte VII-ma climatis V-ti, pag. 263). Причина этому та, что родъ Өогармы, Гомерова сына (всѣхъ въ этомъ родѣ было 10, а старшій былъ Хозаръ), жилъ, какъ говорятъ, по берегу этого моря и далѣе вверхъ по рѣкѣ Итиль или Волгѣ; на это указываетъ вышеназванный Бохартъ, на стр. 226, въ І-й части, на основаніи таблицъ Измаила Абульфеды.

Nubiensis, по имени расположенной у того же моря провинціи, называетъ его Таберистанскимъ. Мавры зовутъ его Богаръ Корсунъ, какъ зовется ими и Аравійскій заливъ. Персы зовутъ его Кюлзумъ, каковое имя дается и Красному морю, какъ видно изъ Nubiensis'а на томъ же мѣстѣ и на той же страницѣ. Обыкновенно оно у писателей называется Гирканскимъ или Каспійскимъ по расположеннымъ здѣсь мѣстностямъ и народамъ, иногда же, по расположенному въ Ширванѣ городу Бакуйе [Баку], его зовутъ Бакинскимъ моремъ. Русскіе называютъ его Хвалынскимъ моремъ.

Море это вовсе не имѣетъ той формы и вовсе не соединено и не сливается съ океаномъ или съ открытымъ моремъ, какъ о томъ пишетъ Діонисій Африканскій или Александрійскій: «Каспійское море имѣетъ такого рода форму, что побережье его какъ бы изгибается въ видѣ круга. Несомнѣнно, что начинается оно изъ океана, который съ сѣвера ударяется въ скиоское побережье».

Этому писателю, который, во времена императора Августа, какъ видно изъ біографіи его, будучи еще молодымъ человѣкомъ, написалъ книгу по географіи, но моря этого не видалъ самъ, слѣдуютъ многіе выдающіеся авторы, такъ, напримѣръ, Помпоній Мела, писавшій во времена Клавдія, кн. III, стр. 185: «Море Каспійское сначала врывается внутрь суши узкимъ и длиннымъ проливомъ въ родѣ какъ бы рѣки, и въ томъ мѣстѣ, куда направляется прямое его русло, раздѣляется на три залива: противъ самаго устья— Гирканскій заливъ, налѣво — Скиѳскій, а направо тотъ, который въ собственномъ смыслѣ называется по имени всего моря Каспійскимъ». *Voss. de histor. latin. p. 131.*

Плиній, во II кн., гл. 67-й: «По близости же, подъ тѣмъ же созвѣздіемъ (въ той же мѣстности) отъ востока изъ Индійскаго моря цѣлая часть склоняется къ Каспійскому морю», и въ VI книгѣ, гл. 13-й: «Каспій изъ Скиѳскаго океана вытекаетъ въ противоположныя части Азіи. Прибрежные жители именуютъ его разными именами, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны «Каспійское» и «Гирканское море».

Основываясь на этомъ, Солипъ, обезьяна [т.-е. подражатель] Плинія, жившій во времена Веспасіана, пишетъ въ главѣ XXVII, стр. 148: «Каспійское море, разливающееся черезъ хребты Азіи, впадаетъ въ Скиѳскій океанъ». То же пишетъ и Марціанъ Капелла, въ книгѣ VI, на стр. 147-й: «Здѣсь персидская граница примыкаетъ къ странѣ скиѳовъ, а именно къ Скиѳскому океану и Каспійскому морю, черезъ которые можно пройти къ Восточному океану». Страбонъ также того мнѣнія, что это лишь морской заливъ большого океана, а не закрытое море. Въ книгѣ II, стр. 83, онъ говоритъ: «Океанъ соединенъ со многими заливами, изъ которыхъ наибольшіе—четыре: сѣверный изъ нихъ называется Каспійскимъ моремъ или Гирканскимъ, далѣе слѣдуетъ Персидскій заливъ, заливъ Аравійскій» и т. д.

Василій Великій, святой человѣкъ, одобряетъ этихъ писателей, говоря («Homil. IV in Hexameron.», pag. 47): «Есть лишь одно море. Хотя и полагаютъ, что Гирканское и Каспійское моря такія, которыя стоятъ отдѣльно, ограниченныя въ своихъ предѣлахъ, но если обратить вниманіе на труды лицъ, которыя занимались описаніемъ земель, то окажется, что и эти моря помощью проливовъ соединены со всѣми, и что всѣ направляются къ величайшему морю». Макробій также склоняется къ этой мысли, но всетаки онъ нѣсколько сомнѣвается и говоритъ: «По нашему свидѣтельству, однако, не слѣдовало бы описывать это *Basil. Magn.*

море (Каспійское), такъ какъ положеніе его продолжаетъ оставаться неизвѣстнымъ для насъ» («In somn. Scipionis», кн. II, гл. IX, стр. 78).

«Метеорол.» кн. II, гл. 1, стр. 336. Кліо или кн. I, гл. 52.

Я лично стою на сторонѣ Геродота и Аристотеля; послѣдній изъ нихъ пишетъ: «Гирканское и Каспійское моря отдѣльны отъ внѣшняго моря, и вокругъ всего побережья ихъ живутъ люди», а первый: «Море Каспійское существуетъ само по себѣ и не соединяется съ другими». Это — особое море, не имѣющее ничего общаго съ большимъ моремъ; отовсюду оно окружено берегами и по праву можетъ быть названо «Средиземнымъ моремъ».

Все это подтвердили мнѣ и гилянцы, живущіе съ западной стороны этого моря, и другіе персы, которыхъ я старательно объ этомъ спрашивалъ.

Длина и ширина Каспійскаго моря.

Длина Каспійскаго моря обыкновенно писателями опредѣляется въ 15, а ширина въ томъ мѣстѣ, гдѣ она больше всего, въ 8 дней пути — если ѣхать безостановочно все время на веслахъ, не прибѣгая къ помощи вѣтра. Если же я захочу расположить границы этого моря по городамъ и мѣстностямъ, находящимся на берегу и опредѣленнымъ мною не только изъ «Каталога долготъ и широтъ», полученнаго отъ персовъ, или изъ «Fragmenta astronomica» Іоанна Гравія, но и на основаніи личныхъ изслѣдованій, то окажется, что длина моря простирается не такъ, какъ указывалось до сихъ поръ на обыкновенныхъ картахъ, съ востока на западъ, но съ сѣвера на югъ, или отъ полуночи къ полудню, а ширина отъ востока къ западу, или отъ восхода къ заходу. Длина отъ начала моря у Астрахани вплоть до Ферабата равняется 8-ми экваторіальнымъ градусамъ и, слѣдовательно, 120 нѣмецкимъ милямъ, ширина же отъ области Хварезмъ до Черкасскихъ горъ составляетъ 6 экваторіальныхъ градусовъ или 90 миль.

Нѣкоторые изъ добрыхъ моихъ друзей изъ лейпцигскаго университета, увидя въ моемъ первомъ изданіи карту Персіи, писали мнѣ, ставя въ упрекъ, что я такъ расположилъ Персидское [Каспійское?] море: «Это противъ мнѣнія, бывшаго до настоящаго времени у всѣхъ географовъ». Но такъ какъ я — какъ уже сказано — получилъ лучшія извѣстія объ этомъ дѣлѣ, то я могу не обращать вниманія на мнѣнія другихъ. Говорятъ такъ: «изъ-за ошибки одного ошибаются всѣ». Діонисій Александрійскій по ошибкѣ расположилъ море неправильно, а другіе, не видѣвшіе моря, послѣдовали его примѣру. Море не имѣетъ прилива и отлива, какъ другія моря, хотя Курцій въ указан-

Множество ошибающихся не оправдываетъ ошибки.

КАСПІЙСКОЕ МОРЕ и КАВКАЗЪ.

Часть «Карты Персидской имперіи», составленной Адамомъ Олеаріемъ.

номъ выше мѣстѣ какъ будто такъ думаетъ. Если же вода иногда не только поднимается у побережья, а иногда—особенно на западной сторонѣ—даже заливаетъ его, то это слѣдуетъ объяснить вѣтромъ, дующимъ съ моря. При тихой погодѣ вода всегда держится на одномъ уровнѣ. Въ серединѣ, говорятъ, такъ глубоко, что даже на глубинѣ 60-ти или 70-ти саженъ нельзя достигнуть дна. Едва въ 6-ти или 7-ми миляхъ отъ дагестанскаго берега мы, какъ выше сказано, опустивъ лотъ на глубину 30-ти саженъ, не нашли грунта.

[Стр. 433]. Много рѣкъ впадаетъ въ море.

Въ это море впадаютъ многія рѣки: когда мы ѣхали въ Персію, мы не вѣрили, что ихъ нѣсколько сотъ, но на возвратномъ пути вполнѣ этому повѣрили. За короткое время пути отъ Решта до Шемахи, въ теченіе 20-ти дней пути мы прошли черезъ 80 большихъ и малыхъ рѣкъ. Наиболѣе важныя и значительныя изъ рѣкъ, которыя мы видѣли, были: Волга, Араксъ, соединяющійся съ Курою, Кизиль-узень, Быстрая, Аксай и Койсу. Кромѣ того, съ сѣвера впадаютъ Яикъ и Ем[ба], а съ юга и востока: Ніосъ, Оксъ и Орксантъ, именуемый у Курція Танаисомъ.

Многіе удивляются, откуда это происходитъ, что это море поглощаетъ въ себѣ столь много рѣкъ, но не имѣетъ замѣтнаго выхода. Нѣкоторые полагаютъ, что, въ виду своей замкнутости, оно отводится въ океанъ и открытое море черезъ скрытые каналы или лазейки подъ землею. Этого мнѣнія Сварій, а на основаніи его и Цэзій «De mineralibus», кн. I, гл. VI, стр. 57, гдѣ сказано: «Сварій въ кн. II о шестидневномъ твореніи, въ гл. VI, говоритъ правильно: «Нужно думать, что если у Каспія нѣтъ никакого внѣшняго сообщенія съ океаномъ, зато должно быть какое-либо подземное».

Персы сообщили намъ, что къ югу между Табристаномъ и Мазандараномъ, недалеко отъ Ферабата, имѣется большая пропасть, куда устремляется море, исчезая подъ горы. Но что можетъ значить этотъ единственный выходъ при столь многихъ впадающихъ рѣкахъ? Я лично полагаю, что съ этимъ моремъ и рѣками происходитъ то же, что и съ величайшимъ моремъ и рѣками. На этотъ счетъ имѣются различныя мнѣнія, какъ можно прочитать у болѣе свѣдущихъ въ естествознаніи въ сочиненіяхъ «De generatione fontium», т. е. о происхожденіи источниковъ и рѣкъ. Николай Кабеусъ говоритъ въ комментаріяхъ къ «Метеорологикѣ» Аристотеля о нѣсколькихъ подобныхъ мнѣніяхъ. Перипатетики полагаютъ, что невозможно, чтобы рѣки выходили изъ моря и затѣмъ шли къ нему подъ

землею; да и противорѣчило бы естественному закону движенія, если бы тяжелыя вещи шли вверхъ.

Нѣкоторые полагаютъ, что земля, равно какъ и небо, имѣютъ своихъ разумныхъ духовъ или ангеловъ, управляющихъ внутри движеніями и поднимающихъ изъ глубинъ воду.

Другіе опять-таки говорятъ, что земля какъ бы животное, имѣющее свой духъ и душу, которыми всѣ части земли какъ бы снабжаются жизнью и приводятся въ движеніе. Поэтому воды естественной силой проходятъ сквозь скрытыя жилы земли, и поднимаются къ горамъ, какъ и въ человѣкѣ кровь отъ печени идетъ къ сердцу и черезъ полую вену (vena cava) поднимается вверхъ и къ головѣ; такимъ образомъ, хотя влага сама по себѣ и тяжела, все-таки естественная сила заставляетъ ее подниматься. Отсюда выводятъ, что не искусственнымъ, но совершенно естественнымъ движеніемъ является и то, что изъ центра или середины земли вода поднимается на высочайшія горы.

Лично у Кабеуса два мнѣнія. Во-первыхъ, онъ полагаетъ, что высота моря не вездѣ находится на одинаковомъ разстояніи отъ центра земли и что поэтому уровень моря въ одномъ мѣстѣ выше, чѣмъ въ другомъ, хотя моря и соединяются проливами или узкими проходами: напримѣръ, уровень Индійскаго океана много выше уровня Средиземнаго моря и т. д. Но откуда же въ такомъ случаѣ получаются рѣки, которыя съ высокихъ индійскихъ горъ втекаютъ въ Индійскій океанъ? И почему же уровень и высота морей, если послѣднія другъ съ другомъ соединяются, не дѣлаются, въ концѣ концовъ, одинаковыми? Тѣмъ болѣе вѣдь, что высшее море черезъ рѣки стекало бы въ низшее. Это, по его словамъ, можетъ происходить слѣдующимъ образомъ: такъ какъ извѣстно, что существуетъ подземный жаръ, вызывающій происхожденіе металловъ и камней, и такъ какъ земля во многихъ мѣстахъ состоитъ изъ песчаниковъ или изъ скалистыхъ породъ съ трещинами или же оказывается губчатаго строенія, и поэтому впитываетъ въ себя морскую воду, то и происходитъ, что внутренній жаръ превращаетъ воду въ пары, которые затѣмъ черезъ скрытыя трещины и ходы подымаются вверхъ и здѣсь, подъ холодными сводами, какъ бы въ дистилляціонной печи, опять превращаются въ воду и вытекаютъ въ качествѣ потоковъ прѣсной воды, такъ какъ вѣдь соль при дистиллированіи всегда остается на днѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда подобные пары прорываются наружу, они превращаются въ дождь. Таково, по его словамъ, было и мнѣніе Аристотеля, говорившаго, что «изъ сгущеннаго

воздуха въ пещерахъ земли образуются источники». Объ этомъ въ означенномъ трактатѣ (lib. I, textu 62) сказано подробнѣе.

Скалигеръ полагаетъ, что вытеканіе воды или источниковъ происходитъ вслѣдствіе тяжести воды въ морѣ, которая большей частью не находится спокойно на своемъ мѣстѣ, но приподнята, такъ что верхніе слои давятъ о нижніе, которые насильно вдавливаются въ щели и трубы внутри земли и принуждены подниматься выше, чѣмъ самое море. Это онъ доказываетъ рисункомъ, изображающимъ массу земную, въ которой 2 части воды и одна лишь часть суши. Онъ говоритъ, что Творецъ весьма мудро поднялъ на землѣ такія высоты, чтобы влага, выбрасывающаяся изъ нихъ, могла служить на пользу твореніямъ. Онъ прибавляетъ, хотя и въ видѣ шутки, но для размышленія: «Нельзя обойти и того, что говорилъ среди собутыльниковъ полумонахъ: «есть въ землѣ вены, въ которыхъ тянется вода, какъ кровь въ венахъ животныхъ». Это замѣчаніе я прибавляю тебѣ для смѣха, послѣ этихъ костей (post haec ossa)».

«Exercitatio-nes» 46.

Это мнѣніе Скалигера довольно таки пріемлемо; съ нимъ совпадаетъ и изреченіе Соломона, говорящаго: «Вся вода приходитъ изъ моря и возвращается къ нему». Теряетъ же она соль свою въ виду многихъ окольныхъ путей, по которымъ она должна идти. Поэтому-то Скалигеръ («Exercit.» 50) и говоритъ (что̀ и мы сами узнали на опытѣ): «ключи тѣмъ прѣснѣе (слаще), чѣмъ дальше они отъ моря».

Eccles. I, [7].

Нѣтъ ничего противорѣчащаго въ томъ обстоятельствѣ, что подобные ключи иногда стекаютъ съ высотъ очень высокихъ горъ: такъ какъ вѣдь земля и вода вмѣстѣ образуютъ круглый шаръ, то высота этихъ горъ не слишкомъ велика. На возвратномъ пути изъ Персіи, между Дербентомъ и Шемахою, у деревни Соратъ (которую нѣкоторые зовутъ Бахель), я поднялся на довольно высокій холмъ, взялъ для забавы астролябію въ руки, поставилъ діоптру на горизонтальную линію и обратился въ сторону моря, находившагося въ 2-хъ миляхъ отсюда, такъ что я вполнѣ могъ замѣтить высоту моря. Я долженъ, однако, признать, что тогда вѣтеръ былъ нѣсколько бурный. Вареній, говорящій въ своей «Geographia» объ этомъ моемъ наблюденіи, предполагаетъ, что вѣтеръ могъ поднять волны, которыя во время бури ходятъ очень высоко и коротко. Квинтъ Курцій въ VI кн. пишетъ, будто это море болѣе прѣсное, чѣмъ вода въ другихъ моряхъ. Полибій же въ IV кн., стр. 309, Страбонъ въ I кн., стр. 34, и Арріанъ приписываютъ то же свойство Черному морю и причиною этого явленія считаютъ многія впада-

Прѣснѣе ли вода въ этомъ морѣ, чѣмъ въ остальныхъ.

ющія сюда рѣки, что замѣчается и въ Каспійскомъ морѣ. Если признать мнѣніе Курція, то нужно признавать его лишь по отношенію къ гирканскому или, по нынѣшнему названію, гилянскому побережью, гдѣ, дѣйствительно, вода, въ виду многихъ впадающихъ сюда рѣкъ, прѣсна. Какъ говоритъ Овидій, «de Ponto»:

lib. IV, Eleg. 10.

Влагой пополнясь обильной изъ рѣкъ, измѣнились здѣсь воды,
Силу соленыхъ своихъ море утратило струй.

Однако, если разсмотрѣть его подальше отъ берега, то окажется, что оно столь же солоно, какъ лишь можетъ быть открытое море. 12-го ноября, когда мы ночью во время бури оказались нѣсколько подальше въ морѣ, я нарочно, въ цѣляхъ удостовѣренія, попробовалъ на вкусъ эту воду. Прѣснѣе ли она (какъ пишетъ Скалигеръ о всѣхъ моряхъ) внизу на днѣ, чѣмъ вверху, я не имѣлъ желанія испробовать. Скалигеръ объясняетъ это слѣдующими словами: «солнце и воздухъ вверху высасываетъ чистую и прѣсную воду, оставляя густую и болѣе соленую». По той же причинѣ, по его мнѣнію, въ началѣ созданія море было прѣснымъ, а со временемъ сдѣлается еще болѣе соленымъ, такъ какъ оно поглощаетъ въ себѣ постоянно столько прѣсной воды изъ рѣкъ. *«Exerc.» 53.*

Весьма возможно, что во времена царя Александра море это было извѣстно лишь у побережья, такъ какъ, по словамъ Арріана (кн. VII), Александръ приказалъ на Гирканскихъ горахъ (полныхъ лѣса) рубить лѣсъ и строить корабли для изслѣдованія моря. Слѣдовательно, Курцій упоминаетъ лишь о томъ, что тогда уже было извѣстно о морской водѣ.

Наши послы хотѣли и твердо рѣшили, чтобы наши корабль и шлюпка, если бы они сохранились, исходили за время пребыванія нашего у шаха персидскаго, это море вдоль и поперекъ и собрали правильныя свѣдѣнія о его расположеніи. Послѣднее легко могло бы совершиться, если бы кораблекрушеніе не разрушило это предпріятіе.

По этому морю лѣтомъ ходятъ персы, татары и русскіе; такъ какъ у нихъ плохіе и скверно защищенныя суда, которыя могутъ ходить только передъ вѣтромъ (фордевиндъ), то они никогда не отваживаются въ середину моря, но всегда остаются вблизи суши, гдѣ они могутъ бросить якорь.

Здѣсь мало хорошихъ и безопасныхъ гаваней. Мѣсто между Дженцени и сушею за Терками считается убѣжищемъ для судовъ, вслѣдствіе чего здѣсь всегда останавливаются и ночуютъ

персы. Они устраиваютъ себѣ прибѣжища и у Баку, Ленкорани и Ферабата, смотря потому, откуда вѣтеръ и какъ имъ легче спастись у подвѣтреннаго берега. Лучшая гавань на всемъ морѣ расположена къ востоку, на татарской сторонѣ, въ Ховарезмѣ и называется Мингишлакъ; по ошибкѣ въ описаніи путешествія Дженкинсона она названа Mangusłave.

Чтобы, однако, вода въ открытомъ морѣ была черна какъ деготь и смола, какъ пишетъ о томъ Петрей въ своей хроникѣ (fol. 120), этого я и не замѣчалъ и не слыхалъ. Точно также невѣрно и то, что онъ говоритъ объ островахъ этого моря, будто они населены и на нихъ расположены многіе красивые города и мѣстечки. На самомъ дѣлѣ, нѣтъ на всемъ морѣ ни одного острова, на которомъ были бы расположены нѣсколько домовъ, не говоря уже о городахъ, за исключеніемъ развѣ Ѳнзиль у Ферабата, гдѣ, ради хорошаго пастбища, нѣсколько пастуховъ имѣютъ свои жилища. Я старательно разспрашивалъ гилянцевъ и другихъ жителей каспійскаго побережья, находятся ли и теперь въ морѣ такія большія змѣи, о которыхъ Курцій упоминаетъ по поводу означенныхъ мѣстъ. Однако всѣ говорили, что ничего подобнаго не знаютъ. Точно также неизвѣстна и та рыба, о которой Амвросій Кантаренъ упоминаетъ въ своемъ «Itinerarium», приложенномъ Петромъ Бизарромъ къ его сочиненію «de rebus Persicis», и которое и самъ Бизарръ по Кантарену описываетъ въ книгѣ XII, стр. 327: а именно, будто въ Каспійскомъ морѣ ловится круглая рыба безъ головы и другихъ членовъ тѣла, длиною въ $1^1/_2$ локтя; изъ этой рыбы жители будто вытапливаютъ жиръ, который жгутъ въ лампахъ; изъ него же якобы приготовляютъ верблюжьи мази, продающіяся по всей странѣ. Я получилъ на это въ отвѣтъ, что имъ нѣтъ нужды вытапливать жиръ изъ рыбы, такъ какъ въ этой области очень много нефти, которою они могутъ пользоваться для подобной цѣли.

Нѣтъ населенныхъ острововъ на морѣ.

Нѣтъ большихъ змѣй.

Эта нефть—особое масло, которое около Баку и близъ горы Бармахъ изъ постоянныхъ колодцевъ въ очень большомъ количествѣ вычерпывается и въ мѣхахъ развозится большими возами по странѣ, какъ мы сами видѣли, для продажи. Мнѣ сообщили, однако, что, дѣйствительно, въ морѣ имѣется большая рыба *naká* (т. е. поглотитель), съ короткими головою и брюхомъ, большимъ ртомъ и круглымъ хвостомъ; она діаметромъ въ 2—3—4 локтя и очень опасна и вредна для рыбаковъ. Она, обыкновенно, свѣшиваетъ голову внизъ, а хвостомъ можетъ опрокинуть лодку, если та не будетъ достаточно осторожна.

Что за рыба въ Каспійскомъ морѣ.

Подобной же опасности слѣдуетъ остерегаться отъ бѣлугъ, которыя очень многочисленны и велики. Поэтому рыбаки и не рѣшаются заходить въ море въ тѣ мѣста, гдѣ глубина болѣе 4-хъ саженъ.

Pomp. Mela lib. III, p. 185.

Это извѣстіе, вѣроятно, имѣлъ въ виду Помпоній Мела, когда онъ писалъ въ своей «Geographia»: «Это море страшно изъ-за чудовищъ болѣе, чѣмъ всякое другое, и поэтому менѣе судоходно»; иначе ничѣмъ это мнѣніе нельзя подтвердить, такъ какъ о другихъ какихъ-либо опасныхъ морскихъ животныхъ ничего неизвѣстно. Говорятъ, что этихъ своихъ враговъ жители въ Гилянѣ, сейчасъ же напротивъ горы Сахебеланъ, гдѣ они большей частью водятся, ловятъ при помощи бычачьей или бараньей печенки или мяса, вздѣтыхъ на большіе острые крючки съ крѣпкими канатами, и вытаскиваютъ на берегъ. Кромѣ этихъ рыбъ, въ морѣ, въ противоположность мнѣнію Кантарена и Бизарра, имѣются всякія рыбы, какъ-то: прекрасные большіе лососи, осетры, карпы, длиною болѣе 2-хъ локтей, особый видъ сельдей, большая порода лещей, которую они зовутъ *хашамъ* (отличается она отъ нашихъ менѣе высокой спиною); кромѣ того *швитъ*, порода барбъ [Cyprinus barbatus], величиною до 2-хъ локтей, но съ мясомъ слишкомъ жесткимъ и неидущимъ въ пищу въ тѣхъ случаяхъ, когда они величиною болѣе полулоктя.

Сугахтъ—это особая порода форели, которую они обильно солятъ и коптятъ. Къ обѣду ее приготовляютъ такимъ образомъ: они окутываютъ копченую рыбу полотняною или бумажною матеріею, кладутъ ее на горячій очагъ, осыпаютъ горячей золой и жарятъ; вкусъ ея тогда очень пріятный. Ни щукъ, ни угрей не видать во всей странѣ. Когда персы въ Германіи въ первый разъ увидѣли, что мы ѣдимъ угрей, они подумали, что мы ѣдимъ змѣй.

Сдача рѣкъ въ аренду.

Такъ какъ море очень богато рыбою, то рѣки, впадающія въ него, сдаются въ аренду и ежегодно доставляютъ шаху неимовѣрную сумму. Иногда, впрочемъ, налагаютъ такой оброкъ на рыбаковъ при этомъ, что они терпятъ замѣтный ущербъ. Въ наше время въ городѣ Кескеръ былъ арендаторъ, по имени Шемзи, который долженъ былъ за 5 рѣкъ платить 8.000 талеровъ; такъ какъ, однако, уловъ въ этомъ году былъ плохой, то онъ потерпѣлъ убытокъ въ 2.000 талеровъ. Срокъ такой аренды считался съ начала сентября до конца апрѣля. Въ это время рѣка на нѣкоторомъ разстояніи отъ моря загораживается частоколомъ, и между частоколомъ и моремъ никто въ это

время, кромѣ арендаторовъ, не имѣетъ права ловить рыбу. По ту сторону частокола, а также внѣ срока аренды всякій свободно можетъ ловить рыбу. Сказаннаго про Каспійское море достаточно.

LXXXII.

(Книга IV, глава 17).

О мѣстности, гдѣ мы выбросились на берегъ; какъ мы здѣсь жили.

Мюскюръ.

Та мѣстность, гдѣ мы выбросились на берегъ, называлась Мюскюръ; это была область и часть провинціи Ширванъ или Старой Мидіи. Она простирается отъ Дербента вдоль Каспійскаго моря до Гиляна, заключаетъ въ себѣ 200 деревень и находится подъ управленіемъ дербентскаго султана. Страна эта повсюду весьма пріятна на видъ, такъ какъ деревья и трава еще зелены; почва здѣсь тучна и плодородна, и вся область богата рисомъ, пшеницею и ячменемъ, а также хорошими плодами. Она заросла отдѣльными деревьями и немногими рощами, въ которыхъ птицы весело распѣвали еще въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Плодородная мѣстность у Каспійскаго моря.

Скотъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ ходитъ на пастбища; поэтому у жителей и нѣтъ привычки заготовлять много сѣна для своего скота. Если они его заготовляютъ, то для путешествующихъ.

Дико растущій виноградъ.

Виноградныя лозы подымались тутъ и тамъ у заборовъ, выросши дикими, не будучи посажены. Нѣкоторыя, представляя прекрасный видъ, поднимались по высокимъ деревьямъ на 8 или 10 саженъ въ вышину, обвивались вокругъ вѣтвей и свисали внизъ на 2—3 сажени.

Много мелкой дичи.

Подобнаго рода виноградныя лозы мы встрѣчали на возвратномъ пути во всемъ Гилянѣ, особенно въ Астарѣ, гдѣ онѣ достигали неимовѣрной высоты. Здѣсь было много красивой пернатой дичи, какъ-то: фазановъ, куръ; въ большомъ количествѣ имѣлись зайцы, охота на которыхъ доставляла намъ большое удовольствіе. Здѣсь же находится особый видъ лисицъ, которыхъ жители называютъ *шакалами*; онѣ величиною съ обыкновенныхъ лисицъ, которыя также встрѣчаются въ весьма большомъ числѣ и именуются *тулки*. У шакаловъ на спинѣ густая шерсть, причемъ волосы твердые, длинные и торчащіе кверху; брюхо

Шакалы — видъ лисицъ.

у нихъ бѣлоснѣжное, уши черны какъ смоль, а хвостъ меньше, чѣмъ у обыкновенной лисицы. Ночью они стаями бѣгали кругомъ деревни и жалостливо кричали, точно плакали.

Буйволы.

У крестьянъ здѣсь имѣется также очень много буйволовъ, на которыхъ они перетаскиваютъ бревна, деревья и большія тяжести. Ихъ питаніе и кормъ состоятъ изъ *шембелиле* или f[o]enum graecum, которымъ они, какъ у насъ чечевицею и виками, засѣваютъ цѣлыя поля. Когда оно еще зелено, его срѣзаютъ, и даютъ въ пищу буйволамъ и стебли и сѣмена. Молоко коровъ этой породы такъ жирно, что даетъ сливки въ 2 пальца толщиною и весьма вкусное масло. Сыръ они, однако, никогда не готовятъ изъ коровьяго, но лишь изъ овечьяго молока.

Деревня Ніазабатъ, въ которую мы направились, лежитъ отъ экватора въ 41°15'; въ ней едва 15 разбросанныхъ повсюду домовъ, которые всѣ построены отъ земли четырехугольникомъ высотою почти въ два человѣческихъ роста; вверху они были плоски, уложены дерномъ, на которомъ можно было ходить, какъ на землѣ. Подобнаго рода плоскія постройки обычны во всей Персіи и даже во всей Азіи. Въ лѣтнее время видно, какъ люди иногда ходятъ взадъ и впередъ на крышахъ, гдѣ иногда есть палатки, иногда и нѣтъ, какъ здѣсь ѣдятъ, а ночью, чтобы имѣть прохладу, спятъ. Тутъ мы особенно ясно поняли, какъ это произошло, что разслабленный черезъ крышу былъ спущенъ къ ногамъ Господа Іисуса Христа. Поняли мы и слова Христа, что тотъ, кто на крышѣ, не долженъ сходить внизъ, чтобы принести что-либо. Внутри всѣ эти крестьянскіе дома были очень опрятны и въ комнатахъ полы выстланы коврами.

[Еванг. отъ Марка, гл. II].

Насъ помѣстили въ Ніазабатѣ въ домахъ, и сначала каждый получалъ хорошее угощеніе отъ своего хозяина. Такъ какъ, однако, насъ было много народу, и намъ полагалось оставаться здѣсь нѣсколько недѣль, деревня же была невелика и, кромѣ того, не имѣлось приказанія о доставленіи намъ пищи, то насъ, на нашъ счетъ, стали кормить не въ домахъ, а рядомъ съ помѣщеніемъ пословъ въ палаткѣ. Въ виду отсутствія свѣжаго хлѣба и пива, намъ пришлось довольствоваться черствыми «сухарями» и пить мутную рѣчную воду, такъ какъ по близости не было ключа.

Корабль, насколько можно было перетащить черезъ воду, былъ разобранъ, и его употребили на топливо.

Подарки дербентскаго

19-го ноября намѣстникъ дербентскій Шахевирди-султанъ прислалъ двухъ сановитыхъ людей, одинъ изъ которыхъ былъ

брат каухи ніазабатскаго, чтобы привѣтствовать пословъ. Они доставили, наряду съ письмомъ, въ подарокъ 2-хъ лошадей, 2-хъ быковъ, 12 овецъ, 20 куръ, 3 большихъ кувшина съ виномъ, кувшинъ съ чистой водой, 2 корзины яблоковъ, 5 мѣшковъ пшеничной муки; все это султанъ самъ отъ себя приносилъ въ даръ. Когда послы узнали, что въ письмѣ султана говорится только объ одной [лошади], то лишь одну они и хотѣли принять. Посланные, однако, указали на то, что султанъ зналъ лишь объ одномъ послѣ и поэтому прислалъ только одну лошадь. Здѣсь же они узнали, что пословъ двое, и поэтому они пріобрѣли еще одну лошадь, прекрасно зная, что султану это понравится; «все, что они—въ особенности одинъ изъ нихъ, являющійся вице-губернаторомъ въ отсутствіи султана — сдѣлаютъ въ этомъ отношеніи, будетъ одобрено султаномъ». Когда Брюг[геманъ] замѣтилъ, что его лошадь не такъ хороша, какъ лошадь Крузіуса, онъ ни за что не захотѣлъ ее принять, какъ ни упрашивали его персы и какъ ни протестовали противъ обиды, наносимой этимъ султану. Султану также не сдѣлано было никакого отвѣтнаго подарка, столь же обычнаго въ Персіи, какъ и въ Россіи. Позже мы замѣтили, что султанъ во всемъ сталъ намъ противиться и скорѣе мѣшалъ, чѣмъ помогалъ нашей поѣздкѣ.

султана посламъ.

22-го с. м. послы отправили трехъ лицъ изъ свиты въ Шемаху къ хану или генералъ-губернатору всей ширванской провинціи, чтобы сообщить о нашемъ прибытіи и просить о средствахъ для немедленнаго продолженія пути. Однако, ханъ уже успѣлъ узнать о нашемъ прибытіи и послалъ къ намъ проводника, съ которымъ наши гонцы разошлись на дорогѣ. Этотъ проводникъ прибылъ 29-го с. м. въ великолѣпной одеждѣ, на лошади, прекрасно разубранной и украшенной многими камнями бирюзы, любезно привѣтствовалъ пословъ и сообщилъ имъ, что шемахинскій ханъ назначилъ его мехемандаромъ (такъ называютъ они пристава или проводника) и прислалъ его для того, чтобы онъ снабдилъ пословъ всѣмъ необходимымъ по части провизіи, подводъ и лошадей и доставилъ въ Шемаху. Этого проводника вмѣстѣ съ персами, прибывшими съ нимъ, довольно долго угощали разными водками и плодами и увеселяли салютами и музыкою, которую они особенно любили слушать и о которой часто просили. Мехемандаръ въ свою очередь прислалъ намъ 5 овецъ, 3 кувшина вина и нѣсколько гранатовыхъ яблокъ.

Изъ Шемахи присылаютъ мехемандара.

Подарки мехемандраа.

30-го ноября вернулись наши гонцы изъ Шемахи съ сообщеніемъ, что хана встрѣтили не въ городѣ, а въ нѣсколькихъ

миляхъ впереди его въ палаткахъ, съ 400-ми человѣкъ. Гонцовъ любезно встрѣтили и сообщили имъ, что всякія мѣры уже приняты, и что навстрѣчу посламъ посланъ мехемандаръ для помощи имъ. Далѣе было сказано, что хану извѣстно о прибытіи нашемъ въ числѣ 300 человѣкъ; извѣстіе объ этомъ уже послано шаху, которому мы всѣ будемъ пріятными гостями даже въ томъ случаѣ, если бы насъ оказалось вдвое больше. *Шахъ — царь.* [Какъ тутъ сказали], шахъ — ихъ царь — уже давно услышалъ о посольствѣ и съ нетерпѣніемъ дожидается его. Ханъ также старательно разспрашивалъ подъ секретомъ нашего переводчика Рустама о нашихъ нравѣ, жизни, обычаяхъ и т. п.

Когда нашъ мехемандаръ узналъ отъ насъ, сколько намъ требуется лошадей и подводъ, а султанъ дербентскій не захотѣлъ дать намъ съ собой такого количества изъ своей области, то онъ собрался въ путь, чтобы набрать ихъ въ шемахинской области. Намъ пришлось тѣмъ временемъ ждать цѣлый мѣсяцъ.

Въ теченіе этихъ дней шахскій купчина, перенесшій на морѣ большую опасность, благополучно прибылъ въ это мѣсто.

Прибытіе потерпѣвшихъ крушеніе. 24-го с. м. прибыла еще небольшая лодка съ 5-ью лицами, которыя одни лишь спаслись, послѣ пятидневныхъ скитаній по морю, съ персидскаго судна, шедшаго въ Гилянъ и 13-го с. м. ночью во время сильной бури залитаго водой и жалкимъ образомъ затонувшаго съ товарами и 50-ю людьми экипажа.

Какъ велика была сначала наша радость, когда мы наконецъ добрались до давно желанной персидской земли послѣ столь многихъ перенесенныхъ нами бѣдъ, столь же сильно она была отравлена намъ большой досадой и замѣтнымъ ожесточеніемъ нравовъ, распространившимися во всей свитѣ съ самаго вступленія въ страну и долго продолжавшимися изъ-за упрямства одного изъ главнѣйшихъ лицъ въ нашей средѣ. Впрочемъ вѣжливѣе будетъ промолчать объ этомъ, чѣмъ приводить подробности.

Нѣкоторые изъ нашей среды, одновременно отправившіеся изъ Мейссенской земли и Саксоніи и постоянно державшіеся дружелюбно вмѣстѣ, въ первый день декабря, чтобы утѣшиться въ досадахъ, отправились гулять въ поле. Не только прекрасная, какъ бы лѣтняя погода, но и пріятный зеленый лѣсъ, изящно смѣшанный съ виноградниками и гранатовыми деревьями, заставили насъ присѣсть на пріятномъ пригоркѣ, который рѣчкой, дугою окаймлявшею его съ пріятнымъ ропотомъ, превращался почти въ полуостровъ; здѣсь мы услаждались воспоминаніями о добрыхъ друзьяхъ, оставленныхъ нами въ Германіи. Улучшенію

Воспоминаніе о добрыхъ

нашего расположенія сильно способствовалъ еще нашъ дорогой другъ г. Гартманъ Граманъ сохранившимся у него запасомъ ветчины, вяленыхъ бычачьихъ языковъ, испанскаго вина Аликанте и водки. Это мѣсто, расположенное недалеко отъ деревни, мы съ тѣхъ поръ посѣщали зачастую и между прочимъ среди травъ и цвѣтовъ, которые здѣсь достигали необыкновенной величины, встрѣтили очень много «небесныхъ ключей» (Himmelschlüssel) и нарциссовъ. *друзьяхъ въ пріятномъ мѣстоположеніи.*

Подарокъ татарскаго князя изъ Тарку.

9-го с. м. прибылъ татарскій князь изъ Тарку съ братомъ своимъ, бывшимъ у насъ въ Теркахъ, и со свитою въ 20 человѣкъ, для посѣщенія пословъ. Такъ какъ въ Ніазабатѣ ему негдѣ было помѣститься, онъ поселился въ сосѣдней деревнѣ и на слѣдующій день отправилъ посламъ въ подарокъ быка, нѣсколько овецъ и двѣ большихъ корзины съ яблоками; ему въ отвѣтъ подарили нѣсколько локтей матеріи, атласу, водки и табаку. Онъ сообщилъ намъ, что къ нему пришелъ гонецъ изъ Терокъ, сообщившій, что дагестанскій шемхалъ султанъ Махмудъ, живущій на Койсу, съ нѣсколькими сотнями человѣкъ напалъ на его страну. Онъ просилъ по этому поводу пословъ, чтобы они помогли ему нѣкоторымъ количествомъ пороха. Ему подарили боченокъ въ 80 фунтовъ.

Въ этотъ день нашъ мехемандаръ снова явился и обнадежилъ насъ относительно нашего отправленія въ путь, которое имѣетъ быть не позже какъ черезъ 14 дней, когда не только изъ шемахинской, но и изъ дербентской области придетъ достаточно верблюдовъ, лошадей и подводъ. Дѣйствительно 12-го кое-какіе и прибыли, но ночью всѣ они вновь разбѣжались. Мехемандаръ извинилъ ихъ тѣмъ, что въ эту ночь выпалъ снѣгъ и было такъ холодно, какъ въ теченіе многихъ лѣтъ не бывало, а персы не привыкли ѣхать въ такую погоду, да и, къ тому же, верблюды, въ виду своихъ круглыхъ ногъ, не могутъ подвигаться впередъ на скользкомъ пути. Кромѣ того поѣздка въ Шемаху, куда считается 20 фарзенговъ или миль, была бы очень тяжела, если бы направиться черезъ горы, гдѣ мало деревень. Бывало, по его словамъ, не мало случаевъ, что караваны замерзали въ горахъ за отсутствіемъ дровъ; поэтому намъ пришлось ждать еще 10 дней. Въ теченіе нѣсколькихъ ночей была холодная снѣжная погода, но обыкновенно послѣ этихъ дней наступало пріятное солнечное сіяніе, которое опять удаляло снѣгъ. Мы впрочемъ полагали, что все сказанное—персидская выдумка, на каковыя персы очень щедры, и что цѣль ея—задержать насъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ приказаніе отъ шаха, какъ насъ при-

нять и угостить: до сихъ поръ мы кормились на собственныя деньги.

Бр. начинаетъ вызывать недовольство.

Въ теченіе этихъ дней п[осолъ] Б[рюггеманъ] велѣлъ разрубить и сдѣлать для пушекъ лафеты изъ нѣсколькихъ толстыхъ бревенъ, которыя, по словамъ персовъ, съ большими затратами были доставлены издалека на берегъ для шахскаго судостроенія; это было сдѣлано, хотя персы и утверждали, что, въ случаѣ отнятія нами лучшихъ бревенъ, въ нынѣшнемъ году не придется строить шаху корабля. Однако на жалобы данъ былъ такого рода отзывъ: «Съ этимъ народомъ нужно всегда такъ поступать; чего они добровольно не даютъ, то нужно брать насильно». Персы, однако, и здѣсь поступили по своему. Когда мы собрались въ путь, намъ доставили поменьше лошадей, такъ что лафеты остались лежать, а пушки пришлось нагрузить на верблюдовъ.

21-го декабря прибыли какъ шемахинскій, такъ и особый дербентскій мехемандары, доставивъ 40 верблюдовъ, 30 подводъ съ волами и до 80 лошадей; багажъ былъ нагруженъ и съ немногими служителями отправленъ впередъ. Когда послы захотѣли идти слѣдомъ съ остальными людьми, съ кухнею и постельными принадлежностями, то для 94 человѣкъ едва осталось 60 лошадей для верховой ѣзды. Мехемандаръ клялся головой шаха, что для него было невозможно въ короткое время собрать больше лошадей, что мы находимся въ области султана дербентскаго, котораго мы настроили противъ себя враждебно: этотъ султанъ теперь проявляетъ свое недовольство нами; поэтому, по словамъ мехемандара, намъ слѣдовало, чтобы еще больше не потерять времени, собраться въ путь и идти дальше, какъ мы лишь могли; какъ только мы прибудемъ въ область хана шемахинскаго, онъ брался въ достаточной мѣрѣ пополнить недостающее у насъ.

Долгъ платежомъ красенъ.

Уходъ изъ Ніазабата.

Поэтому мы 22-го декабря собрались въ путь изъ Ніазабата, гдѣ простояли 5 недѣль. При этомъ нѣкоторые, а именно мальчики, должны были подсѣсть на лошадяхъ сзади, а другіе, какъ-то лакеи, драбанты, солдаты и другой простой людъ,— идти пѣшкомъ. Путь шелъ вдоль персидскаго побережья къ югу. Мы переправились черезъ 4 небольшихъ рѣки и къ вечеру прибыли въ деревню Мордовъ, черезъ 4 большихъ мили; она принадлежитъ къ Шемахѣ. Крестьяне жили въ родѣ татаръ подъ Астраханью, въ очень плохихъ, сплетенныхъ изъ камыша и гибкихъ прутьевъ круглыхъ домахъ, которые они зовутъ *оттакъ*. Такъ какъ дровъ въ этомъ мѣстѣ не было, то мы,

особенно тѣ изъ насъ, что̀ перешли черезъ рѣки и воду, имѣли плохой ночлегъ.

Мордовъ по-турецки обозначаетъ болото, такъ какъ кругомъ и рядомъ съ этой деревнею большое болото и трясины, которыя изъ-за многихъ ключей и въ самую суровую зиму не замерзаютъ. Поэтому именно въ зимнее время тамъ болѣе всего ловятъ лебедей, и пухъ ихъ идетъ на постели шаха. Въ этой, какъ и въ сосѣднихъ деревняхъ, живетъ нація, именуемая *падаръ;* у нея особый языкъ, нѣсколько родственный турецкому и персидскому. Они турецкой вѣры, но имѣютъ еще особые суевѣрные обычаи. Горячія кушанья у нихъ стоятъ до тѣхъ поръ, пока они сами собою не остынутъ совершенно, ставъ удобными для ѣды. Никто не смѣетъ дуть на нихъ, и если это сдѣлаетъ, по незнанію, кто-либо изъ зашедшихъ въ ихъ домъ иностранцевъ, то пищу, какъ нечистую, нужно выбросить. *Нація «падаръ».*

Здѣсь посолъ Брюг[ге]манъ призвалъ къ себѣ кауху или начальника ніазабатскаго и сталъ ему выговаривать за то, что султанъ дербентскій дурно поступилъ съ нами: «онъ, посолъ, въ самомъ сердцѣ обиженъ тѣмъ, что ему приходится видѣть, какъ люди, дорогіе ему, какъ собственные глаза его, потому, что они обязаны жить и умереть съ нимъ, — принуждены были сдѣлать столь трудное путешествіе пѣшкомъ черезъ многія болота и рѣчки». Онъ говорилъ, что не можетъ не пожаловаться на это шаху. Кауха возразилъ: «они не полагали, что нашъ багажъ столь великъ и требуетъ такого числа лошадей; къ тому же онъ не знаетъ, зачѣмъ мы хотѣли взять съ собою паруса корабля, пушки и очень тяжелыя деревянныя подставки, на которыхъ стояли орудія для каменныхъ ядеръ; неужели мы думаемъ, что у шаха въ странѣ нѣтъ дерева и т. д. Султанъ же, безъ сомнѣнія, отвѣтитъ на жалобу». На слѣдующее утро нашъ мехемандаръ доставилъ еще 20 лошадей. Послы велѣли нѣкоторымъ изъ простого люда и боцманамъ, разбивъ въ куски ничего не стоящіе ящики и бочки, прибавить хорошія вещи въ другія [вмѣстилища]. Затѣмъ мы направились дальше и прошли 3 мили до деревни Тахоуси, лежащей въ долинѣ и построенной изъ красивыхъ домовъ.

24-го с. м. мы прошли еще 3 мили дальше до горы и высокой скалы Бармахъ и зашли въ открытый дворъ, расположенный подъ горою. Такіе дворы или убѣжища, называемые у нихъ каравансераями, построены въ Персіи, въ виду пустынности и неизвѣстности страны, у большихъ дорогъ тамъ и сямъ въ большомъ количествѣ; каждый изъ нихъ на разстояніи дня пути отъ другого. Въ большинствѣ ихъ не имѣется ничего, *Бармахъ.* *Каравансераи или постоялые дворы.*

кромѣ пустыхъ сводчатыхъ помѣщеній и конюшенъ; поэтому провизію и кормъ нужно везти съ собою. Когда здѣсь дербентскіе возчики заявили, что думаютъ вернуться со своими верблюдами и лошадьми обратно и что мы должны будемъ ждать другихъ подводъ изъ Шемахи, послы барабаннымъ боемъ и трубами велѣли созвать людей и показали видъ, точно они всѣ предполагаютъ пѣшкомъ идти въ Шемаху, оставивъ багажъ позади на отвѣтственности возчиковъ. Тутъ возчики одумались и остались на мѣстѣ.

Этотъ караван-серай былъ очень старымъ зданіемъ, выстроеннымъ изъ большихъ квадратныхъ камней; онъ былъ построенъ четырехугольникомъ, съ каждой стороною въ 42 шага. Вверху надъ воротами были двѣ камеры, въ одной изъ которыхъ мы нашли нѣкоторыя еврейскія буквы, слѣдующимъ образомъ высѣченныя въ камнѣ:

וכחבכזאבריצחשנאחקלז

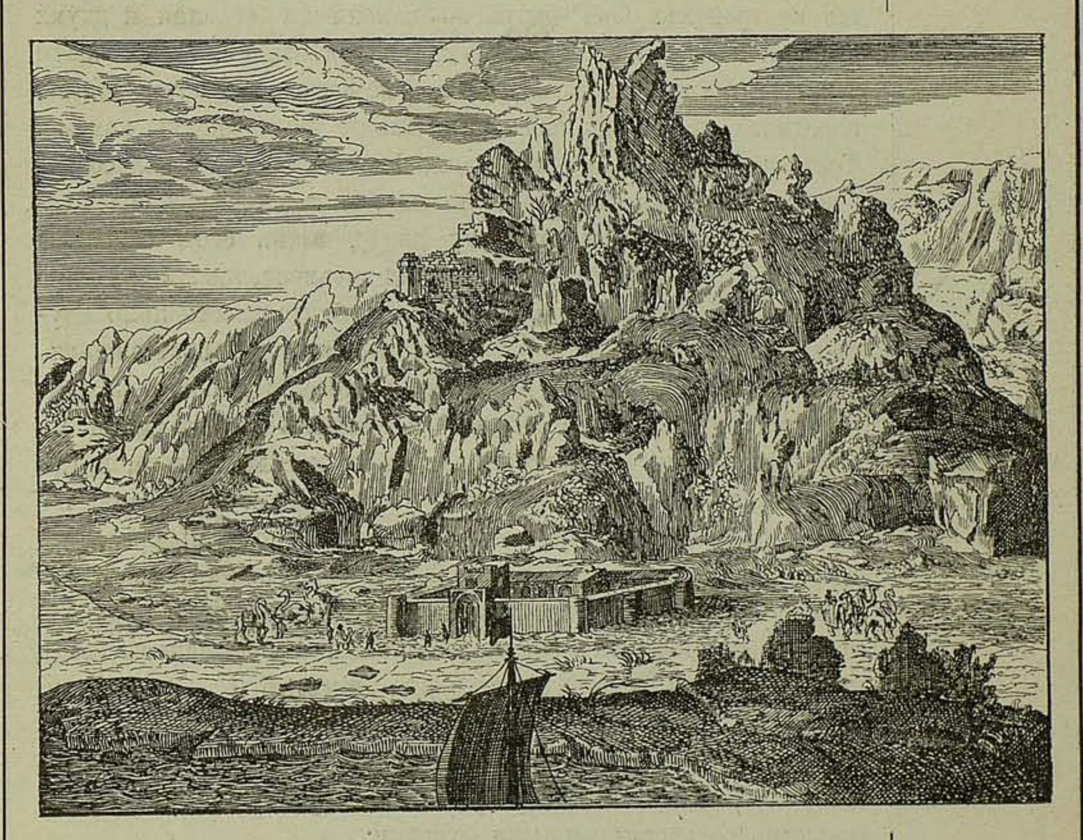
Внутри и внѣ тѣхъ же помѣщеній нашли мы нѣсколько письменъ; наиболѣе отчетливыя изъ нихъ имѣли такой видъ:

25-го декабря, въ день Рождества Христова, справивъ въ большой конюшнѣ нашъ праздникъ и богослуженіе, нѣкоторые изъ насъ пошли посмотрѣть высокую гору и скалу, о которой персы намъ много разсказывали и баснословили.

Гора Бармахъ.

Эта гора лежитъ въ двухъ выстрѣлахъ изъ мушкета отъ каспійскаго побережья; она видна издали, кругла и сверху увѣнчана высокой круглой скалою, которую по-турецки зовутъ Бармахъ («палецъ»), такъ какъ, подобно простертому вверхъ пальцу, она поднимается высоко надъ другими горами. Съ правой стороны изъ долины вверхъ извивается дорога; такъ какъ, однако, она намъ была неизвѣстна, то мы съ большой опасностью вскарабкались вверхъ. Воздухъ вверху мы застали столь холоднымъ, что дернъ и травы, довольно длинныя, были покрыты льдомъ, какъ леденцами, въ то время, какъ внизу въ караван-сераѣ было тепло и погода пріятная. По старымъ развалинамъ и остаткамъ стѣнъ на горѣ можно было легко заключить, что здѣсь, вѣроятно, стояло великолѣпное зданіе и прекрасное укрѣпленіе: у подножья высокой скалы Бармахъ находится ровное мѣсто въ 50 квадратныхъ саженъ, которое было защищено толстыми

стѣнами и 4 башнями; посерединѣ его находился очень глубокій изъ камня сложенный колодецъ и невдали отъ него двѣ могилы, покрытыя большими круглыми камнями; особо стояла у сѣверной части, у самой скалы, большая часть стѣны изъ большихъ вытесанныхъ цокольныхъ камней, составлявшихъ, вѣроятно, особое укрѣпленіе. Отсюда по нѣсколькимъ высѣченнымъ ступенямъ можно было проникнуть почти до вершины скалы, гдѣ опять находилось особое высѣченное въ камнѣ сводчатое зданіе, которое могло служить третьимъ оплотомъ. Говорятъ, эта крѣпость по-

строена Александромъ и разрушена Тамерланомъ. Нѣкоторые изъ насъ усѣлись на скалѣ и дали другъ другу обѣты въ искренней и постоянной дружбѣ. Мы сорвали нѣсколько смоквъ, которыя тутъ и тамъ росли въ старыхъ стѣнахъ у щелей въ камняхъ, и вернулись внизъ по вѣрной дорогѣ. Тѣмъ временемъ внизу подъ нами шелъ дождь, между тѣмъ какъ вверху на горѣ былъ прекраснѣйшій воздухъ и мы видѣли подъ собою туманъ, представлявшій тучи.

26-го с. м. мы въ очень теплый солнечный день поѣхали дальше, велѣвъ багажу идти обходнымъ путемъ по равнинѣ у

города Бакуйе [Баку]. На лошадяхъ мы переправились черезъ горы и къ вечеру, пройдя 5 миль, прибыли къ деревнѣ Ханегэ, лежащей среди суровыхъ горъ; здѣсь имѣлись хорошій медъ и всякіе фрукты, но вода была гнилая.

Пюрмара(а)съ деревня.

27-го с. м. путешествіе опять шло 5 миль дальше къ деревнѣ Пюрмара(а)съ, лежащей въ 3-хъ миляхъ отъ Шемахи. Здѣсь похороненъ персидскій святой, по имени Сеидъ Ибрагимъ. Персы говорили, что это древнее мѣсто погребенія, и что Тамерланъ, который вообще все въ этихъ мѣстахъ опустошилъ, его не тронулъ. Оно окружено каменными стѣнами и двумя дворами и построено и украшено въ родѣ замка. Наши послы захотѣли посмотрѣть могилу, но ихъ не пожелали пустить дальше передняго двора, гдѣ находились много надгробныхъ камней. Такъ какъ я, тѣмъ не менѣе, хотѣлъ подойти нѣсколько поближе и все-таки посмотрѣть могилу, то я къ вечеру опять собрался въ путь къ персидскому двору, взявъ свою записную книгу въ руки, и записывалъ арабскія письмена, тамъ и сямъ высѣченныя въ стѣнахъ, чтобы усыпить бдительность мимо идущихъ персовъ. Когда я увидѣлъ, что персамъ, полагавшимъ, что я поступаю такъ въ честь ихъ святого, мои поступки нравятся, я отважился на большее и прошелъ черезъ дверь къ верхней площади, гдѣ находился входъ къ могилѣ святого, и гдѣ всѣ стѣны также были покрыты письменами и молитвами. Не замѣтивъ въ теченіе получаса никого, я, наконецъ, прокрался въ дверь, запертую лишь деревяннымъ засовомъ, и осмотрѣлся внутри хотя и въ страхѣ и ужасѣ: здѣсь находились разные своды, въ которые свѣтъ падалъ сквозь узкія окна. Въ переднемъ сводѣ стояла высокая каменная гробница высотою въ 2 ступени, наискось къ дверямъ; она была окружена рѣшеткою. По лѣвую сторону можно было черезъ дверь пройти въ свѣтлый выбѣленный ходъ, выложенный прекрасными коврами. На стѣнѣ было написано большими черными буквами:

Мѣсто погребенія Сеидъ-Ибрагима.

توكلت على الله [illegible]

Это значитъ:

Богъ — мой во всемъ оплотъ:
Отъ всѣхъ Онъ бѣдъ спасетъ.

Въ ходѣ направо былъ другой сводъ, гдѣ находились 8 выложенныхъ камнемъ гробницъ. Отсюда въ правую сторону шелъ третій ходъ, гдѣ лежалъ Сеидъ Ибрагимъ. Эта гробница была устроена съ локоть вышиною и покрыта желтой дамастовою

тканью. Вокругъ стояли на большихъ желтой мѣди подсвѣчникахъ восковыя свѣчи и фонари. Вверху на сводѣ висѣли лампы, которыя я едва могъ увидѣть, такъ какъ было довольно темно. Когда я незамѣченный вновь вышелъ, то и нашъ пасторъ захотѣлъ войти; поэтому я вновь рѣшился войти и въ безопасности вошелъ и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Мѣсто погребенія Тирибаббы.

Въ двухъ выстрѣлахъ изъ мушкета отъ деревни къ востоку находится благоустроенная гробница святого Тирибаббы, бывшаго учителемъ Сеидъ-Ибрагима. Какъ намъ разсказывали, онъ будто бы нетлѣннымъ стоитъ на колѣняхъ, одѣтый въ сѣрый кафтанъ, и какъ бы молится. Это чудо будто испрошено его бывшимъ писцомъ С[еидъ]-Ибрагимомъ отъ Бога, чтобы учитель его и послѣ смерти, такъ же какъ и при жизни, всегда представлялся набожно молящимся.

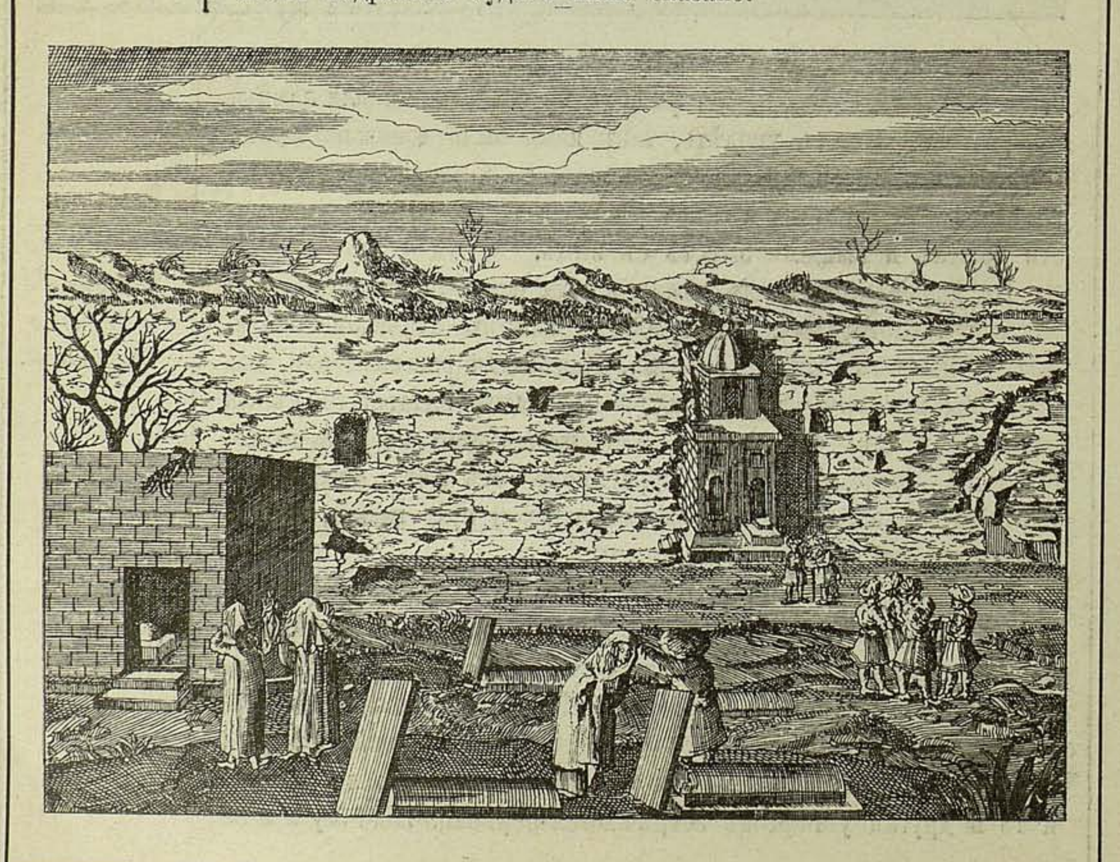
Говорятъ, что ежегодно на этотъ сѣрый кафтанъ надѣваютъ бѣлый, а старый дѣлятъ на части и раздаютъ паломникамъ: въ опредѣленное время издалека совершаются сюда людьми паломничества, зачастую пѣшкомъ. Жители баснословили объ этихъ обоихъ святыхъ много невѣроятныхъ вещей, которыя были похожи или на колдовство или на совершенную ложь: вѣдь и то и другая у персовъ встрѣчаются нерѣдко. Поэтому я и не

считаю нужнымъ записывать эти вещи. Надъ дверьми этого мѣста погребенія стояли арабскія слова:

يا مفتح الابواب

О, Боже, отвори сію дверь!

Вокругъ мѣста погребенія Тирибаббы въ той же горѣ высѣчено много пещеръ и каморокъ, въ которыхъ останавливаются паломники и совершаютъ жертвы. Нѣкоторыя изъ нихъ были столь высоки надъ землею, что безъ лѣстницы нельзя было взобраться въ нихъ. Трое изъ нашей свиты не безъ опасности помогли другъ другу взобраться на крутую стѣну. Въ ней были устроены четыре просторныя камеры, мѣста для постелей и ясли, — всѣ высѣченныя въ скалѣ. *Камень, слитый изъ раковинъ.* Мы съ удивленіемъ замѣтили, что въ этой твердой скалѣ у сводовъ вкраплены небольшія раковинки, и что вся скала въ иныхъ мѣстахъ имѣетъ тотъ видъ, точно она отлита изъ раковинъ и песку. На возвратномъ пути мы у Каспійскаго моря видѣли цѣлыя горы и твердыя скалы такого рода. Объ этомъ подробнѣе будетъ ниже сказано.

Въ деревнѣ Пюрмарасъ никто изъ персовъ не смѣетъ пить вино, и они пьютъ лишь воду, чтобы нарушеніемъ закона, на этотъ счетъ изложеннаго въ Алкоранѣ, не осквернить этого священнаго мѣста.

Въ деревнѣ, наряду съ мѣстомъ погребенія Ибрагима, подъ землею устроенъ очень глубокій сводъ въ 52 фута длиною и 20 шириною, превосходно устроенный изъ квадратныхъ камней. Здѣсь зимою собираютъ снѣгъ, ледъ и воду, а затѣмъ въ теченіе лѣта, когда воды немного, пользуются этимъ сводомъ [цистерною] для себя и для своего скота.

29-го декабря мы, по указанію хана, отправили нашего фурьера впередъ въ Шемаху, чтобы приготовить намъ жилища. Когда мы, однако, вечеромъ хотѣли слѣдовать за нимъ и уже собрались въ путь, ханъ прислалъ къ намъ гонца и просилъ еще одну ночь, не безпокоясь, прождать здѣсь. Какъ мы позднѣе узнали, его минаджимъ или астрологъ сказалъ: «этотъ день неудобенъ и несчастливъ для пріема чужестранцевъ». Онъ прислалъ намъ для утѣшенія 4 большихъ кувшина и 4 мѣшка, полныхъ вина, гранатъ, яблокъ, грушъ, квитовъ и каштановъ. Точно также каждому послу подарена была лошадь, прекрасно убранная, съ сѣдломъ и уздою.

Совѣтъ астролога.

На слѣдующій день, 30-го с. м., мы около 8-ми часовъ утра отправились въ дорогу отъ Пюрмараса и добрались, наконецъ, до Шемахи, гдѣ насъ великолѣпнѣйшимъ образомъ приняли.

LXXXIII.

(Книга IV, глава 20).

О городѣ Шемахѣ и объ окружающихъ горахъ.

Городъ Шемаха

Городъ Шемаха различно называется и пишется разными писателями. Нѣкоторые пишутъ его Sumachia, Summachia и Samachia, какъ, напримѣръ, Бизарръ, Барбаръ и др., а испанцы Xamachi. На ландкартахъ нѣкоторые ставятъ его выше, другіе ниже Дербента, а еще иные въ обоихъ мѣстахъ. Туземцы и персы называютъ его, по нашему произношенію, Шамахіе. Въ виду извилинъ дороги, переходящей черезъ горы и посреди нихъ, городъ этотъ лежитъ въ 40 добрыхъ миляхъ или 6-ти дняхъ пути за Дербентомъ. До Каспійскаго берега у Бакуйе [Баку], если идти верхомъ или пѣшкомъ черезъ горы на Лахаджъ, таможенное мѣсто, 2 дня пути [отсюда], или тѣмъ же путемъ на верблюдахъ — 4 дня. Шесть дней пути прихо-

Разстояніе отъ Дербента и отъ моря.

дится (какъ безразлично пишутъ другіе), если захотѣть съ тяжело нагруженными верблюдами обойти горы равниною у рѣки Аракса. Долгота здѣсь составляетъ 84°30′ а широта — 40°50′. Здѣсь столица важной страны, именовавшейся у древнихъ Media Atropatia, а нынѣ называющейся Ширваномъ, хотя нѣкоторые и желаютъ зачислить ее въ Гирканію, на границѣ которой она приходится. Какъ говорятъ, Шемаху построилъ Ширванъ-шахъ. Она лежитъ въ горахъ: поэтому ее и нельзя увидѣть, пока не подойдешь близко. Раньше она имѣла гораздо бо̀льшую окружность и до 5.000 очаговъ, но очень уменьшилась во времена шаха Аббаса вслѣдствіе войнъ съ турками. Она состоитъ изъ двухъ различныхъ частей, которыя обѣ были окружены стѣнами. Такъ какъ шахъ Аббасъ замѣтилъ, что турки больше нападали на защищенныя и укрѣпленныя мѣста, стараясь занять ихъ, и проходили мимо открытыхъ мѣстечекъ, и такъ какъ онъ полагалъ, что крѣпости, лежащія не у границъ или проходовъ, но посерединѣ страны, для него болѣе вредны, чѣмъ полезны, онъ и велѣлъ самъ снести укрѣпленія у южной части, которая имѣла наиболѣе сильную стѣну, такъ что она лежитъ теперь въ родѣ открытаго мѣстечка. Въ томъ же родѣ было поступлено и съ большими городами Тавризъ, Нахджуанъ [Нахичевань] и Кенджэ.

Высота полюса.

Турки, однажды, отнявъ Шемаху у персовъ и думая ее укрѣпить, какъ говорятъ, построили стѣны исключительно изъ надгробныхъ плитъ, похищенныхъ съ персидскихъ могилъ и собранныхъ отовсюду.

Стѣна изъ надгробныхъ плитъ.

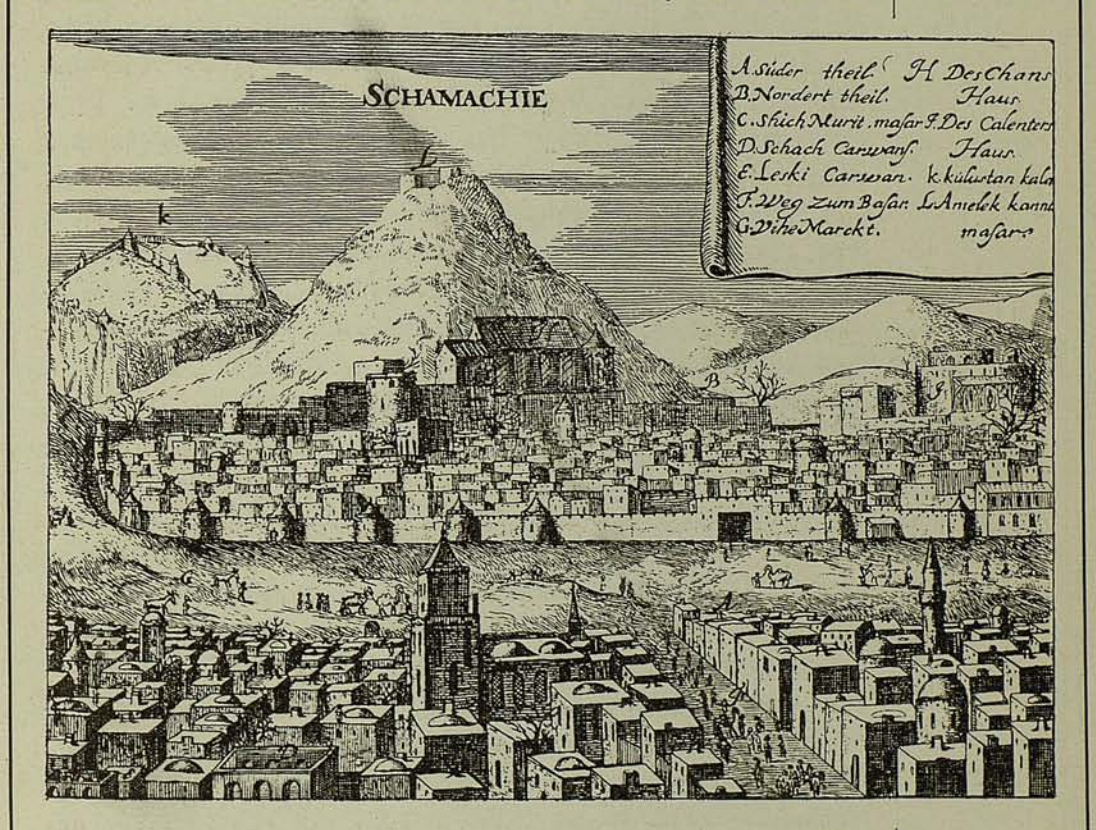
Сѣверная часть нѣсколько меньше; она лежитъ у холма и окружностью почти столь же велика, какъ Лейпцигъ. Окружена она каменною, но плохою стѣною безъ особаго рва, такъ что и при закрытыхъ воротахъ можно пробраться въ городъ. Въ городѣ 5 воротъ. Улицы въ обѣихъ частяхъ очень узки, съ низкими каменными, глиняными и земляными домами; живутъ здѣсь персы, армяне и немного грузинъ; хотя каждая изъ этихъ націй и имѣетъ свой особый языкъ, всѣ они, какъ и вообще жители Ширвана, говорятъ по-турецки. Главное занятіе ихъ — пряденье, тканье и вышиваніе шелкомъ и бумагою.

На южной сторонѣ города имѣется большой рынокъ или «базаръ» съ нѣсколькими различнаго вида крытыми улицами, въ которыхъ помѣщаются ихъ лавки съ разнымъ товаромъ: пестрой бумажной тканью, шелкомъ, серебряной и золотой парчею, луками, стрѣлами, саблями и другой ручной работою; все это можно купить по дешевой цѣнѣ. Тутъ же на рынкѣ 2 пак-

Большой рынокъ въ Шемахѣ.

гауза или гостиныхъ двора съ разными ходами и каморками, куда являются чужіе купцы и торгуютъ оптомъ. Одинъ изъ нихъ называется *Шахъ-каравансерай*; здѣсь останавливаются русскіе, торгующіе оловомъ, мѣдью, юфтью и соболями. Другой называется *Лозги-каравансерай*; сюда заходятъ черкасскіе татары, ведущіе здѣсь свою торговлю: они продаютъ лошадей, женщинъ, малолѣтнихъ или взрослыхъ дѣвицъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, частью купленныхъ ими, частью украденныхъ у русскихъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ или же у кого-либо изъ

Шахъ-каравансерай. Лозги-каравансерай. Торговля черкасовъ состоитъ въ похищеніи и продажѣ людей.

своихъ же соплеменниковъ. На возвратномъ пути русскій посланникъ Алексѣй, человѣкъ смѣлый, шутливый и молодой, ради шутки пошелъ въ этотъ каравансерай посмотрѣть на живой товаръ. Между прочимъ онъ прицѣнился къ красивому мальчику, за котораго желали 6 томановъ, предлагая за него 2 томана (32 рейхсталера). Эта цѣна показалась черкасскому работорговцу совершенною насмѣшкою, онъ ударилъ мальчика по его posteriora и сказалъ такія безстыдныя слова: «Вѣдь употребленіе и пользованіе этой частью его тѣла тебѣ обойдется дороже». Въ томъ же каравансераѣ находятся и евреи, доставляющіе изъ Тессерана прекраснѣйшіе персидскіе ковры.

Бани въ Шемахѣ.

Бань, [здѣсь] называемыхъ *хамамъ* и почитаемыхъ персами столь же высоко, какъ и русскими, имѣется въ городѣ три. Онѣ посѣщаются ежедневно, а именно двѣ изъ нихъ днемъ женщинами, а ночью мужчинами: баня *хамамъ-шихъ*, расположенная недалеко отъ замка, посѣщается только мужчинами. Передъ нею стоятъ два большихъ дерева, которыя они высоко почитаютъ, такъ какъ они посажены здѣсь ради святого, по имени Шихъ-Мурита, погребеннаго рядомъ съ этой банею въ мечети. Доходы этой бани употребляются на содержаніе мѣста погребенія: на свѣчи, платки и т. д., а остальное раздается бѣднымъ. Народъ собирается здѣсь для молитвы чаще, чѣмъ въ другихъ мечетяхъ, которыхъ въ городѣ Шемахѣ и внѣ его имѣется шесть.

Мѣсто погребенія Шихъ-Мурита.

Управленіе Ширваномъ.

Городъ, равно какъ и вся область Ширванъ, управляется ханомъ и калентеромъ въ качествѣ губернатора и намѣстника; они имѣютъ свое мѣстопребываніе въ сѣверной части города. Ханъ долженъ слѣдить за правосудіемъ, бдительно соблюдать страну отъ врага и держать постоянно наготовѣ 1.000 человѣкъ, которые содержатся тою же провинціею. Калентеру поручено казначейство, т. е. онъ долженъ собирать подати и производить выплату ихъ; онъ не можетъ выступать въ походъ вмѣстѣ съ шахомъ, такъ какъ городъ всегда долженъ охраняться гарнизономъ.

Этотъ ханъ, по имени Аребъ, соблюдалъ во дворѣ своемъ большую пышность. По роду своему — на что въ Персіи не обращаютъ большого вниманія — онъ былъ низкаго происхожденія, а именно сынъ крестьянина изъ провинціи Серабъ, расположенной между Ардебилемъ и Тавризомъ. Онъ сталъ такъ знаменитъ своей храбростью, что когда шахъ Сефи подступилъ къ крѣпости Эривани, чтобы вновь отнять ее у турокъ, ему поручено было быть цейхмейстеромъ. Здѣсь онъ такъ мужественно бился, что не только понесъ отъ врага много ранъ (ихъ онъ намъ однажды на пиру показалъ на головѣ и рукахъ), но и представилъ шаху нѣсколько отрубленныхъ турецкихъ головъ; за это его сдѣлали ханомъ и назначили на должность, занимавшуюся раньше Феррухъ-ханомъ, погибшимъ во время той же осады. Онъ, какъ и калентеръ Яябекъ, былъ значительнаго роста и съ серьезнымъ выраженіемъ лица; если онъ не былъ пьянъ (оба они, Аребъ-ханъ въ особенности, даже болѣе еще, чѣмъ Яябекъ, были подвержены пьянству и рѣдко бывали трезвы), то былъ весьма любезенъ.

Возвышеніе Аребъ-хана.

Яябекъ-калентеръ.

Изъ древностей мы въ Шемахѣ не встрѣтили ничего достойнаго упоминанія. Никто ничего не зналъ о гнусной башнѣ,

которая (какъ говоритъ англичанинъ Джонъ Картрайтъ въ своемъ описаніи путешествія) была построена изъ булыжника и плитняка, между которыми было замуровано много головъ или череповъ прежнихъ здѣшнихъ дворянъ. Въ городской стѣнѣ я увидѣлъ высѣченныя изъ камня головы двухъ мужчинъ, но никто не могъ мнѣ сказать, что онѣ обозначаютъ. Въ остальномъ все такъ, какъ означенный англичанинъ пишетъ о расположенной недалеко отъ Шемахи старой разоренной крѣпости. Въ полумилѣ отъ города къ сѣверу находится довольно высокая крутая гора, которую они зовутъ Калэ Кюлустанъ. Близъ нея и на ней видны многіе куски стѣнъ бывшей сильной крѣпости. Наверху въ почвѣ находился выложенный большими квадратными камнями глубокій погребъ, а рядомъ съ нимъ колодецъ. Намъ сообщили, что этотъ замокъ нѣкіимъ ширванъ-шахомъ (страна эта раньше имѣла своихъ царей) построенъ былъ для своей хассэ или наложницы, болѣе всѣхъ другихъ имъ любимой, и названъ былъ Кюлустанъ; разрушенъ же онъ Александромъ Великимъ. Внизу въ долинѣ течетъ рѣка, по обѣ стороны которой очень плодородная мѣстность; весною, какъ говорятъ, она стоитъ покрытая многими прекрасными цвѣтами и разноцвѣтными тюльпанами, которые дико растутъ здѣсь. Поэтому я полагаю, что отъ нихъ гора получила свое названіе. «Кюлустанъ» [гюлистанъ] значитъ «долина розъ», т. е. мѣсто, гдѣ растетъ много розъ и цвѣтовъ. «Калэ» же значитъ «крѣпость». Недалеко отъ Калэ Кюлустана въ сторону Шемахи стоитъ другая весьма высокая гора, на которой стояли двѣ часовни; въ первой, болѣе значительной изъ нихъ, построенной въ формѣ параллелограма, стояла высокая сложенная изъ камня гробница, обвѣшанная многими пестрыми лоскутами, тряпицами, изогнутыми хворостинками, перевязанными шелкомъ въ родѣ луковъ. Въ другой часовнѣ стояли двѣ гробницы съ подобными же украшеніями. Говорятъ, что въ обѣихъ часовняхъ лежатъ святые мужи; поэтому персы часто поднимаются сюда и молятся у ихъ гробницъ.

Калэ Кюлустанъ.

Здѣсь по нѣсколькимъ ступенямъ можно было спуститься въ болѣе глубокій сводъ, гдѣ, говорятъ, была погребена Амелекъ-Канна, дочь царя. Эта послѣдняя отличалась особой любовью къ одинокой дѣвичьей жизни, и, когда отецъ неволею хотѣлъ выдать ее замужъ за татарскаго государя, то она, какъ говорятъ, сама покончила съ собою. Возможно, что живущія здѣсь дѣвицы (какъ говоритъ вышеупомянутый авторъ) ежегодно въ опредѣленное время собирались сюда къ гробницѣ,

Амелекъ-Канна.

чтобы оплакивать смерть [А]мелекъ-Канны; однако, въ настоящее время персы уже ничего подобнаго не знаютъ. Если же жители города Шемахи и сосѣднихъ деревень лѣтомъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль посѣщаютъ эту гору, а также Кюлустанъ въ большихъ массахъ, то это происходитъ не ради означенной дѣвицы, но по другимъ причинамъ, а именно изъ-за прохладнаго воздуха на высотахъ горъ въ то время, когда внизу въ равнинѣ царитъ, какъ говорятъ, сильная, нестерпимая жара. При такихъ обстоятельствахъ бываетъ, что они, по обыкновенію своему, нѣсколько болѣе, чѣмъ въ остальное время, молятся у расположенныхъ здѣсь гробницъ своихъ *пюровъ*. Говорятъ, что нѣкоторые ремесленники и бѣдняки только дни проводятъ наверху, но ночью вновь спускаются въ свои дома. Что же касается хана, калентера и другихъ вельможъ, то они, какъ говорятъ, остаются наверху въ своихъ палаткахъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, пока длится большая жара. Скотъ они въ это время гонятъ къ горамъ Эльбурсъ, гдѣ они находятъ не только сносный воздухъ, но и хорошія пастбища. Эльбурсъ — это часть Кавказа, граничащая съ Грузіею въ сторону области Табессеранъ; съ вышеозначенныхъ горъ ее очень хорошо видно. На этомъ Эльбурсѣ раньше персы держали свой негасимый огонь и поклонялись ему; теперь же подобные огни и ихъ поклонники (какъ сообщаютъ Теixега и другіе на основаніи его) не только вокругъ [Р]ешта, но во всей Персіи уже не встрѣчаются, а бѣжали въ Индію, гдѣ теперь еще, говорятъ, сохранилась особая секта такихъ огнепоклонниковъ. Объ этомъ подробнѣе разсказано въ путешествіи высокоблагороднаго Іоганна-Альбрехта фонъ-Мандельсло.

Жаркимъ лѣтомъ воздухъ на высокихъ горахъ прохладенъ.

Гора Эльбурсъ.

LXXXIV.

(Книга IV, глава 21).

Путешествіе изъ Шемахи въ Ардебиль.

Отъѣздъ изъ Шемахи.

Обращаюсь вновь къ нашему путешествію. Послѣ того, какъ 27-го марта къ вечеру наши вещи были посланы впередъ, за ними на слѣдующее утро за два часа до разсвѣта послѣдовали гг. послы. Такъ какъ ханъ и калентеръ въ Шемахѣ при возвратѣ истраченныхъ на пропитаніе денегъ не оказались столь милостивыми, какъ мы ожидали, посолъ Брюг[ге]манъ не захотѣлъ, чтобы калентеръ или вообще кто-либо изъ персовъ ихъ

провожалъ изъ города. Поэтому послы взяли свои пистолеты подъ мышки и впотьмахъ вышли изъ города, а за городомъ сѣли на лошадей и уѣхали съ немногими людьми изъ свиты, предоставивъ остальнымъ выбираться, какъ они сами могли. Сдѣлавъ въ 2-хъ миляхъ отъ города остановку для кормежки, мы нашли, что одинъ изъ нашихъ солдатъ Александръ Чаммерсъ, шотландецъ, раньше болѣвшій, но уже почти выздоровѣвшій, сидитъ мертвый въ телѣгѣ. Мы похоронили его здѣсь у красиваго холма, поросшаго многими гіацинтами, по лѣвую сторону дороги, и послѣ полудня сдѣлали еще полмили дальше до мѣста погребенія персидскаго святого пюръ-Мардехана въ мѣстности Факерлу. Здѣсь мы расположились въ открытомъ полѣ подъ нашими телѣгами. Ночевка была весьма плохая; почти всю ночь была страшная буря съ сильными раскатами грома, молніею, вѣтромъ, дождемъ, снѣгомъ и морозомъ; тутъ же еще посолъ Брюггеманъ велѣлъ гремѣть изъ пушекъ. На слѣдующій день онъ сильно разсердился на персовъ за то, что они оставили на мѣстѣ нѣсколько пушекъ для металлическихъ снарядовъ, слишкомъ тяжелыхъ для того, чтобы лошади могли ихъ таскать на особо устроенныхъ носилкахъ. Онъ со многими бранными выраженіями укорялъ мехемандара, плюя на хана, калентера и на самого мехемандара: онъ говорилъ, что все ими сказанное ложь, велѣлъ сказать хану, что онъ либо получитъ его голову, либо потеряетъ свою собственную. Сначала предполагали оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока пушки прибудутъ. Но когда мы обсудили и обдумали неудобство этого мѣста, гдѣ не было поживы ни человѣку, ни скоту и не имѣлось ни огня, ни дровъ при очень холодной погодѣ, а мы всѣ были въ мокрыхъ одеждахъ, такъ что, вѣроятно, наши больные и наша молодежь не долго бы выжили здѣсь,— то мы пошли дальше и черезъ двѣ мили прошли мимо расположеннаго съ правой стороны каравансерая Тахи, а затѣмъ прошли еще двѣ мили далѣе до конца Шемахинскихъ горъ.

Солдата находятъ мертвымъ въ телѣгѣ.

Пюръ-Мардехана мѣсто погребенія въ Факерлу.

Эти горы сверху низко всхолмлены и очень плодородны; зимою же и осенью обыкновенно здѣсь дождь, снѣгъ и распутица. Въ концѣ этихъ горъ имѣется веселый видъ внизъ (въ долину), такъ какъ страна подъ ними мѣстами на 10, а иногда и болѣе миль совершенно плоская, безъ холмовъ даже въ локоть высотою; въ ясную солнечную погоду она вся зеленѣла и было очень пріятна на видъ, въ то время, какъ у насъ наверху шли снѣгъ и дождь. Очень удобно можно было разсмотрѣть, точно на разостланной ландкартѣ, обѣ знаменитыя у

Шемахинскія горы. Веселый видъ.

писателей рѣки Араксъ и Куру, со всѣми ихъ извилинами и мѣстомъ сліянія.

Мы прошли сквозь тучи.

Въ то время, какъ нѣкоторые изъ насъ, поѣхавъ впередъ, спустились съ горы (которая, несмотря на высоту въ полмили, представляла удобную дорогу и вовсе не была крута, и пришли въ мѣсто съ прекрасною свѣтлою погодою), мы увидѣли, что задняя часть поѣзда длиннымъ рядомъ выходитъ какъ бы изъ тучи: верхняя часть горы была одѣта въ густой туманъ и какъ бы скрыта въ тучахъ. Мы расположились подъ горою по правую сторону, въ нѣсколькихъ *оттакахъ* или татарскихъ хижинахъ, устроенныхъ здѣсь пастухами, рядомъ съ ихъ стадами, и раздѣленныхъ на нѣсколько *обба* или ордъ.

Казилю, деревня.

30-го марта мы проѣхали 4 мили въ равнину къ деревнѣ Казилю. По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколькихъ пастуховъ, которые рядомъ со стадами ѣхали въ телѣгахъ или верхами, уложивъ съ собою на телѣгахъ, лошадяхъ, волахъ, коровахъ и ослахъ свои дома, своихъ женъ, дѣтей и все, сюда относящееся; это было очень смѣшное зрѣлище. Въ этотъ день, какъ затѣмъ въ теченіе всего путешествія [въ Персіи], мы, большею частію, имѣли ясную солнечную, пріятную погоду и не видѣли небо застланнымъ нигдѣ, развѣ лишь на высокихъ горахъ и вокругъ нихъ.

Деревня Джаватъ.

Въ послѣднее число марта мы прошли по берегу 2 мили впередъ до деревни Джаватъ, лежащей у рѣки Куры. Здѣсь дома были построены изъ тростника или камыша и вымазаны глиною. Въ четверти мили далѣе Араксъ впадаетъ въ Куру подъ высотою полюса въ 39° 64′. Араксъ беретъ начало къ ЮЗ отъ Куры, но впадаетъ въ нее съ ЗСЗ. Обѣ рѣки шириною по 140 шаговъ, вода въ нихъ бурая, тихая и глубокая, а берега довольно высоки. На берегахъ, какъ во всемъ Моканѣ, на лугахъ росла Glycyrrhiza или солодка въ большомъ количествѣ и иногда толщиною съ руку. Вываренный сокъ ея былъ гораздо слаще и пріятнѣе на вкусъ, чѣмъ таковой же у насъ въ Германіи.

Сліяніе Куры и Аракса.

Апрѣль.

Рѣка Кура лежитъ на границѣ между Ширваномъ и Моканомъ; у деревни Джаватъ на ней имѣется корабельный мостъ, черезъ который мы прошли 2-го апрѣля, и по ту сторону рѣки въ Моканѣ были встрѣчены новымъ мехемандаромъ или путеводителемъ, посланнымъ отъ хана ардебильскаго. Намъ дали для поѣздки и для доставки багажа 40 верблюдовъ и до 300 лошадей, такъ какъ въ виду высокихъ горъ и глубокихъ долинъ, черезъ которыя теперь шелъ нашъ путь, мы впредь не могли болѣе пользоваться телѣгами. Кромѣ лишнихъ средствъ для пе-

Ардебильскій мехемандаръ встрѣчаетъ насъ.

ревозки, мы получили достаточное количество провизіи, а именно: на каждый день по 10 овецъ, 30 батмановъ вина, рису, масла, яицъ, миндалю, изюму, яблоковъ и т. п. въ изобиліи; въ воскресенье послѣ проповѣди мы поѣхали дальше, и путь почти съ милю шелъ по Араксу. Мы устроили свой привалъ на ночь въ полумилѣ отъ берега въ степи, въ круглыхъ пастушьихъ хижинахъ, которыя мехемандаръ для насъ велѣлъ сюда поставить.

3-го с. м. мы прошли по этой степи 4 ферзанга или мили и снова ночевали въ упомянутыхъ, посланныхъ впередъ хижинахъ. Въ этотъ день мы видѣли нѣсколько большихъ табуновъ дичи, которая у турокъ зовется *джейранъ*, а у персовъ *аху*. Эти животныя, съ виду почти какъ олени, но шерсть у нихъ красная и рога безъ отростковъ, загнутые назадъ какъ у козъ; бѣгутъ они очень быстро. Говорятъ, что дичь эта встрѣчается только въ Моканѣ, а также вокругъ Шемахи, Карабаха и Меррагé.

Видъ оленей, именуемыхъ аху.

4-го с. м. мы прошли еще 6 миль и расположились у рѣки Бальхару, хотя и могли бы пойти дорогою болѣе близкою посерединѣ степи, но изъ-за водопоя пришлось идти такимъ окольнымъ путемъ по рѣкѣ. Здѣсь мы нашли много черепахъ. Онѣ устроили въ высокомъ берегу, а также и внутри суши въ холмахъ отверстія въ пескѣ, помѣстили тамъ яйца и притомъ исключительно со стороны, обращенной къ полудню, чтобы они тамъ лучше могли высидѣться отъ солнечной жары. Такъ какъ мы увидѣли, что по ту сторону рѣки люди живутъ въ шалашахъ, нѣкоторые изъ насъ, чтобы узнать, что это за народъ, перебрались на тотъ берегъ и заговорили съ ними. Дѣти этихъ жителей бѣгали совершенно нагишомъ, а взрослые были въ простыхъ бумажныхъ кафтанахъ; къ намъ отнеслись они весьма любезно и доброжелательно: они принесли молока намъ испить; полагая, что мы солдаты, пришедшіе помочь ихъ государю противъ турокъ, они пожелали, чтобы Богъ прогналъ непріятеля передъ нами вплоть до Стамбула: такъ называется Константинополь.

Рѣка Бальхару.

Много черепахъ.

5-го апрѣля мы дошли до конца Моканской (Муганской) степи, къ горамъ и области Беджируанъ, перешли черезъ небольшую рѣку, въ виду ея извилинъ, разъ 12, и устроили привалъ на ночь у деревни Шехмуратъ въ 5-и миляхъ отъ вчерашняго мѣста ночлега. Дома здѣсь построены у горы или въ горѣ, такъ какъ переднія части сложены изъ обломковъ камней, а задняя часть строеній примыкала къ самой горѣ; покрыты они были тростникомъ. Всѣ дома оказались пусты. Люди Аребъ-хана, прошедшіе впереди насъ для поднесенія новогоднихъ подарковъ

Беджируанъ. Шехмуратъ.

Крестьяне убѣгаютъ.

шаху, распространили о насъ неправильный слухъ, будто мы жестокій, ненасытный народъ, будто, куда мы ни придемъ, мы все грабимъ и опустошаемъ, и къ тому же еще и бьемъ людей. Поэтому всѣ крестьяне изъ боязни разбѣжались отъ насъ во всѣ стороны. Здѣсь нѣкоторые изъ насъ, чтобы поискать растеній и осмотрѣть мѣстность, забрались на очень высокую каменистую гору, но мы ничего особеннаго не увидали. Къ тому же расположенныя кругомъ горы отнимали видъ. Вверху горы изъ ущелья въ скалѣ выбѣгалъ чистый красивый ключъ, у котораго мы нашли крабба въ скалистой щели, черезъ которую текла вода; нѣкоторые изъ насъ, никогда ничего подобнаго не видѣвшіе, посмотрѣли на это, какъ на чудо, и животное сочли ядовитымъ. Дѣйствительно, нужно было удивляться, какъ краббъ попалъ въ это мѣсто, находящееся въ 2-хъ миляхъ отъ моря и на столь высокой горѣ; вѣдь краббъ считается морскимъ животнымъ. Мы усѣлись у ключа, съ тоскою подумали о нашей дорогой родинѣ, жалѣли о томъ нашемъ счастьѣ и благополучіи въ Германіи, которыя теперь остались за нами, а также о злой судьбѣ, которую ежедневно можно ожидать въ столь дикихъ мѣстахъ отъ нехристей, пили водою здоровье нашихъ добрыхъ друзей въ Германіи, и въ виду того, что гора была крута, спустились не безъ опасности.

Краббъ въ высокихъ щеляхъ горъ.

6-го с. м. мы черезъ горы и между ними прошли лишь 2 мили, встрѣтили въ разныхъ мѣстахъ фиговыя деревья, росшія дико, и остановились въ вымершей деревнѣ Дизле. Едва мы заняли опустѣвшія помѣщенія, какъ намъ сообщили, что въ минувшую осень чума здѣсь опустошила всѣ дома. Послы тотчасъ же съ большинствомъ свиты выбрались изъ деревни въ чистое поле, разбили палатку, вокругъ которой народъ сначала размѣстили подъ открытымъ небомъ, а потомъ поздно вечеромъ получили нѣсколько круглыхъ хижинъ, которыя мехемандаръ велѣлъ привезти на волахъ. Этого рода хижины [кибитки] составляются изъ длинныхъ изогнутыхъ брусьевъ, соединенныхъ въ видѣ круга и могущихъ быть то разобранными, то вновь сложенными. Когда благородный нашъ фонъ-Ухтерицъ пробылъ лишнее время въ деревнѣ и замедлилъ прійти въ палатку, посолъ Брюг[ге]манъ сурово на него напустился, говоря, что, придя изъ зачумленнаго дома, онъ ихъ всѣхъ можетъ заразить; фонъ-Ухтерицъ такъ испугался, что немедленно же послѣ этого заболѣлъ изнурительною лихорадкою. Нѣкоторые же изъ насъ, видя, что воздухъ наполненъ густымъ вонючимъ туманомъ и что погода холодная, остались вмѣстѣ въ одномъ изъ домовъ: здѣсь мы собрали дровъ,

Дизле, вымершая деревня.

Ухтерицъ отъ страха получаетъ лихорадку.

развели посерединѣ дома добрый огонь, разсѣлись кругомъ и услаждались завоеваннымъ во время предыдущей ночевки виномъ, которое каждымъ было доставлено въ собственной бутылкѣ. И такъ мы провели эту ночь, отгоняя отъ себя страхъ чумы всякими веселыми исторіями и шутками. Въ той же деревнѣ начатъ былъ постройкою большой каравансарай для остъ-индійцевъ, торгующихъ съ Шемахою; онъ уже былъ достроенъ наполовину.

Страхъ прогоняется весельемъ.

Отсюда до каравансерая Аггисъ 5 миль, и здѣсь растетъ очень много полыни. Путешественники на этомъ мѣстѣ никогда не позволяютъ своимъ верблюдамъ и стадамъ пастись. Они по опыту знаютъ, что пастбище отравленное и что скотъ отъ него умираетъ. Поэтому 7-го с. м. намъ пришлось сдѣлать большой переходъ за день, такъ какъ мы должны были рысью съ одной лишь кормежкою проѣхать 10 миль черезъ довольно высокія горы. Такъ какъ погода была непріятная, дулъ вѣтеръ и шелъ снѣгъ, то не только наши люди, которые должны были ѣхать весь день безъ ѣды, очень отощали и заболѣли, но и верблюды частью отставали, частью даже падали со своей поклажею. Къ полудню мы прошли мимо названнаго каравансерая Аггисъ; онъ лежитъ по правую руку, прекрасенъ, великъ и величественъ; такихъ мы еще не встрѣчали раньше. У него мы встрѣтили прекрасно разубраннаго перса съ двумя слугами; онъ сказалъ, что посланъ къ намъ навстрѣчу шахомъ, съ приказаніемъ быть нашимъ мехемандаромъ и позаботиться о томъ, чтобы гг. послы получали хорошее содержаніе и были поскорѣе доставлены къ шаху. Къ вечеру мы зашли въ деревню Джанлю у подножія горы. Здѣсь находились прекрасные большіе сады съ плодовыми деревьями, но не было дровъ для разведенія огня; пришлось поэтому жечь коровій, верблюжій и лошадиный пометъ, чтобы согрѣться. Въ эту ночь нашъ квартирмейстеръ былъ посланъ въ Ардебиль, чтобы тамъ приготовить для насъ помѣщеніе.

Нездоровая мѣстность.

Аггисъ, каравансерай.

Джанлю, деревня.

Дурно пахнущее топливо.

8-го с. м. мы, послѣ завтрака, опять пошли черезъ горы Джицетлу добрыхъ 3 мили. У конца этихъ горъ течетъ рѣка Карасу, вытекающая изъ гилянскихъ горъ Бакру и впадающая въ Араксъ; она протекаетъ здѣсь у деревни Саміамъ подъ составленнымъ изъ 6-ти сводовъ изящнымъ каменнымъ мостомъ, длиною въ 80 шаговъ; мы перешли черезъ него.

Горы Джицетлу.

Карасу, рѣка.

Въ полумилѣ отъ рѣки находится деревня Джабедаръ въ 2-хъ небольшихъ миляхъ отъ Ардебиля; сюда мы зашли и остались здѣсь и на слѣдующій день, т.-е. на Пасху. Здѣсь люди изъ коровьяго и лошадинаго помета сложили большія и острыя кучи,

Джабедаръ.

а частью прибили его къ стѣнамъ, чтобы онъ здѣсь на воздухѣ и солнцѣ высохъ и сталъ пригоднымъ для горѣнія. Дома и комнаты были полны вшей и блохъ, которые здѣсь осыпали насъ и сильно насъ мучили.

Празднованіе Пасхи.

9-го апрѣля мы праздновали нашу Пасху при восходѣ солнца, давъ изъ каменныхъ орудій и мушкетовъ 3 салюта, а затѣмъ мы слушали проповѣдь и совершили богослуженіе.

Подарокъ мехемандара.

Къ полудню пришелъ присланный шахомъ новый мехемандаръ, по имени Неджестъ-бекъ, любезный, веселый человѣкъ, посѣтилъ пословъ и привѣтствовалъ ихъ по случаю праздника. Онъ доставилъ съ собою подарки, состоящіе изъ пяти вяленыхъ рыбъ, блюда съ хлѣбомъ, гранатъ, яблоковъ, особой породы грушъ, похожихъ на лимоны, но очень сочныхъ, съ совершенно особенно пріятнымъ запахомъ и вкусомъ. Здѣсь же были огурцы, соленый чеснокъ и ширазское вино, считающееся наилучшимъ въ Персіи.

[Послѣ этой главы опущенъ весь разсказъ о путешествіи въ Персію, а также все описаніе Персіи, т. е. кн. IV, гл. 22—45, кн. V, гл. 1—42 (всѣ), кн. VI, гл. 1—4 и 8. Нижеслѣдующія главы, 5-ая и 6-ая, той же книги, приведены съ опущеніемъ тѣхъ частностей, которыя находятся въ связи съ непереведенными главами. Въ главѣ 5-ой разсказывается, какъ въ 1638 г., возвращаясь изъ пребыванія въ Персіи, посольство вновь дошло до мѣстностей, впослѣдствіи вошедшихъ въ составъ Россійской имперіи].

LXXXV.

(Книга VI, глава 5).

Отъ Решта до Кизилагача и до конца области Гилянъ.

Февраль [*1638 г.*].

1-го февраля, около 10-ти часовъ утра, мы при прекрасной погодѣ и тепломъ солнечномъ сіяніи поѣхали дальше [отъ города Кураба близъ Решта]...

Прибытіе къ Каспійскому морю.

Проѣхавъ 2 мили, мы прибыли вновь къ берегамъ Каспійскаго моря. Покрытая высокимъ лѣсомъ суша, съ юга и сѣвера, какъ казалось издали, какъ бы двумя рогами выступала впередъ въ море: съ правой стороны [это была область] Мазандерана и Ферабата, съ лѣвой—Астары. Мы проѣхали на побережьѣ еще милю впередъ и устроили ночлегъ себѣ въ домѣ Руассерукура [на картѣ Гиляна, составленной Олеаріемъ, Руэссеру-кура], расположившись у моря близъ рѣки Нассеру [на картѣ Гиляна—Нессеру]. Такъ какъ въ домѣ этомъ было не болѣе двухъ комнатъ, то

намъ нелегко было въ ней устроиться, и большая часть людей легла подъ открытымъ небомъ.

Дневной переходъ 2-го февраля составилъ 6 добрыхъ миль близъ берега къ СЗ черезъ 14 рѣкъ, изъ которыхъ важнѣйшія: Шиберу, Динаджаръ [на картѣ—Динаджай], Халессера [на картѣ—Калесра], Аларусъ и Набаррусъ [на картѣ—Набарусъ]. На полу-дорогѣ мы у рѣки Динаджаръ перешли въ другую область, подчиненную хану астарскому... Эту область жители называли Каргару. Насъ провели къ мѣсту ночлега вдаль отъ дорогъ черезъ вязкія пашни къ деревнѣ Сенгаръ-хазара [на картѣ Сенгеръ-хазара]. Мы застали здѣсь пять большихъ дикихъ свиней, которыхъ ради насъ закололи.

3-го февраля мы, при снѣгѣ и дождѣ, поднялись весьма рано, вновь направились на берегъ, прошли къ ВСВ и постоянно ѣхали очень близко къ морю, а иногда и черезъ море, такъ что вода шла лошадямъ по брюхо. Нѣкоторые изъ насъ даже попадали съ лошадей въ воду. Въ этотъ день ѣхать было сыро и нехорошо. Поздно вечеромъ, проѣхавъ 7 миль, мы прибыли въ область Хёвэ Лемюръ [на картѣ—Ховє Лимаръ] и устроили привалъ въ неопрятной деревнѣ. *Хёвэ Лемюръ.*

4-го с. м. на свѣжихъ лошадяхъ мы опять рано пустились въ путь, вдоль по берегу, изгибавшемуся къ С, пройдя 4 мили. Послѣ этого мы шли 2 мили подлѣскомъ, миновавъ нѣсколько деревень и болѣе 22 большихъ и малыхъ рѣкъ, изъ которыхъ важнѣйшія: Лёме [на картѣ—Ломе], Канабъ [на картѣ—Кенабъ] и Бескешанъ [на картѣ Бескешонъ]; черезъ нихъ были устроены деревянные мосты, весьма однако ветхіе, такъ что вновь нѣкоторые изъ нашихъ людей вмѣстѣ съ лошадьми попадали въ воду. Этотъ дневной переходъ тоже былъ тяжелый. Потонули три крестьянина, шедшіе пѣшкомъ съ нами, а также 4 лошади; 6 другихъ усталыхъ лошадей остались лежать у дороги. Когда мы въ астарской области находились недалеко отъ ханской резиденціи, самъ ханъ со многими всадниками выѣхалъ къ намъ навстрѣчу, хорошо принялъ трехъ пословъ [обоихъ голштинскихъ и русскаго при нихъ посланника] и проводилъ ихъ до мѣстъ ночлега, которыя были намъ указаны въ нѣсколькихъ домахъ и дворахъ, разбросанныхъ среди деревьевъ и садовъ. Эта деревня и мѣстность, равно какъ и рѣка, здѣсь впадающая въ море, называется Хоскедехене [на картѣ Хошкадехене], что значитъ «сухое устье», такъ какъ въ этомъ мѣстѣ море очень мелкое и не даетъ возможности рыбамъ подняться въ рѣку. Городъ же, гдѣ находился ханъ, является открытымъ мѣстечкомъ, въ доброй четверти

Астара. мили отъ берега и недалеко отъ горъ. Онъ назывался Астарою по области.

Здѣсь находится то мѣсто, гдѣ мы застали самыя толстыя виноградныя лозы. Я думалъ сначала, что не повѣрятъ, если я сообщу, что у ствола онѣ толщиною съ человѣка; однако, я нахожу, что и Страбонъ при описаніи этой мѣстности говоритъ, что въ Маргіанѣ, одной изъ провинцій Хорасана, виноградныя лозы столь толсты, что ихъ едва можетъ двумя руками обнять мужчина. Далѣе вѣрно и то, что онъ еще сообщаетъ о Гилянѣ или, какъ область въ то время называлась, Гирканіи, а именно, что одна виноградная лоза даетъ болѣе ведра вина. Что касается виноградныхъ кистей, то ихъ Страбонъ представляетъ слишкомъ длинными, говоря, что онѣ бываетъ длиною до двухъ локтей. *Strabo l. II, pag. 50.*

Сару-ханъ. Ханъ, по имени Сару, былъ разумный и любезный старикъ... Онъ пользовался большой милостью у шаха Сефи и предстоящею весною долженъ былъ ѣхать посломъ къ индійскому царю, на что уже получилъ приказаніе. Онъ вспомнилъ въ разговорѣ о нападеніи грабителей-казаковъ, отъ которыхъ они не чувствуютъ себя въ безопасности. Казаки за 2 года передъ тѣмъ ограбили Рештъ, а теперь ихъ ожидали вновь. Мы должны были поэтому все время держать наготовѣ наше оружіе. *Казаки.*

Гора Шинданъ. За Астарою лежитъ гора Шинданъ, на которой вольная деревня [Шихъ Сахаданъ. Здѣсь какъ говорятъ жилъ и похороненъ нѣкій Сахадъ, бывшій учителемъ шаха Сефи].

7-го с. м. мы проѣхали 4 мили, все время по берегу, и прибыли въ провинцію Ленгеркунанъ, гдѣ имѣется очень узкій проходъ. Здѣсь лѣсистыя высокія горы спускаются довольно близко къ берегу, а съ другой стороны къ морю идетъ вязкое болото, черезъ которое ведетъ лишь узкая гребля, вслѣдствіе чего проходъ въ страну крайне стѣсненъ. За этимъ проходомъ изъ горъ вытекаетъ рѣчка Сердане [на картѣ—Сейдане], а затѣмъ слѣдовало мѣстечко Ленкорань, гдѣ также имѣется рѣчка Варазарутъ. Эта область и мѣстечко получили названіе отъ якорной стоянки и гавани, хотя здѣсь настоящей гавани и нѣтъ, но есть лишь заливъ, который отъ двухъ выступовъ суши въ море (одинъ изъ нихъ у Ленкорани поросъ лѣсомъ, другой у Кизилагача—тростникомъ) получаетъ видъ полумѣсяца. Такъ какъ здѣсь очень мелкій песчаный грунтъ, то однѣ лишь плоскія лодки могутъ входить сюда, но и онѣ оказываются не въ безопасности отъ сѣверо-восточнаго вѣтра. Поэтому жители вытаскиваютъ свои лодки на сушу. Сюда въ 1603 г. прибылъ моремъ императорскій римскій посолъ, умершій здѣсь и погребенный вмѣстѣ съ нѣко- *Ленкорань.*

торыми изъ своей свиты; объ этомъ сообщаетъ Георгъ Дектандеръ въ своемъ описаніи путешествія, но [изъ мѣстныхъ жителей] никто не могъ намъ сообщить что-либо объ этомъ. Область и мѣстечко эти удерживаетъ за собою Курджи-баши [начальникъ надъ стрѣлками изъ лука] какъ свое жалованье, несмотря на то, что нашъ мехемандаръ и нѣкоторые другіе персы, по разнымъ причинамъ, и убѣждали насъ, что они подлежатъ управленію ардебильскаго хана. Визирь или канцелярскій писецъ, находившійся здѣсь, принялъ насъ и снабдилъ необходимою провизіею.

Здѣсь похороненъ императорскій посолъ.

8-го, 9-го и 10-го мы оставались здѣсь, пока, съ одной стороны, не подоспѣли съ нашими вещами верблюды, которые плохо справлялись со скользкими путями, а съ другой — и самимъ намъ доставили свѣжихъ лошадей.

11-го с. м. мы снова собрались въ путь и ѣхали пять миль до Кизилагача черезъ 4 весьма глубокія, снабженныя мостами рѣки: это были Касіенде, Ноабине, Джили и Буладн. Черезъ послѣднюю рѣку, которая широка и глубока, мы переправлялись въ лодкахъ, а лошади плыли съ нами рядомъ. Когда вскорѣ затѣмъ, изъ-за плоскаго побережья, море оказалось залившимъ большое пространство и образовало какъ-бы особый большой кругъ, намъ пришлось перебираться верхомъ черезъ глубокую воду добрую четверть мили. Багажъ на шести большихъ рыбачьихъ лодкахъ мы направили черезъ море. Берегъ въ этомъ мѣстѣ, равно какъ и на двухъ противолежащихъ островахъ (одинъ изъ нихъ, изъ-за красной почвы, называется Сару) далеко вокругъ покрытъ высокимъ тростникомъ или камышомъ. Говорятъ, иногда здѣсь таятся грабители-казаки. Едва мы вышли изъ воды на сушу, какъ явился и принялъ насъ хозяинъ этого мѣста съ сотнею хорошо убранныхъ всадниковъ.

Кизилагачъ.

Мѣстечко Кизилагачъ (что значитъ — «золотое» или «красное дерево») также не окружено стѣной; оно лежитъ въ доброй полумилѣ къ СЗ въ сторону суши въ ровной мѣстности у рѣки Виллеши... Гилянскія горы здѣсь отходили налѣво къ ССЗ, и, какъ казалось, переходили въ сторону Мокана въ мелкіе холмы. У подножья горъ видны были издали многія деревни, главнѣйшія изъ которыхъ были Буладн, Маджулэ [на картѣ—Малуле], Бустеръ, Талишкеранъ, около которыхъ стояли много деревьевъ, какъ бы разсаженныхъ въ рядъ одно возлѣ другого; здѣсь же былъ большой лугъ, который едва можно было обозрѣть глазомъ: говорятъ, онъ является прекраснымъ пастбищемъ для скота.

По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ я полагаю, что именно объ этой мѣстности Страбонъ пишетъ: „Въ сторону Каспійскихъ

Strabo l. XV, p. 361 [l. XI c. 13].

воротъ имѣется очень низкая мѣстность и весьма плодородная равнина, и здѣсь находится лугъ, именуемый Ἱππόβοτος, т. е. «питающій лошадей»". Однако, несогласно съ истиною утвержденіе автора, будто на этомъ или на другомъ лугу этой страны пасется или можетъ пастись 50 тысячъ кобылицъ персидскаго царскаго конскаго завода. Впрочемъ, еще недавно нѣкій военный офицеръ, послѣ путешествія своего въ Татарію, гдѣ онъ не прошелъ дальше Астрахани, лежащей еще въ 12-ти миляхъ по эту сторону Каспійскаго моря, на заданный ему въ Голштиніи объ этомъ лугѣ вопросъ: «Правда ли, что таковой имѣется въ Персіи?» отвѣчалъ: «Да!» Однако, сколько же требуется жеребцовъ для этого количества кобылицъ? И сколько нужно прислужниковъ для ухода за такимъ количествомъ лошадей. Я не говорю уже о другихъ обстоятельствахъ.

Въ этой мѣстности между горами лежатъ области Куаверъ [на картѣ—Куэверъ], Маранку, Деждевендъ и другія, а въ ближайшихъ горахъ деревня Дубиль, обыкновенно именуемая Хатифекеки, жители которой во время шаха Аббаса вели срамный образъ жизни. Ночью они сходились въ опредѣленныхъ домахъ, зажигали огни, пировали, затѣмъ раздѣвались до-нага и какъ скоты валились другъ на друга, такъ что часто отецъ съ дочерью, сестра съ братомъ, мать съ сыномъ совершали срамныя дѣла. Когда это отвратительное дѣло стало извѣстно шаху Аббасу, онъ велѣлъ перебить всѣхъ жителей и старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, не исключая и самыхъ малыхъ дѣтей, и заселить деревню другими жителями.

Скотская жизнь.

Удивительно то обстоятельство, что о подобной срамной жизни обитателей этой мѣстности писалъ еще греческій историкъ Геродотъ, жившій во времена второй монархіи. Упоминая въ книгѣ I-ой, главѣ 203-ей, объ этой мѣстности, онъ говоритъ: «а совокупляются обитатели этихъ мѣстъ, какъ скотъ, открыто».

Напротивъ городка Кизилагачъ лежатъ въ морѣ въ 1½ миляхъ отъ берега два острова Келехолъ и Аалибалухъ [на картѣ — Алибулахъ]. Послѣдній изъ нихъ, длиною въ 3 мили, получилъ, по словамъ персовъ, названіе оттого, что Али однажды былъ здѣсь и, не найдя для утоленія жажды свѣжей воды, божественной силою своею создалъ здѣсь колодецъ, который теперь еще даетъ прѣсную воду. Островъ этотъ у берега поросъ камышомъ.

Чудо Али.

LXXXVI.

(Книга VI, глава 6).

Путешествіе изъ Гиляна къ рѣкѣ Араксу... Также о Муганской степи.

12-го февраля мы оставили Гилянъ и поѣхали дальше черезъ открытую мѣстность и черезъ нѣкоторыя глубоко въ землѣ лежавшія небольшія рѣчки, важнѣйшими изъ которыхъ были: Ускеру и Бутару [на картѣ—Питару], перекрытыя мостами. Къ вечеру пришли мы къ деревнѣ Элліесду [по картѣ—Эйлисду]. Она лежитъ въ началѣ Моканской [Муганской] степи на склонѣ низкихъ плодородныхъ холмовъ. Вѣдь и вообще вся эта область у подножья горъ повсюду весьма плодородна и обработана. Деревни, которыхъ въ этой мѣстности было много, состояли изъ плохихъ домовъ, были сплетены въ родѣ плетней и вымазаны глиною. Всѣ онѣ были заняты шахскими солдатами. Шахъ предоставилъ солдатамъ эти деревни для кормленія: не только крестьяне должны были доставлять имъ кое-что для пропитанія, но и сами они имѣли земли и пашни, которыя могли обрабатывать. Деревня Элліесду принадлежала офицеру по имени Бетеръ-Султанъ; онъ жилъ въ трехъ миляхъ отсюда...

Отсюда мы двинулись дальше по Моканской степи, прошли двѣ мили и расположились въ Оба [на картѣ—Ооба] въ круглыхъ пастушьихъ хижинахъ...

Большое склоненіе.

Въ этотъ день утромъ, а именно 13-го февраля, въ означенной деревнѣ солнце взошло въ точности на [румбѣ] юговостокъ къ востоку [Зюйдъ-Остъ-тенъ-Остъ], такъ что магнитное склоненіе отъ С къ З оказалось здѣсь въ 24°. У Оба я высоту солнца въ полдень опредѣлилъ въ 40°48′, а высоту полюса подъ тѣмъ же меридіаномъ въ 39°28′. Побережье здѣсь тянется съ ЮЗ къ СВ. Мы вновь могли видѣть передъ собою Шемахинскія горы.

Муганская степь.

О Моканской [Муганской] степи нужно сказать подробнѣе. Полагаютъ, что она тянется въ длину болѣе чѣмъ на 60, а въ ширину на 20 миль. Турки зовутъ ее Миндюплукъ (1000 дымовыхъ отверстій), а персы Моганъ или Моканъ. Въ этой степи живетъ весьма много племенъ и родовъ, которые во времена Гуссейна (противъ него ихъ предки сражались подъ начальствомъ Іезида) были въ наказаніе какъ бы сосланы сюда.

Народы Сумекъ-Райети.

Имъ не разрѣшаютъ жить ни въ городахъ, ни въ деревняхъ, но лишь въ хижинахъ [кибиткахъ]; зовутъ ихъ Сумекъ-Райети, съ одной стороны, потому, что они отъ кости къ кости [отъ поколѣнія къ поколѣнію], какъ самые жалкіе рабы, на-вѣки покорены шаху, съ другой — потому, что имъ едва оставлено для пропитанія, чѣмъ сохранить свои кости. Они кормятся отъ скотоводства, лѣтомъ направляются подъ горы, гдѣ у нихъ хорошія пастбища и пріятный климатъ, зимою же они располагаются лагеремъ въ ровной степи. Ихъ считаютъ полудикими людьми и роды ихъ перечисляются слѣдующіе: ходже-чаубани, текле, элменкю, хаджиказилю, султанбахшелю, караи, ардендюшенлю, халеджъ и др.

Гробница Байрамъ-Текле.

14-го с. м. мы продвинулись на три мили дальше къ сѣверу и пришли къ племени хаджиказилю. По дорогѣ въ полѣ мы встрѣтили часовню, въ которой похороненъ нѣкій Байрамъ-Текле-Обаси. Онъ былъ во времена шаха Аббаса, когда турецкій паша Джалалъ-оглы напалъ на Персію, разбойникомъ; съ нѣсколькими сотнями собранныхъ вокругъ себя оборванцевъ онъ часто съ хитростью нападалъ на турокъ и почти ежедневно доставлялъ шаху Аббасу нѣсколько турецкихъ головъ. Наконецъ ему дана была для набѣговъ армія въ 12,000 человѣкъ, съ которою онъ, пожалуй, больше зла сдѣлалъ непріятелю, чѣмъ шахъ съ своимъ главнымъ войскомъ. За это шахъ освободилъ его отъ наказанія, сдѣлалъ княземъ и подарилъ ему нѣсколько деревень въ этой мѣстности.

Мы вновь расположились въ круглыхъ пастушьихъ хижинахъ [кибиткахъ]. Поздно вечеромъ, едва успѣвъ прилечь, мы услышали нѣсколько выстрѣловъ, которые быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Мы подумали, что это измѣна или нападеніе,—и поспѣшно собрали нашъ багажъ, устроили брустверъ и приготовились къ оборонѣ. Однако, оказалось, что русскій посланникъ, Алексѣй Савиновичъ, расположившійся на разстояніи выстрѣла отъ насъ, поднялъ эту стрѣльбу, чтобы напугать посла Брюг[ге]мана и посмотрѣть, какъ онъ будетъ вести себя. Онъ объяснилъ потомъ свой поступокъ тѣмъ, будто устроилъ стрѣльбу въ честь посла, полагая, что это—день рожденія Брюггемана.

15-го с. м. мы прошли черезъ степь восемь миль и расположились лагеремъ въ четверти [мили] пути отъ рѣки Аракса. Мы бы вошли и въ Джаватъ, гдѣ въ предыдущій разъ мы останавливались, если бы тамъ не помѣстился Аребъ-ханъ, ханъ шемахинскій, со всѣмъ своимъ дворомъ, занявъ всѣ помѣщенія.

Онъ и слѣдующій день пробылъ тамъ, такъ что мы остались поэтому на мѣстѣ.

Мы отъ Аребъ-хана, по приведеннымъ выше причинамъ, не ожидали особой дружбы и благодѣяній. Онъ, однако, пока мы были въ его области, все время былъ къ намъ очень любезенъ и дѣлалъ намъ добро. Всю вину въ недоразумѣніяхъ, возникшихъ у насъ съ нимъ, онъ свалилъ на бѣжавшаго у насъ персидскаго толмача Рустама, который часто передавалъ ему отъ насъ враждебныя ему рѣчи. По его словамъ, переводчикъ, вѣроятно, то же дѣлалъ съ его рѣчами у насъ; онъ грозилъ его поэтому обезглавить, какъ только удастся его схватить. Когда ханъ услышалъ, что мы вновь пришли къ Араксу, онъ послалъ знатнѣйшихъ своихъ слугъ, чтобы принять насъ и поднести намъ три мѣха хорошаго вина, которые намъ были очень пріятны, такъ какъ въ этотъ, какъ и въ предыдущій день, у насъ угощенія было немного. Съ посланными отъ хана прибылъ также нашъ бывшій въ Ардебилѣ мехемандаръ Неджефъ-бекъ, чтобы посѣтить насъ; онъ подарилъ посламъ прекрасную персидскую гончую собаку и очень весело бесѣдовалъ съ нами. *Стр. 464.*

LXXXVII.

(Книга VI, глава 7).

Сообщеніе о рѣкахъ Араксѣ и Курѣ и о поѣздкѣ въ Шемаху.

Араксъ. 17-го с. м. мы вновь собрались въ путь и перешли черезъ важную рѣку Араксъ, черезъ которую у Джавата наведенъ былъ корабельный [понтонный] мостъ, у нихъ именуемый *джисръ*. Мостъ этотъ ежегодно весною въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда вода разливается, долженъ сниматься, такъ какъ рѣка тогда выходитъ изъ береговъ и заливаетъ сосѣднюю плоскую низменность на милю и болѣе водою; въ это время никто не можетъ путешествовать этимъ путемъ.

Остановиться нѣсколько на этой рѣкѣ и подробнѣе поговорить о ея качествѣ, мнѣ даютъ поводъ географы, которые частью помѣщаютъ ее въ правильной мѣстности, но неточны въ подробностяхъ, частью же сбиты съ толку Квинтомъ Курціемъ, такъ какъ онъ упоминаетъ рѣку Араксъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ въ различномъ смыслѣ: онъ говоритъ, что рѣка эта находится въ области Персидѣ и течетъ къ полудню

Кн. V, гл. 10. Кн. VII, гл. 5.

(кн. V), а въ то же время онъ (кн. VII, гл. 5) и въ особенности Плутархъ въ біографіи Помпея (стр. 636) и Марка Антонія (стр. 939) пишутъ, что Араксъ черезъ Мидію впадаетъ въ Каспійское море. Страбонъ, въ данномъ случаѣ, слѣдуетъ Курцію въ однородныхъ и полныхъ сомнѣній рѣчахъ (кн. XI и XV).

Strabo, pag. 339, 502.

Радеръ въ комментаріи къ Курцію старается примирить эти съ виду противоположныя мнѣнія и говоритъ, что рѣка Медъ, въ которую Араксъ впадаетъ, сначала, должно быть, имѣетъ направленіе отъ полуночи къ полудню, но потомъ поворачивается и въ сторону полуночи впадаетъ въ Каспійское море. Это разсужденіе его, однако, также не разрѣшаетъ вопроса. Невозможно, чтобы рѣка отъ Персеполя могла течь, совершая такіе изгибы и переходя черезъ чудовищный, во много миль шириною, Тавръ, посерединѣ пересѣкающій страну персовъ или даже всю Азію «непрерывнымъ хребтомъ», какъ говоритъ Курцій въ указанномъ мѣстѣ. Истинное сообщеніе объ этомъ таково: имѣются двѣ различныхъ рѣки, именовавшіяся Араксомъ; одна изъ нихъ въ Мидіи, другая въ Персидѣ. Ортелій это хорошо усмотрѣлъ и указалъ въ слѣдующихъ словахъ въ своемъ «Thesaurus geographicus» при упоминаніи истиннаго Аракса: «О другомъ Араксѣ упоминаютъ Страбонъ въ кн. XV и Курцій въ кн. V». Послѣднюю рѣку, протекающую мимо города Персеполя (нынѣ Ширазъ), войскамъ Александра угодно было назвать Араксомъ подобно тому, какъ Александръ назвалъ рѣку Яксартъ, на границахъ Скиѳіи, Танаисомъ, а восточную часть Тавра — Кавказомъ; см. объ этомъ у Страбона, кн. II, стр. 348, § 30.

Араксъ въ Персидѣ.

По какимъ причинамъ и въ какомъ убѣжденіи это имъ сдѣлано, о томъ можно прочитать у Радера и въ другихъ комментаріяхъ.

Означенная рѣка въ Фарсіи въ настоящее время, ради большого чуда, здѣсь будто бы совершеннаго Али, называется Бендемиръ; она у Персидскаго залива впадаетъ въ большое открытое море. Возможно, что рѣка по имени Медъ и соединяется съ этой рѣкою, такъ какъ, по словамъ персовъ, нѣсколько небольшихъ рѣкъ впадаютъ въ Бендемиръ. Возможно поэтому, что, какъ полагаетъ Радеръ, слова Курція: «a mare ad meridiem versus» должно читать «ad mare meredіem versus», т. е. что Медъ съ означеннымъ Араксомъ направляется къ югу. Что касается настоящаго Аракса, черезъ который мы перешли въ Моганской [Муганской] степи, то онъ и въ настоящее время сохраняетъ названіе Аракса, происходящее, можетъ быть, какъ полагаетъ Евхстатій [Евстаѳій], отъ греческаго ἀράσσω — «срываю», такъ

Араксъ въ Мидіи.

какъ онъ, имѣя сильное теченіе, въ иныхъ мѣстахъ срываетъ горы и почву и поэтому вездѣ имѣетъ высокіе и подмытые берега. Онъ вытекаетъ въ Армянскихъ горахъ за высокими горами Араратъ и принимаетъ много притоковъ, изъ которыхъ важнѣйшіе: Карасу, Зенки, Керни, Арпа. У Карасу русло его глубоко врыто въ почву; вскорѣ затѣмъ, недалеко отъ Ордабата, онъ со страшнымъ шумомъ, который слышенъ болѣе чѣмъ на разстояніи мили, ниспадаетъ съ очень высокаго водопада въ область Моканъ. Моканъ, если сравнивать его съ Арменіею и Ширваномъ, расположенъ очень низко. Въ этой области рѣка совершенно тихо течетъ къ морю, и за Джаватомъ, въ 6-ти миляхъ отъ моря, соединяется съ рѣкою Курою или Киромъ (Кюръ), имѣющею ту же длину и текущей съ сѣверной стороны изъ Георгіи (Грузіи) или, какъ зовутъ ее нынѣ, Гурджистана. Какъ видно отсюда, Кура и Араксъ не имѣютъ, согласно съ описаніями Птолемея и другихъ, отдѣльныя другъ отъ друга устья въ морѣ. Со мною согласны всѣ, что ходили этимъ путемъ, особенно же англичанинъ Картрайтъ, пишущій въ своемъ описаніи путешествія: «Кура, по принятіи многихъ притоковъ, впадаетъ въ Араксъ и вмѣстѣ съ нимъ вливается въ Каспійское море». Если бы Кирополь былъ тѣмъ, *Кирополь.* чѣмъ въ настоящее время является Шемаха, какъ полагаютъ комментаторы къ Птолемею, въ особенности же Магинъ, и какъ, пожалуй, вытекаетъ изъ показанныхъ Птолемеемъ градусовъ широты, то нужно бы обѣ эти рѣки расположить не выше Кирополя, а ниже его, къ югу. Мѣсто стеченія ихъ, именуемое у туземцевъ «Каушанъ», мы нашли, какъ уже выше сказано, подъ 39°54′, а Шемаху подъ 40°51′ сѣв. шир., слѣдовательно, на разстояніи 13-ти миль другъ отъ друга, такъ какъ они подъ тѣмъ же меридіаномъ; это пространство мы и прошли сами, найдя именно такое количество миль. Кромѣ того, по сю сторону Шемахи, на протяженіи 9-ти или 10-ти дневныхъ переходовъ, такъ же, какъ и по ту сторону, во всемъ Гилянѣ нѣтъ особенно большой рѣки (всѣ имѣющіяся вытекаютъ лишь изъ гилянскихъ горъ), которую бы можно было отожествить [съ древнимъ Киромъ, если не считать Куры]. Къ тому же Шемаха не лежитъ, какъ говорится о Кирополѣ, близко къ морю, но въ двухъ дняхъ пути отъ него, если идти прямо. Отсюда видно, что древніе писатели сильно ошибались относительно этой мѣстности и рѣкъ; я счелъ необходимымъ напомнить объ этомъ въ угоду любителямъ географическихъ предметовъ.

Джаватъ. Означеннаго 17-го февраля мы вступили въ Джаватъ и были встрѣчены и обильно угощены мехемандаромъ, назначеннымъ отъ хана и оставленнымъ имъ въ городѣ. Мы направились въ прежнія наши квартиры и оставались въ нихъ въ теченіе слѣдующаго дня. Это мѣсто получило свое названіе отъ арабскаго *джавасъ*, что значитъ переходъ, такъ какъ здѣсь имѣется переходъ черезъ рѣку, гдѣ каждый желающій перейти съ той стороны обязанъ показать свой паспортъ, чтобы не могъ тайкомъ пробраться кто-либо изъ турокъ — ихъ непріятелей. *Переходъ.*

19-го февраля мы проѣхали еще 8 миль дальше, большею частью по пустынной, поросшей тонкимъ тростникомъ мѣстности, вплоть до Шемахинскихъ горъ, гдѣ для насъ были раскинуты три *аладжухъ* или круглыя хижины [кибитки]. По дорогѣ умеръ нашъ живописецъ Дитерихъ Ниманъ изъ Бокстегуде; послѣ того, какъ онъ былъ боленъ четырехдневной лихорадкою, онъ получилъ дисентерію и черезъ 4 дня умеръ отъ нея; смерть застигла его на телѣгѣ, въ дурную погоду. 22-го с. м. мы похоронили его въ городѣ Шемахѣ на армянскомъ кладбищѣ съ подобающими почестями. Это былъ благочестивый, тихій, богобоязненный и въ искусствѣ живописи весьма знающій человѣкъ; ради его искусства шахъ персидскій хотѣлъ взять его къ себѣ на службу на нѣсколько лѣтъ, но такъ какъ онъ видѣлъ судьбу часовщика Рудольфа Штадлера [зарубленнаго персами за убійство проникшаго къ нему въ квартиру вора-мусульманина и за нежеланіе обрѣзаться и принять мусульманство], онъ не захотѣлъ остаться. Аребъ-ханъ также сильно жалѣлъ его, такъ какъ онъ получилъ отъ него нѣсколько прекрасныхъ живописныхъ картинъ и охотно имѣлъ бы и самого его у себя. *Дитерихъ Ниманъ умираетъ.* *Похвала ему.*

20-го февраля мы очень рано поднялись и взобрались вновь на Шемахинскія горы, которыя поднимаются къ востоку со стороны моря, протягиваясь къ Курѣ въ видѣ полумѣсяца. Ихъ зовутъ здѣсь Ленгебусъ-дахи по названію расположенной на высотѣ направо деревни Ленгебюсъ. На этотъ разъ дневной переходъ намъ былъ непріятенъ, такъ какъ не только погода была дождлива и очень холодна, но и дорога была скользка, грязна и вязка, такъ что казалось, точно мы изъ лѣта опять идемъ въ зиму. Послы съ тѣми изъ свиты, у кого были хорошія лошади, еще среди дня прибыли въ городъ; другіе же пришли только поздно вечеромъ, а нѣкоторые притащились лишь въ полночь. Часть багажа запоздала болѣе чѣмъ на восемь дней, такъ какъ на- *Шемахинскія горы.* *Прибытіе вновь въ Шемаху.*

груженные имъ верблюды не могли взобраться на столь крутую гору по скользкой дорогѣ.

Ханъ вновь велѣлъ предоставить намъ у армянъ прежнія помѣщенія, гдѣ мы привѣтливо были встрѣчены нашими хозяевами.

LXXXVIII.

(Книга VI, глава 9).

Путешествіе отъ Шемахи до Дербента и затѣмъ до границы Персидскаго царства.

30-го марта мы собрались въ путь изъ Шемахи, причемъ ханъ и калентеръ съ нѣсколькими всадниками слѣдовали за нами изъ города, заставили еще разъ присѣсть съ ними въ открытомъ полѣ и угощали. Любезно простившись съ нами, ханъ опять со своей свитою вернулся въ городъ, а мы направились въ Пюрмара(а)съ, куда прибыли къ вечеру, проѣхавъ добрыхъ три мили. *Отбытіе изъ Шемахи.*

Въ послѣднее число марта, рано утромъ, въ 8 часовъ, мы всѣ опять тронулись въ путь и прошли 6 миль по очень высокимъ горамъ, гдѣ въ теченіе цѣлаго дня не видѣли ни одной деревни, пока вечеромъ не замѣтили деревню Кохани, въ долинѣ, гдѣ мы и остановились на ночлегъ. 1-го апрѣля мы вновь по высокимъ горамъ и глубокимъ долинамъ сдѣлали семь миль, вплоть до деревни Бахель, обыкновенно, въ виду плодородія мѣстности и роста пшена, весьма здѣсь изобильнаго, именуемой Сурратъ. *Апрѣль.*

2-го с. м. мы оставили горы и пришли въ равнину, въ четверти пути отъ моря, прошли мимо высокой горы Бармахъ и недалеко отъ моря увидѣли нефтяные колодцы. *Нефтяные колодцы.*

Это — разнообразныя ямы, числомъ до тридцати, расположенныя почти всѣ на разстояніи одного выстрѣла изъ ружья; изъ нихъ сильнымъ ключомъ бьетъ нефть: это — Oleum Petroleum. Среди нихъ были три главныхъ колодца, къ которымъ нужно было спускаться въ глубину на двѣ сажени, ради чего было поставлено нѣсколько поперечныхъ балокъ, которыми можно было пользоваться въ качествѣ лѣстницы. Сверху было слышно, какъ бурлятъ эти ключи, какъ бы кипя; запахъ ихъ довольно сильный, причемъ бѣлая нефть имѣетъ болѣе пріятный ароматъ, чѣмъ бурая. Здѣсь можно вычерпывать и бурую и бѣлую нефть, но первой больше, чѣмъ второй. Къ вечеру мы прибыли

къ деревнѣ Кизихтъ, расположенной недалеко отъ берега, въ 6-ти миляхъ отъ предыдущаго нашего мѣста ночлега.

Шабранъ.

3-го апрѣля мы прошли двѣ мили до мѣстечка Шабранъ и перешли черезъ 3 небольшихъ рѣки. Вокругъ этихъ мѣстъ въ горахъ живетъ племя, называющееся падаръ; оно занимается сильно воровствомъ и грабежами и предпринимаетъ набѣги на два или три дневныхъ перехода кругомъ. Въ теченіе дня нѣкоторые изъ нихъ были въ этомъ мѣстечкѣ, чтобы навести справки, какъ мы сильны и какъ бережемся.

Шабранцы на своемъ языкѣ называютъ себя «кюръ», почему нѣкоторые изъ насъ предположили, что это курды, и такъ и записали въ своихъ дневникахъ о путешествіи. Однако, курды живутъ далеко отсюда, въ Курдистанѣ, который раньше именовали Халдеею, Жители этой мѣстности, такъ же, какъ и мехемандаръ, искренно совѣтовали намъ, чтобы мы, если желаемъ пользоваться безопасностью, держали добрую стражу. Такъ мы и дѣлали. Теперь мы багажъ все время держали при себѣ и 4-го апрѣля прошли 4 мили дальше черезъ нѣсколько холмовъ съ отдѣльно стоящими деревьями. По дорогѣ къ намъ примкнулъ караванъ черкасскихъ и русскихъ купцовъ, которые очень обрадовались возможности идти вмѣстѣ съ нами и пройти въ безопасности отъ разбойниковъ. Въ этой мѣстности одного изъ разбойниковъ пришлось увидѣть. Когда его узнали, мехемандаръ съ нѣсколькими людьми погнался за нимъ; онъ же бѣжалъ, спрятался въ кустахъ и оставилъ на произволъ судьбы похищенную скотину. Мехемандаръ захватилъ ее и подарилъ послу. Послѣ полудня мы пришли къ деревнѣ, называвшейся Мишкаръ, въ двухъ миляхъ отъ Ніазабата, гдѣ нашъ корабль потерпѣлъ крушеніе; деревня лежала у большого болота. Крестьяне разбѣжались, полагая, что мы непріятели, попрятались по кустамъ и оставили всѣ вещи лежать и стоять на своихъ мѣстахъ. Впрочемъ, нѣкоторые, узнавъ, что̀ мы за люди, къ вечеру опять вернулись. Здѣсь мы въ домѣ священника нашли много великолѣпныхъ рукописныхъ книгъ.

У разбойника отбираютъ скотину.

Кёктепе.

5-го апрѣля путь нашъ шелъ 8 миль черезъ пустынныя поля и кустарники до мѣстечка Кёктепе. По дорогѣ мы встрѣтили мѣсто погребенія святого пюръ-Шихъ-Молла-Юсуфа, а также отрядъ въ 28 вооруженныхъ всадниковъ, сказавшихъ намъ, что они крестьяне, жительствующіе въ этой мѣстности. Изъ-за разбойниковъ, мѣшающихъ безопасности здѣсь на улицахъ, имъ приходилось, по ихъ словамъ, ѣздить столь большими отрядами; впрочемъ, они сами очень походили на разбойниковъ. Жители Кёктепе были

ДЕРБЕНТЪ на Персидской границѣ.

A. Замокъ.
B. Персидскій городъ.
C. Каравансерай.
D. Мечеть-храмъ.
E. Шахеръ-Юнанъ, нѣкогда греческій городъ.
F. Мѣсто битвы Шаха Касана съ татарами.
G. Мѣсто погребенія 40 князей и полковниковъ.
H. Надгробныя плиты простыхъ офицеровъ.
I. Гробница Джюмджуме.
K. Караулка.
L. Скала Бармахъ.
M. Каспійское море.

изъ племени падаръ; они жили на склонахъ веселыхъ холмовъ въ домахъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ среди отдѣльныхъ высокихъ деревьевъ; большая часть домовъ была наполовину вкопана въ землю. Отъ одного дома на другой получался прекрасный видъ.

6-го апрѣля мы прошли три мили черезъ лѣсъ и три рѣки: Коссаръ, Самбуръ и Кургани. Средняя, самая большая изъ нихъ, течетъ съ горы Эльбурсъ и, раздѣлившись здѣсь на пять рукавовъ, течетъ весьма широко по мелкому каменистому руслу; она такъ неглубока, что не покрывала лошадямъ даже бедеръ. *Рѣки Коссаръ, Самбуръ, Кургани.*

7-го апрѣля, пройдя три мили, мы вновь прибыли въ старинный городъ Дербентъ. Здѣсь нѣсколько кизилбашей выѣхали къ намъ навстрѣчу и приняли насъ. Намѣстникъ или Шахеверди-султанъ не явился съ ними,—такъ какъ, по ихъ словамъ, изъ-за несогласія, возникшаго между нимъ и солдатами, онъ не смѣлъ выѣхать изъ замка. *Прибытіе въ Дербентъ.*

9-го с. м. князь тарковскій, бывшій въ Ніазабатѣ у насъ въ гостяхъ, прислалъ гонца къ посламъ и велѣлъ сказать, что передъ нами опасный путь черезъ Дагестанъ; онъ предлагалъ намъ поэтому, если мы пожелаемъ, конвой или стражу. Послы приняли въ соображеніе, что эта стража, состоя также изъ дагестанцевъ, внушала бы столь же мало довѣрія къ себѣ, какъ и другіе дагестанцы, и поэтому, вѣжливо поблагодаривъ князя, дали ему въ отвѣтъ, что охотно избавятъ его отъ этихъ хлопотъ. Такъ какъ, однако, каждый могъ разсказать весьма многое о дикомъ нравѣ и грабежахъ дагестанцевъ, то мы не захотѣли оставить этихъ указаній безъ вниманія и сочли за лучшее сами быть постоянно на-готовѣ. Поэтому 10-го было осмотрѣно оружіе нашихъ спутниковъ: мушкетовъ и длинныхъ ружей было 52, а пистолетовъ 19 паръ. Приготовлены были къ дѣйствію и 2 пушки для металлическихъ и 4 для каменныхъ снарядовъ. *Стр. 453.*

LXXXIX.

(Книга VI, глава 10).

О городѣ Дербентѣ и о томъ, что здѣсь можно видѣть достопримѣчательнаго.

Что касается города Дербента, то персы полагаютъ его подъ 85° долготы; широту я опредѣлилъ здѣсь въ 41°50′. Онъ тянется своими постройками въ длину съ З къ В на полмили, а въ ширину съ С къ [Ю] отъ однихъ воротъ до другихъ

всего на 450 шаговъ, а не такъ, какъ пишетъ Іо. Барб[аръ] «medii miliaris spacium». Онъ простирается отъ горъ до моря, такъ что волны иногда бьютъ высоко объ стѣны, а то и ударяютъ въ нихъ сверху. Городъ этотъ, такимъ образомъ, замыкаетъ путь, идущій между моремъ и непроходимыми горами, и является здѣсь какъ бы ключомъ и желѣзными воротами персидскаго царства, какъ указываетъ на это Іовій въ XIII книгѣ «Histor.», pag. 237. Никто не можетъ пройти въ этой мѣстности, не заходя въ этотъ городъ.

Построенъ Александромъ Великимъ.

Какъ не только о томъ сообщаютъ всѣ писатели, но какъ жители и теперь еще сообщаютъ, городъ построенъ Искандеромъ или Александромъ Великимъ. Имъ воздвигнуты, однако, лишь замокъ и одна стѣна, а именно южная, между тѣмъ какъ другая, по сю сторону, къ сѣверу, была, по словамъ жителей, построена ихъ древнимъ достохвальнымъ царемъ Науширваномъ.

Стѣны.

Обѣ стѣны одинаково высоки и широки и сложены изъ мощныхъ квадратныхъ камней, объемомъ въ 4 и 6 кубическихъ фута. Всѣ эти камни — что намъ представилось удивительнымъ, были какъ бы слиты исключительно изъ мелкихъ разбитыхъ раковинокъ. На стѣнѣ Александра надъ воротами на длинномъ камнѣ были высѣчены три строки по-сирійски, а въ другомъ мѣстѣ была арабская надпись и еще чуждыя письмена, довольно неясныя вслѣдствіе древности. Я весьма точно срисовалъ городъ, чтобы его здѣсь воспроизвести. Въ немъ различаются три части. Высшая изъ нихъ, это — замокъ на горѣ А. Здѣсь живетъ намѣстникъ; эта часть была вооружена пушками и 500 солдатъ изъ двухъ племенъ: аюрумлу и койдурша. Средняя часть В населена персами; позади она сильно опустошена, а именно собственнымъ же ихъ царемъ Эмиръ-Хемзе, сыномъ Ходабенде, когда онъ вновь отнялъ ее у турки Мустафы, которому жители добровольно передались. Нижняя часть Е длиною въ 2,000 простыхъ шаговъ, совершенно лишена домовъ и имѣетъ лишь немного садовъ и пашенъ. Какъ они говорятъ, она была населена греками, вслѣдствіе чего и по сію пору именуется Шахеръ-Юнанъ — «городомъ грековъ».

Обѣ стѣны стоятъ на скалахъ, какъ вѣдь и все побережье у Дербента исключительно скалистое, такъ что корабельщикамъ здѣсь останавливаться неудобно и опасно. Повыше города черезъ горы, лѣсистыя здѣсь, построена была стѣна толщиною въ три фута, которая, какъ говорятъ, тянулась на 50 миль въ сторону Понта. Въ иныхъ мѣстахъ она вся была срыта, въ другихъ стояли еще остатки ея высотою съ колѣно или даже съ ростъ человѣка.

Нужно удивляться, сколько труда пошло на обработку камней и на складываніе этой стѣны, а также городскихъ стѣнъ, которыя столь широки, что по нимъ можно ѣхать въ телѣгѣ.

Помимо стѣны, въ верхней части города были устроены на холмахъ еще многіе внѣшніе оплоты и особыя укрѣпленія. Изъ нихъ два ближайшіе къ городу еще сохранили тотъ видъ, въ которомъ они построены, и заняты горнизономъ изъ солдатъ; они возведены въ видѣ четырехугольниковъ, съ очень высокими стѣнами. Кромѣ того вокругъ города на холмахъ расположены построенные изъ дерева и досокъ сторожевые дома или караулки. Съ нихъ можно наблюдать окрестность и издали замѣтить подходящаго врага; въ данное время они были заняты стражею. *Сторожевыя вышки.*

Въ городѣ Дербентѣ нѣтъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, христіанъ; здѣсь живутъ лишь магометане и іудеи, писавшіе себя изъ колѣна Веніаминова. Здѣсь нѣтъ особой торговой дѣятельности, если не считать того, что татары доставляютъ сюда много краденыхъ дѣтей, а также взрослыхъ турокъ и русскихъ для продажи; ихъ затѣмъ перепродаютъ въ Персію.

Солдаты въ городѣ, а также и нѣкоторые изъ горожанъ, были люди отчаянные и дерзкіе, о которыхъ нельзя сказать добраго слова. Казалось, какъ будто они нарочно хотѣли насъ ввязать въ драку, точно все еще со временъ Ніазабата у нихъ сохранялась злоба. Поэтому 8-го с. м. послы послѣ богослуженія произнесли слѣдующее увѣщаніе къ свитѣ: «необходимо тихо и мирно оставаться въ своихъ помѣщеніяхъ и подъ страхомъ строжайшаго наказанія не вдаваться въ ссоры съ кизилбашами или горожанами, а еще того менѣе оскорблять ихъ. Если же, противъ ожиданія, окажется, что кто-либо завяжетъ ссору съ персомъ, то пусть другіе ему не помогаютъ. Лучше пусть пострадаетъ одинъ, чѣмъ подвергнется опасности вся свита, какъ это было съ индійцами при прибытіи нашемъ въ Испагань. На здѣшнихъ жителей, какъ указалъ мехемандаръ и какъ и сами мы въ достаточной мѣрѣ могли замѣтить, нельзя было положиться».

Среди остальныхъ достопримѣчательностей этого мѣста по ту сторону города расположено было мѣсто погребенія Джюмджуме, о которомъ персы разсказывали слѣдующую истинную басню, записанную поэтомъ Фезули. Разсказываютъ, что Эисси (такъ персы и турки называютъ Господа Христа), проходя однажды этимъ мѣстомъ, увидѣлъ лежавшій здѣсь черепъ мертвеца. Такъ какъ онъ желалъ узнать, что это былъ за человѣкъ, то онъ попросилъ Бога, чтобы тотъ оживилъ его. Богъ услы- *Мѣсто погребенія Джюмджуме.*

шалъ молитву Энсси (онъ много значилъ у Бога) и оживилъ человѣка. Энсси спросилъ, кто онъ такой. Тотъ отвѣчалъ: «Я Джюмджуме, богатый царь этихъ земель. У меня былъ пышный дворъ и всего было вволю; соли ежедневно уходило въ пищу— грузъ сорока верблюдовъ. У меня было 40,000 поваровъ, 40,000 музыкантовъ, 40,000 мальчиковъ съ жемчужинами въ ушахъ и столько же другихъ слугъ» (когда мусульмане желаютъ назвать большую цифру, они, по примѣру своего Магомета, обыкновенно пользуются цифрой 40). Потомъ Джюмджуме спросилъ: «А ты кто и какова твоя вѣра?» Христосъ отвѣчалъ: «Я Энсси и владѣю единою спасающею религіею». Джюмджуме сказалъ: «Въ такомъ случаѣ и я приму твою религію». Но въ то же время онъ попросилъ Энсси, чтобы тотъ вновь позволилъ ему помереть, такъ какъ, оставшись безъ страны и людей, какъ того легко было ожидать, онъ не хотѣлъ болѣе жить. Послѣ этого Энсси вновь позволилъ ему помереть, и онъ здѣсь теперь похороненъ. На этой гробницѣ, недалеко отъ городской стѣны, стоитъ большое старое дерево и сложена изъ камня въ 5 локтей вышиною и въ 8 локтей діаметромъ площадка, въ родѣ сцены, къ которой ведутъ ступени. Они указаны на рисункѣ литерою I.

Передъ Дербентомъ много могильныхъ плитъ.

По сю сторону Дербента мы застали чрезвычайно много надгробныхъ и могильныхъ плитъ; ихъ было нѣсколько тысячъ штукъ; они были длиною болѣе человѣческаго роста, закруглены въ родѣ полуцилиндровъ, и выдолблены, такъ что можно было лежать въ нихъ; на нихъ были высѣчены арабскія и сирійскія письмена. Объ этихъ могилахъ жители разсказывали слѣдующую исторію. Жилъ будто бы въ древнія времена, однако уже послѣ Магомета, въ Индіи царь по имени Кассанъ, по происхожденію изъ націи «окусъ», живущей за Эльбурсомъ въ Табессеранѣ, гдѣ теперь много живетъ іудеевъ. У него была ожесточенная битва съ дагестанскими татарами, которыхъ они зовутъ лезги[нами], въ этомъ самомъ мѣстѣ. Онъ побѣдилъ ихъ, убивъ нѣсколько тысячъ человѣкъ; могилы наиболѣе знаменитыхъ изъ убитыхъ онъ велѣлъ выложить могильными плитами такого рода и такой формы, какъ показано на прилагаемомъ рисункѣ. Среди другихъ мѣстъ погребенія еще особое, окруженное стѣною, находилось въ сторону моря. Здѣсь лежали рядомъ сорокъ подобныхъ длинныхъ огромныхъ надгробныхъ плитъ и были водружены многіе флаги. Персы называютъ это мѣсто погребенія *джилтенанъ*, а турки и татары — *керхлеръ*. Здѣсь, какъ говорятъ, погребены 40 князей, святыхъ мужей, погиб-

Битва Кассана съ татарами.

Джилтенанъ.

шихъ въ той же битвѣ; персы и татары ежедневно приходятъ сюда молиться. Прежде здѣсь учреждена была выдача богатой милостыни. Теперь же это мѣсто стережется лишь однимъ старикомъ, живущимъ здѣсь; онъ самъ живетъ милостынею отъ тѣхъ, кто приходятъ для посѣщенія могилъ. Царь Кассанъ, умершій позже своею смертью, похороненъ у Тавриза при рѣкѣ Аджи («горькая вода»). Тамъ и теперь можно видѣть его гробницу. Мѣсто погребенія его супруги царицы Бурлэ показываютъ у крѣпости Уруми. Говорятъ, что могила въ 40 футъ длиною. Жители утверждаютъ, что эта прежняя нація отличалась людьми гораздо болѣе высокими и сильными, чѣмъ нынѣшніе.

Мѣста погребенія Кассана и Бурлэ.

13-го апрѣля сюда прибыли 50 татаръ: мужчинъ и женщинъ. На слѣдующій день, 10-го зилхаджэ, когда праздновалось жертвоприношеніе Авраама, они пришли къ *керхлеру*, чтобы по своему обычаю принести жертву. Они шли другъ за другомъ, цѣловали надгробныя плиты, держали руки надъ ними и молились.

XC.

Отъ Дербента до дагестанскихъ татаръ, до Тарку, и о томъ, что мы по дорогѣ встрѣтили.

Послѣ того, какъ мы пробыли въ городѣ Дербентѣ пять дней, не трогаясь съ мѣста и тщетно дожидаясь шахскаго персидскаго посла Имамкули, который обѣщалъ черезъ немного дней быть съ нами, и въ то же время принуждены были питаться на свои деньги, такъ какъ султанъ ничего намъ не доставлялъ, мы 12-го с. м. приготовились къ уходу, велѣли собрать весь багажъ и раздать каждой персонѣ на четыре дня хлѣба, такъ какъ мы въ теченіе этого срока не могли получить много больше.

Когда же 13-го с. м. хотѣли уходить и уже сидѣли на лошадяхъ, султанъ велѣлъ запереть передъ нами ворота, чѣмъ мы были поражены. Мы поэтому послали своего мехемандара къ нему, чтобы узнать о причинѣ. Онъ отвѣчалъ: «до него дошли точныя извѣстія, что татарскій князь Осминъ, граница котораго недалеко отъ Дербента, вооружился съ большимъ войскомъ, чтобы остановить насъ и либо потребовать большой дани, либо, въ случаѣ отказа въ уплатѣ, ограбить насъ; поэтому онъ, ханъ, не можетъ разрѣшить, чтобы мы ѣхали безъ конвоя: если бы съ нами случилось несчастье, ему пришлось бы нести тяжкую от-

вѣтственность передъ шахомъ, которому мы добрые пріятели; конвой же не можетъ быть снаряженъ въ этотъ же день». Хотя мы не придавали большого значенія такому конвою, да и легко могли замѣтить, каково истинное расположеніе хана, все-таки намъ пришлось примириться съ его заботливостью и попросить его, чтобы онъ только разрѣшилъ намъ выйти изъ города, обѣщаясь подождать внѣ города до слѣдующаго дня, когда конвой будетъ готовъ. Послѣ этого ворота отворили, мы прошли четверть мили за городъ и расположились рядомъ съ виноградникомъ, гдѣ небольшая рѣка образуетъ границу между персидскими и дагестанскими татарами.

Выступленіе изъ Дербента.

Мухара и Курхуда гробницы.

Здѣсь мы встрѣтили [гробницы] еще двухъ мусульманскихъ святыхъ; одна изъ нихъ — пюръ-Мухара — была въ полѣ, другая — Имамъ-Курхуда — въ горѣ. Про Курхуда говорятъ, что онъ былъ другомъ Магомета, всегда держался у ногъ его, учился у него и прожилъ послѣ его смерти еще триста лѣтъ. Онъ направился, какъ говорятъ, къ царю Кассану, игралъ передъ нимъ на лютнѣ и пѣлъ пѣсни, въ которыхъ убѣждалъ царя къ войнѣ съ лезги[нами]. Когда онъ предпринялъ обращеніе лезги[нъ] или дагестанскихъ татаръ, бывшихъ язычниками, и открыто сталъ среди нихъ проповѣдывать, они убили его. Его могила представляетъ большую пещеру, высѣченную въ скалистой горѣ. Гробъ его былъ сколоченъ изъ четырехъ досокъ; далеко назади, въ отверстіи, поднимавшемся на два локтя отъ земли, онъ представлялъ весьма бѣдное зрѣлище и былъ виденъ для каждаго. Въ предыдущій день я заходилъ туда, тщательно осмотрѣлъ все и не нашелъ никакихъ украшеній. Въ качествѣ хранительницы гроба сидѣла старуха. Но на этотъ день, когда происходило паломничество для принесенія жертвы, почва была выложена цыновками, а передъ отверстіемъ, гдѣ находился гробъ, повѣсили кусокъ золотой парчи. Изъ города и издалека пришли многія женщины и дѣвушки, прошли босикомъ въ пещеру, цѣловали гробъ и садились наземь, чтобы помолиться о томъ, чего каждая изъ нихъ желала. Послѣ молитвы, онѣ жертвовали коечто старухѣ, которая также считается святою и ночью у гроба поддерживаетъ горящую лампаду. Жертвы состояли въ сырѣ, маслѣ, молокѣ, хлѣбѣ, деньгахъ, винѣ и т. п. Въ теченіе всей слѣдующей ночи мы въ нашемъ лагерѣ слышали, какъ у этого мѣста погребенія, а также у мѣста погребенія сорока святыхъ, раздавался сильный крикъ, какъ бы отъ лицъ, которыя веселились, плясали, а то и выли. Получалось впечатлѣніе чего-то языческаго и варварскаго.

[1]4-го апрѣля мы пробыли еще три часа послѣ восхода солнца на мѣстѣ. Для лучшаго обереганія себя мы впредь установили для нашей свиты слѣдующій порядокъ. Впереди шли три поручика съ солдатами съ горящими фитилями, затѣмъ слѣдовала пушка для металлическихъ ядеръ въ $2^1/_2$ фунта (ея расположили на четырехъ колесахъ, такъ какъ уже болѣе намъ не нужно было переходить черезъ горы), потомъ шла телѣга, на которой помѣщены были четыре пушки для каменныхъ снарядовъ (тутъ же былъ и пушкарь со всѣми необходимыми вещами), далѣе шли верблюды съ багажемъ, а вокругъ нихъ посолъ Крузіусъ съ нѣсколькими отдѣленными къ нему людьми и трубачомъ; за багажемъ опять слѣдовала пушка для металлическихъ ядеръ въ родѣ предыдущей. А въ концѣ шелъ посолъ Брюг[ге]манъ со своимъ отрядомъ и трубачомъ. Такъ какъ никакой конвой не явился, то мы такимъ образомъ въ добромъ порядкѣ направились впередъ, оставили персидскую границу и пришли къ дагестанскимъ татарамъ.

Порядокъ для поѣздки черезъ земли татаръ.

XCI.

(Книга VI, глава 12).

О Дагестанѣ, особой татарской области и объ амазонкахъ.

При прибытіи въ эту страну мы сначала, по доброй охотѣ, обратимся мыслями своими къ прежнимъ временамъ и посмотримъ, что за люди въ старину владѣли этой страною и обитали здѣсь. Судя по тому, что сообщаютъ Птолемей, Діонисій, александрійскій философъ, равно какъ и Страбонъ, эта мѣстность была частью области Албаніи, расположенной между Иберіею и Каспійскимъ моремъ. Чтобы Албанія могла получить названіе ab albis capillis, «отъ бѣлыхъ или сѣдыхъ волосъ», которые, по словамъ Плинія и Геллія, свойственны отъ ранней молодости здѣшнимъ обитателямъ, этого я на нашемъ мѣстѣ не замѣтилъ: у всѣхъ жителей здѣсь, какъ и у сосѣднихъ черкасовъ, черные какъ смоль волосы.

Strabo, l. XI, p. 345.

Plin. l. VII, c. 2, Gell. l. IX, c. 4.

Какъ видно изъ Страбона, въ одной изъ частей этой страны должны были жить амазонки. По мнѣнію Курція, онѣ жили между Каспійскимъ моремъ и горою Кавказомъ. «На самой границѣ Гирканіи находится племя амазонокъ», говоритъ онъ въ книгѣ VI, гл. 10. Ихъ государыня Ѳалистра пришла черезъ

L. XI, p. 347.

Каспійскія ворота (это, вѣроятно, Дербентъ) съ 300 вооруженныхъ женщинъ къ Александру въ Гирканію и, чтобы получить наслѣдіе отъ столь славнаго героя, просила о раздѣленіи съ нимъ ложа, что и было ей предоставлено въ теченіе 13-ти дней. Объ этомъ можно прочесть въ указанномъ мѣстѣ у Курція.

Если, однако, Страбонъ, а съ нимъ и по нему и другіе возражаютъ противъ помѣщенія Курціемъ амазонокъ сюда къ Каспійскому морю (онъ говоритъ о гирканскихъ границахъ) и въ то же время на берега Θермодоонта въ Каппадокіи (какъ то дѣлаютъ другіе), то я лично не считаю этого столь нескладнымъ, сколько бы по поводу прибытія Θалистры ни смѣялся надъ Курціемъ Горопій. Вѣдь если вѣрить другимъ историкамъ, скиѳскія амазонки не только занимали большое пространство въ греческой землѣ, но и многія провинціи въ Азіи, какъ о томъ подробно писали Діодоръ Сицилійскій, Іорнандъ, Родерикъ Толедскій, а также и самъ Беканъ. Вполнѣ могло быть, что у Θалистры ея главнѣйшая столица была на Θермодоонтѣ, но что въ данное время она находилась въ своей провинціи, расположенной у Каспійскаго моря, и тѣмъ скорѣе могла посѣтить Александра.

Существовали ли амазонки?

Среди ученыхъ людей идетъ споръ, и нѣкоторые изъ нихъ сомнѣваются: существовали ли когда-либо на свѣтѣ амазонки, будто бы въ качествѣ воинственныхъ героинь совершившія столько мужественныхъ подвиговъ. Діодоръ Сицилійскій вполнѣ увѣренъ, что онѣ существовали. Онъ разсказываетъ о войнахъ ихъ и побѣдахъ, а также о городахъ, ими построенныхъ. Онъ различаетъ среди нихъ двѣ націи: африканскую и азіатскую, и говоритъ, что африканская была гораздо древнѣе и знаменитѣе въ дѣлахъ своихъ, чѣмъ другія амазонскія націи. Объ этомъ можно прочитать въ кн. II и III, на стр. 185.

Геродотъ въ IV книгѣ, § 110, Юстинъ во II книгѣ, гл. 4, Іорнандъ (Іорданъ) «De rebus Geticis», гл. 7, Родерикъ Толедскій «De rebus Hispan.», кн. I, гл. 12, и многіе другіе записали, какъ истинныя событія, то, что случилось съ амазонками.

Жены готовъ и скиѳовъ.

Они указываютъ и на происхожденіе ихъ. Онѣ жены скиѳовъ и готовъ, которыя, оставшись однѣ дома въ виду выступленія мужей въ войну, принуждены были, чтобы отражать нападенія сосѣднихъ народовъ, желавшихъ у нихъ пограбить, сами по необходимости браться за оружіе и отражать такимъ образомъ насиліе. Когда онѣ замѣтили, что имъ была удача, онѣ собрались вмѣстѣ и вооруженной силой напали и на другія государства,

завоевали ихъ, но и пострадали при этомъ кое-гдѣ достаточно: когда онѣ въ разныхъ мѣстахъ опустошали Персію, однажды сорокъ тысячъ изъ ихъ числа были перебиты персами, какъ о томъ можно прочитать у означеннаго толедскаго писателя. По его словамъ, амазонки правили еще во времена Юлія Цезаря. Далѣе онъ прибавляетъ: «Съ того времени вплоть до настоящей поры онѣ царятъ въ странѣ, обыкновенно именуемой Женскою (Foeminea)». Пусть, однако, кто-либо сходитъ и найдетъ эту страну.

Страбонъ вполнѣ отрицаетъ, чтобы когда-либо существовали амазонки, говоря: «хотя древніе писатели и заявили, что онѣ были, но онъ всетаки не можетъ этого себѣ представить». «Кто можетъ повѣрить, — говоритъ онъ, — чтобы могло существовать войско изъ однѣхъ женщинъ или цѣлые города, даже царства и управленія безъ мужчинъ? И что еще того болѣе: чтобы женщины подвергли нападенію и завоевали цѣлыя страны, имѣвшія храброе мужское населеніе и воиновъ? Далѣе, что мужья амазонокъ, которымъ съ рожденія парализовали правую руку, совершали женскую работу, воспитывали дѣтей и находились подъ властью женщинъ? Вѣдь что бы это могло значить иное, какъ не то: въ данное время женщины были мужчинами, а мужчины — которые на самомъ дѣлѣ по природѣ склонны къ власти — женщинами, не говоря уже о чудесныхъ и невѣроятныхъ вещахъ, которыя о нихъ разсказываются».

Арріанъ въ VII книгѣ говоритъ: «Мнѣ кажется невѣроятнымъ считать это женское племя никогда не существовавшимъ, такъ какъ столь многіе и знаменитые авторы его прославляютъ». По его мнѣнію, вполнѣ возможно, что амазонки существовали, но только не во времена Александра Великаго. *Книга VII, стр. 156.*

Горопій Беканъ также присоединяется къ мнѣнію Арріана; изложивъ нѣкоторыя другія мнѣнія, Горопій говоритъ въ книгѣ VIII: «Мы полагаемъ, что такія общераспространённыя сказанія отличаются однимъ свойствомъ: хотя содержаніе ихъ и перемѣшано съ баснями, всетаки въ основѣ ихъ какой-либо истинный источникъ». Древнія сказанія, по его мнѣнію, нельзя совершенно откидывать; въ нихъ должно быть нѣкоторое зерно истины, даже въ томъ случаѣ, если древніе писатели и перемѣшали подобныя исторіи со многими баснями, по обычаю поэтовъ.

Послѣ этого мы вновь обращаемся къ нынѣшнимъ жителямъ этой области. Это—татары; персы зовутъ ихъ лезги[нами], а сами они зовутъ себя «дагестанъ-татаръ», т. е. горными татарами. *Дагестанъ.*

«Дагъ» на ихъ языкѣ и по-турецки обозначаетъ гору; они живутъ на склонѣ горы и между горами, миль отъ двадцати до тридцати къ западу отъ Каспійскаго моря. Къ югу ихъ граница, какъ здѣсь сказано, сейчасъ же у Дербента; она простирается вдоль моря къ С до Терокъ; эту дорогу мы въ извилинахъ ея опредѣлили въ 40 миль. Горы въ иныхъ мѣстахъ отступаютъ на полмили, на цѣлую, а иногда и на двѣ и три мили отъ моря, оставляя близъ подножья прекрасныя плодородныя поля, а у моря — сухія степи. Жители черно-желтаго цвѣта кожи, крѣпки тѣлосложеніемъ, лицомъ безобразны, дики и жестоки, волосы ихъ длинные, черные, какъ смоль; они ходятъ въ длинныхъ сѣрыхъ и черныхъ кафтанахъ, сдѣланныхъ изъ плохого сукна, а поверхъ одѣваютъ грубый войлочный плащъ. На головѣ у нихъ шапки, сшитыя четырехугольникомъ изъ куска чернаго сукна. Ихъ башмаки изъ овечьей или лошадиной кожи, вырѣзаны изъ одного куска со швомъ сверху на ногѣ и сбоку ея. Эта одежда показана на рисункѣ, представляющемъ городъ Тарку. Они, правда, признаютъ себя по вѣрѣ мусульманами, даютъ производить надъ собою обрѣзаніе, слѣдуютъ туркамъ, но сколько-нибудь ревностнымъ благочестіемъ не отличаются.

Одежда дагестанцевъ.

Кормятся они скотоводствомъ, чѣмъ больше всего приходится заниматься женщинамъ. Мужчины же ѣздятъ верхомъ, совершаютъ набѣги, крадутъ и грабятъ кругомъ и нисколько не совѣстятся красть даже у собственныхъ друзей, сестеръ и братьевъ — дѣтей и продавать ихъ персамъ или туркамъ. Поэтому никто изъ нихъ и не довѣряетъ другому. Они ѣздятъ верхомъ или ходятъ обыкновенно защищенные бронею, щитомъ и шлемомъ, нося стрѣлы, лукъ и дротики. Сплошь и рядомъ мы видѣли, какъ подобнымъ образомъ были вооружены даже тѣ, кому приходилось только стеречь пару овецъ. Съ проѣзжающихъ купцовъ они берутъ большую дань, а если тѣ недостаточно сильны, то ихъ и грабятъ. Поэтому караваны и идутъ либо большими отрядами, либо слѣдуютъ водою. Ни персы, ни русскіе, между владѣніями которыхъ они расположены, не могутъ укротить ихъ военной силой, такъ какъ [въ случаѣ опасности] они сейчасъ же убѣгаютъ въ непроходимыя горы и прячутся въ высокія безопасныя пещеры.

Оружіе татаръ.

Шемхалъ, глава дагестанцевъ.

Въ этой странѣ имѣются различные князья; почти въ каждомъ городѣ имѣется особый, а главный изъ нихъ именуется шемхалъ (у насъ звали его шавкаломъ); это какъ бы царь между ними, избираемый бросаніемъ яблока. Когда его избираютъ, всѣ

мурзы или князья должны сойтись въ кругъ, а священникъ [мулла] бросаетъ въ нихъ позолоченное яблоко; въ кого оно попадетъ, тотъ становится шемхаломъ. Священникъ, однако, хорошо знаетъ, въ кого онъ долженъ бросить. Такого рода шемхалъ (или Lumen [свѣточъ?]), какъ на ихъ языкѣ онъ именуется, пользуется, правда, почетомъ и уваженіемъ, но другіе князья не особенно ему повинуются и довѣряютъ, какъ можетъ быть усмотрѣно изъ нижеслѣдующихъ разсказовъ.

Осминъ.

Какъ сказано, мы начали свою поѣздку черезъ Дагестанъ 14-го апрѣля и прибыли во владѣніе Осминъ (именуемое нѣкоторыми Исминъ), князь котораго Рустамъ имѣлъ свой дворъ въ мѣстечкѣ того же наименованія. Путешествіе шло въ теченіе этого дня пять миль черезъ три красивыя деревни, имѣвшія вокругъ себя нѣсколько плодовыхъ садовъ и тучныя пашни. Насъ встрѣтилъ сынъ князя Рустама съ 15-ю всадниками въ латахъ; онъ привѣтствовалъ насъ въ своей странѣ. Послѣ этого они взяли отъ насъ налѣво въ лѣсъ, а мы направились направо въ открытое поле и стали лагеремъ у деревни, устроивъ вагенбургъ и разставивъ хорошую стражу. Къ вечеру вновь прибылъ молодой князь, посѣтилъ, однако, лишь посланника Алексѣя, устроившаго свой лагерь близъ нашего, и спросилъ, что мы за люди. Ему приготовили въ качествѣ подарка 12 дукатовъ и 3 куска персидскаго атласу на тотъ случай, если бы онъ пришелъ и къ намъ; такъ какъ онъ, однако, не явился и лишь прислалъ двухъ своихъ офицеровъ, то подарокъ не былъ переданъ. Когда князь со своими опять собрался въ путь, мы велѣли для салюта дать выстрѣлы изъ двухъ орудій, заряженныхъ ядрами.

Бойнакъ, княжеская резиденція.

15-го с. м. мы прошли черезъ низкіе холмы, гдѣ встрѣтили очень много зайцевъ, которые въ иныхъ мѣстахъ поднимались до 4 или по 5 заразъ. Мы могли при помощи нашихъ собакъ устроить хорошую забаву и въ немного часовъ поймали 9 штукъ. Къ вечеру, пройдя шесть миль, мы пришли въ другое владѣніе, именуемое Бойнакъ, и расположились лагеремъ у деревни того же имени, а именно у склона холма, который къ морю опускался круто и съ двухъ сторонъ давалъ мѣсто глубокимъ долинамъ. Передъ нами мы въ видѣ шанца устроили наши сундуки и другой багажъ и посерединѣ расположили пушки въ формѣ полумѣсяца. У владѣтеля этой мѣстности, какъ говорятъ, немного подданныхъ и средства для жизни онъ получаетъ отъ овечьихъ стадъ, которыхъ у него было очень много. Его люди были гости дерзкіе и отчаянные. Посолъ Брюг[ге]манъ такъ на нихъ разсердился, что, когда нѣкоторые изъ нихъ остановились, чтобы

Дерзкій народъ.

посмотрѣть на насъ, какъ на чужихъ и удивительныхъ для нихъ людей, онъ приказалъ силою гнать ихъ прочь и выстрѣлить порохомъ [холостымъ зарядомъ] имъ подъ глаза. Онъ еще болѣе разсердился при этомъ на насъ за то, что мы, полагая нежелательнымъ раздражать это шмелиное гнѣздо, не хотѣли исполнить его приказанія. Когда варвары замѣтили, что ихъ присутствіе намъ тягостно, они сказали: «развѣ это не ихъ земля, и не имѣютъ ли они столько же или даже больше права, чѣмъ мы, стоять на ней; пусть бы мы поэтому не важничали. Правда, теперь мы сильнѣе ихъ, но если имъ ихъ государь лишь подастъ знакъ, то они спѣшно соберутъ столько народу, что ихъ хватитъ, чтобы сломатъ намъ шеи». Далѣе они говорили: «Имъ нѣтъ дѣла ни до шаха персидскаго, ни до великаго князя московскаго: они дагестанцы и подвластны одному лишь Богу». Сначала они не хотѣли допустить, чтобы наши люди, не платя денегъ, брали воду, которую приходилось приносить изъ глубокой долины. Такъ какъ они однако замѣтили, что путь къ водѣ мы могли обстрѣливать изъ нашего лагеря и уже приготовились къ этому, то они пропустили насъ. Поздно вечеромъ князь велѣлъ намъ сказать, чтобы утромъ мы не двигались съ мѣста, пока онъ не велитъ обыскать насъ, нѣтъ ли у насъ купеческихъ товаровъ, за которые слѣдуетъ платить ему пошлину. Мы ему велѣли сообщить въ отвѣтъ: «Мы не купцы, а послы, во всемъ мірѣ имѣющіе право свободнаго прохода; по справедливости мы пользуемся этимъ правомъ и здѣсь, но если кто, противъ права, захочетъ что-либо силою отнять у насъ, тотъ пусть знаетъ, что встрѣтитъ сопротивленіе». Послѣ этого никто уже больше ничего отъ насъ не требовалъ.

Намъ запрещаютъ пользоваться водою.

На томъ же мѣстѣ, гдѣ мы расположились, на возвратномъ пути сталъ лагеремъ польскій посолъ [Өеофилъ фонъ-Шенебергъ], котораго мы встрѣтили въ Персіи. Онъ также попалъ въ ссору съ бойнаками, но оказался слишкомъ слабымъ для борьбы съ ними, его одолѣли и убили со всѣми его людьми, за исключеніемъ лишь трехъ слугъ, которые спрятались въ долинѣ. Три бѣглеца вернулись обратно по дорогѣ въ Дербентъ. Отсюда мехемандаръ, доставившій посла до этого города, взялъ ихъ обратно въ Персію, гдѣ, по распоряженію шаха Сефи, каждый изъ нихъ получалъ по талеру въ сутки для пропитанія, пока черезъ 9 мѣсяцевъ не пришелъ къ шаху русскій посланникъ, взявшій ихъ съ собою въ Москву. Такимъ образомъ доброму господину Өеофилу фонъ-Шен(е)бергъ, видному храброму мужчинѣ, пришлось закончить свою жизнь, будучи убитымъ въ

Убійство польскаго посла.

посольствѣ въ варварской странѣ. Тѣмъ болѣе мы должны благодарить Бога, что съ нами не случилось ничего подобнаго.

Опасность, грозившая Олеарію отъ татаръ.

16-го апрѣля рано утромъ около 6-ти часовъ мы опять двинулись въ путь и, пройдя недалекое разстояніе, пришли въ область другого князя, а именно тарковскаго. Здѣсь я чуть было не попалъ въ качествѣ добычи татарамъ въ руки. Такъ какъ путь нашъ шелъ приблизительно въ полумилѣ отъ Каспійскаго моря и мнѣ хотѣлось узнать, что за грунтъ у берега и какое берегъ имѣетъ направленіе, то я со шкиперомъ Корниліемъ Клаус(ен)омъ и отдалился отъ свиты и поѣхалъ къ морю. Едва мы прибыли къ берегу, который здѣсь расположенъ за двумя холмами, какъ увидали, что два татарина, за которыми слѣдовали подальше еще восьмеро, ѣдутъ вдоль берега. Когда они насъ увидали, то поспѣшили за нами, но мы, не мѣшкая, повернули опять въ сторону дороги. Оба ближайшіе татарина взяли свои дротики въ руки и, давъ шпоры конямъ, во всю прыть погнались за нами. Другіе же, полагая можетъ быть, что такого рода людей здѣсь должно быть больше, проѣхали на холмъ, чтобы произвести развѣдки. Когда они увидѣли, что на разстояніи не далѣе добраго выстрѣла изъ ружья длинной лентой тянется наша свита, они стали кивать и кричать нашимъ преслѣдователямъ: «Тутма, тутма!», чтобы тѣ не преслѣдовали и не хватали насъ, такъ какъ тамъ сильная засада. Послѣ этого они медленно поѣхали за нами и, догнавъ насъ близъ свиты, любезно поздоровались съ нами и попросили посмотрѣть наши пистолеты, желая узнать, что это за оружіе. Однако, ни одинъ изъ пистолетовъ не былъ имъ данъ въ руки, они осмотрѣли нашу свиту и послѣ этого опять поѣхали дальше поперекъ поля. Намъ повстрѣчались и послѣ этого разные отряды одѣтыхъ въ латы всадниковъ; иногда они на разстояніи пары выстрѣловъ изъ ружья ѣхали съ нами, заѣзжая иногда назадъ, иногда впередъ; иногда они хотѣли пересѣчь нашъ отрядъ, но мы этого не допускали. Послѣ этого они опять ѣхали дальше своей дорогою. Къ вечеру мы прибыли къ городу Тарку, расположенному въ 7-ми миляхъ отъ Бойнака. Мы расположились въ ровномъ полѣ близъ свѣжаго ключа, приблизительно въ разстояніи доброй четверти мили отъ Каспійскаго берега.

Прибытіе подъ Тарку.

CXII.

(Книга VI, глава 13).

О городѣ Тарку и тарковской области.

На слѣдующій день, 17-го апрѣля, главный правитель этого города прислалъ своего младшаго брата съ другими тремя осанистыми мужчинами привѣтствовать насъ и предложить всяческую дружбу и услуги. Самъ ханъ о себѣ сообщалъ, что онъ боленъ и лежитъ въ постели. Послы отправили къ нему нашего медика, чтобы поблагодарить за такое предложеніе дружбы и помочь ему, если онъ того пожелаетъ, совѣтомъ и лѣкарствами медика для возстановленія его здоровья. Онъ охотно согласился на это. Когда онъ, при лѣченіи врачомъ, въ теченіе немногихъ дней выздоровѣлъ, онъ не находилъ словъ для выраженія своей благодарности намъ.

Городъ Тарку.

Что касается города Тарку, то это главный городъ въ Дагестанѣ. Онъ лежитъ въ высокой мѣстности, на склонѣ и между горъ, среди обрывистыхъ скалъ. Скалы эти, какъ выше сказано, съ виду похожи на то, точно онѣ спаяны изъ однѣхъ раковинъ въ родѣ тѣхъ, которыя море въ этомъ мѣстѣ выбрасываетъ на берегъ (всѣ эти раковины величиною въ скорлупу грецкаго орѣха). Нѣкоторыя изъ раковинъ еще цѣлыя; притомъ встрѣчаются эти раковины не по одиночкѣ, но нѣтъ обломка величиною съ кулакъ, въ которомъ не насчитывалось бы пять и болѣе раковинокъ; самый камень твердъ, какъ кремень. Надъ этими скалистыми горами была ровная мѣстность и хорошее пастбище для скота.

Раковинная гора. [*Стр. 460*].

Городъ лишенъ стѣнъ и лежитъ совершенно открыто; въ немъ до тысячи домовъ, почти на персидскій манеръ, но построены они нѣсколько хуже. Изъ скалы вытекаютъ различные обильные водою ключи, которые черезъ городъ стекаютъ съ горы съ пріятнымъ шумомъ. Здѣшніе дагестанцы, равно какъ и бойнаки и живущіе болѣе къ сѣверу люди, именуется *кайтаками*. За Тарку въ горахъ къ западу находятся еще другіе, которые зовутся *кумуки* [кумыки] или *казукумуки* [казикумыки]; каждое изъ этихъ племенъ имѣетъ особыхъ своихъ государей.

Кайтаки — татары, кумуки и казу-кумуки.

Главный правитель этого города Тарку и всей этой мѣстности былъ Сурховъ-ханъ, господинъ лѣтъ 38-ми, хвалившійся происхожденіемъ изъ персидскаго царскаго дома. Онъ и поддер-

ТАРКУ, городъ татаръ въ Дагестанѣ, у Каспійскаго моря.

А. Дома горожанъ. В. Домъ Соркой [Сурховъ]-хана, главнаго губернатора. С. Домъ Имамъ-мирзы. D. Домъ Эмиръ-хана. Е. Садъ Соркой-хана. F. Кладбище. G. Татары племени бойнакъ. Н. Каспійское море. I. Татарскій лагерь.

живалъ добрую дружбу съ персами, чтобы въ томъ случаѣ, если среди дагестанцевъ произойдетъ междоусобная война, ему могла быть доставлена помощь изъ Персіи. Рядомъ съ нимъ живутъ еще другіе мурзы, его двоюродные братья. Младшій изъ нихъ, сынъ его брата, Имамъ-мирза, управлялъ также частью города.

Татарскія женщины.

Тарковскіе татары были дики и дерзки не менѣе бойнаковъ, но ихъ женщины были любезны. Женщины, какъ и дѣвицы, безъ стѣсненія, съ открытыми лицами, ходили среди людей.

Дѣвицы.

Дѣвицы заплетали свои волосы въ 40 косичекъ, которыя свисали вокругъ головы; онѣ были очень довольны, когда мы трогали и считали эти косички.

Встрѣчаемъ нѣмца.

Здѣсь мы встрѣтили стараго человѣка, по имени Матѳія Махмара, изъ Эттингена въ Вюртембергской странѣ родомъ. По ремеслу своему онъ былъ ткачъ бархента [бумажной матеріи], въ венгерскую войну былъ схваченъ турками, проданъ этимъ татарамъ и обрѣзанъ. Онъ почти совершенно забылъ свой нѣмецкій языкъ, могъ припомнить едва столько словъ, чтобы дать понять свои мысли. Онъ сказалъ: «онъ знаетъ и вѣритъ, что есть Единый Богъ и три Лица и что Христосъ за него пострадалъ». Онъ могъ прочитать и «Отче нашъ», хотя не совсѣмъ твердо.

XCIII.

(Книга VI, глава 14).

О большой опасности, которую мы испытали у татаръ.

Когда при прибытіи нашемъ Сурховъ-ханъ предложилъ намъ большую дружбу и помощь, мы думали, что теперь всякая опасность прошла, и что мы будемъ въ безопасности и на свободѣ подъ защитою этого мурзы. Однако, никогда не угрожала намъ бо́льшая опасность, чѣмъ здѣсь. Въ теченіе всѣхъ этихъ пяти недѣль, что мы пробыли у дагестанскихъ татаръ, почти ежедневно ни о чемъ иномъ не говорилось и не слышно было, какъ о грабежахъ, захватахъ, убійствахъ и сломаніи шеи, чѣмъ намъ грозили.

Мы просили нашего персидскаго мехемандара, обѣщая ему большой подарокъ, чтобы онъ насъ проводилъ или хоть верблюдамъ позволилъ идти съ нами до Терокъ у русской границы, такъ какъ видно было, что здѣсь много времени пройдетъ, пока мы получимъ подводы. Мехемандаръ отвѣчалъ на это, что подъ

страхомъ смерти онъ не смѣетъ дѣйствовать противъ даннаго ему приказанія, которое простирается лишь до этого мѣста. Возчики наши также не хотѣли дольше оставаться среди татаръ, но хотѣли всетаки еще переговорить съ мехемандаромъ.

Мехемандаръ, не прощаясь, уходитъ.

Мехемандаръ, однако, въ эту же ночь молча, не простившись, ушелъ вмѣстѣ съ возчиками; это причинило намъ не мало раздумья. Къ этому присоединилось, что около полудня двѣ молодыя татарскія женщины, принесшія для продажи молоко, сказали намъ слѣдующее: «онѣ дочери русскихъ родителей и христіанки. Татары похитили ихъ у родителей и взяли въ жены. Онѣ жалѣли, что о насъ, христіанахъ, также татары замыслили столь злое дѣло; онѣ въ тайнѣ желали предупредить насъ, чтобы мы остереглись: о насъ ходятъ слухи, будто при насъ очень много товаровъ и даже нѣсколько сотъ тысячъ (тоннъ) денегъ, что черезъ Осминъ и Бойнакъ мы прошли, не платя пошлины, о чемъ у жителей плохая молва, и что поэтому не желаютъ насъ пропустить свободно. Вчера пришли изъ Осмина и Бойнака гонцы къ Сурховъ-хану, и гонецъ прошелъ и къ шемхалу, чтобы поднять противъ насъ этихъ государей.

Большая опасность.

Составленъ планъ общими силами напасть на насъ, перебить стариковъ, а молодыхъ захватить въ плѣнъ, причемъ надѣются получить большую добычу». Женщинамъ показали видъ, будто имъ не особенно вѣрятъ и не придаютъ значенія ихъ словамъ. Однако, мы были не мало смущены, такъ какъ уже четыре дня находились здѣсь, и не было надежды на то, чтобы скоро уйти отсюда. Кромѣ того мы видѣли, что вскорѣ послѣ сообщенія женщинъ вдоль горъ проѣхалъ и заѣхалъ въ Тарку отрядъ въ 40 бойнаковъ, и что по временамъ гонцы спѣшили съ мѣста на мѣсто.

Послы созвали наиболѣе важныхъ лицъ нашей свиты передъ лагеремъ, сообщили имъ о предстоящей опасности и выслушали затѣмъ наше мнѣніе по этому поводу. Было взвѣшено и то и се, полагали, что было бы лучше, если бы съ варварами обошлись любезнѣе, чѣмъ было сдѣлано. Такъ какъ, однако, теперь положеніе таково, то приходилось положиться на Бога относительно предстоящаго намъ; мы увѣщевали другъ друга быть мужественными и стойкими, такъ какъ, если бы дѣло дошло до боя, то лучше было бы съ крайнимъ напряженіемъ силъ биться и умереть, чѣмъ потомъ весь вѣкъ свой жить среди варваровъ слугами и рабами, съ опасностью для душъ. Къ такому мужеству и стойкости побуждало насъ и самое расположеніе мѣстности: справа отъ насъ было море, слѣва — высокія недоступныя горы, за нами и впереди насъ — непріятель.

Однако, во время этой бѣды и опасности приходилось сильнѣйшимъ образомъ жалѣть, что мы сами не были согласны другъ съ другомъ. Посолъ Брюг[ге]манъ кое-кого изъ свиты приближалъ къ себѣ, а другихъ не признавалъ. На все онъ раздражался и досадовалъ, что говорилъ по совѣсти тотъ или иной. Пожалуй одинъ изъ насъ готовъ былъ скорѣе ходатайствовать о смерти другого, чѣмъ отстранять ее, если бы только одинаковая опасность не угрожала его собственной жизни. *Несогласіе въ свитѣ.*

XCIV.

(Книга VI, глава 15).

Какъ татарскіе князья насъ посѣщали, а мы ихъ.

Позднѣе мы узнали, что подобнаго рода опасное покушеніе на насъ со стороны татаръ дѣйствительно предполагалось и что оно, пожалуй, осуществилось бы, если бы не воспротивился дѣлу шемхалъ, можетъ быть, думавшій помощью другого средства получить добычу всецѣло въ свои руки. Онъ самъ прислалъ гонца къ посламъ и велѣлъ сказать, чтобы мы шли не дорогою внизу у моря, гдѣ нужно было въ лодкахъ переправляться черезъ рѣки, но направились бы недалеко отъ его столицы черезъ корабельный мостъ; въ противномъ случаѣ,—грозилъ онъ—онъ приметъ насъ какъ непріятелей. Послѣ этого гонецъ всталъ и хотѣлъ идти. Однако, русскій [посланникъ] Алексѣй схватилъ его за руку, заставилъ его еще нѣсколько обождать и сказалъ: «Скажи твоему шавкалу, что мы пойдемъ той дорогою, которая намъ угодна будетъ; онъ, правда, можетъ скоро справиться съ нами, такъ какъ насъ всего горсть, но царь, для котораго важны дѣла обоихъ посольствъ, не оставитъ этого неотомщеннымъ». Получивъ этотъ отвѣтъ, гонецъ ушелъ. Такъ какъ татары находили въ настоящій моментъ нападеніе нежелательнымъ, то 20-го апрѣля четыре татарскіе князя одновременно пришли дружелюбно навѣстить пословъ. Имъ въ палаткѣ пословъ предложено было возможно хорошее угощеніе. Большая часть разговоровъ ихъ была о воровствѣ, кражѣ и продажѣ людей. Одинъ изъ нихъ жаловался, что на этой недѣлѣ ничего не успѣлъ увести, какъ одну лишь дѣвицу. Объ этихъ людяхъ по справедливости можно было сказать словами пророка: «Князья твои—сообщники воровъ». *Четыре мурзы приходятъ къ посламъ.* *Исаія, I.*

Когда они ушли, пришелъ братъ князя изъ Осмина, былъ очень любезенъ и предлагалъ всяческія услуги. Вскорѣ затѣмъ пришелъ даруга (или начальникъ) изъ города Тарку. Будучи спрошенъ, какъ это случилось, что намъ до сихъ поръ не даютъ подводы, онъ откровенно сказалъ, что насъ не раньше доставятъ дальше, какъ мы сдѣлаемъ подарокъ Сурховъ-хану, главному князю этого города и области. Послѣ этого послы на слѣдующій день отправили ему пару золотыхъ браслетовъ, два куска персидскаго атласу и два куска другой персидской шелковой матеріи, фунтъ нѣмецкаго табаку, пистолетъ, ружье, немного пряностей и бочку пороху; они обѣщали при этомъ, что изъ Терокъ пошлютъ еще обратно боченокъ водки. Сурховъ-ханъ съ большой благодарностью принялъ эти подарки и обѣщалъ въ теченіе двухъ дней навѣрное перевезти насъ и наше добро; онъ пригласилъ пословъ и пять князей къ себѣ на обѣдъ. Сначала послы сомнѣвались, стоитъ ли явиться, но, въ концѣ концовъ, они, по нѣкоторымъ причинамъ, всетаки явились вмѣстѣ съ 4-мя изъ насъ. Обѣдъ по персидскому обычаю былъ приготовленъ на землѣ. Угощеніе состояло изъ 4-хъ блюдъ, наполненныхъ нарѣзанною въ видѣ небольшихъ кружковъ и жареною на деревянныхъ вертелахъ бараниною, нѣсколькихъ кусковъ бѣлужины, творогу и нѣсколькихъ посудинъ съ рисомъ, свареннымъ съ крупнымъ изюмомъ и выложеннымъ вареною бараниною. Кравчій сѣлъ посерединѣ стола, положилъ другъ на друга нѣсколько длинныхъ, толщиною съ палецъ, хлѣбовъ или лепешекъ, перервалъ ихъ пополамъ и бросилъ каждому по куску. Затѣмъ онъ разорвалъ и мясо и рыбу небольшими кусками и руками наложилъ ихъ гостямъ. Сало бѣжало съ его пальцевъ, которые были сморщены и черны, какъ и лица ихъ; поэтому мы чувствовали мало охоты къ ѣдѣ. Напиткомъ служила вода въ нѣмецкихъ пивныхъ кружкахъ и водка въ серебряныхъ чарахъ, такъ какъ здѣсь уже нельзя болѣе достать вина. По окончаніи обѣда ханъ захотѣлъ послушать нашихъ музыкантовъ, которыхъ пришлось привезти сейчасъ же сюда на лошадяхъ.

Подарки Сурховъ-хану.

Пиръ у него.

Угощеніе у татаръ.

Послѣ того какъ они въ теченіе трехъ часовъ слушали музыку, очень понравившуюся татарамъ, вновь было подано на столъ; между другими кушаньями поданы были вареная цѣлая баранья печень и овечій хвостъ [курдюкъ], вѣсившій 5—6 фунтовъ и состоявшій изъ чистаго жира. Эти кушанья одинъ изъ кравчихъ (ихъ теперь пришло трое), сильно посоливъ ихъ, очень мелко изрубилъ и смѣшалъ и затѣмъ руками раздавалъ; съ виду это была сѣрая кашица, похожая на то, точно разъ уже

была съѣдена, но на вкусъ она была вовсе не плоха. Когда и этотъ обѣдъ закончился, мы, хорошенько простившись, вновь вернулись въ нашъ лагерь.

На слѣдующій день послы были приглашены въ гости другимъ княземъ. Его звали Имамъ-мирзою; это былъ еще молодой человѣкъ, едва 18-ти лѣтъ отъ роду, а мать его была кази-кумычка. Слуги его сказали, что онъ сынъ брата Сурховъ-хана и что ему подобало бы главное начальство, которое Сурховъ-ханъ насильно захватилъ въ свои руки. Имъ, слугамъ, по ихъ словамъ, приходилось тщательно его охранять, такъ какъ Сурховъ-ханъ тайно хотѣлъ умертвить его. Пиръ былъ болѣе великолѣпный, чѣмъ вчерашній. Онъ происходилъ въ длинной залѣ, построенной только изъ глины. Имамъ-мирза сидѣлъ съ нами и съ нѣкоторыми изъ знатнѣйшихъ людей своего двора на стульяхъ у небольшого высокаго стола. На столъ приносились довольно хорошо приготовленныя кушанья, въ томъ числѣ и цѣликомъ изжаренный ягненокъ, отъ котораго каждый могъ отрѣзать, сколько ему хотѣлось. По стѣнамъ кругомъ сидѣли на землѣ многіе старые осанистые мужчины. При ѣдѣ они не пользовались ножами, но рвали мясо руками. Если кто-либо откладывалъ въ сторону обгрызанную кость, то сосѣдъ бралъ ее, обгрызалъ ее еще больше; иногда кость переходила въ третьи и четвертыя руки, пока, наконецъ, кто-либо ее не разобьетъ и не вынетъ мозгъ. Ихъ сосудами для питья являлись длинные коровьи роги, въ которыхъ проворно передавали кругомъ напитокъ, именовавшійся «брагою», варeный изъ пшена и по цвѣту и густотѣ сходный съ дрожжами, а также и водку. Въ короткое время всѣ они сильно напились и стали такъ громко говорить, что еле можно было разслышать собственныя слова,— несмотря на присутствіе ихъ князя. Угостивъ насъ по своему обычаю, они насъ дружелюбно отпустили.

Татарскій пиръ.

Варварскіе сосуды для питья. «Брага».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого другой князь Эмиръ-ханъ пригласилъ къ себѣ пословъ и самъ съ нѣкоторыми другими пришелъ, чтобы посѣтить ихъ. Всѣ они интересовались лишь подарками, которые и были получены большинствомъ изъ нихъ.

XCV.

(Книга VI, глава 16).

О томъ, какъ татарскій князь Сурховъ-ханъ и долѣе удерживалъ насъ хитростью, а также о добромъ предложеніи шемхала.

23-го апрѣля даруга доставилъ подводы для багажа. Мы тотчасъ же велѣли нагрузить, полагая ѣхать на слѣдующій день. Сурховъ-ханъ къ вечеру послалъ гонца къ посламъ съ сообщеніемъ, что султанъ Махмудъ (такъ назывался шемхалъ) съ множествомъ народа повсюду занялъ рѣку Койсу, черезъ которую мы должны были идти, и желаетъ принять насъ не по нашему желанію. Поэтому, [сообщилъ Сурховъ-ханъ], онъ не можетъ еще отпустить насъ.

Къ позднему вечеру въ Тарку явился отрядъ въ 20 человѣкъ хорошо вооруженныхъ всадниковъ; они расположились лагеремъ недалеко отъ насъ. Послы съ нѣсколькими мушкетерами вышли къ нимъ навстрѣчу и спросили, откуда они идутъ и чего желаютъ. На это они отвѣчали: «они посланы были княземъ осминскимъ къ шемхалу, чтобы сообщить ему, что нѣсколько чужихъ пословъ прибыли сюда, пропущенные обоими князьями въ Осминѣ и Бойнакѣ въ безопасности и безпошлинно черезъ ихъ земли. Они просили, чтобы онъ, шемхалъ, въ уваженіе къ шаху персидскому и великому князю московскому сдѣлалъ то же». По ихъ словамъ, султанъ далъ на это полное свое согласіе, однако лишь въ томъ случаѣ, если при послахъ нѣтъ купеческихъ грузовъ. Такъ какъ мы, однако, не вѣрили ни сообщенію этихъ татаръ, ни имъ самимъ, то мы въ теченіе этой ночи соблюдали добрую стражу и держались всѣ на-готовѣ.

Посланцы шемхала.

На слѣдующее утро татары ушли до восхода солнца. Вскорѣ затѣмъ султанъ Махмудъ, приславъ двухъ посланцевъ, велѣлъ спросить: «Почему мы не желаемъ двигаться дальше? Пусть бы мы о немъ ничего дурного не думали, такъ какъ онъ желаетъ оказать намъ, при проѣздѣ, полную дружбу и всяческія услуги, если только мы поѣдемъ правильнымъ путемъ». Едва они ушли, пришелъ Сурховъ-ханъ, чтобы посѣтить пословъ, и когда мы просили ускорить поѣздку, онъ отвѣтилъ: «Правда, лошади и волы (которыхъ мы за дорогую плату наняли на свои деньги) готовы, и онъ, по желанію нашему, велитъ имъ слѣдовать,

лишь бы послы дали ему письменное свидѣтельство, что онъ добросовѣстно предупредилъ ихъ, а они прошли дальше противъ его воли. Въ такомъ случаѣ онъ бы имѣлъ оправданіе передъ шахомъ персидскимъ и великимъ княземъ московскимъ, которые оба являются его добрыми друзьями. Лично ему султанъ Махмудъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ намъ: этотъ человѣкъ не держитъ слова, не заботится ни о Богѣ, ни о чортѣ, ни о какихъ-либо государяхъ. Это архиразбойникъ, которому кровопролитіе доставляетъ удовольствіе. Ему, Сурховъ-хану, прекрасно извѣстно, что, уходя безъ конвоя, мы въ землѣ султана подвергаемся опасности для жизни, или, по крайней мѣрѣ, для товаровъ. Поэтому его совѣтъ, чтобы мы подождали еще нѣсколько дней, пока подойдетъ посолъ шаха Сефи, уже 8 дней стоящій въ Дербентѣ и ожидающій лишь прибытія переводчика. Этотъ посолъ, вѣроятно, доставитъ съ собою письма отъ шаха на его имя, съ тѣмъ, чтобы онъ намъ доставилъ конвой. Получивъ его и идя вмѣстѣ съ посломъ шаха, мы могли бы тѣмъ безопаснѣе продолжать нашъ путь. Однако, на свой страхъ помогать однимъ намъ идти дальше онъ бы побоялся ради другихъ татаръ». Такъ какъ мы, однако, не знали, сколько пройдетъ времени до прибытія персидскаго посла, и Сурховъ-ханъ казался намъ столь же подозрительнымъ, какъ и остальные сосѣди его, мы, вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ Алексѣемъ, отправили гонца въ Терки къ воеводѣ, чтобы получить оттуда конвой; это было, однако, тщетно. Тщетна была и посылка служителя Сурховъ-хана, также въ видѣ гонца, въ Дербентъ къ шахскому послу. Послѣ того какъ прошло нѣсколько дней со времени его отбытія, ханъ велѣлъ намъ сказать слѣдующее: «Правда, посолъ вернулся, и, дѣйствительно, имъ было получено письмо отъ Имамкули-султана, но такъ какъ онъ, сунувъ это письмо въ колчанъ, нечаянно вытащилъ его, вынимая стрѣлу при стрѣльбѣ дичи по дорогѣ, и потерялъ, то ему и пришлось ѣхать обратно за новымъ письмомъ. Мы поэтому не знали, что намъ дѣлать, были сильно смущены и въ большомъ затрудненіи должны были еще довольно долго пробыть въ полѣ. Нѣсколько армянскихъ купцовъ, которые здѣсь къ намъ примкнули и пробыли нѣсколько дней, чтобы быть въ нашемъ обществѣ,—отдѣлились отъ насъ и ушли въ городъ, такъ какъ узнали, что 200 татаръ соединились, чтобы произвести на насъ нападеніе.

Предложеніе Сурховъ-хана.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ-рядъ была весьма свирѣпая холодная погода при сильномъ дождѣ, такъ что мы въ нашихъ хижинахъ совершенно промокли; не могли мы разво-

Жалкое положеніе въ нашемъ лагерѣ.

дить и огонь и сушить одежды или варить кушанья. Такимъ образомъ мы лежали въ мокрыхъ хижинахъ, какъ самые жалкіе и всѣми оставленные люди, голодая, печалясь и страшась. Воздыханія и слезы были ежедневной пищею нѣкоторыхъ изъ насъ. Нельзя было также рѣшиться пойти въ дома татаръ для отдыха, такъ какъ ханъ насъ предупредилъ, что мы при этомъ сильно бы рисковали: его подданные имѣли свободу красть людей и продавать ихъ, гдѣ могли.

Крадутъ солдата.

27-го апрѣля у насъ, дѣйствительно, украли солдата Вильгельма Гой, шотландца, который въ сумерки немного удалился отъ лагеря. Онъ не вернулся, сколько мы ни спрашивали о немъ. Уже послѣ ухода нашего мы узнали, что его повели въ крѣпость Сахуръ, лежащую за Тарку.

Нашъ пушкарь застрѣленъ.

Въ теченіе этихъ дней въ нашемъ лагерѣ во время стрѣльбы изъ лука въ цѣль, устроенной нашими людьми, нашъ пушкарь Альбрехтъ Штукъ [Штюкъ] изъ Гамбурга, приблизившійся къ цѣли во время поисковъ за стрѣлою, былъ раненъ русскимъ служителемъ ниже пупа въ животъ, и умеръ отъ этого на слѣдующій день. Виновникъ былъ въ отчаяніи и просилъ, чтобы и его убили. Однако, такъ какъ здѣсь произошла несчастная случайность, и самъ пострадавшій просилъ за него, его оставили на свободѣ. Трупъ мы, по совѣту нѣсколькихъ татарскихъ женщинъ, которыя были втайнѣ христіанками, похоронили тайкомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли лошади. [Это было сдѣлано въ тѣхъ видахъ], чтобы татары, по уходѣ нашемъ, не выкопали его вновь, не сняли съ него одежду и не бросили, какъ у нихъ это было въ обычаѣ, на съѣденіе собакамъ. Другая могила была устроена открыто передъ лагеремъ; здѣсь совершены были похороны съ обычными церемоніями.

Здѣсь же умеръ и выдающійся русскій купецъ, прибывшій съ нами изъ Персіи. Трупъ его заколотили [въ гробъ], и секретно увезли съ собою въ Терки, гдѣ его похоронили среди единовѣрцевъ его. Такимъ образомъ у насъ одно несчастіе слѣдовало за другимъ, а въ то же время мы должны были, въ угоду татарскимъ князьямъ, посѣщавшимъ насъ зачастую, заставлять играть нашихъ музыкантовъ. Въ данномъ случаѣ положеніе наше было немногимъ лучше тѣхъ, кто въ давнія времена сидѣли въ темницахъ на рѣкахъ вавилонксихъ и должны были заниматься музыкою въ угоду врагамъ.

Какъ кончился апрѣль, въ теченіе котораго мы имѣли дѣло съ чисто апрѣльскою погодою, мы отправили двухъ русскихъ къ султану Махмуду съ просьбою о свободномъ пропускѣ. Го-

нецъ прибылъ на слѣдующій день, т.-е. 2-го мая, съ 4-мя татарами, черезъ которыхъ султанъ сообщилъ слѣдующее: «онъ слышалъ, что Сурховъ-ханъ выставляетъ его подозрительнымъ передъ послами и называетъ его разбойникомъ; ему, однако, неизвѣстно, какъ подобныя вещи ему могутъ приписываться. Въ свое время онъ за это сумѣетъ отомстить Сурховъ-хану. Намъ онъ обѣщаетъ всяческую дружбу и помощь. Въ случаѣ, если ему не вѣрятъ, онъ готовъ прислать, для обезпеченія насъ, трехъ знатнѣйшихъ своихъ людей въ заложники; ихъ мы можемъ либо взять къ себѣ, либо оставить у Сурховъ-хана, пока мы безпрепятственно не минуемъ его земли». Это неожиданное дружелюбное предложеніе привело опять къ тому, что мы не знали, кому больше всего вѣрить. Правда, этотъ султанъ Махмудъ не пріобрѣлъ такой дурной славы за грабежи, какъ его отецъ, одного съ нимъ имени (этотъ послѣдній въ данное время, будучи престарѣлымъ, старался жить свято и находился на пути въ Мекку и Медину, къ храму и гробницѣ Магометовой), но тѣмъ не менѣе, его считали подозрительнымъ ради его отца и общаго нрава всѣхъ дагестанскихъ татаръ.

Май.

Махмудъ желаетъ паломничествомъ искупить свою дурную жизнь.

Мы, однако, тѣмъ не менѣе, удовольствовались его предложеніемъ, въ особенности потому, что 6-го мая получено было давно ожидавшееся письмо отъ шахскаго посла, доставившаго извѣстіе, что изъ-за запоздавшихъ переводчика и нѣсколькихъ писцовъ, ожидаемыхъ имъ отъ шахскаго двора, ему врядъ ли удастся раньше мѣсяца выѣхать изъ Дербента. Поэтому, онъ предоставлялъ на волю пословъ, желаютъ ли они дольше ждать его на этомъ мѣстѣ или же въ Астрахани. Мы поэтому непрестанно просили у Сурховъ-хана объ ускореніи нашего путешествія, на что этотъ послѣдній и согласился, получивъ еще, кромѣ предыдущаго, другой, имъ самимъ вытребованный, подарокъ. Двухъ изъ посланныхъ шемхаломъ заложниковъ, болѣе для обезпеченія сохранности своихъ подданныхъ, лошадей и воловъ, чѣмъ насъ, Сурховъ-ханъ взялъ къ себѣ, а насъ отпустилъ съ третьимъ заложникомъ.

*

XCVI.

(Книга VI, глава 17).

Отбытіе изъ Тарку и прибытіе къ шемхалу.

Отбытіе изъ Тарку.

12-го мая мы вновь собрались въ дорогу и рискнули, соблюдетъ ли Махмудъ слово или нѣтъ. Багажъ везли на телѣгахъ, запряженныхъ волами и лошадьми отъ тарковцевъ; возчикамъ пришлось усилить провозную плату втрое: тогда они только согласились запречь. Когда они, при снаряженіи въ путь верховыхъ лошадей, захотѣли еще больше съ насъ потребовать, мы ихъ оставили на мѣстѣ, и большая часть людей нашихъ въ теченіе первыхъ двухъ дней должны были идти пѣшкомъ. Въ теченіе этого дня мы шли черезъ ровную, пустынную мѣстность двѣ мили вплоть до предѣловъ страны султана Махмуда, которую небольшая рѣка отдѣляетъ отъ тарковской области. По дорогѣ нѣсколько татарскихъ князей прибыли къ намъ и просили, чтобы нашъ медикъ Гартманъ Граманъ поѣхалъ съ ними въ горы къ паціенту. Такъ какъ мы опасались, что его тамъ удержатъ, и не хотѣли сначала согласиться на ихъ просьбу, то татары оставили двухъ князей при свитѣ въ качествѣ заложниковъ. Мы ночевали въ открытомъ полѣ, разставивъ сильную стражу. Нашимъ ужиномъ были хлѣбъ и мутная вода. Послѣ полуночи татары вновь доставили нашего медика въ лагерь.

13-го мая, въ день святой Троицы, мы собрались въ путь весьма рано и прошли 4 мили по пустынной странѣ съ подлѣскомъ. Когда по дорогѣ Алексѣй ударилъ одного изъ возчиковъ палкой по головѣ, всѣ татары распрягли своихъ лошадей у телѣгъ и хотѣли уходить, оставивъ багажъ среди поля; намъ пришлось ласковыми словами снова уговаривать ихъ. Мы переночевали въ подлѣскѣ и легли не ѣвши.

Рѣка Койсу—Albanus.

14-го с. м. мы проѣхали лишь милю и пришли къ рѣкѣ Койсу. Это, по моему мнѣнію, рѣка Albanus, описанная Птолемеемъ. Она беретъ начало въ Кавказѣ, несетъ мутныя воды при очень сильномъ теченіи, по ширинѣ мало уступаетъ Эльбѣ, и въ данномъ мѣстѣ была глубиною болѣе, чѣмъ въ три роста человѣческихъ.

Резиденція Махмуда.

По сю сторону рѣки на холмѣ лежитъ деревня или мѣстечко Андре, въ которомъ султанъ Махмудъ имѣетъ свою ре-

зиденцію; говорятъ, что недалеко отъ этой деревни находится ключъ съ кипящимъ горячимъ ключомъ, впадающимъ въ прудъ, въ которомъ можно купаться.

Свадебная церемонія у татаръ.

Жители этой мѣстности, какъ говорятъ, между прочими свадебными церемоніями, обладаютъ такою, что каждый свадебный гость приноситъ съ собою стрѣлу, которою онъ стрѣляетъ вверхъ въ стѣну или въ потолокъ помѣщенія. Стрѣлы должны оставаться такъ, пока онѣ или сами упадутъ или же сгніютъ; значенія этого обычая я не могъ узнать. Жители здѣсь большею частью рыбаки; часто они находились на рѣкѣ, такъ какъ она богата рыбою, и помощью острыхъ желѣзныхъ крючковъ, привязанныхъ къ длиннымъ шестамъ и удерживаемыхъ на днѣ, они ловили очень много осетровъ, а также другую породу рыбы, сходную съ осетромъ.

Едва дошли мы до рѣки, какъ татары въ нѣсколькихъ лодкахъ поспѣшили къ намъ и предложили перевезти насъ на другую сторону. Они сплели двѣ палатки изъ вѣтвей, подвязали подъ каждую изъ нихъ двѣ лодки, и приготовили такимъ образомъ два плота, такъ, что на каждомъ могла стоять телѣга. Когда это приспособленіе было готово, они потребовали съ каждой телѣги (ихъ было съ русскимъ багажомъ 70 штукъ) два рейхсталера. Когда мы стали говорить противъ этой несправедливой платы за перевозъ, они, не сказавъ намъ и добраго слова, оставили насъ у рѣки, перевели плоты вновь на другую сторону и тамъ ликовали, кричали и били въ ладоши. Шемхалъ оставался также на той сторонѣ въ подлѣскѣ съ нѣсколькими всадниками, такъ что мы опять не знали, преданы ли мы или проданы. Около рѣки мы устроили хижины изъ зеленыхъ вѣтвей и помѣстились здѣсь. Такъ какъ по нѣкоторымъ причинамъ мы не могли совершить нашего богослуженія въ открытомъ собраніи, то нѣсколько человѣкъ насъ собрались и совершили одни свое богослуженіе по случаю Троицы, насколько мы были въ силахъ это сдѣлать. При этомъ мы вспомнили о родинѣ нашей, а я въ особенности о миломъ Лейпцигѣ, гдѣ мы зачастую съ величайшимъ весельемъ справляли этотъ праздникъ; поэтому начать наше празднованіе пришлось слезами, которыя примѣшивались къ нашему напитку, каковымъ здѣсь являлась вода съ уксусомъ. Обѣдъ нашъ, къ которому наши ученые люди пригласили другъ друга въ гости, состоялъ изъ прохладительнаго напитка изъ воды, уксуса и хлѣба. При этомъ, однако, всетаки мы начали съ того, что, съ добрыми пожеланіями, вспомнили о нашихъ добрыхъ друзьяхъ.

Печальный праздникъ Троицы.

XCVII.

(Книга VI, глава 18).

Какъ насъ шемхалъ принялъ и угощалъ.

15-го с. м. русскій посланникъ Алексѣй подошелъ къ берегу, знаками попросилъ доставить себѣ лодку, велѣлъ переправить себя на тотъ берегъ, поговорилъ съ шемхаломъ о томъ, какъ къ намъ отнеслись [перевозчики], и повелъ дѣло такъ, что они должны были взять съ насъ за перевозку всего багажа не болѣе двухъ томановъ или 32 талеровъ. Когда мы еще въ тотъ же день переѣхали, послы тотчасъ же велѣли поставить свою палатку и распредѣлить кругомъ нея орудія. Шемхалъ явился съ двумя своими братьями въ сопровожденіи 50-ти вооруженныхъ всадниковъ. Это былъ человѣкъ 36-ти лѣтъ, жирный, крѣпкій и осанистый, съ рыжеватой бородою. Онъ явился въ шелковомъ кафтанѣ изъ зеленаго «дараи» съ бронею, надъ которой былъ надѣтъ мохнатый черный войлочный плащъ; у него были сабля, лукъ и стрѣлы, какъ и у всѣхъ другихъ. Онъ сошелъ съ коня, любезно принялъ пословъ, сѣлъ съ ними подъ палатку и предложилъ намъ всяческія добрыя услуги и подарилъ нѣсколько овецъ и ягнятъ. Онъ велѣлъ предложить нашимъ людямъ большой котелъ осетрины, нарѣзанной и разорванной небольшими кусочками и вареной съ солью, [разлнвъ его] по деревяннымъ корытамъ, выдолбленнымъ въ родѣ нашихъ, подобнаго рода, посудинъ (Mulden); кромѣ того, въ особыхъ деревянныхъ сосудахъ подавалась похлебка изъ щавеля и коровьяго масла, чтобы туда макать рыбу. Этотъ обѣдъ мы вкусили со столь хорошимъ аппетитомъ, какъ ни разу еще не ѣли во время великолѣпнѣйшихъ персидскихъ банкетовъ, такъ какъ здѣсь голодъ былъ нашимъ кравчимъ. Послы со своей стороны угощали шемхала водкою и музыкою, которую онъ захотѣлъ послушать; въ промежуткахъ мы много разъ стрѣляли въ видѣ салюта изъ пушекъ.

Личность шемхала.

Пріятный обѣдъ.

Когда шемхалъ пробылъ около двухъ часовъ и наполовину охмелѣлъ, онъ уѣхалъ, но потомъ вновь пріѣхалъ. Ему подарили: пару золотыхъ браслетъ, серебряный кубокъ, красный суконный плащъ, подбитый бархатомъ (его носилъ во время аудіенціи нашъ покойный художникъ), пару пистолетовъ, саблю, бочку пороху, нѣсколько кусковъ шелковой матеріи, нѣсколько

Подарокъ шемхалу.

кусковъ сафьяну. Онъ немедленно же накинулъ плащъ, и въ свою очередь подарилъ послу Брюг[ге]ману свой войлочный плащъ, накинулъ его на него, и былъ очень веселъ и радостенъ.

Посолъ Брюг[ге]манъ—къ выгодѣ нашей—въ льстивыхъ рѣчахъ внушилъ татарамъ надежду на гораздо болѣе великолѣпные подарки и выгоды, которыхъ они впредь могутъ ожидать отъ насъ. [Онъ сказалъ:] «Мы ежегодно будемъ посѣщать эту страну, привозя богатые товары; теперь мы лишь готовили дорогу, что̀ шахъ Сефи велѣлъ подтвердить своему послу, слѣдующему за нами. Данныя мѣста намъ въ нашей странѣ были совершенно неизвѣстны, и поэтому мы не знали, что за знатный государь здѣсь живетъ; иначе бы нашъ милостивый князь и государь не преминулъ почтить и его посольствомъ. Впредь это непремѣнно будетъ сдѣлано». Говорилось и еще многое другое, въ томъ же родѣ. Все это очень понравилось шемхалу, и онъ тѣмъ охотнѣе пропустилъ насъ и устроилъ такъ, что мы за дешевую цѣну могли получить 22 верховыхъ лошади до Терокъ.

Полезныя рѣчи Брюг[ге]мана.

Такимъ образомъ мы примирились съ этимъ разславленнымъ передъ нами столь жестокимъ Исавомъ, и дѣло дошло до того, что онъ выказалъ къ намъ одну лишь дружбу. Если бы варвары захотѣли, и Богъ попустилъ бы, то намъ могъ бы придти здѣсь конецъ. Такъ какъ мы находились между двумя рѣками, то татарамъ, чтобы погубить насъ, не нужно было даже обращаться къ силѣ; они могли просто лишить насъ жизненныхъ и путевыхъ средствъ. Однако, Господь Богъ, Которому еще разъ слава, милостиво помогъ намъ пройти это мѣсто.

Рано утромъ 16-го мая шемхалъ съ 50-ю всадниками вновь прибылъ и конвоировалъ насъ на протяженіи четверти мили сквозь частый подлѣсокъ; потомъ, любезно простившись съ нами, онъ поѣхалъ обратно. Мы же поѣхали открытымъ полемъ еще двѣ мили до другой рѣки, именуемой Аксаемъ, съ водою тихою и мутною и шириною немногимъ болѣе 25-ти локтей. Нѣкоторые говорятъ, что это рукавъ рѣки Койсу, который недалеко отъ моря вновь къ этой рѣкѣ возвращается. Поэтому я такъ и изобразилъ эту рѣку на своей персидской картѣ.

Рѣка Аксай.

У этой рѣки намъ пришлось ждать, пока татары не перевезли сюда на телѣгахъ челноки и плетенки. Тѣмъ временемъ, такъ какъ у берега находилось глубокое болото, черезъ которое телѣги не могли идти—каждый изъ насъ, сколько насъ тутъ было, долженъ былъ отрѣзать еще вязку тростнику, росшаго густо и обильно на берегу; съ ихъ помощью мы загатили

болото и устроили пристань. Въ началѣ ночи, при лунномъ свѣтѣ, мы переправились. Здѣсь намъ также пришлось заплатить возчикамъ два томана, хотя они врядъ ли заслужили больше 6-ти талеровъ. Нѣкоторые изъ насъ—какъ сказано, оставленные однимъ изъ начальниковъ—должны были вновь лечь безъ ѣды.

17-го мая мы проѣхали 7 миль черезъ ровную сухую степь, откуда уже болѣе не были видны Кавказскія горы, исчезнувшія въ направленіи къ СЗ. Къ полудню, когда я нѣсколько заѣхалъ впередъ съ магистромъ Флемингомъ, послы со свитою, ранѣе, чѣмъ мы предполагали, расположились къ полуденному обѣду и къ кормежкѣ, и, хотя мы и пріѣхали обратно, всетаки послѣ обѣда намъ уже ничего не хотѣли дать. Поэтому, чтобы утолить голодъ (вѣдь мы и предыдущій день постились), мы принуждены были накопать изъ земли дикаго чесноку, ѣсть его съ черствымъ хлѣбомъ и пить воду изъ гнилой лужи. Посланникъ [Романчуковъ] пожалѣлъ насъ и велѣлъ намъ дать кусокъ рыбы, вяленой на солнцѣ.

Обѣдъ изъ дикаго чесноку и гнилой воды.

Поздно вечеромъ мы прибыли къ рѣкѣ Быстрой и разлеглись въ кустахъ, расположенныхъ по берегу. Эта рѣка—одна изъ главнѣйшихъ: она такъ глубока и почти такъ же широка, какъ Койсу, но течетъ не столь быстро; вода ея такая же мутная. Въ сѣверной своей части, приблизительно въ 5-ти миляхъ отъ каспійскаго побережья, она отдѣляетъ отъ себя два рукава, изъ которыхъ одинъ теперь получилъ названіе Тименки, а раньше назывался, какъ и теперь его зовутъ, Тер[е]комъ. Онъ далъ городу, мимо котораго течетъ, наименованіе Терки. Ширины онъ въ 30 локтей. Другой рукавъ—сѣвернѣе его—той же величины и именуется Кизляромъ, потому что въ пескѣ своемъ онъ несетъ нѣкоторыя зернышки, блестящія какъ золото; онъ нѣсколько мелокъ, вслѣдствіе чего въ жаркое лѣто совершенно высыхаетъ. Этотъ рукавъ отдѣляется въ 8-ми миляхъ къ сѣверу отъ города. Всѣ эти рѣки текутъ съ ЗСЗ въ море, а Кизляръ является послѣдней рѣкою въ этихъ мѣстахъ, за которымъ въ 65-и миляхъ слѣдуетъ Волга, текущая съ сѣвера. По соображенію съ Птолемеемъ, эти рѣки и рукава ихъ должны быть [тожественны съ слѣдующими древними названіями]: Аксай—это Caesius, Быстрая—Gerrus, Тименка или Терекъ—Alonta, а Кизляръ—Adonta. Дѣло въ томъ, что между Albanus'омъ или Койсу и Rha или Волгою никакихъ больше другихъ рѣкъ нѣтъ.

Рѣка Быстрая.

Тименка или Терекъ.

Кизляръ.

Рѣка Быстрая отдѣляетъ предѣлы дагестанскихъ и черкасскихъ татаръ. Поэтому, когда тарковскіе возницы насъ сюда доставили, они опять ушли.

XCVIII.

(Книга VI, глава 19).

О поѣздкѣ въ Терки и о видѣнныхъ нами большихъ змѣяхъ и странныхъ полевыхъ мышахъ.

Прибытіе въ Черкасскую страну.

На слѣдующій день мы переправились съ нашимъ багажемъ и опять съ большою радостью вступили въ страну христіанъ. Мы воскликнули, обращаясь назадъ:

Язычники! Теперь спокойной ночи вамъ
Желаемъ мы, прибывъ къ крещенымъ берегамъ.
Привѣтъ, черкасы, вамъ! Вы съ храбрымъ вашимъ становъ,
Хотя не крещены, послушны христіанамъ!

Дѣло въ томъ, что хотя эта страна и обитается языческими татарами, но все же всѣ они подвластны великому князю, который повсюду среди нихъ насадилъ воеводъ и правителей, а также простыхъ русскихъ, и церкви.

Провизія здѣсь была очень дорога, такъ что мы за барана должны были заплатить $2^1/_2$ рейхсталера. Правда, для кухни закупалось немногое, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ, въ подлѣскѣ, много гнѣздилось галокъ, птенцы которыхъ пошли нѣкоторымъ изъ насъ въ пищу.

19-го с. м. мы поѣхали съ черкасскими возницами дальше, прошли 5 миль черезъ бездорожную равнину, поросшую тростникомъ и немногими деревьями. Деревья въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были разсажены далеко простирающимися кругами, съ голымъ пространствомъ внутри. Пройдя шесть миль, мы остановились въ степи у выкопаннаго колодца, или, вѣрнѣе, у лужи, въ которой вода была такая гнилая, что даже нѣкоторыя изъ животныхъ не хотѣли пить ея. Почва въ этомъ мѣстѣ была такъ продырявлена змѣями и другими гадами, что нельзя было найти цѣлой площади даже въ локоть шириною. Хотя намъ и пришлось лежать на землѣ, все-таки никто изъ насъ не получилъ вреда отъ какого-либо гада.

Большія пестрыя змѣи.

20-го мая степь продолжалась на протяженіи 4-хъ миль до города Терки. Тамъ и сямъ мы видѣли очень много красивыхъ пестро окрашенныхъ змѣй, изъ которыхъ иныя бывали толщиною съ добрую руку и длиною болѣе трехъ локтей; свернувшись клубками, онѣ лежали на солнцѣ.

Странныя полевыя мыши.

Въ этой области, особенно вокругъ Терокъ, мы видѣли странный родъ полевыхъ мышей, называющихся по-арабски jerbuah. Онѣ похожи на мушловки, по величинѣ и окраскѣ—на хомяковъ, встрѣчающихся часто въ Саксоніи, вокругъ Магдебурга и Ашерслебена, моего отечества; или же онѣ похожи почти на бѣлку; только шерсть ихъ темнокоричневаго цвѣта, и головы, какъ у мышей, но съ длинными ушами. Спереди у нихъ короткіе, а сзади очень длинныя ноги; бѣжать онѣ въ состояніи лишь въ гору, а въ ровной мѣстности должны очень медленно ползти, вслѣдствіе чего обыкновенно прыгаютъ — въ чемъ онѣ очень проворны. Онѣ поднимаются болѣе чѣмъ на локоть отъ земли. Хвосты у нихъ гладкіе и длинные, какъ у крысъ, но не такіе толстые и съ бѣлымъ пучкомъ въ концѣ; хвостъ онѣ держатъ загнутымъ впередъ на спину въ родѣ, какъ у насъ обыкновенно рисуютъ львовъ; когда большое количество ихъ прыгаетъ, то получается очень пріятное зрѣлище. Говорятъ, что ихъ много вокругъ Вавилона и въ Арабіи; арабы ихъ употребляютъ въ пищу. Гдѣ онѣ привыкнутъ забираться въ домъ, тамъ онѣ, какъ говорятъ, уносятъ деньги, если могутъ достать ихъ. Примѣръ этому разсказалъ мнѣ персъ Хакверди. Однажды у его отца пропали деньги изъ комнаты, и онъ заподозрилъ жену и дѣтей. Увидавъ, однако, какъ-то выглядывавшаго изъ-за ковра jerbuah, онъ пришелъ къ мысли, не уноситъ ли это животное деньги, положилъ на коверъ аббасъ [монету съ изображеніемъ шаха Аббаса], ушелъ и заперъ дверь; когда аббасъ также исчезъ, онъ велѣлъ раскопать нору и нашелъ гораздо больше денегъ въ грудѣ, чѣмъ у него пропало.

Прибытіе въ Терки и прекрасный пріемъ.

Въ этотъ день мы стремились возможно скорѣе въ городъ Терки. Когда мы были въ 1/4 мили разстоянія отсюда, явился вышеназваннаго Мусала — въ это время уѣхавшаго — братъ съ полковникомъ, посланцомъ отъ воеводы и 30-ю всадниками, чтобы насъ встрѣтить. Мы были желанными гостями; въ палаткахъ, разбитыхъ ими подъ городомъ, они насъ угощали пряниками, пивомъ, медомъ и водкою, пока въ городѣ не приготовили квартиру, куда насъ и повели.

Подарки воеводы.

На слѣдующій день полученъ былъ подарокъ отъ воеводы, а именно 40 кушаній для пословъ; мы ихъ съ удовольствіемъ ѣли.

Послы отправили нѣкоторыхъ изъ насъ, да и лично сами черезъ нѣкоторое время отправились къ Бикэ, матери князя Мусала, чтобы, по любезной просьбѣ ея, посѣтить ее. Они были очень любезно приняты, послали за нашими музыкантами и

при хорошемъ угощеніи время проведено было весело. Вся свита сердечно радовалась, что мы освободились отъ дикихъ, вѣроломныхъ, враждебныхъ дагестанскихъ татаръ, и вновь находимся въ обществѣ русскихъ, къ которымъ мы давно привыкли. Намъ казалось, что мы уже въ отечествѣ своемъ. Поэтому Павелъ Флемингъ и написалъ тогда, по случаю именинъ нашего добраго пріятеля, веселымъ перомъ пѣсню... *Lib. nov. Sil. pag. 193.*

XCIX.

(Книга VI, глава 20).

О черкасскихъ татарахъ.

Выше мы обѣщали на обратномъ пути подробнѣе остановиться на этихъ черкасахъ, такъ какъ вѣдь, насколько мнѣ извѣстно, никто ни изъ древнихъ, ни изъ новыхъ писателей ничего особливаго о нихъ не писалъ. Скалигеръ, правда, упоминаетъ о черкасахъ въ «Exerc.», 33, pag. 167 и 303, s. 3, но въ очень немногихъ словахъ. Онъ зоветъ ихъ, какъ и Страбонъ, «зигами» (zygi); они ихъ помѣщаютъ надъ Кавказомъ у Понта и Мэотійскаго болота, т. е. близко къ границамъ Азіи и Европы. Однако, тѣ, которыхъ мы видѣли, это—скиѳы или сарматы каспійскіе; они живутъ въ части Албаніи, которую съ В и З замыкаютъ Каспійское море и Кавказъ, а съ Ю и С рѣка Быстрая и большая татарская или астраханская степь. Главнымъ городомъ ихъ были Терки. Великій царь московскій военною силою покорилъ себѣ эти народы, населилъ укрѣпленныя мѣста русскими и предоставилъ черкасамъ жить вмѣстѣ съ ними въ мѣстечкахъ и деревняхъ, притомъ подъ начальствомъ князей и государей собственной своей націи, которые являются присягнувшими вассалами великаго князя и должны просить отъ него земель въ ленъ. Но когда происходятъ важныя судебныя разбирательства, то ихъ приходится обсуждать съ привлеченіемъ русскаго воеводы. Они платятъ великому князю дань, но не болѣе того, чѣмъ нужно на содержаніе тамъ солдатъ.

Стр. 423. *Lib. XI, pag. 339 seq.*

Черкасы.

Мужчины большею частью крѣпкаго сложенія, черножелтаго цвѣта и съ нѣсколько широкими лицами, но не столь широкими, какъ у крымскихъ и нагайскихъ татаръ; у нихъ длинные, черные какъ смоль волосы; отъ лба черезъ темя вплоть до затылка они даютъ себѣ выбривать полоску шириною съ дюймъ;

помимо того они у себя вверху на макушкѣ (какъ мы видѣли у Мусала) даютъ свисать внизъ небольшой изящно сплетенной косѣ. Скалигеръ плохо отзывается о черкасахъ и говоритъ: «они вѣроломнѣе всѣхъ смертныхъ и отличаются выдающеюся безчеловѣчностью», что мы могли бы, пожалуй, сказать о ихъ сосѣдяхъ дагестанцахъ. Черкасы же теперь замѣтно мягче и ласковѣе, можетъ быть потому, что они живутъ среди русскихъ христіанъ и ежедневно съ ними общаются. Языкъ ихъ общій съ другими татарами, и почти всѣ умѣютъ говорить по-русски. Одежда мужчинъ похожа на дагестанскую, но шапки ихъ нѣсколько шире и почти похожи на іезуитскія шапки. Войлочные ихъ плащи висятъ у нихъ на ремнѣ или на лентѣ черезъ плечо; они у нихъ не запахиваются, а поворачиваются ими по вѣтру и дождю; подъ ними тѣло можетъ считаться вполнѣ закрытымъ отъ всяческой погоды и вѣтра.

Вѣшаніе плаща по вѣтру.

Женщины черкасовъ.

Женщины у нихъ обыкновенно хорошо сложены, миловидны лицомъ, бѣлотѣлы и краснощеки; волосы, черные какъ смоль, въ двухъ длинныхъ крученыхъ локонахъ свисаютъ съ обѣихъ сторонъ; ходятъ онѣ съ открытыми лицами. На головѣ у нихъ двойныя черныя подушки, на которыя онѣ кладутъ нѣжный бумажный платокъ или платокъ, пестро вышитый, и затѣмъ все это связываютъ подъ подбородкомъ. У вдовъ же сзади у головы большіе надутые бычачьи пузыри, обвитые пестрымъ флеромъ или бѣлою бумажною матеріею; издали получалось впечатлѣніе, точно у нихъ по двѣ головы. Въ лѣтнее время женщины ходятъ въ однѣхъ сорочкахъ, окрашенныхъ въ красный, зеленый, желтый или синій цвѣтъ и сверху до пупа раскрытыхъ, такъ что можно было видѣть груди, животъ и пупъ. Это одѣяніе черкасовъ выше показано на рисункѣ на стр. 404.

Черкасскихъ женщинъ бойкая любезность.

Онѣ были общительны и любезны. Въ первые дни нашего пріѣзда онѣ по четыре и болѣе стояли по дорогѣ на улицахъ, шли намъ навстрѣчу съ нахальнымъ выраженіемъ лица, которое приписывается древнимъ амазонкамъ (вѣдь граница этихъ послѣднихъ будто простиралась и сюда и еще дальше) и не отпускали насъ раньше, какъ хорошенько осмотрѣвъ спереди и сзади. Когда онѣ сидѣли въ домахъ, то кивали намъ, чтобы мы подошли. Онѣ нисколько не стѣснялись, когда нѣкоторые изъ насъ, трогая и осматривая ихъ четки изъ янтаря, разныхъ пестрыхъ раковинъ, скорлупокъ, пестрыхъ камней, оловяныхъ и мѣдныхъ колецъ, свисавшія съ шеи ниже грудей, иногда руками касались голаго тѣла. Нѣкоторыя даже приглашали насъ зайти въ ихъ дома. Говорятъ, что у нихъ такой обычай: если заходятъ

чужіе посѣтить женъ, то мужья добровольно удаляются и предоставляютъ гостямъ бесѣдовать съ женами. Впрочемъ, и вообще мужчины въ теченіе дня рѣдко бываютъ дома, но находятся на пастбищахъ у своего скота, которымъ они болѣе всего и кормятся. Однако, говорятъ, что жены, тѣмъ не менѣе, вѣрны своимъ мужьямъ и, какъ онѣ говорили,—не соединяются плотски съ другими. Это засвидѣтельствовалъ одинъ изъ нашихъ военныхъ офицеровъ. Побужденный любезными кивками и рѣчами молодыхъ женщинъ, онъ отправился къ нимъ въ домъ; здѣсь онъ искалъ способа испытать ихъ, давъ омыть свою голову и сшить себѣ носовые платки; эту службу ему охотно оказали, но когда онъ пожелалъ большаго, ему было отказано со словами: «ихъ мужья вполнѣ имъ довѣряютъ, вслѣдствіе чего онѣ должны непремѣнно хранить вѣрность; въ противномъ случаѣ, если бы дѣло обнаружилось, ихъ не стали бы держать ни мужья, ни община». Во всемъ остальномъ, кромѣ соитія, онѣ позволяли дѣлать съ собою, что угодно, причемъ были очень жадны и бойки, выпрашивая подарки; онѣ и сами хватали все, что лишь могли достать. Осматривая и ощупывая у иныхъ ихъ нѣмецкіе костюмы снаружи и внутри, онѣ залѣзали въ карманы и вынимали, что имъ тамъ попадалось.

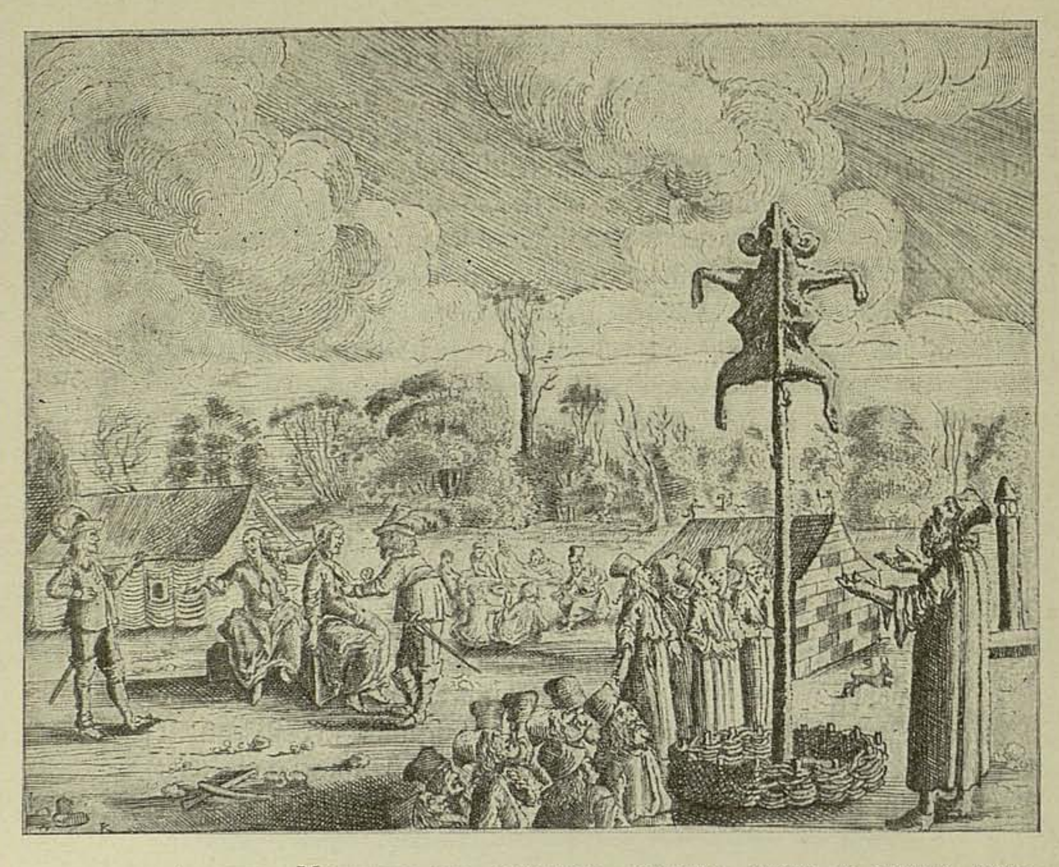
Вѣрность женъ.

Хотя мужчины, по обычаю магометанъ, имѣютъ право брать болѣе одной жены, все-таки большинство ограничивается одной. Когда мужъ помираетъ безъ дѣтей и оставляетъ братьевъ, то старшій долженъ взять вдову, чтобы возстановить сѣмя своего брата, какъ и Мусалъ получилъ вдову брата въ жены.

Вѣра черкасовъ почти языческая. Правда, они обрѣзаются, и вѣруютъ въ Единаго Бога, но у нихъ нѣтъ ни письменъ, ни жрецовъ, ни храмовъ. Въ опредѣленные сроки они сами приносятъ жертвы, особенно объ Ильинъ день. Также когда умираетъ знатный человѣкъ, собираются мужчины и женщины въ полѣ, приносятъ въ жертву козу и, какъ намъ говорили, производятъ при этомъ странную дурацкую пробу, годится ли животное въ жертву: а именно, они отрѣзаютъ производительную часть, бросаютъ ее объ стѣну или заборъ, и если она не прилипнетъ, но скоро отпадетъ, то жертва признается недостойною; тогда нужно заколоть другую; если же она прилипнетъ, то жертва считается избранной. Тогда снимается шкура, растягивается и насаживается на длинный шестъ. Передъ нимъ приносятъ жертвы, варятъ и жарятъ и другъ съ другомъ съѣдаютъ мясо. Затѣмъ выступаютъ нѣсколько мужчинъ и молятся передъ шкурою, одинъ за другимъ. Когда молитва закончена, женщины ухо-

Вѣра черкасовъ.

Жертвоприношеніе у черкасовъ.

дятъ. Мужчины же остаются, садятся вновь и сильно напиваются брагою и водкою, такъ что потомъ вцѣпляются другъ другу въ волосы. Шкура остается на шестѣ до тѣхъ поръ, пока ее не смѣнитъ новая жертва.

Козья шкура, развѣшанная какъ святыня.

Такого рода козью шкуру мы при въѣздѣ въ Терки и выѣздѣ оттуда встрѣтили недалеко отъ дома княгини Бикэ; вмѣстѣ съ головою и рогами она была натянута на черный крестъ, въ серединѣ четыре раза прорѣзана и водружена на длинномъ шестѣ. Это можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ. Шестъ охранялся невысокимъ плетнемъ, чтобы собаки или что-либо нечистое не могли подойти и загадить святыню.

Погребеніе мертвецовъ у черкасовъ.

Своихъ покойниковъ они честно хоронятъ, ставя на могилахъ колонны, а если похороненъ кто-либо знатный, то цѣлые прекрасные дома. Напримѣръ, на гробѣ Мусалова брата построенъ прекрасный домъ съ пестрыми балками, разставленными въ шахматномъ порядкѣ; сверху онъ былъ усаженъ рѣзными, но неуклюжими изображеніями, представлявшими охоту Жилые дома у нихъ очень плохи; они лишь сплетены изъ кустарника и внутри обмазаны глиною; снаружи они не лучше съ виду, какъ хлѣвы крестьянъ въ деревняхъ Голштиніи. Ихъ

гробницы и дома, устроенные для покойниковъ, гораздо великолѣпнѣе и цѣннѣе, чѣмъ жилища живыхъ. Почему это дѣлается мнѣ не было сообщено, такъ что я не знаю, не изъ того же ли предположенія, какое было у древнихъ египтянъ, жившихъ въ Мемфисѣ, по словамъ Діодора, пишущаго въ I-ой книгѣ, на стр. 47: «Жители этой страны весьма не высоко цѣнятъ здѣшнюю жизнь, замкнутую въ предѣлы. Но зато высоко они почитаютъ все то, что послѣ смерти дастъ большую славу за добродѣтели. Жилища живыхъ называютъ они постоялыми дворами, такъ какъ въ нихъ мы проводимъ короткое время, а гробницы умершихъ — вѣчными домами, такъ какъ въ преисподней проводится безконечный вѣкъ. Поэтому мало заботятся они о постройкѣ домовъ, но не жалѣютъ трудовъ для украшенія гробницъ». Черкасы весьма по-варварски печалятся о своихъ покойникахъ, царапаютъ и рвутъ себѣ лобъ, грудь и руки, такъ что кровь течетъ струями. Трауръ длится до тѣхъ поръ, пока раны вновь заживутъ; поэтому нѣкоторые, желая чтобы трауръ длился дольше, снова расцарапываютъ полузажившія раны.

Трауръ по мертвыхъ.

Вотъ что я имѣю сообщить о черкасахъ, встрѣченныхъ нами у Каспійскаго моря.

C.

(Книга VI, глава 21).

Путешествіе отъ Терокъ, черезъ большую степь, къ Астрахани.

2-го іюня мы направились въ дальнѣйшій путь, и такъ какъ болѣе семидесяти миль намъ приходилось идти по обширной необитаемой степи, а необходимаго количества верховыхъ лошадей не могли достать иначе какъ за большія деньги, то были наняты черкасскіе возчики, чтобы какъ людей, такъ и багажъ перевезти въ телѣгахъ, считая на каждую троихъ или четверыхъ лицъ. За каждую телѣгу съ двумя лошадьми или однимъ верблюдомъ на дорогу отъ Терокъ до Астрахани мы дали 9 рейхсталеровъ.

Къ намъ присоединился еще караванъ купцовъ всякихъ націй: персовъ, турокъ, грековъ, армянъ и русскихъ, такъ что собралось всего до 200 телѣгъ. Провизія для столь дальняго пути была роздана очень скупо, а именно каждому, кромѣ черствыхъ черныхъ сухарей и другого хлѣба съ плѣсенью, дали

Плохая провизія.

еще половину небольшаго вяленаго зловоннаго лосося, безо всякихъ напитковъ. Такъ какъ татары затруднялись, помимо людей, о которыхъ однихъ лишь былъ уговоръ, взять съ собой еще полные боченки, а посолъ Брюг[ге]манъ не хотѣлъ нанять особой телѣги для этой цѣли, то мы не въ состояніи были взять съ собой ни единаго глотка воды. Самъ же посолъ, наряду съ нѣкоторыми изъ близкихъ ему лицъ, обильно снабдилъ себя ѣдою и хорошими напитками. Сначала мы не сочли это важнымъ, полагая ежедневно, какъ и раньше, находить на пути свѣжую воду, но потомъ оказалось, что мы обманулись, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Уходъ изъ Терокъ.

Итакъ 4-го іюня послѣ обѣда мы вновь собрались въ путь изъ Терокъ и начали идти по вышеупомянутой обширной степи. Дорога шла недалеко отъ моря, причемъ мы въ теченіе 11-ти дней не встрѣтили ни города, ни деревни, дерева, холма, рѣки (кромѣ Кизляра), ни какихъ-либо птицъ; вездѣ мы видѣли лишь одну ровную, пустынную, сухую, песчаную, рѣдкою травою поросшую почву, лужи съ солью и морскою водою. Въ первый день мы прошли только 4 мили. 5-го с. м. дошли мы до только что упомянутой рѣки Кизляръ. 6-го іюня, черезъ 6 миль, дошли мы до выступившей изъ моря лужи. Эти три дня мы большею частью шли къ ЗСЗ, потомъ мы шли три дня къ С, затѣмъ къ СВ и ВСВ до Волги. Такъ мы прошли 6 миль по большому болоту, черезъ которое лошади съ трудомъ перебирались. Въ этотъ день насъ сильно мучила большая жара; сюда же присоединялись множество комаровъ, мухъ и осъ, отъ которыхъ ни человѣкъ, ни животное не могли избавиться. Верблюдамъ не такъ легко было прогонять отъ себя этихъ гнусовъ, какъ лошадямъ; къ вечеру они были покрыты многими волдырями, изъ которыхъ текла кровь, точно съ нихъ содрана была шкура.

Тягостная жара и мухи.

8-го іюня мы направились впередъ еще до восхода солнца, и до полудня, пройдя 4 мили, пришли къ песчаному мѣсту. Послѣ обѣда мы опять сдѣлали 4 мили и дошли до соляной лужи. По дорогѣ одна изъ лошадей у татаръ устала; они опасались, что она заболѣетъ; поэтому они разрѣзали ей шею, раздѣлили ее на части и каждый привѣсилъ себѣ кусокъ мяса сзади у телѣги; когда дѣло дошло до ночлега, они разложили огонь изъ кустарника и тонкаго тростника, зажарили мясо и съѣли его другъ съ другомъ съ большимъ удовольствіемъ. Мнѣ они дали его попробовать; вкусъ былъ какъ у грубой жесткой говядины.

Татары рѣжутъ больныхъ лошадей.

9-го с. м. нашъ дневной переходъ составилъ 7 миль. Къ полудню мы расположились у залива морского, а къ вечеру у гнилой соляной лужи. Это было плохое питье. У такихъ лужъ, а въ особенности у этой, во время питья нужно было зажимать носъ, чтобы дурной запахъ не сдѣлалъ питья противнымъ. *Плохое питье.*

10-го с. м. мы опять сдѣлали 7 верстъ до разлива, поросшаго тростникомъ; изъ-за близости Волги, въ немъ вода была болѣе прѣсная. 11-го опять мы сдѣлали 7 миль до новой лужи, не соляной, но гнилой; ее, какъ говорятъ, образуетъ Волга при разливѣ. По дорогѣ съ запада забѣжали 12 большихъ дикихъ свиней; такъ какъ ихъ, охотясь, преслѣдовали нѣсколько татарскихъ всадниковъ и пригнали къ намъ, тянувшимся длиннымъ рядомъ, то онѣ прорвались передъ моей телѣгой и побѣжали къ морю. Наши лошади взбѣсились, побѣжали изъ всей мочи поперекъ черезъ поле, такъ что медикъ и гофмейстеръ, со всѣми вещами, одинъ здѣсь, другой тамъ, повалились съ телѣги и упали. Фонъ-Ухтерицъ и я, сидя впереди и не рѣшаясь, въ виду опасности, спрыгнуть съ лошади, были не въ малой боязни, пока лошади не устали и не остановились передъ болотомъ. 12-го с. м. мы прошли 8 миль и по дорогѣ встрѣтили двухъ молодыхъ голыхъ птенцовъ, лежавшихъ около дороги въ гнѣздѣ; нѣкоторые изъ насъ сочли ихъ за орлятъ. Также увидѣли мы 2 соляныхъ озера, которыя распространяли при приближеніи къ нимъ пріятный запахъ фіалокъ. 13-го мы опять проѣхали 8 миль, и къ вечеру могли увидѣть городъ Астрахань. 14-го іюня мы, пройдя еще 3 мили, въ большой радости, достигли рѣки Волги напротивъ Астрахани. Люди наши, стремясь къ столь давно желанной прѣсной водѣ, побѣжали къ рѣкѣ, толпою пали на земь у ея береговъ и пили воду. Такимъ образомъ мы, съ Божіею помощью, закончили очень тяжелое путешествіе черезъ степь. Трудности его и наше веселье у береговъ Волги Павелъ Флемингъ такъ описалъ въ одѣ на имя нашего [спутника] Гартмана Грамана: *Бѣда отъ дикихъ свиней.* *Достиженіе Волги подъ Астраханью.* *Lib. novo Silv.*

...Настала третья ночь...
Я мучился безъ сна, и голодъ былъ не въ мочь;
Подушкой мнѣ земля, покрытъ однимъ я небомъ,
Я голодъ утолялъ гнилымъ и черствымъ хлѣбомъ,
А пилъ разсолъ. Не разъ былъ умереть готовъ
Днемъ съ жажды и жары, а въ ночь отъ комаровъ.
Прости мнѣ, Эвіанъ, властитель небосклона,
Что я не клалъ тебѣ столь низкаго поклона,
Какъ передъ славной Ра, увидѣвши струю,
Которой жажду смогъ я утолить свою...

Когда въ Астрахани узнали про наше прибытіе, тотчасъ же къ намъ навстрѣчу выѣхали нѣсколько лодокъ. Между прочимъ нашъ завѣдывающій провизіею Іоганнъ Шумахеръ доставилъ къ берегу 2 мѣшка, полныхъ хлѣба, копченой говядины и языковъ, бочку пива и боченокъ водки; при ихъ помощи мы вновь подкрѣпились.

Мѣста для остановки.

Мы оставались этотъ день на берегу, пока воевода готовилъ намъ удобныя помѣщенія для остановки.

На слѣдующій день насъ переправили и размѣстили въ новомъ «амбарѣ» или пакгаузѣ, лежавшемъ передъ городомъ на берегу; здѣсь, однако, насъ сильно мучили чрезвычайно многочисленные блохи и комары. Въ особомъ «амбарѣ» мы застали большое количество провизіи, которую нашъ факторъ въ Москвѣ Давидъ Рютцъ [Рутсъ] за полгода еще доставилъ сюда для насъ.

CI.

(Книга VI, глава 22).

Что случилось въ Астрахани за время нашей остановки.

Такъ какъ мы пробыли въ Астрахани вплоть до 8-й недѣли, я зачастую ходилъ вокругъ и поперекъ города и нѣсколько разъ измѣрялъ его; при этомъ я нашелъ, что круговая стѣна заключаетъ въ себѣ 8,000 футовъ и имѣетъ ту форму, которую представляетъ прилагаемая фигура.

[Стр. 525].

Въ послѣднее число іюня послы вновь отправили подарки воеводѣ, который 1-го іюля выказалъ свою благодарность отвѣтнымъ подаркомъ, состоявшимъ въ быкѣ, бочкѣ пива, бочкѣ меду, 4-хъ баранахъ, 10-ти уткахъ, 10-ти курахъ и 6-ти гусяхъ.

Противъ пастора.

Одной вещи я не могу пройти молчаніемъ, такъ какъ о ней знаютъ всѣ люди нашей свиты, изъ которыхъ еще многіе живы. Дѣло въ томъ, что посолъ Брюг[ге]манъ, можетъ быть, считая себя задѣтымъ проповѣдями о покаяніи, которымъ нашъ проповѣдникъ г. Соломонъ Петри изъ чувства долга давалъ довольно рѣзкую форму — далъ возможность обязательному красному одѣянію пастора до того обтрепаться, что на возвратномъ пути въ Шемахѣ, а также и здѣсь, ему пришлось говорить проповѣдь и причащать, будучи въ спальныхъ штанахъ. Русскій по-

сланникъ Алексѣй, который въ общемъ былъ очень доволенъ нашимъ богослуженіемъ, объ этомъ выражался съ сильною бранью; онъ даже самъ хотѣлъ — какъ и мы всѣ — одѣть проповѣдника на собственныя деньги, если бы только не приходилось опасаться гнѣва посла.

Поведеніе Брюг[ге]мана въ Астрахани.

Посолъ Брюг[ге]манъ имѣлъ даже намѣреніе съ немногими только изъ людей отправиться въ путь изъ Астрахани, а своего коллегу съ другими оставить позади; для этого уже дѣлались

приготовленія. Однако, Алексѣй Савиновичъ, съ которымъ онъ объ этомъ посовѣщался, отсовѣтовалъ ему поступить такъ. Онъ же и выдалъ это предположеніе, увѣщевая насъ быть очень осторожными, такъ какъ предпріятіе нашего посла немногимъ лучше поступка Русселя, французскаго посла, который вѣроломно оклеветалъ своего коллегу маркиза передъ патріархомъ въ Москвѣ, предалъ его и довелъ до Сибири. Объ этомъ разсказано выше. На это намѣреніе намекаютъ и послѣдніе стихи оды, которую одинъ изъ насъ написалъ на планъ города Астрахани:

Стр. 60.

На Волгѣ, Астрахань, предъ нами ты предстала!
Страна нагаевъ здѣсь вокругъ тебя лежала.
Столицей ты была татаръ нагайскихъ встарь,
Теперь твой властелинъ Москвы великій царь.
Хоть ты не велика, но торгъ тебя прославилъ
И дальныхъ множество племенъ къ тебѣ направилъ.
Снаружи ты пышна какъ Іерусалимъ,
Внутри же Виѳлеемъ съ тобой едва сравнимъ.
Грань лучшихъ двухъ частей вселенной здѣсь проходитъ,
И, въ Астрахань явясь, всякъ въ обѣ разомъ входитъ.
Онъ руку можетъ здѣсь Европѣ протянуть
И, повернувшись, вновь на Азію взглянуть.
О нимфы Ра-рѣки, насъ бѣды здѣсь пугали,
Гдѣ вы въ струяхъ воды вкругъ Долгаго играли,
Но роковой стрѣлѣ насъ поразить не далъ
Господь. У васъ въ струяхъ ударъ ея пропалъ.

Послѣ этого сообщенія Алексѣй Савиновичъ попрощался съ нами и направился въ дорогу къ Москвѣ. Когда онъ, однако, въ Москвѣ получилъ отъ своихъ друзей письма, въ которыхъ говорилось, что ради различныхъ, совершенныхъ въ Персіи непростительныхъ проступковъ, его немилостиво встрѣтятъ, онъ изъ малодушія принялъ яду и умеръ.

Прибытіе Андрея Рейснера въ Астрахань.

25-го іюля въ Астрахань прибылъ московитскій караванъ изъ Москвы. При немъ находился и нѣмецъ Андрей Рейснеръ, желавшій идти съ княжескимъ рекомендательнымъ письмомъ къ шаху персидскому. Съ нимъ Брюг[ге]манъ втайнѣ велъ секретныя бесѣды и совѣщанія, закончившіяся тѣмъ, что Рейснеръ по какимъ-то причинамъ согласился ѣхать не впередъ, а назадъ, а именно въ Голштинію, до нашего посольства, чтобы тамъ постараться устроить дѣла согласно съ ихъ планами.

Августъ.

1-го августа русскіе совершили въ Астрахани большое торжество, начавъ его съ многократныхъ салютовъ изъ пушекъ и полукартаульныхъ орудій. Это было сдѣлано потому, что въ этотъ день въ 1554 г. городъ былъ взятъ у нагайскихъ татаръ.

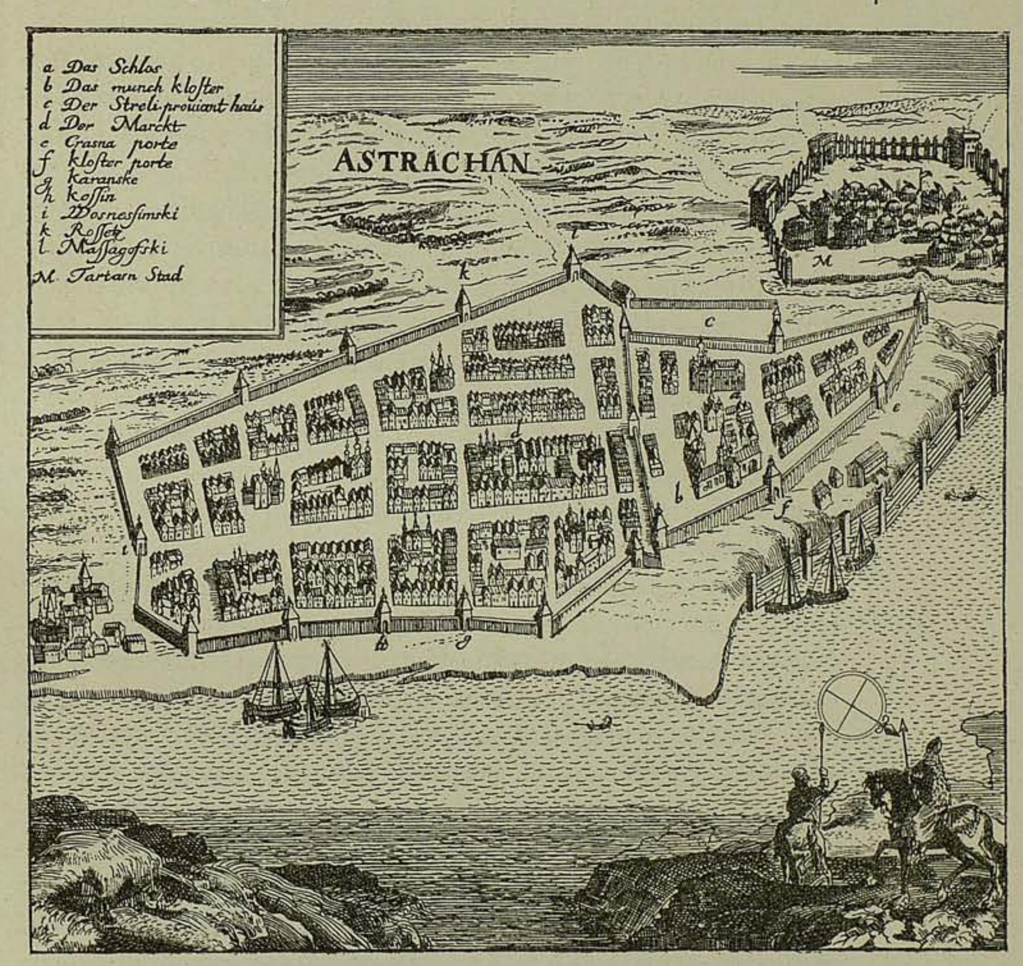
Казаки говорятъ дерзости.

Въ этотъ день 2 козака, смѣлые гости, доставили отъ Алексѣя, встрѣченнаго ими по дорогѣ, письмо на имя пословъ. Они безъ стѣсненія говорили: «Они уже отваживались отнимать добычу у многихъ націй, и намѣрены попробовать тоже и съ нѣмцами». Нашимъ орудіямъ они не придавали большого значенія, говоря, что несчастіе лишь для того, въ кого ядро попадетъ, другіе же остаются невредимыми. [Они говорили еще:] «Они слышали, что у насъ на кораблѣ есть и ящики со взрывчатыми веществами, при помощи которыхъ можно взорвать людей; они, правда, не понимаютъ, въ чемъ тутъ дѣло, но ихъ братья и этому не придаютъ большого значенія. Всѣ они люди, заслу-

жившіе висѣлицу и колесованіе; если имъ удастся взять хорошую добычу, то они будутъ рады, если же они пострадаютъ при этомъ, то нужно принять въ соображеніе, что они все равно были бы осуждены на смерть».

Прибытіе персидскаго посла въ Астрахань.

6-го августа персидскій посолъ Имамкули-султанъ, котораго мы какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ долго поджидали, прибылъ подъ Астрахань и на слѣдующій день былъ приведенъ въ городъ русскими.

11-го с. м. умеръ одинъ изъ нашихъ стольниковъ Генрихъ Кребсъ изъ Гамбурга отъ дисентеріи; 13-го с. м. мы его съ обычными церемоніями похоронили на армянскомъ кладбищѣ.

Андрей Рейснеръ возвращается обратно.

5-го сентября станица или караванъ русскихъ и татаръ, [общество изъ 200 человѣкъ] отправилось отсюда сушею въ Москву; сюда присоединился и Андрей Рейснеръ съ нѣкоторыми изъ своихъ и нашихъ людей и лошадьми пословъ. Мы собрались слѣдовать за ними водою, купили двѣ большихъ

лодки, каждую въ 12 саженъ длиною и $2^1/_2$ шириною. Онѣ стоили въ готовомъ видѣ до 600 рейхсталеровъ; для каждой послы наняли 30 рабочихъ для гребли; изъ нихъ каждый отъ Астрахани до Казани получилъ 6 рублей или 12 рейхсталеровъ.

Намъ продаютъ двухъ татарскихъ дѣвочекъ.

Незадолго до нашего отбытія пришли нѣсколько стрѣльцовъ и доставили дѣвочку въ 10 лѣтъ для продажи намъ. Они ее подъ Азовомъ (этотъ городъ, расположенный у устья Дона и Мэотійскаго болота, 1-го августа с. г. былъ взятъ съ большимъ кровопролитіемъ у казаковъ и турокъ) увезли у перекопскаго татарскаго школьнаго учителя. Вскорѣ затѣмъ другіе два стрѣльца доставили другую дѣвочку, 7-ми лѣтъ, украденную ими изъ расположенной у Астрахани нагайской орды ночью отъ ея бабушки. Это дитя они доставили въ мѣшкѣ, совершенно голымъ, такъ какъ оно было только что изъ бани, и высыпали его, точно это былъ поросенокъ, передъ покупателями. Родители его, по татарскому обычаю, заклеймили, а именно — на щекахъ двумя синими точками, величиною съ чечевицы, для того, чтобы въ случаѣ, если, будучи украдено и продано, оно вновь найдется, его можно было узнать. Посолъ Брюг[ге]манъ при этомъ выказалъ себя съ похвальной стороны: такъ какъ онъ увидѣлъ, что при такой покупкѣ можно было пріобрѣсти и души дѣтей, спасти ихъ и обученіемъ въ христіанской религіи и крещеніемъ привести къ Христу, онъ охотно принялъ ихъ, давъ за перекопскую дѣвочку 25, а за нагайскую 16 рейхсталеровъ, тайно вывезъ ихъ изъ страны и передалъ ихъ его княжеской свѣтлости нашего милостивѣйшаго князя и государя супругѣ, которая поручила этихъ дѣвочекъ своей достохвальной женской свитѣ для обученія ихъ нѣмецкому языку, богобоязни, добродѣтели и искусному рукодѣлію. Въ этомъ ученіи онѣ въ скоромъ времени доведены были до того, что при крещеніи своемъ (оно состоялось въ видѣ торжественнаго акта въ 1642 г. 19-го мая по случаю крестинъ младенца княжеской семьи, въ присутствіи многихъ именитыхъ дворянъ и другихъ знатныхъ персонъ, ихъ воспріемниковъ) онѣ не только могли бойко произнести наизусть лютеровъ катехизисъ, но въ состояніи были дать много правильныхъ отвѣтовъ на другіе, касавшіеся христіанства, вопросы, къ изумленію многихъ. Перекопская, раньше именовавшаяся «Танна», получила имя Анны-Маріи, а нагайская, называвшаяся «Тауби», — Софіи-Елисаветы; обѣ по имени ея княжеской свѣтлости Маріи-Елисаветы.

Похвальный поступокъ Брюг[ге]мана.

Достойно памяти, что въ то время въ Астрахани нашъ татарскій и турецкій переводчикъ Мартинъ-Альбрехтъ, по рожде-

нію татаринъ, также ребенкомъ увезенный, доставленный въ Москву и крещенный, когда онъ былъ узнанъ отцомъ и друзьями, желавшими за деньги выкупить его, тѣмъ не менѣе, не захотѣлъ идти къ нимъ, говоря: «Онъ разъ уже принялъ христіанскую правую вѣру, и желаетъ въ ней жить и умереть; ради нея онъ готовъ отказаться отъ родителей, которыхъ онъ, впрочемъ, любитъ». Онъ не отходилъ далеко отъ нашей свиты, чтобы татары, по ихъ угрозамъ, не украли его. Это былъ парень лѣтъ 26-и, благочестивый и передъ всѣми услужливый.

Стойкость татарина въ христіанствѣ.

Здѣсь же персидскій посолъ купилъ себѣ въ жены нагайскую татарскую дѣвицу у ея собственнаго брата — мурзы, сидѣвшаго подъ арестомъ; онъ далъ за нее 120 талеровъ наличными и лошадь за 10 талеровъ. Этотъ посолъ былъ человѣкъ лѣтъ 70-и, но еще довольно сильный.

Султанъ покупаетъ себѣ жену.

CII.

(Книга VI, глава 20).

Путешествіе изъ Астрахани въ Москву и о томъ, что въ это время случилось.

7-го сентября произошло наше отбытіе изъ Астрахани, и мы вновь направились на Волгу. Послы подѣлили между собою свиту и каждый взялъ по лодкѣ. Мы отошли отъ города въ этотъ день на полмили и ждали прибытія султана. Поэтому, когда этотъ послѣдній примкнулъ къ намъ на слѣдующій день съ тремя лодками, мы встрѣтили его салютными выстрѣлами, и вмѣстѣ пошли дальше; 10-го мы прошли мимо острова Бузана, рядомъ съ которымъ крымскіе и перекопскіе татары обыкновенно переплываютъ Волгу, которая здѣсь очень узка. Чтобы воспрепятствовать этому, русскіе съ восточной стороны рѣки устроили стражу изъ 50-ти стрѣльцовъ. Нѣкоторые изъ нихъ явились и просили хлѣба; имъ дали мѣшокъ съ сухарями.

Вторичное отбытіе изъ Астрахани.

15-го сентября мы пришли къ Черному-Яру, который, будучи построенъ великимъ княземъ Михаиломъ, зовется и Михайло-Новгородомъ. Отсюда 300 верстъ или 60 миль до Астрахани. Воевода прислалъ на судно письмо на латинскомъ языкѣ, оставленное Алексѣемъ Савиновичемъ по адресу пословъ; воевода прибавилъ просьбу, чтобы послы вышли на берегъ и посѣтили его; онъ, по любезной рекомендаціи Алексѣя, хотѣлъ, по силамъ

Черный-Яръ.

своимъ, угостить насъ; мы, однако, желая выиграть время, не захотѣли выходить на берегъ.

Царицынъ.

24-го сентября мы достигли города Царицына, находящагося въ 200-хъ верстахъ отъ предыдущаго. 29-го сентября въ Михаиловъ день, мы имѣли попутный вѣтеръ и шли противъ теченія на парусахъ 40 верстъ. Нѣкоторые изъ русскихъ приписывали это обстоятельство именинамъ великаго князя Михаила.

Октябрь.

2-го октября лодка персидскаго посла съ лошадьми попала на мель; со стаскиваніемъ ея было много хлопотъ. Тѣмъ временемъ султанъ вышелъ на берегъ, а наши послы присоединились къ нему и вмѣстѣ обѣдали. Простой людъ свелъ знакомство и персы такъ напились водки, что сильно опьянѣвъ, одинъ изъ нихъ здѣсь, а другой тамъ, попадали въ воду; какъ мертвыхъ животныхъ ихъ пришлось тащить въ лодки. Когда лодка сошла съ мели и мы хотѣли опять двигаться дальше, персы начали браниться съ русскими, били дубинами и рубили саблями въ сторону стрѣльцовъ своего конвоя. Султанъ, напившійся водки не менѣе слугъ своихъ, хотѣлъ стрѣлять въ стрѣльцовъ, но мы его уговорили, и ссора была улажена.

Персы въ ссорѣ съ русскими.

Тонетъ мальчикъ.

Сегодня ночью мальчикъ султана, страдавшій поносомъ и поднявшійся на бортъ, упалъ въ воду. Хватились его не раньше, какъ къ утру, когда рѣка уже успѣла давно унести его далеко внизъ.

Саратовъ.

6-го октября мы дошли до Саратова, въ 350-и верстахъ отъ Царицына. Здѣсь намъ сообщили, что партія казаковъ встрѣтила ушедшую сушею впередъ «станицу», но, замѣтивъ достаточное сопротивленіе, казаки не рѣшились напасть, но съ нѣсколькими кобылицами съ большими криками проѣхали мимо, и вслѣдствіе этого много «аргамаковъ» (такъ русскіе зовутъ персидскихъ лошадей), плохо охранявшихся, они увлекли за собою изъ станицы и увели ихъ.

11-го октября къ вечеру началась сильная буря съ ЮЗ, которая тамъ и сямъ разсѣяла наши суда. Наша лодка, въ которой былъ посолъ Крузіусъ, вмѣстѣ съ двумя лодками султана, гдѣ находились лошади, была прибита къ восточному берегу, получила пробоину и быстро наполнилась водою. Намъ пришлось все имущество изъ нея вынести на берегъ. Персы, увидя, что лошади бѣдствуютъ въ водѣ, разбили бока у лодокъ и спасли лошадей, кромѣ одной, которая утонула. Эта буря продолжалась 2 дня и ночь. Такъ какъ мы боялись, что вѣтеръ доведетъ нашу лодку до полнаго крушенія, мы срубили мачту; послѣ этого она стала спокойно. 16-го вѣтеръ по-

улегся, наша затонувшая лодка опять была поднята, вытащена на берегъ и законопачена. Персы же, которые не могли болѣе пользоваться своими лодками, пустили теперь лошадей своихъ берегомъ. 24-го мы прибыли подъ городъ Самару, отстоящій отъ Саратова на 70 миль. *Самара.*

4-го ноября праздновались именины посла Оттона Брюг[ге]мана и троекратными салютными выстрѣлами съ обѣихъ лодокъ ему пожелали счатья. При этомъ случилось слѣдующее несчастіе. Подъ крышею палубы засунутъ былъ заряженный мушкетъ; когда внутри на суднѣ стали стрѣлять изъ орудія, выстрѣлило и это ружье, и пуля изъ него пролетѣла у лакея Каспара Зе(е)лера и Христофа Бута [Пудта], барабанщика, стоявшихъ въ это время на палубѣ, сквозь ноги. Одинъ изъ нихъ изъ-за этого долго еще пролежалъ больнымъ въ Казани. *Празднованіе дня именинъ Оттона Брюг[ге]мана.*

6-го мы прошли мимо большой рѣки Камы и 8-го вечеромъ, при большомъ холодѣ зашли въ казанскую рѣчку. Мы остановились въ доброй четверти мили отъ города, противъ монастыря. Дольше не имѣло бы смысла оставаться на Волгѣ, такъ какъ ночью настала столь сильная стужа, что на другой день вся рѣчка [Казанка] стала. *Кама.* *Прибытіе подъ Казань.*

Сначала воевода Иванъ Васильевичъ Морозовъ, бывшій годъ тому назадъ совѣтникомъ царя, принялъ насъ плохо. Причиной было, съ одной стороны, что тотчасъ же не пошли навстрѣчу общей ихъ жадности къ подаркамъ, съ другой — что онъ былъ близкимъ пріятелемъ наиболѣе выдающихся русскихъ купцовъ, стремившихся тогда помѣшать нашему путешествію и намѣренію и т. д. Послы, переславъ къ нему великокняжескую подорожную, любезно привѣтствовали его и просили о квартирахъ. Онъ, однако, не захотѣлъ допустить до себя посланцевъ, сказавъ имъ: «Пусть они идутъ обратно на суда; онъ имъ пришлетъ отвѣтъ». На слѣдующій день онъ прислалъ сына боярскаго на лодку посла Бр[юггемана] и велѣлъ спросить: «Кто изъ нихъ посолъ и кто купецъ?» Посолъ Бр[юггеманъ], по справедливости, разсердился на это, взялъ сына боярскаго за руку и сказалъ: «Скажи воеводѣ, что я погонщикъ свиней. Далѣе, если самъ твой господинъ не умѣетъ читать, то неужели у него нѣтъ людей, которые могли бы прочитать и узнать изъ подорожной, какъ насъ великій князь титулуетъ?» Тѣмъ не менѣе намъ пришлось при большомъ холодѣ нѣсколько дней выдержать на лодкахъ; тѣмъ изъ насъ, у кого одежда была скудна, пришлось очень тяжело. Воевода, правда, велѣлъ сказать, чтобы мы за наши деньги сами искали себѣ помѣщенія, но русскимъ *Невѣжливость воеводы.*

онъ въ то же время запретилъ принимать насъ иначе, какъ по его приказанію. Такъ же точно онъ велѣлъ выпороть стражника, поставленнаго у входа въ рѣчку Казанку за то, что тотъ насъ пропустилъ. То же было сдѣлано съ мальчикомъ, который принялъ у болота въ свою телѣгу нашихъ гофмейстера и переводчика, когда они были посланы къ воеводѣ.

Султана вводятъ въ Казань.

11-го с. м. воевода ввелъ персидскаго посла и помѣстилъ въ предмѣстьѣ. Когда этотъ послѣдній сталъ говорить о насъ воеводѣ, то намъ 13-го разрѣшили продвинуться къ самому городу, куда мы съ большимъ трудомъ и должны были пробираться сквозь ледъ. Однако, насъ помѣстили лишь въ слободѣ или предмѣстьѣ, а не внутри круговой стѣны.

Раздѣленіе пословъ и людей по помѣщеніямъ и ѣдѣ должно было соблюдаться и здѣсь, какъ и на лодкахъ. Но такъ какъ ѣдою завѣдывалъ посолъ Бр[юггеманъ], то намъ на особомъ столѣ нѣкоторое время давали ѣду лишь разъ въ день и въ видѣ напитка давали лишь воду безъ уксусу и водки.

Подарки пріобрѣтаютъ друзей.

20-го ноября послы подарили воеводѣ обѣ свои лодки и поднесли еще другіе подарки, которые съ благодарностью были приняты и вызвали со стороны воеводы бо̀льшую готовность помогать намъ въ пути.

Праздникъ св. Николая.

6-го декабря русскіе праздновали выдающійся свой праздникъ въ честь св. Николая; цѣлыхъ 8 дней подъ-рядъ добрые друзья, мужчины и женщины, усердно посѣщая другъ друга, уходили пьяные домой; иныхъ же таскали. Хозяйка въ нашей квартирѣ, обладая хорошимъ достаткомъ, была посѣщена нѣсколькими молодыми и старыми женщинами; своихъ гостей, стыдясь насъ, она принимала въ особой части комнаты за занавѣскою, гдѣ хорошо угощала ихъ калачами, пирогами, водкою, пивомъ и медомъ. Когда, однако, крѣпкіе напитки уничтожили ихъ робость, онѣ сняли занавѣску, пришли и подсѣли къ намъ, чтобы и нѣмцевъ сдѣлать участниками своей попойки и веселья; изъ вѣжливости нельзя было отказать имъ, и пришлось съ ними вмѣстѣ веселиться.

Это обозначается поговоркою: пьянство открываетъ сокровенное.

Въ этотъ день пришелъ и попъ со своимъ капелланомъ [дьякономъ] покадить передъ иконами и въ то же время посѣтить и утѣшить хозяйку, мужъ которой былъ посаженъ въ долговую тюрьму. Онъ много говорилъ со мною о ихъ религіи и о чудесахъ у нихъ; между прочимъ, по его словамъ, въ Казани, въ Спасскомъ монастырѣ, 40 лѣтъ тому назадъ были выкопаны два святыхъ монаха, по имени Варсанофій и Гурій. Они и те-

перь еще лежатъ нетлѣнные; если больной человѣкъ приходитъ къ нимъ помолиться, то онъ тотчасъ становится здоровымъ. Когда я спросилъ: «Если это такъ, то почему онъ не исцѣлится этимъ способомъ отъ боли въ спинѣ, на которую онъ передъ тѣмъ жаловался хозяйкѣ? Далѣе, какъ же это въ Казани столько же слѣпыхъ, хромыхъ и другихъ калѣкъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи?» По этому поводу капелланъ громко разсмѣялся, а попъ началъ бранить и капеллана и меня и ушелъ.

Отбытіе изъ Казани.

Пробывъ спокойно въ Казани пять недѣль, пока установился хорошій санный путь, мы 13-го декабря около полудня вновь собрались въ путь и направились впередъ съ 60-ю санями, оставивъ, по совѣту воеводы, персидскаго посла назади. Мы поѣхали вверхъ по Волгѣ и 21-го декабря въѣхали въ Нижній, отстоящій отъ Казани на 60 миль. Послы помѣстились въ домѣ нашего фактора Ганса Бернгарда, а свита помѣстилась кругомъ. Здѣсь мы, какъ уже сказано, застали самую крайнюю на востокѣ лютеранскую церковь, которая въ данное время, какъ намъ сказали, стояла здѣсь уже 58 лѣтъ. Пасторъ ея магистръ Христофоръ Шеліусъ изъ Ростока, прекрасный молодой человѣкъ, находившійся въ ней 4 года, умеръ за полгода до нашего прибытія. Когда нашъ пасторъ въ 4-й день адвента [послѣднее воскресенье передъ Рождествомъ] сказалъ проповѣдь въ ихъ церкви, они просили, чтобы мы остались лишь 2 дня еще здѣсь у нихъ и провели съ ними праздникъ Рождества, такъ какъ, не имѣя по правиламъ поставленнаго пастора, они у нашего хотѣли принять причастіе. Однако, изъ-за спѣшки посла Брюг[ге]мана пришлось оставить это намѣреніе. Поэтому 23-го с. м., пообѣдавъ, мы снова двинулись дальше и изъ Волги проѣхали въ Оку. 25-го декабря очень рано въ 2 часа мы слушали рождественскую проповѣдь въ деревнѣ Юрино, въ 50-ти верстахъ отъ Нижняго, и въ тотъ же день проѣхали еще 50 верстъ дальше.

Прибытіе въ Нижній.

Володимиръ.

29-го с. м. мы достигли стариннаго города Володимира. Онъ въ 42-хъ миляхъ отъ Нижняго и въ 29-ти отъ Москвы. По старымъ развалинамъ и разрушеннымъ стѣнамъ башенъ и домовъ видно, что раньше это, вѣроятно, былъ большой выдающійся городъ.

Въ послѣднее число декабря мы дошли до деревни Рупосо[во], въ 8-ми миляхъ отъ города Москвы. Здѣсь нашъ приставъ, направившійся впередъ къ великому князю, вернулся съ сообщеніемъ, что послѣзавтра насъ, вѣроятно, поведутъ въ городъ.

Здѣсь Брюг[ге]манъ опять сталъ безпокоенъ и безъ причины грозился обрубить носъ и уши нѣкоторымъ изъ вовсе не маловажныхъ лицъ свиты, какъ только онъ доберется до границы. Однако, никто не обращалъ на это вниманія и не собирался бѣжать, какъ это ему было бы угодно.

CIII.

(Книга VI, глава 24).

Какъ насъ въ Москвѣ вновь приняли, какъ мы имѣли аудіенцію и что еще произошло.

Годъ 1639.

1-го января мы до разсвѣта поднялись и прошли 25 верстъ далѣе, до деревни Пехры, которой мы заблаговременно достигли. Мы слушали новогоднюю проповѣдь и остановились на этотъ день.

Прибытіе въ Москву.

2-го января насъ снова весело ввели въ Москву. Два отряженныхъ его царскимъ величествомъ пристава, сопровождаемые большимъ количествомъ народа, вышли къ намъ навстрѣчу, любезно приняли пословъ и повезли ихъ въ городъ въ двухъ большихъ саняхъ съ красною атласной обивкою, выстланныхъ прекрасными коврами. Для знатнѣйшихъ изъ свиты доставлено было 12 бѣлыхъ царскихъ лошадей. Такимъ образомъ, при любезныхъ привѣтствіяхъ многихъ добрыхъ друзей, находившихся здѣсь, мы въѣхали въ городъ и расположились на большомъ посольскомъ дворѣ; здѣсь же мы получили для привѣта обычные напитки, а также ежедневный «кормъ», т. е. все, что относится къ кухнѣ и погребу.

Мы застали передъ нами тѣхъ лошадей и людей нашихъ пословъ, которые ушли впередъ изъ Астрахани. Рейснеръ, однако, для исполненія тайнаго своего уговора съ Брюг[ге]м[аномъ] уже уѣхалъ спѣшно впередъ въ Голштинію.

5-го [6-го] января, по случаю дня св. Крещенія, русскіе совершили большое торжество водосвятія, на которомъ присутствовали великій князь и патріархъ со всѣмъ придворнымъ штатомъ и клиромъ.

Первая тайная аудіенція.

8-го пословъ потребовали на первую тайную аудіенцію, во время которой бесѣда съ ними продолжалась съ часъ. Въ эту ночь умеръ молодой сынъ великаго князя князь Иванъ Михайловичъ, господинъ лѣтъ 8-ми, вслѣдствіе чего во всей Мо-

сквѣ, особенно при дворѣ, была сильная печаль. Всѣ подданные должны были снять свои украшенія, золото, жемчугъ и другія одежды и одѣть рваные темные кафтаны.

Смерть молодого князя.

21-го января пословъ позвали на вторую тайную аудіенцію; въ виду траура ихъ повезли на черныхъ лошадяхъ. Покои были всѣ обтянуты чернымъ сукномъ, и совѣтники въ черныхъ камлотовыхъ костюмахъ. Эта аудіенція продолжалась цѣлыхъ два часа.

Другая тайная аудіенція.

30-го января фонъ-Ухтерицъ, раньше всѣхъ, собрался въ свой давно желанный обратный путь въ Голштинію. При снаряженіи его произошло слѣдующее памятное происшествіе. Фонъ-Ухтерицу, ради собственныхъ его дѣлъ, въ особенности ради наслѣдства, очень хотѣлось поскорѣе пріѣхать въ Германію. Поэтому онъ не разъ просилъ пословъ объ отпускѣ. Бр[юггеманъ], однако, не хотѣлъ давать на это согласія, развѣ лишь, въ концѣ концовъ, подъ слѣдующимъ условіемъ: чтобы онъ ни отъ кого больше, какъ отъ него, не бралъ съ собою писемъ въ Германію, а въ особенности къ голштинскому двору; остальныя письма пусть онъ всѣ передастъ ему, Брюггеману; тогда онъ не только будетъ отпущенъ, но ему будетъ оказана всяческая добрая помощь для путешествія; въ противномъ же случаѣ, пусть онъ и не думаетъ выбраться. Фонъ-Ухтерицу, честному дворянину, это показалось страннымъ и труднымъ; онъ спрашивалъ посла Крузіуса и другихъ: какъ здѣсь быть? Сочтено было за лучшее, чтобы онъ подалъ видъ, точно готовъ согласиться на подозрительное предложеніе Брюг[ге]мана. Когда, однако, фонъ-Ухтерицъ напомнилъ при этомъ Брюг[ге]ману, какъ же ему отвѣчать, если и посолъ Крузіусъ передастъ ему письма на имя его княжеской свѣтлости, а онъ ихъ не доставитъ, то Брюг[ге]манъ далъ ему письменное ручательство за собственною рукою, что изъ-за этого у него не будетъ затрудненій, и что̀ бы ни случилось, вреда ему не будетъ. Когда фонъ-Ухтерицъ уже болѣе не возражалъ, Брюг[ге]манъ успокоился и содѣйствовалъ его путешествію. Тѣмъ временемъ посолъ Крузіусъ приготовилъ два пакета писемъ, изъ которыхъ онъ одинъ передалъ фонъ-Ухтерицу тайно, а другой — для уничтоженія — явно. Также точно поступили и секретарь и другіе. При этомъ пришлось соблюсти ту предосторожность, чтобы Брюг[ге]манъ, вскрывъ письма, не сразу догадался о «скрытомъ кушаньѣ» и не отмѣнилъ поѣздки. Поэтому Ухтерицъ сказалъ Брюг[ге]м[ану], что онъ находитъ неудобнымъ отдавать письма въ Москвѣ, но предлагаетъ ихъ передать въ полумилѣ за городомъ, чтобы Крузіусъ не замѣтилъ

Отъѣздъ Ухтерица изъ Москвы.

Хитрость Брюг[ге]мана.

Отвѣтная хитрость.

продѣлки: Крузіусъ, по его словамъ, могъ потребовать пакетъ обратно для дополненія его, и тогда онъ оказался бы въ постыдномъ положеніи. Это умное предложеніе до того понравилось Брюг[геману], что онъ одного изъ своихъ вѣрныхъ слугъ послалъ вслѣдъ за Ухтерицомъ, какъ бы — проводить его, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы взять письма. Когда это совершилось, путешественникъ поспѣшилъ впередъ, насколько онъ могъ, и счастливо уѣхалъ. Брюг[ге]манъ же, вскрывъ письма и замѣтивъ, что ничего особаго въ нихъ нѣтъ (притомъ въ пакетѣ Крузіуса оказались лишь бумаги одного почерка, а между тѣмъ онъ писалъ со своимъ писцомъ и мальчикомъ цѣлыхъ два дня), понялъ, что не удалось поймать настоящую рыбу и что его перехитрили. Поэтому онъ сталъ еще несноснѣе, чѣмъ прежде, но не могъ высказать истинной причины.

Февраль.

Смерть Грюневальда.

2-го февраля Іоганнъ Грюневальдъ, патрицій данцигскій, одинъ изъ знатнѣйшихъ въ свитѣ, проболѣвъ 8 дней, безмятежно и блаженно скончался и 6-го с. м. въ торжественной процессіи похороненъ на нѣмецкомъ кладбищѣ. Это былъ человѣкъ очень благочестивый, богобоязненный и тихій, со всѣми ладившій и со всякой непріятностью примирявшійся; до этого путешествія онъ совершилъ также большія и трудныя поѣздки въ Весть- и въ Остъ-Индію и имѣлъ большой опытъ.

Прибытіе персидскаго султана въ Москву.

5-го февраля персидскій султанъ съ весьма большою пышностью былъ доставленъ русскими въ городъ; чтобы насъ не задерживать, ему на третій день послѣ этого дали аудіенцію.

11-го посолъ Брюг[ге]манъ пожелалъ и получилъ одинъ тайную аудіенцію. 12-го наши солдаты и офицеры, которыхъ мы съ соизволенія его царскаго величества брали съ собою изъ Москвы въ Персію, получили благодарность и расчетъ.

Публичная аудіенція и прощаніе.

23-го февраля мы въ послѣдній разъ были приняты на публичной аудіенціи, приложились къ рукѣ его царскаго величества и получили отпускъ.

Отъѣздъ султана изъ Москвы.

7-го марта персидскій султанъ вновь собрался въ путь изъ Москвы и поѣхалъ впередъ въ Лифляндію.

CIV.

(Книга VI, глава 25).

Отбытіе изъ Москвы, черезъ Лифляндію, обратно въ Голштинію, въ резиденцію его княжеской свѣтлости нашего милостивѣйшаго государя.

Отбытіе изъ Москвы въ Лифляндію.

Послѣ этого мы вновь собрались въ путь, и 15-го марта по санному пути опять выѣхали изъ Москвы, въ сопровожденіи нашихъ приставовъ, нѣсколькихъ стрѣльцовъ и многихъ нѣмцевъ. Послѣ любезнаго прощанія, мы помчались впередъ и стали дѣлать быстрые дневные переходы, чтобы не потерять саннаго пути, такъ какъ весна уже наступала, а погода была ясная. 18-го мы пришли въ Тверь, а 19-го въ Торжокъ. И та и другой — «ямы», гдѣ намъ давали свѣжихъ лошадей.

Тверь.

Какъ ни малъ городъ Торжокъ, въ немъ всетаки 30 церквей и часовенъ, которыя ежедневно посѣщаются; одна изъ нихъ каменная и довольно красива, если судить по наружному виду. Никого изъ насъ не хотѣли пустить въ городъ.

Новгородъ.

23-го марта мы вновь прибыли въ Великій Новгородъ и были хорошо приняты воеводою, доставившимъ намъ нѣкоторые кушанья и напитки. Мы застали прибывшаго до насъ персидскаго посла, съ которымъ мы на слѣдующій день отправились въ путь и 24-го марта перешли черезъ русскую границу.

Когда по въѣздѣ въ Ингерманландію нашъ медикъ былъ посланъ впередъ ради знатнаго мужа, моего бывшаго добраго друга, который лежалъ въ Лифляндіи опасно больнымъ и неоднократно просилъ о присылкѣ нашего врача, я также, заболѣвъ лихорадкою и не имѣя надобности дольше оставаться при свитѣ, собрался вмѣстѣ съ нимъ впередъ въ Ревель.

Въѣздъ въ Нарву.

Въ послѣднее число марта послы съ султаномъ въѣхали въ Нарву, гдѣ полковникъ Врангель съ 50-ю всадниками выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу. Султанъ былъ помѣщенъ у магистратскаго совѣтника Іакова Мюллера. Когда у дверей его собралось много людей, особенно женщинъ, чтобы посмотрѣть, какъ жена персіанина будетъ выходить изъ закрытыхъ саней, султанъ былъ такъ сильно раздосадованъ, что онъ готовъ былъ скорѣе выѣхать изъ города, чѣмъ показать свою жену. Онъ спросилъ также: «Неужели всѣ женщины въ Нарвѣ, ходящія съ открытыми лицами, блудницы?» Онъ хотѣлъ судить о нашихъ нра-

вахъ по своимъ, такъ какъ въ Персіи ни одна честная женщина не показывается передъ иностранцами. Поэтому пришлось убрать весь народъ, пока жена его выходила изъ саней. Послѣ этого султанъ во всѣхъ мѣстахъ подводу съ женщинами ставилъ близко къ мѣсту остановки и обвѣшивалъ весь промежутокъ отъ телѣги до дверей платками, между которыми его жена съ ея прислугою (купленною въ Казани за 30 рейхсталеровъ) входили и выходили, никому не показываясь.

Апрѣль. 4-го апрѣля послы съ тѣмъ же конвоемъ, какъ въѣхали, такъ и выѣхали изъ Нарвы и направились въ деревню Пурцъ, гдѣ отдохнули день и наняли другихъ лошадей. 8-го апрѣля всѣ *Кунда.* они направились въ мызу Кунда и оставались тамъ 4 дня. Отсюда уже, за отсутствіемъ снѣга, нельзя было поѣхать на саняхъ; поэтому пришлось поѣхать на лошадяхъ и въ телѣгахъ.

Прибытіе въ Ревель. 13-го апрѣля они достигли города Ревеля, гдѣ были хорошо приняты и приведены въ городъ почтеннымъ магистратомъ. Такъ какъ Брюг[ге]манъ здѣсь, какъ и прежде въ другихъ мѣстахъ, сильно преслѣдовалъ секретаря, то этотъ послѣдній 15-го апрѣля *Секретарь уѣзжаетъ впередъ.* сѣлъ на корабль и уѣхалъ впередъ въ Голштинію, гдѣ оставался у княжескаго двора въ Готторпѣ, пока не прибыли послы. Послы, однако, со свитою пробыли 3 мѣсяца въ Ревелѣ, притомъ по особому желанію и охотѣ посла Брюг[ге]мана, который преслѣдовалъ особые виды, относительно которыхъ, однако, его компасъ сильно оказался сдвинутымъ. Тѣмъ временемъ послы съ ихъ свитою проводили время въ городѣ и внѣ его у добрыхъ друзей съ полнымъ удовольствіемъ. *Свадьбы нашихъ.* Нѣкоторые изъ нашей свиты вступили въ браки съ ревельскими [гражданками]. Такъ были справлены и отпразднованы свадьбы: г. посла Крузіуса съ дѣвицею Маріею, дочерью покойнаго г. Іоганна Мюллера изъ Кунды; нашего медика г. Гартмана Грамана съ дѣвицею Елисаветою, дочерью г. Іоганна Фонна, знатнаго магистратскаго засѣдателя; Ганса Арпенбэка, бывшаго нашего русскаго переводчика, съ дѣвицею Бригиттою фонъ-Аккенъ; свадьба трубача Адама Мёллера; далѣе магистра П[авла] Флеминга обрученіе съ дѣвицею Анною, дочерью г. Генриха Нигуз(ен)а, альдермана и выдающагося купца въ городѣ.

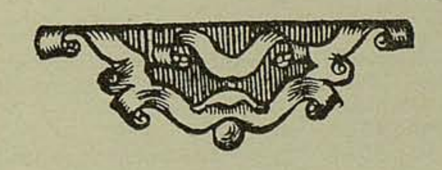
Послы уходятъ въ море. 11-го іюля послы съ султаномъ и русскимъ посланникомъ, отправленнымъ отъ великаго царя къ его княжеской свѣтлости герцогу Фридерику голштинскому, ушли въ море. Они шли на 4-хъ судахъ подъ парусами, и на 11-й день своего мореплаванія прибыли къ голштинскому берегу у Фемерна. Они хотѣли войти въ кильскую гавань, но такъ какъ вѣтеръ былъ для нихъ

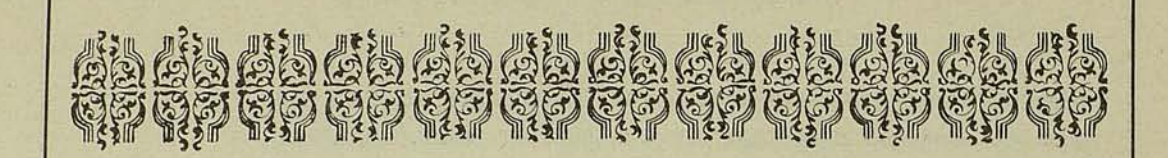
неблагопріятенъ, они направились въ Нейштадтъ, въ 2-хъ миляхъ отъ Любека, и бросили здѣсь якорь 22-го іюля. Когда они, однако, отъ гонца, посланнаго въ городъ, узнали, что тамъ будто бы царитъ чума, они тотчасъ ушли, направились въ гавань Травемюнде и сюда благополучно въѣхали 23-го іюля. *Прибытіе въ Травемюнде.*

Отсюда они отправили багажъ съ нѣсколькими людьми моремъ въ Киль, сами же пошли сушею и 28-го с. м. направились въ Эйтинъ, въ резиденцію г. брата его княжеской свѣтлости, герцога Іоганна, епископа любекскаго. Здѣсь его княжеская милость любезно принялъ ихъ и великолѣпно угостилъ.

30-го іюля всѣ они направились въ городъ Киль, извѣстный своими ежегодными перемѣнами. Отсюда наши послы ушли впередъ къ его княжеской свѣтлости, и 1-го августа счастливо достигли опять княжеской резиденціи Готторпа, такимъ образомъ совершенно закончивъ, по милости Божіей, московитское и персидское путешествіе. *Киль.* *Возвращеніе въ Готторпъ.*

Всемогущему Великому Богу, Который во время долгаго труднаго путешествія чудесно избавлялъ отъ многихъ опасностей для жизни и такъ милостиво сохранялъ подъ Своей могучею защитою и радостно привелъ насъ опять въ наше отечество, да будетъ за столь великую благость хвала, честь и благодареніе отнынѣ и до вѣка!

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРЕВОДУ.

(Здѣсь же указаны и замѣченныя погрѣшности и опечатки).

Стр. 1.

глава 2] Первую главу I книги мы не переводимъ, такъ какъ въ ней заключается лишь общее разсужденіе о пользѣ путешествій въ чужія страны.

Фридерикъ] Такъ въ русскихъ документахъ именуется Фридрихъ III, изъ шлезвигъ-готторпской линіи герцоговъ шлезвигъ-голштинскихъ. Онъ правилъ съ 1616 по 1659 г. Приводимый въ книгѣ титулъ его цѣликомъ входитъ въ настоящее время въ россійскій императорскій титулъ, въ который его внесъ императоръ Петръ III. Родство Дома Романовыхъ съ готторпскимъ домомъ выясняется изъ слѣдующей родословной:

Герцогъ Фридерикъ (Фридрихъ III)
|
Христіанъ Альбрехтъ (1659—1694)
|
Фридрихъ IV (1694—1702)
|
Карлъ Фридрихъ (1702—1739) Анна Петровна

Карлъ Петръ Ульрихъ (Петръ III Ѳеодоровичъ).

Крузіуса] Крузіусъ, Крузеншерна, Крузенштернъ, родился ок. 1598 г., ум. 10 апр. 1676 г. въ Ревелѣ. Въ изданіи 1647 года напечатано написанное имъ латинское стихотвореніе «Ad lectorem» (къ читателю) съ похвалою Олеарію.

Ейслебена] нужно: Эйслебена.

обоихъ правъ лиценціатъ] Въ подлинникѣ сокращенно IUL, т. е. iuris utriusque licentiatus.

милостью его королевскаго величества шведскаго] т. е. короля Карла Густава шведскаго. Объ этомъ «Dictionnaire» J. Chaufepié, 1753, III, s. v. Olearius, not.

Отто Бругманъ] Онъ именуется ниже все время Брюгманомъ или Брюггеман(н)омъ. Это былъ купецъ изъ Гамбурга. О судьбѣ его сказано въ введеніи.

Готторпа] У Олеарія все время Gottorff. Форма, принятая въ переводѣ, болѣе привычна и извѣстна.

Травемюнде] Это—гавань Любека у устья р. Траве.

корабельщика] иначе говоря, шкипера (Schiffer).

Стр. 2.

Венделинъ Зибелистъ] иначе Сибелистъ (Sybelist). Онъ извѣстенъ и по русскимъ документамъ. Въ изданіи 1647 г. напечатана латинская вводная его замѣтка, поясняющая разнообразіе матеріала въ книгѣ и особую милость царя къ голштинцамъ.

корабельщиковъ] иначе, шкиперовъ (Schiffer).

ластовъ масла] Last—мѣра, равная 120 пудамъ.

крестиннаго подарка] Неясно, къ какому это относится событію. Въ 1647—1656 гг. Борнгольмъ былъ датскимъ; съ 1525 по 1575 г. островъ, по договору, управлялся любекцами.

въ непосредственной близости] Въ подлинникѣ «bei Ruhr», букв. «при прикосновеніи».

Стр. 3.

Понтанъ] Цитируется книга Jacobi Pontani «Bellaria Attica», Francofurti, 1644.

Стр. 5.

рѣкѣ Эмбекъ] Beck по нижне-нѣмецки то же, что Bach. Поэтому Embeck = Эмбахъ (Embach), какъ рѣка эта обыкновенно называется.

Геннинга] Цитируется книга: Solomon Hennings «Lieffländische Chronica», fol., Leipzig, 1594.

геермейстерами] Heermeister—глава провинціи рыцарскаго ордена.

Магнусъ] супругъ княжны Маріи Владиміровны, принцъ датскій, вассальный король ливонскій.

тирана] обычное у Олеарія и у другихъ писателей XVII в. наименованіе Іоанна IV Грознаго.

Гамельманъ] Цитируется Hamelmann, «Oldenburgische Chronick».

его королевскаго величества шведскаго] Карла X Густава, правившаго съ 1654 по 1660.

университетъ] старинный дерптскій (юрьевскій); учрежденъ Густавомъ Адольфомъ шведскимъ.

гофгерихтъ] высшій (собственно придворный) судъ въ Ливоніи.

Стр. 6.

информатора и гофмейстера] т. е. учителя и дворецкаго.

Гапсаль] въ подлинникѣ сокращенно Habs.: т. е. Habsalensis.

ради извѣстныхъ причинъ] обычный у Олеарія оборотъ, когда дѣло касается дипломатической сущности посольства или причинъ, которыя онъ не желаетъ излагать.

Стр. 7.

Павелъ Флемингъ] извѣстный поэтъ (1609—1640), одинъ изъ наиболѣе видныхъ лириковъ XVII в.

шведскіе гг. послы] О цѣляхъ этого шведскаго посольства Ше(й)динга, Флем(м)инга и Гилленшерны (Гюлленшерны) говорится у Г. В. Форстена «Балтійскій вопросъ», 1894, т. гл. II, стр. 438 слѣд.

Стр. 8.

русскіе поминаютъ своихъ умершихъ] Это обстоятельство и представлено на рисункѣ на стр. 8 (по изд. 1656 г.; въ изд. 1647 г. нѣтъ).

Стр. 9.

зесслинга] Зесслингъ или зекслингъ (Sessling, Sechsling)—монета въ 6 пфенниговъ.

Стр. 10.

мейссенской монетѣ] Эта ссылка Олеарія на мейссенскую монету объясняется многолѣтнимъ его пребываніемъ въ Саксоніи, частью которой является Мейссенская земля.

крѣпость Ямъ] Она представлена на рисункѣ на стр. 9 (по изд. 1647 г.). Нынѣшній Ямбургъ.

Копорье] представлено на стр. 11 по изд. 1647 г. Въ изданіяхъ 1656—71 гг. рисунокъ нѣсколько видоизмѣненъ. На переднемъ планѣ, вмѣсто всадниковъ, изображены 3 поселянина-пѣшехода, одинъ изъ нихъ съ какими-то двумя небольшими животными въ обѣихъ рукахъ.

Васильевича] Имя въ подлинникѣ указано лишь буквою N, фамилія совсѣмъ не указана. Что это за бояринъ, жившій на шведской территоріи, опредѣлить трудно.

передъ Лейпцигомъ] извѣстная битва при Брейтенфельдѣ.

Стр. 11.

ниже будетъ сказано] См. стр. 205.

Скитте] См. стр. 6.

Стр. 12.

Ніе] на рѣкѣ Невѣ, на мѣстѣ нынѣшней Охты.

Нотебургъ] точнѣе Нётебургъ (Nötebürg), нынѣ Шлиссельбургъ. Изображенъ (по изд. 1647 г.) на рисункѣ; налѣво наверху небольшой «планъ Нотебурга» съ масштабомъ въ футахъ (100, 200, 300 футъ).

53°30] Такъ напечатано во всѣхъ изданіяхъ Олеарія. Цифра эта неправильна. Въ числѣ опечатокъ при изд. 1656 указано, что вм. 53°30′ слѣдуетъ читать 63°30′.

Стр. 13.

его королевскимъ величествомъ[Густавомъ Адольфомъ, въ Смутное время.

Ниже подробнѣе] См. на стр. 200.

Стр. 14.

его королевскимъ величествомъ] Это — погрѣшность; нужно «ея королевскимъ величествомъ», такъ какъ съ 1632 по 1654 г. въ Швеціи королевою была Христина, дочь Густава Адольфа, при регентѣ Акселѣ Оксенштерна.

Лавѣ] По столбовскому договору граница съ Швеціею шла «Ладожскимъ озеромъ въ устье рѣки Лавуи, а отъ устья рѣки Лавуи, рѣкою Лавуею, вверхъ до раздвою рѣкъ» и т. д. «Полн. собр. закон.» I, № 19. Пограничный пунктъ на Лавѣ изображенъ на стр. 15 (по изд. 1647 г.). Въ изд. 1656 г. и слѣд. рисунокъ незначительно видоизмѣненъ (прибавлены новыя фигуры людей и крыши домовъ).

Стр. 16.

по-латыни] Фраза въ подлинникѣ по-латыни.

Стр. 17.

его величество король шведскій] Необходимо исправить: ея величество королева шведская (Христина).

Петръ Крусъ-Біорнъ] иначе Крузебьернъ. Его сообщенія изъ Москвы упоминаются у Г. В. Форстена, въ указанной книгѣ, II, стр. 500 слѣд.

Крекшинъ] Фамилія возстановлена по русскимъ документамъ; въ подлинникѣ Karesckschin.

Стр. 18.

Никольскаго на Волховской губѣ] Переведено предположительно. Въ подлинникѣ: Nawolkus Konski. Возможно, что это — Медвѣдскій Николаевскій м-рь, упраздненный въ 1704 г. (Строевъ, «Списки іерарховъ», 1877, стр. 279).

въ Ладогу] городъ представленъ (по изд. 1647 г.) на стр. 19; на рисункѣ на переднемъ планѣ слѣва — дѣти, а справа—игра на русскихъ музыкальныхъ инструментахъ.

шиллинга] Шиллингъ Олеаріемъ всегда приравнивается копѣйкѣ, а рейхсталеръ—полтиннику.

Стр. 19.

про великаго государя и царя Михаила Өеодоровича] Жаль, что Олеарій не записалъ пѣсни; про царя Михаила пѣсенъ сохранилось мало.

Стр. 20.

Ильмеръ-озеромъ] Въ подл. Ilmer-See. Форма «Ильмеръ» для Ильменя встрѣчается и въ нашихъ лѣтописяхъ.

на Посадѣ] Въ подл. Nepostiza. «На посадѣ» назывался Николаевскій Староладожскій монастырь. Можетъ быть, правильнѣе предположить въ данномъ мѣстѣ упоминаніе Николаевскаго - Гостинопольскаго монастыря. Объ этихъ монастыряхъ упоминается въ книгѣ Звѣринскаго «Матеріалъ о православныхъ монастыряхъ», 1890—92, I, 332, II, 980.

Стр. 21.

Рисунокъ (по изданію 1647 г.) представляетъ опасное положеніе С. Фризе на рѣкѣ (стр. 20).

Стр. 22.

Городище] Городище, какъ и нижеупоминаемыя Сольца (Сельцо), Грузино (позднѣйшее имѣніе гр. Аракчеева), Высокая (Высокое-Прилуки), Кречевица (Кречевицкія казармы)—существуютъ понынѣ.

Стр. 24.

Хутынью] Монастырь представленъ на стр. 23 по рисунку изданія 1647 г. Во второмъ изданіи вм. Nachatim правильнѣе Chuttina, но рисунокъ совершенно тотъ же. Знаменитый Хутынь-Варлааміевъ монастырь основанъ въ XII в. Въ данное время онъ имѣлъ архимандритомъ Θеодорита (1629—1636).

въ Бронницахъ] Это — старинное село въ Новгородской губерніи, извѣстное съ XIII в.

картину] конечно, икону.

Описываемая здѣсь процессія изображена на стр. 25 (по изд. 1647 г.).

Стр. 25.

Красные Станки] Это и слѣдующія наименованія мѣстностей (нын. городъ Крестцы, села Яжелбицы, Зимогорье, городъ Волочокъ или Вышній Волочокъ, село Коломенское или Коломна, Будово и т. д.) имѣются по сю пору.

Стр. 26.

Фукса... Шарльса] Это—фамиліи иностранныхъ офицеровъ на русской службѣ. Въ «Книгахъ разрядныхъ» (1855, II, 497), упоминается «полковникъ Самойло Шарлъ» или «Самойло Шарлъ Деебертъ».

очень большой широкій камень] Ср. соотвѣтствующее изображеніе и текстъ въ «Альбомѣ» Мейерберга.

русскій князь] О князѣ этомъ ниже разсказывается, какъ онъ разсердился, будучи принятъ за крестьянина. См. стр. 279.

Стр. 27.

Торжокъ] Городъ изображенъ на рисункѣ по изданію 1647 года, такъ же какъ и рисунокъ Твери на стр. 28.

Мѣдной] нынѣ Мѣдное между Тверью и Торжкомъ, на Тверцѣ.

епископская] вѣрнѣе архіепископская; см. стр. 329.

Стр. 28.

Николы Нахимскаго] Никольское село у рѣки Химки.

Стр. 30.

два пристава] «Встрѣчали пословъ за городомъ, за Тверскими вороты, и въ приставѣхъ у нихъ были Андрей Васильевъ сынъ Усовъ, да подьячей Богданъ Обобуровъ». («Дворц. разр.» II, 391). Ниже на стр. 30 приведено лишь имя и отчество подьячаго.

Стр. 31.

императорскаго] У Олеарія неоднократно царь именуется императоромъ.

провизія] Это—такъ называемые: «государева жалованья кормъ и питье», безплатно отпускавшіеся посламъ.

Стр. 32.

въ нѣкое село на паломничество] «Слушалъ государь заутреню у Рожества Богородицы, а обѣдню у Екатерины Христовы мученицы... послѣ обѣда ходилъ государь съ сыномъ своимъ государевымъ съ царевичемъ, съ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ Оптекарскій садъ» («Выходы государей царей», стр. 36). Въ подл.: «auf ein Dorff Walfahrten» etc.

Мушеронъ] См. о немъ Введеніе, стр. VII, XI, XII.

подъ Смоленскомъ] при сдачѣ Шеина.

Стр. 33.

19-го августа] Въ «Дворц. разр». (II, 392) неправильно читается 22-го августа.

Подарки были] Въ сохранившихся рукописяхъ посольскаго приказа упоминаются нѣкоторые изъ этихъ подарковъ:

1. «жеребецъ нѣмецкой темнокарей», «наузженъ на нѣмецкую стать».

2 и 3. «жеребецъ да конь сѣрые».

4. «узда съ вожжами и съ наперстью, оправлено серебромъ съ камени».

5. «крыжъ золотъ съ каменемъ».

6. «оптека гебанова дерева, оправлена золотомъ съ камени».

7. «кружка хрустальная, оправлена золотомъ съ каменемъ».

8. «зеркало, оправлено серебромъ».

9. «шкатула мудрая съ боевыми часы».

10. «посохъ серебрянъ, а въ немъ часы солнечные и трубка зрительная, во что въ даль смотрятъ».

11. «боевые часы».

Стр. 34.

два командированные] кн. Никита Никитичъ Гагаринъ и дьякъ Михайло Даниловъ.

Стр. 35.

Портретъ царя Михаила. Онъ нами взятъ изъ изданія 1647 г. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ (особ. 1696 г.) мало сходства съ этимъ первоначальнымъ портретомъ не только въ лицѣ, но даже въ одеждѣ. Кругомъ портрета надпись: Zaar Michael Fedorovitz Magnus Muscovitarum Dux Aetatis Suae 42», т. е. «Царь Михаилъ Θеодоровичъ, великій князь московитовъ, въ 42-хъ-лѣтнемъ возрастѣ». Царь Михаилъ Θеодоровичъ родился 12 іюля 1596 г. Слѣдовательно, портретъ, повидимому, долженъ быть отнесенъ къ 1638 г. Подпись латинскими стихами:

Zar Michael Fedrowitz, quo non clementior alter
Dux fuerat, tali fronte tuendus erat
т. е.
Царь Михаилъ, сынъ Ѳеодора, въ милости не превзойденный
Княземъ инымъ, таковой обликъ являетъ съ чела.

— — Гансъ Гельмесъ] именуется то Helms, то Helmes.

аудіенцъ-залъ] По «Дворц. разр.» (II, 392), «золотая подписная палата».

четыре молодыхъ и крѣпкихъ князя] кн. Ѳед. Андр. Телятевскій, Вас. Вас. Бутурлинъ, кн. Вас. Богд. Волконскій, Степ. Вас. Телепневъ.

Стр. 36.

шаръ для игры въ кегли] Boesskugel (см. словарь Sanders'а s. v. Kugel) обозначаетъ именно такой шаръ. Въ переводѣ П. Барсова «ядро».

Стр. 37.

Поссевину] Цитируется Possevini «Muscovia», fol., Coloniae, 1587.

Стр. 38.

«Князь Фридерикъ еще здоровъ?»] Эта фраза у Олеарія приведена, въ транскрипціи, порусски: «Knees Frederick jescho sdoroff?» По русскому рукописному церемоніалу: «...И государь спроситъ про голстенскаго князя, а молытъ: «Голстенской Фридерикъ князь по здорову ли?» Олеарій записалъ слова не точно.

нѣкій князь] Это не былъ князь. По русскимъ документамъ, «августа въ 19 день государь...велѣлъ стольнику Микифору Сергѣевичу Собакину ѣхати со столомъ...».

Стр. 39.

столъ русскаго императора] Въ подлинникѣ: «des Russischen Kaysers Tafel». Извѣстно, что еще в. кн. Василій III именовался иногда у иностранцевъ императоромъ.

за первымъ тостомъ] Русскій текстъ второго тоста по рукописи посольскаго архива: «Чаша Фредерикуса, князя голстенскаго, чтобъ онъ здоровъ былъ и къ царскому величеству былъ пріятенъ и любителенъ».

Стр. 40.

вышеупомянутый Арендъ Спирингъ] См. стр. 14.

главноуправляющій и т. д.] General Licentverwalter вовсе не «правитель Ливоніи», какъ переведено у П. Барсова (стр. 50).

Стр. 41.

Тостатъ и др.] Цитируются: Alphonsus Tostatus «In Genesin», fol., Venetiis, 1615; Hospinianus «De origine festorum» fol., Tiguri, 1592; Sethi Calvisii «Isagoge Chronologica», fol., Francofurti, 1620; Origani «Ephemerides Brandenburgicae», 4°, Francofurti, 1609.

Никифоръ] греческій историкъ Никифоръ Григора.

Стр. 42.

на тайную аудіенцію] по русской терминологіи: «въ отвѣтѣ». Рисунокъ на стр. 43 по изд. 1656 г.

Стр. 45.

черкасскимъ принцемъ] или княземъ черкасскаго Терскаго городка (Терки).

дамаста] Въ подл. «Damaschen». Damast— матерія съ крупными узорами. Къ въѣзду черкасъ относится, повидимому, рисунокъ на стр. 45 (по изд. 1647 г.).

Софіею] Софія Михайловна, род., по указателю къ «Выходамъ госуд. царей», стр. 88,— не 14-го, а 30-го сентября 1634 г., скончалась 23-го іюня 1636 г. Крестины по «Дворц. разр.», II, 412, были въ Чудовѣ монастырѣ 5-го октября.

Стр. 46.

турецкій посолъ] По русскимъ документамъ «турскаго Муратъ-салтана царя посолъ Мусла-ага». Встрѣча его была «за Бѣлымъ городомъ, за Тверскими вороты» («Дворц. разр.», II, 400).

Стр. 48.

пустеанъ] Въ подл. Pustean.

тобину] Tobin въ подл.; волнистая тафта.

камлотовыхъ кафтанахъ] Kammlot—грубая бумажная ткань.

Стр. 49.

день св. Михаила] по лютеранскому календарю.

фонъ-Ухтерицъ] См. стр. 64 и 83.

Іоаннъ Георгъ] правилъ съ 1611 по 1656 г.

какъ поживаетъ и т. д.] Эта фраза приведена по-нѣмецки.

Стр. 50.

праздникъ] Въ подлинникѣ «Prassnick».

Троицкую церковь] иначе Василій Блаженный.

поставленъ на рисункѣ невѣрно] Поэтому этотъ рисунокъ воспроизведенъ по изданію 1656 г. Въ изданіи 1647 г. вся нижняя часть съ загородкою поставлена наоборотъ.

Стр. 51.

на паломничество] «пошелъ государь въ село Покровское» («Дворц. разр.», II, 403).

Стр. 52.

дядѣ и шурину] Можно перевести: дядѣ и свояку. Послѣднее слово совпадаетъ съ русскимъ выраженіемъ въ документахъ: «и свойственному».

Стр. 53.

Процессія] Она изображена въ изд. 1656 г. и слѣд. на большомъ рисункѣ (онъ воспроизведенъ въ нашемъ изданіи). Къ сожалѣнію, въ «Дворц. разрядахъ» и въ «Выѣздахъ государей царей» она не упоминается. По поводу этой процессіи, ниже, на стр. 323, сказано, что шли къ «Пречистой Казанской».

Стр. 55.

Иваномъ Тарасовичемъ] Иваномъ Тарасьевичемъ Грамотинымъ.

Стр. 56.

Иваномъ Львовымъ] По русскимъ рукописнымъ даннымъ: «со столомъ посыланъ стольникъ кн. Василій Львовъ» (въ «Дворц. разр.», II, 407: Василій Петровичъ Львовъ).

Стр. 57.

вышеупомянутаго Михаила Кордеса] см. стр. 1.

Стр. 58.

на... шестой день] Олеарій ошибся здѣсь въ счетѣ.

Мокрицы] Мокрицы—деревня въ Новгородской губерніи, близъ верховьевъ рѣки Луги. Верстахъ въ 40 отъ нея, по направленію къ Орлину, находится рѣка Звѣринка, впадающая въ р. Ордежъ; на берегу этой рѣки, вѣроятно, находилось *Звѣрино,* называемое у Олеарія Tswerin. *Орлино,* иначе Спасское, находится близъ озера Орлинскаго, къ востоку отъ нынѣшней желѣзной дороги, между станціями Дивенской и Сиверской. *Зарѣчье* (Старое Зарѣчье)—село въ верховьяхъ рѣки Ордежъ (справа отъ рѣки). Олеарій не случайно называетъ именно эти селенія. Почти всѣ они имѣются на картѣ Массы, гдѣ мы видимъ въ верховьяхъ Тосны (это неточно: Мокрицы значительно южнѣе р. Тосны): Mokrissa, къ югу отъ верховьевъ Ordis fluvius—Orlinsko pogost, справа отъ верховьевъ Ordis fluv.—Saritz (у Олеарія Saritza).

Стр. 59.

Кōза] Можетъ быть, Козена, подл. Kosen.

Стр. 60.

Таллеранъ] Въ «Обзорѣ внѣшн. снош. Россіи» Н. Н. Бантыша-Каменскаго (I, 109) говорится: «1632 г., окт. 8, гонецъ французъ Гастонъ Дешаронъ пріѣзжалъ съ грамотою отъ англинскаго короля къ патріарху Филарету (отъ 20-го янв. 1631 г.) просительною исходатайствовать у государя свободу венгерскому послу, уроженцу французскому, маркизу д'Аседевилю, по оговоркѣ служителя его Якова Русселя, содержавшемуся подъ стражею въ Костромѣ. О томъ же и тогда же просилъ и Оранскій князь штатгальтеръ голландскій».

Стр. 61.

Виргилія] нужно: Вергилія.

Бадарена] иначе—Паддерна. Поддернъ, Добленъ и нѣк. другія мѣстности на этомъ пути Олеарія изображены въ «Альбомѣ» Мейерберга.

Стр. 63.

Касперу Шульцу и др.] Олеарій называетъ современныхъ ему географовъ Германіи. Изъ нихъ Цейлеръ—авторъ соч. «Itinerarium Germaniae», 1632.

Стр. 64.

Брюгмана, Брюггеманна] Ср. Введеніе, главы I и II.

шаху персидскому] Олеарій обыкновенно пишетъ König, «король»; во избѣжаніе недоразумѣній въ переводѣ вездѣ приняты наименованія «шахъ», «шахскій» и т. п.

Стр. 67.

Корнилій Клаусъ] Ниже онъ обыкновенно называется Клаусенъ (Clausen).

Стр. 68.

прощальное стихотвореніе] Мы помѣщаемъ его, а также и нѣкоторые другіе сонеты и стихотворенія Павла Флеминга, приводимые Олеаріемъ, въ переводѣ размѣромъ подлинника, чтобы дать читателю нѣкоторое представленіе о тѣхъ поэтическихъ прибавленіяхъ, которыми авторъ снабдилъ свою книгу. Стихъ Флеминга — 6-стопный ямбъ съ цезурою послѣ 6-го слога.

Стр. 70—71.

Эти оба рисунка изъ изданія 1656 г.

Стр. 73.

островъ Готландъ] Нами опущена глава, заключающая описаніе его, какъ не имѣющая никакого отношенія къ Россіи. Въ главѣ этой (книга II, гл. 3) выказано очень много учености. Между прочимъ, упоминается датская хроника Ганса Нильсона Стрелова (Hans Nielssons Strelow «Gottlandische Chronica»), гдѣ разсказано, что въ XIV в. до Р. Х. вооруженное населеніе Готланда, Эзеля и Даго прошло по Россіи до Танаиса или Дона, и, смѣшавшись тамъ съ гетами, образовало много племенъ, въ томъ числѣ и готское. Олеарій какъ бы вѣритъ этимъ баснямъ.—Перечисляя въ той же главѣ народы, съѣзжавшіеся въ Висби на Готландѣ для торговли, Олеарій не забываетъ упомянуть и русскихъ.

Стр. 75.

нактоузика] Въ подл. Nachthäusgen, маленькіе нактоузы — помѣщенія компаса.

Стр. 76.

Эльзенфоссъ] Гельсингфорсъ ли это, остается подъ сомнѣніемъ. На картѣ Балтійскаго моря у Олеарія и Helsinga и Elsenvoss.

Стр. 80.

Этотъ рисунокъ изъ изданія 1647 г.

Стр. 84.

Рисунокъ изъ изданія 1647 г.

Стр. 85.

Рисунокъ, изображающій мызу Кунда, взятъ изъ изданія 1647 года; въ другихъ изданіяхъ этого рисунка нѣтъ.

Стр. 86.

говорилась проповѣдь] см. стр. 361.

Стр. 87.

стихотвореніе] Переведено около половины стихотворенія, приведеннаго Олеаріемъ изъ сочиненій Флеминга.

Стр. 88.

въ чемъ королямъ запретъ] Въ этомъ родѣ бояре во время совѣщаній говорили голштинскимъ посламъ, ссылаясь одновременно на невыполненіе условія (ср. Введеніе, стр. VII):

«...И бояре говорили прямо: они говорятъ, что инымъ государемъ будетъ то въ великое подивленье, что ихъ (т. е. голштинцевъ) пропустятъ нынѣ въ Персиду даромъ безъ платежу. Окрестные государи Аглинской и Польской и иные государи просили того у царского величества, чтобы черезъ московское государство пропустить хотя пословъ ихъ или посланниковъ или гонцовъ, не токмо что торговыхъ людей пустити въ Персиду, и оттого давали государю многую казну и царское величество имъ ходъ въ Персиду не далъ, а далъ ходъ по государя ихъ прошенью торговать ихъ голштенскимъ людемъ, а имъ было платить по уговору ефимки погодно безпереводно, и они не хотятъ по уговору ефимковъ платить, товаровъ своихъ въ Ярославль не привезли, и просятся ѣхать нынѣ въ Персиду безъ платежу, а ѣдутъ они не для посольскихъ государственныхъ какихъ дѣлъ, договариваться ѣдутъ съ персидскимъ шахомъ о торговлѣ, чтобъ .... голштенскимъ торговымъ людемъ пріѣзжати въ Персиду для торговаго промыслу...» (Рукопись моск. главн. архива мин. ин. дѣлъ).

Стр. 101.

преимущественно 5 округовъ] слѣдуетъ исправить: «5 округовъ, а именно».

у Страбона] Олеарій приводитъ цитату полатыни; мы привели ее по переводу проф. Мищенко («Географія Страбона», М., 1879).

Цейлеръ] Цитируется Martini Zeileri «Itinerarium Germaniae novae et antiquae», fol., Strassburg, 1632.

Московитъ] Іоаннъ IV.

Стр. 102.

годъ тому назадъ] См. Введеніе, стр. XXVII.

закрѣплено... договорами] Въ столбовскомъ договорѣ говорится: «Тѣмъ же обычаемъ, что напередъ сего великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича... подданные торговые люди имѣли вольный торговый дворъ въ Колывани (т. е. Ревелѣ), такожъ и нынѣ, по тявзинскому и выборгскому договору, его царскаго величества торговымъ людямъ дану быть двору доброму и мѣсту къ тому въ Колывани». Этотъ же договоръ давалъ русскимъ право на свою церковь въ Колывани. «Полн. собр. зак.», I, 19.

Стр. 103.

ольдерменовъ] или альдермановъ, подлин. Olderleute и Aeltermänner, выборные старосты купечества.

Стр. 105.

Въ данное время] т. е. во время посольства.

Стр. 106.

Кранцъ—Хитрей] Цитируются: Alberti Krantzii «Saxonia», fol., Francofurti, 1580; Davidis Chytraei «Saxonia», fol., Lipsiae, 1599.

Стр. 107.

Магнусъ] Johannis Magni «Gothorum Sueonumque historia», in 8 per Zachariam Schürerum editio, II, 1617.

1169] Очевидная ошибка исправлена цифрою, нами поставленною въ прямыхъ скобкахъ.

Стр. 109.

Рисунокъ изъ изд. 1656 г.; въ нѣкоторыхъ экземплярахъ имѣется нѣсколько иное клише, въ которомъ процессія ѣдетъ направо и костюмы вычерчены нѣсколько иначе.

Стр. 110.

v Розина] Цитируется: Johannis Rosini «Antiquitates Romanae», 4°, Lugduni, 1609.

Стр. 113.

формула... клятвы] Въ текстѣ у Олеарія формула названа въ изд. 1647 г. просто «не нѣмецкой», а въ изд. 1656 г. и слѣдующихъ: «латышской (lettisch) или ненѣмецкой». Формула написана чистымъ эстонскимъ языкомъ, хотя и не вполнѣ исправно. Въ пятой строкѣ текста въ подлинникѣ: mannutan. Та же опечатка во всѣхъ изданіяхъ. Нами исправлено: wannutan.

Стр. 114.

Selcke naht etc.] Эта фраза совершенно правильно приведена по-эстонски.

Стр. 115.

Рисунокъ изображаетъ порку. Онъ приведенъ по изд. 1656 г.; въ изданіи 1647 г. его нѣтъ.

Стр. 116.

Полковника Боттса] Неясно, о какомъ нападеніи говорится.

Стр. 117.

Рисунокъ изображаетъ (по изд. 1656 года) Нарвскій водопадъ.

Стр. 119.

фонъ Крузенштернъ] иначе Крузенштерна или Крузенштернъ. Онъ же Филиппъ Крузіусъ. Ср. стр. 1.

Стааль] См. стр. 113.

Стр. 120.

Жестокая расправа] Она представлена на рисункѣ (по изд. 1647 г.).

Стр. 122.

Медвѣди] Разсказы о медвѣдяхъ иллюстрируются рисункомъ (по изд. 1656 г.).

подстрѣленные медвѣди] Эта фраза у П. Барсова (стр. 73) переведена совершенно невѣрно.

Стр. 123.

Лиліенгагенъ и др.] Упоминаются тѣ же мѣстности, которыя названы на стр. 58.

Стр. 124.

Лундорпій] или Лондорпій, цитируется: «Sleidanus, continuatus per Mich. Casp. Londorpium», 8°, Francofurti, 1614.

Іовій] авторъ извѣстнаго сочиненія о Россіи.

долготѣ] Словомъ Länge обозначались въ XVII в. и долгота, и прямое восхожденіе. Мѣсто это для переводчика осталось неяснымъ.

Стр. 125.

А кто можетъ и т. д.] Подл.: Ochto moschet stojati protif Bocho Dai Welik Novogorod.

Нейгебауэръ] Цитируется: Solomonis Neugebauer «Historia Polonica», 4°, Francofurti, 1611.

Стр. 126.

одолѣлъ тиранъ Иванъ Вас.] повидимому, ошибка Олеарія. Впрочемъ, Грознымъ называли и Ивана III.

Гваньини] или Гвагнинъ. Его книга: Alexandri Gvagnini «Sarmatiae Europeae descriptio», fol., Spirae, 1581.

дворянинъ Яковъ] Въ другихъ мѣстахъ въ переводѣ напечатано: Іаковъ. Его фамилія Ульфельдъ; озаглавлена его книга: Jacobi Nobilis Dani, «Hodoeporicon Ruthenicum», 4°, Francofurti, 1608.

Стр. 130.

Бронницъ] упоминаются опять тѣ же мѣстности, что на стр. 24—28.

Стр. 131.

Николы Деребни] иначе Николы Дербеновскаго.

Стр. 132.

приставы] Салмановъ и Чубаровъ.

Рисунокъ (по изд. 1647 г.) изображаетъ посольскій дворъ. Интересно сравнить его съ соотвѣтствующимъ рисункомъ въ «Альбомѣ» Мейерберга.

Стр. 134.

испанскаго вина] по русскому рукописному списку «романѣи».

различныхъ медовъ] Въ русскомъ рукописномъ спискѣ названы меды: обарный (выше всѣхъ), вишневый или малиновый, ковшечный, паточный, цѣженый и «добрый» (послѣдній сортъ).

Стр. 135.

Пропозиція] Въ подл. Proposition, обычное названіе рѣчи на аудіенціи.

Стр. 137.

концлера] опечатка вм. канцлера.

Іерусалимскую церковь] иначе Покровскую (Василій Блаженный). Описаніе этого шествія на осляти въ «Выходахъ государей царей» и въ «Дворцовыхъ разрядахъ» не сохранилось. Ср. рисунокъ (по изд. 1647 г.) Кремля ниже на стр. 151 и приложенный особо (изъ изд. 1656 г.) большой рисунокъ, изображающій Кремль.

Стр. 139.

Христосъ воскресе] Въ подл. «Christos wos Chrest» и «Woistin wos Chrest».

Стр. 140.

особую тайную аудіенцію] Въ русскихъ документахъ говорится, что 28-го апрѣля Брюгеманъ заявилъ: «арцухъ (герцогъ)—мнѣ милостиво приказалъ нѣкоторыя дѣла тайно объявить, — чтобъ его царское величество обѣима имъ довѣрному переводчику тѣ дѣла велѣлъ у меня у одного слушать, какъ мнѣ отъ его княжеской милости наказано». Аудіенція была 29-го апрѣля на казенномъ дворѣ. Говорилось о задержкѣ «и бояре послу говорили, что они сами себя держатъ и отпускомъ мотчаютъ (т. е. медлятъ), что по своему договору казны ефимковъ въ царскаго величества казну не платятъ, а, не заплатя имъ по своему договору ефимковъ, въ Персиду отпустить немочно». Тутъ же посолъ Брюггеманъ подалъ письмо о желаніи голландцевъ поселиться въ Ижорской землѣ; здѣсь говорилось: «нынѣ прямое время приходитъ, чтобъ то велѣли говорити съ свейскою коруною, ... деньгами, честью и дружбою безъ кровопролитія можно назадъ поворотить что прежде сего къ тому было и много тысячи людей гинуло». Предполагалась какая-то денежная комбинація для возвращенія Россіи Ижорской земли (Ингерманландіи). Повидимому, Олеарій считаетъ эти переговоры Брюггемана не основанными на инструкціи, но въ русскихъ документахъ говорится, что Брюггеманъ представилъ выписку изъ наказа со словами: «что именованный Отто Брюгманъ одинъ станетъ дѣлати, и Филиппу Крузіусу то любити».

купчина] Это—обычное наименованіе персидскихъ (какъ тогда говорили—кизылбашскихъ) пословъ. Наурусъ или, по русскимъ документамъ, Наврумъ-ага, также запрашивался русскими властями. Къ нему для этой цѣли, во время переговоровъ съ голштинцами, посылался Прокофій Враской. О разговорѣ съ нимъ купчины русскіе документы сообщаютъ:

«И кизылбашскій де купчина Наврумъ-ага ему Прокофью говорилъ, что въ томъ воленъ царское величество, дастъ ли голстенскому князю голстенскимъ его торговымъ людемъ для торговли ходъ черезъ свое государство въ Персиду или нѣтъ. А будетъ царское величество голстенскимъ торговымъ людямъ ходъ въ Персиду для торговли черезъ свое государство дастъ и велитъ объ нихъ о торговлѣ ихъ отписати ко государю ихъ, и государь де его, для царскаго величества братственные дружбы и любви, учнетъ ихъ во всемъ беречь, а государя де онъ своего мысли не вѣдаетъ, будетъ ли ему въ томъ на царское величество въ любовь или нѣтъ. А

прибыли де государю его въ торговлѣ ихъ, какъ они учнутъ ѣздить, никакіе не будетъ, пошлинъ де никакихъ въ персидскомъ государствѣ, опричь Гилянъ [т. е. помимо провинціи гилянской], съ пріѣзжихъ никакихъ торговыхъ людей не емлютъ, а емлютъ де пошлины въ одной Гиляни съ проѣзжихъ людей, съ товаровъ со всякихъ со ста рублевъ по два рубли, потому что въ Гилянахъ у государя ихъ пошлина откупная и тѣмъ ея откупщикамъ торговыхъ людей и беречь велѣно, только де у которыхъ торговыхъ людей какіе товары въ которомъ городѣ либо покрадутъ или разобьютъ и тѣ де товары правятъ по государя ихъ указу на нихъ».

Стр. 141.

отправиться изъ Москвы въ Персію] Это было выражено не такъ любезно. Послы просились или въ Персію или назадъ, и вотъ «пришедъ отъ царя бояре говорили посламъ, что они, царскаго величества бояре, съ ними, послы, говорили и они, послы, съ ними, и они тѣ ихъ рѣчи до царскаго величества доносили и царскому величеству объявили и великому государю царю и его царскаго величества бояромъ то въ великое подивленіе, что они, послы, то дѣлаютъ своимъ упрямствомъ; да только царское величество положилъ то на свой государской разсудъ и, оказуючи свою государскую любовь ко государю ихъ, Фридерику князю, имъ, посломъ его, ходъ нынѣ въ персидское государство далъ».

Стр. 142.

Объ этихъ солдатахъ и офицерахъ имѣются слѣдующіе (рукописные) документы посольскаго приказа:

I. «Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи бьютъ челомъ холопи твои капитаны: Гугоръ Крафертъ, Яганка Китъ, Арцбалтка Юнгеръ и сaржанты и рядовые солдаты 19 человѣкъ. По твоему государеву указу взяты мы, холопи твои, изъ иноземского приказу въ посольской приказъ и велѣно намъ для провожанья и обереганья съ голстенскими послы въ Кизылбаскую землю ѣхать, а сказано намъ, холопемъ твоимъ, твое царское жалованное слово, какъ будемъ назадъ къ Москвѣ и ты, государь, пожалуешь насъ, холопей своихъ, по прежнему. А нынѣ мы, холопи твои, пріѣхали изъ Кизылбаскіе земли къ тебѣ, государю, къ Москвѣ. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, пожалуй насъ холопей своихъ, вели, государь, имяна наши опять отослать изъ посольского приказу въ иноземской приказъ и вели, государь, намъ свое царское жалованье кормъ давать противъ нашей братьи. Царь, государь, смилуйся, пожалуй».

На оборотѣ помѣта: «147, генваря въ 30 день подалъ полковникъ Александръ Крафертъ. Указалъ государь отослать тѣхъ иноземцевъ въ иноземской приказъ».

II. «Переводъ съ росписи, что прислали въ посольской приказъ къ діакомъ думному Ѳедору Лихачеву, да Михаилу Матюшкину да Григорію Львову голстинскіе послы Филипусъ Кризіюсъ да Отто Брюггеманъ съ приставы Ѳедоромъ Рагозинымъ да съ подьячимъ съ Иваномъ Протопоповымъ въ нынѣшнемъ во 147 году генваря въ 11 день.

Роспись тѣмъ людемъ, которыхъ великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца и иныхъ многихъ государствъ государя и обладателя, его царскаго величества, въ великомъ царствѣ и землѣ пресвѣтлѣйшаго и высокорожденнаго князя и государя Фредрика, наслѣдника норвецкаго, арцуха шлезвицкаго, голстенскаго и иныхъ, его княжеской милости, думные и послы Филипусъ Крузіюсъ да Отъ Брюггеманъ въ прошломъ 1636 году наняли на свой ходъ въ Персиду, которой ходъ Божіею помощью нынѣ вершился и гдѣ тѣ люди дѣвались. Салдаты: Гуго Крафортъ капитанъ опять здѣсь на Москвѣ, Яганъ Китъ опять здѣсь на Москвѣ, Эртваль Юнгеръ капитанъ опять здѣсь на Москвѣ, Вилимъ Бурлей, сержантъ, опять здѣсь на Москвѣ, Александръ Эйкенгуръ, сержантъ, опять здѣсь на Москвѣ, Юрьи Фаръисонъ, сержантъ, опять здѣсь на Москвѣ, Андрей Моррей, сержантъ, убитъ въ Испаганѣ, Даніель Глонъ, сержантъ, опять здѣсь на Москвѣ. Рицертъ Мансонъ, Давыдъ Лондесъ, Яганъ Китъ, Михель Зибрисъ, Лоренцъ Римъ, Томасъ Стокдомъ, Грилисъ Томсонъ, Якубъ Якобсонъ, Вильгельмъ Моррей, Петръ Смокъ, Индрикъ Доль, Юрьи Ватсонъ, Конратъ Янсонъ, сіи всѣ ещо живы и нынѣ здѣсь на Москвѣ. Вильгельмсъ Гривесъ умеръ въ Испаганѣ, Шарль Стоксъ убитъ въ Испаганѣ, Андресъ Тотъ убитъ въ Испаганѣ, Вильгельмъ Гой въ Тарковѣ у Суркай-хана украденъ, Тобіясъ Гансонъ на Окѣ утонулъ, Карлъ Олофсонъ убитъ въ Испаганѣ.

А тѣ всѣ, которые живы нынѣ опять въ его царскаго величества въ царствующемъ въ великомъ градѣ Москвѣ въ лицахъ заплачены и отпущены.

Русскіе люди: Семенъ Кириловъ сынъ Улановъ опять здѣсь на Москвѣ. Иванъ Степановъ сынъ въ Персидѣ въ Касханѣ, туды ѣдучи умеръ, Филиппъ Юрьевъ сынъ опять съ нами къ Москвѣ пріѣхалъ, Ларіонъ Ѳеонасьевъ сынъ назадъ ѣдучи въ Астрахани отпущенъ и заплаченъ, Власъ Сергіевъ сынъ назадъ ѣдучи въ Астрахани отпущенъ и заплаченъ, а изъ Нижняго опять къ намъ присталъ и съ нами къ Москвѣ пріѣхалъ, Иванъ Еремѣевъ да Остафей да Григорей да Иванъ Салко, сіи четыре человѣка въ Низовой, туды ѣдучи, по ихъ прошенью отпущены и заплачены и назадъ на Русь поѣхали».

Стр. 143.

польскіе послы] «Пришли къ Москвѣ польскаго и литовскаго короля Владислава посланники Янушъ Оборской да Янъ Куновской» («Дворц. разр.» II, 511).

Стр. 144.

русскій паспортъ] Подлинной подорожной намъ не удалось найти.

Стр. 146.

Печать царя Михаила, изображенная (по изд. 1647 г.) на этой страницѣ, въ подлинникѣ помѣщена между концомъ подорожной и подписями, въ нашемъ переводѣ помѣщенными на стр. 147.

Стр. 147.

Володимеромъ] Мономахомъ.

Стр. 148.

Даниловъ Михайловичъ] Въ подл. Danilow Michailowitz вмѣсто Иванъ Даниловичъ.

Стр. 150.

Гельмольдъ] Цитируется Helmoldi «Chronicon Slavorum et Venedorum».

Стр. 152.

Рисунокъ къ тексту по изд. 1647 г.

у Бѣлой стѣны] точнѣе по тексту «въ Бѣлой стѣнѣ».

Стр. 154.

Гансъ Фалькенъ] иначе Фалькъ.

Стр. 155.

Кузова] Cosowa, въ переводѣ П. Барсова—Косого. На нынѣшнихъ картахъ показанъ островъ Кузова. О. М. Бодянскій полагаетъ, что нужно читать «островъ Косого» и понимать подъ нимъ нынѣшній Заячій островъ.

Стр. 157.

На картѣ (по изд. 1656 г.) представлено Бѣлое море съ Пудожемскимъ и Соловецкимъ островами. Названія на картѣ: Graue huck—Сѣрый мысъ, Wachthauss—сторожка, S.-Nicolaus Tieffe — Свято-Николаевскій фарватеръ, Neue Tiefe—Новый фарватеръ, Fischer-Insul—Рыбачій островъ, Lotzenhauss — лоцманскій домикъ св. Николая, Rivir nach Kolmogor — рѣчка къ Холмогорамъ.

Стр. 158.

нынѣшнемъ 1654 году] Слово «нынѣшнемъ» написано для изданія 1656 г., но сохранено въ послѣдующихъ.

Стр. 161.

въ 1643 году] О пребываніи Олеарія въ это время въ Москвѣ см. во Введеніи.

Стр. 163.

перемѣны окраски] Цитируются «Ludov. Caelii Rhodigini lectiones antiquae», fol., 1550, «Avicennae Opera latine», «Averroes latine».

Стр. 166.

въ 1643-мъ году] О пребываніи Олеарія въ 1643 г. въ Москвѣ см. Введеніе, стр. XXV.

Стр. 168 и 169.

Рисунки на стр. 168 и 169 почти тожественны. Рис. на стр. 169 изъ изданія 1647 г., а на стр. 168 — изъ изданія 1656 г. На послѣднемъ прибавлены фигуры слѣва, изображающія вооруженныхъ самоѣдовъ. Рисунки воспроизведены оба въ видѣ примѣра тѣхъ перерисовокъ, которыя предприняты были для изданія 1656 г.

Стр. 171.

Вейгатъ] Вайгачъ.

Муретъ] цитируется Mureti «Variae lectiones» 8°, Parisiis, 1586.

Стр. 172.

Въ переводѣ цѣликомъ опущена книги III глава 4 съ описаніемъ быта гренландцевъ, о которыхъ Олеарій вспоминаетъ по поводу самоѣдовъ. Фр. Ратцель въ своей біографіи Олеарія придаетъ этой главѣ большое историко-географическое значеніе. Россіи она совершенно не касается.

Стр. 173.

Амвросій] Цитируются «Ambrosii Opera», fol., Parisiis, 1603.

Стр. 175.

Рисунокъ (изъ изд. 1656 г.) представляетъ костюмы.

Стр. 176.

каттуна] бумажной матеріи.

Стр. 177.

нынѣшній патріархъ] Никонъ.

На рисункѣ (по изд. 1656 г.) представлены нѣмцы въ старинныхъ одеждахъ.

Стр. 179.

въ свои астрономы] См. Введеніе, стр. XXIV.

Стр. 180.

Черкасскому] Про этого боярина въ изд. 1647 г. Олеарій говоритъ, что онъ очень любилъ «иностранную исторію и велѣлъ перевести для себя Юста Липсія «Политику».

Стр. 181.

Іаковъ] Ульфельдъ.

Стр. 185.

годъ тому назадъ] vorm Jahre въ подлинникѣ во всѣхъ изданіяхъ съ 1656 г. Слова: «дядя» и «свойственный» (т. е. своякъ) встрѣчаются во многихъ сохранившихся обращеніяхъ голштинскаго герцога къ царю (въ русскихъ переводахъ грамотъ XVII вѣка).

Стр. 186.

споръ о значеніи] Послѣ этого въ подлинникѣ: Bledinsin, Sukkinsin, butzfui matir.

Стр. 187.

на языкѣ] Послѣ этого въ подлинникѣ: Bledinsin, sukkinsin, sabak, butzfui mat, jabona mat.

in os ipsius] Въ изд. 1647 г. по-нѣмецки: «ich schende dirs in deine Augen, in deinen Mund».

Стр. 188.

Де-Грэна] или де-Грона, какъ онъ именуется ниже, на стр. 306.

Стр. 189.

Рисунокъ (Петрушка) изъ изд. 1656 г.

Стр. 190.

Іаковъ] Ульфельдъ.

безнравственными рѣчами] Въ изд. 1647 г. рѣчи предполагаются не нѣмецкія, а русскія; приведено (р. 147) ихъ начало: «Druske potzudi, dobro etc.» («Дружки, почудите, т. е. поглядите, добро» и т. д.).

Стр. 192.

обычнымъ ихъ] Послѣ этого въ подлинникѣ: je butzfui mat (изд. 1656 г.); ja butfui Matir (изд. 1647 г.).

Стр. 193.

Рисунокъ изображаетъ (по изд. 1656 г.) оргію, описанную въ текстѣ.

Стр. 194.

кофентъ] Въ подл. Kofend, вѣрнѣе Koventbier (по словарю Sanders'a отъ conventus=фр. couvent), названіе въ Германіи легкаго монастырскаго пива, получаемаго отъ разбавки водою осадковъ въ пивныхъ чанахъ.

патріархъ] По времени судя, это былъ Іоасафъ.

Стр. 201.

Пясецкій] Его книга напечатана въ Краковѣ въ 1648 г.

Стр. 205.

Шляховскимъ] Въ подл.: von Sclackow.

Стр. 207.

Фалькъ] Выше онъ названъ Фалькенъ.

Стр. 212.

Рисунокъ изъ изданія 1647 г. (гдѣ онъ только и есть) представляетъ поѣздку знатной женщины въ саняхъ. Описаніе на стр. 218. Нами неправильно вставленъ въ описаніе брака.

Стр. 213.

На рисункѣ (по изд. 1656 г.) представленъ брачный пиръ.

Стр. 215.

На рисункѣ (по изд. 1647 г.) представлено вѣнчаніе, какъ его представлялъ себѣ Олеарій, самъ, какъ лютеранинъ, не могшій видѣть ни внутренней обстановки церкви, ни обрядовъ, въ ней совершаемыхъ.

Стр. 216.

на одномъ изъ предыдущихъ рисунковъ] См. стр. 189.

Стр. 219.

Рисунокъ (изъ изд. 1647 г.) представляетъ женскія забавы.

Barclai] цитируется Barclai «Icon animorum», 8°, Francofurti, 1625.

Стр. 221.

Въ прямыхъ скобкахъ вставлены исправленія очевидныхъ историческихъ погрѣшностей Олеарія.

Bredeabas] Цитируется Tilemannus Bredenbachius, «De Armeniorum moribus», Basileae, 1577.

Стр. 223.

Изображеніе печати царя Алексѣя Михайловича по изд. 1656 г.

Стр. 224.

какъ видно и т. д.] Цитируются «Бытіе», XXXVII, 25, и Іеремія, LI, 8.

«Саду розъ»] «Гюлистанѣ».

умершій 97-ми лѣтъ] въ подлинникѣ прибавлено: vorm Jahre—годъ тому назадъ (въ изданіи 1656 г., составлявшемся въ 1654—1655 г.). Ср. прим. къ стр. 158.

10 лѣтъ тому назадъ] Это опредѣленіе во всѣхъ изданіяхъ съ 1656 по 1696 г.

Стр. 225.

Микляевъ] Такъ онъ называется въ русскихъ документахъ. Въ подлин.: Miklaff.

Стр. 226.

у Барклая] У Олеарія въ разныхъ мѣстахъ цитируется Barclai «Icon animorum» и его же «Argenis» (Francofurti, 8°, 1630).

Стр. 228.

Надписи на рисункѣ читаются:

Полушки:

Государь. Государь.

Денежки:

Князь великій Иванъ. Magni Ducis Joannis.

Монета тирана Ивана Васильевича.

Копѣйки:

Царь и великій князь Дмитрій Ивановичъ-Растрига [sic!].

Moneta falsi Demetrii.

Царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи. Москва.

Moneta Michael Fedrowitz.

Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи.

Moneta moderni Imperatoris Russiae [т. е. монета современнаго императора русскаго].

Стр. 231—242.

Въ главѣ 11-й книги III дается исторія событій съ 1584 по 1613 г. Очевидныя неточности (напр., неправильно показанные годы правленія Іоанна Грознаго, а также иныя хронологическія даты) въ нѣкоторыхъ изъ разсказовъ легко будутъ усмотрѣны читателемъ и помимо нашихъ указаній. Несмотря на неточности, въ разсказахъ много исторически цѣннаго. Основою разсказовъ Олеарія, какъ указано О. М. Бодянскимъ, послужила хроника Петрея.

Стр. 239.

Иваномъ Ржевскимъ] Въ текстѣ подлинника—Kesefski, очевидная опечатка вм. Resefski или Rsefski. П. Барсовъ переводитъ: Косов-

скій—такого дѣятеля въ смуту не было. Въ «Лѣтописи Московской» (Бера) Ив. Резецкій. Вполнѣ очевидно, что рѣчь идетъ объ Иванѣ Ржевскомъ, о которомъ см. у С. Ѳ. Платонова «Очерки по исторіи смуты», С.-Петербургъ, 1899, стр. 631.

Стр. 241.

пропажу большого единорога] Ср. въ Введеніи, стр. XXVI, переписку по поводу «единорогова рога».

Стр. 242.

Изображеніе печати патріарха по изданію 1656 г.

Iohannes Sinensis] Мы по своей догадкѣ помѣстили Szuensis въ нѣсколькихъ случаяхъ вмѣсто Sinensis, особенно въ фразахъ на стр. 249. Однако, врядъ ли въ данномъ случаѣ опечатка у Олеарія, такъ какъ и въ русскихъ документахъ мы читаемъ: «А имя его въ проѣзжей написано Ягунусъ Синенѣсъ» («Доп. Акт. Ист.» VI, стр. 424). О немъ много разныхъ документовъ напечатано («Соб. Гос. Гр. и дог.» III, 442, «Акт. Южн. и Западн. Россіи», III, № 306—311, 318—319, «Доп. къ Акт. Ист.» III, № 73, VI, № 138).

Стр. 247.

Ермоличу] Въ изданныхъ русскихъ актахъ онъ именуется Ермолинымъ.

Стр. 258.

шесть тоннъ] Въ подлин.: Tonne, что обозначаетъ 100,000 рублей золота.

Стр. 255.

великолѣпная одежда] знаменитыя бармы.

Димитрій Мономахъ] Такого князя не было.

Стр. 260.

«Государю кушанья»] Въ подл.: Gosudar Kuschinung.

Стр. 264.

приносилъ подарковъ] Послѣ этихъ словъ въ подлинникѣ B. J. M.

Стр. 273.

Русскіе акты, относящіеся къ псковскому бунту, въ «Доп. къ Акт. Ист.» III, № 74, и VI, № 138.

Стр. 276.

Бояринъ Ник. Ив. Романовъ] Слово «Борисъ» по ошибкѣ прибавлено въ подлинникѣ.

Стр. 277.

Алексѣй Дмитр. Колычевъ] у П. Барсова неправильно «Кольцовъ»; «Алексѣй Дмитреевъ сынъ Колычовъ» упоминается въ «Дворц. разряд.» II, 935, 943.

Стр. 279.

Кромера] цитируется Martini Cromeri «Polonia», fol., Francoforti, 1575.

Стр. 280.

№ 7 въ перечисленіи приказовъ отсутствуетъ во всѣхъ изданіяхъ съ 1656 г. Въ изданіи 1647 года перечисленія приказовъ нѣтъ.

Въ перечисленіи приказовъ окончанія прилагательныхъ и другія формы написаны примѣнительно съ начертаніемъ у Олеарія.

Стр. 287.

Вотъ хрестъ] Въ подл.: Po Chrest.

Стр. 288.

приставливаютъ] См. объяснит. словарь Е. П. Карновича при «Собран. узакон.» (1874, I, стр. 99).

Стр. 289.

Рисунокъ взятъ изъ изданія 1656 г., гдѣ вставлены литеры, которыхъ въ изданіи 1647 г. нѣтъ. Литеры D на рисункѣ и въ текстѣ нѣтъ.

Стр. 294.

Бароній] цитируется: Caesaris Baronii «Annales Ecclesiastici», fol., Antwerpiae, 1597.

Стр. 297.

Въ алфавитѣ пропущена буква ъ (ерь). Алфавитъ изъ изд. 1647 г.

Стр. 297.

Алмазъ Ивановичъ] Алмазъ Ивановъ, выдающійся думный дьякъ, долго служившій въ посольскомъ приказѣ.

Стр. 299.

На рисункѣ (изъ изд. 1647 г.) изображено крещеніе, какъ его себѣ представлялъ Олеарій.

Стр. 302.

цинковой окиси] Въ подл.: Nichte.

Стр. 307.

Пьеръ-де-Ремонъ] Потомство его упоминается въ русскихъ документахъ подъ именемъ дворянъ Деремонтовыхъ. Иванъ Деремонтъ упоминается подъ 1628 годомъ въ числѣ дворянъ въ «Дворцовыхъ разрядахъ».

Вятку] Въ подлинникѣ: Siwatka; можетъ быть имѣлся въ виду и Свіажскъ. Впрочемъ, по воеводскимъ спискамъ Де-Ремонтъ ни тутъ, ни тамъ, ни вообще гдѣ-либо не былъ воеводою.

Стр. 310.

Воздвиженіе креста] Въ подлинникѣ: Uzemirna [?] Wosdwisenja Cresta.

Стр. 312.

казаньцами] Въ подл. Kasanscha, П. Барсовъ переводитъ «Казанча». Какъ упомянуто нами въ скобкахъ, слово это происходитъ отъ стариннаго «казанье» (проповѣдь).

Логинъ] О немъ и Нероновѣ, также упоминаемомъ у Олеарія, ср. Д. И. Иловайскій, «Алексѣй Михайловичъ» (1905), стр. 274—281.

Стр. 313.

Фердинандъ Капонъ] почему-то на полѣ (стр. 314) ниже онъ названъ Алекс. Капонъ.

своего разсужденьица] Точное заглавіе у Олеарія не приведено.

Стр. 314.

«Господи помилуй»] Въ подлинникѣ смѣсь славянскихъ и греческихъ буквъ: ГоСπоДη Поμηλγι.

Стр. 320.

Каменный монастырь] Спасокаменный монастырь не на Волгѣ, а на Кубенскомъ озерѣ.

Стр. 321.

вонзилъ ему ножъ] Св. Филиппъ былъ задушенъ, а не зарѣзанъ.

Нынѣшній патріархъ] Никонъ. Онъ былъ въ 1651 г. митрополитомъ новгородскимъ.

Михаила Левонтьевича] Разсказъ о доставкѣ мощей въ Москву и о лицахъ, для этой цѣли отряженныхъ, весьма неточенъ. Погибъ изъ членовъ посольства дьякъ Гаврила Леонтьевъ.

Варлаамъ] Митрополитъ ростовскій и ярославскій Варлаамъ ум. 9 іюля 1652 г. (Строевъ, «Списки іерарховъ», стр. 333). Въ этотъ же день доставлены въ Москву мощи св. Филиппа.

Стр. 322.

Олеарій, вообще допускавшій вѣру въ сверхестественное, относился, какъ видно изъ текста, весьма недовѣрчиво къ чудесамъ русскихъ святыхъ.

скончался въ 1563 г.] Это грубая ошибка. О. М. Бодянскій предполагаетъ здѣсь описку, вмѣсто 1393.

Стр. 324.

Варлама Хутынскаго] Св. Варлаамъ ум. 6 ноября 1193 г. Онъ первый игуменъ Спасо-Варлаамієва Хутынскаго монастыря.

Стр. 325.

Цэлій Rodiginis] нужно исправить Rodiginus. Его книга «Lectiones antiquae» fol., 1550.

нынѣшній патріархъ] Никонъ.

вельможѣ Никитѣ] Романову.

Стр. 327.

бывшаго лишь игуменомъ] Это Іосифъ, хиротонисанный 27 марта 1642 г. изъ архимандритовъ Симоновскихъ.

Стр. 328.

митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ] Таковымъ Никонъ не былъ; онъ былъ изъ архимандритовъ новоспасскихъ хиротонисанъ въ 1643 г. въ митрополиты новгородскіе, а затѣмъ въ 1652 г. въ патріархи.

Стр. 329.

коломенскій и каширскій] Въ переводѣ П. Барсова неправильно: «коломенскій и касимовскій».

Стр. 330.

посланія русскаго митрополита Іоанна] О. М. Бодянскій въ примѣчаніи къ переводу П. Барсова указываетъ, что этотъ митрополитъ — Іоаннъ II (XI вѣка), а папа — Климентъ III (антипапа). Митрополитъ былъ грекъ, и писалъ посланіе по-гречески. Славянскій текстъ даннаго мѣста таковъ: «Третья вина ваша о брацѣ іерейстѣмъ есть, яко и гнушаетеся отъ рукъ таковыхъ причащатися. Послушай же нынѣ, что о сей главизнѣ глаголетъ святый благочестивый соборъ иже въ Гангрѣ. Пишетъ же нынѣ въ Д҃ правилѣ таковое: иже уничижаетъ презвитера, по закону женѣ причтена, и глаголетъ, яко же подобаетъ, служащу ему, отъ того причащеній не примати, да проклятъ будетъ».

Стр. 333.

Esto mihi] латинское названіе послѣдняго воскресенья передъ постомъ, по началу католической обѣдни съ Псалма LXXI, 3.

Стр. 336.

Concila magna] Здѣсь опечатка; нужно: Concilia magna.

Стр. 337.

«кутьею»] Олеарій здѣсь, очевидно, напуталъ.

Стр. 340.

На рисункѣ (изъ изд. 1647 г.) изображено погребеніе.

Стр. 341.

Паспортъ мертвецу] У Олеарія ясно сказано «паспортъ» (Pass), и такое названіе этой грамоты было обычно у иностранцевъ (ср. «Посольство фанъ-Кленка», 1900, стр. 437). П. Барсовъ переводитъ: «разрѣшительную молитву».

Стр. 342.

Мартина Крузія] Цитируется: «Turco-Graecia», fol., Basileae, 1585.

Стр. 344.

лѣтъ 20 тому назадъ] Такъ сказано во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ изданія 1656 г.

Стр. 345.

въ видѣ брани: «Нѣмчинъ и т. д.] Подл.: «Nimzin tzisna chui, chui, du Teutscher, packe dich auff etc.» У Даля въ словарѣ говорится о поговоркѣ «Фрыга [тоже, что иностранецъ, нѣмчинъ], шишъ на Кокуй», причемъ Кокуй является обычнымъ, неизвѣстнаго происхожденія, названіемъ мѣста, а «шишъ» обозначаетъ приблизительно то же, что и «цыцъ». Tz у Олеарія обыкновенно обозначаетъ ч.

Стр. 347.

Авербахомъ] въ разныхъ изданіяхъ Averbach и Awerbach; можно передать и черезъ «Ауэрбахъ».

Стр. 348.

... Такъ какъ греки] Нами пропущено длинное церковно-историческое отступленіе у Олеарія (стр. 321—329 въ изданіяхъ 1656—1671 гг.). Здѣсь излагается, по доступнымъ Олеарію церковно-историческимъ актамъ и тру-

дамъ канонистовъ, происхожденіе греко-римской церковной распри. Факты приводятся со временъ апостольскихъ вплоть до XV в. Это ученое изслѣдованіе Олеарія почти не касается непосредственно Россіи (упомянута здѣсь, впрочемъ, роль митропол. Исидора на флорентійскомъ соборѣ) и не имѣетъ самостоятельной цѣнности. Поэтому оно въ переводѣ опущено

Стр. 349.

по имени Максиміана] Имѣется въ виду извѣстный Максимъ Грекъ.

греческимъ купцомъ Маркомъ] Пропущено передъ этими словами: «нѣкіимъ» (подлин.: «einem griechischen Kauffmann).

прекрасныя мысли] Въ переводѣ удѣлено мѣсто этому идиллическому восхваленію русскихъ поселянъ XVII в. въ противовѣсъ грубымъ, непристойнымъ стихамъ неизвѣстнаго автора на стр. 210. Замѣтимъ кстати, что, кромѣ П. Флеминга и самого Олеарія, изъ членовъ свиты писали стихи посолъ Ф. Крузіусъ, Г. Граманъ и Имгоффъ, помѣстившіе стихи при предисловіи къ изданію 1647 г.

Стр. 351.

30-го іюня] Такъ совершенно вѣрно указано въ изданіи 1647 г. Въ другихъ изданіяхъ неправильно—16-го іюня.

Рутса] иначе Рютца или Рётса; см. о немъ «Посольство К. фанъ-Кленка» (по указателю).

Родіонъ Матвѣевичъ] Горбатовъ.

Стр. 352.

Марчукъ] теперь обыкновенно именуется Морчугами, въ документахъ XVII в. въ формѣ, нами приведенной. За очень немногими исключеніями намъ удалось найти на новѣйшихъ картахъ почти всѣ упоминаемыя у Олеарія названія. Пособіями для насъ служили: 2-хъ-верстная карта Московской губ., 10-и-верстная карта Европейской Россіи, карта Оки и части теченія Волги въ атласѣ «Волга» В. Рагозина, карта теченія Оки и Волги въ «Спутникѣ по рѣкѣ Волгѣ и ея притокамъ Камѣ и Окѣ», годъ IV (Саратовъ, на 1904 г.), книга Н. А. Богуславскаго, «Волга, какъ путь сообщенія» (1887), поверстныя описанія Волги и др. книги и карты.

Бобренева] Бобреневъ монастырь всего въ 1 верстѣ отъ Коломны; поэтому возможно, что Porsenis не самый монастырь, а одна изъ принадлежащихъ ему деревень; нынѣ названій подходящихъ на рѣкѣ нѣтъ. Въ изданіи 1647 г. сказано «bey dem Dorffe Porsenis, въ изданіяхъ съ 1656 г. «bey dem Dorffe und Kloster Porsenis».

Стр. 353.

будто бы учрежденный св. Сергіемъ] Богоявленскій Голутвинъ-Старый монастырь основанъ въ 1385 г., по просьбѣ вел. князя Дмитрія Донского, преп. Сергіемъ Радонежскимъ.

Стр. 354.

Габиловской] подл. Gabiloska. На нынѣшнихъ картахъ этой деревни нѣтъ; другія мѣстности, указанныя на этой и предыдущихъ страницахъ, всѣ могутъ быть отожествлены съ новыми.

Рес-Кичи] Въ подл.: Res Kitzi.

Стр. 355.

Русбоноръ] Въ подл.: Rusbonor. На нынѣшнихъ картахъ ничего сходнаго нѣтъ. Это, по Олеарію, — Heide «сухая степная мѣстность», а никакъ не «боръ, соснякъ», какъ переводитъ П. Барсовъ. Другія названія, упоминаемыя на этой страницѣ, большею частью, могутъ быть найдены на картахъ.

Стр. 356.

Чухтскаго] Въ подл.: Zuchtsko Ostrow. На нынѣшнихъ картахъ мы не нашли схожаго названія.

Павловъ] Въ текстѣ Prewospalo (въ изд. 1647 г.: Prewos Palo); возможно, что это значитъ «Перевозъ Павловъ».

Владимира] Въ подл.: Wladimer, Володимира, нынѣшняго Владимира-губернскаго.

корабль «Friedrich»] Помѣщаемъ на стр. 550 его изображеніе, какъ оно дано на рисункѣ Нижняго-Новгорода въ изданіи 1647 г. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ этотъ рисунокъ замѣненъ тѣмъ, который мы помѣстили на особомъ листѣ.

Стр. 357.

сидѣлъ лишь 7 футъ] Н. А. Богуславскій («Волга, какъ путь сообщенія», 1887, стр. 48) говоритъ: «Корабль посольства не имѣлъ большого груза и проходилъ ниже Астрахани мели въ четыре фута, какъ о томъ говоритъ самъ Олеарій; кромѣ того, такъ какъ мѣра осадки суденъ всегда на Волгѣ велась на четверти, то вѣроятнѣе всего, что корабль этотъ въ 120 футъ—такой длины, какую имѣетъ нынѣшняя малая барженка, сидѣлъ не 7 футъ, а 7 четвертей».

О томъ, что случилось 14-го іюля этого года въ Нижнемъ-Новгородѣ, см. на стр. 186.

Стр. 358.

Василіемъ Петровичемъ] Шереметевымъ. См. А. П. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ», стр. 149.

Стр. 360.

По поводу составленной Олеаріемъ карты Волги Н. А. Богуславскій, въ книгѣ «Волга, какъ путь сообщенія» (Спб., 1887, стр. 100), пишетъ: «Если считать карту Олеарія за вѣрную, то сравненіе ея съ теперешними картами Волги должно привести къ заключенію, что Волга за 250 лѣтъ до насъ имѣла совершенно другое направленіе. Но всякій, кто знаетъ, что такое съемка по компасу, конечно, такого заключенія не сдѣлаетъ».

изгибы, углы] Winkel, Ecken. Можно перевести: «заливы, мысы».

имѣнье Грамотина] Въ подл.: Grammatins Gute (въ изданіи 1647 г. первое слово, какъ собственное, латинскими, второе—готическими буквами). П. Барсовъ переводитъ, безъ всякаго объясненія, «Грамматину гуту». Грамотинъ—извѣстный дьякъ, упоминаемый выше.

Стр. 361.

Телятинскаго — — Собщинскимъ] Собщинскій затонъ, Собщинскіе луга и Телячій бродъ, судя по картѣ при атл. Рагозина, довольно далеко влѣво отъ нынѣшняго судоходнаго русла Волги. Возможно, что Волга въ данномъ мѣстѣ отступила вправо.

Стр. 362.

Изъ перечисленныхъ на этой страницѣ мѣстностей всѣ, кромѣ Стобы и Спаса-Бѣлки, находятся и на современныхъ намъ картахъ.

500 ластовъ] Н. А. Богуславскій въ упом. соч., стр. 101, говоритъ: «Ластъ—120 пудовъ. Слѣдовательно нагрузка судовъ того времени не была болѣе 60 тыс. пудовъ».

Стр. 363.

На рисункѣ (изъ изд. 1647 г.) представленъ стругъ на Волгѣ, перетаскиваемый помощью якорей.

120 верстъ] По фарватеру теперь отъ Нижняго до Васильсурска считается 150 в. (ср. «Спутникъ по рѣкѣ Волгѣ» 1904 г.). Впрочемъ верста Олеарія — $^1/_5$ мили, такъ что его 120 верстъ больше нынѣшнихъ 150 верстъ.

Стр. 364.

«лугового сѣна»] подл.: Lugowi Zenne.

Стр. 365.

По поводу рисунка (у насъ изъ изд. 1647 г.) на этой страницѣ С. К. Кузнецовъ пишетъ въ статьѣ «Поѣздка къ древней черемисской святынѣ» («Этнографич. Обозрѣніе» 1905 г., стр. 133 — 134): «Гравюра эта въ высшей степени любопытна; она даетъ много вѣрнаго, но и значительно грѣшитъ противъ истины въ нѣкоторыхъ деталяхъ.— Является вопросъ: исполненъ ли рисунокъ съ натуры или только по разсказамъ? Мнѣ кажется — только на основаніи словеснаго описанія, сдѣланнаго тѣмъ черемисиномъ, который доставилъ Олеарію въ Казани всѣ свѣдѣнія о своемъ племени. Поразительно, что вся жертвенная обстановка и характеръ рѣки Немды переданы превосходно. Одно странно, что костюмы черемисъ, которыхъ Олеарій видѣлъ близъ устья р. Ветлуги въ большомъ количествѣ и неоднократно встрѣчалъ потомъ, проѣзжая по р. Волгѣ до Казани, переданы весьма неправдоподобно. Особенно рѣжутъ глаза эти ботинки, пригодныя развѣ для тогдашней европейской щеголихи». Авторъ статьи въ черемисинѣ съ остроконечной шапкою видитъ жреца, а на заднемъ планѣ отмѣчаетъ дѣйствительно употребительное у черемисъ вѣшаніе полотенецъ на деревья.

Немдою] По словамъ того же автора, святыня черемисъ, камень кереметя Чембулата находится на рѣкѣ Немдѣ, притокѣ Пижмы, впадающей въ Вятку. Рѣки Шокшемъ здѣсь нѣтъ, но имѣются три селенія этого названія.

Стр. 367.

Юнгскаго монастыря] у рѣчки Юнги. Тутъ же теперь села Спасъ-Юнга и Покровское (иначе Юнга).

Туричьяго] Туричій перекатъ, а за нимъ островъ Туричій—въ 10 — 15 верстахъ ниже Козмодемьянска. У П. Барсова почему-то — Торикъ (въ подл.: Turich).

Стр. 368.

Казину] о-въ Казинъ (карта въ атласѣ Рагозина).

Сундырь] у рѣчки Сундырь.

Кокшаѣ] теперь—Кокшайскъ.

Стр. 369.

двухъ кабаковъ] теперь д. Кабачищи, 337 в. отъ Нижняго.

деревни Вязовки] с. Вязовыя, въ 340 в. отъ Нижняго, и о. Вязовскій у Кабачищенскаго переката.

Свіяжскъ, расположенный по лѣвую руку] Свіяжскъ на лѣвомъ берегу Свіаги, но справа отъ Волги.

по имени Мусалъ] Онъ названъ въ русскихъ документахъ Муцалъ.

О городѣ Терки приводятся подробности ниже (стр. 423-4).

Стр. 370.

великій князь Василій Ивановичъ] Олеарій довольно подробно и въ общемъ вѣрно, на стр. 370—372, излагаетъ русско-казанскія отношенія при Василіи III. Магметъ-гирея онъ послѣдовательно именуетъ Менгли-гиреемъ.

Стр. 371.

Ивану Ковару] Kowar очевидная описка у Олеарія, вм. Chabar. Рѣчь идетъ объ окольничемъ Хабарѣ-Симскомъ.

Стр. 373.

9-го іюля 1552 г.] Это невѣрно: Казань взята 2-го октября 1552 г.

Стр. 374.

деревнею Ключищи] с. Ключищи, 385 в. отъ Н.-Новгорода. Мель за нею—Матюшинскій перекатъ.

кабака Теньковскаго] с. Теньки, 412 в. отъ Н.-Новгорода. Мели, упоминаемыя здѣсь, это по нынѣшнимъ названіямъ, повидимому, расположенные ниже Теньковъ перекаты Буртасовскій, Красновидовскій и Антоновскій. У самыхъ Теньковъ Шеланговскіе перекаты (6 четвертей). Названіе «мель Теньковская» имѣется въ «Судоходномъ дорожникѣ», гдѣ говорится, что въ межень эта мель занимаетъ 300 саженъ, Красновидовская же—600 саженъ.

Стр. 375.

какъ Везеръ] Кама значительно больше рѣки Везеръ; длина Везера съ Верро — 720 км., Камы 1797 км.

два возвышенія] Въ подлинникѣ, Holme, что можетъ обозначать и острова. На картахъ у устья обозначены теперь о-въ Грязнуха, а противъ Старой Камы—Свѣтлая коса и Теплый; послѣдній самый большой изъ трехъ.

Поганщина] на новыхъ картахъ не показана. Каратаи — с. Каратаево, 450 в. отъ Н.-Новгорода.

Кирѣевская] с. Кирѣевское по «Судоходному дорожнику». На картахъ с. Кирельское.

Чертыгъ] р. Чертыгъ или Чертыкъ. Указана на 10-и-верстной картѣ.

Тетюши] г. Тетюши, Казанской губ.

Пролей-Каша] теперь названіе деревни на нагорномъ берегу. По близости островъ Богородицкій (сѣвернѣе) и Сергіевскій ревунъ (южнѣе).

Стр. 376.

воевода теркскій] Въ спискахъ воеводъ А. П. Барсукова показанъ до 1635 г. стольникъ Михайло Петровичъ Пронской, а съ 1636 г. кн. Василій Григорьевичъ Ромодановскій.

рѣки Уткѣ] Незначительная рѣка, впадающая въ Волгу.

города Булгара] Это, вѣроятно, нын. с. Успенское (Болгары), въ 6-и верстахъ отъ Волги.

Унеровская гора] Отъ Тетюшъ въ 65 в. по рѣкѣ находится с. Ундоры, съ Ундорскими горами близъ него.

Стр. 377.

острову Ботемскому] Въ этомъ мѣстѣ теперь о. Часовенный, противъ котораго д. (съ пристанью) Поливной Врагъ. Рѣка Ботьма на 10-тиверстной картѣ не показана; зато указана деревня Ботьма въ немногихъ верстахъ влѣво отъ рѣки.

Стр. 378.

Симбирская гора] Города Симбирска Олеарій не могъ видѣть, такъ какъ онъ заложенъ лишь въ 1648 г.

Арбухимъ] На современныхъ картахъ нѣтъ похожаго названія.

Такъ какъ надписей Олеарій самъ не видѣлъ, то начертаніе ихъ у него и не соотвѣтствуетъ тому, что предполагается въ контекстѣ. Нужно бы ожидать въ первой:

Буде ты мя подымеши, добро тобѣ будеть;

а во второй:

Чего ищеши, ничего не положено.

рѣки Атробы] подл. Atrobe.

часто усаживались на мели] По мнѣнію Н. А. Богуславскаго, рѣчь идетъ о Климовскомъ перекатѣ.

Стр. 379.

Бригмана] Въ подл.: Brighmann вм. Brüggemann.

вновь вливается въ Волгу] Уса близко подходитъ къ берегамъ Волги на югѣ луки, но впадаетъ въ нее лишь на сѣверѣ.

Дѣвичья гора] На нын. картахъ «Дѣвушкина гора», при впаденіи р. Усы.

у которой рѣчка] Слѣдуетъ исправить: у которой рѣка.

Стр. 382.

Царевъ курганъ] Таково нынѣшнее названіе; въ подл.: Sariol kurgan.

корни укрѣпитъ] Необходимо исправить: корни укрѣпить.

Соковская] Таково нынѣшнее названіе; въ подл.: Soccobei.

Стр. 383.

Сынъ-Самары] На нынѣшнихъ картахъ этого названія мы не встрѣтили.

рѣка Аскула] О. М. Бодянскій предполагаетъ ее близъ нынѣшняго села Аскулы.

гора Печерская] Онъ же предполагаетъ эту гору у с. Печерскаго-Николаевскаго.

островъ Батракъ] нынѣ станція Батраки близъ желѣзнодорожнаго моста черезъ Волгу.

рѣка Сызрань] нынѣ рѣчка Сызранка.

Стр. 384.

сочиненъ былъ] Павломъ Флемингомъ.

рѣки Паньщины] На нынѣшнихъ картахъ есть большой островъ Паньщинскій и съ правой стороны (внизъ) у него Паньщинская воложка.

островомъ Сагеринскимъ] На нынѣшнихъ картахъ мы этого названія не нашли. Названія Чагра, Сосновый, Осиновый и Колтовъ, встрѣчающіяся на этой и слѣд. страницахъ, имѣются на нынѣшнихъ картахъ. Счетъ верстъ, однако, не сходится съ нынѣшнимъ. Напримѣръ, Колтовъ (Колтовскій) островъ въ 90-та, а не въ 50-ти верстахъ отъ Саратова по фарватеру.

Стр. 385.

Шисмамаго] Въ подлин. Schismamago; на картѣ Олеарія: Schichmamago. Это названіе невозможно отожествить съ какимъ-либо изъ современныхъ.

Стр. 386.

Сорокъ острововъ] прибл. отъ Баронска до Саратова.

300 ластовъ] Ластъ—120 пудовъ.

монастырю Троицкому] т.-е. Троицко-Сергіевскому.

Кріушою] «Кріуша» — названіе острововъ и т. п., очень частое на Волгѣ.

Ахматовская гора] Въ 1300 — 1315 в. отъ Нижняго село Ахматъ и Ахматовскій островъ.

Стр. 387.

Горы, упоминаемыя здѣсь, какъ и выше— отдѣльныя части Средневолжской возвышенности.

Еруcланъ] Въ подлин.: Ruslane.

Ураковъ бугоръ] Такъ на нынѣшнихъ картахъ; въ подл.: Urakoffskarul.

вытекаетъ изъ Камышинки] Иловлю и Камышинку предполагалъ соединить Петръ I; бифуркація, можетъ быть, существовала въ половодье.

Стр. 390.

посолъ къ шаху Сефи] См. ниже, стр. 408—409.

въ особомъ сонетѣ] Въ сонетѣ заключается лишь обращеніе къ Эолу, Нептуну, Юпитеру и другимъ божествамъ, ссорою которыхъ Флемингъ объясняетъ внезапныя перемѣны въ погодѣ.

Стр. 391.

Царевъ городъ] Онъ расположенъ на развалинахъ Сарая, столицы Золотой орды.

Стр. 392.

Исаака Массы] Карта Массы переиздана В. А. Кордтомъ въ цѣнномъ изданіи «Матеріалы по исторіи русской картографіи» (Кіевъ, 1899).

Стр. 393.

чиберика] По догадкѣ О. М. Бодянскаго, можетъ быть, чабань.

Стр. 394.

Поповицкою Юркою] нынѣ Поповицкое. Названіе «Юрка» теперь отсутствуетъ на картахъ. Почти всѣ дальнѣйшія названія (стр. 324 — 398) находятся на нынѣшнихъ картахъ.

Осиновогo] Въ подлин.: Ossino. «Осиноваго острова» теперь нѣтъ, но есть «Сѣнной».

200 верстъ] Въ подлинникѣ, по ошибкѣ, 300.

Стр. 396.

островами Кизяръ] Въ подл.: Inseln Kisiar. На новѣйшихъ картахъ ихъ нѣтъ.

Пирушки] Въ подл.: Pyruski.

Стр. 397.

Митюшка] Ср. нынѣш. названіе Митина на 10-ти верстной картѣ низовьевъ Волги.

Ичибурскій] На соврем. картахъ его нѣтъ.

Болчука] Въ подл.: Baltzik.

Стр. 398.

Матвѣй изъ Мѣхова] польскій историкъ, вошедшій въ «Historiæ Ruthenicæ scriptores exteri» (Спб., 1841).

Joan Raw] Подробное заглавіе Олеаріемъ не приводится.

Яикомъ] Ураломъ.

Стр. 400.

соляныя розсыпи] Послѣ этихъ словъ опущена ссылка на часть книги Олеарія, касающуюся Персіи.

перешла въ Утопію] т. е. оказалась выдумкою.

Стр. 402.

1-го августа 1554 года] Вѣрнѣе: 2-го іюля 1554 г.

двухъ воеводъ] Бывало въ Астрахани и по трое воеводъ: напр. съ 1636 по 1637 г. окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Волынскій, Иванъ Никифоровичъ Давыдовъ и Илья Ивановичъ Зубовъ («Списки городовыхъ воеводъ» А. П. Барсукова, стр. 9).

Стр. 403.

половцами] Этимологія эта очень сомнительнаго достоинства.

Стр. 405.

у персовъ] Опущена ссылка на часть книги, касающуюся Персіи.

Стр. 407.

на вкусъ] Опущена такая же ссылка, какъ на стр. 405.

старшему воеводѣ Ѳедору Васильевичу] Волынскому.

Стр. 408.

Наурусъ] Въ русскихъ документахъ Наврумъ-ага; см. примѣчаніе о «купчинѣ» къ стр. 140.

Стр. 410.

я такъ и сдѣлалъ] Олеарій написалъ: «Klage-Schrifft über den allzufrühen Hintritt aus dieser Welt des weyland hochedelgebohrnen, gestrengen, vesten und mannhaften Joh. Albrechts von Mandelslo, welcher, nachdem er die lange, höchst beschwerliche Persianische und Ostindische Reise erst zurück geleget, und aus heroischen Gemüth getrieben in den frantzösichen Krieg sich begeben, schleunigst an den Kinderpocken gestorben, seines Alter 28 Jahr, Dem selig verstorbenen zum Ehrengedächtniss aus Schuldigkeit auffgesetzt durch A. Olearium». Это довольно большое стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ съ латинскими примѣчаніями. Оно было напечатано Олеаріемъ въ 1645 г. и неоднократно переиздавалось съ его «Описаніемъ путешествія».

Стр. 412.

Кофе] Послѣ слова kahawe опущена ссылка, какъ на стр. 405.

Стр. 414.

фунтовой... кожи] Въ подл.: Pfundleder. Обозначеніе болѣе тяжелой кожи.

Стр. 415.

человѣкъ, встрѣченный...] Повидимому, Рейснеръ; см. ниже, стр. 524.

Стр. 416.

Перулъ] На современныхъ картахъ онъ нами не найденъ.

Стр. 417.

Альдрованда] Цитируется Ulyssis Aldrovandi «Ornithologia», Bononiæ, 1666.

Стр. 420.

нашей... карты] Часть составленной Олеаріемъ карты Персіи, изображающая Каспійское море, помѣщена въ нашемъ изданіи.

Стр. 421.

Сухатеръ] Его на нынѣшн. картахъ нѣтъ.

Стр. 423.

картѣ... Пискатора] См. въ изданіи В. А. Кордта, указанномъ въ прим. къ стр. 392.

Стр. 425.

Тисъ] сокращ. Маттисъ, т. е. Матѳій.

Стр. 430.

Джецени] На картѣ Tzezeni, въ текстѣ Tzentseni Нынѣшн. Чечень.

Стр. 431.

Кв. Курцій] Эта и многочисленныя нижеслѣдующія цитаты (въ главѣ LXXXI, стр. 440 и слѣд.) могутъ быть провѣрены по изд. «Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ», подъ ред. акад. В. В. Латышева (Спб., 1900—1904).

Стр. 436.

словами фонъ-Мандельсло] Ссылка эта въ изданіи 1656 г.; въ позднѣйшихъ она выпущена.

Стр. 440.

Бохартъ] Bochartus, латиниз. фамилія франц. богослова Бошара.

Ортесій] Это опечатка: нужно: Ортелій.

Ѳогармы] См. книгу Бытія, гл. X, ст. 3. П. Барсовъ, судя по его переводу (стр. 499), повидимому, не понялъ этого мѣста. Онъ говоритъ о племени Тогарме.

Nubiensis] Нубійскій, мусульманскій анонимный географъ.

Остальныя цитаты изъ классическихъ авторовъ ср. въ изданіи акад. В. В. Латышева, указанномъ выше.

Изъ сочиненій ученыхъ XVI—XVII вв. въ настоящей главѣ Олеарія цитируются, между прочимъ: Bochartus «Phalec, Geographia sacra», Varenius «Geographia generalis», 1650, Scaliger «Exercitationes», Ambr. Cantarenus «Itinerarium in Persiam», 1601, Bizarus «Rerum Persicarum historia», 1601. Joh. Gravius «Elementa linguæ Persicæ», 1649. Bern. Cæsius «De mineralibus», 1636.

Стр. 442.

Хварезмъ] Хива.

Стр. 443.

Кизиль-Узень] Въ подл.: Kisel-Oisen.

Емба] Въ подл.: Jems.

Оксъ] Аму-Дарья.

Орксантъ] Сыръ-Дарья.

Стр. 446.

Дженцени] Иначе—Джецени (Чечень).

Стр. 447.

Мингишлакъ] нынѣшній Мангышлакъ.

Стр. 453.

бывшимъ у насъ въ Теркахъ] См. стр. 428.

фарзенговъ] Персидская мѣра фарсангъ (древній парасангъ)=6,7 км.

Стр. 456.

еврейскія буквы] Олеарій зналъ древне-еврейскій языкъ, но смыслъ начертанныхъ буквъ остался для него неяснымъ. Четыре своеобразныхъ знака, помѣщенныхъ на этой же страницѣ, можетъ быть, не имѣютъ характера письменъ.

Стр. 460.

будетъ сказано ниже] См. стр. 498.

Стр. 461.

Главы 18-ая и 19-ая IV книги нами не переведены. 18-ая глава разсказываетъ о въѣздѣ въ Шемаху и пріемѣ посольства мѣстны-

ми персидскими властями. Присутствовалъ при пріемѣ русскій посланникъ Алексѣй Савиновичъ Романчуковъ. Среди персидскихъ войскъ находился отрядъ пѣхоты въ 2,000 чел., по словамъ Олеарія, большею частью изъ армянскихъ христіанъ. Здѣсь же разсказывается о великолѣпномъ угощеніи у хана, объ иллюминаціи Шемахи и т. п. 19-ая глава излагаетъ, какъ посольство 3 мѣсяца оставалось въ Шемахѣ. Среди разныхъ эпизодовъ, разсказанныхъ въ этой главѣ, слѣдуетъ отмѣтить описаніе водосвятія у армянъ. Богослуженіе армянъ Олеарій нашелъ сходнымъ съ католическимъ, а самое водосвятіе—съ русскимъ однороднымъ обрядомъ. Во время торжества русскій посланникъ сидѣлъ по лѣвую, а голштинскіе послы по правую руку шемахинскаго хана. За присутствіе и за охрану водосвятія армянская церковь ежегодно платила хану 1,000 талеровъ, но, тѣмъ не менѣе, праздникъ проходилъ не безъ надругательствъ со стороны мусульманъ. Армянскій епископъ просилъ пословъ похлопотать за него у хана, чтобы добиться постройки армянскаго монастыря въ городѣ; соотвѣтствующая просьба пословъ, дѣйствительно, была уважена. Армяне за эту услугу обѣщали записать имена пословъ въ вѣчное поминанье. Посланникъ Романчуковъ, недовольный пріемомъ у хана, выѣхалъ изъ Шемахи раньше голштинцевъ. Олеарій въ Шемахѣ посѣтилъ мусульманское медресе и мечеть. Встрѣченный имъ здѣсь мусульманскій астрономъ сообщилъ ему долготы и широты почти всѣхъ мѣстъ Азіи и частичныя карты; Олеарій, по провѣркѣ ихъ своими наблюденіями, нашелъ большинство изъ нихъ совершенно правильными. Въ мартѣ пословъ посѣтилъ въ Шемахѣ католическій монахъ Ambrosius dos Anios, португалецъ по рожденію, бывшій пріоромъ августинскаго монастыря въ Тифлисѣ. Онъ говорилъ, кромѣ родного и латинскаго языковъ, еще на грузинскомъ, турецкомъ и персидскомъ. Онъ помогъ Олеарію въ занятіяхъ этими языками и разсказывалъ о видѣнныхъ имъ странахъ. Здѣсь же разсказывается слѣдующій эпизодъ о переводчикѣ Рустамѣ (подл. стр. 441): «Былъ нѣкій персидскій рабъ, по имени Фаррухъ, по рожденію русскій, но въ молодости похищенный, проданный въ Персію и обрѣзанный. Такъ какъ онъ часто бесѣдовалъ съ нашими людьми, съ которыми могъ говорить по-русски, то онъ вечеромъ [20-го марта 1637 года] явился и предупредилъ пословъ, чтобы они не очень полагались на нашего персидскаго переводчика Рустама. Послѣдній, по его словамъ, писалъ своимъ друзьямъ въ Испагань и сообщалъ имъ слѣдующее: «хотя онъ и пробылъ довольно долгое время у нѣмцевъ, язычниковъ, тѣмъ не менѣе онъ вовсе не отступилъ, какъ они воображаютъ, отъ магометанской религіи, но твердо ея держится; по возвращеніи онъ это достаточно докажетъ». Рустама этого обыкновенно называли Сергіемъ; онъ былъ персъ по рожденію и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ѣздилъ съ шахскимъ персидскимъ посломъ въ Англію. Когда здѣсь господинъ его сталъ сурово съ нимъ обращаться, онъ бѣжалъ, направился къ англичанамъ, крестился у нихъ и пробылъ здѣсь нѣсколько лѣтъ. Въ наше время онъ жилъ у своего воспріемника, англійскаго резидента въ Москвѣ. Когда онъ узналъ, что мы направляемся въ Персію, онъ разными средствами и мольбами добивался участія въ поѣздкѣ въ Персію, говоря, что намѣренъ получить свое наслѣдство отъ отца и начать торговлю въ Москвѣ. Наконецъ, послѣ усиленныхъ увѣреній, что онъ вернется съ нами обратно, онъ нами былъ охотно принятъ, такъ какъ обѣщалъ вѣрно служить, и былъ назначенъ переводчикомъ. По прибытіи въ Ардебиль, мы начали замѣчать, что Фаррухъ говорилъ правду, такъ какъ Рустамъ направился къ мѣсту погребенія ихъ великаго святого Шихъ-Сефи, дѣлалъ земные поклоны и молился, выказывая себя истиннымъ мусульманиномъ, что и просилъ явно засвидѣтельствовать. Когда въ Испагани мы его задержали подъ арестомъ, онъ бѣжалъ въ убѣжище Аллакапи, земно со слезами кланялся шаху и главѣ ихъ религіи, сетеру, принятъ былъ подъ ихъ защиту и остался въ Персіи».

Стр. 462.

Atropatia] обычнѣе: Atropatene.

Аббасъ] Великій, правилъ съ 1586 по 1628.

Стр. 463.

Значеніе надписей на рисункѣ, изображающемъ Шемаху (у Олеарія Шамахіе): A. Южная часть города. B. Сѣверная часть города. C. Гробница Шихъ-Мурита. D. Шахъ-караван-серай. E. Лезги (въ текстѣ Лозги)-караван-серай. F. Дорога къ базару. G. Скотскій рынокъ. H. Домъ хана. J. Домъ калентера. K. Кюлустанъ-калэ. L. Гробница Амелекъ-канны. Отмѣчаемъ буквы, которыя трудно найти: H у подножья горы (на верху горы буква L) въ центрѣ, D и E — налѣво въ углу на самомъ переднемъ планѣ.

Стр. 464.

Эривани] Въ подл.: Eruan.

Стр. 465.

Джонъ Картрайтъ] Въ подл.: Kartright. Заглавія его сочиненія Олеарій не приводитъ.

Гюлистанъ] Такъ и теперь называются развалины крѣпости у Шемахи.

Стр. 466.

Амелекъ-Канны] Во второй разъ Олеарій почему-то называетъ ее уже не Amelek-Kanna, а Melek-Kanna.

Teixera] Его книга: «Relaciones del origen, descendencia y succession de los reyes de Persia», 1610.

Решта] Въ текстѣ въ изданіяхъ съ 1647 г. Ieschit, въ изданіи 1696 г. Iesche. Слѣдуетъ исправить разстановку словъ въ нашемъ переводѣ: фразу, поставленную въ скобки, слѣдуетъ поставить послѣ словъ «вокругъ Решта».

Стр. 469.

Беджируанъ] tz у Олеарія мы передаемъ въ персидскихъ и др. восточныхъ названіяхъ обыкновенно черезъ *дж.*

Стр. 470.

краббъ] Въ подл. Taschenkrebs.

Стр. 474.

Шихъ Сахаданъ] Это добавленіе, показанное въ скобкахъ, взято изъ гл. 3 кн. V подлинника.

Стр. 475.

Георгъ Дектандеръ] Въ подл.: Georg Dectander.

Стр. 476.

Strabo] Олеарій неправильно пишетъ l. XV; нужно l. XI.

во времена второй монархіи] т. е. персидской.

Стр. 477.

Въ подлинникѣ въ главѣ 6 кн. VI разсказано, какъ Брюггеманъ, разсерженный персидскимъ солдатомъ-поселенцемъ, не только велѣлъ разорить весь его домъ, но и самого солдата засѣкъ до смерти. Это событіе представлено въ подлинникѣ на рисункѣ, который мы сочли за излишнее воспроизводить.

Стр. 479.

Рустама] Ср. примѣчаніе выше, къ стр. 461.

Стр. 482.

Штадлеръ] О немъ въ подлинникѣ въ IV книгѣ, гл. 41.

Стр. 483.

Опущена опять глава съ описаніемъ пребыванія въ Шемахѣ. Изъ ея содержанія стоитъ лишь отмѣтить слѣдующіе факты: 1-го марта посланникъ Романчуковъ праздновалъ банкетомъ день рожденія великой княгини, т. е. царицы Евдокіи Лукьяновны. 22-го марта въ армянской церкви въ Великій четвертокъ происходило омовеніе священникомъ правыхъ ногъ мужчинамъ и правыхъ рукъ женщинамъ. 25-го марта армяне одновременно праздновали Новый Годъ и Пасху. Къ неудовольствію Романчукова, ханъ въ этотъ день, устроивъ банкетъ, приказалъ армянамъ содѣйствовать торжественности его, вынеся изъ церквей къ ханской палаткѣ хоругви, иконы и крестъ.

Стр. 484.

курды... въ Курдистанѣ] Замѣчаніе правильное.

Стр. 485.

С къ Ю] Въ подл.: N nach W вмѣсто N nach S.

Стр. 486.

Барбаръ] Іосифъ Барбаръ, венеціанскій посолъ въ Персіи въ концѣ XV в.

Стр. 487.

съ индійцами] О столкновеніи посольской свиты съ индусами въ Испагани разсказано въ подлинникѣ въ 37-й главѣ IV книги.

Фезули] Въ подл.: Fesuli.

Стр. 489.

зилхадже] Silhatzae, по кн. V, гл. 29: Dsilhatzæ, 12-й мѣсяцъ по арабско-персидскому календарю.

Стр. 491.

14-го апрѣля] во всѣхъ изданіяхъ подлинника, кромѣ изд. 1647 г., опечатка: 4-го апрѣля.

XCI] Цитируемые здѣсь относительно амазонокъ мѣста писателей приведены въ подлинникахъ и по-русски у акад. В. В. Латышева въ его изданіи «Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ (1900—1904).

Стр. 492.

Іорнандъ] Iornandes, въ новѣйшихъ изданіяхъ Iordanes, историкъ временъ переселенія народовъ.

Родерикъ Толедскій] цитируется Rodericus Toletanus «De rebus Hispaniæ», Francofortі, 1579.

Горопій—Беканъ] Goropii Becani «Indoscythia» цитируется Олеаріемъ и въ примѣчаніяхъ къ изданному имъ сочиненію Мандельсло. Въ изданіи 1696 г. вм. Becanus опечатка Bezanus.

Стр. 495.

Lumen] Въ изд. 1656 г. и слѣд. годовъ: «Schemchal (oder Lumen) wie es in ihrer Sprache heisst». Въ изданіи 1647 года послѣднія слова взяты также въ скобку послѣ Lumen. Неясно, что Олеарій хотѣлъ сказать: татарское ли это слово Lumen, или латинское Lumen «свѣточъ, свѣтило» — переводъ татарскаго «шемхалъ».

вагенбургъ] лагерь, забаррикадированный телѣгами.

Стр. 496.

Шенебергъ] Во 2-й главѣ книги VI разсказывается: «9-го января 1638 мы встрѣтили въ 3-хъ миляхъ отъ предыдущей стоянки у стараго каравансерая Хиджибъ польскаго посла Ѳеофила фонъ-Шенеберга (по происхожденію, нѣмецкаго дворянина), стараго величаваго человѣка, съ 25-ю лицами. Съ добрый часъ мы съ нимъ бесѣдовали по-латыни. Онъ не хотѣлъ подать виду, что понимаетъ по-нѣмецки, какъ лишь при прощаніи. Онъ разсказалъ, что свита его въ началѣ состояла изъ 200 человѣкъ, но такъ какъ великій князь не могъ пропустить его съ такимъ количествомъ людей, то ему пришлось цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ простоять въ Смоленскѣ, а затѣмъ отослать людей, за исключеніемъ немногихъ. Онъ доставилъ письмо отъ армянскаго архіепископа, нами встрѣченнаго въ Астрахани, и сообщилъ, что въ Астрахань прибыло много для насъ провизіи и о насъ сильно стосковались».

Стр. 499.

бархента] Въ подл.: Parchenweber вмѣсто Barchentweber.

онъ... или хоть верблюды] Въ изд. 1647 и 1656 гг.: «Er oder doch nur die Camele». Въ позднѣйшихъ изданіяхъ скомкано: «Er doch nur die Camele»...

Стр. 500.

нѣсколько — — тоннъ] Tonne — нѣмецкое старинное обозначеніе 100,000.

Стр. 502.

Подарки] Перечисленіе ихъ въ изд. 1647 и 1656 гг. нѣсколько спутано. Переведено по позднѣйшимъ изданіямъ.

Стр. 509.

нѣкоторымъ причинамъ] повидимому, намекъ на нежеланіе Брюггемана.

ученые люди] Въ изд. 1656 — 71 гг.: die Gelehrten, въ изд. 1647: die Literati, т. е. Граманъ, Мандельсло, Олеарій и нѣкот. др.

Стр. 510.

даран] Въ подл.: Darai.

Стр. 512.

однимъ изъ начальниковъ] Брюггеманомъ.

Стр. 513.

галокъ] Въ подл.: Thalen, то же, что Dohlen.

Стр. 514.

полевыхъ мышей] сусликовъ.

Стр. 515.

пѣсню] Пѣсня чисто личнаго характера, и съ исторической точки зрѣнія не представляетъ цѣнности. Поэтому она здѣсь опущена.

Стр. 518.

Рисунокъ представляетъ молитву черкасовъ, осмотръ ожерелья у черкасской женщины и гробницу брата Мусалова.

Стр. 522.

Давидъ Рютцъ] Ср. прим. къ стр. 351.

Стр. 524.

Долгаго] Названіе острова, на которомъ расположена Астрахань.

умеръ] Романчуковымъ по пути не особенно были довольны и сами послы. Объ этомъ имѣется слѣдующій рукописный документъ посольскаго приказа:

«Переводъ съ росписи съ нѣмецкого письма, что прислали въ посольской приказъ голстенскіе послы съ голстенскимъ агентомъ съ Балтазаромъ Демушарономъ нынѣшнего 147 году февраля въ 3 день.

Роспись, что Олексѣю Романчюкову отъ княжескихъ голстенскихъ пословъ дошло: въ Казбинѣ 2 тюмени, въ Рештѣ 2 тюмени, въ Шамахѣ 12 тюменей, въ Койзаѣ за перевозъ пол-2 жъ тюмени. И всего 19 тюменей, а русскими деньгами доведетца 158 рублевъ.

Да по его прошенью въ Шамахѣ ему дѣлана золотая табашная трубка да золотой сосудецъ, въ чемъ табакъ держать, въ 15 золотыхъ да за дѣло 2 золотыхъ.

Отъ Быстрой до Терки его царского величества казну вести ему жъ для царского величества чести дано на провозъ два куса золота, во всякомъ кусѣ по 20 золотыхъ червонныхъ, итого 40 золотыхъ; а всего русскими деньгами 57 рублевъ.

И обоего деньгами до нево дошло 215 рублевъ.

Назадъ ѣдучи въ Астарахани по ево прошенью ему на харчь запасомъ дано 60 ведръ вина горячево, да 16 мѣховъ сухарей, да 6 мѣховъ солоду, 30 гривенокъ хмелю, 50 частей мяса, 100 языковъ говяжьихъ сушеныхъ, 2 мѣха крупъ, бочка уксусу.

Да Олексѣевыхъ же 6 лошедей да 5 человѣкъ людей ево ѣствою и питьемъ и конскимъ кор[момъ] сподобляли.

И тѣ выше сего описанныя деньги всѣ безъ росту ему даваны, а противъ того отъ нево намъ дошло въ Астарахани 150 рублевъ, и тѣ онъ деньги занялъ у воеводы въ кабалу.

Да онъ же Олексѣй голстенскаго князя послу Отто Брюгману купилъ лошедь, а далъ 3 тюмени да того жъ продавца онъ подарилъ на платно портище дороговъ персицкихъ и посолъ ему Олексѣю тѣ деньги заплатилъ, а за труды и за тѣ дороги ему подарилъ шанданъ серебряной вѣсомъ 258 золотниковъ.

И то все отъ княжескихъ голстенскихъ пословъ Олексѣю Романчюкову для его царского величества чести дружба оказана потому, что вмѣстѣ ѣхали и, видечи ево безденежна, на пути ему помогали и послѣ того на то и не думали и назадъ ничего не прошали.

И для того бы его царского величества канцлеру о семъ помыслить, что того Олексѣевымъ братьямъ за ихъ безстыдство и запросъ достоитъ и недостойно ли было на нихъ тотъ недоплатъ доправить и лутче бы бѣднымъ людемъ то роздати нежели такимъ безстыднымъ людемъ оставити». Какъ видно изъ послѣднихъ словъ, братья Романчукова требовали уплаты какихъ-то денегъ отъ пословъ.

полукартаульныхъ орудій] Такъ назывались единороги для полупудовыхъ снарядовъ.

Стр. 525.

На рисункѣ надписи: Das Schlos—Замокъ (Кремль), Das Münch Kloster—мужской монастырь, Der Strelt-Proviant Haus—Стрѣлецкій складъ провіанта, Der Marckt—Рынокъ, Crasna porte—Красныя ворота, Kloster porte—Монастырскія ворота, Karanske—Гарянскія ворота, Kossin—Исаднія (?), Wosnossinski—Вознесенскія ворота, Rossetz—Рѣшеточныя, Massagofski—Мочаговскія, Tartern Stadt—татарскій городъ. Ср. «Астраханскій сборникъ» (1896) I, стр. 180—181.

Стр. 526.

подъ Азовомъ] Азовъ взятъ донскими казаками (а не у казаковъ) въ 1637 г., возвращенъ въ 1642 г.

Стр. 528.

Михайловъ день] по лютеранскому календарю; на самомъ дѣлѣ именины царя Михаила праздновались въ день св. Михаила Малеина 12-го іюля.

Стр. 530.

Варсанофій и Гурій] Ихъ мощи обрѣтены 4-го октября 1596 г.; первый былъ архимандритомъ казанскаго преображенскаго монастыря, второй—первымъ архіепископомъ казанскимъ.

Стр. 531.

Рупосово] Догадка О. М. Бодянскаго.

Стр. 532.

Пехры] Таково нынѣшнее названіе; у Олеарія—Bechra.

два пристава] «Лѣта 7147 генваря въ 1 день государь царь... велѣлъ Ѳедору Рагозину да подьячему Ивану Протопопову встрѣтить голштинскихъ пословъ».

5-го января] Очевидная ошибка Олеарія; нужно: 6-го января.

Иванъ Михайловичъ] Счетъ годовъ у Олеарія невѣренъ; царевичъ род. 2 іюня 1633 г., скончался 9-го января 1639 г. («Выходы государей царей», указатель, стр. 33).

Стр. 534.

Грюневальдъ] или Грюневальдтъ (Стр. 65).

Наши солдаты и офицеры] Ср. прим. къ стр. 142.

Стр. 536.

секретаря] Олеарія.

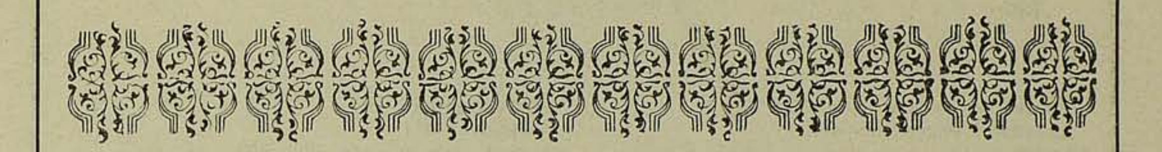
компасъ] Олеарій, намекаетъ на свои собственныя хлопоты въ Готторпѣ.

альдерманъ] Aldermann или Oldermann, выборный купеческій старшина. Ср. стр. 103.

Стр. 537.

перемѣнами] Въ подл.: «wegen des jährlichen Umbschlages». Смыслъ для насъ неясенъ: это выраженіе во всѣхъ изданіяхъ съ 1647 г.

Послѣднія двѣ главы нами оставлены безъ перевода, такъ какъ 25-я глава VI книги является дѣйствительнымъ окончаніемъ описанія путешествія, а онѣ должны считаться какъ бы дополненіями. Въ 26-й главѣ разсказанъ пріемъ персидскаго посольства въ Голштиніи, перечислены аудіенціи его и русскаго посланника, и разсказана судьба бѣжавшихъ изъ свиты перса шести человѣкъ. 27-я глава посвящена исключительно судьбѣ Брюггемана; здѣсь перечислены вины (см. Введеніе), возводившіяся на него, разсказано предсмертное примиреніе его съ Олеаріемъ и говорится о казни его. Въ изданіи 1647 года на послѣднихъ страницахъ, гдѣ говорится о Брюггеманѣ, приведенъ текстъ торжественнаго заявленія, которое Брюггеманъ долженъ былъ сдѣлать относительно неправоты своей передъ Олеаріемъ. Въ заявленіи говорится: «Я, Оттонъ Брюггеманъ, симъ заявляю публично, что во всемъ томъ, что я совершалъ по отношенію къ магистру Адаму Олеарію дѣйствіями и разсказывалъ о немъ предосудительнаго, я поступалъ напрасно и несправедливо, и что, на самомъ дѣлѣ, я въ состояніи сказать о немъ лишь то, что почетно и вполнѣ достойно человѣка честнаго. Поэтому симъ я публично отказываюсь отъ прежнихъ моихъ словъ».

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ „ОПИСАНІЮ ПУТЕШЕСТВІЯ АДАМА ОЛЕАРІЯ“.

А.

Аали, см. Али.
Аалибалухъ, островъ—476.
Аббасъ, шахъ—462, 478, 514.
Аби, см. Обь.
Абіи-скиѳы—167.
Або—66.
Абульфеда, Измаилъ—440.
Августинъ блаженный—111, 112, 337.
Августъ, римск. императоръ—441.
Авденаго—301.
Авербахъ (Ауэрбахъ), Давидъ—347.
Аверроэсъ—163.
Авиценна—163.
Австрія—245.
Аггисъ, караван-серай—471.
Агри, см. Араратъ.
Агриппа, Маркъ—324.
Аджи, рѣка—489.
Азія — 147, 167, 387, 398, 432, 450, 480, 492, 515, 524.
Азовское море (Мэотійское болото)—515, 526.
Азовъ—526.
фонъ-Аккенъ, Бригитта—536.
Аксай, рѣка—443, 511, 512.
Аларусъ, рѣка—473.
Албанія—491, 515.
Albanus, р., см. Койсу.
Александрія—319.
Александръ Великій—167, 446, 457, 465, 480, 486, 492, 493.
Александръ III, папа—107, 167.
Алексѣй Михайловичъ, царь — 231, 242, 243, 247, 254, 262.
Алексѣй Савиновичъ, посланникъ, см. Романчуковъ.
Али, халифъ—185, 476, 480.
Аликанте, вино—39.
Аллакапи («Врата Божьи»)—259.
Аллентакенъ, округъ—101, 117, 119, 160.
Алльгейеръ, Іоганнъ—29, 66.
Алмазъ Ивановичъ, думн. дьякъ — 277, 280, 283, 297.
Альбертъ Бранденбургскій, маркграфъ— 62.
Альбертъ (Albertus Magnus)—416.
Альбрехтъ, Мартинъ — 66, 526.
Альбрехтъ III, епископъ—107.
Альдровандъ—616, 418.
Альтштедій—295.
Амазонки—491, 492, 493, 516.
Амбоденъ, Іоаннъ—61.
Амвросій, епископъ—173.
Амелекъ-канна, дочь царя—465, 466.
Амфитрита—87.
Ангелеръ, Андрей—56.
Англичане—346.
Англійскіе купцы—206.
Англійскіе мореплаватели—170.
Англійскія суда—156.
Англія—225, 307, 309.
Англо-голландская война—119.
Андерсенъ, Яковъ—66.
Андре, мѣстечко—508.
Андрей, св. апостолъ—293.
Андреянова пустынь—365.
Анзеръ, островъ—156.
Анкудиновъ, Демка, отецъ лже-Шуйскаго — 243 248, 252.
Анкудиновъ Сережка, см. Сережка.
Анкудиновъ, Тимошка (лже-Шуйскій)— 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253.
Анна, сестра визан. императ.—295.
Анна-Марія, крещ. татарка—526.
Антіохія—319.
Антоній, Маркъ—480.
Антропофаги—167.
Анрау, Вильгельмъ—66.
Антверпенъ—65.
Антоній, толмачъ—17.
Антоній, св.—129.

Антонія св. монастырь—129.
Аполлоній Родосскій—430.
Арабія—514.
Арабы—514.
Аравійскій заливъ—440, 441.
Араксъ, рѣка — 394, 432, 443, 462, 468, 469, 471, 477, 478, 479, 480.
Араратъ, Мессина, Агри, Зюбейланъ—429, 432.
Арбузовъ, Константинъ Ивановичъ—123.
Арбухимъ, гора—378.
Ардебиль, городъ—464, 466, 471, 479.
Ардендюшенлю—478.
Аребъ-ханъ—461, 469, 478, 479, 482.
Аренсбёкъ, мѣстность—63.
Аристотель—199, 222, 418, 442, 443, 444.
Аркасъ—350.
Арменія—400, 409, 432, 481.
Армяне—66, 141, 343, 402, 432, 483, 519.
Армянскія горы—481.
Арпа, рѣка—481.
Арпенбеке, Арпенбекъ, Арпенбэкъ, Гансъ — 65, 117. 358, 388, 536.
Арріанъ—445, 446, 493.
Арсеній, грекъ—297.
Архангельскъ, Архангелгородъ, Св. Михаилъ Архангелъ—119, 148, 156, 162, 204, 228, 258, 317, 321.
Аскула, рѣка—383.
Ассиряне—431.
Астара, городъ—449, 472, 474.
Астраханская степь—400, 515.
Астраханская страна, см. Астраханская Татарія.
Астраханская Татарія—149, 378.
Астра-ханъ—399.
Астрахань — 30, 88, 145, 146, 162, 164, 203, 208, 223, 228, 229, 351, 352, 359, 362, 374, 385, 386, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 406, 409, 410, 412, 414, 415, 418, 420, 421, 423, 427, 442, 454, 476, 507, 519, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 532.
Атроба, рѣка—378.
Аугсбургское исповѣданіе—103, 110, 246.
Ауэрбахъ, см. Авербахъ.
Африка—417.
Ахматовская гора—386.
Ахматовскій островъ — 387.
Ахтубское устье Волги—391, 394.
Ахтубы нижнее устье, рукавъ Волги—394.
Ашерслебенъ—64, 514.
Аѳанасій, св.—231, 292, 311.
Аѳиняне—293.

Б.

Бабино, деревня—354.
Бадаренъ (Паддернъ)—61.
Базецій, Августинъ, архіеписк.—409.
Байрамъ-Теклэ—478.
Бакинское море, см. Каспійское море.
Баклановскій, Ив. Ив., посолъ—261.
Бакру, горы—471.
Баку, см. Бакуйэ.
Бакуйэ (Баку)—440, 447, 458, 461.
Балау Іоганнъ—6.
Балтійское море—1, 12, 58, 59, 61, 85, 86, 100, 106, 119, 125, 129, 156, 361, 421, 436.
Бальхару, рѣка—469.
«Баранецъ»—161, 162.
Барбаръ, Іосифъ—461, 48 .
Барклай—219, 226, 262.
Бармахъ, гора—447, 455, 456, 483.
Барнеслей, Вильямъ—309.
Барнеслей, Джонъ—188, 307.
Бароній, кардиналъ—292, 294, 336.
де-ла-Барръ, полк.—5, 114, 115.
Бартельсенъ, Ивенъ—67.
Батракъ, островъ—383.
Бахель, деревня, см. Соратъ.
Беджируанъ, область—469.
Безводная, деревня—362.
Безикгеймъ—66.
Безикъ, Андрей—112.
Беканъ, см. Горопій.
Беллярминъ, кардиналъ—338.
Бельтъ—350.
Бёмеръ, Гансъ Карлъ—66.
Бендемиръ, рѣка—480.
Бернгартъ, Гансъ—360, 531.
Бернольди, Ліонъ—65.
Бертольдъ, аббатъ—107.
Бескешанъ, рѣка—473.
Бетеръ-султанъ—477.
Библія—291, 292, 311.
Бизар(р)ъ, Петръ—447, 448, 461.
Бикэ, мать Мусала—426, 427, 514, 518.
Бингеръ, Іоахимъ—66.
Блуме, Михаилъ—66.
Боасардъ (Boysardus)—324.
Бобреневъ м-рь (?)—352.
Богаръ-Корсунъ, см. Каспійское море.
Богдановъ, Иванъ, писецъ—235.
Богданъ Ѳедоровичъ (Обобуровъ)—30.
Бодфидій, д-ръ—291.
Бойнакъ, бойнаки—495, 497, 498, 500, 504.
Боккегоффенъ младшій, полковникъ—188.
Боккъ, купецъ—333.
Бокстегуде, городъ—65, 482.
Болчукъ, рукавъ Волги—397.
Большой городъ—344.
Большой Рогге—74, 82.
Болыклея, рѣка—390.
Борей—88.
Борисѳенъ, см. Днѣпръ.
Борисъ, царь, см. Годуновъ.
Борнгольмъ, островъ—2, 69.
Борнъ—347.
Борхгольмъ, замокъ—72, 73.
Ботемскій островъ—377.
Ботманъ, Іаковъ—401.
Боттсъ, полковникъ—116.
Ботьма, рѣка—377.
Бохартъ (Бошаръ)—440.
Брабантъ—64, 246.
Бразиліанцы—167.
Бременская хроника—107.
Бременцы—106, 107.
Бременъ—107, 347.
св. Бригитты монастырь—103.

Бригманъ, см. Брюггеманъ.
Брилль, городъ—66.
Бродъ—355.
Брокманъ, Генрихъ—113.
Бронницы—24, 130.
Бругманъ, Отто, см. Брюггеманъ.
Брюг(ге)ма(н)нъ, Оттонъ—1, 17, 38, 64, 65, 69, 75, 76, 80, 83, 100, 124, 133, 137, 140, 145, 361, 373, 379, 381, 387, 393, 396, 413, 414, 419, 429, 437, 438, 444, 451, 454, 455, 466, 467, 470, 478, 491, 495, 501, 511, 520, 522, 523, 524, 526, 529, 530, 531, 532, 533, 536.
Брюннъ—65.
Будово, деревня—26, 279.
Бузанъ, островъ—397, 527.
Бузинъ, горы—400.
Буйносовъ-Ростовскій, Юр. Петр., князь—276.
Буладн, деревня—475.
Буладн, рѣка—475.
Булгаръ, городъ—376.
Булькапенъ—62.
Буреусъ, Андрей—7, 14, 42, 124.
Бурлей, Вильгельмъ—142.
Бурлэ, царица—489.
Бутару, рѣка—477.
Бутурлинъ, Вас. Вас., бояринъ—276, 280.
Бутъ (Пудтъ) — 67, 529.
Бухвостовъ, рукавъ Волги—396.
Бухнеръ, Христофъ—66.
Быстрая, рѣка—423, 443, 512.
Бѣлая стѣна—31, 150, 152, 153, 270, 344.
Бѣлое море—148, 156, 321.
Бѣлоозерскій монастырь—308.
Бэръ, Мартинъ—182.

В.

Вавилонъ—514.
Вайгачъ, см. Вейгатъ.
Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ—105.
Варазарутъ, рѣка—474.
Варвары—68, 107, 108, 167, 172, 178, 179, 195, 199, 222, 256.
Вареній, географъ—445.
Варлаама Хутынскаго праздникъ—324.
Варлаамъ, митроп.—361.
Варсанофій, св.—530.
Варшава—239.
Василій Великій, отецъ церкви—311, 337, 441.
Василій Македонянинъ—294.
Василій, греч. импер.—293, 294, 295.
Василій III—155, 331, 357, 363, 370, 372.
Василій Петровичъ (Шереметевъ), воевода—358.
Васильгородъ—362, 363.
Васильсурскъ—360.
Ватсонъ, Георгъ—142.
Ватцау, деревня—61.
Веде, Петръ, боцманъ—67.
Везеръ, рѣка—375.
Везувій—101.
Вейнбергъ, Гансъ—65.
Вейгатъ (Вайгачъ)—167, 171, 172.
Великое Болото, имѣніе—249.
Великой Врагъ—362.
Веллигарденъ—105.
Вельнеръ, Эцердтъ Адольфъ—66.
Венделинъ Зибелистъ, д-ръ—7, 52.
Веніаминово колѣно—487.
Вергилій («Энеида»)—61, 200, 430.
Веспасіанъ, рим. императоръ—441.
Вестербергъ, Гертъ—66.
Вестеросъ, городъ—66.
Вестъ-Индія—534.
Ветлуга—367.
Викъ, округъ—101, 106.
Вилеши, рѣка—475.
Вино (Венно фонъ-Рорбахъ)—108.
Виргилій, см. Вергилій.
Виргиній, Андрей, д-ръ—6.
Вирландъ—101, 105, 106.
Висмаръ—63.
Витовтъ—125.
Виттенбергъ, Мартинъ—65.
Виттенбергъ, городъ—66, 246.
Виттенкампъ, Петръ—67.
Виттштокъ, городъ—66.
Вишневецкій, Адамъ—233.
Виѳлеемъ—153, 524.
Владиміръ, городъ—148, 283, 356, 531.
Владиславъ, польскій королевичъ—239, 240, 348.
Волга (Ра), рѣка—3, 28, 57, 86, 88, 130, 131, 142, 145, 146, 147, 148, 161, 164, 179, 203, 208, 305, 320, 350, 356, 357, 359, 360, 362, 363, 364, 367, 368, 369, 370, 375, 376, 377, 379, 382, 383, 384, 386, 388, 391, 392, 394, 400, 402, 414, 415, 416, 420, 434, 440, 443, 512, 520, 521, 524, 527, 529, 531.
Волго, озеро—360.
Волконскій лѣсъ—360.
Волконскій, Ѳед. Ѳед., князь, бояринъ—276.
Вологда—148, 243, 244, 248, 252, 228.
Володимеръ, князь—147, 279, 293, 294, 295.
Володимерское княжество (Владимирское)—147.
Володимирское устье, рѣка—394.
Володимиръ, городъ, см. Владиміръ.
Волочекъ, ямъ—26, 130.
Волховская губа—18.
Волховъ, рѣка—19, 20, 125, 126, 128, 129.
Волынскій, Ѳед. Вас.—407.
Вольгастъ, городъ—65, 67.
Вольдемаръ Второй—101, 104, 118.
Вольдерсъ, Петръ—66.
Вольмаръ—4.
Вольфъ-Спарръ, см. Спарръ.
Ворденъ—67.
Ворсма, рѣка—356.
Воскресенская мель—355.
Восточное море, см. Балтійское море.
Восточный океанъ—441.
Врангель, полковн.—535.
Вшивый рынокъ—154.
Выборгъ—102.
Выдропускъ, деревня—130.
Высокая, деревня—23.
Вышгородъ въ Ревелѣ—113.
Вышній-Волочекъ—130.
Вязовая, гора (островъ) и рѣка—394.
Вязовка, деревня—369.
Вятка—307.
Вѣна—245, 261.
Вюртембергская земля (страна)—65, 66, 499.
Вюртембергъ—65.

Г.

Габиловская, деревня—354.
Гавреневъ, Иванъ Аѳанасьевичъ — 44, 55, 277, 280.
Газелоу—65.
Гаккегоффъ—121.
Галатея—427.
Галичъ—283, 360.
Галле, Илія—65.
Гальметъ, усадьба—5.
Гамбургскія суда—156.
Гамбургъ—1, 2, 20, 64, 65, 66, 67, 506, 525.
Гамельманъ—5.
Гамильтонъ, полковникъ—275.
Гаммерсгаузенъ, замокъ—2.
Гангра, городъ—330, 331.
Ганза—102.
Ганзенъ, Іаковъ—66, 396.
Ганзенъ, Тобіасъ—142.
Гапсаль—6.
Гардекъ, см. фонъ-Турнъ.
де-ла-Гарди, Понтусъ—118.
де-ла-Гарди, Яковъ—13, 117, 128, 317.
Гардинусъ, Андрей—347.
Гарлеффъ, Людерсъ—53.
Гарріенъ, округъ—101, 105, 106.
Гартенштейнъ—65.
Гартманъ Граманнъ—64, 69, 91, 198, 260, 318, 453, 508, 521, 536.
Гартманъ, Христофоръ—65.
Гартсъ, Генрихъ—67.
Гаффсгоффъ—61.
Гвагнинъ—126, 127, 155, 160, 167, 169, 170, 225, 295, 332, 334, 341, 342, 353, 364, 399.
Гваньини, Александръ, см. Гвагнинъ.
Гвинея—416, 417.
Гвоздовское озеро—400.
Гебнеръ, Матвѣй—66.
Гейзелеръ, Симонъ—65.
Гекштедтъ—65.
Геллій, Авлъ—491.
Гельдернъ—66.
Гельмесъ, Гансъ—35, 37, 43, 56, 138, 224.
Гельмольдъ—150.
Гельсингфорсъ, см. Эльзенфоссъ.
Гемзелій, математикъ—102.
Геннебергеръ—63.
Геннингъ, Соломонъ—5, 200, 238, 332, 373.
Георгія, см. Грузія.
фонъ-Герберштейнъ, Сигизмундъ, баронъ—10, 40, 126, 129, 149, 155, 158, 160, 161, 219, 220, 221, 225, 295, 310, 314, 322, 323, 330, 342, 348, 349, 357, 360, 399.
Герике, Гансъ—66.
Герингсгольмъ—105.
Герлахъ, Крузе—104, 342.
Германія—5, 32, 46, 59, 67, 68, 88, 101, 118, 119, 141, 143, 158, 160, 179, 180, 186, 227, 362, 375, 452, 468, 470, 533.
Гермесъ Трисмегистъ, см. Трисмегистъ.
Геродотъ—442, 476, 492.
Гершигъ, Христіанъ—65.
Герцбергъ, Касперъ—26, 65, 347.
Геснеръ—294.
Гессенъ—66.
Гёшге, Николай—65.
Гилленшерна (Гюлленшерна, Гильденшерна) Эрикъ—7, 42, 44, 305.
Гильдебрандтъ, Іоаннъ—65.
Гилянскія горы—475.
Гилянцы—442, 447.
Гилянъ, провинція персид.—388, 417, 430, 448, 449, 452, 472, 474, 477, 481.
Гиперборейскія горы—167.
Гирканія—462, 474, 491.
Гирканскій заливъ—441.
Гирканскія горы—446.
Гирканское море—432, 440, 442.
Гланцъ, Ѳома—65.
Глёкъ, Михаилъ—67.
Глёкъ, Даніель—142.
Глинская, Елена—221.
Глинскій, Михаилъ—221.
Гнилуша, рукавъ Волги—397.
Годуновъ, Борисъ—153, 182, 195, 231, 232, 233, 234, 235.
Гой, Вильгельмъ—142, 506.
Голицынъ, Ив. Андр., князь, бояринъ—276.
Голландскіе мореплаватели—170.
Голландскія суда—74, 156, 162.
Голландія—67, 154.
Голландцы—167, 171, 172, 176, 181, 190, 346.
Головинъ, Петръ Петр., окольн.—277, 281, 283.
Голутвинъ-Сергіевскій монастырь—353.
Голштинія (ср. Голштинская земля)—1, 52, 57, 58, 65, 66, 73, 100, 155, 169, 185, 246, 247, 303, 314, 415, 476, 518, 524, 532, 533, 535, 536.
Голштинская земля—145, 146.
Голштинцы—348, 375.
Гомеръ—172; (библ.) 440.
Горбатовъ, Родіонъ—145, 350, 414.
фонъ-Горенъ, Іоганнъ—248.
Городище, деревня—22.
Городня, деревня—130.
Горопій Беканъ—492, 493.
Госпиніанъ—41.
Готландъ—73, 74.
Готторпъ—1, 53, 63, 73, 83, 88, 92, 96, 162, 246, 248, 401, 536, 537.
Готтфридъ, Іоганнъ Лудвигъ—55.
Готы—399.
Гофемейстеръ, Гансъ—66.
Гохландъ—75, 77, 78, 79, 80, 82, 83, 86, 87, 93, 94, 361.
Граве—67.
Гравій, Іоаннъ—442.
Граманъ, см. Гартманъ Граманъ.
Грамотина имѣніе—360.
Грамотинъ, Иванъ Тарасьевичъ—44, 55, 137.
Граціанъ-Валентиніанъ—199.
Греки—50, 141, 173, 177, 199, 227, 295, 296, 319, 330, 342, 348, 349, 486.
Гренландцы—169.
Греческіе купцы—47.
Греческіе священники—47, 48, 49, 50.
Грейфсвальде—64.
Григорій Богословъ—292, 331.
Григорій Назіанзинъ—292.
Григорій Никит(ов)ичъ—385.

де-Griколь, см. Таллеранъ.
Гришка Отрепьевъ—233, 234.
Гронъ, см. де-Грэнъ.
Гросс-Глогау—66.
Грузино, деревня—22.
Грузія—466, 481.
Групсъ, Вильгельмъ—143.
де-Грэнъ, Антонъ—188, 303, 306.
Греція—293.
Грюневальдтъ (Грюнвальдъ), Гансъ—65, 534.
Гундсвикъ—74.
Гурджистанъ, см. Грузія.
Гурій, св.—530.
Гуссейнъ—477.
Густавъ Адольфъ—6, 291, 319.
Гусь, рѣка—354.
де-Гэ, Луи—347.
Гюбенеръ, Христіанъ Людвигъ—65.
Гюлистанъ, см. Кюлустанъ.
Гюлленшерна, см. Гилленшерна.

Д.

Давидъ, царь израильскій—224, 255, 311, 325, 342.
Дагерордтъ (Даго), островъ—74.
Дагерордтскій мысъ—74.
Дагестанъ—485, 491, 493, 495, 498.
Дамаскинъ, Іоаннъ—292, 315.
Даніилъ, ветхозав. пророкъ—226.
Даниловское устье, рукавъ Волги—396.
Данія—65, 69, 73, 129, 303, 304.
Данцигъ—62, 65, 141, 346.
Датскій дворянинъ, см. Ульфельдъ.
Датскій король—228.
Датчане—125.
Двина, рѣка—3, 100, 106, 148, 156, 163.
Двинская земля—156.
Двинскій край—166.
Дворянипово—352.
Девисъ, Питеръ—66.
Деждевендъ, обл.—476.
Дезебрухъ, Зигфридъ—65.
Дей, докторъ—188.
Дектандеръ, Георгъ—430, 475.
фонъ-Дельденъ, Іоганнъ Бёккеръ (толмачъ вел. кн.)—260, 261, 298.
фонъ-Денгоффъ, Касперъ, графъ—304.
Дербентъ—433, 434, 435, 445, 449, 461, 483, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 492, 494, 496, 505, 507.
Деремонтъ, Иванъ, см. де-Ремонъ.
Дерптскій университетъ—5, 6.
Дерптъ (Юрьевъ)—4, 5, 6, 65, 102, 103, 118.
Детерсенъ, Іоганнъ—180.
Джабедаръ, деревня—471.
Джаватъ, деревня—468, 478, 479, 482.
Джалалъ-оглы, паша—478.
Джанлю, деревня—471.
Дженкинсонъ—447.
Джецени, см. Четланъ.
Джили, р.—475.
Джилтенанъ, мѣсто погребенія—488.
Джицетлу—471.
Джюмджуме—487, 488.
Дизле, деревня—476.
Димитрій, царевичъ, сынъ Іоанна IV—231, 232, 233, 235, 236.
лже-Димитрій I—233, 234, 235, 236, 237, 238, 242.
лже-Димитрій II—238.
лже-Димитрій III—239.
Димитрій (?) Мономахъ—255.
Динаджаръ, рѣка—473.
Діана, богиня—208.
Діодоръ Сицилійскій—492, 519.
Діонисій Александрійскій—440, 442, 491.
Діонъ Кассій—324.
Дмитровка, въ Москвѣ—270.
Днѣпръ, рѣка—148, 293.
Добленъ, деревня—61.
Добрынинъ островъ—354.
Долгій, островъ—399.
Долгорукой, Димит. Алексѣев., окольн.—277.
Долгорукой, Петръ Алексѣев., князь, окольн.—277.
Долгорукой, Юрій Алексѣевичъ, князь—281, 284.
Долль, Генрихъ—142.
Домеснесъ, мысъ—3.
Донъ (Танаисъ), рѣка—161, 354, 384, 387, 391, 398, 399.
Дорнъ, Адамъ—298.
Драге—65.
Дубиль, деревня—476.
Дубна—131.
Дудероффъ—6.
Дудинъ монастырь—354.
Дѣвичья гора—379, 380.
Дѣдино, деревня—353.
Дюнамюнде (Усть-Двинскъ)—3.

Е.

Евангелисты—24.
Евреи, см. Іудеи.
Европа—147, 148, 167, 187, 398, 515, 524.
Евстаѳіане—331.
Евстаѳій (Евхстатій)—480.
Египетъ—335, 336.
Ейслебенъ (Эйслебенъ)—1.
Елатьма, деревня—355.
Елизаровъ, Ѳед. Куз., думн. дворян.—277, 280.
Емба, рѣка—443.
Ермоличъ, польск. дворянинъ—247.
Еруславъ, рѣка—387.
Ефремъ Сиринъ—292.
Exaudi (6-е воскресенье по Пасхѣ)—104.

Ж.

«Женская страна»—493.
Жолкевскій, Станиславъ, польскій воевода—239, 240.
Женева—65.
Женскій рынокъ—153.
Жмудская земля—167.

З.

Заборовскій, Сем. Ив., думн. дьякъ—277.
Завидово, деревня—131.
Загряжской, Як. Ив.—282.
Западное (Нѣмецкое) море—119.
Зарѣчье, деревня—58, 123.
Звѣринка, деревня—124.
Звѣрино, деревня—58.
Зегебергъ, мѣстность—106.
Зеелеръ, Касперъ—66, 529.
«Земскій дворъ»—270.
Зенки, рѣка—481.
Зибелистъ, Венделинъ—2. Ср. Венделинъ.
Зиги—515.
Зимёнки, дрвн.—362.
Зимогорье, ямъ—26, 130.
Златоустъ, Іоаннъ—292, 311.
Змѣевая гора—385.
Змѣиная гора, см. Темная.
Золотая гора—387.
Золотой островъ—387.
Золотыя горы, см. Черкасскія горы.
Зонара—294.
Зудоцкій, Альбрехтъ—66.
Зундъ—129.
Зюбейланъ, см. Араратъ.
Зюзинъ, Никита Алексѣев., бояринъ—276.

И.

Иберія—491.
Ибрагимъ, Сеидъ—459, 458, 461.
Ивангородъ—118.
Ивановъ, см. Алмазъ.
Ивановъ день—160.
Ивановъ, Иванъ—143.
Ивановъ, Ларивонъ—143.
Ивановъ-сынъ, Георгій—66.
Иванчугъ, часовня—415.
Иванъ Васильевичъ, царь—5, 26,40, 118, 126, 127, 148, 178, 221, 224, 231, 233, 234, 239, 241, 321, 332, 372, 373, 402.
Иванъ Великій, колокольня—153, 207.
Иванъ Львовъ, см. Львовъ.
Иванъ Михайловичъ, принцъ—140, 532.
Иванъ Тарасовичъ, см. Грамотинъ.
Иванъ, толмачъ—32.
Избылецъ, деревня—356.
Израильскій народъ—255.
Ике, Іоахимъ—66.
Илія, патріархъ іерусал.—319.
Иловля, рѣка—387.
Ильинъ день—517.
Ильменъ, городъ—64.
Ильмень-озеро (Ильмеръ-озеро)—20, 125.
Имамкули-султанъ, персид. посолъ—432, 489, 505, 525, 534, 535.
Имамъ-Курхудъ, святой—490.
Имамъ-мирза, князь—499, 503.
Имгоффъ, Іеронимъ—65, 66.
Ингерманландія—1, 10, 12, 58, 119, 120, 121, 160, 209, 535.
Индійское море—441.
Индійскій океанъ—444.
Индійскій царь—474.
Индійцы (Индусы, Индѣйцы)—142, 401, 402, 413, 487.
Индія—398, 432, 466, 488.
Иннокентій III, папа—309.
Инсбруккъ—65.
Инхенгефферъ, Генрихъ—347.
Ирина Михайловна, велик. княжна—304.
Исаія, пророкъ—337.
Исленевъ, Степанъ Ив.—282.
Испагань—142, 143, 259, 487.
Испанія—129.
Испанскіе мореплаватели—170.
Италія—111, 112, 203, 245.
Итиль или Волга—440.
Ичибурскій островъ—397.

І.

Іазонъ, миѳич. герой—430.
Іаковъ, датскій дворянинъ, см. Ульфельдъ.
Іезидъ, военач.—477.
Іенсенъ, Стэнъ—66, 73.
Іервенъ, округъ—101, 106.
Іеремія, пророкъ—224.
Іеронимъ—190.
Іерусалимская церк.—137,153,524; ср.Троицкая.
Іерусалимъ—50, 137, 163, 310, 319.
Іоаннъ, св. Златоустъ.
Іоаннъ Георгъ—49, 55, 56.
Іоаннъ Казимиръ, польск. король—247.
Іоаннъ, русскій митроп.—330.
Іоаннъ (Іоганнъ), герцогъ датскій—195, 345.
Іоаннъ, король шведскій—118.
Іоаннъ Предтеча—104, 299, 336.
Іоасафъ, см. Патріархъ.
Іоахимъ Эрнстъ—63.
Іовій, Павелъ—225, 231, 486.
Іоганнесталь (Иванова долина)—11, 12.

Іоганнъ, еп. любекскій—537.
Іоганнъ Оке, епископъ—103.
Іоиль, пророкъ—319.
Іоняне—199.
Іорданъ, Іоганнъ, мастеръ—371.
Іорданъ, рѣка—220, 295.
Іорнандъ (Іорданъ)—492.
Іосифъ, см. Патріархъ.
Іостенъ, Корнилій—67, 437.
Іостъ, Адріанъ—67.
Іудеи (ср. Евреи, Израильскій народъ)—335, 336, 343, 344, 463, 487, 488.

К.

Кабаній яръ—397.
Кабанья мель—397.
Кабеусъ, Николай—443, 444.
Кавказскія горы—429, 430, 431, 491, 512 (Ср. Кавказъ, страна).
Кавказъ, страна—432, 466, 480, 508, 515.
Ка(д)ница, деревня—362.
Казанка, рѣка—369, 373, 529, 530.
Казанская Пречистая (икона)—323.
Казанская область—362, 370.
Казанская Татарія—149, 373.
Казанское царство, см. Казанская Татарія.
Казанцы, см. Татары казанскіе.
Казань—145, 146, 223, 280, 323, 328, 361, 364, 365, 366, 369, 370, 372, 374, 375, 378, 383, 392, 526, 529, 530, 531, 536.
Казаубонъ (Казобонъ)—294.
Казацкая гора—383, 384.
Казилю, деревня—468.
Казимиръ, пол. король, см. Іоаннъ Казиміръ.
Казинъ, островъ—368.
Каинково, озеро—400.
Кайтаки, племя—498.
Калинино, деревня—354.
Калипсо—171.
Каллисто—350.
Каллистъ, Никифоръ—337.
Калмыки—386, 403.
Калуга—148.
Кальвизій—41.
Кальмарскіе окопы—72.
Кальмаръ—71, 72, 73, 116.
Кальмаръ-зундъ—72, 73.
Калэ Кюлустанъ, укрѣпленіе—465, 466.
Кама, рѣка—375, 377, 529.
Каменный монастырь—320.
Каменный-Яръ, гора—394.
Камоусъ, рѣка—392.
Камышинка, рѣка—387, 390.
Канабъ, рѣка—473.
Кантаренъ, Амвросій—447, 448.
Капелла, Марціанъ—441.
Капонъ, Александръ или Фердинандъ, флор. двор.—313, 314.
Каппадокія—432, 492.
Карабахъ, область—433, 469.
Караи—478.
Карасу, рѣка—471, 481.
Каратанъ, деревня—375.
Каргару, область—473.
Кардиналъ-инфантъ—64.
Карелія—160.
Карлъ Великій—319.
Карлъ IX, датск. король—191.
Карлъ, зюдерманландскій герцогъ—5.
Карстенсонъ, Канутъ—65.
Картрайтъ, Джонъ, путешествен.—465, 481
Касіенде, рѣка—475.
Касимовское княжество—354.
Касимовъ, городокъ—145, 354, 355.
Каспійскій проливъ—432.
Каспійскія ворота—475, 492.
Каспійское море—1, 28, 57, 88, 148, 357, 362, 374, 376, 386, 391, 392, 396, 397, 398, 399, 400, 407, 413, 414, 416, 418, 420, 432, 433, 434, 436, 440, 441, 442, 443, 444, 446, 447, 449, 460, 461, 472, 476, 480, 481, 491, 492, 494, 497, 515, 519.
Кассанъ, царь—488, 489, 490.
Кассель, городъ—66.
Катана—101.
Каушанъ—481.
Кашинъ, городъ—360.
Квиринъ, голландецъ—180.
Кегель—59.
Кедринъ, визант. писатель—294.
Кёзель, Гансъ—65.
Кёктепе, мѣстечко—484.
Келехолъ, о-въ—476.
фонъ-Кёлленъ, Якобъ—6, 143.
Кемптенъ—65.
Кенджэ, городъ—462.
Кенигсбергъ—62.
Керкгольмъ—107.
Керни, рѣка—481.
Кескеръ, городъ—448.
Кешовскій кабакъ—374.
Кибела—324.
Кизилагачъ, городъ—474, 475, 476.
Кизиль-узень, рѣка—443.
Кизихтъ, деревня—484.
Кизляръ—512, 520.
Кизяръ, острова—396.
Киликія—432.
Киль, городъ—63, 66, 537.
Кипріанъ—337, 338.
Кириллъ, св.—292.
Кирилловъ-сынъ, Симонъ—143.
Кирополь—481.
Кирхгайнъ, городъ—65.
Киръ, рѣка, см. Кура.
Кирѣевская (Кирельская) деревня—375.
Киструсъ, деревня—354.
Китай-городъ—133, 150, 153.
Киттъ, Іоганнъ, поручикъ—142, 193.
Киттъ, Іоганнъ, слуга—142.
Клавдій, императоръ—441.
Клауссенъ, Клаусъ—67.
Клаус(ен)ъ, Корнилій, Клютингъ, морякъ—67, 360, 423, 438, 440, 497.
Клеобулъ—226.
Климентъ, св.—334.
Клинъ, деревня—58, 131.
Ключищи, деревня—374.
Клязьма, рѣка—356.
Кобургская земля—66.

Ко̀зъ (Козенъ) Генрихъ—59.
Козловъ, Яковъ—245.
Коваръ (Хабаръ) Иванъ, воевода—371.
Козмодемьянскъ—367.
Койсу, рѣка (ср. Albanus)—416, 443, 453, 504, 508, 511, 512.
Кокуй, мѣстность—345.
Кокшая—367.
Колка (Колкъ)—117.
Коломенское село—26.
Коломна—130, 145, 329, 352, 353.
Колтовъ, островъ—385.
Колхида—430.
Кольбъ, Христофоръ—67.
Колычевъ, Алексѣй Дмитр., окольн.—277.
Колычевъ, Филиппъ, см. Филиппъ, митрополитъ.
Колычевы—321.
Команнъ, Іоганнъ—66.
Кондыревъ, Жданъ Вас., думн. дьякъ — 277.
Конрадъ фонъ-Юнгигенъ—105.
Константинополь—247, 319, 337, 342, 390, 469.
Константинопольскій соборъ—319.
Константинъ Великій,—315.
Конюховъ, Костька—245, 247, 254.
Копаново, деревня—354.
Копановскій, островъ—396.
Копановъ яръ—396.
Копенгагенъ—73, 261.
Копорье—6, 8, 10.
Кордесъ, Михаилъ — 1, 29, 57, 67, 356, 425, 437.
Кордуанъ—176.
Кордъ, магистръ—103.
Кордъ-Фитингсгофъ—103.
Корелія—7, 12, 13.
Коссаръ, рѣка—485.
Костоватый, островъ—379.
Кострома—283, 360.
де-ла-Костъ, капитанъ—188.
Костька, см. Конюховъ.
Кохани, деревня—483.
Кохъ, Берендъ—65.
Краббенгёфтъ, Гансъ—4.
Кранцъ, Альбертъ—106.
Красная стѣна—149, 151, 270.
Красное море—432.
Красные Станки, деревня—25.
Красовскій, Войтешокъ—67.
Краффертъ, Гуго—142.
Кребсъ, Генрихъ—65, 525.
Крейгъ, Ѳома—66.
Крейссенъ, городъ—66.
Крекшинъ, Семенъ Андреевичъ—17.
Кременки, деревня—362.
Кремль (въ Москвѣ) — 33, 34, 39, 42, 45, 49, 50, 53, 54, 133, 134, 137, 140, 141, 149, 151, 152, 153, 154, 158, 170, 190, 204, 207, 235, 236, 237, 238, 241, 253, 259, 263, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 272, 279, 282, 288, 322, 324, 327, 328, 329, 371.
Крестцы, ямъ—25, 130.
Крецшмеръ, Симонъ—65.
Кречевица, деревня—23.
Кречевицкій Хутынскій монастырь, см. Хутынь.
Кріуша, островъ—367, 386.
Кромеръ—279, 294, 295.
Кроссе, Гердтъ—67.
Крузе, Герлахъ—104.
Крузенштерна (Крузенширнъ), Филиппъ, см. Крузіусъ, Ф.
Крузій, Мартинъ—342.
Крузіусъ, Іоганнъ-Филиппъ—69.
Крузіусъ, Филиппъ—1, 17, 30, 37, 38, 69, 77, 83, 84, 88, 119, 123, 133, 135, 140, 145, 361, 381, 417, 451, 491, 528, 533, 534, 536.
Крусъ-Бьорнъ (Крузебьернъ), Петръ—17.
Крымскіе послы—371, 388.
Крымскіе татары, см. Татары.
Крымъ—370, 371, 388, 409.
Крэгъ, Ѳома—66.
Ксерксъ—227.
Кузова, островъ—159.
Куаверъ, область—476.
Кумуки, племя—498.
Кунда—59, 86, 111, 117, 164, 536.
Кунемундтъ, Іоганнъ, полк.—12.
Кунзаръ, см. Каспійское море.
Купертъ, Гансъ—104.
Кура, рѣка (Киръ р.)—443, 468, 479, 481, 482.
Курабъ, городъ—472.
Куракинъ, Григ. Семен., князь, бояринъ—276.
Куракинъ, Ѳед. Семен., князь, бояринъ—276, 281.
Кургани, рѣка—485.
Курджи-баши—475.
Курдистанъ, страна—484.
Курды—484.
Курляндія — 3, 60, 61, 65, 66, 163, 165, 166.
Курманъ, деревня—354.
Куропалатъ, Іоаннъ, греч. истор.—293.
Курхудъ, его гробница—490.
Курцій, Квинтъ — 167, 190, 431, 442, 445, 446, 447, 479, 480, 491, 492.
Кэгъ, Аксель—66.
Кюлустанъ, см. Калэ Кюлустанъ.
Кюльзюмъ, см. Каспійское море.
Кюмито—105.
Кюръ, названіе жителей Шабрана—484.

Л.

Лава (Лувуя), рѣка и деревня—14, 17, 18.
Ладога, городокъ—18, 20, 164, 318.
Ладожское озеро—7, 12, 16, 18, 20, 125, 128, 129, 293.
Лактанцій—318, 320.
Лапландцы—170.
Ларсонъ, Мартинъ—66.
Ларька—143.
Латеранскій соборъ—309.
Латыши (срав. Не-Нѣмцы)—114, 209.
Лахаджъ, мѣстечко—461.
Левонтій, см. Плещеевъ
Левъ IX, папа—336.
Ледовитый океанъ—147.
Лезгины, см. Татары дагестанскіе.
Лейпцигъ — 10, 32, 64, 65, 68, 248, 313, 462.
Лёме, рѣка—473.
Ленгебусъ-дахи, горы—482.

Ленгебюсъ, деревня—482.
Ленгеркунанъ, провинція—474.
Ленкорань—447, 474.
Леопольдъ, эрцгерцогъ—246.
Лесли, Александръ, полковникъ—303, 304, 305, 306, 346.
Леттія—100, 108.
Лже-Димитрій, см. Димитрій.
Либава—65.
Ликогенъ—252.
Лиліенгагенъ (имѣніе)—58, 123.
Линау, Гансъ—66.
Липгардтъ, Іоганнъ—59.
Липовскій, Стефанъ—246.
Липовые Исады—354.
Литва—66, 147, 148, 167, 233, 247.
Литвиновъ-Масальской, Андрей Ѳед., князь, окольничій—277.
Литовцы—125, 148, 155, 200.
Лихачевъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ—137.
Лифляндія — 1, 5, 21, 26, 40, 52, 64, 65, 82, 86, 93, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 116, 120, 121, 147, 156, 158, 160, 163, 164, 167, 200, 202, 206, 209, 245, 246, 248, 291.
Лифляндская академія—103.
Лифляндскій берегъ—74.
Лифляндскіе крестьяне—81.
Лифляндскіе рыбаки—79.
Лифляндскія ворота въ Нарвѣ—118.
Лифляндцы—79, 81, 87, 125, 160, 178, 209, 231.
Лиценъ—64.
Лобановъ-Ростовскій, Ив. Ив., князь, окольничій—277.
Логинъ, муромск. протопопъ—312, 349.
Лонде, Давидъ—142.
Лондорній, см. Лундорпій.
Лопатинъ островъ—383.
Луговые Черемисы, см. Черемисы.
Луканъ—110.
de Lucca, Iohannes, монахъ—409.
Луккъ, Гансъ—66.
Лундорпій—124.
Львовъ, Алексѣй Михайл.—138.
Львовъ, Вас. Петр., князь, окольн.—277.
Львовъ, Димитрій Васильевичъ, князь — 283.
Львовъ, Дим. Петр., князь, окольн.—136, 277.
Львовъ, Иванъ—56.
Львовъ, Семенъ Петр., князь, окольн.—277.
Лыковъ, Бор. Мих., князь—355.
Лыковъ-Оболенской, Борисъ Михайловичъ, князь, намѣстникъ тверской—44, 55.
Лѣсной рынокъ въ Москвѣ—155.
Любекскій дворъ въ Новгородѣ—192.
Любекское право—103.
Любекцы—106.
Любекъ—1, 2, 63, 65, 67, 102, 246, 534, 535, 537.
Любсъ—65.
Люггенгузенъ—112.
Людовикъ XIII, франц. король—347.
Лютеръ—113.
Ляпуновъ, Захарій—239, 241.
Ляхи, деревня—355.

М.

Мавры—440.
Магдалина, Марія—313.
Магдебургъ—514.
Магинъ, комментаторъ—481.
Магметъ-Гирей, см. Менгли-Гирей.
Магнусъ Голштинскій, герцогъ, епископъ Дерпта—5, 185.
Магнусъ Датскій, герцогъ—332.
Магнусъ, Іоганнъ—107.
Магометова гробница—507.
Магометъ—488, 490.
Маджулэ, деревня—475.
Маза, деревня—362.
Мазандаранъ, область—443, 472.
Макробій—441.
Максиміанъ, монахъ (Максимъ грекъ)—349.
Малая Песна—65.
Мальскій берегъ—85.
Мангышлакъ, см. Мингишлакъ.
фонъ-Мандельсло, Іоганнъ Альбрехтъ—63, 64, 358, 368, 373, 388, 410, 425, 466.
Мансонъ, Матвѣй или Тисъ—67, 425.
Мансфельдтъ, графство—65.
Маранку, область—476.
Марвиль, баронство—60.
пюръ-Мардеханъ, святой—467.
Маріи Пресвятой церковь—152.
Маріи Дѣвы икона—54, 316.
Марія Елизавета, герцогиня—526.
Марія Магдалина, св.—313.
Марія Пресвятая—137, 152.
Маркерёръ—66.
Маркъ, греч. купецъ—349.
Марселисъ, Петръ—162, 164, 308.
Мартинъ, Альбрехтъ—66, 526.
Мархія—65, 66.
Марчукъ, деревня—352.
Масловъ, островъ—367.
Масса, Исаакъ—392.
Матвѣй изъ Мѣхова—149, 398.
Матюшкинъ, Максимъ—147.
Махмаръ, Матѳій, плѣнникъ—499.
Махмудъ, султанъ—453, 504, 505, 507, 508.
Медина, городъ—507.
Медъ, рѣка—480.
Мейнардъ—106, 107.
Мейсонъ, Рицердъ—143.
Мейссенъ—64
Мейссенская земля—65, 66, 246, 347, 452.
Мейссенская монета—10.
Мекка—507.
Мекленбургъ—58, 65, 66.
Мексика—418.
Мела, Помпоній—441, 448.
Мёллеръ, Адамъ—65, 536.
Мёллинъ, Кароль, купецъ—316; ср. Молинъ.
Мельвиль, Ѳома—65, 66, 388.
Мемель—61.
Мемфисъ—519.
Менгли-Гирей, крымск. ханъ—370, 371, 372.
Менезій, Францискъ—108.
Меній, Фридрихъ—6.
де-Мерзелеръ, Фредерикъ—185.
Меркаторъ, Исидоръ—330.
Меррагé, мѣстность—469.
Мерсье, Исаакъ—65, 100.

Мессана—313.
Мессина, см. Араратъ.
Меттеранъ—150, 154.
Меченосцы—104, 108.
Мидія—259, 394, 400, 411, 432, 480.
Мидія старая—449.
Микляевъ, Петръ—225, 246, 248, 314.
Милославскій, Ив. Андр., окольничій—277, 281.
Милославскій, Илья Дан., бояринъ, тесть великаго князя—262, 263, 271, 275, 276, 280, 282, 284, 306.
Мингишлакъ, гавань—447.
Миндюнлукъ, см. Моканская степь.
Митава—61, 66.
Митюшка, рукавъ Волги—397.
Мисахъ—301.
Михаила св. архангела церковь—152, 256.
Михайловъ день, праздникъ—149, 152, 323, 326, 528.
Михайловъ, Ив. Полик., дьякъ—261.
Михайло-Новгородъ, см. Черный-Яръ.
Михаилъ, патріархъ констант.—336.
Михаилъ Левонтьевичъ (?)—321.
Михаилъ Θеодоровичъ, царь—1, 16, 17, 19, 24, 30, 32, 55, 88, 123, 132, 135, 145, 147, 148, 151, 165, 182, 188, 201, 241, 242, 254, 325, 528.
Михель, Гансъ—65.
Мишкаръ, деревня—484; ср. Мюскюръ.
Моганъ, см. Моканская степь.
Моисей, ветхозав. пророкъ—224, 397, 432.
Моканская степь—469, 476, 480.
Моканъ, область—468, 469, 475, 481.
Мокрицы, деревня—58, 124, 368.
Мокша, рѣка—355.
Молевая, деревня—354.
Молинъ, Кароль—347; ср. Мёллинъ.
Молчановъ, Михаилъ—239.
Момаонъ (Мамай?)—382.
Монтау, городъ—66.
Моравія—65, 66.
Мордовъ, деревня—454, 455.
Морозово, деревня—353.
Морозовъ, Борисъ Ивановичъ, бояринъ—254, 262, 263, 264, 266, 267, 269, 270, 272, 274, 276, 351.
Морозовъ, Глѣбъ Ив., бояринъ—276.
Морозовъ, Ив. Вас., бояринъ—276, 529.
Моррой, Вильгельмъ, сержантъ—142.
Моррой, Вильгельмъ, слуга—142.
Москва—1, 6, 7, 15, 16, 17, 25, 26, 28, 30, 31, 40, 46, 47, 52, 54, 57, 58, 60, 63, 67, 86, 88, 93, 117, 124, 126, 127, 130, 131, 132, 133, 134, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 164, 165, 166, 171, 172, 178, 179, 180, 181, 183, 184, 186, 190, 196, 198, 203, 205, 206, 207, 209, 210, 217, 220, 224, 226, 227, 229, 230, 231, 232, 234, 235, 236, 238, 239, 240, 241, 243, 244, 245, 248, 250, 251, 254, 257, 258, 259, 261, 264, 270, 273, 274, 276, 278, 279, 281, 282, 283, 284, 295, 296, 303, 304, 305, 307, 308, 315, 317, 320, 321, 322, 323, 324, 326, 327, 328, 341, 343, 344, 345, 347, 351, 352, 354, 357, 360, 362, 370, 371, 372, 376, 379, 381, 385, 386, 390, 392, 395, 396, 401, 414, 496, 522, 523, 524, 525, 527, 531, 532, 533, 534, 535.
Москва-рѣка — 149, 151, 155, 180, 325, 351, 352, 353.
Московитская земля—250.
Московитская публичная аудіенція—35.
Московитскій дворъ—243.
Московитскій календарь—247.
Московитскій скипетръ—148.
Московитъ, см. подъ именами царей.
Московиты—8, 31, 35, 37, 40, 41, 110, 148, 149, 155, 171, 172, 210, 232, 236, 238, 239, 240, 241, 295, 305, 343, 349, 369.
Московія—63, 147, 160, 162, 167, 171, 249, 297, 304.
Московскаго великаго князя титулъ—30, 257.
Московская держава—145, 146.
Московское рабство—225.
Мочаковское озеро—400.
Муганская степь, см. Моканская.
Мунга-Кормихель, полковникъ—275.
Мунстербергъ, Мартинъ—346.
Муратово, деревня—354.
Муромъ—145, 312, 349, 355, 356.
Муретъ—171.
Мурреръ, Францискъ—65.
Мусалъ, татарскій князь—369, 388, 390, 397, 406, 407, 408, 409, 410, 414, 420, 422, 423, 425, 426, 427, 428, 514, 516, 517, 518.
пюръ-Мухаръ, святой—490.
Мустафа, турокъ—486.
Мушеронъ, Бальтазаръ—32, 360.
Мѣдная, рѣчка—27, 130.
Мѣловая гора—387.
Мѣхово—149.
Мэотійское болото, см. Азовское море.
Мюллеръ, Гансъ—2.
Мюллеръ, Іаковъ—535.
Мюллеръ, Іоганнъ—58, 59, 86, 117, 536.
Мюллеръ, Марія—536.
Мюнстеръ—167.
Мюскюръ, мѣстность—449.

Н.

Набаррусъ, рѣка—473.
Навуходоносоръ, царь—226, 301.
Нагайская земля, см. Нагайская область.
Нагайская область (ср. Астраханская Татарія)—398, 399, 402.
Нагайская страна, см. Нагайская область.
Нагайское царство—402.
Нагорные черемисы, см. черемисы.
Назарій, см. Чистый.
«Налейки» (часть Москвы)—155.
Нарбековъ, Богданъ Θедор., думный дворянинъ—277.
Нарва—4, 6, 7, 8, 10, 58, 79, 111, 112, 113, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 124, 156, 160, 164, 170, 192, 193, 209, 247, 274, 291, 295, 318, 535, 536.
Нарвская рѣка—117, 119.
Наргенъ, островъ—74.
Насоновская гора—393.
Насоновскій островъ—393.

Науреддинъ-Мухаммедъ—408, 413.
Наурусъ, купчина—408, 411, 413.
Науширванъ, царь—486.
Нахджуань (Нахичевань)—462.
Неаполь—101.
Нева, рѣка—125, 350.
Неглинная, рѣка—151, 154, 270.
Неджестъ (Неджефъ)-бекъ—472, 479.
Ней-Бранденбургъ—66.
Нейбрунненъ—66.
Нейгебауэръ, Соломонъ—125.
Нейштадтъ—537.
Нектарій, архіепископъ—243.
Ней-Маркъ—65.
Не-нѣмцы (латыши, эстонцы)—108, 111, 112, 113, 114, 202.
Нейштадтъ—246, 247, 248, 250, 251, 537.
Ней-Штеттинъ—65.
Немда, рѣка—365.
Нероновъ, протопопъ—329, 349.
Нептунъ балтійскій (ср. Балтійское море)—436.
Нептунъ гирканскій (ср. Каспійское море)—436.
Нессеру, рѣка—472.
Несштадтъ—65.
Нётебургъ см. Нотебургъ.
Нигоффскій домъ—193.
Нигуз(ен)ъ, Анна—536.
Нигуз(ен)ъ, Генрихъ—536.
Нидерланды—66, 67.
Нижній-Новгородъ—57, 58, 76, 142, 143, 145, 148, 186, 268, 282, 296, 351, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 372, 374, 377, 379, 381, 396, 531.
Низовая, см. Ніазабатъ.
Никита Васильевичъ (?), бояринъ—10.
Никифоръ, визант. писат.—41.
Никола Деребня—131.
Николай св.—21, 22, 100, 152, 156, 255, 292, 383, 530.
св. Николая икона—315, 316, 318.
св. Николая церковь—152, 257.
Никольскій монастырь—18.
Никольскія ворота—303, 324.
Николы Нахимскаго село—28.
Николы на Посадѣ (?) монастырь—20.
Никонъ—322, 328; ср. Патріархъ.
Ниманъ, Дитерихъ, портретистъ—65, 482.
Нимфы—375.
Ніазабатъ, деревня—434, 435, 439, 450, 453, и 454, 484, 485, 487.
Ніе, Ніеншанцъ—10, 12.
Ніосъ, рѣка—443.
Ноабине, рѣка—475.
Новая иноземская слобода—346; ср. Кокуй.
Новгородъ—7, 8, 16, 24, 30, 57, 58, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 190, 192, 227, 230, 246, 247, 248, 251, 258, 274, 293, 323, 324, 328, 332, 371. Новгородъ Великій — 20, 24, 102, 124, 127, 129, 130, 148, 190, 194, 231, 253, 274, 282, 312, 317, 323, 357, 535.
Новгородскій гербъ—227.
Новинки, деревня—356.
Новоселки, деревня—354.
Ногайская Татарія—147.
Ноевъ ковчегъ—432.
Нотебургъ—6, 12, 13, 14, 16, 18, 125.
Нума Помпилій, см. Помпилій.
Нумменсъ, Левинъ (Логинъ), купецъ—274.
Нѣмецкіе геермейстеры—5.
Нѣмецкія сѣдла—30.
Нѣмецкое (Западное) море—119.
Нѣмцы — 5, 10, 19, 22, 25, 36, 40, 57, 110, 116, 125, 131, 145, 146, 150, 155, 156, 161, 176, 177, 180, 188, 196, 204, 207, 208, 209, 243, 260, 268, 271, 272, 283, 306, 316, 325, 345, 346, 358, 359, 372, 385, 412, 422, 524, 530, 535.
Нюрнбергъ—36, 65, 154.

О.

Оба, мѣстность—477.
Оберпфальцъ—65.
Обложицкій монастырь—354.
Обобуровъ, Богданъ Ѳеодоровичъ—30, 129.
Обь, рѣка—147, 167.
Овечій бродъ—384.
Овидій—172, 173, 446.
Одиссея—172.
Одоевскій, Никита Ив., бояринъ—276.
Одризскій народъ—280.
Ока, рѣка—142, 147, 148, 183, 351, 353, 354, 357, 360, 371, 534.
Оке, епископъ, см. Іоганнъ Оке.
Окзе, Георгъ—347.
Оксеншерна, Аксель—113.
Оксеншерна, Эрикъ, бар., губерн. Ревеля—105.
Оксъ, рѣка—443.
Оксфордскій университетъ—225.
Окусъ, нація—488.
Олай Великій—167, 169.
Олеарій, Адамъ — 64, 87, 127, 179, 192, 205, 206, 207, 208, 209, 358, 359, 360, 368, 373, 388, 399, 410, 414, 418, 419, 425, 428, 435, 436, 437, 442, 445, 447, 458, 459, 472, 474, 476, 477, 490, 497, 512, 521, 535, 537.
Олимпъ—380.
Олита, городъ—66.
Олферьевъ, Ив. Вас., окольн.—277, 284.
Ольдерманы или альдерманы—103, 536.
Ольсонъ, Карлъ, слуга—142.
Омельяновъ, Ѳедоръ—273, 274.
Омутъ, деревня—353.
Онега—275.
Опочка—125.
Опсъ, см. Кибела.
Ордабантъ, мѣстность—481.
Ориганъ—41.
Орксантъ, рѣка—443.
Орлино—58, 123.
Ортелій, географъ—440, 480.
Ортесій—опечатка см. Ортелій—440.
Орѣшекъ, см. Нотебургъ.
Осиновый островъ—385, 394.
Осминъ, область—495, 500, 502, 504.
Осминъ, князь татарскій—489.
Остерманъ, Берендъ—65.
Остъ-Индія—534.
Отрепьевъ, Гришка, см. Гришка Отрепьевъ и лже-Димитрій I.
Оттонъ III, римскій императоръ—294.

П.

Павелъ, апостолъ—330, 334.
Павелъ Іовій—124; ср. Іовій.
Павлово—356.
Паганщина, деревня—375.
Падаръ, племя—484, 485.
Падисъ, аббатство—200.
Паисій, патріархъ іерусалимскій—295.
Пантеонъ—324.
Паньщина, рѣка—384.
Парки—87.
Св. Пасха—63, 134, 137, 139, 263, 311, 333, 334, 335, 471, 472.
Патріархъ (Филаретъ)—34, 37, 60, 201, 241, 242, 306, 307, 327, 344; (Іоасафъ)—41, 46, 50, 53, 54, 137, 138, 139, 194, 296, 301, 305, 323, 385; (Іосифъ) 180, 221, 271, 295; (Никонъ)—177, 221, 225, 250, 254, 255, 256, 260, 276, 284, 297, 303, 310, 312, 316, 320, 321, 325, 328, 329, 333, 341, 344, 345.
Патрикѣевъ, Иванъ, дьякъ—243.
Пейпусъ, озеро—118.
Пёмеръ, Георгъ Пій—65.
Пеникъ—65.
Перекопскіе тарары, см. Татары крымскіе.
Переяславль—145, 148, 353. Переяславль Рязанскій—354.
Перлебергъ—65.
Пермскій край—166, 170.
Пермь (ср. Пермскій край), обл.—375.
Перновъ—58, 59, 106.
Персеполь—480.
Персидскіе караваны—369, 381, 420.
Персидскіе купцы—401.
Персидскій посолъ—37, 133, 137, 140, 528, 530. Ср. Имамкули-султанъ.
Персидскій заливъ—441, 480.
Персидскій шахъ—64, 88, 141, 229, 259, 357, 388, 410, 411, 425, 427, 432, 452, 453, 455, 497, 482, 489, 496, 504.
Персидскія дѣла, капитуляціи по нимъ—38.
Персидскія суда—407.
Персидское море—442.
Персіане, см. Персы.
Персія—1, 7, 52, 57, 64, 67, 88, 93, 135, 136, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 179, 197, 206, 210, 258, 259, 260, 297, 348, 351, 357, 376, 400, 401, 406, 408, 410, 412, 423, 424, 430, 432, 442, 443, 445, 450, 455, 464, 468, 472, 476, 478, 479, 480, 483, 487, 493, 496, 498, 524, 534, 536.
Персы — 8, 34, 185, 343, 388, 389, 401, 402, 405, 406, 407, 411, 412, 413, 416, 421, 424, 425, 427, 430, 432, 435, 442, 443, 448, 454, 458, 461, 462, 465, 466, 467, 469, 477, 480, 482, 485, 486, 487, 488, 489, 493, 494, 519, 528, 529.
Перулъ, островъ—416.
Перунъ, идолъ—128, 129.
Перунскій монастырь—128.
Перьево Село—355.
Песковъ, Иванъ, писецъ—244, 253.
Песна Малая—65.
Петра св. день—334.
Петрей—148, 150, 156, 219, 241, 255, 322, 353, 354, 400, 447.
Петри, Соломонъ—65, 522.
Петровскій постъ—333, 334.
Петрушка—216.
Петръ св.—341.
Пехра, деревня—535.
Печерская гора—383.
Печерскій монастырь—360.
Печора—167.
Пирна—66.
Пирушки, островъ—396.
Пискаторъ, Николай Іоаннъ—423.
фонъ-Плеттенбергъ, Вальтеръ—105.
Плещеевъ, Левонтій Степ., судья—263, 264, 265, 266, 267, 269, 271.
Плиній—110, 167, 325, 416, 441, 491.
Плутархъ—173, 480.
Поганый бродъ—154.
Пожарскій, Семенъ Роман., князь—270, 277.
Покровскія ворота—345.
Полибій—445.
Поливной Врагъ, мысъ—377.
Поликарповъ, см. Михайловъ.
Политіанъ, патріархъ александрійскій—319.
Полль, Михаилъ—66.
Половина, гора—395.
Половцы—403.
Польскій король—126, 148, 408.
Польскіе послы—143, 144.
Польша—67, 147, 167, 206, 234, 236, 238, 241, 244, 247, 252, 254, 304.
Поляки—5, 32, 59, 61, 63, 106, 125, 143, 148, 150, 155, 176, 200, 221, 237, 238, 240, 241, 322, 348.
Померанія—58, 64, 65, 66.
Помпей—480.
Помпилій, Нума—325.
Понтанъ, писатель—3.
Понтъ Эвксинскій, см. Черное море.
Портъ, полковникъ—10, 170.
Поповицкая Юрка—394.
Посольскій дворъ—31, 34, 47, 48, 53, 55, 100, 133, 134, 154, 229.
Посольскій приказъ—166.
Поссевинъ—37, 295, 312, 320, 322, 331, 339, 342, 373.
Прага—149.
Прецъ, городъ—63.
Приборъ, городъ—66.
Прозоровскій, Вас. Семен., князь—276.
Пролей-каша, островъ—375.
Прометей—430, 432.
Пронскій, Ив. Петр., князь—276.
Пронскій, Мих. Петр., князь—280, 284.
Прончищевъ, Аѳан. Осип., думн. дворян.—277.
Прончищевъ, Ларіонъ Дмитр.—277.
Протасьевъ, Петръ—247.
Пруссія—58, 62, 66, 103, 105, 108.
Псковъ—30, 118, 148, 162, 227, 273, 274, 275, 329.
Птолемей—398, 481, 491, 508, 512.
Пуденбергъ, Гансъ—67.
Пудожемскій островъ—156.
Пудтъ, см. Бутъ.
Пурцъ, деревня—536.
Пустополе, деревня—354.

Пушкарскій приказъ—264.
Пушкинъ, Бор. Ив.—273, 274.
Пушкинъ, Григор. Вас.—276.
Пушкинъ, Григор. Гавр.—283.
Пушкинъ, Степ. Гавр., окольн.—277.
Пфальцъ—66, 137.
Пфаундлеръ, Михаилъ—65.
Пѣшки—131.
Пюрмарасъ, деревня—458, 461, 483.
Пясецкій, писат.—201.

Р.

Ра, см. Волга.
Работки, деревня—362.
Raw Іоап—399
Радеръ, комментаторъ—480.
Радзивиллъ, Янушъ—32.
Ракоци, князь—245.
Рацебургское епископство—64.
Ревекка—110.
Ревель—7, 22, 26, 58, 59, 65, 67, 69, 74, 75, 77, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 93, 94, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 159, 164, 245, 247, 535.
Ревельская гавань—74, 436.
Ревельскій магистратъ—7, 100, 117.
Ревельцы—87, 100.
Рейснеръ, Андрей—524, 525, 532.
Рёлингъ, Ричардъ—142.
де-Ремонъ, Анна—308.
де-Ремонъ, Пьеръ—303, 307.
Репнинъ, Борисъ Алекс.—281.
Репнинъ, Петръ Александровичъ—123.
Рес-Кичи, татарскій князь—354.
Рештъ, городъ—443, 466, 472, 474.
Ржевская область—360.
Ржевскій, Иванъ—239.
Рига, городъ—3, 4, 5, 58, 59, 60, 61, 64, 66, 101, 102, 106, 107, 112, 114, 122, 159.
Рижскій магистратъ—4.
Римляне—199, 200, 342.
Римскіе императоры—224, 228, 298.
Римъ—107, 129, 245, 247, 324, 330, 418.
Римъ, Лоренцъ, слуга—142.
Рингенъ, замокъ—5.
Родерикъ Толедскій—492.
де-Родесъ, Іоганнъ—273.
Родіонъ Матвѣевичъ, см. Горбатовъ.
Розенъ, Бугиславъ—10.
Розинъ, ученый—110, 324.
Романовы, см. Филаретъ, Михаилъ, Алексѣй.
Романовъ, Никита Ивановичъ—178, 185, 252, 268, 269, 270, 271, 276, 325, 328.
Романчуковъ, Алексѣй Савиновичъ, посланникъ—259, 388, 408, 409, 410, 413, 415, 463, 478, 495, 501, 505, 508, 510, 512, 523, 524, 527.
Романъ Ивановичъ (?), князь—22.
Ромодановскій, Вас. Гаврил., окольн.—277.
Ромодановскій, Ив. Ив., окольн.—277.
Рорбахъ, см. Вино.
Россія—1, 7, 16, 17, 18, 21, 28, 38, 43, 52, 55, 58, 102, 119, 123, 125, 126, 127, 130, 135, 145, 147, 148, 149, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 202, 206, 209, 211, 234, 239, 250, 254, 255, 256, 259, 265, 275, 293, 295, 305, 347, 349, 353, 357, 359, 371, 372, 375, 382, 398, 400, 402, 451, 472, 531.
Россовъ—62.
Ростовъ—148, 328.
Ростокъ—6, 63, 531.
Ртищевъ, Мих. Алексѣевичъ—277.
Рубецъ, село—354.
Рудольфъ II, римскій императоръ—229, 430.
Румпъ, Вильгельмъ—67.
Рупосово, дер.—531.
Русбоноръ, мѣстность—355.
Русселъ, Яковъ—60, 61, 64, 523.
Рустамъ, князь Осмина—495.
Рустамъ, переводчикъ—424, 427, 452, 479.
Русь, см. Россія.
Рутенія, см. Россія.
Рутсъ, Давидъ, см. Рютцъ.
Рютцъ, Давидъ—53, 351, 522.
Рязанской Пречистой монастырь—355.
Рязань—145, 148, 328, 353, 354, 371.

С.

Саади, персидскій поэтъ—224.
Сабелликъ—294.
Савелій, купецъ—258, 259.
Савойя—65.
Сагеринскій островъ—384.
Саипъ-Гирей, царь казанскій—370, 372.
Саксонія—64, 66, 452, 514.
Саксонскій курфюрстъ—48, 49.
Салмановъ, Павелъ Ивановъ—133.
Салоковъ, городъ—67.
Салтыковъ, Лаврентій Дм., бояринъ—276.
Салтыковъ, Мих. Мих., бояринъ—276.
Самара—161, 374, 379, 381, 382, 383, 384, 386, 388, 529.
Самары-сынъ, рукавъ—383.
Самбуръ, рѣка—485.
Саміамъ, деревня—471.
Самогитія—167.
Самоѣдія, самоѣдская страна—166.
Самоѣды—166, 167, 169, 170, 171, 172.
Самсоній, магистръ—4.
Самсонъ, пророкъ—359.
Самуилъ, пророкъ—255.
Санкцій, Францискъ—417.
Сапуновка, островъ—386.
Сапѣга, Янъ, полк.—322.
Саратовъ—381, 385, 386, 387, 391, 403, 528.
Сарматія—293, 295, 398.
Сарматы—398.
Сарпинскій островъ—392.
Сару, островъ—475.
Сару-ханъ—474.
Сатѣево, деревня—355.
Сахадъ, учитель шаха—474.
Сахебеланъ, горы—448.
Сахуръ, крѣпость—606.
Свальбертъ, Гунсъ—103.
Сварій—443.

Свенцель—62.
Свинчусъ, деревня—354.
Свіяжскъ—307 (Вятка?); 369.
Седрахъ—301.
Село, деревня—354.
Сельцо, деревня—353.
Семиградье, см. Трансильванія.
Сенгаръ-хазаръ, деревня—473.
Сенека—125, 320.
Серабъ, провинція—464.
Сервій, комментаторъ—430.
Сергій, св. (Радонежскій чудотв.)—322, 353.
Сергія св. день—323.
Сердане, рѣка—474.
Сережка, сынъ лже-Шуйскаго—248.
Серпуховъ, городъ—183.
Сестра, рѣка—131.
Сефи, шахъ персидскій—145, 389, 390, 464, 474, 496, 505, 511.
Сиберсъ, Михаилъ—142.
Сибирь—60, 130, 133, 166, 167, 184, 201, 225, 254, 275, 280, 283, 287, 288, 312, 370, 523.
Сигизмундъ, король польскій—108, 148, 239.
Силезія—66.
Симбирская гора—378.
Симоновскій монастырь—351.
Sinensis Johannes (ср. Анкудиновъ)—242, 245, 247, 249.
Сиринъ, см. Ефремъ.
Скалигеръ—162, 445, 446, 515, 516.
Скитте, Іоганнъ—6, 11.
Скитте, Яковъ—6.
Скиѳія—172, 432, 480.
Скиѳскій заливъ—441.
Скиѳскій океанъ—441.
Скиѳы—167, 398, 441, 515.
Скопинъ-Шуйскій, Мих. Вас., князь—253.
Сконія—69.
Скородомъ—154.
Слейданъ—124.
Смоландъ, область—67, 73.
Смоленскъ—26, 32, 46, 143, 148, 200, 201, 239, 257, 276, 303, 344, 347, 348.
Собакинъ, Никиф. Серг.—277.
Собщинскій островъ—361.
Соковнинъ, Прокоф. Ѳед., окольничій—277.
Соковская гора—382.
Соколъ, островъ—375.
Солинъ, географъ—441.
Соловецкій островъ—156; (Соловка)—321.
Соломонидка, мать лже-Шуйскаго—248.
Соломонія, великая княгиня—221.
Соломонъ, царь израильскій—445.
Сольцы, деревня—22.
Соляная гора—379.
Соратъ, деревня (ср. Бахель)—445, 483.
Сорокъ сороковъ на Волгѣ—386.
Сосновый островъ—384.
св. Софіи церковь—127.
Софія Михайловна, вел. княжна—45.
Софія-Елизавета, татарка—526.
Спарръ, Вольфъ—13, 46.
Спаса-Бѣлка, островъ—362.
Спас-Заулки—130, 131.
Спасскій монастырь въ Казани—530.
Спирингъ, Арендъ—14, 31, 40, 42, 197.
Срѣтенскій монастырь—266.
Стааль, Генрихъ—113, 119, 291.
Стамбулъ, см. Константинополь.
Старая Русса—148.
Старица, островъ—376.
Стексъ, Карлъ—142.
Стефанъ, король польскій—5.
Стеффенсъ, Юрьенъ—67, 77.
Стоба, деревня—362.
Стокгольмъ—245, 247.
Стокдомъ, Томасъ—143.
Столбищи, деревня—362.
Столбовая, гора—387.
Столбово, городъ—102.
Стопіэ, Екатерина—58.
Страбонъ—101, 167, 398, 441, 445, 474, 475, 480, 492, 493, 515.
Страсбургъ—67.
Стрѣлецкая слобода—155.
Стрѣлецкій городъ, часть Астрахани—402.
Стрѣльна(я), гора—390.
Стрѣшневъ, Вас. Ив., бояринъ—44, 55.
Стрѣшневъ-Ив. Ѳед. Большой, окольн.—277.
Стрѣшневъ, Сем. Лук.—277; Ѳед. Степ.—206.
Ступино, мѣстность—394.
Суздаль—329.
Султанбахшелю—478.
Сумекъ-Райэти, народъ—478.
Сундырь, деревня—368.
Сура, рѣка—363.
Сурховъ-ханъ—498, 499, 500, 502, 503, 504, 505, 507.
Сухатеръ, мѣстность—421.
Сызрань, рѣка—383.
Сырковъ, Алексѣй—128.
Сырковъ, Ѳедоръ—128.
Сѣнной о-въ, см. Осиновый.
Szuensis, см. Sinensis.

Т.

Таберистанское море—440.
Таберистанъ, см. Табристанъ.
Табессеранъ, область—466, 488. Ср. Тессеранъ.
Табристанъ—443.
Тавризъ, городъ—462, 464, 489.
Тавръ, горная гряда—429, 432, 480.
Талишкеранъ—475.
Таллеранъ, Шарль—60, 183.
Тамерланъ—378, 391, 457, 458.
Танаисъ (у Курція), см. Орксантъ.
Тарасій, константиноп. патріархъ—319, 327.
Тарки, опечатка вм. Тарку—142.
Тарку, городъ—142, 423, 428, 453, 489, 494, 497, 498, 500, 502, 504, 506, 508.
Татарія—28, 382, 476.
Татарскіе послы—37, 42, 45, 53, 54.
Татарскій починокъ—355.
Татарское мольбище, мѣстность—416.
Татарское море—167.
Татары—34, 131, 141, 142, 153, 155, 167, 231, 255, 259, 293, 343, 358, 368, 398, 399, 403, 416.
Татары астраханскіе, см. Татары нагайскіе.

Татары булгарскіе, см. Калмыки
Татары бухарскіе—402.
Татары дагестанскіе—404, 487, 488, 489, 490, 491, 493, 494, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 504, 507, 508, 511, 515.
Татары заволжскіе—399.
Татары казанскіе (ср. заволжскіе)—370, 372, 373, 376, 399, 402.
Татары касимовскіе—354, 355.
Татары крымскіе (перекопскіе)—54, 147, 149, 353, 370, 371,372, 399, 402, 403, 404, 515, 527.
Татары мордовскіе—356.
Татары нагайскіе—370, 399, 401, 402, 403, 404, 405, 410, 412, 414, 415, 420, 454. 515, 524, 526.
Татары черемисскіе, см. Черемисы.
Татары черкасскіе — 45, 390, 403, 422, 423, 426, 428, 430, 463, 484, 513, 515, 516, 517, 519, 520.
Татинецъ, деревня—362.
Тахи, караванъ-серай—467.
Тахоуси, деревня—455.
Тверскія ворота въ Москвѣ—292.
Тверская улица (въ Москвѣ)—244.
Тверца, рѣка—27.
Тверь—21, 27, 58, 130, 148, 159, 198, 227, 329, 332, 360, 535.
Тевтонскій орденъ—105, 108.
Текле, см. Байрамъ-Текле.
Телятинскій островъ—361.
Темная, гора—415.
Теннисъ, см. Тоннингсъ.
Тенковская мель—374.
Теньковскій кабакъ—374.
Теплой, островъ—362.
Терекъ, рѣка, см. Тименка.
Терехинъ монастырь—354.
Терки, городъ—469, 414, 415, 420, 421, 422, 423, 424, 430, 446, 453, 494, 499, 505, 506, 511, 512, 513, 514, 515, 518, 519, 520.
Тертулліанъ—110, 315, 338.
Тесово—124.
Тессеранъ—463. Ср. Табессеранъ.
Тетюши, городъ—375, 376, 377.
Тибръ, рѣка—129.
фонъ-Тизенгаузенъ, Теодорикъ—107.
Тилеманъ Bredeabas—221.
Тименка (Терекъ), рѣка—423, 512.
Тимошка, см. Анкудиновъ.
Тимоѳей—330.
Тирибабба, святой—459, 460.
Тироль—65.
Тихая, гора—384.
Тихоновичъ, см. Траханіотовъ.
Тобольскъ—329.
Тогармы (Ѳогармы) родъ—440.
Тодтъ, Андрей—142.
Томсонъ, Грилисъ—142.
Тоннингсъ (Тённисъ)—102.
Торжокъ, городъ, 27, 58, 125, 130, 148, 159 535.
Торнъ, городъ—239.
Тоскана—149.
Тостатъ, Альфонсъ—41.
Траве, рѣка—66, 68.
Травемюнде—1, 66, 67, 68, 94, 251, 421 537.
Трансильванія—245.
Траханіотовъ, Петръ Тихоновичъ—264, 267, 269, 270, 271.
Трисмегистъ, Меркурій—325.
Троекуровъ, Бор. Ив., князь, окольн.—277.
Троицкая церковь—50, 152, 153.
Троицкая слобода—356.
Троицкій монастырь—270, 272, 322, 323, 353, 386.
Троицкій монастырь въ Астрахани—415.
Троицко-Мѣдная рѣка—130.
Троксъ фонъ Эссенъ—66.
Трубецкой, Алексѣй Никит., князь, бояринъ—276, 280.
Трэнентъ, городъ—66.
Тула—54, 148, 164, 259.
Тундернъ—66.
Турецкіе послы—37, 42, 45, 46, 47, 48, 49, 137.
Туричій островъ—367.
Турки—34, 46, 47, 48, 231, 245, 295, 343, 401, 405, 413, 462, 464, 469, 477, 478, 482, 487, 488, 494, 499, 519.
фонъ-Турнъ, Генрихъ—59, 105.
фонъ-Турнъ, графъ—60.
фонъ-Турнъ, графиня (рожд. Гардекъ)—59.
фонъ-Турнъ, Христіанъ—59.
Турокъ, см. Турція.
Турція—60, 245, 258.
Тыринская слобода—354.
Тюрингія—64, 66.
Тявзинскій договоръ—102.

У.

Угличъ, городъ—148, 232, 255, 360.
Украйна Сѣверская—249.
Улиссъ—171.
Ульфельдъ, Іаковъ, датскій дворянинъ—126, 181, 189, 190, 312, 317.
Унеровская гора—376.
Ураковъ бугоръ—387.
Уракъ, татарскій государь—387.
Уруми, крѣпость—489.
Уса, рѣка—379.
Ускеру, рѣка—477.
Усовъ, Андр. Вас., приставъ—30.
Усть-Двинскъ—3.
Устюгъ—283.
Утка, рѣка—376.
Утопія—400.
Утрехтъ, городъ—66.
фонъ-Ухтерицъ, Іоганнъ Христофъ—49, 64, 83, 86, 435, 470, 521,, 533, 534.
Учугъ, мѣсто для рыбной ловли—415.

Ф.

Фаденрехтъ, Балтазаръ—347.
Факерлу, мѣстность—467.
Фалькенъ, см. Фалькъ.
Фалько, король Іерусалима—108.
Фалькъ, Гансъ—154, 207.
Фарсія, мѣстность—480.
Фебъ—68, 384.
Фезули, поэтъ—487.

Фемернъ—536.
Фенцель—308.
Ферабатъ, область—442, 443, 448, 472.
Феррухъ, ханъ—464.
Фёрстеръ, богословъ—347.
Фестрингъ, Іоганнъ, докторъ—103.
Филаретъ Никитичъ—34, 241, 252, 308, 327; ср. Патріархъ.
Филиппъ, св. митрополитъ—321.
Филиппъ N, купецъ—318.
Филировъ-сынъ, Маркъ—66.
фонъ-Финкенбринкъ, Георгъ-Вильгельмъ—66.
Финляндія—66, 76, 86, 87, 130.
Финны—6, 170, 209.
Финскій заливъ—77, 100, 102, 118, 125.
Финское море—12.
Фитингсгофъ, см. Кордъ.
Флемингъ, Генрикъ—7, 42.
Флемингъ, Павелъ—7, 65, 86, 87, 349, 375, 379, 382, 390, 437, 512, 515, 521, 536.
Флоренція—149.
Фоккъ, Іоганнъ—117.
Фоннъ, Іоганнъ—536.
Фоннъ, Елизавета—536.
«Fortun», судно—2.
Фортуна—68.
Фоссіусъ, Гергардъ—292, 294.
Фохтландъ—65.
Фохтъ, Гансъ—65.
Фохтъ, Іоганнъ—75.
Фохтъ, Николай—66.
Франкфуртскій соборъ—319.
Франція—129.
Французы—176.
Францъ, Вильгельмъ—66, 137.
Фрауэнбергъ—61.
Фрейбергъ—65.
Фридерикъ II, датскій король—2, 126, 181, 312.
Фридерикъ — 1, 2, 38, 39, 52, 55, 56, 88, 92, 93, 126, 133, 135, 145, 247, 536.
Фридрихъ II—см. Фридерикъ II, датскій король.
Фридрихъ Барбарусса—106.
«Friedrich» (судно)—356, 439.
Фризе, Семенъ—20, 29.
Фропёсенъ, Георгъ—142.
Фуксъ—26.
Фюгольмъ—105.

Х.

Хабаръ, см. Коваръ.
Хаджиказилю—478.
Хакверди—514.
Халдеи, участники мистеріи—301, 302.
Халдея—484.
Хеледжъ—478.
Халессера, рѣка—473.
Ханаанская страна—397.
Ханегэ, деревня—458.
Хатифекеки, см. Дубиль.
Хвалынское море, см. Каспійское море.
Хварезмъ, область—342, 447.
Хёве Лемюръ, область—473.
Херсонесъ (Таврическій)—294.
Хива, см. Хварезмъ.
Хилковъ, Иванъ Васил., князь—282.
Хилковъ, Ив. Ѳед., князь, бояринъ—277.
Хитрей—105, 106, 108, 118, 150, 226.
Хитрово, Богд. Матв., окольн.—277, 281, 283.
Хмельницкій, Ѳедотъ (Богданъ), гетманъ—244, 245, 247.
Хованскій, Ив. Никит., князь—275, 276.
Ховарезмъ, см. Хварезмъ.
Ходабенде, шахъ—486.
Ходже-чаубани—478.
Хозара море, см. Каспійское море.
Хозаръ, сынъ Ѳогармы—440.
Холмогоры—283.
Холопій городокъ—360.
Хомутовъ, Богданъ Сергѣевичъ—57.
Хорасанъ, провинція—474.
Хоскедехене, деревня—473.
Хрисостомъ, см. Златоустъ.
Христіанъ IV, датскій король—195, 304, 345.
Христина, шведская королева—245, 247, 273.
Хутынь, монастырь—24, 323, 324.

Ц.

Цанге, рѣчка—61.
Царевъ городъ—391.
Царевъ курганъ—381.
Царицынъ—383, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 528.
Царь-городъ—31, 344.
Цезарь, Юлій—493.
Цейлеръ—63, 101.
Целій, Родигинъ—325.
Цинкгрэффъ, Исаія—36.
Цистерціанцевъ орденъ—107.
Цицеронъ—171, 349.
Цэзій—443.

Ч.

Чагра, рѣка—384.
Чаммерсъ, Александръ—142, 467.
Чебоксары—367, 368.
Черемисы—170, 364, 365, 366, 399.
Черкасія—421, 423.
Черкасскіе татары, см. Татары.
Черкасскій, Бор. Ив., князь—356.
Черкасскій, Иванъ Борисовичъ—30, 138, 173, 180, 409.
Черкасскій, Як. Куденетовичъ, князь, бояринъ—276.
Черкасскія горы—430, 442.
Черкизово—131.
Черное море (ср. Понтъ)—148, 294, 350, 387, 399, 400, 432, 445, 486.
Черный Яръ (Михайло-Новгородъ), городъ—394, 395, 527.
Чертыгъ, рѣка—375.

Четланъ, островъ—430.
Чехія—149.
Чеченино—362.
Чечень, см. Четланъ.
Чоглоковъ, Вас. Александр., окольн.—277.
Чистый, Назарій Ив., думный дьякъ—267, 268.
Чубаровъ, Андрей Ивановичъ—133.
Чухтскій [?] островъ—356.

Ш.

Шабранъ, мѣстечко—484.
де-Шаль, принцъ, см. Таллеранъ.
Шарльсъ, полковникъ—26.
Шаффъ, Іостъ—66.
Шахверди-султанъ—485.
Шахеръ-Юнанъ—486.
Шаховской, Григорій, князь—238.
Швабія—65.
Шварцъ, Генрихъ—64.
Шведская Дѣва, скала—73.
Шведская корона—73, 105, 113.
Шведскій король—10, 13, 14, 17, 38, 102, 119, 156.
Шведскіе послы—6, 7, 12, 13, 14, 16, 17, 29, 32, 38, 40, 42, 44, 48, 52.
Шведской общины церковь—119.
Шведы—6, 13, 15, 16, 17, 40, 46, 52, 59, 62, 125, 200, 273.
Швеція — 52, 66, 67, 73. 105, 147, 206, 245, 246, 250, 305.
Шеве, Іаковъ (Яковъ)—29, 65, 141.
Шееръ, Георгъ—143.
Шеинъ, генералъ—200, 201.
Шеина, генерала, сынъ—201.
Шейдингъ, Филиппъ—7, 42, 105.
Шеліусъ, Христофоръ—531.
Шемаха — 142, 257, 259, 411, 432, 443, 445, 451, 453, 454, 456, 458, 461, 462, 464, 465, 466, 469, 471, 477, 479, 481, 482, 483 522.
Шемахинскія горы—467, 482.
Шемзи—448.
Шёнбергъ, зàмокъ—63, 64.
фонъ-Шен(е)бергъ, Ѳеофилъ, посолъ—496.
Шереметевъ, Вас. Бор., бояринъ—276.
Шереметевъ, Вас. Петр., бояринъ—276; ср. Василій Петровичъ.
Шереметевъ, Ѳед. Иван.—355.
Шехмуратъ, деревня—469.
Шиберу, рѣка—473.
Шигъ-Алей, царь казанскій—370.
Шилка—354.
Шинданъ, гора—474.
Ширазское вино—472.
Ширазъ, городъ—480.
Ширванъ, область—440,4 49, 462, 464, 468, 481.
Шисмамаго, островъ—385.
Шихъ-Молла-Юсуфъ, святой—484.
Шихъ-Муратъ, святой—464.
Шихъ-Сахаданъ, деревня—474.
Шлезвигское княжество—66.
Шлезвигъ—67, 116, 314, 403.
Шликъ (родъ графовъ)—304.
Шликъ, ср. Шляховскій.
Шляховскій, Левъ Александровичъ, графъ — 205, 303, 304. Ср. Шликъ.
Шмиль, Рихардъ—65.
Шмокъ, Петръ—142.
Шокшемъ, рѣка—365.
Шомеръ, Петръ Андрей—6.
Шотландія—65, 66, 142, 303, 347.
Шотландцы—358.
Шпилькинъ, Василій Григорьевичъ—244, 248, 249.
Штаде—67.
фонъ-Штаденъ, Германъ—64.
Штадлеръ, Рудольфъ, часовщикъ—482.
Штапельгольмъ—65.
Штеттинъ—63.
Штукъ, Альбрехтъ—67, 506.
Штуттгартъ—65.
Штюкъ, см. Штукъ.
Шуйскіе, князья—250, 252, 253.
Шуйскій, Василій Домиціанъ, мнимый князь—249, 250.
Шуйскій, Василій Ивановичъ, князь — 236, 237, 238, 239, 241, 243, 245, 247, 249, 250, 252, 276, 278.
Шуйскій, Василій Ѳеодоровичъ, князь—252.
Шуйскій, Дмитрій, князь—252.
Шуйскій, Иванъ, князь—242, 249, 252.
лже-Шуйскій—155, 242, 245, 250, 253, 254.
Шульцъ, Касперъ—63.
Шумахеръ, Іоганнъ—522.
Шуя, городъ—249.

Э.

Эбердинъ (городъ)—65, 66.
Эвіанъ (?)—521.
Эзенсъ—66.
Эисси (Христосъ)—487, 488.
Эйкенгудтъ Александръ—142.
Эйтинъ, городъ—537.
Эккъ—65.
Эландскіе крестьяне—72.
Эландъ, островъ—71, 72, 73, 94.
Эллієсду, деревня—477.
Элменкю—478.
Эльба, рѣка—20, 118, 508.
Эльбингъ—62.
Эльбурсъ, гора—466, 485, 488.
Эльзенфоссъ (Гельсингфорсъ)—76.
Эмбекъ (Эмбахъ) рѣка—5.
Эмиръ-ханъ, князь—503.
Эмиръ-хемзе, царь—486.
Энгельбрехтъ—107.
Энзиль—447.
Эрдгольмъ—2.
Эривань—464.
Эрикъ, король шведскій—59, 104, 105.
Эрикъ Оксеншерна—105.
Эрихсенъ, Андрей, губерн.—4.
Эрмесъ, зàмокъ—5, 121.
Эрнандецъ, Францискъ—418.

фонъ-Эссенъ, Троксъ—66.
Эстляндія—5, 85.
Эстонія—1, 5, 100, 104, 105, 106, 108, 119.
Эстонцы, см. Не-нѣмцы.
Этгенсгольмъ (Оденсгольмъ)—74.
Этна—101.
Эттингенъ, городъ—499.

Ю.

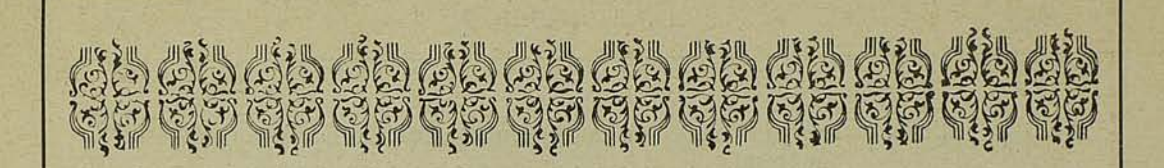
Югорскій край—166.
Юлій I, папа—337.
Юнгеръ, Эрдваль—142.
фонъ-Юнгигенъ, Конрадъ—105.
Юнгскій монастырь—367.
Юрино, дер.—531.
Юркино, деревня—362.
Юрьевъ, городъ—5; ср. Дерптъ.
Юрьевъ, Филька—143.
Юстинъ—167, 492.

Я.

Яблочный квасъ, долина—381.
Яжелбицы, деревня—25, 130.
Язычники—167, 172, 231, 293, 302, 303.
Яикъ, рѣка—386, 399, 400, 403, 443.
Якобсонъ, Яковъ—142.
Яковъ, датскій дворянинъ, см. Ульфельдъ.
Яксартъ, рѣка—480.
Ямская рѣчка—10.
Ямъ—6, 10, 25.
Яновъ, Вас. Ѳед., думн. дворянинъ—277.
Янсонъ, Іоганнъ—67.
Янсонъ, Куртъ—142.
Янусъ—46.
Янушъ Радзивиллъ—32.
Ярославль—30, 148, 233, 283, 360.
Яуза, рѣка—155, 345.
Яябекъ, калентеръ—464.

Ѳ.

Ѳалистра, царица—491, 492.
Ѳедоръ, приставъ—312.
Ѳедоръ Васильевичъ (Волынскій), воевода астраханскій—407.
Ѳеодоритъ, патріархъ антіохійскій—319.
Ѳеодоръ Ивановичъ, царь—229, 231, 232, 233.
Ѳеодоръ (Филаретъ) Никитичъ—241.
Ѳеодоръ Ивановичъ—54.
Ѳеодосій Великій—199.
Ѳеофилъ, архіепископъ—126.
Ѳермодоонтъ (Ѳермодонъ), рѣка—492.
Ѳетида—68.
Ѳогарма—440.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ «ОПИСАНІЮ ПУТЕШЕСТВІЯ».

Въ скобкахъ римскими цифрами обозначены книги, а арабскими главы подлинника.

			СТРАН.
I	(I, 2).	О первомъ отбытіи изъ Голштиніи, плаваніи по Балтійскому морю и прибытіи въ Лифляндію	1
II	(I, 3).	Изъ Риги, черезъ Вольмаръ и Дерптъ, въ Нарву	4
III	(I, 4).	Какъ мы прибыли въ Нарву. Путешествіе оттуда, черезъ крѣпости Ямъ и Копорье, до Нотебурга	6
IV	—	(Безъ заглавія и нумераціи въ подлинникѣ)	14
V	(I, 6).	Какъ насъ передъ городомъ Москвою приняли и ввели въ городъ	28
VI	(I, 7).	Какъ насъ въ Москвѣ принимали; о первой публичной аудіенціи и о прибытіи Спиринга въ Москву	31
VII	(I, 8).	Какъ русскіе справляютъ свой Новый годъ	41
VIII	(I, 9).	О первой тайной аудіенціи, а также о томъ, каковъ былъ въѣздъ татарскихъ пословъ. О рожденіи великокняжеской дочери	42
IX	(I, 10).	О встрѣчѣ турецкаго посла	46
X	(I, 11).	О поѣздѣ турокъ къ первой публичной аудіенціи, далѣе: о поѣздѣ грековъ къ аудіенціи, и какъ мы передали грамоту отъ его свѣтлости курфюрста саксонскаго	48
XI	(I, 12).	О большомъ русскомъ праздникѣ, далѣе: о нашей третьей, четвертой и пятой или послѣдней тайныхъ аудіенціяхъ и объ отпускѣ шведскихъ господъ пословъ	50
XII	(I, 13).	О русской церковной процессіи, а также о томъ, какъ крымскіе татары ѣхали къ аудіенціи	53
XIII	(I, 14).	О послѣдней публичной аудіенціи	55
XIV	(I, 15).	О нашей возвратной поѣздкѣ въ Голштинію, отъ Москвы до Новгорода	57
XV	(I, 16).	Путешествіе черезъ Нарву, Ревель, Перновъ въ Ригу	58
XVI	(I, 17).	О поѣздкѣ черезъ Курляндію	61
XVII	(II, 1).	Имена лицъ, участвовавшихъ во второмъ посольствѣ	64
XVIII	(II, 2).	Часть весьма труднаго и опаснаго мореплаванія	67
XIX	(II, 3).	О дальнѣйшемъ ходѣ нашего опаснаго мореплаванія	74
XX	(II, 5).	О Гохландѣ, и о томъ, какъ мы, наконецъ, переправились въ Лифляндію и въѣхали въ Ревель	82

			СТРАН.
XXI	(II, 6).	Магистра Павла Флеминга стихотвореніе о нашемъ кораблекрушеніи	86
XXII	(II, 7).	О княжескомъ и посольскомъ наказахъ, которые мы соблюдали во время посольства	88
XXIII	(II, 8).	О городѣ Ревелѣ	100
XXIV	(II, 9).	О ненѣмцахъ или древнихъ обитателяхъ Лифляндіи	106
XXV	(II, 10).	Поѣздка изъ Ревеля въ Нарву; далѣе: о городѣ Нарвѣ	116
XXVI	(II, 11).	Отъ Нарвы до Новгорода и о Новгородѣ	123
XXVII	(II, 12).	Поѣздка отъ Великаго Новгорода до Москвы и въѣздъ нашъ въ Москву	130
XXVIII	(II, 13).	О нашемъ ежедневномъ продовольствіи и о продовольствіи, назначенномъ по особой милости; также о первой публичной и о первыхъ двухъ секретныхъ аудіенціяхъ	133
XXIX	(II, 14).	Какъ русскіе торжественно справляли праздникъ Входа въ Іерусалимъ или Вербное Воскресенье и праздникъ Пасхи.	137
XXX	(II, 15).	Объ особыхъ аудіенціяхъ Брюггемана, о нашихъ аудіенціяхъ третьей, четвертой, пятой и послѣдней тайной, равно какъ и объ аудіенціяхъ иныхъ народовъ; кромѣ того вообще о бывшихъ въ то время событіяхъ	140
XXXI	(II, 16).	Какъ мы собрались въ путь въ Персію и сколько человѣкъ мы взяли съ собою изъ Москвы	141
XXXII	(II, 17).	О польскихъ послахъ, какъ они прибыли подъ Москву и какъ они вели себя съ русскими	143
XXXIII	(II, 17 bis).	Русскій паспортъ	144
XXXIV	(III, 1).	О русскомъ государствѣ, его провинціяхъ, рѣкахъ и городахъ	147
XXXV	(III, 2).	О состояніи воздуха, погоды, почвы, растительности и садовъ страны	158
XXXVI	(III, 3).	О качествахъ сѣверныхъ народовъ и о народахъ, называемыхъ самоѣдами	166
XXXVII	(III, 5).	О самихъ русскихъ—въ отношеніи ихъ внѣшняго вида и одежды	173
XXXVIII	(III, 6).	О природѣ русскихъ, ихъ душевныхъ качествахъ и нравахъ	178
XXXIX	(III, 7).	О домашнемъ хозяйствѣ русскихъ, ихъ обыденной жизни, кушаньяхъ и развлеченіяхъ	202
XL	(III, 8).	О бракахъ русскихъ и о томъ, какъ они справляютъ свадьбу	210
XLI	(III, 9).	О положеніи русскихъ женщинъ	217
XLII	(III, 10).	О свѣтскомъ состояніи и о полицейскомъ строѣ у русскихъ	222
XLIII	(III, 11).	О московскихъ великихъ князьяхъ, какъ они въ теченіе 100 лѣтъ, одинъ за другимъ, правили и что при этомъ случилось достопамятнаго	231
		Θеодоръ Ивановичъ	232
		Борисъ Годуновъ	233
		Θеодоръ Борисовичъ	235
		Лже-Димитрій	236
		Князь Василій Ивановичъ Шуйскій	238
		Владиславъ, сынъ Сигизмунда, короля польскаго	239
		Михаилъ Θеодоровичъ	241
XLIV	(III, 12).	О лже-Шуйскомъ, иначе говоря — Тимошкѣ Анкудиновѣ, его происхожденіи, дѣйствіяхъ и гибели	242
XLV	(III, 13).	О коронованіи нынѣшняго великаго князя Алексѣя Михайловича и о томъ, какъ вообще происходитъ коронованіе	254
XLVI	(III, 14).	О доходахъ и расходахъ великаго князя, о столѣ его, лейбъ-медикахъ и толмачахъ	257
XLVII	(III, 15).	О свадьбѣ и бракосочетаніи великаго князя Алексѣя Михайловича	262

СТРАН.

XLVIII (III, 16). Какъ послѣ царскаго бракосочетанія вели себя друзья великой княгини, каковъ былъ полицейскій строй, какъ отправлялось правосудіе и что еще при этомъ произошло достопамятнаго 263
XLIX (III, 17). О мятежѣ, возникшемъ во Псковѣ 273
L (III, 18). О боярахъ или государственныхъ совѣтникахъ, окольничихъ и другихъ засѣдающихъ въ судахъ должностныхъ лицахъ. 275
LI (III, 19). О различныхъ канцеляріяхъ въ Москвѣ и о ихъ дѣлопроизводствѣ 279
LII (III, 20). О русскомъ судопроизводствѣ, правосудіи и видахъ наказаній. 285
LIII (III, 21). О религіи русскихъ вообще и о началѣ ея 291
LIV (III, 22). О шрифтѣ русскихъ, ихъ языкѣ и школахъ 296
LV (III, 23). О внѣшнемъ проявленіи ихъ христіанства, о нынѣшнемъ богослуженіи и въ особенности о ихъ крещеніи 298
LVI (III, 24). О крещеніи отпавшихъ христіанъ и другихъ взрослыхъ . . . 303
LVII (III, 25). О русскихъ торжественныхъ и праздничныхъ дняхъ и о томъ, какъ они слушаютъ Слово Божіе, а также о ихъ церквахъ 310
LVIII (III, 26). О крестномъ знаменіи русскихъ, о томъ, какъ они себя благословляютъ, и объ иконахъ святыхъ, передъ которыми они кладутъ поклоны 314
LIX (III, 27) О предполагаемыхъ у русскихъ святыхъ, которые имѣются у нихъ въ странѣ и къ которымъ они совершаютъ паломничества 320
LX (III, 28). О русскихъ церквахъ 324
LXI (III, 28 bis). О духовномъ управленіи русскихъ, о клирикахъ, церковнослужителяхъ и монахахъ 327
LXII (III, 29). О постѣ у русскихъ 333
LXIII (III, 30). Объ исповѣди и причастіи 334
LXIV (III, 31). О погребеніи ихъ покойниковъ 339
LXV (III, 32). О приверженцахъ другихъ религій, которыхъ московиты частью переносятъ, частью не терпятъ 343
LXVI (IV, 1). Объ отъѣздѣ изъ Москвы и поѣздкѣ до Нижняго Новгорода. Какъ мы ѣхали по рѣкамъ Москвѣ и Окѣ и что мы за города, деревни, монастыри и дачи встрѣчали по дорогѣ . . 351
LXVII (IV, 2). О городѣ Нижнемъ и Волгѣ 357
LXVIII (IV, 3). Отъ Нижняго до Васильсурска 360
LXIX (IV, 4). О черемисскихъ татарахъ 364
LXX (IV, 5). Какъ мы прошли мимо Козьмодемьянска, Чебоксаръ, Кокшаи и Свіяжска 367
LXXI (IV, 6). О городѣ Казани и о томъ, какъ Казань подпала подъ власть московитовъ 369
LXXII (IV, 7). Путешествіе до города Самары 374
LXXIII (IV, 8). Путешествіе отъ Самары до Царицына 383
LXXIV (IV, 9). Отъ Царицына до Астрахани 392
LXXV (IV, 10). О странѣ Нагайской и Астраханской, а также о жителяхъ ихъ. 398
LXXVI (IV, 11). Что еще произошло во время нашего пребыванія въ Астрахани, и какъ насъ разныя лица посѣщали и угощали пирами . 406
LXXXII (IV, 12). О поѣздкѣ изъ Астрахани до города Терки 414
LXXVIII (IV, 13). О городѣ Терки и о томъ, что съ нами тамъ случилось 423
LXXIX (IV, 14). Дальнѣйшая поѣздка моремъ до кораблекрушенія. Также о горахъ Кавказѣ, Таврѣ и Араратѣ 429
LXXX (IV, 15). О второмъ нашемъ кораблекрушеніи 433
LXXXI (IV, 16). О свойствахъ Гирканскаго и Каспійскаго моря 440

СТРАН.

LXXXII (IV, 17). О мѣстности, гдѣ мы выбросились на берегъ; какъ мы здѣсь жили . 449
LXXXIII (IV, 20). О городѣ Шемахѣ и объ окружающихъ горахъ 461
LXXXIV (IV, 21). Путешествіе изъ Шемахи до Ардебиля 467
LXXXV (IV, 5). Отъ Решта до Кизилагача и до конца области Гилянъ . . . 472
LXXXVI (IV, 6). Путешествіе изъ Гиляна къ рѣкѣ Араксу... Также о Муганской степи 477
LXXXVII (VI, 7). Сообщеніе о рѣкахъ Араксѣ и Курѣ и о поѣздкѣ въ Шемаху . 479
LXXXVIII (VI, 9). Путешествіе отъ Шемахи до Дербента и затѣмъ до границы персидскаго царства 483
LXXXIX (VI, 10). О городѣ Дербентѣ и о томъ, что здѣсь можно видѣть достопримѣчательнаго 485
XC (VI, 11). Отъ Дербента до дагестанскихъ татаръ, до Тарку, и о томъ, что мы по дорогѣ встрѣтили 489
XCI (VI, 12). О Дагестанѣ, особой татарской области, и объ амазонкахъ . . 491
XCII (VI, 13). О городѣ Тарку и тарковской области 498
XCIII (VI, 14). О большой опасности, которую мы испытали у татаръ 499
XCIV (VI, 15). Какъ татарскіе князья насъ посѣщали, а мы ихъ 501
XCV (VI, 16). О томъ, какъ татарскій князь Сурховъ-ханъ и долѣе удерживалъ насъ хитростью, а также о добромъ предложеніи шемхала 504
XCVI (VI, 17). Отбытіе изъ Тарку и прибытіе къ шемхалу 508
XCVII (VI, 18). Какъ насъ шемхалъ принялъ и угощалъ 510
XCVIII (VI, 19). О поѣздкѣ въ Терки и о видѣнныхъ нами большихъ змѣяхъ и странныхъ полевыхъ мышахъ 513
XCIX (VI, 20). О черкасскихъ татарахъ 515
C (VI, 21). Путешествіе изъ Терокъ, черезъ большую степь, къ Астрахани. 519
CI (VI, 22). Что случилось въ Астрахани за время нашей остановки . . . 522
CII (VI, 23). Путешествіе изъ Астрахани въ Москву и о томъ, что за это время случилось 527
CIII (VI, 24). Какъ насъ въ Москвѣ вновь приняли, какъ мы имѣли аудіенціи и что еще произошло 532
CIV (VI, 25). Отбытіе изъ Москвы, черезъ Лифляндію, обратно въ Голштинію, въ резиденцію его княжеской свѣтлости нашего милостиваго государя 535

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

СТРАН.
XIX, XXIII Портреты Олеарія.
8 Поминовеніе усопшихъ.
9 Ямъ.
11 Копорье.
12 Нотебургъ.
15 Лава.
19 Ладога.
21 Водопадъ у Ладоги.
23 Хутынскій монастырь.
26 Церковная процессія.
27 Торжокъ.
28 Тверь.
35 Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.
43 Тайная аудіенція.
45 Поѣздъ черкасскихъ татаръ.
51 Троицкая церковь (Василій Блаженный).
70 Буря на морѣ.
71 Какъ утонулъ корабельный плотникъ.
80 Кораблекрушеніе.
84 Вихрь на морѣ.
85 Мыза Кунда.
108 Орденскій знакъ меченосцевъ.
109 Эстонская свадьба.
115 Порка въ Лифляндіи.
117 Нарвскій водопадъ.
120 Крестьяне, искусанные волкомъ.
122 Медвѣди.
132 Посольскій дворъ.
146 Печать царя Михаила.
151 Кремль и шествіе на осляти.
152 Церковь у Бѣлой стѣны.
157 Архангельскъ (карта и видъ города).

СТРАН.
168, 199 Самоѣды.
175 Костюмы.
177 Старинные нѣмецкіе костюмы.
193 Попойка.
212 Сани знатной женщины.
223 Свадебный пиръ.
215 Вѣнчаніе.
219 Увеселенія женщинъ.
223 Печать царя Алексѣя.
228 Русская монета.
242 Печать патріарха Филарета.
286 Присяга.
289 Кремль и наказанія.
297 Шрифтъ русскихъ.
299 Крестины.
300 Крестинный крестикъ.
340 Погребеніе.
363 Стругъ на Волгѣ.
365 Черемисы.
380 Дѣвичья гора.
404 Нагайцы и черкасы.
417 Пеликаны.
424 Терки.
431 О-въ Чечень и гора Араратъ.
457 Гора Бармахъ.
459 Мѣсто погребенія Сеибъ-Ибрагима.
460 Мѣсто погребенія Тирибаббы.
463 Шемаха.
513 У черкасовъ.
523 Видъ Астрахани.
525 Планъ Астрахани.
550 Нижній Новгородъ и «корабль Friedrich».

РИСУНКИ НА ОСОБЫХЪ ЛИСТАХЪ.

		стран.
1	Фронтисписъ изданія 1647 года.	При Введеніи.
2	Фронтисписъ изданія 1656 года.	
3	Публичная аудіенція посольства	34— 38
4	Московитская процессія	53— 54
5	Карта Балтійскаго моря	67— 81
6, 7	Виды города Ревеля	100—106
8	Виды города Нарвы	117—119
9	Великій Новгородъ	124—129
10	Кремль и шествіе на осляти	137—138
11	Планъ Москвы	149—156
12	Коломна, Касимовъ и Муромъ	352—356
13	Тетюши, Самара, Саратовъ, Царицынъ, Черный-Яръ и Козмодемьянскъ.	367—391
14	Видъ Нижняго-Новгорода	357—358
15	Казань	369—370
16	Дербентъ	485—489
17	Тарку	498—499
18	Карта Кавказа и Каспійскаго моря	442
19	Большая карта рѣки Волги	357—420 522—529

